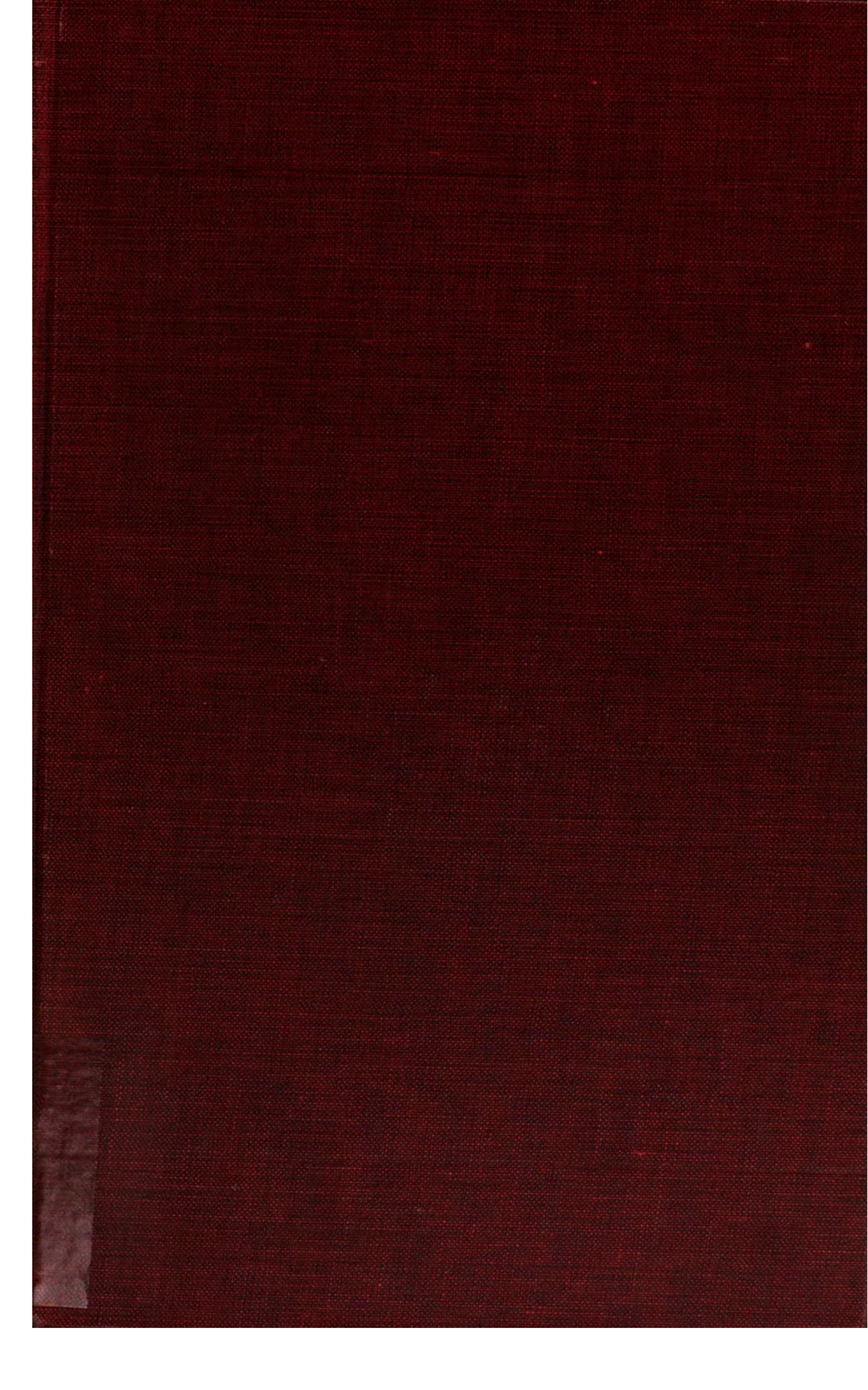

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

ЯНВАРЬ. 1912.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 1.

СОДЕРЖАНІЕ:

КУЛЬТУРА см. объявленіе на стран. 175.

Объявленія въ журналѣ „Русское Богатство“ принимаются по цѣнѣ 70 коп. впереди текста и 40 коп. позади текста за строку нонпарели.

4-ое, совершенно переработанное и дополн. изданіе. Цѣна брош. 9 руб., въ перепл. 10 р.
Одновременно выходитъ въ новомъ изд. безъ измѣненій
ПАВЛОВСКІЙ
русско-нѣм. словарь
цѣна брош. 9 р., въ пер. 10 р.
Книжный магазинъ Н. Киммеля
въ Ригѣ.

ПРОСИМЪ ОТВЕРГАТЬ ПОДДѢЛКИ И ВСЯКІЯ ПОДРАЖАНІЯ И ТРЕБОВАТЬ ТОЛЬКО НАСТОЯЩІЯ СЪ ОХРАН. КЛЕЙМОМЪ СЪ ТАМОЖ. ПЛОМБОЙ РУССКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.
СВѢЧИ
АНУЗОЛЬ
ГЕДЕКЕ и К°.
РЕКОМ. ДЛЯ БЫСТРАГО, УДОБНАГО И БЕЗБОЛѢЗНЕННАГО ИЗЛѢЧЕНІЯ
ГЕМОРРОЯ
Это испытанное, благотворно-дѣйствующее средство признано врачами за лучшее. Цѣна 1 р. 75 к.
Продажа въ аптекахъ и лучш. аптекар. магазин.
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ВЪ РОССІИ
пров. Э. ЮРГЕНСЪ.
Волхонка, МОСКВА.

ЭПИЛЕПСІЯ.

Каждый, страдающій этою ужасною болѣзнью, безъ сомнѣнія, прибѣгалъ не къ одному методу лѣченія. Если Вы, однакожъ, принимая иныя средства, не нашли исцѣленія, то совѣтую Вамъ испробовать

Эпилептиконъ д-ра Вейля
(порошки)
и Вы вскорѣ убѣдитесь въ ихъ превосходнѣйшемъ дѣйствіи.

Извѣстный нѣмецкій врачъ, Санит. совѣтникъ Д-ръ мед. Папие пишетъ слѣдующее: „Я съ удовольствіемъ сообщаю Вамъ, что Вашъ „Эпилептиконъ“ Д-ра Вейля дѣйствовалъ весьма успѣшно во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ я таковой примѣнялъ, особенно въ одномъ серьезномъ случаѣ, когда припадки продолжались около 6 час. и повторялись черезъ каждые 3—4 дня, я достигъ примѣненіемъ вышеупомянутаго средства того, что припадки не появляются уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Цѣна большой кор. р. 4.
исключит. производство
ШВАНЕНЪ АПТЕКА,
Франкфуртъ н-М.
Получить можно во всѣхъ аптекахъ и лучш. аптекарск. магазинахъ.
Генер. представ. для всей Россіи: Трейтлеръ и Бернгардъ, Варшава, ул. Бодуэна, № 3.

НОВОСТЬ!

ДУХИ
О-ДЕ-КОЛОНЪ **КОЗЀТТЪ**

МОДНЫЙ ЗАПАХЪ
(COSETTE)

Т-ВО ПАРФЮМЕРНОЙ ФАБРИКИ
С. И. ЧЕПЕЛЕВЕЦКІЙ съ С-ми.
МОСКВА.

Фосфатинъ Фальера

Пріятная пища, самая подходящая для дѣтей, начиная съ 6—7 мѣсячнаго возраста до 10 лѣтъ, особенно во время отстраненія отъ груди и въ періодъ роста. **Облегчаетъ прорѣзываніе зубовъ и обусловливаетъ правильное развитіе костей.**

Продается въ аптекарскихъ магзинахъ и аптекахъ.

О-ДЕ-КОЛОНЪ
ОДОР-ДИ-ФЕМИНА
А. СІУ и К°
САМЫЙ ПРІЯТНЫЙ и ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЙ ЗАПАХЪ
ЦѢНА 1 РУБЛЬ

ЯНВАРЬ. 1912.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

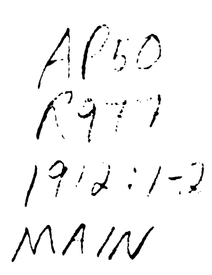
ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія 1-й Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1912.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

ЖИЗНЬ УШЛА.

(Разсказъ).

I.

— Мамуся, уже шесть часовъ,—насмѣшливо улыбаясь, закричалъ Жоржикъ.

— А въ половинѣ восьмого намъ уже ѣхать надо,—подхватилъ Маркъ.

— А ты давала честное слово, что мы сегодня кончимъ обѣдъ въ пять,—продолжалъ Жоржикъ.

— Чтобы „малолѣтніе вундеркинды", — вторилъ ему Маркъ,—могли отдохнуть передъ концертомъ. А между тѣмъ Олимпъ еще и стола не собирается накрывать.

На эти насмѣшливыя задиранья никто не отвѣчалъ, такъ какъ мамуся, къ которой обращались малолѣтніе вундеркинды, лежала отъ волненія въ спальнѣ съ перевязанной головой.

Вундеркиндамъ въ сущности было рѣшительно все равно, когда будетъ обѣдъ. Они равнодушно относились и къ концерту, давно уже объявленному въ афишахъ и назначенному на сегодня. Имъ просто весело, что сегодня, какъ и всегда, все запаздываетъ, что когда пріѣдетъ карета забирать ихъ въ концертъ, поднимется обычная суета. Съ утра все будто бы начинало налаживаться аккуратно. Всѣ встали раньше обыкновеннаго, озабоченные, дѣятельные, сознающіе важность событія. Но, какъ бываетъ часто, въ моменты высокаго нервнаго напряженія вторгается грубая сила въ лицѣ „гастролирующей Маримонды". Прислуги такъ часто мѣнялись въ этомъ домѣ, что имена ихъ не запоминались, а для нихъ существовало общее нарицательное прозвище Маримонда. Кухарка какъ разъ сегодня выбрала моментъ, чтобы свести счеты съ дѣвченкой, а Олимпіада, кормилица Жоржа, прибавила ложку своего меда. Въ результатѣ завтракъ окончился въ третьемъ часу. Только чадъ жаренаго луку, доносящійся изъ кухни, намекаетъ на

возможность обѣда. Жоржикъ доволенъ: отчимъ, Георгій Константиновичъ, не выноситъ кухонныхъ запаховъ, слѣдовательно, элементы взрывовъ наростаютъ съ неумолимой постепенностью. Взрывы для него — это самое любопытное въ жизни. Маркъ, напротивъ, привыкъ философически относиться къ непрерывнымъ треволненіямъ домашности. Оба развлекаются сообразно своимъ наклонностямъ. Большеглазый Жоржикъ весь погруженъ въ Пинкертона, что не мѣшаетъ ему непрерывно реагировать на окружающую дѣйствительность. Маркъ увлеченъ химіей. Вполнѣ равнодушный по виду къ предстоящей роли вундеркинда, онъ суетится возлѣ цѣлой системы стеклянныхъ трубокъ, изъ которыхъ одна, шипя, выбрасываетъ грязножелтое пламя. Наконецъ, появляется Олимпіада съ грудой тарелокъ на подносѣ.

— Фу, гадость, брось, всю столовую запакостилъ,—говоритъ она Марку сердито и демонстративно чихаетъ.

— На Олимпѣ тучи сгустились,—констатируетъ Жоржикъ, не отрываясь отъ Пинкертона,—будетъ буря.

— Мы поспоримъ,—подпѣваетъ Маркъ и вдругъ кричитъ:—а, чортъ!

Онъ прыгаетъ на одной ногѣ и дуетъ на пальцы. Конечно, Жоржикъ также вскакиваетъ и также скачетъ вокругъ брата со всей необузданной пылкостью своего темперамента.

— А, что, обжегся? Но вѣдь ты говорилъ, что это не жжется?

Пользуясь случаемъ истратить накопленную энергію, онъ бѣжитъ въ спальню.

— Мамуся,—кричитъ онъ,—старшій вундеркиндъ обжегъ себѣ пальчики.

Мамуся, Людмила Игнатьевна Скадовская, трагически принимаетъ извѣстіе, хочетъ приподняться, хватаясь за голову, пытается встать, но безсильно падаетъ на кушетку. Наконецъ, встаетъ по-настоящему, „подобно Антею, черпающему силы отъ прикосновенья къ перинѣ“, иронизируетъ непочтительный сынъ.

— Маркъ, Марчикъ, вѣдь я же тебя просила... Я умоляла тебя, помнишь, ты далъ честное слово... Маркъ, ты понимаешь, вся будущность... Боже, что съ пальцемъ? Покажи, гдѣ рана?

На лицѣ у Марка, по обыкновенію, пессимистическая улыбка: волненіе матери не прогоняетъ ея. Напротивъ, она становится еще выразительнѣе. Онъ все дуетъ на обожженный палецъ и смотритъ на трубку съ колеблющимся мутножелтымъ огонькомъ.

Людмила Игнатьевна кидается къ мальчику, хватаетъ палецъ дрожащими руками, разсматриваетъ его и въ изнеможеніи падаетъ на стулъ.

— Сегодня ты играть не можешь,—мрачно говоритъ она.

Но Маркъ не реагируетъ на трагическое.

— Пустяки, — говоритъ онъ равнодушно, — маленькій ожогъ на большомъ пальцѣ. А ты, Жоржикъ, доносчикъ.

Жоржикъ опять за Пинкертономъ и только радостно улыбается въ отвѣтъ.

— Правда? — спрашиваетъ Людмила Игнатьевна спокойнѣе.

Она такъ же быстро возстановляетъ душевное равновѣсіе, какъ и теряетъ его.

— Что это за ужасный запахъ? Маркъ, я запрещаю тебѣ.

— Что ты понимаешь? Этотъ газъ имѣетъ нуль запаха.

— Хо-хо!.. Тутъ нечѣмъ дышать,—радостно восклицаетъ Жоржикъ.

Дверь изъ коридора полуоткрывается, и высовывается рыжеватое, веснущатое лицо студента. Это—кузенъ Фоня, Афанасій Ивановичъ, кончающій въ этомъ году математическій факультетъ.

— Какъ, еще не накрыли?—разочарованно вздыхаетъ онъ.—Такъ ѣсть хочется.

На лицѣ Людмилы Игнатьевны снова выраженіе ужаса.

— Седьмой часъ, седьмой часъ! Скоро пришлютъ карету, а дѣти...

Громы переносятся изъ столовой на кухню. Оттуда слышны протесты, оправданья, голоса повышаются и, наконецъ, достигнувъ предѣловъ, положенныхъ природой, внезапно затихаютъ. Появляется Олимпіада, предшествуемая своей трехлѣтней дочкой Фимочкой. Серебро дрожитъ въ рукахъ Олимпіады. На лицѣ, покрытомъ красными пятнами, ясные слѣды выдержанной бури. Фимочка, гордая помощница матери, тащитъ разливательную ложку. Среди нависшаго мрака ея личико беззаботно.

— Олимпъ въ молніяхъ,—съ восторгомъ констатируетъ Жоржъ,—будетъ и громъ.

— Маркъ, убери эти глупости,—говоритъ Олимпіада, замахиваясь скатертью на колбочки, реторты, пузырьки, разбросанные по обѣденному столу.

Маленькая Фимочка рѣшаетъ, что наступило время сказать и ей свое слово.

— Убери свои глупости,—повторяетъ она, глядя строго на Марка. И вдругъ поднимаетъ неистовый крикъ. Жоржикъ, подкравшись, схватилъ ее на руки и закружился съ нею.

Лицо Олимпіады темнѣетъ. Она, стиснувъ руки, бросаетъ скатерть, швыряетъ ложки, ножи, стулья, вообще производитъ шумъ, соотвѣтствующій предсказанному грому.

Вся эта суматоха развлекаетъ еще одного свидѣтеля. Въ столовую вошелъ Андрей Александровичъ Двоекуровъ, дѣдушка, отецъ перваго мужа Людмилы Игнатьевны. Дѣдушка живетъ рядомъ, по той же лѣстницѣ, на одной площадкѣ. У него своя маленькая квартира, своя кухня, но онъ любитъ приходить сюда, чтобы развлекаться, и теперь весело смѣется. Но Людмила Игнатьевна, вернувшись изъ кухни, находитъ новый предметъ для ужаса.

— Руки, Боже мой, руки!—кричитъ она.—Ты утомишь руки, Жоржикъ! Я запрещаю! Брось дѣвочку!

Жоржикъ исполняетъ приказаніе буквально. Онъ бросаетъ Фимочку на полъ, правда, очень осторожно, только для эффекта. Эффектъ полный. Фима кричитъ, Людмила Игнатьевна стоитъ на колѣняхъ возлѣ ребенка, цѣлуетъ его, прижимаетъ къ себѣ.

— Ты злой, злой,—говоритъ она Жоржику.

Но Жоржъ не только скандалистъ, но и казуистъ — побѣдоносно замѣчаетъ:

— Ты сказала „брось". Дѣти обязаны повиноваться родителямъ.

Фимочка уже утѣшена. Она подходитъ къ Жоржику и также повторяетъ: „злой, злой". Потомъ, лукаво улыбаясь, смотритъ на него и говоритъ:

— Ну, брось меня еще!

Теперь всѣ хохочутъ. Дѣдушка даже присѣлъ, обезсилѣвъ отъ смѣха. Но вдругъ лицо его становится серьезнымъ, даже сердитымъ.

— Маркъ, ты стащилъ у меня этотъ камушекъ?

— Да, мнѣ это необходимо для опыта.

Дѣдушка любитель минералогіи. Въ его стеклянномъ шкафу собрана большая коллекція камней. Но Маркъ любитель химіи. Эта страсть побѣждаетъ въ немъ нравственные принципы, и онъ прибѣгаетъ иногда къ непозволительнымъ средствамъ, чтобы добыть то, что считаетъ необходимымъ.

— Зачѣмъ тебѣ селенистый свинецъ?

— Я хотѣлъ добыть селенитъ для безпроволочнаго телефона.

— Дуракъ, развѣ можно безъ лабораторіи.

— Я хотѣлъ съ товарищами.

— Какъ?.. Да ты отломилъ базо-пинакоидъ! Такой рѣдкій экземпляръ!

— Я—маленькій кусочекъ.

— Кусочекъ! Одинъ кусочекъ, да другой кусочекъ! Твой отецъ никогда такъ не дѣлалъ.

Дѣдушка волнуется, нервно перебираетъ дрожащими пальцами по борту своей венгерки.

Людмила Игнатьевна съ мольбой смотритъ на старика.

— Господа, пожалуйста! Дѣдушка, ради Бога! Вѣдь сегодня концертъ!

— И при томъ у Марка переходный возрастъ,—подхватываетъ Жоржъ.

Дѣдушка не уступаетъ. Еще сильнѣе дрожатъ его пальцы.

— Это невозможно... портить такую коллекцію!

— Маркъ, дай дѣдушкѣ честное слово...

— Какое тамъ честное слово! Выпороть его хорошенько надо, вотъ что.

— Дѣдушка,—умоляетъ Людмила Игнатьевна,—вѣдь концертъ сегодня...

Повидимому, дѣдушка смягчается. Пальцы его перестаютъ бѣгать по борту венгерки. Онъ засовываетъ руки въ карманы.

— За то сегодня онъ поиграетъ тебѣ,—вкрадчиво говоритъ Людмила Игнатьевна.—Ты будешь слушать чудный концертъ Шумана.

— Я не пойду сегодня.

Людмила Инатьевна, конечно, потрясена.

— Почему?

— Я уже видѣлъ этотъ концертъ во снѣ. Это значитъ, что я слишкомъ нервенъ. Надо избѣгать того, что волнуетъ.

Дѣдушкѣ восемьдесятъ лѣтъ. Онъ здоровъ, хорошо видитъ и слышитъ, но всегда тщательно соблюдаетъ правила физической и психической гигіены.

Людмилѣ Игнатьевнѣ очень обидно, но она знаетъ, что дѣдушку не переспоришь. Когда замѣшана въ дѣло его гигіена, онъ твердъ, какъ скала.

Кстати, въ передней звонокъ, дѣти прислушиваются: если отчимъ, надо подтянуться. Нѣтъ, это только Рита, старшая сестра, которую они еще сегодня не видѣли.

— Какъ ты причесана?—кричитъ Жоржикъ въ темноту передней, и, оборачиваясь къ дѣдушкѣ, продолжаетъ:

— Вчера у нея были колбасики вокругъ ушей и она ходила такъ.

Онъ прошелся, вытянувъ шею впередъ, съ неподвижной, слегка поникшей головой.

Братья цѣнили въ своей сестрѣ „дѣвицу съ перцемъ", плѣняясь причудливыми полетами ея фантазіи въ костю-

махъ и прическѣ, которую она умѣла такъ разнообразить, что лицо ея казалось всегда новымъ.

Рита вошла, привычная къ общему вниманію, такъ „просто", какъ на сценѣ вошла бы дѣвушка, вернувшаяся домой обѣдать. Ее нельзя было назвать красивой, но что-то дерзко спокойное, вызывающе равнодушное было въ ея высокой, стремящейся впередъ фигурѣ. Оригинальный разрѣзъ глазъ, длинныхъ, суженыхъ, сѣрыхъ съ яркими огненными крапинками привлекалъ тревожное вниманіе.

— Сегодня она опять иначе,—кричитъ Жоржикъ.

Мягкіе разсыпающіеся волосы Риты, свернутые на затылкѣ, обрамляли лобъ двумя волнистыми прядями. И ходила она сегодня иначе. Слегка покачиваясь, съ откинутой назадъ головой. Конечно, было бы красиво при этомъ держать бѣлую лилію въ правой рукѣ... Но такихъ тайныхъ желаній Рита выражать не рѣшалась. Ей 19 лѣтъ, но она хотѣла бы казаться еще моложе.

Игнорируя шумныя привѣтствія братьевъ, она кивнула кузену, поцѣловала дѣдушку, все съ той же искусственной граціей, которая казалась бы вполнѣ естественной на сценѣ. Вся эта грація, однако, быстро исчезла, когда она взглянула на полунакрытый столъ. Она самымъ прозаическимъ образомъ пожала плечами.

— Какъ, вы не обѣдали? Да о чемъ же вы думаете, господа? Скоро придутъ за вундеркиндами, а они сидятъ съ немытыми носами.

Людмила Игнатьевна отвѣчаетъ молчаливымъ жестомъ, исполненнымъ трагизма. Въ предчувствіи дальнѣйшаго, Ѳлимпіада поспѣшно ретируется.

— Столъ не накрытъ,—говоритъ Жоржикъ. Въ его глазахъ вспыхиваютъ огоньки удовольствія.—Но на крышѣ сидитъ кошка и облизываетъ свою лапку...

— Это изъ Марго, дѣдушка.

— Что это значитъ?—спросилъ старикъ, угадывая развлеченіе.

— А то, что кошка утащила курицу.

Эффектъ полный. Дѣдушка сытъ и, беззаботно смѣется, Людмила Игнатьевна прикладываетъ пальцы къ вискамъ.

— Что же будетъ ѣсть Георгъ?

Потомъ, неожиданно, со спокойствіемъ отчаянія, прибавляетъ:

— Въ концѣ концовъ мнѣ все равно, я умываю руки.

— Олимпъ, подай полотенце,—кричитъ Жоржъ.

— Убирайся со своимъ остроуміемъ! Что я могу сдѣлать? Съ утра у меня мигрень, а эта женщина (жестъ въ сторону ушедшей), какъ только узнала, что сегодня концертъ,—кон-

чено. На кухнѣ все вверхъ дномъ. Она врагъ дома, настоящій врагъ... Я безсильна... (голосъ возвышается). Пусть она уходитъ, сейчасъ, сію минуту, съ ней ни одна прислуга жить не хочетъ.

— Все-таки надо, чтобы дѣти пообѣдали.—Голосъ дочери звучитъ строго, выраженіе лица покровительственное.— Олимпіада, зачѣмъ вы такъ опаздываете?

— А я чѣмъ виновата? Бѣгала за другой курицей, а потомъ Маркъ не позволялъ накрывать. Да васъ и барина до сихъ поръ дома не было,—доносится откуда-то голосъ Олимпіады.

— Но мы здѣсь, а обѣда нѣтъ.

— Отецъ вернулся съ тобой? — спросила Людмила Игнатьевна.

— Да, мы пришли вмѣстѣ съ Георгіемъ Константиновичемъ.

Какъ всегда, она подчеркиваетъ, что не желаетъ называть отчима отцомъ. Вмѣстѣ съ нею будируютъ и мальчики. Людмила Игнатьевна огорчена, что дѣти чуждаются ея второго мужа. Но они страшно упорны. Рѣзвые мальчики при отчимѣ становятся угловатыми и съ нѣкоторымъ усиліемъ принуждаютъ себя разговаривать съ нимъ, съ нимъ, человѣкомъ такимъ вѣжливымъ и безконечно мягкимъ. А Рита? Въ ея голосѣ чуткій слухъ матери подмѣтилъ новую нотку, которую она приписывала еще болѣе обострившейся враждебности. Конечно, Рита больше всѣхъ пострадала отъ этого брака, такъ какъ, по своему малодушію, Людмила Игнатьевна отослала дочь на нѣсколько лѣтъ къ теткѣ въ Москву. Но неужели нужно такъ долго помнить обиду? Людмила Игнатьевна кидаетъ на дочь робкій взглядъ, но у той лицо спокойно. Однако, мать все-таки чувствуетъ что-то такое, въ чемъ не можетъ дать себѣ ясный отчетъ. Иногда что-то кольнетъ внутри, что-то больно ударитъ по сердцу, и останется тамъ ощущеніе смутной тоски, вотъ какъ сейчасъ.

Она подошла къ Ритѣ, взяла ея голову, заглянула въ продолговатые сѣрые глаза съ яркими крапинками и поцѣловала красныя губы.

— Вотъ нѣжности!—воскликнулъ Жоржикъ, стыдливо отворачиваясь.

Рита возвратила поцѣлуй, но въ лицѣ ея вдругъ мелькнуло выраженіе усталости, самой настоящей нервной усталости, которую такъ странно было видѣть въ этомъ юномъ существѣ. Усиліемъ воли она освободилась отъ нея.

— Что же обѣдъ?

— Обѣдъ подается,—величественно провозглашаетъ Олимпіада, входя съ суповой миской.

Аккуратно къ этому моменту появляется изъ своего кабинета хозяинъ дома. Слегка согнутый, съ бѣлыми тонкими руками, съ узкимъ срѣзанымъ подбородкомъ, Георгій Константиновичъ весь—вѣжливость и вниманіе. Его таинственные глаза смотрятъ ласково и капризно, какъ у балованныхъ дѣтей. Движенія его мягки; онъ точно извиняется постоянно за несовершенства не только свои, но и всего человѣчества, какъ и подобаетъ поэту. Хотя онъ служилъ въ археографической коммиссіи, но писалъ стихи и печаталъ ихъ подъ псевдонимомъ. Онъ предупредительно здоровается съ дѣдушкой и спрашиваетъ, какъ его здоровье. Но старикъ недоволенъ; пожимая бѣлую барски-выхоленную руку, онъ теряетъ часть своей жизнерадостности. Что за манера спрашивать вѣчно о здоровьи! Какъ будто не видитъ, что человѣкъ здоровъ. На лицѣ Людмилы Игнатьевны появляется отпечатокъ виновности. Она вспоминаетъ о похищенной курицѣ, она не увѣрена въ обѣдѣ. Дѣти также начинаютъ сознавать свои несовершенства. И никто не умѣетъ объяснить себѣ, отчего такъ стѣсняетъ всѣхъ этотъ человѣкъ, исполненный предупредительности и благожелательности.

II.

— Дѣти, за столъ!

При мужѣ Людмила Игнатьевна старается говорить съ дѣтьми строго. Но у дѣтей свои обычаи, отъ которыхъ они не отступаютъ. Они являются къ столу съ книгами. Стаканы служатъ подставками для книгъ, столовыми ножами разрѣзываются страницы, и вмѣстѣ съ супомъ Маркъ и Жоржикъ усердно поглощаютъ свою духовную пищу. Столовая во время обѣда превращается въ кабинетъ для чтенія.

Георгій Константиновичъ, элегантно одѣтый, старается не замѣчать дѣтей. Онъ занятъ обѣдомъ и, какъ всякое дѣло, которое онъ дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ и это хорошо. Его шелковистые усы Kaiser Wilhelm мѣрно поднимаются въ тактъ движенію челюстей. Онъ показываетъ наглядно, какъ надо ѣсть, какъ держать себя за столомъ, и очень рѣдко дѣлаетъ замѣчанія.

— Дѣти опять съ книгами,—стараясь быть строгой, говоритъ Людмила Игнатьевна.—Маркъ, еще вчера ты далъ мнѣ честное слово... Я рѣшительно запрещаю...

— И это вредно,—прибавляетъ дѣдушка.—Кровь приливаетъ къ головѣ, а между тѣмъ, во время ѣды, она должна приливать къ желудку.

Это не убѣждаетъ любителей чтенія.

— Дѣти,—раздражается дѣдушка,—это непослушаніе. Вашъ отецъ никогда такъ не дѣлалъ.

Но результаты тѣ же. Тогда Людмила Игнатьевна принимаетъ рѣшительныя мѣры: выхватываетъ книгу и швыряетъ ее въ уголъ.

— Это—неуваженіе къ печатному слову,—говоритъ Маркъ, улыбаясь.—И ты забыла, мамуся, что нельзя разстраивать вундеркинда передъ концертомъ.

— Ради Бога, хоть сегодня, въ такой день...

— Какой же сегодня день?—наивно спрашиваетъ Жоржикъ,—такой же, какъ всегда. Послѣ пятницы суббота, да еще солнце заходитъ немножко позже вчерашняго.

— Да еще,—замѣчаетъ Рита,—за эти 24 часа ты поглупѣлъ соотвѣтственно.

— Жоржъ, передай мнѣ $NaCl$.

— Это еще что?—спросила Людмила Игнатьевна.

Маркъ сдѣлалъ чуть замѣтное, презрительное движеніе губами.

— Это—химическая формула соли.

— Ужасна, эта химія. Вѣдь ты обжегъ палецъ.

Въ душѣ Людмила Игнатьевна восхищалась своими дѣтьми и только какъ „мать“ не рѣшалась хвалить ихъ.

— Счастливый Маркъ,—вздыхаетъ Жоржикъ,—у него переходный возрастъ, такъ его никто не трогаетъ.

Людмила Игнатьевна краснѣетъ. Дѣйствительно, изъ-за этого комически звучащаго переходнаго возраста, Марку все спускается.

— Хорошо, если бы во время концерта,—неожиданно для себя подумалъ вслухъ Маркъ, и глаза его мечтательно померкли,—вдругъ свалилась люстра.

Всѣ засмѣялись, и Георгій Константиновичъ снисходительно спросилъ:

— Откуда у тебя такія анти-соціальныя фантазіи?

Маркъ сконфузился и, разсердившись отъ этого конфуза, рѣшилъ держать себя независимо.

— Хорошо было бы! Случился бы скандалъ, и о насъ бы заговорили во всѣхъ газетахъ.

— Ты жаждешь славы! Не лучше ли завоевать ее иначе?

Маркъ знаетъ, что ему придется парировать удары, и все больше закоренѣваетъ въ упорствѣ.

— Иначе нельзя. Мало ли есть на свѣтѣ вундеркиндовъ? Да мы и не изъ первыхъ. И хорошъ вундеркиндъ въ 14 лѣтъ! Нашли, чѣмъ удивить. Вотъ люстра,—это другое дѣло.

— А пока что, ѣшь мясо.

Маркъ отказывается отъ мяса. Онъ хочетъ третьяго—

битыхъ сливокъ съ каштанами. Длинная пауза между блюдами утомляетъ. Появляется раздраженіе у ожидающихъ къ тѣмъ, которые еще только сбиваютъ сливки тамъ, на кухнѣ. Чтобы разрядить электричество, Георгій Константиновичъ заводитъ разговоръ со студентомъ объ университетскихъ дѣлахъ. Но Афанасій Ивановичъ реагируетъ плохо. Университетъ его мало интересуетъ. Георгій Константиновичъ пробуетъ заговорить объ окультизмѣ, которымъ увлекается студентъ. Но тутъ дѣло выходитъ уже совсѣмъ плохо. Афанасій Ивановичъ заминается и почти не отвѣчаетъ. Появляется, наконецъ, Олимпіада, неизмѣнно сопровождаемая Фимой. Всей своей фигурой Олимпіада свидѣтельствуетъ, что только изъ великодушія она не швыряетъ на столъ блюдо съ каштанами.

— Знаешь, почему ты такая злая?—говоритъ Жоржикъ,— потому что твое имя состоитъ изъ „Олимпъ" и „ада". А всѣ боги на Олимпѣ стали чертенятами.

Олимпъ никогда не сердится на своего молочнаго сына. Она удаляется даже съ проблесками улыбки на лицѣ. Фимочка остается и внимательно слѣдитъ глазами за каждой тарелкой сливокъ съ каштанами.

— Дѣвочка также хочетъ сладенькаго.—Людмила Игнатьевна, улыбаясь, беретъ ребенка на колѣни и кормитъ его своей ложкой.

Скоро восемь часовъ. Рита считаетъ необходимымъ вмѣшаться.

— Вундеркинды, живо, одѣвайтесь!

Оба ни съ мѣста.

— Маркъ, Жоржикъ!

— Вѣдь мы во второмъ отдѣленіи.

Но съ сестрой плохія шутки. Она хватаетъ за плечи одного, потомъ другого и выталкиваетъ изъ-за стола. Маркъ покоряется,— онъ уже начинаетъ проникаться важностью приближающагося момента. Но Жоржикъ наполняетъ залъ криками протеста. Сначала онъ не хочетъ мыться, и говоритъ объ этомъ все время, пока моется; потомъ отказывается надѣвать свой обычный костюмъ. Вмѣсто длинныхъ чулокъ онъ требуетъ носки и штиблеты, а главное, непремѣнно настоящія брюки вмѣсто короткихъ дѣтскихъ панталончиковъ.

— Мнѣ это обѣщали еще на первый концертъ. Разъ меня уже надули. Теперь я не хочу.

— Брюкъ нѣтъ,—кричитъ Рита,—ты понимаешь,—нѣтъ! Это идіотство требовать того, чего нѣтъ.

— Она мнѣ давала честное слово.

Людмила Игнатьевна находитъ своевременнымъ появиться съ неоконченной прической въ стилѣ индѣйскаго вождя.

Поднятые на макушкѣ волосы перехвачены шнурочкомъ и спускаются на плечи жиденькой бѣлокурой гривой. Ловко оперируя горячими щипцами, она упрашиваетъ Жоржика:

— Ну, Жоржикъ, мой дорогой, мой милый мальчикъ, въ послѣдній разъ... Я не виновата, понимаешь, портной...

— Ай, какъ стыдно,—вмѣшивается дѣдушка.

— Да, да,—перебиваетъ его Жоржикъ,—ты скажешь, что мой отецъ никогда такъ не дѣлалъ. Но если бы отцу обѣщали штаны, то и онъ не сталъ бы терпѣть. За экзамены, вообще, мнѣ обѣщали телефонъ, за гармонію въ консерваторіи—аквaріумъ, потомъ Цепелина... И мало ли еще что мнѣ обѣщали.

Пока онъ вспоминаетъ свои обиды, Олимпіада быстро одѣваетъ своего любимца.

— Ты глупъ, — со спокойнымъ величіемъ замѣчаетъ Маркъ, уже облеченный въ курточку и черные чулки,— какіе же мы будемъ вундеркинды, если насъ одѣнутъ, какъ взрослыхъ.

Людмила Игнатьевна спѣшитъ уйти,—у нея свои заботы: ей надо загладить на лицѣ слѣды, оставленные неумолимымъ временемъ. Въ ней всегда живетъ наивная увѣренность, что самый проницательный взоръ не замѣтитъ этихъ исправленій.

Рита также уходитъ къ себѣ. Хаотическій беспорядокъ въ ея комнатѣ не смущаетъ хозяйку. Перевернувъ все вверхъ дномъ, она находитъ то, что ей нужно, и черезъ нѣсколько минутъ готова. Раздается давно ожидаемый звонокъ.

Руки Марка немного дрожатъ, матовое лицо оживлено румянцемъ. Жоржикъ не обнаруживаетъ признаковъ волненія.

— Рита,—кричитъ онъ изъ передней,—это Дуванчикъ пріѣхалъ.

— Здорово, братъ,—говоритъ студентъ-технологъ Дувановъ, русскій, здоровенный богатырь купеческаго типа,— конечно, у васъ не готовы?

— Я готовъ,—отвѣчаетъ Георгій Константиновичъ, появляясь изъ дверей кабинета, какъ всегда, элегантный.—А вотъ артистовъ, кажется, еще причесать надо.

Онъ показываетъ на лохматую голову Жоржика.

— Иди, иди, я подожду,—говоритъ Дувановъ, присаживаясь.

Дувановъ влюбленъ въ Риту, влюбленъ весело, со всей радостью юности. Онъ по товарищески жметъ ей руку, иногда вздохнетъ, послѣ вздоха улыбнется и всегда прямо смотритъ ей въ глаза. Георгій Константиновичъ вѣжливъ

съ гостемъ до высочайшей степени своей вѣжливости. Дувановъ чувствуетъ къ нему за это вражду, раздражается, хотѣлъ бы сказать что-нибудь ядовито остроумное и въ то же время находитъ, что это глупо; рука невольно тянется къ вихрамъ отъ смущенія. Почему присутствіе „этого" раздражаетъ? Окончательно разсердившись, онъ отходитъ къ окну, но боится, что и это покажется страннымъ. Онъ садится въ кресло, беретъ газету и закрывается ею.

— Это, кажется, третьеводняшній номеръ, — замѣчаетъ Георгій Константиновичъ.

Дувановъ окончательно подавленъ. Къ счастью, входитъ Исторовъ.

— А, Афанасій Ивановичъ, мое почтеніе!

Исторовъ не любитъ своего имени. Когда-то, въ дни юности соотвѣтствіе между его внѣшностью и именемъ даже причиняло ему страданія, вызывало насмѣшки товарищей гимназистовъ. Впрочемъ, и теперь невзыскательные насчетъ остроумія студенты упражнялись въ томъ же родѣ.

— Какъ идетъ оккультное дѣло?—спросилъ Дувановъ, обрадовавшійся возможности бросить старую газету.

Исторову непріятно было говорить съ непосвященными объ оккультизмѣ.

— Ничего, хорошо.

— Вертишь столы?

— Столы?—удивленно спрашиваетъ Афанасій Ивановичъ,—развѣ мы занимаемся спиритизмомъ?

— Они смотрятъ на кончики своихъ носовъ,—вмѣшивается Жоржикъ,—и дышатъ одной ноздрею. Правда?

— Правда,—серьезно отвѣчаетъ Исторовъ.

Жоржикъ отъ удивленія открываетъ ротъ.

Входитъ Рита, окутанная въ газъ и блестки. Она окидываетъ всѣхъ властнымъ взглядомъ длинныхъ сѣрыхъ глазъ, въ которыхъ чувствуется холодъ преждевременно созрѣвшей усталой души.

— Дуванчикъ, здравствуйте!

Дувановъ срывается съ мѣста, предупредительно беретъ узенькую руку, такую вялую, теплую, и горячо, хоть осторожно, сжимаетъ ее въ своей огромной красной рукѣ. Онъ всматривается въ блѣдное лицо. Что-то новое есть въ немъ. Что-то важное и чужое. Порывъ ревности холодитъ его душу. Онъ давно уже пересталъ смотрѣть на Риту, какъ на чужую. Въ своихъ мечтахъ онъ представлялъ себѣ ее своей женой. Но въ эту минуту въ немъ поднялась какая-то тревога...

И Афанасій Ивановичъ любуется кузиной, но взглядъ его наблюдающій, холодный. Онъ также видитъ перемѣну.

Изъ глубины кожанаго кресла, сидя въ удобной позѣ, чуть-чуть насмѣшливо смотритъ на всѣхъ Георгій Константиновичъ.

— Можно ѣхать?—спрашиваетъ Дувановъ.

— Кажется, можно,—отвѣчаетъ Рита.—Я употребила энергичныя мѣры.

— Конечно, во всемъ виноватъ Олимпъ!

Дувановъ любитъ все въ этомъ домѣ, кромѣ, впрочемъ, хозяина. Эти избалованные, прежде времени развитые мальчишки кажутся ему уже братьями; наглость Олимпа поражаетъ его, какъ и всѣхъ; онъ даже готовъ обожать Фимочку, чтобы только понравиться мамусѣ, которую считаетъ лучшей женщиной въ мірѣ.

Появляется Маркъ—настоящій эстрадный геній. Все на немъ шикарно. Большой откладной воротничекъ снѣжной бѣлизны и синій бантъ, повязанный съ искусственной небрежностью, сильно уменьшаютъ его возрастъ. Со вторымъ вундеркиндомъ дѣло обстоитъ не такъ благополучно: костюмъ Жоржика измятъ, концы банта торчатъ, а воротничокъ, несмотря на усиленныя старанія Олимпа, безпрестанно съѣзжаетъ на сторону. Щуря огромные глаза, кусая красныя губы, онъ прячется за брата, такъ какъ стыдится дѣтской куртки и своихъ длинныхъ ногъ въ черныхъ чулкахъ.

Въ передней, во время суеты, Маркъ дѣлаетъ видъ, что вспомнилъ о чемъ то важномъ и неожиданно обращается къ дѣду:

— Дѣдушка, я забылъ: дай денегъ.

Дѣдъ машинально вынимаетъ кошелекъ.

— Сколько тебѣ?

— Да сколько-нибудь, на извозчика.

— Ты—жуликъ, вѣдь у насъ карета,—шепчетъ ему Жоржикъ.

Но Маркъ уже получилъ. Улыбаясь, онъ прячетъ деньги въ карманъ.

— Ничего, это будетъ мнѣ на бертолетовую соль.

— Вотъ какой!—говоритъ Жоржъ.

Какъ истинный безсеребренникъ, онъ восхищается ловкостью брата совершенно безкорыстно.

Уже всѣ одѣты. Въ переднюю доносится крикъ Людмилы Игнатьевны.

— Господа, а я... подождите меня.

Мягко улыбаясь, Дувановъ глядитъ на Риту. Мамуся, большая мотовка, истратилась къ концу мѣсяца и теперь находится въ періодѣ яростной экономіи. Конечно, онъ повезетъ ее.

— Рита, ты идешь со мной,—говоритъ Георгій Константиновичъ, который все время держался въ сторонѣ.

Онъ, какъ всегда, изящно небреженъ и немногословенъ. Его сѣрые, капризно-женскіе глаза прикованы къ лицу Риты. Рита молчитъ, окидывая всѣхъ властными глазами. На лицѣ ея опять появляется новое выраженіе. Дувановъ чувствуетъ его и съ нетерпѣніемъ ждетъ отвѣта. Чувство антипатіи къ Георгію Константиновичу выростаетъ до огромныхъ размѣровъ.

— Рита, вѣдь ты хотѣла...—настаиваетъ Скадовскій.

— Я такъ легко одѣта,—говоритъ дѣвушка...

Въ тонѣ ея что-то вызывающе-капризное.

— У меня купэ, я нарочно взялъ.

Голосъ Георгія Константиновича, всегда ровный, теперь выражалъ нѣкоторое волненіе.

Рита стояла высокая, гибкая, съ красными губами и необыкновенными длинными глазами.

Чутко прислушивающійся Исторовъ улыбнулся. Дувановъ заторопилъ дѣтей, даже забывая о Людмилѣ Игнатьевнѣ.

— Ну, господа, ѣхать, такъ ѣхать,—сказалъ онъ сердито,—вѣдь намъ еще за Райской надо. Сначала отвеземъ дѣтей и Риту Николаевну...

— Нѣтъ, Рита ѣдетъ со мной,—говоритъ Георгій Константиновичъ.

Въ голосѣ его звучитъ металлическая нотка.

Молчаніе. Исторовъ смотритъ на кузину враждебно. Онъ не довѣряетъ ей, хотя она никогда не требовала его довѣрія; подозрѣваетъ въ чемъ-то, хотя не имѣетъ для этого никакихъ основаній. Онъ чувствуетъ себя почему-то оскорбленнымъ. На лицѣ дѣвушки неопредѣленная усмѣшка. Она говоритъ совсѣмъ просто:

— Дайте мнѣ пальто, Дуванчикъ, и ѣдемъ.

У Дуванова ноздри раздулись отъ торжества. Онъ поспѣшно одѣваетъ дѣвушку, закрывая ее отъ Георгія Константиновича, точно боится, что послѣдній отниметъ ее.

Уже въ дверяхъ Рита кричитъ:

— Мы уѣхали, Муся. Тебя повезетъ Георгій Константиновичъ.

Молодежь шумно сбѣгаетъ съ лѣстницы. Дѣдъ спускается за ними.

Въ квартирѣ становится тихо. Георгій Константиновичъ идетъ, грызя ногти. Онъ это позволяетъ себѣ только наединѣ. Онъ ждетъ, а у Людмилы Игнатьевны, какъ на зло, дѣло не спорится сегодня.

Онъ шагаетъ по кабинету раздраженный. Изъ спальни

несутся оправданія Людмилы Игнатьевны, которыхъ онъ совсѣмъ не слышитъ да и не хочетъ слышать. А Людмила Игнатьевна дрожащей, но осторожной рукой, проводитъ тонкую полоску бровей надъ безпокойно блестящими глазами.

III.

Всю дорогу Георгій Константиновичъ молчитъ въ своемъ двухмѣстномъ купэ, довольно опрятномъ для наемнаго экипажа. Онъ никогда не споритъ, не пикируется. Онъ только молчитъ, когда недоволенъ. Но Людмила Игнатьевна, предпочитавшая бурю и натискъ мертвому штилю, чувствовала себя глубоко несчастной. Она никакъ не могла понять, зачѣмъ сердиться изъ-за такой пустяшной неаккуратности. Вѣдь благотворительные концерты всегда начинаются поздно. Но, увы! широкая лѣстница концертнаго зала была пуста, сверху доносились звуки рояля, а съ площадки смотрѣлъ на нихъ Дувановъ съ бантикомъ распорядителя на груди.

— Вотъ парикмахерская морда,—бормоталъ онъ, искоса поглядывая на Георгія Константиновича, спокойно поднимавшагося по мраморнымъ ступенямъ, въ то время, какъ худенькая мамуся, съ виноватымъ лицомъ, на которомъ выдѣлялись наивно подрисованныя брови, путалась въ шлейфѣ темносиняго платья.

— Вотъ, бѣдненькая, обожаетъ такого идола,—подумалъ онъ и, любезно улыбаясь, подалъ руку Людмилѣ Игнатьевнѣ.

Исполнительская была полна. Высокій басъ съ кадыкомъ, выступавшій теперь только на благотворительныхъ концертахъ, дѣлилъ свое вниманіе между коньякомъ и роялемъ. Онъ то выпивалъ рюмочку, то подходилъ къ инструменту и, ударяя мизинцемъ по клавишамъ, тянулъ свою ноту. Молоденькая артистка постукивала пальцами по колѣнямъ. Отъ нея распространялся запахъ валеріановыхъ капель. Въ углу сидѣла трепещущая скрипачка съ холодными пальцами, отказывающимися держать смычокъ.

— Нѣтъ, мама, я не выйду,—шептала она сидѣвшей рядомъ матери.—Мнѣ сдѣлается дурно... я заплачу... я не могу...

— Перемогись, дитя, вѣдь это необходимо..

Людмила Игнатьевна растерянно искала глазами дѣтей. Но ихъ заслоняла сильно декольтированная толстая пѣвица. Она горячо бросилась привѣтствовать счастливую мать. Вѣдь она уже имѣла удовольствіе слышать этихъ очаровательныхъ малютокъ.

Маркъ горѣлъ отъ стыда, а Жоржикъ весь раздулся отъ сдерживаемаго смѣха. Хороши малютки!

Пѣвица, уже при встрѣчѣ душившая дѣтей своими объятіями, теперь снова набросилась на нихъ. Маркъ отдѣлался счастливо, а Жоржикъ жаловался потомъ, что она отдавила ему носъ пуговицей.

Въ уголкѣ, вдали отъ всѣхъ, сидѣла худая дама въ шелковомъ платьѣ со стеклярусомъ, принадлежавшимъ ея богатой сестрѣ; она боялась, какъ бы не замѣтили, что лифъ широкъ, а юбка коротка. Возлѣ нея стоялъ восьмилѣтній сынъ, Илья Бухштейнъ, выдающійся віолончелистъ. Онъ усердно истреблялъ всѣ угощенія, которыми его кормили студенты со значками. Мать сердито шептала ему:

— Не ѣшь такъ много... Руки замажешь и тебѣ скоро захочется спать.

Илья слушалъ и ѣлъ.

Людмила Игнатьевна привѣтливо поклонилась матери, которая заботливо прятала свои исколотыя иголкой руки.

— И вашъ играетъ сегодня?—спросила она, ласково погладивъ жесткія кудри мальчика.—Дѣти, вы уже поздоровались?

Да, дѣти уже поздоровались, но теперь не до разговоровъ: скоро ихъ выпустятъ. Маркъ загадываетъ, будутъ ли оваціи. Въ аплодисментахъ, онъ не сомнѣвается. Вообще, онъ не любитъ играть въ одномъ концертѣ съ Бухштейномъ. Когда участвуетъ этотъ геній, всѣ оваціи достаются ему. Жоржикъ же совсѣмъ недоволенъ своимъ талантомъ, вслѣдствіе котораго ему приходится публично показывать на эстрадѣ свои длинныя журавлиныя ноги, да еще въ этихъ противныхъ чулкахъ. Если бы это зависѣло отъ него, онъ никогда не игралъ бы передъ публикой. Приходилось утѣшаться тортомъ, которымъ распорядители кормили маленькихъ артистовъ. Раздался звонокъ, студентъ увелъ арфистку. Скрипачка вскочила, сжала руки и рѣшительно сказала:

— Мама, пойдемъ, я не могу!..

Мать съ убитымъ лицомъ, не говоря ни слова, уложила скрипку въ футляръ, накинула боа на голыя плечи дочеры, и обѣ, молча поклонившись, ушли изъ исполнительской.

— Робость самый опасный врагъ артистовъ, — сказала пѣвица.

Арфистка вернулась. Дѣти поняли, что пришло ихъ время. Покорно положили они недоѣденныя груши на свои тарелки. Распорядитель взялъ Марка за правую руку, Жоржика за лѣвую и повелъ ихъ въ залъ. Людмила Игнатьевна слѣдовала за ними. Въ залу она не вошла, но осталась пе-

редъ закрытой дверью; приложивъ руки къ сильно бьющемуся сердцу, стала слушать. Она услышала аплодисменты, которыми привѣтствовали ея мальчиковъ, перекрестилась и вернулась въ исполнительскую.

— Даже сюда слышно было, какъ принимали вашихъ дѣточекъ,—сказала худая дама съ глубокимъ вздохомъ,— ты слышалъ, Илья?

Конечно, Илья слышалъ, но онъ мало интересовался даже собственными аплодисментами. Наполнивъ желудокъ сладостями, онъ теперь сидѣлъ неподвижно, прислонившись къ своей віолончели. Болѣзненный и слабый, онъ привыкъ рано ложиться спать. Съ трудомъ удерживался отъ зѣвоты.

Скорѣй бы эти русскія дѣти кончили играть. Тогда онъ исполнитъ свои номера и будетъ сладко спать, на мягкихъ подушкахъ кареты, прислонившись къ матери.

Но русскія дѣти играли долго. Имъ хлопали много, заставляли повторять. Маркъ, констатировавшій овацію, непринужденно кланялся, отступая спиной, какъ настоящій эстрадный вундеркиндъ. За то Жоржикъ возбуждалъ въ залѣ общую веселость. И, дѣйствительно, онъ имѣлъ смѣшной видъ, этотъ широкоротый длинноногій птенецъ, нелѣпо вытягивавшій шею и наступавшій брату на пятки. Даже во время игры, чудесно выполняя какой-нибудь трудный хроматическій пассажъ, онъ вдругъ неожиданно высовывалъ кончикъ языка. Публика принимала его такъ горячо, что гладкій лобъ изящнаго Марка даже слегка омрачился.

Людмила Игнатьевна вся свѣтилась радостью, когда дѣти, наконецъ, вернулись къ ней и смущенно стали по обѣимъ сторонамъ ея кресла. Желая выразить кому-нибудь свои добрыя чувства, она сказала худой дамѣ:

— Теперь вашъ Илья... Онъ—геніальный мальчикъ.

Маленькій Бухштейнъ былъ, дѣйствительно, необыкновеннымъ артистомъ. Онъ былъ одаренъ способностью безсознательнаго творчества. Его младенчески простая душа умѣла будить души взрослыхъ, открывала невѣдомыя красоты чистѣйшей поэзіи. Ничего не зная самъ, онъ училъ тѣхъ, кто зналъ много. Даже въ исполнительской пріотворили дверь и замерли, прислушиваясь къ тягучимъ звукамъ веліончели. Нельзя было повѣрить, что эти звуки творитъ восьмилѣтній чародѣй, который еще самъ не можетъ поднять своего инструмента.

— Закройте дверь, сквозитъ,—сердито сказалъ басъ.

— Дверь закрыли, но шумъ возгласовъ и аплодисментовъ проникъ и черезъ дверь. Марку это было непріятно, и онъ не совсѣмъ искренно поздравлялъ Илью, когда тотъ воз-

вратился неуклюжій и раскраснѣвшійся. Вслѣдъ за нимъ появились поклонники, не успѣвшіе докончить своихъ похвалъ. Пришли Рита, Дувановъ и Георгій Константиновичъ. Даже послѣдній нашелъ возможнымъ похвалить мальчика. Людмила Игнатьевна искренно радовалась успѣху Ильи. Она гладила его жесткіе волосы и предсказывала великую будущность. Когда же мать его, робкая душа которой упивалась этими похвалами, пробормотала что то о маленькихъ піанистахъ, мамуся только рукой махнула.

— Милая, такихъ, какъ мы, много, а вашъ—единственный.

Худая дама радостно улыбалась, улыбались Исторовъ и Дувановъ, впитывая доброту мамуси.

Любовь Дуванова къ Ритѣ возрастала отъ общенія съ ея матерью.

— Что за благодатная душа ваша мамуся,—сказалъ онъ, любуясь свѣтящимся благожелательностью лицомъ Людмилы Игнатьевны,—какое тепло вокругъ нея!

— Мамуся... моя муся чудесная,—отвѣтила Рита.

Но голосъ ея странно дрогнулъ. Она опустила глаза, въ которыхъ блеснуло что-то неуловимое. Теплая волна вдругъ пробилась сквозь броню фальши, которую она привыкла надѣвать при людяхъ.

Дувановъ замѣтилъ это съ чуткостью влюбленнаго. Его глаза блеснули, онъ близко наклонился къ дѣвушкѣ и прошепталъ неожиданно для самого себя:

— Вѣдь она будетъ и моя мамуся—да?

Но Рита сразу стала опять чужой, далекой. Тепло исчезло такъ же внезапно, какъ и появилось. Глаза стали опять безучастно усталые.

— Вы, Костенька, ребенокъ,—покровительственно сказала она.

Дувановъ обидѣлся и захохоталъ, хотя ему вовсе не хотѣлось смѣяться.

— Старушка,—сказалъ онъ,—а сколько вамъ лѣтъ?

— Развѣ лѣтами измѣряется возрастъ души.—Она устало вздохнула.— Мнѣ 19, вамъ 24, но я завидую вашей юности.

Выходило немножко жеманно, немножко фальшиво, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ тонѣ звучала какая-то скрытая гдѣ то глубоко правда.

Сторожа таскали по залу ряды гремящихъ стульевъ, стаскивая ихъ на эстраду, гдѣ уже собрался оркестръ.

Распорядители приглашали танцующихъ. Къ Дуванову подошли двѣ его пріятельницы курсистки, Зоя Гохцелеръ и Анина Вьюшина.

— Гдѣ же третья?—спросила Рита, здороваясь съ дѣвушками.

— Галька не ходитъ на балы... Она въ монастырь собирается,—сказала толстая Зоя.

— Неужели? Я думала, она это оставитъ,—равнодушно бросила Рита и отошла, взявъ подъ руку Скадовскаго.

— Отчего ты не поѣхала со мной, какъ мы условились?—спросилъ онъ, еще отравленный обидой.

Рита отвѣтила ему прозрачнымъ взглядомъ длинныхъ глазъ, въ которыхъ свѣтилось торжество.

— Мнѣ такъ хотѣлось.

И, тотчасъ же принимая видъ благовоспитанной институтки, воскликнула:

— Посмотри, какъ это мило...

Маленькій уголокъ гостиной былъ превращенъ въ юрту, засыпанную снѣгомъ. Юный лапландецъ въ звѣриной шкурѣ, протягивалъ имъ чашку съ какимъ то угощеніемъ.

Тутъ же, рядомъ, окруженная плетеной оградой весело выглядывала украинская хатка съ вишневымъ цвѣтущимъ деревомъ. Украинская молодежь уже отплясывала тамъ гопака.

— Что говорилъ тебѣ Дувановъ?—спросилъ Георгій Константиновичъ, нисколько не интересуясь декораціями.

Ея глаза лукаво засіяли.

— Ага, ты угадалъ, ты почувствовалъ.. какъ это интересно...

— Шутъ гороховый! Его надо прогнать.

— Почему? Чувство имѣетъ свои права.

— Повидимому, тебѣ сдѣлали декларацію.

— Сдѣлали.

— Дуракъ.

— Мнѣ нравится, что ты со мной не употребляешь парламентскихъ выраженій. Такъ ближе къ природѣ.

— Ты не должна съ нимъ больше видѣться.

— А кто мнѣ запретитъ?

Они приближались къ уголку Кавказа, съ низенькими тахтами въ коврахъ. Настоящій горецъ, съ тонкой таліей, перетянутый серебрянымъ поясомъ, предложилъ имъ шербетъ и наргиле.

— Сядемъ,—сказала Рита, выбираясь изъ толпы.—Я буду угощаться, а ты мнѣ отвѣть на вопросъ.

Георгій Константиновичъ могъ ѣсть только дома. Но онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ его дама уничтожала розовую душистую массу.

— Кто тебѣ запретитъ?—повторилъ онъ,—да твоя собственная требовательность. Недавно я прочиталъ у одного

француза. Я дамъ тебѣ эту книгу. Онъ дѣлитъ людей на *я* и не *я*. Всѣ *не я*—варвары. Если они не способны откликаться на мои переживанія, если они мѣщански посредственны... ихъ пляски безъ граціи... нѣтъ ничего хуже мѣщанскаго интеллигента. Это или вырожденцы, или недоросли революціи, или шпіоны... Эти самые умные. Общеніе съ такими оскорбительно для избранныхъ. Ты—избранная. Твоя душа нарядна, и мнѣ жаль, если она посѣрѣетъ въ обществѣ варваровъ.

— За то варвары просты... скоро клюютъ,—вдругъ сказала Рита.—Одинъ какой нибудь взглядъ, показывающій мою честную душу, и *онъ* уже насторожился. Второй взглядъ долгій, глубокій, чистый—и онъ уже готовъ... Не надо расходовать ни лебединой шеи, ни стройной лилейной руки, ни непокорнаго локона...

— Я съ тобой говорю серьезно.

Она улыбнулась, подняла голову, встала и пошла впередъ, выбираясь изъ зала, гдѣ строились пары для контрданса. Когда Георгій Константиновичъ догналъ ее, она замѣтила, что на его лицѣ появилась маска обычной вѣжливости. Къ нимъ подходила, пробираясь между стульями, Людмила Игнатьевна съ вундеркиндами. Кроткія черты ея сіяли, выражая застѣнчивую гордость. За нею шелъ Дувановъ.

— Вы останетесь, а я уйду съ дѣтьми: они устали.

— Хорошо, я провожу тебя съ готовностью,—сказалъ Скадовскій.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставайся, ты еще потанцуешь.

Ей было пріятно считать его молодымъ, и онъ, дѣйствительно, былъ двумя годами моложе ея.

— Меня проводитъ Константинъ Петровичъ.

— О, съ удовольствіемъ,—сказалъ Дувановъ безъ всякаго удовольствія. Но свой гнѣвъ онъ перенесъ на выхоленые усы Георгія Константиновича. «Навѣрное, этотъ господинъ модернъ спитъ въ наусникахъ».

— Бѣдный Дуванчикъ, — смѣясь, сказала ему Рита. — Я за то потомъ съ вами потанцую.

— Ты не будешь съ нимъ танцовать, — сказалъ Георгій Константиновичъ, снимая маску предупредительной готовности.

— Вы слишкомъ требовательны, милостивый государь.

— Надо всегда требовать, тогда даютъ. А если давать, то начинаютъ требовать.

— Я сама изъ требующихъ.

— Развѣ я не даю тебѣ?

— Что? — Она жадно вглядывалась въ его лицо своими

длинными восточными глазами одалиски. Большія красныя губы слишкомъ ярко, почти некрасиво, выдѣлялись на блѣдномъ, узкомъ лицѣ.

— Ты сейчасъ Соломея,—сказалъ онъ вмѣсто отвѣта.— Что-то южное, жуткое есть въ тебѣ... А тогда, на вечерѣ, ты была Дездемона, бѣлая, кроткая лилія... Кѣмъ обернешься ты завтра? Тебя воспѣлъ бы Соломонъ въ Пѣснѣ Пѣсенъ...

— Будь Соломономъ.

Онъ задумался, прижимая къ себѣ ея тонкую руку.

— Уста твои—лепестки ядовитаго цвѣтка, глаза—острѣе алмаза въ перламутрѣ, и сердце мое разбивается, какъ стекло, подъ ихъ рѣжущимъ блескомъ.

Онъ чувствовалъ легкую дрожь, и она передалась Ритѣ.

— Лепестки ядовитые, — задумчиво прошептала она.— Дездемона умерла не своей смертью... А Соломея? Хорошо, если ее дѣйствительно убилъ Иродъ... А если она состарилась и умерла, какъ всѣ... Это некрасиво.

— Ты не будешь танцовать съ нимъ?—настаивалъ Скадовскій, близко наклоняясь къ ней.

— Сдѣлай такъ, чтобы я не захотѣла. Я не могу отказаться отъ того, чего хочу... Клевещи на него, выдумай что нибудь про него, пусть онъ мнѣ станетъ скучнымъ, противнымъ...

— И ты сейчасъ же предашь своего друга?

— Конечно.

— А у него курносый носъ.

— Курносый носъ? Недурное выраженіе для литератора.

— У него вихры, какъ старая швабра.

— Нѣтъ, это не то.

— А онъ на содержаніи. Его содержитъ „партія".

— Такъ что же?

— Онъ живетъ въ квартирѣ, за которую платитъ Анна.

— Такъ это же... онъ—бѣдный.

— А можетъ быть онъ шпіонъ?

— Ну, вы теряетесь въ вашей злобѣ и говорите глупости.

— У него грязныя руки. Онъ никогда не моется... У него какая-то подозрительная болѣзнь...

— Правда? Ты это знаешь?

Но Скадовскій почувствовалъ, что зашелъ слишкомъ далеко, что солгалъ безъ обдуманнаго намѣренія, и ему стало неловко, когда онъ увидѣлъ подходящаго Дуванова.

Дувановъ шелъ въ компаніи. Толстая, некрасивая Зоя Гохшелеръ подпрыгивала, уцѣпившись за его руку, а ря-

домъ съ Исторовымъ шла легкая, стройная, изящно-фарфоровая Анина.

— А я все-таки съ нимъ буду танцовать,—упрямо сказала Рита.

Но Георгій Константиновичъ не противорѣчилъ. Весь ласка, весь вниманіе, онъ радушно привѣтствовалъ молодежь и просилъ остаться съ нимъ, пока его стрекоза будетъ прыгать. Ему захотѣлось быть добрымъ, обаятельно добрымъ. Но Зоя, угловатая, несмотря на свою полноту, вовсе не желала занимать этого буржуя. Не выпуская руки Исторова, она проговорила недовольнымъ тономъ:

— Нѣтъ, намъ надо, — и увлекла за собою своего кавалера.

Анина, мягкая, деликатная, чуткая душа которой вся свѣтилась на ея задумчивомъ лицѣ, сѣла возлѣ Скадовскаго, хотя также не чувствовала къ нему особенной симпатіи.

Георгій Константиновичъ относился съ необыкновеннымъ участіемъ къ молодежи. Онъ такъ сочувствовалъ бѣдной Галькѣ, душа которой устала бороться и ищетъ отдыха въ монастырѣ.

Неужели нельзя спасти бѣдняжку? Многострадальная русская молодежь дошла до такого отчаянія, что даже монастырь представляется ей отдыхомъ.

Анина отвѣчала лишь столько, сколько нужно, чтобы не обидѣть собесѣдника. Деликатная до щепетильности, она все-таки не могла говорить съ этимъ чужимъ ей человѣкомъ о томъ, что волновало глубоко интимныя стороны души.

— Жалко молодежь, ей страшно тяжело живется. Для нея нѣтъ путей. Раньше у нея были свѣточи идеаловъ...

Его взоры и движенія были такъ мягки, какъ будто онъ извинялся не только за свои недостатки, но и за грѣхи всей русской молодежи. Анинѣ вспомнилось, какъ недавно Дувановъ, пародируя манеру Скадовскаго, говорилъ: „не мѣшаетъ ли вамъ моя тѣнь? Мнѣ кажется, она слишкомъ неосторожно легла возлѣ вашего стула. Не безпокоитъ ли васъ колебаніе воздуха, производимое моимъ дыханіемъ“. Она сдержала улыбку и отвѣтила серьезно:

— Слишкомъ много голодающихъ среди молодежи. Вотъ Зоя, напримѣръ... Она дочь захолустнаго аптекаря, который посылаетъ ей 8 рублей въ мѣсяцъ. Она обѣдаетъ за 7 копеекъ. Получаетъ чашку бульона и стаканъ молока и очень довольна, потому что можетъ ѣсть хлѣба сколько угодно.

— Вотъ бѣдная!

— Но и это, кажется, безполезно. Она не внесла платы за ученіе и будетъ уволена.

— Вотъ никогда не подумалъ бы этого о Зоѣ. Она всегда такая румяная, веселая. Конечно, невозможно допустить, чтобы ее уволили.

Онъ вынулъ бумажникъ, поспѣшно досталъ деньги и передалъ Анинѣ.

— Я очень вамъ благодаренъ, что вы мнѣ сказали. А вонъ и моя стрекоза кажется оттанцовала.

Рита шла съ Дувановымъ, рядомъ съ нимъ шелъ студентъ, котораго Дувановъ называлъ товарищъ Андрей. Ихъ серьезныя, взволнованныя лица противорѣчили настроенію зала.

— О чемъ вы?—спросила Анина.

— Да, вотъ,—отвѣчала равнодушно Рита, — товарищъ Андрей не можетъ простить Галькѣ: какъ смѣетъ современная дѣвица идти въ монастырь.

— Довольно объ этомъ, — сказалъ Дувановъ Андрею.— Она завтра у меня будетъ. Приходите и говорите съ нею.

— И я приду,—живо сказала Рита.—Это любопытно.

— Любопытно? — язвительно передразнилъ Андрей и отошелъ.

— Рита, пойдемъ, уже поздно.

— Пожалуй, идемъ.

Распрощались. Дувановъ отвѣсилъ офиціальный поклонъ, но сохранилъ непреклонность во взорѣ.

Анина разжала руку, въ которой лежала двадцатипяти рублевая бумажка.

— Это для Зои. Зоя, пойди сюда.

— Хорошо, что онъ хотя оплатилъ сейчасъ. Мнѣ было обидно, что ты съ нимъ сидѣла,—сказалъ Дувановъ.

— Ты, кажется, съ него содрала что-то,—спросила Зоя, подходя.

— Это для тебя.

— Буржуй искупаетъ свои грѣхи, — сказалъ Дувановъ.

— Онъ далъ потому, что ты красивая,—заявила Зоя.— Мнѣ все равно. Я всегда беру, если можно содрать съ буржуя...

— Онъ все-таки намъ помогъ,—мягко сказала Анина.

Они разошлись, и теперь, какъ бывало уже не разъ, не понимая другъ друга.

IV.

Дувановъ жилъ въ „палаццо“ Анины, которое часто служило пріютомъ для ея многочисленныхъ товарищей. Палаццо помѣщалось на окраинѣ, въ большомъ старомъ домѣ и состояло изъ двухъ комнатъ съ кухней. Эта маленькая квартирка имѣла удобство полной изолированности, съ отдѣльной лѣстницей безъ швейцара и безъ постояннаго наблюденія дворниковъ. Здѣсь можно было и спрятать, что нужно, и спрятаться, кому нужно, и устроить маленькое собраніе. Квартирка эта представляла нѣчто вродѣ общественнаго. достоянія.

Ею пользовались всѣ, кому было нужно и не нужно. Никто не подозрѣвалъ, что милая Аня, встрѣчавшая всѣхъ привѣтливой улыбкой, тяготилась этой вѣчной сутолокой, невозможностью остаться одной, когда этого порой такъ хотѣлось. Иногда она мечтала хотя объ одной ночи, проведенной въ уединеніи. Ее удручали вѣчный безпорядокъ въ комнатѣ, измятая постель, затоптанные полы. Давно уже мечтала она о комнатѣ, въ которой она могла бы быть полной хозяйкой, о которой никто бы не зналъ, гдѣ не могъ бы ее найти ни одинъ „товарищъ“. Но она раздавала всѣ свои деньги и не рѣшалась тратить ихъ на такую роскошь, какъ уединеніе. Раньше, когда кипѣла жизнь, эта сутолока захватывала и ее, она ее просто не замѣчала; теперь же, когда оставалась только сутолока, утратившая почти всякій смыслъ, это становилось мучительнымъ. Сейчасъ Анина жила съ подругой. У Дуванова гостилъ товарищъ Гриша, женихъ Галины, пріѣхавшій съ нею проститься; здѣсь же скрывался нелегальный Андрей, съ которымъ раньше работали вмѣстѣ. Счастливо проскочившій Дувановъ могъ жить на свободѣ; Андрей бѣжалъ изъ ссылки и опять собирался работать. Пріятели, близко знавшіе другъ друга, теперь, послѣ двухъ лѣтъ разлуки оба замѣтили какую-то выросшую между ними отчужденность, перемѣну, которую Андрей готовъ былъ назвать измѣной своимъ убѣжденіямъ. Нѣсколько дней, проведенные вмѣстѣ, были мучительны для Дуванова. Изъ двухъ равныхъ людей, двухъ товарищей неожиданно вышли теперь подсудимый и обвинитель. Хуже было, что Дувановъ самъ сознавалъ себя подсудимымъ, сердился, но не могъ освободиться отъ страннаго сознанія какой то виновности. По всякому поводу у нихъ возникали споры, мучительные для обоихъ, еще болѣе запутывавшіе отношенія. Андрей возмущался „измѣной“ Гальки, но по странной причудѣ

обратилъ свой гнѣвъ на Константина, который въ дѣлѣ Гальки чувствовалъ себя совершенно не виноватымъ.

— Нѣтъ, извини, ты виноватъ,—упорно твердилъ Андрей.— Ты молчалъ, ты оставался равнодушнымъ...

Онъ никакъ не могъ повѣрить, чтобы эта удивительная дѣвушка, чтобы такой хорошій партійный работникъ вдругъ рѣшилась бросить все ради какого-то призрака, какой-то нелѣпой утопіи.

— Какъ ты могъ молчать? Развѣ это не то же самое, какъ видѣть утопающаго и спокойно стоять на берегу...

— Нѣтъ, это совсѣмъ не то,—возражалъ Дувановъ.— Вѣдь у нея шла своя внутренняя работа... Понимаешь, въ глубинѣ души совершился переломъ.

— Ну такъ что же? Тѣмъ болѣе ты долженъ былъ помочь ей. Но дѣло въ томъ, что ты самъ ослабъ, самъ изломался, утратилъ способность вліять. Вѣдь ты былъ сильный...

— Какая тутъ сила! — Дувановъ махнулъ рукой. — Самому бы какъ-нибудь прожить.

— Настька, да что съ тобой? Тебя подмѣнили. Неужели всѣ у васъ тутъ такіе? Чѣмъ вы живете? Вѣдь такъ недавно... Вспомни... Неужели ты забылъ все прошлое?

— Прошлое дурака, котораго обманулъ мерзавецъ. Какъ можешь ты, послѣ всего, что мы пережили, говорить о прошломъ безъ насмѣшки или проклятія?

— Это почему?—спокойно отвѣтилъ Андрей.—Во мнѣ ничего не измѣнилось. Были ошибки... Ихъ нужно помнить и не повторять. Можно говорить о средствахъ, но цѣли тѣ же. Развѣ то, что мы ненавидѣли, стало лучше? А то, что мы любили, стало менѣе дорогимъ?

— Ну, знаешь, тебя надо показывать, какъ рѣдкое ископаемое.

— Это—увертка, а не отвѣтъ.

Константинъ молчалъ. Онъ предчувствовалъ неизбѣжность разрыва, но боялся его.

— Скажи просто, что ты измѣнился,—неумолимо продолжалъ Андрей,—что ты сталъ глубже, шире, многостороннѣе, что передъ тобою раскрылись новые горизонты... Вообще наговори много красивыхъ словъ, которые принято говорить въ такихъ случаяхъ.

— Знаешь, что больно, а все бьешь по больному мѣсту. Что же дѣлать? Я не знаю, какъ это случилось, но у меня отъ прошлаго осталось только чувство страшной угнетенности и мучительнаго стыда. Будто я, Константинъ Дувановъ, сдѣлалъ какую то подлость и мнѣ плюнули въ лицо и только этотъ стыдъ заполняетъ всю душу. Больше ничего,

ничего! Ушло изъ души все сильное и ненависть, и любовь..'

Андрей иронически улыбался.

— Когда взяли Степана, когда его судили и приговорили,— продолжалъ Дувановъ, который уже не могъ остановиться,— я страдалъ, я мучился, я физически изнемогалъ, харкалъ кровью, бредилъ, но не было силъ ненавидѣть...

— Ну, такъ ты ни къ чорту не годишься. Если бы такъ было со мной, я бы застрѣлился.

— У тебя нѣтъ личныхъ переживаній...

— А, вотъ что...

— Да, мнѣ хочется за что-нибудь зацѣпиться... Въ первое время я былъ въ отчаяніи... Подумай, вѣдь это ужасъ... Передъ словомъ „партія" —я благоговѣлъ... И вдругъ оказалось, что я—жалкая пѣшка въ рукахъ самого черта. Меня преслѣдовала мысль, что мы всѣ на него работаемъ, а онъ про себя издѣвается надъ нами. Да, тогда я готовъ былъ застрѣлиться...

— А пока что, ты благополучно двигалъ науку...

— Нѣтъ, перестань, зачѣмъ это... Это дѣлалось машинально... Потомъ пришло другое... Загорѣлся свѣтлый лучъ...

— Явилась нѣкая дѣва...

— Да, явилась.

— Лавро-вишневыя капли.

— Пусть такъ... Мнѣ стало легче. Подумай: въ безпросвѣтной тьмѣ—вдругъ огонекъ...

— Райское видѣніе.

Лицо Андрея стало злымъ.

— Вы—мягкотѣлые,—сказалъ онъ гнѣвно.—Ничего у васъ нѣтъ своего. У васъ всегда была пустота въ душѣ. Чѣмъ ее наполнить,—вамъ все равно. Хотя бы пустяками,—лишь бы тамъ что-нибудь болталось.

Въ душѣ Дуванова также поднималась ненависть, но онъ сдерживался.

— Ты просто напускаешь на себя храбрость. Сидитъ и въ тебѣ червячокъ...

Андрей только махнулъ рукой.

— Ты думаешь, великая доблесть безсмысленно долбить въ одну точку. Повторять сказку про бѣлаго бычка. Я не могу этого... Кричите сколько вамъ угодно, я не повѣрю. Крикъ теперь никому не импонируетъ. Можетъ быть, надо остановиться, свернуть въ другую сторону... Смѣйся, пожалуй, но я не могу себѣ представить души, которая, переживъ прошлое, осталась бы неизмѣнной. Развѣ все, что совершилось, не прошло по тебѣ страшной тяжестью?

— Ты говорилъ о какомъ то стыдѣ, я его не испытываю, потому что иду впередъ. А ты отсталъ и прячешься.

— Я ушелъ не изъ страха,—Дувановъ вскочилъ и шагалъ по комнатѣ, стараясь подавить все сильнѣе поднимавшуюся злобу.—Я усталъ стремиться къ далекому неизвѣстному, усталъ жить безъ своего сегодня... Я пересталъ вѣрить вашимъ святынямъ...

— Ну, а я иду, чтобы другихъ заставить вѣрить.

Они остановились другъ противъ друга, эти два близкіе человѣка, когда то братски дѣлившіе удары жизни, а теперь охваченные взаимной ненавистью.

— Самъ-то ты вѣришь?—спросилъ Дувановъ.

Андрей опустилъ глаза и отвернулся.

— Это все равно,—сказалъ онъ.—Зачѣмъ копаться въ какихъ-то глубинахъ? Пока врагъ не сраженъ, нужно вести борьбу.

Онъ опять посмотрѣлъ на Дуванова, и въ его глазахъ теперь свѣтилась сила.

Дувановъ, который на мгновенье почувствовалъ себя побѣдителемъ и уже готовъ былъ торжествовать, увидѣлъ, что ошибся. Но онъ все-таки сказалъ то, что ему хотѣлось, подъ первымъ впечатлѣніемъ мгновенной слабости товарища.

— Ага, ты самъ не вѣришь!.. Мнѣ только этого и надо. Ты, конечно, не такъ глупъ, чтобы вѣрить... ну, а идешь такъ, по инерціи. Это—твоя профессія. Ты упрямо доигрываешь свою роль при пустомъ залѣ. Ты играешь безъ пафоса, безъ любви... Безъ той любви, которая вдохновляла насъ...

— Любви нѣтъ, но ненависть осталась. Я не понимаю жизни, если въ ней нѣтъ борьбы. Безъ борьбы она слякоть...

Андрей говорилъ съ такой убѣжденностью и силой, что Дувановъ вдругъ позавидовалъ товарищу. Почувствовалъ себя ничтожнымъ и слабымъ. Онъ безсильно опустился на стулъ, низко склонилъ лицо и заплакалъ.

— Я жалкій рабъ, я—нищій,—говорилъ онъ, не скрывая слезъ.—Я завидую тебѣ. Ты—богачъ.

— Да брось ты, перестань,—говорилъ растерянно Андрей, разводя руками.—Ну, что за аргументъ слезы! Вижу, что ты тоскуешь по старому, что ты только и живъ этой тоской.

Дувановъ успокоился, но не поднималъ головы, стыдясь своей слабости.

— Это съ тобой пройдетъ, пройдетъ,—утѣшалъ Андрей.— Ты еще къ намъ вернешься.

Нѣтъ, Дувановъ чувствовалъ, что это не пройдетъ. Любовь, которая казалась ему раньше спасеніемъ, теперь будетъ мѣшать ему.

Андрей, привыкшій властвовать, остро чувствовалъ свое безсиліе. Ушелъ Константинъ, уходила Галька. Всегда настойчиво отстаивавшій позиціи, онъ рѣшилъ дѣйствовать черезъ Гришу, бывшаго жениха Гальки. Онъ старался убѣдить его повліять на свою невѣсту. Но тотъ рѣшительно отказался.

— Я сторона заинтересованная,—заявилъ онъ.—Во мнѣ будетъ говорить только эгоизмъ. Какъ мнѣ знать—можетъ быть, она меня послушаетъ, а потомъ будетъ несчастна.

— Надо сохранить человѣка для дѣла и больше ни о чемъ не думать,—негодующе возражалъ Андрей.

— У меня другая точка зрѣнія,—мягко улыбаясь, говорилъ Гриша.—Я не могу насиловать чужую волю.

Андрей презиралъ такую точку зрѣнія и такія разсужденія. Не того ожидалъ онъ, возвращаясь сюда, рискуя каждую минуту жизнью во время побѣга. Онъ много читалъ и слышалъ про ужасы реакціи, но издали не могъ представить размѣровъ опустошенія, которое она несла съ собой.

— Ну, что же,—думалъ онъ,—посмотримъ на другихъ.

Ареопагъ собрался рано и оказался очень скромнымъ по количеству. Галька предупредила, что ей придется сегодня же уѣхать, и потому къ 7-ми часамъ всѣ были уже въ сборѣ. За чайнымъ столомъ суетилась Зоя, всегда готовая исполнять роль Мароы. Анина. болѣе склонная по своей природѣ быть Маріей, все-таки помогала ей рѣзать булку для бутербродовъ. Рита, какъ всегда, причудливо причесанная, но скромно одѣтая, явилась въ сопровожденіи Исторова и сейчасъ же расположились на турецкомъ диванѣ, какъ бы желая показать, что пришли только смотрѣть и слушать, а не принимать участіе въ бесѣдѣ.

Исторовъ уткнулся въ какую-то книжку. Дувановъ, нервный, подозрѣвавшій въ каждомъ словѣ Андрея насмѣшку, избѣгалъ встрѣчаться съ нимъ взглядомъ и весь ушелъ въ гостепріимство. Къ Ритѣ онъ обращался съ нѣсколько утрированной любезностью, опасаясь, какъ бы Андрей не узналъ въ ней предметъ его мечтаній. Но Андрей изъ всѣхъ присутствующихъ видѣлъ только Гальку. Худенькая, нервная, съ вьющимися волосами, небрежно поднятыми надъ широкимъ лбомъ, она быстро ходила по комнатѣ, кутаясь въ теплый платокъ. На ея блѣдныхъ щекахъ рѣзко выдѣлялись розовыя пятна, темные глаза смотрѣли упрямо изъ-подъ наивныхъ, высоко очерченныхъ, бровей.

Андрей, несмотря на свое нетерпѣніе, привыкъ къ правильнымъ спорамъ въ разныхъ собраніяхъ, гдѣ его часто избирали предсѣдателемъ. Ему и теперь хотѣлось установ-

вить какой-нибудь порядокъ бесѣды. Его раздражала Зоя эта допотопная нигилистка, беапрестанно вставлявшая свои стереотипныя фразы.

— Какъ это глупо, ни съ того ни съ сего бросить учиться,— воскликнула она сердито, разрѣзая колбасу.—Съ четвертаго курса идти въ монастырь. Я этого не понимаю. Бросить науку и предаться невѣжеству.

— Послушайте, Зоя,—перебилъ ее Гриша,—дайте же Галькѣ сказать. Какъ вы не понимаете: человѣкъ пережилъ страшный кризисъ.

Галька куталась въ платокъ и съ недоумѣніемъ пожимала плечами.

— Господа, право, такъ трудно объяснить,—говорила она.—Мнѣ самой не ясно. Это случилось такъ внезапно. Я вдругъ почувствовала, что не могу... ну, понимаете, не могу... Что-то давно накоплялось во мнѣ... Я старалась разобраться въ этомъ. Мнѣ хотѣлось разсказать вамъ, какъ это случилось со мной... Во мнѣ что-то сломалось... Я не могу жить, мнѣ надо куда нибудь уйти.

— Что тутъ разбираться,—упрекнула Зоя.—Ты нужна партіи,—вотъ и все.

— Ага,—воскликнула Галька, точно обрадовавшись.—Ты говоришь то, что и я думала. Мнѣ тоже казалось, что я дѣлаю что-то большое, а въ результатѣ...—Она покачала головой.

— Послушай, Галька,—спокойно сказалъ Андрей,—развѣ ты могла учесть результаты нашей работы? Для этого еще не пришло время. Увѣряю тебя, что они огромны...

— Да, да, конечно,—торопливо согласилась Галька,— этого учесть нельзя.

Она, видимо, сказала это, чтобы не вступать въ лишніе споры.

— Въ такомъ случаѣ надо оставить этотъ аргументъ,— сказалъ Андрей.

— Надо оставить всѣ аргументы,—замѣтилъ Гриша, подавляя вздохъ,—кромѣ одного, который неопровержимъ— ея воля.

— Но мнѣ хотѣлось бы объяснить... Это—не капризъ, не случайное настроеніе... Все, что вокругъ меня, не то, что мнѣ нужно. Я не знаю, что я тамъ найду... Здѣсь я не могу жить... Мнѣ нужна какая-то особенная тишина, особый покой...

Она говорила мягко, съ какой то странной застѣнчивостью, смущенная тѣмъ, что не умѣла опредѣленнѣе выразить свои мысли.

— Что за вздоръ, я опять ничего не понимаю,—сказала

все такъ же ворчливо Зоя:—затвориться въ четырехъ стѣнахъ, среди бездѣльниковъ, тунеядцевъ, лицемѣровъ. Кругомъ идетъ широкая жизнь...

— Широкая жизнь? Вы находите вашу жизнь широкой?—сказала Галька, остановивъ долгій взглядъ на Зоѣ.

— Да, я не пойду въ монастырь.

— Четыре года тому назадъ я ѣхала учиться... Какъ много я ждала отъ новой жизни... Она рисовалась мнѣ такими яркими красками... Манила невѣдомыми далями... И какъ потомъ все стиралось, блѣднѣло... Я не знала, за что ухватиться. Политическая работа показалась спасеніемъ, партія — единственнымъ прибѣжищемъ... Я поступила въ солдаты и дѣлала то, что велятъ. Казалось, что завтра все перемѣнится, что начнется какая-то новая, свѣтлая жизнь... И когда пришло это завтра... что-же я буду говорить дальше?—вы сами знаете. Начался сплошной ужасъ... Я не могу...

Она замолчала. Дувановъ, слушая отзвуки своихъ мыслей, не только не сочувствовалъ имъ теперь, а готовъ былъ возражать и спорить. Только присутствіе Андрея стѣсняло его. Андрей такъ же не зналъ, что сказать дѣвушкѣ, тронутый ея искренностью. Ему мѣшали также возраженія Зои, такія элементарныя и шаблонныя по своей формѣ Онъ принималъ ихъ содержаніе, но форма его раздражала. Онъ, можетъ быть, сказалъ бы тоже самое, но иначе. Нельзя было такъ говорить съ этой измученной, израненной душой, которая уходила отъ жизни.

— Развѣ нѣтъ культурной работы?—робко замѣтилъ Гриша.

Зоя фыркнула.

— Возьми лучше свой чай,—иначе чортъ знаетъ до чего договоришься.

— Не мѣшай, Зоя,—нетерпѣливо сказалъ Гриша, принимая изъ ея рукъ стаканъ чая.—Почему ты такъ торопишься, Галька? Развѣ нельзя окончить раньше курсы?

— Я не могу. Вѣроятно, я больна. Я чувствую себя такъ глубоко несчастной. Все мнѣ причиняетъ тамъ невыразимыя страданія... Я вижу факты, иногда мелочи... Вижу отношеніе къ нимъ, и не могу...

Она нервно провела рукой по волосамъ, и голосъ ея, зазвенѣвъ, оборвался.

— Ты на что намекаешь?—сказала Зоя.—Говори прямо, нечего скрывать.

— Я и не скрываю. Это обыденные факты, мелочи, но отъ нихъ мнѣ больно. Въ послѣдній разъ, когда я тамъ была, помнишь, Анина, ты продавала книги...

Анина густо покраснѣла.

— Тебѣ пришлось уйти на нѣсколько минутъ и, когда ты вернулась, нѣсколько книгъ утащили...

— Сама говоришь, что это—мелочь,—сказала Зоя.

— Да, да, конечно, но мнѣ это было такъ непонятно странно... И много было еще другихъ мелочей... я не буду ихъ повторять.

Нѣсколько секундъ всѣ молчали.

Дувановъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ силы возразить Андрею.

— Ну вотъ, видишь... Тебя давно не было, и ты ничего не знаешь. Помнишь Долженкова? Онъ въ становые пристава поступилъ. Лѣтомъ встрѣтились. Онъ радъ, жметъ руку. Я ему говорю: а въ кутузку не посадишь? „А ты веди себя хорошо, говоритъ, пропаганды не заводи“.

— У насъ на курсѣ,—сказалъ Гриша,—порнографію потихоньку продавали.

— Ну такъ что же?—рѣзко сказала Зоя,—можетъ быть, отъ голоду кто и продавалъ.

— Никогда мы не были такими несчастными,—тихо сказала Галька.—Раньше мы ждали чего-то, во что-то вѣрили... Были люди, которыхъ мы признавали своими учителями... Было сознаніе долга... Было высокое чувство человѣческаго достоинства... Теперь мы отвергли все... Искали кого-то, своего *я*. А оно такое маленькое, такое жалкое, безъ прошлаго и безъ будущаго... Мы думали, что это индивидуальность... Что можно творить жизнь изъ ничего... Изъ своего настроенія... И въ результатѣ оказалось, что мы просто упали въ пустоту. У меня нѣтъ ни вѣры въ эту жизнь, ни любви къ ней...

— Это правда, что сейчасъ очень тяжело, — сказала Анина, — но тѣмъ болѣе надо быть сильными, чтобы перенести эту тяжесть.

— Мнѣ хочется сейчасъ дѣлать самое маленькое, но чтобы это было кому нибудь нужно.

— Да что же ты будешь дѣлать въ монастырѣ? — спросила Зоя, гремя посудой, на которой вымещала свое негодованіе.

— Буду учить ихъ пѣть. У нихъ есть рояль.

— Ты тамъ говорить разучишься, а будешь все пѣть.

Галька улыбнулась.

— Тамъ есть совсѣмъ интеллигентныя монахини.

— Ахъ, ахъ, — раздались вдругъ стоны Риты, — какая скука! Какъ все это надоѣло до одурѣнія...

Всѣ оглянулись на нее, но молчали. Только Зоя сказала:

— Обидѣлась, что не на нее смотрятъ.

— Нѣтъ, право, я не оттого,—мирно возразила Рита.— Такъ надоѣло все это, эта канитель... Эти разговоры о томъ, какъ жить. Дайте пожить такъ, просто.

Галька взглянула на часы и суетливо стала собираться.

— Мнѣ пора, господа.

Она надѣла круглую, низенькую шапочку, уже почти монастырскую, и неловко стояла посреди комнаты.

— Ты уже совсѣмъ?—спросилъ Гриша.

— Да, черезъ два дня совсѣмъ. Теперь я должна ѣхать въ монастырскую больницу, къ сестрѣ Марѳѣ.

— На послушаніе?—насмѣшливо спросила Зоя.

— Да,—просто отвѣтила Галька.

— Мы всѣ придемъ тебя провожать,—сказалъ Гриша.

— Вотъ хорошо. Такъ я еще не прощаюсь.

Когда за ней закрылась дверь, Дувановъ сказалъ, потихоньку вздохнувъ:

— Нѣтъ, братцы, кончено, ушла совсѣмъ.

— Господа, кто еще хочетъ чаю?—спросила Зоя.

Желающихъ не оказалось.

— Счастливая Галька,—сказала Рита.—Она все-таки чего-то захотѣла.

— А ты ничего не хочешь?—спросила Зоя.

— Не знаю. Кажется, ничего, — задумчиво отвѣтила Рита. — А ты, Анина, знаешь? Ахъ, я забыла, у тебя есть свое: сѣйте разумное, доброе, вѣчное.—Она зѣвнула, — охъ, спасибо сердечное... А вѣдь все это ложь.

Анина остановила на ней свои глубокіе, ясные глаза и спросила:

— Ты уже успѣла узнать, что это ложь?

— Другіе узнали. Работали, мечтали, страдали, боролись. Ну и, конечно, много читали, а въ результатѣ тѣ получили то же, что я—тоску.

— И я съ тобой согласенъ,—заговорилъ, наконецъ, Истоѣовъ, все время сидѣвшій въ качествѣ молчаливаго свидѣтеля.—Зачѣмъ читать? Вотъ Галька много читала, а теперь убѣжала отъ книгъ.

— Это потому, что она не читала Блавацкой, — усмѣхнулся Дувановъ,—а то бы она узнала про философскій камень и четвертое измѣреніе.

— Лучше ужъ читать Блавацкую, чѣмъ бездарныя брошюрки,—отвѣтилъ Афанасій Ивановичъ.

— Да, конечно, оккультныя науки отрываютъ отъ праха и возносятъ къ надзвѣзднымъ мірамъ.

— Да, только онѣ не всякому по плечу.

— Эй, что вы сцѣпились?—прервала ихъ Зоя.

Сама она всегда готова была сцѣпиться, но не любила, когда это дѣлали другіе.

Дувановъ пожалъ плечами.

— Самъ не пойму, отчего закипаетъ какая-то злоба и все хочется ругаться. Противно... Вѣдь живутъ же люди просто потому, что любятъ жизнь.

— А у тебя храбрости не хватаетъ,—замѣтилъ Андрей.— Ты трусъ. Чуть какой-нибудь жизненный фактъ—ты сейчасъ испугаешься.

Дувановъ улыбнулся, не возражая.

— Испугаюсь ли я,— задумчиво сказала Рита, слѣдя за цѣпью своихъ мыслей. Казалось, что она говорила для себя, какъ бы не замѣчая присутствовавшихъ. — Въ жизни есть только одно цѣнное—любовь. И даже не любовь, а страсть.

Зоя, вся охваченная негодованіемъ, готова была выступить съ возраженіемъ, но Исторовъ перебилъ ее.

— Да,—сказалъ онъ спокойно,—въ особенности, если къ страсти прибавить элементъ запретнаго и развращеннаго...

Рита взглянула на него равнодушно и сказала:

— Конечно, это еще лучше.

— Фу, что за мерзость,—воскликнула Зоя.—Да вы издѣваетесь надъ нами?

— Перестань, Зоя,—нетерпѣливо возразилъ Дувановъ.— Всякій понимаетъ любовь по своему. Я понимаю любовь, какъ поклоненіе. Поклоненіе тому божественному, что есть въ женщинѣ. И тому, что я ношу въ себѣ. Въ женщинѣ я люблю себя, свою истинную сущность. Вы знаете такую легенду: когда создавали человѣка, мужчина захватилъ себѣ всю душу. Но совѣсть мучитъ его. И онъ ищетъ ту, которой онъ долженъ отдать похищенную половину.

— Ну, пошелъ, поѣхалъ, распустилъ павлиній хвостъ.

— И правъ, что распустилъ. Потому что захватилъ двѣ души вмѣсто одной,—сказала Рита.—И, вѣроятно, это моя Вѣдь я свою, кажется, потеряла...

Послѣ маленькой паузы она докончила, вставая:

— Впрочемъ, если сказать правду, то я и не нуждаюсь въ душѣ. А вотъ спать, пожалуй, пора. Прощай, Анина.

Рита крѣпко обняла подругу, точно предчувствуя, что видитъ ее въ послѣдній разъ.

Утромъ Анину арестовали.

IV.

На улицѣ кузены нѣкоторое время молчали. Рита шла шибко, спрятавъ руки въ большую муфту, и старалась угадать, сознательно ли ея спутникъ упомянулъ о страсти. Точно угадывая ея мысли, Исторовъ сказалъ:

— Я вѣдь сказалъ то, что и слѣдовало сказать, ни больше, ни меньше.

Рита удивилась, даже кончики пальцевъ у нея похолодѣли и покрылись потомъ. Но она не хотѣла выдать себя и насмѣшливо улыбнулась.

— Ты—магъ и чародѣй. Тебѣ бы завести кабинетъ хироманта.

— Это еще рано,—серьезно отвѣчалъ Исторовъ.—Я не вполнѣ готовъ. Твоя насмѣшка доказываетъ только твою неопытность. То, что тебя поразило, слишкомъ примитивно. Мнѣ тутъ нечѣмъ гордиться...

— Скромность украшаетъ мужа...

— Это такъ просто,—догматически продолжалъ Исторовъ.—Ты должна была думать о томъ, что тебя больше всего поразило.

— Вовсе не поразило.

— Ну, хорошо, пусть заинтересовало. Вѣдь ты думала объ этомъ.

— И еще о томъ, какое право ты имѣешь вмѣшиваться въ мои дѣла.

Онъ усмѣхнулся.

— Что за мѣщанская пошлость упоминать о какомъ-то правѣ? Вѣдь ты презираешь мѣщанство? Скажи, что такое право? Гдѣ норма, гдѣ предѣлъ правъ человѣка надъ человѣкомъ? Право тамъ, гдѣ сила. Почему мы съ тобой имѣемъ право уговариватъ Гальку, врываться въ очень интимные моменты ея жизни, а я не имѣю права говорить съ тобой объ отчимѣ? Почему разговоръ о монастырѣ не оскорбляетъ, а намекъ на романъ между падчерицей и отчимомъ показался обиднымъ?

— Я сказала бы тебѣ, что ты нахалъ, но это также покажется тебѣ буржуазнымъ.

— Нѣтъ, я не нахалъ. Я сильный и потому не нахалъ. Я хочу имѣть вліяніе на твою судьбу. Если это мнѣ удастся, то это и будетъ мое право. А гдѣ есть такое право, тамъ нѣтъ нахальства.

— Вотъ какъ! Вліяніе на мою судьбу! Могу я знать,—хорошее или дурное?

Онъ молчалъ съ серьезнымъ лицомъ, какъ бы обдумывая отвѣтъ.

— Еще не знаю... Это вѣдь зависитъ и отъ тебя. Если твоя индивидуальность достаточно сильна, то я не смогу повернуть тебя сразу, безъ борьбы, и мнѣ придется развернуть полнѣе свои силы...

— Да ты все это серьезно?—воскликнула Рита, заинтересованная убѣжденностью его тона.

— Какъ нельзя болѣе серьезно. Ты вошла въ мою жизнь, и я не хочу, чтобы какой-то нелѣпый случай оторвалъ тебя... Вѣдь не даромъ такая цѣпь случайностей предшествовала нашей встрѣчѣ. Смерть твоего отца, замужество матери, твой отъѣздъ въ Москву къ намъ... Только наивные простецы не видятъ за обыденными явленіями скрытой ихъ сущности, которая ведетъ къ сознательной цѣли.

— Ты, кажется, считаешь себя центромъ мірозданія. Какая разница со мной! Я смотрю на себя, какъ на ничтожнѣйшую пылинку.

— Ну, вотъ я тебя и дополняю.

— Ты влюбленъ въ меня?

— Не въ этомъ дѣло. Я даже вполнѣ предвижу, что ты можешь выйти замужъ, и все такое... Но меня здѣсь оскорбляетъ низость...

Она рѣзко перебила его.

— Неправда, низости нѣтъ. Этого никогда не будетъ...

— Ты—слѣпая. Я вижу дальше тебя. И когда-нибудь ты сама не побоишься признаться...

— Я и теперь ничего не боюсь. Мнѣ просто нравится стоять на той грани, за которой мѣщанство переходитъ въ ужасъ.

— Ты видишь въ этомъ дерзаніе.

— Дерзаніе? Нѣтъ, это было бы слишкомъ шикарно.. Просто дерзость.

— И это дѣлаетъ тебя счастливой?

— Ну, что касается счастья, то это надо оставить... Развѣ есть счастье? Я довольствуюсь развлеченьемъ. Это меня развлекаетъ. Подумай, какъ это занятно. Я вижу все насквозь, любуюсь его безсовѣстностью и его райскимъ ликомъ, а онъ воображаетъ, что я ангелъ простоты и невинности... Это игра, которая пока наполняетъ пустоту жизни.

— Пока? А что же потомъ?

— Ну, объ этомъ пусть позаботится судьба, а пока мнѣ нравится проявлять себя... Раньше онъ представлялъ себѣ меня кроткимъ агнцомъ, смиренно идущимъ на закланіе. Но скоро онъ убѣдится, что это была лишь овечья шкура...

Знаешь, это вродѣ пляски въ семи покрывалахъ; постепенно сбрасываешь одно за другимъ...

— И много ихъ еще осталось?

— До седьмого далеко.

— А ты не боишься въ этой игрѣ съ чортомъ проиграть свою душу?

— Я вѣдь сказала, что у меня нѣтъ души, по крайней мѣрѣ, я ее не замѣчаю.

— Берегись, теперь ты еще можешь остановиться, а потомъ, если бы даже ты захотѣла, будетъ поздно.

— Однако,—смѣясь сказала Рита,—намѣчая пути будущаго, ты заблудился въ обыкновенныхъ земныхъ улицахъ. Куда это мы зашли?

Рита остановилась на панели, вглядываясь въ темноту незнакомой мѣстности.

Онъ повернулъ обратно, но продолжалъ, охваченный своими мыслями:

— Правда, человѣкъ самъ выбираетъ свой путь, но разъ онъ выбранъ, свернуть уже нельзя. Судьба толкаетъ все дальше и дальше... Ты спрашивала меня, какое вліяніе я буду имѣть на твою судьбу. Мнѣ кажется сейчасъ, что злое... Если ты не остановишься, не послушаешь меня, я... да, я не смогу тебѣ помочь тогда, когда ты будешь въ этомъ нуждаться...

— Знаешь, вѣдь это становится интереснымъ. Можетъ быть, ты, Афанасій Ивановичъ, злодѣй?

Онъ отвѣчалъ все тѣмъ же серьезнымъ тономъ:

— Возможно... Во мнѣ сидитъ Цезарь Борджіа... Только Цезарь вѣка аэроплановъ, вооруженный гораздо лучше, чѣмъ тотъ наивный человѣкъ. Бываютъ моменты, когда я чувствую, что онъ во мнѣ, когда я чувствую его душу... И вѣдь онъ долженъ проявиться...

Они подходили къ дому.

— Мнѣ кажется, что у тебя въ душѣ ведутъ жестокую борьбу Цезарь съ Хлестаковымъ,—сказала Рита, нажимая звонокъ.

V.

На слѣдующій день Риту разбудилъ шумъ. Не было еще восьми часовъ, а мамуся уже встала. Изъ столовой раздавались боевые звуки: „Олимпіада, подай серебро, Олимпіада, принеси скатерти. Гдѣ серебрянная солонка? Я здѣсь не вижу дессертнаго понса“.

Очевидно, въ домѣ Скадовскихъ наступилъ періодъ классовой борьбы. Это давно носилось въ воздухѣ и, какъ всегда,

началось съ безконечно малаго, съ какой-нибудь щетки или тряпки. Щетокъ и тряпокъ въ домѣ, самыхъ разнообразныхъ формъ и назначеній, имѣлось множество. Каждая щетка имѣла свое мѣсто, что и внушалось каждой вновь нанимаемой прислугѣ. Въ нормальное время Людмила Игнатьевна соглашалась, что отъ людей нельзя требовать совершенства, и смотрѣла сквозь пальцы на упущенія. Но періодически наступали дни, когда вопросъ о щеткахъ и тряпкахъ становился боевымъ. Замѣчанія о неправильномъ мѣстонахожденіи щетки переходили въ крики, крики въ угрозы, а затѣмъ уже отношенія обострялись на столько, что приходилъ кризисъ и требовалась перемѣна министерства.

Рита, закутавшись въ одѣяло, положивъ подушечку на ухо, свернулась калачикомъ, пытаясь заснуть подъ звонъ серебра, подъ стукъ захлопываемыхъ шкафовъ; но это ей не удавалось. Она встала, покоряясь неизбѣжности, и вышла пить кофе. Ее встрѣтила Олимпіада съ распухшими глазами. Маркъ, торопливо собиравшій свои реторты, едва кивнулъ ей головой: это было наиболѣе подходящее время для самыхъ рискованныхъ химическихъ опытовъ. Мамуся, не успѣвшая снять стальныхъ папильотокъ, какъ погремушки обвѣшивавшихъ ея голову, имѣла вдохновенный видъ полководца, готоваго дать рѣшительное сраженіе. За ней бѣгала Фима, какъ всегда независимая, оживленная, не знающая бренности земного существованія. Выглянула изъ двери заспанная физіономія Жоржика, глаза котораго еще слипались, но ротъ уже растянулся широкой улыбкой.

— День Маримондъ, — произнесъ онъ и, радостный, скрылся.

Георгій Константиновичъ уже сидѣлъ за утреннимъ кофе, элегантно одѣтый по самому хорошему тону.

— Да, день Маримондъ,—вздыхаетъ онъ.

— Уходили бы уже въ свою коммиссію,—ворчитъ Олимпіада.

Кузенъ Фоня спѣшилъ исчезнуть въ университетъ. Маркъ безпрепятственно завладѣваетъ всѣми комнатами для своей химіи, а Жоржикъ спѣшитъ выпить кофе, чтобы поскорѣй констатировать все совершающееся съ точностью и безпристрастіемъ лѣтописца. Швейцару посланъ строжайшій приказъ никого не принимать. Даже дѣдушка, любознательность котораго неисчерпаема, явившись къ завтраку, обнаруживаетъ намѣреніе удалиться. Всегда гостепріемная Людмила Игнатьевна теперь его не удерживаетъ. Даже совсѣмъ напротивъ.

— Возьмите къ себѣ дѣтей, ради Бога,—кричитъ она,—

отъ этой химіи дышать нельзя, а Жоржикъ страшно надоѣдаетъ.

Дѣдушка не согласенъ. Маркъ неравнодушенъ къ его минераламъ и непремѣнно стащитъ что нибудь...

— Пожалуйста,—настаиваетъ Людмила Игнатьевна.—Ты имъ покажешь свою превосходную коллекцію. Дѣтямъ это такъ полезно.

Лесть дѣйствуетъ. Лицо дѣдушки свѣтлѣетъ. Онъ говоритъ дружелюбно:

— Ну, сорванцы, идемъ.

Дѣти уходятъ довольные. Маркъ надѣется что-нибудь пріобрѣсти, а Жоржику вездѣ хорошо. Дѣдушка также счастливъ. Онъ водитъ дѣтей по узенькому половичку возлѣ шкафовъ, гдѣ хранятся его сокровища. Чего тутъ только нѣтъ! Какія замысловатыя названія приклеены къ самымъ простымъ камнямъ. Псиломеланъ, эвклазъ — едва видный глазу, но большая драгоцѣнность. Пиромозитъ, хеостолитъ, двуосные кристаллы золота, алмазъ въ кремнистомъ туфѣ, похожемъ на громадную женщину, съ маленькими сверкающими камушками на спинѣ. Что то такое, чего Жоржикъ не дослышалъ, вродѣ пестрой побѣжалости. Всѣ засмѣялись. Дѣдушка принялся даже сочинять какіе-то минералогическіе стихи.

Всѣ смѣялись. Дѣдушка вдругъ сдѣлалъ серьезное лицо и сказалъ:

— Понимаете ли вы, что минералы — это все. Ими все начинается, ими все кончается. Все, что живетъ на землѣ, питается минералами.

— Нѣтъ, я никогда не ѣмъ камней,—сказалъ Жоржикъ, иронически улыбаясь.

Маркъ сталъ ему объяснять.

— Вотъ и дуракъ... Вѣдь изъ минеральныхъ растворовъ растенія извлекаютъ свою пищу, а растеніями питаются животныя.

— Ну, конечно,—обрадовался дѣдушка,— безъ вывѣтриванія минераловъ не было бы жизни на землѣ.

Дѣдушка окончательно размякъ, и Маркъ тотчасъ же воспользовался этимъ.

— Дѣдъ, позволь мнѣ для опыта кусочекъ турмалина,— вкрадчиво сказалъ онъ.

Дѣдушка насторожился, но послѣ легкаго колебанія сказалъ:

— Пожалуй, я тебѣ дамъ.

Они занялись приготовленіями. Жоржику стало скучно. Онъ гораздо болѣе интересовался тѣмъ, что происходило у нихъ въ домѣ.

— Я пускаю въ ходъ четвертое измѣреніе,—т. е. исчезаю,— воскликнулъ онъ, убѣгая.

Дома, дѣйствительно, было интереснѣе. Бытъ сверкалъ многогранно, гораздо ярче алмаза въ кремнистомъ туфѣ. Людмила Игнатьевна въ томъ же капотѣ и съ тѣми же папильотками сидитъ въ людской „на пріемѣ". Съ чернаго хода то и дѣло раздаются звонки. Это все являются Маримонды съ пригласительными открытками въ рукахъ. Открытки разсылаются съ такимъ разсчетомъ, чтобы кандидатки не собирались всѣ вмѣстѣ, а главное, чтобы онѣ были ограждены отъ враждебныхъ вліяній Олимпіады. Но такъ какъ судьба часто разрушаетъ всѣ человѣческіе разсчеты, то въ кухнѣ настоящій митингъ, на которомъ роковымъ образомъ предсѣдательствуетъ Олимпіада съ Фимой. За то въ людскую каждая входила отдѣльно. Мамуся встрѣчала всѣхъ радушно, освѣдомлялась о возрастѣ, о прежней службѣ, о семейномъ положеніи. Она была живое воплощеніе миролюбія и кротости, въ противоположность мрачной Олимпіадѣ, злобствовавшей и фыркавшей въ кухнѣ. Всѣ Маримонды, съ своей стороны, заявляли себя, какъ истинные ангелы смиренія. Наконецъ, когда „самая лучшая" была выбрана, паспортъ запирается въ шифоньерку, мамуся, съ довольнымъ лицомъ, освобождаетъ косичку изъ стальныхъ тисковъ и надѣваетъ платье. Она искренно вѣритъ въ наступленіе новой эры. Наконецъ, въ домѣ установятся порядокъ, спокойствіе, тишина. Но, какъ только Олимпіада уложитъ свои сундуки, сердце мамуси сожмется, она почувствуетъ себя неудовлетворенной... Потихоньку зазываетъ къ себѣ Фимочку, пичкаетъ ее лакомствами, прижимаетъ къ своей груди, цѣлуетъ. Жоржикъ, отъ зоркихъ глазъ котораго не ускользаетъ ничто, къ концу дня опредѣляетъ положеніе дѣла.

— Теперь Олимпъ произнесетъ свое слово, и новая Маримонда вылетитъ въ трубу.

Людмила Игнатьевна возмущается. Нѣтъ, этого никогда не будетъ. Дѣло покончено разъ навсегда. Но въ тайникахъ души выростаетъ желаніе, чтобы предсказаніе Жоржика исполнилось. Она такъ привыкла къ Фимочкѣ. Да и эта новая Маримонда... Вчера она была сладкая, какъ медъ, а уже сегодня проявляетъ свой характеръ. Какъ, ежедневно какой-то метелочкой обтряхивать шторы? Какимъ-то валикомъ тереть ковры? Ежедневно переворачивать всѣ матрацы? Восемь матрацовъ! Мебель въ гостиной чистить мягкой щеткой, а въ столовой — твердой щеткой. И всѣ эти щетки, валики и метелки надо ставить каждое на свое мѣсто? Мало-по-малу лицо Маримонды мрачнѣетъ; начинается хлопанье

дверями; дрова, съ грохотомъ и шумомъ, швыряются на паркетъ... А въ это время Олимпіада — сама кротость. Она такъ заботливо и ловко исправляетъ недочеты новой Маримонды. И вотъ, въ рѣшительный моментъ передъ разлукой, сердца враждующихъ смягчаются. Весь вопросъ только въ томъ, кто сдѣлаетъ первый шагъ. Маленькая Фимочка свободно и беззаботно бѣгаетъ по комнатамъ и въ кухнѣ. Маримонда инстинктивно угадываетъ непрочность своего положенія; дѣлаетъ все безтолково, а главное, ворчитъ и покрикиваетъ на Фимочку. Это вдругъ объединяетъ враждующія стороны. Олимпіада смиренно приноситъ барынѣ жалобу. Барыня вступается за крошку, и Маримонда вылетаетъ въ трубу. Старый порядокъ торжествуетъ. Въ квартирѣ все блеститъ. Мебель, ковры, портьеры идеально вычищены, щетки и тряпки покоятся въ установленномъ мѣстѣ, обѣдъ поданъ вовремя, съ любимыми блюдами Георгія Константиновича.

VI.

Наступила полоса успокоенія. Людмила Игнатьевна была счастлива. Вышелъ альманахъ со стихотвореніемъ Георгія Константиновича. Она носилась съ книгой и выучила стихи наизусть. Они казались ей перломъ художественнаго творчества. Она читала ихъ Фонѣ и Ритѣ. Фоня скептически улыбался, а Рита сказала:

— Мамуся, мой невинный агнецъ, что ты понимаешь въ этомъ?

Стихотвореніе называлось „Красота грѣха". Мамуся обидѣлась.

— Знаешь, это уже слишкомъ. Я понимаю красоту грѣха, такъ сказать, въ художественномъ смыслѣ, а не какъ-нибудь тамъ...

Она запуталась и покраснѣла.

Давно уже Георгій Константиновичъ не былъ такъ плодовитъ, какъ въ послѣднее время... Но его настроеніе и темы стиховъ рѣзко измѣнились. Еще такъ недавно онъ былъ пессимистомъ. Онъ громилъ міръ и его презрѣнные соблазны. А теперь воспѣвалъ красоту Діонисовскую. Къ сожалѣнію, редакторы журналовъ въ оцѣнкѣ его произведеній не сходились во взглядахъ съ Людмилой Игнатьевной, и многіе восторженные гимны Афродитѣ оставались погребенными въ письменномъ столѣ автора. Тѣмъ съ большимъ торжествомъ держала Людмила Игнатьевна тоненькую книжку альманаха.

— Какіе дивные стихи!—воскликнула она, входя въ кабинетъ мужа.—Какъ это ты хорошо схватилъ этотъ оргіазмъ и какое прекрасное заглавіе: „Красота грѣха"... Это такъ сильно.

Георгій Константиновичъ улыбался и гладилъ барскою рукой своего друга, пышнаго сибирскаго кота Витязя, который всегда сидѣлъ у него въ широкомъ кожаномъ креслѣ. Больше всего на свѣтѣ онъ дорожилъ преклоненіемъ. Людмилу Игнатьевну онъ любилъ за то, что она умѣла преклоняться и дѣлала это отъ души, съ нѣжной искренностью. Отравленный никогда не покидающимъ его ядомъ зависти, онъ отдыхалъ въ фиміамѣ преклоненія.

Увидѣвъ на столѣ толстую тетрадь непринятаго стихотворенія, она сказала съ негодованіемъ:

— Не понимаю, почему возвратили эти стихи! „Каинъ—ты братъ мой". Какъ это вѣрно. Конечно, нужно больше жалѣть Каина. Авель умеръ—и конецъ, а Каину пришлось всю жизнь страдать.

Это стихотвореніе имѣло даже нѣсколько біографическій характеръ. У Скадовскаго былъ братъ, юноша поразительной красоты. Всѣ смотрѣли на него съ изумленіемъ и восторгомъ. Достаточно было появиться ему въ обществѣ, чтобы всѣ взоры устремлялись къ нему, и самые умныя реплики старшаго брата, и самые прекрасные его стихи не могли привлечь ничьего вниманія, когда можно было заглянуть въ темно-синіе, глубокіе, загадочные глаза брата. Георгій Константиновичъ возненавидѣлъ его и почти радовался, когда тотъ умеръ, совсѣмъ молодымъ.

Людмила Игнатьевна еще долго говорила о несправедливости редактора. Георгій Константиновичъ слушалъ, продолжая ласкать Витязя.

— А ты знаешь, что Рита также пишетъ стихи?—таинственно сказала она.

Изъ благосклоннаго лицо Георгія Константиновича стало скучающимъ.

— Какъ жаль, что она ничего не дѣлаетъ. Вѣдь ты имѣешь вліяніе на Риту. Сдѣлай такъ, чтобы она занялась чѣмъ-нибудь. Дѣвушка то болтается по цѣлымъ днямъ безъ дѣла, то пропадаетъ куда-то...

— Голубушка моя, естественно, чтобы это сдѣлала ты.

— Нѣтъ, меня она не слушаетъ. Я пыталась, но не знаю, что дѣлать. Она говоритъ, что ей все надоѣло. И она все бросаетъ. Начала играть, и ее хвалили—бросила; ходила къ художнику и начала прекрасно рисовать — бросила. Про курсы совсѣмъ забыла. А что она читаетъ? Посмотри ея книги. Одна радикальная порнографія.

— Этому ее въ Москвѣ научили.

— Да, я виновата. Я постоянно упрекаю себя. Но что мнѣ было дѣлать? Когда я сказала, что выхожу замужъ, съ ней начались истерики... Конечно, если бы я была настоящая мать...—Людмила Игнатьевна положила голову на плечо мужа.

— Развѣ я могла отказаться отъ тебя? И я ее послала туда не надолго. Я ѣздила за ней, но она тогда отказалась вернуться. Я утратила все мое вліяніе на нее. Она относится ко мнѣ, какъ къ ребенку. Но я чувствую, какъ что-то угнетаетъ ее. Можетъ быть, она съ тобой будетъ откровеннѣе. Можетъ быть, она влюблена? Голубчикъ, поговори съ ней. Я пошлю ее къ тебѣ. Хорошо?

— Ну, зачѣмъ же такъ стремительно?—сказалъ Георгій Константиновичъ, мягко улыбаясь.—Я также хотѣлъ поговорить съ тобой... Нѣтъ, ничего, пустяки,—прибавилъ онъ, замѣтивъ тревогу на лицѣ жены.—Я только хотѣлъ спросить... что, Фоня будетъ жить у насъ всю зиму?

Людмила Игнатьевна взволновалась.

— А что? Это тебѣ непріятно?

— О, нѣтъ, онъ очень милый. Я противъ него ничего не имѣю... Но, помнишь, еще лѣтомъ докторъ говорилъ, что мнѣ нуженъ физическій трудъ...

— Да, да,—съ полной готовностью согласилась она, стараясь это припомнить.

— Я предназначалъ тогда эту маленькую комнату для мастерской.

— Конечно, это надо устроить. Непремѣнно надо... Только знаешь, ужасно неловко... Рита три года жила у сестры...

— Нѣтъ, что ты, я просто найму маленькую комнату гдѣ-нибудь недалеко.

Она стала возражать, но Георгій Константиновичъ поцѣловалъ ее и рѣшительно сказалъ:

— Нѣтъ, я не допущу, чтобы выселяли Фоню. Это такой пустякъ.

— Но тебѣ это будетъ неудобно?—боязливо спросила она.

— Да вовсе нѣтъ.

Онъ погладилъ ея волосы, и повеселѣвшая Людмила Игнатьевна направилась къ двери.

— Такъ я пришлю Риту?

Онъ только пожалъ плечами.

Черезъ минуту на ея мѣстѣ появилась падчерица съ выраженіемъ вопроса въ насмѣшливо блестѣвшихъ глазахъ.

— Мамуся желаетъ, чтобы ты повліялъ на мою нравственность. Вѣроятно, для этого она читала мнѣ сегодня

твою „Красоту грѣха...“ Можетъ быть, ты хочешь прочесть мнѣ еще что-нибудь въ этомъ родѣ?

— Да,—меланхолически отвѣтилъ Георгій Константиновичъ.—Это—стрѣла сарказма, брошенная въ людей.

— Стрѣла не изъ смертоносныхъ,—замѣтила Рита, потянувъ за ухо кота, сидѣвшаго на диванѣ, какъ величественное изваяніе.

— Какъ я ошибся въ тебѣ,—сказалъ Георгій Константиновичъ.—Я думалъ, что ты наивная, прямая, честная...

— Ну, и что же?.. Какая же я?

— Не знаю. Природа дала тебѣ дерзновенность и безсознательную жажду зла...

— Жажду зла? Нѣтъ... Жаждать зла—это сильное чувство. Отъ него душа горитъ, искрится, играетъ. А моя душа—поле безплодное. На ней ничего не растетъ. О, если-бы я могла хоть зломъ зажечь ее...

— Ты бы ни передъ чѣмъ не остановилась?

— Ну, это фразы. Что значитъ ни передъ чѣмъ? Такія драматическія положенія въ жизни встрѣчаются рѣдко.

— А сейчасъ тебѣ чего хочется?

— Сейчасъ? Сейчасъ мнѣ хочется потянуть кота за хвостъ...

Она такъ энергично исполнила свое желаніе, что котъ замяукалъ и бросился къ Георгію Константиновичу за утѣшеніемъ. Георгій Константиновичъ приласкалъ кота и спросилъ съ дѣланнымъ спокойствіемъ:

— А кромѣ этого тебѣ еще чего бы хотѣлось?

— Не знаю... Я какъ то никогда не знаю, чего мнѣ хочется. Другіе знаютъ, а я нѣтъ...

— Какъ это странно! А мнѣ показалось, что душа твоя засверкала всѣми своими лучезарными гранями, что, когда пришло таинственное, чудное чувство...

— Ахъ нѣтъ! Я, къ сожалѣнію, никогда не испытывала ничего таинственнаго... Для меня всегда все было ясно.

— Всегда? Все? Даже то, что происходитъ теперь въ твоей душѣ?

— Да, — отвѣтила она смѣло, останавливая на немъ взглядъ.

— Тогда скажи... Вѣдь каждая сознанная правда дѣлаетъ душу смѣлой?

Она молчала, сдерживая улыбку. Какъ онъ наивенъ! Наивнѣе, чѣмъ она предполагала. Неужели онъ принимаетъ ее за дѣвчонку? Или это педагогическій пріемъ?

Ей вдругъ захотѣлось разыграть наивность. Любопытно, что изъ этого выйдетъ.

— Что ты хочешь сказать?—спросила она, какъ бы недоумѣвая.

— Неужели ты ни разу не заглянула въ себя? Ты боишься? Ты не увѣрена въ себѣ?

Она смущенно потянулась, играя свою роль.

— Ты чувствуешь себя преступной? Скажи! Слово, произнесенное громко, разсѣиваетъ страхъ.

— Да,—чуть слышно прошептала она.

— Но развѣ здѣсь есть преступленье? Здѣсь только красота и радость жизни. Кому повредитъ то, что душа твоя расцвѣла, слившись съ моею душою?.. Кто здѣсь потерпѣвшій? Развѣ мы что нибудь отнимаемъ? Вотъ это дѣйствительно преступленіе, коверкать свою душу ради какихъ-то обветшалыхъ цѣнностей... Каждый вправѣ быть тѣмъ, что онъ есть... Брать то, что онъ хочетъ... Только шагая черезъ предразсудки, люди поднимаются...

— Бѣдная мамуся...

— Почему бѣдная? Развѣ потому, что не понимаетъ всего, какъ слѣдуетъ. Что ты отнимаешь у нея? Никто не можетъ быть ничьей собственностью. Ты только взяла частицу моей души и стала богаче.

— А ты?—прошептала Рита, все ниже опуская голову.

— Я?—мягкимъ жестомъ онъ сбросилъ Витязя на полъ и направился къ Ритѣ, протягивая къ ней руки.

Рита вдругъ вскочила и высоко подняла смѣющееся лицо; въ ея длинныхъ глазахъ сверкали злорадныя искры.

— Великолѣпно!—сказала она.—Но какъ называла бы презрѣнная толпа то, что мы сейчасъ дѣлаемъ?

Онъ растерялся отъ вопроса и отъ неожиданной перемѣны ея лица. Усиліемъ воли онъ подавилъ мучительный моментъ униженія и, овладѣвъ собой, сказалъ:

— Важно не то, что дѣлаютъ, а какъ дѣлаютъ.

— Нѣтъ, всѣ просто сказали-бы: онъ соблазняетъ дочь своей жены. Имѣй-же мужество сознаться. «Вѣдь каждая сознанная правда»... и т. д.

— Ты смѣешься?

— Ага, ты трусъ! Ты требовалъ отъ меня смѣлости, а самъ? Ну что же, сознайся, перешагни. Скажи съ Діонисовской храбростью: да, я соблазняю дочь моей жены, но я такъ хочу. Я презираю то, что принято въ этой пошлой жизни. Я уношусь въ сказочную страну, въ царство красоты и свободы. Я схваченъ Діонисовскимъ ликованіемъ. Я вдохновляюсь священной оргіей...

Онъ смотрѣлъ на нее испуганными глазами, не понимая, что кроется въ ея словахъ, иронія или убѣжденность.

Она смотрѣла на него сіяющими глазами.

— Ну что, развѣ ты не мѣщанинъ добродѣтели?

Они смотрѣли другъ на друга. Глаза его загорѣлись огнемъ ея глазъ, и все лицо его преобразилось. Рита быстро подбѣжала къ нему, обняла его шею и поцѣловала въ губы Раньше, чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, она уже стояла у двери.

— До свиданья,—прошептала она. А потомъ прибавила, уже уходя:—всѣ, всѣ умремъ.

Съ этими непонятными словами, произнесенными съ особенной выразительностью, она убѣжала.

Когда она шла въ свою комнату, она чувствовала себя необыкновенно сильной, точно выросшей.

Съ какимъ то лихорадочнымъ любопытствомъ она мысленно повторяла вопросъ: „что будетъ дальше, что будетъ дальше?“

VII.

Сдержанность отчима удивляла Риту. Ей такъ хотѣлось повѣрить, что существуютъ какія-то особенныя демоническія силы. Хотѣлось, чтобъ онѣ были въ немъ. Она ждала порыва, увлеченья, страсти, а вмѣсто того въ его холодной сдержанности она угадывала какой-то разсчетъ. Въ ней поднималось чувство обиды, иногда возроставшей до ненависти. Встрѣчались они рѣдко. За столомъ, когда собирались всѣ, Рита бывала съ нимъ дерзка, что чрезвычайно огорчало Людмилу Игнатьевну. Бѣдная мамуся, не зная, что дѣлать, обращалась за содѣйствіемъ даже къ племяннику.

— Скажи ей, Фоня... Такъ невыносимо, когда въ семьѣ раздоръ.

Исторовъ отвѣчалъ шуткой:

— Милые бранятся—только тѣшатся.

Но Ритѣ онъ потомъ сказалъ:

— Твоя мать въ унизительно фальшивомъ положеніи. Какъ тебѣ не стыдно?

Рита въ передней надѣвала огромную шляпу передъ зеркаломъ и философически замѣтила:

— Жизнь создаетъ еще и не такія положенія.

Она направилась къ выходу.

— Погоди, я пойду съ тобой. Въ концѣ концовъ намъ надо поговорить.

— Не вижу въ этомъ надобности. Но, если это необходимо для твоего спокойствія...

Исторовъ надѣлъ пальто и вышелъ вслѣдъ за ней.

— Пойдемъ въ садъ,—сказалъ онъ.

Она пожала плечами.

— Въ четырнадцать лѣтъ, когда я приходила къ вамъ, я уже чувствовала себя свободной отъ опеки. Ты хочешь теперь взять на себя роль опекуна?

— Какъ я помню моментъ, когда ты появилась у насъ тоненькая, длинная—пресмѣшная! Моя первая любовь...

— Да, я остановилась посреди зала... Полъ блестѣлъ, и я смотрѣла на отраженье моихъ туфель... И ко мнѣ подошелъ гимназистъ, рыжій, съ веснушками... Когда мнѣ хотѣлось тебя дразнить, я называла тебя Афанасій Ивановичъ, и ты сердился.

— А я съ тѣхъ поръ считаю тебя родной, не потому, что ты моя кузина, а по духу. Твоя душа мнѣ родственна. И теперь я оскорбленъ.

— Да, я вѣдь и забыла, что и ты себя считаешь избранникомъ... А онъ также бывалъ оскорбленъ, когда за мной ухаживалъ Дувановъ.

— Рита, скажи! Ты дѣйствительно влюблена въ него?

Рита засмѣялась. На мгновенье она сама задумалась надъ этимъ вопросомъ. Если быть влюбленой—значитъ постоянно думать о немъ, засыпать и просыпаться съ мыслью о немъ, ждать встрѣчъ, дрожать отъ прикосновенья,—то она влюблена. Но, съ другой стороны, развѣ можно думать дурно о возлюбленномъ, не довѣрять ему, насмѣхаться, иногда даже презирать?..

— Право, не знаю,—искренно отвѣтила она. — Но развѣ дѣло въ такой наивной постановкѣ вопроса?

— Рита, но тогда это — развратъ, — воскликнулъ Исторовъ.

— А это что такое? Я не знаю...—съ такой же откровенностью отвѣтила дѣвушка.

Они вошли въ маленькій скверъ, наполненный дѣтьми, и сѣли на скамью.

— Возможно ли, что я потеряю тебя?—продолжалъ онъ печально. — Помнишь, въ Москвѣ, передъ отъѣздомъ... Мы были на Воробьевыхъ горахъ. Помнишь, какъ ты, споткнувшись, съѣхала внизъ... Мы сидѣли рядомъ на травѣ... Я говорилъ о смерти. Ты слушала задумчивая, серьезная... Мнѣ показалось, что ты чувствуешь тоже, что и я—презрѣніе къ земному... Я повѣрилъ, что ты будешь всегда такая, чуждая пошлости, съ вдохновенной душой.

— А со мной тогда было вотъ что: я наткнулась, уходя изъ дома, на сценку: моя тетушка, твоя мать обнимала... не твоего папашу. Я въ испугѣ бросилась бѣжать, но тетка догнала меня, вся смѣющаяся, веселая, и прочла цѣлую лекцію о томъ, что всякій можетъ дѣлать то, что ему хочется.

— Да, я это зналъ, но и отецъ зналъ. Вся жизнь у нихъ шла не въ серьезъ. Все считалось пустяками, каждое чувство подвергалось насмѣшкѣ.

— Я помню, что ты говорилъ мнѣ о смерти... Кажется, я впервые почувствовала тогда ничтожество и безсмыслицу жизни. И мнѣ пришло въ голову, что, пожалуй, тетка права. Разъ смерть неизбѣжна и никто не знаетъ своего часа, то надо дѣлать только то, что хочется...

Послѣ маленькой паузы, она прибавила:

— Но суть въ томъ, чтобы хотѣлось.

— Нѣтъ,—возразилъ Исторовъ, — мать была не права... Я думалъ сначала такъ же, какъ она. Я велъ безпутный образъ жизни. Но однажды на тѣхъ же Воробьевыхъ горахъ, когда я былъ тамъ одинъ и думалъ о тебѣ, я встрѣтилъ пьяную компанію. Она расположилась на травѣ. Шарманщикъ имъ игралъ изъ Травіаты, кругомъ валялись бутылки, безобразный красный толстякъ плясалъ, грубыя ругательства произносились въ видѣ милой шутки, у всѣхъ были дикія лица съ безсмысленными взглядами. Но всѣ казались безконечно счастливы и довольны. Я вдругъ усомнился въ дѣйствительности видимаго... Мнѣ представилось, что все, что мы видимъ, это не жизнь, а только грязная оболочка... Вродѣ какъ коконъ, который бросаетъ бабочка, вылетая изъ него. Я сталъ понимать, что все насъ окружающее, что вся видимая дѣйствительность не есть единственное состояніе человѣка, что у него есть нѣчто потустороннее. Что, выполняя свою временную задачу на землѣ, онъ готовится къ переходу...

— Значитъ, ты вѣришь въ Бога?—воскликнула она съ изумленіемъ.

— Погоди, это не такъ просто. Я возмутился тѣмъ, что мы осуждены на вѣчное незнаніе. Кто то крѣпко заперъ тайну жизни и забросилъ ключи. Я хочу найти ключи. Хочу быть царемъ міра, а не букашкой...

— Царь, выводящій свою родословную отъ обезьяны!.. Ты забылъ, что мертвецы владѣютъ нами; не оскорбляетъ ли это твоего царскаго достоинства?

— Да, мнѣ не дано узнать въ этой жизни, кто я. Можетъ быть, я только тѣнь. Даже только тѣнь тѣни. Но все-таки я звено безконечной цѣпи отъ начала бытія до безпредѣльностей будущаго. Знаешь, у Ренана: „Le grand peut être". Неужели дивное зданіе жизни можетъ рушиться оттого, что сгніетъ непрочная оболочка—мое тѣло? Я вѣрю во вселенную. Я считаю себя въ ней цѣлымъ и частицей... Я вѣрю, что буду жить въ вѣчности пространства и въ вѣчности времени. И я всегда видѣлъ себя вмѣстѣ съ тобой.

— Да, да... для этого надо сильно, сильно желать, а я ничего не хочу.

— Я заставлю тебя хотѣть. Правда, я еще не владѣю тѣми силами, которыя для этого необходимы. Но я буду сильнымъ. Знаешь, есть такіе люди, которые однимъ взглядомъ внушаютъ другимъ свою волю... И тогда я дамъ твоей душѣ новыя силы... Заставлю ее развернуться...

— И для этого ты учишься дышать одной ноздрей?— Она улыбнулась печально.

— Не смѣйся. Есть многое важное, что вначалѣ кажется смѣшнымъ... Я добьюсь своего и заставлю тебя повиноваться.

— Не будетъ ли тогда ужъ слишкомъ поздно?

Онъ схватилъ ея руку.

— Не такъ пылко... Дѣти и мамки смотрятъ на насъ.

— Рита, знаешь, у меня есть еще средство, скорое и вѣрное.

— Вотъ какъ! Ну?

— Я все разскажу твоей матери. Понимаешь, ты сдѣлаешься несчастной и тогда... Тогда ты можешь переродиться. Радость для прекраснаго тѣла, горе для прекрасной души. Я хочу, чтобы твоя душа осталась прекрасной.

Странная улыбка появилась на лицѣ Риты.

— Мамуся лучшее существо, которое я знаю... И мнѣ самой иногда приходило въ голову... Я думала, что было бы, если бы я сказала ей... Мной иногда овладѣваетъ тоска... Страшная, жуткая тоска... Такой мучительный огонь тоски, что, кажется, только ея слезы освѣжили бы меня... Кажется, что если я сдѣлаю ей больно—мнѣ станетъ легче. Все необыкновенное привлекательно... Дерзать—это еще то, что интересно.

— Но ты дерзишь, а не дерзаешь. Ты шутишь, смѣешься... Но придетъ день расплаты—и тогда я уже тебѣ не смогу помочь. Тебѣ придется искупить—понимаешь? Надо, чтобы душа твоя предстала чистой.

— Эхъ, Афанасій Ивановичъ! Тебѣ ли быть Цезаремъ Борджіа! Ты маленькій Гамлетикъ, растекаешься въ словахъ. Помнишь, какъ у Гамлета: „Иди въ монастырь“... Ну, а я пойду домой,—прибавила она и насмѣшливо улыбнулась при видѣ растеряннаго лица Исторова.

Юлія Безродная.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Ритуальные навѣты въ еврейскомъ народномъ творчествѣ.

Современное еврейское народное творчество представляетъ область, совершенно неизвѣстную не только широкимъ слоямъ общества, но и спеціалистамъ-этнографамъ. Сама еврейская интеллигенція (въ Россіи) лишь очень недавно заинтересовалась творчествомъ своего народа, и до сихъ поръ почти ничего не сдѣлала въ отношеніи систематическаго и научнаго собиранія и изданія произведеній этого творчества. Только въ самые послѣдніе мѣсяцы приступлено къ организаціи «Научной экспедиціи имени барона Горація Осиповича Гинцбурга для собиранія произведеній еврейскаго фольклора». Пока-же весь печатный матеріалъ по современному народному творчеству почти исчерпывается двумя болѣе или менѣе значительными сборниками, обязанными своимъ появленіемъ иниціативѣ и труду единичныхъ собирателей: «Сборникъ народныхъ пѣсенъ» (около 500), составленный С. М. Гинзбургомъ и П. С. Марекомъ (1901 г.), и «Сборникъ еврейскихъ пословицъ и поговорокъ» (около 4000), составленный Игнацомъ Беренштейномъ (1908 г.). Что-же касается другихъ областей фольклора, то по нимъ рѣшительно ничего не сдѣлано. Не издано даже ни одного сборника народныхъ сказокъ, сказаній, легендъ и притчъ, которыя положительно десятками тысячъ циркулируютъ въ народной средѣ и составляютъ, послѣ религіозной письменности, главную духовную пищу народной массы. Этимъ обширнымъ художественнымъ матеріаломъ широко воспользовалась одна лубочная литература *), въ изданіяхъ которой мы находимъ множество сказокъ, легендъ и сказаній. Къ сожалѣнію, лишь немногія изъ нихъ переданы болѣе или менѣе точно, съ сохраненіемъ наивной простоты языка. Большинство же подверглось сильному искаженію со стороны лубочныхъ писакъ, а то и религіозныхъ проповѣдниковъ, старавшихся приноро-

*) Въ послѣднее время и нѣкоторые еврейскіе писатели, въ особенности І. Л. Перецъ, стали заимствовать для своихъ произведеній мотивы изъ народныхъ сказокъ и сказаній.

вить народныя сказки къ своимъ дидактическимъ цѣлямъ и связать съ именемъ и чудотворной дѣятельностью какого-нибудь раввина или цадика.

I.

Современное еврейское народное творчество по своимъ внѣшнимъ формамъ мало чѣмъ отличается отъ творчества другихъ культурныхъ народовъ. Мы находимъ здѣсь всѣ обычныя области фольклора,—пѣсни и сказки, сказанія и легенды, пословицы и поговорки, притчи, заговоры и проч.—мотивы которыхъ совпадаютъ съ мотивами соотвѣтственныхъ областей фольклора другихъ народовъ. Но за то со стороны внутренняго содержанія еврейское народное творчество отличается такими особенностями, которыхъ мы не встрѣчаемъ ни у какого другого народа.

Самая главная и характерная особенность еврейскаго фольклора заключается въ томъ, что, въ отличіе отъ христіанскаго фольклора, сохранившаго почти всѣ элементы языческой легенды съ ея культомъ героевъ-богатырей и преклоненіемъ передъ побѣдой сильнаго,—еврейскій фольклоръ не знаетъ богатырей физической силы, которые могли-бы «столбъ отъ земли до неба поворотить». Но за то въ этомъ фольклорѣ встрѣчаются столь-же и даже болѣе могучіе богатыри духовной мощи, которые могутъ однимъ взглядомъ испепелить цѣлые легіоны, словомъ разрушить государства, мыслью измѣнить весь порядокъ міározданія, а усиліемъ воли заставить самого Бога измѣнять свои рѣшенія Въ еврейскомъ творчествѣ мы не находимъ ни единоборства богатырей, ни рыцарскихъ поединковъ,—за то тамъ имѣются не менѣе грандіозныя картины борьбы и единоборства орудіями духовной силы между цадикомъ (праведникомъ-чудотворцемъ) и колдуномъ; картины религіозныхъ диспутовъ между раввиномъ и «апипуромъ» (папой), происходящихъ въ той же торжественной обстановкѣ, что и рыцарскіе турниры: въ присутствіи короля, королевы и придворныхъ. Однимъ изъ излюбленныхъ героевъ европейскаго сказочнаго творчества является «простакъ» (въ русскомъ творчествѣ—«дурачекъ»), который въ послѣднемъ счетѣ оказывается умнѣе, сильнѣе и ловче всѣхъ умниковъ. Этотъ же мотивъ имѣется и въ еврейскомъ фольклорѣ, но тамъ, вмѣсто «дурачка», выступаетъ «сокрытый праведникъ», одинъ изъ «36-ти праведниковъ, безъ которыхъ міръ не могъ бы существовать». Этотъ «сокрытый праведникъ», какъ и сказочный «дурачекъ», прикидывается грубымъ, невѣжественнымъ, глупымъ,—но въ рѣшительную минуту (особенно, когда надо спасать евреевъ изъ бѣды) онъ «открывается», и тогда оказывается, что онъ мудрѣе всѣхъ раввиновъ и цадиковъ, знаетъ не только всю Тору, но и «сокрытую мудрость», доступную только ангеламъ, всѣ 70 языковъ, языки птицъ и звѣрей и т. д. Въ то время, какъ въ

европейской сказкѣ чудесныя передвиженія совершаются при помощи матеріальныхъ предметовъ (ковра-самолета, семимильныхъ сапогъ, сивки-бурки), въ еврейскомъ народномъ творчествѣ они происходятъ посредствомъ слова, мысли или усилія воли праведника, и передвигается не самъ герой сказки, а «земля подъ нимъ скачетъ» въ обратную сторону. «Невидимкой» праведникъ становится тоже не при помощи матеріальнаго предмета (шапки-невидимки), а посредствомъ постовъ, омовенія и произнесенія «таинственныхъ именъ Бога». Чудотворцы «прикладываютъ ухо къ землѣ», но слышатъ они не топотъ копытъ, а то, что происходитъ въ преисподней. Морской царь превращенъ въ Левіаѳана, «молодильныя яблоки» взяты съ райскаго дерева и т. д.

Въ общемъ, въ произведеніяхъ еврейскаго сказочнаго творчества встрѣчаются всѣ основные элементы фольклора другихъ народовъ, только они перенесены съ почвы матеріальной на почву духовную *).

II.

Большинство еврейскихъ сказокъ, легендъ и сказаній созданы на фонѣ внутренней, интимно-національной жизни еврейскаго народа, безъ всякаго отношенія къ другимъ національностямъ и вѣрованіямъ. Однако, рядомъ съ этимъ, имѣется также обширный циклъ сказокъ и легендъ, построенныхъ на столкновеніи между евреями и другими народами, среди которыхъ они живутъ. Основнымъ мотивомъ большинства произведеній этого цикла является злой, жестокій указъ (имѣющій спеціальный терминъ: «гзойре»), изданный королемъ, по наущенію враждебныхъ евреямъ министровъ, вельможъ или духовенства. «Гзойре» обыкновеннно обрушивается неожиданно, въ видѣ національной катастрофы: издается указъ о запрещеніи евреямъ выполнять религіозные обряды, или изучать Тору, объ ихъ изгнаніи изъ страны или даже поголовномъ избіеніи. Евреи встрѣчаютъ это «гзойре» плачемъ, постами, молитвами и покаяніемъ, чѣмъ имъ, обыкновенно, и удается умилостивить Господа, который въ послѣднюю минуту чудеснымъ образомъ отвращаетъ бѣду отъ своего народа.

Чудесное избавленіе евреевъ отъ угрожающихъ имъ бѣдствій происходитъ обыкновенно при помощи ангела, Ильи пророка или кого-нибудь изъ патріарховъ, являющагося во снѣ или на яву (въ видѣ грознаго старца въ сіяніи) къ королю или его совѣтчику; а то при посредствѣ раввина-праведника, цадика-чудотворца или сокрытаго праведника, изыскивающихъ способъ, какъ заставить короля отмѣнить свой указъ. Но всего чаще спасителемъ евреевъ

---

*) Подробное развитіе этого взгляда на еврейскій фольклоръ читатель можетъ найти въ моей статьѣ «Еврейское народное творчество». («Пережитое» Сборн. I).

является «тайный совѣтчикъ», «второй отъ царя», ставшій классическимъ типомъ въ еврейскомъ фольклорѣ. Это—еврейскій мудрецъ, большой бѣднякъ, живущій на окраинѣ города въ полной неизвѣстности. Первый министръ случайно провѣдываетъ про мудреца, начинаетъ тайно прибѣгать къ его совѣтамъ по самымъ важнымъ государственнымъ дѣламъ и, конечно, преуспѣваетъ. Въ концѣ концовъ, король узнаетъ, что всѣ мудрые совѣты министра исходятъ отъ бѣднаго еврея, призываетъ его и назначаетъ «вторымъ отъ короля». Слѣдуетъ еще отмѣтить, что еврейское сказочное творчество всегда изображаетъ папу, какъ друга и горячаго защитника евреевъ, и относится къ нему чуть ли не съ религіознымъ благоговѣніемъ. Объясняется это тѣмъ, что папы, на самомъ дѣлѣ, часто выступали въ защиту евреевъ, и, вѣроятно, еще тѣмъ, что еврейство видѣло въ лицѣ папы высшаго представителя духовности христіанскихъ народовъ.

Среди этого, въ нѣкоторомъ родѣ, «интернаціональнаго» цикла сказочнаго фольклора большое мѣсто занимаютъ сказки и сказанія о ритуально-кровавыхъ навѣтахъ, имѣющихъ спеціальное названіе: «Alilath dam» (навѣтъ крови), отъ которыхъ евреи такъ много терпѣли въ теченіе многихъ вѣковъ и которые, конечно, не могли не поразить воображенія народной массы. Характерной чертой этого рода произведеній является то, что почти всѣ они имѣютъ форму были, большей частью, съ точнымъ обозначеніемъ датъ, именъ дѣйствующихъ лицъ и указаніемъ мѣстности, гдѣ событіе произошло, при чемъ подробно выясняются мотивы навѣта: религіозный фанатизмъ, расовая вражда, зависть по отношенію къ разбогатѣвшему еврею, личная месть, желаніе скрыть собственное преступленіе, стремленіе поживиться чужимъ добромъ или выслужиться передъ королемъ ловкимъ раскрытіемъ преступленія. Легенда изображаетъ навѣты всевозможныхъ видовъ: то евреевъ обвиняютъ, безо всякихъ доказательствъ, въ похищеніи пропавшаго христіанскаго ребенка, то какому-нибудь раввину или богачу подбрасываютъ вырытаго изъ могилы ребенка; то спеціально, въ цѣляхъ навѣта, убиваютъ (иногда сами родители) христіанскаго младенца, покрываютъ тѣло уколами, окутываютъ въ еврейское молитвенное облаченіе («талетъ») и подбрасываютъ еврею; иногда подбрасываютъ не младенца, а наполненные кровью стклянки, на которыхъ наклеиваютъ бумажки съ еврейской надписью именъ извѣстныхъ евреевъ, для которыхъ эти стклянки будто предназначены. Обличителями евреевъ обыкновенно выступаютъ родители убитаго, сосѣди, якобы очевидцы преступленія, а чаще всего какой-нибудь епископъ. Иногда выкрестъ свидѣтельствуетъ, что евреи употребляютъ христіанскую кровь, иногда самъ обвиняемый, подъ пыткой, признается въ своемъ мнимомъ преступленіи.

Оптимизмъ народнаго творчества, свидѣтельствующій о глубо-

кой вѣрѣ народной массы въ торжество правды и справедливости, требуетъ, чтобы навѣтъ былъ раскрытъ, невинные освобождены, а виновные понесли заслуженную кару. Сказочное творчество изобрѣтаетъ совершенно исключительныя обстоятельства, при которыхъ истина проявляется въ особенно торжественной и особенно неопровержимой формѣ. Въ присутствіи короля и папы убитый младенецъ воскресаетъ и свидѣтельствуетъ противъ своихъ истинныхъ убійцъ. Во время суда надъ евреемъ является небесный ангелъ, въ видѣ грознаго старца съ мечемъ въ рукѣ, и предъявляетъ королю и папѣ изображенную на бумагѣ точную картину подбрасыванія убитаго младенца еврею, съ портретами и подписями всѣхъ лицъ, принимавшихъ въ этомъ участіе. Но народное творчество пошло еще дальше: оно создало и ввело въ еврейскій фольклоръ спеціально для кровавыхъ навѣтовъ особое существо, незнакомое фольклору другихъ народовъ: человѣка, созданнаго изъ глины при помощи Святого Имени («Гойлемъ»). Этотъ Гойлемъ выше животнаго, но ниже черта, онъ не имѣетъ никакихъ страстей, лишенъ дара слова, свободенъ отъ религіозныхъ повелѣній. Онъ обладаетъ сверхчеловѣческой физической силой, способенъ, когда надо, стать невидимкой, видитъ на десять локтей подъ землей, не подверженъ ни мечу, ни болѣзнямъ, не горитъ въ огнѣ, не тонетъ въ водѣ, автоматически повинуется всему, что ему приказываетъ его творецъ. Короче, Гойлемъ обладаетъ какъ разъ всѣми качествами, которыя нужны для предупрежденія и раскрытія кровавыхъ навѣтовъ. Сколько глубокаго отчаянія должно было накопиться въ душѣ народа, чтобы онъ могъ додуматься до такого Гойлема!..

III.

Большинство сказокъ и легендъ о кровавыхъ навѣтахъ пріурочено къ Прагѣ съ ея древней синагогой и связано съ именемъ одного изъ пражскихъ раввиновъ Іегудо-Ливіа бенъ Бецалела, именуемаго (по начальнымъ буквамъ титула и имени) «Магариломъ изъ Праги» а также «Гуръ-Арье» (молодой левъ). Этотъ Магарилъ или Гуръ-Арье и создалъ Гойлема, который, выполнивъ то, для чего онъ былъ созданъ, снова обращенъ былъ въ комъ глины.

О «Магарилѣ изъ Праги» (Гуръ-Арье) сохранилось много легендъ. Но прежде всего онъ—борецъ противъ кровавыхъ навѣтовъ. Еврейское творчество обратило его въ главнаго героя такого рода легендъ. Само рожденіе Магарила связывается съ чудеснымъ спасеніемъ евреевъ отъ кроваваго навѣта, чѣмъ какъ бы заранѣе была предопредѣлена будущая дѣятельность великаго раввина.

По словамъ легенды, Магарилъ родился въ «первую ночь

Пасхи», т. е. въ классическую дату навѣтовъ. Въ то время («въ первой четверти XVI вѣка) евреи Богеміи, Венгріи и Испаніи терпѣли очень много гоненій: не проходило Пасхи, чтобы какому нибудь еврею не подбрасывали мертваго или убитаго младенца. То же было и въ ночь рожденія Магарила, родители котораго жили въ Вормсѣ. Христіанинъ, съ мертвымъ ребенкомъ въ мѣшкѣ, потихоньку пробрался въ еврейскій кварталъ, намѣреваясь подбросить трупъ младенца въ погребъ раби Бецалела, отца Магарила. Но въ это время беременная жена раби Бецалела почувствовала родовыя схватки. Семейные, сидѣвшіе за пасхальной трапезой, съ шумомъ и криками побѣжали за бабкой. И когда несшій трупъ младенца увидалъ, что кричащіе люди бѣгутъ ему на встрѣчу, онъ подумалъ, что они провѣдали про его замыселъ и хотятъ его схватить, и пустился бѣжать обратно. Ночная же стража, увидавъ бѣгущаго человѣка съ мѣшкомъ за спиной, приняла его за вора, схватила, обыскала и нашла мертваго младенца. Тогда онъ признался, что намѣревался подбросить его раби Бецалелу. Когда объ этомъ узналъ раби Бецалелъ, онъ пророчески изрекъ, что новорожденный принесетъ евреямъ спасеніе отъ кровавыхъ навѣтовъ.

Будучи «тайнымъ совѣтчикомъ» короля, Магарилъ имѣлъ возможность бороться противъ обвиненія евреевъ въ употребленіи христіанской крови. Чтобы окончательно опровергнуть этотъ ужасный навѣтъ, Магарилъ,—по словамъ преданія, — предложилъ кардиналу Іоанну Сильвестру устроить публичный диспутъ по вопросу объ употребленіи евреями христіанской крови и обѣщалъ неопровержимо доказать ложность этого обвиненія. Кардиналъ созвалъ 300 священниковъ для диспута съ Магариломъ. Послѣдній предложилъ назначить для диспута 30 дней и обѣщалъ каждый день давать отвѣтъ на обвиненія десяти священниковъ. Кардиналъ на это согласился. И когда диспутъ начался, всѣ евреи города Праги читали псалмы, постились и плакали. Диспутъ былъ очень горячій, и Магарилъ одержалъ побѣду надъ своими обвинителями, такъ что самъ кардиналъ оказалъ ему великія почести. Весь диспутъ былъ записанъ и отправленъ королю Рудольфу. Когда тотъ его прочелъ, онъ послалъ за Магариломъ свою царскую карету съ двумя царедворцами, принялъ его съ большимъ почетомъ и обѣщалъ постановить, чтобы на будущее время дѣла по обвиненію евреевъ въ употребленіи христіанской крови были представляемы на его, королевское, усмотрѣніе. Евреи свободно вздохнули, ибо враги ихъ почуяли страхъ передъ силою и могуществомъ Магарила. Однако, одинъ ксендзъ по имени Тадеушъ, сильный колдунъ и заклятый врагъ евреевъ, продолжалъ по прежнему свои навѣты. Магарилъ тайно открылъ своимъ ученикамъ, что онъ боится ксендза Тадеуша, ибо его душа—отпрыскъ души «филистимлянина изъ Номви» (Кн. Самуила), душа же Магарила, была от-

прыскомъ души царя Давида, который, какъ извѣстно, терпѣлъ большія гоненія отъ этого филистимлянина. Поэтому Магарилъ рѣшилъ вызвать себѣ на помощь какую-нибудь могучую силу, которая была бы въ состояніи бороться противъ ксендза.

IV.

Какъ Магарилъ создалъ Гойлема *).

(Разсказъ Ицхока-бенъ-Шимшона).

Магарилъ сотворилъ «сонный вопросъ»: какой силой бороться ему противъ ксендза? И пришелъ ему съ неба слѣдующій отвѣтъ въ алфавитномъ порядкѣ: «Atho broi Goilem dewek ha-choimer w-tigsor sodim chawal toirfoi Jsroeil» (ты создай слѣпокъ изъ глины и уничтожишь злонамѣренныхъ терзателей бѣднаго Израиля). Тогда Магарилъ тайно призвалъ меня, зятя своего, Ицхока бенъ Шимшона, коганита, и своего великаго ученика Якова бенъ Хаима Шошона, левита, и сообщилъ намъ отвѣтъ, полученный имъ съ неба въ сонномъ откровеніи, и сказалъ, что въ десяти словахъ небеснаго отвѣта сокрыты сочетанія такихъ именъ Божества, которыми можно во всякое время создать живого человѣка изъ праха. И передалъ онъ намъ тайну созиданія Гойлема. И сказалъ онъ намъ, что мы должны помочь ему создать Гойлема, ибо для этого необходимы силы четырехъ стихій: огня, воздуха, воды и земли. И о себѣ сказалъ Магарилъ, что ему сродна стихія воздуха, а обо мнѣ онъ сказалъ, что мнѣ сродна стихія огня, а о своемъ ученикѣ, раби Яковѣ Шошонѣ, онъ сказалъ, что тому сродна стихія воды. И поэтому мы втроемъ можемъ завершить созиданіе человѣкоподобнаго Гойлема. И приказалъ онъ намъ не открывать тайны ни единому сыну человѣческому. И указалъ намъ путь «исправленія души» и далъ наставленія, какъ вести себя въ теченіе семи дней подготовительныхъ.

Въ 5340-мъ году (1580 г.), въ 20-ый день мѣсяца Одера, въ четыре часа послѣ полуночи отправились мы втроемъ за предѣлы города Праги, къ рѣкѣ, именуемой Молдавой. У берега рѣки искали мы и нашли мѣсто глиняное. И начертили мы на глинѣ изображеніе человѣка, длиною въ три локтя. И начертили мы его лицо, а также руки и ноги, какъ у человѣка, который лежитъ навзничь. Послѣ этого стали мы втроемъ у ногъ изображенія, лицомъ противъ его лица. И Магарилъ велѣлъ мнѣ первому обойти

---

*) Всѣ легенды о Гойлемѣ и его подвигахъ заимствованы изъ древнееврейской книги «Nifloath Maharil im ha-goilem», составленной по манускрипту 17 вѣка, хранящемуся въ публичной библіотекѣ въ Майнцѣ. Легенды о Гойлемѣ очень распространены въ еврейской массѣ, и само имя Гойлема сдѣлалось нарицательнымъ, вошло въ обиходъ рѣчи, въ пословицы и поговорки.

семь разъ вокругъ изображенія съ ногъ до головы съ правой стороны, а отъ головы до ногъ—съ лѣвой стороны. И указалъ онъ мнѣ сочетанія буквъ и словъ, какія я долженъ произносить во время обхожденія. И обошелъ я семь разъ. И когда я кончилъ обхожденіе, тѣло Гойлема покраснѣло, какъ пылающій уголь. Послѣ этого велѣлъ Магарилъ своему ученику Якову Шошону, чтобы онъ сдѣлалъ такія же семь обхожденій, и сообщилъ ему другія сочетанія буквъ и словъ. И когда тотъ кончилъ обхожденія, въ Гойлемѣ потухъ огонь, ибо въ его тѣло вошла вода, и отъ тѣла началъ исходить паръ, и появились у него волосы, какъ у человѣка лѣтъ 30-ти. И также ногти появились на концѣ его пальцевъ. Тогда Магарилъ тоже совершилъ семь обхожденій. И когда кончились всѣ обхожденія, мы всѣ трое вмѣстѣ произнесли стихъ: «И вдунулъ въ ноздри его дыханіе жизни и сталъ человѣкъ душою живою» *). И тогда Гойлемъ раскрылъ глаза и началъ смотрѣть на насъ, какъ человѣкъ удивляющійся. И послѣ этого Магарилъ изрекъ властнымъ голосомъ: «Стань на ноги». И сталъ вдругъ Гойлемъ на ноги. Тогда мы одѣли его въ подобающую для судейскаго служки одежду, которую принесли съ собою. И также обули его въ башмаки. И сталъ онъ человѣкомъ, какъ одинъ изъ людей: видѣлъ, слышалъ, понималъ, но силы рѣчи не было въ устахъ его. И въ шестомъ часу утра, еще до разсвѣта, пошли мы домой, четверо человѣкъ. И когда мы шли по дорогѣ, сказалъ Магарилъ Гойлему: «Знай, что мы создали тебя изъ праха для того, чтобы ты оберегалъ евреевъ отъ всѣхъ золъ и мученій, которыя они терпятъ отъ враговъ и гонителей. И будешь ты называться Іосифомъ, при мнѣ будешь находиться, и мѣстомъ твоимъ будетъ судейская комната. И будешь ты служкою судейскимъ. И ты обязанъ слушаться меня во всемъ, что я тебѣ прикажу, даже если бъ я велѣлъ тебѣ идти въ огонь, кидаться въ пучину водъ или соскакивать съ верхушки башни. И не долженъ ты останавливаться, пока не выполнишь до конца всякое мое повелѣніе». И Гойлемъ покачалъ головой на слова Магарила, какъ человѣкъ, который даетъ свое согласіе. И намъ сказалъ Магарилъ, что назвалъ Гойлема Іосифомъ, потому что переселилъ въ него духъ упоминаемаго въ талмудѣ Іосифа Шидо (дьявола), который былъ полу-человѣкомъ, полу-бѣсомъ, служилъ мудрецамъ талмуда и много разъ спасалъ ихъ отъ большихъ бѣдъ. И еще сказалъ Магарилъ Гойлему, что, если онъ пойдетъ въ огонь, онъ не обожжется, и въ рѣкахъ онъ не утонетъ, и мечъ не сразитъ его. Своимъ же домашнимъ Магарилъ не открылъ тайны Гойлема, но сказалъ, что, идя рано утромъ совершать омовеніе, онъ встрѣтилъ на улицѣ нѣмого нищаго и, угадавъ въ немъ простодушнаго человѣка, сжалился надъ нимъ и привелъ къ себѣ въ домъ, какъ помощника судейскаго служки.

*) Бытія. II, 7.

Однако Магарилъ строго приказалъ домашнимъ, чтобы они не пользовались Іоселемъ для услугъ и работъ по дому. И потому, что Гойлемъ сидѣлъ постоянно въ судейской комнатѣ, въ углу, у края стола, опершись головой на обѣ руки, какъ истуканъ, лишенный ума и понятія, не думая и не заботясь ни о чемъ въ мірѣ,— всѣ прозвали его Іоселе Гойлемъ, но были и такіе, которые называли его «Іоселе нѣмой».

Мой учитель и тесть, память праведника да будетъ благословенна, говорилъ:

1) Что Гойлемъ былъ свободенъ отъ исполненія всѣхъ религіозныхъ законовъ и обрядовъ, даже такихъ, которые обязательны для женщинъ и рабовъ. Но, дабы не было соблазна, Магарилъ приказалъ ему выполнять нѣкоторые обряды, публично совершаемые.

2) Въ Гойлемѣ не было даже въ зачаточномъ состояніи ни порывовъ добродѣтели, ни силы искушенія. И все, что онъ дѣлалъ, дѣлалъ онъ по принужденію, изъ большой боязни быть, въ случаѣ неповиновенія, тотчасъ уничтоженнымъ. И всѣ его дѣйствія были подобны дѣйствію машины.

3) До 10 локтей вглубь, подъ землею, и до 10 локтей вверхъ, надъ землей, не было для Гойлема ничего труднаго, что онъ не могъ бы выполнить. И на этомъ пространствѣ ничто не могло препятствовать его дѣйствіямъ.

4) Гойлемъ имѣлъ способность видѣть предметы духовные въ низменномъ постиженіи. То есть, духовно онъ былъ нѣсколько выше скотовъ, звѣрей и птицъ и нѣсколько ниже чертей и духовъ. Человѣкъ же, обладающій душою и свободною волею, хотя бы онъ былъ праведникомъ, не имѣетъ возможности видѣть глазами духовные предметы, развѣ только если ему дана на это съ неба исключительная сила.

5) Гойлемъ былъ созданъ особенной силой, вслѣдствіе чего никакое оружіе не могло его поразить, онъ не горѣлъ въ огнѣ и не тонулъ въ водѣ.

6) Магарилъ имѣлъ власть ввести въ Гойлема только малую частицу сознанія, соотвѣтственно степени его духа. Но изъ области мудрости и пониманія Гойлемъ не могъ воспріять ни малѣйшаго зачатка, ибо не былъ достоинъ и способенъ воспріять душу въ ея внѣшнемъ и внутреннемъ проявленіи.

7) По указанной выше причинѣ Гойлемъ не могъ обладать даромъ рѣчи.

8) Гойлемъ, явившись на свѣтъ не рожденнымъ и не вслѣдствіе влеченія къ женщинѣ, былъ совершенно лишенъ всякихъ страстей, даже въ той степени, въ какой онѣ присущи животнымъ. Если бъ онъ имѣлъ влеченіе къ женщинѣ, онъ могъ бы натворить много страшныхъ бѣдъ: ни одна женщина не могла бы спастись отъ него, ибо въ этомъ отношеніи сила его была бы очень велика.

9) Никакая болѣзнь не была властна надъ Гойлемомъ, ибо ему были чужды всѣ страсти искушенія, и поэтому всѣ потребности своего тѣла онъ удовлетворялъ въ должной мѣрѣ, ни больше и ни меньше. И, если бъ люди умѣли вести себя такимъ же образомъ, они также не знали бы никакой болѣзни.

10) Гойлемъ всегда могъ отгадать часъ сутокъ безъ помощи часовъ. И происходило это вотъ отъ чего. Въ каждый часъ сутокъ дуетъ съ большой силой изъ «Нижняго Рая» особый благоухающій вѣтеръ, который распространяется по міру для того, чтобы очистить воздухъ отъ нарождающихся въ немъ опасныхъ для дыханія ядовитыхъ веществъ. Для этого существуютъ въ «Нижнемъ Раѣ» двадцать четыре различныхъ благоуханій, заключающихъ въ себѣ всевозможныя цѣлебныя средства. Существуетъ множество травъ и кореньевъ, имѣющихъ исключительную способность впитывать въ себя всѣ эти благоуханія, и поэтому онѣ способны исцѣлять различныя болѣзни. Такъ какъ только эти 24 благоуханія очищаютъ, какъ слѣдуетъ, воздухъ, то въ тѣхъ мѣстахъ, куда не доходитъ ихъ дуновеніе, бываютъ моръ и всякія болѣзни. Вслѣдствіе того, что Гойлемъ обладалъ совершеннымъ обоняніемъ, онъ могъ каждый часъ различать по благоуханію, присущему этому часу. Однако секундъ онъ не могъ различать. Эта ступень ощущенія доступна только праведнику, сумѣвшему уничтожить въ себѣ ощущеніе матеріальности тѣла.

11) Когда Магарилъ долженъ былъ ввести въ Гойлема живой духъ, передъ раввиномъ предстали два духа: одинъ—Іосифа Шидо, а другой—Іонафана Шидо. И избралъ Магарилъ духъ Іосифа Шидо, ибо тотъ уже и раньше помогалъ мудрецамъ Талмуда. И еще потому, что, какъ видно изъ Талмуда, Іонафанъ Шидо былъ болтливъ.

12) Послѣ смерти Гойлема его трупъ не осквернялъ, ибо онъ былъ не рожденъ, а сотворенъ.

13) Духъ Гойлема возродится при воскресеніи мертвыхъ, но не въ тѣлѣ Іосифа Шидо и не въ тѣлѣ Іосифа Гойлема, а въ третьемъ тѣлѣ, рожденномъ отъ женщины.

14) Гойлему также предназначены блаженства въ будущей жизни. И не потому, что онъ выполнилъ какую-нибудь изъ 613 божественныхъ заповѣдей, а потому, что онъ много разъ спасалъ евреевъ отъ великихъ бѣдствій. И хотя онъ это дѣлалъ безъ участія собственной воли, все же онъ заслужилъ награду.

15) Магарилъ говорилъ, что всѣ еврейскіе черти, упоминаемые въ книгѣ «Загоръ», будутъ очищены и исправлены посредствомъ многократнаго переселенія душъ. И исправленіе ихъ произойдетъ не черезъ изученіе Торы и выполненіе заповѣдей, ибо эти духи не находились на горѣ Синаѣ при дачѣ Торы, а посредствомъ того, что они будутъ творить добро евреямъ и спасать ихъ отъ бѣдъ и гоненій.

V.

Не смотря на строгое повелѣніе Магарила не пользоваться Гойлемомъ для домашнихъ услугъ, раввинша однажды приказала ему принести воды, но не сказала, сколько ведеръ. И вотъ Гойлемъ продолжалъ носить воду и лилъ въ переполненную бочку, стоявшую въ сѣняхъ, и залилъ весь домъ водою, пока ему не велѣли остановиться. Въ другой разъ самъ Магарилъ вынужденъ былъ послать Гойлема удить рыбу, такъ какъ нельзя было достать рыбы на субботу. Впопыхахъ ему дали, вмѣсто корзины, огромный мѣшокъ. Гойлемъ долго не возвращался. За нимъ послали человѣка, и тотъ нашелъ его стоящимъ въ рѣкѣ съ мѣшкомъ, на три четверти наполненнымъ рыбой. Когда посланецъ сталъ его звать домой, онъ жестами показалъ, что не можетъ идти, такъ какъ мѣшокъ еще не полонъ. Но, когда посланецъ крикнулъ ему: «Магарилъ прощаетъ тебѣ рыбу», онъ быстро вытряхнулъ изъ мѣшка въ воду всю науженную рыбу и побѣжалъ домой. Тогда Магарилъ шепнулъ своимъ приближеннымъ: «Теперь я вижу, что Гойлемъ годенъ только на то, чтобы спасать евреевъ отъ напастей».

При посредствѣ Гойлема Магарилъ совершилъ много чудесъ по раскрытію кровавыхъ навѣтовъ. Когда Магарилъ долженъ былъ послать его въ особенно опасное мѣсто, гдѣ его присутствіе должно было оставаться незамѣченнымъ, онъ надѣвалъ ему на шею «камею», писанную на оленьей кожѣ, и посредствомъ нея Гойлемъ становился невидимкой. Каждый годъ, отъ Іомъ-Кипура до середины Пасхи, Гойлемъ долженъ былъ ночью расхаживать по городу, а въ особенности по еврейскому кварталу, обыскивать незамѣтно христіанъ и шарить въ ихъ подводахъ. И когда онъ находилъ у кого-нибудь трупъ младенца, онъ долженъ былъ тотчасъ схватить несущаго этотъ трупъ, связать этого человѣка веревкой, которой былъ опоясанъ, отвести въ городской совѣтъ и передать въ руки начальнику стражи.

Существуетъ множество легендъ, въ которыхъ изображается сыщицкая дѣятельность Гойлема по раскрытію навѣтовъ, возведенныхъ на евреевъ, главнымъ образомъ, ксендзомъ Тадеушемъ. Гойлемъ то находитъ запрятанный трупъ младенца, убитаго съ цѣлью навѣта; то отыскиваетъ и приводитъ въ судъ скрывшуюся отъ хозяевъ служанку, о которой крещеная еврейка, по наущенію ксендза, свидѣтельствуетъ, что она была убита евреями и кровь ея роздана на пасхальную мацу; то онъ раскрываетъ навѣтъ тѣмъ, что указываетъ на кладбищѣ могилу, изъ которой былъ вырытъ покойникъ, и устанавливаетъ, что этого именно покойника подбросили евреямъ, какъ убитаго ими для ритуальныхъ цѣлей. Угадываетъ Гойлемъ, что въ могилѣ нѣтъ покойника потому, что въ

теченіе года послѣ смерти человѣка надъ его могилой витаетъ душа его, не окончательно потерявшая еще связи съ тѣломъ. И вотъ Гойлемъ, обладающій способностью видѣть «духовные предметы», замѣчаетъ, что надъ одной свѣжей могилой нѣтъ витающей души, и заключаетъ, что могила пуста.

Приведемъ одну изъ этихъ легендъ, въ которой изображена полная побѣда Магарила надъ его врагомъ Тадеушемъ.

Чудесная исторія съ ребенкомъ, подброшеннымъ въ пятибашенный теремъ.

Въ городѣ Прагѣ, противъ большой синагоги, находился въ прежнее время большой старинный теремъ, который назывался «пятибашеннымъ теремомъ». Въ немъ было пять стѣнъ, выходившихъ на пять улицъ, передъ стѣнами стояло пять высокихъ колоннъ изъ тесаннаго камня. Между колоннами было по пяти большихъ оконъ, а на крышѣ находилось пять высокихъ башенъ съ человѣческими фигурами, и поэтому знали, что теремъ былъ построенъ очень давно, когда люди еще поклонялись идоламъ и солнцу. И такъ какъ теремъ былъ совершенно заброшенъ, то въ немъ поселились бѣдняки и мелкіе ремесленники. Подъ теремомъ находилась длинная пещера. Но бѣдняки, жившіе въ теремѣ, боялись входить въ эту пещеру, ибо шелъ слухъ, что тамъ прыгаютъ черти и наводятъ ужасъ на всякаго, кто туда сходитъ, а также кидаютъ камни или вызываютъ сильные вихри. И вотъ, однажды, наканунѣ Пасхи, когда Магарилъ, какъ полагается по закону, искалъ по всему дому со свѣчей остатки хлѣба, чтобы уничтожить ихъ, и при этомъ читалъ установленную молитву, вдругъ потухла въ рукѣ стараго служки синагоги, раби Авраамъ-Хаима, свѣча, которою онъ свѣтилъ Магарилу. Магарилъ же, имѣя обыкновеніе не произносить молитвъ наизусть, а читать ихъ изъ молитвенника, далъ знакъ служкѣ, чтобы онъ зажегъ свѣчу, ибо считалъ это случайностью. Служка пытался нѣсколько разъ зажечь свѣчу, но она каждый разъ потухала, не желая горѣть. Магарилъ поблѣднѣлъ отъ испуга, ибо тотчасъ понялъ, что это не спроста. И всѣ бывшіе при этомъ тоже очень испугались. Тогда Магарилъ сказалъ служкѣ, Авраамъ-Хаиму, чтобы онъ поднесъ молитвенникъ къ вѣчной лампадѣ, зажженной у стѣны, и велѣлъ ему читать молитву у лампады изъ молитвенника громкимъ голосомъ. Магарилъ собирался повторять за нимъ слово въ слово. Служка сдѣлалъ, какъ ему велѣли, и, все еще испуганный случившимся, подошелъ къ лампадѣ и началъ читать. Но когда онъ долженъ былъ произнести слова «de-iko birschüti» (находящійся (хлѣбъ) въ моемъ владѣніи), онъ прочелъ «de iko b'chumschi» (находящійся въ пятерномъ). И служкѣ казалось, что такъ написано въ молитвенникѣ. Магарилъ остановился и знакомъ указалъ

служкѣ, что онъ ошибается. Но служка, испугавшись еще больше, во второй разъ повторилъ: «de-iko b'chumschi». Тогда Магарилъ постучалъ большимъ пальцемъ, какъ онъ всегда дѣлалъ, когда узнавалъ о чемъ-нибудь удивительномъ, и крикнулъ громко: «Теперь понимаю, что готовится несчастье для дома Якова и что враги собираются потушить свѣточъ Израиля! И ясенъ теперь мнѣ сонъ, видѣнный мною въ ночь «Великой субботы». Затѣмъ Магарилъ поспѣшно подошелъ къ лампадѣ. И такъ какъ она висѣла высоко, то онъ сталъ на скамью съ молитвенникомъ въ рукѣ и сталъ читать молитву и прочелъ ее, какъ слѣдуетъ. Потомъ онъ приказалъ всѣмъ, находившимся при немъ, отправиться домой. И остались съ нимъ только его зять, раби Ицхокъ бенъ Шимшонъ, коганитъ, и старый служка, раби Авраамъ-Хаимъ, и второй служка Іоселе Гойлемъ. Тогда Магарилъ разсказалъ имъ, что ему приснилось, что изъ «пятибашеннаго терема» исходитъ сильный огонь, какъ при пожарѣ. И вдругъ большое огненное пламя оторвалось отъ терема и кинулось въ окна большой синагоги, которая была полна молящимися. Онъ очень испугался и началъ громко кричать, и проснулся въ большомъ страхѣ. И сказалъ Магарилъ, что теперь онъ понялъ, что въ «пятибашенномъ теремѣ» подготовленъ большой навѣтъ и великое бѣдствіе для евреевъ города Праги. И поэтому съ неба вложили въ уста раби Авраамъ-Хаима слово, означающее «пятерной», чтобы этимъ дать понять, что необходимо уничтожить сѣть и западню, поставленныя въ «пятибашенномъ теремѣ». И началъ Магарилъ разспрашивать о теремѣ и его обитателяхъ, и не оказалось тамъ ни одного, котораго можно было бы заподозрить въ злодѣйскомъ дѣлѣ, такъ какъ всѣ обитатели терема были бѣдные евреи. Но Магарилъ узналъ, что въ незапамятныя времена жилъ въ этомъ теремѣ царь, который никогда не показывался предъ людьми города. И когда онъ долженъ былъ идти въ церковь, то отправлялся туда черезъ пещеру, прорытую отъ погреба терема до погреба «зеленой церкви», той самой, въ которой жилъ теперь ксендзъ Тадеушъ. И когда Магарилъ узналъ объ этомъ, онъ понялъ, что ксендзъ подготовилъ въ пещерѣ навѣтъ на евреевъ.

Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. За двѣ недѣли до Пасхи когда наступила весна и дѣти церковныхъ служителей стали играть въ саду, Тадеушъ однажды вечеромъ заманилъ ребенка къ себѣ въ домъ, повелъ его въ погребъ, зарѣзалъ и собралъ его кровь въ посуду. Потомъ онъ разлилъ кровь въ маленькія стклянки и наклеилъ на нихъ бумажки съ еврейскими надписями именъ почтенныхъ евреевъ города, а также съ именемъ Магарила, его сыновей и зятьевъ. Потомъ ксендзъ перенесъ изъ погреба своего въ погребъ «пятибашеннаго терема» эти стклянки, а также трупъ зарѣзаннаго младенца. И положилъ все въ старый сундукъ, стоявшій въ погребѣ.

Когда родители убитаго ребенка хватились, что его нѣтъ, и не могли его найти, ксендзъ сталъ говорить имъ, что ребенка могли зарѣзать евреи, чтобы употребить его кровь для мацы. И посовѣтовалъ онъ имъ пойти къ начальнику стражи и попросить его обыскать еврейскіе дома. И еще посовѣтовалъ онъ матери ребенка, чтобы она сказала начальнику, что видѣла, какъ еврей несъ что-то по полю въ мѣшкѣ и казалось, что въ мѣшкѣ двигается живое существо. И совѣтовалъ ей громко плакать и пасть къ ногамъ начальника и просить его обыскать евреевъ, а также просить, чтобы начальникъ позвалъ съ собою ксендза Тадеуша. Несчастная мать побѣжала къ начальнику и сказала ему все, чему научилъ ее ксендзъ. Начальникъ обѣщалъ исполнить ея просьбу.

Но не напрасно вѣдь сказано: «Не дремлетъ и не спитъ Стражъ Израиля». Какъ только съ неба извѣстили Магарила о близкой опасности, онъ тотчасъ опоясалъ свои чресла мужествомъ и, хотя идти въ пещеру было очень опасно изъ за обитавшихъ тамъ чертей, отправился туда послѣ полуночи. И взялъ онъ три толстыхъ факела и все, что нужно для добыванія огня. И далъ въ руки двумъ служкамъ, раби Авраамъ-Ханму и Іоселе Гойлему, по факелу и самъ тоже взялъ въ руку факелъ, а также взялъ свой посохъ, и всѣ направили свои стопы къ пятибашенному терему. И шли они очень тихо и съ большой осторожностью, чтобы никто ихъ не замѣтилъ. И, когда они подошли къ погребу, они зажгли всѣ три факела. Но какъ только они открыли дверь, поднялся большой вихрь, и погребъ наполнился пылью, и факелы начали тухнуть. И послышался лай множества собакъ. И напалъ на Магарила и служекъ большой страхъ. И сказалъ Магарилъ служкамъ, чтобы они не боялись, но старались бы стоять на мѣстѣ. И Магарилъ, а также раби Авраамъ-Хаимъ, прочли три раза соотвѣтственную молитву, и вѣтеръ стихъ и пыль улеглась. Также смолкъ лай собакъ. Но когда Магарилъ и служки пошли по погребу, имъ на голову начали падать камни. Тогда они испугались, и Магарилъ сказалъ Іоселе Гойлему: «Пойди ты одинъ, ибо черти не властны надъ тобою, и ищи во всѣхъ углахъ погреба и, если найдешь что нибудь, имѣющее отношеніе къ кровавому навѣту, принеси мнѣ». Магарилъ съ раби Авраамъ-Хаимомъ отошли обратно къ двери, а Іоселе Гойлемъ одинъ пошелъ дальше съ зажженнымъ факеломъ и скоро нашелъ ящикъ, гдѣ лежалъ зарѣзанный ребенокъ, завернутый въ молитвенное облаченіе («талесъ»), и другой ящикъ, въ которомъ находилось около тридцати стклянокъ съ кровью и съ приклеенными записками съ именами Магарила, его сыновей, зятьевъ и всѣхъ знатныхъ евреевъ города. Когда Іоселе Гойлемъ все это принесъ, Магарилъ велѣлъ ему взять зарѣзаннаго ребенка и отнести черезъ пещеру въ погребъ ксендза Тадеуша и, отыскавъ мѣсто, гдѣ стоятъ вина ксендза, спрятать зарѣзаннаго ребенка между бочками такъ, чтобы не было замѣтно

И исполнилъ Гойлемъ въ точности все, что ему повелѣлъ Магарилъ, и скоро вернулся обратно. Потомъ Магарилъ велѣлъ вырыть яму въ погребѣ и разбить о камень всѣ стклянки съ кровью, и зарыть ихъ въ ямѣ такъ, чтобы ничего не было замѣтно. И сдѣлали такъ. Потомъ всѣ трое вернулись домой веселые и радостные. И приказалъ Магарилъ служкамъ никому не говорить о томъ, что они видѣли собственными глазами.

Утромъ, въ день Пасхи, внезапно въ еврейскій кварталъ пришелъ начальникъгорода, а съ нимъ много стражи и солдатъ; и былъ съ ними также ксендзъ Тадеушъ. Солдаты и стража стали тотчасъ обыскивать еврейскія жилища. Начальникъ съ Тадеушемъ искали сперва въ большой синагогѣ, потомъ въ домѣ Магарила и въ домахъ именитыхъ евреевъ города. И, когда они проходили мимо «пятибашеннаго терема», ксендзъ сказалъ начальнику, что слѣдуетъ искать и здѣсь, ибо евреи часто совершаютъ подобныя убійства въ развалинахъ. И искали также въ теремѣ и въ погребѣ. Но ничего не нашли. И когда обыскивали дома, евреи были въ великомъ страхѣ. Но Магарилъ велѣлъ сказать имъ, чтобы не боялись, ибо западня уничтожена и евреи спасены.

Когда подошла христіанская Пасха, ксендзъ велѣлъ своему слугѣ пойти въ погребъ и посмотрѣть, сколько тамъ всякихъ винъ, дабы знать, какія вина надо купить на праздникъ. И спустился слуга въ погребъ, а за нимъ побѣжала и его собака, и стала она бѣгать по погребу и обнюхивать всѣ мѣста, какъ это обыкновенно дѣлаютъ собаки, когда чуютъ сильный запахъ. И пронюхала она то мѣсто, гдѣ былъ спрятанъ убитый ребенокъ, и стала сильно лаять и прыгать у этого мѣста. И понялъ слуга, что это не спроста, и началъ искать и нашелъ трупъ своего ребенка. И побѣжалъ слуга съ большой поспѣшностью къ начальнику и разсказалъ ему объ этомъ. И пришли начальникъ съ солдатами и спустились въ погребъ и увидали, что слова слуги вѣрны. И сталъ слуга кричать, что не иначе, какъ только ксендзъ Тадеушъ убилъ ребенка, чтобы подбросить его евреямъ. И всѣ поняли, что правда въ устахъ слуги. Ксендзъ сперва отрекался, говоря, что ничего не знаетъ. Но, видя, что все раскрылось, признался. И его судили и наказали. Такъ да погибнутъ всѣ гонители Израиля.

Послѣ этого Магарилъ прославился во всемъ мірѣ. Страхъ и трепетъ охватили враговъ Израиля. И въ другихъ царствахъ также погасъ огонь кровавыхъ навѣтовъ. Тогда Магарилъ пошелъ къ королю Рудольфу, упалъ къ его ногамъ и плакалъ и умолялъ его устранить козни враговъ Израиля. Король взялъ Магарила за руки и поднялъ его съ земли, и посадилъ рядомъ съ собою на золотой стулъ, и долго говорилъ съ нимъ. Потомъ отправилъ его домой съ большимъ почетомъ. А черезъ недѣлю король издалъ указъ, чтобы судьи больше не принимали дѣлъ объ употребленіи евреями крови. И успокоилась земля.

VI.

Какъ Магарилъ уничтожилъ Гойлема.

Когда король издалъ указъ, чтобы евреевъ не обвиняли больше въ употребленіи христіанской крови и когда прошелъ праздникъ Пасхи и во всѣхъ владѣніяхъ короля не было новыхъ навѣтовъ, Магарилъ призвалъ къ себѣ меня, зятя своего, Ицхока бенъ Шимшонъ, коганита, и его ученика, состоявшаго при немъ судьей, раби Якова бенъ Хаима Шошона, левита, насъ обоихъ, принимавшихъ участіе въ созданіи Гойлема. И сказалъ намъ Магарилъ, что съ этого дня и дальше нѣтъ больше надобности въ Гойлемѣ, ибо кровавые навѣты больше не будутъ приниматься въ судахъ. И было это въ ночь на 33 день между Пасхой и пятидесятницей 5350 г. (1590). И приказалъ Магарилъ Іоселе Гойлему, чтобы онъ въ эту ночь легъ спать не на своемъ обычномъ мѣстѣ въ судейской комнатѣ, а чтобы онъ взялъ свою постель и понесъ ее въ коморку, надъ большой синагогой, и тамъ легъ бы спать. И Гойлемъ сдѣлалъ такъ. И было это около полуночи, такъ что ни одинъ человѣкъ не видѣлъ и не слышалъ, какъ Гойлемъ пошелъ въ синагогу. И когда прошелъ второй часъ послѣ полуночи, пришли мы къ Магарилу, я, зять его, Ицхокъ, коганитъ, и ученикъ его, судья, раби Яковъ Шошонъ, левитъ. И положилъ Магарилъ передъ нами на столъ «Вопросное разсужденіе»: оскверняетъ-ли мертвый Гойлемъ, какъ и другіе мертвецы, или нѣтъ? И Магарилъ тонкими разсужденіями доказалъ намъ, что если-бъ даже Гойлемъ остался послѣ смерти, какъ и всѣ люди, въ видѣ тѣла и костей, то и тогда къ нему нельзя было бы примѣнить понятіе объ оскверненіи. Тѣмъ болѣе, что (какъ Магарилъ уже раньше зналъ) Гойлемъ послѣ смерти превратится въ кучу глины и праха, чѣмъ онъ былъ и до своего созданія.

Послѣ этого повелъ насъ Магарилъ на вышку синагоги, дабы мы приняли участіе въ уничтоженіи Гойлема. И также служкѣ, старику, раби Авраамъ-Хаиму, разрѣшилъ Магарилъ пойти съ нами, дабы онъ держалъ двѣ зажженныя свѣчи, но приказалъ ему стоять въ отдаленіи.

Когда мы поднялись на вышку и зашли въ коморку, Іоселе Гойлемъ спалъ на своей постели. Мы втроемъ стали въ его изголовьи. И всѣ наши дѣйствія, которыя мы творили теперь, чтобы умертвить Гойлема, были обратны тѣмъ, какія мы творили, когда создавали его. И какъ тогда мы стали у его ногъ, лицомъ къ его лицу и обошли семь разъ вокругъ него справа налѣво,—стали мы теперь стали у его изголовья, лицомъ къ его ногамъ и обходили вокругъ него слѣва направо, дабы извлечь изъ него жизнь и духъ. И число нашихъ обхожденій было теперь тоже семь. И обхожденія были

отъ головы до ногъ въ лѣвую сторону, а отъ ногъ до головы въ правую. И мы сотворили сочетаніе буквъ, какое намъ указалъ Магарилъ. И эти сочетанія были тѣ же, какія мы творили при созданіи Гойлема, но въ обратномъ порядкѣ. И всякій, кто свѣдущъ и опытенъ въ мудрости дѣйственной каббалы и изучалъ «Книгу творенія», тотъ пойметъ тайну такого рода созданія. И также пойметъ тайну уничтоженія созданнаго. Послѣ семи обхожденій, Гойлемъ остался лежать на своей постели, какъ кусокъ глины, затвердѣвшей въ образѣ человѣка. Тогда позвалъ Магарилъ служку, старика раби Авраамъ-Хаима, и велѣлъ ему приблизиться къ намъ. И Магарилъ взялъ у него изъ рукъ обѣ свѣчи, и мы сняли съ Гойлема его платье, только оставили на немъ рубашку. И, такъ какъ на вышкѣ не было недостатка въ старыхъ и порванныхъ молитвенныхъ облаченіяхъ (талетъ), то раби Авраамъ-Хаимъ принесъ намъ пару такихъ «талетовъ» и мы окутали ими тѣло Гойлема. Послѣ этого взяли мы затвердѣвшее тѣло и, по повелѣнію Магарила, собственными руками зарыли подъ большой кучей листковъ отъ порванныхъ священныхъ книгъ, которыя лежали тамъ, такъ что тѣло Гойлема совершенно не видно было. Затѣмъ Магарилъ велѣлъ раби Авраамъ-Хаиму снести съ вышки постель и одежду Гойлема, сжечь по частямъ, такъ чтобы ни одинъ человѣкъ этого не замѣтилъ. Затѣмъ мы всѣ сошли съ вышки, умыли руки и пошли спать. На утро мы распустили слухъ, что служка Іоселе Гойлемъ разсердился и ночью исчезъ неизвѣстно куда. Простой народъ остался въ увѣренности, что такъ оно и было, и только нѣсколько человѣкъ, достигшихъ «высшихъ ступеней», знали истину. На второй недѣлѣ послѣ исчезновенія Гойлема, Магарилъ объявилъ строгій запретъ всходить на вышку синагоги, а также запретилъ онъ класть туда листки порванныхъ священныхъ книгъ. И объяснилъ онъ это боязнью, чтобы случайно не возникъ пожаръ. Но люди, знавшіе тайну, поняли истинную причину запрета.

VII.

Магарилъ боролся противъ кровавыхъ навѣтовъ не только при помощи Гойлема. Легенда приписываетъ ему и другіе способы борьбы, но опять таки черезъ какое-нибудь другое лицо. Приведемъ одну изъ этихъ легендъ, по которой спасеніе евреевъ отъ навѣта происходитъ при помощи сверхъестественной силы сокрытаго праведника.

Исторія о Гуръ-Арье и скрытомъ праведникѣ Лейбелѣ-чулочникѣ, какъ онъ спасъ невиннаго еврея отъ страшнаго навѣта[1]).

Жилъ нѣкогда въ городѣ Прагѣ большой богачъ. И такъ какъ онъ былъ очень набоженъ, то самъ не занимался торговлей. Всѣ дѣла его вела жена, а самъ онъ день и ночь сидѣлъ надъ священной Торой. И былъ у богача единственный сынъ, и онъ тоже былъ очень набоженъ и тоже постоянно занимался изученіемъ Торы. Когда пришло время богачу умереть, онъ призвалъ своего дорогого сына и завѣщалъ ему, чтобы онъ изучалъ Тору, а жена его чтобы занималась всѣми дѣлами. И сынъ обѣщалъ. И богачъ умеръ. И сынъ слушался завѣта отца. И Господь помогалъ ему. Но вотъ однажды дѣла пошли плохо, и жена говоритъ мужу: «Дорогой мой мужъ, до сихъ поръ ты выполнялъ завѣщаніе отца, а теперь ты долженъ нарушить завѣщаніе и хоть бы два часа въ день заглядывать въ торговлю, ибо я сама не могу справиться и боюсь, избави Богъ, растратить чужія деньги». Онъ не хотѣлъ слушать ее, но такъ какъ онъ тоже боялся, избави Богъ, растратить чужія деньги, то пошелъ къ отцу на могилу и сильно плакалъ передъ нимъ и разсказалъ, почему онъ долженъ нарушить завѣщаніе. И пошелъ домой очень опечаленный. Ночью отецъ явился къ нему во снѣ и сказалъ: «Любезный сынъ, я разрѣшаю тебѣ два часа въ день заглядывать въ торговлю, но не больше. Остальное время занимайся по прежнему изученіемъ Торы и службой Богу, и Господь тебѣ поможетъ». И такъ сдѣлалъ онъ, и дѣла его пошли въ гору.

И жилъ въ то время въ Прагѣ великій дюкусъ (герцогъ) и былъ онъ очень богатъ. И узналъ про богача, что тотъ человѣкъ набожный и праведный, и пошелъ къ нему, чтобы увидѣть его. И пришелъ дюкусъ къ богачу и говорилъ съ нимъ. И видитъ, что онъ великій мудрецъ, и говоритъ: «Мое сердце прилипло къ тебѣ отъ большой любви и совсѣмъ не могу отъ тебя уйти». На второй день онъ опять пришелъ и опять говорилъ съ нимъ. И на третій день тоже пришелъ, ибо уже не могъ жить безъ него. И говоритъ ему: «Я назначаю тебя главнымъ управителемъ надъ всѣми моими помѣстьями, ибо городъ Прага со всѣми деревнями принадлежитъ мнѣ. И я вижу, что ты человѣкъ мудрый и праведный и будешь честно и преданно вести мои дѣла». И выстроилъ дюкусъ богачу большой дворецъ и прислалъ много провизіи для ѣды и много денегъ на расходы. И устроилъ ему большую винную торговлю. А богачъ все выполняетъ завѣщаніе отца: цѣлый день изучаетъ Тору, а два часа наблюдаетъ за дѣлами дюкуса. И все дѣлаетъ честно и съ большой преданностью.

Однажды приходитъ довѣренный виноторговца и говоритъ:

---

[1]) «Maasse Gur-Arie».

«Господинъ мой, у меня не хватаетъ тысячи дукатовъ, и я ихъ навѣрное не укралъ, но я подвелъ счета и вижу, что недостаетъ, и не знаю, что это значитъ». Тогда говоритъ богачъ: «Можетъ, кто-нибудь тебѣ долженъ?» И говоритъ довѣренный: «Я не помню, чтобы кто-нибудь мнѣ былъ долженъ тысячу дукатовъ за вино. Это совсѣмъ не можетъ быть». И богачъ очень гнѣвается на довѣреннаго и удивляется, ибо знаетъ, что тотъ честный человѣкъ и навѣрное не украдетъ. Довѣренный уходитъ домой очень опечаленный. Въ это время онъ получаетъ записку отъ бишофа (епископа); тотъ пишетъ: «Такъ какъ я тебѣ уже долженъ тысячу дукатовъ и у меня нѣтъ денегъ, а завтра я собираюсь устроить большой балъ, поэтому ты долженъ мнѣ отпустить въ долгъ еще вино, а черезъ короткое время я тебѣ уплачу». Какъ только повѣренный прочитываетъ записку, онъ очень радуется и бѣжитъ къ хозяину и разсказываетъ ему, что тысяча дукатовъ нашлась. И показываетъ записку. Хозяинъ очень разгнѣвался и говоритъ: «Не давай ему больше вина. Когда онъ уплатитъ эта тысячу дукатовъ, тогда можешь опять дать въ долгъ». Повѣренный говоритъ это человѣку отъ бишофа; посланецъ идетъ и разсказываетъ бишофу. И тотчасъ бишофъ очень гнѣвается на виноторговца, ибо онъ осрамилъ его передъ многими людьми. И то, что не хочетъ дать вина на завтра, когда бишофъ долженъ сдѣлать балъ, и денегъ у него нѣтъ, тоже осрамитъ его передъ всѣми вельможами. Виноторговецъ всегда давалъ ему въ долгъ, и онъ уплачивалъ, а теперь не хочетъ дать. Это означаетъ, что онъ нарочно такъ дѣлаетъ, чтобы осрамить его завтра. Поэтому онъ идетъ къ комиссару города, разсказываетъ ему всю исторію и проситъ, чтобы онъ наказалъ виноторговца за то, что тотъ нарочно хотѣлъ его обидѣть. И тотчасъ комиссаръ посылаетъ за виноторговцемъ. Посланецъ приходитъ и говоритъ виноторговцу: «Коммиссаръ тебя зоветъ и сильно гнѣвается». Виноторговецъ очень сердится на коммиссара и говоритъ посланцу: «Иди, скажи коммиссару, что я къ нему не пойду, но если онъ хочетъ о чемъ-нибудь со мною говорить,—пусть придетъ ко мнѣ». И посланецъ говоритъ коммиссару эти слова и коммиссаръ приходитъ въ большой гнѣвъ, и говоритъ слугамъ: «Идите и приведите его насильно. Я его закую въ цѣпи, ибо онъ меня обидѣлъ». Какъ только слуги приходятъ къ виноторговцу и говорятъ, что пришли взять его силой и что коммиссаръ закуетъ его въ цѣпи, виноторговецъ сильно смѣется и говоритъ слугамъ: «Идите и скажите коммиссару, чтобы онъ сейчасъ пришелъ ко мнѣ, я требую, чтобы онъ мнѣ далъ отчетъ по всѣмъ дѣламъ дюкуса, ибо я имѣю бумагу отъ дюкуса, чтобы всѣ коммиссары отдавали мнѣ отчетъ». Какъ только слуги пришли и сказали это комиссару, его охватила большая дрожь. Онъ бѣжитъ тотчасъ къ виноторговцу и проситъ прощеніе и обѣщаетъ всегда обходиться съ нимъ почтительно. Домой онъ пришелъ очень при-

стыженный и говоритъ бишофу: «Я не могу ничего подѣлать, ибо боюсь его». Бишофъ уходитъ въ сильномъ гнѣвѣ противъ винотороговца и говоритъ: «Я долженъ отомстить ему». А это было невадолго передъ Пасхой. Тогда бишофъ уговаривается съ однимъ христіаниномъ, чтобы онъ подбросилъ виноторговцу въ погребъ заколотаго христіанскаго ребенка. И потомъ обложатъ домъ, найдутъ ребенка, и скажутъ, что виноторговецъ закололь его, такъ какъ ему нужна кровь на Пасху,—ибо когда то христіане говорили, что евреямъ нужна кровь на Пасху,—и такъ мы ему отомстимъ, и ты за это получишь награду въ будущей жизни. Христіанинъ послушался бишофа и пошелъ домой, и, такъ какъ у него былъ ребенокъ боленъ, то онъ его тотчасъ закололь и подбросилъ виноторговцу въ открытый погребъ. Когда настала первая ночь Пасхи и виноторговецъ возлежалъ веселый за пасхальной трапезой, пришелъ бишофъ со многими людьми и обложили домъ, чтобы искать убитаго христіанскаго ребенка, и нашли его въ погребѣ. Тотчасъ бишофъ хотѣлъ схватить виноторговца и заковать въ цѣпи, но дюкусъ узналъ про это и послалъ сказать бишофу, чтобы не трогали виноторговца, ибо онъ за него ручается, и представитъ его, когда понадобится, къ суду. Дюкусъ не полагается ни на кого, кромѣ, какъ на короля и папу, и хочетъ, чтобы они судили еврея, ибо дюкусъ знаетъ, что все это навѣтъ и что виноторговецъ—честный человѣкъ и не украдетъ ребенка. Бишофъ не сажаетъ виноторговца въ тюрьму, только ставитъ стражу у его дома, чтобы не убѣжалъ, и посылаютъ звать короля и папу, чтобы они пріѣхали судить еврея. И весь городъ молится за богача, ибо всѣ его очень любятъ, потому, что онъ очень богобоязненъ и очень щедръ на милостыню и дѣлаетъ народу много добра. Раввинъ пражскій, Гуръ-Арье, тоже очень огорченъ и молитъ Бога помочь богачу и много дней творитъ посты, чтобы получить съ неба совѣтъ. Однажды, когда Гуръ-Арье легъ спать и во снѣ сильно огорчался изъ-за навѣта, его извѣстили въ сонномъ откровеніи такими словами: «Перестань поститься и огорчаться, только поѣзжай въ такой-то городъ. Тамъ живетъ нѣкій, по имени раби Лейбъ, и зовутъ его Лейбеле-чулочникъ. Онъ вяжетъ чулки, продаетъ ихъ и этимъ добываетъ себѣ пропитаніе. Одинъ только этотъ Лейбеле можетъ здѣсь помочь, больше никто». Тотчасъ встаетъ Гуръ-Арье и въ то же утро беретъ подводу и ѣдетъ прямо въ тотъ городъ и спрашиваетъ про Лейбеле-чулочника. И говорятъ ему со смѣхомъ: «Зачѣмъ вамъ Лейбеле-чулочникъ? вѣдь онъ простой человѣкъ и бѣднякъ». И онъ говоритъ: «Какое вамъ дѣло, зачѣмъ онъ мнѣ? Покажите мнѣ только, гдѣ живетъ». И показываютъ ему, что Лейбеле живетъ за городомъ въ маленькой избушкѣ. И Гуръ-Арье идетъ къ нему. И Лейбеле даетъ ему «шоломъ-алойхемъ» и спрашиваетъ: «Что вы здѣсь дѣлаете?» И говоритъ Гуръ-Арье «Имѣю къ вамъ дѣло». И говоритъ Лейбеле: «Можетъ быть, вамъ

нужно пару чулокъ?» Говоритъ Гуръ-Арье: «Нѣтъ». И разсказываетъ ему, зачѣмъ пріѣхалъ. И Лейбеле очень смѣется надъ этимъ и говоритъ: «Я умѣю только чулки вязать, куда мнѣ говорить съ королемъ и папой?» Но Гуръ-Арье говоритъ ему: «Тутъ вамъ никакія отговорки не помогутъ, ибо вы должны спасти великаго праведника. Меня освѣдомили, что вы можете ему помочь, вы сдѣлаете богоугодное дѣло, если окажете ему вашу помощь. А если не хотите, то я приказываю вамъ: ибо я Гуръ-Арье, раввинъ города Праги». Тогда говоритъ Лейбеле: «Рабби, поѣзжайте домой, а я уже тамъ буду. Я пойду пѣшкомъ, ибо судъ будетъ только въ праздникъ Пятидесятницы, а наканунѣ Пятидесятницы я буду въ Прагѣ. И, съ Божьей помощью, еврей будетъ оправданъ, ибо онъ невиненъ». Гуръ-Арье прощается съ нимъ и ѣдетъ домой и сообщаетъ всѣмъ радостную вѣсть, что богачъ, съ Божьей помощью, будетъ спасенъ, но не говоритъ, какимъ образомъ это случится.

Наканунѣ Пятидесятницы Лейбеле отправляется въ путь и идетъ пѣшкомъ. Недалеко отъ Праги нагоняетъ его папа, который ѣдетъ въ богатой каретѣ въ Прагу на судъ. И когда папа видитъ бѣдняка, онъ велитъ остановиться и спрашиваетъ: «Кто ты и куда ѣдешь?» И отвѣчаетъ Лейбеле: «Я—еврей и иду въ Прагу на Пятидесятницу». Тогда говоритъ ему папа: «Садись со мною,—скорѣе будешь въ Прагѣ». Ибо такое ужъ обыкновеніе, что папы бываютъ не горды, очень смиренны и жалостливы. И Лейбеле бѣднякъ садится съ папой. По-пути они начинаютъ разговаривать. Папа спрашиваетъ бѣдняка: «что тебѣ надо въ Прагѣ?» Говоритъ бѣднякъ: «У меня тамъ маленькое дѣло». И спрашиваетъ папу: «А ты зачѣмъ ѣдешь въ Прагу?» И папа говоритъ: «Я ѣду по дѣлу бишофа съ евреемъ. Передъ Пасхой еврей убилъ христіанскаго ребенка и взялъ отъ него кровь на Пасху, и бишофъ его изловилъ. И вотъ я съ королемъ должны судить еврея, ибо онъ въ большомъ почетѣ у дюкуса и дюкусъ полагается только на насъ, ибо считаетъ, что это—навѣтъ». Говоритъ бѣднякъ: «Я тоже ѣду по поводу этого же навѣта». И сильно проситъ папу не идти на судъ безъ него. Папа обѣщаетъ. И пріѣзжаютъ въ городъ и расходятся: папа заѣзжаетъ на большую станцію, а Лейбеле идетъ къ Гуръ-Арье и говоритъ: «Не бойтесь, все, съ Божьей помощью, хорошо будетъ». На завтра утромъ поставили на площади висѣлицу и посылаютъ звать короля и папу. Но папа говоритъ: «Я еще не могу идти». Ибо онъ обѣщалъ бѣдняку не идти безъ него. И, когда бѣднякъ пришелъ на площадь, то сѣлъ вмѣстѣ съ королемъ и папой. Дюкусъ съ бишофомъ тоже пришли, и бишофъ кричитъ передъ судьями: «Слыханое ли дѣло: потому что онъ въ почетѣ у дюкуса, чтобы онъ имѣлъ право убивать христіанина, ибо это онъ убилъ ребенка». Тогда папа обращается къ бѣдняку и говоритъ: «Что скажешь?». И говоритъ бѣднякъ: «А если я докажу тебѣ, что не еврей убилъ, а бишофъ велѣлъ убить и подбросить ребенка

еврею, что ему будетъ?» И тотчасъ говоритъ Лейбеле: «Идите за мною». Лейбеле ведетъ ихъ, и множество народа идетъ за нимъ, чтобы видѣть удивительныя дѣла бѣдняка. Лейбеле ведетъ ихъ туда, гдѣ убитый ребенокъ похороненъ, и велитъ вынуть его изъ гроба. Тогда его вынимаютъ. Лейбеле велитъ ребенку сѣсть и говоритъ: «Ты видишь, кто стоитъ передъ тобою? садись!» Тогда ребенокъ садится. И Лейбеле говоритъ ему: «Чего же ты молчишь? Говори, кто тебя закололъ?» Тогда ребенокъ начинаетъ разсказывать все, какъ было: «Когда я заболѣлъ, бишофъ пришелъ къ моему отцу и сказалъ ему: «Обѣщаю тебѣ блаженство въ будущей жизни, если ты заколешь своего ребенка и подбросишь виноторговцу, ибо онъ обидѣлъ меня. А твой ребенокъ все равно умретъ, ибо онъ очень слабъ». Послѣ многихъ рѣчей уговорилъ отца. И я началъ сильно плакать и кричать: «Что вы хотите отъ меня? Чѣмъ я виноватъ?» Но мой плачъ и мои просьбы не помогли. Отецъ наточилъ большой ножъ, а я лежалъ въ сильномъ жару и не могъ тронуться съ мѣста. И отецъ подошелъ ко мнѣ съ ножемъ и закололъ меня. А что дальше было со мною, я уже не знаю». Тогда говоритъ ему Лейбеле: «Ну теперь ложись обратно, мнѣ больше тебя спрашивать не надо». Ребенокъ ложится и опять становится мертвымъ. Тогда Лейбеле велитъ положить его въ гробъ и похоронить, какъ раньше. И говоритъ королю и папѣ: «Ну, что вы теперь скажете о бишофѣ? Недостаточно, что самъ велѣлъ убить ребенка, онъ еще хотѣлъ еврея погубить». Тотчасъ король и папа велѣли епископа и отца ребенка повѣсить на той же висѣлицѣ. И всѣ удивляются чуду, что Лейбеле показалъ. И послѣ этого король очень приближаетъ къ себѣ Лейбеле и всѣ оказываютъ ему большой почетъ. Хвала Богу Аминь!

VIII.

Легенды о кровавыхъ навѣтахъ связываются въ народномъ воображеніи съ личностью не только Магарила, но и другого, гораздо болѣе легендарнаго и популярнаго чудотворца, основателя хасидизма, Израиля Балъ-шемъ-това (добраго заклинателя именемъ Бога), именуемаго Бештомъ (жилъ въ XVIII в.) о чудесахъ котораго въ народѣ сложилось множество легендъ. Однако легенды въ которыхъ раскрытіе навѣта приписывается Бешту, носятъ совершенно иной характеръ, чѣмъ легенды о Магарилѣ. Въ то время, когда въ послѣднихъ навѣтъ является центральнымъ пунктомъ, въ первыхъ онъ играетъ второстепенную роль, и легенда останавливается на немъ лишь на столько, на сколько это нужно для прославленія чудодѣйственной силы, пророческаго предвидѣнія и духовнаго могущества Бешта. Приводимъ нѣкоторыя изъ этихъ легендъ.

Страшная исторія о богачѣ и папѣ *).

Въ нѣкоторой странѣ, въ нѣкоторомъ городѣ жилъ одинъ изъ приближенныхъ Бешта. И былъ онъ большой богачъ, большой хасидъ и очень щедрый и милосердный человѣкъ, такъ что слава его гремѣла по всей странѣ.

Вотъ, однажды пришелъ къ этому богачу какой то баринъ изъ далекой страны и попросилъ одолжить ему 1000 дукатовъ. Такъ какъ богачъ имѣлъ мягкое сердце и былъ деликатенъ по натурѣ, то онъ не обидѣлъ барина и не оттолкнулъ его сейчасъ обѣими руками, но сказалъ мягко: «Какъ могу я одолжить такую большую сумму человѣку, котораго не знаю?» И отвѣтилъ ему баринъ: „Не могу тебѣ сказать, кто я, но знай, что я большой вельможа. Удовлетвори мою просьбу и выполнишь завѣтъ мудраго царя (Соломона): «Бросай свой хлѣбъ по водѣ, черезъ много дней найдешь его»". И впало богачу въ мысль: не отъ Бога ли это послано ему? И попросилъ онъ барина дать ему три дня на размышленіе, а въ это время поѣхалъ къ Бешту за совѣтомъ. И велѣлъ ему囲Beштъ одолжить барину тысячу дукатовъ. Когда, по истеченіи трехъ дней, пришелъ баринъ, богачъ сейчасъ далъ ему тысячу дукатовъ, и онъ уѣхалъ. И не зналъ богачъ, кто онъ и откуда. Прошло много лѣтъ, и богачъ пересталъ надѣяться получить свой долгъ.

И случилось въ тѣ времена, что враги евреевъ возвели на одну еврейскую общину навѣтъ въ употребленіи христіанской крови. И настало бѣдственное время для евреевъ. Многихъ засадили въ тюрьму и подвергали тяжелымъ истязаніямъ. И былъ объявленъ указъ, чтобы въ шесть мѣсяцевъ евреи были изгнаны изъ страны. Слухъ объ этомъ прошелъ по всей странѣ, и великій ужасъ охватилъ евреевъ, и стали они каяться передъ Богомъ въ грѣхахъ, поститься и плакать. И была услышана ихъ мольба на небѣ. Собрали евреи той общины сходъ и рѣшили послать упомянутаго богача къ Бешту. И такъ какъ богачъ былъ изъ приближенныхъ Бешта и отличался большой мудростью и ученостью, то ему было наказано не отступать отъ Бешта, пока онъ не обѣщаетъ умолить Бога, чтобы Онъ отстранилъ великое бѣдствіе отъ евреевъ. Богачъ согласился и поспѣшно поѣхалъ къ Бешту и разсказалъ ему про навѣтъ, который враги возвели на евреевъ. Когда Бештъ услышалъ разсказъ, онъ отвѣтилъ такими словами: «На мой взглядъ, нѣтъ иного средства, какъ только, чтобы ты сейчасъ направилъ свои стопы къ папѣ. И, съ Божьей помощью, обрѣтешь его благосклонность и онъ словами устъ своихъ отстранитъ злой навѣтъ». Въ тѣ времена все зависѣло отъ папы (который зовется на нашемъ нарѣчіи «апипуромъ»), ибо даже самъ король преклоняетъ передъ нимъ колѣни. И было, когда богачъ услышалъ слова Бешта,

*) «Mewascheir jeischuo» Варшава 1900 г.

онъ страшно испугался и весь задрожалъ, ибо въ тѣ времена еврей не могъ видѣть папы, и если ступалъ ногой на дворъ папы, то подвергался лютой смерти. И отвѣтилъ богачъ Бешту: «Вѣдь раньше, чѣмъ я приду къ папѣ во внутренніе покои, меня убьютъ». И сказалъ Бештъ: «Не опасайся и не бойся. Я приказываю тебѣ ѣхать, и Господь благословитъ твой путь». Богачъ поѣхалъ домой и велѣлъ сшить себѣ дорогое платье, какое носятъ знатные господа изъ христіанъ, и велѣлъ купить хорошую карету и хорошихъ лошадей, чтобы ѣхать, какъ вельможа и начальникъ, дабы враги не узнали, что онъ еврей. И поѣхалъ по дорогѣ въ Римъ. Но въ каждой деревнѣ, которую проѣзжалъ, тотчасъ узнавали, что онъ еврей, и бросали камнями. А когда богачъ пріѣхалъ въ одну деревню по близости Рима, тотчасъ окружили жители деревни карету и хотѣли убить богача и возницу. Когда богачъ увидѣлъ, что между нимъ и смертью всего одинъ шагъ, то изъ глазъ его полились слезы. Онъ поднялъ руки къ небу и горько закричалъ: «Молю Тебя, Господи, помоги мнѣ!» И тотчасъ предсталъ передъ нимъ ликъ Бешта—и сердце его укрѣпилось. Узналъ баринъ той деревни, что схватили еврея, ибо услышалъ шумъ. И захотѣлъ онъ самъ наказать еврея, что дерзнулъ ступить ногой на его землю. Но, когда подошелъ къ коляскѣ, тотчасъ узналъ богача, ибо это былъ тотъ самый баринъ, который занялъ у богача тысячу дукатовъ. Онъ сдѣлалъ видъ, что не узналъ его, и крикнулъ окружающимъ властнымъ голосомъ: «Ступайте къ своимъ работамъ. Я хозяинъ деревни, и мнѣ, а не вамъ совершать расправу надъ этимъ человѣкомъ». Онъ приказалъ ѣхать къ нему во дворецъ и велѣлъ ввести еврея въ свои покои. Не зналъ богачъ, что съ нимъ будетъ, но сейчасъ вспомнилъ ликъ Бешта; сердце его укрѣпилось, и онъ проникся весь упованіемъ на Бога. На завтра къ нему пришелъ баринъ и спросилъ: «Какъ ты рѣшился поѣхать по такимъ мѣстамъ, гдѣ всѣ дороги очень опасны для евреевъ, особенно, какъ ты рѣшился ѣхать въ городъ Римъ?» И отвѣтилъ богачъ съ радостнымъ сердцемъ: «Истинно такъ, знаю, господинъ мой, что опасно для еврея ступить ногою на эту землю, но что такое я и что значитъ моя жизнь въ сравненіи съ тѣмъ дѣломъ, для котораго ѣду и отъ котораго зависитъ жизнь тысячъ евреевъ?». И разсказалъ барину, зачѣмъ ѣдетъ къ папѣ. Баринъ увидѣлъ, что богачъ говоритъ съ радостнымъ сердцемъ и увѣренъ, что дойдетъ до папы. Онъ очень удивился, что въ такой бѣдственный часъ лицо богача сіяетъ и у него нѣтъ боязни, и подумалъ онъ, что богачъ его узналъ. И спросилъ: «Узнаешь меня?» Богачъ сказалъ: «Нѣтъ». И сказалъ баринъ: «Вѣдь я тотъ человѣкъ, которому ты одолжилъ тысячу дукатовъ. И теперь я отплачу тебѣ за твое добро. Вотъ тебѣ твоя тысяча дукатовъ. А на счетъ поѣздки въ Римъ я тебѣ тоже помогу, ибо я изъ приближенныхъ папы и пользуюсь у него большимъ почетомъ. Я буду стараться ввести

тебя къ нему, но ты долженъ оставаться у меня нѣкоторое время, чтобы научиться уставамъ и обычаямъ, какъ слѣдуетъ вести себя передъ папой и какое благословеніе ты долженъ будешь ему сказать, когда ступишь ногою на порогъ его покоевъ». И научилъ баринъ богача всѣмъ уставамъ и обычаямъ, а также благословенію; когда-же богачъ всему научился, баринъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Римъ. И было, когда богачъ переступилъ порогъ дворца папы и увидалъ все богатство и величіе папы, онъ очень испугался и съ дрожащими колѣнями подошелъ къ папѣ и произнесъ длинное благословеніе на самомъ чистомъ языкѣ Рима, ибо онъ былъ ученъ и зналъ множество языковъ. Папа очень удивился, что еврей знаетъ всѣ обычаи и такъ чисто говоритъ на чужомъ языкѣ. И проникся къ нему милостью, и подалъ ему стулъ, и оказалъ ему почетъ, и спросилъ, какая у него просьба. И разсказалъ богачъ папѣ всю исторію съ навѣтомъ и изобразилъ положеніе евреевъ, которыхъ хотятъ проглотить живьемъ. Тогда папа преисполнился жалостью, ибо слова еврея шли изъ глубины сердца и проникли въ душу папы. И сказалъ папа, что до него это дѣло уже дошло: ему прислали бумагу, чтобы онъ положилъ на нее свою печать. И сказалъ, что теперь уже трудно помочь, ибо самые высшіе вельможи и начальники подписали бумагу, и осталось только ему подписать. И, когда богачъ сталъ плакать и просить папу сжалиться, сердце папы растаяло, какъ воскъ, и онъ сказалъ: «Есть одно средство помочь тебѣ. Такъ какъ у меня находится «Книга лѣтописей», гдѣ записаны всѣ дѣла, которыя случились во времена всѣхъ папъ, и между записями находятся разсказы о навѣтахъ, которые потомъ оказались ложными, то я прикажу начальникамъ принести эту «Книгу лѣтописей» и открою ее, и, если на томъ мѣстѣ окажется исторія объ употребленіи крови, которая впослѣдствіи оказалась навѣтомъ, тогда я сдѣлаю все, что ты пожелаешь. Если ты человѣкъ съ сильной душой, то надѣйся на Бога, и Онъ тебѣ поможетъ». Богачъ поклонился папѣ и благодарилъ его, и сказалъ: «Пусть будетъ, какъ ты сказалъ». Папа собралъ всѣхъ бишофовъ и кардиналовъ и разсказалъ имъ про разговоръ съ евреемъ, и всѣ согласились на предложеніе папы. И собрались всѣ духовныя лица и принесли «Книгу лѣтописей». И раскрылъ папа книгу и нашелъ тамъ слѣдующую запись:

«Недалеко отъ города Рима жили однажды два брата еврея, портныхъ. Въ деревнѣ, гдѣ они жили, былъ чистый воздухъ, и много народу ѣздило туда на лѣто дышать чистымъ воздухомъ, и всѣ отдавали шить платье портнымъ. И, такъ какъ портные шили очень хорошо, то слухъ о нихъ прошелъ и въ Римѣ, и всѣ начали имъ давать работу, и они сильно разбогатѣли. И стали они близки со многими вельможами и добились, что имъ позволили жить въ Римѣ. Они устроили большую торговлю и все больше богатѣли. Жилъ въ Римѣ большой и очень богатый вельможа, которому портные

шили платье. Онъ очень полюбилъ обоихъ братьевъ, ибо узналъ ихъ за правдивыхъ людей. У того вельможи было много сотенъ милліоновъ, которые онъ давалъ на проценты. У него не было дѣтей, и онъ постоянно сидѣлъ у братьевъ. И открылъ имъ всѣ свои тайны, и водилъ по своему дворцу и показалъ свое богатство, и повелъ ихъ по всѣмъ комнатамъ; когда они подошли къ послѣдней комнатѣ, онъ открылъ въ стѣнѣ потайную дверь, которая была сдѣлана съ такою мудростью, что чужой глазъ ее не могъ замѣтить. И открылась дверь. И увидѣли портные глубокую пещеру. Вельможа ввелъ ихъ туда и показалъ, что тамъ собраны всѣ его несмѣтныя богатства, — множество драгоцѣнныхъ камней и жемчуга неописуемой величины. И сказалъ: «Прошу васъ не открывать ни одному человѣку о моихъ сокровищахъ, ибо хочу, что-бы они хранились втайнѣ. Даже жена моя ничего не знаетъ о нихъ. И хочу, чтобы вы наслѣдовали эти сокровища, ибо дѣтей у меня нѣтъ». И обѣщали ему братья, что не откроютъ тайны. Однажды магнатъ заболѣлъ и умеръ, а такъ какъ жена его была взята не изъ Рима, а изъ Англійской страны и дѣтей не имѣла, то рѣшила вернуться на родину, къ семьѣ своей. И послала за братьями-портными, чтобы посовѣтоваться съ ними, какъ продать дворецъ со всѣми землями. И братья посовѣтовали ей все, какъ слѣдуетъ. И вотъ, когда насталъ день продажи, собрались всѣ знатные господа, и вельможи, и принцы, и графы, чтобы купить дворецъ, который былъ очень красивъ. Тогда братья портные тоже стали думать объ этомъ. И когда провѣдали, что вдова ничего не знаетъ о пещерѣ съ сокровищами, рѣшили купить дворецъ, хотя бы пришлось заплатить вдвое. И рѣшили не обращать вниманія на зависть и гнѣвъ знатныхъ господъ, хотя знали, что, если они купятъ дворецъ, то возбудятъ противъ себя большую ненависть. Ибо жадность къ дорогимъ сокровищамъ ослѣпила ихъ глаза, и они не знали, что большое несчастье стоитъ за ихъ спиной. Знатные господа набавляли цѣну, ибо имъ было очень досадно, что евреи дерзаютъ покупать такой прекрасный дворецъ, но ничего не могли подѣлать, такъ какъ братья набавили въ тысячу разъ больше, и дворецъ остался за ними. Тогда вельможи рѣшили отомстить портнымъ. Но братья знали, что возбудили противъ себя гнѣвъ господъ, и стали думать, что дѣлать, и рѣшили взять изъ сокровищъ самый большой драгоцѣнный камень и подарить его папѣ, чтобы онъ ихъ спасъ отъ злой руки господъ. Папа, увидя камень, испугался, ибо въ жизни не видалъ такого большого драгоцѣннаго камня. И восхищался имъ, и спросилъ братьевъ: «Что хотите за этотъ камень?». Братья сказали: «Сохрани насъ Богъ брать плату отъ властелина папы, но мы имѣемъ просьбу. Противъ насъ возстаютъ злые люди, знатные господа, которые завидуютъ намъ и хотятъ насъ истребить за то, что мы купили дворецъ, и мы просимъ властелина защитить насъ». Папа говоритъ,

имъ ласковыя слова и обѣщалъ защищать ихъ отъ гнѣва возставшихъ противъ нихъ господъ. Но господа дѣлали свое, и каждый день возводили на братьевъ новую клевету. Но никто ихъ не слушалъ, ибо папа опровергалъ всѣ ихъ клеветы. И было, когда господа увидѣли, что папа защищаетъ евреевъ, то стали держать совѣтъ и рѣшили возвести на братьевъ кровавый навѣтъ, чтобы возбудить противъ нихъ гнѣвъ народа. И въ тотъ же день вынули мертвеца изъ гроба, и шесть человѣкъ отнесли его къ дворцу и тамъ, возлѣ дворца, положили его въ погребъ. А на завтра подняли шумъ среди народа, что евреи убили христіанина, чтобы взять его кровь на Пасху. И стали искать въ разныхъ мѣстахъ, пока нашли мертвеца въ погребѣ возлѣ дворца. Тотчасъ въ толпѣ пошелъ слухъ, что братья-портные убили и спрятали въ погребѣ христіанина. Толпа начала шумѣть, и хотѣла ихъ поглотить живьемъ, но начальники спасли ихъ, посадили братьевъ въ темницу. И сидѣли они тамъ недѣли и мѣсяцы, и никто не облегчалъ ихъ судьбы, ибо съ каждымъ днемъ прибавлялись лжесвидѣтели, показывавшіе, что братья убили христіанина. И вышло рѣшеніе суда, чтобы въ такой то день такого то мѣсяца братьевъ повѣсить. Братья сидѣли въ темницѣ, несчастные и убитые горемъ, и плакали, ибо узнали что ихъ повѣсятъ на деревѣ. И вотъ, однажды ночью, одному изъ братьевъ снился сонъ, что старикъ благообразнаго вида, съ ликомъ Господняго ангела, сталъ возлѣ него и сказалъ: «Не бойся и не опасайся навѣта злыхъ людей, желающихъ погубить васъ. Крѣпитесь, надѣйтесь на Бога, и онъ вамъ поможетъ». Когда портной пробудился отъ сна, старикъ исчезъ. И вспомнилъ онъ сонъ и разбудилъ брата и разсказалъ ему. Но братъ закричалъ на него: «Можетъ быть, придетъ спасеніе, но не посредствомъ сновъ и мечтаній. Лучше станемъ молиться». Братья быстро встали, умыли руки и съ большимъ плачемъ молились всю ночь и весь день, пока у нихъ не пересохло въ горлѣ. На вторую ночь, когда братья заснули снова, явился старикъ къ первому брату и сказалъ ему: «Я принесъ вамъ добрую вѣсть: Господь услышалъ вашу молитву. Въ знакъ того, что слова мои истинны, быстро встань съ твоего ложа и иди къ двери! Ты найдешь ее открытой и выйдешь на улицу, и найдешь тамъ лошадь съ сѣдломъ на спинѣ. И сядешь верхомъ, и будешь ѣхать, пока лошадь сама не остановится. Тогда увидишь въ лѣсу избушку и войдешь туда, и найдешь тамъ старика. Онъ будетъ говорить съ тобою и скажетъ тебѣ все, что надо». Портной проснулся, и старикъ исчезъ. Портной вспомнилъ сонъ, и душа его затрепетала. Пошелъ онъ къ двери и нашелъ ее открытой. Вышелъ наружу и нашелъ лошадь; стоитъ и ждетъ его, и сѣлъ верхомъ, и поѣхалъ, пока пріѣхалъ въ густой лѣсъ. Вдругъ лошадь остановилась. Портной слѣзъ съ лошади и увидалъ избушку, какъ сказалъ ему старикъ во снѣ. И вошелъ въ избушку, и тамъ нашелъ сѣдого старца, окутаннаго свѣтомъ, и лицо его сіяетъ, какъ факелъ, и видъ его

грозенъ. И испугался очень портной. Но старикъ заговорилъ съ нимъ мягко, и такъ сказалъ: «Крѣпись, ибо Господь услышалъ вашу молитву. Не бойтесь, ибо въ день, когда васъ поведутъ вѣшать, я выступлю за васъ и защищу васъ, въ возданіе за милостыню, которую вы щедрой рукой раздавали изъ вашего добра. И теперь поспѣши въ темницу и ложись спать, и сонъ твой будетъ сладокъ. Надѣйся на Бога, и узришь чудеса». Старикъ внесъ радость въ сердце портного. Портной поклонился ему и вышелъ. И нашелъ лошадь, стоитъ и ждетъ его. И поѣхалъ обратно, и вошелъ въ темницу, и легъ на свое ложе, и сердце его сильно билось отъ большей радости, которую внесъ въ него старикъ. Второй братъ, какъ только проснулся, началъ плакать и молиться, и плачъ его былъ горькій, ибо онъ видѣлъ, что конецъ его пришелъ. Другой братъ, сновидецъ, услышавъ плачъ брата, не могъ спать, и всталъ съ ложа своего и разсказалъ брату съ радостнымъ сердцемъ обо всемъ, что ночью произошло. Братъ смѣялся отъ сердечной боли надъ его снами и словами, и сказалъ: «Что за сонъ тебѣ снился? Кто тебѣ откроетъ двери и желѣзные засовы темницы? И гдѣ лошадь, на которой ты ѣздилъ верхомъ? Все это только пустой сонъ». И закричалъ на него сновидецъ и сказалъ, «До какихъ поръ ты не будешь вѣрить моимъ снамъ? Посмотри на дверь, и увидишь, что она открыта и убѣдишься, что сонъ мой истинный». И когда братья подошли къ двери, они нашли ее запертой. Тогда удивился братъ-сновидецъ и палъ духомъ. И стали оба брата молиться, одинъ въ одномъ углу, другой въ другомъ. И укрѣпились ихъ сердца, и прониклись они вѣрой, что Богъ поможетъ имъ и спасетъ ихъ. И, когда прошла ночь и насталъ разсвѣтъ, пришелъ темничный стражъ и извѣстилъ братьевъ, что ихъ послѣдній день насталъ, и спросилъ,—какое ихъ желаніе, и все будетъ исполнено. Ибо тогда былъ обычай, что человѣкъ, осужденный на казнь, могъ передъ казнью требовать все, что хочетъ Братья сказали, что ничего не требуютъ, только попросили, чтобы имъ принесли хорошаго и крѣпкаго вина. Стражъ принесъ имъ вина. Братья прочли утреннюю молитву. Можно представить себѣ, какая она была удивительно ясная и чистая, ибо братья знали, что это послѣдняя ихъ молитва. И, когда кончили молитву, выпили вина и высказали другъ другу пожеланія. И тотчасъ вошелъ въ нихъ духъ сильной радости. И удивлялись они другъ другу, откуда взялась такая радость. Тогда они сказали себѣ, что Богъ послалъ имъ въ душу эту радость, чтобы ихъ надежда была сильнѣе. И отъ этого еще болѣе усилилась ихъ радость. И велѣли они стражу темницы, чтобы онъ привелъ въ тюрьму ихъ женъ и всѣхъ родственниковъ, ибо они хотятъ ихъ видѣть передъ смертью. Стражъ исполнилъ ихъ желаніе и привелъ всѣхъ родныхъ въ тюрьму. Тѣ пришли и очень удивились, когда увидѣли на лицахъ братьевъ покровъ радости, а на ихъ рѣсницахъ свѣтъ, вмѣсто тѣни смерти. Братья очень радо-

вались и утѣшали женъ и родныхъ, но жены, поднявъ голосъ, сильно плакали. Но мужья открыли имъ тайну сна, и тогда въ сердца женъ тоже проникла радость и надежда на Бога. И вотъ, когда насталъ полдень,—послышался звонъ колоколовъ во всемъ городѣ. И собрались всѣ, отъ первенца царя до первенца служанки, на площадь, гдѣ стояли висѣлицы для братьевъ. Папа тоже пришелъ на площадь, хотя ему было очень досадно, ибо онъ питалъ къ братьямъ истинную дружбу, которую обѣщалъ имъ за подарокъ. Но и онъ не былъ въ силахъ помочь имъ, ибо боялся толпы (вѣдь папа тоже только человѣкъ, а не Богъ). Когда вывели братьевъ для повѣшенія и солдаты съ пѣніемъ шли впереди ихъ, какъ это обычно водится, выступили братья съ высоко поднятой головой и съ радостнымъ сердцемъ, и незамѣтно было на ихъ лицахъ никакой заботы, и шли они, какъ идутъ подъ свирѣль. Народъ удивлялся, видя это. И вдругъ послышался страшный шумъ въ толпѣ и достигъ онъ слуха короля и папы. И спросили они въ испугѣ: «Что это за шумъ, который мы слышимъ?» И сказали имъ, что старикъ проталкивается въ толпѣ, требуетъ, чтобы ему дали свободно пройти. Но по причинѣ большой тѣсноты ему не могли дать свободной дороги, и онъ съ обнаженнымъ мечемъ поражаетъ всѣхъ кругомъ, и никто не можетъ подойти, чтобы отнять у него мечъ. Тогда велѣли король и папа, чтобы этому человѣку дали свободно пройти. Всѣ разступились, такъ что король и папа увидали издали старика. Когда они подняли глаза, чтобы посмотрѣть на него, старикъ подошелъ къ нимъ, ибо страхъ его палъ на всю толпу, и всѣ убѣгали отъ него, какъ убѣгаютъ отъ меча. И закричалъ старикъ громкимъ голосомъ передъ королемъ и папой: «Молю! властелинъ мой король и властелинъ мой папа, помогите! Ложно наклеветали на братьевъ!» И, говоря это, онъ вынулъ изъ-за пазухи картину, нарисованную красками съ очень удивительнымъ изображеніемъ и показалъ ее королю и папѣ. И на картинѣ были портреты всѣхъ шести человѣкъ, которые вытащили мертвеца, и подъ каждымъ портретомъ начертано было имя того человѣка. И была изображена съ большой красотою вся картина, какъ въ такой-то день и въ такой то часъ эти люди вынули мертвеца изъ гроба, и какъ они идутъ и несутъ его въ погребъ возлѣ дворца. Все было изображено съ удивительной точностью. Тогда папа крикнулъ громко и велѣлъ схватить изъ толпы этихъ шестерыхъ человѣкъ. Показалъ онъ имъ изображеніе, и увидѣли они свои портреты, и страшно испугались. Сердца ихъ ослабѣли, и они упали на колѣни передъ королемъ и папой и признались въ своей винѣ. Тогда сейчасъ сняли съ братьевъ кандалы, и всѣ знатные господа пали передъ ними ницъ. И было большое прославленіе имени Господня. И вошли братья въ свой дворецъ съ пляской и литаврами. И роздали много милостыни и устроили большой пиръ».

Когда папа прочелъ въ «Книгѣ лѣтописей» эту исторію, онъ закончилъ чтеніе хвалой Богу и сказалъ: «Перстъ божій, что я открылъ лѣтопись на этой исторіи. Поэтому я велю сейчасъ отмѣнить злой указъ объ изгнаніи евреевъ и строго наказать тѣхъ, которые возвели навѣтъ на евреевъ». И потребовалъ, чтобы всѣ знатные господа подписали его указъ. Они согласились, ибо тоже видѣли, что это отъ Бога. Папа передалъ указъ на руки богачу, и богачъ поѣхалъ домой веселый и радостный. Весь городъ встрѣтилъ его съ ликованіемъ, и для евреевъ насталъ праздникъ и веселье. Послѣ этого богачъ поѣхалъ къ Бешту. И, когда онъ ступилъ на порогъ его дома, вышелъ Бештъ ему навстрѣчу и принялъ его съ привѣтливымъ видомъ. Раньше, чѣмъ богачъ успѣлъ ему слово сказать, Бештъ воскликнулъ: «Однако, хорошую исторію вписалъ я въ книгу лѣтописей». И удивился богачъ святому провидѣнію Бешта, его заслуги да защитятъ насъ и весь народъ Израиля. Аминь.

IX.

Исторія съ Бештомъ и невинно-погибшими изъ-за навѣта*).

Въ Павловичахъ былъ возведенъ навѣтъ на евреевъ, и праведники были, по нашимъ великимъ грѣхамъ, убиты. Изо всѣхъ городовъ вокругъ Павловичъ всѣ евреи разбѣжались, ибо это былъ очень острый навѣтъ. И раввинъ, раби Довидъ изъ Карачева, собирался бѣжать въ Валахію, но раньше поѣхалъ онъ въ Меджибожъ къ Бешту. Бештъ удерживалъ его и увѣрялъ, что праведники спасутся. Потомъ, когда они были убиты, пришло раби Довиду письмо объ этомъ. Въ письмѣ было написано, что праведниковъ убили и что раньше ихъ подвергли страшнымъ мученіямъ. И сказалъ объ этомъ раби Довидъ Бешту, а было это въ пятницу. Бештъ очень опечалился и, совершивъ омовеніе, пришелъ въ домъ свой и сильно плакалъ. И сталъ на молитву Минхе съ большимъ трепетомъ. Всѣ приближенные думали, что къ «встрѣчѣ субботы» онъ возрадуется, но и «встрѣчу субботы» совершилъ съ трепетомъ. И справлялъ «освященіе субботы» надъ виномъ съ плачемъ. И остался у стола одинъ мигъ, и ушелъ въ комнату, гдѣ спалъ, и легъ на полъ. И лежалъ долго. И много времени ждали его у стола гости и семейные. Жена его зашла въ комнату и говоритъ: «Свѣчи выгорятъ». А онъ ей говоритъ: «Пусть всѣ поужинаютъ и уходятъ». И продолжалъ лежать на полу лицомъ внизъ съ распростертыми руками. Пришелъ раби Довидъ Карачевскій и сталъ у дверей, чтобы видѣть, чѣмъ это кончится, ибо въ дверяхъ была щель. Усталъ онъ отъ долгаго стоянія и взялъ скамейку, и поставилъ

---

*) «Seifer Sipurei maassieith», Варшава. 1881.

у дверей, и сѣлъ, чтобы видѣть, что произойдетъ. Когда настала полночь, раби Довидъ услышалъ, что Бештъ говоритъ женѣ: «Закрой себѣ лицо». И черезъ секунду комната освѣтилась, и свѣтъ проникъ сквозь щель въ дверяхъ. И услышалъ раби Довидъ, какъ Бештъ говоритъ: «Благословенъ пришедшій раби Акива». И привѣтствовалъ онъ по имени всѣхъ невинно-погибшихъ. И сказалъ онъ имъ: «Я вамъ повелѣваю, чтобы Вы пошли и совершили месть надъ злодѣемъ сенаторомъ!» Невинно-погибшіе стали его молить: «Пусть эти слова больше не сходятъ съ вашихъ устъ. И то, что вы изрекли, вы должны отмѣнить, ибо вы совершенно не знаете вашей силы. Когда вы совершили «замѣшательство субботы», поднялся великій шумъ во всѣхъ мірахъ, и всѣ разбѣжались изъ небесныхъ чертоговъ. И мы не знали, что это означаетъ, пока не пришли въ Высшій Чертогъ, и тамъ намъ сказали: «Идите скорѣе и утишьте слезы раби Израиля Балъ-шемъ-това». И теперь мы разскажемъ, дабы вы знали, о всѣхъ мученіяхъ, какія мы претерпѣли для прославленія имени Господня. Искуситель смущалъ нашу мысль, и мы отталкивали его обѣими руками, но онъ всетаки оставилъ слѣдъ въ мысляхъ нашихъ. Поэтому мы должны были пойти на полчаса въ адъ на муки. И всѣ величайшія страданія, которыя мы перетерпѣли передъ смертью, совершенно ничто въ сравненіи съ тѣми муками, которыя мы испытали за полчаса въ аду. И когда мы вступили въ рай, мы сказали: «Мы совер шимъ месть надъ нашимъ врагомъ». И намъ отвѣтили: «Еще его часъ не пришелъ». А если хотите совершать месть, вы должны вернуться въ міръ въ новомъ воплощеніи». И сказали мы: «Мы хвалимъ и благодаримъ Господа, что сподобились отдать жизнь для прославленія Его имени и претерпѣли въ теченіе получаса величайшія муки ада. А теперь, если вернемся въ міръ въ новомъ воплощеніи, мы можемъ быть болѣе грѣшными, чѣмъ раньше. И горька будетъ наша участь. Лучше не будемъ совершать мести и не будемъ принимать новаго воплощенія. И поэтому просимъ васъ уничтожить ваше повелѣніе о мести». И спросилъ ихъ Бештъ: «Почему меня не извѣстили съ неба, что вы будете убиты?» И отвѣтили они: «Въ верховномъ совѣтѣ боялись, что, если васъ извѣстятъ объ этомъ, вы сильною молитвою уничтожите то, что было постановлено, и тогда произошли бы еще большія бѣдствія. Поэтому васъ не извѣстили».

Чудесная исторія про Бешта и медвѣдя *).

Однажды, въ субботу, наканунѣ Пасхи, Бештъ стоялъ въ синагогѣ на утренней молитвѣ. Посреди молитвы онъ вдругъ снялъ молитвенное облаченіе и вышелъ изъ синагоги. Въ это время по улицѣ провели медвѣдя, и мальчики бѣжали за нимъ, какъ это обыкно-

*) Тамъ же.

венно бываетъ. И пошелъ Beштъ за медвѣдемъ. Медвѣдя повели на базаръ, и Бештъ тоже идетъ туда. Весь народъ удивился этому. И повели медвѣдя мимо дома судьи. Вдругъ медвѣдь порвалъ веревку, и началъ бѣсноваться. Всѣ разбѣжались изъ боязни, что медвѣдь нападетъ на нихъ. Только Бештъ остался на мѣстѣ. Медвѣдь подбѣжалъ къ дому судьи, сильнымъ ударомъ лапы открылъ дверь и вбѣжалъ въ домъ. Бештъ сталъ у окна, чтобы видѣть, что медвѣдь сдѣлаетъ. И сейчасъ медвѣдь сдвинулъ столъ съ мѣста и поднялъ половицу и рылъ землю, пока не нашелъ трупа младенца, запрятаннаго въ землѣ. И взялъ трупъ передними лапами и поднялъ, чтобы всѣ его видѣли. И закричалъ Бештъ всему народу: «Будьте свидѣтелями!» И прибавилъ по польски: «Протестъ! Ребенокъ былъ запрятанъ съ цѣлью возвести навѣтъ на евреевъ».

Послѣ этого Бештъ вернулся въ синагогу доканчивать молитву.

X.

Существуютъ легенды о навѣтахъ, не связанныя ни съ какимъ чудотворцемъ. Спасителемъ невинно оклеветанныхъ является въ нихъ или обыкновенный смертный, или же ангелъ. Вотъ нѣкоторыя произведенія этого рода.

Страшная исторія съ графиномъ вина*).

Въ Іерусалимѣ существуетъ обычай, что въ пятницу вечеромъ, послѣ того, какъ служка прочитываетъ въ синагогѣ субботнее благословеніе надъ виномъ, онъ убираетъ бутылку съ оставшимся виномъ къ себѣ домой, а въ субботу ночью онъ ее приноситъ обратно въ синагогу, чтобы совершать надъ виномъ молитву раздѣленія субботы отъ буденъ.

Въ прежнія же времена бутылка съ виномъ оставлялась на всю недѣлю въ священномъ кивотѣ возлѣ свитковъ завѣта. Ввели новый обычай послѣ того, какъ случилась слѣдующая исторія.

Однажды, въ четвергъ, когда служка синагоги легъ спать и крѣпко уснулъ, къ нему вдругъ явился человѣкъ, котораго онъ въ жизни не видалъ, разбудилъ его и сталъ кричать: «Скорѣе встань и бѣги въ синагогу, ибо огненное пламя, красное, какъ кровь, горитъ въ святомъ кивотѣ, и отъ этого синагога можетъ загорѣться, и весь городъ можетъ, Боже избави, сгорѣть. Иди скорѣй, иначе будетъ поздно». И говорившій исчезъ. Служка сильно испугался, побѣжалъ въ синагогу, поспѣшко подошелъ къ священному кивоту, открылъ его и увидѣлъ, что нѣтъ тамъ никакого пламени. Служка не зналъ, чтобы это могло означать, и подумалъ, что

*) «Sipurei Ieruscholaim». Вильно 1900 г.

ему снился пустой сонъ. Вдругъ онъ замѣтилъ, что графинчикъ съ виномъ стоитъ въ кивотѣ не на своемъ обычномъ мѣстѣ. Онъ взялъ графинчикъ, осмотрѣлъ его при свѣтѣ луны и увидѣлъ, что графинчикъ не тотъ. Тогда онъ взялъ рюмку, налилъ въ нее изъ графинчика и увидѣлъ, что это не вино, а кровь Тогда онъ вспомнилъ сонъ: что весь городъ можетъ сгорѣть. Онъ взялъ графинчикъ, отнесъ его далеко отъ синагоги, разбилъ и засыпалъ кровь землей. И взялъ другой графинчикъ и налилъ въ него хорошее вино и поставилъ въ кивотѣ на обычное мѣсто. И пошелъ домой и опять легъ спать, никому ничего не сказавъ.

На завтра утромъ, въ то время, когда народъ молился, пришелъ въ синагогу князь со многими вельможами, со множествомъ священниковъ и солдатами съ обнаженными мечами. Евреи сильно испугались, и лица ихъ стали блѣдны, какъ мѣлъ, ибо никто не зналъ, что это означаетъ. Только служка не испугался, но онъ сдѣлалъ видъ, будто ничего не знаетъ. Князь велѣлъ тотчасъ искать по всей синагогѣ. Искали всюду, во всѣхъ углахъ и щеляхъ, но ничего не нашли. Тогда одинъ человѣкъ отозвался: «Пусть откроютъ священный кивотъ и поищутъ тамъ». И тотчасъ его открыли и нашли графинчикъ. Тогда всѣ начали кричать: «Смотрите, графинчикъ наполненъ кровью нашего ребенка, котораго евреи закололи для мацы на Пасху, какъ они всегда дѣлаютъ». Тогда подходитъ старшій священникъ къ раввину и спрашиваетъ: «Что здѣсь въ графинчикѣ?». И раввинъ отвѣчаетъ, что тамъ ничто иное, какъ вино для освященія субботы.

Тогда священникъ налилъ изъ графинчика въ рюмку и увидѣлъ, что это вино. И далъ князю въ руки рюмку, и князь передалъ ее другому и такъ дальше, пока всѣ увидѣли, что въ рюмкѣ только вино.Старшій священникъ попросилъ у раввина прощеніе, что прервали молитву, и сказалъ, что во всемъ виноватъ злой человѣкъ, который возвелъ навѣтъ на евреевъ, дабы ихъ всѣхъ истребить безъ вины. Тогда князь очень разгнѣвался и выхватилъ мечъ и хотѣлъ того злого человѣка убить посреди синагоги, но старшій священникъ схватилъ князя за руку и сказалъ: «Нельзя проливать человѣческую кровь въ святомъ мѣстѣ». Какъ только всѣ вышли изъ синагоги, злой человѣкъ тотчасъ призналcя, что онъ въ эту же ночь самъ поставилъ графинчикъ съ кровью въ священный кивотъ. Сдѣлалъ онъ это для того, чтобы заслужить почетъ отъ князя. Но вышло иначе: князь очень разгнѣвался и возлѣ синагоги убилъ его. Съ тѣхъ поръ раввинъ постановилъ, чтобы графинчикъ съ виномъ не оставляли въ священномъ кивотѣ, ибо не всегда случаются такія чудеса.

Чудесная исторія о французскомъ царѣ, заключившемъ евреевъ въ бочки съ гвоздями *).

Однажды пришли два злыхъ человѣка къ французскому царю и сказали ему, что видѣли, какъ еврей тащилъ христіанина къ себѣ въ домъ и навѣрно зарѣзалъ, чтобы взять его кровь, ибо теперь у евреевъ Пасха, и имъ нужна христіанская кровь. Но царь прогналъ злыхъ людей. Увидѣли они, что стали въ глазахъ царя лжесвидѣтелями, и очень разгнѣвались, и пошли, и собрали много народу, и поклялись, что сами видѣли, какъ христіанинъ вошелъ къ еврею и не вышелъ. Тогда народъ очень разгнѣвался, и всѣ стали думать, что дѣлать. Нашлись два свидѣтеля, которые сказали царю, что шли къ этому еврею занимать деньги, и онъ вышелъ къ нимъ съ окровавленнымъ ножемъ въ рукѣ. Тогда царь послалъ за евреемъ и спросилъ, зачѣмъ у него былъ окровавленный ножъ въ рукѣ? И сказалъ еврей: «Я рѣзалъ птицу на праздникъ». И сказали вельможи: «Развѣ птицу рѣжутъ въ комнатѣ?» И просили, чтобы еврея подвергли сильнымъ истязаніямъ, и онъ признается. И били еврея, и мучили его. И онъ признался, что убилъ христіанина и что еще 50 евреевъ изъ самыхъ знатныхъ были съ нимъ въ совѣтѣ. И велѣлъ царь схватить всѣхъ 50 евреевъ. Евреи плакали и говорили царю: «Существуетъ законъ отъ прежнихъ царей, что кто признается подъ пыткою, тому вѣрятъ только относительно его самого, а не относительно другихъ». Но народъ кричалъ царю: «Соверши судъ, ибо, если возгорится гнѣвъ народный, тебѣ трудно будетъ его потушить». Царь велѣлъ принести пятьдесятъ бочекъ и посадить туда обвиненныхъ евреевъ, и задѣлать бочки, и набить въ нихъ кругомъ колючіе гвозди остріями внутрь, и катить бочки по улицамъ. И вышелъ тогда первый начальникъ (это былъ ангелъ, принявшій видъ начальника) и сказалъ: «Властелинъ нашъ, государь. По уставу прежнихъ царей французской земли полагается, что, когда совершается казнь надъ 50-ю людьми и больше, самъ царь начинаетъ казнь первый, а за нимъ весь народъ. Поэтому долженъ ты, властелинъ, государь, первый толкнуть бочку, а мы за тобою покатимъ другія». И царь сказалъ: «Я такъ и сдѣлаю». И подошелъ, и поднялъ ногу, и хотѣлъ толкнуть бочку. Но сейчасъ-же нога его омертвѣла, и онъ упалъ на землю и лишился чувствъ. Когда царь пришелъ въ себя, то сейчасъ велѣлъ освободить евреевъ изъ бочекъ, ибо видѣлъ, что Богъ заступился за нихъ. И отвели царя домой, а евреевъ просили, чтобы они молили Бога, объ исцѣленіи царя. И они молились, и царь выздоровѣлъ. И пришелъ народъ къ царю и сказалъ: «Чудо случилось вѣдь для тѣхъ 50-ти евреевъ, которые невинны, но тотъ, кто убилъ христіанина, вѣдь заслужилъ, чтобы его казнили». Тогда царь сдѣлалъ строгое слѣд-

*) «Zidkath temimim». Варшава 1900.

ствіе, и явились свидѣтели, которые показали, что сами видѣли человѣка, подбросившаго убитаго въ домъ еврея. Царь велѣлъ строго наказать виновнаго,—и съ тѣхъ поръ наступилъ покой для евреевъ, жившихъ подъ его властью.

Благословеніе Богу. Аминь.

XI.

Приведенныя здѣсь легенды составляютъ лишь незначительную часть того цикла произведеній народнаго творчества, который имѣетъ своей темой кровавые навѣты. Но, и помимо этихъ произведеній, въ еврейской народной массѣ циркулируетъ множество сказокъ, легендъ и сказаній, сложенныхъ подъ впечатлѣніемъ такихъ же кошмарныхъ ужасовъ и гоненій. Характерно, что среди этихъ произведеній часто встрѣчаются сказки и легенды объ избіеніи еврейскихъ дѣтей христіанами. Одна такая легенда повѣствуетъ, что въ какомъ-то нѣмецкомъ городѣ студенты (!) хватали еврейскихъ дѣтей и топили ихъ въ рѣкѣ. Проѣзжій праведникъ-чудотворецъ приказалъ рѣкѣ выбрасывать дѣтей невредимыми и поглощать топителей. Рѣка повиновалась. Но, когда однажды брошенный въ нее ребенокъ утонулъ, разгнѣванный чудотворецъ проклялъ рѣку, и она тотчасъ же «была вырвана изъ своего русла и брошена по другому направленію». Въ другой легендѣ, очень популярной среди народа, разсказывается про польскаго пана, колдуна, который оборачивался въ черную кошку и душилъ новорожденныхъ дѣтей своего корчмаря наканунѣ ихъ обрѣзанія. Бештъ, узнавъ про это, велѣлъ ученикамъ бодрствовать всю ночь у колыбели новорожденнаго и, когда явилась кошка-оборотень, они захватили ее въ мѣшокъ и избили до полусмерти. Послѣ этого колдунъ вызвалъ Бешта на поединокъ, но былъ побѣжденъ и ослѣпленъ. Еще въ одной сказкѣ повѣствуется о какомъ то народѣ, который поклоняется отрубленной головѣ еврейскаго юноши, непремѣнно коганита, первенца, потомка первенцовъ до седьмого колѣна. Подъ языкомъ отрубленной головы подкладываютъ написанное «выраженное Божье имя»,—и голова пророчествуетъ, предвѣщаетъ и служитъ божествомъ въ теченіе 80 лѣтъ. И т. д., и т. д.

Въ другихъ, аналогичныхъ по настроенію, сказкахъ описываются сверхчеловѣческія усилія и самоотверженные подвиги праведниковъ «произвести плѣненіе князя тьмы, Асмодея и воинствъ его» и «вызвать приходъ Мессіи»; попытки оканчиваются страшнымъ пораженіемъ праведниковъ отъ руки всесильнаго Асмодея. Существуютъ мистическія и символическія сказки. Въ нихъ повѣствуется то о какомъ то давно умершемъ зломъ царѣ (въ одномъ варіантѣ онъ названъ Нерономъ), который каждую ночь является въ сопровожденіи войска и свиты въ роскошный дворецъ, воздвигнутый

гдѣ то въ лѣсу, садится на тронъ, творитъ судъ—и всѣ съ трепетомъ исполняютъ его повелѣнія, но, когда наступаетъ полночь, войска и свита бросаются на него, стаскиваютъ съ трона и разрываютъ на части. То о ящикѣ съ неувядающей травой, много тысячъ лѣтъ тому назадъ поставленномъ въ таинственномъ, послѣ этого наглухо замкнутомъ, теремѣ въ Римѣ. Съ этими травами связана судьба еврейскаго народа. Пока травы остаются свѣжими и душистыми, евреи будутъ непобѣдимы. Одинъ изъ царей, проникшій въ замокъ и нашедшій ящикъ, узнаетъ отъ волхва, что, если-бы еврей справилъ у этого ящика пасхальную вечерю, травы тотчасъ завяли бы, и еврейскій народъ, вмѣстѣ съ его Мессіей, погибъ бы. Царь обманомъ заставляетъ раввина справлять пасхальную вечерю у ящика, но «небесный гласъ» во время предупреждаетъ раввина объ опасности. Раввинъ открываетъ ящикъ, и оттуда выскакиваетъ чудовище въ образѣ тельца, но раввинъ уничтожаетъ его, надписавъ на его лбу, груди и ногахъ «выраженное божье имя». Сказка заканчивается словами: «Благословенъ избавитель и хранитель Израиля, освободившій его десницей своей изъ Египта и оказывающій ему до днесь свои великія милости. Аминь!».

Всѣ эти легенды и сказки вводятъ насъ въ совершенно новую, незнакомую другимъ народамъ, область фольклора. Это—фольклоръ смятенія и ужаса, раскрывающій передъ нами душевное состояніе цѣлаго народа, затравленнаго, потрясеннаго, и безпомощнаго. Правда, всѣ эти легенды и сказки заканчиваются торжествомъ справедливости, ликованіемъ евреевъ и хвалою Богу, но этотъ оптимизмъ весь проникнутъ отчаяньемъ. Если, для раскрытія навѣтовъ, для торжества правды и справедливости, народное воображеніе должно прибѣгать къ созиданію Гойлема, къ сверхъестественной помощи ангеловъ, небеснаго гласа, соннаго откровенія, сокрытыхъ праведниковъ и чудотворцевъ,—то это свидѣтельствуетъ, что народъ извѣрился въ обычномъ, земномъ правосудіи. И, право, трудно сказать, гдѣ больше трагизма: въ скорбныхъ ли лѣтописяхъ гоненій еврейскаго народа, или въ этихъ ликующихъ сказкахъ о «чудесномъ» избавленіи...

С. Ан—скій.

СѢТЬ МІРСКАЯ.

О. Порфирій спустился по узкой, крутой дорожкѣ къ воротамъ монастыря и на послѣдней ступенькѣ оглянулся. Сгорбленная старушка все еще стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ее оставилъ,—у двери кладбищенской церковки, на площадкѣ, возлѣ черно-мраморнаго мавзолея купеческой четы Некрасовыхъ. Стояла неподвижно, словно аллегорическое изображеніе горькой осиротѣлости, и тоскующимъ взглядомъ глядѣла въ его сторону.

Онъ еще разъ перекрестилъ ее издали и поклонился. Сквозь слезы, затуманившія его глаза, увидѣлъ, какъ голова ея въ сѣромъ платочкѣ заколыхалась, задрожала... Махнулъ рукой и вышелъ за ворота направо, въ узкій, вонючій переулокъ. Въ послѣдній разъ въ жизни, можетъ быть, видѣлъ онъ эту сухенькую, согнутую старушку: мать его она. Въ послѣдній разъ... Ей ужъ семьдесятъ шестой годъ, не долгъ путь остался. А его положеніе—подчиненное, отпускомъ располагаетъ рѣдко. Да и далеко,—цѣлой тысячью верстъ раздѣлены они, и не легко оплатить такую дорогу. За тридцать лѣтъ, какъ она поселилась въ монастырѣ, онъ видѣлся съ ней всего четыре раза,—и то лишь въ послѣднія десять лѣтъ, какъ сталъ монахомъ. А когда крестьянствовалъ съ братомъ и послѣ, какъ былъ послушникомъ, не на что было разъѣзжать. Даже къ брату, въ Корчевской уѣздъ—рукой подать, — не каждый годъ навѣдывался. Пріѣзжалъ на Пасху денька на два и скорѣй назадъ, въ обитель, къ Сергію-Троицѣ. Не очень нравилось ему у брата: черно, неопрятно, шумно .. А онъ ужъ отвыкъ отъ шума и грязи.

Но тутъ, у матери, въ тѣсной, низенькой келейкѣ съ окошками надъ самой землей, съ голубой лампадкой у иконъ, съ картинкой „Святая гора Аѳонъ“ и лежанкой, было акъ чисто, ласково, тихо и уютно.

За четыре дня, что прожилъ онъ въ Кіевѣ, онъ много

разъ спускался по тремъ ступенькамъ въ эту келью. Нагнувшись, входилъ онъ въ низенькую дверь и улыбался уже отъ одного запаха „рогалька“, такого крѣпкаго и благолѣпнаго. Старушка такъ суетилась каждый разъ, такъ хлопотала и бѣгала... Смѣшно было смотрѣть, какъ она тащила на столъ все, что было у ней самаго вкуснаго, самаго дорогого и, можетъ быть, завѣтнаго: яички, сливочное маслице на чайномъ блюдцѣ, сдобныя булочки и даже коробку „настоящихъ, кондитерскихъ“ конфектъ.

— Мамаша, не забудьте, что монаху надлежитъ малоядение, — говорилъ онъ ей, улыбаясь покорной и тихой улыбкой...

Но чтобы не огорчать ея, вкушалъ все предлагаемое, а она стояла у стола, подперши щеку костлявой рукой, и не сводила умиленныхъ глазъ съ него, или озабоченно выбѣгала въ крошечныя сѣни, гдѣ отчаянно дымилъ самоваръ. Сухонькая, неугомонно-говорливая, смѣшная старушка. Смѣшная и милая суетой своей и хохлацкимъ говоромъ своимъ,— о. Порфирій постоянно ловилъ ухомъ въ ея неугомонной рѣчи странное для него произношеніе:

— Піду... пожальуйте... *у висшей* степени...

— Сладкое брашно, мамаша,—въ писаніи говорится,— только гортань веселитъ, кормитъ же червя неусыпающаго... хе-хе... А вы мнѣ вотъ въ накладочку... чайку-то...

— И-и... Игнатикъ!.. сыночекъ мой... сердечное чадушко!..—она все еще прежнимъ, мірскимъ именемъ звала его:—авось, Господь не поставитъ во грѣхъ... Много ли тутъ?..

— Да не мало, мамаша...

— Да ужъ, може, и остатній разъ... И не придется больше очами тебя обызрить...

Прощались въ кельѣ. И когда она старенькими руками, морщинистыми, съ синими жилками, взяла и прижала къ себѣ его голову, онъ мимолетно пережилъ то самое ощущеніе легкой неловкости и радостной стѣсненности, которое бывало въ дѣтствѣ, когда мать, прижавъ одной рукой его голову къ своему животу, деревянной гребенкой съ рѣдкими зубьями начинала причесывать ему спутанные волосы.

Плакала старушка. Заплакалъ бы и онъ—громко, подѣтски. Умылся бы слезами... Но плакать не подобало монаху по привязанностямъ плотскимъ,—„яко же оставили родители своя по плоти, други же и имѣнія“... Встали въ памяти слова поученій изъ Лимониса...

Проводила до самаго спуска съ горы. Хотѣла дальше,— онъ воспротивился. Постояли они молча на высокой площадкѣ у кладбищенской церкви, откуда открывался видъ

на Подолъ и заднѣпровскую сторону. Сзади и внизу шумѣлъ городъ. Зыбь дрожала на Днѣпрѣ. Курились золотые пески на горизонтѣ и въ сизой дымкѣ лежали дали съ синими лѣсами, далекія, незнакомыя, всегда грустно-туманныя. А ближе бѣлыми, привѣтливыми точками разсыпались церковки въ селахъ и посадахъ съ красными домиками, рощи вербъ, похожихъ на зеленыя копны, лиловые рукава рѣки въ изумрудной оправѣ, зеленые островки, серебристыя косы. Все такое свѣтлое, нарядное въ блескѣ солнца, юное и ликующее.

Постояли, посмотрѣли, молча, задумчиво, прислушиваясь къ печали своей... Дивенъ и красенъ міръ Господень, но порою тоскуетъ въ немъ сердце, какъ въ мертвой пустынѣ... Опять попрощались. Поклонился еще разъ земнымъ поклономъ матери о. Порфирій. Заплакала она беззвучными слезами, сжалась, согнулась еще больше, старенькая-старенькая...

— Ну, сыночекъ... чадушка моя... помру,—молись за упокой души моей...

Онъ сказалъ дрогнувшимъ голосомъ:

— Мамаша, все въ волѣ Господней... Не теряю надежды Господь дастъ, повидимся еще...

— Ну, гдѣ ужъ! Не дождусь: время... Истекаетъ срокъ... пора...

Сжалось сердце у него отъ этихъ словъ, и онъ заботливо сталъ поправлять очки, чтобы скрыть слезы. Кое-какъ удержался на глазахъ у матери,—переборолъ слабость. А вотъ тутъ, внизу, взглянувъ въ послѣдній разъ на эту высохшую, согнувшуюся, невыразимо ему дорогую черницу убогую,—уже не выдержалъ. Побѣжали непослушныя слезы, какъ ни убѣждалъ онъ себя, что не подобаетъ монаху сія слабость...

— „Научи мысль твою отнюдь ничего не любить, кромѣ Христа"...

Это Патерикъ такъ наставляетъ. Ничего не любить... Легко сказать! Можно не любить міръ съ его шумомъ, бранью, враждой и злобой,—иноческое житіе съ тихою молитвой и благочестивыми размышленіями, конечно, ближе къ сердцу. Но какъ истребить земныя привязанности, отсѣчь память объ узловатыхъ, старенькихъ рукахъ съ синими жилками, ласкавшихъ въ дни его дѣтства и столь же дорогихъ ему и теперь, на сорокъ девятомъ году его жизни? Единственную память, отъ которой и нынѣ расцвѣтаетъ сердце, дрожитъ радостно и плачетъ тихими слезами умиленія...

„Яко же оставили родители своя по плоти, други же и

именія“... Сурово, холодно... „Печалей житейскихъ отбѣгай, житейской скорбью не оплетай себя“... Да, да... Такъ надо, немощенъ духъ, слабо сердце...

Сердце сжато тоской, сознаніемъ одиночества и осиротѣлости. И все стоитъ въ глазахъ согнутая, худенькая, темная фигурка матери и чудится еще прикосновеніе ея костлявыхъ, милыхъ рукъ...

О. Порфирій сѣлъ въ вагонъ трамвая, который вывезъ его на гору, перешелъ, по указанію кондуктора, въ другой, гдѣ получилъ замѣчаніе отъ толстой барыни, потому что зацѣпилъ ногой за ея зеленый шелковый зонтикъ; онъ къ этому отнесся какъ-то деревянно,—точно туманомъ задернуто было для него все, внѣ печали его живущее; люди, дома, сады, движеніе и звуки,—все стало чуждымъ и постороннимъ его вниманію. Мысль о матери слилась незамѣтно съ воспоминаніями о дѣтствѣ и первой юности. Одѣтыя свѣтлой грустью прожитаго и невозвратнаго, касались они сердца, какъ звуки далекой пѣсни: знакомъ мотивъ печальный, но слова забыты и съ ними ушло что-то ясное, дорогое, умилительное...

— Станція „Вылѣзай-ка“, отецъ! Вагонъ дальше нейдетъ...

Слова кондуктора вернули о. Порфирія къ дѣйствительности. Пустой вагонъ стоялъ на конечномъ пунктѣ, надо было выходить.

Поѣздъ, на который былъ взятъ билетъ у о. Порфирія, отходилъ въ одиннадцать съ минутами. Сейчасъ не было еще пяти. Можно было отслушать часть всенощной въ лаврѣ и поспѣть на вокзалъ. Срокъ отпуска у о. Порфирія уже истекалъ, и праздникъ—завтра Троица—предстояло провести въ дорогѣ.

Онъ зашелъ въ свой номерокъ, — въ подворьѣ монастыря, - собрать пожитки и покупки, всѣ эти мелкіе, дешевенькіе подарки для своей братіи въ Виѳаніи: съ пустыми руками пріѣхать неловко, какую-нибудь память о святомъ мѣстѣ привезти надо. Привелъ все въ порядокъ, уложилъ въ помѣстительный, немножко облупившійся саквояжъ, помолился—хоть сейчасъ въ путь... До всенощной оставалось еще не менѣе часу. Саквояжъ, лежавшій на койкѣ, придавалъ крошечной комнаткѣ бивачный, неуютный видъ. Захотѣлось на воздухъ. Побродить по монастырю, въ послѣдній разъ взглянуть на святыни печерскія, на храмы и сады, на толпы богомольцевъ.

Вышелъ. Пестрый потокъ людской, шелестя и обрываясь, вливался въ лавру и растекался по ея уличкамъ, дворамъ, церквамъ, галлереямъ и лавкамъ. О. Порфирій любилъ вслу-

шиваться въ мягкій хохлацкій говоръ, вздохи, наивныя молитвы вслухъ, шуршанье шаговъ. Любилъ затеряться въ живомъ морѣ сермягъ, картузовъ, овчинныхъ шапокъ, тяжелыхъ пестрыхъ, темныхъ и яркихъ платковъ, слиться съ его зыбкимъ, безцѣльнымъ движеніемъ, колыхаться вмѣстѣ съ нимъ, искать и ждать чего-то необычайнаго, изумительнаго... Было въ этомъ шатаніи славное такое, утѣшающее ощущеніе близости и молчаливаго общенія съ людьми, прикосновеніе къ жизни мірской, суетной и шумной, но всегда обаятельной нехитрыми чарами своими...

Богомольческая волна подхватила его, понесла съ странно-пріимнаго двора въ лавру, потомъ вынесла за ворота на откосъ. Онъ обрадовался: отсюда еще разъ можно взглянуть въ ту сторону, гдѣ онъ оставилъ свою старушку,—на Подолъ, на Фроловскій монастырь.

Солнце висѣло надъ самой кручей горъ днѣпровскихъ низко. Теплые лучи ткали ласковый узоръ по зелени обрывовъ. Внизу пыхтѣлъ пароходъ, разгоняя крупную зыбь на лиловой глади рѣки. И въ тонкой кисеѣ тумана голубѣли степныя дали, куда задумчиво глядѣли разсыпавшіяся надъ кручей толпы. О. Порфирій посмотрѣлъ влѣво, вверхъ по Днѣпру. Ни Подола, ни кладбищенской церковки монастырской не было видно за выступомъ. Знать, и впрямь навсегда распрощался съ милыми тѣми мѣстами...

Пѣвуче-протяжные звуки какого-то инструмента, печальные и торжественные, коснулись его слуха. Онъ насторожился. Духовное пѣніе ему было хорошо знакомо: самъ онъ пѣлъ когда-то въ хорѣ. Любилъ онъ музыку—духовную и свѣтскую—и стыдливо держалъ въ тайнѣ эту свою слабость.

Подошелъ поближе къ сѣренькой кучкѣ, окружившей старенькій, облупленный гармоніумъ. Съ лицомъ темно-бронзовымъ, худымъ, завѣтреннымъ сидѣла за инструментомъ слѣпая женщина, не молодая, въ бѣломъ платкѣ своемъ похожая на головешку. Черные пальцы ея привычно и увѣренно, неторопливо, ходили по клавишамъ, а невидящія очи, не моргая, глядѣли передъ собой и внутри себя. И медлительно пѣлъ ветхій инструментъ надтреснутыми голосами старой скорби, невыплаканной и неизбывной, тихой скорби одинокаго, покинутаго сердца...

Кому повѣмъ... печаль мою-ю...

Голосъ почти мужской. Немножко сиплый, онъ дрожитъ и обрывается на верхнихъ нотахъ. Льются ровнымъ потокомъ звуки инструмента, текутъ величаво, какъ тихія воды, съ малой зыбью, и утопаетъ въ нихъ далекій шумъ города,

говоръ толпы, шелестъ шаговъ ея. Плачемъ живымъ и скорбно зовущимъ звучитъ надорванный голосъ невидящей женщины:

Кого призову... ко рыда а-нію...

Поетъ-гудитъ гармоніумъ. Мотивъ суровый, горькій порой сплетается въ гирлянду нѣжныхъ, тонкихъ голосовъ, звучитъ дѣтски-трогательной жалобой отягченнаго, израненнаго сердца человѣческаго. Льется и обрывается усталый голосъ человѣческій, о вѣчной тьмѣ и скорби говорящій. Льется въ сердце—одно большое сердце—этихъ сѣрыхъ, скудно одѣтыхъ, невзрачныхъ, корявыхъ людей, стоящихъ тутъ, возлѣ, съ изумленными и очарованными лицами. Какъ будто подслушалъ онъ, этотъ старый инструментъ, всѣ горькія думы, затаенныя рыданія, подглядѣлъ всѣ слезы и отчаяніе темной, горькой жизни, ея нужду терзающую, озлобленіе и паденіе... И все собралъ въ себя, все горе людское, и когда темные, загорѣлые персты одной изъ самыхъ обездоленныхъ коснулись струнъ его, заплакалъ горькой жалобой:

Кому повѣмъ печаль мою?..

И вотъ стоятъ они, изумленные, притихшіе и растроганные. И молодыя тутъ, наивныя, спрашивающія лица, и старыя, трудомъ, заботою, нуждой изборожденныя. Солдатъ и дивчина, старушка въ лапоткахъ и сивоусый бѣлорусъ съ гусиной шеей, свитки изъ домотканной сермяги и пиджаки,—всѣ сгрудились и прислушались.

Дрожатъ завѣтренныя, запекшіяся губы, горестныя собираются морщины на женскихъ лицахъ, слезы ползутъ. Свое горе заныло, своя тоска выступила четко и выпукло, какъ теплымъ лучомъ заката выхваченный закоулокъ, вылилась неудержимо въ теплыхъ слезахъ. Корявыя, натруженныя руки развязываютъ узелокъ въ уголкѣ платка, достаютъ мѣдную монету, и падаетъ она съ благодарнымъ звономъ въ деревянную чашечку слѣпой пѣвицы.

Не въ первый разъ видитъ эти слезы о. Порфирій и лица, тронутыя горестнымъ выраженіемъ жалости и своихъ воспоминаній. Но нынче все это особенно понятно, близко,—и дрожатъ его рѣсницы... Поправляетъ онъ очки, отходитъ въ сторону. Опять глядитъ туда, на Подолъ, но не видитъ ни церковки знакомой, ни старенькой монахини около нея...

— А то у нашу сторону пароходъ гребнувся...—раздается рядомъ чужой голосъ, радостный такой, общительный.

О. Порфирій испуганно оглядывается. Приземистый хохликъ въ короткой сермяжной свиткѣ снимаетъ свою баранью шапку, почтительно кланяется и почти ликующимъ

голосомъ говоритъ, тыкая костылемъ вслѣдъ убѣгающему дымку парохода:

— У Переяславъ гребнувся...

О. Порфирій усиленно сморкается,—ему конфузно, что посторонній человѣкъ видѣлъ его слабость. Но посторонній человѣкъ весь ушелъ въ радостное созерцаніе скрывающагося изъ глазъ парохода,—пѣгая щетина на его подбородкѣ шевелится и ходитъ отъ улыбки.

— Самый нашъ корень—Переяславъ.

— Такъ вы того... такъ, такъ...—О. Порфирій уже оправился и ласково машетъ головой смѣшному хохлику.—Съ Переяславля, значитъ?

— Ни, я съ Томской губерніи... Переяславъ, какъ бы вамъ сказать, наша родина. А я годовъ съ двадцать, какъ у Томскую переселився... на нови мѣста...

— Такъ, такъ...

— А тутъ у меня братъ зостався... Рідный...

— Такъ, такъ... Провѣдать, значитъ? Хорошо... Родину не забываете,—хорошо...

Собесѣдникъ о. Порфирія поскребъ свою густую щетину на подбородкѣ и усмѣхнулся.

— А якъ же ее забыть, батюшка?.. На чужбинѣ и кости плачутъ...

Онъ потрясъ головой, прищурился, всматриваясь въ дали, и замолчалъ, точно обидѣлся на о. Порфирія.

— Всэ въ менэ е,—сказалъ онъ, упираясь руками и грудью на костыль:—хлібъ е... сала захошь,—заколи кабана, вотъ и сало. Бычка выкормишь, вотъ и мясо... Всэ е... Тілько за краемъ скучно!.. Сердце кортыть... кортыть сердце...

Что-то близкое, слишкомъ понятное почувствовалось о. Порфирію въ этомъ коротенькомъ мужичкѣ, въ его тоскѣ по родному краю и неотвязныхъ думахъ о немъ,—болѣлъ и самъ онъ часто такой же мукой и въ часы одиночества, и въ дни мелкихъ монастырскихъ дрязгъ и огорченій, украдкой тихо плакалъ о родныхъ мѣстахъ, о близкихъ по плоти людяхъ... Казалось ему, что нѣтъ въ свѣтѣ краше, свѣтлѣе и теплѣе мѣста, какъ родной уголъ его—Подберезники...

— Вотъ, праздникъ провожу, — поѣду! — счастливымъ, предвкушающимъ голосомъ говоритъ хохликъ:—годовъ, мабуть, съ пятнадцать не былъ... Разъ пріѣзжалъ, какъ дорога прошла,—вонъ когда!..

И казалось, весь онъ былъ поглощенъ мыслью о близкомъ свиданіи, переполненъ дѣтской радостью предвкуше-

нія,—сіяли счастьемъ глаза его, ушедшія въ морщины, и шевелилась пѣгая щетина на щекахъ.

— А что я у васъ спрошу, батюшка,—вдругъ спохватился онъ:—яка-сь-то машина... иду у городъ, а она мимо меня якъ пролетить... штрипъ-штрипъ-штрипъ-штрипъ... Лисапетъ? Такъ не лисапетъ...

— Нѣтъ, это другое... Это бензиннымъ паромъ дѣйствуетъ.

— Паромъ?

— Обыкновенно паромъ... Зарядится и катитъ.

— А дѣ-жъ у ней паровикъ?

— Да тамъ же, подъ кучеромъ.

— Э? Підъ задомъ у кучера? Д-ды-вись же, чего придумаютъ!.. Штрипъ-штрипъ-штрипъ... Якъ ти шкворьци...

Они долго стоятъ молча, въ раздумьи, каждый о своемъ. А за спинами у нихъ зыблется говоръ людской, переплетаясь съ пѣніемъ слѣпцовъ, причитаніями нищихъ и смѣхомъ дѣвичьимъ. Звучитъ міръ пестрыми голосами, сливая воедино радость и горе, бранную рѣчь и слова привѣта, дѣтскій плачъ и пѣніе бандуры. Движеніе идетъ неустанное, кипитъ и буйно трепещетъ жизнь—суетная, горькая, но и обаятельная, заражающая юнымъ оживленіемъ своимъ.

— Все есть, слава Богу,—говоритъ раздумчиво мужичекъ:—всего хватаетъ... Я не жаденъ: хватаетъ, и слава Богу. Лошадки есть, овечки, коровки... Бога гнѣвить нечого. И сало, и молоко—всего безъ нужды... Ну, за краемъ своимъ скучаю... Хлопцы на той сторонѣ выросли, они—ничего... А у меня кортыть сердце: помру на чужой сторонѣ...

Звенитъ бандура. Поетъ гармоніумъ. Сплетаются голоса слѣпцовъ. Говоръ людской пересыпается частой капелью, широкой рѣкой льется шелестъ, шуршанье шаговъ. Осиплые, усталые пѣвцы, съ придыханіями, паузами и причитаніями умѣло и выразительно разсказываютъ жалобу горькую:

Та вже-жъ мое грішне тіло
Наболилося...
Та вже-жъ душа моя гноемъ
Напиталася...

— А все въ діло!—говоритъ, вслушавшись, растроганный собесѣдникъ о. Порфирія:—все въ діло...

О. Порфирій смотритъ на эти сожженныя солнцемъ лица, сухіе, пыльные волосы, на черныя ноги босыя, на страшныя глаза съ бѣльмами, лохмотья и грязь. Все знаетъ давно онъ, все видѣлъ не разъ и вздыхающіе, хриплые го-

лоса эти слышалъ. И сердцемъ болѣлъ о нихъ,—мягкое сердце у него... Но нынѣ, показалось ему, въ первый разъ онъ видитъ то, чего по глухотѣ сердца не замѣчалъ прежде, что горькая жалоба ихъ есть его жалоба и жалоба всего народа, усталаго и обремененнаго, съ наболѣвшимъ тѣломъ, очами слѣпыми и душой опустошенной... Тѣмъ-то и сильна тайна ихъ обаянія, оттого и тянетъ такъ къ ихъ воплямъ, язвамъ, къ вѣковѣчной темнотѣ и обездоленности ихъ...

Въ скорби лютой обрѣтаюсь...
Сердцемъ горькимъ сокрушаюсь...

— Дайте, матуни! Дайте, татуни!—рѣзкимъ голосомъ взываетъ толстая баба:—дайте хоть полотенчика... очи протереть... Господи, обрадуй васъ!..

Мимо царства прохожу...
Горько плачу и гляжу—

звенитъ бандура. Узловатые темные пальцы привычно бѣгутъ по ладамъ. Черный ротъ широко, съ оскаломъ бѣлыхъ зубовъ, открывается и вплетается въ зыбкій потокъ другихъ голосовъ, выводящихъ жалобу. Обрывается и диковато вопитъ:

— Може-бъ міні вышили сорочечку?.. Надѣлили-бъ спидничкою або платочкомъ?..

И снова переплетаются голоса, толкутся, зыблются. Гудитъ-поетъ гармоніумъ. И стоитъ прикованная къ нимъ властью непонятной, стоитъ съ своими думами сѣрая, темная, расцвѣченная женскими нарядами толпа...

Милости не будетъ тамъ,
Коль не миловалъ ты самъ...

— Да неизвѣстно, якъ оно тамъ буде...

Брови сдвинуты и сурово морщинистое лицо у человѣка, который говоритъ это. Облѣзшая зимняя шапка на головѣ, худые опорки на ногахъ и въ черной натруженной рукѣ костыль.

— Неизвѣстно!..

— Чего?—спрашиваетъ хохликъ изъ Томской губерніи, собесѣдникъ о. Порфирія.

— Оттуда нихто не прійшовъ! Нихто не знае...

— Въ книгахъ святыхъ написано,—кротко возражаетъ о. Порфирій и чувствуетъ, что неубѣдительно это для человѣка, извѣрившагося въ правду людскую и правду бо-

жескую, для полубосого, изнуреннаго и отчаявшагося человѣка.

— Плохо будетъ,—вздыхаетъ томскій хохликъ.

— Оно и сейчасъ плохо,—глядя въ сторону, сурово говоритъ человѣкъ въ старомъ зипунѣ.

Черноглазая молодая женщина въ красной кофтѣ глядитъ на него съ изумленіемъ.

— На семъ світі плохо?—пѣвучимъ голосомъ спрашиваетъ она.

— Або-жъ хорошо?

Онъ смотритъ на нее въ полоборота, враждебнымъ взглядомъ.

— Вотъ якъ въ огнѣ горѣть будемъ, вонъ то плохо!—подумавъ, говоритъ она. Онъ иронически усмѣхается и крутитъ головой.

— Воды не буде,—продолжаетъ она медлительнымъ, пѣвучимъ голосомъ:—а на семъ світі ще не плохо. Воды—вонъ у Днипрѣ сколько хочешь...

— Тілько шо воды...

— А шо-жъ воды? Осмь мы якъ шли семь верстъ безъ воды, ажъ у роті пересохло...

Ему лѣнь возражать этой наивной, недалекой бабѣ. Онъ нехотя бросаетъ:

— Тутъ бачимъ, шо плохо. А вмеръ—уже все пропало...

— Ну да... пропало!..

Она хочетъ возразить чѣмъ-нибудь сильнѣй, убѣдительнѣй, но смотритъ на печальное, изнуренное нуждой лицо его и краснорѣчивые доспѣхи нищеты, и смолкаетъ: а вѣдь, правда, плохо тутъ, на этомъ свѣтѣ, плоше некуда, а оттуда никто вѣсти не далъ. Можетъ, и правъ этотъ бѣдный человѣкъ... Вотъ отошелъ онъ и затерялся среди сѣрыхъ кучекъ и темныхъ фигуръ, что стоятъ надъ кручами, глядятъ въ сизыя, мечтательныя дали степей заднѣпровскихъ, гдѣ скрыты, можетъ быть, въ вѣчномъ туманѣ—просторъ, воля и жизнь хорошая...

Теплый свѣтъ вечерній играетъ на золотѣ крестовъ и главъ монастырскихъ. Четкимъ узоромъ переплелись тѣни по зелени. Какъ грачи на бороздѣ, чернымъ рядомъ глядятъ изъ-за бѣлой монастырской ограды послушники, глядятъ задумчивымъ, мечтательнымъ взглядомъ туда же, куда и всѣ сѣрые, убогіе богомольцы, въ таинственныя степныя дали. Въ тонкой дымкѣ купаются онѣ, далекія, широкія, зачарованныя... Мечта летитъ къ нимъ, и грусть необъяснимая волнуетъ сердце невѣдомымъ и недостижимымъ...

II.

Бухнулъ колоколъ на лаврской колокольнѣ. Ударъ пронесся пѣвучей волной надъ монастыремъ, надъ кручами и садами и, замирая, колыхаясь, ушелъ за Днѣпръ. Другой... И третій... И въ мѣдныхъ поющихъ волнахъ утонулъ людской говоръ, поблѣднѣлъ плачъ гармоніума, затихла бандура и жалоба слѣпцовъ. Гудѣлъ и пѣлъ разбуженный воздухъ, кружились голуби въ высотѣ, сверкая на солнцѣ бѣлыми подкрыльями.

О. Порфирій перекрестился и вмѣстѣ съ темнымъ потокомъ людскимъ, пестрымъ, шуршащимъ безчисленными ногами, направился въ церковь. Въ дверяхъ его притиснули къ рябой, ширококостой бабѣ, отъ которой пахло терпкимъ лошадинымъ потомъ, вынесли впередъ, сшибли въ сторону и прижали къ разрисованной стѣнѣ въ придѣлѣ св. Іоанна Богослова, возлѣ кіота съ частями восьмидесяти мощей, съ кусочками древа отъ трапезы Христовой и каплями крови Іоанна Крестителя.

Непрерывной струею вливался въ храмъ народъ, колыхался, напиралъ. Волны толкотни, доходя до о. Порфирія, каждый разъ притискивали его къ расписной стѣнѣ, но онъ былъ доволенъ: мѣсто видное, близкое къ иконамъ и какъ разъ противъ праваго хора.

Онъ уже гремѣлъ, великолѣпный лаврскій хоръ, торжественную хвалу Богу, пѣлъ и призывалъ Бога славы. Напѣвы молитвенныхъ пѣснопѣній были, вѣрно, взяты изъ южныхъ пѣсенъ народныхъ,—чувствовалось въ нихъ яркое солнце, зеленые гаи и степи широкія, радость и свѣтлая грусть пѣвучаго малорусскаго народа. И охватывало душу ощущеніе новой, незнакомой красоты, призывная радость хвалы торжественной, трепетное умиленіе предъ Источникомъ сладости сердечной...

Горѣли огни, отражались въ золотѣ иконъ, переливно играли въ камняхъ драгоцѣнныхъ. Давалъ отсвѣты мраморъ колоннъ и гробницъ. Свѣтъ дрожалъ длинными лентами и гигантскими цвѣтами, пучками цвѣтовъ. Плыли волны фиміама, цѣплялись за зелень березокъ и липъ, и уходили подъ сумрачные своды храма, гдѣ умирали, перекатываясь, волны торжественнаго пѣнія...

— Казанска Божа Мати! помилуй насъ грѣшныхъ!.. Почаевска Божа Мати! помилуй насъ грѣшныхъ!.. Тихонска Божа Мати! помилуй насъ грѣшныхъ!..

Шепчетъ и всхлипываетъ бабій голосъ позади о. Пор-

фирія, и слышится въ ея убогихъ словахъ страстная мольба о чемъ то своемъ, затаенномъ, вздохъ, умоляющій о каплѣ милости и ласки небесной...

Золото, парча, алмазы и мраморъ... И сѣрый, запыленный сермяжный и лапотный людъ, устало склоняющій худыя колѣни на чугунъ и камень ступеней... Благолѣпные лики святыхъ въ дорогихъ ризахъ и опаленныя солнцемъ и вѣтромъ морщинистыя лица людей, сухими черными губами шепчущихъ заученныя моленія, неуклюжія, грязныя тѣла съ костлявыми, перекошенными, согнутыми плечами... Кадильный ѳиміамъ и тяжкій запахъ потныхъ одеждъ и гнойныхъ язвъ... Ликующее, громогласное пѣніе и вздохи тяжкіе, перекошенныя гримасой плача лица, бормотаніе и шепотъ молящій...

— Ты, Великій Покровъ радости, Всещедрый Утѣшитель, неужели Ты не пошлешь слуху ихъ радости и веселія, сладости сердечной никогда не дашь имъ, не освѣтишь тѣсноту жизни ихъ, Ты, Свѣтъ присносущій?..

И тоска невѣдомая свинцомъ легла на сердце о. Порфирію; не могъ онъ сказать о чемъ, почему? Ушло въ даль пѣніе, лики святыхъ потускнѣли, туманъ закуталъ огни,— душно и тяжко стало ему среди изнемогающихъ шепотовъ и всхлипываній, въ густомъ и тошномъ запахѣ тѣлъ человѣческихъ.

Вышелъ въ ограду. Подумалъ: пора на вокзалъ? Но солнце не сѣло еще,—послѣдніе отблески его горѣли розовыми угольками на золотой главѣ колокольни, кресты золотые купались въ прозрачной, холодной лазури вечерней, а надъ ними плыло бѣлое облачко... Можно еще погодить, вонъ клиръ выходитъ изъ храма служить литію подъ открытымъ небомъ.

Гдѣ то вверху, въ ясной синевѣ небесной, звенятъ стрижи. И тутъ, внизу, звенитъ ясный голосъ дѣтскій, голосъ канонарха. Короткими, срывающимися каскадами звуковъ повторяетъ слова его хоръ. Прольются звуки короткой лавиной и смолкнутъ разомъ, какъ обрубленные. Звенитъ канонархъ, звенятъ стрижи, утопающіе въ лазури.

Съ наружныхъ стѣнъ, изъ золотыхъ ободковъ, глядятъ угоднички, глядятъ на темную, тихо зыблющуюся толпу, тихо жужжащую по краямъ, плотную и сдавленную въ центрѣ. Бѣлоснѣжный храмъ чуть окрашенъ вверху отсвѣтами солнца, а внизу уже тѣнь сплошная лежитъ, посѣрѣли развѣсистые каштаны и заползъ подъ нихъ черный сумракъ.

Зыблется сѣрая, темная масса людская. Проходятъ мимо и толкаютъ, цѣпляясь за о. Порфирія, группы богомольцевъ и

праздныхъ гулякъ. Шаги шуршатъ, скребутъ, стучатъ о каменный помостъ. Идутъ дѣвушки въ чоботахъ и лаптяхъ, пестры наряды ихъ и любопытенъ молодой, волнующій взоръ, легка и щеголевата чуть подрагивающая походка. Пестрятъ сермяжно-черныя и бѣлыя мужицкія фигуры. Тихо шелеститъ говоръ. Оторвется слово, другое, цѣлая фраза,—и мгновенно освѣщается уголокъ чужой жизни, мимо текущей и безслѣдно тонущей въ темномъ морѣ людскомъ...

— Таки скучно безъ родины?—спрашиваетъ молодой женскій голосъ.

— А почему?—Солдатикъ маленькій, веснушчатый старается показать закалъ мужества, не хочетъ сознаться землячкѣ въ томъ, что она сама видитъ въ его глазахъ печальныхъ.

— ...Къ колодезю не ходила?

— ...Слава Тебѣ Господи! Все обошла, все оглядѣла... вездѣ помолилась. Какъ то приметъ Господь?..

— Ну, слава Богу...

— Вотъ копѣечки не хватаетъ... Хотѣла свѣчечку за гривенникъ поставить, да не хватаетъ...

О. Порфирій отвернулъ полу рясы и нащупалъ въ карманѣ мѣдную монетку.

— На... раба божія...

— И-и, родимый ты мой!.. отецъ!..

Улыбка растягиваетъ синія губы убогой старушки, расплывается на землистомъ лицѣ, обтянутомъ дряблою, темною кожей, и въ жалкомъ взорѣ голоднаго, изнуреннаго существа свѣтится радость и изумленіе...

О. Порфирій отвернулся и судорожно вздохнулъ. Крестьянинъ онъ самъ, зналъ нужду, голодъ, скудость всякую, но, должно быть, забылъ,—ужасной, какъ смерть, показалась ему эта старуха въ своемъ убожествѣ, грязи и изнуреніи... Грязный воротъ рубахи вокругъ костлявой шеи, пустая сумка за спиной, ветхія онучи и—мечта о десятикопѣечномъ жертвосожженіи...

— Свѣчку то и за пятачекъ можно,—говоритъ онъ ей:— Господь числитъ усердіе... намѣренія цѣлуетъ... А на пятачекъ-то попей чайку лучше...

— Роди-и-мый!..—умиленно восклицаетъ старуха:—дай тебѣ, Господи!.. Я, недостойная, Богу за тебя помолюся... Молиться я мастери-ица!..

Поетъ, гремитъ хоръ „Нынѣ отпущаеши". Несутся въ небо волны могучихъ звуковъ, величественныхъ и торжественныхъ. И таютъ въ поблѣднѣвшей бирюзовой лазури съ послѣдними теплыми отблесками зари на золотыхъ крестахъ. Плывутъ торжественные, стройные, взывающіе и молящіе

звуки въ небо, звучитъ земля голосами восторга и упованія. Глядятъ съ наружныхъ стѣнъ лики угодниковъ, глядятъ на темную, чуть зыблющуюся толпу. Шуршитъ, ходитъ народный говоръ и звукъ шаговъ, шелестъ, шепотъ, вздохи, заглушенный стонъ мольбы, слезъ умиленныхъ.

И вотъ перезвонъ колокольный. Онъ бойко вторгается въ рѣку пестрыхъ, зыблющихся звуковъ, веселый, радостный, особенный звонъ кіевскій, съ цымбалами и серебряными трелями. Словно весенній юный хороводъ дождемъ звенящихъ пѣсенъ, плесковъ и погудокъ разсыпается по каменному помосту, покрываетъ говоръ и пѣніе и возгласы, взлетаетъ въ высь, разливается и уносится въ дали румянаго вечера...

Пронесся. Смолкъ...

Звенятъ стрижи вверху. И ясенъ лѣтній вечеръ, прозраченъ, тихъ. Въ темныхъ толпахъ, молитвенно серьезныхъ, тихихъ, пробѣжитъ вдругъ серебряною зыбью смѣхъ дѣвичій. И въ свѣтлыхъ сумеркахъ пронесется съ нимъ зовущая радость жизни, безпричинная и милая радость, волнующая смутнымъ, тайнымъ ожиданіемъ невѣдомаго счастья.

III.

О. Порфирій помолился на лики преподобныхъ, взиравшихъ на него со стѣнъ храма,—уже смутно виднѣлись они въ сумеркахъ,—поклонился имъ, оглянулся на тихія обители, на сѣрыя деревья и пошелъ въ странопріимницу взять свой саквояжикъ и ѣхать на вокзалъ.

О. Іона, обычный вечерній собесѣдникъ его, надзиратель корпуса, увидѣвъ его съ саквояжемъ, горестно воскликнулъ:

— Душевный мой! неужели въ путь?.. А какъ же... того... неужели безъ чаю?

— Спаси васъ, Господи, батюшка, за пріютъ и ласку вашу... благословите... время на вокзалъ...

— Да рано еще, душевный мой! Полтора часа до поѣзда. А ѣзды полчаса, не больше... Что вамъ тамъ въ табакѣ коптиться. А тѣмъ временемъ мы чайку... Братъ Іоаннъ! Ну-ка вынеси намъ чайничекъ...

— Напрасно, о. Іона!

— Ничего не напрасно,—вы человѣкъ дорожный... И я еще насчетъ нотъ хотѣлъ потолковать съ вами... Іоаннъ, неси-ка, братъ, на воздухъ, подъ каштаны,—я хоть и хлипокъ здоровьемъ, а уважаю воздухъ... Да и на народѣ оно веселѣй... люблю поглазѣть на православныхъ...

Они сѣли за длиннымъ столомъ, подъ темными деревьями.

Послушникъ принесъ имъ два чайника и стаканы. О. Іона подсучилъ рукава своей ватной рясы и принялся разливать чай.

— Такъ если у васъ, душевный мой, что любопытное попадется изъ нотъ,—говорилъ онъ, покашливая:—не поскупитесь, пришлите... Имѣю и я кое-что... радъ подѣлиться... И люблю позаимствоваться.

За четыре дня о. Іона и о. Порфирій тѣсно сошлись между собой на одномъ предметѣ, равно близкомъ ихъ сердцу,—на пѣніи. И подолгу толковали о немъ, вспоминали, разбирали, слегка спорили и одинаково безкорыстно восторгались дивными созданіями искусства.

— Я не похвалюсь,—сказалъ о. Порфирій:—если и есть что у меня, то простенькое, не мудрое... А у васъ тутъ— Боже мой!—что за дивное пѣніе!.. Прямо—удивленія достойно!..

Гасъ вечеръ. Шуршали и скребли по мощеному двору шаги усталыхъ богомольцевъ, неспѣшнымъ ручьемъ тянувшихся на ночлегъ. Жужжали голоса, звенѣла посуда за столами, рядомъ слышались хлебающіе и вздыхающіе звуки, текли полусонныя, усталыя бесѣды.

— Вотъ,.. и провьянтъ весь, и денегъ ни копья... всѣ рикошетомъ пошли!

Молодая, толстощекая баба, сидѣвшая съ своими товарками за тѣмъ же столомъ, гдѣ сидѣли о. Іона и о. Порфирій, весело стряхнула крошки съ платка и помолилась на кресты собора.

— А издалека-ли?—спросилъ о. Іона.

— Рязанскіе, батюшка.

— Не близко. Нуждишки примешь...

— А Господь-то!—весело, беззаботнымъ голосомъ, возразила баба.—Говорили: подъ Кѣивомъ не пускаютъ ночевать безъ копѣйки. Анъ пустили. Ишшо сами сказали: „не ходите, на ночь глядя, черезъ лѣсъ, тутъ шалятъ... Съ одной дѣвки платокъ сняли и деньги забрали. Рупь шесть гривенъ"...

Струится говоръ, гаснетъ и вновь всплываетъ. Густѣютъ сумерки. Молодой мѣсяцъ вышелъ изъ-за крышъ, посеребрилъ ихъ и инеемъ покрылъ мощеный дворъ. Красный Арктуръ загорѣлся на западѣ.

— Было у насъ пѣніе встарь, а сейчасъ...—о. Іона пренебрежительно махнулъ рукой:—пей, пей, душевный мой! ты человѣкъ дорожный...

— Чтобы хоръ былъ вполнѣ хоръ, велелѣпенъ и красенъ, надо, чтобы понимающая голова была... А у насъ нѣтъ таковой!..

О. Іона горько усмѣхнулся, засопѣвъ своимъ орлинымъ носомъ.

— Я одного игумена зналъ,--изъ поваровъ онъ былъ,— запахивая свою ватную рясу, продолжалъ онъ:—онъ такъ говаривалъ, бывало: „хорошаго богомольца", говоритъ, „чѣмъ пригрѣете первѣе всего? А тѣмъ: накорми его хорошенько, да кваскомъ особеннымъ попотчуй,—вотъ онъ и твой! А хоръ—дѣло десятое"... Десятое!—покрутилъ головой Іона, глядя добродушными, стариковскими глазами на молодую крестьянку, сидѣвшую почти противъ него за столомъ.

— Дѣло десятое!—повторилъ онъ, оборачиваясь къ о. Порфирію:—ну съ того и спросить нечего,—такой версты человѣкъ: поваръ, поварской и смыслъ... А вотъ люди понимающіе... Взять хоть владыку нашего. Мужъ, конечно, вельми книженъ и духовенъ, божественнаго разума человѣкъ... А въ пѣніи, извините, ни бе, ни ме...

О. Порфирій покачалъ головой, осторожно выражая удивленіе.

— Не любитель?—спросилъ онъ, дипломатически обходя рѣзкость выраженія о. Іоны.

— Ни бельмеса не мыслитъ!—подчеркнулъ Іона:—я вамъ вѣрный фактъ разскажу. Покойный Іоиль приложилъ къ церковному пѣнію столько тщанія, какъ никто до и послѣ него. Регентъ былъ, прямо сказать, единственный! И всѣ мы говорили довольно единогласно: столь красно и изрядно пѣніе, что ужъ лучше требовать некуда... А владыка, представьте, послушалъ и говоритъ:—„Орутъ, аки волове... Ты мнѣ попроще... То и хорошо, что просто"...

О. Іона громко и непочтительно разсмѣялся.

— Вотъ и подите. Человѣкъ исполненъ благого любомудрія и учености, а сужденіе довольно дѣтское даже... Вѣрный фактъ!..

О. Порфирій все опасался, какъ бы это рѣзкое сужденіе о владыкѣ не было подслушано посторонними, и не безъ тревоги оглядывался на бабъ, сидѣвшихъ за тѣмъ же столомъ. Но онѣ, видно, нисколько не интересовались вопросомъ о пѣніи и вели свой разговоръ о городскихъ и монастырскихъ впечатлѣніяхъ. Все-таки, чтобы отклонить бесѣду въ другую сторону, о. Порфирій мягко, съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, сказалъ:

— Дискантовъ у васъ маловато.

— Вовсе нѣтъ!—мрачно отвѣчалъ Іона:—дискантъ голосъ нѣжный, его беречь надо. А въ монастырѣ развѣ жалѣютъ голоса? Цѣлый день, безъ передышки, пой: утреня, обѣдня ранняя, поздняя, панихиды, молебны... цѣлый день! А го-

лосъ—вещь нѣжная, береги да береги... Нынче онъ есть, а завтра нѣтъ его...

— Вещь деликатная,—согласился о. Порфирій.

— Всенепремѣнно! Опять, ежели голосокъ и заведется, сейчасъ митрополитъ его къ себѣ въ хоръ беретъ... А то какой-нибудь церковный староста переманитъ, купецъ... Въ городскихъ храмахъ замѣчательные бываютъ хоры, особенно ежели купецъ старостой... Нынче кто хорошо живетъ? Купецъ! У иного офицера, можетъ, стола такого нѣтъ, какъ у купца... Еще стаканчикъ, отецъ?

— Нѣтъ, спаси васъ, Господи. Сытъ.

— Да, вѣдь это не хмѣльное, душевный мой. Вы же—человѣкъ дорожный.

— Все единственно. Напитался и очень васъ благодарю, батюшка, пошли вамъ Богъ добраго здравія... Душа мѣру знаетъ. А тѣло — его не мѣшаетъ алканіемъ и жаждою утруждать...

— Э-э,—махнулъ рукой Іона, кашляя:—на все время и часъ...

Они помолчали. Въ шуршащемъ, текучемъ говорѣ слышались громкіе зѣвки, вздохи. Молодой голосъ рядомъ съ о. Іоной съ притворнымъ сокрушеніемъ говорилъ:

— Господи, за нынѣшній день и нагрѣшила же!.. Не столько намолилась, сколь нагрѣшила...

— Гладкая корова!—равнодушно сказалъ другой голосъ.

— Да вѣдь кто-жъ его зналъ. Думали: въ самъ дѣлѣ, прозорливецъ. Махаетъ рукой: „зайдите". Зашли, а онъ за сиськи хватаетъ...

О. Іона, прислушавшись, вздыхаетъ, качаетъ головой...

— Не всѣ въ монастырѣ спасаются,—покашливая и кутаясь въ рясу, говоритъ онъ грустно:—много идетъ къ добродѣтельному житію, да мало яремъ его пріемлютъ...

— Могій вмѣстити,—вздохнулъ о. Порфирій.

— Да, да... Иной разъ думаешь-думаешь: вмѣстить... Ежели все по уставу монашескому вмѣстить, то и нѣтъ никакой возможности! Бѣсъ на каждомъ шагу стережетъ... Такъ поддѣлаетъ, что и не замѣтишь... Мысли, напримѣръ...

— О, мысли—это... первый мятежъ—мысли,—соглашается и о. Порфирій.

— Да. А попробуй—преобори! Многіе и жизни даже рѣшаются...

Они помолчали. Свои были мысли у каждаго, которыхъ ни преобороть, ни людямъ передать не могли бы они.

— Братъ одинъ жилъ въ пустынѣ,—поглаживая бѣлую бороду, заговорилъ учительнымъ тономъ о. Іона:—пустыня—мѣсто покойное отъ всякаго смущенія. Одначе бѣсъ мучилъ

его, толкалъ на женское похотѣніе. До той степени мучилъ—окончательно силъ нѣтъ! Одолѣлъ... Н-ну, пошелъ, значитъ, онъ къ о. Пахомію: такъ и такъ, авво... брань великая, непосильная...—„А это",—говоритъ,—„не диковина"...—Пахомій говоритъ:—„не диковина... И не съ жиру, молъ, это, не отъ бездѣлья... У насъ тутъ скудость, мѣсто тихое, бесѣдъ женскихъ нѣтъ... Не отъ лѣности, молъ, ты страждешь, а живетъ эта вся непріязнь отъ добродѣянія"...

Іона постучалъ среднимъ пальцемъ по столу и упрекающимъ жестомъ качнулъ головой, глядя въ глаза Порфирію.

— „Рать любодѣянія",—говоритъ,—„на трудъ идетъ, на ожесточенное житіе... Плоть наша свирѣпѣетъ",—говоритъ,—„отъ жизни доброй, а тутъ помыслы... А помыслами и страсть приходитъ... И бѣсъ по зависти пакости дѣетъ... Вотъ я",—говоритъ,—„старъ человѣкъ, сорокъ лѣтъ въ немъ живу, а и понынѣ бѣсъ мнѣ пакоститъ"...

О. Порфирій терпѣливо дослушалъ этотъ неторопливый разсказъ,—зналъ онъ его и самъ. Потомъ всталъ, перекрестился и поблагодарилъ Іону за гостепріимство и ласку.

— Такъ ѣдешь?

— Пора.

— Ну, пошли, Господи, въ добрый часъ... Богъ благословитъ. Такъ если изъ нотъ чего хорошенькаго, не забудьте...

— Хорошо. Не забуду.

— Только и удовольствія моего осталось—ноты,—говорилъ Іона, идя рядомъ съ о. Порфиріемъ, покашливая и кутаясь въ рясу:—нотъ собралъ добре. И ежели кто любитель, дѣлюсь. Люблю и позаимствоваться...

— Народъ у насъ тутъ больше изъ солдатъ. Людей образованныхъ, понимающихъ въ пѣніи вовсе мало. Я вотъ регентомъ былъ. Пѣлъ въ Ростовѣ,—голосъ у меня былъ безпредѣльный!

О. Іона ухватился за голову обѣими руками, зажмуриваясь отъ восторга.

— Безпредѣльный!—запахивая полы рясы, воскликнулъ онъ:—верхнее *си* и даже *до* бралъ!.. Потомъ въ слободѣ Николаевской хоръ поставилъ,—тамъ староста былъ любитель. Въ селѣ изъ кого набрать? Народъ занятой, спѣвокъ мало, а я все-таки обломалъ...

Тихая ночь серебристая плыла надъ монастыремъ. Точно иней покрылъ желѣзныя крыши,—забѣлѣли они подъ робкимъ свѣтомъ молодого мѣсяца. Глухо ворчалъ вдали городъ.

— По безродности вотъ пришелъ сюда,—говорилъ о. Іона у самаго вагона трамвая,—и былъ грустенъ мягкій голосъ его:—временами тосковалъ жестоко по роднымъ мѣ-

стамъ, по міру,—тѣсно тутъ душѣ... Сколько разъ уйти хотѣлъ... Теперь уже здоровьемъ обнищалъ, недолго осталось... Ну, прощай, сердечный мой... Во имя Отца и Сына... Будь здравъ... Съ Господомъ!..

IV.

О. Порфирій вошелъ въ вагонъ, перекрестился и поправилъ очки. Въ рукѣ у него была плацкарта, на которой значился номеръ 8.

Въ первомъ купэ сидѣла очень полная дама съ двумя красноволосыми дѣвочками и старикъ съ сизымъ носомъ и сизыми щеками. Старикъ и дама, разговаривавшіе между собой на неизвѣстномъ языкѣ, непріязненно поглядѣли на о. Порфирія.

— Чужіе люди,—подумалъ онъ:—можетъ, и не плохіе, но Богъ съ ними... пройду дальше...

Въ слѣдующемъ купэ тоже все было занято,—на длинныхъ лавкахъ сидѣло по двое студентовъ, у окна стояла дама въ необъятной шляпѣ. О. Порфирій немножко оробѣлъ при видѣ молодыхъ людей, за которыми хотя и числится ученость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и слава не очень завидная установилась. Онъ бросилъ на нихъ мелькомъ взглядъ, робкій и вопрошающій. Сидѣвшій съ газетой въ рукахъ, бритый студентъ, похожій на актера, съ горбатымъ носомъ и горькими морщинами около губъ,—поглядѣлъ на него строгимъ, недоумѣвающимъ взглядомъ.

О. Порфирій почувствовалъ, что надо объясниться.

— Восьмой номеръ—это какое мѣсто будетъ?—спросилъ онъ, улыбаясь и склоняя голову на бокъ.

— Это именно здѣсь, батюшка,—сказалъ другой студентъ съ пушистыми бѣлокурыми усами, дѣлавшими его немножко похожимъ на кота. Бритый ничего не сказалъ и уткнулся въ газету.

— На верхъ придется вамъ,—улыбаясь и краснѣя, прибавилъ третій студентъ, очень юный на видъ, коротко остриженный, съ тѣмъ дѣтскимъ, торчащимъ вверхъ вихорькомъ, о которыхъ въ деревнѣ говорятъ, что ихъ корова зализала.

— А-а... ничего, ничего... Спаси васъ, Господи.

О. Порфирій присѣлъ рядомъ съ нимъ, на самомъ кончикѣ скамейки. Саквояжикъ свой хотѣлъ положить на одну изъ короткихъ лавочекъ у окна, но дама или барышня въ необъятной шляпѣ строго поглядѣла на него черезъ плечо, точно отгадывая его намѣреніе. Онъ оробѣлъ подъ этимъ взглядомъ и помѣстилъ саквояжъ у себя на колѣняхъ.

Рядомъ съ юнымъ студентомъ, по лѣвую руку, сидѣлъ молодой человѣкъ въ штатскомъ, веснушчатый, рыжій, скуластый,—судя по фуражкѣ,—тоже студентъ.

— Личности нѣтъ у студента перваго курса,—говорилъ онъ молодымъ, свѣжимъ баскомъ:—на него всегда могутъ топнуть, пригрозить: выгонемъ, молъ, если зачетовъ, не сдашь... Что онъ такое? Протоплазма безъ оболочки!

— Ну, положимъ!—задорно возразилъ безусый студентикъ, сосѣдъ о. Порфирія.

— Конечно. А на третьемъ курсѣ какой-нибудь, извините за выраженіе, соплякъ, который куражится надъ первокурсниками, совсѣмъ иной человѣкъ!

— Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше,—это всеконечно,—сказалъ студентъ съ усами:—и экзаменуютъ совсѣмъ иначе.

О. Порфирій поглядѣлъ на нихъ съ уваженіемъ: ученые люди. Онъ все еще не могъ побѣдить робости, но молодыя лица ихъ казались ему очень пріятными, мягкими, добрыми и въ то же время значительными, освѣщенными серьезной мыслью.

— Ну, а какъ Петровскій? встрѣчалъ?—спросилъ усатый.

— Петровскій?—Рыжій студентъ коротко усмѣхнулся.—Пьянчужка сталъ. Совсѣмъ алкоголикъ. Кавалеръ ордена зеленаго змія...

Помолчали. Рыжій опять вернулся къ прерванному разговору:

— Первый курсъ наиболѣе интересуется общественными дѣлами и онъ же проводитъ резолюціи сходокъ. И часто по такимъ вопросамъ, въ которыхъ ничего не понимаетъ...

— Ну, положимъ! Это ужъ твое третьекурсное величіе...—опять возразилъ сосѣдъ о. Порфирія.

— А много ли вы понимаете?

— Сколько надо.

— Святое простодушіе...

Звякнулъ два раза звонокъ. Рыжій всталъ.

— Ну, значитъ, всего хорошаго,—сказалъ онъ тепло и грустно.—Счастливецъ ты, Ванька!—прибавилъ онъ, цѣлуясь съ юнымъ сосѣдомъ о. Порфирія:—ѣдетъ домой, подлецъ, къ мамашѣ... а?.. на все лѣто!.. Ну, Алексѣй, а риведерчи! бувайте здоровеньки!..

Онъ громко шлепнулъ ладонью по рукѣ усатаго, поцѣловался съ нимъ и пошелъ къ выходу.

— Кланяйся Шейнису!—провожая его до двери, говорилъ студентъ съ усами.

— Счастливые подлецы!.. имѣютъ возможность домой!..—слышался басокъ у окна, не у того, около котораго стояла барышня въ огромной шляпѣ, а у перваго отъ двери.

Барышня черезъ окно говорила съ провожавшими ее людьми, изъ которыхъ о. Порфирію иногда была видна очень благовоспитанная, округленная мужская фигура въ котелкѣ. Иной разъ барышня въ шляпкѣ быстро, въ полъоборота, оглядывалась въ сторону о. Порфирія, и всегда послѣ этого онъ слышалъ радостныя, тихо повизгивающія восклицанія, обращенныя на платформу:

— Эмма! Эмма! Комъ геръ!..

И потомъ слѣдовалъ заливистый смѣхъ, тонкій, хлебающій, отъ котораго о. Порфирій чувствовалъ почему-то не малое смущеніе.

Прозвенѣлъ третій звонокъ. Тронулся поѣздъ. О. Порфирій перекрестился. Барышня въ шляпкѣ, покивавъ кому-то головой, отодвинулась отъ окна и сѣла. Слѣды смѣха тотчасъ же сбѣжали съ ея лица, и стало оно сухимъ, серьезнымъ, дѣловымъ. Студентъ съ усами, высунувшись изъ своего окна, кричалъ:

— Пиши, Левъ, не лѣнись!

Должно быть, рядомъ съ поѣздомъ бѣжалъ рыжій студентъ,—слышался его басистый, смѣющійся голосъ:

— Счастливые черти!..

— Полнымъ ходомъ! курьерскимъ!—смѣясь, кричалъ студентъ съ усами.

— Со скоростью настоящихъ спортсмэновъ! Ну, прощай, Алеха!..

— Кланяйся Шейнису!

О. Порфирію не было видно, какъ убѣгалъ городъ, но по огонькамъ предмѣстій онъ догадывался, что скоро Днѣпръ, мостъ и съ моста можно будетъ бросить послѣдній взглядъ на Лавру, на Подолъ, на Фроловскій монастырь, гдѣ онъ простился съ матерью. Когда поѣздъ замедлилъ ходъ, о. Порфирій, преодолѣвая робость, подошелъ къ окну, около котораго сидѣла барышня, теперь уже безъ шляпки, и взглянулъ въ томъ направленіи, гдѣ должны были находиться мѣста, столь близкія теперь его сердцу.

Въ темнотѣ на горѣ онъ скорѣй угадалъ, чѣмъ увидалъ печерскія церкви,—темные силуэты въ робкомъ блескѣ близкаго къ закату мѣсяца. Перекрестился. Сталъ искать глазами Подолъ. Электрическіе огни молочными каплями пестрили берегъ, но ни монастыря, ни кладбищенской церковки не было видно. Лишь родимое лицо, сухенькое, все въ морщинахъ и слезахъ, всплыло надъ этими огнями и неподвижно поглядѣло тоскующимъ взглядомъ вслѣдъ уходящему поѣзду. И опять о. Порфирій долго и заботливо поправлялъ очки на носу, почувствовавъ себя совсѣмъ-совсѣмъ одинокимъ на бѣломъ свѣтѣ.

Онъ сѣлъ. Но долго не могъ ни на кого взглянуть, сидѣлъ съ закрытыми глазами, удерживая досадныя самовольныя слезы, которыя медленно, но упорно выползали и застрѣвали на рѣсницахъ. Подрагивалъ, покачивался вагонъ, и въ ровномъ, мелкомъ дребезжаніи его стоялъ говоръ. Глухо сыпался шумъ колесъ подъ поломъ, словно тамъ, внизу, кто-то неугомонный торопливо пилилъ короткой пилой или зачерпалъ и сыпалъ, высыпалъ и снова черпалъ мелкій булыжникъ. А когда поѣздъ пошелъ быстрѣй, онъ—тотъ, подпольный—поперхнулся и закашлялся:

— Ахъ-ахъ-ахъ... ахъ-ахъ-ахъ... ахъ-ахъ-ахъ...

— Иванъ, кипяточкомъ запасся?

О. Порфирій, не открывая глазъ, по голосу уже зналъ, что это говоритъ студентъ съ толстыми усами, похожій на сѣраго кота-мурлыку.

Голосъ рядомъ съ о. Порфиріемъ говоритъ:

— Кипятокъ есть, да стоитъ ли возиться?

— Почему—нѣтъ?

— Поздно.

— Лучше поздно, чѣмъ никогда.

О. Порфирій слышитъ: всталъ Иванъ, его сосѣдъ-студентъ. Потомъ зашелестѣло женское платье. Что-то легкое, шелковистое мягко задѣло по лицу о. Порфирія. Онъ открылъ глаза. Барышня, сидѣвшая у окна, сняла свое легонькое пальто изъ чесунчи и тянулась руками къ полкѣ, на которой лежали ея вещи. Смугловатое лицо ея съ темными бровями безъ шляпы было проще и привѣтливѣй, чѣмъ подъ шляпой.

— Могу я васъ попросить,—обратилась она къ о. Порфирію съ изысканной улыбкой, голосомъ немножко слащавымъ, какимъ говорятъ, кажется, только однѣ нѣмки:—могу я васъ попросить достать мнѣ... какъ это... чемоданчикъ... здѣсь?..

— Которое?—испуганно поднявшись, спросилъ о. Порфирій.

— Вотъ здѣсь... вотъ—вотъ... этотъ... да, да...

Она говорила *та* вмѣсто *да*, *фасъ* вмѣсто *васъ*, и выходило это у ней мило, застѣнчиво. О. Порфирій снялъ ей небольшой, довольно потертый, очевидно, видавшій виды, чемоданчикъ стараго фасона, окованный желѣзными обручами.

— Мерси.

— Ничего, ничего,—покорнымъ тономъ сказалъ о. Порфирій.

Барышня раскрыла чемоданчикъ, вынула книгу съ оторванной обложкой и пестрый шелковый шарфъ, которымъ сейчасъ же покрылась. Подъ шарфомъ темныя брови ея вы-

дѣлялись рѣзче, и лицо стало, какъ у гречанки. Она переложила съ одного мѣста на другое какія то коробочки—видно, съ пудрой или зубнымъ порошкомъ, флакончики и еще какія-то вещицы. И затѣмъ о. Порфирію пришлось опять устраивать чемоданчикъ на прежнемъ мѣстѣ.

— Ах-хъ!.. пляхотару фасъ!..—слащавымъ голосомъ сказала барышня.

— Ничего, ничего...

О. Порфирій смущенно кашлянулъ въ руку и сѣлъ. А барышня какъ-то особенно быстро углубилась въ книгу, какъ будто ничто окружающее не представляло для нея ни малѣйшаго интереса,—хотя читать при колеблющемся свѣтѣ газоваго фонаря было довольно затруднительно.

— Тебѣ наливать, Иванъ?—спросилъ усатый студентъ, обращаясь къ юному сосѣду о. Порфирія.

— Наливай.

— Да ты, можетъ, не хочешь?

Студентъ съ усами подмигнулъ о. Порфирію,—въ сѣрыхъ веселыхъ глазахъ его искрилась добродушная насмѣшка.

— Наливай, наливай...

Иванъ досталъ съ полки небольшую корзинку изъ щепокъ, увязанную веревками по всѣмъ направленіямъ, и осторожно поставилъ ее на лавку.

— Гляди, Иванъ... Ежели хочешь, налью...

— Эхъ, чортъ возьми, разсохлась... Подержи-ка, Алеха... Тише, тише...

— Что у тебя тутъ? бомба?

— Адская машина. Разсохлась...

— Разсохлась—дѣло телячье,—сказалъ дѣловымъ тономъ Алеха.

Они осторожно развязали корзину, достали провизію и занялись чаепитіемъ. Алеха, студентъ съ пушистыми усами, оказался чрезвычайно общительнымъ человѣкомъ, веселымъ, добродушнымъ острякомъ. Сперва онъ втянулъ въ разговоръ бритаго студента универсинтета, потомъ пассажира съ подстриженными въ скобку волосами, выглядывавшаго изъ-за перегородки сосѣдняго купэ. Потомъ подобрался и къ о. Порфирію.

— Вы, батюшка, чайку не желаете ли?

— Нѣтъ, спаси васъ, Господи,—поспѣшно, смущеннымъ голосомъ, отвѣтилъ о. Порфирій.

— Выкушайте! Чай есть.

Студентъ, не дожидаясь согласія, налилъ стаканъ и протянулъ о. Порфирію пакетикъ съ сахаромъ.

— Да напрасно вы это...

— Чай же есть, все равно выливать,—сказалъ студентъ

очень убѣдительно, и всѣ засмѣялись,—даже барышня, которая казалась совершенно углубленной въ свою книжку.

О. Порфирій, сконфуженный и растерявшійся, не имѣлъ силъ отказаться, боялся обидѣть молодого человѣка. Взялъ стаканъ и кусочекъ сахару.

— Я вотъ все слышу у васъ разговоры: Столыпинъ, Столыпинъ...—сказалъ онъ, осторожно наливая чай на блюдце:—а что онъ, этотъ Столыпинъ, изъ какихъ? Какими онъ выбранъ?

— А вы про Столыпина не слыхали?!—изумился бритый студентъ.

— Слыхать слыхалъ...

О. Порфирій громко откусилъ кусочекъ сахару.

— Идутъ тамъ у насъ разговоры... между молодыми послушниками. Сойдутся, сцѣпятся,—водой не разольешь: одинъ—свое, другой—свое... Шумятъ, шумятъ... Скажешь имъ: не монашеское, молъ, это дѣло, ребята... Ну, да развѣ послушаютъ...

Студентъ Иванъ, увязывая разсохшуюся корзинку, засмѣялся.

— И въ монастыряхъ—политика! До чего мы дожили, о россіяне!..

— Какъ въ міру!—воскликнулъ о. Порфирій, обоими руками придерживая блюдце у бороды. Хлебнулъ два раза и покрутилъ головой.

— Есть крикуны—не дай Богъ! Иной разъ до такой краски дойдутъ—бѣда!..

Онъ неторопливо допилъ и еще налилъ чаю на блюдце.

— Онъ кто же, этотъ Столыпинъ?

— Вы, отецъ, пожалуй, и про Толстого не слыхали?—сказалъ студентъ Алексѣй.

— Ну... не слыхалъ! Слыхалъ!

— Какъ же вы его мыслите?—Студентъ весело подмигнулъ о. Порфирію:—небось, еретикомъ?

— А какъ же... еретикъ!—съ простодушной убѣжденностью сказалъ о. Порфирій:—Бога отвергаетъ, свое евангеліе написалъ,—какъ же не еретикъ?

— Погибшій человѣкъ?

— Это ужъ въ руцѣ Господней... Можетъ, по неизреченному милосердію своему, Господь и помилуетъ...

О. Порфирій вздохнулъ. Допилъ чай и опрокинулъ стаканъ на блюдечко вверхъ дномъ.

— Спаси васъ, Господи!—перекрестившись, сказалъ онъ и передалъ съ поклономъ стаканъ студенту Алексѣю. Вытеръ бороду ладонью и, чувствуя къ студентамъ особое асположеніе:—славные ребята, но, вѣроятно, по молодости

лѣтъ наклонны къ легкомысленнымъ увлеченіямъ,—сказалъ:

— Мало ли ихъ было! Вотъ Арій также... Арсеній діаконъ... Пропали, какъ черви! Стали прахомъ... А праведники вонъ какъ прославились. Не сподобились почитать про кіевскихъ угодниковъ въ пещерахъ?

— Ну, про кіевскихъ мы помолчимъ,—улыбаясь, сказалъ бритый студентъ.

Тонъ у него былъ немножко ѣдкій, не то, что у веселаго Алексѣя. О. Порфирію не хотѣлось вступать въ споръ: еще кощунствовать начнутъ молодые ребята, а въ этомъ что хорошаго. Съ сожалѣніемъ и грустью въ голосѣ онъ замѣтилъ:

— А про Толстого Ѳеофанъ-затворникъ сказалъ:—„Эта искра изъ ада вылетѣла"...

Студентъ Алексѣй съ комическимъ ужасомъ зажмурился и выставилъ руки впередъ, какъ бы защищаясь. Всѣ засмѣялись. Засмѣялась и барышня, но тотчасъ же уткнулась въ свою книгу. Алексѣй обратился къ ней съ неожиданнымъ вопросомъ:

— А что это значитъ, барышня: Liebling?

Она подняла отъ книги свои коричневатые глаза, улыбнулась. О. Порфирій замѣтилъ при этомъ, что одинъ зубъ у ней, съ лѣвой стороны, запломбированъ золотомъ.

— Это... мм... это... какъ это?..

Она пощелкала длинными, тонкими пальцами правой руки, подыскивая нужное слово.

— Лю-пи-мчикъ!—воскликнула она съ нѣмецкимъ выговоромъ:—вы не говорите по-нѣмецки?

— Найнъ!—съ комическимъ ужасомъ замоталъ головой студентъ Алексѣй.

— Очень жаль. Я по-русски... какъ это?.. не о-чень...—протянула она тонкимъ, угасающимъ голоскомъ, прищурившись и кокетливо склоняя голову на бокъ:—я понимаю, а не все умѣю сказать...

— Этого и достаточно! Лишь бы понимали, а словъ много не потребуется...

И опять всѣ разсмѣялись, а о. Порфирій немного смутился. Въ шутливомъ тонѣ студента и въ словахъ послышался ему какой то нехорошій, скрытый смыслъ. Потомъ это прошло, стало легко, занимательно, весело и душевно въ этой молодой компаніи, точно собрались тутъ люди, не то что давно знакомые другъ съ другомъ, а самые тѣсные, самые близкіе и задушевные пріятели. Порою казалось ему, что таится опасность тутъ, въ этомъ весельи, смѣхѣ и свободномъ обращеніи есть искушеніе: многоплетенная сѣть—

бесѣда женская, и женскіе взоры и смѣхъ звенящій... Мелькомъ пробѣгала мысль: если хочешь цѣломудръ быть, не бесѣдуй съ женою, не давай ей дерзновенія взирать на тебя, да не будетъ устрѣлено стрѣлою вражьей твое сердце... Женская бесѣда—великое волненіе, потопляющее корабль..

Но сердце отворачивалось отъ этого суроваго напоминанія,—было пріятно и увлекательно молодое, беззаботное и беззлобное веселье.

— Это—Мопассанъ... „Cher ami",—сказала барышня, перелистывая книжку.

— А-а, Мо-пас-санъ! Слыхалъ... Ничего себѣ писатель..

Студентъ покрутилъ усъ и подмигнулъ.

— Cher ami... а по-нѣмецки—Liebling...

— Вотъ какая исторія!.. Иванъ, что жъ ты такой большой выросъ, а за собой прибрать не можешь! Какой же ты Liebling послѣ этого? Уложи посуду, поставь корзину на мѣсто!.. Такъ вы, значитъ, Мопассана... того... уважаете?—обратился снова къ барышнѣ студентъ.

Барышня опять склонила на бокъ свою хорошенькую головку.

— Я люблю читать всегда что-нибудь такое... чтобы веселое было... и о любви...

— Ммм...

Студентъ помоталъ головой:—Вкусъ тонкій. А Толстого если? Какъ, одобряете? Вотъ отецъ не очень его...

— Толстой? О, я его обожаю! — офиціально восторженнымъ тономъ воскликнула барышня:—но, къ сожалѣнію читала мало. „Войну и миръ" немножко... Но тамъ слишкомъ много про войну...

— Да неужели?

— Я про войну не люблю... Хотя Militär... я... очень люблю!..

Она засмѣялась и конфузливо закрылась книгой. Засмѣялись и студенты. О. Порфирій рѣшилъ, что они только притворялись нѣсколько минутъ незнакомыми между собой и съ барышней, а на самомъ дѣлѣ, конечно, давно и коротко знали другъ друга. Иначе, откуда такая старая, веселая, брызжущая смѣхомъ бесѣда, полная неуловимыхъ, скрытыхъ намековъ и остроумной игры? Даже бритый студентъ, съ такими серьезными складками около губъ и строгими глазами,—и онъ отмякъ, оказался человѣкомъ милымъ, общительнымъ, совсѣмъ не сердитымъ, какъ думалъ о немъ первоначально о Порфирій.

Барышня безъ конца кокетничала. Говорила тонкимъ, замирающимъ голоскомъ, склоняя голову на бокъ, прищуриваясь, дѣлая глазки. Часто смѣялась, всхлипывая и закры-

ваясь шарфомъ или книгой. Роняла то гребенку, то шарфъ, то книгу. И когда студенты бросались поднимать оброненную вещь и отталкивали другъ друга, о Порфирій нагибался, крякая, себѣ подъ ноги, доставалъ растрепанные листы книги или смятый платочекъ и подавалъ ихъ всхлипывавшей отъ смѣха барышнѣ.

— Мерси... Пляхотору фасъ!..—пѣвучимъ голосомъ, въ которомъ дрожалъ счастливый смѣхъ, говорила она, касаясь длинными, тонкими пальцами руки о. Порфирія. А одинъ разъ схватила и пожала его руку:

— Я фасъ никогда, никогда не запуту!..

И смѣялась вмѣстѣ со студентами, показывая съ лѣвой стороны запломбированный золотомъ зубъ. А у него сердце сжалось тревожно и сладко...

Когда иссякъ источникъ бойкой и веселой болтовни о любви, студентъ Алексѣй, смѣясь одними глазами, сказалъ:

— А вотъ отецъ—Толстого не долюбливаетъ!—Еретикъ,—говоритъ.

О. Порфирій приложилъ ладонь къ животу и мягко, тономъ извиненія, отозвался:

— Какъ же не еретикъ,—свое евангеліе написалъ.

— А вы читали его евангеліе?—спросилъ бритый студентъ...

— Книги праведниковъ читать надо. По ихъ книгамъ мы должны... того...

О. Порфирій замялся, затрудняясь выразить свою мысль.

— Почему—праведниковъ?

— Потому что на нихъ духъ святой былъ...

— Откуда это видно?..

— Какъ откуда?—О. Порфирій слегка завозился на мѣстѣ, но тотчасъ же вернулъ спокойствіе.—А даръ чудесъ? По водамъ ходили... плавать не умѣли, а ходили... Немощныхъ исцѣляли, слѣпымъ глаза давали, хромымъ ноги... Демоновъ отгоняли... Всякія скорби рѣшали... А вы говорите: откуда?

О. Порфирій побѣдоносно улыбнулся и съ пріятельскимъ сожалѣніемъ оглядѣлъ студентовъ.

— Самуиловы кости... кости!—воскликнулъ онъ, грозя пальцемъ вверхъ:—и то пророчествовали, а вы говорите: Толстой... Толстой остроту ума на премудренныя умствованія обратилъ и... сшибся...

О. Порфирій вынулъ изъ кармана значительныхъ размѣровъ клѣтчатый платокъ и отеръ потъ со лба. Барышня встала на лавку и сняла круглую деревянную коробку, въ какихъ возятъ шляпы. Студенты бросились помогать ей. Въ коробкѣ была провизія. Барышня достала пакетъ съ

апельсинами и принялась угощать своихъ спутниковъ. И о. Порфирію предложила. Онъ замоталъ отрицательно головой, поблагодарилъ, отказался. Но она настаивала на своемъ. Достала апельсинъ и ловко подбросила его вверхъ, какъ разъ на о. Порфирія. Онъ смущенно разставилъ руки и подхватилъ апельсинъ, чтобы не упустить его на полъ.

— Это вы напрасно! Спаси васъ, Господи... Только напрасно,—бормоталъ онъ въ крайнемъ смущеніи:—я къ этому не привыченъ...

И пытался вернуть апельсинъ, но барышня отводила, смѣясь, его руку, и опять отъ прикосновенія ея нѣжныхъ, ласковыхъ пальчиковъ въ его сердцѣ отозвалась тревожная и сладкая тоска. И опять вспомнилось ему суровое слово Евагрія монаха о женскомъ бесѣдованіи, какъ оно преломляетъ сердце и будитъ въ немъ неподобное желаніе...

— А что, какъ вы, отецъ?—какъ будто угадывая его мысли, спросилъ студентъ Алексѣй, сдирая кору съ апельсина:—какъ вы къ міру? влеченія не имѣете? никогда не приходилось скучать?

О. Порфирій не сразу поборолъ смущеніе. Стыдно было сознаться и солгать тяжело.

— Нѣтъ, въ міръ меня не тянетъ,—тихо сказалъ онъ, ни на кого не глядя:—наѣзжаю иной разъ къ брату въ деревню, на Пасху. Переночуешь да и назадъ скорѣй. Не нравится мнѣ въ міру...

Онъ помолчалъ и прибавилъ тихимъ голосомъ, въ которомъ звучала нѣжность и теплота:

— У меня и мамаша въ монастырѣ. Вотъ пріѣзжалъ провѣдать. Старенькая...

И онъ вздохнулъ долгимъ, тихимъ вздохомъ, вспомнивъ согнутую фигурку въ темномъ возлѣ монастырской кладбищенской церкви.

— А вотъ иные изъ монашествующихъ очень уважаютъ... этакъ въ веселое мѣсто куда нибудь...—сказалъ студентъ Алексѣй, крутя пальцами въ воздухѣ.

— Бываетъ,—грустно сказалъ о. Порфирій. Помолчалъ, потупившись, и прибавилъ:

— Иной въ міру жилъ разбойникомъ, а въ монастырь придетъ, живетъ, какъ ангелъ. А другой тихъ былъ, а въ монастырѣ вольнѣе сталъ жить... Изъ пѣвчихъ вотъ есть—у-у, бѣда!..

Студенты съѣли всѣ апельсины у барышни. Потомъ поставили на обсужденіе вопросъ: что дѣлать дальше? Пассажиръ изъ сосѣдняго купэ, подстриженный въ скобку, прилаживалъ верхнюю полку для спанья, съ громомъ передвигалъ что-то, ронялъ, подымалъ и горестно ахалъ.

— Спать развѣ?—сказалъ бритый студентъ.

— Ну вотъ!—огорченно воскликнулъ студентъ, называемый Иваномъ,—что вы, никогда въ жизни сна не видали, что ли?

Сонъ былъ отвергнутъ. Рѣшили играть въ преферансъ,—у бритаго были карты. Барышня сѣла рядомъ съ Иваномъ, а о. Порфирій перешелъ съ своимъ саквояжемъ къ окну' занялъ ея мѣсто.

— Я скажу—разъ!—воскликнулъ студентъ Алексѣй, нахмурившись и водя по носу своими пушистыми усами.

— Пасъ!

— Ваши!

— Позвольте прикупку, Маргарита Карловна.

Студентъ Алексѣй крякнулъ при видѣ плохихъ картъ въ прикупкѣ, переставилъ съ одного мѣста на другое карты, бывшія у него въ рукѣ, снесъ и тономъ большого снисхожденія сказалъ:

— Бубны... просто...

Потомъ запѣлъ гнусавымъ голосомъ:

— «Не думали, братцы, мы съ вами вчера-а»...

— „Что нынче умремъ подъ волна-а-ми"...—подхватилъ жиденькимъ, искусственнымъ баскомъ студентъ Иванъ.

— Эхъ, Иванъ! такой ты большой выросъ, а не понимаешь... Подъ играющаго надо съ маленькой!

О. Порфирій издали внимательно слѣдилъ за игрой и слушалъ пѣніе. Потомъ задремалъ. Подъ поломъ кто-то пилилъ, сыпалъ, кашлялъ: ахъ-ахъ-ахъ... ахъ ахъ-ахъ... За окномъ чернѣла ночь, качалась яркая звѣзда низко, надъ самой землей и, словно округлые кусты цвѣтущей вишни, пробѣгали мутно-бѣлые клубы пара. Вагонъ подрагивалъ и укачивалъ. Закрывались усталыя вѣки и, какъ дождь по крышѣ, чудился долгій, рокочущій гулъ города, далекій звонъ, и пѣсня слѣпцовъ, и шорохъ тысячной темной, пестрой, усталой толпы... Съ усиліемъ открывалъ глаза о. Порфирій. Барышня черезъ плечо заглядывала въ карты къ Ивану. Ея темные, немножко завитые, должно быть, волосы какъ будто касались его свѣжей, покрытой свѣтлымъ пушкомъ щеки...

Избѣгалъ смотрѣть на это о. Порфирій, но одолѣвали мысли о женской близости и ласкѣ, и было что-то колдовское въ нихъ грѣховной неотвязности,—какъ сладкій ядъ, томили онѣ сердце. Голосъ внутри сурово остерегалъ: „Горше смерти женщина, ибо она—сѣть, и сердце ея—силки, руки ея—оковы... Не желай красоты ея и да не увлечетъ она тебя рѣсницами своими,—можетъ ли кто взять огонь въ пазуху, чтобы не прогорѣло платье его?.."

О. Порфирій вздыхалъ. Навязалъ прочно онъ на персты свои эти слова писанія, твердо помнилъ ихъ, а вотъ коварно вьется въ сердцѣ что-то необычное, волнующее, безпокойное... манитъ и грозитъ душѣ язвой, грозитъ тревогой и смутой. И бѣжалъ бы, да некуда...

— Я думаю, не лечь ли и мнѣ поспать?—сказалъ онъ робко.

— Какъ вамъ будетъ угодно!—съ комической стремительностью, не поднимая головы отъ картъ, сказалъ студентъ Алексѣй.

Подняли полку для о. Порфирія,—всѣ хлопотали, толкаясь и смѣясь. О. Порфирій снялъ клобукъ и остановился въ размышленіи, держа его передъ собой.

— Не знаю, куда бы положить,—сказалъ онъ.

— А вотъ сюда, на полку,—указалъ студентъ Иванъ.

— Да какъ бы не унесли...

— А кому онъ нуженъ?

— Да мало-ли насмѣшниковъ... Для смѣху кто-нибудь и стянетъ...

Потомъ онъ тяжеловато взобрался на свою полку, саквояжъ продвинулъ подъ голову и, не раздѣваясь, легъ. Свѣтъ фонаря билъ ему прямо въ глаза. Доносились снизу голоса играющихъ, иногда, какъ будто, звуки какой-то возни, всхлипывалъ смѣхъ дѣвичій.

— „Не ду-ма-ли, бра-а-тцы, мы съ вами вчера“...—начиналъ тонкимъ голосомъ Алексѣй.

— „Что нынче умремъ подъ волна-а-ми“...—басомъ подхватывалъ Иванъ, и о. Порфирію было слышно, что студентъ Алексѣй пѣлъ тоненькой фистулой, а Иванъ, похожій на дѣвушку, басомъ.

— Такъ вы—прямо въ Самаркандъ? — слышитъ о. Порфирій голосъ бритаго.

— Въ Самаркандъ,—отвѣчаетъ барышня.

— Васъ дорогой сарты выкрадутъ изъ вагона.

— О, нѣтъ!

— Не боитесь?

— Я никогда ничего не боюсь...

— Какая храбрая!

— Ти-ри-римъ-тамъ... ти-ри-ри-тимъ-тамъ-тамъ... та-та-тамъ...

— Матчишъ?

— Да. Это моя любимая пластинка на грамофонѣ... Вы мнѣ очень напоминаете одного моего знакомаго. Вы не нѣмецъ?

— Кто? Иванъ? Кутейникъ?—отвѣчаетъ голосъ студента Алексѣя.

— Ужасно онъ напоминаетъ! Двѣ капли!..

О. Порфирій подвинулся къ краю полки и поглядѣлъ внизъ. Ему видны были серьезныя, сосредоточенныя лица бритаго студента и Алексѣя, рука Ивана съ картами и колѣни барышни.

— Какъ посовѣтуете: этой или этой? — услышалъ онъ голосъ Ивана.

Знакомые тонкіе пальцы потянулись съ картами и побарабанили по королю трефъ.

— Эхъ, напрасно!—подумалъ о. Порфирій и неожиданно для самаго себя сказалъ дружески указующимъ голосомъ:

— Ходи хлапомъ! Крестовымъ хлапомъ крой!

Поднялись молодыя головы къ нему. Веселыя глаза, пріятельскіе кивки, широкія улыбки...

— Отецъ, отецъ! — весело погрозилъ пальцемъ студентъ Алексѣй.

О. Порфирій смутился и спрятался.

— Ну, Иванъ, ты ужъ большой, пора своимъ умомъ жить...

Было неловко и безпокойно лежать о. Порфирію. Саквояжъ какими-то углами и ребрами давилъ шею и затылокъ, ноги въ неуклюжихъ монашескихъ сапогахъ торчали наружу, и когда кондукторъ или проводникъ проходили по вагону, то цѣплялись за нихъ головой и бранились. Свѣтъ фонаря билъ прямо въ глаза...

Не спалось. Смутной печалью ныло сердце. Что-то давно потерялъ, такъ давно, что въ памяти стерлось, что именно, а вотъ жаль стало, такъ жаль, что заплакалъ бы, склонившись головой къ близкому человѣку. Но нѣтъ его, близкаго,— давно одиноко и голодно сердце...

...Я васъ никогда, никогда не забуду... И ручки такія нѣжныя, тонкія, и пахнетъ такъ хорошо отъ нея... Никогда не забуду... Забудетъ, конечно,—не той версты человѣкъ я, чтобъ помнить обо мнѣ долго... Суровъ и нерадостенъ путь мой,—забудь поскорѣй...

И кажется ему, что давно уже ѣдетъ онъ въ вагонѣ, въ этомъ неудобномъ положеніи, чужой окружающимъ людямъ, никому не нужный,—ѣдетъ и конца не видать пути, а позади, далеко-далеко, осталось все, что грѣло и скрашивало жизнь: родной уголъ, близкіе по плоти, понятные люди, и тепло, и ласка, и уютъ... Гремитъ, качается вагонъ, несетъ къ невѣдомой, темной пристани, а подъ поломъ кто-то усталый, покорный, терпѣливый пилитъ ровными взмахами, и мѣрно жужжитъ пила...

Жужжитъ пила... Сквозь тяжкій звукъ, сухой и одно-

тонный, порой чуть слышны иные далекіе звуки, точно съ неба звонъ струнный долетаетъ... Вздохнетъ,—пѣвучій тихій вздохъ повѣетъ надъ землей и нѣтъ его, растаялъ, смолкъ. А сердце взволновано уже трепетнымъ и сладкимъ ожиданіемъ: молитва? пѣсня? Опять... Словно капля изъ лѣтняго бѣлаго облачка упала на колоколъ, и чуть слышный звукъ задрожалъ на мгновеніе въ тихомъ, знойномъ полуднѣ...

— Номеръ седьмой Бортянскаго! Херувимская...— подумалъ радостно о. Порфирій:—но какъ далеко! какъ хорошо! и какъ знакомо все кругомъ!.. Зеленые лужки Виѳаніи и солнце яркое, и лѣсъ, и бѣлые цвѣточки, и въ бѣлыхъ полукафтанахъ послушники... Косятъ. Взмахъ, — жужжитъ-звенитъ коса, далекій хоръ поетъ, чуть слышный, волшебный хоръ, за бѣлою оградой обители. А можетъ быть, не тамъ. Быть можетъ, яркій день, день лѣтній звучитъ это тихимъ звономъ струннымъ,—необозримый хоръ его незримыхъ мошекъ, пчелокъ, мушекъ...

Звенитъ-жужжитъ коса. Вернулась юность ясная, пѣвучая... Машетъ косой и онъ, легко и бодро... Но онъ — не Порфирій, смиренный монахъ, а Игнатій послушникъ, парень свѣжій, веселый, немножко томящійся избыткомъ здоровья. Машетъ косой Игнатій, кладетъ рядъ ровный, къ дорогѣ подходитъ, а по ней вереницы богомолокъ бредутъ. Какъ цвѣты въ зеленомъ морѣ, яркіе платочки ихъ... Загорѣлыя лица дѣвушекъ оборачиваются къ нему, долго смотрятъ, — бойкій, смѣшливый взглядъ... Улыбаются, что-то говорятъ... Но жужжитъ - звенитъ коса и зорокъ чуть прорѣзанный глазъ у рыжаго о. Мартирія, наблюдающаго за работами...

Вотъ остановилась одна. Прикрыла смѣющійся ротъ концомъ сиреневаго платочка, но свѣтится ласковой улыбкой скуластое лицо. Знакомо оно необыкновенно, — особенно бѣлыя эти брови, простодушно расходящіяся вверхъ, и милые такіе, нехитрые, изумленно радостные глаза голубые..

— Игнатій, вы?

Глядитъ онъ, глазамъ боится вѣрить: неужели дѣвушка съ родной стороны? Да, да... Только на его сторонѣ родной бываютъ такіе льняные волосы, выбивающіеся изъ-подъ платочка, и такой простецкій, пухлый, полуоткрытый ротъ и ширококостыя, мило-неуклюжія дѣвичьи фигуры... Глядитъ. Смутился, не можетъ сказать ничего...

— Не признать: бородой заросъ...

— Дуня?

— А, угадалъ! Пиши расписку домой...

Милая дѣвушка съ родной стороны!—Затрепетало сердце

забилось, — живая вѣсть съ родимой стороны, гдѣ дѣтство промчалось, скудное, голодное, но звонко рѣзвое и ясное, все затканное золотымъ свѣтомъ весны, согрѣтое зноемъ лѣта, украшенное снѣжнымъ серебромъ веселыхъ зимъ; гдѣ дорогія остались могилы и воспоминанія о ласкѣ матери, о пѣсняхъ деревенскихъ, о мірѣ, шумномъ, суетномъ, покинутомъ, но не забытомъ и сердцу близкомъ мірѣ...

Недолго постояла она, и мало словъ сказали они другъ другу, — все оглядывался онъ въ сторону о. Маргирія. И вотъ она уходитъ, — мелькаетъ сиреневый платокъ и лента голубая въ косѣ,—вотъ-вотъ утонетъ въ зеленой зыби монастырскихъ луговъ. Машетъ онъ косой. Жужжитъ-звенитъ коса, дрожитъ и плачетъ сердце... Оглянулась, кивнула головой... Дѣвушка съ родимой стороны, прощай! Не тревожь сердца,—для міра умерло оно... Не умерло, но должно умереть въ суровомъ холодѣ отреченія. Не оглядывайся, не посылай жалѣющей, ласковой улыбки, сестра моя родная, не тревожь сердца...

Жужжитъ-звенитъ коса, тоскуетъ сердце... Міръ зоветъ... Нѣтъ силъ преобороть его соблазнъ нарядный, обаяніе красоты его, привязанностей, утѣхъ и радостей... И страшенъ грѣхъ. Смѣется бѣсъ, и дразнитъ, и толкаетъ... Оскалъ зубовъ сверкаетъ, злорадный прыгаетъ огонь въ глазахъ...

— Игнатій... Игнатій...—зоветъ дѣвичій голосъ...

...Проснулся о. Порфирій. Фонарь горѣлъ еще, но въ окна глядѣлъ ужъ голубой разсвѣтъ. Вагонъ гремѣлъ, покачивался. Не слышно было голосовъ внизу, — уснули, вѣрно, молодые люди.

О. Порфирій осторожно спустился съ койки. Студентъ съ усами меланхолически похрапывалъ, склонивъ голову на бокъ, а бритый опрокинулся навзничъ, холодно серьезный и важный. Ивана не было въ вагонѣ. Не видно было и барышни.

О. Порфирій постоялъ, поглядѣлъ въ окно, помолился въ ту сторону, гдѣ обозначалась робкая полоска зари. Вышелъ за дверь и еще разъ помолился на церковку, забѣлѣвшуюся вдали, за зеленымъ скатомъ полей. Черезъ опущенную раму наружной двери забѣгалъ вѣтерокъ, пахло дымкомъ, зелеными хлѣбами, и разлитъ былъ кругомъ веселый шумъ несущагося поѣзда.

У другой двери, опершись локтями на опущенную раму, касаясь плечами другъ друга, стояли студентъ Иванъ и барышня. Они не видѣли о. Порфирія и не слышали его, пожалуй, хотя и кашлянулъ онъ предупредительно,—о чемъ-то своемъ говорили они, гладя въ зеленый просторъ влаж-

ныхъ полей, любуясь переливами зари въ бѣлыхъ лужицахъ-болотцахъ, похожихъ на осколки зеркала.

— ...Сподоби меня, Господи, возлюбити тя, яко же возлюбихъ иногда той самый грѣхъ...—отыскавъ глазами убѣгающую назадъ церковку, прошепталъ о. Порфирій, а слезы потекли по щекамъ, по бородѣ, тихія слезы печали смутной и жалости къ себѣ, къ сиротству своему и одиночеству...

Ѳ. Крюковъ.

Русская пытка.

I.

Въ старину.

(Историч. очеркъ.)

Современникъ Алексѣя Михайловича, русскій человѣкъ и эмигрантъ семнадцатаго вѣка, Григорій Карповичъ Кошихинъ, среди другихъ учрежденій допетровской Руси, такъ описываетъ простые пріемы тогдашняго «изслѣдованія истины» по уголовнымъ дѣламъ:

«Разбойный приказъ. А въ немъ сидитъ бояринъ или окольничій да стольникъ, да два дьяка. И въ томъ приказѣ вѣдомы всего московскаго государства разбойные, татинные и приводные дѣла и мастеры заплечные... Также и въ городахъ для разбойныхъ и татинныхъ дѣлъ устроены приказныя и губныя избы, и вѣдаютъ такія дѣла выборные дворяне за вѣрою и крестнымъ цѣлованіемъ, *которые за старостью полковыхъ службъ служити не могутъ...* И кто будетъ былъ на разбоѣ и учинилъ убійство или поджогъ и татьбу, а товарищи ихъ разбѣжались и не пойманы, и такихъ злочинцовъ *въ праздники* (!) и въ иные дни пытаютъ и мучатъ безъ милосердія, для того, что воръ и самъ, не разбирая дней, воровства свои и убійства дѣлаетъ, да и для того, чтобъ по ихъ сказкѣ сыскать и товарищей ихъ. Также и иныхъ злочинцовъ потому-жъ пытаютъ смотря по дѣлу, однажды и дважды, и трижды и послѣ пытокъ указъ чинятъ къ чему доведется»... ...«И будетъ съ пытокъ не повинятся (были, значитъ, такіе терпѣливые люди), и такихъ сажаютъ въ тюрьму, доколѣ на нихъ поруки будутъ... А какъ они отсидятъ въ тюрьмѣ года два и больше, а порукъ не будетъ, и такихъ изъ тюремъ освобождаютъ и ссылаютъ въ дальніе городы, въ Сибирь и въ Астрахань на вѣчное житье».

Самые пріемы пытки Григорій Карповичъ описываетъ съ такимъ-же эпическимъ спокойствіемъ:

«А устроены для всякихъ воровъ пытки: сымутъ съ вора рубашку, и руки его назадъ завяжутъ подлѣ кисти веревкою,—обшита та веревка войлокомъ; и подымутъ его кверху, учинено мѣсто

что и висѣлица, а ноги его свяжутъ ремнемъ. И одинъ человѣкъ, палачъ, вступитъ ему въ ноги на ремень своею ногою и тѣмъ его стягиваетъ, и у того вора руки станутъ противъ головы его, а изъ суставовъ выйдутъ вонъ; и потомъ сзади палачъ начнетъ бити по спинѣ кнутомъ изрѣдка: въ часъ боевой ударовъ бываетъ тридцать или сорокъ... А учиненъ тотъ кнутъ ременной, толстой, на концѣ ввязанъ ремень толстой, шириною на палецъ, а длиною будетъ въ 5 локтей»...

...«И будетъ съ первыхъ пытокъ не винятся, и ихъ, спустя недѣлю времени, пытаютъ вдругорядь и втретіе. И жгутъ огнемъ, свяжутъ руки и ноги, и вложатъ межъ рукъ и межъ ногъ бревно, и подымутъ на огонь, а инымъ, разжегши желѣзные клещи накрасно,—ломаютъ ребра...»

...«Женскому полу бываютъ пытки противъ того-же, что и мужскому полу, окромѣ того, что на огнѣ (не) жгутъ и ребра (не) ломаютъ»... *)

Впослѣдствіи черезъ сто лѣтъ послѣ временъ Алексѣя Михайловича и его историка, императрица Екатерина II пожелала узнать, что такое россійская пытка, и сдѣлала по этому предмету запросъ. Ей были доставлены любопытныя свѣдѣнія, озаглавленныя:

«*обрядъ како обвиненный* (*sic*) *пытается*» *). «Въ застѣнкѣ,—говорится, между прочимъ, въ этомъ «обрядѣ»,—для пытки сдѣлана дыба, состоящая въ трехъ столбахъ, изъ которыхъ два вкопаны въ землю, а третій сверху, поперекъ»... ...«Палачъ долгую веревку перекинетъ черезъ поперечной въ дыбѣ столбъ и, взявъ подлежащаго къ пыткѣ, руки назадъ заворотитъ и, положа ихъ въ хомутъ черезъ приставленныхъ для того людей, вытягивается, дабы пытаемой на землѣ не стоялъ, у котораго и руки выворотитъ совсѣмъ назадъ, и онъ на нихъ виситъ; потомъ свяжетъ показаннымъ выше ремнемъ ноги и привязываетъ къ сдѣланному нарочно впереди дыбы столбу. И растянувши симъ образомъ, бьетъ кнутомъ, гдѣ и спрашивается о злодѣйствахъ, и все записывается, что таковой сказывать будетъ».

По сравненію съ тѣмъ, что разсказываетъ Кошихинъ, нельзя не замѣтить нѣкотораго прогресса: во времена Григорія Карповича была та-же дыба, но руки пытаемаго связывали простой веревкой («обшита та веревка войлокомъ»). Ко временамъ Екатерины пыточная техника уже придумала хомутъ.

Въ обоихъ случаяхъ, однако,—прежде всего пытаемаго поднимали на воздухъ; эту подробность не мѣшаетъ запомнить: она,—увы!—встрѣчается еще и въ наше время.

---

*) Исторія Кошихина: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича». Спб. 1840,—Гл. VII,—34.

**) «Русская Старина», іюль 1873 г.—Цѣликомъ приведенъ г. Мережковскимъ въ романѣ «Петръ». Къ петровскому времени, пожалуй, болѣе подходило бы описаніе Кошихина.

Подвѣшиваніе и сѣченіе составляли первый актъ розыска. Если обвиняемый послѣ него не сознавался, то, по словамъ «обряда», для дальнѣйшаго «изысканія истины» употреблялись еще:

1) «Тиски, сдѣланныя изъ желѣза въ трехъ полосахъ съ винтами, въ которые кладутся злодѣя персты сверху большіе два изъ рукъ, а внизу ножные два и свинчиваются отъ палача до тѣхъ поръ, пока или повинится, или не можно будетъ больше жать перстовъ, и винтъ не будетъ дѣйствовать».

2) «Наложа на голову веревку и просунувъ кляпъ, вертятъ такъ, что оный изумленнымъ бываетъ. Потомъ простригаютъ волосы до тѣла и на то мѣсто льютъ холодную воду, отчего также въ изумленіе приходитъ».

3) „Для изысканія истины пытанному, когда виситъ на дыбѣ, кладутъ между ногъ на ремень, которымъ онѣ связаны, бревно и на оное палачъ становится затѣмъ, дабы болѣе истязанія чувствовалъ»... Если пытаемый упорствуетъ,—его снимаютъ съ дыбы, «правятъ руки, а потомъ опять на дыбу такимъ-же образомъ поднимаютъ для того, что и черезъ то боли бываетъ больше».

Снѣгиревъ въ своей работѣ о пыткахъ, приводимой г. П. Б. въ «Русскомъ Архивѣ» *), прибавляетъ, что «висящаго на вискѣ не только били кнутомъ, но еще водили по спинѣ зажженнымъ вѣникомъ, стряхивая искры. Кромѣ того пытали «шиною», т. е. разожженнымъ желѣзомъ, водимымъ «съ тихостію по тѣламъ человѣческимъ, которыя отъ того кипѣли, шкварились и вздымались». Пыточныя рѣчи, по словамъ того-же автора, записывались въ три пріема: первый—съ подъему, когда пытаемый поднятъ съ вывихнутыми суставами; второй—съ «пытки», когда подвѣшеннаго били кнутами, и третій—«съ огня», когда его снимали и жгли огнемъ (какъ описано въ «обрядѣ»).

«Маловажныхъ преступниковъ,—говоритъ Снѣгиревъ о позднѣйшихъ временахъ — допрашивали въ полиціяхъ подъ кошками (?) или плетьми или кормили селедкой и не давали пить». Тутъ ужъ, конечно, никакихъ особыхъ обрядовъ не полагалось, и все сводилось къ личной изобрѣтательности полицейскихъ. Сомнительно, чтобы при этомъ употреблялись кошки. По словамъ М. И. Пыляеа, кошка, это—кнутъ съ желѣзными лапами. Для «изысканія истины» онъ не годился, такъ какъ убивалъ слишкомъ быстро. «Батожьемъ» назывались простыя палки, которыми били по голой спинѣ, самымъ примитивнымъ образомъ растянувъ человѣка на землѣ и сѣвъ на ноги и на голову. Шелепы были длинные узкіе мѣшки, наполненные мокрымъ пескомъ. «Признаются «удобными» (еще и въ наши дни), потому что оставляютъ мало наружныхъ слѣдовъ.

Такъ дѣтски-наивная и варварская сѣдая старина «обыкла

---

*) „Русскій Архивъ“, 1877 г., кн. 7, статья „Русскія пытки“.

розыскивать самую правду» въ уголовныхъ дѣлахъ. Впрочемъ, на пыточное дѣло наши предки XVI и XVII вѣковъ смотрѣли очень просто. Сохранился, напримѣръ, документъ, рисующій слѣдующую яркую картинку бюрократическихъ нравовъ. Въ 1641 году, мая въ двадцатый день, на Москвѣ, въ Трубницахъ, во дворѣ Сибирскаго приказа приставъ Яковъ Китаевъ вопилъ во всю голову... Когда на оный неистовый крикъ сбѣжался народъ, то приставъ разсказалъ, «что де онъ Яковъ сейчасъ привезенъ изъ застѣнка пытанъ. А пыталъ де его Большаго приказу дьякъ Иванъ Дмитріевъ въ томъ, что у сибирскаго приказу они, приставы, въ Господскіе праздники и въ воскресные дни на правежѣ государевы долговые и исцовые иски правятъ-ли?» Такимъ образомъ дьякъ Иванъ Дмитріевъ примѣнилъ къ Якову Китаеву пытку единственно для снятія съ него достовѣрнаго показанія: достаточно-ли ревностно сибирскій приказъ взыскиваетъ казенные и частные долги. А между тѣмъ,—на той пыткѣ «его Якова испортили, руки ему на дыбѣ вывертѣли, и палачи-де у него шапку и опоясь кушачную сняли» *).

II.

Въ «обрядѣ», который мы приводили выше, очень характерно, что пытаемый называется уже «обвиненнымъ» («како обвиненный пытается»). Старинное производство плохо различало понятія: подозрѣваемый, обвиняемый и обвиненный. Въ старину «всякая вина была виновата», и разъ человѣкъ «доводился пыткѣ», то само собой разумѣется, что вина почти неизбѣжно подтверждалась вынужденнымъ признаніемъ. Хорошо-ли различаетъ эти понятія практика нашего пореформеннаго дознанія и слѣдствія,—это увидимъ ниже, какъ и то, на сколько наши «обличные» слѣдственные порядки въ самое мирное и тихое время свободны отъ пытокъ. А пока скажемъ, что опасная сторона и вредъ послѣднихъ теоретически сознавались уже давно.

Уже Петръ Великій, одержимый лично странной, вѣроятно, болѣзненной склонностью присутствовать при самыхъ страшныхъ истязаніяхъ, а иногда и принимавшій въ нихъ участіе—все же своимъ яснымъ умомъ оцѣнивалъ недостатки пытокъ, какъ средства «изысканія истины», и стремился ихъ ограничить. Онъ первый воспретилъ пытки въ малыхъ дѣлахъ, страшныя своей многочисленностью и тѣмъ, что пыткой распоряжались мелкіе приказные ярыги.

Нѣкоторые изъ сподвижниковъ Петра раздѣляли эти взгляды и, въ свою очередь, стремились ограничить судебныя истязанія.

*) Н. Н. Оглоблинъ: „Бытовыя черты XVII в[illegible]
1892 г., Октябрь. Стр. 1721.

Такъ, извѣстный В. Н. Татищевъ во время своего управленія сибирскими заводами запретилъ земскимъ судьямъ (иначе «земскимъ ярыжкамъ») производить пытки безъ согласія главнаго заводскаго управленія *), что, конечно, вело къ значительному сокращенію истязаній уже вслѣдствіе связанной съ этой процедурой проволочки. То же встрѣчалось и въ другихъ мѣстахъ. Между прочимъ, до насъ дошло интересное предписаніе архіепископа холмогорскаго Афанасія (ум. въ 1702 г.), увѣщавшаго иноковъ Соловецкой обители, въ лицѣ архимандрита—не производить у себя въ монастырѣ пытокъ **), къ коимъ эта обитель, какъ увидимъ, питала традиціонную склонность, неискоренимую ни увѣщаніями, ни даже указами.

Но мѣры эти имѣли характеръ частичный. Каждая изъ нихъ была лишь попыткой изъять изъ пыточнаго производства ту или другую категорію дѣлъ, запретить пытки въ низшихъ учрежденіяхъ. Наступало другое время, и кровавыя истязанія возвращались съ прежней силой. Реакціонная бироновщина была вмѣстѣ и страшнымъ рецидивомъ жестокости. Людей жгли живьемъ за волшебство и поджоги, а пытка принимала ужасающія формы. Въ началѣ царствованія Екатерины Н. И. Панинъ однажды замѣтилъ, что онъ «недавно читалъ дѣло Волынскаго, и чуть его параличъ не убилъ. Такія мученія претерпѣлъ несчастный Волынскій и такъ очевидна его невинность» ***). Тотъ же Панинъ говорилъ Порошину, что онъ «съ удивленіемъ видѣлъ, что люди за такія вины кнутьями сѣчены и въ ссылки посланы были, за которыя бы только выговоромъ строгимъ наказать было достаточно, и что потому нѣкоторымъ образомъ можно было разсуждать о нравахъ тѣхъ временъ» ****).

Въ 1742 году Новгородскій архіепископъ Амвросій вновь вынужденъ былъ обратиться къ Архангельскому архіепископу Варсонофію съ увѣщаніями относительно все той же святой Соловецкой обители *****).

Нравы XVIII вѣка подъ вліяніемъ европейскихъ идей постепенно мѣнялись; уже елизаветинцамъ казались дикими пріемы бироновскаго времени. Извѣстный публицистъ и историкъ кн. Щербатовъ разсказываетъ между прочимъ, что составители уложенія елизаветинскихъ временъ «свой проектъ наполнили неслыханными жестокостями пытокъ и истязаній»... «Когда, по сочиненіи, оное было, безъ чтенія сенатомъ и другими государственными чинами, поднесено къ подписанію Государыни, и уже готова была

*) Соловьевъ XX-203 (1-е изданіе).

**) «Русская Старина», LV, 338 (1887 г.),

***) „Записки Порошина". Изд. „Русск. Стар." 69. 70.

****) Ib. 428—429.

*****) Чтеніе въ Моск. Общ. Ист. и древн. 1880, кн. I, стр. 7-10.

сія добросердечная монархиня, не читая (!), подписать,—перебирая листы,—вдругъ попала на главу пытокъ, взглянула на нее, ужаснулась тиранству и, не подписавъ, велѣла передѣлывать»...

Собственныя мѣры Елизаветы въ направленіи ограниченія ужаснувшаго ее тиранства были благожелательны, но не особенно выдержаны, такъ какъ «сія добросердечная монархиня», при всемъ благодушіи, была лѣнива и безпечна. Впрочемъ, противъ бироновскихъ временъ чувствовалось значительное облегченіе. Въ 1742 году отмѣнена пытка для провинившихся... въ опискѣ императорскаго титула. До этого указа злополучныхъ пищиковъ и канцеляристовъ, повинныхъ въ этомъ ужасномъ посягательствѣ на самодержавіе, пытали, чтобы узнать: «не съ вымыслу ли и не по чьему ли наученію они сдѣлали таковую описку, дабы нанести высочайшему титулу умаленіе и чести великой государыни поруху». При Елизаветѣ сенатъ ограничилъ также «розыски» надъ крестьянами, причастными къ самовольнымъ порубкамъ лѣса и къ бунтамъ, а въ проектѣ коммиссіи по составленію уложенія предполагалось постановить, что «дворянство имѣетъ надъ людьми и крестьянами своими... полную власть безъ изъятія, кромѣ отнятія живота, наказанія кнутомъ и произведенія надъ оными пытокъ».

Въ это-же царствованіе отмѣнена пытка для малолѣтнихъ. Впрочемъ,—по настоянію святѣйшаго синода, малолѣтними постановлено считать только дѣтей до 12 лѣтъ. Тринадцати-лѣтнихъ въ царствованіе сей добросердечной монархини продолжали пытать, какъ взрослыхъ. Въ 1751 году пытку отмѣнили въ дѣлахъ корчемныхъ. Историкъ С. М. Соловьевъ, питавшій вообще нѣкоторую слабость къ Елизаветѣ, ставитъ ей въ заслугу, что съ ея царствованія «Россія уже не знала пытокъ въ дѣлахъ политическихъ». Это не совсѣмъ вѣрно. Не говоря уже о нашихъ счастливыхъ временахъ, когда запросы о рижскихъ и иныхъ застѣнкахъ доходили до Государственной Думы,—Россія знала пытки по дѣламъ политическимъ и при Елизаветѣ, и при Екатеринѣ.

Наконецъ, можно ли говорить о томъ, что Россія съ Елизаветы не знала пытокъ по дѣламъ политическимъ, когда въ теченіе всего ея царствованія свирѣпствовало еще «ненавистное израженіе слово и дѣло» и Тайная Канцелярія. Произнесеніе этой волшебно государственной формулы сопровождалось немедленнымъ заковываніемъ въ кандалы, какъ произнесшаго, такъ и обвиняемаго, а иногда и свидѣтелей, и отправленіемъ всѣхъ присутствующихъ для слѣдствія въ высшія инстанціи. Изъ разсмотрѣнныхъ мною когда-то старинныхъ дѣлъ балахнинскаго магистрата видно, что всѣ такіе случаи «разыскивались» съ примѣненіемъ кнута и истязаній.

Вообще, съ добросердечной Елизаветой повторялась обычная исторія многихъ самодержавныхъ царствованій. Вначалѣ провозглашались гуманныя идеи, потомъ онѣ ослаблялись, урѣзывались

и пускались въ забытіе. Благодушіе Елизаветы, напримѣръ, совершенно ее покинуло, когда былъ открытъ бестужевскій заговоръ. По окончаніи этого дѣла Петербургъ видѣлъ на эшафотѣ изящнѣйшихъ фрейлинъ Елизаветинскаго двора, обнаженными до пояса; палачи грубо схватывали ихъ за руки, вскидывали себѣ за плечи, и кнутъ полосовалъ нѣжное тѣло придворныхъ красавицъ, вырѣзывая, точь въ точь какъ разсказывалъ когда-то Котошихинъ: «ремни чуть не до самыхъ костей». Послѣ этого палачъ хваталъ рукой языки, вытягивалъ ихъ и рѣзалъ ножомъ, дабы впредь никому не повадно было злословить «добросердечную монархиню». Въ застѣнкахъ съ «сообщниками» тоже не церемонились. Относя извѣстную долю этихъ жестокостей за счетъ того времени, нужно все-таки сказать, что значительная часть остается и на долю мстительности и мелкаго женскаго тщеславія самой Елизаветы... Кажется, что эти свирѣпыя казни въ угоду самодержицѣ не соотвѣтствовали уровню взглядовъ и понятій тогдашняго общества. Въ елизаветинское время были уже люди, далеко опередившіе ее въ своихъ взглядахъ на пытку. Такъ, извѣстенъ случай, когда новгородскій губернаторъ Орловъ,—отецъ будущаго екатерининскаго фаворита,—запретилъ примѣнить пытку въ уголовномъ дѣлѣ, высказавъ принципіальное осужденіе этого «весьма ненадежнаго способа для открытія истины» *).

Начало царствованія Петра III-го, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ его совѣтниковъ (главнымъ образомъ, Волкова), ознаменовалось нѣсколькими прогрессивными указами, въ томъ числѣ и въ интересующей насъ области. Первой изъ этихъ мѣръ было уничтоженіе Тайной Канцеляріи и «ненавистнаго израженія слово и дѣло», изъ-за котораго лилось столько крови. Кромѣ того, сенату было повелѣно снабдить всѣ присутственныя мѣста,—особенно отдаленныя—приказомъ, чтобы допросы, какъ свидѣтелей, такъ и доносителей, производились *сколь возможно* безъ пытки **) Пожеланіе очень скромное, если принять въ соображеніе, что это *сколь возможно* относилось даже не къ обвиняемымъ, а къ доносителямъ («доказчику первый кнутъ») и... къ свидѣтелямъ, ни мало уже ни въ чемъ не повиннымъ! И, конечно, указъ, сопровождаемый словомъ «по возможности», имѣлъ характеръ чисто платоническаго пожеланія, къ исполненію необязательнаго ***).

Царствованіе Екатерины сразу отразилось замѣтными смягченіями противъ временъ Елизаветы. На русскомъ престолѣ была молодая государыня, не имѣвшая на него никакихъ законныхъ правъ и считавшая, что можетъ удержаться только «любовью народа». Лич-

---

*) Чтеніе въ о-вѣ Нестора Лѣтописца, 1891, кн. V.

**) «Полное собраніе законовъ», т. XV, № 11445.

***) Въ 1761 году обнаружилось, что въ городѣ Шацкѣ, въ частномъ домѣ канцеляриста Пегаковскаго, существуетъ застѣнокъ. Его велѣно сломать (Изъ «Чт. въ о-вѣ Нестора Лѣт.» 1891, кн. V).

ные взгляды ея были тоже прогрессивны. Въ свое время она дала Вольтеру разрѣшеніе, въ его протестѣ противъ инквизиціонныхъ пріемовъ въ дѣлахъ Калласа и Сирвена, поставить ея имя «во главѣ тѣхъ, кто помогалъ ему раздавить фанатизмъ и сдѣлать людей болѣе снисходительными и человѣчными». Она вела переписку съ энциклопедистами и звала въ Россію Беккаріа, знаменитаго автора «Преступленія и наказанія». Взгляды эти раздѣлялись уже многими изъ ея приближенныхъ (начиная съ Григорія Орлова, унаслѣдовавшаго традиціи своего отца), проникали въ науку, въ литературу, въ общество. 28 іюня 1767 г. въ Москвѣ профессоръ естественнаго народнаго права К. І. Лангеръ произнесъ рѣчь, въ которой открыто нападалъ на институтъ судебныхъ пытокъ.

Въ 1769 году нѣкто Каринъ издалъ основанную на идеяхъ Беккаріа книгу «Разсужденіе о добродѣтеляхъ и награжденіяхъ, служащее послѣдованіемъ разсужденія о преступленіяхъ и наказаніяхъ, переводъ съ французскаго языка». Появленіе такой книги въ то время имѣло относительное значеніе гораздо больше, чѣмъ мы можемъ объ этомъ судить въ наши времена. 23 іюня 1777 года директоръ Академіи наукъ, Домашневъ, говорилъ на торжественномъ актѣ: «Наша эпоха почтена прекраснымъ названіемъ философской не потому, чтобы многіе имѣли право на званіе философовъ или чтобы увеличилось количество познаній, а потому, что философскій духъ сдѣлался духомъ времени, священнымъ началомъ законовъ и нравовъ. Онъ освятилъ правосудіе человѣколюбіемъ, обычаи — чувствомъ. Онъ легъ въ основаніе двухъ важныхъ предметовъ — законодательства и нравственности» *). Люди, которые покровительствовали такимъ ученымъ, какъ Лангеръ, участвовали сами въ созданіи новыхъ законовъ. Книга Карина была посвящена А. И. Бибикову, просвѣщенному маршалу коммиссіи по составленію уложенія. Идеи Монтескье и Беккаріа, которыя владѣли умомъ императрицы, отразились очень замѣтно въ наказѣ. Такъ, въ главѣ X этого наказа впервые еще въ Россіи офиціально высказанъ принципъ, что «человѣка не можно считать виновнымъ прежде приговора судей, и законы не могутъ лишать его защиты своей прежде, нежели доказано будетъ, что онъ нарушилъ оные».

Этимъ пытка была безповоротно осуждена въ идеѣ, и это осужденіе высказывалось съ высоты престола. Практика приглашалась слѣдовать этимъ общимъ указаніямъ.

Первые практическіе шаги Екатерины въ направленіи полнаго упраздненія пытокъ были, однако, еще нерѣшительны. Присутствуя однажды въ сенатѣ въ 1763 году, она произнесла рѣчь, въ которой еще не отрицала пытки цѣликомъ, а повелѣла только «стараться какъ возможно уменьшить кровопролитіе; если

*) „Акты Акад. Наукъ“ за 1777.—I—12—20.

же всѣ средства будутъ истощены, тогда уже пытать» *). Такимъ образомъ, пытка еще признавалась принципіально («если всѣ средства будутъ истощены»), но тутъ же Екатерина вводила и важное практическое ограниченіе; указомъ 15 января 1765 г. повелѣвалось: «въ приписныхъ городахъ пытокъ не производить, а отсылать преступниковъ въ провинціальныя и губернскія канцеляріи, чтобы какъ нибудь съ виновными и невинные не понесли напраснаго истязанія» **). Застѣнки же и заплечныхъ мастеровъ въ этихъ городахъ упразднить. Въ томъ же году, когда вновь возникъ вопросъ, съ какого возраста считать совершеннолѣтіе для пытки, возрастъ этотъ опредѣленъ уже въ 17 лѣтъ. Черезъ два года Екатерина дѣлаетъ шагъ уже въ направленіи полной отмѣны пытки: указомъ отъ 13 ноября 1767 года повелѣно всѣмъ губернаторамъ послать по одному экземпляру Наказа, съ тѣмъ, чтобы они, впредь до новаго указа, «въ дѣлахъ, доходящихъ до пытки, основывали свои резолюціи и изысканія доказательствъ и облики на правилахъ X главы упомянутаго Наказа». Иначе сказать, губернаторамъ во всѣхъ дѣлахъ, которыя имъ будутъ присылаться изъ «приписныхъ городовъ», предписывалось совсѣмъ устранить пытки.

Это была новая побѣда «духа времени». Повидимому, такія побѣды доставались не безъ борьбы разныхъ вліяній. Одинъ изъ видныхъ екатерининскихъ дѣятелей, Сиверсъ, принципіальный и, горячій противникъ пытокъ, принялъ изъ рукъ императрицы эту инструкцію съ восторгомъ, ставъ на колѣни. Но, по свидѣтельству современника, въ придворныхъ кругахъ говорили съ неудовольствіемъ, что теперь, ложась спать, никто не можетъ до утра ручаться за свою жизнь ***)... Придворнымъ господамъ не трудно было осуждать «смѣлое» новшество. Грубыя времена, когда (какъ, напримѣръ, при Петрѣ Великомъ) сенатъ грозилъ даже вицъ-губернаторамъ за служебныя упущенія «черевы на кнутьяхъ вымотать», уже прошли. По отношенію къ дворянству и чиновничеству, вообще къ лицамъ привилегированнымъ, пытка на практикѣ уже вышла изъ употребленія. Еще въ февралѣ 1763 года, вскорѣ по вступленіи на престолъ, Екатерина, признававшая еще пытку въ случаяхъ, когда другія средства будутъ истощены, приказала все-таки дѣлать и въ этомъ различіе между людьми «подлаго и неподлаго званія» ****). Это сказалось очень оригинальнымъ образомъ въ дѣлѣ кровожадной Салтычихи, замучившей самымъ звѣрскимъ образомъ десятки своихъ крѣпостныхъ. Когда «по дѣлу она довелась до пытки», то ее, въ виду ея дворянскаго званія,

*) Чтенія въ Историч. О-вѣ Нестора Лѣтоп.". Кн. V (1891). Ст. В. С. Иконникова: „Страница изъ Исторіи Екатер. Наказа".

**) Соловьевъ, XXV.—273. (Цит. по 1-му изд.).

***) В. С. Иконниковъ. Чт. въ Общ. Нестора Лѣтоп., 1891, кн. V.

****) С. М. Соловьевъ. XXV.—273. (Цит. по старому изданію).

не пытали, а только «для устрашенія показывали жестокость розыска надъ приговореннымъ (!) преступникомъ» *). То есть, въ поученіе злодѣйкѣ дворянскаго сословія производили примѣрный розыскъ надъ приговореннымъ преступникомъ «подлаго званія», хотя, казалось бы, Салтычиха была отлично знакома съ истязаніями всякаго рода, и едва ли даже приговоренный преступникъ могъ сравняться съ нею въ звѣрской жестокости.

Такимъ образомъ нѣкоторые «придворные круги» вполнѣ безопасно для себя и близкихъ могли роптать на смѣлыя новшества императрицы. Въ широкихъ слояхъ тогдашняго общества указъ 1767 года вызвалъ, однако, живѣйшую радость. Впрочемъ, этотъ указъ былъ еще составленъ въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ (предписывалось руководствоваться идеями X главы Наказа, т. е. давалось общее руководство, изъ котораго лишь вытекали извѣстныя заключенія). И при томъ указъ этотъ оставался строго секретнымъ. Еще семь лѣтъ спустя, 15 ноября 1774 года (наканунѣ пугачевщины!) послѣдовалъ обѣщанный еще въ сиверсовской инструкціи новый указъ «о недѣланіи въ присутственныхъ мѣстахъ *ни по какимъ дѣламъ, ни подъ какимъ видомъ, никому, никакихъ* при допросахъ тѣлесныхъ истязаній для познанія въ дѣйствіяхъ истины» **).

III.

Собственно говоря, съ этого указа слѣдовало бы, повидимому, считать отмѣну пытокъ въ Россіи. Здѣсь не было уже ни оговорки Петра III («по возможности»), ни екатерининской формулы: «когда всѣ средства истощены», ни разрѣшенія пытокъ губернаторскою властью. Здѣсь говорилось просто и категорично, что пытки *нигдѣ и ни подъ какимъ видомъ* примѣняться не должны.

Но и этотъ указъ издавался «весьма секретно». Это было нѣчто въ родѣ щедринскаго «подметнаго закона», тайно кинутаго по губернаторскимъ канцеляріямъ. Правящему чиновничеству предписывалось прекратить въ судахъ пролитіе крови, но такъ, чтобы народъ этого не могъ замѣтить. Если бы губернаторъ не захотѣлъ исполнить гуманнаго указа, то заинтересованный обыватель не имѣлъ законной точки опоры для борьбы съ этимъ злоупотребленіемъ: нельзя ссылаться на тайный законъ...

И, однако, уже эти общія идеи, пущенныя въ обращеніе съ высоты престола въ прогрессивные годы царствованія Екатерины,— оказали свое вліяніе. Фраза «сколь возможно уменьшить пролитіе крови», — стала часто попадаться въ бумагахъ и мотивахъ даже уѣздныхъ учрежденій.

*) „Русск. Старина", окт. 1874, 500–541.
**) „Русск. Старина", 1874, окт.

Я имѣлъ случай, работая въ нижегородской архивной коммиссіи, просмотрѣть нѣсколько сотъ архивныхъ дѣлъ балахнинскаго городоваго магистрата, разыскивая тамъ не крупные историческіе факты, которые, конечно, отражались въ центральныхъ учрежденіяхъ, а тѣ мелкія черточки, которыя являются характерными для самой глубины народной жизни. При этомъ мнѣ попадались также и дѣла, въ которыхъ отмѣчалось производство пытокъ при «разспросахъ» и «розыскахъ». Пытка еще во времена Елизаветы была явленіемъ широко распространеннымъ. Заплечные мастера жили въ малыхъ городахъ и при переписи такъ и отмѣчалось ихъ званіе: «заплечный мастеръ». Въ одномъ дѣлѣ 1756 года есть смутное указаніе на личную драму одного изъ этихъ «мастеровъ». Можетъ быть, тяготясь жестокимъ и гнуснымъ занятіемъ, заплечный мастеръ Петръ Ивановъ сынъ Животовскій сбѣжалъ изъ Балахны въ Унженскіе Рымовскіе починки, гдѣ «жилъ въ дикихъ лѣсахъ». Съ нимъ вмѣстѣ удалилась въ дикіе лѣса посадская женка Авдотья Иванова. Попытка эта уйти отъ жестокой жизни въ дремучіе лѣса, заселенные только бѣглыми да раскольничьими скитами, не увѣнчалась успѣхомъ: оба были пойманы и биты плетьми. Злополучному заплечному мастеру пришлось на себѣ испытать искусство какого-нибудь изъ своихъ сотоварищей *).

Еще въ 1763 году, при поискѣ фискаломъ въ Балахнѣ порубленнаго казеннаго лѣса, отмѣченъ также обыскъ во дворѣ палача Петра Волкова **).

Но уже въ 1767 году (послѣ цитированнаго указа Екатерины) мѣстные заплечные мастера и палачи въ Балахнѣ не встрѣчаются, и когда въ этомъ году пришлось привести въ исполненіе приговоръ магистрата о *наказаніи кнутомъ* преступника, то магистрату пришлось просить о присылкѣ въ Балахну заплечнаго мастера отъ нижегородской губернской канцеляріи. На этотъ разъ требованіе было исполнено, и въ Балахну присланъ заплечный мастеръ Коноваловъ...

Вообще есть не мало указаній на довольно замѣтный переломъ въ пыточной практикѣ, происшедшій вслѣдствіе указовъ Екатерины. Въ Елизаветинское время пытка производилась съ удивительной простотой и какой-то прямо простодушной свирѣпостью. Благодаря тому, что при воеводской канцеляріи былъ свой палачъ, — даже частныя лица пользовались услужливымъ «пристрастіемъ» этой канцеляріи для взысканія своихъ партикулярныхъ и при томъ часто неосновательныхъ исковъ. Сохранилась, напримѣръ, жалоба вдовы посадскаго человѣка Ульяны Якимовой, которую купецъ Лоушкинъ дважды «усиліемъ» водилъ въ воеводскую канцелярію, гдѣ ее сѣкли и «пристрастіемъ» вынуждали платить деньги, которыя ей «платить весьма не надлежало» (№ 400). Точно также

*) Дѣла балаханскаго гор. магистрата. № 327.

**) Ib. № 488.

частныя лица, приводя въ магистратъ заподозрѣнныхъ въ воровствѣ людей, простодушно заявляли, что они уже до привода чинили имъ допросъ съ «пристрастіемъ». Такъ, въ 1758 году посадскій человѣкъ Баташевъ заявилъ, что онъ «допрашивалъ съ пристрастіемъ» свою дворовую дѣвку, которая отъ этого пристрастія зарѣзалась, заявивъ передъ смертію, что ее мучили невинно. Магистратъ не обратилъ на это дѣло особаго вниманія и запросилъ только, есть-ли у Баташева на оную дѣвку купчая (№ 377).

Въ одномъ дѣлѣ, относящемся къ началу царствованія Екатерины, этотъ старый елизаветинскій порядокъ встрѣчается лицомъ къ лицу съ новыми теченіями. Въ маѣ 1764 года былъ пойманъ съ вещами, покраденными у посадскаго человѣка Мизгирева, — нѣкій Трубниковъ. Онъ чистосердечно во всемъ сознался, но въ его показаніи вышло нѣкоторое разногласіе съ показаніями потерпѣвшаго: по словамъ Мизгирева у него пропало денегъ серебромъ 5 рублей и мѣдью 15 копѣекъ, а Трубниковъ утверждалъ, что онъ взялъ 4 рубля серебромъ, а мѣдью одинъ рубль 10 копѣекъ. Показанія не сошлись въ пятакѣ и въ родѣ монеты. Магистратъ сначала примѣнилъ «пристрастіе». Потомъ призывали «ученаго попа» для увѣщанія. Трубниковъ стоялъ на прежнемъ показаніи. Магистратъ нашелъ, что теперь его «надлежало-бы пытать», но, принимая во вниманіе новые указы, — пытки Трубникову не чинили. Очевидно, до этихъ новыхъ указовъ человѣка вздернули-бы на дыбу и вывернули-бы суставы для точнѣйшаго удостовѣренія — мѣдью или серебромъ онъ укралъ одинъ рубль десять копѣекъ (№ 515).

Любопытно, что въ первую (прогрессивную) половину екатерининскаго царствованія, у мѣстныхъ губернскихъ властей является стремленіе толковать ея указы въ расширительномъ гуманномъ смыслѣ. Такъ, 5 марта 1772 года балахнинскій магистратъ приговорилъ нѣкоего Латышева за покражу двухъ кулей пшеницы къ наказанію кнутомъ. Такъ какъ въ то время собственнаго заплечнаго мастера въ Балахнѣ уже не было,—то магистратъ препроводилъ приговоръ въ нижегородскую губернскую канцелярію, прося прислать палача. Отвѣтъ этой канцеляріи, подписанный Макшеевымъ, оченъ интересенъ: такъ какъ де, въ силу указовъ, «въ приписныхъ городахъ пытокъ производить не велѣно и потому заплечныхъ мастеровъ не опредѣлено, то означенному магистрату, яко городовому, и къ *наказанію* кнутомъ приступать не должно». Этотъ скромный Макшеевъ, ничѣмъ въ исторіи не отмѣченный, очевидно, жертвовалъ буквой указовъ ихъ гуманному смыслу, находя совершенно справедливо, что наказаніе кнутомъ, по своей жестокости, ничѣмъ не уступаетъ жестокостямъ пытки (д. № 704). Отсюда онъ заключалъ уже къ отмѣнѣ жестокихъ наказаній. На этотъ разъ подсудимый отдѣлался плетьми.

Однако жизнь не всюду и не такъ ужъ податливо слѣдовала

за гуманными указами. Палачи въ приписныхъ городахъ упразднены, орудія пытки предписано было уничтожить. Но самая пытка еще притаилась подъ видомъ «пристрастія». Подъ этимъ словомъ этимологически слѣдовало-бы разумѣть угрозу: допрашиваемому показывали, что его ожидаетъ въ случаѣ запирательства. Однако, изъ многихъ дѣлъ видно, что на практикѣ «пристрастіе» не ограничивалось угрозами, а состояло въ предварительномъ примѣненіи въ болѣе легкихъ формахъ предстоящей пытки. Мы видѣли уже, каково оказалось «пристрастіе» для дворовой дѣвки Баташева. И до указовъ Екатерины, и послѣ нихъ въ дѣлахъ часто упоминается объ этихъ допросахъ съ пристрастіемъ, сила и жестокость которыхъ зависѣла совершенно отъ усмотрѣнія людей, привыкшихъ къ истязательной практикѣ. Порой, конечно, они переходили даже за предѣлы форменныхъ пытокъ.

Нужно было продолжительное и неослабное напряженіе власти, чтобы поощреніемъ гуманныхъ Сиверсовъ и Макшеевыхъ, обузданіемъ рутинеровъ-истязателей выводить изъ практики закоренѣлыя истязательскія привычки. Макшеевы и Сиверсы были далеко не всюду, а благожелательныя реформы Екатерины, не опиравшіяся на признанное содѣйствіе широкихъ общественныхъ слоевъ, висѣли въ воздухѣ. Многіе губернаторы,—самодержцы въ своихъ губерніяхъ,—смотрѣли на гуманные указы, какъ на нѣкую «невмѣстимую» странность слишкомъ любвеобильной монархини,—странность, которую имъ, практикамъ, приходится исправлять, ограничивать или просто оставлять втунѣ. Поэтому во многихъ мѣстахъ пытки продолжались по старому и даже наивно отмѣчались въ дѣлахъ, доходившихъ до сената. Такъ, въ 1774 году, то есть, семь лѣтъ спустя послѣ указа 1767 года, въ дѣлѣ о поджогахъ въ Луганской станицѣ сенатъ усмотрѣлъ, что обличаемые жестоко пытаны, почему «виновные» (?) совсѣмъ освобождены отъ дальнѣйшаго наказанія. А въ 1778 году, т. е. четыре года спустя послѣ рѣшительнаго указа 1774 года, воронежскій губернаторъ навлекъ на себя взысканіе сената за то, что примѣнялъ жестокія истязанія «для отысканія паспортовъ и денегъ убитыхъ людей». Но все это, конечно, открывалось только случайно и рѣдко. Въ сущности-же благожелательные, но секретные указы скорѣе давали возможность гуманнымъ губернаторамъ избѣгать у себя пытокъ, чѣмъ удерживали отъ нихъ губернаторовъ жестокихъ. И когда какое-нибудь дѣло обращало на себя вниманіе Екатерины, особенно-же, если оно могло стать «извѣстно въ Европѣ», то государынѣ приходилось еще сепаратно требовать, чтобы оно производилось безъ пытокъ.

Такія требованія она предъявляла въ дѣлѣ о попыткѣ Мировича освободить бѣднаго Иванушку, законнаго наслѣдника россійскаго престола, заключеннаго въ Шлиссельбургскую крѣпость. Въ дѣлѣ о Яицкомъ бунтѣ и о возстаніи Пугачева (1773 и 1775 годы) эта настойчивость уже измѣнила напуганной Екатеринѣ. Коммиссія

генерала Фреймана, производившая за два года до появленія Пугачева разслѣдованіе о бунтѣ яицкихъ казаковъ «войсковой стороны», производила всѣ свои допросы «съ пристрастіемъ», и около 130 человѣкъ умерло среди страшныхъ истязаній *). Во время самой пугачевщины, вызвавшей большой интересъ въ Европѣ (гдѣ газеты называли Пугачева «Prince Pougacheff»), Екатерина особенно опасалась, что Европа «причтетъ насъ ко временамъ Ивана Васильевича» **). Поэтому, назначая гр. П. И. Панина начальникомъ войскъ для подавленія бунта (послѣ Бибикова, которому такія напоминанія были излишни),—императрица требовала, «чтобы *суровыя* казни нигдѣ мѣста не имѣли, а прочія нигдѣ, кромѣ крайности, употреблены не были». Она запретила также производить пристрастные допросы» ***). Все это, однако, повидимому, болѣе назначалось для Европы, чѣмъ для внутренняго употребленія. Въ Москвѣ, гдѣ на казни Пугачена и его сообщниковъ присутствовали иностранные корреспонденты,—даже самозванцу палачъ (якобы по ошибкѣ) сразу отрубилъ голову, не прибѣгая къ предварительному четвертованію (т. е. ему учинена казнь простая и не *суровая*). Но въ глубинѣ уфимскихъ и оренбургскихъ степей даже второстепенныхъ пугачевцевъ (въ томъ числѣ несчастнаго башкирскаго поэта Салавата) казнили мучительною смертью. Назначенный для производства слѣдствія въ Казани, низкій и бездарный кузенъ временщика Павелъ Потемкинъ, несомнѣнно, примѣнялъ пытки и къ Пугачеву, и его сообщникамъ. При всѣхъ его допросахъ присутствовали палачи и по временамъ (по свидѣтельству Рунича) онъ удалялъ изъ присутствія всѣхъ чиновниковъ. Онъ не скрывалъ этого даже отъ самой Екатерины, конечно, смягчая дѣйствительность. Въ одномъ изъ писемъ къ государынѣ онъ говоритъ прямо, что для открытія тайны, «учинено ему было малое наказаніе, и по доводамъ тѣмъ (!) убѣждаемъ былъ злодѣй и открылся противъ вопросительныхъ пунктовъ» ****).

Легко представить, что въ дѣйствительности скрывалось за этими «доводами» и «малыми наказаніями» еще до суда. На всемъ дѣлѣ лежитъ несомнѣнная печать пыточнаго производства, и, если исторія останавливается въ недоумѣніи передъ нѣкоторыми недомолвками и «тайнами» пугачевскаго бунта, то, конечно, потому, что показанія диктовались бездарнымъ родственникомъ временщика изъ-подъ кнута. Тотъ-же Потемкинъ создалъ совершенно небывалое преступленіе Казанскаго епископа Веніамина, на котораго показали «съ разспросу» нѣкоторые мелкіе участники бунта.

*) Витевскій. «Яицкое войско».—«Р. Архивъ». 1879. III—455.

**) Записки. А. И. Бибикова.

***) «XVIII-й вѣкъ», изд. Бартенева, I—129.

****) «Чтенія въ Моск. О-вѣ исторіи». 1858. II (стр. 39). В. С. Иконниковъ (20).

Веніамину долгое время было очень трудно опровергнуть эту пыточную клевету.

Пыточныя привычки были до такой степени въ нравахъ тогдашней чиновничьей среды, что даже служитель музъ, пѣвецъ Фелицы, Гаврила Романовичъ Державинъ не былъ чуждъ этой «слабости» своего вѣка. Будучи командированъ въ Мечетную Слободу «для сыску и поимки воровскихъ самозванцевой партіи людей», выбѣгавшихъ на Волгу съ Яика и отъ Узеней,—онъ тоже прибѣгалъ къ допросу съ нѣкоторымъ «пристрастіемъ». Самъ поэтъ, не безъ нѣкотораго даже юмора, разсказываетъ въ своихъ запискахъ о томъ, какъ, поймавъ нѣкоего бѣглаго солдата и заподозривъ въ немъ виднаго сообщника самозванца, вынудилъ у него побоями признаніе, будто онъ есть «первый секретарь онаго государственнаго злодѣя, Емельки Пугачева». Поэтъ уже радовался своей удачѣ, строя въ воображеніи воздушные замки насчетъ отличій и наградъ за поимку столь важной уголовной персоны, пока пріѣзжіе яицкіе купцы не разрушили уголовно-фантастическую поэму, которую Гаврила Романовичъ сочинилъ при помощи суковатой трости, ударяя оною по головѣ и спинѣ злополучнаго бѣглаго солдата. «Первый секретарь» оказался довольно безобиднымъ пьяницей и балагуромъ.

Дворянство тоже примѣняло пытки по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ и кое-гдѣ по усадьбамъ бывали настоящіе застѣнки. Такъ, въ селѣ Рузаевкѣ, Саранскаго уѣзда, по словамъ проф. Ключевскаго, жилъ «просвѣщенный» помѣщикъ, поклонникъ великія Екатерины и даже поэтъ, у котораго въ усадьбѣ была «судебная изба». Въ ней онъ лично производилъ «судъ по формѣ суда» и если дѣло доводилось до пытки, то истязанія въ этомъ застѣнкѣ производились по всѣмъ правиламъ заплечнаго мастерства. Объ этомъ отлично знали мѣстныя губернскія власти, но никто не смѣлъ вмѣшаться въ «патріархальныя отношенія» между помѣщикомъ и крестьянами. Этотъ помѣщикъ-истязатель былъ человѣкъ просвѣщенный; имѣлъ въ своемъ имѣніи вольную типографію, въ которой, впрочемъ, печаталъ только собственныя весьма нелѣпыя стихотворенія, и умеръ, какъ говорили, отъ горести, узнавъ о смерти «великія Екатерины». Другую фигуру въ томъ-же родѣ рисуетъ г. Грибовскій *). Это—орловскій помѣщикъ Шеншинъ, владѣлецъ с. Шумова, гдѣ у него тоже былъ устроенъ застѣнокъ «со всѣми новѣйшими усовершенствованіями». Впрочемъ, по описанію, застѣнокъ этотъ ничѣмъ не отличался отъ того, какъ онъ изображенъ еще у Котошихина. Это была дыба или «виска». Къ ногамъ пытаемаго привѣшивалось бревно; палачъ нажималъ его, постепенно усиливая давленіе, и встряхивалъ. Допросы производились часто по *вымышленнымъ преступленіямъ*! Это была своего рода «игра въ

*) «Вѣстникъ Всемірной исторіи», февр. 1900 года.

пытки». Надъ женщинами производились утонченныя истязанія, соединенныя съ садизмомъ.

Безъ сомнѣнія, такихъ помѣщиковъ и такихъ застѣнковъ было не мало въ крѣпостной Руси. Имя Салтычихи осталось въ народѣ мрачнымъ символомъ крѣпостного самовластія и, конечно, маленькихъ Салтычихъ въ то время насчитывало сотнями. Быть можетъ, ярче всѣхъ этихъ разсказовъ небольшой эпизодъ чисто бытового характера, который рисуетъ въ своихъ замѣчательныхъ мемуарахъ Андрей Тимофеевичъ Болотовъ. Въ домѣ одного изъ его сосѣдей долгое время и завѣдомо всѣмъ истязали молодую дѣвушку-кружевницу, которая пыталась убѣжать въ Москву. Ее заставляли цѣлые дни работать въ особомъ ошейникѣ съ шипами, вонзавшимися въ тѣло, когда усталая голова наклонялась... Бѣдная кружевница, мечтавшая подобно чеховскимъ сестрамъ, о тогдашней Москвѣ,—такъ и умерла отъ этихъ истязаній, безъ всякихъ послѣдствій для мучителей. И только самъ Андрей Тимофеевичъ, человѣкъ по тому времени исключительно гуманный, выразилъ свой протестъ тѣмъ, что пересталъ ѣздить въ гости въ семью сихъ варваровъ...

IV.

Можно-бы ожидать, такъ сказать, a priori, что церковь во имя христіанской любви станетъ смягчать эти жестокости. Исторія говоритъ другое: самыя жестокія пытки на Западѣ примѣняла именно духовная монашеская инквизиція. Греческіе епископы требовали у своихъ духовныхъ дѣтей, кіевскихъ князей, примѣненія смертной казни, которая не была въ нравахъ славянъ (Ключевскій). Въ вопросѣ о постепенномъ смягченіи судебныхъ пытокъ оффиціальная церковь наша шла даже позади свѣтской власти. Въ монастыряхъ были и казематы, и застѣнки. Я уже приводилъ выше указаніе на грамоту холмогорскаго архіепископа Аѳанасія соловецкому архимандриту, въ которой онъ увѣщаетъ не производить пытокъ *). Кроткіе иноки не спѣшили подчиняться увѣщаніямъ, и въ 1742 году мы встрѣчаемъ новое увѣщаніе такого же рода: новгородскій епископъ Амвросій Юшкевичъ увѣщеваетъ архангельскаго епископа Варсонофія (дѣло касается опять соловецкой обители **). Очевидно, и это увѣщаніе осталось безъ результатовъ. Надо думать, что даже на екатерининскій указъ объ упраздненіи мелкихъ застѣнковъ и о передачѣ пыточныхъ дѣлъ въ губернскія и провинціальныя канцеляріи—соловецкіе иноки обратили не больше вниманія. По крайней мѣрѣ, въ 1774 году, послѣ указа, запрещающаго производить пытки

*) Колчинъ. „Русск. Стар." 1887 г. Ноябрь.
**) Чт. въ общ. Нестора лѣтоп. „Страница изъ Исторіи Екат. Ник." 891, кн. V. Ссылка на «Чт. въ Моск. О-вѣ Ист.» 1880, кн. I, 7—10.

гдѣ бы то ни было, архангельскій губернаторъ счелъ необходимымъ извѣстить объ этомъ и соловецкаго настоятеля: «Во исполненіе сего всевысочайшаго повелѣнія,—писалъ свѣтскій чиновникъ кроткому монаху,—предписавъ во всѣ вѣдомства моего присутственныя мѣста,—за должное нашелъ, *въ разсужденіи могущихъ иногда быть и въ Соловецкомъ монастырѣ такихъ дѣлъ*, сообщить о томъ вашему высокопреподобію, прося содержать оное въ строжайшемъ секретѣ». Губернатору, разумѣется, хорошо было извѣстно существованіе въ Соловецкомъ монастырѣ застѣнка, который впослѣдствіи краснорѣчиво описанъ Снѣгиревымъ. «Въ 184... году,—писалъ г. П. Б. въ цитированной уже выше статьѣ,—я два раза былъ въ Соловецкомъ монастырѣ и видѣлъ тюрьмы, описанныя Снѣгиревымъ. Въ сѣверо-западномъ углу находится башня, называемая «Корожня», въ которой въ прежнее время содержались узники. Въ нижнемъ этажѣ былъ застѣнокъ: сохранился еще крюкъ въ сводѣ, служившій, вѣроятно, для подъема на дыбу» *). Тотъ же Снѣгиревъ осматривалъ въ башняхъ Прилуцкаго монастыря въ Вологдѣ ужасные «каменные мѣшки», куда сажались арестанты. Снѣгиревъ (едва ли основательно) относитъ это сажаніе ко временамъ еще Іоанна Грознаго.

Всего лучше, быть можетъ, роль оффиціальной россійской церкви въ вопросѣ о пыточномъ варварствѣ обрисована покойнымъ К. П. Побѣдоносцевымъ. Въ своей книгѣ «Историческія изслѣдованія и другія статьи» онъ разсказываетъ, между прочимъ, что въ 1742 г. состоялось соединенное собраніе сената и синода по вопросу о смягченіи судебнаго «розыска». Рѣчь шла объ опредѣленіи возраста, съ котораго можно подвергать пыткѣ. Свѣтскіе сенаторы предлагали признавать малолѣтними всѣхъ, недостигшихъ еще семнадцати лѣтъ. Но представители правящаго россійскою церковію чернаго духовенства находили, что сенаторы слишкомъ снисходительны. Ссылаясь на то, что церковь въ нѣкоторыхъ случаяхъ дозволяетъ вступать въ бракъ (!) и ранѣе 17 лѣтъ, православные іерархи сдѣлали выводъ, что, значитъ, и съ пыткой незачѣмъ дожидаться этого возраста. Мнѣніе это взяло верхъ **) и... хотя тринадцатилѣтнихъ дѣтей ни въ какихъ уже случаяхъ женить не дозволялось,- но относительно пытокъ они до 1765 года приравнивались къ женихамъ и пытались наравнѣ съ совершеннолѣтними.

Такимъ образомъ, если въ теченіе почти четверти вѣка послѣ этого знаменательнаго собранія сената и синода въ русскихъ застѣнкахъ все еще лилась порой кровь тринадцати и четырнадцатилѣтнихъ дѣтей, то этимъ наше отечество, по компетентному указанію К. П. Побѣдоносцева,—обязано было суровой непреклонности монашествующихъ вождей оффиціальной россійской церкви...

*) Р. Архивъ, 1867, кн. 7-я.
**) К. П. Побѣдоносцевъ. „Историч. изслѣдов. и статьи". Стр. 288.

V.

Екатерина умерла. Короткое царствованіе Павла пронеслось нелѣпымъ ураганомъ—среди истязаній въ рядахъ близкой къ царю гвардіи, но мало отразившись на остальной Россіи. На престолъ вступилъ молодой императоръ Александръ I, окружившій себя на первое время молодежью, раздѣлявшей его восторженныя и «свободолюбивыя» стремленія.

Въ это время, въ Казани вспыхнула эпидемія пожаровъ, вызвавшая сильное волненіе въ народѣ. Администрація, повидимому, тоже потеряла спокойствіе, и вотъ—къ одному изъ заподозрѣнныхъ въ поджогахъ была примѣнена «тайно запрещенная» Екатериной пытка. Подсудимый, не выдержавъ мученій, призналъ себя виновнымъ, но затѣмъ взялъ это сознаніе обратно. Тѣмъ не менѣе, пыточное дознаніе было признано достаточнымъ, и приговоръ состоялся. Несчастнаго подвергли «торговой казни» и онъ умеръ подъ кнутомъ.

Повидимому, случай произвелъ глубокое впечатлѣніе, и о немъ стало извѣстно въ Петербургѣ. 27 ноября 1801 г. послѣдовалъ замѣчательный указъ сенату, который приводимъ полностью:

«Съ крайнимъ огорченіемъ дошло до свѣдѣнія моего, что, по случаю частыхъ пожаровъ въ городѣ Казани, взятъ былъ, по подозрѣнію въ поджигательствѣ, одинъ тамошній гражданинъ подъ стражу, былъ допрошенъ и не сознался, но пытками и мученіями исторгнуто у него признаніе, и онъ преданъ суду. Въ теченіи суда вездѣ, гдѣ было можно, онъ, отрицаясь отъ вынужденнаго признанія, утверждалъ свою невинность; но жестокость и предубѣжденіе не вняли его гласу—осудили на казнь *). Въ серединѣ казни и даже по совершеніи оной, тогда, какъ не имѣлъ уже онъ причины искать во лжи спасенія, онъ призвалъ всенародно Бога въ свидѣтели своей невинности и въ семъ призываніи умеръ. Жестокость толико вопіющая, злоупотребленіе власти столь притѣснительное и нарушеніе законовъ въ предметѣ толико существенно важномъ заставили меня во всей подробности удостовѣриться на самомъ мѣстѣ сего происшествія въ истинѣ онаго, и на сей конецъ отправилъ я въ Казань флигель-адъютанта моего, подполковника Альбедиля, чтобъ съ извѣстнымъ мнѣ безпристрастіемъ обнаружилъ онъ всѣ дѣла сего обстоятельства. Донесеніе его, на очевидныхъ обстоятельствахъ основанное, къ истинному сожалѣнію моему, не только утвердило свѣдѣнія, до меня дошедшія, но и удостовѣрило, что *не въ первый разъ допущены тамошнимъ пра-*

---

*) Рѣчь идетъ о „торговой казни", т. е. битіи кнутомъ или плетьми на эшафотѣ.

вительствомъ таковыя безчеловѣчныя и противозаконныя мѣры. Препровождая при семъ въ оригиналѣ донесеніе сіе и всѣ доказательства, на коихъ оно основано, повелѣваю Правительствующему Сенату, немедленно войдя въ разсмотрѣніе его, всѣхъ, кои окажутся виновными въ семъ дѣлѣ по злоупотребленію власти, какъ въ главномъ управленіи, такъ и въ исполненіи онаго, по отступленію отъ порядка въ производствѣ и ревизіи слѣдствія и суда по неуваженію его гласности и явныхъ слѣдовъ пристрастія,—судить по всей строгости и нелицепріятности закона и во отрѣшеніи подсудимыхъ отъ должности поступая по точной силѣ онаго,—на мѣста, зависящія отъ утвержденія моего, представить кандидатовъ, прочія-же наполнить достойными чиновниками по установленному порядку. Правительствующій сенатъ, зная всю важность сего злоупотребленія и до какой степени оно противно самымъ первымъ основаніямъ правосудія и притѣснительно всѣмъ правамъ гражданскимъ, не оставитъ при семъ случаѣ сдѣлать повсемѣстно по всей Имперіи строжайшія подтвержденія, чтобы нигдѣ, ни подъ какимъ видомъ, ни въ высшихъ, ни въ низшихъ правительствахъ и судахъ,—никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допущать, ни исполнять никакихъ истязаній, подъ страхомъ неминуемаго и строгаго наказанія; чтобъ присутственныя мѣста, коимъ закономъ предоставляется ревизія дѣлъ уголовныхъ, во основаніе своихъ сужденій и приговоровъ полагали личное обвиняемыхъ передъ судомъ сознаніе, что въ теченіи слѣдствія не были они подвержены какимъ либо пристрастнымъ допросамъ, и чтобъ, наконецъ, самое названіе пытка, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее,—изглажено было навсегда изъ памяти народной» *).

Трудно, быть можетъ, найти другой актъ, въ которомъ чувства, одушевлявшія «дней александровыхъ прекрасное начало», сказались-бы съ бо́льшей выразительностью и силой. Каждое слово какъ будто проникнуто одушевленіемъ, негодованіемъ и печалью. Юный монархъ, еще до глубины души потрясенный своимъ воцареніемъ послѣ насильственной смерти отца,—искалъ нравственной опоры въ стремленіяхъ къ высшей правдѣ, человѣчности и счастью своего народа. Это была короткая, но прекрасная идиллія просвѣщеннаго и благожелательнаго самодержавія. Ни противорѣчія въ самомъ характерѣ Александра I-го, ни утопизмъ его стремленій, ни трезвая проза управленія огромнымъ полу-азіатскимъ государствомъ—еще не успѣли вскрыться,—и казанское варварство стало лицомъ къ лицу съ гуманнымъ одушевленіемъ царя и его приближенныхъ. Флигель-адъютантъ Альбедиль, вѣроятно, тоже раздѣлялъ прогрессивныя идеи тогдашняго общества,—и въ его докладѣ кровавая нелѣпость всей этой исторіи встала въ ея настоящемъ неприкрашен-

*) Р. Архивъ, 1887 г., кн. IV. Полное Собр. Зак. 20222.

номъ видѣ. Пыточная рутина была поставлена на очную ставку съ просвѣщенными взглядами вѣка.

Въ указѣ прямо говорится, что провинціальнымъ «правительствомъ не въ первый разъ допущены таковыя безчеловѣчныя и противозаконныя мѣры»... Самое явленіе было, значитъ, не ново. Ново и свѣжо было отношеніе къ нему молодого правительства. Тайный указъ Екатерины выдохся, и жизнь притерпѣлась къ тому, что власти вновь пытаютъ, какъ въ старинныхъ приказахъ, не скрывая этого даже въ офиціальныхъ отчетахъ. И вдругъ съ высоты престола заявляется всенародно, что пытка есть злоупотребленіе, «противное самымъ основаніямъ правосудія и притѣснительное правамъ гражданскимъ». Еще робкіе и «весьма секретно» издававшіеся указы Екатерины, покрытые пылью въ архивахъ,— теперь встаютъ изъ забвенія, окруженные грозой репрессіи: казанская администрація отдана подъ судъ и разсѣяна, мѣста истязателей «наполнены достойными чиновниками», готовыми слѣдовать новымъ началамъ правосудія. Передъ подсудимыми не только не скрываютъ, что пытка запрещена, но отъ нихъ требуютъ удостовѣренія, что слѣдствіе производилось безъ истязаній.

Все это направляется къ тому, «чтобы самое слово *пытка*, позоръ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было изъ памяти народной».

Со времени этого указа прошло сто десять лѣтъ... Въ какой мѣрѣ это пожеланіе Александра I-го, высказанное на зарѣ XIX вѣка осуществилось къ началу XX-го,—это мы, быть можетъ, увидимъ въ слѣдующихъ очеркахъ.

Вл. Короленко.

Маленькая исторія.

Разсказъ.

I.

Долго все вокругъ было ново для Степы.

Въ окно его глядѣло горбатое, бѣлое поле. Утромъ, когда онъ вставалъ, едва алѣло вдали надъ темною лѣсною лентой. Онъ видѣлъ растущую розоватую, трепетную дымку въ снѣгахъ, упрямые осколки ночи подъ загорѣвшимися буграми.

Потомъ онъ пробирался по краю поселка, вдоль схожихъ между собою домовъ-малютокъ, навстрѣчу громовому гудѣнію завода. Въ полѣ уже смѣялся освобожденный снѣгъ. Ноги проваливались на каждомъ шагу, морозъ жесткой, шероховатой рукою гладилъ лицо.

Впереди чернѣли заводскія окна. Но пока онъ туда доходилъ, въ короткія минуты онъ успѣвалъ впитать въ себя волнующую красоту, радость зимняго утра.

Степа любилъ это поле. Оно сверкало, мѣнялось, врываясь въ его дни причудливой жизнью красокъ. Оно обволакивало смѣющимся туманомъ его мысли. Порою онъ вспоминалъ: о городѣ, отъ котораго его теперь отдѣляли пять мѣсяцевъ заводской службы, о милой безалаберной жизни студента... Порою—и тогда эти минуты казались всего дороже—онъ ловилъ въ себѣ лишь одно огромное ощущеніе свѣта, простора и того, что ему легко дышется.

Такъ было сегодня. Подходя къ закоптѣлому зданію заводской конторы, онъ улыбался, размахивалъ руками, насвистывалъ какой то бравурный мотивъ. Въ немъ еще дрожало опьяненіе утра.

Взглянувъ на часы, онъ увидѣлъ, что опоздалъ. Но это словно не дошло до его сознанія. Онъ неторопливо раздѣлся, пріятельски поздоровался со сторожемъ.

Прошмыгнувшій мимо конторщикъ крикнулъ:

— Заспались, господинъ Батуринъ!

— А вы, какъ видно, и посейчасъ спите,—пустилъ Степа ему въ догонку и сталъ демонстративно медленно отсчитывать ступеньки крутой, грязной лѣстницы. И постепенно падало очарованіе, глаза тускнѣли; голова сама собой уходила въ плечи, и онъ уже имѣлъ усталый, покорный обликъ.

— Батуринъ, подождите!—послышалось сзади вмѣстѣ съ тяжелыми догоняющими шагами. Чья то рука просунулась подъ его локоть.

Это былъ Челышъ, служащій по хозяйственной части, человѣкъ толстый, поношенный, видавшій виды. Степа, чуть обернувшись, натянуто улыбнулся.

Челышъ ожесточенно пыхтѣлъ.

— Уфъ! Дай-ка, милка, отдышаться. Не бѣгите. Знаете... вѣдь я васъ еще съ горки увидѣлъ. Идетъ это такъ весело, въ припляску, словно крылышки за плечами. Думаю: вѣрно, наслѣдство отъ тетушки получилъ. Вы вѣдь разъ проговорились, что у васъ есть богатая тетушка. Я и помчался, чтобы другіе не перехватили. Народъ тутъ быстрый. Слушайте, мнѣ вѣдь, ей-Богу, немного: тыщенки полторы...

Степа нетерпѣливо дернулъ головою.

— Ну, какъ вамъ не надоѣло, Георгій Тимофеевичъ?

— А что?

— Да, вотъ, изощряться въ остроуміи. Неужели ничего нѣтъ интереснѣе?

Челышъ грузно повисъ на его рукѣ.

— Такъ не дадите? Скаредъ! Это въ награду за мою дружбу. Впрочемъ, вы правы... У меня есть кое что занятнѣе.

И, придавъ своему лицу таинственность, Челышъ пригнулся къ самому его уху.

— Слыхали, какъ нашъ принципалъ вчера отличился?

— Нѣтъ, ничего не слыхалъ.

— Странно. Уже весь заводъ знаетъ. Ну, да вѣдь вы не отъ міра сего. Такъ, вотъ, я вамъ доложу: смазалъ по физіономіи Антонова его же чертежами. У себя въ кабинетѣ... Да еще какъ,—на глазахъ у четверыхъ мастеровыхъ. Онъ ихъ одновременно вызывалъ. Антоновъ, понятно, ни гу-гу. А тѣ, подлецы, рады почесать языки.

Степа поблѣднѣлъ, пріостановился.

— Неужели правда?.. Вотъ хамъ! А какъ же Антоновъ?

— Да вотъ мы узнаемъ. Я, собственно, затѣмъ и иду.— Челышъ игриво подтолкнулъ его локтемъ.—Любопытно, знаете, посмотрѣть на битаго человѣчка.

— Для чего? Что вы гадости говорите!

— Красная дѣвица. Для чего глядѣть? Во первыхъ, для

того, чтобы испытать удовольствіе, что не тебя побили. Это ясно.

— Это вамъ ясно,—огрызнулся Степа.

— А во вторыхъ... ну тамъ, потолковать, пожалѣть. Это тоже имѣетъ свою пріятность.

Глаза Степы расширились.

— Вотъ что, Георгій Тимофеевичъ,—шутки въ сторону! Иначе я съ вами не стану разговаривать.

Челышъ обнялъ его за плечи.

— Ну, ну. Уже разсердился. Больше не буду.

— Видите ли... это дѣло, по моему, достаточно серьезно...— Лицо Степы, дѣтски открытое и свѣтлое, сдѣлалось сразу сосредоточенно-важнымъ:—...Достаточно серьезно. Повѣрьте, его бы надо обсудить всѣмъ вмѣстѣ, всѣмъ товарищамъ Антонова. Вы то какъ думаете?

— Ничего не имѣю противъ. Люблю милую компанію.

— Такъ вотъ,—Степа недовѣрчиво заглянулъ въ смѣшливые глаза Челыша,—надо намъ выработать форму коллективнаго протеста.

Челышъ комически замахалъ руками.

— Тсс!.. Не такъ громко. Протеста? Вы, я вамъ доложу, изобрѣтатель. Впрочемъ...—онъ глубокомысленно потеръ лобъ,—что жъ, давайте протестовать. То есть... пока еще не протестовать, а, какъ вы изволили выразиться, вырабатывать. Словомъ, соберемся, а тамъ, какъ Богъ на душу положитъ. Не мѣшаетъ и выпить за успѣхъ нашего предпріятія... и для бодрости. Сегодня, у меня,—ладно?

Они уже были на площадкѣ четвертаго этажа, передъ угрюмымъ, полутемнымъ коридоромъ, ведущимъ въ чертежную.

— Вы серьезно говорите?—спросилъ Степа.—Съ вами, положительно, не знаешь...

— Серьезнѣй серьезнаго, милка. На этотъ разъ ужъ вы мнѣ повѣрьте. Только вотъ одно... маленькое обстоятельство.

— Напримѣръ?

— Вѣжливость требуетъ—я думаю вы со мною согласитесь,—спросить разрѣшенія у потерпѣвшаго.

— Я васъ не понимаю. По вашему, выходитъ, будто онъ весьма доволенъ.

Челышъ загадочно усмѣхнулся.

— Увидимъ.

II.

Нерѣдко тоскливое ощущеніе неволи пронизывало Степу, когда онъ входилъ въ чертежную. Точно его тюрьмою была эта несвѣтлая, запыленная комната съ окнами, замазанными до половины, чтобы не развлекались служащіе.

Ихъ было трое здѣсь, не считая Степы. Тусклыя лица съ прячущейся злостью, съ печатью пройденной жизни. Онъ одинъ среди нихъ еще сохранилъ свѣжія краски, ищущіе глаза, звенящій голосъ. Сгибаясь изо дня въ день надъ одними и тѣми же чертежами, онъ не умѣлъ угрюмо молчать, какъ другіе. Работа не убивала въ немъ болтливости и подвижности избалованнаго ребенка.

Иногда, утомившись, онъ влѣзалъ на подоконникъ, чтобы заглянуть наружу, поверхъ забѣленныхъ стеколъ. Оттуда виднѣлись рабочіе домики, разбѣжавшіеся по снѣгу, и за ними волнистая, сверкающая даль поля. Когда, черезъ минуту, онъ опускался на свое мѣсто, у него бывало чужое лицо и странно ожившіе, отсутствующіе глаза. „Человѣкъ со свѣжаго воздуха",—такъ сразу окрестилъ его Челышъ.

Всѣ уже были въ сборѣ. Антоновъ, опустивъ свѣтлую курчавую голову, что то усиленно подчищалъ резинкой.

Степа направился къ своему столу, смежному со столомъ Антонова. Сѣлъ, снялъ бумагу съ чертежа, аккуратно сложилъ ее.

— Здравствуйте, Иванъ Алексѣичъ!

Тотъ поднялъ на него спокойные водянистые глаза.

— Наше вамъ! А вы не рано. Благодарите Боженьку, что американецъ сюда еще не заглядывалъ. Онъ гдѣ то близко. Слышно было, какъ бурчалъ въ коридорѣ.

„Американцемъ" прозвали директора за его необыкновенную стремительность и вездѣсущіе.

Степу поразило хладнокровіе Антонова. Не басня ли вся эта исторія съ оплеухой? Онъ бросилъ вопрошающій взглядъ въ сторону Челыша, который, у другого окна, нагнувшись и упершись руками въ колѣни, что то шепталъ маленькому черному Шлинде. Шлинде дрожалъ отъ мелкаго, стариковскаго смѣха, а третій чертежникъ, Пазуховъ, всѣмъ туловищемъ залѣзъ на столъ и, вытянувъ гусиную шею, напряженно слушалъ.

„Опять какая нибудь сальность",—гадливо подумалъ Степа и отвернулся.

Антоновъ теребилъ бѣлобрысый усъ и, скосивъ глаза, меланхолически разглядывалъ его кончикъ. Степу толкнуло

любопытство. Неужели Челышъ такъ-таки совралъ? Однако, чего ради ему врать?

— Иванъ Алексѣичъ,—началъ онъ неувѣренно, подыскивая подходящія выраженія,—надѣюсь, вамъ это не покажется... страннымъ. Я считаю своимъ долгомъ выразить вамъ свое сочувствіе по поводу...

— Чего?—оборвалъ Антоновъ.

Глаза его злобно сверкнули, съ плоскаго лица сошла краска. Но вдругъ, уловивъ насмѣшливый взглядъ Челыша, онъ густо покраснѣлъ и опустилъ голову.

Степа сконфузился. Онъ теперь негодовалъ на себя за свое, какъ ему казалось, неуклюжее выступленіе. „Богъ съ нимъ, съ Антоновымъ. Въ концѣ концовъ, его дѣло. Поставить бы себя на его мѣсто".

Въ это время Челышъ, съ непостижимой для его комплекціи легкостью, перепорхнулъ къ нимъ и положилъ руку на согнувшееся плечо Степы.

— Ну что, договорились?

Степа растерянно взглянулъ на него, потомъ на Антонова, и съ удивленіемъ замѣтилъ, что тотъ улыбается.

— Что же вы не отвѣчаете? Антоновъ то далъ согласіе, или нѣтъ?

— Прежде всего здравствуйте.—Антоновъ, видимо, вполнѣ совладавшій съ собою, спокойно протягивалъ руку.—А потомъ, будьте такой добренькій—объясните: на что я долженъ давать согласіе?

— Какъ на что?—повторилъ Челышъ, притворяясь изумленнымъ, и повернулся къ Степѣ.—Такъ значитъ, почва еще не подготовлена. Эхъ, Батуринъ, не ожидалъ я отъ васъ! Мое благословеніе, а вашъ починъ.

Степа пожалъ плечами.

— Никуда вы не годитесь,—отчеканилъ Челышъ.—Такъ и быть, возьму на себя. Видите ли, Антоновъ... какъ бы это выразиться попоржественнѣе? Во избѣжаніе повторенія подобной исторіи, что съ вами случилась, ну, и потомъ, натурально, изъ общечеловѣческихъ соображеній... Фу ты, чортъ, даже въ потъ ударило отъ паѳоса! Словомъ, слушайте: мы рѣшили сообща протестовать, для чего...—онъ возвысилъ голосъ и поднялъ палецъ передъ носомъ Антонова, который открылъ было ротъ для возраженія,—для чего соберемся сегодня вечеркомъ у меня. Ну, и обсудимъ. Поняли?

Антоновъ отвѣчалъ тихо, моргая глазами:

— Я то понялъ, но просилъ бы васъ не дѣлать этого. Такіе пустяки. Я даже не подозрѣвалъ, что вы знаете. Предоставьте ужъ мнѣ...

Челышъ весело подмигнулъ не то Степѣ, не то Антонову.

— Ладно, ладно. Мы это все обсудимъ. Итакъ, милости просимъ, господа.

Онъ направился къ выходу, но тутъ внезапно отскочилъ въ сторону, юмористически вытянулся, какъ школьникъ, и послалъ товарищамъ предостерегающую гримасу.

На весь коридоръ прогудѣлъ знакомый голосъ:

— Это не работа... Я вамъ говорю: это не работа, а чортъ знаетъ что.

Длинная, сухая фигура директора завода выросла на порогѣ чертежной. Сзади виднѣлся въ почтительной позѣ выжиданія завѣдующій техническимъ бюро, сѣденькій балтійскій нѣмецъ.

Четверо чертежниковъ поднялись со своихъ мѣстъ. Таковъ былъ одинъ изъ заводскихъ „неписанныхъ законовъ", долгое время коробившихъ Степу. Стоя, всѣ они продолжали работать или, по крайней мѣрѣ, дѣлали видъ, что заняты.

„Американецъ" налетѣлъ на Челыша.

— Вы почему здѣсь?

Тотъ, пользуясь привилегіей стараго служаки, посмотрѣлъ прямо въ его холодные высматривающіе глаза.

— Справлялся у Шлинде на счетъ размѣра трубъ для новой котельной.

Онъ сразу увидѣлъ, что директоръ ему не вѣритъ, и эта безпомощная недовѣрчивость во взглядѣ начальника почти развеселила его.

— Не будетъ ли отъ васъ какихъ нибудь распоряженій?

— Можете не безпокоиться. Я самъ приду.

Челышъ поклонился и шмыгнулъ въ коридоръ.

Директоръ подошелъ къ Степѣ.

— Вотъ что... Батуринъ!

Мутная волна ударила Степѣ въ голову. Сверкнуло: „устроить демонстрацію, сказать, что не желаю съ нимъ разговаривать"...

Вмѣсто этого вырвалось:

— Слушаю.

Въ слѣдующее мгновеніе лицо Степы болѣзненно передернулось. „Трусъ"—обругалъ онъ себя, но тотчасъ же утѣшился мыслью, что и въ этомъ „слушаю" прозвучало презрѣніе.

— Вы сегодня опять опоздали.—„Американецъ" смотрѣлъ и говорилъ непривычно мягко.—Я васъ цѣню, какъ работника, и мнѣ крайне непріятно дѣлать вамъ замѣчанія. Пожалуйста, избавьте меня отъ этого. Затѣмъ вотъ что: примите отъ Антонова разсчеты и чертежи печей. Съ завтрашняго дня принимайтесь за нихъ. Фридрихъ Ивановичъ

вамъ дастъ указанія.—И, обернувшись къ Антонову, онъ прибавилъ почти ласково:—А вы свободны.

Точно какая то тяжесть навалилась на Степу. „Отказаться“? Онъ оглянулся. Шлинде и Пазуховъ какъ будто ничего и не слышали. Поддержатъ ли они его? А самъ Антоновъ?

Тотъ такъ и застылъ съ резинкою въ рукѣ, опустивъ голову, словно собирался съ мыслями, оцѣнивалъ свое положеніе.

Директоръ повторилъ на этотъ разъ сухо:

— Вы свободны. Завтра въ конторѣ получите разсчетъ.

III.

Много неласковыхъ мыслей бередило голову Степы, когда онъ, около полудня, возвращался домой, къ обѣду.

Онъ ожесточенно бранилъ себя за отсутствіе гражданскаго мужества, откапывалъ въ себѣ бездну разныхъ пороковъ, жаловался самому себѣ, что онъ опускается, перестаетъ быть человѣкомъ, что его заѣдаетъ затхлая заводская среда. Сослуживцы казались ему теперь какими то пугалами. Неужели онъ когда-нибудь дойдетъ до такой полной потери самоуваженія, какъ Антоновъ? Или какъ Шлинде, который могъ еще отпускать мерзѣйшія шутки по адресу Антонова, когда тотъ ушелъ? Какъ Челышъ, испытывающій своеобразное удовольствіе при видѣ побитаго товарища? Впрочемъ! Челышъ не совсѣмъ такой, какъ другіе. Кто его разберетъ, Во всякомъ случаѣ, онъ человѣкъ неглупый, начитанный. Между двумя бутылками онъ не прочь и потолковать серьезно. А остальные...

Степа тоскливо усмѣхнулся.

Неожиданно вынырнула фраза, которую ему кинулъ Пазуховъ по уходѣ директора: „можно васъ поздравить съ успѣхомъ“. Теперь ему стало казаться, что Пазуховъ намекнулъ этимъ якобы на его причастность къ удаленію Антонова. Эта мысль заставила его содрогнуться. А что, если товарищи подозрѣваютъ съ его стороны какую нибудь интригу? Онъ самъ далъ этому поводъ, безпрекословно принявъ разсчеты и чертежи Антонова и скушавъ директорскій комплиментъ.

„Трусъ! Опустившійся, жалкій человѣкъ!“ бранилъ себя Степа.

Милая солнечная дорога отъ завода къ дому прошла на этотъ разъ незамѣченной. Онъ шагалъ быстро и напряженно, смотря все время внизъ на ползущія передъ нимъ двѣ вѣжія санныя колеи.

Почернѣвшій деревянный домъ, въ которомъ онъ жилъ, торчалъ на самомъ краю поселка, дразня своими тремя этажами миніатюрныхъ сосѣдей.

Наверху, какъ всегда, Степѣ отворила сама хозяйка. Это была молодая свѣтловолосая нѣмка, вполнѣ обрусѣвшая, но сохранившая чисто нѣмецкую добродѣтельную игривость. Мужъ ея укатилъ въ отпускъ, куда то подъ Ревель, и она осталась одна съ матерью, съ ребятами и съ жильцомъ—Степой.

Открывъ дверь, она всегда какъ то особенно склоняла на бокъ головку, улыбалась и прищуривала голубоватые, выпуклые глаза, удивленные, какъ у дѣвочки.

— Здравствуйте, Степанъ Андреичъ,—произносила она нараспѣвъ.—Какъ себя чувствуете?

Степа, во всякомъ случаѣ, чувствовалъ себя кавалеромъ. Онъ галантно раскачивалъ туловище и, задержавъ ея маленькую, огрубѣвшую отъ домашнихъ работъ руку, почтительно, чуть усмѣхаясь, прикладывался къ ней губами. Нѣмочка, въ своемъ свободномъ утреннемъ одѣяніи, производила на Степу нѣкоторое впечатлѣніе. И при томъ она явно съ нимъ заигрывала...

Сегодня все повторилось по прежнему, но Степа уже не улыбался, цѣлуя ея руку.

Въ ожиданіи обѣда, онъ прошелъ къ себѣ, умылся и, закуривъ папиросу, сѣлъ спиною къ окну, на подоконникъ. По сосѣдству гнусливо заплакалъ ребенокъ. Степа поморщился, всталъ, прошелся по комнатѣ, потомъ опять подошелъ къ окну. Хотѣлось отдохнуть, не думать. И онъ сталъ смотрѣть внизъ, на поле.

И странное чувство овладѣло имъ. Это было смутное ощущеніе близости чужой, огромной, загадочной жизни. Чудилось, будто поле дышало. Въ немъ не было теперь ни утренней ласковости, ни робости молодыхъ красокъ. Спокойная, властно-яркая, миріадами огней горѣла снѣжная даль. Полуденная бѣлизна смыла всѣ неровности, всѣ морщины, и даже далекое черное лѣсное кольцо казалось обманомъ.

Степа чувствовалъ, какъ эта живая, бѣлая волна вливается въ него, смывая тусклыя мысли и ласково холодя.

Мелодичный призывъ хозяйки вернулъ его къ дѣйствительности.

— Степа-анъ Андреичъ, ку-ушать!

Онъ нехотя оторвался отъ окна и, пошатываясь, словно спросонья, вышелъ въ столовую.

Обѣдъ въ обществѣ хозяйки и ея матери, полуглухой, молчащей, сжавшейся старухи проходилъ мирно, скучно и

не по россійски быстро. Вначалѣ Степѣ словно чего то недоставало. Онъ съ грустью вспоминалъ студенческіе обѣды въ товарищеской квартирѣ, гдѣ онъ жилъ еще такъ недавно, обѣды, бѣдные содержимымъ, но за то обильно приправленные шумомъ, спорами и подчасъ бранью. Невольно онъ растягивалъ послѣдніе глотки кофе, пытаясь разговорить, заинтересовать, наконецъ, чѣмъ нибудь обезпокоить хозяйку, чтобы она осталась подольше. Но съ неизмѣнной милой улыбкой она извинялась и ускользала къ дѣтямъ. У нея было двое маленькихъ, крикливыхъ созданій, заполнявшихъ, вмѣстѣ со стряпнею, уборкою комнатъ и стиркой, всю ея жизнь.

Степа теперь уже не пытался нарушать дѣловую торопливость этихъ обѣдовъ. Обыкновенно онъ поднимался изъ за стола еще раньше хозяйки и уходилъ къ себѣ, дотягивать свой полуденный отдыхъ.

Въ его образѣ жизни произошла небольшая, но характерная перемѣна. Прежде послѣобѣденное время уходило у него на чтеніе. Книги свои ему пришлось сбыть передъ отъѣздомъ изъ города, но все же кое что у него осталось: нѣсколько учебниковъ, два-три популярныхъ техническихъ руководства, разрозненные томы Горькаго и, наконецъ, грошевые самоучители иностранныхъ языковъ, за которые онъ много разъ принимался, но всегда одинаково безплодно. Теперь онъ вообще крайне рѣдко притрогивался къ книгамъ, оттого ли, что все уже успѣлъ высосать изъ своей маленькой библіотеки, или просто отъ какой то растущей апатіи.

Какъ то усталый и недовольный собою, не зная больше, чѣмъ занять время, Степа прилегъ на кровать и проспалъ весь послѣобѣденный часъ. Теперь это стало привычкой. Иногда онъ старался себѣ внушить, что распускаться опасно. Что то старое, отъ прежняго Степы-студента, протестовало въ немъ, и тогда онъ свирѣпо шагалъ по комнатѣ, борясь съ сонливостью и съ тоскою.

Сегодня сонливость подкралась еще во время обѣда. Степа едва дождался конца и потомъ съ облегченіемъ рухнулъ на свою аккуратно прибранную постель. Не было уже тревожныхъ мыслей, и онъ заснулъ быстро, какъ ребенокъ.

Заводскій гудокъ его разбудилъ. Онъ сразу поднялся, протеръ глаза и, хмурый, захмѣлѣвшій отъ сна, вышелъ изъ комнаты. Задумчиво, неуклюже одѣваясь, онъ, по привычкѣ, прошелъ въ столовую посмотрѣть на своеобразное зрѣлище, открывавшееся въ эту пору изъ ея оконъ.

Окна столовой глядѣли черезъ крыши и дворы призе-

мистыхъ сосѣдей на широкую пустую полосу поля, раздѣлившую два крыла селенія, на застывшую на бѣломъ холмѣ долговязую колокольню и на поблекшій голубой куполъ церкви въ кружевѣ безлистныхъ деревьевъ. Справа виднѣлись прилѣпившіеся къ отлогому снѣжному скату хилые домишки, немного повыше уголъ кирпичной ограды, и за нею—если подойти вплотную къ окну—высокая заводская труба.

Заводъ гудѣлъ протяжно и мрачно, и пустая бѣлая полоса, изрѣзанная колеями и тропками, мало-по-малу оживала. Съ разныхъ концовъ поселка, сначала поодиночкѣ или рѣдкими группами, потомъ все чаще и гуще, шли черезъ поле по снѣгу темныя, однообразно скроенныя фигурки. Солнечный снѣгъ ярко очерчивалъ всѣ ихъ движенія и жесты. Казалось, вотъ-вотъ услышишь сквозь окна далекій многоголосый говоръ.

Много ихъ было. Уже сплошныя черныя пятна ползли по полю и, сгущаясь, дѣлясь, мѣняя форму, завоевывали бѣлую гладь.

Степа не могъ себѣ объяснить, что его такъ завлекало, точно околдовывало въ этой картинѣ: быть можетъ, ея величавая обыденность, неизмѣняемость, то, что изо дня въ день властный голосъ завода воскрешалъ ее въ однихъ и тѣхъ же размѣрахъ, съ тою же силою жизни; быть можетъ, причудливость сочетанія холодной гармоніи снѣга со слѣпымъ, массовымъ движеніемъ, напоминающемъ о шумѣ, нестройныхъ крикахъ, рыданіяхъ и смѣхѣ.

По пути на заводъ Степа съ грустью вспоминалъ свои недавнія мечты сблизиться съ рабочими, войти въ эту загадочную, тяжелую массу, которая долго въ его глазахъ была окружена ореоломъ. Раньше ему казалось, что служба на заводѣ, жизнь въ поселкѣ бокъ-о-бокъ съ тысячами рабочихъ,—все складывалось въ пользу сближенія. Къ первымъ попыткамъ его толкнуло острое недовольство тою средой, въ которую онъ попалъ, и отвратительный чадъ отъ ежедневныхъ столкновеній съ новизною заводской жизни. Но неудача была слишкомъ очевидна. Онъ встрѣтилъ лишь холодную недовѣрчивость, граничившую съ презрѣніемъ.

И Степѣ начинало казаться, что онъ попалъ въ какой-то обособленный заплѣсневѣлый мірокъ, откуда нѣтъ возврата.

IV.

Челышъ занималъ отдѣльный уютный домикъ изъ трехъ небольшихъ комнатъ. Онъ былъ одинокъ и жилъ только съ прислугой, кроткой, миловидной дѣвушкой, выписанной имъ изъ сердца Малороссіи. Относительно роли этой дѣвушки ходили вполнѣ опредѣленные слухи, однако самъ хозяинъ не допускалъ на этотъ счетъ никакихъ игривыхъ намековъ. Разсказывали, между прочимъ, что конторщикъ Палевичъ, юноша, падкій до бабъ, былъ жестокимъ образомъ выставленъ за какую-то пустяшную пьяную выходку по отношенію къ ней.

На досугѣ, то есть между работой, пьянствомъ и картами, Челышъ почитывалъ. Заходившіе къ нему,—а къ нему почти ежедневно кто-нибудь да заходилъ—заставали его нерѣдко съ книжкою на колѣняхъ, въ очкахъ, совершенно преображавшихъ его широкое, одутловатое лицо. Очки и самая его поза старили его лѣтъ на двадцать, и онъ со своими длинными бѣлокурыми усами, погрузившійся въ большое допотопное кресло, казался дѣдушкой.

Степа пришелъ къ нему раньше всѣхъ. Дома ему не сидѣлось, росла безформенная тоска, и онъ чувствовалъ необходимость встряхнуться какъ можно скорѣе.

При входѣ его Челышъ поднялъ голову, снялъ очки, и лицо его тотчасъ освѣтилось улыбкой.

— Эге! — произнесъ онъ, откладывая книгу на столъ и вставая.—Вотъ это вы хорошо сдѣлали, милка, что пришли пораньше. Потолкуемъ. Кстати вы мнѣ поможете по хозяйству.

Степа присѣлъ къ столу и сталъ машинально, не глядя перебирать кипу иллюстрированныхъ журналовъ.

— По какому хозяйству я вамъ долженъ помочь?

— По какому? А по бутылочному, милка. Пива, Гася!— скомандовалъ Челышъ, пріотворивъ дверь въ переднюю.

Гася вошла съ застѣнчивой улыбкой на тонкомъ личикѣ. Ставя на столъ бутылки и стаканы, она задержала на Степѣ дѣтски любопытный взглядъ и быстро, словно спохватившись, вышла.

— Скажите на милость,—снова заговорилъ Челышъ,—чего вы такъ насупились? Обдумываете громовую рѣчь на нашемъ сегодняшнемъ митингѣ? Плюньте. Не мечите бисера.

Степа взглянулъ на него страдальчески.

— Вы опять смѣетесь, Георгій Тимофеичъ. А между тѣмъ я имѣлъ въ виду поговорить съ вами серьезно. Мнѣ

казалось, что только и есть одинъ человѣкъ на заводѣ, съ которымъ стоитъ говорить...

Челышъ выпрямился, весело крякнувъ.

— Лестно! Однако, и недотрога же вы—ой, ой! Но вы не ошиблись. Если вамъ такъ хочется, я сію же минуту сдѣлаюсь серьезенъ.

Онъ напыжился и прибавилъ солидно, какъ начинающій адвокатъ:

— Итакъ, я васъ слушаю.

Степа съ трудомъ удержалъ набѣгавшую улыбку.

— Вы, конечно, уже знаете, что Антоновъ разсчитанъ?

— Ужъ мнѣ-то не знать!

— И что директоръ офиціально передалъ его работу мнѣ?

— И объ этомъ слышалъ. Но это не такъ важно.

— Нѣтъ, какъ разъ это-то и важно для меня.—Степа придвинулся ближе.—Видите ли... я не нашелъ въ себѣ достаточно силы, чтобы отказаться сразу отъ этой чести. Я въ этомъ себя страшно виню. И мнѣ кажется... можетъ быть, это происходитъ отъ моего тоскливаго настроенія,—мнѣ кажется, товарищи могутъ на основаніи этого предположить, будто я самъ добивался удаленія Антонова, будто съ моей стороны было нѣчто вродѣ интриги. Напримѣръ, самъ Антоновъ...

Челышъ прервалъ его, торжественно поднимая стаканъ.

— За ваше здоровье, милка! Одно я вамъ скажу: счастье ваше, что вы не дѣвица. А то вамъ было бы опасно оставаться со мною съ глазу на глазъ.

— Не паясничайте, Бога ради,—сказалъ Степа съ раздраженіемъ.

— Ничуть. Я говорю только, я бы въ васъ влюбился. Отъ васъ такъ и пышетъ невинностью. А невинность,—вѣрите ли,—всегда возбуждала во мнѣ одно самоотверженное желаніе—просвѣтить. Ха, ха!..

Степа промолчалъ. Можетъ быть, онъ заслужилъ это издѣвательство. Право, онъ иногда бываетъ ребенкомъ.

— Повѣрьте,—продолжалъ Челышъ,—вся эта исторія гроша ломаннаго не стоитъ. Хлопотъ вамъ изъ-за нея особенныхъ не будетъ, исключая развѣ хлопоты по истребленію напитковъ. Пари держу, что все это окончится къ общему удовольствію.

Степа равнодушно улыбнулся и потянулся за книгой, которую до его прихода читалъ Челышъ.

— Возможно. Мнѣ здѣсь, дѣйствительно, на каждомъ шагу приходится просвѣщаться. Что это? Батюшки, Майнъ-Ридъ!

— Матушки, какой ужасъ!—передразнилъ его Челышъ.— Вы же знаете, что я существо легкомысленное, не смотря на свой почтенный возрастъ. Люблю то, что мягко называется фантазіей. Она такъ сладко затуманиваетъ... Однако, вернемтесь къ дѣйствительности.

Онъ погладилъ обѣими руками свои пушистые усы.

— Дѣло въ томъ, что вы все-таки не должны упускать изъ виду повода нашего сегодняшняго собранія. Цѣль, предположимъ, для васъ протестъ, для другихъ—выпивка, но поводъ остается одинъ—то, что побили физіономію Антонову. Мы, пьяницы, разсуждаемъ такъ: всякое событіе, выходящее за кругъ обыденной жизни, должно быть спрыснуто, съ какой бы мы стороны къ нему ни подходили. Одинъ я пить не люблю, а если безъ всякаго основанія устраивать попойки—ни голова, ни карманъ не выдержатъ. Поводъ нуженъ, и внѣшность должна быть соблюдена. Вотъ я и уцѣпился за вашъ проектъ протестовать. Надо его, во всякомъ случаѣ, поддерживать, хотя бы для прилику. А то будетъ имѣть видъ, будто мы собрались отпраздновать мордобитіе.

— Если судить по вашимъ словамъ, то такъ и выходитъ.

— Ничуть. Мнѣ отъ этого событія ни жарко, ни холодно. Съ чего же я буду праздновать! А что есть поводъ выпить да потолковать, такъ это, я думаю, всѣ рады, не исключая и Антонова.

Степа вскочилъ съ мѣста, краснѣя отъ негодованія.

— Вы говорите—рады?.. И онъ радъ?

— Конечно,—спокойно замѣтилъ Челышъ.—Тише, милка, не убивайте. Я еще пригожусь.

— Радъ! Хороша ему радость, нечего сказать. Васъ бы на его мѣсто. Побили да еще выгнали, какъ собаку. Ну, онъ человѣкъ слабый, не могъ отвѣтить... Но вѣдь товарищеское чувство у насъ должно быть, надо же за него вступиться. Наконецъ, просто на просто чувство уваженія къ человѣческой личности...

А Челышъ, между тѣмъ, ласково ухмыляясь, кивалъ головой.

— Такъ, такъ. Вотъ это вы вѣрный тонъ взяли. Митинговая рѣчь. Сколько гражданскаго пылу! Вотъ такъ съ ними и поговорите, тресните ихъ по дубовымъ башкамъ. Посмотримъ только, что изъ этого выйдетъ. А для прилику всетаки надо. Поэтому, пока я вамъ и не хочу сказывать коекакія мои соображенія. А то вдругъ главный иниціаторъ откажется отъ своей роли,—куда же къ чорту будетъ годиться наше идейное собраніе!

Степа тяжело зашагалъ по комнатѣ.

— Пожалуйста,—бросилъ онъ гордо.—Можете вашихъ соображеній мнѣ не сообщать. Отъ своей роли я, дѣйствительно, не откажусь, но ужъ это по своимъ соображеніямъ. Не будь этого, меня бы здѣсь не было.

Челышъ представился обиженнымъ. Онъ сгребъ свои усы въ одну руку, опустилъ ихъ внизъ, вдоль подбородка, потомъ немного сгорбился, наклонилъ голову и глянулъ исподлобья.

— Любезный гость, нечего сказать.

Но глаза его предательски смѣялись.

V.

Ужинъ былъ на славу.

Гася блеснула своимъ мастерствомъ — закусками, соленьями, маринадами, запеченой домашней колбасой, Челышъ—разнообразіемъ и количествомъ выставленныхъ напитковъ. Слыша отовсюду похвалы, Гася вспыхивала и бросала робкіе взгляды на хозяина, словно ища помощи, а онъ покровительственно улыбался.

Челышъ былъ въ ударѣ. Суетился, доливалъ опустѣвшіе стаканы и рюмки и сыпалъ остротами и прибаутками, не смущаясь, удачны онѣ или нѣтъ. Отходя въ сторонку и окидывая ласковымъ взоромъ своихъ гостей, онъ удовлетворенно потиралъ руки.

Кромѣ четырехъ чертежниковъ, пришли еще двое: хмурый, неопредѣленнаго возраста бухгалтеръ Груничъ и мастеръ-литейщикъ Чуриковъ, здоровенный мужчина съ рябымъ лицомъ, раскосыми глазами и черной широкой бородой.

Это и былъ весь „революціонный комитетъ“, какъ пошутилъ Челышъ.

По мѣрѣ опоражниванія бутылокъ, собраніе разжигалось. Сгущались краски на лицахъ, отъ легкаго румянца до багровыхъ пятенъ, появлялись размашистые жесты, рѣзкій, катящійся смѣхъ. И хозяинъ, который, казалось, пилъ больше всѣхъ и меньше всѣхъ пьянѣлъ, ребячески проявлялъ свой восторгъ.

Степа уже чувствовалъ, что перешелъ мѣру. Между тѣмъ, Челышъ то и дѣло хлопалъ его по плечу и кричалъ надъ самымъ ухомъ:

— Мало пьете, милка. Обижаете.

Наконецъ, Степа огрызнулся:

— Вамъ, вѣрно, хочется, чтобы я очутился подъ столомъ.

— Что-жъ! Въ концѣ концовъ, тамъ не такъ плохо.

— А вы бывали?..

— Случалось. Однако, мнѣ кажется, вы скромничаете. Не безпокойтесь, вы крѣпче, чѣмъ о себѣ думаете. Пейте. Ваше здоровье!

Временами Степѣ даже хотѣлось напиться, залить свою тревогу. Его угнетала мысль, что та горячность, та сила, которыя онъ вложилъ въ свои призывы къ протесту, къ товарищеской солидарности, словно разбились объ какую-то стѣну. Никто не возражалъ противъ его доводовъ, не отвергалъ его проекта: сообща потребовать, чтобы директоръ вернулъ Антонова и извинился... или прекратить работу. Но самъ Антоновъ почему-то отмалчивался, Челышъ улыбался и многозначительно переглядывался съ другими, и всѣ словно что-то прятали отъ Степы. Окончательное рѣшеніе, по предложенію хозяина, было отложено на „послѣ ужина". Послѣ ужина! Степа горестно усмѣхнулся.

Какіе это удивительные люди! И все это такъ похоже на комедію. Пожалуй, дѣйствительно, не стоило соваться...

Онъ сидѣлъ молча и сквозь набѣгавшую дымку грусти глядѣлъ на веселыя, вспотѣвшія лица, слушалъ безпорядочныя разглагольствованія и взрывы смѣха. Въ его глубокихъ глазахъ была усталость и дѣтская обида.

Разговоръ шелъ о директорѣ. Шланце доказывалъ, что онъ вовсе ужъ не такъ плохъ.

— У него есть одно большое достоинство, то, что онъ плюетъ на доносы. Призоветъ къ себѣ и дастъ письмо: „вотъ не угодно ли... я вамъ подарю?" Съ Александровичемъ былъ такой случай...

— Да,—прервалъ Пазуховъ,—а при Сагаловѣ было туго. У него особый секретарь былъ, чтобы анонимныя письма разбирать. И потомъ докладывалъ, на кого и о чемъ доносятъ.

Чуриковъ заморгалъ слипавшимися глазами и внезапно ударилъ по столу кулакомъ, такъ что упала стоявшая возлѣ него бутылка.

— Что? Сагаловъ? Сагаловъ хорошій былъ человѣкъ. А американецъ... я ему морду разобью.

Всѣ расхохотались.

— Что-жъ ты до сихъ поръ думалъ, тетя?—спросилъ Челышъ.

— Не хотѣлось мараться. А теперь... зачѣмъ обидѣлъ Антошу? Я его раздѣлаю. Ей-Богу, завтра же уважу.

Челышъ обнялъ его за плечи, пригнулся.

— Ахъ ты, милашка! Ладно же. И я тебѣ помогу. Не люблю я его. Какого чорта онъ изъ себя американца кор-

чить? Самъ вѣдь—русскій. Русскій человѣкъ и безъ того всѣхъ выше. Русскому все впору. Всякую пакость съѣдимъ и не сморгнемъ глазомъ. Вѣрно?

— Правильно. Бить!.. За Антошу..

— Фи, какой вы дикарь! — замѣтилъ Шлинде. — Надо брать примѣръ съ Батурина. Вотъ онъ драться не будетъ. Онъ у насъ образованный.

— Онъ умный,—подхватилъ Пазуховъ,—онъ будетъ протестовать, бастовать, вать, вать... Ха, ха!

Антоновъ приподнялся, весело поглядывая на Степу.

— Господа,—сказалъ онъ громко,—не надо ни того, ни другого. Я съ американцемъ уже помирился.

И глаза всѣхъ, за исключеніемъ неспособнаго уже ни къ какимъ осмысленнымъ движеніямъ Чурикова, насмѣшливо остановились на Степѣ.

— Браво!—крикнулъ Челышъ, содрогаясь отъ смѣха.— Антоша, ты христіанинъ. Прощаешь обиды ближнему твоему. И что-жъ, онъ тебя принялъ обратно?

— Принялъ,—произнесъ Антоновъ торжественно и опять посмотрѣлъ на Степу.

Степа не сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло. Онъ недоумѣвающе переводилъ взглядъ съ одного смѣющагося лица на другое. Потомъ вдругъ поблѣднѣлъ и дрожа поднялся съ мѣста.

— Стыдно!—вырвалось у него вмѣстѣ съ задавленнымъ рыданіемъ.

И онъ выбѣжалъ въ сѣни.

Челышъ засуетился.

— Господа,—обратился онъ къ гостямъ,—я васъ ненадолго оставлю. Пойду утѣшать мальчишку: видите, какъ разстроился. Займитесь, поиграйте въ картишки, въ желѣзку, что ли...

VI.

Степа бѣжалъ по темному полю, спотыкаясь на каждомъ шагу и падая въ тающій, влажный снѣгъ. За нимъ, кряхтя и ругаясь, гнался Челышъ. Наконецъ, догналъ и обхватилъ его сзади.

— Пусти,—зарычалъ Степа, силясь вырваться изъ его крѣпкихъ рукъ.

— Не пущу, пока ты не скажешь, что успокоился и больше не побѣжишь. Куда ты бѣжалъ? Домой... или, можетъ быть, топиться?

Степа еще разъ рванулся.

— Не пущу,—повторилъ Челышъ, пыхтя.—Не пущу. Теперь зима: топиться негдѣ, какъ въ пивѣ. Дурень ты, молокососъ. Я вѣдь хочу тебѣ разсказать все, какъ было, поговорить съ тобой по душамъ.

— Зачѣмъ вы надо мной издѣвались?—сказалъ Степа плаксиво.—За что?

— Да ну, прости же, прости. Я тебѣ все объясню, покаюсь, только успокойся.

Внезапно Степа почувствовалъ отвратительную слабость. „Все равно"—мелькнуло—„все равно".

— Ну, теперь, кажется, можно отпустить. И бѣжалъ же ты. Я думалъ, ты ужъ совсѣмъ спятилъ,—говорилъ Челышъ, поправляя и застегивая кое какъ накинутый полушубокъ.— Тутъ недалеко, помнится, лежитъ бревно. Пойдемъ, сядемъ.

Степа повиновался.

Они пошли медленно бокъ о бокъ. Челышъ пыхтѣлъ и фыркалъ. Степа покачивался отъ возраставшей слабости.

— Вотъ, значитъ, я не ошибся,—разорвалъ молчаніе Челышъ, завидѣвъ темную полосу въ снѣгу.—Теперь садитесь и слушайте, человѣкъ хорошій.

Степа сѣлъ, опустивъ отяжелѣвшую голову на руки.

Воздухъ былъ свѣжъ и влаженъ. Чуялось дыханіе весны, подкравшейся нежданною гостьей къ этой тихой февральской ночи. Надъ смутнымъ бѣлѣющимъ полемъ стлался свѣтлый и легкій туманъ. Полукругомъ, будто самоцвѣтные каменья по черному бархату, зазывчиво разсыпались огоньки села.

— Ночь то, ночь то какая!..—вздохнулъ Челышъ.—У васъ,— онъ положилъ руку на плечо Степы,—должно быть, голова немного кружится. Пустяки, пройдетъ. Я тоже чувствую, какъ становлюсь пьянъ. Вообще, намъ не слѣдовало выходить на воздухъ, а тѣмъ паче играть въ горѣлки.

Онъ порылся у себя въ карманахъ, потомъ безцеремонно ощупалъ карманы Степы.

— Вѣдь вотъ бѣда! Ни у меня, ни у васъ—ни папироски. Ну, наплевать! Такъ слушайте, Батуринъ, я вамъ разскажу все по порядку. Съ самаго начала я былъ увѣренъ, что Антоновъ уладитъ все это дѣло самъ. Понятно, гнуснымъ, съ вашей точки зрѣнія, способомъ... Онъ просто на просто похѣрилъ свое самолюбіе...

— Если у него оно когда либо было,—вставилъ Степа.

— Правильно. Если не было, то тѣмъ легче ему сошло. Словомъ, такъ или иначе, но онъ попросилъ прощенія. Американецъ тоже отлично зналъ, что такъ будетъ, потому то онъ и устроилъ эту комедію съ выгономъ, чтобы вынудить Антонова не поднимать скандала. И тотъ, и другой по своему правы. Антошка—потому что пить, ѣсть надо, американецъ—потому что, по нашимъ рыламъ, начальнику лучше провалиться ко всѣмъ чертямъ, чѣмъ извиняться передъ своимъ подчиненнымъ. Вы то, я знаю, скажете сейчасъ:

эдакъ... достоинство, человѣческая личность... еще что нибудь вродѣ этого трескучее. Это все фразы-съ. Вы не англичанинъ какой нибудь. У насъ этого не водится. Мало ли кому на Руси морду бьютъ, или еще похуже что дѣлаютъ. Если изъ за каждаго такого случая волноваться, такъ у насъ ни одной минутки вольной не останется, чтобы попользоваться жизнью. Виноватъ я, что ли, что родился русскимъ!.. А вѣдь жить можно, и очень хорошо, только обжиться.

— За что вы надо мной издѣвались?—произнесъ Степа съ усиліемъ.

— Гнусность обуяла. Простите, голубчикъ, искренно прошу прощенія. Вотъ втянетесь, увидите... Но иногда бываетъ потребность устроить какую-нибудь гнусность, ровно трубку выкурить. Такая ужъ наша жизнь. Пріѣхали вы къ намъ, чистенькій, свѣжій, ото всего нашего сторонитесь. Вы же знаете, что въ школахъ ребята всегда самыхъ скромныхъ и тихенькихъ бьютъ. А мы ужъ люди отпѣтые. Хотѣлось васъ проучить, чтобы глаза не мозолилъ. Вотъ мы и сговорились: послушать посерьезнѣе, какъ вы будете ораторствовать, а потомъ и преподнести вамъ дулю. Я не думалъ, что вы это такъ близко примете къ сердцу. Я вѣдь вамъ даже намекалъ, а вы, по чистотѣ своей, не догадывались. А для другихъ словно праздникъ былъ, столько было радости. Вамъ въ отместку. Да и я тоже...

Челышъ спутался и замолчалъ.

Степа зашевелился, приподнялъ окутанную туманомъ голову.

— Тянетъ... Уйти, уйти!..—простоналъ онъ глухо.

Неожиданно Челышъ обнялъ его за шею, прижалъ къ себѣ и заплакалъ пьяными слезами.

— Куда уйти? Степанъ, Степа, милый. Ты мнѣ теперь что сынъ родной. Вѣдь я такимъ же, какъ ты, былъ, тоже уйти хотѣлъ... Такъ, просто, куда глаза глядятъ... только бы уйти. Пересилилъ себя... и вотъ живу. А сколько подлоговъ, обмановъ... чуть что не кралъ. Спросилъ бы ты Гасю, что я съ нею дѣлаю, безотвѣтной, когда гнусность схватитъ. Тошно бываетъ, ой какъ тошно! Уйти... да некуда. Отъ себя то ужъ больше не уйдешь.

И еще тѣснѣе прижимая къ себѣ его безвольную голову, Челышъ зашепталъ снова:

— Только, Степушка... будь такимъ же, какъ мы. Иначе слишкомъ трудно будетъ тебѣ жить. Да и не жить тебѣ вовсе тогда, не жить. Не борись, не старайся вырываться. Затягиваетъ?.. пускай затянетъ.

Л. Пименовъ.

Кони-Айландъ.

— Послушайте! Вы непремѣнно должны побывать на Кони-Айландѣ,—Кацъ произноситъ это съ обычной, мягкой улыбкой,—ѣдемте въ среду! Вы свободны?

Стоятъ іюньскіе жары. Пропустить день работы на фабрикѣ будетъ наслажденіемъ! Я утвердительно киваю головой.

— Освобожусь!..

— А вы, Дубровъ?—Кацъ обращается къ моему спутнику,—какъ вы устроитесь? Тамъ интересно пробыть до вечера, когда все освѣщено электричествомъ!

Дубровъ занятъ только въ вечерніе и ночные часы. Онъ wachtman, т. е. ночной сторожъ. Сторожитъ матеріалы для постройки домовъ большой строительной компаніи въ Верхней части города—Broux (Нью-Іоркъ раздѣляется на четыре части: East side, West side, Down-town и Up-town—Восточная и Западная часть, Верхній и Нижній городъ). Обязанности его состоятъ въ томъ, чтобы съ наступленіемъ сумерекъ являться въ крошечную будку, носящую громкое названіе office, зажечь въ ней фонарь и пробыть тамъ до разсвѣта. Будка стоитъ на углу огромнаго, пріобрѣтеннаго компаніей пустыря, по краямъ котораго и сложены матеріалы: рамы, доски, трубы и т. д. Время отъ времени Дубровъ долженъ выходить изъ «оффиса» и осматривать свои владѣнія. Напротивъ—уже выстроенные четырнадцать громадныхъ семиэтажныхъ домовъ, цѣлый block—кварталъ.

— Придется воспользоваться добротой Данилова! Онъ, вѣроятно, согласится замѣнить меня до двѣнадцати часовъ,—отвѣчаетъ Дубровъ.

— Такъ, значитъ, ѣдемъ?

— Айда!—отзывается Дубровъ.

— Намъ надо уговориться, гдѣ встрѣтиться въ среду и когда... Пріѣзжайте ко мнѣ въ редакцію къ часу! Такъ будетъ по пути. Отъ «Wahrheit» недалеко до Бруклинъ - Бриджа, а на Кони-Айландъ дорога идетъ черезъ Бруклинъ-Бриджъ. Удобно это для васъ?—Кацъ глядитъ вопросительно...

— Конечно!

— Такъ я васъ буду ждать! А пока до свиданья! Тороплюсь ужасно!—и обликъ Каца быстро теряется въ сутолокѣ Каналъ-Стрита.

Кацъ—милѣйшій человѣкъ... Вѣчно занятый, разсѣянный, кого нибудь устраивающій, куда нибудь спѣшащій. Къ многочисленнымъ обязанностямъ, которыя онъ взялъ на себя (онъ работаетъ въ газетѣ, учитель, лекторъ, членъ различныхъ обществъ, коммиссій, драматургъ) принадлежитъ встрѣча и покровительство эмигрантамъ въ омутѣ Нью-Іорка. На этой почвѣ и мы съ нимъ познакомились.

И сейчасъ онъ второпяхъ пожалъ намъ руки и суетливо побѣжалъ по направленію къ subway—подземной желѣзной дорогѣ. Мы привыкли уже къ его вѣчной спѣшкѣ и даже не пытались удерживать.

Среда—ясный и, по счастью, не очень жаркій день... Вѣтеръ умѣряетъ палящія стрѣлы Нью-Іоркскаго солнца... А то иногда здѣсь отъ невыносимаго зноя закрываются фабрики, выбрасывая волны обезумѣвшаго въ духотѣ люда, а на улицахъ Down-town'a замертво сваливаются прохожіе...

Я просыпаюсь по привычкѣ въ половинѣ седьмого. Но тотчасъ-же преисполняюсь пріятнымъ сознаньемъ, что не надо вскакивать и ѣхать въ shop, гдѣ я скручиваю на подобіе гіацинтовъ пестро окрашенныя страусовыя перья... Такъ же пріятно было въ дѣтствѣ пропускать уроки въ гимназіи, когда въ темнотѣ и прохладѣ зимняго утра, тщетно борясь съ одолѣвающей дремотой, услышишь, бывало, голосъ старой кухарки:

«Лежи, лежи! Двадцать градусовъ мороза!»

Съ какимъ наслажденіемъ засыпаешь, не дослушавъ обязательной воркотни, слѣдующей за отрадной фразой.

Сейчасъ я слышу, какъ Розенталь въ кухнѣ осторожно звякаетъ чайникомъ, принимаетъ отъ «милькмана» молоко, зажигаетъ газъ...

Мы живемъ въ basement—родъ подвала. Дубровъ, Даниловъ, я и американскій еврей Розенталь. Мы трое недавно пріѣхали изъ Россіи, Розенталь уже четыре года въ Америкѣ и недѣля, какъ поселился съ нами «освѣжиться русскимъ духомъ», по его словамъ. Въ «бэзментѣ» три комнаты, кухня и ванна. Боссъ—хозяинъ—Дуброва беретъ съ него за эти покои удешевленную плату, всего восемь долларовъ въ мѣсяцъ, такъ какъ помѣщеніе находится въ одномъ изъ четырнадцати домовъ напротивъ Дубровской будки и отдается ему, какъ служащему. Здѣсь сыро и мрачно. Солнце лишь чуть-чуть вечеромъ заглядываетъ въ одну изъ комнатъ. Но за то дешево! Отдѣлкой же американскій подвалъ можетъ поспорить съ средней россійской квартирой.

Комнаты высокія, съ красивыми обоями и деревянной панелью.

Полъ не крашеный, но изящныя узкія дощечки дѣлаютъ его похожимъ на корабельную палубу. Отопленіе паровое, освѣщеніе и плита газовыя. Постоянная горячая вода, изразцовая ванная комната, стѣнные шкафы, ящики для мытья бѣлья и другія приспособленія болѣе чѣмъ удовлетворяли насъ, невзыскательныхъ россійскихъ обывателей.

Розенталь уже уходитъ... Надо вставать. Накидываю кимоно, дергаю шнурокъ занавѣски, она взвивается кверху, поднимаю окно. Если вытянуться изъ него наружу, въ узкую щель между стѣнами нашего и сосѣдняго дома, тамъ вверху виденъ лоскутъ неба. По цвѣту этого лоскута я безошибочно опредѣляю погоду. Хорошая... Иду въ ванную взять холодный душъ.

Комната Данилова и Розенталя пуста. Даниловъ не работаетъ и по утрамъ уходитъ въ «Кротона-Паркъ», что въ двухъ шагахъ отъ насъ. Дубровъ еще не всталъ... Зажигаю газъ для кипятка. Уже восемь часовъ. Сейчасъ открылся нашъ «шопъ» и хозяинъ мастерской съ недовольнымъ видомъ записываетъ опоздавшихъ дѣвушекъ. Теперь опѣшка. Я считаюсь хорошей работницей, и мое отсутствіе заставитъ его безпокойно поднимать кверху свои колючія брови: «Тани таки нѣтъ! Таки нѣтъ Тани!»—скажетъ онъ и обязательно прибавитъ привычное: «Хорри онъ (Поторапливайся»!)

Чай скипѣлъ, беру пачку русскихъ газетъ и сажусь въ кухнѣ на «нашъ диванъ». Это собственно ящикъ, обитый чьимъ то одѣяломъ. Газеты мы беремъ по субботамъ изъ «Русскаго Голоса», редакціи русской газеты въ Нью-Іоркѣ, гдѣ добродушный редакторъ и почти единственный сотрудникъ, Окунцовъ, такъ и встрѣчаютъ насъ именемъ «Субботники!»... Газеты отстали, но заднимъ числомъ переживаешь заокеанскія событія...

Подъ окномъ время отъ времени рѣзкіе крики торговцевъ фруктами и овощами...

Въ дверь просовывается курчавая итальянская голова.

— Do you want potatoes? Не надо ли картошки?

— No, no!—Голова исчезаетъ.

Черезъ нѣсколько минутъ аналогичная исторія съ предложеніемъ льду.

Я замыкаю дверь.

Теперь ужъ, должно быть, Даниловъ стучитъ.

Открыла. Вѣрно.

— Жарко, Данъ?

— Вѣтеръ сегодня, такъ не очень... А чай горячій?

— Только что скипѣлъ!

Даниловъ присаживается къ столу на «настоящій» стулъ... У насъ обстановка двухъ родовъ.

При переѣздѣ въ бэзментъ мы купили и необходимую мебель: четыре некрашеныхъ стола, койки, да боссъ Дуброва, симпатизи-

рующій ему, за пять долларовъ продалъ ему какія то двѣ допотопныхъ, громадныхъ деревянныхъ кровати, два столика и стулъ. Это и есть «настоящая» мебель. Остальное—импровизація Дуброва, покрывшаго всѣ недочеты деревянными ящиками разныхъ величинъ, притащенными имъ съ поля его наблюденія. Самый большой—«диванъ», на которомъ я сижу, подобравъ подъ себя ноги.

— Спитъ еще Тарасъ?—спрашиваетъ Даниловъ.

— Встаю!—отвѣчаетъ изъ сосѣдней комнаты голосъ самого Дуброва.

Черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ показывается громадная фигура. Богатырское сложеніе сослужило ему службу въ Америкѣ. Теперешній боссъ встрѣтилъ его въ редакціи «Wahrheit», заинтересовался исполиномъ и, узнавъ, что это безработный эмигрантъ, е знающій ни ремесла, ни языка, предложилъ ему черезъ Каца стать wachtman'омъ, остроумно сообразивъ, какимъ онъ явится пугаломъ для посягателей на матеріалы. Рессурсы приходили къ концу, и Дубровъ охотно принялъ предложеніе. Ему оно было тѣмъ болѣе удобно, что оставляло свободными дневные часы, предоставляя возможность заниматься англійскимъ языкомъ. Сталъ онъ сторожемъ, а черезъ нѣсколько времени боссъ предложилъ ему бэзментъ. Мы всѣ жили въ меблированныхъ комнатахъ, которыя и дороги, и неудобны вслѣдствіе необходимости соблюдать тишину и спокойствіе. Поэтому съ удовольствіемъ поселились вмѣстѣ съ Дубровымъ.

— Данъ, а Данъ!?—Тарасъ старается придать нѣжную интонацію своему басу.

— Что?

— Вы не посидите сегодня за меня въ будкѣ?—голосъ звучитъ прямо музыкально.

— Что-жъ, посижу,—покойно соглашается Даниловъ...

Онъ вообще, мнѣ кажется, никому и ни въ чемъ отказать не способенъ. Удивительно добръ и внимателенъ,—какъ любящая женщина.

— Собираетесь куда-нибудь?

— Съ Таней и Кацомъ ѣдемъ на Coney-Island.

Даниловъ уже былъ на Кони-Айландъ. Я заинтересована еще съ его разсказовъ. Да и въ Петербургѣ передъ отъѣздомъ мнѣ говорили объ этомъ островѣ удовольствій специфически американскаго характера.

— Съѣздите посмотрѣть непремѣнно! Любопытно!

Вотъ мы и отправились... Выходъ изъ бэзмента длиннымъ темнымъ коридоромъ, напоминающимъ Кіево-Печерскіе переходы, затѣмъ нѣсколько ступенекъ вверхъ и вдругъ изъ тьмы сразу на ослѣпительный солнечный свѣтъ... Асфальтовая улица пышетъ жаромъ снизу, небо обдаетъ зноемъ сверху. Если бы не легкій вѣтерокъ, было бы душно. Весь тротуаръ прегражденъ безчислен-

ными колясочками съ розовыми бэби. На ступенькахъ подъѣздовъ сидятъ матери. Среди улицы группы играющихъ дѣтей съ колесными коньками на ногахъ... Вакаціи...

Быстро минуемъ Wilkins Avenue. Поднимаемся по высокой лѣстницѣ на станцію воздушной желѣзной дороги. Кассиръ заранѣе протягиваетъ руку съ билетами, такъ что ему приходится ждать нашихъ пятицентовиковъ.

— Two!—лаконично произноситъ Дубровъ. Онъ, впрочемъ, кратокъ по необходимости, такъ какъ, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ словъ, ничего не смыслитъ по англійски.

Въ дверяхъ передъ ящикомъ дремлетъ негръ. Бросаемъ въ ящикъ билеты и выходимъ на платформу. Времени до часу еще много. Въ ожиданіи поѣзда стоимъ у перилъ.

Внизу улица. Торопливо снуютъ цвѣтисто одѣтые и цвѣтные люди. Какъ разъ подъ нами Деликатессенъ-Сторъ—гастрономическій магазинъ. Пестрые плоды гармонируютъ съ отчетливыми лѣтними красками. Золотые ананасы, сизые баклажаны, кровавыя пятна томатовъ. А рядомъ нѣжные персики и зелень. Большое, раскидистое дерево бликами пропускаетъ солнечные лучи, и они трепетно дрожатъ на плодахъ...

Поѣздъ подошелъ. Садимся у окна. Народу мало, теперь всѣ работаютъ въ Down-Town'ѣ. Мы мчимся. Мелькаютъ внизу лощеные кварталы Bronx'a, чистенькіе домики съ квадратными зелеными «ярдами» передъ ними и гирляндами сохнущаго бѣлья, перекинувшимися черезъ улицы... Симпсонъ-Стритъ, Prospect Avenue, Джексонъ Стритъ, и вдругъ мы проваливаемся въ черную бездну. Поѣздъ влетѣлъ въ туннель. Вагонъ ярко освѣщенъ, но послѣ дневного свѣта электричество кажется сумерками. За окномъ сѣрая лента стѣны, освѣщенная рядомъ электрическихъ лампочекъ. Безъ конца бѣгутъ онѣ намъ навстрѣчу, раздражая глаза...

Въ вагонѣ душно. Какъ ни хороша вентиляція, все же чувствуется, что находишься подъ землей. Грохотъ не позволяетъ разговаривать. Тарасъ вынулъ и читаетъ газету. Мнѣ не хочется читать.

Вотъ стало прохладнѣе. Это мы ѣдемъ подъ рѣкой. Стѣны туннеля покрыты влажными пятнами...

Условія прокладки туннеля подъ водой ужасны. Эти рельсы лежатъ на человѣческихъ трупахъ. Работать приходится въ сжатомъ воздухѣ, по колѣни въ водѣ въ резиновыхъ сапогахъ. Сгущенная атмосфера заставляетъ усиленно биться сердце, кровь въ вискахъ стучитъ неистово и больно, руки слабѣютъ. А рядомъ неумолимый окрикъ надзирателя: «Хорри онъ, хорри онъ!»—Поторапливайся!

Развиваются особыя болѣзни: глухота, бенсъ, т. е. адскія боли въ костяхъ. Иногда по выходѣ изъ туннеля рабочій падаетъ и умираетъ въ судорогахъ. Во избѣжаніе этихъ послѣдствій, работающіе

ежедневно, какъ при началѣ, такъ и при окончаніи работъ, проходятъ послѣдовательный рядъ комнатъ съ все болѣе и болѣе разрѣжающимся воздухомъ, вплоть до нормальнаго. Чѣмъ медленнѣе выходить наружу, тѣмъ меньше шансовъ захворать. Работаютъ въ тунеляхъ большей частью негры, бѣлые не выносятъ ужасныхъ условій.

Одинъ знакомый чертежникъ проработалъ 4 дня, но больше не выдержалъ, несмотря на высокую плату—8 рублей за 6 часовъ работы. Другой, бывшій русскій саперный офицеръ, оглохъ. Но его, какъ инспектора, компанія лѣчила на свой счетъ, потративъ пятьсотъ долларовъ. Вылѣчился.

Поѣздъ мчится и мчится. Свѣтлыми пятнами мелькаютъ станціи. Остановки короткія. Ни свистковъ, ни звонковъ. Кондукторъ каждаго вагона, какъ только прекращается притокъ публики, даетъ сигналъ кондуктору слѣдующаго, тотъ передаетъ дальше, до передняго. Все быстро-быстро и безъ всякой давки, такъ какъ каждый знаетъ, что поѣздъ не тронется, пока не войдетъ въ него послѣдній человѣкъ.

Четырнадцатая улица. Здѣсь намъ нужно мѣнять express на local. Экспрессы останавливаются только на узловыхъ пунктахъ, local—на каждой станціи. Переходимъ на другую сторону платформы и садимся въ local.

Теперь ѣдемъ медленнѣе.

Вотъ Astor place... Прямо въ туннель выходятъ огромныя, зеркальныя, ослѣпительно освѣщенныя витрины Wanamaker Stor, универсальнаго магазина, навязчиво открывающаго роскошныя двери съ платформы въ подземное отдѣленіе магазина. Wanamaker Stor занимаетъ два громадныхъ семиэтажныхъ дома по обѣимъ сторонамъ центральной артеріи Нью-Іорка—Бродвэй. Подземный этажъ соединяетъ оба зданія, такъ что, не выходя на улицу, можно перейти изъ одного въ другое. Подвижныя лѣстницы и лифты разносятъ посѣтителей по всѣмъ направленіямъ, а услужливые негры руководятъ ими въ лабиринтѣ несчетныхъ отдѣленій магазина, гдѣ имѣется все отъ швабры до брюссельскихъ кружевъ. Тутъ же есть ресторанъ и оркестръ, дѣтская комната, читальный залъ, курильная, фонтаны, врачебный кабинетъ и несчетное множество другихъ приспособленій, предусматривающихъ удобства покупателей.

Въ громадныхъ залахъ безпорядочно раскиданы на столахъ товары. Цѣлыя розсыпи! Служащихъ до 1000 человѣкъ, но они теряются въ этихъ залахъ. Публика прохаживается, присматривается. Кажется, никто не обращаетъ на нее вниманія и во всякомъ случаѣ не навязываетъ своихъ услугъ. Любезный хозяинъ разложилъ для гостей подарки—бери и уходи! Въ самомъ дѣлѣ, продавцамъ не усмотрѣть за лавиной людей. Но среди публи

много сыщицъ и сыщиковъ, незамѣтно поддерживающихъ добрые нравы.

И при видѣ нарядной сытой толпы, жадно и ласково осматривающей и поглощающей эти груды товаровъ, не вѣрится, что рядомъ въ Down-town нерѣдки случаи голодной смерти на улицахъ... А между тѣмъ это такъ.

Говорятъ, что продавщицы подобныхъ большихъ магазиновъ въ Нью-Іоркѣ почти поголовно проститутки. У Wanamaker'а большинство служащихъ, дѣйствительно, дѣвушки и дѣвочки. Женскій трудъ оплачивается дешевле въ разсчетѣ на побочный заработокъ. При поступленіи въ магазинъ дѣвушку спрашиваютъ, есть ли у нея «господинъ»? Если нѣтъ—не годится. Жалованье слишкомъ маленькое, а нужно быть хорошо одѣтой.

— Канэлъ Стритъ!—рѣзко выкрикиваетъ кондукторъ.

На Канэлъ Стритъ намъ выходить. Тарасъ свертываетъ газеты. Уже пріѣхали.

Послѣ чистаго, аккуратнаго «Бронкса», верхній городъ, гдѣ мы теперь находимся, кажется адомъ. Здѣсь духота невыносимѣе, воздухъ пропитанъ зловоніемъ, улицы покрыты соромъ. Блѣдныя дѣти съ истомленными запачканными личиками роются въ пыли, на мостовой... Здѣсь сосредоточена преимущественно еврейская бѣднота.

Нью-Іоркъ интернаціональный городъ, но евреевъ здѣсь наибольшій процентъ. И еврейскіе кварталы здѣсь въ Новомъ Свѣтѣ сохранили характеръ польскихъ мѣстечекъ. Дряхлыя старухи въ парикахъ сидятъ на лѣсенкахъ, снуютъ женщины въ вязанныхъ накидкахъ. По улицѣ рядъ мелкихъ лавченокъ со всевозможными товарами, а вдоль тротуара безконечные лотки съ лубочными открытками, мочеными яблоками, книгами, кружевами—чего-чего только нѣтъ!

Въ окнѣ не рѣдкость увидѣть стильную, сѣдую, съ длинной бородой голову въ бархатной ермолкѣ, а рядомъ темные, пышные волосы, великолѣпные восточные глаза и пылающія губы расцвѣтающей внучки.

Попадаются узкія, кривыя улицы, гдѣ дома почти сходятся надъ головой, а внизу постоянный сырой сумракъ. Иногда дорогу пересѣкаетъ «элевэйторъ»—воздушная желѣзная дорога. Рельсы порою совсѣмъ скрываютъ улицу; тамъ тьма, но жизнь кипитъ ключомъ, также дѣловито снуетъ народъ и также дѣловито выглядываютъ подслѣповатыя окна маленькихъ лавочекъ.

Сворачиваемъ на Истъ-Бродвэй, гдѣ помѣщается редакція «Wahrheit». Истъ Бродвэй—главная улица еврейскаго квартала... Здѣсь шумъ достигъ апогея. Налѣво небольшой скверъ, сплошь занятый движущейся, живой массой. Пестрые костюмы женщинъ цвѣтисто выдѣляются среди темныхъ мужскихъ одеждъ... Царство жаргона... То и дѣло врывается въ уши характерный акцентъ.

Многія вывѣски на еврейскомъ языкѣ. На углу лотокъ съ прозрачными кружками нарѣзанныхъ ананасовъ. Пыль въ изобиліи садится на нихъ, но это не портитъ дѣла торговцу. Онъ обложилъ лотокъ льдомъ, и холодный фруктъ идетъ нарасхватъ. Рядомъ конкурируетъ оборванный мальчикъ съ графиномъ желтой жидкости, гдѣ также плаваетъ кусокъ льда.

Сейчасъ за угломъ «Wahrheit». Редакція въ первомъ этажѣ, подняться лишь нѣсколько ступенекъ прямо съ улицы. Безъ четверти часъ—время выхода газеты. Поэтому вся лѣсенка и тротуаръ передъ «Wahrheit» заняты арміей мальчишекъ различныхъ возрастовъ. Есть совсѣмъ карапузы, есть нѣсколько дѣвочекъ. Это—разносчики. Цѣлое море оживленныхъ черныхъ глазъ... Вся эта компанія волнуется, кричитъ, дерется, визжитъ... Наше появленіе на секунду водворяетъ успокоеніе, потомъ еще большій взрывъ голосовъ и раздаются комментаріи уже на нашъ счетъ...

— Фринеръ! Рошо̀нъ! (Иностранцы! Русскіе!)—несутся вдогонку захлебывающіеся крики, но мы уже у спасительной двери.

Длинный коридоръ: налѣво стѣна, направо рѣшетка. Похоже на... казенную винную лавку. За рѣшеткой «свои»: писательскій людъ, барышни, секретари... Мы здѣсь бывали не разъ и, какъ друзья Каца, безпрепятственно проникаемъ за рѣшетку. Толстый, румяный редакторъ, съ маленькими, горящими, какъ угольки, глазами, пожимаетъ руки...

— Ого! Да вы уже наполовину american lady,—оглядываетъ онъ мое свѣтлое платье.—Какъ дѣла съ языкомъ? Да вы садитесь, пожалуйста!—онъ показываетъ мнѣ кресло передъ однимъ изъ письменныхъ столовъ. Тарасъ помѣщается рядомъ на стулѣ.

Внезапная мысль о томъ, что Кацъ могъ по свойственной ему разсѣянности позабыть о назначенномъ свиданіи, заставляетъ меня озабоченно спросить, тутъ ли онъ.

— Кацъ сейчасъ освободится,—редакторъ отходитъ къ Тарасу, а передо мной выростаетъ комическая фигура одного изъ еврейскихъ поэтовъ. Мы познакомились еще по пріѣздѣ, когда онъ далъ мнѣ нѣсколько уроковъ англійскаго языка въ обмѣнъ на русскій. Бѣдняга былъ влюбленъ въ русскую и смертельно нуждался въ знаніи ея языка.

Онъ худой, съ длинными прядями прямыхъ черныхъ волосъ, съ огромнымъ носомъ и глазами, кажется, выкатывающимися даже изъ-за стеколъ очковъ. При видѣ меня лицо его расплывается въ широкую улыбку.

— Hallo! How do you do?—Здравствуйте, какъ поживаете?

— Oh, I am all right, think you! And how are you, how is your girl?—Я— великолѣпно, спасибо! А вы? Какъ ваша суженая?

— But you speak nice english!—Но вы хорошо говорите поанглійски!—И поэтъ дѣлаетъ удивленное лицо.

Здѣсь принято вновь пріѣзжимъ, «зеленымъ» въ качествѣ

комплимента выражать удивленіе по поводу быстраго усвоенія ими языка. Поэтому я скептически отношусь къ этому заявленію.

— А какъ вашъ русскій?

— Ну, I wich (я хотѣлъ бы) имѣйтъ такой прогрессъ, какъ ви,—тяжело произноситъ поэтъ, дѣлая ужасающія ударенія...

Изъ стеклянной двери, ведущей въ святая святыхъ «Wahrheit», гдѣ стряпаютъ злободневныя статьи, появляется, наконецъ, Кацъ.

— Здравствуйте, надѣюсь, я не заставилъ васъ долго ждать?— вѣжливо обращается онъ ко мнѣ и Тарасу.

— О! Мы не больше пяти минутъ здѣсь! Ну что—идемъ?

— Идемъ, но куда? Дѣло въ томъ, что я еще не завтракалъ. Я думаю, мы возьмемъ лэнчъ въ ресторанѣ,—просительно произноситъ Кацъ.

— А вы привыкли каждый день завтракать?—лукаво спрашиваю я.

— Да,—въ тонъ мнѣ отвѣчаетъ Кацъ, застѣнчиво вертя въ рукахъ шляпу,—и даже обѣдать!

— Привычка не всегда удобная,—усмѣхается Тарасъ.

Мы давно уже оставили эту «дурную привычку» здѣсь, въ Нью-Іоркѣ. Безработица не поощряетъ аппетитъ. Наплывъ эмигрантовъ понижаетъ плату. А новыя изобрѣтенія сокращаютъ штатъ рабочихъ и ежедневно выбрасываютъ цѣлые кадры ихъ на мостовую.

Сейчасъ идетъ предвыборная агитація. Надъ улицами на высокихъ шестахъ перекинуты яркія ленты съ портретами и именами кандидатовъ сильнѣйшихъ партій. Плакаты соціалистовъ— рука съ горящимъ факеломъ—теряются среди безчисленнаго множества другихъ.

Кое-гдѣ уже попадаются повозки съ уличными ораторами... Но это еще только начало. Въ самую горячку цѣлые оркестры разъѣзжаютъ по улицамъ, привлекая музыкой и рѣчами избирателей къ урнамъ. Охотники на избирателей въ средствахъ не стѣсняются... Не такъ давно нашумѣла здѣсь книга «Желѣзная пятка», гдѣ ярко разоблачаются злоупотребленія, подкупъ, торговля голосами и вся оборотная сторона американскихъ выборовъ.

Мы въ ресторанѣ. Кацъ уже двадцать лѣтъ живетъ въ Нью-Іоркѣ и пятнадцать завтракаетъ въ этомъ ресторанѣ. И остальные посѣтители тутъ все завсегдатаи. Безпрестанно пожимаютъ другъ другу руки, здороваясь по англійски, по-еврейски и по-русски. На насъ смотрятъ съ любопытствомъ.

Столъ уже накрытъ. Передъ каждымъ приборомъ обязательная тарелочка съ масломъ и блюдечко съ черносливомъ.

Кацъ по привычкѣ спѣшитъ, и мы быстро справляемся съ завтракомъ, перекидываясь отрывочными фразами о злобахъ дня.

— Кофе или чаю?—любезно склоняется ресторатoръ, спеціально для меня и Тараса состряпавъ русскую фразу.

Но мы не хотимъ ни того, ни другого и выходимъ на улицу. Та же сутолока кругомъ.

До Бруклинскаго моста довольно большое разстояніе, но мы идемъ пѣшкомъ. Въ Нью-Іоркѣ извозчиковъ не существуетъ. Бываютъ на главныхъ улицахъ близь театровъ кареты, но онѣ и рѣдки, и дороги. Взамѣнъ ихъ безчисленные трамваи, подземныя и воздушныя желѣзныя дороги. Съ трамвая на трамвай выдаются пересадочные билеты—тренсферсъ. Такимъ образомъ за пять центовъ—цѣна билета—можно проѣхать громадное разстояніе, говорятъ, до 300 верстъ. Несмотря на такую дешевизну и невѣроятное воровство кондукторовъ, городскія желѣзныя дороги все же приносятъ огромный доходъ.

Воровство среди служащихъ «car'овъ» на столько обычное явленіе, что на него не обращаютъ вниманія, если оно не переходитъ норму — приблизительно удвоеннаго жалованья. Предусмотрѣть его, не смотря на сыщиковъ, трудно. При полученіи денегъ кондукторъ долженъ отзвонить на счетчикѣ число полученныхъ имъ пятицентовиковъ. И всецѣло отъ него зависитъ отзвонить дѣйствительное или уменьшенное количество ударовъ, или не позвонить вовсе.

Янки очень любятъ сенсаціонныя разоблаченія. Я знаю одного американскаго писателя, которому въ минуту жизни трудную пришлось быть кондукторомъ; онъ написалъ и дорого продалъ разсказъ о томъ, какъ онъ воровалъ. Такимъ образомъ онъ получилъ двойной гонораръ: за практику и теорію воровства въ этой области.

Путь нашъ лежитъ по одной изъ Avenues—проспекту, надъ которымъ идетъ воздушная желѣзная дорога. Надъ головами съ грохотомъ проносятся поѣзда. Трудно представить себѣ существованіе людей въ квартирахъ, выходящихъ подъ эту адскую машину.

Вотъ и Бруклинъ-Бриджъ. Входимъ подъ арки зданія, похожаго на вокзалъ... Громадное помѣщеніе! Взадъ и впередъ снуютъ люди, кажущіеся букашками въ этой громадѣ. Тамъ и сямъ кіоски безчисленныхъ кассъ для продажи билетовъ по различнымъ направленіямъ и различнымъ способамъ передвиженія. Надъ Бруклинскимъ мостомъ несется элевэйторъ, параллельно ему подъ рѣкой подземная дорога, по мосту движется трамвай, кромѣ того идутъ двѣ широкихъ асфальтовыхъ аллеи для пѣшеходовъ и широкій проѣздъ для лошадей. Мостъ тянется чуть не двѣ версты, но все это колоссальное сооруженіе выглядитъ удивительно легко и граціозно. Быковъ нѣтъ и лишь въ серединѣ одинъ устой съ стремительными, гордыми готическими арками, отъ которыхъ къ берегу полукруглымъ изгибомъ цѣпей виситъ Бруклинъ-Бриджъ.

Кацъ не сразу оріентировался, гдѣ купить нужные намъ билеты. Пришлось спрашивать объ этомъ какого-то джентльмэна въ золотыхъ нашивкахъ.

Вверхъ по лѣстницѣ вышли на платформу... По обѣимъ сторонамъ ея поминутно отходятъ и приходятъ поѣзда съ разными надписями. Опять пришлось спрашивать, гдѣ Кони-Айландъ-экспрессъ.

— Первый съ правой стороны,—брошена была въ отвѣтъ отрывистая фраза.

Подошелъ поѣздъ.

— To Coney-Island express? На Кони-Айландъ?

— Ближайшій налѣво! The next one on the left.

Стоимъ въ недоумѣніи.

Публика уже начинаетъ обращать вниманіе на безтолковыхъ «зеленыхъ»... Вдругъ увидѣли желанный аншлагъ на поѣздѣ: все-таки съ правой стороны.

Наконецъ, сидимъ въ вагонѣ. Вагонъ открытый. Ѣхать не будетъ душно. Вотъ и двинулись. Въ желѣзные пролеты пути виденъ Гудзонъ. Сверху пароходы кажутся маленькими катерами. Позади Нью-Іоркъ. Близко къ берегу подходитъ группа сорокаэтажныхъ домовъ, упирающихся клѣтчатыми башнями въ ослѣпительное небо. Плоскія крыши обычныхъ зданій далеко разбѣжались отъ нихъ во всѣ стороны. Конца имъ не видно.

Экспрессъ быстро пробѣгаетъ мостъ, и мы въѣзжаемъ въ Бруклинъ. Впечатлѣніе такое, какъ будто изъ столицы попали въ провинціальный городъ. На улицахъ нѣтъ такого оживленія, магазины меньше; а вотъ пошли совсѣмъ тихія улицы, какъ аллеи, окаймленныя кудрявыми деревьями. Правильные красные кубики домовъ, правильныя клѣтки перекрещивающихся улицъ...

Вотъ негритянскій кварталъ. Поѣздъ проносится передъ самыми окнами. Черныя шерстистыя головы сверкаютъ оттуда бѣлыми зубами. Забавны черномазыя дѣтскія фигурки. Чувствуется характерный запахъ негровъ...

Въ Нью-Іоркѣ негровъ очень много. Цѣлыя улицы заселены исключительно ими. Номинально они признаны здѣсь... людьми. А вотъ фактъ: негритянка, окончившая высшее учебное заведеніе, служитъ горничной, потому что цвѣтъ кожи мѣшаетъ ей дѣйствовать на другомъ поприщѣ. Объ этомъ случаѣ я слышала отъ одной англичанки, которая закончила словами: «конечно, къ ней относятся очень хорошо. Для нея даже выписываютъ отдѣльную газету»...

Вотъ кладбище. Дивный паркъ съ прудами и великолѣпно раздѣланными аллеями. Памятники, мавзолеи и цвѣты, цвѣты, много цвѣтовъ. Но все аккуратно, вылощено, пригнано по формѣ. Гдѣ прелесть нашихъ русскихъ запущенныхъ погостовъ съ плачущими бѣлыми черемухами, задушевными березками и печальными, покосившимися крестами! Здѣсь вмѣсто крестовъ каменныя вертикально-стоящія плиты. Похоже на то, что кто-то забавы ради разбросалъ бѣлыя точки по зеленому полю.

Дальше, дальше...

Тарасъ напротивъ съ ногами расположился на скамейкѣ. Читаетъ. У него въ карманахъ всегда библіотека. Кацъ дремлетъ. Поѣздъ, въ самомъ дѣлѣ, укачиваетъ и баюкаетъ, а встрѣчный вѣтеръ заставляетъ слипаться глаза...

Пустыри, поля, снова дома, улицы...

Вотъ слышатся звуки музыки... Это уже Кони-Айландъ лепечетъ свой привѣтъ. Вдоль пути чудовищныя, лубочныя афиши... Звѣрскіе герои, душащіе или прицѣливающіеся въ неестественно изогнутыхъ героинь... Молодыя женщины съ преступными лицами на колѣняхъ передъ благородными стариками, карикатурныя физіономіи съ раздутыми носами и щеками, виртуозныя позы звѣрей, толстыя дамы, обвитыя змѣями и т. д.

Поѣздъ подходитъ; шумъ, трескъ, отрывки музыкальныхъ мелодій, рядъ странныхъ сооруженій: не то декорацій, не то зданій. Искусственныя горы изъ дерева и красокъ. Какой-то хаосъ, непонятный на первый взглядъ.

Вышли на улицу... Что это такое? Похоже на грандіозныхъ размѣровъ наши «вербы»...

По обѣимъ сторонамъ тянутся рестораны, лавки и причудливыя сооруженія. То ворота изъ металлически блестящей фигуры громадной женщины, то китайская пагода, то зубастый драконъ, грозящій пожрать прохожаго, или сатана въ компаніи веселыхъ чертей. Электрическими лампочками выведены не менѣе затѣйливыя названія: «Страна сновъ», «Рай земной», «Алмазный сонъ», «Волшебныя грезы» и т. д.

— Кацъ, что это такое?—перекрикиваю я адскій шумъ.

Оказывается, это—входы въ сады, гдѣ различные балаганы, американскія горы и другія «американскія» развлеченія.

— Мы послѣ зайдемъ куда-нибудь, а сначала на морской берегъ.

Отдаемся въ распоряженіе Каца.

Приходится слѣдить, какъ бы не растеряться. Густая толпа то и дѣло оттираетъ насъ другъ отъ друга. Калейдоскопъ цвѣтовъ, хаосъ звуковъ... Поминутно лотки съ конфектами, жаровни съ горячими китайскими орѣхами, кіоски съ буттербродами и сосисками, цѣлыя россыпи открытокъ. Настежь открытыя двери ресторановъ. Въ глубинѣ ихъ видны сцена съ танцующими женщинами или экранъ живой фотографіи.

Дѣвушка, съ испанскимъ типомъ лица, въ короткой юбкѣ до колѣнъ, въ высокихъ сапогахъ, въ красной курткѣ, съ пистолетами и кинжалами за поясомъ и въ лихо откинутой съ пышныхъ волосъ широкополой панамѣ, стоитъ передъ длинной выручкой съ разложенными ружьями. За выручкой подъ пестро раскрашеннымъ навѣсомъ подвижныя и неподвижныя цѣли: уродливыя птички на жердочкахъ, полосатые круги и т. д. Джентльмэны различныхъ воз-

растовъ платятъ десять центовъ, за что получаютъ право охотиться на глиняныхъ птичекъ и попадать въ цѣль.

Кацъ подошелъ попробовать. Изъ десяти выстрѣловъ у него лишь разъ позвонилъ колокольчикъ, помѣщающійся за центральнымъ отверстіемъ круга. А рядомъ съ нимъ у длиннаго рыжаго американца каждый выстрѣлъ сопровождался звономъ.

— Oh, that's nice! Очень хорошо!—восхищенно произноситъ вооруженная дѣвица, обжигая взглядомъ.

Американецъ польщенъ и принимается стрѣлять еще, теперь по птичкамъ, съ трескомъ сшибая ихъ съ жердочки...

Наша остановка быстро привлекаетъ толпу, и мы оставляемъ ее восторгаться мѣткостью американца.

Сворачиваемъ вправо и прямо по теплому, вязкому песку направляемся къ берегу. Онъ весь усѣянъ пестрыми фигурами. Съ трудомъ переступая утопающими ногами, подходимъ ближе... Одѣтыя въ купальные костюмы фигуры перемѣшаны съ гуляющими. Кто сидитъ на скамейкахъ, кто подъ большими зонтами, семьями съ ѣдой и дѣтьми. Песокъ здѣсь весь усыпанъ объѣдками, бумажками, яичной скорлупой и всевозможными отбросами. Но это не мѣшаетъ купальщикамъ живописно располагаться на немъ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. Мужчины въ темныхъ трико, а женщины въ безобразныхъ синихъ балахонахъ. Къ мокрымъ костюмамъ липнетъ грязный песокъ и соръ, а они лежатъ себѣ, позволяя гуляющимъ шагать черезъ ихъ тѣла. Лица мокрыя отъ воды и пота, фигуры безобразныя съ отвислыми животами и уродливыми ногами. И эта грязь и тѣснота... Даже волны, обдающія землю, — мутны. Купаются всѣ около берега скученной толпой. Вода вокругъ этой толпы кажется какимъ-то скользкимъ бульономъ...

— Какъ имъ не противно купаться и валяться въ такой грязи?—не выдерживаю я и обращаюсь къ Кацу.

— Море. Вода вѣдь смѣняется!

— Неужели и вы тутъ купались?—Я недавно видѣла у Каца фотографію его съ семьей въ морѣ.

— Нѣтъ! Тамъ дальше есть другое платное купанье, менѣе людное. Тамъ лучше!

— Да? Я здѣсь ни за что не согласилась бы войти въ воду! Уйдемте отсюда! Даже смотрѣть непріятно!

Подкатившаяся предательская волна заставляетъ меня и Тараса отскочить въ сторону. Бѣдному Кацу обдаетъ сапоги. Окружающіе смѣются...

— Ну, уйдемте!—соглашается Кацъ.

Возвращаемся по мосткамъ. Дальше легче идти. Снова приходимъ къ главной улицѣ.

— Куда же теперь?—вопросительно смотритъ Тарасъ.

— Куда хотите! Всѣ сады носятъ здѣсь одинаковый отпечатокъ.

Идемъ въ ближайшiй «Dream land»—Страну сновъ. У входа дюжiе полисмэны въ красномъ. Въ городѣ они сѣрые. Подъ широкой аркой воротъ два ящика для опусканiя билетовъ и касса съ хорошенькой кассиршей. Платимъ по двадцати пяти центовъ и входимъ въ заповѣдное царство.

Двѣ длинныя широкiя улицы съ деревяннымъ поломъ. По обѣимъ сторонамъ каждой изъ нихъ опять диковинныя постройки съ кричащами надписями. Посреди—карусель и высокая башня вся въ электрическихъ лампочкахъ. Должно быть, красиво вечеромъ! За башней рядъ еще какихъ то сооруженiй. Фланируетъ толпа.

Мы медленно двигаемся вмѣстѣ съ нею. Глаза разбѣгаются во всѣ стороны. Вотъ пестрая карусель, совсѣмъ какъ у насъ во время оно на вербахъ. Только у насъ она преимущественно достоянiе дѣтей, а здѣсь взрослые съ увлеченiемъ несутся на искусственныхъ коняхъ и подвѣшенныхъ колымагахъ. Толстая дама судорожно ухватилась за шею своей лошади. Такъ и приникла къ ней. Видно, едва дышетъ отъ страха. А вотъ молоденькая дѣвушка нарочно красиво сидитъ и едва придерживается за шестъ. Кому то улыбается въ толпѣ. Должно быть, своему fellow. Въ колымагѣ мать съ цѣлымъ выводкомъ птенцовъ. Визгъ дѣтей на секунду прорѣзываетъ общiй гулъ и уносится вмѣстѣ съ каруселью, темпъ которой все ускоряется.

Сейчасъ послѣ карусели на высокихъ подпорахъ громадное колесо съ привѣшанными къ концамъ его лодками. Вслѣдствiе центробѣжной силы лодки вотъ-вотъ, кажется, разлетятся въ стороны.

Рядомъ другое колесо, вертикальное съ корзинками. И тамъ тоже люди упиваются сильными ощущенiями.

Посреди улицы кiоски съ мороженымъ, лимонадомъ, горячими сосисками, конфектами.

Мужчина въ женскомъ платьѣ съ рекламами на спинѣ и груди везетъ въ коляскѣ нарядно одѣтую свинью.

Налѣво серiя непонятныхъ картинъ: тутъ и карлики, и великаны, и подземелья, и убiйства, черезъ дверь видна пара кривыхъ зеркалъ, уродующихъ отраженiе. Надпись обѣщаетъ «самое смѣшное въ свѣтѣ». Солидный джентльмэнъ у входа произноситъ трактатъ о пользѣ смѣха. Другой, въ соломенномъ парикѣ, раскрашенный, корчитъ невѣроятныя рожи...

Рядомъ нѣчто вродѣ первой сцены Фауста. Комната, лишенная передней стѣны, съ бумагами, книгами, картами, ретортами. За письменнымъ столомъ пишетъ что то господинъ съ профессорской внѣшностью. Передъ нимъ черепъ, а на стѣнѣ рисунокъ линiй человѣческой руки.

Это—астрологъ и предсказатель. Онъ такъ углубленъ въ свои занятiя, что, повидимому, забылъ и о глазѣющей публикѣ, и о Dream-land.

— Какъ вы думаете, что онъ пишетъ?—спрашиваетъ насъ Кацъ.

Пожимаемъ въ недоумѣніи плечами.

— Возможно, что какія-нибудь конторскія книги. Онъ здѣсь зарабатываетъ своей представительной наружностью и шарлатанствомъ и за переписку получитъ.

Астрологъ повернулся. Какое лицо! Проницательные, черные глаза, длинная, сѣдая борода, на сѣдыхъ кудряхъ бархатная шапочка. И одѣтъ въ какую то мягкую, черную тогу.

Хочется вѣрить этой старческой красотѣ и забыть, что находишься въ Америкѣ, странѣ доллара.

Сейчасъ за главной башней въ электрическихъ лампочкахъ очень высокій деревянный помостъ. Внизу небольшой прудъ. На помостъ заставляютъ подняться красивую, бѣлую лошадь. Молодая дѣвушка въ бѣломъ трико, подсаживамая господиномъ, похожимъ на пастора, вскакиваетъ на лошадь и бросается вмѣстѣ съ нею съ помоста въ воду. На секунду видны только желтоватыя брызги. Но вотъ у противоположнаго берега показывается голова дѣвушки. Лошадь тяжело выходитъ на берегъ, гдѣ уже стоятъ два джентльмэна. Одинъ подаетъ мохнатый халатъ граціозно раскланивающейся наѣздницѣ, другой беретъ на попеченіе коня. Вокругъ пруда большая толпа ожидаетъ повторнаго прыжка, который совершается каждые четверть часа. Это—трудъ предпріимчивой и безстрашной американской миссъ.

Съ другой стороны пруда поднимается деревянная гора. Вагонетка медленно взбирается кверху и стремительно низвергается внизъ, въ прудъ, до половины погружаясь въ воду при пронзительныхъ взвизгиваніяхъ наполняющихъ ее людей.

Вокругъ пруда узенькая дорожка, усыпанная пескомъ. По ней медленно дефилируютъ дѣти на пони, слонахъ и верблюдахъ.

Китайскія кумирни, индусскіе храмы, фантастическія постройки инковъ съ голубыми куполами, зданія самой затѣйливой архитектуры разбѣжались во всѣ стороны, обѣщая всевозможныя развлеченія. Передъ каждымъ оркестръ и ораторъ, пространно объясняющій, что ждетъ тѣхъ, кто зайдетъ въ его лавочку.

— Not ten dollars, — only, ten cents! Не десять долларовъ — всего десять центовъ! — прибавляетъ онъ краснорѣчивый аргументъ. — Хорри онъ! Торопитесь! Сейчасъ начало. И онъ загребаетъ публику широкими жестами рукъ, подталкивая нерѣшительныхъ къ входу. Народъ валомъ валитъ. Оркестръ подавляетъ количествомъ издаваемыхъ звуковъ.

Кажется, самый воздухъ дрожитъ и гудитъ и переливается радужными цвѣтами.

Хочется оставить на время этотъ хаосъ однообразныхъ въ своемъ разнообразіи впечатлѣній.

Мы вышли къ морю. Деревянная широкая лѣстница спускается къ самой водѣ... Дѣти, снявъ сапоги и высоко подобравъ платья, забавляются мѣрнымъ прибоемъ.

Кацъ предлагаетъ зайти въ громадный ресторанъ направо. Оттуда доносится музыка, нарядная толпа за столами. А здѣсь глазъ отдыхаетъ въ спокойныхъ тонахъ обнимающагося съ горизонтомъ моря.

— Идите вы одни! А я посижу здѣсь. Я не голодна.

Послѣ ряда препирательствъ Кацъ и Тарасъ уходятъ. Я облокачиваюсь на перила и отдаюсь потоку своихъ мыслей и фантазіи...

Позади сутолока и люди. За то какой покой и какая красота передо мной. Огненный шаръ солнца медленно скатывается въ воду, окрашивая ее перламутровыми тонами. Вкрадчиво лепечутъ волны и беззаботно звенятъ дѣтскіе голоса. Два мальчугана строятъ запруду изъ мокраго песку и раковинъ и горстями несятъ туда воду. Глаза блестятъ, разрумянились щеки... Еще не научились жалкую мишуру лубочныхъ развлеченій чувствовать полнѣе этого моря и неба и покорнаго песку. Обѣ фигурки наклонились надъ наполненнымъ «озеромъ», совсѣмъ отдались укрѣпленію береговъ. Видно, что сейчасъ ничего для нихъ больше не существуетъ и ничего больше не надо... Своимъ забвеньемъ они словно отрицаютъ хаосъ Кони-Айланда и искусственное оживленіе что-то потерявшей, чего то ищущей здѣсь толпы. И мнѣ становится жаль ясныхъ глазъ, которые также угаснутъ для золотого заката и откроются широко для воспріятія красотъ Dream-land'а, жаль толстыхъ ножекъ, которыя облекутся въ нелѣпыя трубки брюкъ, и растрепанныхъ головокъ, съ которыми такъ не вяжется представленіе о традиціонномъ котелкѣ.

Море продолжаетъ нашептывать свои безсвязныя рѣчи, приникая къ землѣ... Темный дымокъ парохода протянулся по небу... Вспоминается другое море, другая обстановка, туманный Петербургъ съ тусклыми пятнами фонарей, озабоченныя, суетливыя фигуры прохожихъ... Вся совокупность переживаній, вытолкнувшая сюда, въ этотъ чудовищный Нью-Іоркъ...

— О чемъ, Таня?—наклоняется ко мнѣ Кацъ.

Я не отвѣчаю... Подходитъ отставшій Тарасъ, и чуткій Кацъ начинаетъ разговоръ съ нимъ... Но сидѣть на лѣсенкѣ мнѣ становится прохладно. Съ моря подулъ свѣжій вѣтеръ.

— Идемте дальше!—предлагаю я своимъ спутникамъ.

Налѣво отъ насъ высокій и тучный человѣкъ держитъ на своей ладони карлика въ военной формѣ. Зрѣлище привлекаетъ толпу, а неизмѣнный ораторъ энергично жестикулируетъ. Оркестръ наготовѣ.

Подходимъ и мы. Тутъ, оказывается, «райскія гуріи и восточные танцы». Танцовщицы, по сообщаемымъ ораторомъ свѣдѣніямъ, особы титулованныя: персидская царевна, дочь индійскаго раджи и польская графиня. У входа, завѣшаннаго красной портьерой

подозрительнаго вида, стоятъ два служителя въ индусскихъ костюмахъ.

— Попросите пожаловать сюда принцессу Реджію, — обращается къ нимъ ораторъ.

Восточный, низкій поклонъ, съ прикладываніемъ рукъ къ груди. Оба индуса исчезаютъ въ темной дырѣ бокового входа...

Принцесса выходить не желаетъ и лишь послѣ повторныхъ приглашеній индусы извѣщаютъ, что она сейчасъ покажется.

Шесть раскрашенныхъ, перетянутыхъ дѣвушекъ въ невѣроятно короткихъ юбочкахъ, съ невѣроятно толстыми ногами, становятся по обѣимъ сторонамъ подобія трона. Индусы высоко держатъ занавѣсъ у входа; оттуда показывается толстая, пестро наряженная и разрисованная женщина, позади нея графиня и царевна... Принцесса садится на тронъ, индусы раскидываютъ надъ нею опахало, спутницы усаживаются у ея ногъ. Начинаетъ играть музыка. Ораторъ проситъ танцевъ. Опять нѣкоторое время жеманное качанье головой, потомъ всѣ женщины берутся за руки и продѣлываютъ нѣсколько циничныхъ тѣлодвиженій... И медленно удаляются за занавѣсъ...

— Кто желаетъ видѣть танцы гурій?! Торопитесь! Нurry up! Нurry up!

И народъ идетъ. Мы считаемъ, что видѣли достаточно, и отправляемся дальше...

Дѣвушка на бѣлой лошади все также неутомимо совершаетъ свои прыжки, все такой же гулъ кругомъ и не убываетъ пестрая толпа.

Вотъ передъ нами багрово-фіолетовыми тонами встаетъ пещера. Вверху самъ дьяволъ, окруженный разной величины чертями. Колонны изъ змѣй и ужасныхъ человѣческихъ головъ. Это—«Ночь на Брокенѣ и мученія грѣшниковъ въ аду».

— А не махнуть ли намъ сюда? —предлагаетъ Тарасъ. — Надо же и въ самое пекло окунуться.

Кацъ вопросительно взглядываетъ на меня. Мнѣ интересны американскіе способы мученія грѣшниковъ...

— Идемте!

Беремъ пятицентовые билеты и входимъ за рѣшетку подъ сатану. Оказывается, демонстрированіе ада недавно началось, и входъ закрытъ. Намъ надо ждать окончанія сеанса. Фигура Тараса въ его высокихъ сапогахъ и охотничьей курткѣ быстро привлекаетъ вниманіе толпы. Сообразно этому увеличивается притокъ ея сюда.

Удивительно, какъ быстро можетъ здѣсь собраться толпа! Двa-три человѣка остановились, шесть присоединяются и дальше число увеличивается, какъ снѣжный комъ. Это—такъ называемый „мобъ", громадная толпа, сосредоточившаяся случайно, безъ всякой дѣйствительной причины.

Страстная погоня за внѣшними впечатлѣніями. Она отражается

въ газетахъ, почти сплошь состоящихъ изъ описанія сенсаціонныхъ, большей частью вымышленныхъ или беззастѣнчиво прикрашенныхъ событій, портретовъ героевъ дня, бездарныхъ карикатуръ, но ярче всего въ этомъ популярномъ воспѣтомъ въ пѣсняхъ Coney-Island...

Вынуто изъ людей что-то нужное, и вотъ постоянно гложетъ ихъ пустота, и вѣчно они ищутъ, чѣмъ бы ее заполнить...

Позади насъ съ грохотомъ раздвигается на обѣ стороны деревянная стѣна, выбрасывая живой потокъ. На смѣну вливается новый, и мы въ томъ числѣ.

Большой сарай съ потолкомъ, обитымъ радужной папкой. Скамьи съ поднимающимися сидѣньями. На спинкахъ—автоматическіе ящики, продающіе конфекты. Въ глубинѣ красный занавѣсъ сцены.. Народу очень много—заняты почти всѣ скамьи. Подростки разносятъ прохладительные напитки и традиціонный ice-cream—мороженое, набитое въ свернутую трубочкой вафлю...

— Ice cream! Айсъ-кримъ!—перекатывается въ воздухѣ.

Мы опускаемъ десять центовъ въ ящикъ передъ нами, и онъ выбрасываетъ маленькую коробку недурныхъ конфектъ.

Ждать надоѣло. Публика начинаетъ свистѣть и топать. Немного погодя, въ занавѣсъ летятъ коробки, апельсинныя корки и окурки. Волна звуковъ вздымается выше, выше и замираетъ постепенно.

Вотъ задвинули входныя двери, мы остаемся въ совершенной темнотѣ. Раскидывается занавѣсъ и что же... на сценѣ Фаустъ—но какой Фаустъ? Сравнить можно развѣ съ постановкой въ какомъ нибудь нашемъ захолустномъ городишкѣ, съ той лишь разницей, что передъ нами пантомима и при томъ въ невѣроятно быстромъ темпѣ. Понять смыслъ ея, не зная заранѣе, въ чемъ дѣло,—невозможно! Судорожно корчится старикъ Фаустъ, вьется, какъ змѣй, огненно-красный Мефистофель, Маргарита передъ подарками совершаетъ дикіе прыжки, затѣмъ—поцѣлуи, равносильные по дѣйствію укусамъ скорпіоновъ, и быстрота, быстрота... Time is money!

Меньше, чѣмъ въ двадцать минутъ, все кончено: восторжествовалъ порокъ, убитъ Валентинъ, пала Маргарита... Занавѣсъ опускается, но такъ какъ выходъ закрытъ и тьма безпросвѣтна, то, очевидно, будетъ что-то еще. Дѣйствительно, за занавѣсомъ слышно рыданіе, зловѣщій вой, заунывные стоны... Черезъ минуту передъ нами „ночь на Брокенѣ", только... на американскій ладъ.

Безформенные куски папки, очевидно, изображаютъ ландшафтъ. По скаламъ медленно движутся фигуры въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ и воютъ. На первомъ планѣ нѣчто вродѣ трубы для спуска товаровъ съ гладко укутанными стѣнками и подобіе кратера вулкана... На скалахъ появляется дрожащій Фаустъ въ сопровожденіи Мефистофеля... Рыданія и вой усиливаются... Бѣлыя фигуры вдругъ начинаютъ быстро, съ криками, скатываться по трубѣ куда то внизъ... Фаустъ въ корчахъ закрываетъ лицо руками, без-

жалостный Мефистофель толкаетъ его въ трубу, и онъ стремительно скатывается, но не пропадаетъ, какъ другіе, а неожиданно появляется въ кратерѣ. Вой не прекращается. Теперь чуть ли не самъ Фаустъ, оставивъ пантомиму, мучительно визжитъ. Изъ-подъ земли выскакиваютъ нѣсколько чертей съ раскаленными щипцами, вилами и другими орудіями пытки и окружаютъ тѣло Фауста... На этомъ все и кончается...

Раздвигаются стѣны, и мы съ облегченіемъ выходимъ наружу. За рѣшеткой уже новый комплектъ интересующихся „мученіями"...

— Н-да!—значительно мычитъ Тарасъ.

— Вотъ такъ штука капитана Кука!—повторяю я фразу одной моей трехлѣтней пріятельницы.

Кацъ только улыбается...

Напротивъ насъ человѣкъ въ костюмѣ индійскаго факира съ длинной трубкой у рта собралъ вокругъ себя что-то очень много народа...

Подходимъ. Факиръ раздаетъ листочки бѣлой бумаги. Нужно написать на листочкѣ свое имя и вернуть ему. Онъ вкладываетъ бумагу въ трубку и, послѣ ряда непонятныхъ заклинаній и артистической мимики, подаетъ листокъ, но уже съ написаннымъ на немъ предсказаніемъ... За трудъ беретъ всего пять центовъ и собираетъ обильную жатву...

Здѣсь страшно падки на предсказанія и гаданье, и потому существуетъ очень много шарлатановъ подобнаго рода... На одной изъ первыхъ фабрикъ, гдѣ я работала, я какъ-то въ шутку посмотрѣла руку своей сосѣдки и сказала ей, что она выйдетъ замужъ за богатаго старика. Въ послѣдующіе дни буквально вся фабрика перебывала у меня, и не было иного способа отдѣлаться отъ дѣвушекъ, какъ «предсказавъ» каждой хоть что-нибудь...

По дорожкѣ, гдѣ раньше шествовали пони, слоны и верблюды съ дѣтьми на спинахъ, скачутъ двѣ индіанки. Передняя вынимаетъ изъ висящей на рукѣ корзинки черные целлулоидные шары и бросаетъ ихъ въ воздухъ, а задняя на всемъ скаку безъ промаха прострѣливаетъ ихъ на лету. Мѣткость поразительная!

Мы уже составили представленіе о томъ, что такое Кони-Айландъ, да и глазъ притупился, и на него уже не дѣйствуютъ встрѣчные эффекты... Но Кацъ увѣряетъ, что впечатлѣніе будетъ неполнымъ, если мы не дождемся вечерняго освѣщенія...

— Тутъ есть кое-что новое! Я слышалъ хорошій отзывъ о The creation of the world—сотвореніи міра... Говорятъ, что замѣчательная постановка съ примѣненіемъ всѣхъ открытій современной техники...

«Сотвореніе міра»—въ театрѣ при входѣ въ Dream-land. Отправляемся туда...

Это ужъ не сарай, а основательная постройка. Бархатныя

скамьи расположены амфитеатромъ, освѣщеніе электрическое... Но публики здѣсь почему то немного...

Передъ глазами проходятъ, дѣйствительно, великолѣпно скомпонованныя картины мірозданія. На сценѣ настоящія облака, громъ, молнія, волны... Звѣздное небо съ вѣрно переданными созвѣздіями... Отлично схваченныя перспективы далей и переходы небесныхъ тоновъ... Медленно развертываются картины библейскихъ дней творенія... Передъ каждой картиной чей-то голосъ выразительно читаетъ соотвѣтствующее мѣсто изъ библіи. Все хорошо, даже поютъ созданныя птицы. Но... въ послѣдней картинѣ появляются Адамъ и Ева въ тѣлеснаго цвѣта трико и, увы! зеленыхъ акробатскихъ штанишкахъ. Американская «мораль» сдуваетъ все впечатлѣніе!

Чтобы убить время до вечера, мы заходимъ еще въ нѣсколько зданій, любуемся на себя въ кривыхъ зеркалахъ, смотримъ человѣка, глотающаго огонь, японскихъ акробатовъ, индѣйскіе военные танцы... Все тотъ же характеръ дешеваго паноптикума.

Бросается въ глаза одно своеобразное развлеченіе...

Натянутое полотно вродѣ экрана волшебнаго фонаря. Посрединѣ въ отверстіи голова негра. Въ нѣкоторомъ разстояніи корзина съ кожаными мячами. Желающіе мѣтать этими мячами въ живую цѣль, платя пять центовъ. Въ случаѣ успѣха—безплатно право повторенія. Негръ, однако, ловко увертывается и скалитъ зубы.

Заходимъ въ ресторанъ и смотримъ залихватскіе негритянскіе танцы. Негры танцуютъ выразительно, со страстью и обладаютъ отличными голосами.

Вотъ и вечеръ...

Кони-Айландъ кажется волшебнымъ, весь залитый огнями тысячъ электрическихъ лампочекъ. Ночной мракъ скрываетъ лубочные эффекты, пестроту и вульгарныя лица. При искусственномъ освѣщеніи люди кажутся оживленнѣе, красивѣе, а декораціи—подлинными видами и постройками... Башня Drem-land'а потерялась между другими огненными силуэтами, вычерченными на темномъ небѣ. Ослѣпительными лентами сверкаютъ названія садовъ и театровъ. Сказочный золотой городъ!..

Изъ окна элевэйтора на далекое разстояніе виденъ блистающій, весь иллюминованный Кони-Айландъ... Море крадется къ нему чернымъ покровомъ... Но и оно тамъ и сямъ вспыхиваетъ цвѣтными огоньками пароходныхъ фонарей...

Чувствуется сильное утомленіе и какой-то сумбуръ въ головѣ... А въ ушахъ еще звенятъ обрывки музыкальныхъ мелодій...

Вечеръ холодный. Я зябко вздрагиваю въ своемъ легкомъ костюмѣ и прячусь въ уголъ. Кацъ выглядитъ постарѣвшимъ и блѣднымъ отъ усталости. И даже Тарасъ не читаетъ.

Мы вяло обмѣниваемся отрывистыми фразами...

Снова Бруклинъ-Бриджъ... Спускаемся на платформу подземной дороги. Какъ разъ нашъ экспрессъ!

На 96-ой улицѣ Кацъ прощается съ нами. Ему надо мѣнять поѣздъ...

— Спасибо, Кацъ! Устали вы, кажется, очень!

— И вы также, я вижу! Ну, до свиданья!

Вагонъ убѣгаетъ дальше.

Вылетѣли изъ-подъ земли... Направо и налѣво прямыя линіи освѣщенныхъ улицъ. Это ужъ Bronx.

— Фриманъ-Стритъ!

Намъ выходить.

Какъ хочется скорѣй повалиться въ постель, а бѣдному Тарасу сейчасъ идти смѣнять Данилова.

На углу мы разстаемся. Дубровъ переходитъ на противоположную сторону, гдѣ теплится окошко будки, а я почти бѣгомъ возвращаюсь домой...

Вспышкой car'а освѣтило глянцевитые листья Crotona Parc'а и тотчасъ все слилось съ безконечностью неба... На улицѣ пустынно. Американцы давно спятъ. И только грохотъ Subway періодически догоняетъ меня...

Вотъ и нашъ подвалъ...

Ек. Бакунина.

Гибель „Анны Гольманъ".

Романъ *Густава Френсена.*

Переводъ съ нѣмецкаго **А. С. Полоцкой.**

I.

Четыре или пять десятилѣтій тому назадъ молодой Бланкенезскій морякъ изъ стараго рода Гульдтовъ женился не на дочери лоцмана, какъ полагается, выбранной для него его тетками, но на какой-то хмурой смуглянкѣ, выросшей на Эцерскомъ болотѣ и какимъ-то образомъ въ одинъ воскресный вечеръ попавшей на танцовальную вечеринку въ Бланкенезе (прибрежный поселокъ подъ Гамбургомъ).

Его родные были очень недовольны и дали это почувствовать молодому человѣку въ первый-же день. Но когда на второй день старая тетка язвительно спросила, сколько тысячъ торфяныхъ кирпичей принесла ему въ приданое молодая, онъ вышвырнулъ старуху изъ дома. Больше его родственникамъ не пришлось допекать его, какъ имъ ни хотѣлось этого (ради этого они готовы были даже молиться о продленіи ему долгой жизни): на третій день онъ уѣхалъ на „Аннѣ Гольманъ" въ Сенегамбію, во время плаванія заболѣлъ лихорадкой и умеръ. Его вдова, мало общительная по натурѣ и вслѣдствіе проведенной въ болотахъ молодости привыкшая къ одиночеству, къ тому-же еще убитая ранней смертью мужа, совершенно отдалилась отъ его родныхъ. Она называла ихъ коротко и презрительно «сволочь» и со свойственной ей рѣзкостью запретила своему маленькому сыну, котораго всегда называла его полнымъ именемъ „Янъ Гульдтъ", всякое общеніе съ ними.

Она жила скромно, даже бѣдно, въ одномъ изъ низкихъ, крытыхъ соломой, прибрежныхъ домиковъ, которыхъ тогда было здѣсь еще много, въ заднемъ помѣщеніи, состоявшемъ только изъ комнаты и кухни. Она зарабатывала свой хлѣбъ

тѣмъ, что съ утра до вечера стирала на моряковъ и штопала ихъ бѣлье и платье. Ей приходилось разсчитывать каждый грошъ, и не разъ она изъ-за гроша вступала въ жаркій ожесточенный споръ. Всей своей жизнью она давала юной душѣ своего сына примѣръ вѣрности и тихаго и упорнаго исполненія долга.

Она говорила немного, и это немногое произносила недружелюбнымъ тономъ, при чемъ свои слова сопровождала такимъ жестомъ, какъ будто отталкивала отъ себя что-то непріятное. Но тѣмъ немногимъ, что она говорила, она дала первое направленіе его уму. Въ своемъ ожесточеніи она не могла говорить ни о чемъ, кромѣ смерти своего мужа; она горько жаловалась на то, что Гольманы, владѣльцы „Анны Гольманъ“, морили людей на своихъ судахъ голодомъ и держали ихъ въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ; такимъ образомъ они были виноваты въ смерти ея мужа. Она разсказывала сыну также, что и его дѣдъ погибъ на службѣ у Гольмановъ. Онъ когда-то отправился на одномъ изъ ихъ судовъ въ Бразилію, вѣроятно, для какого-нибудь дурного, во всякомъ случаѣ противозаконнаго предпріятія, и не вернулся. Объ этихъ двухъ событіяхъ она говорила вѣчно своимъ ворчливымъ тономъ, точно разговаривая сама съ собою. Наговорившись досыта, она снова погружалась въ свое обычное молчаніе и долго неподвижно сидѣла надъ грубыми сѣрыми шерстяными чулками и толстыми исландскими куртками своихъ заказчиковъ, а потомъ заключала разсказъ своимъ окончательнымъ сужденіемъ о Гольманахъ: „Они хотѣли этого, хотѣли, Янъ Гульдтъ! Это—убійцы!“ Мальчикъ, сидя напротивъ нея, слушалъ ея слова, какъ бы часто она ни повторяла ихъ, всегда съ одинаковой жадностью — онъ унаслѣдовалъ отъ нея ея способность помнить обиду—и впитывалъ ихъ въ себя.

По мѣрѣ того, какъ онъ подросталъ, его мать, подъ вліяніемъ своей одинокой жизни и горькихъ мыслей, становилась все болѣе угрюмой и неразговорчивой. Вскорѣ она совершенно перестала разговаривать съ людьми, такъ какъ никому не довѣряла. Теперь ее можно было вывести изъ молчанія только разсказомъ о какомъ-нибудь несчастьѣ на морѣ. Послѣ такого разсказа, услышаннаго ею отъ какого-нибудь изъ ея заказчиковъ, она усаживалась у очага, возлѣ огня, на которомъ варила себѣ жидкій кофе, и, окруживъ себя грудой грубыхъ, сѣрыхъ чулокъ, рубахъ и исландскихъ куртокъ, разсказывала своему мальчику объ его отцѣ, которому пришлось погибнуть такимъ молодымъ, и о его дѣдѣ, который, можетъ быть, сидитъ еще гдѣ-нибудь въ тюрьмѣ въ Бразиліи за то, что долженъ былъ по пору-

ченію Гольмановъ—конечно, помимо своей воли и вѣдома—сдѣлать что-то дурное.

— А скольких моряковъ еще отправили Гольманы съ тѣхъ поръ на тотъ свѣтъ! Вотъ какіе люди, эти Гольманы! И это продолжается уже сто или двѣсти лѣтъ!—Такъ говорила она. И, помолчавъ немного, она еще разъ поднимала голову и спрашивала:

— Правда, Янъ Гульдтъ? Правда?

Онъ сидѣлъ по другую сторону огня и кипѣлъ яростью на Гольмановъ за смерть своего отца и дѣда и всѣхъ остальныхъ. Онъ смотрѣлъ на мать своими близко поставленными глазами, его смѣлое лицо было полно жизни и гнѣва, и онъ говорилъ:

— Если Гольманы будутъ еще живы, когда я выросту, ты увидишь, мать: я скажу имъ, что надо!

II.

Въ такой обстановкѣ, въ такихъ одностороннихъ бесѣдахъ прошло его дѣтство. Когда ему исполнилось четырнадцать лѣтъ и онъ сталъ уже подумывать о плаваніи, однажды утромъ онъ нашелъ на берегу небольшую невзрачную шлюпку, съ кормой, пробитой пароходнымъ винтомъ. Онъ очень обрадовался, подбѣжалъ къ группѣ гамбургскихъ экскурсантовъ, совершавшихъ свою прогулку съ пѣніемъ, въ бѣлыхъ курткахъ (было воскресенье), и сталъ торопливо просить ихъ помочь ему спрятать шлюпку, прежде чѣмъ придутъ старые рыбаки, которые обыкновенно всѣ такія находки забирали себѣ. Экскурсантамъ изъ гимнастическаго кружка понравился мальчикъ съ горящими глазами; къ тому же они были очень довольны случаемъ показать свою силу и ловкость. Четверо изъ нихъ сейчасъ побѣжали къ водѣ, вытащили шлюпку, протащили ее по песку, подняли на плечи и снесли въ его садъ. Затѣмъ они съ веселымъ пѣніемъ пошли дальше.

Шлюпка лежала въ укромномъ садикѣ между кривыми невысокими сливами, и при каждомъ легкомъ порывѣ вѣтерка, проносившагося надъ деревьями, по ней шаловливо, точно играя, скользили солнечныя пятна. Мальчикъ стоялъ передъ ней и все больше сомнѣвался, что ему удастся привести ее въ порядокъ. Чтобы разомъ положить этому конецъ, онъ сказалъ самому себѣ:

— Хочу я этого или не хочу?

Мать выглянула изъ кухни; онъ сказалъ ей:

— Я рѣшилъ, мама: я не буду ѣсть, пока у моей лодки

не будетъ новой кормы. До тѣхъ поръ не говори мнѣ о ѣдѣ и питьѣ.

Онъ началъ съ того, что аккуратно отпилилъ расщепленные концы досокъ. Затѣмъ на днищѣ старой дубовой бочки, которое онъ давно хранилъ у себя, онъ нарисовалъ очертанія новой кормы; затѣмъ онъ выпилилъ ее по этому рисунку, что стоило ему очень много труда; затѣмъ онъ еще обравнялъ ее кухоннымъ ножемъ, который ему пришлось оттачивать нѣсколько разъ. Онъ работалъ такъ упорно, что при каждомъ вѣтеркѣ, проносившемся надъ сливами и гнавшемъ взадъ и впередъ солнечныя пятна, на лбу у него подъ рыжеватыми волосами блестѣли капли пота.

Когда его мать, отъ времени до времени выглядывавшая изъ маленькаго тусклаго кухоннаго окошечка, увидѣла, что работа затягивается и кончится не раньше слѣдующаго дня, она встревожилась. Но такъ какъ она знала его и знала, что онъ истинный сынъ ея, она встала до разсвѣта, отрѣзала большой ломоть хлѣба, завернула его въ бумагу и положила подъ старый кустъ крыжовника, такъ, какъ будто его бросилъ туда какой-нибудь проходившій мимо матросъ. Онъ увидѣлъ свертокъ, почувствовалъ запахъ хлѣба и сейчасъ же понялъ—такъ какъ былъ сыномъ своей матери,—какъ попалъ сюда хлѣбъ; но онъ сдержался и терпѣлъ до полудня, когда лодка была совсѣмъ готова.

На слѣдующій день онъ опять взялся за работу, придѣлалъ къ лодкѣ мачту и руль и изъ пожелтѣвшей заплатанной простыни, которую безшабашный матросъ рыбачьей шхуны оставилъ у его матери и на которую, повидимому, махнулъ рукой, а можетъ быть, и просто забылъ, сдѣлалъ недурной парусъ; привелъ онъ въ порядокъ и все остальное. Въ тотъ же вечеръ онъ позвалъ своихъ товарищей, чтобы они помогли ему стащить къ водѣ его лодку, которая будто бы лежала еще со временъ его отца въ курятникѣ и которую онъ теперь починилъ.

Они пришли, обступили лодку и принялись громко обсуждать ея достоинства. Они долго и горячо спорили объ ея конопаткѣ, устойчивости и тому подобныхъ вещахъ. Затѣмъ они вдругъ сообразили, что все это сейчасъ будетъ видно, разомъ смолкли, подняли лодку и понесли ее къ берегу.

Должно же было случиться, что маленькій кортежъ попался на глаза жившему по сосѣдству болѣе взрослому мальчику, который увидѣлъ его изъ окна дома своихъ родителей. Онъ только что вернулся изъ своей первой поѣздки въ тропики, гдѣ схватилъ малярію; теперь онъ сидѣлъ въ домѣ своей матери, скучалъ и съ враждой слѣдилъ за всѣмъ

происходившимъ, въ особенности за Яномъ Гульдтомъ, который былъ такъ полонъ жизни: самъ онъ и до маляріи по своей натурѣ былъ брюзгой и ненавидѣлъ все, въ чемъ кипѣла жизнь. Онъ сейчасъ же увидѣлъ странно обрубленную и неуклюжую форму шлюпки, выскочилъ изъ дома, засунулъ обѣ желтыя, худыя руки въ свои рѣдкіе, бѣлесоватые, торчащіе, какъ солома, волосы и, осклабившись всѣмъ своимъ вялымъ, круглымъ лицомъ, закричалъ во все горло:

— Галло! Спускъ корабля! Идите всѣ сюда: Янъ Гульдтъ спускаетъ въ воду корабль!

Это услышали нѣкоторые старые рыбаки, а также нѣкоторыя дѣти; они подумали:

— Что это съ Паулемъ Гриномъ? Съ чего это вдругъ разорался этотъ тихоня?

Они высыпали изо всѣхъ угловъ и присоединились къ шествію. Старики говорили:

— Чертова перечница! Отрубилъ у шлюпки корму и приставилъ новую.

Дѣти смѣялись; они были на сторонѣ Яна Гульдта, котораго они любили, какъ любятъ дѣти огонь, и хвастливо говорили:

— Янъ Гульдтъ можетъ все, что захочетъ! Онъ вамъ выдолбитъ плюшку и изъ нея сдѣлаетъ лодку.

Пауль Гринъ осклабился всѣмъ своимъ желтымъ, вялымъ лицомъ и закричалъ еще громче:

— Смотрите на плюшку Яна Гульдта! Нѣтъ... на булку Яна Гульдта!

Мало-по-малу собралось порядочно народу. Всѣ тѣснились и кричали, и такъ какъ желтый брюзга толкнулъ мальчиковъ, несшихъ лодку, то она при спускѣ въ воду сильно ударилась о камни. Янъ Гульдтъ прыгнулъ въ нее.

Его лучшій другъ Карлъ Крегеръ, простая, честная душа, захотѣлъ показать ему, что готовъ перенести съ нимъ все, и теперь, какъ и всегда, стоитъ на его сторонѣ. Онъ прыгнулъ вслѣдъ за нимъ въ лодку, спокойно, какъ старый боцманъ, сказалъ: „Нечего гоготать! Руки прочь!"—и оттолкнулся отъ берега.

Шлюпка стояла въ водѣ какъ то странно, какъ будто была смущена и не рѣшалась растянуться во всю длину: впереди она высоко торчала изъ воды, а сзади сидѣла глубоко, къ тому-же отъ удара въ ней образовалась пробоина, сквозь которую вливалась тоненькая струйка воды.

Карлъ Крегеръ озабоченно сказалъ, что, по его мнѣнію, имъ лучше держаться берега. Но у Яна Гульдта, управлявшаго рулемъ и шкотомъ, были мрачные глаза; онъ, не слушая, направилъ шлюпку прямо къ песчаному островку. Такъ

какъ вѣтеръ былъ благопріятный, они быстро подплыли къ отмели; когда они пристали, шлюпка была уже наполовину полна водой.

Янъ Гульдтъ вышелъ изъ нея и пошелъ впередъ; пройдя нѣсколько шаговъ по песку, онъ обернулся, посмотрѣлъ на Бланкенезе съ такимъ лицомъ, какъ будто хотѣлъ съѣсть родную деревню, и долго стоялъ такъ, не двигаясь. Карлъ Крегеръ вылилъ воду изъ шлюпки, разорвалъ на клочки свой большой красный носовой платокъ и хорошенько заткнулъ дыру. Приведя такимъ образомъ лодку въ порядокъ, онъ позвалъ Яна Гульдта. Но тотъ былъ поглощенъ своимъ гнѣвомъ; онъ покачалъ головой и засмѣялся, точно не понимая:

— Назадъ къ этимъ людямъ? О, нѣтъ! Никогда! Лучше умереть съ голоду здѣсь на пескѣ, чѣмъ жить вмѣстѣ съ этой сволочью.

И точно только теперь, при этихъ словахъ, почувствовавъ всю горечь происшедшаго, онъ повернулся и пошелъ къ кустамъ, въ концѣ острова.

Его другъ вернулся одинъ въ Бланкенезе, гдѣ его встрѣтили смѣхомъ и возгласами удивленія. Затѣмъ толпа разошлась, смѣясь и успокаивая себя тѣмъ, что ужъ кто-нибудь да найдется, кто поѣдетъ за Яномъ и привезетъ его домой. И скоро всѣ забыли и думать о Янѣ Гульдтѣ.

Одинъ только Карлъ Крегеръ очень безпокоился о немъ. Однако весь слѣдующій день онъ не могъ ничего для него сдѣлать, такъ какъ долженъ былъ помогать своей матери, тоже вдовѣ моряка. Вѣтеръ сорвалъ въ одномъ мѣстѣ солому съ ихъ крыши, и имъ пришлось ее починять. Они сидѣли оба на крышѣ и зашивали ее, онъ снаружи, она изнутри. Онъ въ своемъ безпокойствѣ не переставалъ браниться, что она такъ медленно вдѣваетъ нитку въ иголку, которую онъ продѣвалъ насквозь, и каждую минуту говорилъ: „Мама, шей-же!“ Но она тщетно искала внутри въ темнотѣ игольнаго ушка; онъ поминутно оборачивался къ островку, какъ будто могъ увидѣть Яна Гульдта, и продѣвалъ иголку вкось. Изъ подъ кровли глухо доносилось: „Гдѣ иголка? Иголка гдѣ?“ Онъ сидѣлъ, насупившись, и не отвѣчалъ. Когда къ вечеру крыша была, наконецъ, исправлена, онъ поспѣшно отправился къ дому Яна Гульдта.

Онъ тихонько обошелъ его и заглянулъ черезъ окно въ комнату. Яна Гульдта не было видно. Онъ осторожно пріоткрылъ дверь и просунулъ въ нее голову. Христіана Гульдтъ сидѣла сбоку на каменномъ очагѣ; подлѣ нея на столѣ лежала груда чулокъ и рубахъ.

Онъ тихимъ, низкимъ голосомъ спросилъ ее, гдѣ ея сынъ.

Она, не поднимая глазъ, отвѣтила, какъ всегда, недружелюбнымъ огрызающимся тономъ:

— Что вамъ за дѣло до того, гдѣ Янъ Гульдтъ? А если-бы онъ даже умеръ?

— О,—съ спокойнымъ достоинствомъ сказалъ Карлъ.— я-то всегда былъ ему другомъ!

Она не подняла глазъ; но ея признаніе его дружбы выразилось въ томъ, что она еще разъ открыла роть и со своимъ суровымъ недовѣріемъ воскликнула:

— Они сломали его лодку! И они сдѣлали это нарочно! Всѣ они такіе-же негодяи, какъ Гольманы.

Онъ убралъ свою голову и тихо закрылъ за собой дверь. Щеколда захлопнулась съ легкимъ, осторожнымъ стукомъ, и ему вдругъ ясно представилось, что въ эту дверь передъ нимъ точно такъ же, какъ онъ, такъ же осторожно и молча вошелъ Янъ Гульдтъ, и щеколда при этомъ точно такъ же тихо захлопнулась. Онъ остолбенѣлъ и подумалъ: „Что это значитъ? Вѣдь онъ на отмели?“ Но въ слѣдующій моментъ ему вдругъ стало ясно, что Янъ Гульдтъ былъ здѣсь. Откуда иначе она могла знать, что его лодка сломана? Изъ своего дома она не могла этого видѣть, а сказать ей этого никто не могъ. Значитъ, онъ ночью приплылъ сюда и потомъ опять вернулся обратно! Ему казалось, что онъ видитъ бѣлокурую голову товарища, одиноко борющуюся во мракѣ съ волнами.

Онъ опять пошелъ домой; и такъ какъ въ свои четырнадцать лѣтъ онъ уже давно былъ въ домѣ господиномъ, то онъ разсказалъ матери, какъ обстояло дѣло, и заявилъ:

— Эту ночь я не лягу спать, потому что хочу выслѣдить, не приплыветъ ли съ острова Янъ Гульдтъ.

Онъ цѣлый часъ стоялъ наверху, на стѣнѣ, въ тѣни молодыхъ липъ, смотрѣлъ вдоль свѣтлаго берега, въ голубую ночь, въ которой лежали рядомъ и спали небо и рѣка, и размышлялъ. Онъ спокойно и благодушно представлялъ себѣ всѣ тѣ необыкновенныя вещи, которыя предстояло ему увидѣть и пережить, когда онъ уѣдетъ въ плаваніе; все то, что онъ увидитъ на далекихъ моряхъ, на водѣ, и на оживленныхъ берегахъ и на небесномъ сводѣ. Какъ разъ передъ нимъ на берегу лежала злополучная лодка, къ которой не осмѣлился прикоснуться еще ни одинъ человѣкъ. Такъ стоялъ онъ часъ или два. Никто не показывался, и онъ рѣшилъ, что можетъ такъ-же хорошо караулить и сидя. Онъ сѣлъ на стѣну, прислонился головой къ липѣ и заснулъ.

Разбудилъ его холодный предразсвѣтный вѣтеръ. Открывъ глаза, онъ увидѣлъ въ полумракѣ внизу Яна Гульдта,

возившагося у лодки. Онъ работалъ изо всѣхъ силъ и при этомъ такъ горячо говорилъ что-то, что въ священной утренней тишинѣ его голосъ доносился до стѣны. Его мать, обыкновенно круглый годъ не выходившая изъ дома, стояла возлѣ него и помогала, какъ могла. Въ рукахъ у нея былъ большой камень для баласта, назначеніемъ котораго было заставить носъ лодки глубже погрузиться въ воду.

Карлъ Крегеръ соскользнулъ со стѣны, подошелъ къ нимъ и сталъ помогать имъ въ ихъ работѣ, думая при этомъ:

„Если я скажу хоть одно слово, особенно если заговорю о томъ, что надо помириться или оставить это дѣло или что-нибудь въ этомъ родѣ, онъ сейчасъ-же опять бросится въ Эльбу“.

И онъ молчалъ и работалъ. Когда они кончили, было совсѣмъ свѣтло. Мать ушла.

Они столкнули лодку въ воду, и Янъ Гульдтъ вошелъ въ нее. Его другъ спросилъ, не присоединиться-ли и ему; но Янъ покачалъ головой. Тогда Карлъ Крегеръ далъ лодкѣ толчокъ, чтобы сдвинуть ее съ мѣста, и нѣсколько минутъ смотрѣлъ ей вслѣдъ, радуясь, что она теперь сидитъ въ водѣ какъ слѣдуетъ; затѣмъ не спѣша пошелъ домой.

Онъ медленно, съ удовольствіемъ выпилъ свой утренній кофе, при чемъ прочелъ матери обстоятельную рѣчь о ветхомъ состояніи ихъ соломенной крыши, предложилъ покрыть заново всю западную сторону и высчиталъ, сколько это будетъ стоить. Затѣмъ, такъ какъ было воскресенье, онъ, по обычаю жителей Бланкенезе, отправился опять на берегъ, къ пристани.

Поглядѣвъ немного на людей и бросивъ холодный взглядъ на гамбургскихъ спортсмэновъ, уже подъѣзжавшихъ въ переполненныхъ лодкахъ къ берегу, онъ сталъ искать Яна Гульдта. Онъ сейчасъ-же увидѣлъ его: Янъ Гульдтъ лавировалъ на своей лодочкѣ подъ свѣжимъ вѣтромъ взадъ и впередъ у пристани, чтобы показать людямъ, какъ хорошо плаваетъ теперь его находка. Передъ нимъ и за нимъ, поодиночкѣ и группами, рѣзали воду большія и маленькія парусныя суда. Вдругъ среди нихъ появилась нарядная бѣлая яхта съ гордо красующимся на флагѣ гольмановскимъ пѣтухомъ, котораго въ гамбургской гавани называютъ ястребомъ.

Не разсчиталъ-ли Янъ Гульдтъ въ своемъ увлеченіи разстоянія и скорости яхты, или внезапно вспыхнувшій гнѣвъ потянулъ его къ ястребу, или-же маленькій, стройный человѣкъ въ бѣломъ костюмѣ, стоявшій у руля, въ самомъ дѣлѣ намѣренно держалъ влѣво, чтобы напугать

маленькую коричневую шлюпку—такъ или иначе, вдругъ Янъ Гульдтъ очутился передъ самымъ носомъ яхты, а минуту спустя на желтой заплатанной простынѣ въ водѣ, возлѣ крутого бѣлаго борта яхты; еще черезъ минуту матросъ въ шерстяной шапкѣ втащилъ его на палубу.

Онъ сталъ у мачты и, держась за нее рукой, дѣлалъ видъ, что смотритъ на свою лодку, которая медленно и уныло, съ парусомъ въ водѣ, плыла внизъ по теченію: его бѣшенный гнѣвъ и цѣлый рядъ другихъ чувствъ рвались наружу и только не знали, какъ имъ вылиться всѣмъ сразу. Человѣкъ въ бѣломъ коротко разсмѣялся; онъ спокойно направилъ яхту къ пристани, на которой толпился чуть-ли не весь Бланкенезе, задѣлъ ее спущенными парусами и крикнулъ Яну Гульдту, чтобы онъ поживѣй убирался.

Тогда Янъ Гульдтъ обратилъ къ нему свое разъяренное лицо съ сверкающими глазами и пронзительнымъ, срывающимся голосомъ закричалъ:

— Ты... Ты погубилъ моего отца и дѣда!!. Ты и меня хотѣлъ погубить? Мерзавецъ!

И указывая на него рукой, онъ крикнулъ:

— Вотъ Гольманъ, который топитъ своихъ людей... который... который...

Въ этотъ моментъ сквозь толпу поспѣшно пробился желтолицый Пауль Гринъ. Увидя на яхтѣ Яна Гульдта, промокшаго насквозь, онъ понялъ, въ чемъ дѣло, хлопнулъ себя отъ радости по ляжкамъ и среди всеобщей тишины сталъ громко смѣяться и кричать. Тогда Янъ Гульдтъ спрыгнулъ съ яхты на пристань, пробѣжалъ сквозь разступившуюся толпу и сбѣжалъ на берегъ.

Гансъ Гольманъ съ неподвижнымъ лицомъ отдалъ необходимыя приказанія. Матросы отцѣпили крючья отъ пристани, и яхта съ пѣтухомъ на верхушкѣ мачты опять понеслась по водѣ.

На слѣдующее утро Карлъ Крегеръ нѣсколько часовъ слонялся вокругъ дома Яна Гульдта, но такъ и не увидѣлъ его. Поздно вечеромъ онъ рѣшился пріоткрыть дверь и просунуть въ нее голову. Мать сидѣла, какъ всегда, у очага и работала, окруженная сѣрой грудой шерстяныхъ вещей.

Когда онъ тихимъ торжественнымъ голосомъ, который долженъ былъ доказать его зрѣлое, обдуманное отношеніе, спросилъ, гдѣ Янъ Гульдтъ, она, сейчасъ-же вспыхнувъ, горько сказала:

— Янъ Гульдтъ? Янъ Гульдтъ?

И она натянула на пальцы грубую шерстяную куртку, ища поврежденныхъ мѣстъ.

— Вѣдь вы хотите убить его! Вы и Гольманъ! Но можешь

быть увѣренъ, что онъ вспомнитъ это Паулю Грину и Гольманамъ, когда выростетъ! А теперь убирайся!

Онъ тихо опять закрылъ дверь, медленно пошелъ къ берегу и увидѣлъ лодку, которую прибило сюда. Она стояла прямо, и онъ увидѣлъ, что Янъ Гульдтъ привязалъ къ мачтѣ свой пестрый носовой платокъ, на которомъ были изображены три башни Гамбургскаго герба. Платокъ былъ привязанъ на половинѣ высоты мачты, какъ приспущенный флагъ въ знакъ траура. Онъ долго, задумавшись, смотрѣлъ на него и нашелъ справедливымъ, что Янъ Гульдтъ отчаялся во всемъ Бланкенезе и ушелъ въ Гамбургъ.

III.

Нѣсколько лѣтъ о немъ ничего не было слышно; знали только, что онъ пишетъ своей матери съ корабля, на которомъ плаваетъ и какъ-то разъ кто-то разсказалъ, что видѣлъ его поздно вечеромъ на шоссе между Бланкенезе и Гамбургомъ: онъ возвращался отъ матери, которую навѣстилъ ночью, на нѣсколько короткихъ часовъ; она провожала его. Въ Гамбургѣ онъ, очевидно, снова сѣлъ на корабль. Больше его никто не видѣлъ.

На четвертомъ году послѣ его ухода въ одинъ прекрасный день Карлъ Крегеръ въ Антверпенѣ былъ уволенъ съ судна, на которомъ служилъ, и сталъ искать новаго. Онъ нашелъ себѣ мѣсто на „Калліопѣ", четырехмачтовомъ баркасѣ, отправлявшемся, подъ управленіемъ капитана Боссельмана, съ грузомъ въ Сидней. Вечеромъ онъ, по обыкновенію, не торопясь, пришелъ на судно, положилъ свой мѣшокъ у двери кубрика и заглянулъ внутрь. Прямо передъ собой онъ увидѣлъ бѣлокурую голову и въ то-же время услышалъ звучный голосъ Яна Гульдта.

Онъ сидѣлъ спиной къ двери и, вытянувъ палецъ, горячо говорилъ о чемъ-то съ другимъ матросомъ, неуклюжимъ, простымъ малымъ, по всей вѣроятности, мекленбуржцемъ. Онъ задавалъ ему вопросы; въ срединѣ каждаго вопроса онъ запинался, такъ какъ каждый разъ сначала вызывалъ въ своемъ воображеніи образъ своей собственной матери.

— Твоя мать... слѣдила за тѣмъ, чтобы у тебя все было всегда въ порядкѣ? Старалась она, чтобы ты никогда не падалъ, никогда не мерзъ, никогда не плакалъ? Оставляла она тебя когда-нибудь вечеромъ... или ночью одного, чтобы постоять съ сосѣдями на улицѣ или пойти въ гости? Никогда не бранила тебя? Словомъ, не обижала?

Послѣ каждаго вопроса мекленбуржецъ смотрѣлъ на пылкаго юношу, сдвинувъ брови, какъ будто прицѣливался въ далекую цѣль. Его неповоротливому уму было нелегко понять такой вопросъ во всемъ его объемѣ, затѣмъ представить себѣ свою мать и затѣмъ дать правдивый отвѣтъ. Но послѣ маленькой робкой паузы онъ на каждый вопросъ энергично качалъ головой.

Когда допросъ былъ оконченъ, спрашивавшій, положивъ на столъ обѣ руки и тряхнувъ рыжевато-бѣлокурой головой, сказалъ:

— Ну, ты, дѣйствительно, долженъ изъ каждаго порта писать ей! На свѣтѣ должна быть справедливость! Справедливость должна быть! Садись и пиши! Завтра уходимъ въ море, а Австралія—далеко.

Мекленбуржецъ передвинулся на край скамьи, гдѣ стоялъ его сундукъ, и сталъ искать почтовую бумагу. Янъ Гульдтъ услышалъ, что кто-то произноситъ его имя.

Онъ круто обернулся, широко раскрывъ глаза, въ которыхъ пылали отвращеніе и гнѣвъ. Но увидѣвъ, кто его звалъ, онъ облегченно перевелъ дыханіе и неувѣренно сказалъ:

— Это ты! Я боялся...

— Чего ты боялся?—спросилъ Карлъ Крегеръ.

— О...—сказалъ онъ, и въ его глазахъ сверкнула ненависть.—Я не могу видѣть бланкенезцевъ! Поэтому я всегда ѣздилъ на англійскихъ судахъ... Но ты—другое дѣло.

— Мнѣ кажется, меня ты можешь видѣть,—сказалъ Карлъ Крегеръ, широко разставляя ноги и выпячивая грудь.

— Да,—сказалъ онъ,—тебя я могу!—и онъ подалъ другу руку и потрясъ ее.—Я даже радъ, что вижу тебя.

На другой день они на разсвѣтѣ покинули Шельду и поплыли на югъ подъ хорошимъ нордъ-вестомъ, державшимся двѣ недѣли. Затѣмъ они попали въ сѣверо-восточный пассатъ, который какъ будто ждалъ ихъ, и черезъ три недѣли послѣ отплытія находились уже къ югу отъ мыса Доброй Надежды.

За мысомъ Доброй Надежды они три дня плыли подъ свѣжимъ вестомъ на всѣхъ парусахъ, съ такой быстротою, что обогнали большой пароходъ, державшій тотъ-же курсъ. Капитанъ Боссельманъ, которому не было еще и тридцати лѣтъ, и въ которомъ было еще много мальчишескаго, направилъ баркасъ прямо къ пароходу; они пошли рядомъ съ нимъ и, протягивая ему конецъ, предлагали взять его на буксиръ и громко хохотали. На третью ночь вѣтеръ окрѣпъ и перешелъ въ штормъ. Они все таки продолжали летѣть на всѣхъ парусахъ всю свѣтлую, звѣздную ночь;

надъ ними неслись тяжелыя тучи. Подъ утро, въ сумракѣ разсвѣта, они увидѣли передъ собой шкуну, которая, лежа на боку, съ разорванными парусами и сломаннымъ рулемъ, безвольно неслась по волнамъ. На гафелѣ висѣлъ норвежскій флагъ, завязанный узломъ—знакъ несчастья.

Капитанъ Боссельманъ велѣлъ подобрать нижній парусъ, подошелъ къ шкунѣ и легъ въ дрейфъ. Онъ позвалъ офицеровъ и сталъ совѣщаться съ ними, можно-ли рискнуть помочь. Вѣтеръ немного улегся, но море еще сильно волновалось. Матросы столпились вокругъ шлюпки и смотрѣли то на норвежскую шкуну, то на капитана Боссельмана.

Наконецъ, раздался его медленный, протяжный призывъ:

— Кто идетъ въ шлюпку?

Янъ Гульдтъ уже стоялъ въ шлюпкѣ, за нимъ прыгнулъ первый офицеръ, затѣмъ еще трое, среди нихъ Карлъ Крегеръ. Минуту спустя шлюпка шлепала по водѣ.

Они налегли изо всѣхъ силъ на весла и благополучно отдѣлились отъ судна. Вѣтеръ и темно-синія скользящія волны, надъ которыми носилась и брызгала тонкая пѣна, быстро понесли ихъ впередъ. Лодка то взлетала на гребень волны, то низвергалась въ пучину. Первый офицеръ, держа руль обѣими руками, стоялъ, широко разставивъ ноги, на кормѣ и управлялъ лодкой, зорко слѣдя за вѣтромъ и направленіемъ волнъ; матросы у его ногъ гребли съ такой силой, что весла изгибались. Скоро они очутились у кормы норвежскаго судна.

Шесть человѣкъ стояли у борта, держась за ванты, время отъ времени набѣгалъ валъ и забрасывалъ ихъ брызгами и пѣной. Между ними, поддерживаемый ими, стоялъ привязанный къ мачтѣ матросъ, по бѣлесоватымъ волосамъ и глазамъ котораго струилась кровь; каждая волна смывала ее, но она сейчасъ же появлялась снова. Капитанъ, сѣдовласый старикъ, стоялъ въ сторонѣ и печальными глазами смотрѣлъ на своихъ матросовъ и ихъ спасителей; рядомъ съ нимъ стоялъ пожилой, бородатый штурманъ.

Матросы требовали, чтобы ихъ капитанъ спустился въ лодку первый. Они кричали всѣ разомъ по нѣмецки, по англійски и по норвежски:

— Нашего отца сначала! Онъ лучше насъ! Онъ добръ и благочестивъ!

Но старикъ качалъ головой и отмахивался,

Тогда они, чтобы ободрить людей, захватили сначала петлей ловкаго пригожаго юнгу. Онъ прыгнулъ за бортъ, какъ рыба. За нимъ прыгнули шестеро остальныхъ, одни ловко, другіе—неуклюже. Затѣмъ дошла очередь до ране-

наго, который упалъ въ воду, какъ тяжелый мѣшокъ; за нимъ послѣдовали штурманъ и послѣ всѣхъ капитанъ.

Они отправились въ обратный путь въ глубоко перегруженной шлюпкѣ, которую время отъ времени заливало водой. Первый офицеръ, держа въ обѣихъ рукахъ руль, стоялъ и съ покрытымъ потомъ блѣднымъ лицомъ правилъ, приноравливаясь къ вѣтру и волнамъ. Остальные, молча, гребли, неподвижно глядя передъ собой; вода и потъ струились по ихъ лицамъ и стекали на плечи и ноги. У ихъ ногъ лежали спасенные. Старый капитанъ лежалъ наполовину въ водѣ, держа въ рукѣ корабельный журналъ и потрепанное Евангеліе. Передъ штурманомъ, положивъ окровавленную голову на его колѣни, безучастно лежалъ на спинѣ раненый матросъ.

Когда они были уже недалеко отъ „Калліопы", Янъ Гульдтъ, сидѣвшій у перваго весла, случайно взглянулъ на несчастныхъ у своихъ ногъ. Въ этотъ моментъ лодку опять залило водой, которая смыла кровь съ бѣлесоватыхъ волосъ и окровавленныхъ бровей раненаго. Въ горлѣ у него сдавило. Онъ испустилъ дикій крикъ и толкнулъ лежащаго ногой:

— Эй, ты, а вѣдь мы съ тобой знакомы!

И въ приливѣ счастья отъ сознанія, что справедливость одержала побѣду, заликовалъ хриплымъ, сухимъ голосомъ:

— Знаешь, кто лежитъ предо мной, Карлъ Крегеръ? Пауль Гринъ!

Раненый попытался поднять голову и посмотрѣть на кричащаго, но не смогъ: кровь опять залила ему глаза.

Они благополучно добрались до корабля; потерпѣвшихъ подняли на палубу, а за ними втащили и шлюпку.

Когда работа была окончена, и спасители хотѣли разсказать все, какъ было, у нихъ подогнулись колѣни, и отказались служить голоса: три часа безумно напряженной работы отняли у нихъ всѣ силы. Одинъ упалъ безъ чувствъ, другіе еле держались на ногахъ. Янъ Гульдтъ сѣлъ на люкъ и молча смотрѣлъ, какъ уводили въ каюту стараго капитана. Но когда хотѣли увести шатавшагося Пауля Грина, онъ попытался встать и, подаваясь впередъ и протягивая къ нему руку, сказалъ съ гнѣвными, пылавшими глазами:

— Этого, капитанъ, отдайте мнѣ... Я буду ходить за нимъ... Онъ мой другъ!

Они отнесли его въ маленькую каморку, находившуюся рядомъ съ каютой капитана и служившую лазаретомъ; и Яну Гульдту позволили спать тамъ же.

Карлъ Крегеръ послѣ этого тяжелаго дня еще нѣсколько времени чувствовалъ себя усталымъ и какъ будто оглушеннымъ. Къ тому же теперь было о чемъ поговорить и со старыми

товарищами и съ новыми, съ погибшаго судна. Но въ концѣ недѣли онъ все-таки улучилъ время и подкрался къ двери лазарета, чтобы понаблюдать, какъ идутъ дѣла у бѣшеннаго Яна Гульдта съ Паулемъ Гриномъ.

Онъ тихонько пріоткрылъ дверь и заглянулъ въ каморку. Янъ Гульдтъ сидѣлъ и читалъ вслухъ изъ старой гамбургской книги разсказовъ, которая уже много лѣтъ валялась на суднѣ. Со своимъ отважнымъ лицомъ, своимъ пламеннымъ голосомъ читалъ онъ о морскомъ разбойникѣ Стертебекерѣ: о томъ, какъ гамбуржцы поймали его вмѣстѣ съ его товарищами и всѣмъ отрубили головы.

Когда разсказъ былъ оконченъ, онъ опустилъ книгу и сказалъ важно и презрительно, какъ будто мимоходомъ, что теперь такъ не дѣлаютъ. Теперь люди стали спокойнѣе, разумнѣе, снисходительнѣе, справедливѣе—это относится и къ тѣмъ, и къ другимъ—и улаживаютъ все безъ цѣпей и казней. Раненый лежалъ на спинѣ, съ завязанными глазами, и говорилъ мало или молчалъ.

Карлъ Крегеръ тихо прикрылъ дверь, покачалъ головой, пошелъ къ спасеннымъ норвежцамъ и сталъ смотрѣть на нихъ. Особенное удовольствіе доставлялъ ему одинъ изъ нихъ, обладавшій замѣчательной способностью: онъ умѣлъ высовывать языкъ такъ, какъ будто у него изо рта выскакивала ящерица, которую онъ затѣмъ и ловилъ. Карлъ Крегеръ день и ночь, гдѣ бы онъ ни былъ, на всѣ лады старался сдѣлать то же самое, но у него ничего не выходило.

Нѣсколько дней спустя, когда онъ стоялъ у руля, къ нему подошелъ капитанъ Боссельманъ, съ любопытствомъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Съ чего это твой другъ Гульдтъ такъ хлопочетъ о больномъ? Они, въ самомъ дѣлѣ, старые друзья?

Карлъ Крегеръ подробно и необыкновенно живо разсказалъ ему обо всемъ, что произошло на пристани въ Бланкенезе и на песчаномъ островкѣ, и прибавилъ:

— И теперь онъ хочетъ обратить его.

— Такъ,—сказалъ капитанъ Боссельманъ, который немного страдалъ любопытствомъ и выслушалъ разсказъ съ интересомъ и удовольствіемъ.—Развѣ Гульдтъ набоженъ?

Карлъ Крегеръ удивленно покачалъ головой.

— Набоженъ?—неувѣренно сказалъ онъ.—Этого я не знаю. Библіи у него нѣтъ. Набоженъ или нѣтъ, — не знаю. Можетъ быть, что и такъ.

Капитанъ Боссельманъ покачалъ головой:

— Чудной святой!—сказалъ онъ.

Карлъ Крегеръ, немного задѣтый, возразилъ:

— Какъ это, капитанъ? Не былъ ли онъ на дняхъ первый въ шлюпкѣ? Онъ только немножко горячѣе относится къ правдѣ и справедливости, чѣмъ мы.

Капитанъ поднялъ брови и ткнулъ всѣми своими неповоротливымя пальцами въ свою грудь.

— Чѣмъ *я* тоже?—сказалъ онъ.

Карлъ Крегеръ отвѣтилъ:

— Конечно, капитанъ; вѣдь иначе вы не удивлялись бы ему.

Капитанъ Боссельманъ отвернулся и сказалъ:

— Чему только не научишься отъ такого молокососа!

Затѣмъ онъ опять повернулся къ нему и сказалъ съ удареніемъ, широко открывъ круглые глаза и тыкая себя пальцами въ грудь:

— *Я* скажу тебѣ вотъ что: *я* перевязываю этому человѣку, этому Грину, каждое утро глаза; *я* смотрю ему каждое утро въ глаза. Я одинъ видѣлъ его глаза, на сколько ихъ можно теперь видѣть,—они еще порядочно распухли. И я скажу тебѣ: у этого человѣка скверные глаза!

Карлъ Крегеръ посмотрѣлъ на компасъ, немного повернулъ руль и хладнокровно отвѣтилъ:

— Я никогда не смотрю на глаза мужчинъ, меня интесуютъ только глаза дѣвушекъ; но если вы говорите, что у него скверные глаза, то я вѣрю вамъ, и тогда это скверное дѣло. Глаза, это—прорѣзъ въ кожѣ, они показываютъ, что находится внутри; а изъ своей кожи не можетъ вылѣзть ни одинъ человѣкъ.

Капитанъ Боссельманъ опять покачалъ головой въ отвѣтъ на это удивительное изреченіе и, подойдя къ старому сѣдому капитану норвежскаго судна, попытался разсказать ему о своемъ матросѣ: о томъ красивомъ, съ бѣлокурыми волосами и крючковатымъ носомъ, который во всемъ проявляетъ такую пылкость и въ особенности горячо относится къ правдѣ и справедливости. Съ большимъ трудомъ удалось ему объяснить все это старику. Но когда норвежецъ понялъ, онъ пожалъ руку капитану Боссельману и крѣпко потрясъ ее.

Когда на слѣдующій день Карлъ Крегеръ стоялъ одинъ въ кубрикѣ и спокойно думалъ о Бланкенезе и обо всемъ, что находится вокругъ него, къ нему подошелъ Янъ Гульдтъ и, смѣло, горделиво поднявъ голову, сказалъ:

— Ну, вотъ я и добился своего! Онъ вчера сказалъ мнѣ, что очень жалѣетъ о тогдашней исторіи, на пристани. Онъ не можетъ понять, сказалъ онъ, какъ онъ могъ быть такимъ: вѣдь я никогда не сдѣлалъ ему ничего дурного. Видишь? Надо только захотѣть!

Карлъ Крегеръ пожалъ плечами и съ сомнѣніемъ сказалъ:

— Если только это правда, Янъ Гульдтъ! Старикъ—единственный, кто видѣлъ его глаза, и онъ говоритъ: у него дурные глаза. Чтобы только дѣло не кончилось плохо, и старикъ не могъ сказать своей глупой фразы, которую онъ вѣчно твердитъ: я такъ и думалъ!

Но Янъ Гульдтъ высокомѣрно покачалъ головой и сказалъ:—Этотъ?..—такимъ тономъ, какъ будто капитанъ Боссельманъ въ такихъ дѣлахъ не могъ сосчитать до трехъ.

Когда они прибыли въ Сидней, норвежцы покинули судно. Старый сѣдой капитанъ со своимъ Евангеліемъ въ боковомъ карманѣ своей синей куртки, обошелъ всю команду и подалъ всѣмъ руку.

Когда очередь дошла до его пяти спасителей, онъ, погладилъ ихъ по рукѣ и сказалъ, что, конечно, при своемъ возрастѣ онъ вполнѣ созрѣлъ для того свѣта; но его старуха—жена все-таки будетъ очень рада, что онъ вернулся.

Они засмѣялись всѣ пятеро и сказали:

— Галло, капитанъ! Разъѣзжайте спокойно и дальше! Мы опять вытащимъ васъ.

Онъ съ улыбкой покачалъ бѣлой головой въ отвѣтъ на ихъ добродушный задоръ. Затѣмъ онъ посмотрѣлъ на Яна Гульдта и съ большой мягкостью и очень серьезно сказалъ:

— Ты долженъ еще научиться, мой сынъ, видѣть міръ, каковъ онъ есть. Видишь ли, есть три міра: одинъ—въ нашей головѣ, принадлежащій намъ, другой—внѣ и вокругъ насъ, принадлежащій людямъ, и третій, не похожій ни на одинъ изъ первыхъ двухъ, принадлежащій Господу Богу. Ты представляешь себѣ только свой міръ и только въ немъ живешь; ты долженъ обращать больше вниманія на два другихъ!

Но Янъ Гульдтъ былъ слишкомъ счастливъ и слишкомъ чувствовалъ себя побѣдителемъ; слова старика не произвели на него никакого впечатлѣнія. Онъ засмѣялся и высокомѣрно и увѣренно сказалъ:

— Я ужъ справлюсь со всѣми тремя, капитанъ.

Старикъ огорченно покачалъ головой и сошелъ на берегъ.

Нѣсколько времени спустя прибыла больничная карета, чтобы увезти раненаго. Нѣсколько человѣкъ свели его со сходней, удивляясь, что онъ такъ хорошо ходитъ, и подвели къ каретѣ. Когда его оставили одного у ея дверцы, онъ вдругъ снялъ повязку и, мигая, сталъ искать глазами кого-то на „Каллiопѣ“. Увидѣвъ у люка Яна Гульдта, который и не замѣтилъ, какъ его уводили, онъ громко и пронзительно за-

смѣялся, совершенно такъ, какъ смѣялся четыре года тому назадъ на пристани Бланкенезе, и громко крикнулъ:

— Эй... Послушай! Янъ Гульдтъ... Эй... Дуракъ!..

Янъ Гульдтъ, наконецъ, услышалъ, всталъ, обернулся и широко раскрылъ глаза.

— Эй, ты!—кричалъ Пауль Грипъ.—Ну, и дуракъ же ты!

Онъ расхохотался, хлопнулъ себя по карману, захлопнулъ дверцу кареты и скрылся.

И капитанъ Боссельманъ съ капитанскаго мостика крикнулъ высокимъ, протяжнымъ голосомъ:

— Я такъ и думалъ!

Карлъ Крегеръ бросился на сходни, чтобы попробовать догнать негодяя. Двое другихъ побѣжали за нимъ, крича:

— Онъ хлопнулъ себя по карману, Янъ Гульдтъ! Осмотри свой сундукъ! Мы сегодня утромъ видѣли, какъ онъ рылся въ немъ.

И они бросились вслѣдъ за Карломъ въ погоню.

Янъ Гульдтъ вцѣпился руками въ свои бѣлокурые волосы; затѣмъ онъ, какъ лунатикъ, протянувъ впередъ руки, пошелъ въ служившую лазаретомъ каморку, открылъ свой сундукъ и сталъ искать. Изъ всѣхъ денегъ, которыя онъ скопилъ, не оказалось ни гроша.

Онъ всталъ, подошелъ къ двери и, точно оцѣпенѣвъ отъ удивленія, нѣсколько разъ повторилъ беззвучнымъ голосомъ, тихо, какъ будто обращаясь къ самому себѣ:

— Этого не можетъ быть! Этого не можетъ быть!

Но потомъ вдругъ имъ овладѣлъ бѣшеный гнѣвъ, и онъ принялся кричать, ударять кулаками о дверь и выкрикивать дикія проклятія. Капитанъ Боссельманъ закричалъ своимъ протяжнымъ голосомъ:

— Не горячись такъ! Тише! Тише!

Но онъ не слышалъ; онъ упалъ на полъ, стоналъ и кричалъ.

Карлъ Крегеръ, отскочившій при этихъ дикихъ крикахъ отъ двери, стоялъ блѣдный, какъ смерть, и, прислушиваясь къ стонамъ несчастнаго, тихимъ, дрожащимъ голосомъ говорилъ:

— Онъ плачетъ не о своихъ деньгахъ, капитанъ. Онъ о томъ стонетъ, что ему не повезло съ этимъ человѣкомъ. Я говорилъ вамъ: онъ помѣшанъ на правдѣ. Янъ не можетъ перенести, что все это такъ кончилось.

IV.

Когда они вернулись изъ своего далекаго плаванія въ Гамбургъ, Янъ Гульдтъ простился со всѣми, въ томъ числѣ и съ Карломъ Крегеромъ, который черезъ нѣсколько дней долженъ былъ опять уѣхать на другомъ кораблѣ, и отправился въ Бланкенезе. Былъ поздній вечеръ.

Но онъ напрасно дергалъ ручку двери и напрасно стучалъ въ кухонное окно. Онъ долго стоялъ молча и качалъ головою, затѣмъ онъ увидѣлъ, что съ ручки двери свѣшивается на веревкѣ большой кусокъ сѣрой бумаги. Онъ вынулъ спички, зажегъ и прочелъ:

„Твоя мать умерла двѣ недѣли тому назадъ. Такъ какъ она два мѣсяца была больна и нуждалась въ уходѣ докторовъ и лѣкарствахъ, ея состояніе ушло на это; тебѣ ничего не осталось и требовать тебѣ нечего. Отъ имени семьи: Тобіасъ Гульдтъ старшій“.

Минуту онъ стоялъ, неподвижно прислушиваясь къ тишинѣ, царившей въ маленькомъ жилищѣ. Ему не вѣрилось, что это правда. Казалось, что сейчасъ послышатся легкіе шаги, и нерѣшительно, недовѣрчиво отодвинется засовъ; и на моментъ на его рукавъ ляжетъ худая, костлявая рука, и по его рукѣ, до самой груди, пробѣжитъ сладкій трепетъ, и сердце въ груди радостно встрепенется. Но ничего этого не произошло. Тогда онъ выпустилъ ручку двери, за которую взялся въ своемъ ожиданіи, и долго стоялъ, стараясь понять, что въ его жизни уже нѣтъ чудеснаго теплаго угла, которымъ была для него его мать, и что у него нѣтъ родины. Затѣмъ онъ отвернулся и, опустивъ голову, медленно пошелъ вдоль берега, вскарабкался на крутую лѣстницу и тамъ, гдѣ съ обѣихъ сторонъ ее закрываетъ густой кустарникъ, наплакался досыта. Потомъ онъ вернулся въ Гамбургъ.

На слѣдующій день онъ пошелъ въ Альтону и записался въ мореходную школу, какъ думалъ это сдѣлать съ самаго начала, когда у него еще были его деньги. Затѣмъ онъ купилъ себѣ секстанты, чертежныя принадлежности, книги, бумагу,—все, что ему нужно было для школы, и потратилъ на это всѣ деньги, которыя у него были. Въ его озлобленіи на Бога и людей ему было ясно одно: что онъ добьется своего во что бы то ни стало, хотя бы ему пришлось не спать по ночамъ и умирать съ голоду.

Онъ рѣшилъ искать себѣ гдѣ-нибудь по близости школы какой-нибудь работы и, хотя дѣло шло уже къ вечеру, сей-

часъ же отправился на поиски. Онъ прошелъ нѣсколько улицъ, заглядывая во дворы, въ которыхъ шла работа; но онъ видѣлъ, что лишней работы не было нигдѣ, и поэтому даже не спрашивалъ. Казалось, его затѣя потерпѣла полную неудачу.

Онъ вышелъ изъ Альтоны и попалъ въ окрестности Эвельгенне, гдѣ тогда еще стоялъ цѣлый рядъ старыхъ домиковъ съ соломенными крышами, которыя возвышались надъ маленькими, взбиравшимися по откосу садиками. Одинъ изъ этихъ домиковъ, уцѣлѣвшій и до сихъ поръ, особенно старъ и низокъ; онъ отличается отъ другихъ и бросается всѣмъ въ глаза тѣмъ, что передъ нимъ на заржавѣвшемъ лафетѣ стоитъ старая пушка, смотрящая своимъ жерломъ на гавань.

Когда онъ проходилъ по неровной улицѣ, у дороги, подлѣ дома съ пушкой, на коричневой деревянной скамьѣ сидѣла бѣдно одѣтая старушка и неповоротливыми, кривыми рабочими руками вязала толстый синій чулокъ. Онъ осмотрѣлся, нѣтъ-ли кого-нибудь по близости — ему было-бы какъ-то неловко, если бы его увидѣли разговаривающимъ съ бѣдной старухой—и торопливо спросилъ ее, не знаетъ-ли она, гдѣ онъ могъ-бы достать работу на нѣсколько часовъ въ день. Она подняла глаза, съ любопытствомъ поглядѣла его въ смѣлое лицо и, такъ какъ не совсѣмъ поняла его вопросъ, немножко отодвинулась и сказала со свойственными старикамъ неторопливостью и спокойствіемъ.

— Садись и разскажи мнѣ, чего ты отъ меня хочешь.

Онъ долженъ былъ сѣсть. И коротко и ясно, все время ударяя себя по колѣну, онъ разсказалъ, какъ плохо его положеніе, и какъ ему нужна работа. Ему было не такъ трудно сказать ей это, потому что со своей короткой, сгорбленной фигурой она казалась ему какимъ-то причудливымъ существомъ, чѣмъ-то въ родѣ бабушки Красной Шапочки или какого-нибудь другого сказочнаго образа, не имѣющаго ничего общаго съ этимъ свѣтомъ и его горестями. Она продолжала спокойно вязать и только время отъ времени поднимала глаза и смотрѣла на дорогу, какъ будто ждала кого-то.

— Развѣ у тебя нѣтъ родителей?—спросила она.

Онъ сказалъ, что его мать недавно умерла, отецъ-же молодымъ человѣкомъ, какъ раньше дѣдъ, погибъ на гольмановскомъ кораблѣ.

— Отецъ много лѣтъ ѣздилъ на гольмановскихъ судахъ.

— Такъ, такъ,—сказала она.—Оба погибли на гольмановскихъ судахъ! Да, да... Гольманы отправили на тотъ

свѣтѣ не мало людей! Да... да! Но развѣ они виноваты въ этомъ? У одного человѣка такая природа, у другого—другая. Нашъ Господь Богъ долженъ ладить съ ними всѣми; значитъ, и мы должны дѣлать то же самое.

Эти слова такъ разсердили его, что у него волосы зашевелились подъ шапкой, и онъ сказалъ съ дико горящими глазами:

— Ну, нѣтъ, съ этимъ я не согласенъ, клянусь Богомъ! Нашъ Господь Богъ долженъ былъ бы послать на нихъ чуму и моръ, а люди должны были-бы повѣсить ихъ за ноги, и пусть висятъ, пока не издохнутъ.

Старуха, не переставая вязать, медленно покачала головой.

— Когда становишься старъ, — сказала она, — видишь, что все дѣлается не такъ, какъ хотѣлось-бы; а жить вѣдь все-таки надо. Подумай, мой единственный сынъ уже сорокъ лѣтъ ѣздитъ на гольмановскомъ пароходѣ... все на одномъ и томъ-же, на «Аннѣ Гольманъ». Боцманомъ! И я должна видѣть это!

Янъ Гульдтъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва.

— Этого я не понимаю!—сказалъ онъ.—Можно, конечно, поѣхать на гольмановскомъ суднѣ, если не можешь нигдѣ найти мѣста, или-же проѣхаться когда-нибудь разокъ на немъ изъ одной ненависти и насмѣшки, чтобы потомъ разсказать о немъ всѣмъ людямъ. Но цѣлые годы! Сорокъ лѣтъ на „Аннѣ Гольманъ"?

Старушка продолжала вязать.

— Онъ никогда не говоритъ объ этомъ,—сказала она.— Но иногда, когда онъ бываетъ навеселѣ — онъ немножко выпиваетъ — онъ говоритъ, что обвѣнчался съ „Анной Гольманъ". Да еще по католическому обряду, говоритъ онъ, и поэтому не можетъ развестись съ ней. Я и въ самомъ дѣлѣ думаю, что они много пережили вмѣстѣ. Сначала, въ шестидесятыхъ годахъ „Анна Гольманъ" отвезла въ Америку полъ Мекленбурга; потомъ въ семидесятыхъ возили на ней негровъ изъ Африки въ Бразилію. Ну, а сколько еще всякихъ рейсовъ! Хорошаго не было ни одного!.. Куда-же ѣздилъ на гольмановскомъ суднѣ твой дѣдушка?

— Въ Бразилію или на Бразильскій берегъ, — отвѣтилъ онъ,—хорошенько я не знаю.

— Такъ! — сказала она. — Ну, это тоже, конечно, были скверныя поѣздки. Бразильскій берегъ!

— О, — сказалъ онъ, — въ Бланкенезе нашу семью всѣ уважаютъ. Мой дѣдъ былъ почтенный, только, говорятъ, немножко горячій человѣкъ. Не говорите о немъ! Кто знаетъ,

что довело его до этого. Говорите лучше о Гольманахъ, которые уже сто или двѣсти лѣтъ подъ рядъ мучатъ людей на своихъ судахъ, и изъ-за которыхъ погибло столько храбрыхъ матросовъ!

Старуха покачала головой и медленно, неторопливо сказала:

— Старикъ Дирксъ и я—старикъ Дирксъ уже пятьдесятъ лѣтъ служитъ кучеромъ у стараго Гольмана, а я дѣвушкой служила у него нѣсколько лѣтъ — такъ вотъ мы оба любимъ подшутить надъ старымъ Гольманомъ. Понимаешь надъ старикомъ, который тогда перевозилъ мекленбуржцевъ и негровъ. Ему уже за девяносто и онъ выжилъ изъ ума; но онъ еще каждую среду и субботу ѣздитъ кататься по шоссе. Люди толкуютъ о немъ разное; они говорятъ, что онъ не можетъ умереть, потому что у него нечистая совѣсть. Но мы, старикъ Дирксъ и я, знаемъ лучше, въ чемъ дѣло. Какъ разъ наоборотъ: онъ не можетъ умереть, потому что онъ все еще такъ любитъ свои деньги и не хочетъ уйти отъ нихъ. По средамъ старикъ Дирксъ всегда привозитъ его ко мнѣ, и мы подшучиваемъ надъ нимъ... Смотри, вотъ онъ.

Изъ-за угла выѣхала нарядная открытая коляска, запряженная бѣлоснѣжными рысаками; легко и весело катила она къ маленькой коричневой скамьѣ и остановилась передъ ней. Въ углу коляски сидѣлъ или, вѣрнѣе, лежалъ, накрытый до груди огромной, пестрой тигровой шкурой, древній старикъ. Его лицо, маленькое, какъ у четырнадцатилѣтняго мальчика, было желто и покрыто морщинами.

Старуха продолжала спокойно сидѣть на своей скамьѣ и вязать.

— Ну,—благодушно сказала она,—что умненькаго вы придумали за эту недѣлю, Гольманъ?

Старикъ польщенно улыбнулся, но сейчасъ-же важно поднялъ маленькую желтую руку и, широко раскрывъ глаза, торжественно сказалъ:

— Все дѣлалось не такъ, какъ слѣдуетъ! Все не такъ, какъ слѣдуетъ. Можно было заработать гораздо больше денегъ.

Старуха, не переставая вязать, покачала головой и сказала съ убѣжденіемъ и такъ, какъ будто успокаивала ребенка:

— Нѣтъ, нѣтъ, Гольманъ!.. Этого вы не должны на старости лѣтъ вбивать себѣ въ голову! Все было сдѣлано, какъ слѣдуетъ. Сколько вы давали эмигрантамъ за старый прусскій золотой?

Старикъ ласково улыбнулся:

— Шестнадцать—семнадцать шиллинговъ.

— Ну,—одобрительно сказала старуха, продолжая вязать и почти не поднимая глазъ:—Это, я думаю, славное дѣльце? Ему вѣдь цѣна двадцать! И потомъ вы еще уговорили ихъ, будто имъ придется платить за свое прекрасное полотно и большіе окорока такую большую пошлину, что лучше будетъ, если они продадутъ ихъ вамъ. И вы получили ихъ полотно и окорока почти даромъ. Вы славно поживились, Гольманъ А во время переѣзда черезъ океанъ бѣднякамъ пришлось порядкомъ поголодать.

Старикъ засмѣялся довольнымъ смѣхомъ, точно маленькій злорадный мальчуганъ.

— Неглупо!—сказалъ онъ своимъ высокимъ стариковскимъ голосомъ.—Неглупо. То было хорошее времячко! Никакого государственнаго контроля! Это главное: никакого государственнаго контроля! И никакой гласности! Можно было обдѣлывать дѣла на свободѣ.

— Вы зарабатывали милліоны,—сказала она.

Старикъ польщенно улыбнулся, и точно тщеславная дѣвушка, старающаяся въ обществѣ по другъ перевести разговоръ съ одного поклонника на другой, онъ съ улыбкой сказалъ:

— Но потомъ я сдѣлалъ ошибку. Я долженъ былъ негровъ, которыхъ я перевозилъ въ Бразилію... я долженъ былъ разсаживать ихъ посвободнѣе. Ихъ умерло слишкомъ много; разъ умерло больше половины! Это былъ большой убытокъ.

Кучеръ, сидѣвшій съ широкимъ, неподвижнымъ лицомъ на козлахъ, поднявъ кнутъ къ уху и полямъ шляпы, повернулъ, не мѣняя своей неподвижной позы, лицо къ старухѣ и хладнокровно сказалъ:

— Задай ему перца, да хорошенько. Ему все это нипочемъ! Задай ему покрѣпче!

Старуха, продолжая равномѣрно вязать, сказала:

— Ну, за то вашъ сынъ Генрихъ сидитъ въ ссылкѣ вмѣстѣ съ капитаномъ «Анны Гольманъ» на пустынномъ островѣ возлѣ Бразиліи. Какъ онъ называется?

— Они сидятъ на Ферандо-Норонья,—сказалъ кучеръ, не поворачивая головы.

Старикъ попробовалъ немного наклониться впередъ и, широко раскрывъ глаза, тихо сказалъ:

— Живы-ли они еще?

Кучеръ слегка повернулъ голову и сказалъ:

— Онъ боится, что Генрихъ вернется и потребуетъ своей части наслѣдства.

— Что они ѣдятъ тамъ, на островѣ?—сказала старуха.— Навѣрно, траву и дождевыхъ червей?

Старикъ довольно улыбнулся.

— Это хорошо, что онъ тамъ,—сказалъ онъ.—Очень хорошо! Онъ промоталъ-бы все! Все!

— Это—неправда,—хладнокровно сказалъ, обращаясь къ старухѣ, кучеръ,—это чистая ложь. Генрихъ былъ вовсе не такой. Онъ былъ только лучше остальныхъ. Онъ былъ хорошій человѣкъ и не позволялъ старику дѣлать гадости. Вотъ и все.

Старикъ, казалось, совсѣмъ не слышалъ, что говорилъ черезъ плечо кучеръ. Онъ былъ поглощенъ мыслью о Бразильскихъ каторжникахъ. Онъ опять попробовалъ наклониться впередъ и опять тихо и съ любопытствомъ сказалъ:

— Живы-ли они еще? Они были крѣпкіе малые оба, и Генрихъ, и капитанъ!

— Да,—сказала старуха,—не одному крѣпкому малому пришлось подумать о смерти на гольмановскихъ судахъ!.. Вы видите этого молодого человѣка? Его отецъ и дѣдъ оба погибли на гольмановскихъ судахъ.

Старикъ немного наклонился впередъ, почти вѣжливо, точно купецъ, охотно встрѣчающій человѣка, съ которымъ дѣлалъ прежде хорошія дѣла.

— Ваше имя?—любезно спросилъ онъ.

Янъ Гульдтъ вскочилъ и, уставясь ему прямо въ лицо горящими, полными ненависти глазами, крикнулъ:

— Янъ Гульдтъ изъ Бланкенезе.

Старикъ торопливо опять откинулся назадъ и испуганно немного задыхаясь, сказалъ:

— Это лицо... Онъ внукъ Яна Гульдта!

Затѣмъ равнодушнымъ холоднымъ тономъ, какимъ раньше, вѣроятно, разговаривалъ съ экипажемъ своихъ судовъ, онъ сказалъ старому кучеру:

— Поѣзжай!

Старый кучеръ самодовольно засмѣялся и сказалъ:

— Этотъ перецъ былъ для него слишкомъ крѣпокъ!

И коляска покатила дальше.

— Вы видѣли?—съ пылающими глазами сказалъ Янъ Гульдтъ:—Какъ онъ испугался имени моего дѣда? Вы видѣли, что мой дѣдъ былъ почтенный человѣкъ? Вы видѣли это? Старый преступникъ! Какъ я радъ, что показалъ ему!

— Ну,—сказала старуха, сворачивая свой чулокъ,—въ добрый часъ! А теперь идемъ: тебѣ надо поѣсть. Сегодня вечеромъ у меня какъ разъ всего довольно. Мой сынъ, боцманъ на «Аннѣ Гольманъ», какъ ты знаешь, третьяго дня вернулся со своимъ пароходомъ изъ Африки и далъ мнѣ

денегъ. Онъ пошелъ въ трактиръ, тамъ на углу; онъ напьется тамъ, какъ стелька. Но это не мѣшаетъ ему быть славнымъ малымъ.

Медленно, придерживаясь за деревянныя перила, она поднялась наверхъ и, пройдя мимо пушки, вошла въ низкую покосившуюся дверь своего домика. Она прошла маленькую кухню, въ которой плита и столъ занимали почти все мѣсто и ввела его въ низкую темно-коричневую комнату, въ которой все: потолокъ, стѣны и полъ—перекосилось и потемнѣло, а на стѣнѣ висѣлъ ветхій портретъ стараго Вильгельма I. Она пригласила его сѣсть на скамью, стоявшую у стѣны, подъ окнами, принесла, что у нея было, и онъ поѣлъ. Когда онъ кончилъ, она принесла старый-престарый кожаный кисетъ, въ которомъ было табаку еще нѣсколько трубокъ, и сказала:

— Твоя трубка, конечно, при тебѣ? Покури немножко!

И когда онъ закурилъ, она долго обнюхивала воздухъ, затѣмъ кивнула головой и сказала:

— Комната сразу сдѣлалась совсѣмъ другая; такъ славно пахнетъ мужчиной.

Онъ держалъ трубку въ вытянутой рукѣ надъ столомъ, такъ что свѣтлый дымъ, какъ будто отъ маленькаго костра, поднимался въ полутьмѣ къ косому потолку и носился вокругъ портрета стараго императора, и думалъ:

— Вотъ я и сытъ! Если бы мнѣ было еще гдѣ поспать!

Онъ удобно прислонился къ стѣнѣ, измѣрилъ взглядомъ скамью и сталъ расхваливать ее:

— Славная у васъ скамеечка, бабушка! Вѣрно, вашъ сынъ будетъ спать на ней, когда вернется ночью изъ трактира? Нѣтъ? Жаль, что такую длинную и широкую скамью не употребляютъ для спанья. Право, на ней можно поспать ночку, не отлежавъ себѣ боковъ. Если бы разговоръ со старымъ хищникомъ не разозлилъ меня такъ, я могъ бы, я думаю, заснуть на этой скамьѣ.

Старуха, наконецъ, поняла его и сказала:

— Тебѣ даже негдѣ переночевать, бѣдный мальчикъ? Такъ оставайся здѣсь и спи на скамьѣ.

Она встала и, принеся ему подъ голову старую подушку изъ плетеной соломы, сказала съ добродушной насмѣшкой надъ собой:

— Вотъ такъ ночь! Сначала вся комната наполняется дымомъ, такъ что становится тепло на душѣ, а теперь въ ней еще остается ночевать молодой парень. Вотъ я и имѣю опять въ первый разъ то, что пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ имѣла каждый вечеръ.

Она еще разъ пошла въ кухню, чтобы посмотрѣть, не

осталось ли въ печи огня, потомъ начала раздѣваться, причемъ по привычкѣ старыхъ женщинъ такъ задумалась и замечталась, что долго сидѣла на мѣстѣ, не шевелясь. Онъ снялъ сапоги, положилъ ихъ подъ подушку, которая была недостаточно высока, и легъ.

Онъ хотѣлъ сначала еще разъ дать волю гнѣву, который вызывали въ немъ преступленія Гольмановъ и долготерпѣніе Господа Бога, гнѣву, все это время тихо кипѣвшему въ немъ; но онъ ужъ не разгорѣлся. Долгіе напрасные поиски на улицахъ и событія вечера утомили его; мысли его тянулись вяло, и скоро онъ заснулъ. Точно по гладкой дорогѣ тихо скользнулъ онъ въ страну сновъ и сейчасъ же поплылъ по ней въ красивой лодочкѣ, подъ попутнымъ вѣтромъ. А съ обѣихъ сторонъ его плыли красивыя нагія дѣвушки со смѣлыми лицами и движеніями и часто ныряли въ воду, чтобы изслѣдовать дно и узнать, можетъ ли Янъ Гульдтъ проѣхать безпрепятственно. Онъ, улыбаясь, ласково и одобрительно смотрѣлъ на нихъ; кровь его при этомъ оставалась совершенно спокойной. Онъ и на яву не касался еще женщинъ. Такъ сильно почиталъ и боялся онъ ихъ.

Онъ все еще плылъ подъ этой прекрасной охраной, какъ говорится въ псалмѣ: „Ты дѣлаешь сьоихъ ангеловъ вѣтрами". Утро было уже близко, когда онъ услышалъ подъ окнами шумъ и крики, затѣмъ вспомнилъ, гдѣ онъ, и прислушался.

Старуха уже вскочила и, тяжело ступая, подошла къ нему.

— Это—мой сынъ,—сказала она; ея старушечій голосъ звучалъ необыкновенно мягко.—Когда онъ выходитъ изъ трактира, онъ всегда подходитъ къ моему окну, чтобы я знала, что онъ, какъ порядочный человѣкъ, идетъ спать. Онъ немножко пьетъ; но онъ славный малый.

Она подошла къ окну, выглянула изъ него и тихо засмѣялась.

— Видишь, что онъ теперь дѣлаетъ? Слышишь? Онъ видитъ на Эльбѣ всѣ гольмановскія суда и прицѣливается въ нихъ изъ старой пушки. Слышишь, онъ называетъ каждое судно по имени?.. Подожди-ка... вотъ! Слышишь? Самый большой зарядъ получаетъ „Анна Гольманъ".

Пьяный дѣлалъ видъ, что посылаетъ зарядъ за зарядомъ, и при этомъ дико выкрикивалъ какія-то слова, которыя съ клокотаніемъ вырывались изъ горла; мучительнаго страданія, звучавшаго въ этихъ словахъ, старая женщина не слышала. Она опять тихо и весело засмѣялась, и ея старушечій голосъ звучалъ опять очень мягко, когда она сказала:

— Такъ онъ дѣлаетъ всегда, когда приходитъ ночью къ моему окну! Онъ разстрѣливаетъ всѣ гольмановскія суда. Потѣха!

Она засмѣялась и сильно постучала по стеклу.

Пьяный услышалъ стукъ. Онъ оставилъ пушку, посмотрѣлъ на окна, увидѣлъ, что за нимъ стоитъ мать, выпрямился во весь ростъ, почти гордо, и сказалъ почтительно, такимъ тономъ, какъ будто докладывалъ начальству:

— Теперь спи спокойно, матушка! Я иду домой!

И онъ тяжелыми, невѣрными шагами сталъ спускаться по лѣстницѣ.

Старуха опять заковыляла къ своей постели, а Янъ Гульдтъ опять легъ на скамью. Онъ лежалъ съ открытыми глазами и думалъ о боцманѣ и его жизни. Отъ него онъ быстро, точно на огненныхъ крыльяхъ, съ пылающимъ гнѣвомъ перешелъ ко всему хозяйничанью Гольмановъ. Не посылали ли они уже сто лѣтъ свои суда за море, раньше для позорныхъ дѣлъ, теперь же въ самыя лихорадочныя мѣстности, гдѣ многіе умирали отъ лихорадки? Не посылали ли они ихъ съ недостаточнымъ экипажемъ, который долженъ былъ работать сверхъ силъ и къ тому же получалъ недостаточное питаніе и жилъ въ грязи? Не посылали ли они ихъ съ запущенными, заржавѣвшими, никуда негодными машинами, такъ что каждый годъ одно судно непремѣнно тонуло со всѣмъ экипажемъ? А владѣлецъ этихъ судовъ? Передъ вратами вѣчности, о которыхъ и невѣрующій не знаетъ, что можетъ быть за ними, онъ радуется всѣмъ своимъ преступленіямъ. Да, уже наполовину выжившій изъ ума, онъ еще радуется разрушенной жизни своего сына и своего стараго капитана. Лежатъ-ли они оба уже мертвые на горячемъ пескѣ Фернандо Норонья съ цѣпями на изсохшихъ ногахъ? Или они еще живутъ, мучась голодомъ и жаждой, съ лихорадкой въ старыхъ костяхъ? Вотъ каковы они, Гольманы! Будь они прокляты!.. Отдайте мнѣ моего отца и дѣда! Я не лежалъ бы здѣсь, какъ нищій, на жесткой скамьѣ, если бы Гольманы не отняли у меня ихъ! И мою мать тоже убили они: ее свела въ могилу тоска по моемъ такъ рано умершемъ отцѣ. Отдайте мнѣ мою мать! Отдайте всѣхъ мертвецовъ! Ихъ жены и дѣти тоже лежатъ на жесткихъ скамьяхъ! Отдайте ихъ! Будь проклятъ весь міръ!..

Онъ такъ ударилъ кулакомъ по спинкѣ старой скамьи, что она затрещала.

Старуха вскочила.

— Господи, спаси и помилуй!—сказала она.—Что съ тобой?

— Ахъ,—сказалъ онъ, придя въ себя, но все еще тяжело дыша отъ гнѣва.—Я, право, хотѣлъ бы быть дьяволомъ!

— Господи, спаси мою душу!—сказала старуха.—Святые угодники! Почему непремѣнно дьяволомъ!

Онъ повернулся къ стѣнѣ и мрачно сказалъ:

— Они отняли у меня отца и дѣда и сдѣлали меня смѣшнымъ, когда я былъ еще ребенкомъ. Они сдѣлали меня бѣднякомъ и сиротой. Если я когда нибудь еще увижу кого-нибудь изъ Гольмановъ, я поговорю съ нимъ совсѣмъ иначе.

— Ты долженъ относиться ко всему спокойнѣе,—сказала старуха.—Спокойнѣе!

— Спокойнѣе?—сказалъ онъ.—Я не могу! Не могу! И не хочу! *Не хочу!* Ужъ лучше умереть.

— Ну, ну...—спокойно и ласково сказала старуха.—Ты еще научишься этому. Ты еще научишься.

V.

Онъ всталъ, разобралъ свои книги и сталъ просматривать ихъ. Мало-по-малу онъ успокоился и увидѣлъ, что при его хорошей подготовкѣ и врожденной способности къ измѣреніямъ и вычисленіямъ ему будетъ легко усвоить себѣ все это. Тогда онъ спросилъ старуху, не сможетъ ли онъ, какъ въ ту ночь, и дальше спать на скамьѣ и заниматься на ней; онъ отблагодаритъ ее, когда выдержитъ экзаменъ. Она сейчасъ же согласилась; тогда онъ спросилъ, не знаетъ ли она, гдѣ онъ могъ бы найти работу. Она немного подумала, потомъ сказала, что лучше всего было бы ему пойти къ корабельному мастеру Бруну, очень доброму человѣку, разсказать ему про свое несчастье съ деньгами и попросить работы. На сколько она знаетъ Бруна, онъ дастъ ему работу и столъ.

Янъ Гульдтъ сложилъ книги и вышелъ. Подойдя къ площадкѣ передъ домомъ корабельнаго мастера, онъ остановился. По всей площадкѣ были во всевозможныхъ положеніяхъ разставлены лодки всевозможныхъ формъ; за площадкой находилась мастерская, дверь которой была уже широко раскрыта. Но не было видно ни души; очевидно, всѣ ушли завтракать. Онъ еще стоялъ въ нерѣшительности, здѣсь ли ему ждать или зайти въ мастерскую, когда изъ-за опрокинутой вверхъ килемъ большой парусной лодки донесся тоненькій голосокъ, такъ тихо насвистывавшій старую народную пѣсенку, что онъ сначала не обратилъ на него вниманія. Онъ не думалъ, что сможетъ поговорить съ особой, ко-

торой принадлежитъ этотъ голосокъ, о своемъ большомъ, серьезномъ дѣлѣ; но онъ рѣшилъ, что надо же ему какъ нибудь водвориться на площадкѣ, и направился къ лодкѣ. За ней на колѣняхъ стояла дѣвушка лѣтъ пятнадцати-шестнадцати съ льняными волосами, блестящими зеленоватыми глазами и, насвистывая, красила бортъ лодки. Ей, казалось, было очень холодно отъ утренняго вѣтра, который развѣвалъ ея сѣрое платье и особенно свѣтлыя пряди волосъ. Она была такая сѣренькая и худенькая, у нея былъ такой окоченѣвшій или изголодавшійся видъ, что онъ почувствовалъ разочарованіе, хотя и по убогому свисту ожидалъ немногаго. Но когда она посмотрѣла на него очень холоднымъ и испытующимъ взглядомъ и, что особенно поразило его, не прекратила своего свиста, онъ рѣшилъ, что это—единственная дочь корабельнаго мастера. Онъ привѣтливо спросилъ ее, не знаетъ ли она, сможетъ ли онъ найти здѣсь въ верфи работу ежедневно на нѣсколько часовъ. Онъ прибавилъ, что онъ не корабельный плотникъ, а ученикъ мореходной школы.

Она перестала красить, осторожно обмакнула кисть въ старую жестянку отъ консервовъ, стоявшую возлѣ нея, и холодно и равнодушно сказала:

— Вотъ смѣшно!

— Почему смѣшно?—гнѣвно спросилъ онъ.—Я потерялъ свои деньги до послѣдняго гроша.

— Такъ-съ!—холодно сказала она, какъ будто теперь ей стало понятно все, и она составила себѣ опредѣленное мнѣніе объ этомъ человѣкѣ. Лицо ея приняло высокомѣрное выраженіе.

— Въ гамбургскихъ пивныхъ, конечно!—сказала она.

— Ничего подобнаго!—горячо возразилъ онъ.—Я и пяти разъ въ своей жизни не былъ въ пивной! Ихъ у меня украли изъ моего сундука. Карлъ Крегеръ, мать котораго живетъ теперь здѣсь, въ Эвельгенне, можетъ подтвердить это.

Она отъ удивленія выронила кисть и сказала:

— О, тогда вы, вѣрно, Янъ Гульдтъ, который тогда на пристани въ Бланкенезе выругалъ Гольмана?

И, еще разъ быстро взглянувъ на него, она сказала неувѣренно, такъ какъ его странное смѣлое лицо смутило ее:

— Карлъ Крегеръ всегда присылаетъ мнѣ открытыя письма съ видами.

— Вотъ какъ,—сказалъ онъ вѣжливѣе.—Я читалъ ваши открытки. Вы—Ева Геттъ...

— Когда онъ лѣтомъ пріѣзжаетъ сюда, мы катаемся вмѣстѣ,—сказала она,—на этой лодкѣ, которая принадлежитъ намъ обоимъ.

— Вотъ какъ!—сказалъ онъ.—Вы приходитесь родственницей корабельному мастеру?

— Нѣтъ,—сказала она,—мои родители живутъ тамъ!—она указала кистью на сосѣдній домъ.—Мой отецъ былъ прежде капитаномъ на суднѣ, плававшемъ въ Китаѣ; теперь онъ живетъ на свой капиталъ. Но я въ дружбѣ съ корабельнымъ мастеромъ Бруномъ.

— Вотъ какъ!—насмѣшливо сказалъ онъ, поглядыя то на большую дверь мастерской, то на нее. Ея видъ вызывалъ въ немъ странное чувство удовольствія, смѣшаннаго съ гнѣвомъ. Онъ сердился на нее за то, что долженъ былъ стоять передъ ней, почти какъ проситель. Вѣтеръ опять подулъ, и ея платье и волосы опять стали развѣваться.

— Вы можете еще улетѣть,—сказалъ онъ.—Держитесь крѣпче за банку съ краской.

Она, не переставая усердно водить кистью по борту лодки, посмотрѣла на него, замѣтила удовольствіе, выражавшееся въ его глазахъ, и къ горлу ея подступило легкое, тревожное чувство счастья. Тѣмъ не менѣе она сказала насмѣшливо:

— Я все-таки думаю, что вы будете на столько вѣжливы, что не дадите мнѣ улетѣть.

— Летите хоть черезъ всѣ трубы,—гнѣвно сказалъ онъ,— до самаго эцерскаго болота.

Она сказала ядовито и въ то же время какъ будто нащупывая почву:

— Карлъ Крегеръ и техники, съ которыми я всегда катаюсь лѣтомъ, любезнѣе васъ, это я должна признать.

И она исподлобья сверкнула на него своими зеленоватыми глазами.

Сверху послышались шаги, и на площадку медленно и степенно спустился корабельный мастеръ, вышедшій взглянуть на какую-то лодку.

— Сосѣдъ Брунъ,—сказала она,—представьте себѣ, вотъ этотъ человѣкъ одинъ, изъ бланкенезскихъ Гульдтовъ, потерялъ всѣ свои деньги; у него украли ихъ изъ сундука. Они, правда, иногда страшно лгутъ, особенно сначала, когда только возвращаются изъ плаванія; но Карлъ Крегеръ свидѣтель, что это правда. Теперь онъ хочетъ посѣщать школу, и ему негдѣ обѣдать; онъ хотѣлъ бы работать здѣсь, въ верфи, за обѣдъ и ужинъ. Мнѣ кажется, что вы должны это сдѣлать; вѣдь онъ можетъ скрести и смолить полъ. Посмотрите только на него, онъ уже давно не ѣлъ.

Янъ Гульдтъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва и бросилъ ей такой взглядъ, какъ будто хотѣлъ ее убить.

Корабельный мастеръ, улыбаясь, пошелъ съ нимъ наверхъ, разспросилъ его обо всемъ и сказалъ, что онъ можетъ по-

пробовать работать на верфи, обѣдъ и ужинъ себѣ онъ, навѣрно, заработаетъ. Онъ предложилъ Яну Гульдту придти опять, сейчасъ же послѣ школы, и вернулся обратно въ свою мастерскую.

Янъ Гульдтъ сошелъ внизъ, чтобы вернуться къ своей скамьѣ и своимъ книгамъ. Проходя мимо жестянки съ краской, онъ остановился, толкнулъ ее такъ, что она отлетѣла въ сторону, и проворчалъ маленькой сѣренькой дѣвушкѣ, что, если она еще когда-нибудь вздумаетъ дѣлать такія наглыя замѣчанія, когда онъ будетъ здѣсь работать, онъ надеретъ ей уши.

Она схватила своими замерзшими красными руками жестянку и спрятала ее. Затѣмъ немного огорченно, но съ довольнымъ смѣхомъ сказала:

— Я хотѣла кончить до школы, теперь изъ этого ничего не выйдетъ; но зато я позабавилась.

И она злобно и весело кивнула ему головой.

Онъ опять посмотрѣлъ на нее съ гнѣвомъ и удовольствіемъ, осмотрѣлся вокругъ, нѣтъ ли кого-нибудь по близости, нагнулся, вырвалъ у нея изъ рукъ кисть, схватилъ ее за волосы и мазнулъ кистью по носу.

Она серьезно испугалась, такъ какъ увидѣла вспыхнувшій въ немъ гнѣвъ и не была увѣрена,—чѣмъ все это кончится. Но когда она почувствовала, что онъ держитъ ее крѣпко, но осторожно, прикосновеніе его руки къ ея волосамъ вызвало въ ней странно пріятное чувство. Она радостно засмѣялась, стала тереть свой носъ и бранить его. Но онъ былъ уже далеко.

Съ этихъ поръ ночью онъ спалъ на скамьѣ подъ окномъ, вставалъ въ четыре часа утра, тутъ же, на томъ же мѣстѣ, гдѣ спалъ, приготовлялъ уроки, затѣмъ шелъ въ школу, а оттуда—въ верфь, откуда часто только поздно вечеромъ поднимался къ заржавленной старой пушкѣ.

Случилось такъ, что въ это время ни одного изъ его прежнихъ товарищей по плаванію не было дома, ни одинъ изъ нихъ не посѣщалъ школы; съ рабочими же на верфи онъ не сближался, такъ какъ у него не было съ ними ничего общаго. Поэтому онъ чувствовалъ себя очень одинокимъ, и у него была только одна радость, которая ему самому казалась странной и удивляла его. Радость эта заключалась въ томъ, что онъ по нѣсколько разъ въ день могъ поворачивать голову къ худой, сѣрой дѣвушкѣ, которая пробиралась по песку къ своей лодкѣ и всегда какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ разстрепалъ ей волосы, молча поднимала глаза и бросала на него долгій взглядъ. Она, казалось, оставалась въ школѣ очень недолго, очень мало

времени тратила на ѣду и питье, еще меньше—на приготовленіе уроковъ. Ее вѣчно можно было увидѣть въ ея лодкѣ на рѣкѣ, иногда одну, но большей частью со всевозможной шумной молодежью, среди которой она играла нѣчто въ родѣ роли атамана.

Большое затрудненіе для него заключалось въ томъ, что въ воскресенье у него не было ни обѣда, ни ужина. Старухѣ въ домикѣ у пушки онъ сказалъ, что проводитъ воскресенье всегда у одного пріятеля; а корабельный мастеръ, очевидно, не думалъ, что его денежныя дѣла на столько плохи, и не приглашалъ его. Такимъ образомъ, онъ днемъ и вечеромъ слонялся среди сотенъ людей, наполнявшихъ берегъ, и убивалъ время и заглушалъ голодъ, наблюдая за дѣтьми, игравшими на пескѣ. Утро кое-какъ проходило. Но когда въ четыре часа они всё вытаскивали изъ кармановъ свой хлѣбъ и погружали свои личики въ широкіе ломти его, онъ уходилъ внизъ по теченію, къ Винштедтену, садился тамъ на опрокинутый баркасъ и, отломивъ отъ ивы вѣтку, равномѣрно и гнѣвно ударялъ ею по песку у своихъ ногъ.

Такъ какъ у него не было денегъ, чтобы купить себѣ галстухъ, старуха подарила ему красивый, красный шелковый шарфикъ, который она получила отъ своего мужа, бывшаго когда-то могильщикомъ въ Оттензенѣ. Однажды, вскапывая какую-то могилу, онъ нашелъ въ ней гробъ стараго сенатора, который при жизни былъ щеголеватымъ холостякомъ и до самой смерти оставался большимъ сердцеѣдомъ. Гробъ весь сгнилъ и раскрылся; могильщикъ увидѣлъ соблазнительный, красный шелковый шарфикъ, нисколько не испортившійся отъ сорокалѣтняго лежанія въ могилѣ и подумалъ: „На что теперь сенатору, отъ котораго остались однѣ кости, этотъ красивый шелковый галстухъ?“ И онъ принесъ шарфикъ домой. Она кончиками пальцевъ разгладила его, но носить не захотѣла, и мужъ ея тоже не могъ заставить себя сдѣлать это. Янъ Гульдтъ, не боявшійся самого чорта, очень обрадовался шарфику. И теперь веселый шелковый шарфикъ стараго сенатора, украшенный маленькими незабудками, вышитыми на красивыхъ широкихъ концахъ его, развѣвался на смуглой шеѣ Яна Гульдта и двигался при каждомъ шагѣ его по песку. При каждомъ порывѣ вѣтра онъ легко и нѣжно касался его начинавшихъ покрываться пушкомъ щекъ, за которыми текла горячая кровь.

Въ шестое или седьмое воскресенье, когда онъ въ четыре часа опять спустился въ Винштедтенъ, маленькая Ева Геттъ, всегда слѣдившая за нимъ своими быстрыми глазами, поняла, какъ обстоитъ съ нимъ дѣло. Она взяла

нѣсколько буттербродовъ, сѣла въ маленькую шлюпку и, глубоко, прерывисто дыша, тихо поплыла вслѣдъ за нимъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сѣлъ въ лодку, она причалила; вышла изъ шлюпки, медленно взобралась, перепрыгивая съ камня на камень, наверхъ, остановилась и стала смотрѣть на него.

Онъ въ этотъ моментъ какъ разъ представлялъ себѣ, какъ онъ, когда будетъ капитаномъ, каждое воскресенье будетъ заказывать на обѣдъ гороховый супъ съ саломъ, и съ сосредоточенными, гнѣвными глазами ударялъ по сухому жесткому песку. Вдругъ онъ услышалъ ея шаги и увидѣлъ, что она стоитъ и смотритъ на него. Онъ сердито вскочилъ.

— Что вамъ нужно?—сказалъ онъ.—Чего вы таращите на меня глаза? Что я, какой-нибудь диковинный звѣрь отъ Гагенбека?

Она, какъ дитя своей страны, и сама человѣкъ съ причудами, привыкла къ причудливымъ людямъ и къ медленному развитію событій. Поэтому она продолжала спокойно стоять и ждать. Но такъ какъ онъ только изрѣдка поглядывалъ на нее, и дѣло не подвигалось впередъ, она пристально посмотрѣла на одну изъ свай, толкнула ее и сказала довольно громко:

— Спроси меня: что ты ѣла сегодня за обѣдомъ?.. Что я ѣла? Пирогъ съ черникой, такой вкусный...

Она еще разъ толкнула старую сваю и сказала:

— Спроси меня: что ты хочешь ѣсть сегодня вечеромъ? Что я хочу ѣсть? Яйца и хлѣбъ съ масломъ.

И она замолчала и посмотрѣла на него.

Онъ подумалъ, что она издѣвается надъ его голодомъ, въ дикомъ гнѣвѣ вскочилъ и бросился къ ней. Она хотѣла убѣжать, но поскользнулась на камняхъ передъ самой лодкой и упала. Она лежала, заслоняя своей худой рукой голову, такъ какъ ждала, что сейчасъ на нее посыпятся удары, и съ отчаяніемъ и любовью смотрѣла на него.

Тогда онъ понялъ, въ чемъ тутъ дѣло, и по всему его тѣлу разлилось ощущеніе блаженства. Онъ неувѣренно сказалъ:

— Послушай... Чего-жъ ты хочешь?

Она сейчасъ же оправилась отъ испуга; смущенная его взглядомъ, она растерянно и умоляюще посмотрѣла на него и сказала:

— Я не могу видѣть, что вамъ нечего ѣсть.

И, не вставая съ колѣнъ, она сунула руку въ лодку, вытащила плохо завернутый въ бумагу хлѣбъ и сказала:

— Я принесла вамъ это.

Онъ покраснѣлъ до корней своихъ рыжеватыхъ волосъ и мрачно воскликнулъ:

— Этого я не могу! Не могу! Неужели ты не понимаешь? Ты хочешь, чтобы я позволилъ тебѣ кормить себя? Убирайся! Садись и уѣзжай!

И онъ бросилъ якорь въ ея шлюпку.

Она опустила руку съ хлѣбомъ и растерянно сказала:

— Почему вы не можете? Вѣдь вы принимаете дружбу толстой старой женщины, которая къ тому же еще грязнуха... Почему же вы не хотите принять ее отъ меня?

Онъ сначала не хотѣлъ отвѣчать. Онъ только молча дѣлалъ ей знакъ, чтобы она сѣла въ шлюпку. Но она продолжала стоять и смотрѣть на него съ дрожащими губами и полными слезъ глазами. Тогда онъ яростно набросился на нее и сказалъ съ сверкающими глазами, бѣснуясь отъ стыда и сознанія своего позора:

— А что, если ты будешь потомъ моей женой? Какъ я могу позволить тебѣ кормить себя? Могу я позволить тебѣ кормить себя, точно ворону со сломаннымъ крыломъ? Могу я это, позволить, глупая ты! Убирайся!

Тогда она медленно и нерѣшительно, прислушиваясь къ странному сладостному звону и пѣнію въ своемъ сердцѣ, вошла въ шлюпку и взялась за весла. Когда они уже были у нея въ рукахъ, и она хотѣла оттолкнуться отъ берега, въ ней вспыхнуло горячее желаніе посмотрѣть на него. Но отъ стыда и робости она никакъ не могла поднять глаза. Она отчалила, полная смущенія и страннаго блаженства.

Онъ стоялъ и мрачно смотрѣлъ ей вслѣдъ. Что за фантазіи приходятъ въ голову этой дѣвушкѣ? Это не годится. Это не подходящее начало для совмѣстной жизни. Дать кормить себя, какъ ворону, сломавшую себѣ крыло? Или какъ маленькую желтую канарейку? И онъ кивнулъ ей вслѣдъ и сказалъ:

— Ужъ потомъ я ей покажу, какъ полагается.

Съ этого дня они за все лѣто не обмѣнялись ни словомъ и только взглядомъ искали другъ друга; да и то только тогда, когда знали, что другой этого не замѣтитъ. Они плели одинъ вокругъ другого дивную паутину изъ вѣры, ожиданія и надежды и все глубже погружались въ ту пламенную фантастическую любовь, на которую обречены тѣ, кто любитъ другъ друга съ сильной страстью, но вслѣдствіе своего цѣломудрія, робости и слишкомъ серьезнаго отношенія не могутъ дать этой страсти выхода.

VI.

Такъ прошло это тяжелое время; и въ одну субботу, въ сентябрѣ, онъ выдержалъ штурманскій экзаменъ. Онъ сейчасъ же пошелъ въ гавань, поручилъ знакомому трактирщику найти ему мѣсто, великолѣпно проспалъ ночь на старой скамьѣ и утромъ въ воскресенье всталъ съ мыслью, отъ которой въ послѣдніе полгода каждый день такъ сильно билось его сердце: сегодня онъ поѣдетъ съ ней кататься. Совсѣмъ одинъ съ ней! Онъ будетъ управлять рулемъ и шкотомъ, а она будетъ сидѣть рядомъ съ нимъ и держать фокъ, и при этомъ они будутъ смотрѣть другъ на друга и разсказывать другъ другу свою жизнь. Онъ рѣшилъ, что пойдетъ на берегъ совсѣмъ рано, когда ея штата, этихъ гадкихъ подростковъ, еще не будетъ. Она же вставала очень рано, и ее всегда можно было найти рано утромъ на берегу у ея лодки.

Но когда онъ съ непромокаемой курткой подъ мышкой, такъ какъ накрапывалъ дождь, вышелъ изъ дому, онъ увидѣлъ Карла Крегера, шедшаго ему навстрѣчу. На немъ былъ старый плохой костюмъ, а на уши была надвинута старая, помятая шапка. Онъ закричалъ еще издали:

— Ева Геттъ разсказала мнѣ все! Почему ты не попросилъ денегъ у моей матери? Она, навѣрно, дала бы тебѣ! Ну... довольно объ этомъ! Мы съ компаніей идемъ сейчасъ подъ парусомъ въ Шулау, и ты съ нами.

Они пошли вмѣстѣ, осыпая другъ друга вопросами. Когда они пришли на берегъ, она уже стояла тамъ въ старомъ, совсѣмъ затвердѣвшемъ черномъ дождевомъ плащѣ, который при каждомъ порывѣ вѣтра грохоталъ, какъ сыплющаяся груда каменнаго угля; на ея бѣлокурыхъ волосахъ была старая войлочная шляпа. Лицо у нея по обыкновенію было немного застывшее и прозрачное. Она осыпала сердитой бранью какой-то баркасъ, который отказывался послать ей шлюпку; оттуда отвѣчали громкими насмѣшками, доносившимися сквозь шумъ вѣтра и хлюпанье парусовъ. Со всѣхъ сторонъ плясали на буйкахъ лодки, и всѣ онѣ были биткомъ набиты шумной молодежью. Дальше, тамъ, гдѣ рѣка волновалась сильнѣе и отливала яркой холодной синевой, лавировало нѣсколько шхунъ съ темными парусами. Когда ихъ кренило подъ порывомъ вѣтра, вода заливала ихъ палубы; когда же онѣ медленно выравнивались, она широкимъ, сверкающимъ водопадомъ снова сбѣгала внизъ. У Ницштедтена показался красивый сѣрый океанскій пароходъ и, мощно возвышаясь своей громадой надъ волнами

сталъ медленно приближаться. Несмотря на накрапывавшій прямой дождь, было прекрасное свѣтлое осеннее утро.

Подошла шлюпка и подвезла ихъ къ большой парусной лодкѣ. Карлъ Крегеръ, совладѣлецъ ея, сейчасъ же принялся хлопотать: что-то искалъ, что-то прилаживалъ, что-то исправлялъ, все время ворча себѣ подъ носъ, что все, что попадаетъ въ руки къ бабѣ, приходитъ въ безпорядокъ. Она въ это время прятала хлѣбъ и молоко въ кормѣ и хохотала. Янъ Гульдтъ возился у кливеровъ. Когда работа была окончена, они остались на тѣхъ же мѣстахъ, стараясь держаться какъ можно дальше другъ отъ друга и не глядя другъ на друга. И въ то же время робѣли и чувствовали себя счастливыми оттого, что были такъ близко другъ къ другу.

На берегу появились два человѣка въ безобразныхъ старыхъ курткахъ, со старыми синими фуражками на головѣ; одинъ былъ необыкновенно высокаго роста, другой широкоплечій и коренастый. Они громко звали и кричали. Она въ одно мгновеніе очутилась въ шлюпкѣ и стала грести къ берегу.

Онъ, нахмурившись, посмотрѣлъ ей въ слѣдъ и спросилъ:

— Кто это такіе?

— Техники,—сказалъ Карлъ Крегеръ. — Они на Пасху оставили гимназію и работаютъ теперь практически въ верфи. Высокій колотитъ изо всѣхъ силъ и при томъ немножко безтолково своими большими руками и много болтаетъ; мы называемъ его „Километръ". Но онъ славный парень. Другой, маленькій, всегда очень благоразуменъ и любитъ порядокъ, поэтому мы зовемъ его „Маэстро". Маленькую кругленькую дѣвушку, которая теперь плетется къ берегу, мы прозвали „Баржа". Она учительница или что-то въ этомъ родѣ. Славная дѣвушка.

— У тебя всѣ славные,—сказалъ Янъ Гульдтъ,—кромѣ Евы Геттъ. Почему ты такъ неласковъ съ ней?

— Я?!—сказалъ Карлъ Крегеръ, изумленно глядя на Яна Гульдта,—неласковъ? Ты уже ѣздилъ когда-нибудь съ ней?.. Ну, такъ ты не знаешь, что она такое!.. Мы не ласковы съ ней? Мы всѣ любимъ ее; а обращаемся мы съ ней такъ потому, что иначе съ ней обращаться нельзя. Ты самъ увидишь.

Новоприбывшіе подъѣхали къ лодкѣ и были представлены такъ, какъ ихъ раньше назвалъ Карлъ Крегеръ.

Можно было трогаться въ путь. Шесть лодокъ вокругъ накренились одинаково на бокъ. Вода клокотала у носа и съ шумомъ бѣжала вдоль бортовъ. Зазвучала пѣсня, то

заглушаемая вѣтромъ и хлопаньемъ парусовъ, то громко носившаяся надъ водой.

Маленькій Маэстро завѣдывалъ кливерами. „Километръ" сидѣлъ въ срединѣ и выливалъ набиравшуюся воду ковшомъ, который въ его рукѣ казался деревянной ложкой. Карлъ Крегеръ стоялъ у руля и шкота. Янъ Гульдтъ, сидя рядомъ съ нимъ, отъ времени до времени дѣлалъ какое-нибудь безразличное замѣчаніе и поглядывалъ украдкой на Еву Геттъ.

Она сидѣла рядомъ съ „Километромъ"; старую войлочную шляпу она сняла, свѣтлыя пряди развѣвались надъ остальной массой бѣлокурыхъ волосъ, а глаза отливали яснымъ, темно-зеленымъ блескомъ. Она вынула нитки и иглу и принялась зашивать „Километру" порванный рукавъ. Это мирное занятіе продолжалось недолго. Такъ какъ они отъ времени до времени должны были поворачивать, и всѣмъ приходилось пересаживаться подъ реей съ борта на бортъ, то скоро великанъ закричалъ подъ иголкой, увѣряя, что она уколола его. Онъ заявилъ, что вѣчно повторяется одна и та-же исторія: сначала она притворяется заботливой и жалостливой, отчего онъ и размякаетъ, тѣмъ болѣе, что у него нѣтъ матери, но потомъ она всегда злоупотребляетъ его добродушіемъ и пришиваетъ ему куртку прямо къ кожѣ. Онъ громко закричалъ, чтобы она бросила шить, и сталъ биться на ниткѣ, какъ огромная рыба. Карлъ Крегеръ бранился, что его безпокоятъ. Маленькая „Баржа" смѣялась такъ сильно и искренно, что казалось, будто ей нехорошо. Маленькій, бравый Маэстро сказалъ съ серьезнымъ спокойнымъ порицаніемъ:

— Ты опять принимаешься за свои штуки, Ева Геттъ! Пора бы тебѣ уже оставить ихъ!

Она принялась горячо защищаться: можетъ-ли она позволить ходить въ такомъ видѣ человѣку, который и такъ пугаетъ своими размѣрами всѣхъ дѣтей? И можно-ли шить какъ слѣдуетъ, когда у руля сидитъ такой чурбанъ, какъ Карлъ Крегеръ? Пусть-бы дали руль ей!

Они всѣ подняли руки кверху и посмотрѣли другъ на друга такъ, какъ будто теперь она заговорила, совсѣмъ какъ безумная.

— Боже сохрани, это мы пробовали нѣсколько разъ! Больше мы этого не сдѣлаемъ никогда! Никогда! Только не это! Если ты хочешь что-нибудь дѣлать, то держи свой хорошенькій носикъ наискось, чтобы мы перегнали вотъ эту сизую чайку, которая опять хочетъ перехватить у насъ вѣтеръ.

И они всѣ принялись браниться и изливать свой гнѣвъ

на сизую чайку, которая въ самомъ дѣлѣ перехватила у нихъ вѣтеръ, такъ что лодка завертѣлась.

Среди всей этой суеты и возни Ева всегда находила случай мимоходомъ взглянуть на Яна, такъ незамѣтно и застѣнчиво и при этомъ такъ мило и любовно, что по кожѣ у него пробѣгалъ огонь и рвался изъ его глазъ.

„Километръ", наблюдавшій за ней, былъ единственнымъ, замѣтившимъ кое-что.

— Что это сегодня съ дѣвочкой?—грозно сказалъ онъ.— У нея сегодня какъ будто совсѣмъ другіе глаза? Почему это она сегодня такая хорошенькая? Отчего она вдругъ застыдилась? Отчего она краснѣетъ?

И, размахивая руками, онъ грозно обрушился на нее голосомъ, который отдавался эхомъ высоко въ воздухѣ:

— Ты что затѣяла, чертовка? Ты хочешь разыграть сирену? Одинъ взмахъ моей руки, и ты взлетишь на Мюленбергъ, и будешь обезврежена! Оттуда твой пискливый голосокъ не будетъ слышенъ и твои зеленые глаза не будутъ видны.

Она осмотрѣла своихъ обоихъ противниковъ съ головы до ногъ, точно ища ихъ слабыхъ мѣстъ, и начала дѣлать язвительныя замѣчанія на ихъ счетъ. Особенно язвила она по поводу ихъ загорѣлыхъ, покрытыхъ рубцами рукъ. Она утверждала, что они нарочно попадаютъ молотомъ не туда, куда слѣдуетъ, а на свои собственные суставы и пальцы, чтобы производить своими рубцами впечатлѣніе настоящихъ рабочихъ. Въ дѣйствительности-же они всѣмъ только мѣшаютъ, и одинъ рабочій сказалъ ей, что маленькій Маэстро, благодаря своей манерѣ такъ прямо держаться, служитъ имъ иногда отвѣсомъ, а большой „Километръ" перемычкой.

Маленькій Маэстро опять спокойно посовѣтовалъ ей не терять окончательно разсудка, на что въ отвѣтъ она бросила ему на ноги ковшъ. Тогда ихъ терпѣніе истощилось. Маленькій Маэстро сжалъ ей кисти рукъ, чтобы она, какъ онъ выразился, получила понятіе о томъ, что такое тиски, а «Километръ» связалъ ихъ веревкой и держалъ ее за эту веревку, какъ держатъ упрямаго теленка.

Она обратилась за помощью къ Карлу Крегеру, но онъ сказалъ, что такъ ей и слѣдуетъ. Она бросила взглядъ на Яна Гульдта; но онъ случайно смотрѣлъ въ воду. Тогда она стала просить молодыхъ людей: она не можетъ сидѣть такъ тихо, она замерзнетъ до смерти, они должны ее выпустить. Они не повѣрили ей и сказали:

— Мы отлично знаемъ тебя; мы знаемъ, что твои глаза, когда тебѣ въ самомъ дѣлѣ холодно, становятся синими; но

теперь они еще зеленые. Итакъ, покорись и оставь свою болтовню: все равно, она тебѣ не поможетъ.

Черезъ нѣсколько времени она опять умильнымъ голосомъ стала просить ихъ выпустить ее. Они немножко забезпокоились и сказали:

— Это правда, твои щеки такъ прозрачны, что можно сквозь нихъ видѣть, что дѣлается на томъ берегу, но мы все-таки не вѣримъ тебѣ. Ты всегда обманываешь насъ и, когда это тебѣ удается, еще смѣешься надъ нами. Намъ это не легко, но мы должны быть суровы съ тобой; твои родители были съ тобой всегда слишкомъ мягки.

Но когда она подъ конецъ стала утверждать, что уже чувствуетъ, какъ ея сердце бьется медленнѣе и тише, и въ то же время подняла кверху брови, такъ что онѣ стали надъ глазами, какъ высокія, трепетныя дуги, они отвязали ее. Она тихо и благонравно усѣлась у руля, возлѣ Карла Крегера, и время отъ времени, точно въ забытьи устремляла на Яна Гульдта свои блестящіе зеленые глаза.

Но это продолжалось недолго. Скоро ея рука очутилась на рулѣ рядомъ съ рукой Карла Крегера. А черезъ нѣсколько минутъ она медленно и увѣренно столкнула руку Карла Крегера съ руля. А еще черезъ нѣсколько минутъ, такъ какъ ему необходимо было набить свою трубку, у нея въ рукѣ очутился и шкотъ.

Они видѣли это всѣ. Они знали также всѣ, что это была опасная, больше того, чудовищная вещь. Но что они могли сдѣлать? Разъ Карлъ Крегеръ беретъ отвѣтственность на себя? Это исключительно его дѣло! Имъ что до этого!..

Нѣсколько времени все шло хорошо. Но вдругъ ни съ того, ни съ сего она повернула лодку и вѣтеръ захлестнулъ паруса. Въ то же мгновеніе лодка накренилась и наполнилась водой. И только благодаря присутствію духа Карла Крегера, который вырвалъ шкотъ у нея изъ рукъ, и вѣсу „Километра", который, схватившись руками за ванты, перегнулся всей огромной верхней частью туловища за бортъ, лодка опять стала прямо.

Они шумѣли и бранились, какъ старые моряки. Мужчины сейчасъ-же принялись отливать воду; они были всѣ согласны въ томъ, что больше они не могутъ держать у себя на суднѣ такого человѣка. Они произносили какія-то зловѣщія, темныя слова, изъ которыхъ можно было понять, что, какъ только они доберутся до берега, они сейчасъ же разорвутъ грѣшницу на куски и предадутъ сожженію. Маленькая „Баржа" сидѣла, согнувшись и, глядя мокрыми отъ слезъ глазами на „Километра", который кричалъ больше всѣхъ, вращалъ глазами и протягивалъ большія руки къ

берегу, гдѣ долженъ былъ состояться судъ, беззвучно и неудержимо задыхалась отъ хохота.

Грѣшница, гнѣвно обведя всѣхъ своими большими глазами, сказала:

— Зачѣмъ Карлъ Крегеръ далъ мнѣ руль, а потомъ еще и шкотъ? Онъ прямо съ ума сошелъ. Кто изъ насъ виноватъ, онъ или я? Вамъ хочется, чтобы я сдѣлала это, и вы не можете успокоиться, прежде чѣмъ это не случится!

Они покачали головами, и Маэстро спокойно и разсудительно сказалъ:

— Ты всегда вела себя плохо, Ева Геттъ; но сегодня ты ведешь себя прямо безбожно. Я знаю, что говорю. Но мы посмотримъ, въ чемъ тутъ дѣло. Можетъ быть, ты влюблена? Можетъ быть, ты больна? Но мы не можемъ считаться съ этимъ; мы накажемъ тебя, какъ то предпишетъ намъ наша совѣсть.

Они повернули къ берегу. Волна вынесла ихъ на песокъ подъ крутой откосъ.

„Километръ" вышелъ, взялъ Еву Геттъ, которая сейчасъ же обхватила руками его шею, забралъ съ собой еще всевозможныя мокрыя паруса и корзину съ провизіей, и перешелъ со всѣмъ этимъ грузомъ на сухое мѣсто.

— Ты влюблена?—кричалъ онъ.—Спасай свою жизнь и скажи, что ты влюблена въ меня!

Но она хохотала у его шеи и качала головой, впеpивъ свои глаза въ глаза Яна Гульдта, которые блаженно смѣялись.

Они нашли мѣсто, гдѣ можно было, держась за кусты, вскарабкаться наверхъ. Со всевозможными шалостями и чудовищнымъ гамомъ взобрались они на откосъ, разложили на недоступной обвѣтренной вершинѣ въ маленькой котловинѣ, обсаженной молодыми дубками и елями, свои припасы и принялись за ѣду.

Сначала они ѣли довольно мирно, но, когда первый голодъ былъ утоленъ, маленькій Маэстро началъ допросъ. Глубоко переведя дыханіе, что, очевидно, полагалось въ началѣ такихъ засѣданій, онъ своимъ серьезнымъ груднымъ голосомъ спросилъ: какъ это она дошла до того, что чуть не перевернула лодку? Знать это чрезвычайно важно. Она, вѣроятно, не помнитъ, что съ ней происходило въ тотъ моментъ.

Она весело обвела всѣхъ своими быстрыми глазами, повидимому, очень довольная тѣмъ, что всѣ были заняты ею, и сказала:

— Я отлично помню. Я увидѣла, что „Километръ" вытянулъ свои ноги на всю лодку, и мнѣ захотѣлось посмотрѣть,

какъ онъ подберетъ ихъ, если лодка вдругъ перевернется. Это было очень смѣшно. Что же въ этомъ такого? Мы всѣ умѣемъ плавать; къ тому же по близости было пять лодокъ.

— Ты совершенно права,—сказалъ онъ серьезнымъ и ласковымъ тономъ, за которымъ скрывалась насмѣшка.—Что въ этомъ такого? Мы немножко промокли и потеряли нашъ прекрасный новый ковшъ.

Она сказала:

— Его укралъ „Километръ“.

— Замолчи!—мрачно сказалъ онъ,—ты говоришь глупости! Ты знаешь, что позволяется брать руль, ковши, уключины, лишніе канаты и тому подобное; можно взять даже цѣлую шлюпку, если только сумѣешь скрыть слѣды. Но изъ шалости опрокинуть лодку—это непозволительно. Этого не дѣлаютъ, Ева Геттъ! Можно управлять парусомъ; можно управлять рѣшительно, можно управлять смѣло; можно даже перевернуть лодку, если наступитъ моментъ страсти. Но нельзя управлять спустя рукава; нельзя управлять невѣрно; и нельзя опрокидывать лодку изъ шалости. Подумай минуту и скажи: какъ это желаніе возникло въ твоей душѣ? Что зашевелилось въ твоемъ мозгу прежде всего? Желаніе, говоришь ты, посмотрѣть, какъ „Километръ“ подберетъ свои ноги?

— Да,—сказала она увѣренно, глядя на него.—Это точь-въ точь какъ со старой мышеловкой у насъ дома.

Они всѣ открыли рты. „Километръ“ хрипло вскрикнулъ.

— Тише,—съ страданіемъ сказалъ маленькій Маэстро.— Говори дальше, Ева Геттъ! Попробуй объяснить намъ, какое сходство можно усмотрѣть между твоимъ безобразнымъ поступкомъ и вашей старой мышеловкой.

Она осмотрѣла всѣхъ и сказала:

— Когда я вечеромъ ставлю мышеловку, она большей частью захлопывается сама, безъ всякой причины, иногда черезъ полчаса, иногда среди ночи. Такъ и во мнѣ что-то захлопывается, вдругъ, безъ причины, иногда въ одно время, иногда въ другое.

Они всѣ кивнули съ понимающимъ видомъ, точно говоря:

— Такъ мы и думали!

Маленькій Маэстро поднялъ руку, требуя тишины.

— Итакъ, ты хочешь сказать, что это что-то совершенно необъяснимое, что-то мистическое, это исходитъ изъ тѣхъ темныхъ глубинъ, которыя кишатъ духами и чудовищами, какъ въ Беовульфѣ, который когда то былъ страшилищемъ этихъ мѣстъ.

Не знавшій ничего о Беовульфѣ, Янъ Гульдтъ вдругъ горячо сказалъ:

— Конечно, это исходитъ изъ глубинъ, изъ глубинъ ея рода. Я хочу сказать, что это въ ней отъ ея предковъ.

Они всѣ посмотрѣли на него, изумленные тѣмъ, что онъ вмѣшивается въ это серьезное разбирательство, которое было привилегіей Маэстро. Приводило ихъ въ изумленіе и его лицо, въ которомъ сіяла самая свѣтлая доброта. Ева Геттъ тоже посмотрѣла на него и подумала въ порывѣ счастья:

— Милый, милый, чудный!

— Какъ это отъ предковъ?—спросили всѣ.

— Да,—съ радостнымъ смѣхомъ отвѣтилъ онъ.—Она, конечно, унаслѣдовала свой характеръ отъ своихъ предковъ. Ея родители или родители ея родителей или еще болѣе отдаленные предки, навѣрно, были одинокими и причудливыми людьми. Имъ приходилось цѣлыя недѣли проводить въ одиночествѣ на рыболовой шкунѣ въ Сѣверномъ морѣ. И очень можетъ быть, что одинъ изъ нихъ клалъ въ своей каютѣ на столъ мертвую камбалу и строилъ надгробный памятникъ надъ нею изъ черствыхъ лепешекъ, которыя дала ему съ собой жена, и памятникъ тотъ, къ его удивленію, все снова разваливался. Его жена въ это время лежала дома одна въ кровати, и, можетъ быть, у нея появилась привычка бросаться на всѣ четыре стороны и при этомъ каждый разъ спрашивать: „А гдѣ же пятая?" И такъ далѣе. Несомнѣнно, что она происходитъ отъ людей такого сорта. Это видно по ней.

— Теперь вы видите,—съ важностью сказала она,—что я совсѣмъ не виновата.

— Это все-таки не совсѣмъ такъ,—горячо, съ веселымъ гнѣвомъ сказалъ онъ.—Она обязана каждый разъ, какъ предки поднимаютъ въ ней сѣдовласую голову, подавлять ихъ причудливую волю. Если горшокъ собирается закипѣть, она должна сказать: стопъ! и живо принять его съ огня и поставить на холодные камни.

Она видѣла въ его глазахъ пламенную любовь, и опять всю ее охватило блаженство, и ея маленькая горячая душа пришла въ такое смятеніе, что она взялась за уши руками, которыя подняла, чтобы откинуть волосы со лба, и застыла такъ, точно граціозная маленькая ваза съ ручками. И, сидя такъ, она смотрѣла на него радостно и стыдливо.

Но „Километръ" громкимъ голосомъ крикнулъ:

— Кто вѣритъ этому?

И онъ дико осмотрѣлся.

— Вѣритъ ли кто-нибудь лицу, которое она дѣлаетъ теперь? Довольно болтать! Ея поступокъ такъ безобразенъ, и насмѣшки надъ нами сегодня вечеромъ въ клубѣ будутъ такъ убійственны, что я предлагаю столкнуть ее съ этого

откоса. Это вмѣстѣ съ тѣмъ явится символомъ того, что мы изгоняемъ ее изъ нашего общества и что ея мѣсто тамъ, внизу.

Она, немного испугавшись, подползла къ откосу, заглянула внизъ и увидѣла, что спускъ очень крутой, но что все-таки можно безопасно скатиться до самаго низа. Она сказала:

— Скатиться отсюда внизъ—это было бы какъ разъ подходящимъ дѣломъ для тебя, „Километръ“. Ты могъ бы, наконецъ, сдѣлать нѣчто, что соотвѣтствовало бы твоему большому рту. Чтобы и онъ получилъ удовольствіе—а онъ у тебя очень падокъ на удовольствія—мы позволили бы тебѣ орать, какъ десять быковъ.

„Километръ“ тоже подползъ на колѣняхъ къ краю и сказалъ:

— Здѣсь слишкомъ круто. Доберешься-то до низу живоно въ какомъ видѣ?

Тогда они всѣ стали на колѣни у края откоса, который былъ не меньше тридцати метровъ высоты, посмотрѣли внизъ и увидѣли, что онъ весь до самаго низу былъ совершенно гладокъ.

— Здѣсь слишкомъ круто,—сказали всѣ.

Янъ Гульдтъ, который такъ часто смотрѣлъ съ высокой брамъ-стеньги на волнующееся море, и котораго всякій рискъ возбуждалъ, какъ возбуждаетъ запахъ дичи молодого охотничьяго пса, тоже посмотрѣлъ внизъ и тихо сказалъ себѣ:

— Если захотѣть, то можно спуститься!

Онъ не чувствовалъ, какъ чья-то рука мягко погладила его по рукаву. Онъ однимъ движеніемъ сбросилъ съ себя куртку, съ дикой рѣшимостью откинулъ назадъ голову, поднялъ кверху, какъ руль, руки и быстро и увѣренно, роя затылкомъ песокъ, соскользнулъ внизъ и разомъ сталъ на ноги.

„Километръ“ громкимъ неистовымъ голосомъ похвалилъ его. Маленькій Маэстро неодобрительно и многозначительно сказалъ:

— Онъ сказалъ Евѣ Геттъ, чтобы она сдерживала свои фантазіи; самъ же онъ даетъ имъ волю.

Карлъ Крегеръ поблѣднѣлъ и сказалъ:

— Онъ на все смотритъ, какъ на дѣло чести, все принимаетъ на свой счетъ и сейчасъ же забываетъ всякое благоразуміе и не знаетъ никакого удержу. Говорятъ, что его дѣдъ, который служилъ капитаномъ у Гольмановъ, тоже былъ такимъ необузданнымъ человѣкомъ.

Ева Геттъ стояла на колѣняхъ у края откоса и пожирала Яна Гульдта глазами. Она обернулась и гнѣвно сказала:

— Что вы тамъ болтаете о его дѣдѣ? Если онъ мнѣ нравится, какое вамъ до этого дѣло?

Они всѣ засмѣялись и сказали:

— Ну... кто-же васъ хочетъ разлучить. Два кипящихъ горшка на одной плитѣ: вотъ-то шуму будетъ!

Онъ поднялся наверхъ немного блѣдный и холодно осмотрѣлъ всѣхъ. Дѣвушки убрали посуду, юноши занялись поисками мѣста, гдѣ можно было бы спокойно полежать и отдохнуть.

„Километръ" возвысилъ голосъ и спросилъ:

— Гдѣ ты хочешь лежать, Ева Геттъ?

Она быстро осмотрѣлась и сообразила, что если ляжетъ возлѣ „Километра", то сможетъ все время видѣть Яна Гульдта. Тогда она лицемѣрно сказала: „Я вѣдь всегда охотнѣе всего лежу возлѣ тебя", и легла рядомъ съ нимъ, положивъ голову на его руку, которую онъ вытянулъ для нея.

Такъ она лежала и смотрѣла на Яна Гульдта; онъ-же лежалъ, подперевъ голову рукой, и избѣгалъ смотрѣть на нее, чтобы не волновать ея и дать ей отдохнуть и заснуть. Но она и не думала о снѣ и хотѣла только одного: встрѣтить его взглядъ. Такъ какъ это ей не удавалось, то она встревожилась и стала безпокойно двигаться.

„Километръ" посмотрѣлъ сбоку на нее и опять смутно почувствовалъ какую-то перемѣну, новую свѣжую прелесть ея существа; онъ тихо и сердито сказалъ:

— Я могу переносить твою близость, если ты лежишь тихо. Если же ты шевелишься... этого я не могу перенести.

Она подумала:

— Что мнѣ до этого верзилы?

Нѣкоторое время она лежала тихо, потомъ опять зашевелилась.

Тогда онъ сказалъ во второй разъ, уже серьезнѣе:

— Ты сегодня не такая, какъ всегда, Ева Геттъ. Я ничего не имѣю противъ. Но теперь лежи тихо. Иначе произойдетъ такое, чего съ тобой еще никогда не случалось.

Она опять подумала:

— Что мнѣ за дѣло до него?

Опять она нѣсколько времени лежала тихо, затѣмъ снова зашевелилась.

Тогда онъ очень взволнованный въ третій разъ, какъ честный человѣкъ, тихо и серьезно сказалъ:

— Ева Геттъ, я не могу этого переносить; вѣдь я человѣкъ. Лежи тихо, иначе произойдетъ что-то ужасное.

Она опять подумала:

— Что мнѣ до этого верзилы?

Нѣсколько времени она опять лежала тихо, затѣмъ снова задвигалась.

Тогда онъ согнулъ руку на которой она лежала, притянулъ ея голову къ себѣ и поцѣловалъ ее такъ, что у нея захватило дыханіе.

Отъ неожиданности, возмущенія и дикаго гнѣва ее точно оглушило. Сердце ея перестало биться. И она тутъ же на мѣстѣ лишилась чувствъ, чего еще никогда съ ней не случалось.

Янъ Гульдтъ видѣлъ уголкомъ глаза всю эту сцену и подумалъ, что она поглядывала на него, чтобы увѣриться, что за ними никто не наблюдаетъ, и они могутъ спокойно дурачиться и цѣловаться. И ему пришло въ голову, что они дѣлаютъ это не въ первый разъ. Онъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ, съ трудомъ поднялся и безшумно скрылся въ кустахъ, сомкнувшихся за нимъ.

Оттуда онъ бросился бѣжать. Онъ закрылъ руками глаза, приведенные въ ужасъ тѣмъ, что они увидѣли и все еще продолжали видѣть. Внѣ себя, въ ужасѣ и отчаяніи бѣжалъ онъ по свѣтлымъ песчанымъ полямъ, бѣжалъ часы, не зная, куда. Наконецъ, онъ остановился и долго сидѣлъ подъ сухой сосной, прерывисто дыша, смотрѣлъ на поле, и вся его жизнь представилась ему разбитой. Изъ глазъ его лились горячія слезы.

Черезъ нѣсколько часовъ онъ пришелъ въ себя на столько, что сталъ дышать ровнѣе и огромнымъ усиліемъ воли заставилъ себя немного успокоиться.

Ему удалось взять себя въ руки и подавить свой ужасъ. Но не въ его природѣ было благоразумно разсуждать. Отъ ужаса и отчаянія онъ сейчасъ же перешелъ къ необузданному гнѣву: несчастье за несчастьемъ обрушивается на него! Позоръ и бѣдность. Сиротство, одиночество и измѣна Какъ безсмысленна вся его жизнь и какъ безсмысленно вообще все на свѣтѣ! Но онъ перенесетъ все это: человѣкъ можетъ и одинъ прожить свою жизнь и поступать правильно и настаивать на своемъ правѣ, все равно, помогаютъ-ли ему люди или Богъ, или нѣтъ.

Онъ еще долго блуждалъ по высокому сухому полю, ходилъ отъ холма къ холму, подходилъ къ группамъ елей, прижималъ руки къ груди, чтобы заставить себя дышать спокойнѣе, и все больше выпрямлялся внутренно, какъ выпрямлялись надъ сухой, песчаной землей деревья, среди которыхъ онъ стоялъ. Уже смеркалось, когда онъ добрался до Эвельгенне и вошелъ въ домъ старухи.

Когда онъ переступилъ порогъ низкой комнаты, въ которой отъ высокихъ густыхъ липъ было уже темно, старая женщина сидѣла со своимъ вязаньемъ на обычномъ мѣстѣ у печи. На скамьѣ же у окна, на которой онъ спалъ и занимался, сидѣлъ пожилой человѣкъ съ маленькой сдавленной, коротко остриженной головой и пронзительными безпокойными глазами, горѣвшими лихорадочнымъ огнемъ.

Онъ сейчасъ же понялъ, что это сынъ старухи, и удивился, что у него такой видъ. Запой нисколько не отразился на его лицѣ, не уменьшилъ его выразительности, онъ только усилилъ лихорадочный блескъ, стоявшій въ глазахъ.

— Это онъ,—сказала старуха, обращаясь къ сыну.

Боцманъ наклонился впередъ, положилъ худую руку на край стола, тревожно ищущими глазами взглянулъ въ глаза Яна Гульдта, взглядъ которыхъ былъ холоденъ и остеръ, какъ ножъ, и сказалъ вкрадчивымъ просящимъ голосомъ:

— Скажи-ка... тебѣ не хотѣлось бы... сдѣлать рейсъ на „Аннѣ Гольманъ"... именно на „Аннѣ Гольманъ"?

Янъ Гульдтъ очень удивился и высокомѣрнымъ тономъ спросилъ:

— Почему это?

Боцманъ провелъ рукой по краю стола, обхватилъ его такъ крѣпко, что суставы его смуглыхъ, худыхъ рукъ побѣлѣли, и сказалъ:

— Ты только скажи, что хочешь!

Янъ Гульдтъ холодно и насмѣшливо отвѣтилъ:

— Это-то я знаю, что мнѣ стоитъ только сказать. Ваши матросы удираютъ отъ васъ при первой возможности.

Боцманъ прижался своей костлявой грудью къ столу, глаза у него выступили изъ орбитъ, и онъ хриплымъ, умоляющимъ голосомъ сказалъ:

— Развѣ тебѣ не хочется проѣхаться разокъ на кораблѣ, на которомъ ѣздили твой отецъ и дѣдъ? И... послушай... въ Мадейрѣ къ намъ сядетъ пассажиръ: Гансъ Гольманъ, глава фирмы. Развѣ тебѣ не хочется поглядѣть вблизи на одного изъ Гольмановъ?

Тогда въ его глазахъ запылало пламя. Да... да! Это какъ разъ во время! Да... отомстить Гольману! Да! Что же ему дѣлать еще? У него теперь какъ разъ подходящее настроеніе!

Онъ коротко и гордо, почти ликуя, сказалъ:

— Я поѣду.

VII.

На слѣдующее утро онъ стоялъ въ залѣ матросскаго дома среди двадцати моряковъ, нанимавшихся на „Анну Гольманъ". Шелъ дождь, и въ залѣ было почти темно. Матросы, незнакомые между собой, мокрые и озябшіе, стояли молча. Это были большей частью славные, дѣльные ребята, изъ той многочисленной молодежи, которая живетъ еще равнодушно и безсознательно, безъ цѣли и честолюбія, и идетъ туда, куда ее направляетъ случай. Однимъ изъ нихъ не удалось найти сразу хорошее судно, или же они не особенно трудились надъ прінсканіемъ его; другіе были ожесточены чѣмъ-нибудь, какъ Янъ Гульдтъ; нѣкоторые же хотѣли просто проѣхаться разъ на гольмановскомъ пароходѣ, чтобы потомъ имѣть право разсказывать о порядкахъ на немъ и бранить то, что бранила вся гавань; они думали всѣ: «Только одинъ разъ: ужъ мы перенесемъ грязь, голодъ, лихорадку и плохое судно". Маленькій четырнадцатилѣтній юнга, стоявшій здѣсь же и обводившій всѣхъ большими вопросительными глазами, пріѣхалъ нѣсколько дней тому назадъ изъ голштинской деревни. Его отецъ, не имѣвшій понятія о томъ, что суда бываютъ хорошія и плохія, сдалъ его на первый попавшійся пароходъ. Нѣсколько кочегаровъ и одинъ матросъ были опустившимися людьми. Всѣ они, хорошіе и дурные, получили свою записку и пошли навстрѣчу своей смерти.

Янъ Гульдтъ долженъ былъ еще взять у трактирщика свой тючекъ съ вещами; поэтому онъ отправился на берегъ позже всѣхъ, одинъ. За нимъ матросъ несъ вещи. Онъ могъ бы понести его самъ, но онъ любилъ порядокъ во всемъ и подчеркивалъ этимъ свое новое званіе штурмана. Онъ шелъ, выпрямившись, немного чопорно, какъ человѣкъ съ совершенно чистой совѣстью, идущій особенно прямымъ путемъ. Послѣ того, какъ дѣвушка такъ постыдно обманула его, и всѣ надежды этого рода были разбиты, онъ опять тихо и серьезно отдавался своему призванію. И онъ шелъ на „Анну Гольманъ", чтобы на палубѣ, на которой жили и страдали его отецъ и дѣдъ, высказать правду въ лицо одному изъ Гольмановъ.

На валу прохаживались двое мужчинъ, время отъ времени поглядывавшихъ на гавань, надъ которой клубились туманъ и дымъ. По наружности судя, это были капитаны, можетъ быть, бросившіе свое занятіе и занимавшіеся какимъ-нибудь дѣломъ на берегу.

— Смотри,—сказалъ одинъ,—вотъ выходитъ гольмановскій пароходъ.

Другой посмотрѣлъ на рѣку, на которой въ туманѣ и дождѣ смутно выдѣлялись очертанія парохода, отвелъ глаза и, продолжая прогулку, равнодушно сказалъ:

— Онъ опять взялъ лишнихъ двѣсти тоннъ груза, а вѣдь это—гнилая старая коробка. Это чудо или случайность, что ужъ цѣлый годъ съ гольмановскими пароходами не было несчастій!

Онъ еще разъ посмотрѣлъ на пароходъ и сказалъ:

— Если *его* застигнетъ штормъ въ Бискайскомъ заливѣ...

Янъ Гульдтъ остановился и посмотрѣлъ на пароходъ, который, сидя глубоко въ водѣ, медленно и тяжело шелъ внизъ по теченію. Отъ мутной воды и накрапывавшаго дождя онъ казался сидящимъ еще глубже и производилъ такое впечатлѣніе, какъ-будто уже медленно погружался въ воду. На моментъ къ сердцу его подползло что-то жуткое и посмотрѣло на него вопрошающими, испуганными глазами. Не произойдетъ-ли все это совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ себѣ представляетъ; не придется-ли ему вмѣсто Гольмановъ имѣть дѣло съ Богомъ; не приготовлена-ли ему здѣсь Богомъ страшная западня...

Волосы на головѣ у него стали дыбомъ. Но онъ сейчасъ же отбросилъ все это далеко отъ себя. Развѣ его дѣло не право и чисто? Развѣ онъ идетъ не прямыми путями? Такъ какъ же они могутъ привести его къ плохому концу? Онъ хотѣлъ бы посмотрѣть, какъ это можетъ случиться?

Онъ сѣлъ въ шлюпку. Яличникъ перевезъ его въ портъ, гдѣ пароходъ стоялъ у свай. Ему пришлось, однако, пройти по нѣсколькимъ баржамъ и оттуда по веревочной лѣстницѣ вскарабкаться на палубу.

На пароходѣ царила шумная безпорядочная дѣятельность, какъ это всегда бываетъ незадолго до отплытія. У обоихъ люковъ визжали и дребезжали лебедки, со звономъ и шумомъ спускались въ трюмъ боченки съ ромомъ и аракомъ. Спотыкаясь о кучи угля и пепла, онъ добрался до прохода и спросилъ повара, торговавшагося съ судовымъ поставщикомъ, гдѣ его каюта. Поваръ, человѣкъ съ грубымъ лицомъ, въ грязномъ передникѣ, холодно и равнодушно отвѣтилъ, что онъ во время этого рейса будетъ жить вмѣстѣ съ боцманомъ, и указалъ ему каюту. Грубая мебель, истрепанное постельное бѣлье, грязныя стѣны— все это производило очень печальное впечатлѣніе; къ тому же здѣсь былъ затхлый воздухъ. Маленькаго тусклаго иллюминатора, сквозь который падалъ смутный, сумеречный свѣтъ, никакъ не удавалось открыть. Да и не имѣло смысла тро-

тать его: онъ долженъ былъ оставаться закрытымъ во время плаванія, такъ какъ перегруженный пароходъ сидѣлъ такъ глубоко, что даже при спокойномъ морѣ въ него попадали бы брызги. У Яна Гульдта опять сжалось сердце, и опять что то жуткое глянуло на него испуганными глазами. Но онъ опять высокомѣрно отогналъ отъ себя всѣ сомнѣнія однимъ вопросомъ: «Я хочу хорошаго или дурного?“ И онъ кое-какъ разложилъ свои вещи. Затѣмъ онъ вышелъ на палубу и взялъ на себя надзоръ за работами у одного люка. Такъ прошло нѣсколько часовъ.

Къ вечеру на пароходъ явился портовый чиновникъ осматривать его передъ отплытіемъ. Такъ какъ перваго офицера не было на пароходѣ, а второй былъ занятъ, Янъ Гульдтъ, какъ третій офицеръ, долженъ былъ сопровождать чиновника. Въ одной спасательной шлюпкѣ недоставало топора и воды. Въ рубкѣ не хватало нѣсколькихъ сигналовъ. Изъ сундука съ пробковыми поясами шелъ запахъ испорченнаго полотна. Чиновникъ, все время оживленно разговаривавшій, чтобы не наткнуться на что нибудь еще худшее, положилъ вдругъ руку на плечо Яна Гульдта и ласково сказалъ:

— Но вы позаботитесь, чтобы все, что надо по закону, было на своемъ мѣстѣ?

Янъ Гульдтъ выпрямился и, покраснѣвъ отъ стыда при этомъ предположеніи, сказалъ:

— Какъ вы думаете, какими глазами посмотрѣлъ бы на меня капитанъ, если бы я ему сказалъ это?

Чиновникъ искоса посмотрѣлъ на него и сказалъ равнодушнѣе и гораздо холоднѣе:

— Ну... я самъ сообщу ему.

Затѣмъ они пошли въ машинное отдѣленіе, гдѣ застали второго машиниста, тоже ѣхавшаго въ первый разъ, уже за жаркой работой. Его впалая грудь высоко вздымалась, а по покрытому сажей лицу струился потъ. Чиновникъ задалъ ему нѣсколько вопросовъ и медленно, точно осматриваясь, пошелъ дальше. Въ проходѣ между котлами въ одномъ мѣстѣ доски были покрыты свѣжими стружками. Чиновникъ посторонился, чтобы не наступить на нихъ, и, не обративъ на это вниманія, прошелъ дальше. Машинистъ за его спиной посмотрѣлъ на Яна Гульдта, отбросилъ ногой стружки и указалъ на воду, блестѣвшую подъ ними.

— Течь,—тихо сказалъ онъ—во всѣхъ углахъ течь!

И онъ посмотрѣлъ на Яна Гульдта жалкимъ взглядомъ.

— Теперь я могу пойти одинъ,—сказалъ чиновникъ.— Благодарю васъ.

Онъ поклонился и поднялся опять наверхъ.

— Котелъ течетъ,—опять сказалъ машинистъ, садясь на

скамью и растерянно глядя передъ собой:—и всѣ подшипники изношены и вообще...

Полный отчаянія голосъ машиниста разсердилъ Яна Гульдта, и онъ сурово сказалъ:

— Что это значитъ: «вообще»?

Машинистъ размахивалъ напильникомъ, который держалъ въ смуглой худой рукѣ, и искалъ словъ. Но вдругъ онъ не выдержалъ. Онъ закрылъ лицо руками и, всхлипывая, простоналъ:

— Дома у меня остались дѣти. Я доженъ позаботиться о хлѣбѣ для нихъ, иначе меня и десять лошадей не приволокли-бы на гольмановское судно. Я не могу переносить грязи и безпорядка; я знаю, что погибну въ вознѣ съ этой машиной. Если бы еще ѣда была хорошая, я, можетъ быть, могъ-бы выдержать, но сегодня за обѣдомъ я увидѣлъ, какой здѣсь столъ. Все это въ рукахъ у капитана и повара, и они грабятъ насъ, какъ только могутъ, и дѣлятъ добычу между собой. Я знаю, что не увижу больше своихъ дѣтей. Я буду однимъ изъ многихъ, которыхъ Гольманы отправили на тотъ свѣтъ.

Янъ Гульдтъ съ мрачнымъ видомъ постоялъ немного возлѣ плачущаго, хотѣлъ что-то сказать, но не могъ вставить ни слова, такъ какъ тотъ не прекращалъ своихъ жалобъ. Наконецъ, онъ отвернулся и съ застывшимъ лицомъ отправился въ каютъ-компанію ужинать.

Когда онъ вошелъ, боцманъ уже сидѣлъ за столомъ и ѣлъ. Онъ поднялъ сѣдую голову и сказалъ съ яркимъ блескомъ въ пронзительныхъ глазахъ:

— Вотъ и ты!

Слуга принесъ блюда, и они принялись за ѣду.

Вдругъ боцманъ визгливо засмѣялся и сказалъ:

— Скажи, почему собственно ты пошелъ на „Анну Гольманъ“?

Янъ Гульдтъ посмотрѣлъ на него все съ тѣмъ-же неподвижнымъ лицомъ. Тогда онъ съ холодной насмѣшкой сказалъ:

— Удивительно, что человѣкъ дѣлаетъ что-то и долженъ это дѣлать и самъ не знаетъ, почему,

Янъ Гульдтъ удивленно взглянулъ на него, и глаза его запылали.

— Кто говоритъ „долженъ“?—сказалъ онъ.—Я дѣлаю, что хочу, а не то, что долженъ! Я пришелъ сюда совершенно добровольно и сдѣлаю только одинъ этотъ рейсъ. Потому что я хочу!

Боцманъ посмотрѣлъ на него съ такимъ выраженіемъ, какъ будто передъ нимъ сидѣлъ сумасшедшій, и ничего не отвѣтилъ.

— Думай лучше о себѣ самомъ,—насмѣшливо сказалъ Янъ Гульдтъ.—Какъ можно сорокъ лѣтъ плавать на этомъ грязномъ ящикѣ и ѣсть эту отвратительную стряпню?

Боцманъ промолчалъ. Нѣсколько секундъ они сидѣли, глядя другъ другу прямо въ ротъ, какъ будто смотрѣли на секретный замокъ и ждали, что вотъ-вотъ онъ откроется. Затѣмъ боцманъ глубоко перевелъ дыханіе и сказалъ спокойнѣе, какъ человѣкъ, который послѣ долгихъ мытарствъ видитъ передъ собой, хотя и горькій, но все-же конецъ:

— Ну, если бы намъ только быть уже на обратномъ пути и проѣхать Мадейру,—тогда все будетъ хорошо! Тогда на „Аннѣ Гольманъ“ опять будутъ три старыхъ товарища, которые были на ней сорокъ лѣтъ тому назадъ: Гансъ Гольманъ, я и Янъ Гульдтъ! Правда не старый Янъ Гульдтъ, а его внукъ. Но это все разно. Тогда все придетъ въ порядокъ.

Янъ Гульдтъ мрачно и испытующе заглянулъ въ пронзительные сѣрые глаза, горѣвшіе горькимъ, дикимъ удовлетвореніемъ.

— Что должно придти въ порядокъ?.. Какъ?.. Говорите-же!—яростно крикнулъ онъ.—Что вы смотрите на меня такъ, какъ будто я сумасшедшій?

Боцманъ хрипло засмѣялся.

— Ты узнаешь, въ чемъ дѣло!—сказалъ онъ.—Подожди только до Мадейры! Подожди только! Пусть только мы трое будемъ опять вмѣстѣ на „Аннѣ Гольманъ“!

— Послушай,—съ безграничнымъ презрѣніемъ сказалъ Янъ Гульдтъ.—Что мнѣ за дѣло до того, что ты и Гольманъ натворили вмѣстѣ. Мой дѣдъ во всякомъ случаѣ не принималъ участія въ вашихъ гадостяхъ. Онъ былъ порядочный человѣкъ.

Боцманъ расхохотался и хотѣлъ что-то сказать, но ударилъ себя кулакомъ по губамъ и хрипло, точно давясь, сказалъ:

— Я умѣю молчать! Я умѣю молчать! Все въ свое время!

И онъ вышелъ изъ каюты.

Янъ Гульдтъ вышелъ вслѣдъ за нимъ и принялся опять за свою работу у люка. Было уже темно.

Лебедки опять завизжали; грузчики внизу въ лодкѣ и въ трюмѣ разговаривали между собой. Фонарь сверху освѣщалъ ночную работу и накрапывавшій дождь. Такъ прошла ночь.

Утромъ „Анна Гольманъ“, тяжело нагруженная, отправилась въ свой послѣдній рейсъ внизъ по Эльбѣ, окутанной пеленой тумана и дождя.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Изъ переписки Г. И. Успенскаго *).

I.

Берлинъ. Вторникъ (3-й день).

Другъ любезный бяшечка. Письмо будетъ короткое, потому что я не оглядѣлся и не отдохнулъ съ дороги,—да и въ голову такъ много набилось новаго, что не сообразишь. Въ Берлинъ мы пріѣхали только сейчасъ, въ 6-ть часовъ вечера. Всю дорогу ѣхали отлично,—но какъ жаль, что не знаешь языка. Н. Евгр. **) кое что знаетъ и вообще можетъ спросить обо всемъ,—но этого очень мало, а хотѣлось бы говорить съ этимъ народомъ. Скажу коротко: съ самаго Эйдкунена сразу прекращается все русское, кромѣ природы, да и та верстъ черезъ 200—неузнаваема, хоть и та же самая,—такъ обработаны здѣсь наши пустыни петербургскія. Деревня, пашня наша и прусская,—это небо и земля. Деревни до того красивы и хороши, что, кажется, не уѣхалъ бы отсюда во вѣки,—но что же будетъ дальше? Въ Эйдкуненѣ насъ осмѣяла буфетчица за то, что мы не умѣли спросить водки: мы съ Н. Евгр. стояли передъ буфетомъ, какъ столбы, и переглядывались другъ съ другомъ,—нѣмка смотрѣла на насъ, какъ на учениковъ, которые не знаютъ урока, потомъ пожала плечомъ и налила какой то сволочи. Вообще, при въѣздѣ въ Пруссію нѣмцы кажутся болѣе побѣдителями, нежели въ самомъ Берлинѣ, но вездѣ на русскихъ смотрятъ свысока, хоть и немного. По пріѣздѣ въ Берлинъ мы попали въ гостинницу, гдѣ говорятъ по русски, комната у насъ превосходная,—но самая гостинница, кажется, набита мошенниками: здѣсь стоитъ князь Назаровъ,—ужъ не бѣглый ли изъ Петербурга? Потомъ къ намъ каждую минуту сталъ лѣзть какой-то полякъ, говорящій на всѣхъ

---

*) Печатаемыя здѣсь 5 писемъ Гл. И. Успенскаго къ женѣ его, Александрѣ Васильевнѣ, относятся (за исключеніемъ послѣдняго) ко времени первой заграничной поѣздки Гл. Ив., въ 1871 году. Послѣднее, пятое письмо отправлено въ 1876 г. изъ Мюнхена, по дорогѣ изъ Парижа въ Бѣлградъ.

**) Спутникъ Глѣба Ивановича—Н. Е. Павловскій, братъ жены Н. К. Михайловскаго.

языкахъ, и пробовать насъ съ разныхъ сторонъ: то рекомендуетъ отправиться гулять, выпить хорошо, то рекомендуетъ принести и продать намъ русскія запрещенныя книги, и вообще, повидимому, разсчитывалъ обчистить насъ,—но сію минуту мы попросили его убираться вонъ. Въ гостинницѣ, гдѣ мы стоимъ, можно получить чай, и мы, напившись чаю по пріѣздѣ, пошли гулять подъ Липами, которыя отъ насъ въ двухъ шагахъ; военщина свирѣпствуетъ,—это все какіе то краснощекіе дылды съ огромными красными воротниками, съ камеліями подъ руку. Толпа гуще, нежели на Невскомъ, но несмотря на то, что толпа эта побѣдители,—ведетъ себя не безъ скуки,—такъ сію минуту около одного дома подъ Липами стоитъ толпа—въ домъ несутъ рояль. Около русскаго посольства нѣсколько каретъ,—тоже толпа: курятъ сигары, болтаютъ, говорятъ, что пріѣхалъ русскій царь,—можетъ быть, это такъ и есть. Буточниковъ бездна, но ведутъ они себя иначе: напр., у русскаго посольства толпа свободно заглядывала во внутренность каретъ, щупала и разглядывала гербы на козлахъ, и никто этому не мѣшалъ, ни экипажей не отгоняли прочь, несмотря на то что ихъ было много и проѣздъ полнъ, и ни разу не «осаживали» народа. Денегъ мы истратили оба 60 рублей до Берлина, и въ карманѣ у насъ теперь полтора талера,—завтра пойдемъ мѣнять деньги и уѣдемъ тотчасъ же. На мою долю изъ этихъ 60 приходится 30, и 30 моихъ же за Н. Е., такъ что я доѣду до самаго Парижа, не мѣняя денегъ и куплю пальто. Въ дорогѣ здѣсь тратится очень мало—безконечныхъ и безчисленныхъ буфетовъ нѣтъ, и потому, отъ Эйдкунена до Берлина былъ всего одинъ буфетъ, гдѣ можно было пообѣдать, и мы съ непривычки проголодались жестоко. Самая большая остановка 30 минутъ, но и тѣ неполныя, такъ что доѣсть обѣда, который стоилъ намъ 2-мъ съ виномъ 1 р. 50 к.,—этого обѣда мы не доѣли. Водки нѣтъ,—и ее никто не пьетъ,—по крайней мѣрѣ я рѣшительно не видалъ пьющихъ что-либо вродѣ водки. Погулявши подъ Липами, мы часовъ въ 9 зашли выпить пива въ биргаль,—тутъ тоже военщина; пива мы выпили по кружкѣ. Около насъ сидѣли русскіе, которые сейчасъ же догадались, что мы тоже русскіе, и хотѣли заговорить,—но мы уклонились и пошли домой спать.

Прости меня, что я раньше не написалъ къ тебѣ изъ Эйдкунена. Не зная ни слова по нѣмецки, я не умѣлъ даже спросить бумаги, да возня съ осмотромъ вещей и усталость,—вотъ въ чемъ бѣда. Дай мнѣ доѣхать до мѣста и ради Бога будь за меня совершенно покойна, если хочешь, чтобы я былъ тоже покоенъ. Цѣлую тебя, голубчикъ мой миленькій. Г. У. Слѣдующее письмо буду писать изъ Парижа подробно обо всемъ. Въ Богословское.

P. S. Какъ только мы прогнали поляка, на насъ стали смотрѣть съ полнымъ уваженіемъ, и видимъ—что надо держать ухо востро. Теперь все хорошо.

II.

Парижъ. Суббота Святой Недѣли.

Другъ мой милый, Бяшечка! Пишу тебѣ подробное письмо обо всемъ, какъ мы разстались. Разставаніе было веселое и поэтому поѣхали мы въ отличномъ расположеніи духа. Н. Евграфовичъ тотчасъ же сталъ ругать Михайлов. и жалѣть М. Е., которая остается жить съ этакимъ мужемъ. Я ни слова ему не говорилъ и онъ понялъ, что я сплетничать не хочу, и замолкъ. Подушка и одѣяло помогли мнѣ отлично, потому что ночью было очень холодно. Но на слѣдующій день, часамъ къ 10-ти, къ 11 стало совсѣмъ жарко. Когда мы проѣзжали Вильну, — городъ прелестный, похожій по постройкѣ на заграничный,—то массы гуляющихъ были въ однихъ сюртукахъ, а дамы въ однихъ платьяхъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ русскаго оставалось все меньше и меньше. Вотъ вмѣсто русскихъ мужиковъ и бабъ пошли польскіе, гораздо бѣднѣе русскихъ, но чище и опрятнѣе, а главное простого народа въ вагонахъ съ каждой станціей дѣлалось все меньше и меньше,— и едва началась Пруссія, какъ *мужика* совсѣмъ не стало, его нѣтъ. Съ нами ѣхали мужики и бабы, но вовсе не русскіе,—они одѣты по господски, и только руки въ мозоляхъ, да необыкновенное здоровье отличаетъ ихъ отъ господъ. Съ переѣздомъ въ Пруссію—все измѣняется. Тѣ же петербургскія болота здѣсь приведены въ такой видъ, что любо смотрѣть; вездѣ прорыты канавки, все осушено, распахано, покрыто зеленью. Лѣса,—тѣ же самые еловые лѣса, какіе окружаютъ Петербургъ,—эти лѣса буквально вычищены, какъ комната; вся сорная трава, сучья, вѣтки, все это собрано въ кучи и повсюду видна свѣжая травка. Нашего бѣднаго скота тоже нѣтъ. Телѣги, на которыхъ возятъ муку и вообще тяжести, длиннѣй нашихъ въ 5 разъ, но стоятъ на высокихъ каретныхъ колесахъ и везутся двумя такими лошадьми, на которыхъ у насъ въ Россіи разъѣзжаютъ только богачи. Такъ какъ дороги вездѣ шоссированы, то двѣ лошади подымутъ въ пять разъ больше нашей самой сильной лошади. Между рабочими крестьянами, которые намъ попадались въ поляхъ, попадаются похожіе на нашихъ; то есть, босикомъ, въ плохой рубахѣ,— но это очень рѣдко; большею частью всѣ одѣты отлично: я видѣлъ, какъ въ полѣ работала крестьянка въ платьѣ, въ соломенной шляпкѣ. Дома вездѣ каменные; сначала, когда идетъ Пруссія, близко къ Россіи, крыши крыты соломой, но такъ что изъ соломы надѣлано множество штукъ и завитушекъ, и крыша убрана, какъ голова любой аристократки; чѣмъ ближе къ Берлину, соломы все меньше и меньше, поминутно попадаются деревни, всѣ въ зелени, въ цвѣтахъ, дома каменные въ 2 этажа, крыши черепичныя. Стѣны

домовъ и изгороди, всѣ обвиты какими-то растеніями, которыя когда распустятся, закутаютъ все въ зелени. Во Франціи эти украшенія еще лучше. Пока мы все это наблюдали,—оказывается, что разговора съ публикой вести нельзя,—она вся нѣмецкая,—и чѣмъ ближе къ Берлину, тѣмъ все непонятнѣе рѣчь и выговоръ. Но вотъ и Берлинъ. Станція желѣзной дороги—похожа на петербургскіе дебаркадеры, но гораздо больше. И здѣсь вдругъ слышится русская рѣчь. Къ намъ подбѣгаютъ нѣсколько человѣкъ,—предлагаютъ остановиться у нихъ. Н. Е., который мнѣ весьма надоѣлъ своимъ телячествомъ,—соглашается и насъ увозитъ какой-то проходимецъ въ меблированныя комнаты. Видъ города—совсѣмъ не то что Петербургъ и напрасно сравниваютъ его. Когда мы въѣзжали, было 7 часовъ вечера,—и какой-то праздникъ — и всѣ улицы и тротуары были покрыты народомъ,—не такими гуляющими, какъ у насъ, разодѣтыми и расфранченными,—а народомъ, который умѣетъ жить, какъ дома, на улицѣ. Дѣтей на улицахъ бездна и на тротуарахъ они ведутъ себя, какъ дома, поютъ, кричатъ, танцуютъ и съ перваго раза это производитъ пріятное впечатлѣніе; но когда мы въѣзжаемъ въ самый центръ города, подъ Липы,—тутъ нѣчто другое,—тутъ среди массъ народа появляется солдатчина съ такою выпуклою грудью, отъ которой смѣхъ разбираетъ, съ такими воротниками (красные), которые привыкъ видѣть на генералѣ ста лѣтъ отъ роду. Ряды пуговицъ, золотыхъ орловъ, киверовъ,—повсюду, и это положительно надоѣдаетъ.

Даже извощики берлинскіе и тѣ въ киверахъ, на которыхъ вся передняя часть залѣплена какими-то мѣдными ярлыками; на нихъ надѣты сюртуки съ галунами на воротникѣ и пуговицы на груди тоже блестящія. Затѣмъ идутъ дворцы и караулы, дворцы и караулы по всему пространству подъ Липами, и вездѣ, во всякомъ окнѣ магазина какого-бы то ни было, вездѣ Вильгельмъ, въ фотографіяхъ, гравюрахъ, эстампахъ, статуэткахъ. Въ одномъ магазинѣ выставлена статуя Вильгельма такихъ азмѣровъ, что одна голова имѣетъ около аршина длины, плечо аршина 2 ширины, — идолопоклонство самое безобразное. Проходимецъ любезничалъ съ нами всю дорогу, предлагалъ папиросъ и пр. и не успѣли мы очутиться въ номерѣ, какъ онъ вытянулъ у насъ два талера неизвѣстно за что. Потомъ,—уже писалъ,—онъ лѣзъ къ намъ съ разными предложеніями, но мы его просто прогнали и съ тѣхъ поръ онъ не показывалъ глазъ. Напившись чаю, мы походили подъ Липами, зашли въ биргаль, которые несравненно лучше нашихъ, — чище, опрятнѣе, изящнѣй, хотя помѣщаются въ такомъ же самомъ подвальномъ этажѣ,—и потомъ ушли спать. По утру, чѣмъ свѣтъ, вдругъ является опять проходимецъ; я проснулся, но лежалъ въ постели (вмѣсто одѣялъ здѣсь перина довольно легкая, но потѣешь подъ ней).—просто сказалъ ему: «подите вонъ». Онъ раскланялся и ушелъ. Потомъ вдругъ является портной съ предло-

женіемъ платья. Часа черезъ два, когда и Н. Е. всталъ, мы пошли къ нему, но оказалось, что платье въ Берлинѣ ничуть не дешевле Петербургскаго,—за пальто, какъ у Н. Конст. Михайлов., просили 25 талеровъ, что на наши деньги 30 р. Пошатавшись еще по магазинамъ за платьемъ и не найдя ничего дешеваго и подходящаго,—мы размѣняли въ русской мѣняльной лавкѣ деньги на французское золото, намъ дали по 1000 фр. и поѣхали въ четыре часа на желѣзную дорогу. Берлинъ, несмотря на свою казарменную физіономію, — все таки въ милліонъ разъ лучше Петербурга. Мостовыя вездѣ такія же, какъ противъ дома Бѣлосельской на Невскомъ, и ѣздить по нимъ легко. Одна лошадь везетъ коляску (всѣ коляски извощичьи неуклюжи, тяжелы и ничуть не меньше обыкновенной четырехмѣстной нашей коляски), —тихо, но не уставая, и въ этакихъ колясках большею частью сидятъ не 4, а 6 и съ дѣтьми девять человѣкъ народу. Такъ какъ улицы узки, въ половину Гончарной,—то всѣ экипажи для перевозки тяжестей растянуты въ длину, а не въ ширину,—ломовыя телѣги имѣютъ ширины не болѣе аршина,—а длину сажени четыре, пять. Помои льютъ прямо на улицу, но ни вони, ни грязи нѣтъ, потому что близъ тротуара устроены канавки, на наши однако не похожія *). Во Франціи еще лучше, потому что по этимъ канавкамъ постоянно бѣжитъ чистая вода, которая все это вымываетъ. Громадныхъ зданій, громадныхъ площадей въ Берлинѣ нѣтъ, такихъ какъ въ Петербургѣ, но все уютно и хорошо, зелени много. Дома есть больше Воронинскаго, а выше его весь Берлинъ на 2 этажа. Но нѣтъ этой пустой траты камня на простѣнки, ворота и такъ далѣе. Въ Берлинѣ мы взяли билетъ до Парижа, во второмъ классѣ 29 талеровъ. Дается книжечка, изъ которой вырываются листы на нѣкоторыхъ станціяхъ. Русскихъ совсѣмъ не слышно и не видно. Нѣмецкія деревни еще лучше, поля, сады,—все превосходно. Удобствъ больше: на станціяхъ, гдѣ нѣтъ буфетовъ,—(буфетовъ отъ Берлина до Парижа не болѣе 4-хъ)—продаютъ все на лоткахъ, даже вино, хересъ, мадеру, въ маленькихъ бутылочкахъ, рюмки въ 2 за $7^1/_2$ зилбергрошей (одинъ з. гр. 3 коп.). Эту бутылку купившій у себя оставляетъ. Но нѣмцы пьютъ не такъ, какъ мы. Я купилъ бутылку и выпилъ ее всю, а нѣмецъ, который ѣхалъ съ нами,—пилъ ее чуть не 2 дня; оттокнетъ пробку, упрется языкомъ въ горлю бутылки и только: онъ только помочитъ языкъ, какъ одеколономъ платокъ. Но лучше всего, чего мнѣ никогда не забыть, это Кельнъ и Рейнъ передъ Кельномъ,—это такая прелесть, которую надо видѣть, и которую разсказать невозможно. Тутъ до того все оригинально, красиво, хорошо, что ничего подобнаго никогда намъ не снилось во снѣ. Какъ бы я хотѣлъ, чтобы ты была тогда тамъ же—

*) Въ подлинникѣ сдѣланъ рисунокъ, на которомъ показано расположеніе тротуаровъ, мостовой и канавокъ.

какъ мнѣ жаль было тебя, другъ дорогой, больнушка! А тутъ вхожу въ вокзалъ, дѣло было въ 8 ч. утра, и сажусь пить кофе,— смотрю: дама и мужчина перекинулись словцомъ по русски,—оказывается, это Суслова ѣдетъ въ Кале и Лондонъ. Я однако не говорилъ съ ней, она видѣла меня всего разъ, и то вечеромъ, я думаю,— не узнаетъ,—а очень бы хотѣлось поговорить съ ней. Потомъ я очень жалѣлъ, а главное тебя жалѣлъ ужасно, что тебя нѣтъ тутъ, другъ ты мой. Даже зимой или съ осени я думаю употребить всѣ мѣры, чтобы въ нынѣшнемъ году до родовъ ѣхать за границу и жить тамъ до весны. Но въ Германіи, а не во Франціи. Франція производитъ впечатлѣніе—почти невѣроятное. Сначала, послѣ цвѣтущей Германіи, непріятно поражаетъ Бельгія. Вся страна эта покрыта фабриками и заводами, — если я говорю *вся,* то это почти буквально: нѣтъ уголка, гдѣ бы не было трубъ, дыма, свиста паровиковъ, и все это до того ужасно, что кажется подъ землей, гдѣ все это идетъ, задыхаются массы, милліоны людей. Дѣйствительно въ Бельгіи, повидимому, полное безлюдье—весь народъ на работѣ; деревень нѣтъ,—а около фабрикъ—длинныя казармы, выстроенныя фабрикантами для рабочихъ,—кое-гдѣ сушится на солнцѣ тряпье, самое нищенское, кое-гдѣ въ полѣ работаетъ баба, грязная, грязнѣе нашей бабы,—вотъ сторожиха при желѣзной дорогѣ, она босикомъ, въ грязнѣйшемъ платьѣ, лицо ея худое, противное— бѣдность тутъ ужасная, какъ мнѣ кажется, а кругомъ каменныя горы, буквально выше Исакіевскаго собора, горы камней, напоминающія слоновую кость, и въ щеляхъ люди, какъ мухи, бьютъ этотъ камень... Потомъ самая дорога, тоже непріятна, почти все время по Бельгіи поѣздъ идетъ въ темнотѣ, въ туннеляхъ,—тьма кромѣшная, туннели длинные и иногда до того, что холодъ пробираетъ всего съ ногъ до головы, а какъ только вынырнетъ изъ туннеля,—опять пыхтятъ паровики,—и никого людей. Дорога эта скучна.

Но вотъ Франція,—таможня.—Кто вы такой?—Такой то. Чиновникъ, который это разспрашиваетъ, смотритъ подозрительно, чистымъ шпіономъ,—распрашиваетъ съ важностью и хочетъ записать, но оказывается, что, несмотря на свою комфортабельную осанку, солидный видъ,—онъ писать не умѣетъ, онъ пишетъ, какъ лавочникъ, и буквы ставитъ одна подъ другой. Вотъ примѣрно какъ написалъ онъ мою фамилію *), а Павловскаго такъ перековеркалъ, что и узнать нельзя, и все это чертъ знаетъ зачѣмъ, и такихъ чиновниковъ на французскихъ станціяхъ—бездна; на русскихъ два-три, на нѣмецкихъ тоже не больше,—а здѣсь штукъ 12 и всѣ съ важнымъ видомъ и всѣ франты, разодѣты, съ почетнымъ легіономъ въ петлицѣ, и не узнаешь, какъ называется станція, и сколько

*) Въ подлинникѣ написано слово «Успенскій» разными буквами, латинскими и готическими, расположенными на различной высотѣ.

минутъ стоитъ поѣздъ; грязь на станціяхъ—невиданная въ Россіи,—вездѣ пыль, грязь, копоть. Вагоны, сравнительно съ нѣмецкими, даже съ русскими,—хлѣвы. Таможня называется Жомонъ, и тамъ идетъ Франція. Я думалъ, что я попалъ въ Россію, въ Тамбовскую или Тульскую губернію... Поля—тѣ же самыя,— болота гніющія, необработанныя также, деревни хотя и каменныя, но переполнены съ одной стороны отелями, съ другой—такими же точно, какъ и у насъ, развалившимися лачужками, буквально такими же изъ навоза и соломы, съ однимъ оконцемъ, съ плетнемъ, который повалился, совершенно какъ у насъ, и здѣсь видишь, что это бѣдность, дѣйствительно бѣдность, ограбленная Парижемъ. Скотъ, на которомъ пашутъ,—съ нѣмецкимъ въ разсчетъ не идетъ,—этотъ скотъ похожъ на нашъ, напримѣръ, здѣшнія лошади совершенно наши почтовыя, загнанныя. Костюмъ неряшливъ, и вообще смѣсь роскоши съ нищетой. Я видѣлъ бабу, которая копала гряды въ томъ же самомъ платьѣ, въ какомъ изволите вы ходить, милостивая государыня,—и рядомъ баба въ одной рубашкѣ синей, босикомъ, съ тряпкой на головѣ. Чѣмъ ближе къ Парижу, тѣмъ нищеты больше. Темная ночь. 10 часовъ. До Парижа осталось нѣсколько верстъ, но въ окно видно—цѣлая гора огоньковъ,—это Парижъ... Эти огоньки на безконечномъ пространствѣ разсыпаны по горѣ, а передъ ними въ массѣ, отъ которой рябитъ въ глазахъ,—другая масса огней, красныхъ, желтыхъ, синихъ, зеленыхъ, бѣлыхъ,—буквально въ невѣроятномъ количествѣ,—это для желѣзныхъ дорогъ, которыхъ тутъ сходится несмѣтное число... Все ближе и ближе; вотъ проѣхали форты, на которыхъ умирали люди, это видно, они еще разрушены, вотъ пошли громадные дома безъ крышъ, съ вывалившимися стѣнами отъ бомбъ,—мосты, поверхъ которыхъ идутъ тоже желѣзныя дороги,—поѣздъ свиститъ и влетаетъ въ дебаркадеръ Сѣверн. ж. д.,—дебаркадеръ, который можетъ накрыть пять или шесть дебаркадеровъ Николаевской ж. д. Все освѣщено блистательно. Народу мало. Но велятъ всѣмъ ждать, осматривать вещи,—всѣ пьяны, прислуга, кучера. Носильщикъ, который понесъ мой чемоданъ, уронилъ его; отъ него несло водкой; кучеръ нашего фіакра тоже пьянъ; когда мы сѣли, то онъ спьяна вкатилъ нашъ фіакръ задомъ на тротуаръ. Но потомъ,—послѣ всей бѣдности русской, бельгійской и французской, что это за прелесть! Мы съ желѣзной дороги прямо вкатили, по отличнѣйшей мостовой, въ такія великолѣпныя улицы, что дѣйствительно можно съума сойти,—вездѣ великолѣпіе, свѣтъ, говоръ, кафе открыты и тротуары, которые шире тротуаровъ Невскаго проспекта въ 3 раза,—полны народомъ, все уставлено стульями, все сидитъ за маленькими столиками и пьетъ пиво или вино съ водой, что стоитъ сантимовъ 30 (во франкѣ 100 сант., а въ рублѣ 345 по нашему курсу). У Веретенникова, куда мы пріѣхали,—нѣтъ комнатъ, такъ сказала его жена-француженка и отправила

насъ въ отель Бержеръ.—Роскошь изумительная! Когда понесли наши чемоданы, намъ пришлось проходить 2 залы, не уступающія заламъ лучшихъ петербургскихъ клубовъ,—все увито плющемъ, широко, чисто, свѣтло, и представь мое удивленіе, что эти 2 залы ничто иное, какъ проходъ подъ воротами и дворъ. Я поглядѣлъ на потолокъ и оказалось, что надъ головой небо! Роскоши и великолѣпія такихъ Петербургу не нажить въ 200 лѣтъ, но эта роскошь вовсе не диво,—а потребность, необходимость, она вездѣ, ею пользуется всякій извощикъ, всякій кабакъ. У меня голова кружилась и нашла какая-то одурь, такъ что я ничего не могъ ни понять, ни сообразить и чувствовалъ себя, надо сказать правду, въ самомъ глупомъ расположеніи духа. Въ отель Бержеръ намъ отвели комнату въ верхнемъ этажѣ, крошечную, но весьма изящную, изъ которой открывался видъ на дворъ, черезъ который мы проходили. Мы напились чаю (чай есть вездѣ) и легли спать. На другой день утромъ чѣмъ свѣтъ пришелъ Веретенниковъ и сталъ тащить къ себѣ; за 5 фр. въ сутки онъ предложилъ намъ 2 комнаты,—моя выходитъ окнами на улицу, Павлов.—на дворъ. Мы переѣхали сюда на недѣлю не болѣе,—до тѣхъ поръ, пока дождусь отъ тебя хоть одного письма и подъищу квартиру по ту сторону Сены (Сена зеленая, буквально какъ воротники (?)). Переѣздъ нашъ произошелъ часовъ въ 9 утра, и тотчасъ же я отправился покупать платье, потому что на улицахъ жара страшная, и всѣ въ сюртукахъ, а мой сюртукъ за дорогу сталъ никуда не годенъ; платье однако пришлось заказать и оно будетъ готово ко вторнику; а купилъ я себѣ пальто лѣтнее за 70 франковъ,—очень хорошее и въ самомъ лучшемъ магазинѣ на Итальянскомъ бульварѣ, тамъ же шьютъ мнѣ все остальное платье за 160 франковъ и 2 рубашки изъ небѣленаго полотна, каждая по 12 фр. Все время за этими покупками приходилось ходить по самымъ многолюднымъ улицамъ, и я просто терялся отъ разнообразія и блеска. Нельзя сказать, чтобы я былъ въ восторгѣ,—а постоянно удивленъ, какъ былъ бы удивленъ закоренѣлый провинціалъ, попавши въ Петербургъ въ самый разгаръ на Невскій. Сравнительно съ Итальянскимъ бульваромъ,—Невскій все равно что Гончарная съ Невскимъ. Какъ мы обѣдали, гдѣ, какіе порядки,—я напишу въ слѣдующемъ письмѣ, пора посылать это,—и я усталъ отъ вчерашней бѣготни. Пиши по адресу: Paris, rue Cadet, 4, Г. И. Успенскому, Hôtel de Hollande. Пиши и будь здорова. Я купилъ тебѣ 2 картинки, но не знаю, какъ переслать. Прощай. Пишу безпорядочно потому, что еще не опомнился и не сообразилъ. До свиданья, другъ мой дорогой, цѣлую тебя, голубчика милаго.

Г. Успенскій. Кланяйся А. С.

III

Парижъ, 10 мая, по русск. ст.

Любезный другъ Бяшечка, прости, пожалуйста, что давно не писалъ; здѣсь въ Парижѣ почти со второго дня моего пріѣзда начались страшные холода и дождь и только пять послѣднихъ дней стало снова тепло и хорошо. Холодъ былъ нестерпимый, пожалуй, получше Петербургскаго: рамъ двойныхъ нѣтъ и притомъ окно отъ пола до потолка, запирается чуть-чуть, такъ какъ, если мало-мальски хорошо на дворѣ,—всѣ окна отворены и всѣ комнаты видны съ улицы, какъ на ладони. Я одѣвался моимъ одѣяломъ сверхъ двухъ одѣялъ, которыя уже были, и кромѣ ихъ обыкновенно кладется на ноги большая, рыхлая, но очень легкая подушка,—и то бывало иногда холодно. Все это время я по вечерамъ шатался въ театры и кое-что читалъ изъ газетъ съ лексикономъ Ренара, который я купилъ здѣсь за десять франковъ. Театры здѣшніе мнѣ очень нравятся. Они не такъ роскошны, какъ наши, и нѣтъ почти ни одного, который бы былъ такъ же великъ, какъ любой изъ нашихъ, но для публики они удобны: ложи перваго яруса и слѣдующихъ очень близко подвинуты къ сценѣ такъ что партеръ, кресла, тоже очень маленькія, находятся частью подъ ними. Пѣвцу поэтому нѣтъ надобности драть горло и надсѣдаться изо всѣхъ кишокъ, чтобы его услыхали за версту, какъ у насъ. Въ каждомъ театрѣ дается какая-нибудь пьеса и при томъ каждый день одна и та же; такъ, въ Водевилѣ идетъ *Рабагасъ*,—осмѣивающая революціонеровъ,—въ настоящую минуту она идетъ 110-й разъ, Въ театрѣ Гэтэ (я пишу по русски)—Руа Кароттъ,—идетъ въ 133-й разъ. Но такъ какъ здѣсь театровъ болѣе сорока и въ каждомъ идетъ новая пьеса, то каждый день можно присутствовать при совершенно новомъ спектаклѣ. Играютъ удивительно, разумѣется, не всѣ, но есть артисты, которые положительно выше всего, что только я имѣлъ случай видѣть; и все это очень бѣдно сравнительно съ нашимъ; напр., въ Рабагасѣ артистъ играетъ въ самомъ изношенномъ фракѣ, который на немъ сидитъ однако превосходно, но какъ играетъ! Это...*) старикъ и еще съ отрубленными гдѣ-то пальцами на правой рукѣ, но это дѣйствительно король. Roi Carotte, — ахинея, но постановка блистательная и у насъ ничего подобнаго никогда не бывало. Кромѣ множества театровъ, которые положительно набиты биткомъ и при входѣ въ которые при началѣ спектакля тянутся громадные хвосты народу, кромѣ театровъ также каждый вечеръ полнымъ полнехоньки милліоны кафе-шантановъ и баловъ. Кафе-шантаны находятся въ Елисей-

*) Подлинникъ разорванъ, и одно слово не прочитано.

скихъ поляхъ. Публика сидитъ на открытомъ воздухѣ, и за мѣсто ничего не платятъ, достаточно спросить стаканъ (бокъ) пива, который стоитъ 30 сант., чтобы цѣлый вечеръ съ 7 до 10 часовъ слушать музыку и пѣніе, которыя происходятъ на эстрадѣ напротивъ публики. Эстрада разрисована декораціями, гдѣ насажены въ разныхъ костюмахъ женщины, тоже для декораціи, костюмы эти съ нихъ по окончаніи спектакля снимаются и онѣ уходятъ домой простыми горничными. На сценѣ, сидя на тронахъ и пьедесталахъ, онѣ большею частью спятъ, такъ какъ днемъ работали часовъ съ семи утра. Балы тоже устроены великолѣпно, тутъ сады, гроты, залы, оркестры, что угодно, и это стоитъ за входъ 50 сантимовъ (полъ франка). Балы эти разные: на однихъ собираются художники со своими дамами и жонами (Шато-Ружъ), на другихъ—студенты съ такими же дамами (Клозри де-Лиля); кутежа, пьянства нѣтъ никакого,—кромѣ пива нѣтъ другого напитка, да и то пьютъ очень мало, идутъ танцы на подобіе тѣхъ, какъ мы танцовали у Михайлов., съ пѣснями, разговорами,—одинъ кричитъ кукареку, всѣ хохочутъ. Всѣ считаютъ другъ друга своими. Одинъ легонько выбивалъ по моему плечу тактъ пальцемъ, другой подошелъ ко мнѣ, обмахиваясь платкомъ отъ жару послѣ танцевъ, и говоритъ: Какъ вы думаете, теперь очень бы хорошо выпить воды? Я сказ. — Да.—И отлично! и ушелъ. Это все въ одну минуту. Бобошка здѣсь пришелся бы кстати,—только онъ танцуетъ хоть и ловко, но слишкомъ однообразно: здѣсь, какъ въ Клозери, танцуютъ кадриль сразу 1200 паръ, по 300 въ 4-хъ рядахъ, и каждый кавалеръ норовитъ выкинуть *свою* штуку. Дѣйствительно, здѣсь умѣютъ веселиться, потому что, должно быть, умѣютъ и работать, а если пляшутъ, какъ безумные, каждый вечеръ, то, стало быть, работаютъ тоже безъ ума цѣлый день и каждый день. Со мной въ одномъ отелѣ живетъ литографъ, который, работая съ 8 ч. утра до 10 вечера, получаетъ въ день 5 франковъ; и вечеромъ онъ, дѣйствительно, бѣснуется на балу, тратя на это съ пивомъ не болѣе $1^1/_2$ франковъ.

Жизнь здѣсь устроена очень умно. Я писалъ уже, что ложатся здѣсь очень рано. Въ 11 ч. почти нѣтъ нигдѣ никакого движенія. Встаютъ тоже рано и, начиная съ 10 часовъ, всѣ кафе полны народомъ, идетъ завтракъ. Завтракаютъ всѣ основательно: бульонъ, мясо, кофе. Для меня это очень хорошо, потому что часовъ съ 11 или 12 мнѣ всегда хочется ѣсть, и въ Петербургѣ я непремѣнно закусывалъ что-нибудь и отъ этого плохо обѣдалъ. Здѣсь же этотъ завтракъ идетъ на цѣлый день и при бѣготнѣ самой усиленной захочется ѣсть не ранѣе 6 часовъ, но ужъ зато дѣйствительно захочется. Завтракъ стоитъ $1^1/_2$ ф., обѣдъ 2 ф.—50 с., при этомъ вотъ, что можно имѣть. Супъ, отличный, 3 блюда на выборъ изъ мяса и рыбы, 1 зелень, 1 десертъ (варенье, земляника) и $^1/_2$ бутылки отличнаго вина, которое разбавляется водой. Сначала я пилъ такъ,

безъ воды, но теперь рѣшительно не могу и нахожу, что именно такъ и слѣдуетъ, климатъ что ли, но рѣшительно иначе пить нельзя, да и то не выпьешь полбутылки; обѣдъ оканчивается въ 7 часовъ и съ $^1/_2$ 8 начинаются театры. Въ театрѣ въ антрактахъ публика выходитъ на бульвары, въ хорошую погоду, или въ сосѣднія кафе, которыя всѣ соединены съ театромъ звонками (телеграфными), такъ что при началѣ акта изъ театра даютъ знать. У насъ же въ Петербургѣ никто не веселится, никто почти ничего не дѣлаетъ, отъ этого можно обѣдать во всѣ часы дня, можно послѣ трудовъ не знать, какъ убить свободное время, и скучать во всѣ часы дня и ночи или быть пьянымъ съ утра. Нѣтъ, здѣсь дѣйствительно народъ самъ хозяинъ себѣ. Не думай однако, что я только и дѣлаю, что посѣщаю кафе-шантаны и балы по 50, и что я могу раздѣлять французское веселье. Вовсе нѣтъ: это веселье намъ кажется глупостью, и долго его по своей глупости и забитости переносить не можешь: все неприлично, нехорошо, не такъ. Вальсъ, напримѣръ, танцуютъ тихо-тихо, почти на одномъ мѣстѣ, вовсе не красиво,—словомъ, для насъ это нисколько не интересно, точно такъ же, какъ для французовъ нисколько не интересно наше идольское сидѣніе на одномъ мѣстѣ. Мы можемъ только поглядѣть, какъ дикари, да пойти домой спать, а участвовать въ этомъ невозможно... *) сказать худого о парижскихъ театрахъ. Это, во 1-хъ, въ антрактахъ поднимается крикъ и гамъ отъ разносчиковъ, которые разносятъ апельсины, афиши, ноты того (романса) или пѣсни, который только что понравился публикѣ; во (всѣ 10) минутъ антракта этотъ гамъ и оранье не прекращаются ни на одну минуту, такъ что рѣшительно оглохнешь; этотъ торговый элементъ, особенно противенъ,—онъ здѣсь вездѣ, даже занавѣсь въ театрѣ, та, которая опускается на перемѣну первой, какъ у насъ въ Маріинскомъ театрѣ, расписана исключительно объявленіями; тутъ и машины, и клестиры, и мебель, и платье—все изображено въ натурѣ съ приличнымъ форсомъ и съ адресомъ, гдѣ все это можно получить. Все это очень портитъ впечатлѣніе.

Но ужъ если есть безукоризненно пріятное зрѣлище, такъ это Нотръ-Дамъ—церковь Парижской Божьей Матери. Я попалъ туда въ Троицу; служба была торжественная, но народу почти никого не было или было очень мало, все больше народъ, который пришелъ поглазѣть, посмотрѣть; одинъ (франтъ) вошелъ даже въ шапкѣ и съ сигарой, съ дамой подъ руку. Это случилось, когда я выходилъ, и не знаю, что съ нимъ было; говорятъ, что это не диво. Вообще нельзя сказать, чтобы народъ былъ богомоленъ; нашъ лакей Жозефъ ни разу не былъ въ Нотръ-Дамъ, а въ церкви бывалъ только въ дѣтствѣ. Но для человѣка посторонняго, неумѣющаго

*) Подлинникъ разорванъ и два слова не разобраны; дальше въ скобкахъ напечатаны слова, возстановленныя по догадкамъ.

видѣвъ и непривыкшаго видѣть во всемъ этомъ чепухи и мошенничества, которымъ прославилось духовенство и которое дѣйствительно по случаю своего мошенничества уваженія не имѣетъ, для посторонняго, какъ, напримѣръ для меня, знающаго, какъ молятся наши въ деревняхъ и городахъ простые люди подъ напѣвъ безголосаго дьячка,—для меня въ Нотръ-Дамъ было что-то рѣшительно необыкновенное, органъ, пѣніе, музыка, все это до того выразительно и сильно, что передать я не могу. Мастера были молиться и съ такими средствами можно было морочить народъ. Нотръ-Дамъ—церковь громадная, старинная, стекла въ высокихъ окнахъ цвѣтныя, каждый шагъ знаменитъ исторически, но и тутъ торгашество залѣзло, какъ нельзя лучше: сѣсть на стулъ стоитъ 15 сант. Нотръ-Дамъ оставила во мнѣ славное впечатлѣніе, несмотря на всякую гадостную подкладку и барышничество. Я опять пойду туда и пробуду какую-нибудь цѣлую службу. Потомъ, разумѣется, надоѣстъ, но теперь хорошо съ непривычки.

Позади Нотръ-Дамъ есть небольшое деревянное зданіе,—это моргъ, гдѣ хранятся мертвые; я былъ тамъ,—за стеклянной стѣной отъ пола до потолка сдѣлано нѣсколько желѣзныхъ коекъ, на которыхъ при мнѣ лежала дѣвушка, совершенно еще молодая, лѣтъ 16, утонувшая, и какой то солдатъ. Ничего ни отвратительнаго, ни страшнаго,—напротивъ видна любовь къ человѣку. Позади этихъ коекъ вся стѣна (задняя) увѣшана разнымъ тряпьемъ, платьемъ, тутъ: штаны, юбки, жилеты, сапоги, найденные на мертвыхъ. Толпа постоянно большая. «Нѣтъ», «нѣтъ»,—говорила при мнѣ старушка,—«не она»... и еще разсматривала. Она, должно быть, искала кого-нибудь изъ своихъ.

Гдѣ я еще былъ и что видѣлъ? Былъ я въ Пантеонѣ,—или, какъ теперь его окрестили, церковь св. Женевьевы. Это почти тоже, что нашъ Исакіевскій соборъ, только гораздо больше и выше и безъ четырехъ колоколенъ, которыя у Исакіев. соб. по угламъ. Въ Пантеонѣ погребены разныя знаменитости: Вольтеръ, Ж. Ж. Руссо и пр. Изъ гроба Руссо высунута рука съ факеломъ,—рука, конечно, каменная, но впечатлѣніе есть. Всѣ эти знаменитости погребены подъ Пантеономъ въ катакомбахъ, совершенно темныхъ, куда нужно идти со свѣчой, съ фонаремъ и гдѣ безъ толпы было бы страшно ходить. Проводникъ,—офиціальный, въ военной формѣ и въ треугольной шляпѣ. Кромѣ гробовъ знамен. людей, Пантеонъ извѣстенъ эхомъ, подъ самою серединой церкви во тьмѣ кромѣшной. Здѣсь проводникъ останавливается и начинаетъ разговаривать громко,—эхо отвѣчаетъ еще громче и сію же минуту, потомъ проводникъ стрѣляетъ изъ духового пистолета и эти выстрѣлы (нѣсколько)—во множествѣ повторяются со всѣхъ сторонъ; все это въ темнотѣ и подъ землею, гдѣ надо держаться за сосѣда, потому что свѣтъ отъ фонаря бѣгаетъ только по полу,—очень непріятно и вообще ничего не значитъ. Но въ Пантеонѣ

есть и такое, что кое что значитъ. Это портикъ. Портикъ, то есть входъ, совершенно такой же, какъ въ Исакіевскомъ соборѣ, хотя, напримѣръ, со стороны сѣвера: тѣ же колонны, потомъ площадка, потомъ стѣна, въ которой дверь въ самый храмъ; такъ вотъ эта то стѣна, саженъ въ 15 вышиною, до сихъ поръ вся изстрѣлена милліонами пуль, которыя не попали въ камень, а только обожгли его, чуть сшибли, примѣрно, такими звѣздами *). Этими пулями изстрѣляны также статуи, стоящія по бокамъ входной двери, и теперь снизу загорожены досками: здѣсь на этомъ самомъ мѣстѣ Версальцы въ прошломъ году 21-го мая разстрѣляли 450 коммунистовъ, вся площадка была залита кровью,—и теперь даже кровь такъ въѣлась въ камень, что, какъ ни отчищали ее, пѣгія пятна видны. Я на этой площадкѣ простоялъ часъ, словно помѣшанный или въ столбнякѣ, — ноги мои словно прилипли къ тому мѣсту, гдѣ умерло столько народа. Въ тоже время по этимъ пятнамъ бѣгали дѣти, играли въ лошадки; тутъ были и собаки. Французы больше любятъ животныхъ, чѣмъ нѣмцы. Тутъ, собачка идетъ непремѣнно съ зелененькимъ или розовенькимъ бантикомъ и гдѣ? не на шеѣ, а на лбу: повязано это очень мило, особенно у собаченокъ съ густой шерстью. Нашему Тюнькѣ нужно бантикъ на шею. Дѣтямъ здѣсь раздолье; цѣлые дни они на воздухѣ, въ садахъ,—сады прелестные, Люксамбургъ, Тюльери: тутъ постоянно пискъ, визгъ, бѣготня. И комедійки маленькія представляютъ. При мнѣ шла комедія, гдѣ (представляютъ) монаха. Онъ молится Богу, а навстрѣчу ему выскакиваетъ свинья съ огнемъ въ зубахъ и начинаетъ ему тыкать въ рожу этимъ огнемъ: хохотъ всеобщій. И надо сказать правду, что взрослые ничуть не серьезнѣе дѣтей: отецъ точно такъ же помираетъ-хохочетъ надъ этой исторіей, какъ и сынъ. Вотъ старушка, такая же измученная, какъ моя Надежда Глѣбовна **), а забралась на стулъ и смѣется беззубымъ ртомъ.

Еще чаще всего хожу я въ Лувръ. Вотъ гдѣ можно опомниться и выздоровѣть. Тутъ собрано столько искусства и такого дорогого, что каждая песчинка стоитъ не милліоновъ, а слезъ. Тутъ больше всего и святѣй всего Венера Милосская. Это вотъ что такое: кромѣ Лувра, я былъ въ Люксамбургѣ и на современной художественной выставкѣ; въ Люксамбургѣ собраны произведенія художниковъ имперіи, примѣрно съ прошлаго столѣтія, на выставкѣ—тѣхъ же и новыхъ художниковъ за послѣднія нѣсколько лѣтъ; вездѣ и въ Люксамбургѣ, и на выставкѣ есть цѣлыя сотни Венеръ, т. е. голыхъ бабъ въ разныхъ видахъ для стариковъ, и я замѣтилъ, что кромѣ извѣстнаго впечатлѣнія въ нихъ нѣтъ другой мысли; одна прикрывается рукой, другая лежитъ спиной, третья

*) Сдѣланъ примѣрный рисунокъ.

**) Мать Глѣба Ивановича.

поджавъ ноги, четвертая спитъ навзничъ,—словомъ, бездна. Чѣмъ ближе къ современности, тѣмъ хуже: изображаются дѣвочки лѣтъ по 13,—съ наивнѣйшимъ выраженіемъ лица, шепчущія на ухо сатиру что то, должно быть, скабрезное, потому что тотъ улыбается самымъ подлымъ образомъ. Когда я смотрѣлъ всю эту мерзость запустѣнія, мнѣ вдругъ необыкновенно полюбилась Венера Милосская, которую я, признаться, видѣлъ, но не понялъ сначала. Какое сравненіе съ этими, неимѣющими мысли, женскими тѣлами и той: та, старая чуть не развалившаяся статуя, съ попорченной щекой, съ прогнившими въ алебастрѣ щелями отъ ветхости, съ обломанными руками, высокая, выше 13-ти лѣтнихъ Венеръ настоящаго времени (въ) два раза, съ лицомъ, полнымъ ума глубокаго, скромная, мужественная, мать, словомъ идеалъ женщины, который долженъ быть въ жизни—вотъ бы защитникамъ женскаго вопроса смотрѣть на нее. Она вся закрыта,—у нея видны—лицо, грудь и часть бедръ, но это дѣйствительно такое лекарство, особенно лицо, отъ всего гадкаго, что есть на душѣ,—что я не знаю, какое есть еще другое? Въ сторонѣ отъ этой статуи (я хочу написать о ней Ярошенкѣ, но думаю, что онъ не пойметъ всего),—стоитъ диванчикъ, на которомъ больной и слѣпой Гейне каждое утро приходилъ сюда и плакалъ.

Да! Лувръ это великій цѣлитель. Я хожу туда чуть не каждый день. Дряни и мерзости тоже больно много, но и красоты не сосчитаешь сразу.

Недавно былъ я въ Версалѣ 2 раза. Разъ поѣхалъ я, когда пускаютъ всѣ фонтаны (Гранд-зо)—скука была смертная,—массы поганыхъ солдатъ и глупой публики, которая по нѣсколько часовъ терпѣливо стоитъ около фонтана, толкается, сердится и ждетъ не дождется, пока пустятъ воду,—а ее нарочно томятъ. Въ другой разъ я ѣздилъ съ однимъ молодымъ профессоромъ кіевскаго университета,—молоденькій мальчикъ, который жилъ въ Черниговѣ и всѣхъ моихъ знакомыхъ знаетъ,—человѣкъ хорошій и я думаю современемъ перебраться въ его отель, тамъ дешевле да и онъ самъ меня упрашиваетъ и все мнѣ разъясняетъ и переводитъ съ большимъ удовольствіемъ. Такъ съ этимъ господиномъ мы отправились (и Н. Ев.) въ Версаль, чтобы попасть въ Націон. Соб. Насъ туда не пустили (Версаль вродѣ опрятнаго Ельца, въ 3000 разъ лучше, конечно, изящнѣе, больше,—но по скукѣ то же самое: нигдѣ нѣтъ человѣка, пыль, а въ казармахъ раздается солдатскій рожокъ) и мы пошли *въ военный судъ*, въ которомъ судятъ коммунистовъ. Судъ помѣщается въ казармахъ, гдѣ весь дворъ уставленъ пушками, впрочемъ безвредными. Комната суда—вродѣ какого-то подвала, съ грязными и гадкими скамейками, съ желтыми ржавыми занавѣсками и т. д. Когда мы пришли, судъ еще не начинался и судьи разговаривали съ какими то дамами, должно быть, женами другъ друга. Смѣялись и хохотали. Это все солдаты

съ самыми истасканными рылами, съ сѣдыми волосами, разчесанными и примазанными густо помадой, съ проборомъ на затылкѣ. Судъ начался очень скоро и эти судьи, усѣвшись на свои мѣста, продолжали перемигиваться съ дамами, тогда какъ одинъ изъ нихъ—предсѣдатель судилъ, т. е. ругался съ подсудимымъ, какъ у насъ ругаются мужики; подсудимые большею частью вовсе не напоминаютъ тѣхъ революціонеровъ, которымъ ничего не стоитъ пропороть ближнему животъ. Это простые люди, бѣдны, но одѣты прилично (вродѣ портного Петра, только лицо похуже и больное и испуганное). Всѣ они болѣе года какъ сидятъ въ тюрьмахъ и на галерахъ. Обвиняется одинъ въ томъ, что взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.—Откуда у васъ оружіе?—Я былъ назначенъ капитаномъ нац. гв. — Какъ вы смѣли быть капитаномъ? — Меня назначили, г-нъ предсѣд.! я пришелъ въ Парижъ зуавомъ, и когда версальцы обложили городъ, меня назначили капитаномъ—я не могъ отказаться, меня бы застрѣлили!!! Больше ничего. Его прерываютъ и приказываютъ говорить прокурору. Прокуроръ военный. Онъ въ двухъ словахъ говоритъ просто: подсудимаго надо сослать въ каторжныя работы.—Защитникъ, ваше слово. — Защитникъ (т. военный) нехотя и почти съ улыбкой говоритъ: Я прошу снисхожденія. Черезъ 2 минуты подсудимому объявляютъ рѣшеніе, по которому онъ на 20 лѣтъ ссылается въ Нов. Каледонію. Въ одинъ часъ такимъ образомъ при насъ захерили на смерть трехъ человѣкъ. Возмутительнѣе я ничего не видалъ. Вотъ злодѣи! Это злодѣи! Что наши судьи,—они святые, они сравнительно образцовые въ самомъ серьезномъ смыслѣ. Подумай, нѣкоторые не отвѣчаютъ ни слова и, зная надъ собой силу, просто молчатъ и со всѣмъ соглашаются. Одинъ стоялъ опустивъ руки, какъ плети, и повѣсивъ голову, словно бы дѣйствительно она у него отваливалась на грудь. Казалось, онъ былъ въ столбнякѣ. Съ самымъ сквернымъ впечатлѣніемъ вышли мы отсюда и пошли пѣшкомъ за нѣсколько верстъ отъ Версаля въ Сатори, гдѣ разстрѣляли Росселя. Объ этомъ я напишу завтра утромъ. Я очень радъ, что познакомился съ этимъ профессоромъ, онъ самъ подошелъ ко мнѣ въ русской церкви и заходитъ ко мнѣ каждый день, мы вмѣстѣ обѣдаемъ. Онъ много помогаетъ мнѣ въ языкѣ. Н. Е. ничѣмъ не интересуется и чертъ его знаетъ, зачѣмъ онъ сюда ѣхалъ: онъ ничего, но едва ли не глупъ. Съ нимъ очень скучно, хотя онъ и добрый человѣкъ. Съ этимъ профессоромъ мы будемъ шататься вездѣ, да и шатаемся. Знаетъ онъ много. Пиши мнѣ покуда по старому адресу, потомъ черезъ недѣлю-полторы я переѣду, теперь заплачено, надо зажить. Другъ мой милый! цѣлую тебя душевно, поправляйся здоровьемъ и поменьше безпокойся обо мнѣ: мнѣ лучше тебя и я глубоко жалѣю, что нѣтъ тебя здѣсь. До завтра милая. Г. У. А. С. поклонъ, а Тюньку поцѣлуй.

IV.

Парижъ. Троицынъ день.

Вотъ, другъ любезный, я уже почти шесть недѣль въ Парижѣ. Видѣлъ я все сколько-нибудь и чѣмъ-нибудь замѣчательное и теперь мнѣ ужъ надоѣло глазѣть. Изъ туриста, который поглазѣлъ да уѣхалъ, и которому больше ничего не надо, я, напротивъ, желалъ бы сдѣлаться жителемъ, иначе пользы мало. Спрашивается: какая необходимость возвращаться въ Петербургъ? и почему нужно тотчасъ же приниматься за спѣшную работу, когда она мало чѣмъ будетъ лучше прежней, а главное, за какіе грѣхи мы съ тобой наказаны опять петербургской скукой,—чего впрочемъ не дай Богъ? Поэтому я предлагаю тебѣ вотъ что: обдумай и разсуди хорошенько. Въ Парижѣ жить дешевле и лучше, чѣмъ въ Петербургѣ, въ Парижѣ жить веселѣй и *легче* и есть полная возможность отдохнуть дѣйствительно, тогда какъ въ Россіи—мы ужъ ее довольно знаемъ. Намъ бы слѣдовало прожить здѣсь по крайней мѣрѣ годъ и тогда ужъ ѣхать въ Россію опять. Поэтому не лучше ли тебѣ теперь же пріѣхать въ Парижъ, благо беременность не сильна, а на проѣздъ сюда $3^1/_2$ дня отъ Ельца; болѣе противъ дороги въ Петербургъ, тоже изъ Ельца, на $1^1/_2$ дня, безвреднѣй для здоровья въ 50 разъ противъ поѣздки въ Крапивну по проселочной дорогѣ. Какъ ты разсудишь? Денегъ на это надо занять и сразу руб. 500 у Коли и у Ад. Солом. *) потому, что если даже мы будемъ и въ Петербургѣ, то не минуемъ занять тоже по мелочамъ. На что пошли твои тыщи? На скуку. Здѣсь 500 р. пойдутъ на дѣло. При твоемъ знаніи языка француз. я бы писалъ отличныя и интересныя корреспонденціи,—повѣрь, что это не шутка и есть о чемъ писать отсюда. Кромѣ этихъ корреспонденцій (чего нельзя писать въ Петербургѣ) я бы не сталъ ничего печатать беллетристическаго по крайней мѣрѣ до января и здѣсь, вдали отъ разныхъ дурныхъ вліяній Петербурга, я бы написалъ покойно, не спѣша. 500 р. были бы отданы за продажу 4-го тома моихъ очерковъ, наконецъ, за романъ, а корреспонденціями мы могли бы жить, совершенно не тревожась въ средствахъ. 500 р. нужно на устройство, на то, чтобы хорошенько уладиться здѣсь на годъ, на кормилицу. Здѣсь обычай отдавать кормить «дѣтей въ деревню»,—не бойся этого, эти деревни тотъ же самый Парижъ, 5, 10 минутъ по желѣзной дорогѣ, которая идетъ не по-полямъ, а по улицамъ съ такими же домами, какъ и парижскіе. Тогда можно бы было нанять квартиру, какъ это и бываетъ, въ домѣ кормилицы и она бы жила у насъ, Каждые четыре часа поѣздъ идетъ въ Парижъ, и проѣздъ во 2 мъ классѣ 4 су, не дороже. Если ты, быть можетъ, получишь современемъ свои деньги,—то отдашь этотъ долгъ. Не тебѣ, такъ другому

*) Коля (Н. Долгановъ)—родственникъ жены Гл. И., а Адель Солом. (Херадинова)—ея пріятельница, у которой она раньше учила сына и съ которой Успенскіе сдружились.

Коля отдастъ ихъ. Если же и не получишь, то, я повторяю, 500 р. мы можемъ отдать: 1) за продажу 4 тома, 2) за мой романъ, который буду готовить къ январю. А жить будемъ корреспонденціями. 400 ф. здѣсь съ тобой, при житьѣ на квартирѣ, очень довольно, а заработать ихъ корреспонденціями ничего нѣтъ легче. Разсуди, не волнуясь и отвѣть мнѣ. Если ты рѣшишь, то надо рѣшаться скорѣй. Если нѣтъ, то тоже отвѣть мнѣ теперь же и тогда я буду иначе налаживать свои дѣла. Тогда надо будетъ ѣхать въ Россію и въ Парижъ отправляться ужъ послѣ родовъ твоихъ, а что ѣхать тебѣ надо сюда,—это несомнѣнно. Тогда нужно будетъ прожить до глубокой осени въ провинціи и работать, и за мѣсяцъ до твоихъ родовъ воротиться въ Петербургъ. Я теперь, возвратившись, приготовлю От. З. замѣтки о Парижѣ, листа 3, и два-три маленькихъ разсказца,—и мы какъ-нибудь обойдемся. Какъ ты думаешь? Повѣрь, что надо сдѣлать, какъ лучше хочешь ты въ настоящую минуту, и, пожалуйста, не думай, чтобы я потомъ пенялъ на твое рѣшеніе—ничуть. Если я даже и возвращусь въ Россію, то буду работать съ удовольствіемъ въ надеждѣ на ребенка и на зимнюю поѣздку заграницу.

Отвѣчай только поскорѣй.

О чемъ я еще не писалъ тебѣ въ Парижѣ? Переѣзжать я не намѣренъ до твоего письма никуда. Я перемѣнилъ теперь комнату: изъ 2-го этажа переѣхалъ въ 1-й, комната чище, свѣтлѣй и не высоко подниматься. Окно выходитъ на улицу. Мѣшаютъ только разнощики крикомъ да трескъ экипажей. Мостовая въ нашей улицѣ такая же, какъ въ Петербургѣ противъ дома князя Бѣлосельскаго, а не макадамъ, по которому рѣшительно нѣтъ никакого звука отъ ѣзды. Трескъ этотъ весьма надоѣдаетъ и при открытомъ окнѣ надо орать во всю глотку. Послѣ холодовъ и хорошей нежаркой погоды,—вдругъ начались смертельныя жары. Теперь вотъ, когда я пишу, я долженъ почти задвинуть занавѣски, такъ что въ комнатѣ едва свѣтло, солнце у меня съ 12 до 5 часовъ, самый жаръ. Я здѣсь уже купался, но дорого, 1 фр. 25 сантимовъ разъ. Нечего говорить, что купальни—это цѣлые дворцы на Сенѣ,—громадные, роскошные. Купаться надо въ особенныхъ панталонахъ коротенькихъ. Здѣсь есть за Парижемъ деревня Буживаль, гдѣ въ Сенѣ купаются мужчины и женщины вмѣстѣ, но въ особого рода костюмахъ; это бываетъ по воскресеньямъ. Я не видалъ еще этого мѣста. Недавно я ѣздилъ за городъ, въ Шарантонъ. Это мѣсто похоже на деревню, на Богословское, только улицы—мостовыя, дома—каменные этажа по четыре, а мосты желѣзные,—но дома разставлены другъ отъ друга рѣдко, много деревъ, луговъ, травы. Я былъ здѣсь въ праздникъ, когда происходило гулянье вродѣ нашего адмиралтейскаго. Мужики только въ шляпахъ и сюртукахъ, рѣдко блуза. Посреди площади стоялъ большой балаганъ съ надписью: *Балъ*. Танцы должны были происходить вечеромъ. По сторонамъ

балагана разставлено множество разныхъ развлеченій. Тиръ для стрѣльбы, причемъ вмѣсто каменнаго зайца и пр., какъ у насъ (помнишь, въ Лѣсномъ),—здѣсь вмѣсто цѣли былъ фонтанчикъ, подбрасывавшій постоянно на самую верхнюю точку свою яйцо. Попасть нужно въ яйцо. Потомъ стояли какіе-то щиты деревянные съ какой-нибудь рожей и въ ротъ ей нужно было попасть шаромъ. Вотъ кто нибудь въ этомъ родѣ *). Кто попадетъ—его сажали на тронъ, который былъ тутъ же. Повсюду лоттереи, выигрыши и надувательство. Для дѣвочекъ игра такая. Становится стулъ, на стулъ кладутъ яйцо. Дѣвочкѣ завязываютъ глаза и она съ палкой въ рукахъ должна подойти и ударить по яйцу. Обыкновенно она зайдетъ вовсе не туда и промахнется. Иногда попадетъ по человѣку. При мнѣ она съѣздила по спинѣ полицейскаго,—и, разумѣется, хохотъ шелъ ужасный. Но вообще мнѣ эти игры не понравились, такъ, напр., чтобы подзадорить ребятишекъ, которые всѣ имѣютъ свои деньги, потому что работаютъ, какъ и взрослые, устраиваютъ игры, гдѣ выигравшій получаетъ стаканъ вина. Вино бѣлое, самое грубое. Одинъ изъ антрепренеровъ (всѣ эти штуки: балъ, лоттереи и т. д. содержатся кѣмъ-нибудь *однимъ*) въ какой-нибудь смѣшной шапкѣ, на которую всѣ мальчики начинаютъ хохотать, ходитъ съ прибаутками между ними и предлагаетъ: не хочетъ ли кто выпить. Вино отличное. Мальчишки пьютъ, просятъ дать брату, который ничего не знаетъ. Антрепр. гов.: приведи брата. И брату даютъ. Такимъ образомъ мальчики сразу почти всѣ подъ хмелькомъ и съ пьяну проматываютъ деньги на разныхъ пустякахъ... За большой стаканъ вина, напр., мальчишки должны подняться въ гору на з . . . . . ѣ, причемъ ихъ связываютъ крѣпко на крѣпко ремнями такъ, что ни рукой, ни ногой нѣтъ возможности пошевелить. На этакія вещи смотрѣть отвратительно, и я не понимаю, какъ республиканское правительство не обратитъ вниманія на этихъ мошенниковъ, которые положительно спаиваютъ дѣтей.

Кромѣ вина, они обыкновенно нанимаютъ 2-хъ—3-хъ мальчишекъ, которые все выигрываютъ и больше всѣхъ получаютъ вина. Это тоже, какъ и вино, сильно подзадориваетъ дѣтей.

Сейчасъ прочелъ твое письмо отъ 30-го мая. Прости меня, другъ любезный, что я такъ долго оставлялъ тебя безъ писемъ. Право, описывать всѣ эти замѣчательности — не опишешь. Надо видѣть. Лучше бы всего, если бы ты сама была здѣсь. Какъ я радъ, что ты получила Гюго. Книга эта стоитъ 7 ф. У меня есть еще нѣсколько дешевыхъ книгъ по 25 сант. томъ, которыя ты будешь читать съ удовольствіемъ. Картинки, которыя я послалъ Колѣ, я тебѣ привезу непремѣнно, но лучшія, величиной съ этотъ почтовый листъ, того же самаго содержанія, не безпокойся. А своего портрета я теперь прислать не могу, потому что

*) Сдѣланъ рисунокъ рожи съ большимъ ртомъ.

хорошіе—дюжина стоитъ 30 ф., а мнѣ Некрас. не присылаетъ денегъ, и я теперь не могу тратить такую сумму, да, кромѣ того, по случаю жаровъ положительно нужно шить парусинное платье. Здѣсь народъ простой. Мужчины сидятъ на бульварахъ въ кафэ безъ сюртуковъ, на Итальянскомъ бульварѣ это такъ же принято, какъ у насъ не снимать сюртука. Вообще, если бы ты была здѣсь,—право, было бы хорошо. Просто пройди по бульвару, и то 4, 5 часовъ ни малѣйшей скуки, напротивъ, не замѣтишь, какъ пройдутъ.

Сообрази.

Волковъ, съ которымъ я послалъ книгу,—это вовсе не тотъ, который знакомъ съ Симоновой. Это—технологъ, очень добрый, простой, но необыкновенно деревянный человѣкъ. Онъ только что женился и повезъ свою жену въ Лондонъ и Парижъ, не зная ни слова по ан. и по французски. А изъ Парижа поѣхалъ съ женой прямо въ Пинегу, на заводъ. Эта перспектива ошеломила ее и она все время ходила здѣсь, какъ мертвая. Она занималась въ Петербургѣ литографіей и хорошо работала въ Иллюстраціи. Съ этимъ господиномъ я никуда не рѣшался ходить, потому что вездѣ мы производили путаницу. Придемъ въ ресторанъ (Волковъ ведетъ меня знакомить съ ресторанами), начинаетъ заказывать обѣдъ на чистомъ русскомъ языкѣ.—«Супу всѣмъ троимъ. Потомъ рыбы». Лакей ничего не понимаетъ. Въ карточкѣ ничего не разберешь... Минутъ 5 идетъ чортъ знаетъ что, наконецъ, лакей вдругъ опомнится и станетъ подавать, что ему самому придетъ въ голову. Я пообѣдалъ съ нимъ разъ и съ тѣхъ поръ пересталъ, а хожу въ табль д'отъ, гдѣ блюда для всѣхъ одни. Въ русскомъ ресторанѣ я недавно ѣлъ ботвинью съ лососиной, но бѣда въ томъ, что квасу здѣсь нѣтъ, и ботвинью готовятъ на сидрѣ, яблочное вино, горькое, вкусу никакого, несмотря на то, что и зелень, и лукъ есть, все. Щи пишутся въ карточкѣ Schtschy, — восемь буквъ. Щи впрочемъ любятъ и французы, — остального они не ѣдятъ, дорого и не по вкусу имъ. Да и я отвыкъ отъ русской пищи. Ѣсть по кусочкамъ,—это какъ разъ по мнѣ,—и я чувствую себя легко. Какъ то я въ первые дни пріѣзда съѣлъ щей и каши—и два дня точно также ходилъ разваленнымъ, какъ въ Петербургѣ,— сонъ, лѣнь, чортъ знаетъ что.

Къ Павлов. пріѣхалъ Ѳедя съ матерью. Онъ меня съ ней не знакомитъ, и я увѣренъ, что онъ дѣйствительно ея пріятель. Я нисколько не навязываюсь на это знакомство. Они скоро уѣдутъ, и я останусь одинъ. Довольно скучно. Тѣмъ болѣе, что Парижъ пустѣетъ со дня на день и надо выѣзжать куда-нибудь за городъ.

Напиши мнѣ, пожалуйста, что-нибудь о романѣ Боборыкина «Дѣльцы». Что это такое? Хорошо ли? Интересны ли журнальныя замѣтки Михайловскаго? Я послалъ ему журналъ «Le Peuple», гдѣ работаетъ В. Гюго. Этотъ журнальчикъ, по полученіи денегъ

отъ Некрасова, я выпишу для тебя. Завтра пошлю къ тебѣ № Фигаро съ однимъ процессомъ,—этотъ процессъ занимаетъ весь Парижъ, и такихъ процессовъ здѣсь каждый день. По всей Франціи теперь больше всего процессовъ противъ поповъ, обвиняемыхъ въ изнасилованіи. Что они дѣлаютъ, подлецы. Это ужасъ! За Фигаро, я думаю, ты заплатишь довольно, коп. 75., да для Ад. Соломоновны пошлю № «Большой Свѣтъ», жур, посвящ. высшему обществу. Должно быть, ахинея,—я надѣюсь, что вы посмѣетесь вмѣстѣ. Съ собой я привезу много всякихъ пустяковъ, но посылать ихъ теперь, ей Богу, дорого, да и невозможно. Напр. картинокъ посылать нельзя, нѣтъ ни одного такого конверта. Однихъ объявленій, которыя даромъ раздаются на улицѣ,—цѣлая куча уже накопилась у меня. Кстати, ежели и не рѣшишься ѣхать, то знай, что я тебѣ куплю здѣсь по полученіи денегъ часы и цѣпочку, золотые—это будетъ стоить 115 фр.—превосходные. У насъ это гораздо дороже. Здѣсь золота бездна, и, напротивъ, трудно достать бумажекъ (недавно только открытъ размѣнъ),—все золото. 5 ф. золотомъ (135 коп.) величиной съ нашъ пятачекъ. Серебряная же монета въ 5 ф.—больше нашего рубля и толще, такъ что отъ этихъ серебряныхъ монетъ постоянно хочется отдѣлаться. Какъ-нибудь я пришлю тебѣ бумажку въ 1 фр. Новенькія, очень маленькія, но гораздо проще нашихъ. Отвѣчай мнѣ, пожалуйста. Сейчасъ узналъ, что кормилица стоитъ здѣсь 60 ф. въ мѣсяцъ, 740 ф. въ годъ, то есть 220 рублей. Какъ ты думаешь, дорого это или нѣтъ сравнительно съ Петербургомъ? Мнѣ кажется, что дорого.

Жара смертная. Я совсѣмъ почти задернулъ занавѣски и писать усталъ. Цѣлую тебя, другъ мой дорогой. Тюньку поцѣлуй, я бы его оч. хотѣлъ видѣть. Какъ онъ съ собаками? Я впрочемъ сегодня поподробнѣе справлюсь насчетъ всѣхъ цѣнъ у жены Веретенникова и напишу тебѣ опять вечеромъ. Тогда ужъ ты мнѣ отвѣть, прочитавши письмо, которое придетъ вслѣдъ за этимъ. Тв. Г. Успенск. Цѣлую тебя, другъ. Я здоровъ.

V.

Мюнхенъ. Суббота.

Бяшечка! Пишу къ тебѣ съ дороги изъ Мюнхена, гдѣ приходится стоять 8 часовъ. Немедленно по пріѣздѣ напиши мнѣ, какъ Вы доѣхали, здорова ли сама. Потомъ я бы думалъ лучше всего ѣхать тебѣ въ Крапивну, никуда не заѣзжая. Мои новые очерки, списокъ которыхъ есть,—можешь продать хоть Карбасникову, за 150 р. съ тѣмъ, чтобы этимъ оканчивались всѣ мои дѣла съ нимъ и разрывался прежній контрактъ. Я хочу много писать и желалъ бы хоть 2 мѣсяца думать только о работѣ, зная, что ты живешь покойно и безъ нужды. Свои переводы не продавай, а издай

сама. Когда явится романъ Тургенева, о которомъ будетъ много шуму, тогда книга съ его предисловіемъ должна пойти отлично. Напиши, пожалуйста, мнѣ о сынѣ, поподробнѣе. Перестань волноваться,—вѣдь зная, что ты въ такомъ состояніи, и я не имѣю покойной минуты, хотя и молчу. Въ этомъ все и дѣло. Я ѣду безъ особеннаго затрудненія въ языкѣ, почти вездѣ говорятъ по французски и не дорого. У меня теперь денегъ 225 фр. Я проѣхалъ 65 ф.—полдороги, стало быть 160 у меня будетъ по пріѣздѣ въ Бѣлградъ. Тотчасъ напишу Баймакову и тебѣ,—и ты отъ него получишь деньги. Я чувствую себя хорошо потому, что надѣюсь выработать много денегъ и прожить зиму въ деревнѣ. Если я этого добьюсь—тогда, повѣрь, между нами не будетъ никакихъ непріятностей, какъ теперь, когда между мной и тобой замѣшана моя потребность литературной работы, у которой есть свои настоятельныя требованія; не удовлетворивъ имъ,—что я могу дѣлать, о чемъ говорить, чѣмъ жить? Остается распроститься съ литературой, пойти въ чиновники—и тогда, можетъ быть, жизнь пойдетъ ровнѣй. Но я служить не могу, стало быть, вмѣсто того, чтобы терпѣть нужду и непріятности, безъ которыхъ нельзя обойтись ни мнѣ, ни тебѣ (не сочиняю же я ихъ),—потерпи нѣкоторое время жизнь въ глуши, только не волнуясь, а зная, что мое отсутствіе есть та же самая работа, что я точно такъ же на заработкахъ, какъ и плотникъ.

Больше не буду говорить объ этомъ и надѣюсь, что ты забудешь непріятности, которыя я дѣлалъ тебѣ. Пожалуйста. Съ тобой Саша.

По пріѣздѣ въ Бѣлградъ напишу тотчасъ на имя Симонова.

Гл. Успенскій.

По дорогѣ изъ Парижа.

Государево дѣло на Алтаѣ.

Вся южная часть Томской губерніи находится во владѣніи Кабинета Его Величества и составляетъ такъ называемый Алтайскій округъ. Въ него входятъ часть Томскаго уѣзда и полностью Барнаульскій, Бійскій, Змѣиногорскій и Кузнецкій уѣзды. Общая площадь всей территоріи округа равняется по даннымъ главнаго управленія Алтайскаго округа 379.000 квадратныхъ верстъ или $39^1/_2$ милліонамъ десятинъ. Почти на всемъ этомъ пространствѣ въ послѣднее десятилѣтіе идетъ усиленная работа громаднаго государственнаго значенія—настоящее *Государево дѣло*—по земельному устройству старожилаго населенія и водворившихся здѣсь переселенцевъ. Первенствующая роль въ этой работѣ принадлежитъ Кабинету, дѣятельность котораго въ послѣдніе годы стала настолько рѣзко расходиться съ законами, что вызываетъ самыя серьезныя опасенія за будущность этого богатаго края.

Главными законами, опредѣляющими дѣло устройства старожиловъ и новоселовъ, являются: 1) Законъ 31 мая 1899 года и 2) Высочайшій Указъ 19 сентября 1906 года. Примѣненіе этихъ законовъ Кабинетомъ и составляетъ предметъ настоящей работы; матеріалами же для нея служатъ журналы совѣщаній при Кабинетѣ и управленіи округа, циркуляры и распоряженія Кабинета и его чиновъ, дѣла по отграниченію надѣловъ разнымъ селеніямъ и, наконецъ, сообщенія мѣстной печати.

I.

Землеустроительный законъ 31 мая 1899 года имѣетъ цѣлью, во-первыхъ, создать въ краѣ то, что характеризуется словами: «поземельное спокойствіе», т. е. отсутствіе земельныхъ споровъ и тяжбъ, и во-вторыхъ, дать населенію такое количество земли, при которомъ было бы возможно, если не дальнѣйшее развитіе хозяйства, то, по крайней мѣрѣ, сохраненіе его въ существующихъ уже размѣрахъ.

Въ этихъ видахъ законъ требуетъ, чтобы 1) надѣлы отводились по возможности каждому селенію отдѣльно; 2) надѣлы были

точно отграничены отъ другихъ земель; 3) надѣлы были закрѣпляемы за селеніями путемъ выдачи особыхъ документовъ, называемыхъ отводными записями; 4) надѣлы имѣли удобную въ сельско-хозяйственномъ отношеніи конфигурацію; 5) основаніемъ надѣловъ служило бы *фактическое* землепользованіе населенія; 6) въ надѣлы обязательно включались бы земли, находящіяся въ постоянномъ пользованіи населенія, и 7) надѣлы не превышали бы, за особыми исключеніями, 15-ти десятинъ удобной земли и 3-хъ десятинъ лѣса на одну душу мужескаго пола.

Все дѣло землеустройства въ Алтайскомъ округѣ, по тому же закону 31 мая 1899 г., находится въ рукахъ Кабинета. Съ этою цѣлью при Кабинетѣ образованъ особый «штатъ землеустроительныхъ чиновъ», на которыхъ законъ возлагаетъ всѣ предварительныя работы по составленію проектовъ надѣловъ. Въ составъ поземельно-устроительныхъ комиссій, разсматривающихъ проекты надѣловъ и связанныя съ этими проектами ходатайства населенія, законъ вводитъ и представителей Кабинета въ лицѣ управляющихъ имѣніями округа и лѣсничихъ. Постановленія общаго присутствія Томскаго губернскаго управленія, утверждающаго проекты надѣловъ и разрѣшающаго жалобы населенія на опредѣленія поземельно-устроительныхъ комиссій, считаются окончательными въ томъ лишь случаѣ, если съ мнѣніемъ большинства согласны завѣдывающій землеустройствомъ и членъ губернскаго управленія отъ Кабинета*). Наконецъ, рѣшеніе цѣлаго ряда вопросовъ, существенно важныхъ для населенія, какъ то: о прирѣзкѣ къ малоземельнымъ селеніямъ, о включеніи въ надѣлы оброчныхъ статей Кабинета и т. п. предоставлено закономъ министру Двора.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что интересы алтайскаго населенія почти всецѣло зависятъ отъ владѣльца округа, Кабинета. Возлагая на послѣдній обязанность устроить населеніе, проживающее на его земляхъ, законъ ставитъ его на ряду съ государственными учрежденіями и, очевидно, считаетъ его способнымъ подчинить свои частные интересы общегосударственнымъ.

Землеустроительныя работы въ Алтайскомъ округѣ начались въ 1899 году и къ 1908 году были закончены въ Бійскомъ и Томскомъ уѣздахъ. Всего было отведено населенію удобной земли 3.439.316 десят., въ томъ числѣ лѣса 481.143 десят. Работы въ этихъ уѣздахъ шли въ общемъ согласно съ основными требованіями закона; если и встрѣчались уклоненія отъ закона, то, какъ можно думать, уклоненія эти были результатомъ простого непониманія тѣхъ или другихъ положеній закона, а не сознательнаго его нарушенія. Но въ 1908 году, съ началомъ работъ въ наиболѣе населенномъ уѣздѣ, Барнаульскомъ, Кабинетъ рѣзко мѣняетъ свое отношеніе къ землеустройству. Интересы населенія отодви-

*) Начальникъ Алтайскаго округа или уполномоченное имъ лицо.

гаются на задній планъ и всѣ землеустроительныя дѣйствія направляются къ тому, чтобы въ результатѣ отвода надѣловъ интересы Кабинета не только не пострадали бы, но чтобы Кабинетъ получилъ и выгоду. Обезпеченность надѣляемаго селенія землей, удобство пользованія надѣломъ, составъ надѣла—всѣ эти вопросы теперь никакого значенія для Кабинета не имѣютъ; рѣшающимъ моментомъ отвода надѣла служитъ соображеніе о томъ, на сколько этотъ отводъ выгоденъ для Кабинета.

Прежде всего эта политика проявилась въ постановкѣ межевыхъ работъ. Кабинетъ нашелъ, что землеустройство идетъ очень медленно и рѣшилъ ускорить его, а такъ какъ въ процессѣ землеустроительныхъ работъ больше всего времени занимаютъ межевыя работы, то кабинетъ и принялъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы межеваніе шло съ наибольшей быстротой.

Въ законѣ 31 мая 1899 г. содержатся вполнѣ опредѣленныя указанія, что должно давать межеваніе. Это ст. 157 Пол. Кр. Сиб.

«На планахъ—говорится въ этой статьѣ—показываются: 1) удобныя земли отдѣльно отъ неудобныхъ; 2) въ числѣ удобныхъ земель—угодья, подлежащія включенію въ земельный надѣлъ, отдѣльно отъ сплошныхъ лѣсныхъ пространствъ и 3) угодья, подлежащія обязательному сохраненію въ пользованіи населенія».

По Высочайше утвержденному 13 марта 1899 года штату въ составъ каждой землеустроительной партіи, помимо топографовъ, входятъ особые начальники съемочныхъ отдѣленій. Такимъ образомъ межевыя работы выдѣлены въ особую группу и поставлены подъ надзоръ спеціальныхъ лицъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ законѣ нѣтъ никакихъ правилъ, обязывающихъ топографовъ какими-либо нормами въ отношеніи количества работъ. Для законодателя, очевидно, важно было лишь одно,—чтобы эти работы давали матеріалъ, вполнѣ пригодный для разрѣшенія вопросовъ земельнаго устройства населенія или, говоря проще, чтобы планы были вѣрны натурѣ. Это отношеніе закона къ межевому дѣлу вполнѣ понятно. Поземельно-устроительныя инстанціи — поземельно-устроительныя коммиссіи и общее присутствіе Томскаго губернскаго управленія, разсматривающія и утверждающія проекты надѣловъ,—состоятъ изъ лицъ, за исключеніемъ производителя работъ, не принимающихъ непосредственнаго участія въ проектированіи надѣловъ, а потому рѣшенія этихъ инстанцій въ томъ только случаѣ могутъ отвѣчать задачамъ землеустройства, если межеваніе дало имъ всѣ необходимыя данныя. Включены ли въ проектъ надѣла земли, подлежащія обязательному сохраненію за населеніемъ (ст. ст. 118 и 143 Пол. Кр. Сиб.), надо-ли увеличить надѣлъ до 15-ти десятинной нормы (ст. ст. 119 и 141), возможно ли оставленіе въ надѣлѣ излишней, сверхъ 15-ти десятинной пропорціи, земли (ст. ст. 121 и 142), устранена ли чрезполосность (ст. 118), правильно ли произведены добровольный и принудительный обмѣны (ст. ст. 134 и 150), дѣй-

ствительно ли надѣлъ не можетъ быть отведенъ въ одной чертѣ и сведены ли въ этомъ случаѣ мелкіе участки въ крупные обрубы (ст. 139), согласно ли съ закономъ произведенъ раздѣлъ угодій общаго пользованія (ст. 133), расположенъ ли надѣлъ вблизи селенія (ст. 138), правильно ли проектирована огрѣзка земель, состоящихъ въ пользованіи населенія (ст. 145), подлежатъ ли включенію въ надѣлъ оброчныя статьи (ст. 147)—всѣ эти вопросы могутъ быть разрѣшены правильно лишь на основаніи вѣрнаго плана.

Итакъ, законъ указалъ направленіе, въ которомъ должны вестись межевыя работы и создалъ условія наилучшаго ихъ выполненія и Кабинету оставалось только путемъ преподанія межевымъ чинамъ соотвѣтствующихъ правилъ поставить дѣло межеванія въ указанномъ закономъ направленіи. И дѣйствительно, инструкція 1901 года лишь въ немногомъ расходилась съ закономъ. Но въ 1908 году была издана новая «Межевая инструкція землеустроительнымъ чинамъ Алтайскаго округа». Составители ея имѣли въ виду быстроту работъ и создали правила, «упрощающія» съемку внутренней ситуаціи. Съ этою цѣлью они допустили въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вмѣсто точной инструментальной съемки, опредѣленіе угодій и неудобныхъ земель при помощи рекогносцировки, а такъ же по старымъ планамъ, если таковые будутъ признаны «пригодными для этой цѣли».

Допуская подобныя «упрощенія» межевыхъ работъ, инструкція 1908 года отличается вмѣстѣ съ тѣмъ крайнею неопредѣленностью. Сказать, что «удобныя пространства должны сниматься съ точностью и подробностью, требуемыми каждымъ отдѣльнымъ случаемъ» что изъ постоянныхъ угодій подлежатъ съемкѣ «значительные контуры» и то «съ извѣстной степенью точности», что неудобныя земли опредѣляются «инструментальной или 'рекогносцировочной повѣркой» старыхъ плановъ—значитъ, въ сущности, не сдѣлать никакихъ опредѣленныхъ указаній. И можно думать, что неопредѣленность эта преднамѣренная. Всякія, какія бы то ни было опредѣленныя правила съемки внутренней ситуаціи, непремѣнно ставили бы границы безпредѣльному увеличенію размѣровъ перерабатываемой земельной площади и замедляли ли бы такимъ образомъ желательную для Кабинета быстроту землеустроительныхъ работъ. Теперь же, благодаря неопредѣленной инструкціи, Кабинетъ при посредствѣ наградныхъ, переводовъ на высшій окладъ и другихъ знаковъ поощренія, достигаетъ, какъ увидимъ, поразительныхъ результатовъ.

Назначенный въ томъ же 1908 г. на должность завѣдывающаго землеустройствомъ, г. Михайловъ, свелъ межевыя работы до минимума. Въ циркулярѣ его на имя завѣдывающихъ землеустроительными партіями отъ 29 апрѣля 1908 года за № 1909 говорится:

«Когда вся площадь существующаго землепользованія имѣетъ отойти населенію въ надѣлъ... тогда нѣтъ никакой надобности производить съемку угодій постояннаго и непостояннаго пользованія, а равно и выдѣленіе удобной земли. То же относится и къ тѣмъ случаямъ, когда приходится дѣлать прирѣзку къ площади существующаго землепользованія... а также и къ тѣмъ случаямъ, когда является необходимымъ дѣлать отрѣзку отъ существующаго землепользованія въ селеніяхъ многоземельныхъ, но когда эта отрѣзка дѣлается съ согласія населенія и не заключаетъ въ себѣ постоянныхъ угодій.

Такимъ образомъ землемѣрныя работы по внутренней ситуаціи были сохранены лишь для тѣхъ, сравнительно рѣдкихъ, въ Барнаульскомъ уѣздѣ случаевъ, когда у населенія, помимо его согласія, отрѣзается часть земли, но и въ этихъ случаяхъ, по мнѣнію г. Михайлова, «требовалась бы, можетъ быть, съемка части надѣла или даже только отрѣзываемаго участка». Даже въ этихъ случахъ, когда жалобы со стороны населенія неизбѣжны, поземельно-устроительныя учрежденія должны теперь рѣшать спорные вопросы, не имѣя точныхъ свѣдѣній о томъ, какія угодья и въ какомъ количествѣ оставлены крестьянамъ.

«Что касается съемки неудобныхъ земель,—говорится дальше въ циркулярѣ,—то и въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ вносить въ дѣло особыхъ осложненій». Съ своей стороны, г. Михайловъ предложилъ два упрощенія: во 1-хъ, «при чередованіи угодій удобныхъ и неудобныхъ рекомендуется примѣнять принципъ долевого зачисленія, устанавливаемый § 47 Инструкціи»; въ 2-хъ, «контуры, какъ неудобныхъ земель, такъ и пространствъ, подлежащихъ частичному зачисленію (въ удобныя земли), могутъ быть только рекогносцировочно повѣрены по планамъ прошлаго межеванія».

Надо сказать, что въ законѣ 31 мая 1899 года не содержится никакихъ указаній на долевое зачисленіе. По существу же своему долевое зачисленіе есть ничто иное, какъ «наддача въ одобриваніи среднихъ и худыхъ земель», широко распространенная въ писцовыхъ книгахъ. Но еще Екатерина II отмѣнила всякія наддачи и дѣйствующее законодательство не знаетъ долевого зачисленія, какъ мѣры общаго характера. Есть указанія на него, но указанія спеціальныя и потому распространительному толкованію не подлежащія. Такъ, по отношенію къ Западной Сибири существуетъ опредѣленный законъ, что три десятины солонцовъ должны считаться за одну десятину удобной земли (ст. 720 примѣч. 2 т. X, ч. 2 Зак. Меж.). Между тѣмъ инструкція 1908 г. ввела долевое зачисленіе «солонцеватыхъ мѣстъ» не по этой узаконенной пропорціи, а на основаніи «дѣйствительной средней пригодности даннаго пространства для сельско-хозяйственнаго пользованія». Кромѣ того, безъ всякаго законнаго основанія, она допустила долевое зачисленіе «такихъ пространствъ, пригодность коихъ къ сельско-хозяйственному пользованію, измѣняется періодически», какъ, напримѣръ, «пересыхающія по временамъ озера и болота», а также «пространствъ, представляющихъ собою дробное чередованіе удобныхъ

площадей съ неудобными». Г. Михайловъ же въ своемъ циркулярѣ, какъ мы видѣли, допустилъ долевое зачисленіе не только «дробно», но и вообще чередующихся удобныхъ и неудобныхъ земель. Помимо того, что это упрощеніе противозаконно, оно и грубо вмѣстѣ съ тѣмъ свыше всякой мѣры.

Что касается другого упрощенія, допускаемаго инструкціей 1908 г. и циркуляромъ г. Михайлова, а именно пользованія старыми планами, то не лишне будетъ отмѣтить, что непригодность этихъ плановъ уже установлена лицами, занимавшимися этимъ вопросомъ по спеціальному порученію Кабинета. Такъ, Вагановъ и Брещинскій въ своей запискѣ «Измѣреніе земель Алтайскаго округа» говорятъ о планахъ съемки 1820—1837 г.г.: «въ дѣлѣ межеванія планы двадцатыхъ годовъ окажутся безполезными, вслѣдствіе своей явной неточности», (стр. 8) и приводятъ поразительные примѣры негодности плановъ.

„Произведенными (повѣрочными) работами обнаружено, что площади не, вѣрны, румбы не надписаны, масштабы произвольны и т. п.; напримѣръ въ поселкѣ Ануйскомъ по прежнему межеванію значилось земли 1426 дес., а по повѣрочной съемкѣ 1880 г. оказалось 14,096 дес.; въ поселкѣ Сѣкисовскомъ, по измѣренію двадцатыхъ. г.г. числилось 166 дес., а по повѣрочному измѣренію оказалось 5,403 дес. Всего вновь измѣрено было 19 дачъ и вездѣ получились результаты, явно свидѣтельствующіе о полнѣйшей невѣрности прежнихъ плановъ" (стр. 2).

Послѣ сказаннаго каждому, полагаемъ, ясно, на сколько мѣры, принятыя Кабинетомъ, должны были ухудшить межевыя работы. За то ему удалось достигнуть такой быстроты въ нихъ, какая еще недавно показалась бы совершенно невѣроятной. За время 1899—1907 г.г., т. е. за періодъ «законнаго» землеустройства, отведено въ надѣлы населенію, церковныхъ и школьныхъ участковъ—удобной и неудобной земли 4.129.000 дес. т. е. въ среднемъ за годъ отводилось около 500.000 десятинъ. (Въ 1899 году работы производились въ теченіи $2^1/_2$ мѣсяцевъ). Въ 1908 же году отведено земли—2. 480.000 десятинъ; въ 1909 году—3.877.000 дес. и въ 1910 году около 3 милліоновъ дес. Между тѣмъ составъ землеустроительныхъ чиновъ измѣнился весьма незначительно: въ 1908 году образована новая партія и увеличенъ составъ прежнихъ партій, въ общемъ на 20%. Если ввести поправку на увеличеніе личнаго состава, то и тогда можно поразиться необыкновеннымъ увеличеніемъ производительности работъ тѣхъ же топографовъ, что работали и раньше. По свѣдѣніямъ мѣстной печати, на каждаго землемѣра приходится до 100.000 дес. съемки въ лѣто («Алтайская Газета», 1911 года № 30), тогда какъ переселенческое управленіе, работающее въ томъ же уѣздѣ, Барнаульскомъ, ограничивается 16.500 десятинами на одного топографа. Для каждаго, хотя бы и немного знакомаго съ межевыми работами, трудоспособность кабинетскихъ землемѣровъ покажется невѣроятной.

Но невѣроятнаго въ ней, въ сущности, ничего нѣтъ. Если землемѣръ успѣваетъ въ теченіе 4—5 рабочихъ мѣсяцовъ снять 100.000 дес., то съ одинаковымъ успѣхомъ онъ можетъ снять и еще большую площадь, такъ какъ въ сущности никакой съемки онъ не производитъ, а фантазируетъ. Надо удивляться только тому, какъ быстро и основательно землеустроительные чины съумѣли проникнуться «видами и намѣреніями» Кабинета.

Благодаря счастливой случайности, мы имѣемъ возможность за 1908 годъ познакомиться съ результатами этого проникновенія не въ валовыхъ только цифрахъ, но и въ цѣломъ рядѣ конкретныхъ фактовъ, зарегистрированныхъ самими представителями округа. Въ рапортахъ на имя начальника округа нѣкоторые изъ нихъ даютъ подробныя детали произвола, водворившагося съ 1908 года въ дѣлѣ землеустройства. Такъ, напримѣръ, о съемкѣ неудобныхъ земель, въ одномъ изъ рапортовъ говорится слѣдующее:

«Въ началѣ полевыхъ работъ нѣкоторыми техниками практиковался способъ съемки неудобныхъ земель параллелями черезъ 200 с. (Тальменка, Коенъ, Берскъ, Берской волости), а потомъ онъ былъ оставленъ и замѣненъ ходовыми линіями, причемъ велся такъ (Усть-Чемъ, Валовая, Легостаевской волости): ...землемѣръ избиралъ нѣсколько точекъ стоянія и задавалъ отъ нихъ перпендикулярныя линіи къ сторонѣ согры; по этимъ перпендикулярамъ ходили согрой къ противоположному берегу крестьяне съ саженью и мѣряли. Какъ они мѣряли по водѣ и сколько намѣряли на кочкахъ—одному Богу извѣстно; по окончаніи приходили къ топографу и говорили: «столько-то». Тотъ записываетъ мѣру и съемка контуры готова. Бывали случаи съемки еще проще. Въ деревнѣ Сосновкѣ и др. Берской волости логъ съ крутыми откосами заснятъ только по 3-мъ конечнымъ точкамъ, и когда начальникъ съемки замѣтилъ несходство съ натурой, то ему было запрещено заставлять топографа вновь переснимать. Дороги и рѣчки снимались безъ промѣровъ. Вообще всѣ мелкіе контуры неудобныхъ земель снимались на глазъ. Въ 5-й партіи, насколько мнѣ извѣстно, неудобныя земли на правомъ берегу р. Оби засняты въ нѣкоторыхъ случаяхъ только по точкамъ пересѣченія ими граничныхъ линій, а все то, что заключалось внутри дачи, зарисовано на глазъ».

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда «несходство съ натурой» обнаруживалось на мѣстѣ, ошибки оставались неисправленными. И даже начальникъ съемки ничего не могъ подѣлать. Землемѣрамъ было предписано въ такихъ случаяхъ слушаться не непосредственныхъ своихъ начальниковъ, а производителей работъ, которые лучше были знакомы съ видами Кабинета.

Когда одинъ начальникъ съемки, провѣривъ у нѣсколькихъ землемѣровъ съемочныя работы, потребовалъ ихъ передѣлать, то получилъ отъ старшаго производителя работъ предписаніе отъ 16 іюня 1908 года за № 728, въ коемъ говорится:

„Завѣдывающій землеустройствомъ находитъ несогласованность дѣйствій начальника съемки съ производителемъ работъ, отъ чего происходитъ неуспѣшность работъ, а потому предлагаетъ ему приспособиться къ духу времени, предупреждая его, что служба его будетъ терпима только тогда, когда перемѣнитъ взглядъ на дѣло».

Не трудно себѣ представить, каковы были результаты этого приспособленія къ духу времени»... Какъ ни трудно было для крестьянъ замѣтить техническіе недостатки межеванія, но и отъ нихъ не укрылось «упрощеніе», о чемъ свидѣтельствуетъ рядъ заявленій, сдѣланныхъ уполномоченными населенія въ поземельно-устроительныхъ комиссіяхъ.

Такъ,

по с. Карасевскому, Карасевской вол. уполномоченные заявили, что у нихъ не сняты три озера. Въ д. Дѣвкиной, Легостаевской вол., довѣренные заявили, что на предъявленномъ имъ проектномъ чертежѣ не имѣется неудобныхъ земель—согръ и рѣчки Малой Землянушки. По дер. Усть-Луковкѣ, Ординской вол., довѣренными поданъ въ Комиссію приговоръ, въ которомъ общество ходатайствуетъ о назначеніи другого топографа для снятія удобныхъ земель, такъ какъ считаетъ, что работавшій у нихъ землемѣръ производилъ съемку «неудобій» на глазъ, а не инструментомъ».

Еще виднѣе недочеты межеванія были землемѣрамъ Алтайскаго округа.

«Неудобныя земли,—пишетъ, напримѣръ, и. о. лѣсничаго, землемѣръ Лаврентьевъ,—опредѣлялись произвольно, что особенно проявилось въ контурахъ такъ называемаго дробнаго чередованія. Такъ, напримѣръ, въ надѣлѣ д. Барлакуль выдѣленъ контуръ № 34 подъ видомъ дробнаго чередованія, площадью въ 1.326 дес. Этотъ контуръ состоитъ изъ лѣсныхъ участковъ по пять и болѣе десятинъ, значительной площади пахатныхъ земель, нѣсколькихъ болотинъ и пр. Все это ясно въ природѣ очерчено и съ совершенной легкостью поддается съемкѣ на планъ; тѣмъ не менѣе съемки не сдѣлано, а на глазъ отчислена почему то четвертая часть (331 дес.) въ неудобную. Въ надѣлѣ д. Ново-Песчаной контура въ 12 000 дес., состоящая по преимуществу изъ пахотныхъ угодій, среди которыхъ мѣстами разбросаны участки сухменей и солонцеватые десятинъ по 10, 30 и болѣе, т. е. не смотря на полную возможность снять всю контуру на планъ, площадь неудобной земли въ ней опредѣлена на глазъ и произвольно положена въ 2300 дес При разсмотрѣніи надѣла дер. Осолодочной, гдѣ удобныхъ земель въ надѣлѣ крестьянъ значилось всего 3548 д., изъ коихъ безспорно удобной (по съемкѣ) 535 д. пашня и сѣнокосъ, а остальныя 2923 д. нанесены на планъ путемъ вышеописаннаго глазомѣрнаго зачета изъ контуръ дробнаго, якобы, чередованія, но изъ какого собственно рода угодій состоитъ эта удобная по зачету площадь--на планѣ не видно; такъ же точно въ д. Шиловой Курьѣ—изъ 4560 дес. удобныхъ земель съемкой опредѣлено 1800 дес., а остальная площадь удобныхъ (2760 д.) нанесена на планъ глазомѣрнымъ зачетомъ и т. д.

Такъ производилось введенное инструкціей и циркуляромъ г. Михайлова «долевое зачисленіе». Не менѣе интересный случай приводитъ въ своемъ рапортѣ г. Лаврентьевъ изъ практики другого «упрощенія».

Въ д. Новой Плотавѣ—пишетъ онъ—производитель работъ для успѣха дѣла рѣшился составлять проектъ надѣленія при пособіи стараго плана—1820-хъ гг. или, какъ принято ихъ называть у насъ синими планами. Не будучи хорошенько освѣдомленъ о достоинствахъ синихъ плановъ, онъ послѣ уже составленія проекта и объявленія его населенію обнаружилъ, что пло-

щадь дачи на синемъ планѣ показана была ошибочно—на 10.000 дес. менѣе дѣйствительной и, слѣдовательно, эта же самая ошибка вкралась и въ проектъ новаго надѣла. Тогда второпяхъ авторъ проекта рѣшилъ хоть часть излишнихъ земель отрѣзать отъ надѣла, при чемъ въ отрѣзку захватились, какъ оказалось впослѣдствіи, самыя цѣнныя пашни крестьянъ, а на остальную излишнюю землю (онъ) проектировалъ допринятіе 520 душъ переселенцевъ, тогда какъ самихъ то старожиловъ въ селеніи числится всего лишь 415 душъ. Въ комиссіи уполномоченные Ново-Плотавскаго общества заявили ходатайство о примѣненіи къ нимъ ст. 121, т. е. просили передать имъ весь надѣлъ безъ обязательства допринять переселенцевъ, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что по поспѣшности работъ у нихъ въ дачѣ забыли выдѣлить неудобныя земли.

Въ рапортахъ другихъ представителей, и. о. управляющаго имѣніемъ Звѣрева и лѣсничаго Эйсмондта, встрѣчаемъ тѣ же указанія на отсутствіе съемки.

Въ районѣ первой партіи,—пишетъ г. Звѣревъ,—можно назвать, сколько угодно, контуръ дробнаго чередованія въ нѣсколько сотъ десятинъ, гдѣ легко могли бы быть выдѣлены инструментально весьма значительныя площади какъ удобной, такъ и неудобной земли. Распредѣленіе въ этихъ контурахъ земли на удобную и неудобную сдѣлано на глазъ и весьма произвольно.

А въ рапортѣ г. Эйсмондта читаемъ:

Такое доказательство (необходимости допринятія) и при томъ вполнѣ объективнаго характера могли бы дать надлежаще исполненные надѣльные планы, но, къ сожалѣнію, комиссія имѣла въ своемъ распоряженіи лишь надѣльные чертежи, на которыхъ выдѣла постоянныхъ угодій, какъ то требуетъ законъ, не произведено. Послѣднее не зависитъ отъ иниціативы составителя проекта и является результатомъ общаго направленія съемочныхъ работъ въ минувшемъ лѣтѣ Указанное направленіе работъ, быть можетъ, и желательно и необходимо въ видахъ ускоренія поземельнаго устройства населенія, тѣмъ не менѣе ставитъ въ комиссіяхъ представителей округа въ ненормальное положеніе.

Въ 1909 году была произведена повѣрка нѣкоторыхъ работъ предъидущаго года, о чемъ составлены акты, свидѣтельствующіе о результатахъ усвоенія землеустроителями упрощенныхъ пріемовъ съемки. Такъ, послѣ повѣрки работъ по деревнѣ Рыбной оказалось, что

вся площадь неудобныхъ земель... увеличилась на 568,76 дес. (Актъ 1 августа 1909 г.).

Въ д. Шупиковской актомъ установлено, что

между контурами 81 и 85 пропущено болото, показанное на чертежѣ выгономъ, съ полевымъ зачисленіемъ. Направленіе этого займища идетъ черезъ всю дачу, прерываясь небольшими подсолонками. (Актъ отъ 4 августа 1909 г.).

Очень любопытенъ актъ 10 августа 1909 г.—осмотръ земельной дачи с. Ярковскаго. Эта дача была первоначально снята въ 1908 году, а въ 1909 году производилась дополнительная съемка.

въ результатѣ коей оказался пропускъ неудобныхъ земель, всего площадью въ 416,04 д.,—

при чемъ техникомъ Мухинымъ заявлено, что за недостаткомъ времени исправленія въ дачѣ имъ сдѣланы лишь въ юго-восточной и южной частяхъ ея, остальная же часть дачи дополнительной съемкѣ не подвергалась, взамѣнъ каковой дѣлались лишь измѣненія въ долевыхъ зачисленіяхъ.

Отмотромъ же первоначальныхъ и дополнительныхъ работъ установлено, что

контуры, показанные на планѣ, не отвѣчаютъ дѣйствительности ни по своему сельско-хозяйственному значенію, ни по положенію на мѣстности. Такъ, напр., контуры за №№ 43 и 44 планшета 4-го, прилегающія къ границѣ заселка Ивановскаго, на планѣ показаны степью съ лѣсомъ, тогда какъ въ дѣйствительности они представляютъ собой почти сплошные солонцы, болота и подсолонки. Кромѣ того, какъ изъ показанія уполномоченныхъ, такъ равно и изъ непосредственнаго обзора дачи выяснилось, что въ дачѣ остались не снятыми и не показанными на планѣ озера, водныя болота и солонцы и, вообще, какъ заявили уполномоченные, дача с. Ярковскаго детальной съемкѣ не подвергалась въ минувшемъ году за исключеніемъ проселочныхъ дорогъ и прилегающихъ къ нимъ мѣстностей въ недалекомъ разстояніи. На основаніи изложеннаго составители сего акта пришли къ заключенію считать Ярковскую дачу съемкой незаконченной и подлежащей новой детальной съемкѣ.

Съ этимъ заключеніемъ не согласился, однако, производитель работъ, приложившій къ акту особое мнѣніе слѣдующаго содержанія:

«При осмотрѣ надѣла с. Ярковскаго сего 10 августа дѣйствительно были обнаружены пропуски займищъ, болотъ и озеръ. Что же касается неправильности расположенія контуръ, то съ этимъ согласиться не могу. Въ виду того, что часть надѣла была подвергнута дополнительной съемкѣ пропущенныхъ неудобныхъ земель, которыхъ оказалось 416,04 дес. и исходя изъ того, что осмотрѣнная часть представляетъ изъ себя четвертую часть надѣла, я полагаю, что всѣхъ неудобныхъ земель окажется около 1600 дес. Если комиссія признаетъ возможнымъ основываться на этомъ, новая пересъемка всего надѣла явится лишней. 12 августа 1909 года.

Намъ неизвѣстно, какъ отнеслась комиссія къ этому мнѣнію, но самый фактъ заявленія подобнаго мнѣнія указываетъ на полную деморализацію чиновъ землеустройства.

Между тѣмъ описанными «упрощеніями» дѣло не ограничилось. Приспособляющіеся къ духу времени землеустроители нашли и другіе способы, чтобы ускорить дѣло. Въ цитированныхъ уже рапортахъ мы находимъ, напримѣръ, указанія на то, что границы обходятся безъ довѣренныхъ отъ населенія, а въ комиссіяхъ не всегда докладываются заявленія населенія (рапортъ г. Чернова); что учетъ душъ надѣляемаго населенія—первый шагъ въ дѣлѣ землеустройства—производится послѣ составленія проекта, вычисленіе площадей *приблизительное*, или вовсе отсутствуетъ; въ комиссіяхъ предсѣдательствуютъ, вопреки ясному указанію закона,

не старшій производитель работъ, а производитель, составлявшій разсматриваемые проекты; занадѣльные отрѣзки оставляются безводными (рапортъ г. Лаврентьева)... Всѣ рапорты указываютъ, что вмѣсто плановъ производители работъ представляютъ въ комиссіи чертежи безъ нанесенія постоянныхъ и непостоянныхъ угодій, а потому члены комиссій лишены возможности судить о правильности отрѣзокъ и допринятій.

Вообще дѣла въ комиссіяхъ разсматриваются донельзя спѣшно, проекты вносятся въ нихъ безъ объяснительныхъ записокъ, безъ надлежащей подготовки, безъ фактическихъ и законодательныхъ справокъ.

Вслѣдствіе этого случалось,—пишетъ въ своемъ рапортѣ г. Звѣревъ,—что черезъ день-два кто-нибудь изъ членовъ вспоминалъ упущенную фактическую подробность разсмотрѣннаго дѣла, которая обязывала поставить и разрѣшить въ комиссіи тотъ или другой вопросъ, но къ разсмотрѣннымъ дѣламъ не принято возвращаться.

Дѣла вносятся въ комиссіи, по словамъ г. Звѣрева, не только неподготовленными, но часть и незаконченными.

Комиссіи приходилось—говоритъ онъ—имѣть дѣло, такъ сказать, съ полуфабрикатомъ, надъ которымъ нужно еще много поработать прежде, чѣмъ рѣшить что-нибудь. Ей пришлось помогать чинамъ землеустройства въ ихъ дѣлѣ, на которое имъ не отпущено времени, свою же работу, а именно, обсужденіе цѣлесообразности надѣловъ и отрѣзковъ съ точки зрѣнія крестьянскаго хозяйства, колонизаціонныхъ цѣлей и будущаго кабинетскаго хозяйства приходилось выполнять, такъ сказать, между дѣломъ.

Въ результатѣ—недочеты и ошибки, допущенные въ первоначальныхъ стадіяхъ землеустройства, не только не исправлялись, но нерѣдко еще и усугублялись въ дальнѣйшихъ стадіяхъ.

Къ сказанному остается лишь прибавить, что и въ другихъ отношеніяхъ между чинами землеустройства и населеніемъ отношенія установились явно ненормальныя.

Такъ, Змѣиногорскій уѣздный съѣздъ крестьянскихъ начальниковъ, обсуждая вопросъ о повинностяхъ населенія по межеванію, говоритъ:

«Изъ опыта минувшаго видно, что многіе изъ топографовъ пользовались со своими семьями полнымъ содержаніемъ за счетъ сельскихъ обществъ, что почти всѣ топографы слишкомъ широко пользовались правомъ разсылки нарочныхъ и чуть не всѣ свои пакеты разсылали съ особыми нарочными и, наконецъ, что наблюдались случаи требованія чрезмѣрнаго числа рабочихъ, которые проводили на работѣ всего 2—3 часа въ сутки, а получали полную поденную плату. Результатомъ всего этого было то, что расходы на землеустройство поглотили массу крестьянскихъ. денегъ и въ одной Ново-Алейской волости они, напримѣръ, превысили 11.000 рублей, т. е. равнялись почти половинѣ годового оклада государственной оброчной подати, взыскиваемой съ этой волости. Въ цѣляхъ сокращенія этихъ расходовъ, съѣздъ находитъ необходимымъ просить губернское управленіе снестись съ завѣдывающимъ землеустройствомъ Алтайскаго округа о пону-

жденіи чиновъ землеустройства наиболѣе согласовать предъявляемыя ими къ сельскимъ обществамъ требованія съ приведенными выше постановленіями межевыхъ законовъ». (Журналъ засѣданія Змѣиногорскаго уѣзднаго съѣзда отъ 12 апрѣля 1910 года).

Счастливая случайность, о которой мы упомянули выше и которая позволила намъ ознакомиться съ обстановкой и результатами «скораго» исполненія землеустроительныхъ работъ, заключается въ томъ, что Кабинетъ, назначивъ въ 1908 году г. Михайлова завѣдующимъ землеустройствомъ, не предупредилъ управленіе округа, что задача новаго завѣдывающаго сводится къ организаціи землеустроительныхъ работъ внѣ порядка, указаннаго закономъ. Вотъ почему представители округа, видя не случайное, а систематическое и планомѣрное нарушеніе правилъ закона 31 мая 1899 года, сочли своей обязанностью довести объ этомъ до свѣдѣнія своего начальства. Рапорты ихъ были представлены въ Кабинетъ, но послѣдній за неумѣніе разгадать его «земельную политику» отвѣтилъ на нихъ выговоромъ.

Считаю нужнымъ указать,—писалъ управляющій Кабинетомъ,—что въ присланныхъ рапортахъ изложены весьма пространныя разсужденія, изъ которыхъ нельзя не усмотрѣть, что нѣкоторые представители округа, помимо исполненія своей задачи, защиты интересовъ Кабинета, сосредоточили главное свое вниманіе на явно предвзятой критикѣ всѣхъ дѣйствій землеустроителей и стремятся представить эти ихъ дѣйствія въ неблагопріятномъ свѣтѣ. Съ другой стороны видно, что тѣ же представители не понимаютъ, что они, какъ чины Кабинета, должны шире смотрѣть на свою задачу и содѣйствовать всѣми силами землеустройству... (Отношеніе Кабинета на имя начальника округа отъ 21 февраля 1909 г. № 2844).

Само собой понятно, что послѣ такой отповѣди высшаго начальства представители округа рапортовъ уже не представляютъ. Но отсутствіе рапортовъ вовсе не доказываетъ, что межевыя работы въ 1909 и 1910 г.г. велись согласно съ закономъ. Инструкція и циркуляры не отмѣнены, «настойчивыя требованія» быстроты продолжаютъ дѣйствовать и самое количество работъ за 1909 и 1910 г.г. заставляютъ съ увѣренностью утверждать, что порядки 1908 года укоренились прочно и стали нормальными.

Ради чего, однако, потребовалась эта быстрота въ землеустроительныхъ работахъ?

Кабинетъ говоритъ, что скорѣйшее окончаніе землеустройства необходимо въ хозяйственныхъ интересахъ, такъ какъ только послѣ землеустройства онъ получитъ возможность свободно распоряжаться землями, оставшимися за надѣлами. Мы согласны, что для Кабинета важно разграниченіе владѣній его и крестьянъ, но не настолько, что бы изъ-за этого пренебрегать существенными интересами населенія. Во первыхъ, разграниченіе владѣній въ Алтайскомъ округѣ должно было произойти еще въ 60-ые годы прошлаго столѣтія и если Кабинетъ не принималъ до 1908 года никакихъ особыхъ мѣръ для скорѣйшаго размежеванія, то это

ачитъ, что свобода Кабинета въ его хозяйственной дѣятельности не такъ уже была стѣснена, какъ кажется ему теперь. Во-вторыхъ, для развитія хозяйства скорость землеустройства никакого значенія не имѣетъ, такъ какъ все равно Кабинетъ не въ состояніи использовать сразу всѣ остающіяся за нимъ земли, а долженъ вводить ихъ въ свой хозяйственный оборотъ постепенно, въ зависимости отъ цѣлаго ряда условій, находящихся внѣ воли Кабинета.

Можно поэтому думать, что имѣются и еще какіе-то мотивы, заставляющіе Кабинетъ «настойчиво требовать» ускоренія землеустройства. Объ одномъ изъ этихъ мотивовъ не трудно, пожалуй, догадаться. Можно даже высчитать тѣ выгоды, какія получитъ Кабинетъ отъ ускореннаго землеустройства.

На основаніи раздѣла VI-го Высочайше утвержденнаго 18 января 1899 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, Кабинетъ въ вознагражденіе за отведенную въ надѣлы крестьянъ землю получаетъ изъ государственнаго казначейства въ теченіе 49 л. по 22 коп. за удобную десятину. При этомъ уплата 22 коп. начинается лишь по окончанія землеустройства въ уѣздѣ. До окончанія же землеустроительныхъ работъ Кабинетъ получаетъ временное вознагражденіе въ размѣрѣ 1.200.000 руб. ежегодно. Въ настоящее время, въ виду того, что земельное устройство въ Бійскомъ и Томскомъ уѣздахъ закончено и Кабинетъ получаетъ за отведенную въ этихъ уѣздахъ землю по 22 коп. съ десятины, временное вознагражденіе уменьшено до 857.000 руб. Чѣмъ скорѣе будутъ окончены работы въ неустроенныхъ еще Барнаульскомъ, Кузнецкомъ и Змѣиногорскомъ уѣздахъ (съ 1909 года работы ведутся во всѣхъ трехъ уѣздахъ), тѣмъ скорѣе временное вознагражденіе будетъ замѣнено подесятиннымъ. Попытаемся опредѣлить, хотя бы приблизительно, на сколько увеличатся при этомъ доходы Кабинета.

По отчету главнаго управленія округа за 1909 годъ къ 1 января 1909 года въ пользованіи старожиловъ, инородцевъ и и переселенцевъ состояло земли 10.168 тыс. десятинъ. Въ 1908 году отведено въ надѣлы 2.480 тыс. десятинъ. Такимъ образомъ, передъ «упрощеніемъ» межевыхъ работъ земли, подлежащей дѣйствію закона 31 мая 1899 года, было (10.168+2.480)=12.648 тысячъ десятинъ. При законномъ веденіи работъ это количество, принимая во вниманіе увеличеніе состава и большую продуктивность работы въ степныхъ мѣстностяхъ, могло бы быть обработано въ теченіе 12 лѣтъ, т. е. землеустройство въ Алтайскомъ округѣ окончилось бы въ 1919 г. Теперь же работы ведутся такъ, что землеустройство будетъ окончено въ 1912 г., на 7 лѣтъ раньше нормальнаго срока, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Кабинетъ получитъ возможность пользоваться выкупными платежами лишнія семь лѣтъ.

На основаніи данныхъ землеустройства надо считать, что

изъ 12.648 тысячъ десятинъ 15% отойдетъ въ неудобную землю и удобной получится 10.750 тысячъ десятинъ За это количество выкупныхъ платежей будетъ поступать ежегодно (22 коп. × 10.750.000)=2.365.000 руб. Временнаго же вознагражденія Кабинетъ получаетъ за эту землю, какъ сказано, 857 тыс. руб. Разница, какъ видятъ читатели, значительная: въ теченіе семи лѣтъ она дастъ Кабинету лишнихъ 10½ милл. руб., не считая процентовъ, какіе онъ можетъ получить на эти деньги.

Кромѣ того, Кабинетъ съэкономитъ въ расходахъ на межеваніе. Расходы его на землеустройство достигаютъ 400 тыс. руб. въ годъ. Избавившись отъ этихъ расходовъ на семь лѣтъ раньше, онъ съэкономитъ около 3 милл. руб.

Такимъ образомъ, выгоды отъ ускоренія работъ для Кабинета несомнѣнны и значительны. Позволительно, однако, спросить, неужели онъ такъ оскудѣлъ денежными средствами, что понадобилось дѣло государственной важности превратить въ состязаніе на быстроту и рѣзвость. Если Кабинетъ, считая себя господиномъ положенія, дѣлаетъ все возможное и невозможное, чтобы межевыя работы велись въ его интересахъ, то населеніе, затрачивая громадныя средства на производство этихъ работъ, имѣетъ право желать, чтобы онѣ дали ему то, что по закону обязаны дать. Населеніе тратитъ на межеваніе значительно больше, чѣмъ Кабинетъ. Авторы цитированной уже нами записки «Измѣреніе земель Горнаго Алтайскаго Округа», высчитывая расходы по межеванію, говорятъ:

„утвердительно можно сказать, что если администрація Алтая издержитъ рубль на межеваніе, мѣстнымъ жителямъ эта работа обойдется въ то же время отъ 7-ми до 8-ми разъ дороже" (указ. записка стр. 22)

Что населеніе получаетъ подъ видомъ межеванія,—мы уже знаемъ.

Таковы результаты новой «земельной политики», по скольку она выразилось въ ускореніи работъ: Кабинетъ увеличиваетъ свой капиталъ, населеніе получаетъ раскрашенныя фантазіи г.г. землеустроителей, а казна за эти фантазіи будетъ уплачивать выкупные платежи, которые возьметъ, конечно, съ того же населенія.

Но однимъ ускореніемъ дѣло не ограничилось. Новая земельная политика дала себя знать и въ другихъ отношеніяхъ.

II.

Многія угодья крестьянъ, въ особенности же выгоны и сѣнокосы, расположены въ борахъ, которые, на основаніи ст. 174 Пол. Кр. Сиб., въ надѣлъ не отводятся. Однако въ ст. 118 Пол. Кр. Сиб. сказано, что

„при отводѣ надѣловъ наблюдается, чтобы общества и селенія сохраняли состоящіе въ ихъ пользованіи, ко времени открытія поземельно-

устроительныхъ работъ въ данной мѣстности, присельные выгоны или выпуски, передѣляемые покосы, сѣнокосныя расчистки"...

Въ статьѣ же 143 Пол. Кр. Сиб. указывается, что «къ постояннымъ угодьямъ, подлежащимъ сохраненію въ пользованіи обществъ и селеній (ст. 118 Пол. Кр. Сиб.), причисляются также... 2) лѣсныя расчистки, приготовленныя къ распашкѣ».

Такимъ образомъ ясно, что поскотины *) и покосы, разъ они передѣляемы, должны быть отнесены къ постояннымъ угодьямъ, подлежащимъ сохраненію за населеніемъ. Никакихъ оговорокъ о томъ, находятся ли эти угодья въ лѣсахъ или нѣтъ, въ законѣ не сдѣлано. Изъ того же, что закономъ къ постояннымъ угодьямъ отнесены лѣсныя расчистки для пашенъ и сѣнокосныя расчистки, т. е. земли, несомнѣнно, расположенныя въ лѣсахъ, само собой вытекаетъ заключеніе, что для закона безразлично, находятся тѣ или другіе участки крестьянскаго землепользованія въ лѣсу или нѣтъ. Разъ установлено, что данный участокъ—поскотина или передѣляемый покосъ—то онъ и долженъ быть обязательно включенъ въ составъ надѣла.

Въ «законный» періодъ землеустройства Кабинетъ такъ и поступалъ. Но съ 1909 г. стала опредѣляться совершенно иная политика. Сложную задачу разверстанія крестьянскихъ и кабинетскихъ земель начали разрѣшать очень просто: всѣ боровые сѣнокосы и расположенныя въ лѣсу поскотины подъ разными предлогами начали оставлять за Кабинетомъ.

Такъ, по журналу совѣщанія отъ 3 и 4 ноября 1909 года, въ цѣломъ рядѣ селеній—д. Шмакова, с. Маслянино, д. Мамонова, д. Старо-Гутова, д. Дурнева, с. Брюхановское и др.—произведенъ принудительный обмѣнъ лѣсныхъ поскотинъ, не смотря на протесты населенія. При этомъ—по отношенію, напримѣръ къ д. Вагановой,—были высказаны такія соображенія:

„большая площадь выгона не вызывается необходимостью, на что указываетъ то обстоятельство, что въ большей части выгона въ нѣкоторые годы крестьянамъ удавалось ставить сѣно на прогалинахъ, если до появленія овода скотъ не успѣвалъ вытравить траву".

Какъ было уже упомянуто, принудительный обмѣнъ разрѣшается закономъ (ст. 134) лишь въ видѣ исключенія, по отношенію къ мелкимъ чрезполоснымъ, не свыше пяти десятинъ, участкамъ. Вообще же законъ (ст. 139) допускаетъ отводъ надѣла не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ отрубахъ. Само собой понятно, что поскотины по самому своему назначенію не могутъ быть участками въ пять десятинъ и меньше;—это большія, въ сотни и тысячи десятинъ, площади, къ каковымъ правило ст. 134, очевидно, не примѣнимо. Не примѣнимо оно и къ сѣнокоснымъ полянамъ, превышающимъ ука-

*) Поскотиной въ Сибири называется присельный выгонъ.

занные размѣры. Впрочемъ, и землеустроители, и чины округа знають это отлично. Въ томъ же самомъ журналѣ относительно обмѣна лѣсныхъ сѣнокосовъ д. Гоноховой говорится:

..."хотя и достигнуто уничтоженіе чрезполосицы и боровая площадь изолирована отъ крестьянскаго надѣла, но за то, быть можетъ, пострадали интересы крестьянъ, лишившихся боровыхъ сѣнокосовъ, при чемъ отчужденіе послѣднихъ безъ соглашенія съ ними, поскольку отчуждались контуры, превышающія 5 десятинъ, является несогласованнымъ съзакономъ и создаетъ поводъ къ серьезнымъ возраженіямъ со стороны населенія».

Итакъ, требованія закона 31 мая 1899 года нарушались вполнѣ сознательно. Кабинетъ не только не противодѣйствовалъ этимъ правонарушеніямъ, но нашелъ ихъ еще недостаточными. Съ полною откровенностью это выразилось въ журналѣ особаго совѣщанія отъ 26 января 1910 г. *), ставшемъ настольной книгой землеустроителей Алтайскаго округа.

Совѣщаніе было созвано съ цѣлью «установить нарушенное за послѣднее время взаимопониманіе и единство дѣйствій» между Кабинетомъ и мѣстными его учрежденіями. Отсутствіе взаимопонимаія было усмотрѣно въ томъ, что «доминирующая забота мѣстныхъ чиновъ направлена къ лучшему и возможно полному устройству крестьянъ, арендаторовъ и даже переселенцевъ». Между тѣмъ «обязанность управленія округа при землеустройствѣ заключается, по мнѣнію совѣщанія, въ защитѣ интересовъ округа и въ частности арендного хозяйства и что на управленіе округа не возлагалось обязанности озабочиваться нуждами устраиваемаго населенія».

Правда, вина въ неправильномъ пониманіи мѣстными учрежденіями своихъ обязанностей, по мнѣнію совѣщанія,—

«лежитъ отчасти и на Кабинетѣ Его Величества, который въ связи съ событіями послѣднихъ лѣтъ и особенно съ изданіемъ указа 19 сентября 1906 года и массовымъ движеніемъ въ округъ переселенцевъ, нерѣдко самъ колебался въ своихъ взглядахъ.

Но теперь, «въ виду выяснившагося положенія землеустроительнаго дѣла», такихъ колебаній быть уже не можетъ, и Кабинетъ, «не остановится ни передъ какими мѣрами для побужденія чиновъ округа относиться къ своему дѣлу ревностно и добросовѣстно». «Настоятельно необходимо—говорилъ предсѣдатель совѣщанія,—

*) Полное его заглавіе слѣдующее: „Журналъ засѣданій по текущимъ вопросамъ, связаннымъ съ отводомъ въ Алтайскомъ округѣ земель при землеустройствѣ и подъ колонизацію, отъ 26 января 1910 года". Предсѣдательствовалъ и. д. управляющаго Кабинетомъ генералъ-маіоръ Е. Н. Волковъ. Присутствовали: помощникъ завѣдывающаго земельно-заводскимъ отдѣломъ д. с. с. И. И. Рыжовъ, помощникъ начальника Алтайскаго округа с. с. Масловъ, завѣдывающій землеустройствомъ Алтайскаго округа надв. сов. П. М. Юхневъ, дѣлопроизводитель Кабинета кол. сов. С. П. Фрейтагъ.

чтобы мѣстные чины возможно ясно усвоили взгляды и пожеланія Кабинета Его Величества и сознательно проводили ихъ въ жизнь».

Въ особенности, по мнѣнію совѣщанія «необходимо проявлять энергію и иниціативу въ защитѣ даже малоцѣнныхъ участковъ, которые въ будущемъ должны получить значительную цѣнность и которыхъ нельзя раздавать безъ настоятельной надобности кому бы то ни было».

Кромѣ общихъ руководящихъ указаній, совѣщаніе намѣтило и рядъ конкретныхъ мѣръ въ этихъ видахъ.

„Въ цѣляхъ обузданія,—читаемъ въ журналѣ,—злоупотребленій крестьянъ своимъ правомъ на полученіе мелкихъ участковъ постоянныхъ угодій, такъ и въ устраненіе всякихъ корыстныхъ разсчетовъ крестьянъ на захватъ кабинетскаго лѣса, представлялось бы полезнымъ принять при землеустройствѣ въ борахъ слѣдующія мѣры:

1. Въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне, отказываясь отъ всякихъ соглашеній, будутъ требовать отвода имъ по закону всѣхъ сѣнокосныхъ участковъ,—отводить имъ только таковые, вырубая всѣ цѣнныя деревья, могущія войти въ отграничиваемую населенію площадь. Прогоны къ участкамъ указывать по просѣкамъ и по существующимъ дорогамъ, проводя къ остальнымъ участкамъ прогоны (по одному на каждый), по удобству кабинетскаго хозяйства и предупреждая, что самовольный проѣздъ внѣ этихъ дорогъ будетъ преслѣдоваться.

2. Въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ замѣчено со стороны населенія злоупотребленіе своимъ правомъ изъ желанія захватить въ свой надѣлъ возможно большую площадь кабинетскихъ боровъ путемъ полнаго отказа отъ предложенныхъ обмѣновъ, надлежитъ составлять соображенія о вырубкѣ лѣсныхъ площадей. Наконецъ, если данная мѣстность пригодна для аренды, полезно указать крестьянамъ на возможность сдачи разбросанныхъ участковъ въ аренду, при которой черезполосность владѣнія будетъ нежелательной и самому устраиваемому населенію. Необходимо строгое наблюденіе, чтобы мѣста подъ вырубленнымъ лѣсомъ не использовались крестьянами даннаго селенія.

Что касается лѣсныхъ поскотинъ, то, по мнѣнію предсѣдательствовавшаго,—

„существовавшій доселѣ взглядъ на произвольно огораживаемыя населеніемъ пространства бора, какъ на его полную собственность,—совершенно неправиленъ и крайне одностороненъ и рутинный, такъ какъ при этомъ принималось во вниманіе только пользованіе населенія выпасомъ и вовсе упускалось изъ виду, чта земли и главное имущество—лѣсъ—законная собственность Кабинета. Населеніе владѣетъ лишь выпасомъ въ кабинетскомъ бору и на полученіе только выпаса на кабинетскихъ земляхъ оно и можетъ претендовать. Соотвѣтственно этому при землеустройствѣ надлежитъ выдѣлять населенію присельный выгонъ въ точномъ значеніи этого слова, постоянныя и др. угодья въ полѣ, а взамѣнъ права выпаса въ кабинетскомъ бору—отводить площадь, соотвѣтствующую дѣйствительной площади выпаса изъ свободныхъ земель Кабинета Его Величества внѣ бора и хотя бы вдали отъ селенія".

«Этими положеніями чинамъ землеустройства и надлежитъ руководствоваться на будущее время»—говорится въ журналѣ и до-

бавляется, что—«изложенныя положенія не вызвали возраженій со стороны лицъ, участвовавшихъ въ засѣданіи».

Журналъ 26 января 1910 года оказалъ громадное вліяніе на землеустроительныя работы 1910 и 1911 годовъ. Мы уже знаемъ, съ какой готовностью и быстротой землеустроительные чины умѣютъ проникаться видами Кабинета. Такъ случилось и въ дѣлѣ изъятія у населенія лѣсныхъ покосовъ и поскотинъ. Не ограничиваясь мѣрами, указанными свыше, землеустроители внесли въ это дѣло и свои собственные пріемы. Въ мѣстной печати приведено много примѣровъ усердія чиновъ землеустройства. Такъ, напримѣръ, берется у населенія приговоръ объ уступкѣ боровыхъ полянъ, за что обѣщается прирѣзка земли въ другомъ мѣстѣ, а затѣмъ обѣщаніе не исполняется («Алтайская Газета» № 199, 1910). Крайне разнообразны такъ же мотивы, на основаніи которыхъ передѣляемые покосы относятся къ числу угодій непостоянныхъ, а потому подлежащихъ по ст. 142-й Пол. Кр. Сиб. отрѣзкѣ: иногда это дѣлается потому, что количество сѣна, накашиваемаго на участкѣ, не одинаково, въ зависимости отъ дождливаго или сухого лѣта; иногда—потому, что въ нѣкоторые годы покосы заливаются («Алтайская Газета» №№ 24 и 28, 1911 года). Наиболѣе излюбленный пріемъ это —сообщеніе поземельно-устроительнымъ комиссіямъ заводомо невѣрныхъ свѣдѣній о размѣрахъ сѣнокосныхъ участковъ. По даннымъ производителей работъ контуры такихъ покосовъ меньше 5-ти десятинъ и поэтому поземельно-устроительныя комиссіи утверждаютъ принудительные обмѣны. Когда же крестьяне начинаютъ провѣрять, то оказывается, что участковъ въ 5 десятинъ и меньше или совсѣмъ нѣтъ, или такъ мало, что принудительной замѣны всѣхъ боровыхъ сѣнокосовъ быть не могло. Такъ, въ селѣ Буканскомъ поземельно-устроительная комиссія признала правильнымъ и согласнымъ со ст. 134-й Пол. Кр. Сиб. принудительный обмѣнъ боровыхъ сѣнокосовъ, общей площадью въ 186 дес. Обмѣромъ же крестьянъ установлено, что всѣ участки сѣнокосовъ больше 5-ти дес., отъ 6 до 45 дес. и общая площадь ихъ не менѣе 255 дес. Фактовъ подобнаго рода можно было бы привести безконечное количество *). По мнѣнію мѣстной печати,

*) Какъ напр., селенія Барнаульскаго уѣзда: Новичиха, Песчаное, Подойниково, Рожневъ-Логъ, Воронuха и пр. и пр., вошедшія съ жалобами въ Пр. Сенатъ. Особенно интересный случай представляетъ собою послѣднее селеніе (Воронuха), состоящее изъ 2000 душъ муж. пола, изъ землепользованія котораго землеустроители изъяли принудительно въ 1910 году всѣ сѣнокосы, показавъ ихъ площадь поземельно-устроительной коммиссіи въ 171,6 десятины. Воронихинцы такъ поражены были лживостью этой цифры, что весною 1911 года избрали понятыхъ, наняли опытнаго частнаго землемѣра и измѣрили изъятыя угодья... и что же,—ихъ оказалось не 171 десятина, а 1617 десятинъ (?!). Планъ этого измѣренія представленъ 6 іюля 1911 г. при жалобѣ въ Правит. Сенатъ, такъ какъ поземельно-устроительная коммиссія и Томское губерн. управленіе признали проектъ надѣла правильнымъ и утвердили его.

близко стоящей къ дѣлу, если работы 1910 года дойдутъ до Сената, то всѣ будутъ кассированы («Алтайская Газета» № 243, 1910 года).

Цѣль этихъ землеустроительныхъ работъ ясно выражена въ журналѣ 26 января: это развитіе арендныго хозяйства въ округѣ, хотя задаваться такими цѣлями, казалось бы, Кабинетъ лишенъ права. Въ Высочайшемъ повелѣніи отъ 19 сентября 1906 года относительно земель Алтайскаго округа опредѣленно сказано, что оброчныя статьи по мѣрѣ прекращенія на нихъ арендныхъ договоровъ и земельные излишки, остающіеся за Кабинетомъ отъ поземельнаго устройства старожиловъ, обращаются въ переселенческіе участки. Но Кабинетъ рѣшилъ, очевидно, не считаться съ названнымъ указомъ и, какъ увидимъ сейчасъ, дѣйствительно не считается съ нимъ.

Кабинетъ старается доказать, что лѣсные поскотины и сѣнокосы отбираются въ цѣляхъ лучшаго сбереженія лѣса и уничтоженія чрезполосицы, но самой администраціей округа установлено, что пастьба скота въ лѣсахъ ничего кромѣ пользы не приноситъ.

„Выпасъ сравнительно ограниченнаго количества головъ скота,—пишетъ начальникъ округа въ Кабинетъ, — на огромномъ пространствѣ не оказываетъ серьезнаго вреда росту лѣса, а между тѣмъ нахожденіе въ лѣсу крестьянскаго стада служитъ значительной гарантіей отъ главнаго бича нашихъ боровъ—лѣсныхъ пожаровъ, побуждая крестьянъ къ осторожному обращенію съ огнемъ вблизи поскотины и къ принятію самыхъ энергичныхъ мѣръ къ тушенію появившагося огня. Подтвержденіемъ этого служитъ лѣсъ во всѣхъ боровыхъ поскотинахъ Алтайскаго округа». (Рапортъ начальника округа отъ 15 марта 1905 года за № 23).

Что же касается боровыхъ сѣнокосовъ, то немедленно послѣ отобранія они сдаются въ аренду или тѣмъ крестьянамъ, въ пользованіи которыхъ покосы находились, или постороннимъ. Такимъ образомъ ничего не измѣняется: и чрезполосица остается и боры не изолируются отъ крестьянскаго пользованія. Но за то Кабинетъ за каждую отобранную десятину получитъ въ теченіе 49 лѣтъ не 10 руб. 78 коп. (49 $\times$ 22 к.), а x рублей $\times$ 49, причемъ надо замѣтить, что уже въ настоящее время этотъ x доходитъ до двухъ и даже до пяти рублей.

Особенно выгодна система изъятій лѣсныхъ покосовъ въ районѣ работъ 1910 года. Покосы, расположенные по рѣкамъ, протекающимъ въ границахъ боровъ, въ сущности единственные покосы въ этомъ районѣ, такъ какъ, благодаря значительной плотности населенія, всѣ степныя земли идутъ подъ распашку. Между тѣмъ здѣсь центръ маслодѣлія, источникомъ котораго и служатъ боровые сѣнокосы. Кабинетъ учелъ это обстоятельство, и скоро, вѣроятно, наступитъ моментъ, когда стоимость полученнаго масла будетъ равна стоимости скормленнаго сѣна.

Земельная политика Кабинета есть ни что иное, какъ повто-

реніе знаменитой политики «клиньевъ». Разница лишь въ томъ, что помѣщики 60-хъ годовъ, проводя политику «клиньевъ», находили опору въ несовершенствѣ закона, тогда какъ Кабинетъ опирается на благопріятную для него форму, въ которую «вылилась государственная политика» по землеустроительному вопросу.

Стремясь создать принудительно-арендныя отношенія, Кабинетъ пытается нѣкоторыя изъ указываемыхъ имъ къ тому средствъ обосновать юридически. Не будемъ доказывать, что съ точки зрѣнія развитія земельныхъ отношеній на Алтаѣ, пастьба скота въ предѣлахъ поскотины никоимъ образомъ не можетъ считаться сервитутомъ. Укажемъ только на то, что такое пониманіе противорѣчитъ закону 31 мая 1899 года и приводитъ къ абсурднымъ выводамъ. По условіямъ крестьянскаго хозяйства при каждомъ селеніи находится то или другое пространство земли, которымъ населеніе пользуется для выпаса на немъ скота и которое называется присельнымъ выгономъ. То обстоятельство, что данное пространство земли служитъ мѣстомъ выпаса, указываетъ лишь на способъ эксплоатаціи этого пространства, есть моментъ хозяйственный, а не юридическій, и потому никакого правового отношенія не создающій. Правовое же отношеніе населенія къ этому пространству земли создается тѣмъ фактомъ, что оно (данное пространство) входитъ въ составъ цѣлаго, по отношенію къ которому законъ признаетъ за населеніемъ право владѣнія. Никакого значенія не имѣетъ то обстоятельство, что земля и лѣсъ составляютъ собственность Кабинета. Вѣдь и подъ пашней, и подъ покосомъ, и подъ усадьбой земля также считается собственностью Кабинета и такимъ образомъ, если согласиться съ юридическими разсужденіями, изложенными въ журналѣ 26 января 1910 года, то надо придти къ абсурднымъ заключеніямъ, что и пашня и покосъ и вообще все землепользованіе населенія Алтайскаго округа есть сервитутъ. О невозможности выдѣленія лѣсныхъ поскотинъ въ какую либо особую категорію угодій, мы говорили уже выше.

Желаніе Кабинета использовать боровые сѣнокосы въ своихъ интересахъ такъ сильно, что онъ не затрудняется рекомендовать мѣры очень странныя, чтобы не сказать больше. Предписывается, напримѣръ, вырубать лѣсъ на отводимыхъ населенію боровыхъ сѣнокосныхъ участкахъ. Но вѣдь разъ эти участки отводятся населенію въ силу того, что оно имѣетъ на нихъ право, то очевидно, что они должны быть отводимы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ находятся до отвода. Интереснѣе всего, что эта мѣра никакихъ огорченій для населенія не создаетъ. На сѣнокосныхъ участкахъ лѣса почти нѣтъ и вырубка одинокихъ, разбросанныхъ по участкамъ деревьевъ указываетъ лишь на то, что Кабинетъ срываетъ свое неудовольствіе.

По мнѣнію Кабинета, желаніе населенія осуществлять свои права есть злоупотребленіе. Позволительно теперь спросить, къ

какому дѣлу чины округа должны «относиться ревностно и добросовѣстно», чтобы не подвергнуться угрожающимъ имъ карамъ? Отвѣтъ ясенъ. Съ угрозами Кабинетъ требуетъ, чтобы чины его «ревностно и добросовѣстно» нарушали законъ.

Въ этомъ отношеніи не приходится дѣлать различія между чинами округа и чинами землеустройства. И тѣхъ и другихъ Кабинетъ одинаково призываетъ къ объединенію съ собой на почвѣ произвола. И очевидно, что призывъ этотъ достигаетъ своей цѣли: вѣдь въ совѣщаніи 26 января 1910 года участвовалъ и завѣдывающій землеустройствомъ Алтайскаго округа, но возраженій противъ разработанной въ совѣщаніи системы нарушенія закона не сдѣлалъ. Въ принципѣ, конечно, главная и въ сущности единственная обязанность чиновъ землеустройства—это наилучшее устройство населенія въ земельномъ отношеніи. Но мы привели уже достаточно доказательствъ, что въ практической дѣятельности чины землеустройства руководствуются исключительно интересами Кабинета, идя иногда въ этомъ направленіи значительно дальше, чѣмъ даже чины округа.

Такимъ образомъ въ дѣлѣ землеустройства въ Алтайскомъ округѣ только двѣ стороны: Кабинетъ и населеніе, и послѣднее совершенно безпомощно въ борьбѣ съ вожделеніями Кабинета.

Правда, какъ по общимъ законамъ, такъ и по закону 31 мая 1899 года, защита интересовъ населенія возложена на крестьянскихъ начальниковъ. На основаніи ст. 153 Пол. Кр. Сиб. крестьянскій начальникъ—непремѣнный членъ поземельно-устроительныхъ комиссій. Но Кабинетъ позаботился о томъ, чтобы обезвредить этихъ защитниковъ.

«Принявъ во вниманіе,—читаемъ въ журналѣ одного изъ совѣщаній при Кабинетѣ, — что содѣйствіе крестьянскихъ начальниковъ представляется крайне желательнымъ и полезнымъ, совѣщаніе признало возможнымъ ходатайствовать о предоставленіи завѣдывающему землеустройствомъ права представлять Кабинету Его Величества означенныхъ лицъ къ наградамъ, а также предоставить ему, завѣдывающему землеустройствомъ, право, въ случаѣ надобности, возмѣщать расходы волостныхъ старшинъ и писарей на счетъ кредита „непредвидѣнныхъ расходовъ“ въ размѣрѣ не свыше 50 рублей. (Журналъ совѣщаній 11 и 12 февраля 1900 года).

Ходатайство это было удовлетворено и крестьянскіе начальники, равно какъ и сельская администрація, получаютъ награды и деньгами и вещами. Не довольствуясь этимъ, Кабинетъ завелъ собственныхъ крестьянскихъ начальниковъ. Съ 1908 года въ районы производства землеустроительныхъ работъ командируются чиновники Томскаго губернскаго управленія, подъ названіемъ помощниковъ крестьянскихъ начальниковъ. Эти *«помощники»* получаютъ содержаніе изъ средствъ Кабинета и исключительная ихъ обязанность—участіе въ тѣхъ землеустроительныхъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ участіе крестьянскихъ начальниковъ обязательно по закону.

Намъ неизвѣстно, какія употребилъ Кабинетъ средства для привлеченія губернской администраціи на свою сторону, но что это сдѣлано съ успѣхомъ, тому служитъ доказательствомъ циркуляръ бывшаго Томскаго губернатора на имя крестьянскихъ начальниковъ, напечатанный въ «Алтайской Газетѣ» (№ 109 — 1910 года). Хотя губернаторъ и не участвовалъ въ совѣщаніи 26 января 1910 г., но, видимо, вполнѣ раздѣляетъ взгляды Кабинета.

„Предлагаю Вашему Высокоблагородію,—пишетъ онъ въ своемъ циркулярѣ—лично разъяснить на сельскихъ сходахъ населенію волостей завѣдываемаго Вами участка, что сохраненіе всякаго рода лѣсныхъ насажденій за Кабинетомъ Его Императорскаго Величества имѣетъ общегосударственное значеніе и дѣлается прежде всего въ интересахъ самого же населенія, что поэтому, предстоящія землеустроительныя дѣйствія будутъ направлены только къ его пользѣ и благу, и что въ лицѣ Вашемъ оно будетъ имѣть постояннаго защитника законныхъ его интересовъ. При этомъ прошу Васъ при предстоящихъ землеустроительныхъ работахъ оказывать чинамъ землеустройства лично и черезъ подвѣдомственныхъ Вамъ волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ самое широкое, скорое и рѣшительное содѣйствіе и принимать мѣры къ устраненію всякаго ослушанія или противодѣйствія со стороны населенія землеустройству, а виновныхъ привлекать за это къ отвѣтственности".

И Кабинетъ, и губернаторъ говорятъ, въ сущности, однимъ и тѣмъ же языкомъ. Кабинетъ называетъ защиту населеніемъ своего права — злоупотребленіемъ и грозитъ имущественнымъ лишеніемъ; губернаторъ—ослушаніемъ и противодѣйствіемъ и грозитъ уголовнымъ наказаніемъ.

Однако, для развитія аренднаго хозяйства недостаточно обладать землей; необходимы еще арендаторы. И эту задачу Кабинетъ разрѣшилъ весьма несложнымъ способомъ. Онъ отказываетъ въ надѣленіи землей по закону 31 мая 1899 года населенію такъ называемыхъ арендныхъ поселковъ. Поселки эти образовались, главнымъ образомъ, послѣ изданія закона 27 апрѣля 1896 года, когда вновь притекающее въ округъ населеніе не могло уже воспользоваться правами, предоставленными этимъ закономъ переселившимся до его изданія и должно было обратиться къ арендѣ кабинетскихъ земель. Хотя срокъ аренды въ большинствѣ случаевъ годичный, но такъ какъ аренда изъ года въ годъ возобновлялась, то крестьяне успѣвали завести болѣе или менѣе прочное хозяйство, тѣсно связывающее ихъ съ той землей, которою они пользуются. Такимъ образомъ, фактъ веденія сельскаго хозяйства и наличность домообзаводства, казалось бы, создаютъ для такого рода поселковъ безспорное право на полученіе надѣловъ по закону 31 мая 1899 г.

Кабинетъ такъ и понималъ это, — и до 1908 года всѣ арендные поселки устраивались. Съ изданіемъ указа 19 сентября 1906 года былъ возбужденъ вопросъ о передачѣ нѣкоторыхъ изъ

поселковъ Переселенческому Управленію. Такъ, въ одномъ изъ совѣщаній при Кабинетѣ было высказано:

«Кабинету особенно важно передать Переселенческому Управленію всѣ тѣ арендные поселки, которые расположены въ тѣхъ районахъ Алтайскаго округа, гдѣ проектированіе надѣловъ уже закончено, такъ какъ Кабинетъ лишенъ уже возможности подвергнуть ихъ землеустройству". (Журналъ совѣщанія 22 февраля 1907 года).

Въ соотвѣтствіи съ этимъ Кабинетъ писалъ въ округъ:

„надлежитъ выяснить, по соглашенію съ представителемъ Переселенческаго Управленія, какія изъ оброчныхъ статей Кабинета, считая въ томъ числѣ арендные поселки и заимки, подлежатъ передачѣ въ казну и какіе останутся въ распоряженіи Кабинета Его Величества впредь до устройства ихъ въ порядкѣ закона 31 мая 1899 г. о землеустройствѣ Алтайскаго округа" (Отношеніе Кабинета на имя начальника округа отъ 24 марта 1907 года за № 5513—525).

Такъ поступалъ Кабинетъ, когда дѣятельность его въ землеустройствѣ опредѣлялась государственными интересами. Совершенно иначе заговорилъ онъ, когда рѣшилъ использовать землеустройство, какъ средство достиженія своихъ частныхъ интересовъ.

„Законъ 31 мая 1899 года,—говоритъ Кабинетъ въ 1908 году,—вовсе не предусматриваетъ обязательнаго землеустройства арендаторовъ земель Кабинета и арендныхъ поселковъ. Поэтому предположенія о ликвидаціи земельнаго, а въ частности и аренднаго дѣла—не основаны на законѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ они вовсе не отвѣчаютъ и интересамъ Кабинета Его Величества, такъ какъ средняя арендная плата за землю въ округѣ (40 коп.) уже теперь гораздо выше выкупныхъ платежей казны (22 коп. съ десятины удобной земли). При такихъ условіяхъ подвергать арендные поселки землеустройству съ громаднымъ ущербомъ для округа потому, что это лучше устраиваетъ арендаторовъ, нѣтъ основаній (отношеніе Кабинета на имя начальника округа отъ 25 мая 1908 г. за № 8368—806).

Надо признать, что вопросъ поставленъ очень ясно: дѣйствительно, получать 40 коп. выгоднѣе, чѣмъ 22 коп., тѣмъ болѣе, что въ дальнѣйшемъ разница будетъ все возрастать.

Кромѣ закона 31 мая 1899 года, имѣется, какъ уже сказано, еще указъ 19 сентября 1906 года, а въ немъ ст. 2-ая, которая гласитъ: «въ переселенческіе участки обращаются оброчныя статьи по мѣрѣ прекращенія арендныхъ на нихъ договоровъ».

Итакъ, если даже согласиться, что устройство арендныхъ поселковъ въ порядкѣ закона 31 мая 1899 года не обязательно для Кабинета, то остается обязательная для Кабинета передача этихъ поселковъ Переселенческому Управленію. Или Кабинетъ расчитываетъ удерживать за собой арендныя земли, ссылаясь на п. г. ст. 3-й Указа 19 сентября 1906 года, по которому

„въ составъ переселенческихъ участковъ не могутъ быть включаемы земли, представляющія собой угодья, не отвѣчающія обычнымъ условіямъ крестьянскаго хозяйства".

Но вѣдь самый фактъ аренды этихъ земель крестьянами указываетъ на противное. Еще менѣе возможна ссылка на п. д. той же 3-й статьи, по которому—

«въ составъ переселенческихъ участковъ не могутъ быть включаемы тѣ оброчныя статьи, которыя признано будетъ необходимымъ, въ интересахъ мѣстнаго населенія, временно сохранить въ его пользовзнiи».

Едва ли Кабинетъ съумѣетъ доказать, что въ интересахъ населенія платить за десятину не 22 коп., а 40 коп.

Не смотря на очень опредѣленныя требованія указа 19 сентября, кабинетъ не передаетъ однако арендныхъ земель Переселенческому Управленію. Населеніе арендаторскихъ поселковъ поэтому въ самомъ безвыходномъ положеніи. Въ устройствѣ по закону 31 мая 1899 года имъ отказываютъ, ссылаясь на инструкцію; Переселенческое Управленіе не имѣетъ возможности устраивать потому, что не получаетъ арендуемыхъ земель отъ Кабинета. Населеніе поставлено въ необходимость или оставаться вѣчными арендаторами Кабинета или выселяться въ другія мѣста Сибири, что сопряжено съ полнымъ разстройствомъ заведеннаго хозяйства, а слѣдовательно и раззореніемъ.

Выселеніемъ Кабинетъ не смущается; онъ знаетъ, что на мѣсто выселившихся придутъ новые переселенцы. Да кромѣ того Кабинетъ позаботился о томъ, чтобы и старожильческое населеніе поставляло арендаторовъ. Мы уже указывали, что работы 1910 года производились въ наиболѣе населенной части округа; здѣсь большинство селеній—малоземельны. На основаніи ст. 119 Пол. Кр. Сиб. такія селенія могутъ ходатайствовать о прирѣзкахъ къ ихъ землепользованію для доведенія надѣла до 15-ти десятиннаго размѣра на душу. Но такъ какъ прирѣзка дѣлается на основаніи той же статьи въ тѣхъ случаяхъ, «когда такая прирѣзка окажется возможной и необходимой для обезпеченія хозяйственнаго быта» данныхъ селеній, то само собой понятно, что ходатайства населенія о прирѣзкахъ оставались безъ удовлетворенія. Какъ бы много свободной земли ни было, землеустроители находили, что прирѣзка и невозможна и ненужна, и надѣлы громаднаго большинства селеній значительно уклоняются отъ нормы. Такимъ образомъ населеніе этихъ малоземельныхъ селеній вынуждено будетъ если не теперь, то въ самомъ ближайшемъ будущемъ обратиться къ арендѣ кабинетскихъ земель.

Въ погонѣ за арендными доходами Кабинетъ проявляетъ необыкновенную изобрѣтательность: такъ, въ арендныхъ поселкахъ земля не уступается даже подъ школы, а населеніе, если хочетъ построить школу, то должно взять землю подъ нее въ аренду. («Алтайская Газета» № 254—1910 года).

На сколько эти мѣры увеличили доходъ Кабинета, намъ неизвѣстно, но что созданы всѣ условія для аграрныхъ безпоряд-

ковъ, это доказали безпорядки въ с. Павловскомъ, происшедшіе въ маѣ мѣсяцѣ 1911 года. Громадное село Павловское состоитъ изъ двухъ частей: собственно с. Павловскаго, населеннаго бывшими горнозаводскими рабочими, и арендНаго поселка Бродки, населеніе котораго живетъ арендой расположенной около с. Павловскаго оброчной статьи, площадью въ 25.000 десятинъ. При землеустройствѣ въ 1910 году Кабинетъ отказалъ старожиламъ въ прирѣзкѣ и они получили надѣлъ въ уменьшенномъ противъ нормы размѣрѣ. Что же касается арендаторовъ, то они не получили никакого надѣла и оброчная статья Переселенческому Управленію не передана. Такое отношеніе Кабинета къ интересамъ и нуждамъ населенія и послужило причиной безпорядковъ *).

Итакъ, цѣли совѣщанія 26 января 1910 года осуществлены есть и арендный фондъ, есть и кадры арендаторовъ. Достигнуто это путемъ искусственнаго обезземеленія одной части населенія и созданія таковогo же малоземелья у другой части населенія. И то и другое основано на полномъ игнорированіи закона 31 мая 1899 года и указа 19 сентября 1906 года.

Но по отношенію къ послѣднему Кабинетъ не ограничился неисполненіемъ того или другого его требованія. Онъ рѣшилъ совершенно не считаться съ указомъ, какъ будто бы его никогда и не было. Къ этому мы теперь и переходимъ.

III.

Указъ 19 сентября 1906 года, изданный въ порядкѣ ст. 87-й Осн. Зак. и принятый въ настоящее время Государственной Думой, является, какъ извѣстно, однимъ изъ тѣхъ обязательствъ, какія взяло на себя для разрѣшенія аграрнаго вопроса правительство, распуская первую Государственную Думу. Вмѣстѣ съ тѣмъ по отношенію къ Алтайскому округу указъ этотъ преслѣдуетъ свою особую цѣль. Изъ объяснительной записки, приложенной къ внесенному въ Государственную Думу главноуправляющимъ землеустройствомъ и земледѣліемъ законопроекту о предоставленіи подъ переселеніе свободныхъ земель Алтайскаго округа, мы узнаемъ, что мотивомъ изданія закона въ порядкѣ ст. 87-ой Осн. Зак. послужила «неотложная необходимость открытія Алтайскаго округа для переселенія и образованія въ немъ пересенческихъ участковъ для землеустройства, какъ постоянно проживающаго, такъ и ежегодно прибывающихъ туда переселенцевъ изъ Европейской Россіи». (Объяснительная записка Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія отъ 17 апрѣля 1907 года за № 12520, стр. 3).

*) Безпорядки были уже во многихъ селеніяхъ, но только не такіе бурные. Писать о безпорядкахъ мѣстныя газеты не имѣютъ возможности.

По даннымъ той же объяснительной записки къ 1 января 1905 года въ предѣлахъ округа проживало свыше 20.000 душъ обоего пола, не обезпеченныхъ землей. Какъ устраиваетъ Кабинетъ эти безземельныя души, намъ уже извѣстно, и остается познакомиться съ дѣятельностью Кабинета по выполненію второй цѣли указа 19 сентября 1906 года—устройству новыхъ переселенцевъ.

Изъ рапорта начальника округа въ Кабинетъ отъ 18 декабря 1906 года за № 14379 видно, что ко времени открытія работъ по указу 19 сентября «общая площадь земель, остающихся за предѣлами существующаго землепользованія крестьянъ, составляла 20.908.000 десятинъ». Изъ этого количества подлежали, на основаніи ст. 3-й указа 19 сентября, оставленію за Кабинетомъ земли, необходимыя для горнозаводскихъ и другихъ промышленныхъ предпріятій и для надѣленія кочевыхъ инородцевъ, а такъ же лѣсонасажденныя пространства, имѣющія защитное и водоохранное значеніе, всего 13.460.000 десятинъ, а «запасъ свободныхъ земель, могущихъ быть переданными главному управленію землеустройства и земледѣлія опредѣлялся приблизительно въ 7.500.000 десятинъ». Кромѣ того отъ землеустройства старожиловъ должно было получиться 880.000 десятинъ отрѣзковъ. Такимъ образомъ по даннымъ управленія округа подъ образованіе переселенческихъ участковъ должно было поступить 8.380.000 десятинъ. Съ начала работъ, съ 1907 по 1909 годъ, было передано Переселенческому Управленію 2.300.000 дес. Къ 1910 году оставалось, значитъ, не переданныхъ земель 6.080.000 десятинъ.

Но въ этомъ году Переселенческое Управленіе въ своей дѣятельности по обслѣдованію свободныхъ земель и по образованію переселенческихъ участковъ встрѣтило неожиданное противодѣйствіе со стороны Кабинета. Неожиданнымъ это противодѣйствіе было, конечно, потому, что сверхъ обыкновенія чины Переселенческаго Управленія не были приглашены въ засѣданіе 26 января 1910 года. Быть можетъ, если бы они участвовали въ этомъ засѣданіи, то согласились бы, что «жертвы» Кабинета переселенческому дѣлу непосильны для него и пора положить предѣлъ дальнѣйшимъ «жертвамъ».

Отъ землеустройства 1909 года остались отрѣзки общею площадью въ 360.576 десятинъ. На совѣщаніи при управленіи округа чиновъ округа и землеустройства съ представителями Переселенческаго Управленія каждый отрѣзокъ подвергся подробному обсужденію, въ результатѣ чего совѣщаніе признало: «свободными для передачи въ переселенческую организацію 283.916 десятинъ» (Журналъ 3 ноября 1909 года). На основаніи этого Переселенческое Управленіе включило вышеуказанную площадь въ «планъ работъ по образованію переселенческихъ участковъ и поземельному устройству въ Томской губерніи на 1910 годъ», въ соотвѣтствіи съ каковымъ была составлена смѣта, утвержденная Государственной Ду-

мой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи п. 2-го правилъ о порядкѣ передачи кабинетскихъ земель, было сообщено управленію округа, что на переданныхъ отрѣзкахъ 1909 года съ весны 1910 года будетъ приступлено къ образованію переселенческихъ участковъ. Казалось бы, что вопросъ объ этихъ отрѣзкахъ покончѣнъ.

Совершенно неожиданно, однако, помощникъ завѣдывающаго переселенческимъ дѣломъ въ Томскомъ районѣ по Алтайскому округу (такъ называется представитель переселенческой организаціи, дѣйствующей на Алтаѣ) получилъ отъ начальника округа отношеніе отъ 24 марта 1910 г. за № 3626, въ которомъ тотъ писалъ, что въ колонизаціонный фондъ передается лишь 123.319 дес. отрѣзковъ, а остальная площадь ихъ оставляется на основаніи п. 3-го указа 19 сентября за Кабинетомъ; при этомъ ссылка на п. 3-й указа сдѣлана совершенно голословно, такъ какъ никакихъ данныхъ о томъ, чтобы оставляемые за Кабинетомъ отрѣзки подходили хотя бы подъ одну изъ категорій земель, перечисленныхъ въ п. 3 указа, въ отношеніи начальника округа не приведено. Для непосвященныхъ въ тайны кабинетской политики образъ дѣйствія начальника округа казался очень страннымъ, и представитель переселенческой организаціи, прося сообщить о причинахъ оставленія отрѣзковъ, писалъ:

„Изъятіе изъ переданнаго фонда крайне цѣнной для переселенія площади около 190.000 дес. прекрасныхъ земель, на которыхъ подъ моимъ руководствомъ были бы устроены предстоящимъ лѣтомъ переселенческіе участки на 17.000 душъ м. п. заставляютъ меня предполагать, что въ періодъ времени съ 3 ноября 1909 года вышли неизвѣстныя мнѣ измѣненія Высочайшаго Указа 19-го сентября 1906 года и, повидимому, переселеніе не стало болѣе государственною необходимостью первостепенной важности". (Отношеніе помощника завѣдывающаго переселенческимъ дѣломъ въ Томскомъ районѣ по Алтайскому округу на имя начальника округа отъ 29 марта 1910 года за № 918).

По весьма понятнымъ причинамъ управленіе округа просьбу представителя переселенческой организаціи оставило безъ отвѣта и не разъяснило ошибочность его предположеній.

Не менѣе любопытный матеріалъ содержитъ въ себѣ переписка относительно свободныхъ земель, намѣченныхъ подъ образованіе переселенческихъ участковъ. Въ 1909 году чины переселенческаго вѣдомства обслѣдовали въ Бійскомъ и Змѣиногорскомъ уѣздахъ громадную площадь въ $3^1/_2$ милліона десятинъ, но земель годныхъ для устройства переселенцевъ нашли немного, всего около 300.000 десятинъ, о чемъ представитель переселенческой организаціи и сообщилъ управленію округа съ приложеніемъ подробнаго описанія намѣченныхъ подъ переселеніе районовъ. Управленіе округа отвѣтило, что изъ намѣченныхъ земель не можетъ быть передано ни одной десятины *). Почти всѣ районы, гдѣ были найдены пригод-

---

*) Отношеніе управленія округа на имя представителя переселенческой организаціи отъ 30 марта 1910 года за № 3841.

ныя для населенія земли округъ считаетъ цѣнными лѣсными дачами, не подлежащими, въ силу п. 3-го указа 19 сентября, включенію въ составъ переселенческихъ участковъ. Но разъ изъ $3^1/_2$ милліоновъ десятинъ нашлось только $10^0/_0$, годныхъ для обычнаго крестьянскаго хозяйства земель, то очевидно, что рѣчь идетъ не о лѣсопокрытыхъ площадяхъ. И дѣйствительно, въ описаніи районовъ читаемъ:

„для лѣсного хозяйства Кабинета передача этихъ земель не можетъ имѣть особеннаго значенія. Въ отношеніи общей площади лѣсовъ,—тѣ лѣса, которые попали въ площадь колонизаціоннаго фонда,—составляютъ слишкомъ малую величину. Относительно входящихъ въ площадь передачи лѣсныхъ насажденій необходимо замѣтить, что лѣса эти лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ считаться по своимъ качествамъ имѣющими ту или другую цѣнность въ смыслѣ строевого матеріала. Лѣсъ вездѣ мѣшаный—изъ пихты, осины и березы; преобладаніе лиственныхъ породъ среди насажденій встрѣчается довольно часто. Самыя насажденія нерѣдко имѣютъ видъ рѣдколѣсья или же по нимъ разбросаны различной величины поляны. Часть лѣсныхъ насажденій довольно основательно пострадала отъ недавнихъ пожаровъ, часть въ видѣ осиновыхъ колковъ образовалась на мѣстѣ старинныхъ гарей".

Цѣнность лѣса, такимъ образомъ, болѣе чѣмъ сомнительна. Если къ этому прибавить, что по даннымъ описанія въ этихъ районахъ уже теперь проживаетъ около 2.500 душъ м. п., арендующихъ землю у Кабинета, и арендныя цѣны дошли до 66 коп. за десятину, то истинный мотивъ непередачи земель ясенъ: это все тотъ же лейтъ-мотивъ аграрной политики Кабинета — развитіе арендваго хозяйства.

Въ томъ же 1909 году производилось обслѣдованіе и въ Кузнецкомъ уѣздѣ, гдѣ было намѣчено для колонизаціи 507.000 дес. Здѣсь управленіе округа проявило щедрость и «пожертвовало» для нуждъ переселенческаго дѣла 13.000 десятинъ. Въ остальной же части отказано по тѣмъ же соображеніямъ, какъ и въ Бійскомъ и Змѣиногорскомъ уѣздахъ.

Итакъ изъ 1.100.000 дес. (если считать и отрѣзки) намѣченныхъ для заселенія земель управленіе округа рѣшило передать Переселенческому Управленію всего 136.000 десятинъ. Конечно, мѣстные переселенческіе чины не могли согласиться съ такимъ рѣшеніемъ и дѣло перешло въ Петербургъ. Нашелъ ли Кабинетъ дѣйствія управленія черезчуръ рѣшительными или Кабинету разъяснили, что безцеремонность пріемовъ, допускаемая имъ по отношенію къ населенію, въ сношеніяхъ съ государственными учрежденіями должна имѣть извѣстныя границы,—намъ неизвѣстно, но онъ пошелъ на кое-какія уступки.

Принимая во вниманіе,—писалъ начальникъ округа представителю переселенческой организаціи,—что переселенческая организація дѣйствительно поставлена въ затрудненіе къ использованію наличныхъ силъ землеотводныхъ партій и выполненію плана работъ, я призналъ возможнымъ пересмотрѣть этотъ вопросъ и нынѣ нахожу возможнымъ, при соблюденіи нѣкоторыхъ

условій, охраняющихъ названные выше интересы *), усилить фондъ земель подъ колонизацію. Въ отношеніи отрѣзковъ отъ землеустройства я соглашаюсь на передачу для образованія переселенческихъ участковъ, въ дополненіе къ переданнымъ землямъ, еще 25-ти участковъ въ Барнаульскомъ и Кузнецкомъ уѣздахъ площадью въ 171.471,04 десятины".

«Что касается свободныхъ земель,—продолжается дальше,—въ Змѣиногорскомъ и Кузнецкомъ уѣздахъ, то, конечно, необходимо было бы предварительное выдѣленіе всѣхъ площадей, не подлежащихъ передачѣ подъ колонизацію, но по соображеніямъ, изложеннымъ выше и въ виду Вашихъ личныхъ заявленій, что землеотводныя работы въ намѣченныхъ свободныхъ районахъ будутъ произведены въ полевой періодъ 1911 года—я не встрѣчаю препятствій къ организаціи Вами въ будущемъ году съемочныхъ межевыхъ работъ по образованію переселенческихъ участковъ на этихъ земляхъ, при неуклонномъ, однако, соблюденіи чинами ввѣренныхъ Вамъ переселенческихъ отрядовъ слѣдующихъ условій: 1) чтобы въ проекты переселенческихъ участковъ отнюдь не замежевывались цѣнныя лѣсныя площади, 2) не должны подлежать включенію въ участки районы золотоносныхъ рѣчекъ и долинъ, которыя будутъ указаны управленіемъ и представителями округа, а также устроенныя оброчныя статьи Кабинета, не отвѣчающія обычнымъ условіямъ сельскаго хозяйства, 3) отъ включенія въ проекты переселенческихъ участковъ должны быть изъяты земли, находящіяся въ фактическомъ пользованіи коренного населенія, 4) всѣ заявленія представителей округа объ оставленіи тѣхъ или иныхъ земель для нуждъ лѣсного и горнаго хозяйствъ должны быть принимаемы къ исполненію чинами партій». (Отношеніе начальника округа на имя завѣдывающаго переселенческимъ дѣломъ въ Томскомъ районѣ по Алтайскому округу отъ 2 іюня 1910 года за № 6307).

Такимъ образомъ безусловно уступлены были лишь отрѣзки 1909 года и то потому, чтобы избѣжать скандала, который былъ бы неминуемъ, если бы часть состава переселенческой организаціи осталась безъ дѣла. Что касается свободныхъ 800.000 десятинъ, намѣченныхъ переселенческимъ вѣдомствомъ, то сколько изъ нихъ досталось переселенцамъ, мы не знаемъ. За чинами округа было сохранено право указывать оброчныя статьи, не отвѣчающія обычнымъ условіямъ сельскаго хозяйства, и открывать золотоносныя рѣчки и долины, а такъ какъ «всѣ заявленія представителей округа должны быть принимаемы къ исполненію», то къ 13.000 десятинъ работы 1911 года прибавили, быть можетъ, пустяки. Хотя въ 1906 году для опредѣленія размѣровъ переселенческаго фонда и были исключены всѣ лѣсныя пространства и земли, необходимыя для горныхъ и иныхъ предпріятій, но, быть можетъ, за эти 3 — 4 года выросли новые лѣса и образовались горныя богатства тамъ, гдѣ ихъ не существовало. Иначе вѣдь трудно объяснить, куда дѣвались тѣ 6.000.000 дес., которыя въ 1906 г. управленіе округа считало возможнымъ отвести для переселенцевъ. Начальникъ округа пишетъ теперь, что колонизаціонный фондъ уже «истощился», и Переселенческому Управленію

*) „Хозяйственныя потребности Кабинета въ цѣляхъ обезпеченія государственныхъ и общественныхъ нуждъ страны",—такова употребленная въ предъидущемъ изложеніи формула этихъ «интересовъ».

ничего иного, пожалуй, не остается, какъ прекратить работы на Алтаѣ.

Интереснѣе всего, что эта борьба съ Переселенческимъ Управленіемъ происходила какъ разъ въ то время, когда въ Государственной Думѣ обсуждался законопроектъ по указу 19 сентября 1906 года.

За передачею къ 1910 году 553.000 дес. въ колонизаціонномъ фондѣ Алтая остается около 5.500.000 десятинъ. Сколько же земли Кабинетъ передастъ Переселенческому Управленію изъ этого фонда? Отвѣтить не трудно—сколько захочетъ. Но къ чему тогда расходы по обслѣдованію земель Алтайскаго округа? Вѣдь въ обязанности переселенческаго вѣдомства не входитъ задача созданія аренднаго фонда для Кабинета. Не проще ли, вмѣсто безцѣльной траты народныхъ средствъ ликвидировать также и переселенческую организацію на Алтаѣ?

Итакъ, и въ дѣлѣ устройства старожиловъ, и въ дѣлѣ колонизаціи государственные и общественные интересы должны были уступить частно-хозяйственнымъ интересамъ Кабинета. Многое можно было бы сказать о томъ, имѣетъ ли право Кабинетъ съ точки зрѣнія историческаго и дѣйствующаго о немъ законодательства руководствоваться въ своей дѣятельности принципами частнаго интереса и возможно ли примѣненіе этихъ принциповъ къ такимъ громаднымъ пространствамъ, кои считаются владѣніемъ Кабинета, —но это не входитъ въ задачи настоящей статьи. Мы желали характеризовать лишь тѣ средства, которыми Кабинетъ въ настоящее время достигаетъ осуществленія своихъ частныхъ интересовъ, — и читатели имѣли возможность убѣдиться, что эти средства болѣе чѣмъ незакономѣрны.

М. С.

Налаженное дѣло *).

(Изъ хроники землеустройства).

I.

Около 9 лѣтъ тому назадъ въ мѣстность Кубанской области Темрюкскаго отдѣла, носящую теперь названіе «имѣніе крестьянскаго банка Кудако», переселилось изъ Кіевской и частью изъ Полтавской губ. до 1000 семействъ крестьянъ. Переселенцы купили черезъ крестьянскій банкъ у помѣщика Дурасова свыше 10000 десятинъ земли и образовали на ней село Кіевское.

Уже пріѣхавъ съ домашнимъ скарбомъ на купленную землю и начавши постройки хатъ, переселенцы обнаружили «жестокій обманъ», свершенный надъ ними. Они покупали землю въ увѣренности, что всѣ 10 тысячъ десятинъ годны подъ пахоту. Въ дѣйствительности же удобной земли оказалось всего около 6.000 дес., пахотной же пришлось на дворъ лишь по 2 дес. Значительная часть площади, какъ оказалось, занята плавнями рѣки Кубани, приготовить которыя подъ пахотныя поля стоитъ большихъ затратъ труда и средствъ.

Виновниками «обмана» одни считаютъ ходоковъ, которые небрежно осмотрѣли пріобрѣтаемую землю и не разобрались въ планахъ; другіе обвиняютъ крестьянскій банкъ, который въ пря-

---

*) 14 декабря 1909 г. соціалъ-демократическою фракціею былъ внесенъ въ Государственную Думу запросъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ крестьянскаго банка въ дѣлѣ пріобрѣтенія при его содѣйствіи крестьянскимъ товариществомъ земли у полковника Дурасова въ Кубанской области. 3 іюня 1910 года этотъ запросъ послѣ того, какъ его разсмотрѣла коммиссія, былъ принятъ Государственной Думой. Выслушать объясненія министра финансовъ послѣдняя удосужилась только въ засѣданіи 4 февр. 1911 г. Г. Коковцовъ, конечно, доказалъ, что никакихъ неправильныхъ дѣйствій со стороны крестьянскаго банка не было и что если многіе крестьяне разворены, то по ихъ собственной винѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ успоконлъ Думу. Безпорядки были, и усмирять приходилось, но все это уже кончилось. И на счетъ судьбы крестьянъ волноваться нечего. „Крестьянскій банкъ—говорилъ г. Коковцовъ—назначилъ срокъ, объявившій, что тѣ, которые къ сентябрю 1909 г. не пожелаютъ подчиниться условіямъ, должны удалиться, и крестьянскій банкъ распорядится землей. Съ той поры началось спокойствіе... Съ конца 1909 г. и въ теченіе всего 1910 г. дѣло налаживалось и въ настоящее время оно близко къ концу." Большинство Государственной Думы вполнѣ удовлетворилось этими объясненіями... Въ предлагаемой статьѣ читатели найдутъ собранныя на мѣстѣ дальнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ уже „налаженномъ" дѣлѣ.

Ред.

момъ смыслѣ «подсидѣлъ» переселенцевъ. Крестьяне Кіевскаго почти единогласно обвиняютъ банкъ.

— Дурасовъ далъ, что слѣдуетъ, банку и они (чиновники) повернули въ его пользу.—Такія рѣчи можно слышать очень часто.

Обнаруживъ «обманъ», кіевляне уплатившіе 200 тысячъ рублей Дурасову и внесшіе нѣсколько платежей Банку, отказались дальше платить,—тѣмъ болѣе, что подошли неурожайные годы и платить было нечѣмъ. Банкъ настаивалъ на своемъ, но кіевляне твердо и увѣренно отказывались.

На помощь имъ пришли бурные 1905—6 годы. Безконечные и упорные слухи о томъ, что крестьянство вездѣ отбираетъ и при томъ безвозмездно въ свою пользу помѣщичьи, удѣльныя и другія земли, дошли до кіевлянъ и добавили въ ихъ возмущеніе и сопротивленіе еще болѣе горючихъ веществъ.

Кіевляне не обращали вниманія на требованія банка и нисколько не боялись его угрозъ... Вполнѣ спокойные за будущее, они обстроили свои хаты, выкорчевали лѣсъ, занимавшій большую часть имѣнья, превратили лѣсныя площади въ пахотныя поля, развели около хатъ веселые садики съ черешнями, съ душистыми яблонями, соорудили маленькую, похожую на длинный домъ, церковь и рядомъ труповъ засѣяли небольшое кладбище...

Однако, тормазившаяся различными причинами—судомъ и бурными годами—и долго собиравшаяся со стороны банка гроза, наконецъ, разразилась надъ кіевлянами страшнымъ и тяжелымъ ударомъ.

За неуплату долга банкъ объявилъ кіевскую землю своей собственностью и предложилъ крестьянамъ вновь покупать ее—при этомъ на новыхъ началахъ: отдѣльными участками, для хуторского хозяйства, а не общиной и за круговой порукой, какъ было раньше,—или выселиться съ нея.

На этотъ шагъ банка крестьяне отвѣтили тѣмъ же темнымъ упорствомъ. Категорически отказались покупать «собственную» землю, покупать «во второй разъ», какъ говорили они, и категорически отказались выселиться.

На безчисленныхъ собраніяхъ, на сходахъ, въ домахъ, послѣ службы около церкви и просто на улицахъ на тысячу ладовъ горячо въ мужичьихъ и бабьихъ рѣчахъ трактовалось одно и тоже.

— Когда это слыхано?!. Подсунули вмѣсто пахоты болото, на которомъ только лягушекъ разводить, и плати по 200 рублей за десятину. А не хочешь платить,—убирайся. А кто имъ (банковскимъ чиновникамъ) лѣсъ-то выкорчевалъ?.. А поля наши? а хаты?—вѣдь въ нихъ, кромѣ пота, и кровь наша вложена?.. Все это оставить имъ за то, что они насъ обманули?!. Нѣтъ такихъ законовъ, чтобы дозволялось крестьянъ обманывать. И отцовъ нашихъ на кладбищѣ обманщикамъ оставить? И сады и огороды побросить, скотину распродать?.. Да нѣтъ законовъ, чтобы крестьянина раз-

зорять и прогонять съ насиженнаго гнѣзда!.. До министровъ, до царя можно дойти, а все-таки они не смѣютъ насъ выселить... Дудки это имъ липовыя... Нѣтъ у нихъ на это власти.

И отправивъ ходатаевъ по судамъ и другимъ мѣстамъ, кіевляне продолжали упорно отказываться платить «во второй разъ» и спокойно жили въ Кіевскомъ: сѣяли, пахали и проч.

Въ августѣ 1908 года крестьянскій банкъ показалъ свое «право» и «власть»: за неплатежъ долговъ былъ арестованъ урожай кіевлянъ (около 2.000 дес.) и на корню проданъ по $8^1/_2$ руб. за десятину.

По словамъ крестьянъ, мировымъ судьей ихъ урожай былъ оцѣненъ по 160 руб. за десятину. Такимъ образомъ хлѣбъ былъ проданъ чуть не въ 20 разъ дешевле того, что онъ стоилъ. «Что это такое и какъ можно охарактеризовать такую вещь,—говорилъ потомъ въ Государственной Думѣ г. Покровскій,—какъ не грабежомъ явнымъ?.. Это было не преслѣдованіе финансовыхъ выгодъ, а была месть, форменная экзекуція надъ крестьянствомъ... Банкъ привлекъ къ дѣлу своихъ стражниковъ, которые тамъ существовали, и вызвалъ еще сотню казаковъ. И вотъ началось—и угрозы, и избіеніе нагайками, и даже стрѣльба изъ ружей, и урожай былъ проданъ по 8 р. 50 к. за десятину. Гг., развѣ поступали такъ когда-нибудь съ дворянами?..» *).

Послѣ этой экзекуціи кіевляне воочію убѣдились, что «не крестьянскіе законы» правятъ на землѣ, и нѣкоторые мужики одинъ за другимъ начали «во второй разъ» покупать у банка землю и разселяться хуторами. Но большая часть кіевскихъ селянъ продолжала стоять на убѣжденіи, что банкъ «не имѣетъ правъ». Такимъ образомъ въ Кіевскомъ крестьяне распались на двѣ группы: «подписавшихся» т. е. подписавшихъ условіе съ банкомъ о «вторичной» покупкѣ земли, и «неподписавшихся», т. е. тѣхъ, которые не подписали «второго» условія и считаютъ дѣйствія банка незаконными.

Между этими двумя группами завязалась отчаянная борьба, которая и до сихъ поръ не кончилась.

Интересно, при этомъ, что, кромѣ названія «подписавшихся», кіевскіе новоиспеченные хуторяне носятъ еще названіе «арендаторовъ», какъ именовались они банкомъ, пока не были оформлены сдѣлки при покупкѣ ими земли «во второй разъ». «Неподписавшіеся» же носятъ названіе «собственниковъ». Между прочимъ, это выражаетъ ихъ слѣпую увѣренность въ своихъ правахъ и въ незаконности дѣйствій крестьянскаго банка. Оба названія въ этомъ своеобразномъ пониманіи прочно вошли въ разговорный

*) Стенографическій отчетъ о засѣд. 3-ей Гос. Думы. Сессія IV, засѣданіе 51-е.

обиходъ даже кіевской интеллигенціи. Мнѣ, напримѣръ, пришлось слушать такія рѣчи:

— Ужъ что только не дѣлаетъ арендаторъ Микитка, а никакъ не можетъ согнать съ своей земли собственника Игната... Упорный ему собственникъ попался. Какъ кремень, твердый дѣдъ Игнатъ...

— А Галушка все-таки прогналъ своего собственника... Нанялъ за три рубля Гриба, онъ съ сыновьями въ одинъ мигъ и разбросалъ собственникову хату... Впрочемъ, если бы всѣ арендаторы были такіе, какъ Галушка, они бы ужъ давно всѣхъ собственниковъ выкурили съ своей земли...

Такъ жизнь смѣется надъ человѣческими установленіями. Могутъ, пожалуй, пройти десятки лѣтъ, страшная борьба «собственниковъ» и «арендаторовъ» совершенно изгладится изъ памяти населенія, а два слова все будутъ употребляться въ значеніи, обратномъ ихъ настоящему смыслу.

Въ самомъ началѣ борьба между «собственниками» и «арендаторами» выражалась въ простомъ урезониваніи желающихъ «подписаться» «не быть дурнями» и не платить во второй разъ за землю, уже однажды оплаченную и, кромѣ того, политую собственнымъ трудовымъ потомъ.

Однако, по мѣрѣ того, какъ число «арендаторовъ» постепенно росло, а нежелающихъ «подписываться» таяло, къ урезониваніямъ съ каждымъ днемъ стали примѣшиваться скверныя и злыя ругательства, гнѣвныя и тяжелыя обвиненія въ измѣнѣ общему дѣлу, въ измѣнѣ интересамъ крестьянства, а къ упрекамъ и ругательствамъ стали присоединяться угрозы побоями, «краснымъ пѣтухомъ» и проч. Наконецъ, на улицахъ Кіевскаго нерѣдко стали разыгрываться цѣлыя побоища между «арендаторами» и «собственниками», съ серьезнымъ кровопусканіемъ, съ тяжелыми увѣчьями съ обѣихъ сторонъ. О мелкихъ, отдѣльныхъ схваткахъ не приходится и говорить. Начинали обычно схватки «неподписавшіеся», что вполнѣ объясняется ихъ душевнымъ состояніемъ, такъ какъ не помогали никакія средства удержать за собой землю—ни судебная волокита, ни разборъ дѣла въ Государственной Думѣ. Но иной разъ затѣвали схватки и «арендаторы».

Къ маю 1911 года, когда я въ первый разъ попалъ въ Кіевское (Кудако), командированный редакціей екатеринодарской газеты «Кубанскій Край», борьба двухъ группъ кіевлянъ достигла высшаго напряженія, какое только возможно среди людей, не впавшихъ въ полное безуміе. Впрочемъ, доля безумія въ этой отчаянной борьбѣ была несомнѣнно. О томъ, чтобы придать борьбѣ страшное напряженіе, не мало постарался крестьянскій банкъ. Къ маю минувшаго года кіевская земля уже вся

распродана хуторянамъ. Кіевлянъ-счастливчиковъ, получившихъ хутора, оказалось около 400 семействъ; для остальныхъ же 600 семействъ, если бы они даже смирились въ своей строптивости, уже не было земли. Они должны были выселиться.

Однако, эти присужденные къ выселенію продолжали оставаться на землѣ новоиспеченныхъ хуторянъ и крѣпко за нее держаться.

На землѣ хуторянъ стояли ихъ хаты, въ которыхъ былъ прожитъ не одинъ годъ. И они ни за что не хотѣли сносить этихъ хатъ или продать ихъ ненавистнымъ «арендаторамъ», ни за что не хотѣли и выселяться изъ нихъ. На землѣ хуторянъ еще росли ихъ посѣвы. На землѣ хуторянъ красовались ихъ небольшіе, красивые садики... И съ непоколебимымъ, какъ скала, упорствомъ они отвергали всѣ предъявляемыя права со стороны этихъ хуторянъ и за одну червивую черешню, казалось, готовы были убить любого изъ этихъ узурпаторовъ.

Чувствовалось какое-то особенное озлобленіе...

— Всеблагой Богъ не покаралъ бы за убійство «подписавшагося». Онъ хуже всякаго вора, пошелъ на своего же брата на крестьянина-однообщественника. Одно слово: Каинъ. Если за убійство разбойника «семь пятницъ молока не поѣсть», то за этого Каина-«арендатора» и вовсе отвѣчать не придется...

Въ такомъ духѣ выражали свое настроеніе оставшіеся безъ земли «собственники» и продолжали упорно оставаться на землѣ, которая пранадлежала хуторянамъ.

Крестьянскій банкъ умылъ руки и предоставилъ распутывать узелъ самимъ «арендаторамъ». Онъ нарѣзалъ столько-то хуторовъ и спрятался въ тѣнь. А невѣжественнымъ и полудикимъ хуторянамъ было предложено, «какъ они хотятъ», такъ и отдѣлываться отъ своихъ «собственниковъ».

Хуторяне стали, конечно, примѣнять «свои средствія» къ выселенію «собственниковъ», а у послѣднимъ для противодѣйствія и вовсе не находилось ничего, кромѣ «своихъ средствій».

И вспыхнула послѣдняя борьба, которую я засталъ въ полномъ разгарѣ.

Въ разговорѣ съ представителями кіевской интеллигенціи предо мной развернулась картина, сжимающая сердце.

— Между кіевскими «арендаторами» и «собственниками»,— говорилъ мнѣ одинъ изъ собесѣдниковъ,—теперь настоящая война,— съ пролитіемъ крови (простыхъ побоевъ не считаю), съ разрушеніемъ хатъ, дворовыхъ построекъ и проч. Почти каждый день разворяется по нѣскольку хатъ. Сваливаютъ крыши, выламываютъ двери, рамы, разбираютъ стѣны... Появились даже особые спеціалисты или герои,—не знаю, какъ назвать,—по части разрушенія. Такъ, напримѣръ, есть у насъ одинъ «арендаторъ» Карпъ, по фа-

милія—Грибъ. У нѣкоторыхъ изъ «арендаторовъ» еще сохранились въ душѣ остатки совѣстливости; помнятъ, какъ вмѣстѣ жили съ «собственниками» по-добрососѣдски въ общинѣ, какъ вмѣстѣ несли муки при переселеніи изъ Малороссіи и устройствѣ на новомъ, дикомъ мѣстѣ. Собственными руками они не рѣшаются выселять «неподписавшихся», а послѣдніе не уходятъ съ ихъ земли. И вотъ эти «совѣстливые» нанимаютъ себѣ Гриба. Грибъ—спеціалистъ этого дѣла: съ своими сыновьями онъ берется за три рубля разбросать любую хату.

— Вчера,—вставила одна изъ присутствовавшихъ женщинъ,—Грибъ съ сыновьями еще три хаты разбросалъ на Черкесахъ. Говорятъ, по три съ полтиной за хату получилъ...

— Ну, вотъ... А всего этотъ разбойникъ на этомъ дѣлѣ заработалъ, вѣроятно, рублей 100: хатъ тридцать, непремѣнно, раззорилъ. И какъ ужъ ругаютъ его «собственники»: и палачемъ, и разбойникомъ, и Малютой Скуратовымъ.

— А развѣ «собственники» не могутъ скрутить этого Гриба?..

— Нѣтъ... Одинъ разъ все-таки пощупали ему ребра, но плохо, отлежался. У Гриба въ домѣ пять взрослыхъ сыновей и весь домъ вооруженъ, какъ разбойничье гнѣздо. Однако, онъ больше все-таки работаетъ на Черкесахъ, это у насъ всегда былъ бѣдный край, и тамъ народъ смирнѣе. А на своей сторонѣ и Грибъ придерживается.

— Чѣмъ же вообще и какъ защищаютъ себя «собственники»?..

— Да кто какъ въ силахъ... Но это вамъ невозможно разсказать такъ, чтобы было вполнѣ вразумительно. А вотъ подите-ка вы къ «собственницѣ», бабкѣ Агафьѣ Стеценко. Она лучшій представитель нашихъ «собственниковъ», т. е. упорнѣйшій, съ желѣзной непреклонностью. А живетъ она какъ разъ на землѣ Карпа Гриба, т. е. также «лучшаго» представителя «арендаторовъ». Сейчасъ на бабку Агафью устремлены глаза почти всѣхъ «собственниковъ». Послѣдняя «надія», какъ говорится. Если бабка Агафья сдастся, то значитъ—«дѣло совсѣмъ пропало», уступай безъ борьбы «арендаторамъ» свою землю и иди изъ Кіевскаго, или нанимайся въ работники къ «злодіямъ». Между прочимъ, всѣ собственники теперь, послѣ того, какъ въ Думѣ ихъ дѣло провалилось, надѣются на Государственный Совѣтъ. А у бабки Агафьи, я сказалъ-бы вамъ, кромѣ вѣры въ Совѣтъ, бездонная вѣра даже въ чудо, которое, она сама не знаетъ, откуда и почему придетъ, но придетъ непремѣнно и дастъ «собственникамъ» торжество надъ «арендаторами» и банкомъ. Затѣмъ, или кто-нибудь наговорилъ ей, или она сама «дошла», но она вѣритъ, иначе я не могу назвать ея состоянія, что существуетъ законъ, согласно которому будто-бы если не дать себя выселить изъ хаты, то можно отстоять участокъ, на которомъ стоитъ хата и дворъ. Такъ думаютъ, между прочимъ

многіе изъ кіевлянъ, какъ «собственники», такъ и «арендаторы». Можетъ быть, это у нихъ преломились такимъ образомъ законы о земской давности. Но только эта «миѳологія» не мало виновата въ особенной ожесточенности борьбы. «Арендаторы» боятся, что черезъ этотъ миѳическій законъ «собственники» смогутъ отнять у нихъ землю, а «собственники», конечно, стараются до послѣдней возможности оставаться въ своихъ хатахъ... Отправляйтесь-ка, отправляйтесь сами къ бабкѣ Агафьѣ,—закончилъ мой собесѣдникъ.— Ни я, да и никто не сумѣетъ вамъ обрисовать словами полную картину этой безпримѣрной борьбы... Моя жена часто бываетъ у бабки, очень жалѣетъ ее и съ удовольствіемъ проводитъ васъ.

Я тотчасъ же отправился къ бабкѣ Агафьѣ въ сопровожденіи двухъ спутницъ. По ихъ разсказамъ, бабка—удивительный человѣкъ. Родомъ она хохлушка и полна того малороссійскаго упрямства, о которомъ говорится въ народныхъ анекдотахъ и пословицахъ... Вотъ и теперь, несмотря на всѣ утѣсненія Гриба, она ни за что не хочетъ уходить изъ своей хаты. У нея есть мужъ, старикъ, и дочь съ зятемъ. Но она не принимаетъ ихъ сейчасъ въ хату. «Когда,—говоритъ,—добьюсь земли, тогда приходите». Они живутъ на сторонѣ и кое-что зарабатываютъ, а бабка одна-одинешенька борется съ Грибомъ, который всячески старается выселить ее съ бывшаго ея участка. А она, стѣсненная, почти замурованная Грибомъ въ своей жалкой и разрушенной хатѣ, противостоитъ одна, какъ перстъ, его грубой силѣ, и на всѣ дикія выходки съ его стороны съ непоколебимой неизмѣнностью заявляетъ:

— Только мертвую ты меня отсюда выселишь, а живую—ни за что...

Злоба и жестокость Карпа Гриба разбиваются объ эту непоколебимую твердость. Онъ уже сорвалъ крышу съ бабкиной хаты и сбросилъ такъ близко около стѣнъ, что обломки глины, смѣшанной съ соломой, наглухо залѣпили маленькія оконца хаты. Нѣсколько сутокъ бабка сидѣла почти въ непроглядномъ мракѣ. Спустя нѣсколько дней, глухой и темной ночью, когда Грибъ спалъ крѣпкимъ сномъ, бабка сдѣлала безшумную вылазку изъ хаты и отгребла обломки крыши отъ оконъ. Также разрушена и труба на хатѣ, и вотъ уже почти мѣсяцъ, какъ бабка Агафья живетъ на одной холодной пищѣ. Разводить въ печи огонь— опасно. Нерѣдко бабка по нѣскольку дней голодная лежитъ въ своей хатѣ, но всетаки не сдается:

— Только мертвую меня выселятъ!..

И Карпъ Грибъ теряется и трусить сдѣлать послѣдній шагъ. Онъ отнялъ у бабки садъ, перевезъ къ себѣ груду ея лѣса, который она тяжелыми трудами, вмѣстѣ съ мужемъ, приготовила для постройки новой хаты. Онъ раззорилъ всѣ четыре сарая на ея дворѣ, распахалъ весь ея дворъ, причемъ обошелъ съ плугомъ со всѣхъ сторонъ, исключая уличной, вплотную ея хату; засыпалъ ея

колодезь; наконецъ, толстыми сваями забилъ единственную дверь ея хаты, замуровавъ, такимъ образомъ, старуху. А та пробила вмѣсто двери лазъ въ стѣнѣ на улицу и продолжаетъ упорно оставаться въ хатѣ.

Что еще можетъ онъ сдѣлать? Если поджечь Агафьину хату,—своя рядомъ и отъ «краснаго пѣтуха» едва-ли отобьешь ее... Остается только одно... убить «старую вѣдьму». Но хотя онъ, Карпъ Грибъ, и защищаетъ «свои законныя права», но все же едва-ли за убійство миновать Сибири, а тюрьма уже неизбѣжна... Если-бы это «мужикъ» былъ,—тогда-бы можно затѣять драку и убить въ дракѣ... Но Агафья Стеценко—баба, и «палачъ» теряется, что сдѣлать.. Онъ изливаетъ на старуху потоки сквернѣйшихъ ругательствъ, нѣсколько разъ билъ онъ ее. Одинъ разъ схватилъ и такъ притиснулъ къ землѣ, что бабка полчаса лежала безъ памяти... Но все-таки она съ горечью, со слезами, клокочущими въ горлѣ, заявляетъ ему:

— Нѣтъ у тебя такихъ правовъ, чтобы прогнать меня съ моей земли.

— Дура!—возражаетъ ей Карпъ Грибъ.—Земля банковская, а я деньги ему заплатилъ... трудовыя, кровныя. Стало-быть, она моя теперь. Отнялъ, вѣдь, я у тебя пашню и садъ, и никто мнѣ ничего не сдѣлалъ. Стало-быть, у меня есть права. Уходи ты изъ хаты по-добру, по-здорову, или спалю и тебя вмѣстѣ съ хатой... Подохнешь безъ покаянія, старая вѣдьма..

— Пали!.. Самъ будешь горѣть на томъ свѣтѣ на вѣчномъ огнѣ. И у твоего банка нѣтъ такихъ правовъ, чтобы отобрать у меня мою собственную землю.

— Да вѣдь Государственная Дума мнѣ землю присудила, а не тебѣ...

— Подожди... еще до Государственнаго Совѣта дойдетъ. Нѣтъ законовъ, чтобы отбирать землю. Подожди!.. И тебѣ еще будетъ вмѣстѣ съ банкомъ за самоуправство и разбой...

Въ хату бабки Агафьи мнѣ и моимъ спутницамъ пришлось пролѣзать чрезъ отверстіе въ стѣнѣ. Отверстіе было завѣшено грязнымъ чуваломъ и, на случай вторженія Гриба, забаррикадировано различной крестьянской рухлядью. Для насъ бабка спѣшно разгребла баррикаду, и мы шагали черезъ корытья, черезъ старыя колеса, сгибались подъ какими-то жердями и телѣжными осями. Въ сѣняхъ въ полнѣйшемъ безпорядкѣ были навалены плугъ, бороны, горшки, ухваты, вилы, тюфяки и т. д. Словно, послѣ пожара... Въ самой хатѣ было жутко и холодно. Сильно пахло чеснокомъ. Вещей видно было очень мало; и оставшіяся стояли на самыхъ неподходящихъ мѣстахъ и въ самыхъ странныхъ положеніяхъ. Ведро съ водой, напримѣръ, стояло на широкихъ деревян-

ныхъ нарахъ, которыя замѣняли въ хатѣ кровать, около самыхъ подушекъ; маленькая скверная керосиновая лампа на полу, одинокій табуретъ подъ образами и т. д. На нарахъ сидѣло двое внучатъ бабки—мальчикъ лѣтъ трехъ и голубоглазая, полная, красивая русая дѣвочка, лѣтъ пяти, сильно похожая на бабку.

Едва мы вошли, бабка бросилась цѣловать наши руки и остановить ее было нельзя. Казалось, нашъ приходъ сильно ее обрадовалъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ невольнаго и тягостнаго молчанія я, наконецъ, пересилилъ неловкость и задалъ вопросъ:

— Что-же вы, бабушка, все живете, почему не уходите отсюда? Теперь, когда земля уже запродана хуторянамъ, вѣдь, совершенно ничего нельзя добиться.

Агафья Стеценко мгновенно оживилась, порывисто встала съ наръ, на которыхъ до того сидѣла, задумчиво гладя внучку. Губы ея задрожали.

— Нѣтъ... Не можетъ этого быть. Вѣдь земля-то наша. Не уйду я...

Опять воцарилось молчаніе. Дѣти также сидѣли молча и неподвижно, уставивъ на насъ пристальные, немигающіе взоры, точно загипнотизированные.

— Хотя-бы вы вышли погулять. Вѣдь здѣсь такой тяжелый воздухъ. А внучатамъ совсѣмъ вредно,—прервала, наконецъ, тягостное молчаніе одна изъ моихъ спутницъ.

— Нѣтъ, я ужъ лучше здѣсь посижу. Какъ только выйду, такъ Грибъ сейчасъ начинаетъ: «когда ты, старый дьяволъ, уйдешь съ моей земли?» Или прямо съ кулаками. Вотъ дверь забилъ, крышу, трубу разворилъ, колодецъ засыпалъ. А билъ-то?.. Одинъ разъ—думала, умру... Въ хатѣ-то мнѣ всетаки лучше. Ругается Грибъ, а за стѣной-то не такъ слышно. И не такъ страшно, если бить захочетъ. Лазъ-то въ сѣняхъ я всегда заваливаю чѣмъ-нибудь.

— Что же, такъ вы и сидите?.. А пить-ѣсть гдѣ берете?—не смогъ удержаться я.

— Такъ и сидимъ. Сосѣдки воды иногда принесутъ, спасибо имъ. И пищу также. Или иногда дочка прибѣжитъ... Только всѣ ночью, а днемъ никому нельзя. Грибъ увидитъ, не пуститъ и изобьетъ. А иногда и голодная сижу, и безъ воды...

— И подолгу такъ приходится?

— Да какъ.... Однажды Грибъ и ночью поставилъ караулъ: была дня три безъ воды. Внучатамъ немного оставила, а сама такъ... не пивши...

Я вспомнилъ, что у бабки есть мужъ и дочь съ зятемъ; дѣти ихъ и сидѣли въ хатѣ.

— Но почему зять не живетъ съ вами? Тогда, вѣдь, не было бы такъ страшно.

— Ой!—воскликнула бабка.—Они всѣ просились, да не нужно...

нельзя мнѣ ихъ. Мужчины: вѣдь, не утерпятъ. Начнутъ драку съ Грибомъ. А Грибовъ шесть человѣкъ... Убьютъ они ихъ. И такъ я привезла сюда свою доченьку изъ нашей... изъ Кіевской губерніи на несчастіе... Да еще оставить ее вдовой-сиротой и заставить весь вѣкъ мучиться... Ужъ пусть меня лучше убьютъ... все равно, старая...

Бабка вытерла короткія и скупыя слезы.

— Знали-бы, ничего не продавали въ Кіевской губерніи. А то до чиста все распродали. Куда теперь приклонишь нищую головушку, на старости лѣтъ?..

— Хотя дѣтей выпусти, бабушка, на улицу. Пусть погуляютъ, пока мы здѣсь. При насъ Грибъ не ворвется,—сказала моя спутница.

— Тоже нельзя: изобьютъ ихъ Грибовы ребятишки. А то бы, развѣ, я не пустила? Жалко смотрѣть... сидятъ сердечные, несчастные со старухой въ этой могилѣ.

— Тогда отправьте внучатъ къ дочери. Здѣсь имъ совсѣмъ невозможно.

— А ужъ этого не могу... Сама понимаю, прости меня Господи, что правду вы говорите. Сама чувствую, что загубляю ихъ здоровье, сердце кровью обливается. А не могу ихъ отпустить. Съ ними-то все-таки веселѣе. А то одной въ хатѣ съума можно сойти. Особенно ночью. По ночамъ я совсѣмъ не сплю теперь. А Грибъ ходитъ, какъ домовой, за стѣной и ругается. Или въ окошки вдругъ начнетъ стучать и кричитъ, что убьетъ. Такъ иногда вся ночь проходитъ... Съ дѣтишками-то мнѣ все-таки веселѣе. Если и будетъ Грибъ убивать, не одна я буду... умру на младенческихъ глазахъ.

Бабка прижала къ себѣ внучку, цѣлуя ея русыя кудри. Въ хатѣ опять воцарилась тишина. Я чувствовалъ себя совершенно подавленнымъ.

— И долго вы думаете, бабушка, бороться съ Грибомъ?

— Да пока, видно, не убьетъ меня Грибъ,—отвѣтила она покорнымъ голосомъ.—Вотъ ждемъ теперь мы, то-есть, «собственники», что Государственный Совѣтъ скажетъ.

— Ну, а если, бабушка, и Совѣтъ ни на что не посмотритъ, возьметъ, да и откажетъ вамъ въ землѣ,—что вы тогда будете дѣлать?..

— Тогда, стало быть, нѣтъ правды на землѣ.

— Ну, хорошо. А что же вы будете дѣлать, чѣмъ жить-то?..

— Стало быть, тогда нѣтъ правды на землѣ...

Съ тяжелымъ чувствомъ простились мы со старухой... Поддерживать въ ней вѣру мы считали себя не вправѣ, но и указать какой либо другой выходъ были не въ силахъ.

Отвѣтъ этой старухѣ, все еще ждущей, что «вотъ пріѣдетъ

баринъ, баринъ насъ разсудитъ», въ сущности уже давно данъ старымъ бурмистромъ:

— И не жди! Не будетъ...

Кромѣ Агафьи Стеценко, не мало и другихъ кіевлянъ видѣлъ я въ томъ же и даже еще худшемъ положеніи. Вспоминается мнѣ, напримѣръ, Наталія Шаповалова. У нея также отняли хату и большой садъ, не говоря уже о пахотной землѣ, и безжалостно выкинули ее на улицу. А она—вдова, и у нея шесть человѣкъ дѣтей на рукахъ, изъ которыхъ младшему всего третій годъ... Много и другихъ драмъ разыгрывалось въ то время въ с. Кіевскомъ...

Но образъ старой бабки Агафьи Стеценко почему-то особенно ярко запечатлѣлся въ моей памяти и не разъ потомъ вставалъ передо мною съ ея хатой-могилой.

Что теперь съ нею? По-прежнему ли она отсиживается въ своей хатѣ? Или уже Карпъ Грибъ съ торжествующимъ и дикимъ смѣхомъ распахалъ мѣсто, гдѣ стояла послѣдняя? Сдалась ли бабка или все еще стоитъ эта твердыня «неподписавшихся»?

II.

10-го декабря 1911 года по порученію «Русскаго Богатства» я снова посѣтилъ село Кіевское. Уже на улицѣ, никуда еще не заѣзжая, я узналъ, что въ общихъ чертахъ положеніе въ Кіевскомъ почти не измѣнилось.

По-прежнему «собственники» или «неподписавшіеся» продолжаютъ жить въ своихъ хатахъ, стоящихъ на землѣ «арендаторовъ», а «арендаторы» или «подписавшіеся» продолжаютъ по прежнему выселять ихъ. Измѣнилось съ начала мая по декабрь 1911 года только то, что на селѣ стало болѣе раззоренныхъ и разбросанныхъ хатъ. Значительно также порѣдѣли ряды «собственниковъ»: многіе изъ нихъ, отчаявшись отстоять землю, покинули Кіевское.

А оставшіеся сильно устали отъ неравной и не давшей имъ никакихъ результатовъ борьбы. Ихъ охватило уныніе, тѣмъ болѣе неизбѣжное, что матеріальное положеніе многихъ изъ нихъ—прямо отчаянное.

Еще на улицѣ, когда я подъѣзжалъ къ дому одного знакомаго, меня остановила «собственница», Наталья Шаповалова.

— Здравствуйте!—окликнула она меня.—Это вы писали о насъ въ газетѣ? Я смотрю, какъ будто похожъ на того...

— Я.

На страницахъ одной екатеринодарской газеты мною былъ помѣщенъ довольно пространный фельетонъ о положеніи кіевскихъ

«собственниковъ», закончить который, однако, мнѣ не удалось по независящимъ отъ меня причинамъ.

Наталья Шаповалова радостно улыбнулась.

— Мы васъ ждали. Намъ говорили, что вы пріѣдете...

— Ну, а какъ у васъ тутъ?

Лицо «собственницы» мгновенно приняло печальное выраженіе. Губы ея нервно вздрогнули, и прежде чѣмъ отвѣтить, она шумно вздохнула.

— Совсѣмъ плохо,—беззвучно отвѣтила она.—Совсѣмъ плохо... Я вотъ сижу голодная съ шестерыми дѣтьми. Иногда заработаю тридцать копѣекъ, поѣдимъ, а то голодные сидимъ.

Она быстро замигала и заплакала обильными, беззвучными слезами, вытирая ихъ концомъ платка.

— А землю, видно, уже намъ не вернуть,—продолжала она, удерживая слезы.—Теперь бы куда-нибудь поѣхала, да какъ?.. куда?.. на что поѣдешь?.. А «арендаторы» наши совсѣмъ озвѣрѣли. Вчера Бычка зарѣзали...

— Какъ зарѣзали?!.

— Пришли ночью Грибы раззорять его хату и искололи Бычка кинжалами...

— Старый Грибъ приходилъ?..

— Нѣтъ... Сыновья его съ товарищемъ... Самъ то уже сдохъ, еще лѣтомъ. Слава Богу, холера взяла...

— Наталья, что вы говорите?!.

— А они насъ жалѣли? У меня, вонъ какой садъ отняли, о землѣ я уже не говорю... Три десятка яблонь, груши, слива... Сколько поту, крови въ него вложила, а они все заграбили, ни одной копѣйки не заплатили... А я съ голоду съ дѣтьми подыхаю... А Бычка изрѣзали,—за что?!. А?!.

— Ну, довольно... А бабка Агафья какъ, жива?

— У ней тоже Грибы хату растащили. Всю раззорили, теперь колышка нѣтъ. И бабку чуть не убили, когда потолокъ ломали... Разбойники настоящіе... Теперь бабка живетъ со своимъ дѣдомъ, снимаютъ у одного «арендатора» хату.

Часа два спустя я, вмѣстѣ съ Натальей, отправился къ Агафьѣ.

Когда мы вошли, въ хатѣ Степенко было уже нѣсколько «собственниковъ». Оказывается, за два часа вѣсть о моемъ пріѣздѣ разнеслась по всему селу и собравшіеся пришли ноговорить и послушать, что я скажу.

— Всюду обращались, нигдѣ не нашли правды, не знаемъ уже, куда и обращаться, ко всякому человѣку идемъ,—оправдывали они свой приходъ.

Но самой бабки Агафьи въ хатѣ не было... Мой фельетонъ въ екатеринодарской газетѣ дошелъ до Грибовъ и сильно обозлилъ ихъ, и они заявили, что, если я попадусь имъ на глаза, мнѣ

не сдобровать. Бабка и отправилась на мѣсто своей разворенной хаты предупредить меня. Теперь дочь бабки побѣжала за ней.

Собравшіеся въ хатѣ «собственники» обстоятельно разсказали мнѣ о случаѣ съ Бычкомъ. Хата послѣдняго стояла на участкѣ Грибовъ. Грибы нѣсколько разъ предлагали ему уйти съ ихъ земли «по-добру, по-здорову», но Бычекъ, подобно Агафьѣ Степенко, упорно отказывался. Тогда ночью 28 ноября Грибы съ однимъ товарищемъ, также «арендаторомъ», явились къ хатѣ Бычка и начали срывать крышу и ломать двери. Объ этомъ прослышалъ сынъ стараго Бычка и прибѣжалъ на помощь къ отцу. Въ происшедшей свалкѣ Грибы и нанесли молодому Бычку восемь ранъ кинжалами. По этому дѣлу ведется теперь слѣдствіе.

Также разворили Грибы и хату Зайца, которая стояла на ихъ землѣ. Растащили всю до послѣдняго бревна и вещи растаскали... Заяцъ пробовалъ судиться съ ними, да ничего не вышло.

Одинъ разсказъ слѣдовалъ за другимъ: у того разломали погребъ и выбросили картофель на морозъ, у другого—разворили сарай и т. д.

8-го октября Терентій Лисовой и Тарасъ Грибъ съ нѣсколькими пріятелями отправились къ дому «собственника» Быцуня. Того не было дома. «Арендаторы» влѣзли въ окошко, выломали дверь и выбросили всѣ Быцуневы вещи.

«На шестьсотъ рублей выкинули». Потомъ выгнали Быцуневъ скотъ и сарай заперли своимъ замкомъ. А сами вернулись къ Быцуню въ домъ, заколотили ворота толстыми кольями, натащили вина и давай пьянствовать. А когда перепились, пошли къ Завертайло и разворили у него большой сарай, повыкидавъ изъ него всѣ вещи. Часть вещей перетащили къ себѣ, а остальныя—подожгли. Такъ вотъ и хороводились... Быцунь, когда вернулся, пошелъ, было, объясняться съ Грибомъ, а тотъ встрѣтилъ его съ револьверомъ:

— Уходи,—говоритъ.—Намъ дозволено теперь всѣхъ васъ убивать и разворять. И ничего намъ за это не будетъ...

Завертайло обратился съ жалобой къ урядику, но онъ не обратилъ вниманія.

— Какъ же намъ жить послѣ этого? Что съ нами будетъ?—И всѣ глаза уставились на меня, какъ будто я могъ отвѣтить.

— Со всѣми такъ будетъ, какъ съ Бычкомъ,—всхлипнула Наталья Шаповалова.

— Молчи ужъ... безъ тебя невесело. До этого не допустимъ: сами вилы возьмемъ...

Пришла бабка Агафья.

— Что же осилили васъ Грибы, бабушка?—спросилъ я.

— Да что съ ними подѣлаешь,—горячо и гнѣвно начала бабка.—Настоящіе разбойники...

— Крышу-то еще до васъ свалили. А потомъ понадѣлали въ потолкѣ дыръ, дождь ко мнѣ и льетъ въ хату-то... И все пригова-

рываютъ: «это тебѣ за газету, старый чертъ!..» Это за то, что вы тогда про нихъ написали. «Подожди, говорятъ, попадется намъ этотъ босякъ, наломаемъ ему бока»... Внучатъ дочка взяла, потому—жить совсѣмъ трудно стало. На полу грязь по щиколку, вода. Ходила я вотъ такъ, по краюшкамъ, за стѣнку руками цѣплялась. Выйду на солнышко, чтобы обсохнуть, а Грибы за грудки хватаютъ: «Сиди въ своей норѣ, крыса, холеры на тебя нѣтъ!.. Сиди въ норѣ, дьяволъ полосатый, или сейчасъ всю твою рухлядь покидаемъ!..» Заболѣла я, лихорадка трясетъ, а выйти на улицу, чтобы вѣтромъ болѣзнь обдуло, не смѣю: Грибы опять за грудки. Словно стерегутъ,—только выйду, они ужъ начинаютъ пулять... И сосѣдокъ совсѣмъ перестали допускать ко мнѣ. Безъ пищи сидѣла, безъ воды. А они издѣваются: разложатъ надъ дорогой костеръ и кричатъ: «Твой босякъ писалъ, что мы не спалимъ тебя... А вотъ и обжаримъ.. Уходи лучше изъ хаты!. А то вотъ зайдемъ вытащимъ за ноги и спалимъ на этомъ кострѣ.. Уходи, старая вѣдьма!!». И вещей у меня сколько растащили; отбили крышку у сундука и почти все къ себѣ перетаскали... Гречиха у меня въ сѣнцахъ стояла, такъ вытащили и высыпали въ навозъ. Послѣ я ее выбирала, да куда она годится? А въ послѣднiй день забрались на потолокъ съ ломами, съ топорами и кричатъ мнѣ оттуда: «Выходи, вѣдьма кiевская!.. Пока жива,—выходи!.» Я говорю: «Не пойду я... моя это хата и моя земля».. «А, не пойдешь?»—да по матерному,—«такъ мы тебя и похоронимъ здѣсь!» И давай ломать потолокъ. Я кричу, забилась въ уголъ, а они ломаютъ... Земля сыпится.. Такъ и завалили меня. Въ уголъ только я забилась, тѣмъ и спаслась отъ смерти. Прибѣжали «собственники» нѣкоторые, зять прибѣжалъ, выволокли меня изъ-подъ мусора, а Грибы стѣны ужъ ломаютъ.. Теперь вмѣсто хаты пустое поле. Все грабители къ себѣ перетащили... Завтра вотъ судъ у насъ съ ними въ Темрюкѣ. Зять поѣдетъ... Что-то будетъ?..

— Что же вы теперь думаете дѣлать?—спросилъ я «собственниковъ».—Не надумали, куда-нибудь переѣхать?

— Да куда-же и съ чѣмъ поѣдешь!.

— Вотъ ждемъ теперь, что Государственный Совѣтъ скажетъ...

— Да ничего вамъ не будетъ изъ Государственнаго Совѣта,— не утерпѣлъ я.—Разъ въ Думѣ вамъ отказали, то до Совѣта и не дойдетъ ваше дѣло. Что же вы будете дѣлать?..

Оказалось, что у «собственниковъ» имѣется еще надежда. Они разсчитываютъ выиграть искъ, предъявленный ими къ крестьянскому банку за то, что онъ продалъ за безцѣнокъ ихъ урожай. Это дѣло ведется въ Петербургскомъ судѣ и должно разсматриваться на дняхъ.

— Если взыщемъ съ банка, судиться будемъ, землю свою взыщемъ. Тутъ у насъ въ Екатеринодарѣ одинъ адвокатъ берется за это дѣло. Только двѣ тысячи рублей проситъ. Одну тысячу сей-

часъ, а другую—послѣ. Теперь у насъ нѣтъ этихъ денегъ, а то бы мы уже начали черезъ него судъ.

— Ничего не выйдетъ у васъ изъ этого суда... Ну, а если вы не получите съ банка по вашему иску за хлѣбъ?..

— Получимъ!..

— А если вдругъ—нѣтъ?

— Подадимъ тогда прошеніе на Высочайшее имя о землѣ...

— А развѣ не подавали?

— Три раза подавали,—отозвался старый «собственникъ».— Одинъ разъ въ Петербургѣ, другой—въ Ялтѣ, а послѣдній—въ Кіевѣ...

— И что же?

Въ хатѣ воцарилась унылая и скорбная тишина. Ее прервалъ опять старый ходокъ, бывшій и въ Петербургѣ, и въ Ялтѣ, и въ Кіевѣ.

— А теперь еще подадимъ,—медленно, но довольно твердо сказалъ онъ.

— Зачѣмъ?

— Подадимъ еще, посмотримъ...

— Ничего намъ не будетъ...—прервала его Наталья Шаповалова.—Всѣхъ порѣжутъ «арендаторы», какъ Бычка...

— И что же я-то буду дѣлать съ ребятами?!—вдругъ громко заголосила она, какъ будто что-то неожиданно порвалось у нея внутри. И, стиснувъ голову руками, она уронила ее на колѣни и заплакала протяжнымъ, щемящимъ сердце плачемъ.

— Ну... ну. Ну, перестань... Сказано—баба,—урезонивали ее другіе. Но уговаривали тихо, сдержанно и печально, сознавая, повидимому, всю безнадежность своего положенія...

Съ еще болѣе тяжелымъ чувствомъ, чѣмъ въ первый разъ, покинулъ я Кіевское.

А. Родной.

P. S. Когда настоящая статья была уже закончена мною, я получилъ извѣстіе, что темрюкскій мировой судья присудилъ взыскать въ пользу Агафьи Стеценко съ «арендаторовъ» Грибовъ 405 руб. за расхищенныя вещи. Эта чуть ли не единственная поддержка, которую получили «собственники» въ своей борьбѣ, способна, повидимому, поднять ихъ энергію. По крайней мѣрѣ, неугомонная Стеценко, какъ сообщаютъ мнѣ, возбуждаетъ теперь дѣло противъ Грибовъ по обвиненію ихъ въ самоуправствѣ...

Во всякомъ случаѣ борьба еще не кончилась...

А. Р.

Изъ Англіи.

I.

Парламентъ собрался не въ очередь осенью, чтобы обсудить законопроектъ объ обязательномъ страхованіи, внесенный еще въ февралѣ. Въ то время, какъ читатели «Русскаго Богатства» знаютъ, законопроектъ былъ встрѣченъ всеобщими похвалами даже со стороны оппозиціи. Иначе консерваторы и не могли поступить. Во-первыхъ, они сами обѣщали Insurance Bill (билль о страхованіи); во-вторыхъ, когда обсуждался законопроектъ о государственной пенсіи для стариковъ, оппозиція доказывала, что недостатокъ билля заключается въ томъ, что рабочіе ничего не платятъ. Консервативныя газеты совѣтовали министру финансовъ съѣздить въ Германію, чтобы тамъ изучить постановку вопроса о пенсіи и объ обязательномъ страхованіи. И вотъ канцлеръ казначейства съѣздилъ въ Германію, изучилъ тамъ вопросъ объ обязательномъ страхованіи и внесъ нѣмецкій принципъ («въ страхованіи участвуютъ рабочіе, предприниматели и государство) въ свой новый законопроектъ. Повидимому, оппозиція должна была успокоиться. Дѣйствительно, второе чтеніе (т. е. принципіальное обсужденіе вопроса) прошло совершенно спокойно. Билль былъ принятъ тогда всѣми партіями. Затѣмъ законопроектъ отложили до осени, а лѣтомъ въ Англіи, какъ извѣстно, произошло много событій, которыя поселили глубокое раздраженіе въ рабочихъ массахъ противъ министерства. На почвѣ раздраженія и недовѣрія выросло у рабочихъ новое отношеніе къ биллю объ обязательномъ страхованіи. И это чувство было немедленно использовано оппозиціей въ партійныхъ интересахъ. Въ началѣ года консервативная печать призывала всѣ партіи къ совмѣстной разработкѣ билля. «Выполнимъ вмѣстѣ планъ, намѣченный министромъ финансовъ,—писалъ ультра-консервативный Observer.—Юніонисты и либералы должны вмѣстѣ придать окончательную форму законопроекту. И если это будетъ выполнено, парламентъ сможетъ похвалиться великимъ закономъ... Партійная борьба, кипѣвшая такъ сильно послѣдніе два года, теперь немыслима». Что касается Ллойдъ-Джорджа, та же газета писала: «Когда канцлеръ казначейства не разрушаетъ, а создаетъ, онъ является великимъ государственнымъ дѣятелемъ. Во всякомъ случаѣ законопроектъ объ обязательномъ страхованіи выработанъ человѣкомъ, котораго можно поставить рядомъ съ величайшими коммонерами XVIII и XIX вѣковъ». Въ октябрѣ, когда началось обсужденіе законопроекта, консервативная печать открыла

вдругъ, что билль, который она въ маѣ находила «стройнымъ», «живымъ» и «справедливымъ»,—«ужасенъ», «нелѣпъ», «туманенъ» и представляетъ собою въ одно и то же время «грабежъ» предпринимателей и «налогъ на рабочихъ». Daily Mail подняла противъ законопроекта всѣхъ матронъ, держащихъ прислугу и не желающихъ платить за каждую по 12 коп. въ недѣлю. По иниціативѣ той же газеты возникла Лига протеста противъ страховаго налога (Insurance Tax Protest League), члены которой заявляютъ, что окажутъ пассивное сопротивленіе биллю, когда онъ станетъ закономъ, т. е. что не будутъ платить страховыхъ денегъ. Затѣмъ протестующіе стали взывать къ наслѣдственнымъ законодателямъ. Въ старинной итальянской комедіи герою кричатъ: Di il vero e effronterai il Diavolo»! (Скажи правду и посрами дьявола). Такой же, приблизительно, совѣтъ со всѣхъ сторонъ подавали консервативныя газеты лордамъ, когда билль о страхованіи прошелъ въ Нижней палатѣ.

«Верхняя палата должна отвергнуть жестокій, несправедливый, тиранническій, запутанный, нелѣпый, никому непонятный билль», вопили изо дня въ день въ Daily Mail «милліоны» разъяренныхъ барынь, не желающихъ вносить три пенса въ недѣлю за каждую прислугу. «Лорды должны сдѣлать поправку въ томъ смыслѣ, что по поводу билля надо устроить референдумъ», — совѣтовалъ «Times». Правда, Нижняя палата отвергнетъ поправку, но важно то, что Верхняя палата выскажется принципіально за референдумъ». Сторонній наблюдатель не можетъ безъ улыбки слышать, какъ ярые консерваторы грудью отстаиваютъ теперь такую якобинскую мѣру, какъ референдумъ. Правда, референдумъ помогъ Наполеону III, но въ Англіи нѣтъ такихъ представителей центральной власти въ провинціи, какъ префекты или супрефекты. Вотъ почему «оперировать» надъ избирательными ящиками здѣсь немыслимо. «Надо безусловно принять билль, — доказывалъ изъ недѣли въ недѣлю Observer. — Такимъ образомъ правительство попадетъ въ капканъ: оно выработало до такой степени непопулярный законъ, что избиратели возстанутъ и либеральная партія будетъ не у дѣлъ двадцать лѣтъ». «Единственная надежда коалиціи (т. е. либераловъ) теперь,— писалъ Гарвинъ въ Observer'ѣ,— это то, что пэры сыграютъ имъ въ руку, т. е. отклонятъ законопроектъ о государственномъ страхованіи или внесутъ поправку о референдумѣ. Въ такомъ случаѣ, Ллойдъ-Джорджъ будетъ имѣть возможность убрать своего уродца... Мы все время доказывали, что принятіе билля, за который юніонисты не отвѣтственны, представляетъ лучшій способъ направить Немезиду противъ либераловъ. Неужели юніонисты будутъ настолько безумны, что отклоненіемъ билля помогутъ правительству выпутаться изъ того капкана, который оно само себѣ разставило»? «Надо принять билль, чтобы заставить правительство вариться въ собственномъ соку».

Какъ и во время борьбы за бюджетъ и за парламентскій билль, властителемъ думъ консервативной партіи явился не Times, а Observer. При второмъ чтеніи билля въ Верхней палатѣ лордъ Лэнсдаунъ заявилъ, что наслѣдственнымъ законодателямъ ничего не остается, какъ только принять билль. Передъ Рождествомъ законопроектъ объ обязательномъ страхованіи сталъ закономъ, который войдетъ въ силу въ іюлѣ 1912 года. Буря, поднятая биллемъ, однако, не только не улеглась, но, напротивъ, все увеличивается. Январскія книжки англійскихъ журналовъ содержатъ статьи о новомъ законѣ, написанныя съ такою страстностью и запальчивостью, какъ будто только еще обсуждается принципъ законопроекта. Insurance Tax Protest League выпустила десятки еще болѣе запальчивыхъ памфлетовъ, направленныхъ противъ новаго закона. Въ этихъ брошюрахъ и листкахъ рабочихъ увѣряютъ, что Ллойдъ-Джорджъ обложилъ трудящіяся массы «налогомъ», такъ какъ нуждается въ деньгахъ для уплаты пенсіи старикамъ. Въ Англіи есть старинная карикатура, изображающая охотника, который кормитъ собаку ея же собственнымъ хвостомъ. Литература, изданная Лигой протеста противъ страхового налога, увѣряетъ рабочихъ, что они—эта собака, а охотникъ Ллойдъ-Джорджъ. Критика новаго закона сводится къ тому, что онъ, кромѣ того, что несправедливъ, еще «запутанъ», «противорѣчивъ», «непонятенъ». Каждый разъ, когда мнѣ приходится говорить съ знакомыми консерваторами о новомъ законѣ, они мнѣ приводятъ упомянутый аргументъ.

— Законопроектъ былъ передъ страною пять мѣсяцевъ, но я ничего не понимаю, паціенты не понимаютъ, никто ничего не понимаетъ, — сказалъ мнѣ съ раздраженіемъ врачъ нашего округа, устраивающій какую-то лигу протеста. Можно подумать, что новый законъ написанъ не по англійски, а по халдейски, и что онъ представляетъ собою тарабарщину. Въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго. Конечно, въ законѣ сотни параграфовъ, предусматривающихъ техническія мелочи. Нѣкоторые параграфы, напр., имѣютъ въ виду спеціальные пункты устава какого нибудь дружественнаго общества, понятные только его сочленамъ. Но въ общемъ законъ отличается ясностью, стройностью и логичностью, въ чемъ сейчасъ же убѣдятся читатели. Чтобы познакомить ихъ съ закономъ, я приведу здѣсь же «меморандумъ», выпущенный министерствомъ и даже не безчисленныя «изложенія» *). Такъ какъ я боюсь, что техническія подробности утомятъ читателя, то я попробую взять нѣсколько конкретныхъ примѣровъ.

Мы въ Сѣверномъ Лондонѣ, на новой улицѣ, представляющей собою, если можно выразиться, водоплескъ каменнаго моря. Улица

*) Самое лучшее это—„Insurance pamphlets“ (№№ 1—2) выпущенные редакціей „Daily News“.

обстроена коттеджами, рента которыхъ 27—30 ф. ст. въ годъ. Одна изъ этихъ «виллъ» называется «Алмазный юбилей», а другая—«Вязы» (неизвѣстно почему). Въ «Алмазномъ юбилеѣ» живетъ мистеръ Джонъ Смитъ, въ «Вязахъ»—мистеръ Джозефъ Пальмеръ. Одинъ—клэркъ, другой—рабочій, имѣющій постоянное занятіе въ каретной мастерской, изготовляющей теперь верхи для автомобилей. И Смитъ, и Пальмеръ люди старательные, заботливые, думающіе о завтрашнемъ днѣ и о возможности заболѣть и умереть. Клэркъ Смитъ принадлежитъ къ дружественному обществу «Старые лѣсничіе», а рабочій Пальмеръ—къ трэдъ-юніону. «Friendly Society» (дружественное общество) это—общество взаимнаго страхованія наиболѣе бѣдныхъ классовъ общества (но наиболѣе обезпеченныхъ среди людей, живущихъ жалованьемъ) на случай болѣзни, вообще несчастныхъ случаевъ и смерти. Общества подобнаго рода существовали уже въ концѣ XVI вѣка. Дружественныя общества принимаютъ только такихъ сочленовъ, заработокъ которыхъ до извѣстной степени правиленъ. Затѣмъ *Friendly Society* предъявляетъ къ своимъ сочленамъ нѣкоторыя моральныя требованія. Всѣхъ зарегистрованныхъ дружественныхъ обществъ теперь въ Соединенномъ королевствѣ 29.517, а число членовъ—13.777.483. Общества располагаютъ капиталомъ въ 57,4 мил. ф. ст. Нѣкоторыя изъ дружественныхъ обществъ малочислены, другія, напротивъ, насчитываютъ своихъ сочленовъ десятками тысячъ. «Ноттингэмскій орденъ чудаковъ» (Nottingham Order of Oddfellows) *), напр., насчитываетъ 36.648 членовъ, а ежегодный приходъ его—56.033 ф. ст. «Сердцевина дуба» (Hearts of Oak) имѣетъ 301.150 сочленовъ при годовомъ приходѣ въ 722.340 ф. ст., «Орденъ Друидовъ»—66.162 сочлена и приходъ въ 108.291 ф. ст. Къ дружественному обществу «Старинные лѣсничіе» принадлежатъ 608.728 членовъ, а приходъ его—1.236.274 ф. ст. Самое богатое дружественное общество—«Манчестерское единеніе чудаковъ» (Manchester Unity Oddfellows). Въ немъ 749.363 сочлена, а годовой приходъ «Единенія» — 1.621.627 ф. ст. (Всѣ цифры относятся къ 1910 году).

Какъ Смитъ, такъ и Пальмеръ состоятъ членами, такъ называемыхъ, «докторскихъ клубовъ», т. е. «лѣсничіе» и трэдъ-юніонисты группируются въ кружки, имѣющіе своего доктора, которому платятъ въ годъ по четыре шиллинга съ брата. Въ эту плату входитъ и лѣкарство. «Клубамъ» предлагаютъ обыкновенно свои услуги молодые врачи, только что сколачивающіе практику. То обстоятельство, что извѣстная часть населенія даннаго квартала принадлежитъ къ «докторскому клубу», является для врача гарантіей отъ конкурента. Тутъ умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ объ англійскихъ врачахъ. Такъ какъ университетское образованіе въ

*) Странныя названія зародились еще въ тѣ времена, когда „дружественныя общества» были тайными организаціями.

Англіи очень дорого, то члены врачебной корпораціи по происхожденію принадлежатъ къ среднимъ классамъ. Врачебная корпорація фактически—самый организованный и самый крѣпкій трэдъ-юніонъ въ Англіи. Большая часть врачей это—«practitioners», уровень знаній которыхъ могъ бы быть выше. Масса «practitioners» до сихъ поръ слѣпо вѣритъ въ сложныя лѣкарства и, какъ во времена Мольера, прописываетъ лѣкарства «прохладительныя» и «очищающія кровь». Составъ этихъ лѣкарствъ является секретомъ врача. Онъ самъ приготовляетъ микстуру и присылаетъ ее на домъ больному, безъ сигнатуры. Когда Кандидъ встрѣчаетъ своего мудраго учителя, сильно попорченнаго болѣзнью, Панглоссъ скорбно объясняетъ, почему онъ не лѣчился:

— Je n'ai pas le sou, mon ami, et dans toute l'étendue de ce globe, on ne peut ni se faire saigner, ni prendre un lavement sans payer.

(У меня нѣтъ ни гроша, мой другъ. А безъ денегъ на всемъ протяженіи земного шара нигдѣ нельзя себѣ ни пустить кровь, ни поставить клистиръ).

Слова Панглосса вполнѣ понятны англичанамъ. Англійскій врачъ даетъ своему профессіональному союзу обѣщаніе не лѣчить даромъ. «Коль нѣтъ денегъ, ступайте въ госпиталь или зовите полицейскаго врача»,—сказалъ бы докторъ бѣдному паціенту. Исполненіе такого совѣта равносильно обращенію къ общественной помощи, т. е. признанію себя пауперомъ. Когда англійскаго врача призываютъ впервые къ больному, докторъ дѣлаетъ въ умѣ математическій разсчетъ: онъ мысленно опредѣляетъ квартирную плату паціента, затѣмъ помножаетъ ее на пять. Такимъ образомъ, приблизительно, опредѣляется доходъ больного. Въ зависимости отъ этого дохода, врачъ назначаетъ свой гонораръ. Обыкновенно англійскіе врачи посылаютъ паціенту счетъ каждые три мѣсяца; но въ случаѣ сомнѣнія въ платежной способности больного, врачъ можетъ потребовать свой гонораръ впередъ. Я помню такой случай, о которомъ появилась газетная замѣтка года четыре назадъ. Призываютъ разъ ночью врача къ ребенку, съ которымъ случился припадокъ конвульсій. Родители—бѣдные рабочіе. Врачъ заявляетъ, что его гонораръ за ночной визитъ 7 ш. 6 пенсовъ и требуетъ деньги впередъ. Отецъ объясняетъ, что онъ теперь безъ работы и что всѣхъ денегъ у него только 5 шил.. «Давайте ихъ сюда и достаньте еще 2 ш. 6 п.»,—отвѣтилъ врачъ. Затѣмъ онъ осмотрѣлъ ребенка и велѣлъ отцу придти черезъ полчаса за лѣкарствомъ. «Достали еще полкроны?»—спросилъ врачъ, когда пришелъ отецъ ребенка.

— Нѣтъ. Теперь часъ ночи. Стучался къ сосѣдямъ, но ни у кого нѣтъ денегъ. Завтра обѣщали.

— Нѣтъ денегъ, нѣтъ лѣкарства,—спокойно отвѣтилъ врачъ. И напрасно отецъ молилъ доктора.

Къ утру ребенокъ скончался. Отецъ привлекъ врача къ суду.

— Мои условія—$7^{1}/_{2}$ шиллинговъ за ночной визитъ,—отвѣтилъ врачъ.—Я большаго не требовалъ. Что же касается моей настойчивости, то ее нельзя назвать незаконной, такъ какъ никто не обязанъ работать даромъ. Вольные столько разъ обманывали меня, обѣщая уплатить за визитъ, но не платя, что я рѣшилъ, наконецъ, при сомнѣніи въ добросовѣстности паціента, твердо проводить принципъ: «деньги впередъ». Если отецъ ребенка дѣйствительно такъ нуждался, какъ онъ говоритъ, то почему же онъ обратился ко мнѣ, частному врачу, а не къ безплатному полицейскому доктору для бѣдныхъ?

Судъ оправдалъ врача, найдя, что, дѣйствительно, никто не обязанъ даромъ отдавать свой трудъ.

Я упомянулъ уже, что въ гонораръ врача входитъ и лѣкарство, Составъ его—глубокій секретъ. Понятіе паціента о лѣкарствѣ опредѣляется цвѣтомъ и противнымъ вкусомъ. И если врачъ присылаетъ больному бутылочку съ окрашенной жидкостью, вызывающей при пріемѣ почти тошноту,—паціентъ вполнѣ доволенъ. У молодыхъ врачей мѣшаютъ лѣкарства ихъ жены, свояченицы, тещи, бабушки, словомъ, каждый, кому въ данный моментъ дѣлать нечего. Въ каждомъ сколько-нибудь серьезномъ случаѣ приходится обращаться къ «specialist». Эти «спеціалисты», въ общемъ, прекрасные и знающіе врачи, хотя слишкомъ вѣрятъ въ ножъ. Большой недостатокъ этихъ «спеціалистовъ» это то, что они берутъ за визитъ у себя на дому не мэньше двухъ гиней (т. е. 20 рублей). И сколько разъ приходится класть на край камина эти двѣ гинеи больному, которому на континентѣ помогъ бы любой толковый и добросовѣстный практикующій врачъ, довольствующійся 5—10 франками или марками! За помощью къ «спеціалистамъ» могутъ обращаться только люди изъ среднихъ классовъ.

Возвратимся теперь къ нашимъ гипотетическимъ Смиту и Пальмеру. Такъ какъ имъ больше 16 лѣтъ и такъ какъ они получаютъ въ годъ меньше 160 ф. ст., то по новому закону обязаны застраховаться. У Смита и Пальмера будутъ особыя книжки, куда еженедѣльно, при уплатѣ жалованья, хозяинъ налѣпитъ марку на семь пенсовъ. Четыре пенса платитъ Смитъ или Пальмеръ, а три пенса—хозяинъ. Государство отъ себя прибавляетъ еще два пенса, т. е. всего въ страховой фондъ пойдетъ еженедѣльно 9 пенсовъ, или 36 копѣекъ. Когда книжка эта кончится, Смитъ отошлетъ ее дружественному обществу «Старыхъ лѣсничихъ», къ которому принадлежитъ, а Пальмеръ—своему трэдъ-юніону. Оба общества получатъ отъ казны столько денегъ, сколько значится въ книжкахъ. Этимъ суммамъ долженъ вестись отдѣльный счетъ отъ другихъ денегъ.

Время отъ времени правительственные контролеры ревизуютъ страховые фонды общества. Такимъ образомъ, государство призываетъ на помощь существующіе уже союзы и организаціи и ста-

вить только условіемъ, чтобы въ нихъ было не меньше 5 тысячъ человѣкъ, и чтобы общества или союзы находились подъ непосредственнымъ контролемъ сочленовъ. Такія общества или союзы носятъ въ новомъ законѣ названіе «Approved Societies» (одобренныя общества). Въ данномъ городѣ, предположимъ, у рабочихъ, не принадлежащихъ къ трэдъ-юніонамъ, существуютъ уже два различныхъ «докторскихъ клуба», касса на случай похоронъ и касса помощи вдовамъ. Такъ какъ въ каждой изъ этихъ организацій меньше пяти тысячъ членовъ, то онѣ не будутъ «Approved Societies», т. е. не будутъ получать страховыхъ денегъ для распредѣленія между больными. Но кассы эти могутъ слиться вмѣстѣ и тогда онѣ составятъ «одобренное общество».

Что получаютъ Смитъ и Пальмеръ за свои деньги?

Смитъ заболѣлъ. Онъ можетъ позвать врача изъ списка, заранѣе составленнаго мѣстнымъ комитетомъ народнаго здравія, спеціально созданнымъ новымъ закономъ.

Комитетъ этотъ состоитъ изъ представителей отъ «одобренныхъ обществъ» («Approved Societies») и отъ сберегательныхъ кассъ ($^3/_5$ всего комитета), отъ корпораціи врачей, мѣстнаго самоуправленія и отъ министерства финансовъ. Врачъ, призванный къ Смиту, прописываетъ лѣкарство, которое больной можетъ заказать въ любой аптекѣ. Врачи, выразившіе мѣстному комитету народнаго здравія свое согласіе быть внесенными въ списокъ, получаютъ съ каждаго больного 6 шиллинговъ въ годъ. По разсчетамъ на врача приходится около 1000 паціентовъ въ годъ, т. е. 300 ф. ст. или 3 тысячи рублей.

Смитъ боленъ серьезно. У него по опредѣленію врача воспаленіе легкихъ. И вотъ, на четвертый день послѣ заболѣванія, Смитъ начинаетъ получать изъ «одобреннаго общества», къ которому принадлежитъ, по 10 шил. въ недѣлю. Выдача пособія продолжается двадцать шесть недѣль. У Пальмера въ это время заболѣли глаза. Онъ получаетъ первыя 26 недѣль по 10 шил. Глаза не улучшились, а напротивъ, зрѣніе ухудшилось такъ, что Пальмеръ не можетъ больше работать. И вотъ по истеченіи 26 недѣль онъ начинаетъ получать по 5 шил. въ недѣлю. Пособіе будетъ выдаваться «for the term of his natural life», т. е. пожизненно. У Смита воспаленіе легкихъ прошло; но у него скоро начался туберкулезный процессъ. Если врачъ опредѣлитъ чахотку, мѣстный комитетъ народнаго здравія помѣститъ Смита въ одинъ изъ санаторіевъ, которые будутъ спеціально устроены.

По новому закону, покуда Смитъ болѣетъ, домовладѣлецъ не можетъ выгнать его за невзносъ квартирной платы.

Смитъ ждетъ приращенія семейства, и жена его получаетъ на роды 30 шил. (15 рублей).

Параллельно съ улицей, гдѣ живутъ Смитъ и Пальмеръ, идетъ другая улица, обстроенная лучшими коттеджами. Здѣсь живутъ

люди, держащіе уже прислугу. Въ одной изъ этихъ «виллъ» служитъ «за все» Мэри-Энъ Баркеръ. Она тоже обязана страховаться. До сихъ поръ Мэри-Энъ не принадлежала ни къ какой организаціи, но правительство разсчитываетъ, что теперь возникнутъ новые трэдъ-юніоны горничныхъ или что существующія дружественныя общества откроютъ для нихъ свои двери. По разсчетамъ правительства, къ 1915 году всѣ неорганизованные рабочіе (и прислуга въ томъ числѣ) будутъ принадлежать къ какому-нибудь «Approred Society», т. е. одобренному обществу (Читатели помнятъ, конечно, что «одобреніе» находится въ зависимости не отъ благонамѣренности общества, а отъ финансовой прочности его). Но такъ какъ покуда надо пристроить какъ-нибудь Мэри-Энъ, не принадлежащую ни къ какому союзу, то по новому закону она временно становится *Post office contributor*, т. е. вкладчицей сберегательной кассы. Почтовая контора временно исполняетъ ту же обязанность, что и «одобренное общество». При этомъ умышленно сдѣлано такъ, что вкладчицы (или вкладчики) поставлены въ менѣе выгодныя условія, чѣмъ члены трэдъ-юніоновъ или дружественныхъ обществъ.

Невыгодность положенія должна заставить *Post office contributors* скорѣе вступить въ какое-нибудь «одобренное общество». У Мэри-Энъ Баркеръ тоже имѣется книжка, куда еженедѣльно барыня налѣпляетъ марку на *шесть пенсовъ*. Три пенса вноситъ барыня, а три пенса—Мэри-Энъ. Государство отъ себя прибавляетъ два пенса. Когда книжка наполнена, она отсылается *на почту*, гдѣ у Мэри-Энъ будетъ отдѣльный текущій счетъ. Первые шесть мѣсяцевъ застрахованная не получаетъ никакихъ льготъ, кромѣ врачебной помощи. Черезъ шесть мѣсяцевъ Мэри-Энъ получитъ, если заболѣетъ, по распоряженію мѣстнаго комитета народнаго здравія, $7^1/_2$ шил. въ недѣлю. И эта помощь будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, покуда есть фондъ на текущемъ счету. Если Мэри-Энъ (какъ это часто бываетъ съ горничными) заболѣетъ чахоткой, больной обезпечено мѣсто въ санаторіи. Если Мэри-Энъ вступитъ въ «одобренное общество», она получитъ въ случаѣ болѣзни первыя 26 недѣль по $7^1/_2$ шил., а потомъ по 5 шил. въ недѣлю. Предположимъ, хозяйка, у которой живетъ Мэри-Энъ, добра и не отпускаетъ больную прислугу; пособіе ей все-таки будетъ выдаваться. Покуда Мэри-Энъ находится въ санаторіи, ея роднымъ, *если они зависятъ отъ ея помощи*, выдается по 5 шил. въ недѣлю.

Мэри-Энъ вышла замужъ. Одна треть денегъ, числящихся на ея счету, переносится въ спеціальный фондъ (Special married Woman's suspense account), который дастъ Мэри-Энъ возможность застраховаться, если она овдовѣетъ. Остальныя $^2/_3$ Мэри-Энъ можетъ получить въ случаѣ болѣзни или матеріальной нужды (когда мужъ потеряетъ работу) выдачами въ размѣрѣ 5 шил. въ недѣлю.

Если Мэри-Энъ захочетъ, она, внося по 3 пенса въ недѣлю, будетъ считаться тоже застрахованной, и тогда, въ случаѣ болѣзни, будетъ получать пособіе, какъ и ея мужъ. Мэри-Энъ умерла. Половина суммы, имѣющейся на ея счету на почтѣ, выдается ея наслѣдникамъ.

Барыня, у которой служитъ Мэри-Энъ, можетъ вносить еженедѣльно не 3 пенса, а $2^1/_2$ пенса; Мэри-Энъ можетъ платить не 3 пенса, а 2 пенса въ недѣлю, но тогда, если прислуга заболѣетъ, хозяйка обязана платить ей жалованье первые шесть мѣсяцевъ. Вмѣстѣ съ Мэри-Энъ вкладчиками на почтѣ являются мужчины, не принадлежащіе ни къ какому «одобренному обществу» по недостаточности средствъ или по строптивости характера.

Предположимъ, предъ нами не Мэри-Энъ, а работница Флори, притомъ не фабричная, но жертва «выжимальщиковъ пота», вырабатывающая меньше $1^1/_2$ шиллинговъ въ недѣлю. Въ такомъ случаѣ предприниматель вноситъ еженедѣльно шесть пенсовъ, государство три пенса, а Флори—ничего.

До сихъ поръ мы видѣли служащихъ, *обязанныхъ* застраховаться. Теперь передъ нами владѣлица табачной лавочки Эдуардсъ или деревенскій кузнецъ Уайтъ. Оба—сами хозяева, но вырабатываютъ они не больше 160 ф. ст. въ годъ. Если Эдуардсъ и Уайтъ пожелаютъ, они могутъ *добровольно* застраховаться: первая вноситъ тогда шесть пенсовъ, а второй—семь пенсовъ въ недѣлю. Государство отъ себя прибавляетъ два пенса, *если застрахованный британскій гражданинъ* или если, хотя и иностранецъ, уже пять лѣтъ принадлежитъ къ какому-нибудь трэдъ-юніону или дружественному обществу. Въ случаѣ болѣзни Эдуардсъ и Уайтъ получаютъ то же, что обязательно застрахованные.

Таковъ въ общихъ чертахъ новый законъ. Читатель видитъ что государство опирается на самодѣятельность застрахованныхъ и оказываетъ даже на нихъ извѣстное давленіе, чтобы они вступали въ профессіональные союзы или же въ дружественныя общины.

II.

Новый законъ встрѣчаетъ теперь суровыхъ критиковъ среди врачей, предпринимателей и рабочихъ. Разсмотримъ возраженія, выставляемыя каждою изъ этихъ группъ. Правительство послало билль раньше, чѣмъ парламентъ приступилъ къ третьему чтенію, ассоціаціи врачей. Выборное правленіе этой ассоціаціи (British Medical Association), разсмотрѣвъ законопроектъ, одобрило его въ принципѣ 1 іюня 1911 года, намѣтивъ шесть желательныхъ поправокъ:

1. Медицинской помощью, какъ она намѣчена въ законо-

проектѣ, должны пользоваться только лица, зарабатывающія не больше двухъ фунтовъ стерл. въ недѣлю.

Врачи, какъ видите, опасаются, что паціентъ, могущій заплатить больше, отдѣлается отъ нихъ только тѣмъ гонораромъ, который полагается по законопроекту.

2. Каждый застрахованный дѣйствительно можетъ выбирать какого хочетъ врача, если только послѣдній согласенъ на это.

3. Гонораръ врачамъ устанавливаетъ и распредѣляетъ не дружественное общество и не трэдъ-юніоны, а мѣстный комитетъ народнаго здравія.

Требованіе это совершенно законно и справедливо. Теперь секретари «докторскихъ клубовъ» (т. е. кружка лицъ, взаимно застрахованныхъ на случай болѣзни) по возможности стараются урѣзать гонораръ врачей. Болѣе того, врачамъ приходится платить тайныя коммиссіонныя деньги этимъ секретарямъ, хотя по англійскому закону это—преступленіе. Врачи совершенно справедливо опасаются, что секретари трэдъ-юніоновъ и дружественныхъ обществъ пойдутъ по слѣдамъ секретарей докторскихъ клубовъ. Въ комитетахъ же народнаго здравія, какъ мы видѣли, врачебная корпорація будетъ имѣть своихъ представителей.

4. Врачебная корпорація должна имѣть своихъ представителей въ центральной администраціи (Insurance commission), въ совѣщательномъ комитетѣ по дѣлу о страхованіи и въ мѣстныхъ комитетахъ народнаго здравія.

5. Гонораръ опредѣляется отдѣльно для каждаго округа, соображаясь съ существующими условіями и съ вознагражденіемъ, получаемымъ мѣстными врачами.

6. Гонораръ долженъ быть подходящій.

Таковы «шесть пунктовъ», о которыхъ теперь приходится слышать отъ каждаго врача. Второй, третій и четвертый пункты включены въ новый законъ. Фактически принятъ также и пятый пунктъ. Извѣстный врачъ и членъ парламента Кристоферъ Аддисонъ, разбирая законъ и доказывая коллегамъ, что онъ вполнѣ пріемлемъ, объясняетъ, что въ парламентскій актъ нельзя включать размѣръ гонорара. Въ самомъ дѣлѣ, вознагражденіе, вполнѣ достаточное въ одномъ округѣ, будетъ мало въ другомъ. Врачи особенно настаивали на первомъ пунктѣ, т. е., чтобы медицинскую помощь, какъ она опредѣляется въ новомъ законѣ, получали только лица, зарабатывающія не больше двухъ фунтовъ въ недѣлю; но именно этотъ пунктъ не принятъ. Благоразумные врачи совѣтуютъ товарищамъ принять законъ и доказываютъ, что онъ очень выгоденъ для молодыхъ, начинающихъ коллегъ. Обыкновенно, начинающій «practitioner» долженъ «покупать мѣсто» у стараго врача, удаляющагося на покой, а затѣмъ начинается погоня за паціентами. Молодой врачъ, соглашающійся быть внесеннымъ въ списокъ, составленный мѣстнымъ комитетомъ народнаго здравія, сразу пріобрѣ-

таетъ практику, самое меньшее, на 300 ф. ст. въ годъ. Онъ поселится въ бѣдномъ кварталѣ, гдѣ медицинская помощь такъ необходима. У молодого врача будетъ много разнообразныхъ больныхъ, что доставитъ ему возможность учиться и обогащать свои знанія.

Но такіе голоса являются теперь исключеніемъ. Подавляющее большинство врачей возстало противъ закона, проявивъ при этомъ поразительную страстность и настойчивость. Со всѣхъ сторонъ раздается крикъ: «бойкотируйте законъ»! Крайне интересно, что подобному бойкоту симпатизируютъ тѣ консервативныя газеты, которыя не находятъ словъ для осужденія бойкота, практикуемаго въ Ирландіи. «Daily Mail» или «Daily Telegraph», напр., отмѣчаютъ каждый подобный случай для доказательства, что правительство поступило неблагоразумно, отмѣнивъ законы объ усиленной охранѣ въ Ирландіи. Въ то же время обѣ газеты призываютъ всѣхъ врачей Соединеннаго королевства бойкотировать новый законъ. Подготовленіемъ систематическаго бойкота занятъ теперь медицинскій журналъ «Practitioner», который разослалъ всѣмъ 29.567 врачамъ, практикующимъ въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, для подписи слѣдующій документъ: «Признавая, что законъ о страхованіи относится несправедливо къ медицинской профессіи, я даю слово никакимъ образомъ не помогать ему. Но если врачей, давшихъ такое же обѣщаніе, какъ и я, наберется менѣе 23 тысячъ, то я свободенъ поступать, какъ хочу». Въ примѣчаніи къ этому документу разъясняется значеніе его. Всѣхъ обязательно застрахованныхъ будетъ около тридцати милліоновъ. Сюда надо прибавить еще около двухъ милліоновъ добровольно застрахованныхъ. Для оказанія помощи всѣмъ застрахованнымъ понадобится, по крайней мѣрѣ, восемь тысячъ врачей. Всѣхъ докторовъ въ Англіи 29.567. Если 23 тысячи изъ нихъ дадутъ обѣщаніе бойкотировать законъ, то остальные 6.567 врачей, если даже пожелаютъ, не смогутъ заботиться о всѣхъ больныхъ. Тогда законъ станетъ мертвой буквой. Когда я пишу эти строки, «Practitioner» заручился уже согласіемъ 11.500 врачей бойкотировать законъ. Страсти въ врачебной корпораціи разгорѣлись. Докторовъ, доказывающихъ, что законъ о страхованіи пріемлемъ для корпораціи, товарищи именуютъ предателями. Вотъ, напримѣръ, сцена въ Queen's Hall'ѣ, гдѣ собрался митингъ врачей для обсужденія того, какъ отнестись къ закону. Поднимается знаменитый врачъ, сэръ Викторъ Хорсли, одинъ изъ немногихъ, выступившихъ въ защиту Insurance Act. Оратору не даютъ говорить. Въ залѣ поднимается крикъ, свистъ и улюлюканье. Кричатъ мужчины и женщины-врачи. Предсѣдатель проситъ уважаемыхъ коллегъ выслушать сэра Виктора.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Долой! Садись! Не надо! Б-у-у-у!—раздаются крики.

— Джентельмены!—молитъ предсѣдатель.—Вѣдь вы—англичане.

Выслушайте же сэра Виктора. Докажите, что вы дѣйствительно любите fair play! (т. е. «честную игру»).

— Бу-у-у! Долой!

— Вы вашимъ крикомъ дадите кому-нибудь основаніе думать, что боитесь выслушать аргументы сэра Виктора,—говоритъ предсѣдатель.

Въ отвѣтъ раздаются свистъ, улюлюканье и крики «бу-у-у!»

— Садитесь. Мы не хотимъ васъ слушать!—кричатъ врачи въ одномъ мѣстѣ.

— Уходите! Намъ не надобны измѣнники!—выкликаютъ въ другомъ углу.

— Пусть выступитъ слѣдующій ораторъ!

— Послушайте!—негодуетъ одинъ врачъ:—кто же мы? джентельмэны или буяны изъ портерной?

— Хотите ли вы выслушать сэра Виктора Хорели?—спрашиваетъ предсѣдатель.

— Нѣтъ! Не надо! Долой!

Ораторъ пытается говорить.

— Кто васъ направилъ сюда?—кричитъ одинъ врачъ.—Ллойдъ-Джорджъ?

— Долой наемника Ллойдъ-Джорджа! Бу-у-у!

Ораторъ повышаетъ голосъ и кричитъ, что онъ—за «шесть пунктовъ», хотя желалъ бы исправить первый.

— Измѣнникъ! Педантъ! Школьный учитель! Бу-у-у! Долой! время вамъ кончать!

Оратору такъ и не дали слова. Митингъ принялъ резолюцію, въ которой говорится, что если правительство не исполнитъ требованій врачей, они всѣ будутъ бойкотировать новый законъ. Къ концу митинга получена была телеграмма изъ Шефильда, привѣтствованная буйными аплодисментами. Въ ней сообщалось, что 300 врачей рѣшили устроить новому закону бойкотъ.

Къ интересамъ шкурнымъ прибавились еще политическія страсти. Обо всемъ этомъ можно судить по крайне характерному выступленію знаменитаго ливерпульскаго врача сэръ Джемса Барра *). Познакомлю читателей съ этимъ интереснымъ документомъ, появившимся въ *Times*. Сэръ Джемсъ Барръ констатируетъ, что англійскіе врачи, обыкновенно интересующіеся только своею профессіею, внезапно поняли, какъ велика опасность, грозящая имъ, когда новый законъ войдетъ въ силу. Есть многіе врачи, которые, осуждая детали закона, признаютъ его принципъ,—говоритъ сэръ Джемсъ.—Предложи Ллойдъ-Джорджъ хорошій гонораръ врачамъ, они тотчасъ же согласились бы служить, не задумались бы надъ тѣмъ, кто будетъ платить. «Что касается меня,—продолжаетъ сэръ Джемсъ,—то *я* возстаю противъ самого прин-

*) Вице-президентъ Британской Медицинской Ассоціаціи.

ципа закона, такъ какъ онъ не что иное, какъ обманъ». Авторъ дальше приводитъ свои соображенія, почему теперь необходимо привести въ движеніе всѣ силы и добиваться не измѣненія Insurance Act, а полной отмѣны его.

«Новый законъ является громаднымъ шагомъ впередъ по наклонной плоскости, ведущей къ соціализму. Законъ о страхованіи убьетъ личную инниціативу и заботу о завтрашнемъ днѣ, увеличивъ въ то же время тѣ упованія индивидуума на поддержку отъ государства, которыя составляютъ отличительный признакъ всѣхъ вырождающихся расъ. Если «Insurance Act» начнетъ дѣйствовать, то англійскій народъ все больше и больше станетъ превращаться въ младенца, привыкшаго къ тому, чтобы отеческое правительство кормило его съ ложки, одѣвало и посылало на нѣсколько часовъ на работу. Законъ о страхованіи поощритъ лѣнтяевъ и неприспособленныхъ къ жизни увеличивать свое потомство въ разсчетѣ, что болѣе здоровые, сильные и умные граждане будутъ поддерживать это потомство».

Расходы, сопряженные съ дѣйствіемъ новаго закона, громадны и будутъ возрастать все,—продолжаетъ сэръ Джемсъ Барръ. Административная машина будетъ стоить такъ много, что честнымъ и трудолюбивымъ работникамъ или работницамъ не будетъ никакого шанса получать что-нибудь изъ страхового фонда. Честный рабочій, имѣющій семью, не можетъ себѣ разрѣшить быть больнымъ, если онъ получаетъ только десять шиллинговъ въ недѣлю. Даровую медицинскую помощь и десять шиллинговъ поэтому будутъ получать только бездѣльники и моты. Въ Англіи, какъ и въ Германіи, появятся, вѣроятно, недобросовѣстные адвокаты, которые спеціально будутъ заботиться о томъ, чтобы съ лѣнтяями и лежебоками обходились хорошо. Тотъ пунктъ, гдѣ говорится, что больные получаютъ пособіе только съ четвертаго дня, побудитъ многихъ валяться въ постели больше, чѣмъ нужно.

По мнѣнію сэра Джемса, новый законъ въ финансовомъ отношеніи не выдерживаетъ критики; поэтому страховая система или обанкротится, или должна будетъ получать беспрерывныя субсидіи отъ графскихъ совѣтовъ.

По этому поводу надо сказать, что такое утвержденіе рѣшительно ни на чемъ не основано. Въ выработкѣ законопроекта участвовали многіе финансисты-практики и призваны были для совѣщанія представители всѣхъ крупныхъ страховыхъ обществъ. Когда билль разсматривался въ парламентѣ, никто изъ коммонеровъ-дѣльцовъ, засѣдающихъ тамъ, не усомнился въ финансовой прочности законопроекта. Банкиры, директора страховыхъ обществъ, фабриканты, крупные негоціанты возражали противъ всего, но только не противъ прочности того базиса, на которомъ законопроектъ зиждется. Сэръ Джемсъ Барръ—не финансистъ, а врачъ.

Дальше сэръ Джемсъ доказываетъ, что законъ совершенно

непріемлемъ потому, что онъ введетъ лѣченіе на дому. Такимъ образомъ, число паціентовъ въ госпиталяхъ значительно сократится. И такъ какъ госпитали абсолютно необходимы для изученія болѣзней, то новый законъ понизитъ уровень медицинскихъ знаній въ странѣ. Этого мало. Госпитали въ Англіи содержатся на добровольныя пожертвованія, поэтому упадокъ ихъ (вслѣдствіе лѣченія на дому) «нанесетъ ударъ тому прекрасному альструистическому чувству, которое является лучшимъ плодомъ эволюціи человѣчества».

Надо думать, что альтруизмъ можетъ проявляться *только* въ одной формѣ: въ видѣ пожертвованія на госпиталь. Возратимся, однако, къ заявленію сэра Джемса Барра. Обложеніе работниковъ и предпринимателей даетъ недостаточную поддержку первымъ въ случаѣ болѣзни. Собранныя суммы пойдутъ, главнымъ образомъ, на то, чтобы кормить новую армію чиновниковъ. «Затѣмъ деньги достанутся,—продолжаетъ сэръ Джемсъ Барръ,—лѣнтяямъ, мотамъ и хронически больнымъ. Честный, трудолюбивый рабочій, когда заболѣетъ, получитъ настолько ничтожную поддержку, что на нее не можетъ просуществовать съ семьей. Денегъ этихъ развѣ-развѣ хватитъ на улучшенную пищу, требуемую для больного. Наконецъ, чтобы получить даже эти 10 шиллинговъ, необходимо болѣть не меньше четырехъ дней». Только выродившійся народъ,—продолжаетъ авторъ,—можетъ допустить, чтобы правительство заботилось о немъ отъ колыбели до могилы. Англичане несомнѣнно дегенерируютъ, если допускаютъ подобные законы, какъ Insurance Act. Свободный народъ не долженъ допустить посягательства на свою свободу. (Другими словами, на свободу не платить налоги. Д-о). Что же касается распространенія закона и на домашнюю прислугу, то, по мнѣнію автора, это прямо безчеловѣчно. Государство будетъ вымогать ежегодно у каждой прислуги 26 шилинговъ (только 13. Д-о) за то, что она до сихъ поръ получала безплатно. Говорятъ, что не всѣ хозяева обращаются одинаково хорошо съ прислугою, и что не вездѣ о ней заботятся, когда она заболѣетъ. Авторъ не вѣритъ этому. У него есть даже вѣскій аргументъ. Въ наше время нѣтъ крѣпостныхъ, говоритъ Барръ. Прислуга совершенно свободна. Почему же она въ такомъ случаѣ живетъ въ такомъ домѣ, гдѣ съ нею обращаются недостаточно гуманно? Если у домашней прислуги и есть основанія жаловаться, то законъ о страхованіи ничего не исправитъ. Законъ предлагаетъ къ услугамъ чахоточной прислуги санаторій. Защитники закона усматриваютъ въ этомъ нѣчто хорошее и положительное. Сэръ Джемсъ Барръ, напротивъ, въ заботахъ о чахоточныхъ усматриваетъ нѣчто крайне гибельное для націи. Чахоточныхъ, а въ особенности бѣдныхъ, нельзя поддерживать въ интересахъ естественнаго подбора. «Вслѣдствіе энтузіазма, овладѣвшаго всѣми, когда было заявлено, что чахотка излѣчима,—теперь при лѣченіи этой болѣзни примѣняются методы, которые, хотя всегда дороги, далеко не всегда благора-

зумны и очень рѣдко успѣшны. По всей вѣроятности, методы лѣченія, даже въ случаѣ успѣха, не содѣйствуютъ улучшенію расы». Ссылаясь на авторитетъ доктора Хёнтера, стоящаго во главѣ Альбертовскаго убѣжища для идіотовъ, Барръ утверждаетъ, что «многіе слабоумные появились на свѣтъ только потому, что ихъ родителямъ не дали умереть отъ туберкулеза».

До сихъ поръ врачи посвящали все свое вниманіе и всю энергію окружающимъ условіямъ, стараясь приспособить послѣднія къ индивидууму, а не индивидуума къ окружающимъ условіямъ. Такой образъ дѣйствія,—продолжаетъ сэръ Джемсъ,—мѣшаетъ расѣ заботиться о себѣ. Чахоточная бацилла страшна только для тѣхъ, которые родились уже съ предрасположеніемъ къ ней. Надо поэтому принять предохранительныя мѣры, чтобы такіе индивидуумы умерли, не оставивъ потомства. Врачи, поддерживающіе такихъ слабосильныхъ индивидуумовъ и содѣйствующіе даже ихъ размноженію, содѣйствуютъ, по мнѣнію Барра, вырожденію расы. Такимъ образомъ всякіе санаторіи это—своего рода инкубаторъ для будущихъ отравителей расы. Врагами чахотки можно назвать только такихъ людей, которые возстаютъ противъ санаторій.

«Я стою за уничтоженіе туберкулеза, такъ какъ отстаиваю необходимость помогать естественному подбору, — говоритъ сэръ Джемсъ.—Съ чахоткой нельзя бороться; лѣча заболѣвшихъ уже». Надо улучшать окружающія условія, подъ чѣмъ авторъ подразумѣваетъ только дренажъ и санитарное оздоровленіе городовъ. Надо заботиться о томъ, чтобы молоко и говядина, поступающія на рынокъ, были свободны отъ чахоточныхъ бациллъ. А самое главное, необходимо законодательство, не разрѣшающее умственно и физически слабымъ вступать въ бракъ. При соблюденіи этихъ условій появится здоровая раса, гарантированная отъ зараженія чахоткой.

Для возрожденія націи, повидимому, необходимо, прежде всего, отмѣнить подоходный налогъ, который, по мнѣнію автора, тоже какъ-то содѣйствуетъ вырожденію. Кого облагаютъ налогами? Богатыхъ людей, т. е. наиболѣе трудолюбивыхъ, энергичныхъ и талантливыхъ. На что идутъ деньги, добытыя такимъ путемъ? На «соціальныя реформы», т. е. на поддержаніе наиболѣе бѣдныхъ и наименѣе достойныхъ членовъ общества. Что станетъ съ расой, если такой порядокъ будетъ продолжать существовать?—съ ужасомъ спрашиваетъ Барръ. Правительству мало того, что оно выцѣдило, гдѣ только могло, деньги, чтобы поддержать «наименѣе достойныхъ гражданъ» (the least worthy citizens). Теперь оно принялось за врачей, изъ которыхъ собирается выжимать потъ, чтобы доставить наименѣе достойной части рабочаго населенія даровую медицинскую помощь. Пусть трудолюбивый, добросовѣстный человѣкъ подумаетъ теперь, стоитъ ли ему платить налогъ для поддержанія такой системы?» Сэръ Джемсъ настоятельно рекомендуетъ полный бойкотъ. Пусть предприниматель и рабочій не пла-

татъ страховыхъ денегъ. Что же касается врачей, то всѣмъ имъ надо отказаться лѣчить застрахованныхъ *). «Тогда законъ и авторъ его погибнутъ вмѣстѣ». «Безстрашная и независимая раса ни за что не допустила бы такую пауперизацію, которую введетъ новый законъ».

Государство не должно помогать больнымъ. Это не его дѣло. Больной представляетъ интересъ только для его родныхъ, для доктора и для аптекаря,—продолжаетъ сэръ Джемсъ Барръ. Государство, конечно, должно предупреждать болѣзни; но для этого именно существуютъ рабочіе дома и госпитали для заразныхъ болѣзней. Если у государства есть лишнія деньги, ихъ слѣдуетъ затратить на то, чтобы сильнымъ, здоровымъ и смѣлымъ жилось лучше. Статья заканчивается рѣзкимъ выступленіемъ противъ Ллойдъ-Джорджа, котораго авторъ называетъ «общественнымъ бѣдствіемъ».

«Откровенность» сэра Джемса Барра вначалѣ очень понравилась консерваторамъ; но потомъ, когда они убѣдились, что она можетъ произвести невыгодное впечатлѣніе на массы, «Times» выступилъ примирителемъ. Газета посвятила передовую статью сэру Джемсу Барру, въ которой рекомендуетъ врачамъ прежде всего хладнокровіе. «Никогда англійскіе врачи не нуждались такъ въ спокойныхъ, не теряющихъ голову совѣтникахъ, какъ теперь,— пишетъ «Times».—Законъ о страхованіи, несомнѣнно, вызвалъ бурю въ медицинскомъ мірѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ письма, которыми завалены теперь всѣ редакціи. Врачи, «въ особенности practitioners, не привыкли писать о своихъ профессіональныхъ дѣлахъ». Этимъ обстоятельствомъ газета объясняетъ несомнѣнную ирраціональность многихъ посланій, принадлежащихъ врачамъ. «Times» подаетъ врачамъ два совѣта: надо дѣйствовать дружно и необходимо знать благоразуміе. «Подъ благоразуміемъ мы подразумѣваемъ необходимость признанія дѣйствительности,—объясняетъ «Times».—Надо считаться съ фактами. Первый фактъ это то, что законъ о страхованіи принятъ обѣими палатами и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ приведенъ въ исполненіе. Вотъ почему заявленіе сэра Джемса Барра появилось слишкомъ поздно. Авторъ рѣзко осуждаетъ самый принципъ не только Insurance Act, но и ряда другихъ законовъ подобнаго рода. Подобныя возраженія умѣстно дѣлать, когда билль обсуждается во второмъ чтеніи, а не тогда, когда законопроектъ принятъ. Въ особенности же возраженія, какъ тѣ, которыя сдѣлалъ сэръ Джемсъ, излишни въ данномъ случаѣ. Надо помнить,

---

*) Въ сегодняшнемъ нумерѣ «Times» (January 3) я нахожу еще одно выступленіе врачей. Они смотрятъ на товарищей, соглашающихся лѣчить застрахованныхъ, какъ на стачконарушителей. Врачи Лондонскаго госпиталя грозятъ, что не будутъ принимать туда паціентовъ, которыхъ лѣчили «штрайкбрехеры». Лондонскій госпиталь содержится, конечно, не на счетъ врачей, а публики.

что принципіально законъ о страхованіи признанъ всѣми партіями кромѣ соціалистовъ. Тотъ фактъ, что они возстали противъ билля должень былъ бы убѣдить сэра Джемса Барра, что его слова о соціалистическомъ характерѣ Insurance Act—не вѣрны». «Times» совѣтуетъ врачамъ примириться съ закономъ. Бойкотъ ни къ чему не поведетъ. Докторамъ надо соединиться и выторговать себѣ наиболѣе выгодныя условія. Если врачи желаютъ, чтобы публика была на ихъ сторонѣ,—заканчиваетъ газета,—то надо проявить благоразуміе.

Предприниматели тоже протестуютъ противъ закона о страхованіи, хотя не въ такой шумной формѣ, какъ врачи. Больше всего горячатся барыни. Въ тысячѣ писемъ, которыми сердитыя барыни засыпаютъ теперь редакціи, Ллойдъ-Джоржу объявляется война безпощадная. Въ особенности возмущаетъ негодующихъ барынь обязанность наклеплять марки въ книжечкѣ прислуги. «Ни Ллойдъ-Джорджъ, ни кто другой не заставятъ меня лизать дурацкую марку, которая можетъ принести въ домъ скарлатину, дифтеритъ или коклюшъ»,—пишетъ одна барыни. Ей не пришло даже въ голову, что марку не для чего лизать и что намоченный палецъ такъ же цѣлесообразенъ, какъ и языкъ. «Daily Mail» и «Daily Express» спеціально вербуютъ теперь сердитыхъ барынь въ какую-то Лигу неплательщиковъ. Чтобы придать движенію демократическій характеръ, барыни увѣряютъ, что онѣ заступаются только за прислугу, которую настоятельно убѣждаютъ присоединиться къ Лигѣ.

Вотъ одинъ изъ «летучихъ листковъ», выпущенный *Ассоціаціей неплательщиковъ налога на прислугу.* Предназначенъ онъ для прислуги и озаглавленъ: «Чего не знаютъ ни хозяева, ни служащіе».

Летучій листокъ раздѣленъ на двѣ части. Налѣво перечислены «предполагаемыя льготы», а направо—«факты».

Предполагаемыя льготы.	*Дѣйствительность.*
Безплатная медицинская помощь, при чемъ прислуга сама выбираетъ врача.	Извѣстно, что 20.000 врачей отказались помогать застрахованнымъ рабочимъ, такъ какъ новый законъ не охраняетъ интересовъ ни докторовъ, ни паціентовъ. Такимъ образомъ, обѣщая застрахованнымъ медицинскую помощь, правительство собирается продать товаръ, котораго не имѣетъ. Такъ какъ гонораръ, предлагаемый по новому закону врачамъ, ничтоженъ, то они, если даже согласятся служить, сумѣютъ удѣлить больнымъ очень мало времени. Кромѣ того, прислуга можетъ выбирать врача только изъ списка, составленнаго мѣстнымъ комитетомъ народнаго здравія, а выбранный врачъ имѣетъ право отказаться отъ визита.
Безплатное содержаніе въ санаторіи, если прислуга заболѣетъ чахоткой	Санаторіи эти еще не выстроены. Врачи радикально расходятся между собою во взглядахъ на полезность санаторіевъ. Вотъ почему, быть

и если, по мнѣнію врача, подобное лѣченіе принесетъ больной пользу.

Въ случаѣ болѣзни—7 шил. 6 п. въ недѣлю въ теченіе 26 недѣль. Если же прислуга и послѣ этого не въ состояніи еще работать, то пять шиллинговъ въ недѣлю на неопредѣленный срокъ.

можетъ, санаторіи и не будутъ даже выстроены, такъ какъ къ тому времени взгляды на лѣченіе чахотки могутъ измѣниться.

Каждая прислуга и каждый хозяинъ должны знать, что хотя они обязаны платить по 4 пенса въ недѣлю да кромѣ того въ видѣ общихъ налоговъ тѣ 2 пенса, которые прикладываетъ государство; хотя хозяинъ и прислуга будутъ содержать на свои средства громадную армію страховыхъ коммиссаровъ, инспекторовъ и чиновниковъ всякаго рода, государство ни въ коемъ случаѣ не гарантируетъ, что застрахованныя дѣйствительно получитъ все обѣщанное. Правительство только *полагаетъ*, что нормальное дружественное общество сможетъ выполнить всѣ обязательства передъ застрахованными; но абсолютной гарантіи все таки нѣтъ, такъ какъ и трэдъ-юніоны, и дружественныя общества лишь *частныя* организаціи.

Агитація барынь вызвала появленіе «манифеста», подписаннаго цѣлымъ рядомъ женщинъ, имена которыхъ тѣсно связаны съ борьбой за улучшеніе положенія работницъ въ Англіи. Тутъ рядъ фабричныхъ инспектрисъ, женщинъ-врачей, секретарей женскихъ трэдъ-юніоновъ и пр. Въ «манифестѣ» доказывается, что Insurance Act очень выгоденъ для прислуги. Въ документѣ сперва перечисляется все то, что законъ даетъ прислугѣ. «Говорятъ,—читаемъ мы въ манифестѣ,—прислуга уже получаетъ отъ своихъ хозяекъ то, что обѣщается Insurance Act'омъ. Другими словами, въ случаѣ болѣзни прислуги хозяйки лѣчатъ ее на свой счетъ. Внѣ сомнѣнія, что многія хозяйки такъ именно и поступаютъ, но это не общее правило. Согласно закону, прислуга, если заболѣетъ, будетъ получать по 7 ш. 6 п. въ недѣлю (въ теченіе двадцати шести недѣль) внѣ зависимости отъ того, поддерживаетъ ли ее хозяйка или нѣтъ. Во многихъ случаяхъ, когда хозяева—небогатые люди, эти 7 ш. 6 п. помогутъ прислугѣ оправиться совершенно.

Затѣмъ забывается, что по закону чахоточной прислугѣ гарантируется мѣсто въ санаторіи, куда хозяйка не въ состояніи отправить больную на свой счетъ. Въ «манифестѣ» доказывается, что Insurance Act окажется благодѣтельнымъ для прислуги.

Предприниматели возстаютъ противъ закона о страхованіи, потому что имъ придется платить за каждаго рабочаго по три пенса въ недѣлю. Мало того; такъ какъ врядъ ли англійскіе рабочіе согласятся на то, чтобы ихъ заработокъ уменьшался еженедѣльно на четыре пенса, то послѣдуетъ рядъ стачекъ съ цѣлью соотвѣтственнаго повышенія заработной платы. И то обстоятельство, что Insurance Act автоматически группируетъ въ союзы всѣхъ получающихъ меньше 160 ф. ст. въ годъ, сдѣлаетъ предстоящую борьбу за повышеніе заработной платы особенно упорной. Въ союзы сгруппируются лица, никогда не принадлежавшія къ организаціямъ. Ассоціаціи предпринимателей (напр., *Federation of*

Master Cotton Spinners Associations) выпустили теперь протесты, но, какъ люди практичные, заводчики и фабриканты знаютъ, что съ фактомъ надо считаться.

III.

Переходимъ теперь къ оппозиціи рабочихъ противъ закона о страхованіи. Наиболѣе темныхъ рабочихъ, какъ, напримѣръ, сельскихъ, увѣрили, что Insurance Act это—«налогъ на трудящихся». «Вамъ плохо,—обращаются консерваторы къ рабочимъ.—Лѣтніе безпорядки, внѣ сомнѣнія, обусловливались въ значительной степени низкой заработной платой. Не малая часть рабочихъ въ Англіи всю жизнь находится «на чертѣ нищеты», часто опускаясь ниже этой линіи. То, что теперь необходимо рабочимъ, это—увеличеніе заработной платы. Это вполнѣ возможно, если ввести «тарифную реформу», которая автоматически удваиваетъ заработную плату. Но либералы фритрэдеры поэтому противъ тарифныхъ реформъ. Вмѣсто того, чтобы увеличить заработную плату несчастнаго рабочаго,—говорятъ консерваторы,—либералы облагаютъ его теперь налогомъ, который называютъ Insurance Act. Заработокъ рабочаго такимъ образомъ еще уменьшится. Протестуйте же противъ тѣхъ, которые хотятъ отнять у васъ четыре пенса въ недѣлю!»

Что результаты подобной агитаціи сказываются,—внѣ сомнѣнія. Въ послѣднее время либеральная партія потеряла на дополнительныхъ выборахъ три мѣста. И въ каждомъ случаѣ пораженіе объясняется голосованіемъ рабочихъ, недовольныхъ Insurance Act. Кандидатъ либеральной партіи Эндерсонъ, потерпѣвшій пораженіе въ Айрѣ (Шотландія), самъ говоритъ, что выборная борьба была основана только на законѣ о страхованіи. То же самое говоритъ и побѣдившій кандидатъ консервативной партіи. «Не трудно поднять рабочихъ и предпринимателей противъ закона о страхованіи, увѣривъ ихъ, что новая мѣра представляетъ собою новый налогъ,—жалуется «Daily News» на другой день послѣ выборовъ въ Айрѣ.—Но что, въ сущности, представляетъ собою новый законъ? Онъ построенъ на томъ принципѣ принудительнаго участія въ страхованіи заинтересованныхъ лицъ, который юніонистская партія все время отстаивала, когда обсуждался вопросъ о государственной пенсіи для стариковъ. Этотъ принципъ консерваторы восхваляли, когда законопроектъ о страхованіи былъ внесенъ въ парламентъ... Юніонисты все время обличали Ллойдъ-Джорджа за то, что онъ возстановляетъ классъ противъ класса и учитъ рабочихъ ждать всякихъ улучшеній только отъ государства. И вотъ теперь, когда либеральное правительство построило свой новый билль на принципѣ, восхваляемомъ консерваторами, послѣдніе внезапно перемѣнили фронтъ и обличаютъ министерство».

Консерваторы могли повести за собою только малосознательныхъ рабочихъ. Только этихъ можно было увѣрить, что тарифная реформа, т. е. протекціонизмъ, автоматически удваиваетъ заработную плату. Противъ закона о страхованіи высказалась однако, и наиболѣе сознательная часть рабочихъ, а именно—соціалисты. Въ парламентѣ Рабочая партія во время обсужденія билля о страхованіи, поддерживала министерство, но шесть коммонеровъ-соціалистовъ (Кейръ-Гарди, Лэнсбери, Джоветъ, О'Грэди, Виль Торнъ и Снодэнъ) голосовали противъ законопроекта и выпустили потомъ подробное «объясненіе». Въ немъ говорится, что подписавшіе привѣтствуютъ законопроектъ о государственномъ страхованіи, такъ какъ такая мѣра является признаніемъ со стороны общества своихъ обязанностей по отношенію къ индивидуму. Тотъ фактъ, что подавляющее большинство населенія признало принципъ государственной организаціи помощи больнымъ, крайне знаменателенъ. Но, симпатизируя намѣреніямъ, выраженнымъ въ новомъ законѣ, подписавшіе «объясненіе» находятъ, что методы Insurance Act неправильны, непрактичны и не могутъ осуществить поэтому возлагаемыхъ на законъ надеждъ. Подписавшіе «объясненіе» находятъ, что обложеніе рабочихъ совершенно несправедливо. Бѣдственное положеніе рабочихъ можетъ быть улучшено только тогда, когда они получатъ долю въ національныхъ богатствахъ. Законъ о страхованіи надо было бы построить на обложеніи ренты и незаработаннаго приращенія. «Бѣдность рабочихъ,—говорятъ подписавшіеся подъ «объясненіемъ»,—нельзя устранить, облагая налогомъ эту же бѣдность».

Кейръ-Гарди и товарищи его дальше заявляютъ, что они все время голосовали противъ закона, потому что онъ построенъ на обязательныхъ взносахъ застрахованныхъ. Облагая рабочихъ въ пользу такъ называемыхъ соціальныхъ реформъ, нельзя достигнуть существенныхъ улучшеній. Опытъ послѣднихъ пятидесяти лѣтъ доказалъ уже это. Прежде всеобщее обученіе было построено на принципѣ принудительныхъ взносовъ, но систему пришлось измѣнить. Тотъ же принципъ былъ осужденъ всѣми коммиссіями, назначенными для изслѣдованія вопроса о государственной пенсіи для стариковъ. И тѣмъ не менѣе на этомъ принципѣ построенъ теперь Insurance Act. Въ случаѣ полной неспособности къ труду застрахованные будутъ получать пять шиллинговъ въ недѣлю до 70 лѣтъ (этотъ возрастъ даетъ старику право на полученіе государственной пенсіи). Такимъ образомъ, рядомъ съ пенсіей, уплачиваемой только государствомъ, мы видимъ старческую пенсію, образовавшуюся путемъ принудительныхъ взносовъ. Другими словами, правительство вводитъ принципъ, осужденный коммиссіями, изучавшими вопросъ объ Old Age pensions. Подавляющее большинство рабочихъ противъ закона о страхованіи, основаннаго на принудительномъ участіи,—говорятъ подписавшіе «объ-

ясненіе». Доказательствомъ является резолюція, вынесенная на послѣднемъ конгрессѣ Независимой рабочей партіи... Конгрессъ трэдъ-юніонистовъ тоже высказался за то, чтобы рабочіе, получающіе не больше 15 шил. въ недѣлю, не платили совсѣмъ страховыхъ денегъ, и чтобы лица, получающія меньше 25 шиллинговъ, дѣлали уменьшенные взносы. Законъ избавляетъ лицъ, зарабатывающихъ меньше $1^1/_2$ шил. въ день отъ обязательныхъ взносовъ; рабочіе же, получающіе не больше $2^1/_2$ шил. въ день, будутъ платить по уменьшенному тарифу. Эти оговорки являются со стороны авторовъ закона признаніемъ, что принудительная система несправедлива. Дальше въ «объясненіи» говорится, что обложеніе предпринимателей по числу рабочихъ, служащихъ у нихъ,—несправедливо. Обложеніе должно быть основано на *прибыли*, получаемой предпринимателемъ, а не на числѣ рабочихъ, Такъ какъ теперь сумма, вносимая фабрикантомъ въ страховой фондъ, будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше у него рабочихъ, то это явится побуждающей причиной замѣны рабочихъ рукъ машинами. Предприниматель, вынужденный платить за своихъ рабочихъ, увеличитъ стоимость продукта. Такимъ образомъ новый законъ о страхованіи неминуемо поведетъ къ вздорожанію всѣхъ предметовъ. Другими словами, поплатится публика. Предприниматель, кромѣ того, будетъ имѣть теперь предлогъ, чтобы отказать рабочимъ, требующимъ повышенія заработной платы. Законъ о страхованіи, облагая предпринимателя, оставляетъ совершенно въ сторонѣ лэндлорда, который ничѣмъ не будетъ содѣйствовать поддержанію системы. Затѣмъ, по мнѣнію подписавшихъ «объясненіе», новый законъ помогаетъ только тѣмъ рабочимъ, которые уже и раньше имѣли возможность принадлежать къ трэдъ-юніону или къ дружественному обществу. Наиболѣе бѣдная часть рабоихъ не будетъ въ состояніи выполнить всѣхъ требованій *), а потому не получитъ помощи въ случаѣ болѣзни. Вообще же необходимы такія реформы, которыя не помогаютъ только безработнымъ и больнымъ рабочимъ, но *предупреждаютъ* безработицу и болѣзни.

Фабіанское общество, въ свою очередь, выпустило мотивированный протестъ противъ закона о страхованіи. Доводы фабіанцевъ сводятся къ слѣдующему. Новый законъ облагаетъ всѣхъ живущихъ заработной платой налогомъ, являющимся фактически подушной податью, такъ какъ она не считается съ платежной способностью индивидуума. Такимъ образомъ будетъ ежегодно взыскиваться сумма почти въ двадцать два мил. ф. ст. Впослѣдствіи нѣкоторые рабочіе должны будутъ платить гораздо больше, чѣмъ 4 пенса въ недѣлю. Первоначально билль о страхованіи

*) Т. е. дѣлать правильные взносы; законъ разрѣшаетъ каждому быть недоимщикомъ только три недѣли въ годъ.

состоялъ изъ двухъ частей. Въ первой части говорится о страхованіи на случай болѣзни. И эта часть стала теперь закономъ. Вторая часть законопроекта, въ которой говорится о страхованіи на случай безработицы, временно выдѣлена. Посмотримъ, что будетъ, если и вторая часть законопроекта войдетъ въ силу. Тогда рабочіе принуждены будутъ еженедѣльно платить 2$^1/_2$ пенса, предприниматель столько же, а казна прибавитъ отъ себя 1$^1/_2$ пенса, Возьмемъ конкретный примѣръ, — говорятъ фабіанцы. — Передъ нами каменьщикъ, получающій 18 шил. въ недѣлю. Онъ обязанъ будетъ вносить еженедѣльно 4 пенса страховыхъ на случай болѣзни, да еще 2$^1/_2$ пенса страховыхъ на случай безработицы, а всего—6$^1/_2$ пенса, т. е. 3% своего заработка. Это равносильно введенію подоходнаго налога въ 7 пенсовъ на каждый фунтъ ст. Какой бы вопль подняли средніе классы, если бы канцлеръ казначейства сразу повысилъ подоходный налогъ на семь пенсовъ на фунтъ. Въ первый же годъ дѣйствія закона о страхованіи рабочіе должны будутъ внести около 12 мил. ф. ст.

Билль офиціально носитъ подзаголовокъ «Presention of vikness» (предупрежденіе болѣзней). По мнѣнію фабіанскаго общества, это названіе можетъ только ввести въ заблужденіе. «Уже одинъ тотъ фактъ, что законъ исключаетъ всѣхъ дѣтей и женщинъ, не живущихъ заработной платой, достаточно доказываетъ, что новый законъ ничего не отвращаетъ». Дальше фабіанцы критикуютъ то мѣсто закона, въ которомъ говорится о «deposit contributors», т. е. о застрахованныхъ, не принадлежащихъ къ «одобренному обществу» и числящихся вкладчиками на почтѣ. «Эти несчастные, которые вслѣдствіе хронической безработицы или по причинѣ слабости не могутъ принадлежать къ дружественному обществу, принуждены будутъ платить по четыре пенса въ недѣлю, за которые фактически получатъ такъ мало, что врядъ ли можно даже говорить о страхованіи. Изъ взносовъ, дѣлаемыхъ этими вкладчиками, будутъ производиться вычеты въ пользу санаторіевъ, на медицинскую помощь и на поддержаніе администраціи. Изъ остатковъ застрахованному будутъ выдавать въ случаѣ болѣзни пособіе. И когда остатки истощатся, прекратится пособіе. Предположимъ, deposit contributor болѣлъ нѣсколько недѣль и истощилъ свой вкладъ. Если послѣ этого жена вкладчика должна рожать, она ничего не получитъ. Напротивъ, если жена родила раньше, а мужъ заболѣлъ послѣ—онъ остается безъ помощи (кромѣ медицинской).

Въ данномъ случаѣ, конечно, фабіанцы совершенно правы. Каждый «deposit contributor» беретъ весь рискъ въ случаѣ болѣзни на себя. Тутъ нѣтъ того коллективнаго риска, при которомъ рискъ индивидуальный уменьшается, какъ при страхованіи. Но мы видѣли, что авторы закона о страхованіи смотрятъ на пунктъ о «deposit contributors», какъ на временную мѣру, которая должна существовать только до 1915 года.

Фабіанцы ставятъ вопросъ: «Что лучше? Тотъ ли законъ, который введенъ теперь, или такъ, какъ было раньше?» Для рабочихъ, получающихъ болѣе или менѣе удовлетворительную плату и принадлежащихъ уже къ какому нибудь дружественному обществу или къ крѣпкому и богатому трэдъ-юніону,—говорятъ фабіанцы,—новый законъ выгоднѣе, чѣмъ отсутствіе всякаго закона о страхованіи. Нынѣшнія дружественныя общества часто банкротятся. Новый законъ, требующій, чтобы «одобренное общество» имѣло не менѣе 5.000 членовъ, дастъ застрахованному увѣренность. А такъ какъ, кромѣ рабочаго, страховыя деньги даетъ еще казна и предприниматель, то застрахованный, дѣйствительно, получитъ 9 пенсовъ вмѣсто каждыхъ 4 пенсовъ, внесенныхъ имъ. Что же касается тѣхъ рабочихъ, которые зарабатываютъ мало и не принадлежатъ поэтому къ дружественнымъ обществамъ, то новый законъ о страхованіи ничего имъ не даетъ,—говорятъ фабіанцы. Больше того: возможно, что новый законъ о страхованіи только ухудшитъ положеніе такихъ рабочихъ.

Съ пространнымъ объясненіемъ выступилъ также Бернардъ Шоу, являющійся самымъ крупнымъ свѣтиломъ фабіанской партіи. По мнѣнію блестящаго писателя, такъ склоннаго къ парадоксамъ, новый законъ невѣроятно плохъ. «Если бы Ф. Е. Смиту (крайній консерваторъ) поручили составить такой билль для либераловъ, который возстановилъ бы противъ нихъ на ближайшихъ выборахъ всѣхъ, то врядъ ли онъ сумѣлъ бы придумать нѣчто другое, чѣмъ Insurance Act,—говоритъ Бернардъ Шоу.—Увѣреніе Ллойдъ-Джорджа, что законъ дастъ побѣду либераламъ на выборахъ, столь же основательно, какъ и утвержденіе, что каждый чахоточный исцѣлится въ четыре мѣсяца въ новыхъ санаторіяхъ». Но почему же, если законъ такъ плохъ, Рабочая партія въ парламентѣ (за исключеніемъ шести коммонеровъ) поддерживала правительство? Очень просто,—отвѣчаетъ Бернардъ Шоу. Коммонеры рабочіе предпочли получить хоть что-нибудь. И положеніе вещей такъ плохо, что даже этотъ законъ о страхованіи лучше, чѣмъ ничего. Не подлежитъ сомнѣнію, что новый законъ, улучшивъ положеніе трэдъ юніоновъ и дружественныхъ обществъ, дастъ членамъ ихъ такія выгоды, которыя, несмотря на свою ничтожность, кажутся громадными въ сравненіи съ нынѣшнимъ нищенскимъ существованіемъ; но выгоды эти будутъ получены на счетъ сокращенія потребностей рабочаго класса. По мнѣнію Бернарда Шоу, законъ о страхованія недолго просуществуетъ, хотя самый принципъ государственнаго страхованія останется. Вотъ почему, несмотря на абсолютную непригодность методовъ, при помощи которыхъ достигается страхованіе, самый билль нельзя было отклонить, и рабочіе депутаты поэтому голосовали за него. Бернардъ Шоу [illegible]етъ возможныя послѣдствія новаго закона. «Будь я рабочимъ депутатомъ, я голосовалъ бы въ парламентѣ за билль Ллойдъ-

Джорджа,—говоритъ цитируемый авторъ,—но канцлеръ казначейства ошибся бы, предположивъ, что мое голосованіе равносильно обѣщанію всячески убѣждать рабочихъ принять законопроектъ. Напротивъ даже, я сталъ бы доказывать рабочимъ, что имъ надо увеличивать стачечный фондъ и укрѣплять трэдъ-юніоны, чтобы готовиться къ упорной борьбѣ за заработную плату. Ни въ коемъ случаѣ они не должны допустить, чтобы страховыя деньги, т. е. 4 пенса или $6^1/_2$ пенсовъ въ недѣлю, вычитались изъ заработка. И дай я рабочимъ другой совѣтъ, я потерпѣлъ бы такую же полную неудачу, какъ потерпѣли лѣтомъ секретари желѣзнодорожнаго союза, когда убѣждали трэдъ-юніонистовъ не устраивать стачку. Мои слушатели рѣшили бы, что я «предался правительству», подразумѣвая подъ послѣднимъ не только партію, стоящую у власти, но всѣхъ, кто не рабочіе: короля, Бальфура, Аскита, Чэмберлэна, лорда Розбери, Черчилля, генерала Робертса, архіепископа Кэнтерберійскаго, Карнеги, актера сэра Герберта Три, генерала Бэденъ-Пауэли и всю Верхнюю палату. Было бы великой ошибкой предполагать, что массы понимаютъ конституцію и отличаютъ одну политическую партію отъ другой. Для рабочаго депутата мнѣніе о немъ, что онъ «продался правительству», означаетъ гибель».

Дальше Бернардъ Шоу указываетъ, что въ настоящій моментъ опаснымъ соперникомъ рабочихъ, вѣрящихъ въ парламентаризмъ, являются сторонники «промышленнаго юніонизма» (англійское названіе синдикализма), выставляющіе теорію, кажущуюся рабочимъ правдоподобной. Сторонники промышленнаго юніонизма утверждаютъ, что парламентскимъ путемъ рабочіе ничего не добьются, такъ какъ рабочихъ депутатовъ всегда перехитрятъ, обведутъ вокругъ пальца или попросту купятъ. Рабочая сила грозна только тогда, когда находится внѣ парламента. Если она организована, то можетъ диктовать условія, которымъ парламентъ повинуется. Орудіемъ борьбы синдикализмъ выставляетъ общую стачку, которая, говоритъ Бернардъ Шоу,—«нелѣпа по своей сущности и никогда не можетъ быть осуществлена вполнѣ». Если рабочіе депутаты возьмутъ сторону Ллойдъ-Джорджа, когда новый законъ начнетъ дѣйствовать, т. е. если они посовѣтуютъ рабочимъ согласиться на то, чтобы страховыя деньги вычитались изъ ихъ заработка, то промышленный юніонизмъ сразу найдетъ многочисленныхъ послѣдователей. Парламентская Рабочая партія сама себѣ нанесетъ такой ударъ, отъ котораго не оправится въ двадцать пять лѣтъ. Конечно, рабочіе депутаты,—говоритъ Бернардъ Шоу,— не будутъ проповѣдовать полное подчиненіе новому закону о страхованіи. Они отлично знаютъ, что нѣтъ такого билля, ради котораго рабочій, имѣющій теперь 17 шил. 6 п. въ недѣлю, согласился бы получать только 17 шил. 2 пенса. Каковъ бы ни былъ предлогъ, такой рабочій не согласится на вычетъ четырехъ пенсовъ.

Вотъ уже болѣе ста лѣтъ, какъ вожди профессіональныхъ союзовъ систематически проповѣдуютъ упорную борьбу за повышеніе заработной платы. Трэдъ-юніонистамъ совѣтуютъ оказывать упорное сопротивленіе каждый разъ, когда дѣлаются попытки уменьшить заработную плату. Въ Англіи нѣтъ такого рабочаго депутата или секретаря трэдъ-юніона, который рѣшился бы посовѣтовать членамъ профессіональнаго союза согласиться на уменьшеніе заработной платы. Когда новый законъ войдетъ въ силу, начнутся всюду стачки за повышеніе заработной платы на сумму, равную вычету. И тогда рабочіе-коммонеры, голосовавшіе за билль, *должны* будутъ принять сторону стачечниковъ, т. е. выступить противъ правительства. На ближайшихъ выборахъ поэтому, надо разсчитывать, что рабочіе выставятъ во многихъ округахъ своихъ кандидатовъ противъ либераловъ. Такимъ образомъ, вмѣсто поддержки отъ благодарныхъ рабочихъ, на которую разсчитываетъ Ллойдъ-Джорджъ, либералы встрѣтятъ сопротивленіе.

Не меньшее сопротивленіе, чѣмъ рабочіе, окажутъ новому закону средніе классы,—говоритъ Бернардъ Шоу. Въ особенности непримиримы будутъ небогатые предприниматели. Несмотря на то, что многіе изъ нихъ диссентеры и поэтому сочувствуютъ отдѣленію церкви отъ государства въ Валисѣ, но Ллойдъ-Джорджъ отъ нихъ дождется еще меньше благодарности, чѣмъ отъ рабочихъ. Нетрудно предвидѣть, что именно этимъ небогатымъ предпринимателямъ первымъ придется заплатить изъ своего кармана всю страховку, т. е. три пенса за себя и четыре пенса за рабочаго. Въ самомъ дѣлѣ, имѣй эти предприниматели возможность заставить рабочихъ принять 17 ш. 2 пенса вмѣсто 17 шил. 6 пен.,—они бы это сдѣлали уже давно и не ждали бы появленія закона о страхованіи. Insurance Act не можетъ дать предпринимателямъ болѣе дешевыхъ рабочихъ, какъ не можетъ поднять заработную плату, скажемъ, билль, обязывающій жену милліонера страховать свои брилліанты отъ воровъ. Небольшіе предприниматели стремятся постоянно урѣзать заработную плату, потому что покупатели стремятся по возможности понизить цѣны. Случится вотъ что. Когда законъ о страхованіи войдетъ въ силу,—предсказываетъ Бернардъ Шоу,—произойдетъ всюду борьба между предпринимателями и рабочими. Если побѣдятъ послѣдніе, предприниматель вынужденъ будетъ выкладывать изъ своего кармана всѣ семь пенсовъ и накинетъ, если сможетъ, издержки на потребителя. Если же побѣдитъ предприниматель, онъ постарается выжать изъ рабочаго не только четыре пенса, но еще хоть часть тѣхъ трехъ пенсовъ, которые обязанъ самъ вносить. Крупнымъ предпріятіямъ будетъ не особенно трудно пережить кризисъ. Въ концѣ-концовъ, акціонеры получатъ нѣсколько меньшій дивидентъ; но за то очень трудно придется небольшимъ предпріятіямъ. Предприниматель, стоящій во главѣ большой мастерской, часто вырабатываетъ лишь столько, что ему хватаетъ только на жизнь.

Технически обученнымъ работникамъ онъ платитъ иногда столько же, сколько оставляетъ себѣ. Безпрерывное паденіе цѣны сокращаетъ и безъ того уже невысокую прибыль. Для такого владѣльца небольшаго предпріятія новый законъ о страхованіи явится тяжелымъ бременемъ.

Все это плохо,—продолжаетъ Бернардъ Шоу,—но хуже всего то, что чѣмъ больше рабочихъ рукъ нанимаетъ предприниматель, тѣмъ значительнѣе та сумма, которую ему приходится вносить еженедѣльно въ страховой фондъ. Понятно, что обложеніе должно быть пропорціонально доходу. Законъ о страхованіи вводитъ методъ, при которомъ размѣры дохода предпринимателя опредѣляются числомъ нанимаемыхъ рабочихъ рукъ. Этотъ методъ можно было бы еще примѣнять, если бы обложеніе налогами находилось въ зависимости отъ числа прислуги, находящейся у облагаемаго; но въ области промышленности такой методъ представляетъ собою нелѣпость. Въ самомъ дѣлѣ, агентъ по перекупкѣ домовъ, пользующійся въ своей конторѣ услугами только одного клэрка и мальчика-разсыльнаго, можетъ вырабатывать больше, чѣмъ его сосѣдъ, держащій десять приказчиковъ и имѣющій двадцать фургоновъ. Возьмемъ другой примѣръ. Величайшій скульпторъ въ мірѣ—говоритъ Бернардъ Шоу,—получаетъ за мраморный бюстъ половину того, что талантливый художникъ за портретъ масляными красками. Между тѣмъ, художникъ работаетъ самъ, а ваятелю необходима мастерская и большой штатъ рабочихъ, чтобы справляться съ мраморомъ. Сравните, сколько платятъ рабочимъ еженедѣльно архитекторъ и подрядчикъ, фермеръ и зеленщикъ, дантистъ и содержатель гостиницы. Сравните затѣмъ ихъ чистый доходъ. Не станетъ ли ясно, что облагать ихъ всѣхъ можно только пропорціонально доходамъ, а не числу нанимаемыхъ рабочихъ,—продолжаетъ цитируемый авторъ. Несправедливо уже то, что мѣстные налоги находятся въ зависимости не отъ дохода облагаемаго, а отъ занимаемаго имъ помѣщенія. Такимъ образомъ хиромантъ или звѣздочетъ *) платятъ только ничтожную сумму въ видѣ мѣстныхъ налоговъ въ сравненіи, напр., съ каретникомъ или съ торговцемъ углемъ. Но мѣстные налоги предприниматель хоть предвидитъ; что же касается новаго налога, вводимаго закономъ о страхованіи, то собственники существующихъ предпріятій не могли его предвидѣть. Будь всѣ другіе источники обложенія уже исчерпаны, тогда авторы Insurance Act были бы, пожалуй, правы, но это не такъ. У канплера казначейства есть полная возможность повысить подоходный налогъ или обложить незаработанное приращеніе. Подоходный налогъ, введенный шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, приноситъ казнѣ съ каждымъ годомъ все больше и больше. Система обложенія такъ проста и справедлива, что

*) Недавній процессъ хироманта „проф. Зодіака" показалъ, что въ первую же недѣлю онъ выработалъ 6 ф. ст., во вторую—10 ф. и дальше никогда не вырабатывалъ меньше 16 ф. ст. въ недѣлю.

не для чего было вводить теперь дорогую, сложную, инквизиторскую и чудовищно-несправедливую форму. И все это сдѣлано только потому,—говоритъ Бернардъ Шоу,—что авторы билля боялись быть заподозрѣны въ соціализмѣ. Они хотѣли показать кому-то, что государственное страхованіе не соціалистическая мѣра, а лишь расширеніе дѣятельности страховыхъ обществъ. На ближайшихъ общихъ выборахъ раздраженіе владѣльцевъ небольшихъ предпріятій противъ либераловъ проявится въ такой же рѣшительной и недвусмысленной формѣ, какъ и настроеніе рабочихъ. Все то, что либеральное правительство собирается сдѣлать для диссентеровъ, будетъ забыто предпринимателями-диссентерами.

По мнѣнію Бернарда Шоу, Ллойдъ-Джоржъ ввелъ принципъ обязательнаго платежа рабочихъ не потому, что признавалъ бы эту форму страхованія справедливой, а потому, что желалъ расположить въ свою пользу крупныхъ предпринимателей. Разсчеты канцлера казначейства не оправдаются. Если даже въ первой борьбѣ между рабочими и предпринимателями за то, кому платить 4 пенса,—хозяева останутся побѣдителями, то на этомъ дѣло не остановится. Рабочіе, собравшись съ силами, опять устроятъ стачку и будутъ вести ее до тѣхъ поръ, покуда не останутся побѣдителями. Другими словами, въ концѣ концовъ, предприниматели вынуждены будутъ заплатить всѣ 7 пенсовъ изъ своего кармана. Тогда предприниматели вычтутъ страховыя деньги изъ прибыли акціонеровъ, т. е. свалятъ весь расходъ на рантье. Не лучше ли было бы въ такомъ случаѣ съ самаго начала сдѣлать то же самое? Не лучше ли было бы поставить весь законъ о государственномъ страхованіи въ новомъ обложеніи незаработаннаго дохода? До сихъ поръ получающіе въ годъ меньше 160 ф. ст. были избавлены отъ подоходнаго налога. Теперь только зарабатывающіе $1^1/_2$ ш. въ день, или 28 ф. ст. въ годъ, не будутъ обязаны платить 4 п. въ недѣлю. Такимъ образомъ, свободные отъ налоговъ заработки уже не ниже 160, а только 28 ф. ст. въ годъ. Два года тому назадъ канцлеръ казначейства обложилъ лицъ, получающихъ въ годъ больше пяти тысячъ ф. ст., добавочнымъ налогомъ въ 2 пенса на каждый фунтъ ст. Теперь Ллойдъ-Джорджъ обложилъ рабочихъ, получающихъ 46 ф. ст. въ годъ, налогомъ въ размѣрѣ $4^1/_2$ п. на фунтъ. Канцлеръ казначейства допускаетъ, что мальчикъ, зарабатывающій девять стерлинговъ въ недѣлю, не можетъ имѣть такую роскошь, какъ страхованіе; но утверждаетъ, что отецъ этого мальчика, поддерживающій жену и дѣтей на 17 ш. 6 п. въ недѣлю, можетъ дозволить себѣ страхованіе.

IV.

Авторомъ закона о страхованіи является Ллойдъ-Джорджъ, поэтому онъ счелъ нужнымъ заступиться за свое дѣтище уже послѣ того, какъ оно было принято лордами. Съ этой цѣлью канцлеръ казначейства выступилъ на большомъ митингѣ, устроенномъ въ одной изъ лондонскихъ диссентерскихъ «скиній». По мнѣнію Ллойдъ-Джорджа, Insurance Act сдѣлаетъ для устраненія нищеты и страданій больше, чѣмъ какой либо другой законъ, изданный послѣ отмѣны пошлинъ на хлѣбъ. Новый законъ облегчаетъ положеніе пятнадцати милліоновъ мужчинъ и женщинъ. До сихъ поръ, если рабочіе болѣли, то вся тяжесть бремени падала на ихъ плечи; отнынѣ половину расходовъ будутъ нести другіе. Изложивъ положеніе рабочихъ, какъ оно будетъ при новомъ законѣ, Ллойдъ-Джорджъ коснулся сперва тѣхъ, которые не состоятъ членами трэдъ-юніоновъ и дружественныхъ обществъ. Такихъ рабочихъ теперь больше десяти милліоновъ. Существуютъ три причины, почему такъ велико число людей, не обезпеченныхъ на случай болѣзни. Во-первыхъ, молодые и здоровые работники не хотятъ думать о томъ, что они могутъ заболѣть. Во-вторыхъ, рабочіе, даже принадлежащіе къ трэдъ-юніонамъ или къ дружественнымъ обществамъ, не всегда аккуратно платятъ членскіе взносы, что обусловливается или продолжительной безработицей, или пьянствомъ. Въ-третьихъ, дружественныя общества часто банкротятся. Ллойдъ-Джорджъ описалъ трагическое положеніе не принадлежащаго ни къ какой организаціи рабочаго, если онъ заболѣетъ. Единственнымъ банкиромъ его является ростовщикъ-закладчикъ. Теперь въ случаѣ болѣзни такой рабочій можетъ своевременно позвать врача по своему выбору. Уже однимъ этимъ серьезная болѣзнь можетъ иногда быть предупреждена въ самомъ началѣ. Если болѣзнь затянется, рабочій сперва получитъ по 10 шил. въ недѣлю, а потомъ по 5 шил., причемъ послѣднее пособіе можетъ явиться (въ случаѣ хроническаго страданія) пожизненной пенсіей. Чтобы показать, каковы результаты закона о страхованіи, канцлеръ казначейства сослался на Германію, гдѣ рабочіе, съ тѣхъ поръ какъ они застрахованы, почти перестали брать свои вклады изъ сберегательныхъ кассъ. Это объясняется тѣмъ, что больные рабочіе находятъ возможность перебиться на то пособіе, которое получаютъ изъ страховыхъ кассъ. По Insurance Act на сооруженіе санаторіевъ отпускается $1^1/_2$ мил. ф. ст., а на содержаніе ихъ—милліонъ фунтовъ стерл. въ годъ. Кромѣ того, семья чахоточнаго, покуда онъ находится въ санаторіи, будетъ получать по 10 шил. въ недѣлю (20 р. въ мѣсяцъ).

Что касается членовъ дружественныхъ обществъ и трэдъ-юні-

оновъ, то положеніе ихъ при новомъ законѣ,—объясняетъ Ллойдъ-Джорджъ,—будетъ неизмѣримо лучше, чѣмъ раньше. Финансовая сторона закона такъ устроена, что застрахованные рабочіе имѣютъ полную гарантію, которой не было у нихъ раньше. Ллойдъ-Джорджъ объяснилъ, что совѣтовался съ цѣлымъ рядомъ финансистовъ и спеціалистовъ по страховому дѣлу, и что всѣ они признали матеріальный фундаментъ закона вполнѣ прочнымъ. Затѣмъ канцлеръ казначейства отвѣтилъ своимъ политическимъ противникамъ. «Почему тѣ, которые агитируютъ теперь противъ закона о страхованіи, не возставали противъ него обычнымъ образомъ, когда билль обсуждался въ парламентѣ?—спросилъ Ллойдъ-Джорджъ. Оппозиція не ударила палецъ о палецъ, чтобы помочь биллю, но она убоялась также взять на себя отвѣтственность отклоненія законопроекта. Вождь оппозиціи взываетъ теперь къ трэдъ-юніонамъ и дружественнымъ обществамъ, чтобы они сдѣлали то, на что консерваторы не рѣшились *)... Я пытался превратить законъ о страхованіи во внѣпартійную мѣру. Мнѣ бросили въ лицо, что я пытаюсь подкупить рабочихъ. Будь у меня подобное желаніе, я бы зналъ, какъ выполнить его. Теперь запомню, что когда я внесъ въ парламентъ билль о страхованіи, призывавшій рабочихъ вносить извѣстную долю въ страховой фондъ,—консерваторы, всегда такъ гордящіеся искренностью своихъ убѣжденій, соединились съ крайними соціалистами, чтобы всячески мѣшать законопроекту. Я не забуду этого урока. Я просилъ оппонентовъ, когда билль вырабатывался, чтобы они выбрали нѣсколько человѣкъ и прислали ихъ въ министерство для ознакомленія съ законопроектомъ. Я обѣщалъ познакомить ихъ со всѣми документами. Мнѣ хотѣлось, чтобы оппозиція указала мнѣ въ какомъ направленіи она желаетъ исправить билль. Я сказалъ даже больше: «Быть можетъ, предложилъ я,—у васъ имѣется нѣчто лучшее и болѣе практичное, чѣмъ мой билль. Давайте его. Если мы сговоримся, я внесу всѣ ваши поправки отъ имени правительства. Въ такомъ случаѣ онѣ пройдутъ, конечно.» Могъ-ли смертный сдѣлать больше?—продолжалъ Ллойдъ-Джорджъ.—Мое предложеніе я повторилъ не разъ и не два. Мнѣ хотѣлось выработать внѣпартійный, не подлежащій спору законопроектъ. Но всѣ мои предложенія были отвергнуты. Оппозиція, вмѣсто того чтобы дѣйствовать открыто въ парламентѣ, предпочла сѣять неправду противъ законопроекта путемъ печати и памфлетовъ.»

Крайне интересны статьи, посвященныя новому закону о страхованіи въ послѣднемъ номерѣ «Observer» (January 7). Все время «Observer», являющійся, какъ я указывалъ уже, властителемъ думъ консервативной партіи, доказывалъ, что биллемъ о страхо-

*) Бальфуръ и лордъ Хью Сессиль призывали профессіональные союзы и дружественныя общества къ бойкоту закона.

ванія либеральное министерство строитъ собственную висѣлицу. Газета умоляла только лордовъ «не портить игру», т. е. не отклонять билль, чтобы такимъ образомъ дать возможность правительству «войти въ капканъ». Въ разсчеты газеты входило то, что предприниматели, съ одной стороны, откажутся платить страховыя деньги, а врачи, съ другой стороны, объявятъ бойкотъ. Такимъ образомъ, законъ, проведенный съ такимъ трудомъ, законъ, которому правительство вообще и Ллойдъ-Джорджъ въ частности придаютъ такое громадное значеніе, превратится въ мертвую букву. То обстоятельство, что правительство не въ состояніи будетъ привести законъ въ исполненіе, сдѣлаетъ либеральную партію объектомъ насмѣшекъ. Въ особенности поворомъ, — предсказывалъ «Observer»,—покроется Ллойдъ-Джорджъ, котораго всѣ консерваторы такъ ненавидятъ.

Вотъ, что проповѣдывалъ до послѣдняго времени «Observer». Возникаетъ агитація среди врачей, о которой сказано уже выше. Предприниматели группируются въ лиги и даютъ торжественное обѣщаніе не «лѣпить марокъ». Повидимому, «Observer» долженъ только радоваться. А между тѣмъ въ номерѣ отъ 7 января появилась передовая статья, озаглавленная «Слово благоразумнымъ» и представляющая собою отбой.

«Будущность закона о страхованіи представляетъ собою вопросъ громадной важности,—читаемъ мы.—Прежде чѣмъ разрастется агитація, имѣющая цѣлью убить новый законъ, необходимо уяснить, каковы будутъ послѣдствія для общества и для врачей, если движеніе противъ Insurance Act увѣнчается успѣхомъ». «Observer» говоритъ дальше, что онъ симпатизировалъ съ самаго начала врачамъ, хотя былъ противъ эксцессовъ. Члены медицинской корпораціи имѣютъ неотъемлемое право группироваться, чтобы отвоевать себѣ наилучшія условія. И если то, что предлагаетъ новый законъ, невыгодно врачамъ, они, разумѣется, могутъ отказаться. Врачи выставили шесть требованій (см. выше), изъ которыхъ три приняты безусловно и включены въ законъ. Что же касается остальныхъ трехъ требованій,—продолжаетъ «Observer»,—то законъ даетъ право мѣстнымъ комитетамъ народнаго здравія входить въ спеціальныя соглашенія съ врачами даннаго округа (Въ числѣ этихъ требованій находится пунктъ о томъ, чтобы всѣ застрахованные, получающіе въ недѣлю больше двухъ фунтовъ, платили врачамъ по особому тарифу). До тѣхъ поръ, покуда не сдѣланы попытки,—продолжаетъ газета,—никто не можетъ утверждать, что соглашеніе между мѣстными комитетами народнаго здравія и врачами невозможно. И только тогда, когда эти переговоры кончатся полной неудачей, можно будетъ утверждать, что новый законъ о страхованіи неосуществимъ практически. «Мы желаемъ доказать,— продолжаетъ «Observer»,—что слѣпое и непримиримое отношеніе къ новому закону, не имѣющее даже цѣлью путемъ спокойныхъ

переговоровъ добиться признанія остальныхъ трехъ требованій изъ шести, выставленныхъ врачами, не только повредитъ имъ въ глазахъ средняго обывателя, но принесетъ съ собою крупныя непріятности для всего общества».

Тѣ, которые думаютъ, что бойкотомъ можно убить *всю систему* національнаго страхованія, сильно ошибаются, — продолжаетъ газета. Никакая агитація предпринимателей и никакой бойкотъ со стороны врачей не можетъ погубить *систему*. Она будетъ существовать, хотя на *другомъ базисѣ*. Что случится, если предприниматели дѣйствительно откажутся «лѣпить марки», а врачи объявятъ закону полный бойкотъ. Мѣстные комитеты окажутся безъ средствъ и не смогутъ давать пособія больнымъ. «Было бы наивно предполагать, что Ллойдъ-Джорджъ въ подобномъ случаѣ безпомощно сложитъ руки и смиренно приметъ гибель своего закона и политической репутаціи,—объясняетъ «Observer». Канцлеръ казначейства не сдастся такъ легко. *Онъ просто будетъ искать деньги для осуществленія закона о страхованіи и найдетъ ихъ*. Не подлежитъ сомнѣнію то, что Ллойдъ Джорджъ такъ и поступитъ. Онъ отброситъ не всю схему національнаго страхованія, а только принципъ участія въ ней предпринимателей и рабочихъ. Ллойдъ-Джорджъ замѣнитъ обложеніе массъ повышеніемъ на шесть пенсовъ подоходнаго налога. Теперь канцлеръ казначейства говоритъ застрахованнымъ: «Вы получаете за четыре пенса девять пенсовъ». И если систему затормозятъ, Ллойдъ-Джорджъ выставитъ другой девизъ: «девять пенсовъ за ничто».

И если вся система государственнаго страхованія будетъ основана не на взносахъ заинтересованныхъ лицъ, а на суммахъ, доставляемыхъ исключительно казной,—положеніе вольнопрактикующаго врача ухудшится. Госпитали превратятся въ государственныя учрежденія. Медицинская профессія будетъ національизирована, а застрахованныхъ больныхъ будутъ обслуживать врачи, состоящіе на правительственной службѣ. Они будутъ получать такое хорошее вознагражденіе, что не станутъ нуждаться въ частной практикѣ. Размѣры этого вознагражденія привлекутъ на службу значительное число врачей. Нѣтъ сомнѣнія, что все это не въ интересахъ вольнопрактикующихъ врачей, готовящихся бойкотировать новый законъ.

Въ томъ же номерѣ «Observer'a» мы находимъ статью, набранную крупнымъ шрифтомъ и снабженную шестью заголовками.

«Мистеръ Ллойдъ-Джорджъ и врачи».—«Намѣренія въ случаѣ бойкота закона».—«Рѣшительныя мѣры преобразованія».—«Повышеніе подоходнаго налога на шесть пенсовъ».—«Штатъ врачей на правительственной службѣ».—«Что будетъ съ госпиталями?».

«На основаніи тщательно провѣренныхъ сообщеній, почерпнутыхъ изъ самыхъ лучшихъ источниковъ, мы можемъ заявить, что, если протестъ врачей приведетъ къ полному отказу лѣчить застра-

хованныхъ больныхъ, Ллойдъ-Джорджъ не откажется отъ своей системы государственнаго страхованія, а предложитъ парламенту другія мѣры,—пишетъ «Observer».—Покуда нѣтъ еще данныхъ предполагать, что мѣстные страховые комитеты, получившіе полномочія отъ правительства, не смогутъ столковаться съ врачами относительно трехъ оставшихся пунктовъ изъ шести, выставленныхъ медицинской корпораціей.

«Но если переговоры эти ни къ чему не приведутъ и законъ будетъ бойкотированъ, канцлеръ казначейства откажется отъ той части Insurance Act, гдѣ говорится о взносахъ, дѣлаемыхъ предпринимателями и рабочими. Необходимыя суммы, т. е. 15—16 мил. ф. ст., будутъ получены путемъ повышенія подоходнаго налога на 6 пенсовъ на фунтъ. Въ случаѣ очень крупныхъ доходовъ этотъ налогъ будетъ еще выше. Если понадобится, правительство назначитъ для лѣченія застрахованныхъ штатъ врачей, жалованье которыхъ будетъ такъ велико, что привлечетъ многочисленныхъ кандидатовъ. Очень вѣроятно, что правительство возьметъ на себя большую отвѣтственность при содержаніи госпиталей *). Переходъ госпиталей въ руки государства составляетъ часть широкой программы охраненія народнаго здравія, выработанной теперь Ллойдъ-Джорджемъ. Этотъ канцлеръ казначейства рѣшилъ отстаивать до послѣдняго эту программу или подать въ отставку».

Таково положеніе дѣлъ, созданное теперь принятіемъ закона о страхованіи. Либеральное правительство находится въ затруднительномъ положеніи, и фонды его въ странѣ сильно пошатнулись, какъ показалъ рядъ дополнительныхъ выборовъ.

Трудящіяся массы недовольны, по причинамъ указаннымъ выше, новымъ закономъ о страхованіи, а затѣмъ недовольство обусловливается также нежеланіемъ министерства внести билль объ отмѣнѣ рѣшенія по дѣлу Осборна **). Рабочіе не могутъ забыть также, что, по ихъ мнѣнію, министръ внутреннихъ дѣлъ слишкомъ поспѣшно и безъ настоятельной надобности вызвалъ войска во время лѣтнихъ безпорядковъ. Умѣренные либералы неохотно поддерживаютъ теперь правительство, испуганные его «революціонностью».

Имъ кажется, что Ллойдъ-Джорджъ и крайніе члены кабинета идутъ уже слишкомъ стремительно впередъ. Съ другой стороны, радикалы смущены внѣшней политикой кабинета, а въ особенности—персидскими дѣлами. Далеко не все англійское общество одобряетъ захватъ территоріи слабаго государства, только что начавшаго пробуждаться. Значительная часть коммонеровъ-радикаловъ находитъ, что кабинетъ совершилъ, самое меньшее, важную политическую ошибку на Востокѣ. И всѣ эти причины, дѣйствуя вмѣстѣ, создали

---

*) Теперь въ Англіи они содержатся исключительно на счетъ частной благотворительности.

**) Объ этомъ я писалъ подробно въ началѣ прошлаго года.

такое положеніе, что либеральное министерство въ любой моментъ можетъ быть поставлено въ необходимость выйти въ отставку.

Но если это случится, и у власти станутъ юніонисты, то перемѣна ни въ коемъ случаѣ не будетъ означать «наступленіе реакціи». Послѣднее въ Англіи теперь невозможно, если только не будетъ какой-нибудь катастрофы, вродѣ войны съ Германіей, а въ особенности войны несчастной. Консервативная партія, конечно, поспѣшитъ ввести «тарифную реформу», но затѣмъ, во всемъ остальномъ, новый парламентъ пойдетъ по слѣдамъ стараго. Мнѣ пришлось не разъ говорить въ «Русскомъ Богатствѣ» про то, какъ горячо защищали консерваторы наслѣдственныхъ законодателей. И вотъ либеральное правительство осуществило «Парламентскій билль», имѣющій цѣлью отнять у лордовъ право *veto*. Возстановятъ ли консерваторы, если станутъ у власти, прежнія права лордовъ? Нисколько. На большомъ митингѣ въ Хэддингтонѣ Бальфуръ заявилъ, что консерваторы желаютъ теперь *выборную*, демократическую верхнюю палату. Большинству лордовъ такая реформа болѣе непріятна, чѣмъ то, что сдѣлали либералы. Что касается «соціальныхъ реформъ», то консервативная партія не отстанетъ отъ либераловъ. Государственное страхованіе будетъ только упрочено. Затѣмъ консерваторы обѣщаютъ выкупъ земли въ Англіи по такому же масштабу, какъ въ Ирландіи.

Даже по вопросу о гомрулѣ, какъ я указывалъ много разъ, консерваторы вынуждены будутъ осуществлять то, противъ чего возстаютъ теперь.

Діонео.

Хроника внутренней жизни.

1. Распредѣленіе Россіи по видамъ охранъ. Отъ житомирскаго брандмейстера къ чердынскимъ поджигателямъ.—2. Эксплуатація режима должностными лицами.—3. Эксплуатація режима бытовыми группами, частными лицами и организаціями.—4. О подготовкѣ поводовъ для сохраненія исключительныхъ положеній.—5. Изъ современныхъ явленій общей политики.

Въ новогоднихъ номерахъ нѣкоторыхъ газетъ подведенъ приблизительный цыфровой итогъ нынѣшняго правового состоянія Россіи:

1) подъ военнымъ положеніемъ находится 2745000 кв. верстъ съ населеніемъ около 2,3 милліона;

2) подъ чрезвычайной охраной—1500 кв. верстъ съ населеніемъ 0,3 милліона;

3) подъ усиленной охраной—4117000 кв. верстъ съ населеніемъ свыше 63 милліоновъ;

4) подъ иными—юридически не предусмотрѣнными, видами исключительныхъ положеній находится 11951000 кв. верстъ съ населеніемъ около 90 милліоновъ.

Можетъ быть, въ Ледовитомъ, напримѣръ, океанѣ и есть острова, гдѣ сохранился нормальный порядокъ управленія, но количество населенія, подлежащаго этому порядку, выражается цыфрою 0. Даже въ Бухарскомъ ханствѣ всѣ русскія поселенія объявлены на положеніи усиленной охраны. Даже Каспійское море находится на положеніи чрезвычайной охраны *). Нормальный порядокъ пересталъ быть дѣйствующимъ порядкомъ; законы, коими онъ предусмотрѣнъ, какъ бы превратились въ мертвый юридическій памятникъ. Охранительныя группы, слѣдовательно, могутъ торжествовать побѣду: успѣхъ полный. Но цифры характеризуютъ лишь количественную сторону успѣховъ. Охранителями, разумѣется, достигнуты и очень серьезные качественные успѣхи.

«Нормальный порядокъ». Ни старшее поколѣніе, на памяти котораго онъ еще дѣйствовалъ, ни потомки, которые будутъ знакомиться съ нимъ по мертвымъ юридическимъ памятникамъ, не придутъ отъ него въ восторгъ. Это—порядокъ полицейской государственности съ ея обычными, такъ сказать, первородными грѣхами: чрезмѣрной властью администраціи, слишкомъ слабою ея отвѣтственностью, доходящею нерѣдко до полной безнаказанности, отсутствіемъ гласности, общественнаго контроля и т. д. Исключительными положеніями эти первородные грѣхи лишь доводятся до крайняго выраженія. Всюду, гдѣ существовала полицейская государственность, ея первородные грѣхи служили почвой для всевозможной преступной эксплуатаціи: казнокрадства, взяточничества, лихоимства и пр., и пр. Это и понятно: возможность выиграть велика, рискъ подвергнуться отвѣтственности ничтоженъ. Само собою понятно и то, что вносится въ эти обычныя явленія исключительными положеніями: возможность выигрыша посредствомъ преступныхъ дѣйствій становится еще больше, рискъ отвѣтственности—ничтожнѣе. Эксплуатація «грѣховъ», очевидно, должна расширяться, рости, принимать болѣе откровенныя и сложныя формы. Такъ должно быть въ теоріи. Эта теорія общеизвѣстна. Но къ ея воплощенію въ живой дѣйствительности присмотрѣться все таки не лишне,—пожалуй, даже поучительно.

По обязаностямъ публициста, я собираю всякаго рода матеріалы, характеризующіе состояніе россійской гражданственности. Собираю, между прочимъ, и тѣ матеріалы, которыми характеризуется эксплуатація «грѣховъ» и органическихъ «недостатковъ» административнаго механизма. Собранное и накопленное мною въ теченіе ряда лѣтъ далеко не можетъ претендовать на полноту,

*) «Утро Россіи», 1 января.

отрывочно, случайно. Но для сравненія того, что было, съ тѣмъ, что достигнуто, и оно можетъ служить нѣкоторымъ подспорьемъ. Сравнивать, разумѣется, всего удобнѣе аналогичныя формы. Возьмемъ для краткости какую-либо одну изъ формъ и попытаемся сравнить минувшее съ настоящимъ.

Передо мною матеріалы, имѣющіе семилѣтнюю давность и уже отчасти использованные мною въ печати *). Тогда—7 лѣтъ назадъ—нормальный порядокъ не былъ всего только юридическимъ памятникомъ, онъ еще дѣйствовалъ, хотя и съ сильною подмѣсью исключительныхъ положеній. Жилъ въ ту пору въ Житомирѣ брандмейстеръ Осиповъ. Любимецъ начальства, человѣкъ съ большими связями въ обыкновенной, сыскной и охранной полиціи, онъ имѣлъ возможность эксплуатировать грѣхи административной системы. И таки эксплуатировалъ ихъ разнообразно. Между прочимъ входилъ въ соглашеніе съ домовладѣльцами, желающими «поправить дѣла пожаромъ»; по заключеніи сдѣлки, домовладѣлецъ старался возможно солиднѣе застраховать свое имущество, а «работавшіе» въ компаніи съ Осиповымъ сыщики въ условленное время и за условленное вознагражденіе поджигали; затѣмъ полиція—часто по указанію тѣхъ же сыщиковъ—составляла обычный протоколъ о пожарѣ, устанавливала обстоятельства, обезпечивающія за страхователемъ право на полученіе страховой суммы... Человѣкъ энергическій, по своему даже талантливый, Осиповъ сумѣлъ поставить дѣло на широкую ногу,—единичные набѣги на капиталъ страховыхъ обществъ превратилъ въ большое организованное предпріятіе. Въ концѣ-концовъ онъ увлекся, зарвался, былъ уличенъ, преданъ суду и осужденъ. 7 лѣтъ назадъ, наканунѣ «обновленнаго строя», въ «предконституціонной» Россіи это было послѣднее слово искусства эксплуатировать грѣхи административной системы въ формѣ организаціи поджоговъ. Антреприза Осипова—своего рода «геркулесовы столпы»; по крайней мѣрѣ, лично мнѣ неизвѣстно ничего болѣе яркаго и болѣе скандальнаго въ этой области. И я умышленно напоминаю наиболѣе яркое явленіе былыхъ временъ,—дабы не подвергнуться упрекамъ въ идеализаціи прошлаго за счетъ настоящаго.

Наступаетъ «конституція». Нормальный порядокъ все болѣе и болѣе отходитъ въ область преданій. Режимъ исключительныхъ положеній дѣлаетъ дальнѣйшія завоеванія. Безотвѣтственность и безнаказанность достигаютъ порою прямо-таки сказочныхъ размѣровъ: достаточно напомнить того агента полиціи, который любезно поклонился коронному суду, вынесшему ему смертный приговоръ, спокойно удалился со скамьи подсудимыхъ, сѣлъ на велосипедъ и поѣхалъ домой. Сверхъ того, для «обновленнаго строя» понадобилось не только создать организаціи «союзниковъ», «патріотовъ»,

*) Въ № 1 „Русскаго Богатства“ за 1905 г.

«активныхъ борцовъ», но и гарантировать имъ сверхправовое состояніе, ту «дѣйствительную неприкосновенность», какою пользуется, напр., г. Дубровинъ. Въ административную практику входитъ сжиганіе цѣлыхъ селъ въ видѣ репрессіи за «революціонные поступки» жителей; появляется поджогъ обывательскихъ домовъ въ наказаніе за то, что возлѣ нихъ совершены «революціонные акты» (примѣръ ялтинскаго генерала Думбадзе). Такъ проходитъ 2—3 года. И передо мною новое дѣло о новой поджигательской антрепризѣ. Въ роли антрепренера на сей разъ выступаетъ не чиновникъ, не брандмейстеръ и не полицейскій. Это просто обыватель, рыльскій купецъ, лѣсопромышленникъ. Онъ приписался къ «истинно русскому» союзу, сталъ, такимъ образомъ, духовно близокъ къ господствующей въ Курской губерніи «марковской партіи». И, выполнивъ это, приступилъ къ операціямъ.

Нанятые имъ „молодцы" кочевали по уѣзду и поджигали; приказчики наѣзжали на погорѣлое и предлагали тѣмъ погорѣльцамъ, имущество которыхъ было застраховано, выдать довѣренность на полученіе страховыхъ суммъ:

— Все оборудуемъ въ первый сортъ. Скоро и хорошо. А вы за это купите у насъ лѣсокъ. Отборный поставимъ *).

«Купите лѣсокъ».. Вмѣсто денегъ, если желаете, выдайте довѣренность на полученіе страховой суммы; сельскія постройки застрахованы въ земствѣ; земство «марковское», «истинно-русское»; «истинно-русскому» человѣку оно заплатитъ «скоро и хорошо»,— безъ задержки, безъ проволочекъ. И настало въ Рыльскомъ уѣздѣ пожарное повѣтріе. «Деревня за деревней вспыхивали и сгорали, а земство все платило и платило» по довѣренностямъ погорѣльцевъ предпріимчивому лѣсопромышленнику. Повидимому, мѣстное населеніе подозрѣвало, что дѣло не чисто. Какъ водится въ такихъ случаяхъ, крестьяне стали выслѣживать и задерживать подозрительныхъ людей. Между прочимъ двоихъ задержали крестьяне села Петровскаго. Но у задержанныхъ были паспорта.

«Никакихъ обвиненій имъ предъявить нельзя было, и староста уже собирался отпустить ихъ, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ сдѣлалъ неожиданное признаніе:

— Арестуйте насъ, потому мы безвинно поджигаемъ православный народъ, почитай, вотъ уже больше года» **).

Задержанные оказались агентами рыльскаго антрепренера. Ихъ, конечно, отправили по начальству. Дѣло, по словамъ газетъ, было раскрыто; получило огласку. Фамилія организатора поджоговъ была названа полностью. Заговорила печать. Потомъ дѣло было забыто. И я не знаю, имѣло ли оно установленныя уголовными законами послѣдствія, или, подобно многимъ другимъ темнымъ дѣламъ на-

*) «Сѣверъ», 24 сентября 1908 г.

**) Тамъ же.

шего времени, такъ и осталось «безъ послѣдствій»... Впрочемъ, юридическія послѣдствія для насъ пока не столь ужъ интересны. Важнѣе отмѣтить болѣе широкую постановку предпріятія по сравненію съ тѣмъ, что практиковалъ житомирскій брандмейстеръ. Осиповъ входилъ въ соглашеніе въ владѣльцами, склонными получить страховыя суммы воровскимъ путемъ. Онъ обслуживалъ только любителей, «охотниковъ»; его предпріятіе имѣло какъ бы кустарный характеръ. «Молодцы» рыльскаго антрепренера поджигаютъ всюду, гдѣ «благопріятствуетъ случай», и всѣхъ подърядъ. Это уже чисто капиталистическая фабрикація поджоговъ. Осиповъ «работалъ» изъ условленнаго «процента» со страховой суммы. Для рыльскаго антрепренера страховки имѣютъ второстепенное значеніе. Иной у него разсчетъ:

„въ Рыльскѣ много лѣсопромышленниковъ: конкуренція огромная, а торговля плохая; спроса почти нѣтъ; вотъ одинъ изъ главныхъ представителей рыльской лѣсопромышленности... и надумалъ" *).

«уширять производство и произвождать потребителя», какъ выражается у Г. И. Успенскаго купецъ Таракановъ. Старые «геркулесовы столпы», которые при Осиповѣ могли казаться крайними предѣлами возможнаго, остались, очевидно, назади. Да и какіе же это теперь «столпы»? Недавно въ одной газетѣ мнѣ пришлось прочитать характерную «экономическую» замѣтку. Авторъ ея констатируетъ: неурожай, голодъ, промышленный упадокъ... и отсюда дѣлаетъ выводъ: слѣдовательно, надо ожидать большаго количества пожаровъ на фабрикахъ,—это, дескать, своего рода законъ, необходимость, диктуемая затруднительнымъ положеніемъ рынка. Авторъ входитъ даже въ чисто техническія подробности,—посвящаетъ нѣсколько строкъ тѣмъ средствамъ, помощью которыхъ достигается выходъ изъ затруднительнаго положенія: стоитъ лишь, видите ли, ослабить надзоръ, прекратить своевременную уборку легковоспламеняемыхъ матеріаловъ, и оно само собою загорится. Въ дѣйствительности, само собою загорается не всегда; чаще немножко поджигаютъ. И, во всякомъ случаѣ, при этомъ нужно ладить съ мѣстными маленькими чинами, составляющими протоколы,—ладить на столько, чтобы не возникало юридически обоснованныхъ отказовъ въ выдачѣ страховыхъ суммъ. Но это уже техника. А по существу объ этомъ такъ же спокойно говорятъ, какъ, напр., о «легализаціи абортовъ». Конечно, аборты—вещь нехорошая, но... Создалось въ русской жизни много «самобытныхъ» явленій»: холера, тифъ, голодъ, висѣлицы, истязанія и пытки на допросахъ; такимъ же самобытнымъ явленіемъ стали и поджоги. Администраціей это, разумѣется, замѣчено. И она пытается искоренять поджигательство стараго оси-

*) Тамъ же.

ловскаго типа, разсчитанное на страховыя суммы. Въ недавнемъ приказѣ, изданномъ, напр., отъ имени петроковскаго губернатора и лодзинскаго полицеймейстера, полицейскимъ приставамъ предлагается:

„при самомъ началѣ пожара требовать отъ фабриканта бухгалтерскія книги и безъ всякаго промедленія собрать данныя о суммѣ, въ которую застрахована фабрика, и въ какомъ именно обществѣ, а затѣмъ также немедленно разслѣдовать, соотвѣтствовала ли въ моментъ возникновенія пожара наличность товара на фабрикѣ страховой суммѣ; пристава обязаны секретно собрать данныя о томъ, не грозило ли погорѣвшему фабриканту банкротство“ *).

Приказъ героическій,—въ духѣ знаменитаго генерала Толмачева. Но въ рукахъ честныхъ полицейскихъ чиновъ—это, по меньшей мѣрѣ, лишній документъ. А чинамъ нечестнымъ, склоннымъ идти на прямое преступленіе ради корысти, онъ не только не помѣшаетъ, но и можетъ послужить орудіемъ для дополнительныхъ вымогательствъ: «дадено» фабрикантомъ, заводчикомъ, торговцемъ, домовладѣльцемъ,—и даже въ случаѣ прямого поджога все будетъ обстоять благополучно; не «дадено»—и пожару отъ несчастной случайности можно на основаніи «секретныхъ данныхъ» придать характеръ поджога. Это не столько борьба противъ преступленія, ставшаго у насъ слишкомъ обычнымъ, сколько покушеніе на борьбу, и при томъ покушеніе съ явно негодными средствами. Суть не во владѣльцахъ горящихъ застрахованныхъ имуществъ. Гораздо больше значитъ та легкость, съ какою за извѣстную мзду недобросовѣстному агенту власти можно направить полицейское дознаніе о пожарѣ въ любую сторону и получить желательное офиціальное удостовѣреніе. Эта операція стала дѣломъ на столько легкимъ и общедоступнымъ, что создавать ради нея, подобно Осипову, цѣлую антрепризу—излишне. Антрепризы нужны уже для замысловъ болѣе обширныхъ и смѣлыхъ. Съ однимъ изъ такихъ замысловъ, осуществленнымъ въ Рыльскомъ уѣздѣ въ 1907—1908 гг., мы уже познакомились. Теперь передъ нами новое поджигательное дѣло, не ускользнувшее отъ вниманія прокуратуры и недавно—въ концѣ сентября 1911 г.—разсмотрѣнное выѣздной сессіей пермскаго окружнаго суда въ Чердыни **).

Вдругъ съ весны 1909 г. въ Чердыни возникло пожарное повѣтріе.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ было шесть большихъ пожаровъ. Пожары начинались непремѣнно около полуночи. Жителями овладѣла паника. У

*) „Утро Россіи“, 1 января.

**) Свѣдѣнія о чердынской шайкѣ поджигателей заимствую изъ газетныхъ отчетовъ о публичномъ засѣданіи пермскаго окружнаго суда: „Уральскій Край“, 30 сентября и 1 октября; „Нижегородскій Листокъ“, 3 октября.

большинства обывателей имущество было сложено въ сундуки, которые у многихъ были помѣщены или въ каменныхъ кладовыхъ, или въ церквахъ. Съ наступленіемъ 10—11 часовъ вечера многіе домовладѣльцы отправлялись на крыши домовъ и службъ охранять ихъ отъ краснаго пѣтуха. У многихъ зажиточныхъ людей были наняты ночные караульщики. Несмотря на это, пожары не прекращались.

Не прекращалась и разсылка анонимныхъ угрожающихъ писемъ. Какіе-то злодѣи, видимо, организованные, грозили сжечь городъ и, дѣйствительно, жгли. Бѣлыя ночи іюня и начала іюля— Чердынь за 60° сѣверной широты—дали жителямъ нѣкоторую передышку. Подметныя письма, однако, не прекращались. А въ двадцатыхъ числахъ іюля мѣстному купцу Алину чины полиціи, въ числѣ ихъ и помощникъ исправника Нестеровъ, сдѣлали очень важныя заявленія и предупрежденія. Оказалось, полиція уже выслѣдила поджигателей и довольно точно освѣдомлена о ихъ намѣреніяхъ. Полиціи, между прочимъ, извѣстно, что ровно въ 1 часъ ночи съ 29 на 30 іюля злодѣи намѣрены поджечь надворныя постройки купца Алина; кромѣ того, помощникъ исправника Нестеровъ знаетъ, что поджигать придутъ двое; г. Нестеровъ знаетъ даже, какъ они будутъ одѣты:—одинъ придетъ въ «обыкновенной», «вольной» одеждѣ, а на другомъ будетъ фуражка съ кокардой. Освѣдомивъ обо всемъ этомъ купца Алина, помощникъ исправника предупредилъ его и относительно тѣхъ мѣръ, какія приметъ полицейская власть. Во-первыхъ, 29 іюля съ вечера во дворъ купца Алина будутъ присланы переодѣтые стражники,—они устроятъ засаду; во-вторыхъ, «для большаго эффекта» поджигателямъ, надо «дать поджечь одно изъ строеній», и только послѣ поджога ихъ будутъ «хватать»; въ-третьихъ, «хватать» по настоящему предполагается только одного поджигателя,—который будетъ въ «обыкновенной» одеждѣ, а другого, въ фуражкѣ съ кокардой, «брать не слѣдуетъ»; и, наконецъ, поджигателей надо «взять живыми». Получивъ заранѣе предупрежденіе, купецъ Алинъ въ сущности могъ бы «сыграть на страховкѣ». Но онъ, видимо, не такой человѣкъ. Онъ рѣшилъ ни въ коемъ случаѣ не допускать поджога и схватить обоихъ поджигателей. У полиціи свой планъ, а у г. Алина свой. Помощникъ исправника прислалъ переодѣтыхъ стражниковъ, а г. Алинъ разставилъ своихъ служащихъ... Дѣйствительно, ровно въ часъ ночи появилось двое поджигателей, одѣтыхъ какъ разъ такъ, какъ заранѣе описывалъ помощникъ исправника. Одного, въ «обыкновенной одеждѣ», и при томъ очень пьянаго, схватили сразу, на мѣстѣ,—у него нашли стклянку съ бензиномъ, тряпки и спички; другой, «въ фуражкѣ съ кокардой» и трезвый, пытался убѣжать, но былъ задержанъ людьми г. Алина; этотъ задержанный имѣлъ при себѣ револьверъ; у него нашли также «бумажку, гдѣ былъ написанъ цѣлый рядъ фамилій чердынскихъ домовладѣльцевъ, при чемъ фамиліи тѣхъ, у кого

дома уже сгорѣли, были зачеркнуты, у другихъ же стояли кресты и различныя помѣтки»; были въ спискѣ и тѣ домовладѣльцы, которыми получены угрожающія письма о поджогахъ. Пьяный человѣкъ съ бензиномъ оказался административно-ссыльнымъ Кукушкинымъ. А перваго, съ револьверомъ и кокардой, купецъ Алинъ узналъ легко: это былъ одинъ изъ агентовъ охранной полиціи, по фамиліи Головковъ; онъ тоже приходилъ къ Алину предупреждать о поджогѣ. Впослѣдствіи, когда дѣло дошло до суда, начальникъ пермскаго губернскаго жандармскаго управленія увѣрялъ, что Головковъ былъ «добровольнымъ заявителемъ». Что значитъ этотъ жандармскій терминъ,—трудно судить непосвященнымъ. Факты же таковы: въ Чердыни Головковъ дѣйствовалъ, какъ лицо, близкое къ начальству; жилъ на виду, пользуясь явнымъ покровительствомъ мѣстной администраціи; хаживалъ «въ гости» къ исправнику и считался его пріятелемъ; «посѣщалъ мѣстный клубъ по рекомендаціи секретаря полицейскаго управленія и очень нерѣдко игралъ въ карты съ помощникомъ исправника Нестеровымъ». Головковъ жилъ на одной квартирѣ съ какимъ-то пріѣзжимъ «крестьяниномъ Бородинымъ». Послѣ задержанія Головкова оказалось, что его сожвартирантъ вовсе не «крестьянинъ», а командированный въ Чердынь губернаторомъ «для поимки поджигателей» надзиратель пермской сыскной полиціи Чувашевъ; паспортъ же на имя Бородина—не то чужой, не то фальшивый,—былъ выданъ ему пермскимъ полицеймейстеромъ. Потомъ

предварительнымъ слѣдствіемъ было установлено, что Головковъ и Чувашевъ знакомились съ людьми, склонными къ употребленію спиртныхъ напитковъ, угощали ихъ водкой и пивомъ въ своей квартирѣ и въ пивной лавкѣ, при чемъ уговаривали совершить поджоги... 29 іюля Головковъ и Чувашевъ цѣлый день угощали въ своей квартирѣ уволеннаго приказчика Калашникова, портного Первакова и ссыльнаго Кукушкина и посылали ихъ, каждаго въ отдѣльности, въ земскую аптеку покупать бензинъ, якобы для чистки платья. Когда три стклянки бензина были куплены, Чувашевъ и Головковъ роздали ихъ своимъ гостямъ, уговаривая: 1) Калашникова поджечь домъ своего бывшаго хозяина купца Боголюбова, 2) Первакова поджечь домъ чиновника Макарова, 3) Кукушкина поджечь постройки купца Алина. При этомъ Чувашевъ и Головковъ говорили, что устраивать поджоги при помощи бензина очень удобно: достаточно поднести спичку къ положенной на дерево тряпкѣ, смоченной бензиномъ, какъ дерево вспыхиваетъ сильнымъ огнемъ.

Такимъ образомъ, въ ночь съ 29 на 30 іюля предполагалось устроить сразу три пожара. Но уволенный приказчикъ и портной, разставшись съ агентами полиціи, не пошли поджигать и разбили полученныя ими стклянки съ бензиномъ. Административно-ссыльный Кукушкинъ показалъ на судѣ, что онъ тоже не соглашался поджигать, отказывался, но «агентъ» Головковъ «заставилъ его идти на поджогъ, угрожая въ случаѣ отказа револьверомъ». Косвенно подтвердили это показаніе нѣкоторые служащіе купца Алина,

видѣвшіе, какъ Кукушкинъ и Головковъ шли поджигать; по ихъ словамъ, Кукушкинъ шелъ впереди, а Головковъ держалъ въ правой рукѣ револьверъ и какъ бы угрожалъ имъ.

Легко представить, что получилось бы, если бы все произошло такъ, какъ предполагали распорядители. Одновременно въ ночь съ 29 на 30 іюля таинственная шайка поджигаетъ городъ съ трехъ сторонъ. Злодѣи скрылись, но одного на пожарѣ у купца Алина все-таки удалось задержать, и этотъ задержанный—административно-ссыльный. Ясно, кажись, по чьему адресу должно быть направлено естественное негодованіе мѣстныхъ жителей. Но двое предполагаемыхъ поджигателей не оправдали возложеннаго на нихъ довѣрія. Купецъ Алинъ распорядился не совсѣмъ такъ, какъ предлагалъ помощникъ исправника. И для мѣстныхъ жителей, которымъ дѣятельность Чувашева и Головкова и раньше казалась подозрительной, стало несомнѣннымъ, кто устраиваетъ поджоги. Послѣ этого начальство поспѣшило убрать изъ Чердыни обоихъ сыщиковъ,—что оказалось мѣрой, вполнѣ цѣлесообразной и достаточной: и поджоги прекратились, и подметныя письма исчезли.

Фактъ установленъ. Остается лишь неяснымъ, зачѣмъ это могло понадобиться. Разсчета на тотъ «процентъ» со страховыхъ суммъ, изъ-за котораго «работалъ» нѣкогда Осиповъ, тутъ нѣтъ. «Уширять производство и производить потребителя», кажется, было некому. Газеты говорили, что поджоги устраивались съ провокаторской цѣлью,—т. е., повидимому, агентамъ-поджигателямъ приписывается намѣреніе вооружить мѣстное населеніе противъ политическихъ ссыльныхъ. Наличность провокаціи трудно оспаривать. Но для такой провокаціи и только для нея жечь городъ—слишкомъ ужъ это громоздко и дико. Въ письмѣ, полученномъ мною отъ мѣстнаго обывателя, высказывается нѣсколько иная точка зрѣнія. Не входя въ догадки о личныхъ цѣляхъ и намѣреніяхъ агентовъ, мой корреспондентъ просто сопоставляетъ факты:

«Никакихъ охранъ—пишетъ онъ—въ Чердынскомъ уѣздѣ до поджоговъ не было; во время же поджоговъ введена была сначала усиленная, а потомъ и чрезвычайная охрана».

Сколько помнится, потомъ чрезвычайную охрану въ Чердынскомъ уѣздѣ замѣнили усиленной; быть можетъ, и усиленную замѣнятъ просто исключительными полномочіями администраціи. Но это уже оттѣнки. Главное,—между преступленіями агентовъ полиціи и переходомъ отъ нормальнаго порядка къ исключительнымъ положеніямъ мѣстные люди улавливаютъ связь. И замѣчена подобная связь не только въ Чердыни. Укажу хотя бы на загадочную царицынскую шайку грабителей, проявившую чрезвычайную дѣятельность въ концѣ 1911 г. Въ «Саратовскомъ Вѣстникѣ» (11, XII, 1911 г.) находимъ, напр., такое сообщеніе изъ Царицына:

«8 декабря вечеромъ въ магазинъ пароходчика Лапшина ворвались пятеро замаскированныхъ, вооруженныхъ револьверами. Съ обычнымъ крикомъ: «ни съ мѣста», грабители отобрали у кассира 500 рублей наличной выручки и удалились, стрѣляя залпами по преслѣдовавшимъ ихъ казакамъ. На мѣстѣ грабежа въ магазинѣ неизвѣстными оставлена калоша. Весь городъ говоритъ объ этомъ загадочномъ грабежѣ. *Надо замѣтить, что въ серединѣ текущаго мѣсяца истекаетъ срокъ дѣйствія въ Царицынѣ усиленной охраны.* Грабители точно въ воду канули. *Мѣстнымъ газетамъ предложено ничего не печатать объ этомъ грабежѣ»* *).

Припомните, далѣе, разсказъ бывшаго агента департамента полиціи Станислава Бродзкаго,—какъ онъ подготовлялъ поводы для извѣстнаго обвиненія соціалъ-демократической фракціи, роспуска второй Государственной Думы и послѣдовавшаго затѣмъ акта 3 іюня. Бродзкій разсказываетъ о предпріятіи центральномъ, экстраординарномъ. «Весь городъ» Царицынъ или «весь городъ» Чердынь говорятъ о дѣлахъ маленькихъ, провинціальныхъ,—всего лишь о подготовкѣ резоновъ и поводовъ, достаточныхъ, чтобы или распространить дѣйствіе исключительныхъ положеній, или не возвращаться отъ этого режима къ нормальному порядку.

Брандмейстеръ Осиповъ эксплуатировалъ слабыя стороны режима, какъ заурядный воръ. У рыльскаго лѣсопромышленника та же форма эксплуатаціи—поджигательство—превращается въ своеобразный методъ оживленія промышленности. Еще немного—и эта форма эксплуатаціи въ рукахъ чердынскихъ агентовъ ведетъ къ важной политической цѣли, къ торжеству охранительной программы, къ тому, что реакціонная печать нерѣдко называетъ «усиленіемъ власти» и что въ дѣйствительности сводится къ обычному расширенію правъ и полномочій администраціи. «Прогрессъ» несомнѣнный. «Эволюція» очевидная. Но не будемъ торопиться выводами. Присмотримся къ происходящему болѣе внимательно.

II.

Я упомянулъ, что брандмейстеръ Осиповъ въ качествѣ должностного лица, негласно состоявшаго на полицейской службѣ, эксплуатировалъ слабыя стороны административной системы не только въ формѣ поджоговъ. Не только эта форма эксплуатаціи существуетъ, разумѣется, и теперь. Систему могутъ эксплуатировать, какъ мы только что видѣли на примѣрѣ рыльскаго лѣсопромышленника, и частныя лица. Но сначала припомнимъ кое-что изъ дѣятельности членовъ администраціи.

Ачинскъ, Енисейской губерніи. Жандармскій вахмистръ Баранчукъ уличенъ въ сбытѣ фальшивыхъ сторублевокъ **).

---

*) Курсивъ мой,—*А. П.*

**) „Русское Слово“, 7 апрѣля 1911 г.

Тульская губернія. Въ концѣ сентября окружнымъ судомъ надзиратель тульской тюрьмы Ильюшинъ признанъ виновнымъ въ кражѣ изъ церкви села Воловеньки, каковое преступленіе онъ совершилъ, когда былъ полицейскимъ стражникомъ. На судѣ выяснилось, что за стражникомъ, а нынѣ тюремнымъ надзирателемъ Ильюшинымъ числится, кромѣ святотатства, еще четыре преступленія, совершенныя имъ въ теченіе шести недѣль *).

Одесса. Городовые Кобылянскій и Кондратенковъ уволены и заключены подъ стражу за соучастіе въ кражѣ **).

Это — тяжкіе въ уголовномъ смыслѣ «единичные случаи». Задерживаться на нихъ не буду. Съ одной стороны, ихъ слишкомъ много. Съ другой, — «мало ли что въ отдѣльныхъ случаяхъ бываетъ?» Россія велика. Какъ бы ни зорко слѣдило начальство, но на административную и, въ частности, на полицейскую службу, конечно, могутъ проникать и фальшивомонетчики, и святотатцы, и разбойники, и просто мошенники. Не усмотришь вѣдь за всѣмъ и за всѣми. Получивъ исключительныя права и огромную возможность ускользать отъ отвѣта, «прятать концы въ воду», преступные элементы, разумѣется, «не кладутъ охулки на руку». Они творятъ много ужаснаго, недопустимаго. Но это все таки «отдѣльные случаи», хотя бы и создающіе въ общей сложности большой массовый эффектъ. Повторяю, оставимъ ихъ. Вотъ *картины* правового состоянія цѣлыхъ районовъ.

Саратовская губернія. Въ окружномъ судѣ—дѣло по обвиненію дворянина Панчулидзева въ клеветѣ на полицію—священникъ Сперанскій, въ качествѣ свидѣтеля, утверждаетъ: «полиція находится въ соглашеніи съ ворами» О. Сперанскій лично видалъ ночное собраніе воровъ и чиновъ мѣстной полиціи въ кузницѣ, гдѣ обыкновенно воры отдаютъ полицейскимъ часть уворованнаго и награбленнаго ***). По показанію другихъ свидѣтелей и, между прочимъ, земскаго начальника Гофмана, полицейскіе и сами крадутъ снопы съ крестьянскихъ полей; по ночамъ — цѣлыми возами крадутъ ****). А при случаѣ не только крадутъ, но и грабятъ. Свидѣтель Кугушевъ показалъ:

Одинъ разъ меня урядникъ Руновъ ограбилъ. Встрѣтилъ меня въ селѣ Старыхъ Бурасахъ. „Давай паспортъ" — говоритъ. Я далъ; а онъ его положилъ въ карманъ. „Отдай. говорю, паспортъ". А онъ мнѣ говоритъ: „купи полбутылки, тогда отдамъ". Купилъ ему полбутылки, онъ выпилъ ее у себя дома. „Покупай еще бутылку". Еще купилъ. „Теперь отдавай паспортъ". «Давай—говоритъ—цѣлковый». «Я на судъ, говорю, ему пойду». А онъ мнѣ: „боюсь я твоего суда, я самъ судъ". Потомъ онъ схватилъ меня, ограбилъ у меня три рубля, при этомъ пять разъ ударилъ.

---

*) „Русское Слово", 30 сентября 1911 г.
**) „Одесскія Новости", 26 ноября.
***) «Саратовскій Листокъ», 10 декабря 1911 г.
****) «Саратовскій Вѣстникъ», 9 декабря 1911 г.

Кугушевъ жаловался начальству, но удовлетворенія не получилъ. Его показаніе подтверждено другимъ свидѣтелемъ [1]. Кромѣ всего этого, еще и бьютъ, пытаютъ, увѣчатъ, истязаютъ, даже убиваютъ... Но это — предметъ особый. Сейчасъ мы говоримъ о дѣяніяхъ, прямо направленныхъ на корыстныя цѣли. Дѣянія эти совершались почти открыто. О нихъ, между прочимъ, докладывали губернатору губернскій и нѣкоторые уѣздные предводители дворянства, докладывали земскіе начальники; г. Панчулидзевъ, гласный губернскаго земства, управляющій архивомъ Государственнаго Совѣта и управляющій дѣлами совѣта объединеннаго дворянства, докладывалъ даже вице-директору департамента полиціи. Губернскому предводителю дворянству губернаторъ (гр. Татищевъ) сказалъ:

„За самоотверженныя дѣйствія чиновъ полиціи при революціи можно смотрѣть на отличившихся снисходительно" [2].

Выходитъ какъ бы награда за борьбу съ революціей,— по примѣру старинныхъ полководцевъ, имѣвшихъ обычай отдавать только что взятый непріятельскій городъ солдатамъ «на грабежъ»... Земскому начальнику Ростовцеву, начавшему было дѣло о беззаконныхъ дѣйствіяхъ полицейскихъ чиновъ, губернаторъ (гр. Татищевъ) заявилъ:

«Вы еще молодой земскій начальникъ. Совѣтую вамъ жить мирно съ полиціей и прекратить начатое дѣло» [3].

Но «обыкновенно губернаторъ, когда ему жаловались на полицію», ничего не говорилъ, — слушалъ и «водилъ глазами по карнизамъ своей пріемной» [4]. А иныхъ чиновъ полиціи, на которыхъ было особенно много жалобъ, — напр., аткарскаго исправника Чешко, впослѣдствіи окончательно проворовавшагося и сбѣжавшаго, — представлялъ къ наградамъ [5]... Вице-директоръ департамента полиціи (г. Зуевъ) отнесся къ жалобамъ, по внѣшности, болѣе внимательно:

«Онъ принялъ меня—говорилъ на судѣ г. Панчулидзевъ—и болѣе часа бесѣдовалъ со мною. На моемъ прошеніи онъ дѣлалъ помѣтки карандашомъ. Вообще, какъ будто отнесся сочувственно» [6].

Но и у вице-директора департамента полиціи г. Панчулидзевъ—завѣдующій архивомъ Государственнаго Совѣта!—«толку не добился» [7]. Въ концѣ концовъ г. Панчулидзевъ поступилъ такъ:

---

[1]) «Саратовскій Вѣстникъ», 10 декабря 1911 г.
[2]) «Саратовскій Вѣстникъ», 11 декабря.
[3]) „Утро Россіи", 13 декабря 1911 г.
[4]) „Саратовскій Вѣстникъ", 11 декабря.
[5]) Тамъ же.
[6]) „Саратовскій Вѣстникъ", 10 декабря.
[7]) „Утро Россіи", 13 декабря.

24 сентября 1910 г. подалъ письменное заявленіе прокурору окружнаго суда; указавъ цѣлый рядъ преступленій, систематически совершаемыхъ полицейскими чинами, отмѣтивъ отдѣльные случаи укрывательства воровъ, кражи, ограбленія, г. Панчулидзевъ написалъ:

„Къ сему долгомъ считаю присовокупить, что вышеозначенное не составляетъ исключенія изъ образа дѣйствія и поведенія саратовской уѣздной полиціи *).

Можно лишь догадываться, какъ поступилъ бы губернаторъ гр. Татищевъ, «выславшій» изъ Саратовской губерніи до 6000 человѣкъ однихъ только крестьянъ **), съ обыкновеннымъ смертнымъ, если бы тотъ осмѣлился въ официальной бумагѣ высказать такое «общее сужденіе» о полиціи цѣлаго уѣзда. Но С. А. Панчулидзева губернаторъ приказалъ саратовскому исправнику всего только привлечь къ судебной отвѣтственности за клевету. Можно представить, какъ чувствовалъ бы себя на «щегловитовскомъ» судѣ по такому дѣлу обыкновенный смертный. Но за С. А. Панчулидзева поднялось саратовское дворянство, выступившее «корпоративно, стойко», «хоромъ» ***). Основательность общаго сужденія г. Панчулидзева объ «образѣ дѣйствій и поведеніи» полицейскихъ чиновъ цѣлаго уѣзда на судѣ была доказана. Что же дальше? Пока только то, что судъ вынесъ г. Панчулидзеву оправдательный приговоръ, да мѣстная печать робко намекнула, что раскрытыя на судѣ обстоятельства, «безъ сомнѣнія, могли бы сослужить большую службу прокурорскому надзору, если бы дѣло слушалось не въ порядкѣ частнаго, а публичнаго обвиненія» ****)... «Дѣло слушалось въ порядкѣ частнаго обвиненія». «Порядка публичнаго» не предполагается. И ни откуда не видно, что отъ судебнаго приговора выйдетъ больше толку, чѣмъ отъ прошенія департаменту полиціи.

Курская губернія. Мѣстный дворянинъ Ростиславъ Марковъ пишетъ въ жалобѣ правительствующему сенату, подтверждая написанное ссылками на документы и на 78 свидѣтелей:

Щигровскій уѣздъ кишитъ всякаго рода ворами, поджигателями, конокрадами и всякими преступниками. Они находятся подъ покровительствомъ полицейскихъ чиновъ, а послѣдніе подъ покровительствомъ «марковской партіи». Всѣ жители и власти знаютъ популярныхъ въ уѣздѣ разбойниковъ, открыто расхаживающихъ съ револьверами, ножами, инструментами для взлома замковъ, съ матеріалами для поджоговъ... Покровительство ворамъ и грабителямъ происходитъ открыто.

Въ Дмитріевскомъ уѣздѣ одинъ изъ судебныхъ слѣдователей письменно

*) „Саратовскій Вѣстникъ", 9 декабря.

**) Эту цифровую справку заимствую изъ «Саратовскаго Вѣстника», 11 декабря.

***) «Саратовскій Вѣстникъ», 11 декабря.

****) Тамъ же.

призналcя, что онъ состоитъ организаторомъ шайки конокрадовъ и поджигателей. Въ мелехинской волости должность волостного писаря фактически занимаетъ извѣстный атаманъ разбойниковъ, дважды приговоренный къ ссылкѣ на поселеніе. При четвертомъ полицейскомъ станѣ имѣется спеціальный пунктъ для продажи съ публичныхъ торговъ лошадей, украденныхъ профессіональными конокрадами *).

Г. Ростиславъ Марковъ называетъ вполнѣ опредѣленныхъ лицъ, полностью приводитъ ихъ имена и фамиліи. Эти указанія, затрагивающія личную репутацію, я опускаю, такъ какъ они пока не провѣрены должнымъ образомъ. По существу же предъявленныхъ г. Р. Марковымъ обвиненій извѣстно, что сенатъ, разсмотрѣвъ жалобу, затребовалъ объясненій отъ министра внутреннихъ дѣлъ. По русскимъ условіямъ, это уже признакъ, что жалоба въ достаточной мѣрѣ обоснована. А вообще излагаемое г. Ростиславомъ Марковымъ не является новостью по сравненію съ тѣмъ, что уже не разъ устанавливалось на судебныхъ процессахъ: напоминаю хотя бы кіевскую аслановщину или дѣло о шайкѣ экспропріаторовъ, гдѣ въ качествѣ обвиняемаго (а потомъ и обвиненнаго судомъ) оказался любимецъ генерала Толмачева, капитанъ Ермоловъ, озургетскій начальникъ, «усмиритель Грузіи», онъ же и одесскій приставъ.

Эксплуатировать «недостатки» режима въ формѣ разбоевъ, грабежей, кражъ, пристанодержательства и тому подобныхъ крайне уголовныхъ дѣяній возможно. И эти формы довольно широко практикуются. Но, конечно, онѣ—именно уголовная крайность. На такія дѣла идутъ люди, наиболѣе отпѣтые, отчаянные или зарвавшіеся. Да и отчаяннымъ нельзя же походя грабить, красть, разбойничать. Въ массовомъ и повседневномъ обиходѣ держится лишь размѣнная монета—формы средней или мелкой уголовной стоимости.

Урядникъ Миловъ задумалъ жениться. Для этого нужны деньги. Достать очень просто. Является къ одному торговцу и начинаетъ производить строжайшій обыскъ. Торговецъ догадывается, въ чемъ дѣло, и спрашиваетъ:

— Сколько?
— 50.
— Возьми 40.
— Давай.

Затѣмъ идетъ обыскъ у другого,—и тотъ же діалогъ:

— Сколько?
— 20 и пудъ варенья.

Обыскъ у третьяго:

— Сколько?
— 10.

---

*) «Южная Заря», 29 ноября.

— Возьми посудой.
— Ладно *).

«Урядники и стражники (Саратовскаго уѣзда) сплошь и рядомъ занимаютъ у крестьянъ деньги; крестьяне терроризованы; изъ страха подвергнуться расправамъ, они даютъ «взаймы» чинамъ полиціи, но занятое урядники и стражники «никогда не возвращаютъ» **).

Урядники, стражники, становые, околоточные—мелкая полицейская сошка. Что удивительнаго, если она пользуется своими сверхъестественными полномочіями для корыстныхъ цѣлей. И для кого это секретъ? Временами сами начальствующія лица въ приказахъ по полиціи пишутъ: полицейскіе чины, «посягающіе на чужой карманъ и занимающіеся вымогательствомъ при посредствѣ всевозможныхъ давленій... будутъ отстраняемы отъ службы безъ малѣйшаго состраданія» ***). И не только такъ пишутъ; иныя начальствующія лица пытаются и «увольнять безъ состраданія», и отдавать подъ судъ. Но на мѣсто уволенныхъ являются новые чины и, по примѣру предшественниковъ, «посягаютъ на чужой карманъ». Съ мелкотой, какъ съ саранчей, при нынѣшней административной системѣ, создающей на каждомъ шагу соблазнъ наживы на чужой счетъ, «ничего не подѣлаешь»: заполнить мелкіе полицейскіе посты героями добродѣтели невозможно; а люди обыкновенные, грѣшные, легко впадаютъ въ соблазны. Но вотъ не мелкота, а цѣлый вице-губернаторъ, о которомъ пишетъ «Русское Знамя»:

Прослышавъ, что въ одной захолустной монастырской церковкѣ есть рѣдкая икона, писанная мѣстнымъ чтимымъ святымъ, этотъ вице-губернаторъ нагрянулъ съ кортежомъ стражниковъ, взялъ ключи, приказалъ стражникамъ стеречь священника... вынулъ икону и былъ таковъ. Исполняя обязанности губернатора, онъ призналъ домъ одного богача опаснымъ въ пожарномъ отношеніи и запечаталъ его. Получивъ 2500 р., распечаталъ. Наканунѣ Рождества онъ прислалъ подставную санитарную коммиссію для осмотра лучшаго гастрономическаго магазина, который также запечаталъ; а получивъ 1000 р., распечаталъ. „Жалобы своевременно дошли до Столыпина, который представилъ этого вице-губернатора къ наградѣ за отличіе и къ назначенію губернаторомъ окраинной области" ****).

Вотъ не вице-губернаторъ, все-таки не очень большая особа, а птицы высшаго полета, о которыхъ «Новое Время» пишетъ: «офицеры шефскаго полка императрицы, танцоры придворныхъ баловъ,

*) Это преступленіе урядника Милова (Оханскій уѣздъ) признано судомъ доказаннымъ; Миловъ осужденъ на 4 мѣсяца тюрьмы. „Смоленскій Вѣстникъ", 24 сентября 1911 г.

**) Удостовѣрено свидѣтельскими показаніями въ саратовскомъ окружномъ судѣ по извѣстному уже намъ дѣлу С. А. Панчулидзева.

***) Изъ приказа херсонскаго уѣзднаго исправника Глыбовскаго. „Одесскія Новости", № 8458, 1911 г.

****) Сообщеніе „Русскаго Знамени", заимствую изъ „Современнаго Слова" 18 ноября 1911 г.

люди своего круга, участники неофиціальныхъ бесѣдъ»... Какъ они живутъ среди соблазновъ системы и какъ эксплуатируютъ, ее,—съ этимъ русское общество познакомилъ недавно мургабскій процессъ. Ничуть не лучше они урядниковъ и стражниковъ.

Уголовщина, хотя бы и средняго или мелкаго калибра, все таки уголовщина. Есть формы эксплуатаціи еще болѣе мягкія и невинныя; по русскимъ нравамъ и обычаямъ онѣ уголовщиной не считаются,—просто такъ, нѣчто въ родѣ обычнаго права. Да и по существу онѣ порою то скользятъ по грани уголовнаго, то являются всего только «неудобными поступками», подлежащими дисциплинарному воздѣйствію. Въ процессѣ г. Панчулидзева вскрылась, между прочимъ, такая деталь. Нѣкоторые мѣстные люди пожелали устроить спектакль съ благотворительною цѣлью. Препятствій со стороны администраціи не было. Но полицейскій приставъ Данишевскій потребовалъ въ свою пользу 10% сбора, «ссылаясь на то, что въ Одессѣ, гдѣ онъ служилъ ранѣе, ему всегда платили» въ этомъ размѣрѣ устроители благотворительныхъ спектаклей *). Это —не взятка, а установленный практикой, перешедшей въ обычай, «доходъ» отъ зрѣлищъ. Есть другіе «доходы», установленные практикой, ставшей обычаемъ. Въ сентябрѣ 1911 г. казанской судебной палатой разсматривалось дѣло верхотурскаго исправника Вилкова, бывшаго до назначенія въ Верхотурье чиновникомъ охраннаго отдѣленія—между прочимъ, въ Москвѣ, при Рейнботѣ. Обвиняли Вилкова въ разныхъ служебныхъ злоупотребленіяхъ,—въ частности, въ растратахъ. На судѣ Вилковъ, гордо перечисляя свои заслуги передъ начальствомъ, вкратцѣ коснулся тѣхъ условій, на которыхъ онъ былъ приглашенъ на должность исправника Верхотурскаго уѣзда:

— Въ Москвѣ уже получалъ 2400, наградныхъ 300 и прогонныхъ 700,—итого 3400. Когда меня пригласили въ одинъ уѣздъ на 3000,—я не пошелъ. А въ Верхотурьѣ исправнику полагается «4000 *съ заводскими*»...

Поэтому онъ, Вилковъ, и согласился занять мѣсто въ Верхотурьѣ,— и «*заводскія*» онъ считаетъ своимъ законнымъ вознагражденіемъ. Правда, пермскій губернаторъ «сказалъ мнѣ, чтобы я не говорилъ всѣмъ, что съ заводоуправленія получаю» **). И говорить «всѣмъ», разумѣется, нѣтъ нужды. Но на судѣ почему и не сказать объ этомъ? «Заводскія»,—вѣдь это такой же прочно установленный терминъ, какъ «старовѣрскія», «молоканскія», «еврейскія», «дѣвичьи» (съ домовъ терпимости), «базарныя», «извозчичьи» (мзда за право стоянки въ людныхъ мѣстахъ)... Мало ли есть всякихъ другихъ хорошо извѣстныхъ начальству «доходовъ», которые заранѣе

---

*) „Утро Россіи", 13 декабря.

**) Отчетъ о процессѣ Вилкова былъ напечатанъ „Уральскимъ Краемъ"; цит. по перепечаткѣ въ „Кіевской Почтѣ" 26 сентября 1911.

учитываются, какъ установленная обычаемъ прибавка къ жалованью, и предоставляются особо ревностнымъ служакамъ, въ видѣ награды или поощренія. При Гоголѣ и Щедринѣ такъ было. Потомъ родная старина стала стыдливо прятаться. Теперь о ней говорятъ открыто, съ гордо поднятой головой, публично, въ присутствіи суда и прокурора:

— Я не кто нибудь. Мнѣ «заводскія» были начальствомъ предоставлены. Сами изволите знать, господа судьи,—это никому зря не дается.

Преступное мало-по-малу на столько входитъ въ нравы, что начинаетъ разсматриваться, какъ должное и слѣдуемое по праву. За этой гранью идутъ уже совсѣмъ «невинныя» формы эксплуатаціи режима,—всякія житейскія мелочи. Судомъ крестьяне деревни Коряки (Осинскій уѣздъ, Пермской губ.) были подвергнуты штрафамъ по жалобѣ мѣстныхъ чиновъ горнозаводскаго вѣдомства. Исполненіе судебнаго рѣшенія поручается становому приставу Каменскому. И становой приставъ приступилъ къ исполненію. Одного крестьянина судъ приговорилъ къ штрафу въ 25 копѣекъ (sic); приставъ къ этой суммѣ присовокупилъ 20 коп. за врученіе повѣстки и 12 р. 96 коп. прогонныхъ и суточныхъ себѣ «за исполненіе приговора»—и сталъ взыскивать 13 р. 41 коп.; другой крестьянинъ (Евстафій Юрковъ) приговоренъ къ штрафу 12 р. 40 к.; приставъ присоединилъ къ этой суммѣ прогонныя и суточныя 34 р. 80 коп.; еще одна крестьянка (Матрена Юркова) оштрафована на 10 р. 90 коп.,—приставу прогонныя и суточныя 46 р. 40... Отъ становой квартиры до деревни Каряки 15 верстъ. И въ общей сложности приставу за исполненіе приговоровъ пришлось, вѣроятно, рублей по 50 съ версты «прогоновъ» и рублей по 100 суточныхъ.

Одни отдавали деньги безропотно. Другіе просили пощады:

— Батюшка, помилосердуй. Возьми поменьше за прогоны...

Происходилъ торгъ. Приставъ „уступалъ". Такъ, съ одной женщины взялъ за прогоны, вмѣсто 12 р., только девять,—скинулъ три рубля «на бѣдность» *).

Прогоны и суточныя исчислены на законномъ основаніи,—правда, съ нѣкоторой ошибкой. Но «ошибку», если бы дѣло дошло до суда, и самъ приставъ Каменскій, вѣроятно, призналъ бы. Кто не ошибается!..

Красноуфимское уѣздное земское собраніе (41-ая очередная сессія, въ октябрѣ 1910 г.) постановило:

„поручить управѣ довести до свѣдѣнія подлежащаго начальства о значительномъ расходѣ (по подводной повинности) на разъѣзды (становыхъ) приставовъ и ихъ нарочныхъ: напримѣръ, пристава четвертаго стана, который лично израсходовалъ на свои поѣздки въ 1909 г. 1325 р. 21 коп., т. е. сдѣлалъ 22087 верстъ и долженъ былъ проѣзжать каждый день въ продол-

*) „Русское Слово", 14 августа 1911 г.

женіе всего года болѣе 60 верстъ въ день, и нарочнымъ пристава израсходовано 1228 р. 47 коп., между тѣмъ какъ въ 1905 г. приставомъ того же стана израсходовано лично 446 р. 72 коп. и на нарочнаго 194 р. 17 к." *).

Въ красноуфимскомъ земствѣ вообще расходы на конные разъѣзды чиновъ полиціи по сравненію съ 1905 г. возросли почти въ 4 раза (съ 4,2 тыс. до 16,1 тысячи руб.); растутъ неимовѣрно изъ года въ годъ. И это не только красноуфимское, это общерусское явленіе, которому посвятили свое вниманіе нѣкоторыя земскія собранія и въ очередныхъ сессіяхъ 1911 г. Пытались земства вводить контроль,—не дѣйствуетъ; пытались поразить воображеніе начальства цифровыми выкладками: выходитъ, что нѣкоторые становые пристава круглый годъ изо дня въ день безостановочно разъѣзжаютъ за земскій счетъ на лошадяхъ. Но и выкладки не дѣйствуютъ. Чины полиціи продолжаютъ развивать удивительное, уже давно вышедшее изъ предѣловъ вѣроятнаго, служебное усердіе.

Такой же всероссійскій характеръ принимаетъ мало-по-малу вопросъ объ автомобиляхъ высшихъ начальствующихъ лицъ—градоначальниковъ, полицеймейстеровъ, губернаторовъ. Вопросъ чаще всего возникаетъ въ формѣ очень элементарной: поломалось что-то въ автомобилѣ одесскаго градоначальника (бывшаго, г. Толмачева),—городской управѣ предлагается: ассигновать 120 р. на починку **). Но возникаютъ положенія и болѣе сложныя. Въ Калужской губерніи

неоднократныя катастрофы съ автомобилемъ губернатора во время его служебныхъ поѣздокъ имѣли своимъ послѣдствіемъ изданіе особаго циркуляра, въ которомъ кн. Горчаковъ предложилъ земскимъ управамъ приступить къ приведенію земскихъ дорожныхъ сооруженій въ такое состояніе, при которомъ было бы возможно безпрепятственное движеніе автомобилей.

По постановленію нѣкоторыхъ уѣздныхъ земскихъ собраній вопросъ этотъ былъ переданъ на разсмотрѣніе губернскаго собранія, при чемъ жиздринская управа, препровождая постановленіе своего собранія въ губернскую, писала, что „вопросъ объ автомобильномъ движеніи по отношенію къ Жиздринскому уѣзду является совершенно новымъ, такъ какъ еще ни одинъ изъ автомобилей не появлялся въ Жиздринскомъ уѣздѣ, кромѣ автомобиля начальника губерніи" ***).

Становые клюютъ по зернышку: пошлетъ урядника за цвѣтами попадьѣ-именинницѣ, а напишетъ поѣздка по дѣламъ службы; поѣдетъ жена, свояченица, дѣтишки къ гимназію или изъ гимназіи, а на бумагѣ значится, что самъ становой по служебнымъ надобностямъ ѣздилъ; иной разъ ухитрится, сидя дома, совершить поѣздку верстъ въ 200,—рублей 11—12 разъѣздныхъ денегъ изъ земства получается. Мелочи все это. То ли дѣло губернаторъ: привести дороги всей губерніи въ состояніе, удобное для поѣздокъ на автомобилѣ. Размахъ богатырскій. А «полнота власти»... Свя-

*) Цит. по Журналамъ 41-ой очередной сессіи.

**) „Русское Слово", 5 октября 1911 г.

***) „Русское Слово", 13 декабря 1911 г.

щеннику Саратовской губерніи о. Сперанскому нѣкій урядникъ Соколовъ однажды предложилъ:

— Хочешь, батюшка... человѣка сейчасъ при тебѣ застрѣлю? Теперь усиленная охрана,—намъ все дозволено... *).

Губернаторъ и подавно можетъ сказать:

— Хочешь, всю губернію заставлю приспособить дороги къ моему автомобилю.

Въ послѣдніе годы замѣтно крѣпнетъ особый видъ эксплуатаціи,—уже не для личныхъ только цѣлей, но въ интересахъ «своего» вѣдомства или даже — послѣдняя новинка приказнаго искусства — въ интересахъ корпораціи. Года полтора назадъ большой шумъ произвели екатеринославскіе чины тюремнаго вѣдомства: облюбовали цѣнный участокъ городской земли (въ центральной части Екатеринослава) и произвели захватъ, при чемъ одинъ изъ тюремныхъ чиновъ отдалъ приказаніе—стрѣлять въ представителей города, если они дерзнутъ появиться на захваченномъ участкѣ. Недавно на защиту своего вѣдомства счелъ долгомъ выступить новозыбковскій исправникъ. Ему не хватило суммы, ассигнованной городскимъ управленіемъ по смѣтѣ на освѣщеніе и отопленіе помѣщеній полиціи. Исправникъ потребовалъ новыхъ дополнительныхъ ассигнованій. Городская Дума не сочла возможнымъ производить сверхсмѣтные расходы. Тогда исправникъ въ офиціальной бумагѣ поставилъ слѣдующій ультиматумъ: *«если не будутъ немедленно выполнены мои требованія о выдачѣ мнѣ керосина и дровъ* (*или денегъ*), *я въ 24 часа явлюсь въ городское управленіе съ 24 городовыми и займу всѣ помѣщенія»* **). Вице-губернаторъ, описанный выше со словъ «Русскаго Знамени», явился же со стражниками «вынуть» изъ церкви цѣнную икону. Отчего нельзя исправнику совершить вооруженное нападеніе на городскую управу и вынуть тамъ изъ кассы, сколько нужно? Вице-губернаторъ, любитель иконописи, дѣйствовалъ для личной корысти. Исправникъ «въ 24 часа съ 24 городовыми» предполагалъ явиться единственно «для пользы службы»,—за это и начальство строго судить не станетъ.

Изъ процесса Рейнбота извѣстно, какъ московская администрація собирала «пожертвованія» для «своего» общества помощи чинамъ полиціи и ихъ семьямъ,—«на убіенныхъ городовыхъ», какъ выразилась на судѣ одна содержательница дома терпимости. Теперь раскрывается еще одно предпріятіе въ томъ же рейнботовскомъ родѣ. Екатеринославскому полицеймейстеру Машевскому стало извѣстно, что мѣстный домовладѣлецъ Эйхе желаетъ пожертвовать учительскому обществу участокъ земли въ Крыму, подъ Алуштой, съ условіемъ, чтобы общество построило на этомъ участкѣ сана-

*) Свидѣтельское показаніе на процессѣ г. Панчулидзева; „Утро Россіи", 13 декабря 1911 г.

**) „Утро Россіи", 24 ноября 1911 г.

торію для учителей. Правленіе учительскаго общества, соблюдая всѣ установленныя формальности, созвало общее собраніе членовъ и пригласило жертвователя. Г. Машевскій принялъ свои мѣры.

На собраніе явилась полиція, обыскала всѣхъ присутствующихъ, задержала ихъ, произвела обыски и на домахъ, въ томъ числѣ и у г. Эйхе, у котораго отобрала паспортъ.

Паспортъ поступилъ къ полицеймейстеру. И пришлось г-ну Эйхе «довольно часто» ходить къ г. Машевскому съ просьбами вернуть «видъ на жительство». Г. Машевскій «вида» не возвращалъ, а нравоученія читалъ:

Пребываніе въ средѣ крамольниковъ даромъ не обойдется. Пожертвованіе земли крамольнымъ учителямъ въ то время, когда десятки полицейскихъ, подстрѣливаемые революціонерами, остаются безъ должнаго лѣченія въ санаторіяхъ, замѣчено властью, повлечетъ за собою неудовольствія...

Вотъ возникаетъ «у насъ, въ Екатеринославѣ», общество взаимопомощи чиновъ полиціи,—ему бы очень пригодилась земля подъ Алуштой, а между тѣмъ г. Эйхе жертвуетъ учителямъ... Наконецъ, г. Эйхе смирился и заявилъ, что онъ жертвуетъ землю обществу взаимопомощи чиновъ полиціи на тѣхъ же условіяхъ: подъ санаторію; жилое строеніе на пожертвованной землѣ должно быть возведено въ теченіе года. Лишь только г. Эйхе это заявилъ, паспортъ возвратили, а черезъ 30 минутъ къ нему уже явилась депутація отъ екатеринославской городской полиціи, принесшая благодарность за пожертвованіе. Затѣмъ тому же г-ну Эйхе «поручили» и санаторію строить,—«дали 805 р. и немного строительнаго матеріала», остальное—потомъ заплатимъ. И все бы хорошо. Но «общество взаимопомощи полицейскихъ чиновъ» было лишь въ проектѣ. За отсутствіемъ юридическаго лица, правоспособнаго принять пожертвованіе, нотаріальную дарственную запись совершили на имя г. Машевскаго. А потомъ случилось такъ, что г. Машевскій былъ переведенъ начальствомъ на должность исправника въ Кинешму... Въ концѣ-концовъ г. Эйхе получилъ возможность возбудить судебный искъ объ отобраніи дара, такъ какъ осталось невыполненнымъ условіе—возвести жилыя постройки въ теченіе года *).

III.

«Грѣхи нормальнаго порядка» всегда были неистощимымъ источникомъ профессіональныхъ «доходовъ» для приказныхъ людей. Переходомъ къ исключительнымъ положеніямъ, съ ихъ гораздо болѣе тяжкими грѣхами, созданы условія, при которыхъ приказному люду живется особенно привольно, сытно и тепло. Каковъ бы ни былъ

*) „Современное Слово", 18 ноября.

нормальный порядокъ, онъ все таки—порядокъ,—нѣчно твердое, прочное, надолго установленное. Но если жизнь превращена въ сплошное исключеніе изъ порядка, то каждый годъ, когда возникаетъ вопросъ, будетъ продлена охрана или не будетъ,—всякій городовой понимаетъ:

— Ежели отмѣнять, — обыватель порадуется, а нашей братіи станетъ тѣснѣе; даже жалованье уменьшится.

Режимъ исключительныхъ положеній создаетъ и подчеркиваетъ противорѣчія между страной, какъ цѣлымъ, и администраціей, какъ ея частью. Въ полицейской массѣ, которая вовсе не можетъ похвастать высокой культурностью, онъ воспитываетъ сознаніе: странѣ хуже—«намъ» лучше, странѣ лучше—«намъ» хуже. Не даромъ какой-либо саратовскій стражникъ Варавка, или урядникъ Соколовъ ведутъ себя, какъ скверные солдаты въ непріятельской странѣ (хорошій солдатъ и въ завоеванной странѣ не безобразничаетъ). Исключительныя положенія вытравляютъ изъ варавкиной головы самую возможность мысли о томъ, что онъ, Варавка, слуга государства, народа, исполнитель закона. Наоборотъ, многіе Варавки къ естественному въ ихъ положеніи выводу: «народу облегченіе— мнѣ хуже», имѣютъ полное основаніе присоединить другой выводъ:

«Ежели будетъ велѣно дѣйствовать по закону, то. къ примѣру, меня первымъ долгомъ подъ судъ».

Исключительныя положенія въ каждомъ полицейскомъ будятъ сознаніе групповой, корпоративной солидарности: «теперь усиленная охрана—*намъ* все дозволено»,—говоритъ саратовскій урядникъ. «Намъ», «мы», «насъ»... А слѣдовательно, хорошо бы возможно дольше сохранять этотъ удобный для «насъ» порядокъ, когда «намъ» все дозволено и все можно. Возникаетъ сознаніе нѣкотораго корпоративнаго интереса, состоящаго прежде всего въ томъ, чтобы продлить дѣйствіе исключительныхъ положеній. Я пишу очень азбучныя истины. Но, къ сожалѣнію, въ наше время именно азбучныя, элементарнѣйшія истины находятся въ полномъ пренебреженіи.

Извлекаютъ доходъ приказные люди. Но не только они. Я съ большимъ уваженіемъ отношусь къ гуманнымъ чувствамъ г. Панчулидзева и другихъ саратовскихъ дворянъ, разоблачившихъ ужасы, творимые уѣздной полиціей. Однако, не могу не раздѣлить тѣхъ недоумѣній, которыя были высказаны по этому поводу мѣстной печатью. Теперь дворяне на судѣ говорятъ, что они давно убѣждали губернатора гр. Татищева прекратить вопіющее беззаконіе, но онъ попустительствовалъ. Совѣсть—говорилъ г. Панчулидзевъ въ послѣднемъ словѣ суду — не позволяла терпѣть это; помѣстное дворянство не выполнило бы своей роли, если бы не выступило «защитникомъ своихъ крестьянъ». Но—недоумѣваетъ «Саратовскій Вѣстникъ»—

сами же саратовскіе дворяне въ бытность гр. Татищева губернаторомъ свидѣтельствовали совсѣмъ иначе, чѣмъ въ процессѣ г. Панчулидзева съ по-

лиціей. Передъ нами печатный сборникъ постановленій саратовскаго дворянства (изд. 1911 г.), и на стр. 35 мы читаемъ текстъ адреса, утвержденнаго единогласно очереднымъ губернскимъ дворянскимъ собраніемъ 19 декабря 1908 г. по случаю утвержденія гр. Татищева въ должности саратовскаго губернатора. Привѣтствуя это событіе, саратовское дворянство въ своемъ адресѣ „выражаетъ свою радость, что во главѣ губерніи будетъ находиться по прежнему столь твердый представитель власти и *справедливый хранитель законности*" *).

Допустимъ, 19 декабря 1908 г. дворяне такъ писали о гр. Татищевѣ потому, что недостаточно знали его. Но,—недоумѣваетъ тотъ же «Саратовскій Вѣстникъ»,—«когда гр. Татищевъ покидалъ губернію», «участниками торжественнаго обѣда въ честь него» были

почти всѣ видные свидѣтели по дѣлу г. Панчулидзева: гг. Ознобишинъ, Михалевскій, Григорьевъ, Ружичко де-Розенвертъ, Киндяковъ и др.

Правда, въ Саратовской губ. не одинъ гр. Татищевъ; тамъ епископъ Гермогенъ; тамъ инокъ Иліодоръ. Памятуя объ этомъ, можно найти кое-какіе предположительные отвѣты на поставленные мѣстной печатью недоумѣнные вопросы. Меня смущаетъ иное соображеніе. Мнѣ уже не разъ въ «Русскомъ Богатствѣ» приходилось отмѣчать факты насилій, чинимыхъ служащими саратовскихъ землевладѣльцевъ и самими землевладѣльцами надъ мѣстными жителями. Чтобъ не возвращаться къ этимъ старымъ исторіямъ, остановлюсь только на одномъ случаѣ. Въ № 24 сентября 1911 г. «Саратовскаго Листка» читаемъ:

22 сентября нѣкто Добролюбовъ, его жена и сосѣдка въ лѣсу Демина собирали опавшіе съ деревьевъ листья и валежникъ. На обратномъ пути ихъ встрѣтили двое вооруженныхъ лѣсниковъ г-на Демина.. разсадили по хлѣвамъ «подъ арестъ», требуя выкупа,.. издѣвались,.. угрожали «запороть до смерти»... Въ 9 часовъ вечера лѣсники устроили во дворѣ изъ скамеекъ «эшафотъ» и по очереди выводили заключенныхъ, обнажали (*женщинъ*!), клали на скамейки и сѣкли нагайками. На плачъ... отвѣчали смѣхомъ и площадной руганью. Только ночью лѣсники отпустили избитыхъ на волю. Потерпѣвшіе 23 сентября *явились въ* (саратовскую) *уѣздную полицію и обо всемъ заявили исправнику. Въ полиціи составленъ протоколъ. Потерпѣвшихъ отправили къ уѣздному врачу для освидѣтельствованія.*

Говорятъ, поведеніе полицейскихъ непозволительно. Ну, а ингуши какъ себя вели? Къ дворянамъ обращались жители за защитой отъ полиціи. А къ кому обращались жители за защитой отъ помѣщичьихъ лѣсниковъ, сторожей, черкесовъ? Дворяне въ иныхъ случаяхъ помогали обиженнымъ. Но вѣдь и полиція, по протоколу которой, очевидно, написано только что приведенная мною репортерская замѣтка, оказывала въ иныхъ случаяхъ защиту. Гр. Татищевъ не обращалъ вниманія на жалобы. Но представьте, онъ обратилъ бы вниманіе, и на мѣсто ужасныхъ Варавокъ и Руновыхъ послалъ бы трезвыхъ, честныхъ, строгихъ защитниковъ закона и

*) № 11 декабря 1911; курсивъ «Саратовскаго Вѣстника».

порядка, и стали бы эти трезвые, честные, строгіе люди серьезно защищать жителей отъ ингушскихъ набѣговъ и наскоковъ,—отъ кого и какой «адресъ» получилъ бы тогда гр. Татищевъ? Потолки своей пріемной разсматривалъ онъ, когда ему жаловались на полицію. А что ему оставалось дѣлать? Дворяне сказали о подчиненныхъ саратовскаго исправника Протопопова такую правду, что хуже всякой лжи. Но, полагаю, при желаніи и возможности и самъ исправникъ Протопоповъ, и его подчиненные тоже сумѣютъ многое разсказать.

Нельзя все валить на полицію. Охранами, исключительными положеніями эта важная отрасль государственной службы приведена въ крайне болѣзненное состояніе. Но самыя охраны понадобились, между прочимъ, для защиты интересовъ политически господствующихъ въ странѣ бытовыхъ группъ. Оставимъ въ сторонѣ большіе, основные интересы, связанные съ вопросами о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, о демократизаціи земскихъ и городскихъ общественныхъ управленій и т. д. Достаточно вспомнить даже такую частность, какъ борьба противъ рабочаго движенія и попытокъ создать хотя бы чисто профессіональныя, безпартійныя организаціи рабочихъ. Стоитъ сельскохозяйственнымъ рабочимъ въ помѣщичьей экономіи или фабричнымъ у купца заикнуться о скромномъ увеличеніи платы,—«хорошая» порція арестовъ, высылокъ, обысковъ, на основаніи охраны, или даже просто нагаекъ, и «спокойствіе» моментально водворяется. Это вѣдь тоже корыстная эксплуатація грѣховъ режима, но уже не чинами полиціи, а цѣлыми соціальными группами.

Открыта широкая возможность и для эксплуатаціи обывательской, такъ сказать, частно правовой, не всегда безразличной съ точки зрѣнія групповыхъ соціальныхъ интересовъ, но ближайшимъ образомъ имѣющей чисто личный характеръ. Эксплуатація режима частными лицами—большой недугъ современности. Не претендуя на полную характеристику этого недуга, напомню лишь нѣкоторыя, по возможности немногія, его конкретныя проявленія.

Если вѣрить крестьянамъ двухъ деревень Ближова и Глиннаго, Мозырскаго уѣзда, Минской губерніи, ихъ «баринъ», кн. Радзивиллъ взялъ и отобралъ у нихъ часть земель. Крестьяне, по словамъ «Рѣчи», рѣшили жаловаться суду и обратились за содѣйствіемъ къ присяжному повѣренному Чіаброву. Послѣдній командировалъ своего помощника кн. Черкезова на мѣсто, чтобы удостовѣрится въ основательности заявленія крестьянъ. Но кн. Черкезову заранѣе приготовили надлежащую встрѣчу: лишь только онъ пріѣхалъ, явился урядникъ и сразу открылъ три преступленія: во-первыхъ, по его, урядника, мнѣнію, у кн. Черкезова фальшивый паспортъ; во-вторыхъ, кн. Черкезовъ—«жидъ»; въ третьихъ, по свѣдѣніямъ урядника, этотъ «жидъ» пріѣхалъ съ цѣлью вести противоправительственную пропаганду. А слѣдовательно, на точномъ основаніи

исключительныхъ положеній, кн. Черкезовъ былъ немедленно арестованъ. Крестьяне догадались телеграфировать объ этомъ его патрону въ Петербургъ. И только послѣ энергическихъ ходатайствъ въ высшихъ инстанціяхъ, послѣ обращенія къ содѣйствію вліятельныхъ лицъ, послѣ телеграммъ члена Государственнаго Совѣта кн. Эристова минскому губернатору и прокурору минскаго окружнаго суда кн. Черкезовъ былъ освобожденъ изъ-подъ ареста. Въ данномъ случаѣ магнатское вліяніе кн. Радзивилла столкнулось съ не менѣе значительными вліяніями лицъ, оказавшихъ содѣйствіе присяжному повѣренному Чіаброву. Но провинціальному адвокату, не имѣющему доступа къ этимъ вліяніямъ, могло бы дорого обойтись «вмѣшательство не въ свое дѣло».

Магнату, опирающемуся на содѣйствіе мѣстныхъ чиновъ полиціи, облеченныхъ исключительными полномочіями, открыты, разумѣется, очень большія возможности. Но не совсѣмъ обиженными могутъ считать себя и мелкія сошки Съ крестьяниномъ Пронькомъ, Дисненскаго уѣзда, Виленской губерніи, вступилъ изъ-за земли въ судебную тяжбу его односельчанинъ Лысенко. Крестьянину Проньку, конечно, далеко до кн. Радзивилла. Однако и Пронько состоитъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ мѣстнымъ урядникомъ Лобатымъ. О дальнѣйшемъ повѣствуетъ жалоба Лысенка губернатору, справедливость которой подтверждена разслѣдованіемъ.

«Явился ко мнѣ... урядникъ въ пьяномъ видѣ съ двумя стражниками... Поваливъ на землю, избивалъ нещадно». Въ это время пришелъ и Пронько. Ему и стражникамъ урядникъ «приказалъ бить меня и укладывать для ареста на телѣгу»... Уложивъ меня на телѣгу, урядникъ Лобатый сѣлъ мнѣ на грудь, стражники—на ноги, а Пронько всю дорогу... билъ меня». Такъ проѣхали 5 верстъ. Затѣмъ „урядникъ привязалъ меня къ оглоблѣ своей брички и гналъ скорой рысью лошадь и меня. Когда я изнемогалъ, падалъ, на меня опять сыпались удары нагайки". Такъ проѣхали еще 25 верстъ. Затѣмъ посадили подъ арестъ.

Вотъ что значитъ вступить въ судебную тяжбу съ пріятелемъ урядника. А значитъ это такъ много потому, что урядникъ дѣйствовалъ на основаніи исключительныхъ положеній. У него явилось, видите ли, подозрѣніе, что Лысенко внушаетъ односельчанамъ крамольныя мысли. Слѣдовательно, онъ, урядникъ, въ правѣ и даже обязанъ подозрѣваемаго арестовать. Правда, бить при этомъ не было обязательно. Но, во-первыхъ, «намъ все дозволено». А, во вторыхъ, побои не всегда самое тяжкое. Арестованнаго Лысенка изувѣчили, за то черезъ недѣлю выпустили изъ «холодной» и сказали:

— Теперь ступай домой *).

---

*) Исторія эта имѣла такое продолженіе. Лысенко подалъ жалобу губернатору. Губернаторъ предписалъ мѣстной полиціи произвести дознаніе. Мѣстная полиція черезъ нѣсколько мѣсяцевъ донесла, что жалоба Лысенка не подтверждается допросомъ свидѣтелей. Тѣмъ временемъ лично отъ себя

А могли бы вѣдь запутать доносами, завалить секретными агентурными свѣдѣніями, на мѣсяцы заточить въ тюрьму, подвести подъ административную высылку; примѣнивъ извѣстные пріемы полицейскаго «допроса», могли добиться отъ арестованнаго и «сознанія» въ какихъ угодно преступленіяхъ. Словомъ, на примѣрѣ урядника Лобатаго мы видимъ наиболѣе простой способъ пользованія политическими мотивами и открываемыми охраной возможностями.

Можно эксплуатировать грѣхи режима, не прибѣгая къ политическимъ мотивамъ. Сельскаго батюшку—въ Бугульминскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи—начальство переводитъ въ другой приходъ—за 80 верстъ. Батюшка пишетъ: присылайте прогонныя деньги или безплатно подводы. Требованіе само по себѣ незаконное; кромѣ того, въ селѣ неурожай, голодуха. Прихожане не сочли возможнымъ удовлетворить странную претензію. Но батюшка обращается за содѣйствіемъ къ земскому начальнику. И послѣдній пишетъ распоряженіе:

«приказываю... въ трехдневный срокъ... произвести сборъ... по 10 коп. съ каждой души мужского пола... для найма подводъ на перевозку имущества (новаго) священника... Если же въ назначенный срокъ не будутъ собраны деньги, то вы мною будете подвергнуты административному взысканію» *).

Страшно показалось крестьянамъ прогнѣвить земскаго начальника во время голода. И батюшка, умѣющій дѣйствовать по современному, получилъ «прогоны».

Можно эксплуатировать грѣхи режима, не обращаясь прямо къ начальству, а лишь усыпивъ его бдительность заявленіями о своей политической благонадежности. Отсюда цѣлый рядъ преступленій, совершаемыхъ такъ называемыми «союзниками». И сюда же, видимо, надо отнести описанный выше примѣръ рыльскаго лѣсопромышленника, «уширявшаго производство» посредствомъ организаціи поджоговъ. «Было бы болото, а черти будутъ»,—говоритъ пословица. Былъ бы режимъ, эксплуатаціей котораго можно достигнуть тѣхъ или иныхъ корыстныхъ цѣлей; а охотниковъ и любителей получить корысть обывательская среда выдвинетъ достаточно. И формы эксплуатаціи, очевидно, зависятъ отъ изобрѣтательности человѣческаго ума. А такъ какъ человѣкъ давно знаетъ, что во многихъ случаяхъ цѣль легче достигается, если дѣйствовать не единолично, а компаніями, организаціями, то рядомъ съ единолич-

---

сельскій староста офиціально заявилъ прокурору виленскаго окружнаго суда, что на допросѣ онъ далъ невѣрныя показанія изъ страха репрессій. Губернаторъ командировалъ для разслѣдованія старшаго совѣтника губернскаго правленія, и жалоба подтвердилась. „Русское Слово“ 17 ноября.

*) «Русское Слово», 1 ноября 1911 г.

ными предпріятіями должны были явиться предпріятія, такъ сказать, акціонернаго типа.

Объ одномъ изъ такихъ компанейскихъ предпріятій разсказываетъ г. Ростиславъ Марковъ въ упомянутой выше жалобѣ сенату. Группѣ дѣльцовъ, среди которыхъ видное мѣсто занимаютъ братья Николай и Левъ Марковы, извѣстно, положимъ, что начальство желаетъ выслать изъ Курской губерніи «неблагонадежныхъ лицъ на основаніи усиленной охраны». Значитъ, начальству необходимо составить проскрипціонные списки. И въ Щигровскомъ, напр., уѣздѣ они составляются полиціей при участіи дѣятельнаго представителя компаніи, нѣкоего г. Главорубова,

«при чемъ въ списки эти попали, между прочимъ, лица, причастныя къ тѣмъ кредитнымъ обществамъ, въ которыхъ Льву Маркову было отказано въ кредитѣ, а также лица, которыхъ надо устранить отъ выборовъ».

И вообще, кого «марковцы» считаютъ своимъ врагомъ, того «допекутъ всѣми мѣрами», «сживутъ» *)... Устраняя и терроризуя противниковъ, «партія» старается всѣ мѣста занять своими людьми. Въ щигровскомъ уѣздномъ съѣздѣ, напр., предсѣдатель г. Л. Марковъ; «членами состоятъ: братъ его жены и другіе родственники» **). Земскіе начальники «свои». Благодаря имъ, въ волостные старшины и писаря попадаютъ тоже «свои». Даже въ городскіе головы кое-гдѣ удалось провести своихъ: избранныхъ кандидатовъ губернаторъ не утверждаетъ, а кандидатовъ, служащихъ «по назначенію», намѣчаютъ все тѣ же «марковцы». И мало-помалу создается слѣдующее. Живетъ, положимъ, въ Щиграхъ г. Главорубовъ,—тотъ самый, который «помогалъ» полиціи составлять проскриціонные списки. Если вѣрить г. Ростиславу Маркову, у этого дѣятеля очень сложная біографія; однажды, напр.,

бывшій прокуроръ курскаго окружнаго суда (К. И. Киссель), посылая Главорубову офиціальный пакетъ, адресовалъ его такъ: «Г. Щигры. Ивану Ивановичу Главорубову, бродягѣ не помнящему родства».

Давно Главорубовъ занимается «юридической практикой»; но таковая ему была запрещена еще въ 1887 году распоряженіемъ министра юстиціи. Теперь и для этого дѣятеля настали веселые дни. Щигровскій уѣздный съѣздъ собственной властью отмѣнилъ распоряженіе министра юстиціи и выдалъ Главорубову свидѣтельство на хожденіе по дѣламъ. И сталъ «марковецъ» г. Главорубовъ защищать интересы кліентовъ передъ судьями, которые тоже «марковцы». Естественно возникаетъ цѣлый рядъ жалобъ. Юридическая практика щигровскаго ходатая приняла на столько серьезный характеръ, что о ней пришлось имѣть спеціальное сужденіе губернскому начальству. Опредѣленіе уѣзднаго съѣзда, возстановившее

*) «Южная Заря», 24 ноября.
**) «Утро», 19 ноября.

г-на Главорубова въ правахъ ходатая, было отмѣнено. Тогда г. Николай Марковъ, членъ Государственной Думы, «лично поѣхалъ къ Щегловитову, и Главорубову снова было разрѣшено практиковать *). Онъ и «практикуетъ», какъ по судебнымъ, такъ и по административнымъ дѣламъ. Въ жалобѣ сенату разсказывается, напр., такой случай: нѣкто Баскаковъ порвалъ объявленіе, подписанное Главорубовымъ,—подвергся аресту на основаніи усиленной охраны; далъ Главорубову 50 р. и былъ освобожденъ **). Успѣхъ ходатаю обезпеченъ: и судьи—«свои люди», и администрація—«свои». Горе лишь тому, противъ кого онъ выступаетъ.

Обезпеченъ успѣхъ и всѣмъ вообще дѣятелямъ, примкнувшимъ къ группѣ. По словамъ г. Ростислава Маркова, онъ 35 лѣтъ владѣлъ по купчей крѣпости имѣніемъ «Синее Озеро», стоющимъ свыше 50.000 руб. Братья Николай и Левъ Марковы, находя, что имѣніе это должно принадлежать имъ, возбудили искъ. Участковый земскій начальникъ рѣшилъ дѣло въ пользу истцовъ. На уѣздномъ съѣздѣ, куда перешло дѣло, истецъ Левъ Марковъ лично присутствовалъ въ совѣщательной комнатѣ судей,—и съѣздомъ рѣшеніе земскаго начальника признано правильнымъ. А затѣмъ и губернскимъ присутствіемъ оно утверждено. Правда, «курскій окружный судъ немедленно распорядился пріостановить рѣшеніе, какъ незаконное»,—какъ бы ни оцѣнивать искъ по существу, но онъ по своимъ размѣрамъ превышаетъ компетенцію низшихъ судебныхъ инстанцій. Однако, распоряженіе окружнаго суда оказывается безсильнымъ: фактически истцы стали хозяевами «Синяго Озера». Незаконный, пріостановленный окружнымъ судомъ и тѣмъ не менѣе исполненный приговоръ отвѣтчикъ Ростиславъ Марковъ считаетъ необходимымъ обжаловать. Для обжалованія нужны извѣстные документы. Но «сколько ни просилъ г. Ростиславъ Марковъ выдать копіи съ дѣлъ, сколько ни бился,—ничего не помогло»: копій не выдаютъ; «поданную жалобу въ сенатъ губернское правленіе задержало почти на годъ» ***). Это —частный случай. Вообще же уѣздный предводитель дворянства г. Левъ Марковъ, видимо, не склоненъ признавать иной судъ, кромѣ того, въ которомъ онъ «хозяинъ»; онъ прямо пишетъ уѣздному члену окружнаго суда: прошу отнюдь не вмѣшиваться въ дѣла Щигровскаго уѣзда. На г.г. Марковыхъ сыплются жалобы. Но какую онѣ могутъ имѣть цѣну? Беру для примѣра хотя бы такое газетное сообщеніе изъ Курска:

Въ окружномъ судѣ было назначено къ слушанію дѣло по обвиненію землевладѣльцемъ Бѣльскимъ щигровскаго предводителя дворянства Льва

---

*) «Южная Заря», 24 ноября.
**) «Утро», 19 ноября.
***) «Южная Заря», 24 ноября.
****) Тамъ же.

Маркова въ клеветѣ въ печати. По открытіи засѣданія... оказалось, что обвиняемому повѣстка не вручена полиціей за нахожденіемъ его въ «безвѣстной отлучкѣ». Присутствовавшій въ залѣ частный обвинитель доложилъ суду, что Левъ Марковъ въ послѣдніе дни предсѣдательствовалъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи *).

Какъ предводитель дворянства, г. Левъ Марковъ и предсѣдательствуетъ, и засѣдаетъ нерѣдко вмѣстѣ съ исправникомъ (напр., въ училищномъ совѣтѣ). Но когда г. Льва Маркова требуетъ имперскій коронный судъ,—его нѣтъ дома, онъ находится «въ безвѣстной отлучкѣ». И представителямъ имперской власти понадобится сдѣлать героическія усилія только для того, чтобы вручить тому или иному дѣятелю группы, захватившей въ свои руки Щигровскій уѣздъ, простую повѣстку о вызовѣ въ судъ, въ качествѣ обвиняемаго.

Такимъ же точно порядкомъ группѣ дѣльцовъ, которые въ политикѣ выступаютъ, какъ «монархисты», «націоналисты» или «союзники», а въ жизни промышляютъ или желаютъ промышлять подрядами и поставками, удалось захватить полностью матеріальную службу юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ и провести своихъ агентовъ въ другіе отдѣлы управленія этими дорогами. На матеріальную службу, наиболѣе важную съ точки зрѣнія поставщиковъ и подрядчиковъ, завоеватели естественно смотрѣли, какъ на ключъ къ позиціи. «Чужихъ» людей они устранили, главнымъ образомъ при помощи политическихъ доносовъ; «своихъ» посадили, опираясь на «связи». Оставалось устранить конкурентовъ на торгахъ о поставкахъ. Но это уже пустяки,—подрядный способъ заготовки матеріаловъ «свои» люди замѣнили системой такъ называемыхъ «наличныхъ закупокъ», устраняющей конкуренцію и крайне убыточной для казны. Конечно, государственный контроль писалъ, что эта система нежелательна, что непозволительно и недопустимо ее примѣнять не въ исключительныхъ лишь случаяхъ, а какъ общее правило. Конечно, во всѣхъ эксплуатаціонныхъ отдѣлахъ управленія юго-западными дорогами начались жалобы на отсутствіе или недоброкачественность необходимѣйшихъ матеріаловъ. Конечно, понеслись жалобы на разстройство движенія. Тамъ паровозъ стоитъ 92 дня, потому что на матеріальномъ складѣ нѣтъ резиновыхъ прокладокъ, тамъ 2 паровоза стоятъ 117 дней, потому что нѣтъ угловаго желѣза требуемыхъ размѣровъ; тамъ цѣлый рядъ вагоновъ стоитъ 150, 90, 75 дней, потому что опять-таки нѣтъ тѣхъ или иныхъ матеріаловъ. Суточная задержка паровоза эквивалентна убытку въ 25 рублей, суточная задержка вагона—убытокъ въ 3 р. И уже по одной той причинѣ, что устранена отвѣтственность поставщиковъ за своевременную доставку необходимыхъ и доброкачественныхъ матеріаловъ, дорога терпитъ убытки въ сотни тысячъ

*) «Русское Слово», 10 октября 1911 г.

рублей. А затѣмъ, вслѣдствіе задержки и простоя паровозовъ и вагоновъ, образуется «недостача подвижного состава, дорога платитъ громадныя суммы за просрочку въ доставкѣ и порчу грузовъ, иски со стороны грузоотправителей растутъ непомѣрно» *)... Въ концѣ концовъ начальству пришлось признать, что разстройство на юго-западныхъ дорогахъ достигло «угрожающаго положенія». «Союзники» же, ставленники дѣльцовъ, буквально терроризовали все управленіе югозападныхъ дорогъ политическими доносами,

> дошли въ своей наглости до такой степени, что начали писать начальникамъ службъ письма съ требованіями уйти въ отставку, „убираться по добру по здорову"... Во время столкновеній съ непосредственными начальниками «союзники» нерѣдко заявляютъ, что они кѣмъ-то изъ Петербурга назначены слѣдить и контролировать дѣятельность начальства... Нельзя разобрать, начальникъ ли данное лицо или поднадзорный **).

За игнорированіе правилъ субординаціи и чинопочитанія нѣсколько наиболѣе безцеремонныхъ «союзниковъ» осенью 1911 г. было уволено. Для этого со стороны начальника дорогъ г. Немѣшаева понадобились чрезвычайныя усилія. Однако, несмотря настаранія г. Немѣшаева, «союзники», по словамъ газетъ, «продолжаютъ скандалить; по прежнему продолжаются запугиванія начальства обѣщаніемъ кары со стороны петербургскихъ сферъ» ***), по прежнему, конечно, продолжаются и политическіе доносы,—мощное и чрезвычайно дѣйствительное оружіе современности. 1 января г. Немѣшаевъ назначенъ въ члены Государственнаго Совѣта. Фактически его сняли съ югозападныхъ дорогъ. И дѣльцамъ, полувоевавшимъ эти дороги, открыта возможность дальнѣйшихъ завоеваній.

Въ послѣдніе мѣсяцы истекшаго года стало развертываться предпріятіе еще болѣе обширнаго характера. Какъ извѣстно, по случаю работъ морского вѣдомства было выдвинуто (въ особенности «Новымъ Временемъ») требованіе, — чтобы существующіе или имѣющія возникнуть судостроительныя фирмы, которымъ будутъ поручены работы, имѣли «національный» и «патріотическій» характеръ: иностранцы не желательны, евреи ни въ коемъ случаѣ не терпимы и т. д. Шелъ споръ о степеняхъ національнаго характера,—споръ, въ которомъ оппозиціонная печать видѣла отраженіе закулисной борьбы конкурентовъ, домогающихся получить подряды. Въ концѣ концовъ побѣду одержало «Русское судостроительное общество». Этой акціонерной компаніи, которую газеты иногда кратко называютъ «компаніей Иванова-Бунге», и поручены черноморскія судостроительныя работы въ Николаевѣ. Она тамъ и работаетъ. Для выполненія подряда «Русскому обществу» необ-

*) „Кіевская Мысль", 22 и 26 октября 1911 г.
**) «Сѣверо-Западный Голосъ», 28 октября 1911 г.
***) «Южная Заря», 4 декабря 1911 г.

ходимо провести желѣзнодорожныя вѣтки и другія вспомогательныя сооруженія; для этого надо занять нѣкоторые участки городской земли, нѣкоторыя улицы и т. д. Сначала компанія Иванова-Бунге попыталась войти въ соглашеніе съ городскимъ общественнымъ управленіемъ Николаева. Городъ не отказывался предоставить обществу требуемыя права, но, разумѣется, на извѣстныхъ условіяхъ. Такъ, напр., за проведеніе желѣзнодорожной вѣтки по двумъ улицамъ городъ потребовалъ уплаты 100.000 р. и замощенія одной изъ улицъ. Представитель компаніи инженеръ Глаголевъ принялъ эти и нѣкоторыя другія условія. Представители города и компаніи подписали даже договоръ; отъ имени компаніи уже внесенъ былъ залогъ въ суммѣ 25.000 р. Но вдругъ компанія объявила заключенный договоръ для себя необязательнымъ, залогъ—подлежащимъ возврату. А затѣмъ начала дѣйствовать безъ всякихъ соглашеній *). И вотъ уже 3 мѣсяца корреспонденты одесскихъ газетъ пишутъ: «Русское судостроительное общество» захватываетъ городскія земли, незастроенныя и застроенныя, захватываетъ улицы, прекращаетъ по нимъ движеніе, обнажаетъ трубы городского водопровода; за экспропріаціей городской собственности послѣдовала, разумѣется, экспропріація собственности частной. Игнорируя и нарушая права частныхъ лицъ, компанія добралась помаленьку и до правъ другихъ акціонерныхъ предпріятій. Напримѣръ, въ № отъ 9 декабря (1911 г.) «Одесскихъ Новостей» читаемъ:

Русское судостроительное общество на дняхъ пишетъ конторѣ бельгійскаго общества конки, являющагося контрагентомъ города: перенесите вашу линію съ такого-то участка,—намъ нужно это мѣсто. Естественно, представитель бельгійцевъ отвѣтилъ: не можемъ, ибо связаны договоромъ съ городомъ, и никакихъ измѣненій и перестроекъ безъ вѣдома городской управы производить не рѣшаемся. Тогда „Русское общество“ собственною властью разрушаетъ полотно конно-желѣзныхъ дорогъ и проводитъ свою вѣтку.

Такимъ же порядкомъ открыто днемъ, у всѣхъ на глазахъ, «Русское общество» экспропріировало очень важный по мѣстнымъ условіямъ Спасо-Варваровскій спускъ, по которому «Одесскій уѣздъ провозитъ тысячи пудовъ товару»; волнуется населеніе, негодуетъ печать, но...

„Не будемъ наивны—пишутъ „Одесскія Новости“—и скажемъ теперь же, что осадить предпріимчивую націоналистическую компанію... безсильны и городъ, и земство“.

Въ Николаевѣ «ходитъ по рукамъ списокъ всѣхъ участниковъ и пайщиковъ Русскаго судостроительнаго общества». Въ немъ есть очень именитыя лица. Товарищъ николаевскаго городского головы, инженеръ Матвѣевъ, пытался въ Петербургѣ жаловаться на само-

*) „Одесскія Новости“, 11 ноября 1911 г.

управство компаніи, но въ отвѣтъ «люди съ большой властью разводили руками и качали головой».

— «Связи, связи, батенька» *).

Въ засѣданіи городской думы нѣкоторые гласные прямо говорили:

— У русскаго судостроительнаго общества такія связи, что опасно защищать интересы города **).

Тюремное вѣдомство въ Екатеринославѣ экспропріировало участокъ городской земли и на томъ пошабашило. Частная компанія дѣльцовъ экспропріируетъ изо дня въ день, систематически, открыто, доводитъ захватное право до размѣровъ, о которыхъ не смѣетъ мечтать самый энергическій администраторъ при всей его «полнотѣ власти». Бывали въ Россіи всяческія чудеса. За короткое время, напр., исчезали огромныя пространства башкирскихъ земель. Но и при расхищеніи полудикихъ земель все-таки соблюдались нѣкоторыя юридическія формальности,—прямому захвату хищники придавали видъ купли-продажи, добровольной сдѣлки съ собственниками и т. д. Но перенести «уфимскіе» пріемы въ густо населенный городъ, въ обстановку уже созданныхъ жизнью сложныхъ правоотношеній и дѣйствовать, не соблюдая даже юридическихъ видимостей, — до этого башкирскимъ хищникамъ далеко. Спора нѣтъ, эксплуатируютъ режимъ всякіе приказные люди,—отъ стражниковъ до губернаторовъ, отъ рядовыхъ, до крупнѣйшихъ чиновъ интендантства. Но приказный людъ едва-ли когда-нибудь дойдетъ до той широты какую уже теперь способна проявить и проявляетъ «частная инициатива».

IV.

Сытно и тепло живется при создавшихся условіяхъ многимъ чинамъ администраціи. Сытный и теплый это порядокъ съ точки зрѣнія господствующихъ бытовыхъ группъ. Сытно и тепло при немъ тѣмъ отдѣльнымъ, но многочисленнымъ частнымъ лицамъ, которыя способны его эксплуатировать для своей корысти. На немъ построено матеріальное благополучіе тѣхъ компанейскихъ предпріятій, которымъ удается захватить гдѣ городъ, гдѣ уѣздъ, гдѣ цѣлую сѣть желѣзныхъ дорогъ, гдѣ всю губернію. Явленія, которыя создаются на почвѣ этого порядка, не могутъ не возмущать нравственнаго чувства каждаго нормальнаго, не страдающаго моральнымъ идіотизмомъ, человѣка. Но всѣ тѣ группы и лица, которыя на немъ построили и предполагаютъ построить свое благосостояніе, неминуемо стремятся къ сохраненію того, что имъ нужно, и безъ чего многіе изъ нихъ пойдутъ либо по міру, либо въ тюрьму.

*) «Одесскія Новости» 9 декабря.

**) «Одесскія Новости», 11 ноября.

Отсюда, надѣюсь, понятно, какъ сложенъ вопросъ о тѣхъ темныхъ людяхъ, которые подготовляютъ поводы для сохраненія всего вообще созданнаго порядка и, въ частности, исключительныхъ положеній. Разъ сама жизнь, по тѣмъ или инымъ причинамъ, не создаетъ основаній продлить желательное положеніе, всѣ, кому оно нужно, заинтересованы въ томъ, чтобы основанія явились. Пусть даже, по мнѣнію петербургскаго начальства, основанія имѣются; но мѣстные хищники этого не знаютъ, они сомнѣваются, волнуются,— все таки лучше сфабриковать нѣсколько «хорошихъ» разбоевъ, грабежей и т. д.

— Спокойнѣе, знаете ли, на душѣ будетъ. Масломъ кашу не испортишь.

При данныхъ условіяхъ это неизбѣжно. Но эти условія таковы, что безплодно и безполезно искать конкретныхъ виновныхъ,— узнавать точные адреса фабрикантовъ. Возвратимся хотя бы къ чердынскому дѣлу, сравнительно, простому и дошедшему до суда. Пойманы и уличены въ организаціи, по крайней мѣрѣ, одного поджога: «добровольный заявитель» Головковъ и надзиратель сыскной полиціи Чувашевъ. Но кто стоялъ за ихъ спиной, въ чьихъ рукахъ они были орудіемъ,—мы не знаемъ. Возможно, что инициатива принадлежитъ хищникамъ, проникшимъ на полицейскую или административную службу. Возможно и другое,—инициаторами были люди партикулярные, хищники изъ обывателей, которымъ почему-либо желательно и выгодно было устроить «завируху». Возможно, наконецъ, что Головковъ и Чувашевъ дѣйствовали по собственной инициативѣ. Инициаторъ неизвѣстенъ. Да и не все ли равно, кто онъ? Пріѣзжаетъ «добровольный заявитель», предъявляетъ мѣстной полиціи свои «вѣрительныя грамоты». «Агентъ изъ губерніи» — это въ уѣздахъ импонируетъ. Въ чердынскомъ случаѣ Головковъ, слывшій до ареста и отдачи подъ судъ важнымъ и вліятельнымъ агентомъ охраны, подъ конецъ все-таки оказался, по официальному удостовѣренію, «добровольнымъ заявителемъ». По крайности, не совсѣмъ самозванецъ. Но порядокъ у насъ достигъ такого совершенства, что даже это качество не обязательно. По Терской области въ 1909 г. путешествовалъ нѣкій Окороковъ-Поповъ; онъ многихъ арестовывалъ, осматривалъ тюрьмы, распекалъ, дѣлалъ выговоры, благодарилъ за исправную службу, отдавалъ распоряженія, по его указаніямъ станичная администрація вовлекалась въ феерическія предпріятія, а на повѣрку этотъ «агентъ власти» оказался просто Василіемъ Окороковымъ, разъѣзжающимъ по подложнымъ документамъ. Его арестовали, посадили въ тюрьму... Надо судить за самозванство; но вѣдь скандалъ,—мелкаго плута администрація чуть не цѣлой области приняла за важнаго чиновника и поступала согласно его указаніямъ. Подумали областныя власти, и дѣло было прекращено— «*въ виду ненормальности подсудимаго*». Вышло, правда, еще

хуже,—сумасшедшаго приняли за «ревизора», но, по крайней мѣрѣ, скандалъ замятъ, не получилъ огласки. Между тѣмъ Василій Окороковъ, отпущенный на свободу и якобы ненормальный, снова объявилъ себя агентомъ, снова чины администраціи по станицамъ—той же Терской области—принимаютъ его за «важнаго человѣка», снова онъ создаетъ феерическія предпріятія,—ухитряется, напр., безъ вѣдома владѣльца продать его имущество. Наконецъ, прокуратура взялась за него вплотную,—и недавно владикавказскимъ окружнымъ судомъ Окороковъ, признанный «ненормальнымъ» по ранѣе возникшимъ и прекращеннымъ дѣламъ, былъ приговоренъ къ трехгодичному заключенію въ арестантскія отдѣленія *). Еще при «старомъ строѣ» даже многоопытный генералъ Новицкій пересталъ отличать обыкновеннаго мошенника отъ секретнаго агента власти, снабженнаго большими полномочіями. А теперь, при «обновленномъ строѣ» отъ администраторовъ захолустныхъ провинціальныхъ угловъ и подавно нельзя требовать сверхъестественной прозорливости. Нельзя требовать отъ нихъ и мужественнаго сопротивленія дѣйствительнымъ или самозваннымъ «агентамъ»: «агентъ»—лицо, близкое къ тому «главному» начальству, которое дѣлаетъ политику; за противодѣйствіе ему непремѣнно съ мѣста слетишь. Однако, «агентъ» поступаетъ слишкомъ. Поджоги, напримѣръ,—это что жъ такое? Содѣйствовать тожъ боязно, да не всѣмъ, разумѣется, и желательно. Пусть даже никому изъ мѣстныхъ чиновъ участвовать въ преступленіи нежелательно. И тѣмъ не менѣе создается положеніе, подобное тому, о которомъ говорили недавно свидѣтели городовые на процессѣ бывшаго союзника Ларичкина:

— Знали, кто убилъ, и часто видѣли убійцу, но задерживать не задерживали, и слѣдуемыхъ по закону мѣръ не принимали, потому что... «приказа не было».

Можетъ быть, преступникъ по распоряженію высшаго начальства дѣйствуетъ, чего-жъ намъ то вмѣшиваться и рисковать? По старому русскому правилу, въ подобныхъ затруднительныхъ случаяхъ надо «дѣйствовать обинякомъ»,—чтобъ не было ни прямого содѣйствія, ни прямого противодѣйствія, но походило и на то, и на другое. Сколько я могу понять изъ газетныхъ отчетовъ о процессѣ Головкова и Чувашева такой же «осторожной» тактики держалась и чердынская полиція относительно пріѣзжихъ агентовъ-поджигателей. Ее нельзя обвинить въ прямомъ содѣйствіи организаціи поджога, но нельзя обвинить и въ прямомъ противодѣйствіи. Несомнѣнно лишь, что она, если не запуталась сама, то запутана въ это темное дѣло. Исправникъ запутанъ меньше,—хотя Головковъ и у него «бывалъ въ гостяхъ». Помощникъ исправника запутался очень сильно. Да и нельзя не запутаться полицейскому, если онъ не борется съ

*) «Русское Слово», 20 декабря, 1911.

явными преступниками. Потомъ вмѣшалась губернская администрація. Ей надо—начальство требуетъ—«спасать престижъ власти». И, стараясь о спасеніи престижа, она запуталась сама. Сначала, видимо, предполагалось замять «скандальный случай». Надзиратель сыскной полиціи Чувашевъ нѣкоторое время, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ свою службу въ Перми, затѣмъ потихоньку перекочевалъ на сыскную же службу въ Уфу. Говоря иначе, губернская администрація, по оцѣнкѣ чердынскихъ жителей, оказалась въ роли укрывательницы поджигателей. Затѣмъ вмѣшался слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ. Съ сыщиками-поджигателями поступаютъ вдругъ строго и круто: Чувашева арестуютъ; составляется обвинительный актъ; онъ поступаетъ въ казанскую судебную палату. Но какъ же престижъ власти? Вѣдь самого исправника поджигатели запутали? Наступаетъ новое колебаніе. И въ концѣ-концовъ, при помощи устраненія нѣкоторыхъ документовъ и свидѣтелей, дѣлу придали возможно болѣе невинный видъ: оба сыщика оказались обвиняемыми въ подготовкѣ всего одного поджога при наличности смягчающихъ вину обстоятельствъ, такъ какъ они заранѣе увѣдомили полицію о подготовленномъ ими преступленіи... И, такимъ образомъ, въ освѣщеніи, невыгодномъ для своей репутаціи, пришлось выступить и судебной власти. Словомъ, опять мы имѣемъ аналогію съ дѣломъ Ларичкина, въ которомъ также запутались не только чины полиціи, но и прокуратура, и судъ, подвергшіеся гласнымъ укоризнамъ за укрывательство главныхъ виновныхъ.

Кто фабрикуетъ поводы для продленія исключительныхъ положеній? Вообще этимъ занимается орда хищниковъ, наложившая иго на всю страну. Во многихъ отношеніяхъ новое иго хуже татарскаго. То старое иго было игомъ, которое наложилъ цѣлый народъ. А среди всякаго народа есть и добрые и злые, и честные и плуты; добрыхъ и честныхъ все-таки гораздо больше, чѣмъ злыхъ и плутовъ. Много тягостнѣе иго, налагаемое «отборными элементами». И кто бы изъ «отборныхъ элементовъ», эксплуатирующихъ грѣхи режима, ни фабриковалъ поводы, въ злое дѣло неминуемо оказываются запутанными офиціальные представители и защитники этого режима. И на скамьѣ подсудимыхъ по всякому раскрытому преступленію этого рода самое видное мѣсто должна занять и занимаетъ система, а не люди, сами по себѣ чаще всего ничтожные. И это логично: главной виновницей является именно система,—удивительная система, при которой всякій проходимецъ, въ родѣ терскаго предпринимателя Василія Окорокова, можетъ превратить въ игрушку, въ предметъ посмѣянія государственныя учрежденія цѣлой области.

V.

Новый годъ встрѣченъ обычными жалобами на пустоту и безсодержательность общей политики, не замаскированную, по случаю рождественскихъ вакацій, даже думскими скандалами. Жалобы на сей разъ тѣмъ болѣе замѣчательны, что по внѣшнимъ признакамъ вакаціонный мѣсяцъ отнюдь нельзя назвать «пустымъ». Скорѣе, наоборотъ,—онъ излишне заполненъ. Конфликтъ съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, вооруженное столкновеніе съ персидскимъ народомъ (во время дипломатическихъ переговоровъ съ персидскимъ правительствомъ), экзекуція, послѣдовавшая за этимъ столкновеніемъ и вызвавшая цѣлый рядъ протестовъ въ Европѣ, «монгольскій вопросъ», подготовка къ встрѣчѣ визитеровъ изъ Англіи (съ разными болѣе или менѣе непріятными разоблаченіями и протестами по этому поводу), образованіе финансоваго «консорціума» для проведенія трансперсидской желѣзной дороги, примыкающей къ Закавказской сѣти, съ обязательной для Россіи, въ силу Потсдамскаго соглашенія, «вѣткой» къ багдадскимъ дорогамъ... Уже однихъ этихъ «внѣшнихъ» дѣйствій общей политики, казалось бы, вполнѣ достаточно, чтобы мѣсяцъ не казался «пустымъ». Не мало дѣйствій и внутреннихъ. Разбита попытка нѣсколько расширить бюджетныя права Государственной Думы. «Исправленъ» Государственнымъ Совѣтомъ принятый Думою рабочій законопроектъ. Принятъ коммиссіей Совѣта финляндскій законопроектъ. Возникъ проектъ возродить «классическую систему» въ среднихъ школахъ. Появился проектъ обширнаго совѣщанія при министерствѣ народнаго просвѣщенія (съ участіемъ даже начальныхъ учителей) для предварительнаго обсужденія мѣропріятій и предположеній... Изъ провинціи то и дѣло поступали новости важнаго значенія, съ точки зрѣнія общей политики: страшныя картины бѣдствій голоднаго года; цѣлый рядъ новыхъ распоряженій, дополнительно пресѣкающихъ возможность оказывать помощь населенію пораженныхъ неурожаемъ мѣстностей; тюремныя репрессіи (достаточно вспомнить Псковъ); цѣлый рядъ новыхъ смертныхъ приговоровъ; цѣлый рядъ новыхъ и прямо таки невѣроятныхъ распоряженій и приказовъ: такъ, семирѣченскій губернаторъ объявилъ, что лица, пострадавшія отъ скотокрадовъ, «виновны въ безпечности» и будутъ отнынѣ привлекаться къ отвѣтственности и подвергаться наказанію «по 29 статьѣ устава о наказаніяхъ»; въ Ивановѣ-Вознесенскѣ объявлено постановленіе, запрещающее обывателямъ покупать и имѣть елочные фейерверки и бенгальскіе огни безъ особаго письменнаго разрѣшенія полиціи *)... Въ нѣсколькихъ губерніяхъ сразу стали

*) «Утро Россіи», 6 января 1912 г.

искать и заключать подъ стражу всѣхъ, носящихъ фамилiи «Брагинскiй», потому что у одного Брагинскаго, живущаго въ Курскѣ, среди желѣзнаго хлама оказался взрывчатый снарядъ. Одними подобными распоряженiями, появись они въ любой странѣ по ту сторону Вержболова, была бы произведена огромная сенсацiя. По сю сторону Вержболова—одно потрясающее извѣстiе за другимъ, изо дня въ день, и все-таки люди говорятъ о пустотѣ и безсодержательности.

Разумѣется, содержанiемъ вакацiонный мѣсяцъ не бѣденъ. Только содержанiе это нѣсколько особаго свойства. Поясню примѣромъ. Нѣсколько лѣтъ подърядъ шла рѣчь объ оживленiи русской промышленности посредствомъ привлеченiя иностранныхъ капиталовъ, при чемъ особенные надежды возлагались на американскихъ миллiардеровъ. Въ разсчетѣ на пресловутые американскiе миллiарды еще недавно—всего въ прошломъ 1911 г.—«Новое Время» предположительно строило грандiозную сѣть зернохранилищъ и подъѣздныхъ путей; американскихъ миллiардеровъ пытались увлечь (между прочимъ, то же «Новое Время» и «Голосъ Москвы») проектомъ «трансъ-якутской» желѣзной дороги, съ величественнымъ мостомъ черезъ Беринговъ проливъ и, конечно, съ экспрессомъ Парижъ—Нью-Iоркъ... Но вотъ возникъ вопросъ: а подлежатъ ли американскiе евреи, имѣющiе надобность прiѣхать въ Россiю, нашему самобытному закону о чертѣ еврейской осѣдлости? Русское правительство основательно сообразило, что, если для американско-подданныхъ евреевъ объявить черту необязательной, то и для русско-подданныхъ ее придется отмѣнить. И сразу разсчетъ на американскiе миллiарды исчезъ: не надо намъ ни миллiардовъ, ни оживленiя промышленности, ни зернохранилищъ, ни подъѣздныхъ путей, ни трансъ-якутской дороги, ни моста черезъ Беринговъ проливъ, ни даже экспресса Парижъ—Нью-Iоркъ; все это, если и желательно, то лишь по стольку, по скольку можетъ быть совмѣщено съ самобытными особенностями русскаго порядка, состоящаго въ томъ, чтобы правительство обладало всей полнотой власти, дворянство сохраняло свои права и «вотчины», евреи жили «въ чертѣ» и т. д. Важно и нужно сохранить это; важно и нужно преслѣдовать и искоренять внутреннихъ политическихъ враговъ. Остальное имѣетъ подчиненное значенiе. Можно совмѣстить зернохранилища съ недопущенiемъ еврея-американца въ Москву—хорошо. Но если совмѣстить нельзя,—лучше пусть Россiя безъ зернохранилищъ живетъ, а ужъ еврея въ Москву мы не допустимъ. Это походило бы на «борьбу за идеалы», если бы хозяева и распорядители легальной политической арены вели ее за свой личный счетъ, а не за счетъ страны. Россiю они готовы оставить хоть совсѣмъ безъ промышленности. Но когда имъ лично понадобится что-либо, они ничего не имѣютъ и противъ евреевъ,—по крайней мѣрѣ, такихъ, какъ Ротшильдъ и Мендельсонъ.

Эту психологическую основу общей политики легко подмѣтить, разумѣется, не только въ русско-американскомъ конфликтѣ. Но, думаю, вскрывать ее при помощи другихъ примѣровъ едва-ли нужно. Очень ужъ это—«старая исторія». Давно она подмѣчена, вскрыта, выяснена. Полагаю, ни для кого она не секретъ. Именно, эта психологія «хозяевъ» и кладетъ на русскую жизнь особый отпечатокъ, создаетъ при обиліи событій и знаменательныхъ явленій впечатлѣніе пустоты и безсодержательности. «Хозяева» цѣпко и крѣпко отстаиваютъ то, въ чемъ они полагаютъ самое главное. Но они давно поняли, что къ благоденственному государственному бытію избраннымъ ими путемъ нельзя придти. Отъ эпидеміи къ эпидеміи, отъ голода къ голоду, отъ скандала къ скандалу, отъ одного разстройства къ другому,—такими «благами» устланъ этотъ путь. Страна въ цѣломъ дичаетъ, нищаетъ. Налаженное равновѣсіе держится, подобно дуплистому, изъѣденному гнилью и червями дереву,—до перваго «хорошаго» вѣтра: внутренняя вспышка или война, и неизвѣстно, что отъ него останется. Говорю: «хозяева» поняли и понимаютъ. Мнѣ кажется, этимъ я не преувеличиваю ихъ умственную зрѣлость. Въ подтвержденіе могу сослаться на охранительную печать, которая закончила 1911 годъ довольно горестными жалобами на общее разстройство и, между прочимъ, на «неподготовленность» даже къ «персидскому походу». Все хорошо,—и въ тюрьмахъ благодать, и мѣста отдаленныя населены, и къ гостямъ изъ Англіи ухитрились предъявить требованія политической благонадежности, и на Персію распространили наше военное правосудіе... Словомъ, прямыя всюду страсти,—«порядка-жъ ни на грошъ». Въ былые дни хоть говорили: «земля, кажись, богата,—порядка просто нѣтъ». Теперь и порядка нѣтъ, да и земля уже, кажись, не богата. Горизонты, открывающіеся съ точки зрѣнія общества, еще понятнѣе. «Хозяевамъ» ихъ основная задача на столько важна, что по сравненію съ нею всякій интересъ страны, хотя бы, съ точки зрѣнія общества, крайне жизненный, первостепенный, имъ представляется подлежащимъ, въ случаѣ надобности, игнорированію и пренебреженію. И пока эта психологія существуетъ — внѣшними событіями въ концѣ - концовъ выгодно воспользуются тѣ, у кого и земля обильна, и порядка много, а событія внутреннія.. Щегловитовъ распространяетъ процентную норму на сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, Муратовъ изгоняетъ евреевъ изъ клубовъ, Коковцовъ отстаиваетъ существующее право министра финансовъ распоряжаться государственными средствами безъ особыхъ помѣхъ, депутатъ-октябристъ въ харьковскомъ земствѣ убѣждаетъ гласныхъ не помогать голоднымъ, семирѣченскій губернаторъ объявляетъ преступниками обокраденныхъ, въ сентябрѣ хватали всѣхъ Богровыхъ, въ декабрѣ хватаютъ всѣхъ Брагинскихъ... Подобныя «новости», иногда забавныя, чаще ужасныя, сыплются на страну непрерывно, во всякомъ случаѣ, вотъ уже

не менѣе пяти лѣтъ. Привыкла къ нимъ мысль, притупилось отъ излишества повторныхъ впечатлѣній чувство. Политическая жизнь, наполняемая систематически такимъ содержаніемъ, по той же причинѣ не можетъ казаться содержательной, по какой постоянные окрики и «распоряженія» тюремныхъ надзирателей не заполняютъ тюремной пустоты. И наоборотъ,—въ тюрьмахъ надзирателямъ каждый день «хлопотъ полонъ ротъ», «просто дохнуть некогда»; но даже имъ самимъ эта, иногда очень кипучая, дѣятельность рѣдко доставляетъ удовлетвореніе. И какими бы своими событіями ни была полна тюрьма, но настоящая, живая, отъ сердца идущая мысль въ ней только одна:

— Эхъ, кабы поскорѣе на волю!

Но никакихъ признаковъ воли въ общей политикѣ страны, перешедшей на арестантское положеніе, не видно и не предвидится. Кое-кто изъ наиболѣе склонныхъ увлекаться надеждами на пріятныя надежды чаялъ увидѣть «проблескъ» при новогоднемъ назначеніи членовъ Государственнаго Совѣта. Въ числѣ немногихъ вновь назначенныхъ оказался, между прочимъ, предсѣдатель съѣздовъ объединеннаго дворянства гр. Бобринскій... Такъ и остались мы даже безъ проблеска. За проблесками надо, какъ и прежде, идти въ глубь живой жизни. Тамъ тихо, незримо назрѣваютъ возможности болѣе свѣтлаго будущаго. Но это уже именно глубь жизни, а не общая политика.

А. Петрищевъ.

Обозрѣніе иностранной жизни.

I. Обзоръ истекшаго года въ области внѣшней политики государствъ: потсдамское свиданіе; франко-германское столкновеніе; походъ Италіи въ Триполи; сотрудничество Англіи и Россіи на почвѣ Ирана.—II. Обзоръ внутренней политики государствъ за 1911 г.: китайская революція; руководящіе факты и идеи политики Англіи, Франціи и Германіи; застой Австро-Венгріи и трехъ южныхъ романскихъ государствъ; соціальный вопросъ въ Новомъ Свѣтѣ: борьба партій въ Сѣверной Америкѣ; смыслъ мексиканской революціи.

I.

Прошлый годъ, по выраженію одного западно-европейскаго политика, былъ перегруженъ событіями, а еще болѣе того опасеніями и страхами. Дѣйствительно, отошедшій въ вѣчность періодъ изъ 365 дней поражаетъ обиліемъ фактовъ, относящихся къ области внѣшней политики и касающихся такой сферы отношеній, гдѣ всѣ партнеры одинаково стремятся занять выгодную позицію,

урвать кусокъ территоріи,—словомъ, получить какую-нибудь крупную выгоду, но въ то же время ужасно боится, какъ бы эта операція не повела къ кровопролитному столкновенію на самой территоріи цивилизованныхъ странъ. Въ этомъ отношеніи душа современнаго культуртрегера раздирается между двумя одинаково сильными чувствами: желаніемъ захватить у зазѣвавшагося сосѣда то, что плохо лежитъ; и страхомъ вступить въ открытый бой съ противникомъ, вооруженнымъ, какъ и полагается теперь по штату, усовершенствованными орудіями военной техники. Въ «Исторіи Англіи» Маколея, появившейся въ половинѣ прошлаго вѣка, есть интересная мысль, объясняющая причины вынужденнаго миролюбія цивилизованныхъ странъ. Говоря о болѣе частыхъ военныхъ столкновеніяхъ народовъ въ прежнее время, либеральный историкъ говоритъ, что, если мы примемъ въ разсчетъ гигантское развитіе современнаго капитала, постоянный ростъ производительныхъ силъ настоящаго общества, колоссальные запасы цѣнностей, накопляющихся въ немъ, и сопоставимъ съ этимъ и абсолютную и относительную бѣдность прежнихъ историческихъ періодовъ, то мы легко поймемъ, почему современному человѣку, которому есть что терять, не особенно улыбается перспектива войны среди культурнаго міра, гдѣ каждая изъ борющихся сторонъ можетъ подвергаться опасности крайняго разгрома и опустошенія. Дальнѣйшая эволюція обществъ внесла поправку въ это соображеніе Маколея: само развитіе капиталистическаго строя съ его охотой за рынками и выгоднымъ помѣщеніемъ накопленныхъ цѣнностей фатально вызываетъ въ душѣ современныхъ имущихъ и правящихъ классовъ страстное желаніе скорой и не особенно считающейся съ деликатными чувствами наживы. И по всему цивилизованному міру не перестаютъ пробѣгать волны стяжательнаго стремленія, вызывающаго хищническую политику въ области колоній, на территоріи экзотическихъ странъ и по отношенію къ тѣмъ народамъ и племенамъ, среди которыхъ завоеватели нашихъ дней не разсчитываютъ натолкнуться на очень сильное сопротивленіе.

Въ этомъ смыслѣ истекшій годъ принадлежалъ къ бурнымъ эпохамъ, когда что ни день, то на политическомъ горизонтѣ выростала новая грозная туча возможной войны; и человѣчество часто ставилось лицомъ къ лицу съ опасной перспективой вступить въ ожесточенную борьбу за интересы, которые географически могли лежать въ отдаленныхъ частяхъ свѣта, но экономически и политически затрогивали интересы людей капитала и власти въ самихъ метрополіяхъ. Съ самаго же начала 1911 г., среди милитаристскихъ и крупно капиталистическихъ сферъ Германіи царило сильное шовинистское возбужденіе, вызванное потсдамскимъ свиданіемъ германскаго и русскаго императоровъ въ концѣ 1910 г. Дѣло шло о соглашеніи между двумя сосѣдними государствами относительно строющейся,—главнымъ образомъ, на нѣмецкіе ка-

питалы,—Багдадской желѣзной дороги и ея проектированнаго соединенія съ рельсовыми путями, которые Россія намѣревалась прокладывать въ Персіи. Это соглашеніе вырабатывалось въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и было подписано лишь во второй половинѣ года (въ августѣ мѣсяцѣ). Его окончательная редакція, можетъ быть, не вполнѣ удовлетворяла требованія пылкихъ нѣмецкихъ патріотовъ изъ лагеря концессіонеровъ и финансистовъ, ищущихъ помѣщенія своимъ капиталамъ. Но, во всякомъ случаѣ, оно омрачало довольно долго политическій горизонтъ Европы, вызывая у нашихъ союзниковъ опасенія, что, идя навстрѣчу желаніямъ Германіи, официальная Россія тѣмъ самымъ ослабляетъ систему англо-франко-русскаго «сердечнаго согласія» и колеблетъ политическое равновѣсіе великихъ державъ. Миролюбцы не безъ огорченія отмѣчали тотъ фактъ, что это положеніе дѣлъ сейчасъ же сказалось на стремленіи къ увеличенію военнаго бюджета во всѣхъ государствахъ, болѣе или менѣе заинтересованныхъ въ могущемъ разразиться кровавомъ спорѣ.

Еще ранней весной 1911 года австро-венгерскія делегаціи вотировали на осуществленіе новой морской программы и на постройку новыхъ морскихъ чудищъ сумму, превышающую на наши деньги 120 милліоновъ рублей. А параллельно съ этимъ германскій канцлеръ рѣзко заявилъ въ рейхстагѣ объ отрицательномъ отношеніи великой милитаристской имперіи ко всякимъ планамъ ограниченія вооруженій и ко всякимъ попыткамъ международнаго посредничества. Правда, за этимъ провозглашеніемъ обычнаго воинственнаго символа вѣры германское правительство не выдвинуло сейчасъ же никакихъ новыхъ практическихъ требованій. Но не выдвинуло только потому, что не считало этотъ рейхстагъ достаточно патріотичнымъ во всемъ своемъ составѣ, чтобы проглотить, не морщась, увеличеніе военнаго бюджета. За то въ другихъ странахъ, во Франціи, въ Италіи, въ Турціи и въ нашей ковыляющей за конституціонными странами Россіи законодательныя учрежденія съ большой готовностью вотировали мѣры, клонившіяся къ усиленію флота.

Едва къ началу лѣта улеглось это соревновательное настроеніе по части увеличенія разрушительныхъ силъ, какъ вдругъ весь міръ былъ потрясенъ извѣстіемъ о томъ, что Германія, недовольная завоевательной политикой Франціи въ Марокко, посылала (2 іюля) военное судно въ Агадиръ, чтобы заявить въ достаточно рѣзкой формѣ, что и Германская имперія считаетъ себя близко заинтересованной въ колоніальной политикѣ, которую Испанія, а въ особенности Франція ведутъ на сѣверо-западѣ Африки. Нарушая духъ Альжесирасскаго договора 1906 г., обѣ эти страны, дѣйствительно, все дальше и дальше проникали въ Марокко, все больше и больше расшатывали положеніе и безъ того становившагося призрачнымъ владѣтелемъ марокскаго султана. Занятіе въ началѣ 1911 г.

испанцами эль-Арайша и эль-Ксара вызвало усугубленіе «колонизаторской» дѣятельности Франціи, которая въ концѣ мая укрѣпилась въ Фецѣ, Мекнесѣ, Марракешѣ и, размѣщая повсюду гарнизоны, принялась хозяйничать во всѣхъ мало-мальски важныхъ стратегическихъ или торговыхъ пунктахъ. Вотъ эта-то «работа» французской республики на территоріи, фиктивно принадлежащей Махзену, и была причиной внезапнаго, хорошо разсчитаннаго на ошеломленіе противной стороны хода Германіи. Агадиръ становился, если можно такъ выразиться, эпицентромъ политическаго землетрясенія, зловѣщія волны котораго расходились по всему цивилизованному міру, грозя разрушеніемъ и опустошеніемъ.

Впервые послѣ стольнихъ лѣтъ опасность войны между двумя великими культурными націями, раздѣленными цѣпью Вогезовъ, стала осязательной для всѣхъ. Трудящіеся классы Европы пришли въ очень сильное возбужденіе, боясь, какъ-бы политика правительствъ и капиталистовъ не вызвала общей братоубійственной войны, между тѣмъ какъ военные и финансовые круги въ обоихъ государствахъ съ необыкновенною энергіею принялись раздувать шовинистское пламя. Всѣ ждали: вотъ-вотъ Германія бросится на Францію. Но тутъ въ игру вмѣшалась Англія, съ крайнимъ неудовольствіемъ смотрящая на усиленіе морского могущества Германской имперіи. 21 іюля Ллойдъ-Джорджъ произнесъ многозначительную рѣчь, въ которой звучали недвусмысленныя угрозы по адресу Германіи, если она вздумаетъ бросить свой мечъ на чашку вѣсовъ въ Марокко. Позже выяснилось, что именно въ этотъ моментъ опасность войны достигала наибольшихъ размѣровъ, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ любители роковыхъ рѣшеній горѣли желаніемъ броситься на врага, не давъ ему опомниться. Но явное отвращеніе къ войнѣ, обнаруженное въ трехъ заинтересованныхъ странахъ организованными рабочими, къ которымъ на помощь пришли ихъ собратья въ другихъ государствахъ, заставило призадуматься черезчуръ пламенныхъ патріотовъ, и перспектива открытой борьбы задернулась дипломатическими кулисами, за которыми велись тайные переговоры и пускались въ ходъ взаимныя подсиживанія, пока 4 ноября не былъ заключенъ франко-германскій договоръ, до сихъ поръ волнующій парламентъ и общественное мнѣніе обѣихъ странъ.

Еще въ самый разгаръ этихъ переговоровъ политическая атмосфера Европы была потрясена новымъ шкваломъ, разразившимся опять таки по поводу Африки, а именно, изъ-за Триполи, ставшаго вдругъ предметомъ завоевательныхъ вожделѣній Италіи. 28 сентября королевское правительство предъявило Портѣ ультиматумъ, сводившійся собственно къ безцеремонному требованію отдать Триполитанскую область Италіи подъ тѣмъ предлогомъ, что оттоманское правительство постоянно мѣшаетъ цивилизаторскимъ и колонизаціоннымъ усиліямъ итальянцевъ въ принадлежащей Турціи части

Африки. А 29 сентября Италія уже объявила войну и съ 3 октября начала военныя дѣйствія противъ портовъ собственно Триполитаніи и Киренаики. Борьба эта еще продолжается, и трудно предвидѣть ея окончаніе.

Успѣхи итальянскихъ солдатъ и моряковъ въ первые дни были значительно парализованы позже упорнымъ сопротивленіемъ арабовъ, организуемыхъ и направляемыхъ турецкими офицерами. Вмѣстѣ съ тѣмъ и общественное мнѣніе культурныхъ странъ,—не исключая союзныхъ Германіи и Австріи,—которое съ самаго начала триполитанской исторіи не особенно дружелюбно отнеслось къ внезапному выступленію Италіи, еще болѣе рѣзко высказалось противъ этой войны, когда итальянцы, раздраженные сопротивленіемъ туземцевъ, прибѣгли къ варварскому избіенію военноплѣнныхъ и не остановились передъ разстрѣломъ женъ и дѣтей *). Королевскій декретъ отъ 4 ноября заявилъ о присоединеніи африканскихъ владѣній Турціи къ Италіи, что, конечно, еще не предрѣшаетъ окончательнаго результата войны.

На сколько можно вообще что-нибудь предвидѣть на основаніи характера страны, особенностей положенія обѣихъ армій и общаго настроенія враждующихъ, придется сказать, что, повидимому, еще въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ Италіи придется ограничиться хозяйничаньемъ на береговой полосѣ въ нѣсколько десятковъ километровъ ширины и отложить въ долгій ящикъ не только эксплуатацію, но и дѣйствительное завладѣніе внутренними оазисами, отдѣленными отъ берега сотнями километровъ песковъ. Малое количество удобныхъ земель въ Триполи; громадные расходы **), которые должна дѣлать Италія по содержанію арміи и фрота и транспортировкѣ военныхъ припасовъ и провизіи; остановка во внутреннемъ прогрессѣ,—все это заставляетъ безпристрастнаго наблюдателя отнести африканскую авантюру къ разряду очень крупныхъ политическихъ ошибокъ, гибельныхъ для самой же страны, которая изъ-за очень сомнительныхъ пріобрѣтеній должна по необходимости отказаться на неопредѣленное время отъ внутреннихъ ре-

*) Недавно нѣмецкій проф. Гарнакъ счелъ долгомъ предостеречь своихъ соотечественниковъ противъ черезчуръ ожесточенныхъ нападеній на итальянцевъ во имя тройственнаго союза, сдѣлавъ при этомъ характерное признаніе, что «многія очень славныя войны» были предприняты, какъ и триполитанскій походъ Италіи, «лишь изъ-за одной жажды завоеванія». См. Prof. Otto Harnack, „Der deutsch-italienische Zwist"; № отъ 6 января 1912 „März", стр. 1.

**) Несмотря на увѣренія итальянскихъ официальныхъ финансистовъ, будто резервы казначейства вполнѣ обезпечиваютъ веденіе войны еще въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ безъ всякаго отягощенія плательщиковъ, англійскія биржевыя сферы, всегда очень хорошо освѣдомленныя о томъ, что дѣлается на международномъ денежномъ рынкѣ, исчисляютъ ежемѣсячные расходы триполитанской кампаніи въ 100 милліоновъ руб. на наши деньги, и уже учитываютъ тотъ моментъ, когда Италіи придется обратиться къ внѣшнимъ займамъ.

формъ, обѣщанныхъ министерствомъ Джолитти, при появленіи у власти (30 марта 1911 г.), и включавшихъ серьезную избирательную реформу, государственное страхованіе жизни и т. п. соціально-политическія преобразованія. Не только эти законопроекты не получили до сихъ поръ осуществленія, но возникаетъ даже вопросъ о томъ, когда же контроль народныхъ представителей начнетъ снова правильно функціонировать. Открытіе парламента, раньше предполагавшееся для начала этого года, отложено до февраля и можетъ быть отодвинуто еще на позднѣйшій срокъ, такъ какъ среди друзей кабинета уже раздаются голоса о необходимости отложить созывъ депутатовъ до того времени, когда триполитанская кампанія дастъ какой-нибудь «вполнѣ опредѣленный практическій результатъ». Но вѣдь такая формула позволяетъ отсрочивать функціонированіе парламента неопредѣленно долго.

Такъ мститъ за себя политика внѣшнихъ диверсій, отвращающая вниманіе страны отъ внутреннихъ вопросовъ и устремляющая ея живыя силы по пути завоеванія, на которомъ даже въ случаѣ успѣха демократическую націю всегда ждетъ рядъ испытаній, прежде всего больно затрагивающихъ интересы свободы и благосостоянія массъ. Не забудемъ, что еще въ половинѣ XIX вѣка люди въ родѣ Риттингхаузена не безъ остроумія и убѣдительности выводили внутреннее рабство и внутренній гнетъ въ государствахъ изъ роста политической силы воинственныхъ властителей, которые безгранично увеличиваютъ объемъ и характеръ своихъ внутреннихъ полномочій какъ разъ подъ вліяніемъ милитаристскаго настроенія страны и побѣдъ, одержанныхъ ими надъ внѣшнимъ врагомъ.

Къ группѣ явленій завоевательной и колоніальной политики, омрачающей горизонтъ общественнаго прогресса, надо отнести и событія въ Персіи. Предоставленная самой себѣ, борьба политическихъ партій въ Иранѣ привела бы, вѣроятно, страну къ выходу изъ хаотическаго состоянія: побѣда прогрессивныхъ элементовъ открывала дорогу къ упорядоченію государственнаго хозяйства, къ упроченію конституціонныхъ формъ, къ укрѣпленію свободы личности. Но—увы!—молодому Ирану пришлось столкнуться съ эгоистическими стремленіями культурныхъ государствъ, въ лицѣ Англіи и Россіи, преслѣдующихъ совмѣстную политику подавленія независимости Персіи и безцеремонной эксплуатаціи ея въ политическомъ и хозяйственномъ смыслѣ.

Долго ли продлится такая согласованность дѣйствій Россіи и Англіи, неизвѣстно. Но, во всякомъ случаѣ, недовольство иностранной политикой Англіи все болѣе и болѣе распространяется среди самихъ англичанъ и—что довольно знаменательно—начинаетъ находить ревностныхъ выразителей не только въ рядахъ идейныхъ враговъ деспотизма, но и между финансовыми кругами, поневолѣ начинающими задумываться надъ вопросомъ, съ какой стати Ве-

ликобританіи таскать каштаны изъ огня для россійской бюрократіи. Политика соглашенія подвергается все болѣе рѣзкой критикѣ, и уже раздаются голоса, совѣтующіе Англіи не повторять той ошибки, въ которую впала Франція, преувеличивая въ эпоху Кронштадта и Тулона даже чисто военную силу колосса на глиняныхъ ногахъ. Въ мечтаніяхъ французскихъ патріотовъ о возможности реванша мифическій образъ необыкновенно сильнаго «русскаго казака», который, молъ, сокрушитъ своимъ копіемъ главу германскаго дракона, игралъ такую роль, что нѣкоторые приверженцы русскаго алльянса во Франціи употребляли всевозможныя усилія, чтобы втянуть Французскую республику въ русско-японскую войну. Вотъ для многихъ критически - настроенныхъ англичанъ и обостряется теперь вопросъ, въ какой мѣрѣ можно разсчитывать на Россію при столкновеніи Великобританіи съ Германіей, и точно ли уже такъ страшенъ русскій завоеватель въ Средней Азіи, чтобы «англійскому киту» нужно было откупаться столь дорогой цѣной отъ малѣйшаго столкновенія съ «россійскимъ медвѣдемъ» *).

II.

Перейдемъ къ наиболѣе крупнымъ фактамъ внутренней политики различныхъ государствъ, останавливаясь какъ на явленіяхъ мирнаго развитія общественныхъ элементовъ въ данной странѣ, такъ и на революціонныхъ формахъ борьбы человѣчества за луч-

*) Въ послѣднее время даже люди, считающіе очень полезнымъ англо-русскій союзъ, начинаютъ настаивать на необходимости требовать равноцѣнности услугъ съ обѣихъ сторонъ и подчеркивать, что надо, по крайней мѣрѣ, не отклоняться отъ духа договора 1907 г. по отношенію къ Персіи: «если русская дружба цѣнна для нашей страны, то и дружба Великобританіи тоже имѣетъ свою цѣну хотя бы по чисто финансовымъ основаніямъ, для русскаго правительства. Должно выразить какъ можно яснѣе, что эта дружба можетъ сохраняться только въ томъ случаѣ, если принципъ, на которомъ основанъ англо-русскій договоръ, будетъ честно и вѣрно соблюдаться»»,—говоритъ авторъ статьи о „Нашей персидской политикѣ» (Philip Morrell, „Our Persian Policy“ въ № «The Nineteenth Century“ за январь 1912, стр. 47). Съ другой стороны, лишь близорукое ухаживаніе за офиціальной Россіей можетъ объяснить помѣщеніе въ англійскихъ журналахъ такихъ самовосхваленій россійской бюрократіи, какими являются статьи въ родѣ апологіи «Англо-русскаго прогресса», принадлежащей перу «русскаго генеральнаго консула», барона Гейкинга, и напечатанной въ послѣдней книжкѣ другого англійскаго изданія. Эта статья живо напомнила мнѣ „безпристрастные этюды“, фабриковавшіеся въ тиши русскихъ заграничныхъ посольствъ и находившіе порою далеко не даровой—пріютъ на страницахъ французскихъ журналовъ въ медовой мѣсяцъ алльянса. Чиновный авторъ доказываетъ, напр., какая хорошая и гуманная вещь—политика русскаго правительства въ еврейскомъ вопросѣ! См. Baron Heyking, «Anglo-Russian Progress»; январскій № „The Fortnightly Review“, особенно стр. 114, гдѣ рисуется райская жизнь евреевъ въ Эльдорадо, именуемомъ чертой осѣдлости.

шее будущее въ тѣхъ случаяхъ, когда нормальная эволюція становится невозможной вслѣдствіе близорукаго и ожесточеннаго сопротивленія старыхъ реакціонныхъ силъ. Такой революціонный періодъ переживаетъ въ настоящее время огромная страна, которая еще недавно носила традиціонное названіе «Срединной имперіи» и которую, можетъ быть, придется называть «Великой желтой республикой». Если цивилизаторы Европы и Америки не вмѣшаются въ грандіозную историческую борьбу, которая возгорѣлась между старымъ и новымъ Китаемъ, то можно быть увѣреннымъ, что, даже и не осуществивъ сразу республиканско-федеративнаго идеала, къ которому стремятся младокитайцы, 400 милліоновъ человѣческихъ существъ разъ на всегда разорвутъ ту отжившую архаическую скорлупу абсолютизма и бюрократіи, изъ которой они выросли. Отречется ли манджурская династія, или не отречется; распадется ли Китай на сѣверную, монархическую, часть и на южную, республиканскую, или не распадется; удастся ли реформаторамъ провести въ самую жизнь принципъ народоправства и отвѣтственности министерства, какъ на это соглашаются теперь даже официальные круги, или не удастся, — ясно, во всякомъ случаѣ, одно: Китай пересталъ быть образцомъ того неподвижнаго государства, какимъ его представляли,—отчасти, впрочемъ, по незнанію его исторіи,—люди бѣлой расы.

Гигантская доля человѣчества все сильнѣе втягивается въ современный прогрессъ и начинаетъ подлежать тѣмъ самымъ законамъ политическаго развитія, какіе вскрыты изслѣдователями общей исторіи культурныхъ странъ. И нѣтъ ничего теперь комичнѣе, какъ теоретическія усилія любителей деспотизма и абсолютной власти исказить смыслъ совершающейся революціи на востокѣ Европы и Азіи. Давно ли наши любители отечественныхъ завѣтовъ утверждали, со словъ россійскаго «мыслителя» Данилевскаго и его школы, якобы опровергшей басурманскую догму Дарвина, что, какъ въ мірѣ физическомъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ эволюціи, а есть лишь извѣчно существующіе типы высшихъ и низшихъ животныхъ и растеній, такъ, молъ, и въ мірѣ общественномъ нѣтъ никакого неизбѣжнаго перехода отъ старѣйшихъ къ новѣйшимъ политическимъ учрежденіямъ, а существуютъ неизмѣнныя формы деспотіи, конституціонной монархіи, республики. При чемъ народы, взысканные Богомъ, именно и остаются всегда на высшей политической ступени абсолютизма и безотвѣтственности власти, а низшія, грѣховныя, націи осуждены осуществлять, въ назиданіе этимъ благороднымъ избранникамъ неба, всю мишурность и безцѣльную суетню республиканскаго строя. И къ этимъ избраннымъ народамъ они причисляли не только насъ, русскихъ, но и турокъ, но и персовъ, но и китайцевъ.

Увы! Исторія послѣднихъ лѣтъ свидѣтельствуетъ какъ разъ наоборотъ, что нѣтъ священныхъ народовъ, какъ нѣтъ и народовъ

грѣховныхъ, но что всѣхъ насъ уноситъ въ своемъ бѣгѣ правомѣрный процессъ развитія. Мало того. Своеобразная иронія этой новѣйшей исторіи заключается въ томъ, что русская революція, не дошедшая до конца, временно подавленная реакціей, тѣмъ не менѣе влила ядъ прогресса и свободы въ жилы тѣхъ самыхъ восточныхъ націй, которыя вмѣстѣ съ Россіей относились нашими отечественными соціологами къ категоріи священныхъ, избранныхъ богомъ деспотизма народовъ. Кто слѣдилъ за ростомъ освободительнаго движенія въ Персіи, Турціи, Китаѣ, тотъ не можетъ не видѣть, что русская революція сыграла здѣсь своимъ примѣромъ роль очень энергичнаго фермента броженія, который, попавъ въ благопріятную среду этихъ пробудившихся организмовъ, уже достаточно разреволюціонизированныхъ внутреннимъ ходомъ развитія, вызвалъ въ нихъ необыкновенно дѣятельную работу мысли и процессъ разрушенія старыхъ формъ и созиданія новыхъ, которому не предвидится конца.

Но отсюда не далеко отъ предположенія, что, когда эти великія общественныя тѣла, вовлеченныя въ процессъ преобразованія, успѣютъ выработать внутри себя истинную демократію и свободу личности, то они по закону обратнаго дѣйствія, въ свою очередь, окружатъ задержанную временной реакціей Россію такой благопріятной атмосферой прогресса, что наше поступательное движеніе возобновится съ удесятеренной силой. Пусть только представятъ себѣ, напр., какое идейное воздѣйствіе,—не говоря уже о матеріальномъ,—произведетъ на современную Россію сосѣднее государство съ населеніемъ въ два-три раза больше нашего, успѣвшимъ закрѣпить въ жизни формы истиннаго народоправства, широкаго самоуправленія, политической и гражданской свободы. Близость конституціоннаго Китая будетъ чувствоваться сознательной Россіей не только со всѣмъ стыдомъ и жгучимъ негодованіемъ отставшаго не по своей винѣ народа, но и со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ пафосомъ идейной увѣренности въ томъ, что будущность принадлежитъ лишь обществамъ, основаннымъ на солидарности всѣхъ и на свободѣ каждаго *)...

Довольно интересно для характеристики современныхъ господъ

*) Наши назадники продолжаютъ увѣрять насъ, наоборотъ, въ великомъ притяженіи, какое оказываетъ современная «спохватившаяся» и вернувшая къ твердой власти Россія на умы сосѣднихъ государствъ. Это подкрѣпляется, напр., указаніемъ на якобы явное тяготѣніе отложившейся подъ теократической властью хутухты сѣверной Монголіи къ офиціальной Россіи. Чтобы знать, на сколько эти заявленія нашихъ завоевателей на бумагѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности, надо подождать фактовъ, не окрашиваемыхъ патріотическою призмою Санктъ-Петербургскаго агентства. Слѣдуетъ замѣтить, что сѣверная «внѣшняя» Монголія на огромномъ пространствѣ въ 1.384.000 кв. кил. заключаетъ всего 500.000 жит., по большей части, кочевниковъ.

положенія то обстоятельство, что наиболѣе скептически къ складывающемуся новому строю Китая относятся представители буржуазной интеллигенціи въ тѣхъ культурныхъ странахъ, гдѣ демократическія учрежденія пустили, казалось бы, глубокіе корни. Въ этомъ отношеніи очень поучительны письма изъ Китая людей, въ родѣ француза Рода, который на столбцахъ крупно-буржуазнаго «Temps» занимается высмѣиваніемъ стараній младокитайцевъ обезпечить своей странѣ блага политической свободы и демократическихъ учрежденій. Можно, конечно, сомнѣваться, удастся ли всему Китаю, который обнимаетъ громадное пространство и насчитываетъ много провинцій, находящихся далеко не на одной ступени развитія, осуществить одинаково повсюду правильныя конституціонныя формы и гарантировать гражданскія свободы. Позволительно точно также задаться вопросомъ, послѣдуетъ ли необходимо установленіе республики за отреченіемъ манчжурской династіи отъ трона. Нельзя, наконецъ, считать окончательно установившейся и ту либеральную конституцію, противъ которой въ настоящее время не дѣлается никакихъ возраженій даже со стороны представителей стараго Китая, теряющихъ въ бурѣ революціи почву подъ ногами. Но представлять китайское движеніе, лишь какъ замаскированную реакцію, только носящую внѣшнія формы революціи, а на самомъ дѣлѣ выражающую желаніе китайцевъ остаться при старыхъ формахъ патріархальной власти, при прежнемъ деспотизмѣ, который якобы и пробудилъ оппозиціонное настроеніе въ массахъ—чѣмъ бы вы думали, читатель?—тѣмъ, что принялся за реформы,—для этого, поистинѣ, надо быть человѣкомъ, не имѣющимъ никакого политическаго идеала въ душѣ и ровно ничего не желающаго понимать въ психологіи народовъ, возрождающихся къ новой жизни. Не мудрствуя лукаво, приходится, наоборотъ, сказать, что если волна революціи взмыла въ настоящее время на такую высоту въ Китаѣ, то именно потому, что народъ утомленъ безпрестаннымъ оттягиваніемъ реформъ со стороны правительства и возмущенъ пріемами низменнаго маккіавелизма, которые пускаются въ ходъ людьми стараго Китая, чтобы отсрочить всяческими правдами и неправдами наступленіе нормальнаго политическаго строя *).

Среди старыхъ культурныхъ странъ почти одна только Англія являла въ прошломъ году зрѣлище общежитія, достигающаго болѣе или менѣе серьезнаго прогресса не революціоннымъ путемъ. Но и тутъ приходится различать двѣ группы явленій.

Въ счетъ нормальнаго общественнаго развитія Англіи придется

*) Болѣе сдержанно, но все же съ высоты величія третируетъ китайскую революцію американскій журналъ „The Outlook", который увѣщеваетъ янки „бросить все свое вліяніе на сторону конституціонной монархіи и противъ немедленнаго установленія такъ называемой республики" (№ отъ 30 декабря 1911, стр. 1036).

поставить всѣ тѣ прошедшія въ 1911 г. черезъ парламентъ мѣры политическаго и соціальнаго характера, осуществлять которыя возможно, не затрогивая самыхъ основъ современнаго строя, основаннаго на антагонизмѣ интересовъ. Въ этой области Соединенное королевство можетъ, напр., гордиться вотированнымъ въ концѣ лѣта, послѣ отчаяннаго сопротивленія верхней палаты, биллемъ, который лишаетъ отнынѣ лордовъ права измѣнять финансовые законопроекты, а въ другихъ вопросахъ даетъ имъ право только временно отсрочивать билль, прошедшій черезъ нижнюю палату, такъ какъ троекратный вотумъ коммонерами законопроекта превращаетъ его въ дѣйствительный законъ даже и въ томъ случаѣ, если онъ не найдетъ большинства въ верхней палатѣ. Что касается до соціальной сферы, то здѣсь интересною попыткою является проведеніе въ концѣ года черезъ обѣ палаты внесеннаго Ллойдомъ-Джорджемъ прошлой весной билля о страхованіи болѣзни и безработицы. Въ этомъ пунктѣ Англія, откуда пошла гулять въ свое время по бѣлу свѣту теорія манчестерской школы, т. е. невмѣшательства государственной власти въ отношенія между капиталомъ и трудомъ, сдѣлала такое значительное усиліе надъ собою, что параграфъ закона, говорящій объ общественномъ страхованіи послѣдствій безработицы, знаменуетъ собою рѣшительный шагъ впередъ во взглядахъ современнаго государства на отношеніе къ трудящимся слоямъ.

Здѣсь, кстати сказать, механизмъ свободныхъ политическихъ учрежденій Англіи далъ рѣшительное доказательство того, насколько демократическое рѣшеніе соціальныхъ вопросовъ выше пріемовъ того пресловутаго «государственнаго соціализма», излюбленнымъ мѣстомъ котораго является Германія, гдѣ феодально-милитаристское правительство съ гордостью развиваетъ идею «безпартійной власти», якобы стоящей надъ борьбою частныхъ интересовъ и осуществляющей истинныя потребности цѣлаго государства, а не какого-нибудь одного класса. Оказалось, что въ странѣ, гдѣ политическая борьба принимаетъ грандіозныя формы, и энергія нападенія равняется развѣ лишь энергіи защиты, возможно было, однако, провести законъ, важный не столько своей непосредственной, практической стороной, сколько по тѣмъ принципіальнымъ послѣдствіямъ, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что англійское государство пришло почти къ соціалистическому взгляду на безработицу, какъ на такое же естественное зло капиталистическаго строя, независящее отъ доброй воли отдѣльной личности, какъ и сама старость, а потому призываетъ организованную общественную силу къ борьбѣ съ этимъ недугомъ.

Но есть цѣлая группа явленій въ политико соціальномъ мірѣ Англіи, которая какъ нельзя лучше показываетъ намъ, что, несмотря на прогрессивный характеръ англійской государственной власти, и тамъ существуетъ рядъ общественныхъ теченій и выра-

батывающихся формъ новой жизни, по отношенію къ которымъ и правительство Великобританіи не успѣваетъ еще стать на точку зрѣнія не только прямого благожелательства, но хотя бы даже вполнѣ хладнокровной оцѣнки положенія и сознанія его неизбѣжности. Мы говоримъ хотя бы о необыкновенно сильномъ движеніи въ мірѣ труда, которое принимало въ 1911 г. форму ожесточенныхъ стачекъ и не останавливалось передъ нарушеніемъ узкой законности, которой придаютъ здѣсь такое значеніе почти всѣ борющіяся партіи. Не даромъ тѣ изъ англичанъ, которые обезпокоены современнымъ движеніемъ своей родины по пути прогресса, утверждаютъ, что, какъ измѣненіе правъ палаты лордовъ знаменуетъ собою такой революціонный переворотъ въ области конституціи, какого не было, пожалуй, съ 1832 г., такъ и современное боевое настроеніе рабочихъ массъ указываетъ на такой переворотъ въ ихъ идеяхъ и міровоззрѣніи, на такой революціонный подъемъ, какой проявлялся развѣ лишь во времена чартизма и погасъ съ нимъ, какъ казалось, навсегда.

Еще въ мартѣ 1911 г. Южный Уэльсъ былъ ареной рабочаго движенія, которое было направлено не столько противъ капиталистовъ, сколько противъ старѣющихъ формъ рабочихъ организацій, тормазившихъ на каждомъ шагу забастовочный пылъ трудящихся указаніемъ на необходимость соблюденія правильной процедуры стачки, въ родѣ предварительнаго и по необходимости затяжного вотированія значительнымъ большинствомъ ея цѣлесообразности и желательности. А не успѣли окончиться путемъ коронаціонныя торжества, какъ пресловутый соціальный миръ Божій былъ нарушенъ колоссальными и необыкновенно рѣзкими стачками моряковъ, грузчиковъ и возчиковъ. Въ іюлѣ Манчестеръ, Гулль, Глэзго, а въ августѣ—Лондонъ, видѣли на своихъ улицахъ зрѣлище сотни тысячъ бастовавшихъ рабочихъ, которые необыкновенно энергично добивались общаго повышенія заработной платы, не удовлетворяясь при этомъ болѣе выгодными условіями труда для корпорацій, непосредственно втянутыхъ въ борьбу, но продолжая, даже и по полученіи требуемаго, отказываться отъ работы, пока въ отвоеванныхъ выгодахъ не будутъ участвовать и другіе разряды трудящихся, принадлежащіе къ Національной федераціи рабочихъ по перевозкѣ. Въ теченіе трехъ-четырехъ дней остановилась лихорадочная дѣятельность всего гигантскаго улья труда, занятаго въ столь характеристичной для современнаго общества отрасли транспорта. А когда къ морякамъ и портовымъ рабочимъ присоединились желѣзнодорожники, подъемъ которыхъ былъ особенно силенъ на сѣверѣ Англіи, въ Іоркширѣ и Ланкаширѣ, то въ органахъ большой прессы послышались голоса, что никогда еще въ Англіи массы не были такъ близки къ революціонному походу противъ всего общества.

Между 17 и 23 августа, въ теченіе шести дней, столь обладающее задерживающими центрами правительство, какъ англій-

ское, потеряло голову на столько, что наиболѣе нервный и горячій членъ кабинета, министръ внутреннихъ дѣлъ, Чёрчилль, счелъ нужнымъ пустить въ ходъ континентальные пріемы подавленія забастовки дубинками полицейскихъ и ружейными выстрѣлами солдатъ, въ результатѣ которыхъ въ Ливерпулѣ и въ южно-уэльскомъ Лланелли было ранено не мало рабочихъ и убито въ томъ и другомъ случаѣ по два человѣка. Мѣсяцъ спустя стачка вспыхнула и въ Ирландіи, гдѣ, видимо, даже вопросы гомруля не могутъ совершенно остановить фатальнаго столкновенія между трудомъ и капиталомъ. Эти коллизіи между новымъ организующимся царствомъ труда и самымъ прогрессивнымъ изъ современныхъ правительствъ показываютъ, что и Англіи приходится считаться съ измѣняющимся міровоззрѣніемъ трудящихся массъ, которыя, несомнѣнно, одушевлены нынѣ и въ этой странѣ не только желаніемъ непосредственно улучшить свое матеріальное положеніе, но и приблизить весь будущій складъ отношеній, гдѣ кооперація трудящихся призвана замѣнить капиталистическій строй, основанный на борьбѣ интересовъ соціальныхъ классовъ и конкуренціи внутри каждаго изъ нихъ.

Какъ бы то ни было, въ результатѣ континентальныхъ пріемовъ при подавленіи стачки выросло и укрѣпилось отрицательное отношеніе организованныхъ рабочихъ къ правительству, которое, очевидно, не можетъ надѣяться на вполнѣ доброжелательныя чувства къ нему трудящихся, даже и перемѣстивъ министра внутреннихъ дѣлъ на постъ морского министра и обратно. Англійскіе трудовики уже гораздо менѣе, чѣмъ раньше, склонны поддерживать либеральный кабинетъ, а соціалистическіе представители рабочей коалиціи въ парламентѣ прямо не скрываютъ своей вражды къ министерству. И здѣсь англійскому правительству, можетъ быть, болѣе, чѣмъ въ какой-либо иной области, придется пріучить себя къ мысли, что и Англія не гарантирована отъ той соціальной борьбы, которая наполняетъ весь міръ шумомъ столкновеній между трудомъ и капиталомъ, и что никакими надеждами на «благодарность» труждающихся и обремененныхъ нельзя устранить идеи о неизбѣжномъ развитіи соціализма.

Что же сказать относительно континента Европы, гдѣ традиціонные навыки борьбы современнаго государства съ новыми формами соціальной жизни процвѣтаютъ до сихъ поръ во всей своей силѣ и значительно тормазятъ не только общественный прогрессъ солидарности, но и политическій прогрессъ народоправства?

1911 г. пожралъ во Франціи три кабинета: 24 февраля пало министерство Бріана; 23 іюня сошло со сцены министерство Мониса; а въ самомъ концѣ русскаго 1911 г. (11 января н. ст.) погрузился въ область небытія кабинетъ Кайльо, только что замѣненный министерствомъ Пуанкарэ. Эта сравнительно быстрая смѣна кабинетовъ возвращаетъ насъ къ положенію дѣлъ во

Франціи лѣтъ 10—15 тому назадъ, когда правительства падали одно за другимъ, словно карточные домики, отъ малѣйшаго дуновенія парламентарной бури, и политическія интриги министровъ и министраблей замѣняли идейное столкновеніе партій. Такое положеніе дѣлъ говоритъ о многомъ. Оно говоритъ прежде всего о томъ, что во Франціи, по крайней мѣрѣ временно, исчерпана полоса политическаго прогресса и соціальнаго творчества, и что друзьямъ свободы и демократіи придется ждать на почвѣ Третьей республики новой встряски, подобной дѣлу Дрейфуса, для того, чтобы заставить страну выйти изъ болота мелкихъ политическихъ подвоховъ и подняться въ сферу высшей политической борьбы.

Пусть читатель припомнитъ, что и въ 80-хъ, и 90-хъ годахъ прошлаго вѣка министерства Франціи отличались, съ одной стороны, крайней недолговѣчностью, а съ другой—смѣшаннымъ характеромъ своихъ членовъ, принадлежавшихъ къ различнымъ оттѣнкамъ республиканскаго лагеря, лишь за исключеніемъ крайнихъ радикаловъ. Только дѣло Дрейфуса, сыгравшее роль осаждающей смѣси, вызвало необходимость болѣе серьезной группировки партій и идейнаго сближенія всѣхъ истинныхъ республиканцевъ для борьбы съ тѣми формами политической и соціальной реакціи, которыя опирались на чисто внѣшнее сотрудничество и типичныхъ оппортунистовъ, и полинялыхъ радикаловъ, и монархистовъ въ душѣ, прикрывавшихся лишь республиканскими этикетками. Послѣ знаменитаго «министерства національной обороны» Вальдэка-Руссо, основаннаго на сознательномъ сближеніи довольно разнородныхъ элементовъ, наступилъ періодъ сравнительной долговѣчности и однородности министерствъ, въ которыхъ преобладали радикальные и радикально-соціалистическіе элементы. Три года тому назадъ, лѣтомъ 1909 г., съ паденіемъ Клемансо, Франція вступила снова въ періодъ быстрой смѣны кабинетовъ, которые, если и отличались сравнительной однородностью, то состояли изъ людей, взаимно интриговавшихъ другъ противъ друга, несмотря на свою партійную близость. Между всѣми ими есть, однако, нѣчто общее, что будетъ въ свое время отмѣчено историкомъ.

Когда истощился творческій порывъ Третьей республики въ сферѣ политическаго и соціальнаго законодательства, то главной точкой опоры, за которую держались смѣнявшіеся кабинеты, ихъ палладіумомъ въ борьбѣ было отрицательное отношеніе къ боевому соціализму и въ частности къ синдикализму, съ ростомъ котораго никакъ не могутъ примириться радикалы и даже значительная часть радикаловъ - соціалистовъ. Правящій персоналъ Французской республики до сихъ поръ не отдаетъ себѣ ясно отчета въ томъ, что, какъ въ извѣстный моментъ европейской исторіи третье сословіе протиснулось во всѣ сферы жизни и раздѣлалось со старыми формами господства средневѣковыхъ классовъ,

такъ и теперь четвертый классъ, классъ мысли и труда, рабочихъ и ихъ выразителей, побѣдоносно пропитываетъ своими элементами современный строй и рано или поздно долженъ на мѣсто настоящей чисто политической демократіи поставить всестороннюю кооперацію трудящихся, которая будетъ основана на удовлетвореніи существенныхъ интересовъ и излюбленныхъ идеаловъ массъ. Смутно и въ карикатурныхъ формахъ сознаніе необходимости этого переворота проникаетъ въ голову и наиболѣе мыслящихъ представителей современной буржуазіи. Было бы, напр., не лишено пикантности указать на взгляды въ этой области теперешняго президента совѣта, Пуанкарэ, который желалъ бы, чтобы современное представительство народа тѣснѣе связывалось съ представительствомъ великихъ соціальныхъ интересовъ, чтобы депутаты представляли не столько распыленную массу избирателей, сколько корпоративныя группы, и который даже въ современномъ синдикализмѣ видитъ зародыши здороваго будущаго, подъ условіемъ, чтобы онъ отказался отъ своего революціоннаго отношенія къ современному государству. Условіе, очевидно, непріемлемое для синдикализма.

Во всякомъ случаѣ, съ соціальной точки зрѣнія всѣ три сошедшихъ со сцены министерства дали крайне ничтожные результаты. Всѣмъ имъ приходилось становиться въ болѣе или менѣе враждебное отношеніе къ боевому соціализму и къ синдикализму, и на всѣхъ ихъ давило опасеніе сдѣлать какую бы то ни было уступку дерзкимъ, какъ имъ казалось, требованіямъ труда. Ось ихъ политическаго равновѣсія проходила то нѣсколько лѣвѣе, то нѣсколько правѣе этого въ общемъ отрицательнаго отношенія къ требованіямъ организованнаго рабочаго класса. Кабинетъ Бріана отличался ожесточенностью пріемовъ борьбы съ синдикалистами. Кабинетъ Мониса обнаруживалъ нѣкоторое желаніе считаться съ неизбѣжно возраставшими стремленіями рабочаго класса къ соціальной власти. Кабинетъ Кайльо снова передвигался направо, въ сторону бріановской тактики: принципіальнаго отрицанія права государственныхъ служащихъ на стачку и права бастовать для рабочихъ, занятыхъ въ крупныхъ отрасляхъ промышленности, въ родѣ желѣзнодорожныхъ. Этотъ первородный грѣхъ враждебнаго отношенія къ міру труда парализовалъ мало-мальски серьезныя реформистскія стремленія отдѣльныхъ министровъ.

Не знаменательно ли, что единственный могшій имѣть значеніе въ соціальномъ смыслѣ законъ о рабочихъ и крестьянскихъ пенсіяхъ, прошедшій еще въ 1910 году, вылился окончательно въ 1911 въ такую педантическую систему правилъ, выработанную бюрократіей, что до сихъ поръ рабочее населеніе не особенно охотно пытается воспользоваться на практикѣ «благодѣяніями» новаго закона о страхованіи, между тѣмъ какъ капиталисты пользуются всякимъ предлогомъ, чтобы заводить безко-

печныя распри о процедурѣ взиманія съ рабочихъ соотвѣтствующихъ взносовъ путемъ наклейки марокъ, а боевые соціалисты и синдикалисты во многихъ мѣстахъ успѣли дискредитировать въ глазахъ трудящихся этотъ законъ, указывая на тяжелый налогъ, который онъ обрушиваетъ на спину рабочихъ, обязанныхъ дѣлать свои взносы на ряду со взносами государства и фабриканта. Не менѣе знаменателенъ и фактъ безконечной отсрочки законопроекта о прогрессивномъ подоходномъ налогѣ, который былъ выработанъ Кайльо еще въ кабинетѣ Клемансо и который до сихъ поръ не проходитъ черезъ бумажныя тѣснины сената, несмотря на неизмѣнный припѣвъ смѣняющихся у власти министерствъ о необходимости какъ можно скорѣе осуществить «эту глубоко-демократическую реформу».

И этого печальнаго вывода о косности соціальнаго законодательства во Франціи нельзя ослабить даже указаніемъ на тотъ фактъ, что всю вторую половину истекшаго года Третья республика прожила подъ давленіемъ всевозможнаго рода страховъ и опасеній, возникавшихъ во время переговоровъ съ Германіей по поводу Марокко. Наоборотъ, именно этотъ фактъ показываетъ, что Ея Величество, Маріанна III, истощивъ запасъ творчества во внутренней политикѣ, проявляетъ нынѣ свою энергію лишь въ политикѣ внѣшней, гдѣ экономическая и политическая эксплуатація Марокко отвѣчаетъ вкусамъ и потребностямъ правящей буржуазіи, но съ явнымъ ущербомъ для широкихъ массъ, интересы которыхъ забываются изъ-за колоніальныхъ завоеваній.

Сомнѣваемся мы, чтобы и новый кабинетъ Пуанкарэ, названный снисходительными друзьями «новымъ великимъ министерствомъ» и «кабинетомъ премьеровъ», на самомъ дѣлѣ внесъ существенное улучшеніе въ положеніе дѣлъ. Выросшій изъ невѣроятнаго политическаго скандала, обнаружившаго, что во время германскихъ переговоровъ отвѣтственные министры вели каждый свою личную политику, стараясь дискредитировать въ глазахъ «патріотовъ» своихъ конкурентовъ и коллегъ, и тѣмъ самымъ очистить себѣ мѣсто для всегдашняго предмета желаній французскихъ политикановъ, поста президента республики (такова философія исторіи столкновеній де-Сельва и Кайльо), кабинетъ Пуанкарэ,—можно сказать съ увѣренностью,—легко достигнетъ формальнаго вотума парламентомъ франко-германскаго договора, но будетъ столь же враждебно настроеннымъ по отношенію къ становящемуся грознымъ міру труда и столь же безсильнымъ въ области соціальнаго творчества. Можно слегка надѣяться лишь на то, что назначеніе неплохого человѣка, радикала Стэга, на постъ министра внутреннихъ дѣлъ нѣсколько умѣритъ боевую тактику послѣднихъ кабинетовъ Франціи по отношенію къ синдикализму. Но, съ другой стороны, присутствіе Бріана въ роли министра юстиціи даетъ любителямъ соціальнаго консерватизма достаточную гарантію, что

все, что можно выжать изъ рукъ буржуазной Фемиды въ смыслѣ устрашенія трудящихся, будетъ испробовано и пущено въ ходъ. Пусть не забываютъ, что современный кабинетъ носитъ на себѣ всѣ недостатки прежнихъ кабинетовъ концентраціи, лишенныхъ однородности направленія, и въ то же время даже не выражаетъ равнодѣйствующей политическихъ партій въ парламентѣ, проходящей лѣвѣе міровоззрѣнія такого типичнаго оппортуниста, какимъ является умный, но лишенный истинно государственнаго взгляда и смѣлости рѣшеній Пуанкарэ, котораго въ этомъ смыслѣ нельзя и сравнивать съ Вальдэкомъ-Руссо. Министерская декларація, хотя и встрѣченная парламентомъ съ большимъ одобреніемъ, поражаетъ своей банальностью, плохо скрываемой внѣшнею дѣловитостью. И вѣчный припѣвъ о (невотированномъ до сихъ поръ!) статутѣ чиновниковъ, о необходимости дисциплины государственныхъ служащихъ, о вѣрности политическимъ союзамъ и соглашеніямъ какъ нельзя лучше говоритъ о томъ, что кабинетъ Пуанкарэ врядъ-ли будетъ чѣмъ отличаться отъ предшествующихъ кабинетовъ.

Скуденъ и тощъ соціально-политическій багажъ, съ которымъ Германская имперія переходитъ въ новый годъ. И опять таки оставимъ въ сторонѣ ту пагубную для жизни страны внѣшнюю диверсію, которая была вызвана состязаніемъ Германіи съ Франціей на почвѣ Марокко. Необходимость ликвидаціи столкновенія съ Франціей не оправдываетъ, а, наоборотъ, подчеркиваетъ мизерность результатовъ, достигнутыхъ Германіей въ области политическихъ и общественныхъ реформъ. Единственный политическій законъ, имѣющій нѣкоторое значеніе изъ прошедшихъ въ 1911 г., это—законъ объ избирательной реформѣ въ Эльзасъ-Лотарингіи, гдѣ къ выборамъ во вторую палату примѣнена нынѣ всеобщая подача голосовъ (конституція 31 мая 1911 г.). Равно, какъ единственнымъ соціальнымъ закономъ былъ майскій законъ, реформировавшій уже дѣйствующее законодательство о страхованіи рабочихъ и носящій типичный для Германской имперіи недостатокъ шага впередъ въ чисто экономическомъ смыслѣ, но отступленія въ смыслѣ соціально-политическомъ. Прогрессивные и демократическіе элементы, отмѣчая прогрессъ законодательства, что касается до расширенія контингента страхуемыхъ, включающаго нынѣ и домашнюю прислугу, и сельскихъ рабочихъ, въ то же время очень рѣзко критиковали ограниченія въ области самоуправленія массъ, независимость которыхъ значительно ослаблена въ интересахъ предпринимателей.

Нельзя сказать, чтобы руководители судебъ Германіи совсѣмъ не отдавали себѣ отчета въ ростѣ недовольства націи на чрезчуръ слабое участіе ея въ управленіи своими судьбами. Это особенно было замѣтно въ сферѣ обсужденія внѣшнихъ вопросовъ, обладающихъ, какъ извѣстно, способностью превращать даже мирныхъ агнятъ въ кровожадныхъ животныхъ. Недаромъ правитель-

ство заявило въ коммиссіи рейхстага по марокскому договору, что не будетъ возражать противъ предложенія расширить въ будущемъ права рейхстага въ области внѣшней политики. Съ другой стороны, правительство, несмотря на попытки отдѣлить свою дѣятельность отъ програмы крайнихъ консервативныхъ партій, жестоко нападавшихъ на него во время дебатовъ о Марокко, въ общемъ не внушало во время послѣднихъ выборовъ довѣрія либеральнымъ элементамъ страны. И цифры послѣдней избирательной кампаніи показываютъ, что въ Германіи недовольство соціальнымъ и политическимъ строемъ возрасло въ очень сильной степени. Дѣйствительно, уже на главныхъ выборахъ (12 января н. с.), давшихъ 207 окончательныхъ результатовъ (при 190 предстоявшихъ перебаллотировкахъ въ три различные дня 20, 22 и 25 января) болѣе всего восторжествовали соціалъ-демократы, которые тогда же успѣли провести 64 членовъ своей партіи противъ 53 бывшихъ въ прошломъ рейхстагѣ, да на перебаллотировкахъ пріобрѣли еще 46 мѣстъ, такъ что общее число ихъ доходитъ нынѣ до 110, и они становятся самой сильной партіей въ рейхстагѣ, такъ какъ центръ располагаетъ теперь лишь 93 мѣстами (вмѣсто прежнихъ 103), чистые консерваторы—44 (вмѣсто 59) умѣренные консерваторы такъ называемой имперской партіи—14 (вмѣсто 25), націоналъ-либералы—44 (вмѣсто 51), прогрессисты—44 (вмѣсто 49), поляки—18 (вмѣсто 20), и т. д. Чрезвычайно возрасло и общее количество голосовъ избирателей, поданныхъ за соціалъ-демократовъ, а именно съ 3.259.020 въ 1907 г. до 4.238.919 въ 1912.

Теперь можно уже сказать съ большей или меньшей увѣренностью, что ось политической силы не будетъ проходить, какъ прежде, черезъ союзъ консерваторовъ и центра; и что прогрессивныя идеи, особенно въ ихъ рѣзкой формѣ, выражаемой соціалъ-демократической партіей, будутъ пріобрѣтать отъ времени до времени значеніе въ парламентѣ при условіяхъ поддержки умѣренно-либеральными элементами; а, съ другой стороны, что большинство можетъ получать зачастую случайный характеръ, и при разрывѣ рейхстага почти на двѣ равныя по величинѣ части,—людей прогресса и людей реакціи,—значительная доля вліянія можетъ выпасть мелкимъ промежуточнымъ партіямъ, вродѣ поляковъ, эльзасцевъ, гвельфовъ и т. п. Если подвести общій итогъ силамъ реакціи и прогресса, то окажется, что на общихъ выборахъ за черно-голубой блокъ, за сторонниковъ свѣтскаго и духовнаго гнета, высказалось 3.940.891, а противъ 7.495.291 голосовъ; въ рейхстагѣ же абсолютное большинство переходитъ къ лѣвымъ партіямъ, такъ какъ соціалъ-демократы, прогрессисты и націоналъ-либералы будутъ располагать 204 голосами противъ 193 голосовъ центра, правой, поляковъ и т. п. Не предрѣшая вопроса, въ какой степени межеумочная партія націоналъ-либераловъ, этихъ типичныхъ «октябристовъ» Германской Имперіи, будетъ оставаться вѣрна борьбѣ противъ реакціоннаго

блока, можно во всякомъ случаѣ предполагать, что исключительному господству поповъ и юнкеровъ нанесенъ въ Германіи тяжелый ударъ. Этотъ результатъ имѣетъ серьезное значеніе, хотя бы уже потому, что въ сущности центромъ европейской, да въ извѣстномъ смыслѣ и міровой, реакціи является Германія или, лучше сказать, германское правительство, проводящее политику абсолютизма, дурно прикрываемаго конституціонными формами. Если представить себѣ, что будетъ разрушена цитадель германской реакціи, то тогда потеряютъ въ Европѣ силу и всѣ другія реакціонныя группировки.

Мало утѣшительнаго приносъ прошлый годъ въ смыслѣ общечеловѣческаго прогресса Австро-Венгріи. Въ Цислейтаніи, правда, на общихъ выборахъ (13—20 іюня) обнаружился ростъ либерализма и рѣшительное отвращеніе къ антисемитической демагогіи. Но, увы! этотъ шагъ впередъ нейтрализовался двумя желѣзными гирями, которыя повисли на ногахъ австрійскаго населенія. Это, съ одной стороны, торжество нѣмецкаго союза, сейчасъ же принявшагося за свою обычную тактику надменнаго третированія другихъ національностей. Это, съ другой стороны, ростъ шовинизма въ рядахъ чешской соціалъ-демократической партіи, который повелъ къ тому, что чешскіе автономисты выдѣлились изъ соціалъ-демократіи Австріи. Смѣна министерства Бинерта, подавшаго въ отставку послѣ пораженія дорогихъ его сердцу соціалъ-христіанъ, министерствомъ Гауча (29 іюня), который не угодилъ нѣмецкому союзу и въ свою очередь былъ замѣненъ этой осенью (3 ноября) министерствомъ Штюргка, тщетно пытающагося склеить въ рейхсратѣ «трудоспособное» большинство изъ нѣмцевъ, чеховъ и поляковъ,—это положеніе дѣлъ ясно показываетъ, что и въ настоящемъ году Австріи врядъ ли удастся сдвинуться по пути прогресса съ той мертвой точки, къ которой она пришла, благодаря традиціонной борьбѣ различныхъ національностей.

Смутные и неопредѣленные результаты завѣщалъ прошлый годъ настоящему и въ Венгріи. Если попробовать анализировать смыслъ политической борьбы партій въ Транслейтаніи, то придется ввести въ разсчетъ внѣшній элементъ, въ видѣ всегдашняго недовѣрія и раздраженія, питаемаго одной частью дуалистической монархіи противъ другой. Въ частности Венгрія желала бы оторваться отъ своего сіамскаго близнеца, если бы ее не вынуждали къ этому сожительству опасенія за свою національную будущность, при томъ неустойчивомъ положеніи силъ, какое представляетъ въ настоящее время Европа. И министерская партія, поддерживающая кабинетъ графа Куэна-Хедервари (съ 18 января 1910), и разбивающаяся на нѣсколько группъ оппозиція борятся отравленнымъ оружіемъ взаимнаго заподазриванія въ недостаточномъ патріотизмѣ и въ измѣнѣ Венгріи ради Австріи. Такъ военный законопроектъ, ставящій своей цѣлью сокращеніе срока службы до двухъ лѣтъ, вмѣстѣ съ

увеличеніемъ контингента арміи, до сихъ поръ не вотированъ только потому, что наталкивается на сопротивленіе элементовъ, главнымъ образомъ, въ рядахъ фракцій «партіи независимости», которыя боятся, какъ бы и въ этомъ дѣлѣ Австрія не использовала въ своихъ интересахъ эту реформу. Предлоги, изобрѣтаемые парламентской обструкціей, въ родѣ требованія предварительно покончить съ избирательной реформой, состоящей во введеніи всеобщей подачи голосовъ, являются въ гораздо большей степени пустой придиркой, только чтобы оттянуть вотумъ военнаго закона, чѣмъ выраженіемъ настоящихъ чувствъ венгерскихъ законодателей, такъ какъ могущество мѣстныхъ магнатовъ, отнюдь не желающихъ раздѣлить свою политическую власть съ широкими слоями, обезпечено несравненно лучше современной цензовой системой.

Въ трехъ южныхъ романскихъ странахъ политическій прогрессъ въ прошломъ году или свелся на нѣтъ, вслѣдствіе внѣшнихъ осложненій, или одержалъ надъ реакціей только формальныя побѣды. Мы уже въ началѣ нашего обзора упомянули о томъ, какъ триполитанская кампанія положила конецъ реформаціонной политикѣ, обѣщанной странѣ кабинетомъ Джолитти, и возвращаться къ этому нечего.

Но подобное же дѣйствіе на внутреннюю политику Испаніи оказываютъ ея сомнительные колоніальные подвиги въ Марокко. Очень проблематическія выгоды, которыя получитъ отъ эксплуатаціи нѣкоторыхъ марокканскихъ пунктовъ Испанія, страдающая крайней запущенностью производительныхъ силъ въ самой метрополіи, перевѣшиваются тѣмъ реакціоннымъ настроеніемъ, которое вызвано африканскими экспедиціями и которое заставляетъ прогрессивное министерство Каналехаса совершенно забывать о предпринятой имъ въ началѣ этого года борьбѣ противъ черной арміи клерикаловъ. Наоборотъ, правительство считаетъ теперь вполнѣ возможнымъ прибѣгать къ такимъ пріемамъ подавленія «анархическихъ элементовъ», которые были бы въ пору развѣ министерству Мауры, державшемуся на безпрестанныхъ бомбахъ провокаторовъ. Объ этомъ достаточно краснорѣчиво говорятъ распространеніе военнаго положенія въ сентябрѣ на цѣлыя обширныя области и жестокости приговоровъ исключительныхъ судовъ, жертвы которыхъ избѣжали удушенія гарроттою всего нѣсколько дней тому назадъ лишь благодаря волнѣ негодованія противъ палачей, прокатившейся по всей странѣ и заставившей короля помиловать и послѣднюю изъ восьми осужденныхъ на смерть жертвъ военной юстиціи. Какъ бы то ни было, вотъ уже сколько мѣсяцевъ мы сравнительно очень мало слышимъ о борьбѣ Испаніи съ монашескими орденами и съ папской властью, но очень много о пиратскихъ подвигахъ испанцевъ въ марокскомъ Риффѣ. Теперь центръ тяжести парламентарной работы перенесенъ Каналехасомъ на проведеніе законопроектовъ, организующихъ колоніальную армію и

увеличивающихъ войско метрополіи на мирномъ положеніи съ 80.000 до 115.000 чел. Впрочемъ, ростъ республиканской оппозиціи можетъ поставить министерство передъ дилеммой: или возобновить прерванную реформаторскую дѣятельность, или уйти.

Въ другомъ государствѣ Иберійскаго полуострова, Португаліи, революціонный пылъ, направленный на измѣненіе не только монархической формы правленія, но и традиціонной зависимости власти отъ Ватикана, тоже остываетъ. Португалія дала себѣ республиканскую конституцію. Основные законы 21 августа 1911 г. провозглашаютъ законной формой правленія республику, при двухпалатномъ народномъ представительствѣ,—сенатѣ, состоящемъ изъ 71 члена, избираемаго на 6 лѣтъ, и палатѣ депутатовъ, состоящей изъ 164 членовъ, избираемыхъ на 3 года,—равно какъ при президентѣ, являющемся (на 4 года) избранникомъ парламента. Въ парламентѣ и отчасти самой странѣ взяли перевѣсъ умѣренные элементы, и бывшіе члены временнаго правительства, Машадо, Брага, Коста, оказались въ оппозиціи. Президентомъ былъ выбранъ (24 августа 1911 г.) умѣренный республиканецъ, Мануэль де Арріага. И министерство, сформированное окончательно 11 ноября 1911 г. подъ предсѣдательствомъ Васконселлоса, носитъ тоже умѣренный характеръ. Рѣзко оппозиціонные и демократическіе элементы, повидимому, становятся все болѣе и болѣе недовольны отступленіемъ отъ первоначальной тактики непримиримой борьбы съ клерикализмомъ, которая ярко проявилась въ первые мѣсяцы существованія республики.

Конецъ нашего 1911 г. ознаменовался сопротивленіемъ португальскихъ прелатовъ декретамъ министерства, имѣющимъ въ виду отдѣленіе церкви отъ государства, хотя эти мѣры значительно слабѣе первоначальныхъ революціонныхъ пріемовъ, пущенныхъ въ ходъ временнымъ правительствомъ. Именно это воинственное настроеніе клерикальныхъ вожаковъ, смѣлѣющихъ по мѣрѣ того, какъ правительство вливаетъ воду модерантизма въ прежнее вино радикальной свободной мысли, вызвало страшное раздраженіе лѣваго крыла оппозиціи, которому удалось сорганизовать въ послѣдніе дни большія уличныя манифестаціи въ Лиссабонѣ и другихъ центрахъ страны и въ заключеніе ихъ направить делегаціи къ кабинету съ требованіемъ принять болѣе рѣшительныя мѣры противъ католиковъ и съ увѣреніями въ томъ, что масса населенія поддержитъ всякую энергичную политику, клонящуюся къ торжеству свѣтской власти. Но это движеніе до извѣстной степени парализуется тѣмъ будирующимъ настроеніемъ, которое проявляется въ послѣднее время среди рабочихъ и, видимо, поддерживается идущими впереди ихъ соціалистами.

Эта наиболѣе крайняя часть республиканской арміи находитъ, что правительство черезчуръ долго занимается политико-культурнымъ вопросомъ борьбы государства съ церковью и почти совсѣмъ

игнорируетъ соціальный вопросъ, если не считать реакціонной политики въ сферѣ законодательства о стачкахъ, запрещающаго забастовки служащихъ государства или крупныхъ (желѣзнорожныхъ и т. п.) предпріятій. Во всякомъ случаѣ, на послѣдней большой манифестаціи противъ клерикаловъ соціалисты и организованные рабочіе отсутствовали, мотивируя этотъ индифферентизмъ, въ которомъ ихъ упрекали буржуазные радикалы, тѣмъ, что за 15 мѣсяцевъ существованія республики рабочій классъ не получилъ отъ новыхъ господъ положенія ничего существеннаго. И въ этомъ недовольствѣ участвуютъ сельскіе рабочіе, охваченные нѣсколько дней тому назадъ обширной стачкой, которая насчитывала болѣе 50000 участниковъ и поддерживалась рабочими синдикатами городовъ.

Небезынтересны для обозрѣвателя событій истекшаго года нѣкоторыя явленія политической и соціальной жизни въ Новомъ Свѣтѣ.

Въ Сѣверной Америкѣ, уже подготовляющейся къ кампаніи президентскихъ выборовъ (они должны состояться, согласно конституціи, въ январѣ 1813, и новый президентъ вступитъ въ отправленіе обязанностей 4 марта 1913 г.) обнаруживается стремленіе политическихъ партій, боровшихся до сихъ поръ за преобладаніе почти всегда двумя большими лагерями, распасться на отдѣльные враждующіе отряды. Республиканская партія, къ которой принадлежитъ настоящій президентъ, Тафтъ, обнаруживаетъ въ своемъ общемъ теченіи три далеко не вполнѣ сливающіяся между собой струи. Наряду съ республиканцами центра, идущими за Тафтомъ, выступаютъ, лѣвѣе ихъ, республиканцы, выдвигающіе кандидатуру Ла-Фоллетта, а направо начинаютъ слагаться въ довольно импозантную фракцію тѣ члены республиканской партіи, которые подогрѣваютъ въ населеніи значительно было остывшія симпатіи къ Рузвельту и стараются увѣрить всѣхъ и каждаго, что пресловутый начальникъ ковбоевъ и охотникъ за африканскими львами представляетъ собой гораздо болѣе энергичнаго и способнаго дѣятеля на президентскомъ посту. Подобное же дѣленіе замѣчается и между демократами. Еще нѣсколько времени тому назадъ центральною фигурою ихъ организаціи являлся Гармонъ, въ которомъ многіе уже видѣли будущаго президента. Но противъ него или, во всякомъ случаѣ, рядомъ съ нимъ ставитъ свою кандидатуру Эндервудъ, тогда какъ наиболѣе крайніе элементы выдвигаютъ Уильяма Брайена, уже бывшаго одно время идоломъ демократическихъ и популистскихъ демагоговъ.

Разсматривая эту довольно сложную картину намѣчающейся президентской кампаніи, наблюдатель не можетъ отказаться отъ той мысли, что она знаменуетъ ослабленіе разницы между двумя большими національными партіями Америки, борющимися за власть, и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на наростаніе важности соціальныхъ вопросовъ въ политическихъ программахъ. Объ этомъ

говоритъ и то обстоятельство, что само дробленіе республиканской партіи на группы объясняется прежде всего отношеніемъ центральной федеральной власти къ такому колоссальному явленію сѣверо-американской жизни, какое представляютъ трёсты. Дѣло въ томъ, что Тафтомъ недовольны многіе республиканцы за ту кампанію, которую онъ вздумалъ повести противъ этихъ чудовищныхъ организацій современнаго капитала и, основываясь на актѣ Шермана, комментируемомъ федеральнымъ судомъ, привлекъ къ отвѣтственности нефтяной, табачный и стальной трёсты. И вотъ, затронутые въ своихъ существенныхъ интересахъ милліардеры Америки, приходятъ къ убѣжденію, что Рузвельтъ съ его мирволеньемъ этимъ гигантскимъ союзамъ, которое прикрывается лишь риторическими фразами о необходимости закона равнаго для всѣхъ, гораздо лучше удовлетворяетъ потребности американскаго капитала складываться въ безгранично могучія организаціи, превращающія производительныя силы, стянутыя въ частныхъ рукахъ, въ великую общественную силу, которая деспотически расправляется какъ съ арміей находящихся въ ея услуженіи рабочихъ, такъ и съ широкой массой потребителей.

О томъ, въ какой степени соціальный вопросъ начинаетъ становиться въ главу угла и въ Америкѣ, можно судить по нѣкоторымъ особенностямъ послѣднихъ законодательныхъ выборовъ 7 ноября. Такъ оказалось, что въ народныя представительства штатовъ Нью-Іорка, Родъ-Айлэнда и Массачузетса будетъ входить по одному соціалисту, тогда какъ цѣлыхъ 11 соціалистовъ выбраны мэрами въ Огайо, 1 въ Нью-Іоркскомъ штатѣ, и еще нѣсколько въ штатахъ Ютахъ, Миннезота, Пеннсильванія, Миссиссипи, а во многихъ мѣстахъ на западѣ и на югѣ соціалисты становятся замѣтнымъ элементомъ среди муниципальныхъ служащихъ. Въ Нью-Іоркѣ, этомъ городѣ-гигантѣ, число голосовъ, поданныхъ за соціалистовъ, возросло на 40%, и почти такое же увеличеніе замѣчается во второмъ по числу жителей центрѣ республики, Чикаго (пусть читатель не забываетъ, что по переписи 1910 г. Нью-Іоркъ насчитываетъ около 4.767.000 жит., а Чикаго болѣе 2.185.000). Правда, эти соціалисты принадлежатъ къ разряду умѣренныхъ и врядъ ли сейчасъ же вступятъ въ рѣшительную борьбу со всѣми силами стараго общества. Но лиха бѣда начать: Сѣверная Америка, издавна привыкшая къ политической жизни и къ агитаціи громадными массами, можетъ въ скоромъ времени бросить импозантные батальоны соціалистовъ на легальный захватъ власти.

Любопытныя соціальныя стороны обнаруживаются и въ мексиканской революціи, которую публицисты Европы старались свести къ чисто-политической борьбѣ за власть между ветераномъ президентства Мексиканской республики, Порфиріо Діазомъ, и новымъ президентомъ Мадэро. Эта революція, выразившаяся въ междоусобной войнѣ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ и заключившаяся избра-

ніемъ 17 октября, не могла бы стать побѣдоносной, если бы испытанная желѣзная рука того, кого называли мексиканскимъ диктаторомъ, не была сломлена сопротивленіемъ широкихъ слоевъ населенія.

Съ самаго 1876 г., когда генералъ Порфиріо Діазъ сталъ у власти, его правительство не переставало играть роль не только просвѣщеннаго, но, можно сказать, научнаго абсолютизма. Таково было и на самомъ дѣлѣ названіе тѣхъ «научниковъ» (cientificos), которые сгруппировались вокругъ диктатора и гордо провозглашали свою увѣренность въ томъ, что именно только они, ученики Конта и заядлые позитивисты, будутъ въ состояніи обезпечить миръ и процвѣтаніе страны, развить производительныя силы населенія, осуществить формулу «порядка и прогресса». Оказалось, что эта своеобразная позитивистская теократія выродилась, какъ всегда и бываетъ въ случаѣ безотвѣтственной власти, въ жестокую и испорченную олигархію, подавлявшую якобы въ интересахъ народа его законнѣйшія стремленія.

На сѣверѣ, особенно въ штатѣ Чигуагуа, самыми пламенными революціонерами оказались мелкіе земледѣльцы, которые, подъ маскою законности, были безжалостно экспропріированы владѣльцами громадныхъ участковъ (haciendados), округлявшими такимъ путемъ свои и безъ того колоссальныя латифундіи. А на югѣ подъ знамя революціи стеклись толпы сельскихъ батраковъ, превратившихся, въ силу жестокихъ условій законтрактованія, въ наслѣдственныхъ крѣпостныхъ своихъ лэндлордовъ и занявшихъ мѣсто прежнихъ злополучныхъ пеоновъ, защита которыхъ создала нѣкогда такую популярность Хуаресу въ его борьбѣ съ Максимиліаномъ.

Такъ во всемъ мірѣ великій соціальный вопросъ властно вдвигается въ чисто политическую борьбу и напоминаетъ участникамъ въ ней о необходимости считаться съ интересами и идеалами широкихъ народныхъ массъ.

Н. С. Русановъ.

«Сашка Жегулевъ» Л. Андреева и «Пѣтушокъ» А. Ремизова.

(Альманахъ изд. «Шиповникъ», кн. 16).

По поводу «Христіанъ» Л. Андреева въ печати сообщалось, что автора натолкнуло на разсказъ событіе изъ дѣйствительной жизни, разсказанное въ газетахъ. О «Сашкѣ Жегулевѣ» этого не надо даже и сообщать. Совершенно очевидно, какой именно фактъ изъ недавняго прошлаго заставилъ автора задуматься и попробовать сдѣлать понятнымъ—для себя и читателей—то, что можетъ казаться психологической загадкой. Разбои, грабежи, поджоги, убійства—не террористическіе акты, а именно убійства разбойнаго характера. И героемъ этого—интеллигентный юноша.

Какъ это *могло* случиться, мы должны узнать изъ разсказа Л. Андреева, на примѣрѣ Саши Погодина, выросшаго въ обстановкѣ утонченной духовной жизни, окруженнаго заботами исключительно одаренной матери, въ лицѣ которой авторъ слагаетъ гимны материнству: даже лицо у этой матери напоминало лики святыхъ, по неоднократному напоминанію разсказчика. И тѣмъ не менѣе сынъ этой матери и сынъ генерала Погодина сталъ разбойникомъ, жилъ въ лѣсу, въ качествѣ атамана «лѣсныхъ братьевъ», приводившихъ въ страхъ помѣщичьи экономіи, желѣзнодорожныя станціи, волостныя правленія и представителей власти. И былъ неуловимъ, пока вокругъ наростало чувство «народной ярости», пробужденное войной 1904—5 годовъ. Но замерло это чувство; сторонники и укрыватели мужики силой вещей превратились въ предателей гимназиста Саши Погодина, принявшаго псевдонимъ Сашки Жегулева... Когда же онъ былъ убитъ вмѣстѣ съ «лѣсными братьями», для полиціи представилось большимъ трудомъ установить, кто изъ убитыхъ—атаманъ, бывшій гимназистъ, взлелѣянный матерью-генеральшей? До такой степени Саша Погодинъ слился внѣшностью, какъ и судьбой, съ грабившими и убивавшими мужиками—«лѣсными братьями».

Какъ это могло случиться, должно стать понятнымъ изъ повѣсти, раздѣленной на двѣ части; первая часть подъ заглавіемъ: «Саша Погодинъ» и вторая подъ заглавіемъ: «Сашка Жегулевъ».

Въ первой части передъ нами проходитъ годъ за годомъ—и иногда день за днемъ—дѣтство Саши Погодина, подготовившее его превращеніе въ Сашку Жегулева. Разсказывается масса подробностей о характерѣ мальчика; о людяхъ, съ которыми онъ сталкивался; о впечатлѣніи, которое производилъ на всѣхъ; о ма-

теринской гордости сыномъ; о поклоненіи брату со стороны ровесницы сестры. Всѣ эти подробности мелькаютъ; но вы напрасно ждете момента, когда авторъ сдѣлаетъ, наконецъ, яснымъ или же понятнымъ душевный кризисъ, который толкнулъ гимназиста Сашу въ ряды «лѣсныхъ братьевъ». Вы добираетесь, наконецъ, до словъ: «конецъ первой части», но загадка не перестаетъ быть загадкой. Вы перевернете страницу и уже должны будете считать гимназиста Сашу атаманомъ Сашкой Жегулевымъ, но вы по-прежнему не понимаете, что же случилось,—что именно сдѣлалось въ душѣ мальчика, ставшаго атаманомъ разбойниковъ—не въ сказкѣ, а въ были, о которой ведется повѣствованіе.

О «Сашкѣ Жегулевѣ», какъ о всѣхъ вещахъ Л. Андреева, говорили задолго до появленія повѣсти. При этомъ разсказывалось, что она написана въ былой реалистической манерѣ Л. Андреева. Это — недоразумѣніе, созданное обманчивой внѣшностью повѣсти. Въ дѣйствительности, «Сашка Жегулевъ» трудно-раздѣлимый на составныя части сплавъ реалистическаго, мистики, романтизма и символизма.

Отсюда затрудненія для читателя. Требуется психологическое объясненіе кризиса въ душѣ буатаря-мальчика. Вмѣсто этого авторъ даетъ нѣчто иное. Онъ пытается окутать ваше чувство облакомъ всякихъ предчувствій и знаменательныхъ словъ-намековъ, которые должны создать у васъ настроеніе, что все такъ и должно случиться, какъ случилось съ Сашей Погодинымъ. Съ первыхъ строкъ рѣчь идетъ о какой-то обреченности ребенка, которую предчувствуетъ мать: ребенку суждено погибнуть. Матери кажется, что все принесетъ смерть ея сыну: когда была вокругъ эпидемія, она была увѣрена, что онъ умретъ отъ этой эпидеміи; когда, по желанію отца-генерала, подросшаго мальчика отдали въ кадетскій корпусъ, она сроднилась съ увѣренностью, что ея сынъ станетъ жертвой войны, и такъ была увѣрена въ этомъ, что воспользовалась скорой смертью мужа, чтобы взять сына изъ корпуса, опредѣливъ, взамѣнъ корпуса, въ гимназію спокойнаго губернскаго города, гдѣ для ея тревожнаго предчувствія было меньше угрожающихъ причинъ. Но она ошиблась.

И дальше, страница за страницей, вы все будете наталкиваться на ту же фатальность гибели ребенка и обреченность его въ стилѣ Метерлинка. Авторъ то называетъ мальчика «обреченнымъ Сашей», то разсказываетъ многократно, почти въ тождественныхъ выраженіяхъ, о томъ, что у мальчика были «жуткіе глаза обреченнаго».— «Пугающіе глаза... Жутко обведены глаза... Жуткіе, но теперь улыбающіеся глаза»... И съ новымъ подчеркиваніемъ обреченности повторяется: «жуткіе, обведенные самой смертью глаза»..

По мысли автора, вы не логикой, повидимому, но чутьемъ должны воспринять неизбѣжность того, что случилось. Не въявь, но тайкомъ, гдѣ-то черезъ внѣсознательное общеніе съ душой

юноши, вы должны принять роковую предопредѣленность его превращенія въ разбойника! Ради этого налаженъ цѣлый мистическій сценарій. Разсказъ ведется въ особомъ ритмѣ; слова движутся, какъ сонмъ вѣстниковъ судьбы. Саша Погодинъ прислушивается къ шуму деревьевъ въ саду и ему становится многое понятнымъ; такъ «Россію почувствовалъ онъ въ ночномъ гулѣ мощныхъ деревъ».

Огромный садъ при домѣ въ губернскомъ городѣ, гдѣ поселилась мать съ дѣтьми, сыномъ и дочерью,—сыгралъ вообще крупную роль въ душевномъ укладѣ мальчика. Садъ былъ для него «наставникъ мудрый»: такъ и названа третья глава о садѣ.

Хотя это было въ пору первой юности, когда въ гимназіи, по указанію автора, учили «исторію о патріархѣ Авраамѣ», Саша Погодинъ, благодаря саду-наставнику, зналъ уже ночи безсонныя и умѣлъ чувствовать, какъ «отъ самой (его) постели, въ темнотѣ, начиналась огромная Россія». При этомъ съ нимъ происходило нѣчто «чудеснѣйшее» сравнительно съ обыкновенными снами: «будто его тѣло совсѣмъ исчезло, растаяло, а душа растетъ вмѣстѣ съ гуломъ (деревьевъ въ саду), ширится, плыветъ надъ темными вершинами и покрываетъ всю землю, и эта земля есть Россія. И приходило тогда (къ изучавшему исторію о патріархѣ Авраамѣ) чувство... великаго покоя и необъятнаго счастья и неизъяснимой печали...»

Дальнѣйшую роль сыграла дорога. Мальчикъ увидѣлъ черезъ садовый заборъ проселочную дорогу, по которой никто никогда не ѣхалъ, сколько ни старался подглядѣть проѣзжающихъ мальчикъ, и снова получилъ какое-то дополнительное просвѣтлѣніе души: «Такъ и не увидалъ невѣдомаго (проѣзжающаго по дорогѣ) и *оттого* свято повѣрилъ въ дорогу, душою принялъ ея нѣмой призывъ»...

Что это значитъ, трудно сказать, но, очевидно, былъ предопредѣленъ порывъ мальчика къ Россіи, почувствованной въ шумѣ деревьевъ.

Дальше пришло сближеніе съ народомъ.

На этотъ разъ тайны раскрывалъ не садъ при домѣ. Новыя тайны раскрылись на базарѣ, гдѣ мальчикъ столкнулся съ мужиками. Сначала—по разсказу въ повѣсти—мальчикъ испугался немного, но «скоро привыкъ и что-то даже понравилось: запахъ ли дегтя или даже конской мочи (sic), окладистыя ли бороды, полушубки, пьяныя пѣсни—онъ и самъ не зналъ», какъ считаетъ нужнымъ оговорить авторъ. Взамѣнъ этого строитъ гипотезу онъ самъ и считаетъ «очень возможнымъ», что существовалъ нѣкто «старый и утомленный, который заснулъ крѣпко и безпамятно, чтобы проснуться ребенкомъ Сашей, увидѣлъ свое и родное въ загадочныхъ мужикахъ и возвысилъ свой темный, глухой и грозный голосъ. Его и услышалъ Саша».

«...Все забытое вспомнилось, все разбросанное по закоулкамъ памяти, разсѣянное въ годахъ собралось въ единый образъ, подавляющій громадностью и важностью своею. И теперь, въ смутномъ сквозь грезу видѣніи обнаженнаго поля, въ волнистости озаренныхъ холмовъ, вблизи такихъ простыхъ и ясныхъ, а дальше къ горизонту смыкавшихся въ вѣчную неразгаданность дали, въ млечной синевѣ поджидающаго лѣса ему почудились знакомыя теперь и властныя черты... вспыхнулъ свѣтъ сокровеннѣйшаго пониманія...»

Вотъ что предопредѣлило дальнѣйшую жизнь Саши Погодина, сдѣлавъ его однимъ изъ тѣхъ «загадочныхъ дѣтей», которыя «проклянутъ чистоту и благополучіе, и нѣжное, чистое тѣло свое отдадутъ всечеловѣческой грязи, страданію и смерти».

Такъ именно и произошло съ Сашей Погодинымъ. Онъ проклялъ свою чистоту, какъ герой «Тьмы», и ушелъ въ лѣсъ, послѣ долгихъ бесѣдъ о начавшейся революціи съ фанатикомъ Колесниковымъ, мужицкаго происхожденія.

Слишкомъ грозенъ былъ зовъ взволнованной земли, чтобы остаться ему гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Тутъ и пришелъ Колесниковъ.

Ему и принадлежитъ видимый толчокъ, направившій гимназиста Сашу къ роли атамана разбойничьей шайки.

Мальчикъ терзается мыслью, что его отецъ-генералъ, если бы не умеръ, то былъ бы такимъ же губернаторомъ, какъ и тотъ, что сейчасъ въ ихъ губерніи, и такъ же подписывалъ бы смертные приговоры. Въ то же время мальчикъ чувствуетъ какое-то сходство между собой—въ душѣ—и покойнымъ отцомъ. Ему нужно, въ силу этого, покаяніе за вину отца и отцовъ. Это создаетъ близость между нимъ и Колесниковымъ, который горячо уговариваетъ сдѣлать то, въ чемъ нуждается мальчикъ.

А что грѣхъ на тебѣ отцовъ, такъ искупи!.. Смотри, вотъ твоя земля, плачетъ она въ темнотѣ. Брось гордыхъ, смирись, какъ я смирился... ея грѣхомъ согрѣши, ея слезами, того—этого, омойся!

Искупить грѣхи отцовъ—старая, конечно, тема въ исторіи русской литературы. Готовность искупить эти грѣхи требуетъ рѣшенія, какъ и что надо для этого сдѣлать. Но у Колесникова имѣется готовый совѣтъ; прежде всего онъ даетъ совѣтъ, чего именно не слѣдуетъ дѣлать. А не слѣдуетъ—слушаться указаній ума:

Что умъ! Съ умомъ надо ждать... а развѣ мы можемъ ждать? ...Я мужикъ, а ты мальчишка, ну и ладно, ну и пойдемъ, по мужицкому, да по ребячьему!

Идея организовать шайку, не подчиняясь указаніямъ «ума», принадлежитъ тому же Колесникову.

«Дайте мнѣ чистаго человѣка, и я съ нимъ на разбой пойду...»—восклицаетъ Колесниковъ, бесѣдуя по поводу аграрныхъ и иныхъ волненій.

Когда испуганная мать Саши замахала руками, Колесниковъ продолжалъ:

Да, на разбой, и самый разбой, того-этого, его чистотой освящу. Изъ кабака церковь сдѣлаю...

Вотъ какъ все просто и въ то же время таинственно происходитъ въ повѣсти Л. Андреева о недавнихъ дѣлахъ русской жизни.

Было бы, однако, неправильно приписывать Колесникову что-либо въ рѣшеніи мальчика «освятить разбой» своею «чистотою».

Вмѣшательство фанатика Колесникова только эпизодъ. Рѣшили судьбу мальчика, обреченнаго на смерть, по-прежнему голоса и зовы. Снова, по разсказу автора, ночами «съ удивленіемъ, страхомъ и покорностью слушалъ Саша забытый голосъ, звавшій его въ темную глубину невѣдомыхъ, но когда-то испытанныхъ сновъ. Гасли четкія мысли, такія твердыя и общія въ своей словесной скорлупѣ; теряли форму образы, умирало одно сознаніе, чтобы дать мѣсто другому. Обнаженный, какъ подъ ножомъ хирурга, лежалъ Саша навзничъ и въ темнотѣ всѣмъ легкимъ тѣломъ своимъ пилъ сладостную боль, томительные зовы, нѣжные призывы. Зоветъ глубина и ширь; открыла вѣщіе глаза пустыня и зоветъ материнскимъ, жуткимъ голосомъ: Саша! сынъ!»

Вотъ основная причина, почему гимназистъ Саша превратился въ атамана разбойниковъ.

По крайней мѣрѣ, авторъ повѣсти считаетъ свое дѣло сдѣланнымъ, и вопросъ о превращеніи Саши вполнѣ яснымъ. Шумъ лѣса, дорога за заборомъ, базарная площадь; глубина и ширь; томительные зовы, нѣжные призывы. Причинъ по автору больше, чѣмъ достаточно.

II.

Если что и оставалось не понятымъ до ухода въ атаманы, все стало Сашѣ понятнымъ въ лѣсу, среди «лѣсныхъ братьевъ». На двухъ страницахъ рядомъ—99 и 100—сообщается о мальчикѣ, что «теперь» онъ «все понялъ». И разсказывается, какъ именно пришло окончательное разумѣніе. Выясняется, что окончательно Саша понялъ все во время пѣсни и игры на балалайкахъ. У автора разсказъ звучитъ очень серьезно. Впечатлѣніе—на всю жизнь. Все было сплошнымъ откровеніемъ. «Какъ бы далеко ни уходили слова—дальше ихъ уносила пѣсня»,—разсказываетъ авторъ; «какъ бы высоко ни взлетала мысль—выше ея подымалась пѣсня, и только душа не отставала, парила и падала, стономъ звенящимъ откликалась, какъ перелетная птица».

«Боже мой и это не во снѣ?»—думалъ Саша: «и это не церковь?—и это музыка? Но вѣдь я же не понимаю музыки.. но теперь я все понялъ!»

Впрочемъ, не только самъ обреченный юноша познаетъ себя и свою обреченность въ разныхъ звукахъ и въ области внѣ-сознательнаго. И другіе въ повѣсти познаютъ себя совершенно тѣмъ же путемъ звуковыхъ откровеній. Даже мужики, участники шайки. Въ повѣсти есть—слѣдомъ за только что цитированной—новая сцена пѣсни въ лѣсу. Ее поютъ въ ночь, предшествовавшую первому выступленію «лѣсныхъ братьевъ» и первому убійству, совершенному бывшимъ гимназистомъ, нынѣ атаманомъ разбойниковъ. Пѣсня производитъ на всѣхъ огромное впечатлѣніе. Это не ново, конечно, въ русской литературѣ. Въ повѣсти Л. Андреева ново то, что всѣ участники пѣсни, всѣ «лѣсные братья» понимаютъ пѣсню, которую поютъ, какъ мистическое открытіе самихъ себя и судьбы своей. Всѣ, именно—всѣ, въ поразительной степени ясно, безъ уговора, безъ всякаго обмѣна мыслей по поводу пѣсни, разумѣютъ мистическое значеніе для нихъ пропѣтой пѣсни о «рябинушкѣ».

Чтобы заворожить мысль читателя чѣмъ-то въ родѣ музыки переживаній, неразложимыхъ на логическія составныя части, авторъ повѣсти прибѣгаетъ къ разнымъ средствамъ внушенія; въ ходу и пышныя фразы, и особенныя сравненія, и размѣренное теченіе словъ, и необычайныя характеристики дѣйствующихъ лицъ,—чтобы о нихъ всякому разсказу можно было повѣрить.

Конечно, прежде всего необычаенъ мальчикъ Погодинъ. Объ обреченныхъ глазахъ его мы уже знаемъ. Но они запечатлѣны не только обреченностью. Въ нихъ была и власть; поэтому—въ описаніи автора—мальчикъ, обладатель темныхъ, жутко обведенныхъ глазъ «неохотно открывалъ... свой взглядъ, какъ-будто зналъ важность и святость хранящейся въ немъ тайны». Такой же особенный былъ у него и голосъ: всякій дѣтскій споръ издавна разрѣшался въ пользу того изъ товарищей Погодина, за котораго высказывался онъ самъ. И это дѣлали не доводы: по свидѣтельству автора, мальчикъ всегда молчалъ. Достаточно было звуковъ его голоса, чтобы убѣдиться въ томъ, что правда—тамъ, гдѣ онъ. «Этому свойству Сашина голоса—разсказываетъ авторъ—удивлялась не одна Елена Петровна; и только самъ онъ, кажется, ничего не подозрѣвалъ».

Съ превращеніемъ мальчика въ разбойничьяго атамана романтическая обаятельность его, конечно, еще углубилась. За нѣсколько дней, проведенныхъ въ лѣсу, у мальчика оказалось «лицо,—по описанію—скакнувшее на два года впередъ». Въ соотвѣтствіи съ этимъ онъ и «въ плечахъ раздался и поднялась грудь»; авторъ разъясняетъ и почему это случилось: «въ прежней груди не умѣстилось бы новое сердце». И вообще отъ фигуры Саши стало вѣять «чѣмъ-

то отъ древнихъ вѣковъ, отъ каменнаго идола»,—по серьезному удостовѣренію автора.

Естественно поэтому, что мальчикъ производитъ неотразимое впечатлѣніе на лѣсныхъ братьевъ, и разбойники—въ началѣ 2-ой части—входятъ и «докладываютъ» атаману, какъ дисциплинированные чиновники; хотя и сурово, но докладываютъ.

Столь же необычаенъ и Колесниковъ. Чтобы сдѣлать его болѣе «понятнымъ», авторъ сообщаетъ, что у Колесникова «мистически-*темная* душа». Разъ есть мистически-темное, значитъ, читатель подготовленъ.

При чтеніи повѣсти можно удивляться разнообразію средствъ: которыми Л. Андреевъ хочетъ не убѣдить, а только вокругъ-да-около внушить читателю какое-то убѣжденіе въ непреложности разсказываемыхъ событій—въ его повѣсти.

Въ итогѣ же повѣсть не имѣетъ никакой убѣдительности, ни прямой, ни окольной.

Въ этомъ крахѣ попытокъ освѣтить читателю то, что подлежитъ художественному освѣщенію, нѣтъ ничего неожиданнаго. Попытка прибѣгнуть къ мистическому и таинственному, въ качествѣ разъяснительнаго средства, не можетъ имѣть никакого другого результата. Торжество мистики всегда есть торжество безмыслія, и потому, оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ о наличіи въ нашихъ душахъ мистическаго элемента, можно утверждать одно, ссылкой на мистически-тайное нельзя ничего сдѣлать яснымъ; тайное не можетъ дать термины общенія для взаимнаго разумѣнія. Оно само требуетъ доказательствъ со стороны ясной, отчетливой мысли. Въ безрезультатности тяги современной литературы къ тайному и мистическому придется убѣдиться, хотимъ мы этого или не хотимъ.

Къ чувству досады отъ безплодныхъ намековъ на тайное присоединяется еще живой *протестъ* непосредственнаго чувства противъ самыхъ условій, въ которыя поставлены разсказчикомъ событія.

Вѣдь Саша—живой человѣкъ, съ чуткой, впечатлительной и даже нѣжной душой. Это такъ по даннымъ самой повѣсти. Но въ такомъ случаѣ, какъ же онъ чувствуетъ себя въ новыхъ условіяхъ жизни, въ лѣсу, среди разбойниковъ?

Пусть мальчикъ, съ помощью 40-лѣтняго фанатика, рѣшилъ *освятить* разбой. Вѣдь первое же убійство должно было изъ міра мечты о разбоѣ перевести Сашу Погодина въ реальную дѣйствительность. Въ чемъ «освященіе»? Вѣдь долженъ былъ дать себѣ отвѣтъ на это юноша, неизмѣнно—по описанію—размышляющій и не способный—тоже по описанію—жить порывомъ, въ угарѣ молодечества и сильныхъ впечатлѣній? Въ повѣсти никакого отвѣта не дается; все заранѣе предрѣшили шумъ деревьевъ, пѣсня о рябинушкѣ.

И въ завершеніи повѣствуемаго—декоративный финалъ. Здѣсь

есть всего. Дано декоративное пятно изъ трехъ женщинъ въ черномъ. Всѣ три женщины повторяютъ условныя фразы. Чувствуется, что и это «лишнія» слова, которыя, по евангельской истинѣ, «отъ діавола суть». Слова не становятся искреннѣе отъ того, что они размѣщены въ какомъ-то новомъ церемоніальномъ ритмѣ.

IV.

Чтобы понятнымъ было чувство усталости, съ которымъ читается «Сашка Жегулевъ», нужно вспомнить, что повѣсть Л. Андреева имѣетъ не только реалистическо-мистическо-романтическій, но и символическій характеръ. Элементы символовъ, несомнѣнно, на лицо. Символиченъ Саша Погодинъ, онъ же Сашка Жегулевъ. Если хотите, вы можете разумѣть его, при всѣхъ реалистическихъ подробностяхъ изображенія, какъ символъ русской интеллигенціи въ ея тяготѣніи къ народу и желаніи принести въ жертву свою «чистоту», какъ сдѣлалъ когда-то, подобно Сашѣ Погодину, герой Андреевской же «Тьмы». Если вы примете въ этомъ направленіи символичность Саши—Сашки Жегулева, вамъ станетъ понятнѣе настойчиво подчеркиваемое авторомъ, сходство Саши съ генераломъ-отцомъ, но не съ матерью, у которой глаза,—иконописные глаза вѣчной матери.

Символична и мать, Елена Петровна, въ которой вы можете усмотрѣть «вѣчную мать»—Россію. Тогда становятся понятнѣй слова пышно-лирическихъ восторговъ автора всегда, когда рѣчь идетъ о ней. Получаетъ особый смыслъ и то, что мать не хочетъ вѣрить ни въ какія преступленія, совершенныя ея Сашей. А когда представитель высшей мѣстной власти, товарищъ и другъ ея мужа-генерала, все-таки представляетъ ей факты, мать все-таки отказывается осудить сына, утверждая, что если сдѣланное сдѣлалъ ея Саша, то «значитъ такъ надо и такъ хорошо».

Дѣлается яснѣе и еще одна подробность. Много разъ въ повѣсти подчеркивается отсутствіе у Саши Погодина какихъ-либо *творческихъ* талантовъ. Но мать Сашки Жегулева—Саши Погодина рѣшительно отвергаетъ справедливость этого утвержденія. Она заявляетъ совершенно противоположное: у ея сына былъ «очень, очень большой талантъ. Но только, конечно, совсѣмъ особенный»... Этотъ «очень большой талантъ»—вѣроятно, способность понимать мистически правду народа, какъ ее разумѣетъ (словесно) Л. Андреевъ, и способность, если нужно, стать ради народа хотя бы Сашкой Жегулевымъ.

Вѣроятно, символичны и другіе персонажи. Но повѣсть въ цѣломъ не измѣнится въ своей литературной цѣнности, если даже вся символическая надстройка будетъ разъяснена полностью. Того, что нужно, разъясненія пережитаго въ недавнемъ прошломъ все равно не получится.

V.

Поразительна впечатлительность автора, съ которой онъ отзывается на всякое настроеніе. Онъ не только задалъ себѣ тяжелый вопросъ о психологической возможности, созданной русской жизнью для милаго мальчика Саши превратиться въ атамана разбойниковъ, но и повѣрилъ себѣ, что искать разгадки нужно въ томъ что составляетъ послѣдній крикъ литературной моды. Повѣрилъ себѣ, что надо искать разгадокъ въ мистикѣ народной души; и повѣрилъ себѣ, что понялъ; и повѣрилъ, что читатель пойметъ его повѣсть безъ словъ, имѣющихъ психологическое, реальное содержаніе.

Тяжелая обязанность—давать отрицательный отзывъ вообще и въ частности о такомъ писателѣ съ неспокойной, больной за человѣка мыслью, какимъ мы давно уже знаемъ Л. Андреева. Но фактъ остается фактомъ: читатель не можетъ раздѣлить авторскихъ иллюзій и самовнушенія. Для него и шумъ деревьевъ въ саду, открывшихъ мальчику сокровенное о Россіи, и вѣщее пѣніе въ лѣсу «рябинушки», и авторскія ссылки на мистику народной души и на обреченность гимназиста по слову Метерлинка—все одинаковый шумъ словъ, лишенныхъ авторомъ дѣйствительнаго содержанія. Читатель просилъ о хлѣбѣ, а художникъ предложилъ ему разнообразно звенящіе кусочки камня,—по тому тяжелому вопросу, на которомъ самъ же остановилъ вниманіе. Загадка о Сашѣ Погодинѣ, какъ была, такъ и осталась незатронутой въ повѣсти о Сашкѣ Жегулевѣ. То, что было психологическою загадкой до появленія повѣсти Л. Андреева, останется такой же загадкой и послѣ ея появленія, несмотря на огромную затрату творческаго возбужденія, внесеннаго авторомъ въ свою повѣсть, одновременно и сложную, и психологически безсодержательную.

VI.

Разсказъ А. Ремизова изъ той же полосы недавней жизни и исторіи. Дѣйствіе въ разсказѣ о «Пѣтушкѣ» происходитъ такъ же, какъ и въ «Сашкѣ Жегулевѣ», во время революціи 1905 года, но въ иныхъ условіяхъ, въ иномъ мѣстѣ: въ Москвѣ, въ районѣ, гдѣ ютится рабочая бѣднота.

Съ А. Ремизовымъ случается иногда литературное чудо; обычно умышленный, замысловатый и надуманный стиль его разсказовъ вдругъ какъ-то выравнивается, становится проще и согрѣвается легкой, пріятной теплотой. Это бываетъ у г. Ремизова въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится разсказывать о дѣтяхъ, и дѣти являются

основными лицами, направляющими событія въ разсказѣ. Когда намъ приходилось говорить о г. Ремизовѣ, намъ приходилось отмѣчать именно эту подробность въ писательскомъ обликѣ г. Ремизова. Онъ какой-то особенный, преображенный въ тонѣ и стилѣ, когда говоритъ о дѣтяхъ.

Разсказъ «Пѣтушокъ», помѣщенный въ 16-мъ сборникѣ «Шиповника», принадлежитъ къ числу такихъ разсказовъ. Дѣйствующія лица, которыя переживаютъ въ разсказѣ г. Ремизова московское вооруженное возстаніе—бабушка, внучекъ Петька-«Пѣтушокъ» бабушкинъ и настоящій пѣтушокъ, счастье жизни и Петьки и бабушки, тоже ребенка. И все это погибло: пѣтушку скрутилъ голову бродяжка—отецъ Петьки, племянникъ бабушки, на зло старухѣ, а Петька былъ убитъ, когда игралъ въ забастовщики, во время происходившаго обстрѣла улицы. Кончилась революція. Старуха одна. Нужно бы поставить свѣчу особому угоднику—«Ивану Ослянничеку обидяющему».

...разсказывала бабушка,—пошла я свѣчечку поставить Ивану Ослянничеку обидяющему, хочу поставить, а рука не подымается...

Не въ силахъ старуха поставить требующуюся свѣчу угоднику «обидяющему». Вмѣсто свѣчи ему, обидящему, она ставитъ свѣчу чудотворцамъ московскимъ: Максиму блаженному, Василію блаженному, Іоанну юродивому. Къ этимъ угодникамъ легче оказалось поднять руку со свѣчею.

...и рука не тряслась, это свѣчку держала она, свой горящій неугасимый огонекъ, сжигающій въ сердцѣ послѣднюю, безвинную, горькую, смертельную обиду, и глаза ея тихо теплились, это вѣра свѣтилась въ глазахъ ея, крѣпкая, нерушимая, доносящая до послѣднихъ дней свѣчечку, огонекъ святой черезъ всѣ бѣды, черезъ всякую напасть...

Не требуйте отъ разсказчика выдержанныхъ деталей. Онъ взялъ такого мальчика, который мечтаетъ на пятиалтынный купить пудъ крыжовника и сто стаканчиковъ мороженаго. Но зачѣмъ-то опредѣлилъ этого мечтателя о покупательной силѣ пятиалтыннаго въ городское училище, гдѣ такія мечты умираютъ подъ натискомъ счетной науки!

Это все то же, что бываетъ въ мрачныхъ, судорожныхъ разсказахъ г. Ремизова о взрослыхъ людяхъ. Но въ разсказѣ о «Пѣтушкѣ» явное неправдоподобіе деталей какъ бы узаконяется читателемъ, легко принимается и покрывается необыкновенно привлекательнымъ тономъ разсказчика, непривычной простотой настроенія, ясной, хотя и печальной любовью, съ которой разсказывается о Петькѣ-Пѣтушкѣ. Даже рѣчь, которой обыкновенно ведется повѣствованіе у г. Ремизова, кажется болѣе ровною, а, можетъ быть, и на самомъ дѣлѣ становится ровнѣе. Къ разсказамъ г. Ремизова о взрослыхъ зачастую пригодно уподобленіе

кошмарному сну; до такой степени они тяжелы и сумбурны. О разсказахъ съ дѣтьми, какъ «Пѣтушокъ», пришлось бы говорить, какъ о легкихъ, грустныхъ полу-сказкахъ, полу-снахъ, навѣянныхъ исключительной любовью и тяготѣніемъ къ душѣ ребенка.

Эти разсказы г. Ремизова—совершенно особенные.

А. Е. Рѣдько.

Новыя книги.

Саша Черный. Сатиры и лирика. Книга вторая. Изд. „Шиповникъ". Спб. Стр. 245. Ц. 1 р. 25 к.

Новый сборникъ открывается полемикой **pro domo sua**:

Въ литературномъ прейскурантѣ
Я занесенъ на скорбный листъ:
„Нельзя, молъ, отказать въ талантѣ,
Но безнадежный пессимистъ".

Авторъ не принимаетъ этого ярлыка, не хочетъ согласиться съ тѣмъ, что для его мрачнаго воззрѣнія на жизнь нѣтъ достаточныхъ основаній. «Всѣ сатирики на свѣтѣ лишь ловятъ минусы одни»:

Вновь съ „безнадежнымъ пессимизмомъ"
Я задаю себѣ вопросъ:
Они ль страдали дальтонизмомъ
Иль міръ бурьяномъ зла заросъ?

Отвѣтъ ясенъ: міръ во злѣ, въ пошлости, въ гнусности; нѣтъ ничего субъективнаго, случайнаго, временнаго въ тѣхъ скорпіонахъ, которыми мрачный сатирикъ бичуетъ нашу жизнь. Какая то «группа кіевскихъ медичекъ» даже обратилась къ нему съ наивной стихотворной просьбою:

. . . . пѣсню пропойте,
Гдѣ злость не глушила бы смѣха—
И вамъ, точно чуткое эхо,
Въ отвѣтъ молодежь засмѣется.

Но суровый учитель жизни отвѣтилъ «безконечно милой группѣ божьихъ коровокъ» безъ благодушія:

Весело, весело, весело, весело!
Щелкайте громче зубами,
Одни жигутъ, другихъ повѣсили
А третьи—сами.....

Съ виду какъ будто основательно, а по существу.... Боимся, что кіевскимъ медичкамъ больнѣе, чѣмъ Сашѣ Черному оттого, что «одни живутъ, другихъ повѣсили». Отъ этой боли онѣ и просятъ пѣсню безъ злости, отъ этой боли онѣ мечутся до того, что у Саши Чернаго просятъ бодрости. Но ему нечѣмъ отвѣтить ищущей молодежи—и совсѣмъ не потому, что онъ пессимистъ или сатирикъ, какъ ему кажется. Онъ не всегда пессимистъ, не всегда злобный обличитель; онъ знаетъ весну, «когда растаялъ ледъ скептическаго зелья», онъ склоненъ къ сладостному растворенію въ природѣ. Катая на колѣнѣ двухлѣтняго пріятеля, онъ упивается радостью жизни:

Несется. Съ довѣрчивымъ смѣхомъ,
Взмахнетъ вдругъ рученкой, какъ плеткой.—
Отвѣтишь сочувственнымъ эхомъ,
Такою же дѣтскою ноткой.

Отходитъ, стыдясь, безнадежность.
Надежда растетъ и смѣлѣетъ,
Вскипаетъ безбрежная нѣжность
И бережно радость лелѣетъ...

Естественъ вопросъ: почему же поэтъ отказалъ двадцатилѣтнимъ въ отвѣтной улыбкѣ, въ которой не отказалъ двухлѣтнему? Безнадежность «стыдится»—очевидно, не безъ основанія; надежда смѣлѣетъ—очевидно, это возможно. Отвѣтъ ясенъ: мрачность нашего сатирика—не міровоззрѣніе, а настроеніе. Это—не пессимизмъ, а мерехлюндія. Есть въ мірѣ достаточно основанія для самаго безпросвѣтнаго пессимизма, есть мотивы для самой злой сатиры; но этому большому, крѣпкому пессимизму не сумѣлъ дать выраженія Саша Черный въ своихъ раздраженныхъ ямбахъ.

О, Мефистофель, какъ обидно,
Что нѣтъ статистики такой,
Чтобъ даже толстымъ стало видно,
Какъ много рухляди людской!
Тогда, объявъ вѣка страданья,
Не говорили бы порой,
Что пессимизмъ, какъ заиканье,
Иль какъ душевный геморрой......

Да, «рухляди людской» много, но это слишкомъ извѣстно, и мало язвить ее обличительнымъ презрѣніемъ, чтобы видѣть въ этомъ обличеніи подлинную картину міра. И мало заявить—надо доказать, что твой пессимизмъ есть нѣчто болѣе возвышенное, чѣмъ «душевный геморрой».... Доказать же это возможно не безспорными ссылками на то, что жизнь дѣйствительно плоха. Надо, чтобы пессимизмъ былъ не догмой, а формой исканія, надо, чтобы мы чувствовали за нимъ великую тоску объ идеалѣ, надо, чтобы читатель заражался этой бодрой тоской, а не безпредметной злостью и невротическимъ презрѣніемъ къ себѣ и ко всему.

Г. Гауптманъ. Бѣгство Габріэля Шиллинга. Драма въ 5 дѣйствіяхъ. Пер. съ рукописи Т. Каменевой. Изд. Т-ва Сытина. Москва. 1912. Стр. 95. Ц. 75 к.

Жаль, что Гауптманъ сдѣлалъ драму изъ матеріала, который былъ бы хорошъ въ романѣ. Здѣсь есть и типичныя фигуры, и бытъ, и общественная атмосфера—все, что необходимо въ романѣ и второстепенно въ драмѣ. Есть и сюжетъ, который могъ бы быть драматическимъ, если бы его воплощеніемъ были драматическіе герои; но въ безкровности гауптмановскихъ персонажей есть что-то, отрицающее драму. Гибнутъ они или торжествуютъ, читатель не чувствуетъ потребности видѣть ихъ въ сценическомъ изображеніи. Они интересны въ чтеніи, они не требуютъ театра и театръ ихъ не требуетъ. Самъ авторъ чувствуетъ это съ какой-то утонченной остротой. Въ предисловіи, почему то не переведенномъ въ русскомъ изданіи, онъ говорить. «Эта драма написана въ 1906 г. Сценическое воплощеніе ея не столько привлекало, сколько пугало меня; поэтому она не была представлена. И теперь я бы не рѣшился рискнуть моимъ созданіемъ въ азартной игрѣ перваго представленія. Оно не нужно большой публикѣ, оно—для чистой созерцательности и пассивнаго углубленія немногихъ. Видѣть драму въ однократномъ превосходномъ исполненіи въ интимнѣйшемъ театрѣ—таково мое неисполнимое желаніе».

Въ этой болѣзненной требовательности чувствуется не только взыскательный художникъ, но и страдавшій человѣкъ: должно быть, много изъ своихъ личныхъ переживаній вложилъ Гауптманъ въ свой разсказъ о любовной жизни старѣющихъ артистовъ. Онъ бичуетъ ихъ грубо, но разстается съ ними примиренный, съ нѣжнымъ лиризмомъ. Слабые, безвольные эстеты, они вложили въ отношенія къ женщинамъ слишкомъ много—и слишкомъ мало: слишкомъ много, чтобы быть свободными въ творчествѣ, слишкомъ мало, чтобы дружно и дѣятельно строить общую жизнь съ ея зиждущими заботами, съ ея отвѣтственностью—и съ дѣтьми. Имъ нужны женщины, но не нужна семья, и оттого они находятъ женщинъ, пригодныхъ для чего угодно—для эстрады, для художественной мастерской, для кухни, для спальни, но не для созданія всесторонней жизни, достойной и вѣчной, ибо она должна продолжаться въ потомствѣ. «Мраморныя» дѣти, создаваемыя скульпторомъ Мойреромъ, не удовлетворяютъ его разсудительнаго пріятеля врача Расмуссена, поучающаго едва ли не отъ имени автора: «Убирайся ты съ своимъ безплоднымъ потомствомъ! Если такіе парни, какъ ты, не будутъ имѣть потомства, то значитъ, что они прожили жизнь напрасно. Если они предоставляютъ дѣторожденіе сомнительной толпѣ ничтожествъ, то это во сто разъ хуже, чѣмъ если бы они не сотворили ни одной статуи. Ты—преступникъ передъ родомъ человѣческимъ. Надо работать надъ живымъ матеріаломъ». Но случайные отцы не хотятъ ни этой,—ни иной какой-

либо отвѣтственности. Во имя любви къ дальнему они «ищутъ себя» въ связяхъ съ разными и многими женщинами, которыя рвутся къ нимъ жадно, позорно, съ грубымъ неистовствомъ борьбы за жизнь, съ унизительнымъ всепроникающимъ сознаніемъ, что безъ мужчины міръ для нихъ не существуетъ. Это, впрочемъ, не столько сознаніе, сколько крикъ инстинкта; сознаніе говоритъ иное,—но говоритъ тогда, когда уже поздно. Фигуры женщинъ, отъ которыхъ и «бѣжитъ Габріэль Шиллингъ», бѣжитъ въ смерть, выразительнѣе остального въ драмѣ Гауптмана, въ общемъ не знаменующей шага впередъ въ его творчествѣ.

Переводъ со всей очевидностью показываетъ, какія блага несетъ и намъ, и заинтересованнымъ европейцамъ нынѣ узаконенная въ Россіи охрана ихъ литературныхъ правъ. Купивъ у автора рукопись, издательство Сытина выпустило драму по русски ранѣе появленія ея въ оригиналѣ и закрѣпило за собой всѣ права. Такимъ образомъ, не только читатели, но и театры въ случаѣ постановки обязаны пользоваться этимъ сѣрымъ, плоскимъ переводомъ, не обличающимъ не только умѣнія владѣть художественной рѣчью, но и достаточнаго знакомства съ языкомъ подлинника. То, что томъ in quarto называется здѣсь «книгой квадратнаго формата», олеографія—«портретомъ въ масляныхъ краскахъ», шампанское—«сектомъ», Европа «Эйропой», что переводчикъ говоритъ о «вокзалѣ Шлезиштербангофъ» и т. д.—еще не важно; важнѣе то, что девять десятыхъ передачи не воспроизводитъ ни стиля, ни эмоціональнаго характера репликъ: сплошное «то да не то». Рѣчь русской дѣвицы Маякиной, коверкающей нѣмецкій языкъ, передана совершенно правильнымъ русскимъ языкомъ. Впрочемъ, здѣсь промахнулся и самъ Гауптманъ: такъ, какъ его дѣвица Маякина, ни одинъ русскій по нѣмецки не говоритъ: коверкаютъ, но не такъ. Маякина говоритъ, напримѣръ: «Nur ich leide in solche Umgebung an eine schwere Empfindung von die eigne Geringfügigkeit und Verlassenheit». Тотъ, кто знаетъ такія изысканныя слова, тотъ дѣлаетъ стилистическія ошибки, но не можетъ такъ невѣроятно и сплошь уродовать этимологію и синтаксисъ; падежи путаютъ нѣмцы, путающіе mir и mich: у русскихъ совсѣмъ другія ошибки. Но это между прочимъ, и русскаго перевода не оправдываетъ. Дурные переводы были нашимъ зломъ при свободной конкуренціи; что же будетъ теперь при издательской монополіи? И выигралъ ли Герардъ Гауптманъ, продавъ за деньги право явиться предъ русскими читателями въ достойномъ и неискаженномъ видѣ?

С. Я. Надсонъ. Проза. Дневники. Письма. Собственность Литературнаго Фонда. СПБ. 1912. стр. VI+642+X. Ц. 3 р. Съ шестью фототипіями.

Собственникъ литературнаго наслѣдія Надсона, столь щедро награжденный этимъ наслѣдіемъ за помощь, оказанную умиравшему поэту, Литературный Фондъ достойно ознаменовалъ двадцатипятилѣтіе со дня этой безвременной кончины изданіемъ прозаическихъ произведеній и біографическихъ матеріаловъ, уясняющихъ творчество Надсона. Какъ правильно указано въ предисловіи, «труды поэта встрѣтили сочувственный откликъ среди читателей, которые теперь найдутъ въ этомъ сборникѣ матеріалъ, освѣщающій его личность съ болѣе интимной стороны: его мысли, думы и переживанія въ формѣ непосредственныхъ признаній—дневники, письма, очерки и замѣтки».

Часть этихъ біографическихъ матеріаловъ извѣстна читающимъ. «Литературные очерки» Надсона, изданные въ 1888 г., читались въ свое время съ интересомъ; тогда же появилась на страницахъ «Вѣстника Европы» автобіографія поэта; одинъ изъ беллетристическихъ отрывковъ напечатанъ въ юбилейномъ сборникѣ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ; значительные отрывки изъ дневниковъ и писемъ вошли въ извѣстную біографію, предпосланную посмертнымъ изданіямъ стихотвореній Надсона; наконецъ, нѣкоторыя письма печатались въ повременныхъ изданіяхъ. Книгу открываетъ литературная характеристика Надсона, вышедшая изъ-подъ пера покойнаго П. Ф. Якубовича, поклонника и знатока поэзіи Надсона.

Мы назвали произведенія поэта, собранныя въ этомъ томѣ, «біографическими матеріалами»; и, дѣйствительно, лишь въ качествѣ біографическаго комментарія къ стихотвореніямъ Надсона сохраняютъ значеніе его критическіе очерки и его беллетристическіе наброски, запечатлѣнные автобіографическимъ характеромъ. Особый и, пожалуй, самостоятельный интересъ представляютъ письма Надсона, выразительныя и яркія, рисующія поэта въ разнообразныхъ жизненныхъ положеніяхъ и неизмѣнно подкрѣпляющія симпатіи къ его привлекательному, неизмѣнно печальному облику. Особенно милы письма къ литературному покровителю поэта А. Н. Плещееву, полны живыхъ откликовъ на литературную современность, волновавшую отзывчиваго Надсона. Любопытно, что здѣсь критическія замѣчанія, брошенныя мимоходомъ, подчасъ болѣе интересны, чѣмъ соотвѣтственныя сужденія и оцѣнки въ «Литературныхъ очеркахъ». Напрасно только редакція, скрывъ подъ иниціалами многихъ лицъ, о которыхъ непринужденно писалъ поэтъ въ частныхъ письмахъ, не сдѣлала этого тамъ, гдѣ Надсонъ назвалъ «шельмой» нынѣ живого и извѣстнаго поэта. Это—несомнѣнное «нарушеніе воли».

Въ приложеніи мы находимъ давно необходимый библіографическій обзоръ литературы о Надсонѣ, составленный г. Пиксановымъ

Къ сожалѣнію, здѣсь есть пробѣлы. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 10 февраля 1886 г. поэтъ пишетъ: «Съ большой радостью узналъ я, что недавно меня очень выругалъ «Русскій Вѣстникъ» Убѣдительно прошу васъ немедленно достать этотъ № и прислать мнѣ... Прочелъ я и Суворинскій фельетонъ. Что жъ, можетъ быть, онъ и правъ, и всѣ мы въ самомъ дѣлѣ «маленькіе поэты». Я и не претендую на роль генія» и т. д. Однако ни эта статья «Русскаго Вѣстника», ни фельетонъ Суворина въ указателѣ не отмѣчены. Пропущены также нѣкоторыя статьи, упоминаемыя самимъ поэтомъ въ составленномъ имъ спискѣ «Рецензіи о моей книгѣ». Но и съ этими, конечно, мало значительными пробѣлами работа г. Пиксанова будетъ полезна.

Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Томъ второй. Сергіевъ посадъ. 1912. Стр. VII + 547 + XL. Ц. 3 р.

Проф. Каптеревъ—выдающійся и общепризнанный знатокъ русской церковной старины, и его изслѣдованіе о патріархѣ Никонѣ и царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, богатое фактическимъ содержаніемъ и крайне интересное по выводамъ, является крупнымъ и цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей исторической литературы. Въ этомъ отношеніи вновь вышедшій второй томъ названнаго изслѣдованія нисколько не уступаетъ первому его тому. Подобно первому, этотъ второй томъ заключаетъ въ себѣ изложеніе ряда сложныхъ и трудныхъ вопросовъ русской церковной исторіи XVII столѣтія, для разрѣшенія которыхъ авторъ пользуется не только печатнымъ, но и свѣжимъ архивнымъ матеріаломъ, позволяющимъ ему во многихъ случаяхъ придти къ прочно обоснованнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени любопытнымъ выводамъ. Во второмъ томѣ своего изслѣдованія проф. Каптеревъ прежде всего подвергаетъ разсмотрѣнію вопросъ о судьбѣ Никоновской церковной реформы послѣ паденія самого Никона, указываетъ тѣ условія, какія побуждали и свѣтскую власть, и власти духовныя заботиться о сохраненіи этой реформы, и подробно разбираетъ мѣры, какія были приняты ц. Алексѣемъ Михайловичемъ для признанія правильности церковныхъ исправленій Никона на церковныхъ соборахъ 1666 и 1666—67 гг. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ переходитъ къ вопросу объ отношеніяхъ, установившихся въ московскомъ государствѣ между церковью и свѣтскою властью, и, указывая, что первая находилась въ полной зависимости отъ второй, путемъ обстоятельнаго анализа фактовъ вскрываетъ, какъ далеко шла такая зависимость. Мало того, что патріархъ и епископы назначались въ сущности царями и ими же ограничивались въ своей дѣятельности,—независимыми органами церкви не были и собиравшіеся время отъ времени въ Москвѣ церковные соборы. «Наши церковные московскіе соборы XVI и XVII столѣтій—такъ обоб-

щаетъ проф. Каптеревъ свои наблюденія по этому вопросу—были только простыми совѣщательными учрежденіями при особѣ государя, они были только органами царскаго законодательства по дѣламъ церковнымъ» (104). Царь созывалъ церковные соборы и опредѣлялъ ихъ составъ, царскимъ распоряженіемъ устанавливался предметъ дѣятельности соборовъ и создавались подготовлявшія для нихъ матеріалъ предсоборныя коммиссіи, царь слѣдилъ за работами уже открывшагося собора, направлялъ и видоизмѣнялъ ихъ, иногда передавая ихъ на окончательное утвержденіе боярской думы, наконецъ, порою отказывалъ въ признаніи уже состоявшагося рѣшенія, которое въ такомъ случаѣ утрачивало всякое практическое значеніе. Въ концѣ концовъ «архіереямъ на соборахъ XVI и XVII столѣтій принадлежала самая скромная, малодѣятельная и маловліятельная роль» (108). Въ полномъ согласіи съ общимъ характеромъ русской церковной жизни этой эпохи «въ древне-русскихъ архіереяхъ XVI и XVII столѣтій, какъ дѣятеляхъ на церковныхъ соборахъ, мы видимъ полную безличность и крайнюю угодливость предъ государственною властью, которая, создавъ имъ по правамъ, власти и экономическому положенію исключительно привилегированное положеніе въ государствѣ, сдѣлавъ ихъ богатыми, важными и властными государственными сановниками, взамѣнъ этого требовала отъ нихъ полнаго послушанія себѣ, ревностнаго, беапрекословнаго служенія своимъ видамъ и цѣлямъ» (118). Никонъ, какъ извѣстно, находилъ такой порядокъ ненормальныхъ и, желая сохранить за русскою церковной іерархіей ея матеріальное положеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ являлся поборникомъ независимости духовной власти отъ свѣтской, выставляя даже положеніе, согласно которому «священство выше царства». Съ своей стороны проф. Каптеревъ держится даже того мнѣнія, что въ глазахъ самого Никона только въ этомъ и заключался основной смыслъ его патріаршеской дѣятельности, тогда какъ въ средѣ церковно-обрядовыхъ исправленій вся иниціатива принадлежала ц. Алексѣю Михайловичу, и Никонъ являлся только исполнителемъ, правда, пользовавшимся большою долей самостоятельности. Отстаивая это мнѣніе, авторъ на основаніи обильнаго матеріала, заимствованнаго какъ изъ печатныхъ, такъ и изъ рукописныхъ источниковъ, съ большою обстоятельностью изображаетъ дѣйствія и взгляды Никона въ сферѣ отношеній къ свѣтской власти и до занятія имъ патріаршей каѳедры, и за то время, какъ онъ ее занималъ, и послѣ того, какъ онъ ее покинулъ. Именно въ этотъ послѣдній періодъ взгляды Никона получили наибольшую законченность. „Никонъ,—говоритъ г. Каптеревъ—ранѣе пользовавшійся своимъ особымъ положеніемъ чисто фактически и ранѣе вовсе не думавшій о какомъ-либо его юридическомъ обоснованіи и оправданіи, рѣшилъ, послѣ оставленія имъ патріаршей каѳедры, подвести подъ свое великое государствованіе теоретически правовую основу, доказать его правильность и не-

обходимость, какъ явленія вполнѣ законнаго и истинно-христіанскаго" (180—1). Но именно эта принципіальная защита, осуществленная Никономъ въ его „Возраженіи" газскому митрополиту Паисію Лигариду, избранному царскимъ правительствомъ главнымъ агентомъ въ Никоновскомъ дѣлѣ, и погубила, какъ правильно указываетъ г. Каптеревъ, Никона окончательно. Благодаря ей „съ возвращеніемъ Никона на патріаршій престолъ тѣсно связанъ былъ принципіальный вопросъ объ отношеніи царской власти къ патріаршей": „возстановить Никона на патріаршемъ престолѣ значило признать въ извѣстной мѣрѣ справедливость и законность высказанныхъ имъ притязаній" и „конечное осужденіе Никона сдѣлалось прямо государственной необходимостью, этого требовали интересы верховной государственной власти" (207, 206—7). Между тѣмъ, какъ указываетъ дальше г. Каптеревъ, хотя себѣ лично Никонъ и не сумѣлъ пріобрѣсти расположенія и поддержки ни высшаго, ни низшаго духовенства, къ которому онъ относился высокомѣрно и деспотически, его идея о верховенствѣ духовной власти встрѣтила для себя благопріятную почву среди русскихъ іерарховъ. Чтобы запастись достаточно авторитетнымъ осужденіемъ этой идеи, правительству Алексѣя Михайловича пришлось обратиться къ восточнымъ патріархамъ и, хотя послѣдніе удовлетворили возложенныя на нихъ ожиданія, приславъ соотвѣтствующія заявленія, этого оказалось еще недостаточно. На соборѣ 1667 г., воспользовавшись присутствіемъ двухъ восточныхъ патріарховъ, русскіе архіереи вновь подняли спорный вопросъ и послѣ долгихъ преній, не вошедшихъ, къ слову сказать, въ офиціальныя дѣянія собора и возстановленныхъ проф. Каптеревымъ по рукописной исторіи его, принадлежащей перу Паисія Лигарида, патріархамъ пришлось пойти на нѣкоторыя уступки и признать первенство духовной власти въ церковныхъ дѣлахъ. Правда, эта побѣда русскихъ архіереевъ оказалась въ высшей степени эфемерною, и уже очень скоро, при Петрѣ I, они были поставлены въ еще болѣе тѣсную зависимость отъ свѣтской власти, и самое патріаршество замѣнено синодомъ. Зародышъ послѣдняго, между прочимъ, г. Каптеревъ открываетъ еще въ XVII вѣкѣ, указывая, что, взамѣнъ исполненія пожеланія собора 1667 г. о ежегодномъ созывѣ церковныхъ соборовъ, въ Москвѣ установлено было постоянное совѣщаніе при патріархѣ «очередныхъ» архіереевъ, временно вызываемыхъ для отбыванія этой очереди изъ своихъ епархій.

И въ борьбѣ правительства Алексѣя Михайловича съ Никономъ и вообще съ притязаніями духовной власти, и въ утвержденіи церковно-обрядовой реформы московское правительство нашло себѣ дѣятельную и энергичную поддержку у пріѣзжихъ въ Москву грековъ, авторитетомъ которыхъ и были въ концѣ концовъ рѣшены оба эти вопроса. Соотвѣтственно этому проф. Каптеревъ значительную часть своей книгѣ отводитъ обрисовкѣ роли,

сыгранной этими пріѣзжими греками, и характеристикѣ самыхъ ихъ личностей. Если въ дѣлѣ низложенія Никона главная роль принадлежала Паисію Лигариду, то въ дѣлѣ осужденія соборомъ 1667 г. старообрядчества главнымъ дѣятелемъ явился проживавшій въ Москвѣ аѳонскій архимандритъ Діонисій. Какъ устанавливаетъ авторъ, вліяніе Діонисія было въ данномъ случаѣ такъ велико, что въ самое соборное опредѣленіе вошли дословныя выдержки изъ составленнаго имъ противъ старообрядцевъ сочиненія, въ которомъ онъ выдалъ русскій до-Никоновскій обрядъ, бывшій въ сущности и старымъ греческимъ обрядомъ, за новый и еретическій. Пріѣхавшіе въ Москву патріархи тѣмъ легче приняли это представленіе, что имъ свойственно было «сознательно-тенденціозное стремленіе перестроить всю русскую церковную жизнь по образцу тогдашней греческой, поставить ее въ тѣсную связь и зависимость отъ представителей греческой церкви» (463). И въ самомъ наложеніи соборомъ 1667 г. клятвы на старообрядцевъ исключительно за выполненіе стараго обряда г. Каптеревъ склоненъ видѣть лишь результатъ дѣйствія грековъ. Это, говоритъ онъ, «сдѣлано было исключительно двумя восточными патріархами и другими присутствовавшими на соборѣ греками, почему и нашъ расколъ старообрядчества своимъ формальнымъ происхожденіемъ обязанъ исключительно дѣйствіямъ на соборѣ двухъ восточныхъ патріарховъ, а не русскихъ іерарховъ, которые на соборѣ 1667 г. въ сужденіяхъ о старомъ русскомъ обрядѣ только пассивно подчинялись воздѣйствію двухъ вселенскихъ патріарховъ и другихъ грековъ» (527). Въ сущности же, какъ выяснилъ это проф. Каптеревъ на основаніи изученнаго имъ и частью напечатаннаго въ приложеніяхъ къ его книгѣ архивнаго матеріала, ни названные восточные патріархи, ни ихъ главный помощникъ и руководитель, Паисій Лигаридъ, не имѣли настоящаго права участвовать въ соборѣ 1667 г., такъ какъ первые какъ разъ за свою поѣздку въ Москву и во время этой поѣздки были лишены константинопольскимъ патріархомъ съ его соборомъ своихъ патріаршихъ каѳедръ, а что касается до другого, то «въ дѣйствительности это былъ запрещенный архіерей-авантюристъ, лишенный своимъ патріархомъ каѳедры и самаго сана, но съ замѣчательною смѣлостью, благодаря подложнымъ грамотамъ, долго разыгрывавшій въ Москвѣ роль дѣйствительнаго газскаго митрополита и выпрашивавшій у царя значительныя суммы на уплату долговъ своей не существующей епархіи» (517). Правительству Алексѣя Михайловича, озабоченному спасеніемъ авторитета собора 1667 г., послѣ долгихъ хлопотъ, доходившихъ до обращенія къ султану и его великому визирю съ просьбой воздѣйствовать на константинопольскаго патріарха, удалось добиться возстановленія александрійскаго Паисія и антіохійскаго Макарія на патріаршихъ престолахъ, но по отношенію къ Паисію Лигариду самыя настойчивыя хлопоты не дали вполнѣ

благопріятныхъ результатовъ, и онъ въ концѣ концовъ такъ и умеръ въ Россіи запрещеннымъ архіереемъ. И, если реформа Никона, грубая, поспѣшная и необдуманная, все же имѣла то значеніе, что подорвала исключительное самомнѣніе русскаго общества и открыла широкую дорогу къ заимствованіямъ, то разыгравшаяся при низложеніи Никона и одновременномъ утвержденіи его церковно-обрядовой реформы исторія съ пріѣзжими греками должна была, по мнѣнію г. Каптерева, оттолкнуть русское общество отъ грековъ и скорѣе направить его вниманіе на европейскій Западъ, тѣмъ самымъ до извѣстной степени подготовляя и появленіе западника-Петра.

Таково въ общихъ и бѣглыхъ чертахъ содержаніе новой книги проф. Каптерева. Не со всѣми выводами, въ ней заключающимися, возможно, на нашъ взглядъ, безусловно согласиться. Такъ, думается, уважаемый авторъ едва-ли правъ, приписывая всю иниціативу въ дѣлѣ церковно-обрядовой реформы ц. Алексѣю Михайловичу и изображая Никона въ этой области только исполнителемъ царскихъ предначертаній. Правильность такого изображенія не была доказана авторомъ въ первомъ томѣ его изслѣдованія, осталась она недоказанной и во второмъ. Тотъ аргументъ, что Никонъ послѣ своего ухода съ патріаршества какъ будто уже вовсе и не интересовался церковно-обрядовой реформой, врядъ-ли можетъ имѣть серьезное значеніе. Церковной реформѣ въ это время не угрожала никакая опасность со стороны властей, а заниматься теоретическими разсужденіями безъ крайней къ тому нужды было вовсе не въ характерѣ Никона. Самъ проф. Каптеревъ указываетъ, что во время своего патріаршества Никонъ просто фактически пользовался великимъ государствованіемъ, но это нисколько не мѣшаетъ автору признавать, что и въ это время будущій литературный противникъ Паисія Лигарида былъ поборникомъ, по меньшей мѣрѣ, независимости духовной власти. Нѣкоторое преувеличеніе допускаетъ, далѣе, авторъ и тогда, когда утверждаетъ, что порядокъ полнаго подчиненія церкви государству до Никона «всѣми признавался правымъ, законнымъ и нормальнымъ» и только Никонъ нашелъ его неправильнымъ (120—1). Впрочемъ, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло скорѣе съ неудачнымъ выраженіемъ, чѣмъ съ невѣрною мыслью, такъ какъ и самъ авторъ указываетъ нѣкоторыхъ предшественниковъ и современниковъ Никона на архіерейскихъ каѳедрахъ, которые держались той же практики и тѣхъ же взглядовъ. И, конечно, не такъ легко многіе русскіе архіереи на соборѣ 1667 г. стали бы на сторону теорій Никона, если бы у этихъ теорій не было нѣкоторыхъ корней въ русской почвѣ. Точно также, думается, лишь нѣкоторое своеобразіе выраженій приходится видѣть въ объясненіи власти московскихъ государей надъ церковью, даваемомъ авторомъ въ одномъ мѣстѣ его книги и сводящемся къ тому, что русскіе архіереи, не привыкшіе

къ самодѣятельности, послѣ разрыва съ Константинополемъ нуждались въ новомъ авторитетѣ и нашли его въ лицѣ «царей московскихъ, которые, какъ знатоки церковныхъ дѣлъ, считали одной изъ своихъ главныхъ обязанностей наблюдать за теченіемъ всей церковной жизни» (115). «Знатоками церковныхъ дѣлъ», конечно, цари московскіе были во всякомъ случаѣ не большими, чѣмъ архіереи. Несравненно болѣе серьезный и глубокій споръ возможенъ по поводу главнаго тезиса проф. Каптерева,—что расколъ въ русской церкви созданъ греками, а не русскими іерархами. Въ той формѣ, въ какой поставленъ у автора этотъ тезисъ, онъ способенъ вызвать рядъ серьезныхъ возраженій. Начать съ того, что, какъ указываетъ и самъ г. Каптеревъ, никто иной, какъ константинопольскій патріархъ въ отвѣтъ на вопросы Никона о разностяхъ въ церковныхъ обрядахъ увѣщевалъ его не придавать чрезмѣрнаго значенія мелкимъ обрядовымъ различіямъ, но въ русскихъ условіяхъ этотъ совѣтъ оказался безплоднымъ. Иною, конечно, была роль пріѣхавшихъ въ Москву патріарховъ антіохійскаго и александрійскаго, но не надо забывать, что и они зависѣли здѣсь не только отъ своего руководителя Діонисія, но и отъ окружавшей ихъ русской среды. Устанавливая рѣзкую противоположность въ отношеніяхъ къ старообрядчеству собора 1666 г., состоявшаго изъ однихъ русскихъ іерарховъ, и собора 1667 г., авторъ сильно преувеличиваетъ примирительныя тенденціи перваго изъ этихъ соборовъ и успѣхъ такихъ тенденцій. Въ частности, когда онъ утверждаетъ, что результаты этого собора внесли сомнѣнія даже въ умы сохранившихъ передъ нимъ свою твердость главныхъ учителей раскола, онъ въ подтвержденіе этого приводитъ такія мѣста изъ ихъ сочиненій, которыя въ контекстѣ имѣютъ совершенно иное значеніе или относятся къ совсѣмъ другимъ моментамъ. Съ другой стороны, не менѣе натянутымъ представляется и утвержденіе автора, будто «по убѣжденію русскихъ, восточные патріархи затѣмъ именно и прибыли въ Москву, чтобы принести съ собою на Русь слова любви, успокоенія и мира» (367), утвержденіе, аргументированное выдержками изъ тѣхъ привѣтственныхъ рѣчей, какія говорились патріархамъ въ Москвѣ и какія самъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ своей книги называетъ «очень витіеватыми, но въ то же время совершенно безсодержательными» (333). Возвратить обрядовому спору его истинное значеніе было крайне трудно въ виду особенностей самой русской среды. А какъ мало при разгорѣвшейся борьбѣ страстей въ Москвѣ искали не формальнаго только, а реальнаго авторитета, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ подробно разсказанная проф. Каптеревымъ исторія обнаруженія дѣйствительнаго положенія двухъ бывшихъ въ Москвѣ патріарховъ и Паисія Лигарида, обнаруженія, вызвавшаго у московскихъ властей лишь желаніе поскорѣе замять скандалъ и оставить все сдѣланное на мѣстѣ.

Можно было бы, пожалуй, указать въ книгѣ г. Каптерева и еще нѣкоторые частные пункты, способные вызвать возраженія, но всѣ такія возраженія нисколько не подрываютъ важнаго значенія этой книги. И для тѣхъ, кто не во всемъ согласится съ авторомъ, книга проф. Каптерева все же останется въ высшей степени цѣннымъ и богатымъ содержаніемъ трудомъ, мимо котораго нельзя пройти никому, кто серьезно интересуется русской исторіей XVII вѣка.

В. Я. Богучарскій. Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX вѣка.—Партія «Народной Воли», ея происхожденіе, судьбы и гибель.—М. 1912. Стр. IV+483. Ц. 3 р.

Эпоха конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ XIX вѣка, явившаяся эпохой рѣшительнаго перелома въ русскомъ революціонномъ движеніи, до сихъ поръ еще остается крайне мало изслѣдованной въ нашей литературѣ, и этой-то эпохѣ посвятилъ г. Богучарскій свою новую книгу, составившуюся изъ статей, первоначально печатавшихся авторомъ въ «Русской Мысли», при чемъ въ отдѣльномъ изданіи эти статьи подверглись значительной переработкѣ. Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Богучарскій самъ пытается опредѣлить ея значеніе. «О всей неполнотѣ своего изслѣдованія—говоритъ онъ—авторъ отдаетъ себѣ совершенно ясный отчетъ. Но, какова бы ни была неполнота его работы и каковы бы ни были другіе ея недостатки, авторъ считаетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ сознаніемъ, что его работа является въ русской исторической литературѣ первой попыткой систематизировать, подвергнуть критической разработкѣ и объединить въ цѣльный очеркъ, сверхъ относящихся сюда данныхъ изъ источниковъ, болѣе или менѣе общеизвѣстныхъ, также въ количественномъ отношеніи весьма значительные и въ качественномъ не рѣдко очень важные, но крайне разбросанные, издававшіеся преимущественно за границею или являвшіеся произведеніями русской тайной печати, составляющіе весьма часто библіографическія рѣдкости и потому потребовавшіе для ихъ собиранія многолѣтнихъ, спеціальныхъ изысканій, матеріалы по исторіи русскаго освободительнаго движенія въ одну изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ русской жизни. Кромѣ печатной литературы предмета авторъ пользовался и нѣкоторыми новыми документами, а также въ высшей степени цѣнными свѣдѣніями, сообщенными ему многими прямыми участниками или свидѣтелями различныхъ событій разсматриваемаго въ настоящей работѣ движенія» (I—II). И книга г. Богучарскаго, дѣйствительно, содержитъ въ себѣ немалое количество основательно забытыхъ, мало извѣстныхъ или даже остававшихся до сихъ поръ вовсе неизвѣстными фактовъ и въ высшей степени цѣнныхъ документовъ и съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ большого вниманія со стороны всѣхъ тѣхъ, кто интересуется исторіей русскаго политическаго движенія.

Нѣсколько иное, однако, приходится сказать объ этой книгѣ, если разсматривать ее, какъ попытку «цѣльнаго очерка» того движенія, которому она посвящена. По скольку такой очеркъ долженъ былъ заключать въ себѣ не простое изложеніе отдѣльныхъ фактовъ и документовъ, а болѣе или менѣе систематическую исторію политическаго движенія эпохи, онъ рѣшительно не удался г. Богучарскому. Давая немало цѣнныхъ матеріаловъ для исторіи народовольческаго движенія, книга г. Богучарскаго не даетъ, тѣмъ не менѣе, читателю исторіи этого движенія. И дѣло здѣсь не только въ техническихъ недочетахъ данной работы. Правда, техническихъ недочетовъ въ книгѣ г. Богучарского не мало. Ей прежде всего недостаетъ архитектурной стройности. По своей архитектоникѣ она напоминаетъ скорѣе разсужденіе, имѣющее въ виду лишь утвержденіе опредѣленныхъ, заранѣе постановленныхъ тезисовъ, чѣмъ историческое изслѣдованіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ нерѣдко загромождаетъ свою книгу излишнимъ балластомъ, то вводя въ свое изложеніе мало интересный и совершенно ненужный для прямыхъ его цѣлей сырой матеріалъ, то вдаваясь въ пространную полемику съ такими авторами, какъ г. Л. Тихомировъ. Но важнѣе всѣхъ этихъ недочетовъ изложенія основной недостатокъ книги г. Богучарскаго, сводящійся въ тому, что автору остаются въ сущности чужды задачи и пріемы историка. Благодаря этому, въ книгѣ г. Богучарскаго представлена, да и то съ недостаточной полнотой, лишь внѣшняя сторона изслѣдуемыхъ имъ фактовъ, а обращеніе автора съ этими фактами и отношеніе его къ источникамъ подчасъ отличаются большою наивностью. Г. Богучарскій, напримѣръ, съ большою торжественностью устанавливаетъ тотъ фактъ, что «Народная Воля» была, строго говоря, не партіей, а тайнымъ обществомъ. Это, конечно, совершенно безспорно. Но г. Богучарскому этого мало, онъ идетъ дальше и подсчитываетъ, что «всѣхъ членовъ Исполнительнаго Комитета было съ момента его рожденія и до смерти —44 человѣка», а, сдѣлавъ такой подсчетъ, патетически восклицаетъ: «вотъ были тѣ силы, съ которыми имѣло дѣло всемогущее правительство на протяженіи цѣлыхъ шести лѣтъ!» (46). Такое восклицаніе, пожалуй, естественно въ устахъ памфлетиста. Историкъ бы, вѣроятно, вспомнилъ какъ то, что не всѣ народовольцы были членами Исполнительнаго Комитета, такъ и то, что силы заговора и тайнаго общества измѣряются не только количествомъ его членовъ, но и окружающей его атмосферой общественнаго сочувствія или несочувствія. Въ другихъ главахъ своей книги г. Богучарскій говоритъ, правда, объ отношеніи къ народовольцамъ разныхъ группъ русскаго общества, но и здѣсь его пріемы изслѣдованія оставляютъ желать многаго. Такъ, напримѣръ, онъ утверждаетъ, что матеріальныя средства «Народной Воли» были весьма невелики. Это опять-таки совершенно безспорно, но и это безспорное положеніе авторъ умудрился представить въ карикатурномъ видѣ. Онъ под-

считалъ именно по *Листкамъ Народной Воли* сумму пожертвованій, поступившихъ въ народовольческую кассу за время съ 4 октября 1879 г. по 20 августа 1880 г., получилъ цифру около $7^1/_2$ тыс. р. и такъ какъ двухъ «Листковъ» за это время недостаетъ, великодушно удвоилъ эту цифру, высчитавъ такимъ путемъ годичный бюджетъ Исполнительнаго Комитета въ 15.000 р. (238—9). Эта цифра, конечно, до смѣшного ничтожна, но значеніе ея нѣсколько измѣнится въ нашихъ глазахъ, если мы примемъ во вниманіе то, упущенное изъ виду г. Богучарскимъ, обстоятельство, что въ названныхъ «Листкахъ» публиковались отчеты не обо всѣхъ пожертвованіяхъ, а лишь о тѣхъ, о поступленіи которыхъ въ кассу нужно было этимъ путемъ довести до свѣдѣнія жертвователей, и наряду съ этимъ непосредственно къ членамъ Исполнительнаго Комитета поступали и другія, нерѣдко гораздо болѣе крупныя, пожертвованія, о которыхъ въ упомянутыхъ отчетахъ не помѣщалось никакихъ свѣдѣній. Приведемъ еще одинъ примѣръ отношенія г. Богучарскаго къ источникамъ. Нѣсколько времени тому назадъ г. Петрункевичъ пустилъ въ оборотъ фантастическій разсказъ, будто бы покойный Н. К. Михайловскій въ концѣ 1878 года уклонился отъ какихъ-либо совмѣстныхъ дѣйствій съ либеральными земцами, такъ какъ находилъ конституцію ненужной и даже вредной для народа. Въ печати было уже указано все неправдоподобіе этого разсказа, стоящаго въ рѣзкомъ противорѣчіи съ печатными выступленіями Н. К. Михайловскаго въ 1878 г. Эти выступленія извѣстны и г. Богучарскому. Но вмѣсто того, чтобы въ виду ихъ заподозрить точность воспоминаній г. Петрункевича, написанныхъ черезъ 30 лѣтъ послѣ разсказываемыхъ въ нихъ событій, г. Богучарскій на основаніи этихъ воспоминаній уличаетъ покойнаго писателя въ непослѣдовательности и съ самымъ серьезнымъ видомъ обѣщаетъ въ другой разъ подробнѣе «остановиться на противорѣчіяхъ въ политическихъ воззрѣніяхъ Михайловскаго» (399—400).

Недостаточная умѣлость въ обращеніи съ подлежащимъ изслѣдованію матеріаломъ соединяется, вдобавокъ, у автора разбираемой книги съ отсутствіемъ правильной и широкой исторической перспективы, благодаря чему изображаемая имъ картина получаетъ черезчуръ внѣшній и формальный характеръ, и все это вмѣстѣ дѣлаетъ цѣнность работы г. Богучарскаго, какъ историческаго изслѣдованія, весьма небольшой и условной. Но это обстоятельство, конечно, не ослабляетъ значенія названной книги, какъ собранія цѣнныхъ матеріаловъ. Особенно интересны въ этомъ смыслѣ тѣ главы книги, въ которыхъ идетъ рѣчь не о народовольцахъ и не о либеральныхъ политическихъ теченіяхъ, а о тѣхъ реакціонныхъ или, точнѣе говоря, добровольческихъ сыскныхъ организаціяхъ, которыя подъ именемъ «Добровольной Охраны» и «Священной Дружины» возникли въ средѣ высшаго петербургскаго общества послѣ 1 марта 1881 г. и, надѣвъ на себя маску либераловъ, съ одной стороны, затѣвали переговоры съ

народовольцами, стремясь выяснить составъ Исполнительнаго Комитета, а съ другой—организовали постановку за границей, при участіи М. П. Драгоманова, либеральнаго журнала «Вольное Слово», поставивъ въ число задачъ этого журнала борьбу съ терроромъ. До сихъ поръ дѣятельность этихъ тщательно законспирированныхъ въ свое время организацій была извѣстна лишь въ крайне смутныхъ и неопредѣленныхъ очертаніяхъ. Въ книгѣ г. Богучарскаго она впервые разсказана на основаніи документальныхъ данныхъ съ большими подробностями и, хотя этотъ разсказъ оставляетъ еще недостаточно выясненными кой-какіе частные пункты, онъ во всякомъ случаѣ представляетъ выдающійся интересъ и уже одна его наличность въ книгѣ г. Богучарскаго дѣлаетъ послѣднюю цѣннымъ вкладомъ въ небогатую литературу, относящуюся къ исторіи 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Анри Бергсонъ. Матерія и Память. Изслѣдованіе объ отношеніи тѣла къ духу. Перев. съ французск. А. Баулеръ. Спб. 1911 г. VIII+268 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Съ появленіемъ перевода книги Бергсона «Матерія и Память» русскій читатель имѣетъ передъ собой «всего Бергсона». Извѣстно, что Бергсонъ написалъ три книги. Сверхъ разбираемой теперь нами книги, Бергсонъ написалъ еще слѣдующія: «Творческая эволюція» (переводъ которой появился въ 1909, при чемъ по поводу этой книги въ № 6 «Русск. Бог.» за 1909 г. была помѣщена статья: «Философія Анри Бергсона») и «Время и свобода воли» (русскій переводъ появился въ 1911 г., а въ № 5 «Русск. Бог.» за 1911 г. была помѣщена на него рецензія).

Обыкновенно считаютъ книгу Бергсона «Творческая Эволюція» самымъ важнымъ его трудомъ, завершающимъ развитіе его идей. Конечно, человѣку, который захотѣлъ бы познакомиться съ философіей Бергсона по одной какой-либо его работѣ, придется указать на «Творческую Эволюцію», которая, будучи послѣднимъ трудомъ Бергсона, дѣйствительно, является какъ бы завершеніемъ цикла его идей. Но если захотятъ глубоко понять идеи Бергсона, если захотятъ, такъ сказать, прослѣдить корни его философіи, тогда важнѣйшимъ изъ его трудовъ является разбираемая теперь нами его книга «Матерія и Память».

Желая построить свою философію безъ всякихъ предвзятыхъ идей о матеріи и духѣ, Бергсонъ исходитъ изъ такого утвержденія: «я нахожусь въ присутствіи образовъ,—принимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ,—образовъ воспринимаемыхъ, когда я настораживаю свои пять чувствъ, и невоспринимаемыхъ, когда мои пять чувствъ бездѣйствуютъ» (стр. 1). Но наше тѣло есть тоже образъ и при томъ столь исключительный, что *«все происходитъ, какъ будто въ совокупности образовъ, которую я называю вселенной, ничто дѣйствительно новое не можетъ возникнуть иначе,*

какъ при посредствѣ какихъ то особыхъ образовъ, типъ которыхъ мнѣ являетъ мое тѣло» (стр. 2—3). Изучая взаимодѣйствіе между образами, мы замѣчаемъ, «что одни и тѣ же образы могутъ одновременно входить въ двѣ различныя системы; одна изъ нихъ принадлежитъ *знанію*, гдѣ каждый образъ, отнесенный къ самому себѣ, имѣетъ абсолютное значеніе, другая составляетъ міръ *сознанія*, гдѣ всѣ образы приноровлены къ центральному образу, нашему тѣлу, слѣдуя за его измѣненіями» (стр. 11).

Обрисовавши такимъ образомъ свое общее положеніе, Бергсонъ переходитъ къ изученію вопросовъ о воспріятіи, о представленіи и о памяти. Основную ошибку въ теоріяхъ воспріятія Бергсонъ видитъ въ томъ, что воспріятію придаютъ познавательный характеръ, думаютъ, что оно служитъ для выработки представленій, тогда какъ «нервная система совсѣмъ не есть аппаратъ для образованія или даже подготовленія представленій» (стр. 17). «Мозгъ есть орудіе дѣйствія, а не представленія» (стр. 67). Воспріятіе есть двигательная реакція организма. Рефлексъ есть просто-отраженное движеніе, а воспріятіе есть сложно-отраженное движеніе: движеніе, прошедшее сквозь сложную и неопредѣленную организацію. Если психологи придаютъ воспріятію познавательный характеръ, то это лишь потому, что они не умѣютъ отличать чистаго воспріятія отъ воспріятія конкретно-даннаго. Чистое воспріятіе есть только двигательная реакція, при содѣйствіи которой организмъ приспособляется къ тому, что ему полезно; тогда какъ воспріятіе, данное въ каждомъ конкретномъ случаѣ, осложняется памятью.

Такимъ образомъ Бергсонъ приходитъ къ изученію вопроса о памяти. Онъ различаетъ въ памяти два элемента. «Прошедшее,—говоритъ онъ, на стр. 71,—переживаетъ себя въ двухъ различныхъ формахъ: 1) въ двигательныхъ механизмахъ, 2) въ независимыхъ воспоминаніяхъ... Узнаваніе присутствующаго предмета совершается при помощи движеній, когда оно исходитъ отъ объекта, при помощи представленій, когда оно исходитъ отъ субъекта». Эта интересная теорія «двухъ формъ памяти» развита Бергсономъ весьма подробно, какъ на основаніи явленій нормальной памяти, такъ и на основаніи патологическихъ случаевъ.

Въ pendant къ «чистому воспріятію», которое, какъ мы видѣли, есть только двигательная реакція, слѣдовательно, нѣчто матеріальное, Бергсонъ создаетъ ученіе о «чистомъ воспоминаніи». Чистое воспоминаніе не имѣетъ никакой актуальной силы, оно не затрагиваетъ никакой опредѣленной части тѣла: «чистое воспоминаніе, будучи непротяженно и безсильно, совершенно непричастно къ ощущенію» (стр. 148). Реально наши воспоминанія являются комбинаціей «чистаго воспоминанія» и двигательной реакціи. Совокупность нашихъ воспоминаній Бергсонъ схематически изображаетъ въ формѣ конуса, въ неподвижномъ основаніи котораго лежатъ наши воспоминанія, а подвижная вершина котораго соотвѣт-

ствуетъ нашему настоящему, при чемъ эта вершина упирается въ плоскость, соотвѣтствующую нашему «актуальному представленію вселенной».

Такимъ образомъ «тѣло, всегда направленное въ сторону дѣйствія, имѣетъ основной функціей ограничивать, въ виду дѣйствія, жизнь духа. По отношенію къ представленіямъ оно—орудіе выбора, и только выбора. Оно не можетъ ни порождать умственнаго состоянія, ни быть причиной его. Мѣстомъ, которое оно занимаетъ въ каждое мгновеніе во вселенной, наше тѣло отличаетъ части и аспекты матеріи, на кои мы могли бы воздѣйствовать: наше воспріятіе, точно измѣряющее наше внутреннее дѣйствіе на вещи, ограничивается, такимъ образомъ, предметами, которые актуально вліяютъ на наши органы и приготовляютъ наше движеніе. Роль тѣла не накоплять воспоминанія, но просто выбирать полезное воспоминаніе, то, что дополнитъ и освѣтитъ наличное положеніе въ виду дѣйствія, ясно выявляя его въ сознаніи дѣйствительной силой, которую оно ему придаетъ» (стр. 190).

Вышеизложенная теорія памяти, которая, по заявленію самого автора (стр. 253), есть «центръ» его работы, имѣетъ не только психологическое, но и метафизическое значеніе. Авторъ самъ указываетъ, что его теорія памяти несовмѣстима съ утвержденіемъ, «что мы строимъ матерію изъ нашихъ внутреннихъ состояній, что воспріятіе есть только правдивая галлюцинація» (стр. 257). Его ученіе о памяти и воспріятіи приводитъ къ реалистической концепціи матеріи. Наши воспріятія выбираютъ изъ матеріи все то, что нужно намъ для дѣйствія, а не видоизмѣняютъ эту матерію, какъ думаютъ идеалисты. «*Матерія есть нѣчто сверхъ того, а не отличное отъ того, что дано фактически*» (стр. 63).

Ученіе Бергсона слѣдуетъ признать и глубокомысленнымъ, и въ значительной степени вѣрнымъ. Но мы думаемъ, что Бергсонъ съ такимъ усердіемъ доказывалъ то, что наше тѣло есть только передатчикъ движенія, и то, что «чистое воспріятіе» отлично обходится безъ представленія,—что онъ невольно далъ въ руки матеріализма новое орудіе. Поэтому когда мы читаемъ у него, напр., на стр. 160—161, слѣдующее: «тотъ особый образъ, который держится среди другихъ образовъ, и который я называю своимъ тѣломъ, представляетъ въ каждое мгновеніе... поперечный разрѣзъ всемірнаго осуществленія. Это, стало быть, *мѣсто прохожденія* полученныхъ и отосланныхъ движеній, соединительная черта между вещами, на которыя дѣйствую *я* (курсивъ нашъ), и вещами, которыя дѣйствуютъ на *меня* (курсивъ нашъ)», когда мы читаемъ нѣчто подобное, то невольно думаемъ: кто это «я» и «меня», который дѣйствуетъ и на котораго дѣйствуютъ?..

Вѣдь по всему предыдущему выходитъ такъ, какъ будто бы прекрасно можно обойтись и безъ этого «я». Вѣдь все наше тѣло приспособлено исключительно къ дѣйствію, и это дѣйствіе пре-

красно обходится безъ чего-либо посторонняго, ибо даже двигательный элементъ памяти, который, собственно говоря, является выработанной организаціей тѣла,—даже этотъ элементъ есть нѣчто матеріальное, въ сущности могущее прекрасно обойтись безъ пассивныхъ «чистыхъ воспоминаній».

Этотъ упрекъ относится лично къ Бергсону лишь относительно той формы, въ которой развилось его своеобразное ученіе, но по существу его можно сдѣлать всѣмъ волюнтаристамъ. Вѣдь и волюнтаризмъ Шопенгауэра незамѣтно переходилъ въ матеріализмъ. И мы думаемъ, что вообще волюнтаризму не удастся побѣдить матеріализмъ: для побѣды надъ матеріализмомъ нужно въ основу психическихъ явленій поставить не волю-дѣйствіе, а чувство.

Неопредѣленность и двусмысленность Бергсона въ значительной степени обусловливается его произвольнымъ пользованіемъ терминомъ «образъ». Положить идею «образа» въ основу всѣхъ явленій, связанныхъ съ воспріятіемъ и представленіемъ, вполнѣ законно. Но при этомъ нужно твердо помнить, что «образъ» тѣмъ отличается отъ «предмета», что онъ есть продуктъ взаимодѣйствія этого предмета съ чѣмъ-то инымъ (этого утвержденія могутъ не признавать только солипсисты, для которыхъ и «предмета» то никакого нѣтъ). А между тѣмъ это-то Бергсонъ постоянно и забываетъ: можно даже сказать, что вся аргументація Бергсона построена на забвеніи этого обстоятельства. Наприм., на стр. 160 онъ говоритъ: «Будучи образомъ, тѣло не можетъ накоплять образы, такъ какъ оно составляетъ часть образовъ; и поэтому попытки локализировать въ мозгу воспріятія прошлыя или даже наличныя неосновательны: они не въ немъ, это онъ въ нихъ». Это не случайное мѣсто въ книгѣ Бергсона, это его основной аргументъ, разлитый по всей его книгѣ. А между тѣмъ, очевидно, что здѣсь Бергсонъ дѣлаетъ вышеуказанную ошибку. Онъ забываетъ, что мозгъ есть образъ, когда его воспринимаютъ, но не тогда, когда онъ самъ воспринимаетъ, и поэтому утверждать, что мозгъ не можетъ воспринимать образовъ, потому что онъ самъ образъ—значитъ по меньшей мѣрѣ впадать въ ошибку, извѣстную въ логикѣ подъ названіемъ petitio principii. Когда я разсматриваю въ анатомическомъ театрѣ чужой мозгъ, то для меня этотъ чужой мозгъ есть «образъ». Даже когда я думаю о своемъ собственномъ мозгѣ, то и мой мозгъ является для меня «образомъ»; но когда я думаю не о своемъ мозгѣ, *а своимъ мозгомъ*, тогда никоимъ образомъ мой мозгъ не есть образъ. Можно, конечно, утверждать, что люди не думаютъ мозгомъ; это—другое дѣло: здѣсь мы только заявляемъ, что нельзя говорить такъ, какъ говоритъ Бергсонъ, нельзя утверждать, будто люди не могутъ думать мозгомъ потому, что мозгъ есть «образъ». Значительный недочетъ въ ученіи Бергсона въ данномъ случаѣ сдѣлается еще яснѣе, когда мы процитируемъ

слѣдующія его слова: «Что всякая реальность имѣетъ сродство, аналогію, отношеніе съ сознаніемъ, это мы уступили идеализму, назвавъ вещи образами» (стр. 246). Не говоря уже о значительной неувѣренности, сквозящей въ этихъ словахъ («имѣетъ сродство»—но какое? и въ чемъ?—«мы уступили»), отмѣтимъ только, что этимъ еще больше подчеркивается роль «образа», какъ взаимоотношенія между «вещью» и «сознаніемъ» и, слѣдовательно, еще яснѣе становится, что мозгъ есть «образъ» *лишь тогда, когда его воспринимаютъ.*

Хотя Бергсонъ и утверждаетъ (на стр. 243), что онъ довелъ дуализмъ матеріи и духа «до послѣдней крайности», но, назвавши вещи «образами» и заявивши при этомъ, что терминъ «образъ» указываетъ на то, «что всякая реальность имѣетъ сродство... съ сознаніемъ», онъ получилъ возможность дѣлать и такія заявленія, которыя весьма мало согласуются съ дуализмомъ, доведеннымъ «до послѣдней крайности». Но дѣло запутывается еще болѣе его ученіемъ о безсознательныхъ психическихъ явленіяхъ. Бергсонъ признаетъ два психическія состоянія: дѣйствующее, или сознательное (стр. 149) и безсильное, или безсознательное (стр. 189). Онъ говоритъ: «Намъ трудно признать *безсознательныя* психологическія *состоянія* особенно потому, что мы принимаемъ сознаніе за основное свойство психологическихъ состояній, такъ что психологическое состояніе не можетъ перестать быть сознательнымъ, не переставъ, повидимому, существовать. Но если сознаніе только характерный признакъ *настоящаго*, т. е. актуально переживаемаго, т. е. *дѣйствующаго*, тогда то, что не дѣйствуетъ, можетъ не принадлежать сознанію, не переставая, однако, существовать въ иной формѣ» (стр. 148).

Это психическое состояніе, которое не сознается, а существуетъ въ какой-то «иной формѣ», способно внести полную путаницу въ дуализмъ, доведенный «до послѣдней крайности». Мы думаемъ, что противъ принятія существованія безсознательныхъ психическихъ состояній можно привести не только то соображеніе, что съ исчезновеніемъ сознанія, исчезаютъ и психическія состоянія, но еще и заявленіе, что мы просто не понимаемъ, о чемъ идетъ рѣчь, когда говорятъ о безсознательномъ психическомъ состояніи. Мы не можемъ себѣ представить, что останется отъ психическаго явленія, если вычесть изъ него сознаніе. Нервный токъ? Но тогда и будемъ говорить о матеріальномъ явленіи, а не о психическомъ! Не слѣдуетъ только истолковывать эти наши слова, какъ заявленіе, будто мы не признаемъ существованія психическихъ явленій, *не сознаваемыхъ нами.* Напротивъ, мы не только увѣрены въ томъ, что другіе люди переживаютъ психическія состоянія, сознаваемыя ими, но не сознаваемыя нами,—но мы знаемъ также, что у насъ самихъ есть психическія образованія и процессы, которыхъ *въ данный моментъ* мы не сознаемъ. Но мы при этомъ думаемъ, что

эти наши психическія образованія и процессы не безсознательны, а *внѣсознательны*, т. е. что они, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, только *разобщены* съ центральнымъ сознаніемъ нашего даннаго мгновенія (подобно тому, какъ разобщены сознанія двухъ отдѣльныхъ людей). И вотъ почему мы уже много лѣтъ тому назадъ предложили замѣнить терминъ «*безсознательное*» терминомъ «*внѣсознательное*».

Литошенко. Л. Н. Таможенное обложеніе въ Россіи сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій и его значеніе для русскаго сельскаго хозяйства. Изд. Харьковскаго Общества Сельскаго Хозяйства. 1916.

Вопросъ объ установленіи таможенныхъ пошлинъ на иностранныя сельскохозяйственныя машины возникъ у насъ еще въ 50-хъ и 60-хъ годахъ XIX ст. Однако, несмотря на домогательства заводчиковъ, привозъ этихъ машинъ оставался до 80-хъ годовъ безпошлиннымъ, ибо—какъ указывалъ и тарифный комитетъ 1857 г. и тарифная коммиссія 1867 г. — «отечественное машиностроеніе имѣетъ уже достаточную охрану въ высокой стоимости доставки иностранныхъ машинъ въ Россію». Кромѣ того, «для того, чтобы выгоды машиностроительныхъ фабрикантовъ могли быть обезпечены безъ вреда для другихъ отраслей промышленности», имъ было разрѣшено закономъ 1861 г. получать необходимый чугунъ и желѣзо безпошлинно изъ-за границы. Однако въ 1880 г. эта льгота была отмѣнена, ибо выяснилось, что пользованіе ею сопровождалось злоупотребленіями: изъ 149 заводовъ, получившихъ въ 1876 г. разрѣшеніе на безпошлинный ввозъ чугуна и желѣза, 70 заводовъ машиностроеніемъ вовсе не занималось. Сократить же льготу до ея первоначальныхъ размѣровъ, оставивъ право безпошлиннаго привоза металловъ лишь за машиностроительнымъ желѣзнымъ производствомъ, было признано невозможнымъ, ибо нельзя отдѣлить машиностроеніе отъ другихъ отраслей механическаго производства.

Любопытно, что отмѣны этой льготы добивались сами «машиностроители въ союзѣ съ горнопромышленниками», а достигнувъ своей цѣли, они стали жаловаться на «неравенство условій производства», на несправедливое отношеніе къ нимъ со стороны правительства и требовать отъ него наложенія пошлинъ и на предметы ихъ производства. Въ 1885 г. всѣ иностранныя машины были обложены пошлиной въ 50 коп. зол. съ пуда, а въ 1887 г., подъ вліяніемъ повышенія пошлинъ на чугунъ, желѣзо и сталь, обложеніе машинъ увеличено до 70 коп. зол. Результатомъ этого явилось значительное сокращеніе ввоза иностранныхъ машинъ и сильное повышеніе цѣнъ на сельскохозяйственныя машины къ концу 80-хъ годовъ. Однако въ 90-хъ годахъ, когда къ намъ стали проникать новыя изобрѣтенія въ области сельско-хозяйствен-

ной техники, паровые плуги, жнеи съ самосбрасывающимъ приборомъ, сноповязалки и т. п., сельскимъ хозяевамъ удалось добиться безпошлиннаго пропуска различныхъ машинъ и установленія для другихъ пошлины въ 50 коп. золотомъ. Съ тѣхъ поръ эта льгота, предоставленная съ 1898 г. сельско-хозяйственнымъ машинамъ на 5 лѣтъ, была возобновляема нѣсколько разъ. Но заводчики каждый разъ дѣлали новыя попытки добиться ея отмѣны и получить высокія таможенныя пошлины на сельско-хозяйственныя машины.

Л. Н. Литошенко даетъ интересный историческій очеркъ таможеннаго обложенія у насъ сельскохозяйственныхъ машинъ, при чемъ излагаетъ взгляды по этому вопросу, высказываемые различными коммиссіями по пересмотру тарифа на сельско-хозяйственныя машины, а также докладными записками заводчиковъ, съ одной стороны, и сельскихъ хозяевъ, различныхъ организацій и т. д., съ другой стороны. Особенно Вольное Экономическое общество всегда стояло на стражѣ интересовъ сельскаго хозяйства, указывая на то, что «улучшенныя машины составляютъ кровную нужду нашего сельскаго хозяйства; и дать послѣднему дешевыя машины и орудія—значитъ въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ удвоить его производительность», почему оно и считало «священной для себя обязанностью убѣдительнѣйше просить правительство» отказаться отъ таможеннаго обложенія сельскохозяйственныхъ машинъ. И земства неоднократно указывали на то обстоятельство, что «въ настоящее время, при несовершенствѣ русскихъ машинъ, сельское хозяйство становится невозможнымъ безъ хорошихъ заграничныхъ машинъ», при чемъ нѣкоторыя изъ земствъ обращали вниманіе на необходимость снятія пошлинъ на чугунъ, желѣзо и сталь, т. е. на матеріалы, потребные для сельскохозяйственнаго машиностроенія. Но въ правительственныхъ коммиссіяхъ, разсматривавшихъ вопросъ о пошлинахъ на сельскохозяйственныя машины, этотъ коренной вопросъ о пониженіи пошлинъ на матеріалы вовсе не затрагивался

Во второй части своей работы Л. Н. Литошенко выясняетъ, «какими путями русское земледѣліе удовлетворяетъ свой машинный голодъ»; онъ приводитъ подробныя статистическія данныя относительно привоза сельскохозяйственныхъ машинъ и старается прослѣдить вліяніе на цѣны введенія пошлинъ въ 1885 г. и пониженія ихъ въ 1898 году. Онъ устанавливаетъ, далѣе, огромное значеніе земскихъ складовъ въ области снабженія населенія сельскохозяйственными машинами; въ 1908 г. 94 проц. всѣхъ уѣздныхъ земствъ имѣли свои склады земледѣльческихъ машинъ и орудій и оборотныя средства послѣднихъ составляли свыше 7 мил. руб., увеличившись съ 1896 г. въ 7½ разъ (стр. 102). Они продаютъ машины значительно дешевле частныхъ предпріятій, входя въ непосредственныя сношенія съ фабрикантами и начисляя на покупную цѣну лишь незначительный процентъ; это заставляетъ и

частные склады понижать цѣны, «приспособляясь къ земствамъ». Иностранная конкуренція имѣетъ огромное значеніе, «дѣйствуя сдерживающимъ образомъ на аппетиты русскихъ заводчиковъ». Въ случаѣ же вновь введенія или увеличенія таможеннаго обложенія, какъ указываетъ авторъ, цѣны на земледѣльческія машины должны повыситься, такъ какъ ни земскіе склады, начисляя минимальную прибыль, ни заграничные заводчики, сильно сократившіе цѣны для земскихъ складовъ, не въ состояніи будутъ взять на себя пошлину. Русскіе заводчики одержатъ побѣду надъ земскими складами, поднимутъ оптовыя цѣны, и пострадаетъ русскій земледѣлецъ: сельское хозяйство будетъ обложено новой тяжелой податью.

Изслѣдованіе Л. Н. Литошенко составлено обстоятельно и читается съ большимъ интересомъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются.* Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи, по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изд. «Шиповникъ» Спб. 1912.— ***П. Е. Щеголевъ.*** Пушкинъ. Очерки. Ц. 2 р. 50 к. Литературно-художественные альманахи. Кн. XVI. Ц. 1 р. 50 к.

Кн-во «Польза». В. Антикъ и К°. М. 1912 г.—***Н. А. Добролюбовъ.*** Темное царство. Ц. 20 к.—***Его-же.*** Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ. Ц. 10 к.—***Его же.*** Что такое обломовщина? Ц. 10 к.—***Шекспиръ.*** Гамлетъ. Ц. 10 к.—***М. В. Ломоносовъ.*** Избранныя сочиненія. Ц. 20 к.—***Лафкадіо Хёрнъ.*** Японскія сказки. Ц. 20 к.—***Жоржъ Сандъ.*** Замокъ Пиктордю. Ц. 10 к. ***Его же.*** Крылья мужества. Ц. 20 к.—***В. Реймонтъ.*** Изъ дневника. Ц. 20 к.—***Г. Андерсенъ.*** Колонія счастья. Ц. 10 к.—***М. Н. Загоскинъ.*** Рославлевъ или русскіе въ 1812 году. Ц. 30 к.—***Г. Флоберъ.*** Мадамъ Бовари. Ц. 40 к.—***А. Доде.*** Прекрасная Нивернева. Ц. 10 к.—Думы и пѣсни. Составила Анс. Чеботарева. Ц. 10 к.—***Н. В. Гоголь.*** Невскій проспектъ. Ц. 10 к.—***Т. Крачъ.*** Стефанъ Іернъ. Ц. 10 к.—Французско-русскій карманный словарь. Ц. 50 к.

Кн-во «Путь» М. 1912 г.—***Н. А. Бердяевъ.*** А. Я. Хомяковъ. Ц. 1 р. 60 к.—Сборникъ второй. О религіи Льва Толстого. Ц. 1 р. 70 к.—***Л. Дюшенъ.*** Исторія древней церкви. Ц. 2 р.

Кн-во «Прометей». Спб. 1912.—***Ивановъ-Разумникъ.*** Т. I. Литература и общественность. Ц. 1 р. 25 к. Т. II. Творчество и критика. Ц. 1 р. 25 к. Т. III. Великія исканія. Ц. 1 р. 25 к.—***Н. И. Карѣевъ.*** Собраніе сочиненій. Т. I. Исторія съ философской точки зрѣнія. Ц. 1 р. 25 к.—***Н. Мищеевъ.*** Очерки по исторіи всеобщей литературы. Ч. II. Ц. 1 р. 25 к.—***Фридрихъ Ницше.*** Автобіографія. Пер. Ю. М. Антоновскаго. Ц. 1 р.—***С. А. Венгеровъ.*** Въ чемъ очарованіе русской литературы XIX в.—***К. Арабажинъ.*** Этюды о русскихъ писателяхъ. Ц. 1 р. 25 к.

Кн-во «Разумъ» Спб. 1912.—***Вернеръ Зомбартъ.*** Евреи и хозяйственная жизнь. Автогр. пер. п. ред. Г. Гроссмана съ предисл. проф. И. Х.

Озерова. Ч. I. Ц. 1 р. 25 к.—Альманахъ-календарь для всѣхъ. Ц. 25 к.

Изд. «Общественная Польза». Спб. 1912.— ***С. Я. Елпатьевскій.*** Собраніе сочиненій. Т. I. Разсказы. Ц. 1 р.—***Е. Колосовъ.*** Очерки міровоззрѣнія Н. К. Михайловскаго. Ц. 2 р.—***Аленс. Рославлевъ.*** Сказки.

«Кн-ское Т-во Просвѣщеніе». Спб. 1911.—***Г. А. Мачтетъ.*** Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. Д. П. Сильчевскаго. Т. V. Ц. 1 р. ***Ольга Шапиръ.*** Собраніе сочиненій. Т. VII. Любовь. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.— ***А. И. Левитовъ.*** Собраніе сочиненій. Т. VI. Ц. 1 р.—***В. Г. Вальтеръ.*** Рихардъ Вагнеръ, его жизнь, творчество и дѣятельность. Ц. 2 р. 50 к.

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ. Спб. 1912.—***П. П. Гнѣдичъ.*** Соч. Т. V. Волченокъ. Ц. 1 р. 25 к. — ***В. Я. Свѣтловъ.*** Соч. Т. III. Звенья цѣпи. Ц. 1 р. 25 к.—***А. Н. Стернъ.*** Соч. Т. I. На конкурсѣ. Ц. 1 р. Т. II. Выродокъ. Ц. 1 р.—Фіорды. Сборникъ IX. Ц. 1 р. 25 к.—***Николай Мезько.*** Стихотворенія. Ц. 50 к.

Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1912.— Добролюбовъ для школы. Съ вступ. ст. Нестора Котляревскаго. Ц. 2 р.— ***Э. д'Эрвильи.*** Приключенія доисторическаго мальчика. Изд. 3-е. Ц. 80 к. ***А. Тахтерева.*** Какъ летаютъ люди. Ц. 50 к.

Изд. „Iuventus“. Одесса. 1912.— ***Лордъ Биконсфильдъ.*** Давидъ Альрой. Ц. 60 к. — ***Л. Леванда.*** Гнѣвъ и милость магната. Ц. 25 к.— ***Я. Каценельсонъ.*** Маленькій мірокъ. Ц. 10 к.

Кн-во К. Ф. Некрасова. М. 1912.— ***Г. Жулавскій.*** На серебряномъ шарѣ. ***Рих. Демель.*** Странички жизни. Новелла.—***Бенфордъ.*** Ватекъ. Арабская сказка. Ц. 80 к.

Изд. В. М. Саблина. М. 1912.— ***К. Фибихъ.*** Мельникъ Иванъ. Ц. 1 р.—***Его же.*** Дочери рейнской земли. Ц. 2 р.—***Генр. Маннъ.*** Минерва. Ц. 1 р.—***Іоганнъ Іенсенъ.*** Новый свѣтъ. Ц. 1 р.—***Г. Гауптманъ.*** Передъ восходомъ солнца. Праздникъ примиренія. Ц. 1 р. ***Его же.*** Шлюкъ и Яу. Бѣдный Генрихъ. Ц. 1 р.— ***Арнэ Гарборъ.*** Мужчины. Ц. 1 р.— ***А. Артюшковъ.*** Котурнъ и маски. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. кн. магазина П. В. Луковникова. Спб. 1912. — ***Э. Томсонъ-Сетонъ.*** Два маленькихъ дикаря. Пер. Е. П. Лавровой. Ц. 1 р. 25 к.—***В. Авенаріусъ.*** Среди враговъ. Дневникъ юноши, очевидца войны 1812 г. Ц 1 р.—***П. Инфантьевъ.*** На родинѣ первыхъ людей. Ц. 50 к.— ***В. Авенаріусъ.*** Дочь посадничья. Повѣсть для юношества. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1912.— ***Максъ Нордау.*** Дѣдушкины сказки. Пер. Л. П. Никифорова.—***Л. Лидапова.*** Подъ шепотъ листьевъ. Разсказы для дѣтей. Ц. 75 к.—***Сельма Лагерлефъ.*** Святая ночь. Ц. 20 к.— ***К. Эвальдъ.*** Кораллы. Сказки. Ц. 15 к.—***Его же.*** Аистъ и дождевой червь. Ц. 15 к.—***Ел. Буланиной.*** Сказки, легенды и пѣсни Кавказа. Ц. 75 к.—***Я. Душечкинъ.*** Наша рѣчь. Хрестоматія. Кн. IV. Ц. 1 руб. 30 к.—***Д. В. Философовъ.*** Неугасимая лампада. Ц. 1 р.—***М. И. Демковъ.*** Исторія западно-европейской педагогики. Ц. 2 р.—***А. С. Пругавинъ.*** О Львѣ Толстомъ и о толстовцахъ. Очерки, воспоминанія, матеріалы. Ц. 80 к. — ***І. М. Гольдштейнъ.*** Синдикаты и тресты и современ. экономическая политика. Изд. 2-е. Ц. 2 р.—***В. П. Поповъ.*** Химія для самообразованія. Ч. III. Ц. 1 р.—***Эрн. Кандевъ.*** Изгнанники. Повѣсть. Ц. 1 р.—***Л. Н. Никоновъ.*** Практ. занятія по ботаникѣ. Ц. 80 к.— ***И. С. Никитинъ.*** Избранныя стихотворенія. Для дѣтей. Ц. 20 к.— ***А. А. Иванчинъ-Писаревъ.*** Какъ находить воду и устраивать колодцы. Ц. 60 к.—***Н. Чаевъ.*** 1612 г. и избраніе на царство Михаила Феодоровича Романова. Лѣтопись въ лицахъ, въ 5 д. Ц. 25 к.

Изд. М. И. Семенова. 1912 г.— ***Феликсъ Гра.*** Марсельцы. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Ч. I. Революція.

Я. Аранинъ. Стихотворенія. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Игорь Сѣверянинъ. Прологъ „Эгофутуризмъ“. Спб 1911. Ц. 1 р. 50 к.

В. Вегеновъ. Пѣсни нищеты. Спб. 1911. Ц. 50 к.

Н. Гиляровская. Стихи. М. 1912. Ц. 50 к.

М. А. и ***М. К. Вайсбейнъ.*** Юные авіаторы. Спб. 1911. Ц. 1 р.

А. И. Свирскій. Рыжикъ. Приключенія бродяги. 4-е изд. Ц. 1 р. 25 к.

Борисъ Рововъ. Разсказы. Спб. 1912. Ц. 1 р.

Микула Селяниновичъ. Забавныя похожденія свиты Берендея. М. 1912. Ц. 60 к.

О. Рунова. Летящія тѣни. Спб. 1912. Ц. 1 р.

Піо Бароха. Полное собр. соч. Т. I. Приключенія Сильвестра. Парадокса. Ц. 1 р. 25 к. М. 1911

С. Н. Кошкаровъ. Въ родныхъ поляхъ. Ц. 5 к. *Его же.* Осенніе цвѣты. Ц. 5 к.

Сергѣй Гаринъ. Разсказы. Т. II. Ц. 1 р. М. 1911.

Георгій Ивановъ. Отплытіе на о. Цитеру. Поэты. Спб. 1912. Ц. 50 к.

Н. Коробицына. Голоса стихій. М. 1912. Ц. 75 к.

В. П. А—овъ. Григорій Отрепьевъ. Драма. Спб. Ц. 50 к.

С. Д. Бондарь. Англиканская епископальная церковь. Спб. 1911.

А. В. Бабинъ. Исторія С. Американскихъ Соед. Штатовъ. 2 тома. Спб. 1912. Ц. 5 р.

Р. Франсэ. Чувства у растеній. Пер. съ нѣм. Спб. 1912. 60 к.

Эбенизеръ. Гоуардъ. Городъ будущаго. Пер А. Ю. Блокъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Е. Спекторскій. Александръ Львовичъ Блокъ, государствовѣдъ и философъ. Варшава. 1911. Ц. 30 к.

Гр. А. П. Бенигсенъ. Нѣсколько данныхъ о соврем. Монголіи. 1912. Ц. 75 к.

И. В. Нетушилъ. Обзоръ Римской исторіи. Харьковъ. 1911. Ц. 3 р. 25 к.

М. Гершензонъ. Образы прошлаго. Пушкинъ, Тургеневъ, Кирѣевскій, Герценъ, Огаревъ. М. 1912. 3 р.

А. Ѳ. Немировскій. Реформа городского самоуправленія. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

А. А. Кизеветтеръ. Историческіе очерки. М. 1912. Ц. 3 р.

В. Я. Богучарскій. Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XIX в. М. 1912. Ц. 3 р.

Ил. Чернышевъ. Кресгьяне объ общинѣ наканунѣ 9 ноября 1906 г. Спб. Ц. 60 к.

І. Василевскій. Интеллигентная земледѣльческая община. Криница. Изд. 2. Ц. 85 к.—Исторія нашего времени. Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. В. V. Изд. Т-ва бр. А. и И. Гранатъ.

Dr. Victor Uts. Die Besitzverhältnisse d Tatarenbauern im Kreise. Simferopol. Tübingen. 1911.

Вил. Оствальдъ. Основы физической химіи. Авториз. пер. А. Г. Коблянскаго п. ред. проф. П. ф-Веймарна. Спб. 1911. Ц. 5 р.

А. Смитъ Неорганическая химія. Пер. подъ ред. Л. В. Писаржевскаго. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

В. Вундъ. Введеніе въ психологію. Ц. 1 руб. М. 1912.

Н. Пиксановъ. А. С. Грибоѣдовъ. Біогр. очеркъ. Спб. 1911. Ц. 75 к.

Кѣмъ былъ Л. Н. Толстой? Сборн. 1-й сост. Л. П. Никифоровымъ. М. 1912. Ц. 25 к.

П. Муратовъ. Образы Италіи. Т. II. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

М. Швецовъ. Экзаменъ. Драмат. стихотворенія. Вологда. 1912. Ц. 40 к.

Русскіе учителя заграницею. Сборн. М. 1912. Ц. 50 к.

А. Стрекаловъ Русская стенографія по упрощенной системѣ. Тула. Ц. 1 руб.

Энциклопедическій Словарь Т-ва бр. А. и И. Гранатъ и $К_0$ Т. IX. М. 1912.

Новости науки. Непеіодическое изданіе. В. I. Спб. 1912. Ц. 1 р.

„Подорожникъ". Альманахъ для дѣтей. Кн. 1-я. М. 1912. Ц. 75 к.

Календарь „Хлѣбородъ". Харьковъ. 1912. Ц. 20 к.

Докладъ объ оцѣночныхъ работахъ Пензенской губ. З Управы. 1911.

Отчетъ о состояніи Народнаго Здравія за 1909 г. Упр. Гл. врачебнаго Института. Спб. 1911.

1911 г. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Вып. IV и V. Спб. 1911.

Краткій очеркъ состоянія нефтяной промышленности въ 1911 г. Баку. Ц. 1 р. 50 к.

Отчетъ харьковскаго пораіоннаго комитета за 1910 г. Харьковъ. 1911.

Письмо въ редакцію.

М. Г. г-нъ Редакторъ!

Вслѣдствіе полученнаго отъ министерства внутреннихъ дѣлъ разрѣшенія на пріемъ пожертвованій для устройства школьныхъ столовыхъ въ неурожайныхъ мѣстностяхъ, Правленіе Московскаго Общества Грамотности обращается къ русскому обществу съ призывомъ придти на помощь въ неотложномъ дѣлѣ поддержанія здоровья, а часто и жизни крестьянскихъ дѣтей въ народной школѣ. Въ Общество уже поступилъ рядъ просьбъ отъ мѣстныхъ учрежденій и дѣятелей изъ голодающихъ губерній, рисующихъ вопіющія картины народнаго бѣдствія, отразившагося и на школьной жизни. Пропитаніе школьника обходится отъ 1—1½ руб. въ мѣсяцъ, а потому самое незначительное пожертвованіе принесетъ существенную помощь. Общество Грамотности глубоко вѣритъ въ отзывчивость русскаго общества, черпая эту увѣренность въ примѣрѣ прежнихъ голодныхъ годовъ, когда оно могло, благодаря щедрому притоку пожертвованій, широко развить дѣло устройства школьныхъ приварковъ.

Адресъ для пріема личныхъ пожертвованій: 1) Мясницкая, Тургеневская площадь, д. Гурляндъ, кв. 6, М. Р. Юонъ, отъ 12-ти до 5-ти час. дня. Телефонъ 2—31; 2) Спиридоновка, д. 20, контора Долгоруковыхъ, телеф. 161—44, отъ 10 до 3 час. дня; 3) Дѣвичье поле, Трубецкой пер., д. 20, кв. Вахтеровыхъ, тел. 101—24, отъ 4 до 7 час. веч.

Для денежной корреспонденціи: Москва, Смоленскій бульваръ, д. Общества Сельскаго Хозяйства, Московское Общество Грамотности.

Предсѣдатель Правленія *кн. П. Долгоруковъ.*
Членъ Правленія И. *Сахаровъ.*

ОПЕЧАТКИ:

Въ статью Н. С. Русанова „Обозрѣніе иностранной жизни", помѣщенную въ декабрьской книжкѣ 1911 г. вкрались слѣдующія погрѣшности:

— На страницѣ 109, строка 11 снизу напечатано: съ русско-прусской политикой, надо читать: къ русско-прусской политикѣ.— На той же страницѣ, строка 14 снизу напечатано: было, надо читать: дѣло.—На странницѣ 110, строка 10 снизу напечатано: сѣверо-востокѣ, надо читать: сѣверо-западѣ.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Съ благотворительной цѣлью: отъ С. Ю.—20 р.; черезъ М. П.—40 р.; отъ К. И. Постникова—3 р.; отъ неизвѣстнаго—10 р.; въ память студента А. А. Щепкина — 5 р.; отъ саратовцевъ, черевъ П. Б.—6 р.; отъ А. В. Юргелевича—1 р.; черезъ М. П.—38 р.; отъ В. Комбатъ—3 р; отъ В. І. Дмитріевой—20 р. 63 к.; отъ Я. Т. Дуновича, изъ Москвы—1 р.

Итого. . . . 147 р. 63 к.

На школу имени Г. И. Успенскаго: черезъ контору газеты „Русскія Вѣдомости"—5 р.; отъ Ѳ. А. Любовникова—1 р.; отъ А. В. Кулаковой—20 р.

Итого. . . . 26 р. — к.

Въ распоряженіе В. Г. Короленко: отъ Ю. Я. Божовскаго, изъ Кіева—5 р. 50 к.

Редакторъ-издатель ***Вл. Г. Короленко.***

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

ФЕВРАЛЬ. 1912.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 2.

СОДЕРЖАНІЕ:

При этомъ номерѣ разсылается: всѣмъ подписчикамъ 1) Каталогъ Книгоиздательства А. Ф. Девріена (СПБ., Румянцевская площ., собств. домъ). 2) Подписчикамъ по трактамъ съ № 20 по 39, съ № 47 по 55 каталогъ Книжнаго магазина П. П. Глѣбова (СПБ., Петерб. стор., Большой пр., 35). Лица, не получившія означенныхъ каталоговъ, благоволятъ требовать ихъ по указаннымъ адресамъ.

ПРОДАНЫ МИЛЛIОНЫ БАНОКЪ
КРАСОТУ и МОЛОДОСТЬ
ПРИДАЕТЪ КАЖДОЙ ЖЕНЩИНѢ
КРЕМЪ КАЗИМИ МЕТАМОРФОЗА
РАДИКАЛЬНО УДАЛЯЕТЪ ВЕСНУШКИ, ЗАГАРЪ, ПЯТНА, УГРИ, МОРЩИНЫ и ДР. ДЕФЕКТЫ ЛИЦА.
Cazimi Утв. Департ. Торг. и Мануф. за № 4683.
ВСЕРОССIЙСКАЯ ВЫСТАВКА 1896
PATENT
LONDON
BY ROYAL LETTRES PATENT

предохраняетъ

ОТЪ УПОРНЫХЪ ЗАБОЛѢВАНІЙ ЖЕЛУДОЧНО-КИШЕЧНЫХЪ и ПЕЧЕНИ, ОТЛОЖЕНІЙ ПЕСКА и КАМНЕЙ ВЪ ЖЕЛЧНЫХЪ и МОЧЕВЫХЪ ПУТЯХЪ, ПРОЯВЛЕНІЙ РАЗСТРОЙСТВА ОБМѢНА ВЕЩЕСТВЪ, ПОДАГРЫ, ОЖИРѢНІЯ и ДІАБЕТА.

БОРЖОМЪ ПРОДАЕТСЯ: ВЪ АПТЕКАХЪ, АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ, ВЪ РЕСТОРАНАХЪ И БУФЕТАХЪ — ВЪ БУТЫЛКАХЪ И ПОЛУБУТЫЛКАХЪ.

ЭПИЛЕПСІЯ.

Каждый, страдающій этою ужасною болѣзнью, безъ сомнѣнія, прибѣгалъ не къ одному методу лѣченія. Если Вы, однакожъ, принимая иныя средства, не нашли исцѣленія, то совѣтую Вамъ испробовать

Эпилептиконъ д-ра Вейля

(порошки)

и Вы вскорѣ убѣдитесь въ ихъ превосходнѣйшемъ дѣйствіи.

Извѣстный нѣмецкій врачъ, Санит. совѣтникъ Д-ръ мед. Паппе пишетъ слѣдующее: „Я съ удовольствіемъ сообщаю Вамъ, что Вашъ „Эпилептиконъ" Д-ра Вейля дѣйствовалъ весьма успѣшно во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ я таковой примѣнялъ, особенно въ одномъ серьезномъ случаѣ, когда припадки продолжались около 6 час. и повторялись черезъ каждые 3—4 дня, я достигъ примѣненіемъ вышеупомянутаго средства того, что припадки не появляются уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Цѣна большой кор. Р. 4.

исключит. производство

ШВАНЕНЪ АПТЕКА,

Франкфуртъ н-М.

Получить можно во всѣхъ аптекахъ и лучш. аптекарск. магазинахъ.

Генер. представ. для всей Россіи: Трейтлеръ и Бернгардъ, Варшава, ул. Бодуэна, № 3.

КАКЪ КОРРЕСПОНДИРОВАТЬ ВЪ ГАЗЕТЫ?

Побочн. зараб. для кажд. Подробн. просп. за двѣ семик. мар. Адресъ: Кіевъ, Южному Издательству, отд. 31.

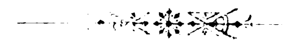
ФЕВРАЛЬ. 1912.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія 1-й Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1912.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ)

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

Посмертныя записки старца Федора Кузьмича,

умершаго 20-го Января 1864 года въ Сибири, близъ города Томска, на заимкѣ купца Хромова.

Еще при жизни старца Федора Кузьмича, появившагося въ Сибири въ 1836 году и прожившаго въ разныхъ мѣстахъ 27 лѣтъ, ходили про него странные слухи о томъ, что это—скрывающій свое имя и званіе, что это—не кто иной, какъ императоръ Александръ I; послѣ же смерти его слухи еще болѣе распространились и усилились. И тому, что это былъ дѣйствительно Александръ I, вѣрили не только въ народѣ, но и въ высшихъ кругахъ, и даже въ царской семьѣ въ царствованіе Александра III. Вѣрилъ этому и историкъ царствованія Александра I, ученый Шильдеръ *).

Поводомъ къ этимъ слухамъ было, во-первыхъ, то, что Александръ умеръ совершенно неожиданно, не болѣвъ передъ этимъ никакой серьезной болѣзнью; во-вторыхъ, то, что умеръ онъ вдали отъ всѣхъ въ довольно глухомъ мѣстѣ—Таганрогѣ; въ-третьихъ, то, что, когда онъ былъ положенъ въ гробъ, тѣ, кто видѣли его, говорили, что онъ такъ измѣнился, что нельзя было узнать его, и что поэтому его закрыли и никому не показывали; въ четвертыхъ, то, что Александръ неоднократно говорилъ, писалъ (и особенно часто въ послѣднее время), что онъ желаетъ только одного: избавиться отъ своего положенія и уйти отъ міра, въ-пятыхъ,—обстоятельство мало извѣстное,—то, что въ прото-

*) Свѣдѣнія объ интересной личности Сибирскаго отшельника читатель найдетъ ниже въ замѣткѣ В. Г. Короленко. *Прим. Ред. „Русск. Бог.“*

колѣ описанія тѣла Александра было сказано, что спина его и ягодицы были багрово-сизо-красныя, что никакъ не могло быть на изнѣженномъ тѣлѣ императора.

Что же касается до того, что именно Кузьмича считали скрывшимся Александромъ, то поводомъ къ этому было, во-первыхъ, то, что старецъ былъ ростомъ, сложеніемъ и наружностью такъ похожъ на императора, что люди (камеръ-лакеи, признавшіе Кузьмича Александромъ), видавшіе Александра и его портреты, находили между ними поразительное сходство: и одинъ и тотъ же возрастъ, и та же характерная сутуловатость; во-вторыхъ, то, что Кузьмичъ, выдававшій себя за непомнящаго родства бродягу, зналъ иностранные языки и всѣми пріемами своими—величавой ласковости обличалъ человѣка, привыкшаго къ самому высокому положенію; въ-третьихъ, то, что старецъ никогда никому не открылъ своего имени и званія, а между тѣмъ невольно прорывающимися выраженіями выдавалъ себя за человѣка, когда-то стоявшаго выше всѣхъ другихъ людей; въ-четвертыхъ, то, что онъ передъ смертью уничтожилъ какія-то бумаги, изъ которыхъ остался одинъ листокъ съ шифрованными странными знаками и иниціалами А. и П.; въ-пятыхъ, то, что, несмотря на всю набожность, старецъ никогда не говѣлъ. Когда же посѣтившій его архіерей уговаривалъ его исполнить долгъ христіанина, старецъ сказалъ: „Если бы я на исповѣди не сказалъ про себя правды, небо удивилось бы; если же бы я сказалъ, кто я,—удивилась бы земля".

Всѣ догадки и сомнѣнія эти перестали быть сомнѣніями и стали достовѣрностью вслѣдствіе найденныхъ записокъ Кузьмича. Записки эти слѣдующія. Начинаются онѣ такъ.

I.

Спаси Богъ безцѣннаго друга Ивана Григорьевича *) за это восхитительное убѣжище. Не стою я его доброты и милости Божіей. Я здѣсь спокоенъ. Народа ходитъ меньше, и я одинъ съ своими преступными воспоминаніями и съ Богомъ. Постараюсь воспользоваться уединеніемъ, чтобы подробно описать свою жизнь. Она можетъ быть поучительна людямъ.

Я родился и прожилъ сорокъ семь лѣтъ своей жизни среди самыхъ ужасныхъ соблазновъ и не только не устоялъ

*) Иванъ Григорьевичъ Латышевъ—это крестьянинъ села Краснорѣчинскаго, съ которымъ Федоръ Кузьмичъ познакомился и сошелся въ 1839 году и который, послѣ разныхъ перемѣнъ мѣста жительства, построилъ для Кузьмича въ сторонѣ отъ дороги, въ горѣ, надъ обрывомъ въ лѣсу келью. Въ этой кельѣ и началъ Кузьмичъ свои записки.

Прим. автора.

противъ нихъ, но упивался ими, соблазнялся и соблазнялъ другихъ, грѣшилъ и заставлялъ грѣшить. Но Богъ оглянулся на меня, и вся мерзость моей жизни, которую я старался оправдать передъ собой и сваливать на другихъ, наконецъ открылась мнѣ во всемъ своемъ ужасѣ. И Богъ помогъ мнѣ избавиться не отъ зла,—я еще полонъ его, хотя и борюсь съ нимъ,—но отъ участія въ немъ. Какія душевныя муки я пережилъ, и что совершилось въ моей душѣ, когда я понялъ всю свою грѣховность и необходимость искупленія (не вѣры въ искупленіе, а настоящаго искупленія грѣховъ своими страданіями),—я разскажу въ своемъ мѣстѣ. Теперь же опишу только самыя дѣйствія мои: какъ я успѣлъ уйти изъ своего положенія, оставивъ вмѣсто своего трупа трупъ замученнаго . . . . до смерти солдата, и приступлю къ описанію своей жизни съ самаго начала.

Бѣгство мое совершилось такъ.

Въ Таганрогѣ я жилъ въ томъ же безуміи, въ какомъ жилъ всѣ эти послѣдніе двадцать четыре года. Я величайшій преступникъ . . . .

. . . .

. . . . . . вѣрилъ тому, что мнѣ про меня говорили, считалъ себя спасителемъ Европы, благодѣтелемъ человѣчества, исключительнымъ совершенствомъ, un heureux hasard *), какъ я сказалъ это m-me Staël. Я считалъ себя такимъ, но Богъ не совсѣмъ оставилъ меня, и недремлющій голосъ совѣсти, не переставая, грызъ меня. Все мнѣ было нехорошо, всѣ были виноваты. Одинъ я былъ хорошъ, и никто не понималъ этого. Я обращался къ Богу, молился то православному Богу съ Фотіемъ, то католическому, то протестантскому съ Парротомъ, то иллюминатскому съ Крюденеръ; но и къ Богу я обращался только передъ людьми, чтобъ они любовались мною. Я презиралъ всѣхъ людей; а эти-то презрѣнные люди, ихъ мнѣніе только и было для меня важно, только ради его я жилъ и дѣйствовалъ. Одному мнѣ было ужасно. Еще ужаснѣе съ нею, съ женою. Ограниченная, лживая, капризная, злая, чахоточная и вся притворство,—она хуже всего отравляла мою жизнь. Nous étions censés проживать **) нашу новую lune de miel ***); а это былъ адъ въ приличныхъ формахъ, притворный и ужасный ****).

---

*) Счастливой случайностью.

**) Полагали, что мы проживали.

***) Медовый мѣсяцъ.

****) По изданной В. К. Николаемъ Михайловичемъ обширной перепискѣ жены Александра, императрицы Елизаветы Алексѣевны, Левъ Николаевичъ имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что изобразилъ ее въ своихъ „Запискахъ Федора Кузьмича“ не такой, какой она въ дѣйстви-

Одинъ разъ мнѣ особенно было гадко. Я получилъ наканунѣ письмо отъ Аракчеева объ убійствѣ его любовницы. Онъ описывалъ мнѣ свое отчаянное горе. И удивительное дѣло: его постоянная тонкая лесть, не только лесть, но настоящая, собачья преданность, начавшаяся еще при отцѣ, когда мы вмѣстѣ съ нимъ, тайно отъ бабушки, присягали ему,—эта собачья преданность его дѣлала то, что, если я любилъ въ послѣднее время кого изъ мужчинъ, то любилъ его; хотя и неприлично употреблять это слово „любилъ", относя его къ этому извергу. Связывало меня съ нимъ еще и то, что онъ не только не участвовалъ въ убійствѣ отца, какъ многіе другіе, которые именно за то, что они были участники .... мнѣ были ненавистны,—онъ не только не участвовалъ, но былъ преданъ отцу и преданъ мнѣ. Впрочемъ, про это послѣ.

Я спалъ дурно. Странно сказать, убійство красавицы, злой Настасьи (она была удивительно чувственно красива), вызвало во мнѣ похоть, и я не спалъ всю ночь. То, что черезъ комнату лежитъ чахоточная, постылая жена, не нужная мнѣ, злило и еще больше мучило меня. Мучили и воспоминанія о Мари (Нарышкиной), бросившей меня для ничтожнаго дипломата. Видно, и мнѣ и отцу суждено было ревновать къ Гагаринымъ. Но я опять увлекаюсь воспоминаніями. Я не спалъ всю ночь. Стало разсвѣтать. Я поднялъ гардину, надѣлъ свой бѣлый халатъ и кликнулъ камердинера. Всѣ еще спали. Я надѣлъ сюртукъ, штатскую шинель и фуражку и вышелъ мимо часовыхъ на улицу.

Солнце только что поднималось надъ моремъ, былъ свѣжій осенній день. На воздухѣ мнѣ сейчасъ же стало лучше. Мрачныя мысли исчезли, и я пошелъ къ игравшему мѣстами на солнцѣ морю. Не доходя до угла съ зеленымъ домомъ, я услыхалъ съ площади барабаны и флейты. Я прислушался и понялъ, что на площади происходила экзекуція: прогоняли сквозь строй. Я, столько разъ разрѣшавшій это наказаніе, никогда не видалъ этого зрѣлища. И странное дѣло (это, очевидно, было дьявольское вліяніе), мысли объ убитой чувственной красавицѣ Настасьѣ и объ разсѣкаемомъ шпицрутенами тѣлѣ солдата сливались въ одно раздражающее

тельности была. Судя по этимъ письмамъ, она представляется личностью высокихъ душевныхъ качествъ, замѣчательно умной, сердечной и благородной. Левъ Николаевичъ говорилъ, что, въ виду этого, онъ, быть можетъ, и измѣнилъ бы свою характеристику Елизаветы Алексѣевны, если бы сталъ продолжать свою работу надъ Федоромъ Кузьмичемъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не скрывалъ и того, что ему жалко было бы разстаться съ своимъ первоначальнымъ представленіемъ о ней и о взаимныхъ отношеніяхъ между обоими супругами, важнымъ для художественнаго обоснованія „ухода" Александра I. *Примѣч. В. Г. Черткова.*

чувство. Я вспомнилъ о прогнанныхъ сквозь строй семеновцахъ и о военно-поселенцахъ, сотни которыхъ были загнаны на смерть, и мнѣ вдругъ пришла странная мысль посмотрѣть на это зрѣлище. Такъ какъ я былъ въ штатскомъ, я могъ это сдѣлать.

Чѣмъ ближе я шелъ, тѣмъ явственнѣе слышалась барабанная дробь и флейта. Я не могъ ясно разсмотрѣть безъ лорнета своими близорукими глазами, но видѣлъ уже ряды солдатъ и движущуюся между ними высокую, съ бѣлой спиной фигуру. Когда же я сталъ въ толпѣ людей, стоявшей позади рядовъ и смотрѣвшей на зрѣлище, я досталъ лорнетъ и могъ разсмотрѣть все, что дѣлалось. Высокій человѣкъ съ привязанными къ штыку, обнаженными руками и съ голой, кое-гдѣ алѣвшей уже отъ крови, разсѣченной бѣлой, сутулой спиной, шелъ по улицѣ солдатъ съ палками. Человѣкъ этотъ былъ я, былъ мой двойникъ. Тотъ же ростъ, та же сутулая спина, та же лысая голова, тѣ же баки, безъ усовъ, тѣ же скулы, тотъ же ротъ и тѣ же голубые глаза; но ротъ не улыбающійся, а раскрывающійся и искривляющійся отъ вскрикиваній при ударахъ, и глаза не умильные, ласкающіе, а страшно выпяченные и то закрывающіеся, то открывающіеся.

Когда я вглядѣлся въ лицо этого человѣка, я узналъ его. Это былъ Струменскій, солдатъ, лѣво-фланговый унтеръ-офицеръ 3-ей роты Семеновскаго полка, въ свое [время] *) извѣстный всѣмъ гвардейцамъ по своему сходству со мной. Его шутя называли Александромъ II.

Я зналъ, что онъ былъ вмѣстѣ съ бунтовавшими семеновцами переведенъ въ гарнизонъ, и понялъ, что онъ, вѣроятно, здѣсь, въ гарнизонѣ, сдѣлалъ что-нибудь, вѣроятно, бѣжалъ, былъ пойманъ, и вотъ наказывается. Какъ я потомъ узналъ, такъ это и было.

Я стоялъ, какъ заколдованный, глядя на то, какъ шагалъ этотъ несчастный, и какъ его били, и чувствовалъ, что что-то во мнѣ дѣлается. Но вдругъ я замѣтилъ, что стоявшіе со мной люди, зрители, смотрятъ на меня; одни сторонятся, другіе приближаются. Очевидно, меня узнали. Увидавъ это, я повернулся и быстро пошелъ домой. Барабаны все били, флейта играла; стало-быть, казнь все продолжалась. Главное чувство мое было то, что мнѣ надо было сочувствовать тому, что дѣлалось надъ этимъ двойникомъ моимъ. Если не сочувствовать, то признавать, что дѣлается то, что должно; и я чувствовалъ, что я не могъ. А между тѣмъ, я чувство-

---

*) Слова въ прямыхъ скобкахъ вставлены редакторами изданія посмертныхъ художественныхъ произведеній Л Н. Толстого. *Прим. Ред.*

валъ, что если я не признаю, что это такъ и должно быть, что это хорошо, то я долженъ признать, что вся моя жизнь, всѣ мои дѣла — все дурно, и мнѣ надо сдѣлать то, что я давно хотѣлъ сдѣлать: все бросить, уйти, исчезнуть.

Чувство это охватило меня. Я боролся съ нимъ; я то признавалъ, что это такъ и должно быть, что это печальная необходимость, то признавалъ, что мнѣ надо было быть на мѣстѣ этого несчастнаго. Но, странное дѣло, мнѣ не жалко было его, и я, вмѣсто того, чтобы остановить казнь, только боялся, что меня узнаютъ, и ушелъ домой.

Скоро перестало быть слышно барабаны, и вернувшись домой, я какъ будто освободился отъ охватившаго меня тамъ чувства, выпилъ свой чай и принялъ докладъ отъ Волконскаго. Потомъ обычный завтракъ, обычныя, привычныя, тяжелыя, фальшивыя отношенія съ женой; потомъ Дибичъ и докладъ, подтверждавшій свѣдѣнія о тайномъ обществѣ. Въ свое время, описывая всю исторію своей жизни, опишу, если Богу будетъ угодно, все подробно; теперь же скажу только, что и это я внѣшнимъ образомъ принялъ спокойно. Но это продолжалось только до конца обѣда. Послѣ обѣда я ушелъ въ кабинетъ, легъ на диванъ и тотчасъ же заснулъ.

Едва ли я поспалъ пять минутъ, какъ толчокъ во всемъ тѣлѣ разбудилъ меня, и я услыхалъ барабанную дробь, флейту, звуки ударовъ, вскрикиванія Струменскаго и увидалъ его или себя,—я самъ не зналъ, онъ ли былъ я, или я былъ я,—увидалъ его страдающее лицо и безнадежныя подергиванія и хмурыя лица солдатъ и офицеровъ. Затменіе это продолжалось недолго; я вскочилъ, застегнулъ сюртукъ, надѣлъ шляпу и шпагу и вышелъ, сказавъ, что пойду гулять.

Я зналъ, гдѣ былъ военный гошпиталь, и прямо пошелъ туда. Какъ всегда, всѣ засуетились. Запыхавшись прибѣжалъ главный докторъ и начальникъ штаба. Я сказалъ, что хочу пройти по палатамъ. Во второй палатѣ я увидалъ плѣшивую голову Струменскаго. Онъ лежалъ ничкомъ, положивъ голову на руки, и жалобно стоналъ. — Былъ наказанъ за побѣгъ,—доложили мнѣ.

Я сказалъ: „А!“ и сдѣлалъ свой обычный жестъ того, что слышу и одобряю, и прошелъ мимо.

На другой день я послалъ спросить: что Струменскій? Мнѣ сказали, что его причастили, и онъ умираетъ.

Это былъ день именинъ брата Михаила. Былъ парадъ и служба. Я сказалъ, что нездоровъ послѣ крымской поѣздки, и не пошелъ къ обѣднѣ. Ко мнѣ опять пришелъ Дибичъ и докладывалъ опять о заговорѣ во второй арміи, напоминая то, что говорилъ мнѣ объ этомъ графъ Виттъ еще до крымской поѣздки, и донесеніе унтеръ-офицера Шервуда.

Тутъ только, слушая докладъ Дибича, приписывавшаго такую огромную важность этимъ замысламъ заговора, я вдругъ почувствовалъ все значеніе и всю силу того переворота, который произошелъ во мнѣ. Они дѣлаютъ заговоръ, чтобы измѣнить образъ правленія, ввести конституцію,—то самое, что я хотѣлъ сдѣлать двадцать лѣтъ тому назадъ. Я дѣлалъ и раздѣлывалъ конституціи въ Европѣ, и что и кому отъ этого стало лучше? И главное, кто я, чтобы дѣлать это? Главное было то, что вся внѣшняя жизнь, всякое устройство внѣшнихъ дѣлъ, всякое участіе въ нихъ,—а ужъ я ли не участвовалъ въ нихъ и не перестраивалъ жизнь народовъ Европы? — было не важно, не нужно и не касалось меня. Я вдругъ понялъ, что все это не мое дѣло, что мое дѣло—я, моя душа. И всѣ мои прежнія желанія отреченія отъ престола, — тогда съ рисовкой, съ желаніемъ удивить, опечалить людей, показать имъ свое величіе души, — вернулись теперь, но вернулись съ новой силой и съ полной искренностью, — уже не для людей, а только для себя, для души. Какъ будто весь этотъ пройденный мной, въ свѣтскомъ смыслѣ блестящій кругъ жизни былъ пройденъ только для того, чтобы вернуться къ тому юношескому, вызванному раскаяніемъ, желанію уйти отъ всего; но вернуться безъ тщеславія, безъ мысли о славѣ людской, а для себя, для Бога. Тогда это были неясныя желанія; теперь это была невозможность продолжать ту же жизнь.

Но какъ? Не такъ, чтобы удивить людей, чтобы меня хвалили, а, напротивъ, надо было уйти такъ, чтобы никто не зналъ и чтобы пострадать. И эта мысль такъ обрадовала, такъ восхитила меня, что я сталъ думать о средствахъ приведенія ея въ исполненіе; всѣ силы своего ума, своей, свойственной мнѣ хитрости употребилъ на то, чтобы привести ее въ исполненіе.

И, удивительное дѣло, исполненіе моего намѣренія оказалось гораздо болѣе легкимъ, чѣмъ я ожидалъ. Намѣреніе мое было такое: притвориться больнымъ, умирающимъ и, подговоривъ и подкупивъ доктора, положить на мое мѣсто умирающаго Струменскаго и самому уйти, бѣжать, скрывъ отъ всѣхъ свое имя.

И все дѣлалось какъ бы нарочно для того, чтобы мое намѣреніе удалось. 9-го я, какъ нарочно, заболѣлъ лихорадкой. Я проболѣлъ около недѣли, во время которой я все больше и больше укрѣплялся въ своемъ намѣреніи и обдумывалъ его. 16-го я всталъ и чувствовалъ себя здоровымъ.

Въ этотъ день я, какъ обыкновенно, брился и задумавшись сильно обрѣзался около подбородка. Пошло много крови, мнѣ сдѣлалось дурно, и я упалъ. Прибѣжали, под-

няли меня. Я тотчасъ же понялъ, что это можетъ мнѣ пригодиться для исполненія моего намѣренія, и хотя чувствовалъ себя хорошо, притворился, что я очень слабъ, слегъ въ постель и велѣлъ позвать къ себѣ помощника Вилліе. Вилліе не пошелъ бы на обманъ, этого же молодого человѣка я надѣялсь подкупить. Я открылъ ему свое намѣреніе и планъ исполненія и предложилъ ему восемьдесятъ тысячъ, если онъ сдѣлаетъ все то, что я отъ него требовалъ. Планъ мой былъ такой: Струменскій, какъ я узналъ, въ это утро былъ при смерти и долженъ былъ кончиться къ ночи.

Я ложился въ постель и, притворившись раздраженнымъ на всѣхъ, не допускалъ къ себѣ никого, кромѣ подкупленнаго врача. Въ эту же ночь врачъ долженъ былъ привезти въ ваннѣ тѣло Струменскаго и положить его на мое мѣсто и объявить о моей неожиданной смерти. И, удивительное дѣло, все было исполнено такъ, какъ мы предполагали. И 17-го ноября я былъ свободенъ.

Тѣло Струменскаго въ закрытомъ гробу похоронили съ величайшими почестями. Братъ Николай вступилъ на престолъ, сославъ въ каторгу заговорщиковъ, — я видѣлъ потомъ въ Сибири нѣкоторыхъ изъ нихъ. Я же пережилъ ничтожныя, въ сравненіи съ моими преступленіями, страданія и незаслуженныя мною величайшія радости, о которыхъ разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Теперь-же, стоя по поясъ въ гробу, 72-лѣтнимъ старикомъ, понявшимъ тщету прежней жизни и значительность той жизни, которой я жилъ и живу бродягой, постараюсь разсказать повѣсть своей старой жизни.

Моя жизнь.

12 декабря 1849 года.

Сибирская тайга, близъ Краснорѣчинска.

Сегодня день моего рожденія, мнѣ семьдесятъ два года. Семьдесятъ два года тому назадъ я родился въ Петербургѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, въ покояхъ моей матери императрицы, тогда великой княгини, Маріи Федоровны.

Спалъ я сегодня ночью довольно хорошо. Послѣ вчерашняго нездоровья мнѣ стало нѣсколько легче. Главное, прекратилось сонное духовное состояніе, возобновилась возможность всей душой общаться съ Богомъ. Вчера ночью въ темнотѣ молился. Ясно сознаналъ свое положеніе въ мірѣ; я, вся моя жизнь есть нѣчто нужное Тому, кто меня послалъ. И я могу дѣлать это нужное Ему и могу не дѣлать. Дѣлая нужное Ему, я содѣйствую благу своему и

всего міра. Не дѣлая этого, лишаюсь своего блага,—не всего блага, а того, которое могло быть моимъ, но не лишаю міръ того блага, которое предназначено ему (міру). То, что я долженъ бы былъ сдѣлать, сдѣлаютъ другіе. И Его воля будетъ исполнена. Въ этомъ свобода моей воли. Но если Онъ знаетъ, что будетъ, если все опредѣлено Имъ, то нѣтъ свободы? Не знаю. Тутъ предѣлъ мысли и начало молитвы, простой, дѣтской и старческой молитвы: „Отче, не моя воля да будетъ, но Твоя. Помоги мнѣ. Пріиди и вселися въ ны". Просто: „Господи, прости и помилуй. Да, Господи, прости и помилуй, прости и помилуй. Словами не могу сказать, а сердце Ты знаешь, Ты самъ въ немъ".

И я заснулъ хорошо. Просыпался, какъ всегда, по старческой слабости разъ пять и видѣлъ сонъ о томъ, что купаюсь въ морѣ и плаваю и удивляюсь, какъ меня вода держитъ высоко, такъ, что я совсѣмъ не погружаюсь въ нее; и вода зеленоватая, красивая, и какіе-то люди мѣшаютъ мнѣ, и женщины на берегу, и я нагой, и нельзя выйти. Смыслъ сновидѣнія тотъ, что мѣшаетъ мнѣ еще крѣпость моего тѣла, но выходъ близокъ.

Всталъ до разсвѣта, высѣкъ огня и долго не могъ зажечь сѣрничка; надѣлъ свой лосиный халатъ и вышелъ на улицу. Изъ за осыпанныхъ снѣгомъ лиственницъ и сосенъ краснѣла красно-оранжевая заря. Внесъ вчера наколанныя дрова и затопилъ, и сталъ еще колоть. Разсвѣло. Поѣлъ размоченныхъ сухарей, печь истопилась, закрылъ трубу и сѣлъ писать.

Родился я ровно семьдесятъ два года тому назадъ, 12-го декабря 1777 года въ Петербургѣ, въ Зимнемъ дворцѣ. Имя дано мнѣ было, по желанію бабки, Александра, въ предзнаменованіе того, какъ она сама говорила мнѣ, чтобы я былъ столь же великимъ человѣкомъ, какъ Александръ Македонскій, и столь же святымъ, какъ Александръ Невскій. Крестили меня черезъ недѣлю въ Большой церкви Зимняго дворца. Несла меня на глазетовой подушкѣ герцогиня курляндская; покрывало поддерживали высшіе чины Крестной матерью была императрица; крестнымъ отцомъ былъ императоръ австрійскій и король прусскій. Комната, въ которую помѣстили меня, была такъ устроена по плану бабушки (я ничего этого не помню, но знаю по разсказамъ):

Въ обширной комнатѣ этой, съ тремя высокими окнами, посрединѣ ея, среди четырехъ колоннъ прикрѣпленъ къ высокому потолку бархатный балдахинъ съ шелковыми занавѣсами до полу. Подъ балдахиномъ поставлена кроватка желѣзная, съ кожанымъ тюфячкомъ, подушечкой и лег-

кимъ англійскимъ одѣяломъ. Кругомъ балдахина балюстрада въ два аршина вышины,—такъ, чтобы посѣтители не могли близко подходить. Въ комнатѣ никакой мебели, только позади балдахина постель кормилицы. Всѣ подробности моего тѣлеснаго воспитанія были обдуманы бабушкой: запрещено было меня укачивать; пеленали особеннымъ образомъ; ноги были безъ чулокъ; купали сначала въ теплой, потомъ въ холодной водѣ; одежда была особенная, надѣвалась сразу,—безъ швовъ и завязокъ; какъ только я началъ ползать, такъ меня клали на коверъ и предоставляли самому себѣ. Первое время мнѣ разсказывали, что бабушка часто сама садилась на коверъ и играла со мной. Я ничего этого не помню, не помню и кормилицу.

Кормилицей моей была жена садовникова молодца, Авдотья Петрова изъ Царскаго Села. Я не помнилъ ея. Я увидалъ ее въ первый разъ, когда мнѣ было восемнадцать лѣтъ, и она въ Царскомъ подошла ко мнѣ въ саду и назвала себя. Было это въ то мое хорошее время моей первой дружбы съ Чарторижскимъ и искренняго отвращенія ко всему тому, что дѣлалось при обоихъ Дворахъ: какъ несчастнаго отца, такъ и ставшей мнѣ ненавистной тогда бабки. Я былъ еще человѣкомъ тогда, и даже не дурнымъ человѣкомъ, съ добрыми стремленіями. Я шелъ съ Адамомъ по парку, когда изъ боковой аллеи вышла хорошо одѣтая женщина, съ необыкновенно добрымъ, очень бѣлымъ, пріятнымъ, улыбающимся и взволнованнымъ лицомъ. Она быстро подошла ко мнѣ и, упавъ на колѣни, схватила мою руку и стала цѣловать ее.

— Батюшка, ваше высочество!.. Вотъ когда Богъ привелъ...

— Кто вы?

— Кормилка ваша, Авдотья, Дуняша, одиннадцать мѣсяцевъ кормила. Привелъ Богъ взглянуть.

Я насилу поднялъ ее, спросилъ, гдѣ она живетъ, и обѣщалъ зайти къ ней. Милый intérieur ея чистенькаго домика: ея милая дочка, совершенная русская красавица, моя молочная сестра, [которая] была невѣстой берейтора придворнаго; отецъ ея, садовникъ, такой же улыбающійся, какъ и жена, и куча дѣтей, тоже улыбающихся, — всѣ они точно освѣтили меня въ темнотѣ. „Вотъ настоящая жизнь, настоящее счастье“, думалъ я. „Такъ все просто, ясно, никакихъ интригъ, зависти, ссоръ“.

Такъ вотъ, эта милая Дуняша и кормила меня. Главной няней моей была нѣмка Софья Ивановна Бенкендорфъ, а няней—англичанка Гесслеръ. Софья Ивановна Бенкендорфъ, нѣмка, была толстая, бѣлая, прямоносая женщина, съ величественнымъ видомъ, когда она распоряжалась въ дѣт-

ской, и удивительно униженной, низкопоклонной, низкоприсѣдающей при бабушкѣ, которая была на голову ниже ея ростомъ. Она ко мнѣ относилась особенно раболѣпно и вмѣстѣ съ тѣмъ строго. То она была царицей, въ своихъ широкихъ юбкахъ и съ своимъ величественнымъ прямоносымъ лицомъ; то вдругъ дѣлалась притворяющейся дѣвчонкой.

Прасковья Ивановна Геселеръ, англичанка, была длиннолицая, рыжеватая, всегда серьезная англичанка. Но зато, когда она улыбалась, она разсіявала вся, и нельзя было удержаться отъ улыбки. Мнѣ нравилась ея аккуратность, ровность, чистота, твердая мягкость. Мнѣ казалось, что она что-то знаетъ такого, чего не зналъ никто: ни маменька, ни батюшка, даже сама бабушка.

Мать свою я помню сначала, какъ какое-то странное, печальное, сверхъ-естественное и прелестное видѣніе. Красивая, нарядная, блестящая брильянтами, шелкомъ, кружевами и обнаженными полными, бѣлыми руками, она входила въ мою комнату и съ какимъ-то страннымъ, чуждымъ мнѣ, не относящимся ко мнѣ грустнымъ выраженіемъ лица ласкала меня, брала на свои сильныя, прекрасныя руки, подносила къ еще болѣе прекрасному лицу, откидывала густые, пахучіе волосы, и цѣловала меня, и плакала, и разъ даже спустила меня съ рукъ и упала въ дурнотѣ...

Странное дѣло: внушено-ли мнѣ это было бабушкой, или таково было обхожденіе со мною матери, или я дѣтскимъ чутьемъ проникъ ту дворцовую интригу, которой я былъ центромъ; но у меня не было простого чувства, даже никакого чувства любви къ матери. Что-то натянутое чувствовалось въ ея обращеніи ко мнѣ. Она какъ-будто что-то выказывала черезъ меня, забывая меня, и я это чувствовалъ. Такъ это и было. Бабка отняла меня отъ родителей, взяла въ свое полное распоряженіе для того, чтобы передать мнѣ престолъ, лишивъ его ненавидимаго ею сына, моего несчастнаго отца. Я, разумѣется, долго ничего не зналъ этого; но съ первыхъ же дней сознанія я, не понимая причинъ, сознавалъ себя предметомъ какой-то вражды, соревнованія, игрушкой какихъ-то замысловъ и чувствовалъ холодность и равнодушіе къ себѣ, къ своей дѣтской душѣ, не нуждавшейся ни въ какой коронѣ, а только въ простой любви. И ея то и не было. Была мать, всегда грустная въ моемъ присутствіи. Одинъ разъ она, поговоривъ о чемъ-то по нѣмецки съ Софьей Ивановной, расплакалась и выбѣжала почти изъ комнаты, заслышавъ шаги бабушки. Былъ отецъ, который иногда входилъ въ нашу комнату, и къ которому потомъ водили меня съ братомъ; но отецъ

этотъ, мой несчастный отецъ, еще больше и рѣшительнѣе, чѣмъ мать, при видѣ меня выражалъ свое неудовольствіе, сдержанный гнѣвъ даже.

Помню, какъ разъ насъ съ братомъ Константиномъ привели на ихъ половину. Это было передъ отъѣздомъ его въ путешествіе за границу въ 1781 году. Онъ вдругъ отстранилъ меня рукой и съ страшными глазами вскочилъ съ кресла и, задыхаясь, заговорилъ что-то обо мнѣ и бабушкѣ. Я не понялъ, что, но помню слова:

— Après 62 tout est possible.

Я испугался, заплакалъ. Матушка взяла меня на руки и стала цѣловать, и потомъ поднесла ему. Онъ быстро благословилъ меня и, стуча своими высокими каблуками, почти выбѣжалъ изъ комнаты. Уже долго потомъ я понялъ значеніе этого взрыва. Они съ матушкой ѣхали путешествовать подъ именемъ Comte et Comtesse du Nord. Бабушка хотѣла этого. И онъ боялся, чтобы въ его отсутствіе онъ бы не былъ объявленъ лишеннымъ права на престолъ и я признанъ наслѣдникомъ...

Боже мой, Боже мой! И онъ дорожилъ тѣмъ, что погубило тѣлесно и духовно и его, и меня,—и я, несчастный, дорожилъ тѣмъ же!

Кто-то стучится, произнося молитву: „Во имя Отца и Сына“. Я сказалъ: „Аминь“. Уберу писаніе, пойду, отопру. И если Богъ велитъ, буду продолжать завтра.

13 декабря.

Спалъ мало и видѣлъ нехорошіе сны. Какая-то женщина непріятная, слабая, жмется ко мнѣ, и я не ея боюсь, не грѣха, а боюсь, что увидитъ жена, и будутъ опять упреки. Семьдесятъ два года, и я все еще не свободенъ. Наяву можно себя обманывать, но сновидѣніе даетъ вѣрную оцѣнку той степени, до которой ты достигъ. Видѣлъ еще,—и это опять подтвержденіе той низкой степени нравственности, на которой я стою,—что кто-то принесъ мнѣ здѣсь во мху конфеты, какія-то необыкновенныя конфеты, и мы разобрали ихъ изъ моха и роздали. Но послѣ раздачи остались еще конфеты, и я выбираю ихъ для себя; а тутъ мальчикъ, въ родѣ сына турецкаго султана, черноглазый, непріятный, тянется къ конфетамъ, беретъ ихъ въ руки, и я отталкиваю его и между тѣмъ знаю, что ребенку гораздо свойственнѣе ѣсть конфеты, чѣмъ мнѣ, и все-таки не даю ему и чувствую къ нему недоброе чувство и въ то же время знаю, что это дурно.

И, странное дѣло, наяву со мной нынче случилось это самое. Пришла Марья Мартемьяновна. Вчера стучался отъ

нея посолъ съ запросомъ, можетъ ли она побывать. Я сказалъ, что можно. Мнѣ тяжелы эти посѣщенія, но я знаю, что ее огорчилъ бы отказъ. И вотъ нынче она пріѣхала. Полозья издалека слышно было, какъ визжали по снѣгу. И она, войдя въ своей шубѣ и платкахъ, внесла кульки съ гостинцами и такой холодъ, что я одѣлся въ халатъ. Она привезла оладей, масла постнаго и яблокъ. Она пріѣхала спросить о дочери: сватается богатый вдовецъ,—отдавать ли? Очень мнѣ тяжело это ихъ представленіе о моей прозорливости. Все, что я говорю противъ, они приписываютъ моему смиренію. Я сказалъ, что всегда говорю: что цѣломудріе лучше брака, но, по слову Павла, лучше жениться, чѣмъ разжигаться. Съ ней вмѣстѣ пріѣхалъ ея зять Никаноръ Ивановичъ,—тотъ самый, который звалъ меня поселиться въ его домѣ, и потомъ не переставая преслѣдовалъ меня своими посѣщеніями.

Никаноръ Ивановичъ этотъ — великое для меня искушеніе. Не могу преодолѣть антипатіи, отвращенія къ нему. „Ей, Господи, даруй мнѣ зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждать брата моего". А я вижу всѣ его согрѣшенія, угадываю ихъ съ проницательностью злобы, вижу всѣ его слабости и не могу побѣдить антипатіи къ нему, къ брату моему, къ носителю, такъ же, какъ и я, божественнаго начала.

Что значатъ такія чувства? Я въ моей долгой жизни не разъ испытывалъ ихъ. Но самыя сильныя мои двѣ антипатіи это были: Людовикъ XVIII, съ его животомъ, горбатымъ носомъ, противными бѣлыми руками, съ его самоувѣренностью, наглостью, тупостью (вотъ я сейчасъ уже начинаю ругать его) и другая антипатія — этотъ Никаноръ Ивановичъ, который вчера два часа мучилъ меня. Все мнѣ, отъ звука его голоса до волосъ и ногтей, вызывало во мнѣ отвращеніе, и я, чтобъ объяснить свою мрачность Марьѣ Мартемьяновнѣ, солгалъ, сказавъ, что мнѣ нездоровится. Послѣ нихъ сталъ на молитву и послѣ молитвы успокоился. Благодарю Тебя, Господи, за то, что одно, единственное одно, что нужно мнѣ, въ моей власти. Вспомнилъ, что Никаноръ Ивановичъ былъ младенцемъ и будетъ умирать, тоже вспомнилъ и о Людовикѣ XVIII, зная, что онъ уже умеръ, и пожалѣлъ, что Никанора Ивановича уже не было, чтобы я могъ выразить ему мое доброе къ нему чувство.

Марья Мартемьяновна привезла мнѣ свѣчей, и я могу писать вечеромъ. Вышелъ на дворъ. Съ лѣвой стороны потухли яркія звѣзды въ удивительномъ сѣверномъ сіяніи. Какъ хорошо, какъ хорошо. Итакъ, продолжаю.

Отецъ съ матерью уѣхали въ заграничное путешествіе, и мы съ братомъ Константиномъ, родившимся два года послѣ меня, перешли на все время отсутствія родителей въ полное распоряженіе бабки. Брата назвали Константиномъ въ ознаменованіе того, что онъ долженъ былъ быть греческимъ императоромъ въ Константинополѣ.

Дѣти всѣхъ любятъ, особенно тѣхъ, которые любятъ и ласкаютъ ихъ. Бабка ласкала, хвалила меня, и я любилъ ее, несмотря на отталкивающій меня дурной запахъ, который, несмотря на духи, всегда стоялъ около нея, особенно когда она меня брала на колѣни. И еще непріятны мнѣ были ея руки, чистыя, желтоватыя, сморщенныя, какія-то скользкія, глянцовитыя, съ пальцами, загибающимися внутрь, и далеко, неестественно оттянутыми, обнаженными ногтями. Глаза у нея были мутные, усталые, почти мертвые, что вмѣстѣ съ улыбающимся беззубымъ ртомъ производило тяжелое, но не отталкивающее впечатлѣніе. Я приписывалъ это выраженіе глазъ. . . . . ея трудамъ о своихъ народахъ, какъ мнѣ внушили это, и я жалѣлъ ее за это томное выраженіе глазъ. Видѣлъ я раза два Потемкина. Этотъ кривой, косой, огромный, черный, потный, грязный человѣкъ былъ ужасенъ. Особенно же ужасенъ онъ мнѣ былъ тѣмъ, что онъ одинъ не боялся бабки и говорилъ своимъ трескучимъ голосомъ громко при ней и смѣло, хотя и называя меня высочествомъ, ласкалъ и тормошилъ меня.

Изъ тѣхъ, кого я видалъ у нея въ это мое первое время дѣтства, былъ еще Ланской. Онъ всегда былъ съ ней, и всѣ замѣчали его, всѣ ухаживали за нимъ. Главное, сама императрица безпрестанно оглядывалась на него. Я не понималъ, разумѣется, тогда, что такое былъ Ланской, и онъ очень нравился мнѣ. Нравились мнѣ его букли, нравились обтянутыя въ лосины красивыя ляжки и икры, нравилась его веселая, счастливая, беззаботная улыбка и брильянты, которые повсюду блестѣли на немъ.

Время это было очень веселое. Насъ возили въ Царское; мы катались на лодкахъ, копались въ саду, гуляли, катались на лошадяхъ. Константинъ, толстенькій, рыженькій, un petit Bacchus, какъ его называла бабушка, веселилъ всѣхъ своими шутками, смѣлостью и выдумками. Онъ всѣхъ передразнивалъ: и Софью Ивановну и даже саму бабушку.

Важнымъ событіемъ за это время была смерть Софьи Ивановны Бенкендорфъ. Случилось это вечеромъ въ Царскомъ, при бабушкѣ. Софья Ивановна только что привела насъ послѣ обѣда и что-то говорила улыбаясь, какъ вдругъ лицо ея стало серьезно, она зашаталась, прислонилась къ

двери, скользнула по ней и тяжело упала. Сбѣжались люди, насъ увели. Но на другой день мы узнали, что она умерла. Я долго плакалъ и скучалъ и не могъ опомниться. Всѣ думали, что я плакалъ объ Софьи Ивановнѣ, а я плакалъ не о ней, а о томъ, что люди умираютъ, что есть смерть. Я не могъ понять этого, не могъ повѣрить тому, чтобы это была участь всѣхъ людей. Помню, что тогда въ моей дѣтской пятилѣтней душѣ возстали во всемъ своемъ значеніи вопросы о томъ, что такое смерть, что такое жизнь, кончающаяся смертью,—тѣ главные вопросы, которые стоятъ передъ всѣми людьми и на которые мудрые ищутъ и находятъ отвѣты и легкомысленные стараются отстранить, забыть. Я сдѣлалъ, какъ это свойственно ребенку и особенно въ томъ мірѣ, въ которомъ жилъ, я отстранилъ отъ себя эту мысль, забылъ про смерть, жилъ такъ, какъ будто ея нѣтъ, и вотъ дожилъ до того, что она стала страшна мнѣ.

Другое важное событіе въ связи съ смертью Софьи Ивановны былъ переходъ нашъ въ мужскія руки и назначеніе къ намъ въ воспитатели Николая Ивановича Салтыкова,—не того Салтыкова, который, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ ...., а Николая Ивановича, служившаго при Дворѣ отца, маленькаго человѣчка съ огромной головой, глупымъ лицомъ и всегдашней гримасой, которую удивительно представлялъ маленькій братъ Костя. Переходъ этотъ въ мужскія руки былъ для меня горемъ разлученія съ милой Прасковьей Ивановной, прежней няней.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Какой-то торжественный день, и мы ѣдемъ по Невскому въ огромномъ, высокомъ ландо; мы—два брата, и Николай Ивановичъ Салтыковъ. Мы сидимъ на первомъ мѣстѣ. Два напудренныхъ лакея въ красныхъ ливреяхъ стоятъ сзади.

Весенній яркій день. На мнѣ разстегнутый мундиръ, бѣлый жилетикъ и по немъ голубая андреевская лента; такъ же одѣтъ и Костя; на головахъ шляпы съ перьями, которыя мы то и дѣло снимаемъ и кланяемся. Народъ вездѣ останавливается, кланяется, нѣкоторые бѣгутъ за нами.—On vous salue,—повторяетъ Николай Ивановичъ.—A droite.

Проѣзжаемъ мимо гауптвахты, и выбѣгаетъ караулъ. Этихъ я всегда вижу. Любовь къ солдатамъ, къ военнымъ экзерциціямъ у меня была съ дѣтства. Намъ внушали,—особенно бабушка, та самая которая менѣе всѣхъ вѣрила въ это,—что всѣ люди равны, и что мы должны помнить это. Но я зналъ, что тѣ, кто говорятъ такъ, не вѣрятъ въ это.

Помню, разъ Саша Голицынъ, игравшій со мной въ бары, толкнулъ меня и сдѣлалъ больно.

— Какъ ты смѣешь!

— Я нечаянно. Что за важность!

Я чувствовалъ, какъ кровь прилила мнѣ къ сердцу отъ оскорбленія и злобы. Я пожаловался Николаю Ивановичу и мнѣ не было стыдно, когда Голицынъ просилъ у меня прощенія.

На нынче довольно. Свѣча догораетъ. И надо еще нащепать лучины, а топоръ тупъ и наточить нечѣмъ, да и не умѣю.

---

16 декабря.

Три дня не писалъ. Былъ нездоровъ. Читалъ Евангеліе, но не могъ вызвать въ себѣ того пониманія его, того общенія съ Богомъ, которое испытывалъ прежде. Прежде много разъ думалъ, что человѣкъ не можетъ не желать. Я всегда желалъ и желаю. Желалъ прежде побѣды надъ Наполеономъ, желалъ умиротворенія Европы, желалъ освобожденія себя отъ короны; и всѣ желанія мои или исполнялись и какъ только исполнялись, переставали влечь меня къ себѣ,—или дѣлались неисполнимы, и я переставалъ желать. Но пока исполнялись или становились неисполнимыми прежнія желанія, зарождались новыя, и такъ шло и идетъ до конца. Теперь я желалъ зимы,- она настала; желалъ уединенія,—почти достигъ этого; теперь желаю описать свою жизнь и сдѣлать это наилучшимъ образомъ, такъ, чтобы принести пользу людямъ. И если исполнится и если не исполнится, явятся новыя желанія. Вся жизнь въ этомъ.

И мнѣ пришло въ голову, что если вся жизнь—въ зарожденіи желаній, и радость жизни—въ исполненіи ихъ, то нѣтъ ли такого желанія, которое свойственно бы было че-

ловѣку, всякому человѣку, всегда, и всегда исполнялось бы или, скорѣе, приближалось бы къ исполненію? И мнѣ ясно стало, что это было бы такъ для человѣка, который желалъ бы смерти. Вся жизнь его была бы приближеніемъ къ исполненію этого желанія, и желаніе это навѣрное исполнилось бы.

Сначала это мнѣ показалось страннымъ. Но, вдумавшись я вдругъ увидалъ, что это такъ и есть, что въ этомъ одномъ, въ приближеніи къ смерти, разумное желаніе человѣка. Желаніе не въ смерти, не въ самой смерти, а въ томъ движеніи жизни, которое ведетъ къ смерти. Движеніе же это есть освобожденіе отъ страстей и соблазновъ того духовнаго начала, которое живетъ въ каждомъ человѣкѣ. Я чувствую это теперь, освободившись отъ большей части того, что скрывало отъ меня сущность моей души, ея единство съ Богомъ, скрывало отъ меня Бога. Я пришелъ къ этому безсознательно. Но если бы я поставилъ своимъ высшимъ благомъ (а это не только возможно, но такъ и должно быть), считалъ бы своимъ высшимъ благомъ освобожденіе отъ страстей, приближеніе къ Богу, то все, что придвигало бы меня къ смерти: старость, болѣзни, было бы исполненіемъ моего единаго и главнаго желанія. Это такъ, и это я чувствую, когда я здоровъ. Но когда я, какъ вчера и третьяго дня, болѣю желудкомъ, я не могу вызвать этого чувства и, хотя и не противлюсь смерти, не могу желать приближаться къ ней.

Да, такое состояніе есть состояніе сна духовнаго. Надо спокойно ждать.

Продолжаю вчерашнее. То, что я пишу про свое дѣтство, я пишу больше по разсказамъ, и часто то, что мнѣ про меня разсказывали, перемѣшивается съ тѣмъ, что я испыталъ, такъ что я не знаю иногда, что я пережилъ, и что слышалъ отъ людей.

Жизнь моя, вся, отъ рожденія моего и до самой теперешней старости, напоминаетъ мнѣ мѣстность, всю покрытую густымъ туманомъ, или даже поле сраженія подъ Дрезденомъ,—когда все скрыто, ничего не видно, и вдругъ тутъ и тамъ открываются островки, des éclaircies, въ которыхъ видишь ни съ чѣмъ не соединенныхъ людей, предметы, со всѣхъ сторонъ окруженные непроницаемой завѣсой. Таковы мои дѣтскія воспоминанія. Эти éclaircies въ дѣтствѣ только рѣдко, рѣдко открываются среди безконечнаго моря тумана или дыма, потомъ чаще и чаще; но даже теперь у меня есть времена, не оставляющія ничего въ воспоминаніи. Въ дѣтствѣ же ихъ чрезвычайно мало, и чѣмъ дальше назадъ, тѣмъ меньше.

Я говорилъ объ этихъ просвѣтахъ перваго времени: смерти Бенкендорфъ, прощаньи съ родителями, передразниваньи Кости; но и еще нѣсколько воспоминаній того времени теперь, когда я думаю о прошедшемъ, открываются передо мной. Такъ, напримѣръ, я совершенно не помню, когда появился Костя, когда мы стали жить вмѣстѣ; а между тѣмъ живо помню, какъ мы разъ, когда мнѣ было не болѣе семи, а Костѣ—пяти лѣтъ, мы послѣ всенощной наканунѣ Рождества пошли спать и, воспользовавшись тѣмъ, что всѣ вышли изъ нашей комнаты, соединились въ одной кроваткѣ. Костя въ одной рубашкѣ перелѣзъ ко мнѣ и началъ какую-то веселую игру, состоящую въ томъ, чтобы шлепать другъ друга по голому тѣлу, и хохотали до боли живота, и были очень счастливы, когда вдругъ вошелъ въ своемъ расшитомъ кафтанѣ съ орденами Николай Ивановичъ съ своей огромной, напудренной головой и, выпучивъ глаза, бросился на насъ и съ какимъ-то ужасомъ, котораго я никакъ не могъ объяснить себѣ, разогналъ насъ и гнѣвно обѣщалъ наказать насъ и пожаловаться бабушкѣ.

Другое памятное мнѣ воспоминаніе, уже нѣсколько позже—мнѣ было около девяти лѣтъ—это происшедшее у бабушки почти при насъ столкновеніе Алексѣя Григорьевича Орлова съ Потемкинымъ. Было это незадолго до поѣздки бабушки въ Крымъ и нашего перваго путешествія въ Москву. Какъ обыкновенно, Николай Ивановичъ приводитъ насъ къ бабушкѣ. Большая, съ лѣпнымъ и росписнымъ потолкомъ комната полна народомъ. Бабушка ужъ причесанная. Волосы ея зачесаны кверху надо лбомъ и какъ-то особенно искусно заложены на темени. Она сидитъ въ бѣломъ пудромантѣ передъ золотымъ туалетомъ. Горничныя ея стоятъ надъ нею и убираютъ ея голову. Она улыбаясь смотритъ на насъ, продолжая говорить съ большимъ, высокимъ, широкимъ генераломъ съ андреевской лентой и страшно развороченной щекой отъ рта до уха. Это—Орловъ, „Le balafré“ *).

Я тутъ въ первый разъ видѣлъ его. Около бабушки — Андерсоны, левретки. Моя любимица Мими соскакиваетъ съ подола бабушки и вскакиваетъ на меня лапами и лижетъ въ лицо. Мы подходимъ къ бабушкѣ и цѣлуемъ ея бѣлую, пухлую руку. Рука переворачивается, и загнутые пальцы ловятъ меня за лицо и ласкаютъ. Несмотря на духи, я чувствую непріятный бабушкинъ запахъ. Но она продолжаетъ глядѣть на „Balafré“ и говорить съ нимъ.

*) Человѣкъ со шрамомъ.

— Какофъ маладецъ,—говоритъ она, указывая на меня.— Вы ишо не витали его, графъ?—говоритъ [она].

— Молодцы оба,—говоритъ графъ, цѣлуя руку мою и костину.

— Карашо, карашо, — говоритъ она горничной, надѣвающей ей на голову чепецъ. Горничная эта—Марья Степановна, набѣленная, нарумяненная, добродушная женщина, которая всегда ласкаетъ меня.

— Où est ma tabatière?

Ланской подходитъ, подаетъ открытую табакерку. Бабушка нюхаетъ и улыбаясь глядитъ на подходящую шутиху Матрену Даниловну. . . . .

1905.

Перепечатка разрѣшается.

Герой повѣсти Л. Н. Толстого.

О старцѣ Ѳедорѣ Кузьмичѣ, героѣ печатаемой нами повѣсти Л. Н. Толстого, въ историческихъ журналахъ существуетъ цѣлая, небольшая правда, литература, а въ послѣдніе годы личность таинственнаго отшельника стала предметомъ очень обстоятельнаго изслѣдованія. Было-бы удивительно, если-бы эта загадочная фигура не привлекла художественнаго вниманія Л. Н. Толстого, до такой степени она заманчива и колоритна именно въ толстовскомъ духѣ: какъ бы ни выяснилась въ дальнѣйшемъ дѣйствительная личность, скрывшая свое происхожденіе подъ кличкой Ѳедора Кузьмича,— но и теперь уже несомнѣнно, что подъ этимъ скромнымъ именемъ въ далекой Сибири угасла жизнь, начавшаяся среди блеска на высотахъ общественнаго строя. Итакъ— отреченіе и добровольный уходъ,—таково содержаніе этой загадочной драмы.

Вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ то, что извѣстно о Ѳедорѣ Кузьмичѣ.

Осенью 1836 года къ одной изъ кузницъ около города Красноуфимска, Пермской губерніи, подъѣхалъ верхомъ неизвѣстный человѣкъ, въ простомъ крестьянскомъ кафтанѣ, и попросилъ подковать ему лошадь. Много, безъ сомнѣнія, всякаго званія людей проѣзжали по Красноуфимскому тракту и многіе изъ нихъ подковывали своихъ лошадей, свободно отвѣчая на обычные вопросы любопытныхъ кузнецовъ. Но въ фигурѣ незнакомца было, очевидно, что-то особенное, обращавшее вниманіе, а обычные «придорожные» разговоры онъ поддерживалъ неумѣло и уклончиво. Можетъ быть и одежда была для него не совсѣмъ привычна, и въ окружающей обстановкѣ онъ оріентировался плохо. Разговоръ съ кузнецами закончился тѣмъ, что неизвѣстнаго задержали и, по россійской традиціи, представили для разрѣшенія недоумѣній «по начальству».

На допросѣ онъ назвался крестьяниномъ Ѳедоромъ Кузьмичемъ, но на дальнѣйшіе вопросы отвѣчать отказался и объявилъ себя бродягой, не помнящимъ родства. Послѣдовалъ конечно судъ за бродяжество и, «на основаніи существующихъ узаконеній», приговоръ: двадцать ударовъ плетей и ссылка въ каторжныя работы.

Несмотря на многократныя убѣжденія мѣстныхъ властей, относившихся съ невольной симпатіей къ незнакомцу, въ манерахъ котораго чувствовалось какое-то превосходство,—онъ стоялъ на своемъ, принялъ свои 20 ударовъ, и 26 марта 1837 г. непомнящій родства бродяга Өедоръ Кузьмичъ прибылъ съ арестантской партіей въ дер. Зерцалы, Боготольской волости, близъ гор. Ачинска *). Такимъ образомъ, неизвѣстный, появившійся нивѣсть откуда и не съумѣвшій удовлетворить любопытство красноуфимскихъ кузнецовъ, смѣшался съ безправной массой арестантовъ и каторжниковъ. Здѣсь, однако, онъ опять сразу выдѣлился на тускломъ фонѣ страдающихъ и угнетенныхъ.

Наружность этого человѣка всѣ, знавшіе его, согласно описываютъ слѣдующими чертами: ростъ выше средняго (около 2 арш., 9-ти вершковъ), плечи широкія, высокая грудь, глаза голубые, ласковые, лицо чистое и замѣчательно бѣлое; вообще черты чрезвычайно правильныя и симпатичныя. Характеръ добрый и мягкій, по временамъ, однако, проявлялъ легкіе признаки привычно сдерживаемой вспыльчивости. Одѣвался болѣе чѣмъ скромно: въ грубую, холщевую рубаху, подпоясанную веревочкой, и такіе же порты. На ногахъ коты и шерстяные чулки. Все это очень чистое. Вообще старецъ былъ чрезвычайно опрятенъ.

Первыя 5 лѣтъ «бродята» Өедоръ Кузьмичъ прожилъ на казенномъ Краснорѣченскомъ винокуренномъ заводѣ, въ 15-ти верстахъ отъ дер. Зерцалъ. На принудительныя работы его, впрочемъ, не употребляли: и начальство, и служащіе завода относились къ благообразному старцу съ особой внимательностью. Поселился онъ сначала у пригласившаго его въ свой домъ отбывшаго срокъ каторги Ивана Иванова. Но потомъ, замѣтивъ, что старикъ тяготится совмѣстной жизнью въ избѣ, Ивановъ убѣдилъ односельцевъ построить для Кузьмича отдѣльную келію, въ которой онъ и прожилъ одинадцать лѣтъ. Пробовалъ старецъ и тяжелой работы: нанялся на золотые пріиски, но скоро бросилъ. Жилъ послѣ этого на пасѣкахъ, въ лѣсныхъ кельяхъ, училъ по деревнямъ ребятъ. И всюду къ нему влеклись простыя сердца; къ Кузьмичу несли свои грѣхи и скорби, печали и недуги, простую вѣру и несложные вопросы. «Наставленія его всегда были серьезны, немногорѣчивы, разумны, часто мѣтили на сокровенныя тайны сердца»,—такъ говоритъ лично его знавшій и писавшій о немъ «Епископъ Петръ».

Вскорѣ простая и богобоязненная среда почувствовала потребность снять съ Кузьмича всѣ житейскія заботы, и его наперерывъ звали къ себѣ на жительство разные люди. Такъ жилъ онъ еще на пасѣкѣ у богатаго крестьянина Латышева въ Краснорѣчинской

*) „Русская Стар." Янв., Февр., Мартъ 1892 г. Справка изъ экспед. о ссыльныхъ, въ гор. Томскѣ.

станицѣ, уходилъ въ лѣса, въ глухую деревню Карабейникову, «для большаго уединенія», но затѣмъ опять вернулся въ Краснорѣчинскъ... Въ 1852 году томскій купецъ Семенъ Ѳеофановичъ Хромовъ, проѣзжая тѣми мѣстами по торговымъ дѣламъ, познакомился съ Кузьмичемъ и сталъ заѣзжать къ нему для бесѣды. Впослѣдствіи Хромовъ уговорилъ его переѣхать на жительство сначала на свою заимку подъ Томскомъ, а потомъ построилъ ему келью въ своемъ городскомъ саду. Здѣсь загадочный старецъ прожилъ до своей смерти, окруженный въ семьѣ хозяина настоящимъ культомъ. Даже среди прозаическихъ и скудно надѣленныхъ воображеніемъ сибиряковъ,—культъ этотъ распространился довольно широко. Отшельника посѣщали простецы-крестьяне, купцы, чиновники, представители духовенства. Упомянутый выше списокъ Петръ написалъ о немъ, на основаніи личнаго знакомства, воспоминанія, проникнутыя простодушной увѣренностью въ святости Кузьмича; онъ приводитъ случаи его сверхъ-естественной прозорливости и даже прямо чудесъ. Впослѣдствіи его высокопревосходительство Георгій Петровичъ Побѣдоносцевъ, во избѣжаніе соблазна, строгими циркулярами воспретилъ считать бывшаго арестанта за святого, но достигъ лишь того, что благоговѣйные толки ширились шопотомъ подъ осторожныя оглядки. Другой епископъ, посѣтившій старца во время его болѣзни, вышелъ изъ его кельи, объятый недоумѣніемъ и сомнѣніями, находя, что «старецъ едва-ли не въ прелести». До такой степени рѣчи его были невмѣстимы скромному званію.

20 января 1864 года старецъ умеръ въ своей кельѣ, послѣ короткой болѣзни, не пріобщаясь св. тайнъ, оставивъ послѣ себя загадку и легенду...

Легенда эта встрѣтилась съ другой. Почти за 30 лѣтъ до этого въ далекомъ окраинномъ Таганрогѣ, умеръ Императоръ Александръ I, неожиданно и при обстоятельствахъ, поразившихъ народное воображеніе. Нѣкій дворовый человѣкъ Ѳедоръ Ѳедоровъ собралъ и записалъ ходившіе въ его время «московскія новости или новые правдивые и ложные слухи, которые послѣ виднѣе означутся, которые правдивые, а которые лживые»... *) Слуховъ оказалось 51, и въ томъ числѣ были такіе: «Слухъ 9-й: Государь живъ. Его продали въ иностранную неволю. 10-й слухъ: Государь живъ, уѣхалъ на легкой шлюпкѣ въ море... 37 слухъ: Самъ Государь будетъ встрѣчать свое тѣло, и на 30-й верстѣ будетъ церемонія имъ самимъ устроена, а везутъ его адъютанта, изрубленнаго вмѣсто него»... 32-й слухъ гласитъ, что однажды, когда Государь въ Таганрогѣ пріѣхалъ въ строившійся для Елизаветы Алексѣевны дворецъ,—караульный солдатъ предупредилъ его: «не извольте вхо-

*) Вел. кн. Николай Михайловичъ: „Легенда о кончинѣ Императора Александра I-го". „Историч. Вѣстникъ", іюль, 1907 г.

дить на оное крыльцо. Васъ тамъ убьютъ изъ пистолета». Государь сказалъ:—хочешь ли ты, солдатъ, за меня умереть? Ты будешь похороненъ, какъ меня должно, и родъ твой будетъ награжденъ. То солдатъ на оное согласился» и т. д.

Кромѣ этихъ слуховъ, простодушно зарегистрированныхъ дворовымъ грамотѣемъ, ходило, навѣрное, и еще много другихъ въ томъ же родѣ. И изъ всѣхъ этихъ фантазій складывалась легенда: Царь, вступившій на престолъ послѣ насильственной смерти отца, избѣгнувъ той же участи, отрекается отъ короны, отъ земного величія и идетъ, въ самомъ низкомъ званіи, замаливать грѣхи могущества и власти...

Что-же стало съ нимъ дальше?

Вотъ онъ, спустя 30 лѣтъ завершаетъ подвижническую жизнь въ убогой кельѣ подъ Томскомъ.

Такъ стройно и цѣльно воплотилась любимая мечта русскаго народа, находившая такіе родственные отклики въ душѣ великаго русскаго писателя. Въ одномъ образѣ она соединила могущественнѣйшаго изъ царей и самаго безправнаго изъ его безправныхъ подданныхъ. Легенда держалась и крѣпла, разносилась по широкой Сибири, повторялась въ дальнихъ монастыряхъ, записывалась «епископами Петрами» и сельскими священниками, попадала въ печать и, наконецъ, проникла, въ видѣ сдержанныхъ но многозначительныхъ предположеній, на страницы солиднаго историческаго труда В. К. Шильдера. «Если бы,—пишетъ этотъ историкъ (въ IV-мъ заключительномъ томѣ своей исторіи Александра I-го),—фантастическія догадки и народныя преданія могли быть основаны на положительныхъ данныхъ и перенесены на реальную почву, то установленная этимъ путемъ дѣйствительность оставила-бы за собой самые смѣлые поэтическіе вымыслы... Въ этомъ новомъ образѣ, созданномъ народнымъ творчествомъ, императоръ Александръ Павловичъ, этотъ «сфинксъ, неразгаданный до гроба», безъ сомнѣнія, представился бы самымъ трагическимъ лицомъ русской исторіи, и его тернистый жизненный путь устлали бы небывалымъ загробнымъ апоееозомъ, осѣненнымъ лучами святости».

Это еще очень сдержанно и по ученому осторожно. Шильдеръ допускаетъ только: если бы это оправдалось. Но вел. князь Николай Михайловичъ въ своемъ изслѣдованіи *) говоритъ, что Шильдеръ въ разговорахъ съ нимъ и другими лицами высказывался гораздо опредѣленнѣе. Исторіографъ русскихъ Царей раздѣлялъ простодушную увѣренность хозяина сибирской заимки и доказывалъ правнуку Александра I-го, что его прадѣдъ, «освободитель Европы», провелъ всю вторую половину своей жизни, питаясь милостыней въ убогой кельѣ далекой ссыльной стороны, что его вели

*) «Легенда о кончинѣ Императора Александра I-го».

съ бубновымъ тузомъ по владимiркѣ, и что царственную спину полосовала плеть палача...

Правда ли это? возможно ли, что въ лицѣ Ѳедора Кузьмича жилъ и умеръ Александръ I?

Вопросъ, казалось бы, странный, но вѣдь его допускалъ компетентный историкъ двухъ царствованiй... Изслѣдованiе вел. князя Николая Михайловича, использовавшаго всѣ доступные донынѣ источники, разрушаетъ эту сказку. Смерть Александра I-го въ Таганрогѣ не могла быть симуляцiей, Александръ не встрѣчалъ «на тридцатой верстѣ» собственнаго тѣла, и въ царской усыпальницѣ въ Петропавловскомъ соборѣ покоится прахъ не солдата и не адъютанта, а подлиннаго царя.

Кто же въ такомъ случаѣ былъ таинственный отшельникъ Хромовской заимки?

Авторъ скептическаго изслѣдованiя, разрушившаго легенду объ его тожествѣ съ Александромъ I, не отрицаетъ однако возможности очень «высокаго» происхожденiя страннаго незнакомца. Отвергая положительныя утвержденiя Хромова, который являлся съ ними даже ко двору, великiй князь Николай Михайловичъ сообщаетъ всетаки факты выразительные и наводящiе на размышленiе. Г. Лашковъ, помогавшiй автору въ собиранiи матерiаловъ къ бiографiи Ѳедора Кузьмича на мѣстахъ, записалъ разсказы дочери Хромова, Анны Семеновны Оловянниковой, которые считаетъ вполнѣ достовѣрными. Такъ, однажды лѣтомъ, въ чудный солнечный день, Анна Семеновна и ея мать, подъѣхавъ къ заимкѣ Ѳедора Кузьмича, увидѣли старца, гулявшаго по полю по-военному, руки назадъ и марширующимъ. Поздоровавшись съ прiѣхавшими, старецъ сказалъ: ...«Былъ такой же прекрасный день, когда я *отсталъ отъ общества*... Гдѣ былъ, и кто былъ... а очутился у васъ на полянкѣ»...

Въ другой разъ, еще въ селѣ Коробейниковѣ до переѣзда къ Хромовымъ, та же Анна Семеновна, прiѣхавъ къ Кузьмичу съ отцомъ, застала у старца необычныхъ гостей: онъ провожалъ изъ своей кельи молодую барыню и молодого офицера въ гусарской формѣ, высокаго роста, очень красиваго. Онъ показался Хромовымъ, «похожимъ на покойнаго наслѣдника Николая Александровича»... Пока они не исчезли другъ у друга изъ виду, они все время другъ другу кланялись. Проводивши гостей, Ѳедоръ Кузьмичъ вернулся сiяющiй и сказалъ Хромову: «Дѣды-то какъ меня знали, отцы-то какъ меня знали, а внуки и правнуки вотъ какимъ видятъ».

Итакъ, за всѣми ограниченiями хромовской легенды, авторъ изслѣдованiя признаетъ, что въ сибирской тайгѣ подъ видомъ смиреннаго отшельника жилъ и умеръ человѣкъ, повидимому, добровольно спустившiйся въ среду отверженныхъ ссыльныхъ съ какихъ-то значительныхъ высотъ общественнаго строя... Подъ

сонный шопотъ тайги съ нимъ умирала неразгаданная тайна бурной и блестящей жизни... Только порой, какъ въ описанный дочерью Хромова «яркій солнечный день», въ смирившемся и медленно угасавшемъ воображеніи вспыхивали вдругъ картины прошлаго, расправляя старые члены и заставляя быстрѣе обращаться холодѣющую кровь... Какіе образы населяли для него тихую поляну, какіе звуки слышались въ таежномъ шорохѣ, когда смиренный отшельникъ принимался маршировать съ выпяченной грудью и выдѣлывая старыми ногами затѣйливые артикулы павловскихъ парадовъ...

Вел. Кн. Николай Михайловичъ, разыскивая на тогдашнихъ аристократическихъ высотахъ возможнаго будущаго Ѳедора Кузьмича, тоже идетъ въ своихъ гипотезахъ довольно далеко. Онъ допускаетъ (отдаленную, правда) возможность принадлежности таинственнаго отшельника къ царской крови. По его словамъ, у Павла Петровича, когда онъ былъ еще великимъ княземъ, была связь съ вдовой князя Чарторижскаго, урожденной Ушаковой. Отъ этой связи родился сынъ, названный Семеномъ, по крестному отцу Аѳанасьевичемъ. Фамилію ему присвоили Великаго. Семенъ Великій воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и впослѣдствіи служилъ во флотѣ. О немъ извѣстно очень мало, и смерть его связана съ неопредѣленными и противорѣчивыми указаніями. По однимъ источникамъ—онъ умеръ въ 1793 году, служа на англійскомъ кораблѣ «Вангардъ» въ Вестъ-Индіи, гдѣ то на Антильскихъ островахъ По другимъ свѣдѣніямъ онъ утонулъ въ Кронштадтѣ...

По матери, урожденной Ушаковой, Семенъ Великій былъ въ свойствѣ съ графомъ Дмитріемъ Ерофеевичемъ Остенъ-Сакеномъ, который былъ женатъ тоже на Ушаковой. Наслѣдники этого Остенъ-Сакена утверждаютъ, что покойный графъ велъ переписку съ старцемъ Федоромъ Кузьмичемъ, и что самыя имена Ѳедоръ и Козьма были почему-то очень часты въ семьѣ Ушаковыхъ; встрѣчались также въ семейной генеалогіи и Ѳедоры Кузьмичи...

Этими, очень пока неясными намеками ограничиваются тѣ положительныя данныя, которыя удалось установить относительно таинственнаго старца, привлекшаго вниманіе Л. Н. Толстого. Когда Вел. Кн. Николай Михайловичъ прислалъ Толстому оттискъ своего изслѣдованія, Левъ Николаевичъ отвѣтилъ ему слѣдующимъ чрезвычайно интереснымъ письмомъ:

«Очень вамъ благодаренъ, любезный Николай Михайловичъ, за книги и милое письмо. По теперешнимъ временамъ мнѣ особенно пріятна ваша память обо мнѣ.

«Пускай исторически доказана невозможность соединенія личности Александра и Козьмича, легенда остается во всей своей красотѣ и истинности. — Я началъ было писать на эту тему, но

едва-ли не только кончу, но едва-ли удосужусь продолжать. Некогда, надо укладываться къ предстоящему переходу. А очень жалѣю. Прелестный образъ.

Жена благодаритъ за память и проситъ передать привѣтъ.

Любящій васъ Левъ Толстой.

2 Сентября 1907 г.

Итакъ, даже послѣ вскрытія чисто исторической невѣрности гипотезы, которая легла въ основаніе «Записокъ Өедора Кузьмича»,— великій художникъ считалъ самый образъ прелестнымъ и внутренно правдивымъ. И дѣйствительно,—кто-бы ни скрывался подъ именемъ отшельника Өедора, — Императоръ Александръ или незаконный сынъ Павла, разметавшій бурную жизнь по океанамъ и, наконецъ ушедшій отъ міра въ глушь сибирскихъ лѣсовъ... Можетъ быть, еще кто-нибудь третій, — во всякомъ случаѣ драма этой жизни глубоко родственна основнымъ, самымъ глубокимъ и интимнымъ стремленіямъ собственной души великаго писателя...

Вл. Короленко.

ПРИМѢЧАНІЕ

КЪ

«Посмертнымъ запискамъ старца Федора Кузьмича».

Въ своемъ предисловіи къ сборнику «Цвѣтникъ» Л. Н. Толстой высказываетъ нѣкоторыя весьма характерныя мысли о художественномъ творчествѣ. Онъ говоритъ, что «правду узнаетъ не тотъ, кто узнаетъ только то, что было, есть и бываетъ, а тотъ, кто узнаетъ, что должно быть»... «Всѣ словесныя сочиненія», говоритъ онъ, «и хороши и нужны не тогда, когда они описываютъ, что было, а когда показываютъ, что должно быть; не тогда, когда они разсказываютъ то, что дѣлали люди, а когда оцѣниваютъ хорошее и дурное... Отъ этого и бываетъ то, что есть горы книгъ, въ которыхъ говорится о томъ, что точно было или могло быть; но книги эти всѣ—ложь. ...И бываетъ, что есть сказки, притчи, басни, легенды, въ которыхъ описывается... такое, чего никогда не бывало и не могло быть; и легенды, сказки, басни эти—правда, потому что онѣ показываютъ... въ чемъ правда Царствія Божія».

«Посмертныя записки старца Федора Кузьмича» могутъ служить яркимъ подтвержденіемъ такого отношенія Толстого къ своему художественному творчеству. Хотя онѣ и касаются дѣйствительнаго историческаго лица, но интересовало Льва Николаевича главнымъ образомъ не то, что на самомъ дѣлѣ произошло или не произошло съ этимъ лицомъ, а то, въ чемъ была бы правда Божія при тѣхъ условіяхъ, въ которыя оно было поставлено. Легенда, которую Толстой взялся разработать, трогала и волновала его не какъ болѣе или менѣе правдоподобное освѣщеніе дѣйствительнаго событія, а какъ глубоко поразившее его выраженіе простонароднаго отношенія къ извѣстнымъ явленіямъ жизни. Записки эти написаны такъ живо, что, читая ихъ, забываешь, что онѣ вымышлены, и ловишь себя на томъ, что принимаешь ихъ за подлинную исповѣдь умершаго старца. А между тѣмъ старецъ этотъ не только ничего похожаго на эти «записки» послѣ себя не оставилъ, но самъ онъ, какъ выясняется послѣдними историческими изслѣдованіями, по всей вѣроятности вовсе не былъ тѣмъ лицомъ, какимъ представило его себѣ въ поэтической легендѣ народное воображеніе.

Настроеніе Льва Николаевича по отношенію къ своей работѣ надъ Федоромъ Кузьмичемъ часто мѣнялось, какъ и вообще съ нимъ нерѣдко бывало при его художественныхъ работахъ. Въ дневникѣ его за 1905 г. отъ 6 октября мы находимъ слѣдующую запись: «Кончилъ «Конецъ Вѣка» и читаю съ отмѣтками Александра I. Ужъ очень слабое и путанное существо. Не знаю, возьмусь ли за работу о немъ». 12 октября: «Федоръ Кузьмичъ все больше и больше захватываетъ. Читалъ Павла. Какой предметъ! Удивительный»... 22 ноября: «Началъ Александра I... очень хочется писать Александра. Читалъ Павла и декабристовъ. Очень живо воображаю». 9 декабря: «Вчера продолжалъ Александра I». 16 декабря: «Писалъ немного Александра I, но плохо». 18 декабря: «Нынче началъ писать Александра I, но плохо, неохотно». Послѣдняя запись въ дневникѣ объ этой работѣ сдѣлана 23 декабря 1905 г.: «Не дотрагивался въ это время ни до Александра I, ни до воспоминаній».

Послѣ того Левъ Николаевичъ, повидимому, больше не возвращался къ «Запискамъ старца Федора Кузьмича», и произведеніе это, къ сожалѣнію, осталось въ совершенно неоконченномъ видѣ.

В. Чертковъ.

ЖИЗНЬ УШЛА.

VIII.

Георгій Константиновичъ нанялъ отдѣльную комнату для своихъ столярныхъ упражненій, предписанныхъ докторомъ. Справили новоселье.

Въ комнатѣ стоялъ станокъ и столярные инструменты. Людмила Игнатьевна принесла пирогъ и сварила шоколадъ. Пилъ дѣдушка съ вундеркиндами. Но это маленькое событіе скоро отошло на второй планъ ввиду второго концерта дѣтей, назначеннаго въ январѣ. Людмила Игнатьевна была всецѣло охвачена заботами о подготовкѣ мальчиковъ. Она почти не замѣчала частаго отсутствія Георгія Константиновича, объясняя его работами въ мастерской. Она такъ и говорила всѣмъ:

— Да, ему необходимъ физическій трудъ, а у насъ нѣтъ комнаты.

Между тѣмъ въ мастерской, какъ-то само собой, безъ всякаго предварительнаго соглашенія, устраивались свиданія съ Ритой. Она не умѣла разобраться въ томъ, что звало ее туда. Иногда тревожныя мысли волновали ее, но тогда она говорила себѣ: „Э, не все ли равно, какъ жить“. А какъ живутъ другіе, тѣ, кого она знала близко? И у нихъ вѣдь также нѣтъ ничего. Зоя живетъ впроголодь, ненавидя буржуевъ. Дувановъ грызетъ себя покаяніемъ, Андрей уже опять сидитъ. Галька уходитъ въ монастырь, Анна — чистая душа, свѣтящаяся оптимизмомъ, кажется, счастлива только тѣмъ, что заперта въ тюрьму. Афанасій Ивановичъ уходитъ за предѣлы бытія... Есть въ этой проклятой жизни какой-то изъянъ, который не могъ быть исправленъ слабыми усиліями людей. Такъ не все ли равно, какъ прожить свой назначенный срокъ? Лишь бы тоска хоть мгновеньями освобождала изъ своихъ тисковъ. Не откроются ли новыя возможности? Сладость грѣха, муки раскаянья? Не помо-

гутъ ли ей они преодолѣть этотъ леденящій ужасъ тоски, что тянетъ ее живую на дно могилы?..

Она ходила въ мастерскую и смѣялась надъ нимъ, смѣялась надъ собой, выворачивала до дна свою душу, съ цинической искренностью грубо оцѣнивала ихъ поведеніе. Георгій Константиновичъ, который думалъ когда-то руководить этой душой, теперь, какъ загипнотизированный, подчинялся ей, совершенно не разбираясь въ быстрой измѣнчивости ея настроенія. Она упрекала его, что въ „грѣхѣ“ не оказалось ничего чарующаго, что не случилось никакого урагана чувствъ. Она смѣялась надъ нимъ и говорила, что изъ-за этого не стоитъ мѣнять хорошей квартиры на скверную меблированную комнату. Было только одно, что доставляло ей нѣкоторое удовлетвореніе—это тайна. Тайна захватила ее, волновала. Она пугала иногда Георгія Константиновича, угрожая раскрыть тайну. Но и это продолжалось недолго. Опять пришла усталость, и къ душѣ присосалась тоска. Раньше было больше силъ бороться съ нею. Она могла смѣяться, шутить въ то время, когда душа леденѣла отъ ужаса, и никто не подозрѣвалъ этого. Теперь силъ стало меньше. Она бродила равнодушная, съ холодными глазами, въ которыхъ исчезъ блескъ жизни, съ безсильными руками, въ которыхъ точно распадались суставы. Зоркій глазъ Жоржика скоро замѣтилъ перемѣну.

—Тебя заколдовали и вынули душу,—сказалъ онъ.

— А ты какъ знаешь, что у меня была душа? Можетъ быть, я родилась безъ души.

— Какъ морская царевна?

— Какъ морская царевна.

Людмила Игнатьевна глубоко страдала и во всемъ винила себя. Это ея эгоизмъ привелъ къ тому, что она утратила довѣріе дочери. Она рѣшила, что Рита влюблена. Ей казалось страннымъ и то, что Дувановъ пересталъ къ нимъ ходить.

— Постарайся при матери быть веселѣе,—совѣтовалъ Георгій Константиновичъ Ритѣ.—Она очень страдаетъ.

— Какой ты добрый. Это похвально: кто наноситъ раны, тотъ долженъ стараться и уврачевать ихъ.

Обращеніе Риты съ Георгіемъ Константиновичемъ пугало его. Въ немъ закрадывались подозрѣнія относительно ея нормальности. Онъ не этого ждалъ. Развѣ можно было назвать счастьемъ такую безпокойную, больную любовь? Рита съ необыкновенной чуткостью угадала перемѣну настроенія отчима. Однажды, прочтя въ его лицѣ тревожныя сомнѣнья, она сказала ему, ни о чемъ не спрашивая:

— Что? Эта ноша не по тебѣ? Ты слишкомъ превознесъ

себя въ своихъ собственныхъ глазахъ... Я такъ и думала. У тебя душа мѣщанская—а ты хотѣлъ изъ нея выскочить. Нѣтъ, братъ, это трудно. Ты самый средній мѣщанинъ, и эта исторія тебѣ не по плечу.

— Зачѣмъ тебѣ нужно меня язвить?

— О, нѣтъ, совсѣмъ не нужно. Я только не могу не видѣть. Теоретически ты разсуждалъ, что то, что мы дѣлаемъ, не преступленье. Что, напротивъ, это—порывъ, красота, сила... А въ душѣ у тебя живетъ самый маленькій, презрѣнный страхъ. Самая маленькая, презрѣнная забота о своемъ спокойствіи... Если это—доблесть, то зачѣмъ ее прятать? Нельзя держать свѣтильникъ подъ спудомъ, говорится въ священной книгѣ...

— Ты смѣешься надо всѣмъ.

— А ты предъ всѣмъ благоговѣешь. Но если ты христіанинъ, то ты долженъ покаяться...

Она увлеклась этой неожиданно возникшей идеей.

— Вѣдь это хорошо. Въ правдѣ есть что-то освѣжающее, какъ гроза—зажигаетъ пожары и освѣжаетъ атмосферу. Давай руку, пойдемъ къ мамусѣ и скажемъ ей все.

Георгій Константиновичъ, конечно, понималъ все это, какъ шутку. Но въ то же время онъ боялся, что вдругъ это окажется серьезнымъ. Эта взбалмошная дѣвушка казалась ему способной на все.

— Я только одного боюсь,—сказала Рита, послѣ маленькой паузы:—а вдругъ и это мнѣ покажется скучнымъ.

— Ты скучаешь, потому что живешь въ праздности.

— Какъ въ праздности? Я очень занята.

— Чѣмъ.

— Любовью...

— Ты и надъ этимъ издѣваешься.

— Не издѣваюсь, а сомнѣваюсь: настоящее ли это? Такъ ли любятъ? Въ романахъ любовь описывали когда-то такими радужными красками. Скажи—ты счастливъ? Ты безумно счастливъ? Ты готовъ за меня умереть? Готовъ пойти въ огонь и воду? Ты можешь ради меня совершить преступленіе? Почему ты мнѣ не клянешься въ вѣчной любви?.. Ну, и все такое прочее, что полагается...

Она заглянула ему въ лицо, и онъ не могъ понять, что свѣтится въ ея глазахъ—дѣтскій испугъ или отчаяніе трагически одинокой души.

Онъ обнялъ ее, говорилъ ласковыя слова, но она сидѣла, холодная, неподвижная, чутко прислушиваясь къ его голосу... И, можетъ быть, отъ этой ея неподвижности его слова и ласки становились фальшивыми. И тогда оба чувствовали себя глубоко несчастными.

IX.

Декабрь—мѣсяцъ треволненій въ семействѣ Скадовскихъ.

Покойный мужъ Людмилы Игнатьевны оставилъ ей порядочныя средства, но она никогда не умѣла справиться съ тѣмъ, что получала. Къ концу года оказывалась обыкновенно вся въ долгахъ. Лично на себя она тратила мало. Одно-два платья, да большое количество шерстяныхъ кофточекъ, которыя она мѣняла каждый день и потому всегда казалась порядочной. Но вундеркинды стоили дорого. Еще дороже обходилась ей тщеславная увѣренность въ своей хозяйственной опытности. Строго проводилась система оптовыхъ заготовокъ. Результатомъ этого было, что часть закупленнаго портилась и выбрасывалась, остальное расходовалось самымъ непроизводительнымъ образомъ. Закупки эти облегчались тѣмъ, что не надо было платить денегъ—все давали въ долгъ. Но въ серединѣ декабря кредиторы вдругъ начинали проявлять неумолимую суровость. Въ кухнѣ появлялись парни въ грязныхъ полотняныхъ фартукахъ, пахнувшіе свѣжей кровью или сельдереемъ. Всѣ они повторяли одно и то же:

— Хозяинъ приказалъ, чтобы безпремѣнно получить...

Этихъ молодыхъ людей не трудно было спровадить. Но когда появлялись толстые субъекты въ сапогахъ бутылками, съ окладистыми бородами, съ красными, короткими, точно обрубленными пальцами, дѣло принимало серьезный оборотъ. Сначала говорили: „барыни нѣтъ дома“. Но субъекты отвѣчали: „ничего-съ, мы подождемъ“, и крѣпко усаживались въ кухнѣ. Затѣмъ объявлялось, что барынѣ некогда, что у ней гости, что она больна.

— Мы подождемъ,—отвѣчали личности и, терпѣливо посапывая, сидѣли.

Жоржикъ, отъ котораго не укрывалось ни одно событіе въ домѣ, использовалъ и это въ своихъ интересахъ.

— Мамуся, хочешь они сейчасъ будутъ думать, что мы милліонеры?—Эй, Олимпъ,—вотъ тебѣ десять тысячъ... Ступай въ мелочную, размѣняй на пять, на три и на двѣ.

— Шш...—доносится изъ спальной, но Жоржикъ не унимается.

— Пааслушай,—кричитъ онъ громко.—Купи автомобиль и десять штукъ ананасовъ.

— Боже мой, что мнѣ дѣлать съ этимъ мальчишкой?—говоритъ Людмила Игнатьевна.—Хоть бы ты, Фоня, унялъ его.

— Эй, Маркъ,—давай разложимъ Жоржа на составныя части, высушимъ и распылимъ въ пространствѣ,—проектируетъ Исторовъ, зажимая ротъ младшему вундеркинду.

Жоржикъ вырывается.

— Вотъ погодите, наступитъ и у меня переходный возрастъ. Тогда мнѣ все можно будетъ дѣлать.

Людмила Игнатьевна, появляясь въ кухнѣ, сразу переходитъ въ наступленіе.

— Что это за мода, приходить передъ праздниками? Будто вы не знаете, что въ это время всѣмъ нужны деньги.

— Вотъ и намъ, сударыня, нужны.

— Зачѣмъ вамъ деньги? Вы торгуете, у васъ деньги каждый день...

Послѣ цѣлаго ряда аргументовъ столь же мало убѣдительныхъ, кредиторы все-таки нѣсколько успокаивались, довольные, что къ нимъ вышла сама барыня. Но сколько было еще предпраздничныхъ заботъ! Усердіе вундеркиндовъ поддерживалось заманчивыми обѣщаніями рождественскихъ подарковъ. Жоржикъ задолго до праздниковъ напоминалъ объ этомъ. Маркъ же, познавшій тщету обѣщаній, больше возлагалъ надежды на дѣда и удваивалъ къ нему свое вниманіе. Людмила Игнатьевна искренно желала выполнить обѣщанія, но что же дѣлать, когда къ концу года не хватало денегъ. Приходилось пускаться на хитрости и слѣдовать примѣру Марка. Да и дѣдушка поджидалъ обычнаго похода на его карманъ.

За послѣобѣденнымъ кофе, когда вся семья въ сборѣ, Людмила Игнатьевна подаетъ чашку дѣдушкѣ и тихонько вздыхаетъ.

— Не знаю, право, что и дѣлать.

Маленькая пауза.

— Маркъ, ты опять читаешь. Вѣдь только третьяго дня я взяла съ тебя честное слово...

— Ты брала, но я не давалъ,—возразилъ Маркъ, не отрываясь отъ книги.

— Какъ тебѣ не стыдно,—говоритъ дѣдушка и озабоченно качаетъ головой.—Твой отецъ...

— Нашъ отецъ никогда такъ не дѣлалъ,—слышишь Жоржикъ. Но ты забылъ, дѣдушка, что у Марка переходный возрастъ.

Невольно всѣ улыбаются. Людмила Игнатьевна опять ведетъ свою линію.

— Не понимаю, какъ это случилось. Почему къ концу года накопилось столько долговъ. Это такъ странно? Ужъ я такая экономная, а передъ праздниками...

Всѣ громко смѣются. Смѣется дѣдушка, потирая руки.

Смѣется Рита, останавливая ласковый взглядъ на матери. Снисходитъ до улыбки Георгій Константиновичъ. Даже Фоня не можетъ удержаться и улыбается, закрывшись салфеткой. Про Жоржика и говорить нечего: свой широкій ротъ онъ раскрылъ до ушей. Только Маркъ ничего не слышитъ, занятый чтеніемъ.

— Господа, что же тутъ смѣшного?—обиженно спрашиваетъ мамуся.—Жоржъ, это что за манера,—восклицаетъ она, какъ будто Жоржъ въ первый разъ въ жизни позволилъ себѣ такую непочтительность.—Ступай играть.

— Но, мамуся,—ты сейчасъ начнешь говорить о рождественскихъ подаркахъ.

— Ступай безъ разговоровъ.

Жоржикъ нехотя повинуется и уходитъ. Вмѣстѣ съ нимъ уходитъ и гнѣвъ Людмилы Игнатьевны. Изъ гостиной доносятся лихія октавы младшаго вундеркинда.

— Я не понимаю, чему вы смѣетесь,—продолжала Людмила Игнатьевна.—Неужели кто-нибудь можетъ сказать, что я плохая хозяйка?

Никто не рѣшается это сказать, ибо мамуся слишкомъ мила въ своемъ наивномъ заблужденіи.

— И почему именно на Рождество, когда нужно столько денегъ... Ужъ лучше бы Рождество бывало въ январѣ. Я, дѣйствительно обѣщала Жоржику...

Октавы прервались. Младшій вундеркиндъ, услышавъ свое имя, появился въ столовой.

— Да, муся, ты мнѣ обѣщала: штиблеты, брюки, аэропланъ и коллекцію марокъ.

Маркъ неожиданно поднялъ голову и продолжалъ тономъ Жоржика.

— Особнякъ на Крестовскомъ, автомобиль, зеленаго попугая, шимпанзе, кинематографъ...

— Довольно, довольно, — воскликнулъ дѣдушка, при общемъ хохотѣ.

Людмила Игнатьевна не отрицала своихъ обѣщаній. Отправивъ Жоржика обратно къ роялю, она сказала:

— Да, все это я обѣщала...

— И шимпанзе съ автомобилемъ?—меланхолически замѣтилъ Маркъ, не поднимая головы отъ книги.

— Но гдѣ же мнѣ достать денегъ?

Она остановила свои кроткіе глаза на дѣдушкѣ, и тотъ сразу призналъ себя побѣжденнымъ.

— Ты скажи, сколько?—спросилъ онъ, вынимая бумажникъ.

Людмила Игнатьевна покраснѣла, растерянно улыбнулась.

— Ахъ, папа, мнѣ ужасно совѣстно... Дай сколько хочешь.

— И я согласенъ внести праздничную контрибуцію,— заявилъ Георгій Константиновичъ.

— Какіе вы всѣ милые... Какъ я рада. Значитъ, на Рождество будетъ весело.

Она взглянула на дочь, какъ бы ожидая отъ нея подтвержденія. Рита ласково улыбнулась. Съ нѣкотораго времени она казалась веселѣе и какъ-то спокойнѣе—не было бурныхъ вспышекъ и ироническихъ замѣчаній. Она больше молчала и только иногда бросала фразы, непонятныя для тѣхъ, кто не могъ заглянуть въ глубину ея души.

Георгій Константиновичъ также отдыхалъ, измученный частой смѣной настроеній, которыя больше всего отзывались на немъ.

Людмила Игнатьевна, получивъ деньги, окунулась въ свою стихію—ушла за покупками. Они остались одни.

— Я такъ радъ, что ты какъ будто приходишь въ равновѣсіе,—сказалъ онъ.—А то, право, наша жизнь похожа на какой-то бредъ.

— Правда, я измѣнилась... угадай, почему?

Онъ сталъ угадывать.

— Ну, просто поздоровѣла. А можетъ быть, придумала для себя какое-нибудь занятіе?

— Да, вродѣ того. Только я не сама придумала себѣ занятіе.

— Это—загадка?

Онъ взглянулъ на нее и испугался.

Ея глаза, обведенные темными кругами, смотрѣли на него съ какимъ-то новымъ выраженіемъ, котораго онъ не умѣлъ понять.

— Что ты хочешь сказать?—спросилъ онъ нетерпѣливо.

Она остановила на немъ неподвижный взглядъ и медленно произнесла:

— Развѣ я не сказала ясно? Да, у меня есть занятіе. Но придумалъ мнѣ его... угадай, кто.

— Рита,—воскликнулъ онъ.

— Конечно, природа,—продолжала она, не сводя съ него глазъ.—Что? Испугался. Значитъ, угадалъ.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе. Георгію Константиновичу оно казалось безконечнымъ. Онъ глубоко сѣлъ въ кресло, рѣзко отстранилъ любимца кота и растерянно провелъ рукой по волосамъ.

— Ты увѣрена, что это такъ?

— Почему же нѣтъ? Я въ этомъ не вижу ничего страшнаго... Мнѣ это нравится... И я такъ рада, что мнѣ это нравится.. Стало спокойно на душѣ.

— Отъ матери надо скрыть, — рѣзко сказалъ Георгій Константиновичъ.

— Пожалуй, надо было раньше подумать о матери... Но вѣдь воля свободна...

— Оставь шутки. Всѣ свободны за себя, но не за другихъ.

— Ага, ты теперь фехтуешь альтруизмомъ, какъ раньше фехтовалъ эгоизмомъ... Мнѣ кажется, ты просто хочешь умыть руки.

— Я боюсь за тебя.

— Какъ? Ты боишься мнѣнія мѣщанъ?

— Перестань, Рита. Можетъ быть, ты ошибаешься?..

— Нѣтъ, я не ошибаюсь,—безпечно отвѣчала она.

Онъ удивлялся ея спокойствію и сомнѣвался въ его искренности. А между тѣмъ Рита, дѣйствительно, радовалась неожиданному равновѣсію своей тревожной души. Она радовалась, что могла ухватиться за что-нибудь, что привязывало ее къ жизни. Ей казалось, что материнство исцѣлитъ ее, изгонитъ злого духа, подтачивающаго ея волю и жизнь. Она искала, чѣмъ спасти себя. Это было для нея самое главное. А все остальное—обыденное, житейское,—казалось ей ничтожнымъ. Совсѣмъ иначе отнесся къ этому Георгій Константиновичъ. Для него именно это обыденно-житейское казалось чѣмъ-то большимъ и страшнымъ. Онъ не умѣлъ бороться и первый разъ въ жизни очутился въ центрѣ событій, съ сознаніемъ отвѣтственности за свою вину. Чутко настроенная Рита тотчасъ же угадала, что происходитъ въ душѣ Скадовскаго. Что-то теплое, что на мгновеніе согрѣло ее, вдругъ заледенѣло. А ей такъ хотѣлось прильнуть къ нему, разсказать про себя. Поговорить ласково, безъ обычной ироніи, обсудить вдвоемъ, что дѣлать. Но, почувствовавъ себя обманутой, она снова замкнулась, одинокая, гордая.

Георгій Константиновичъ совершенно забылъ о ней; онъ думалъ только о себѣ.

— Я думаю только о тебѣ,—сказалъ онъ.—Надо найти выходъ. Надо сдѣлать такъ, чтобы ты возможно меньше пострадала.

— „Возможно меньше“... вотъ это стиль. Что за суконныя слова ты говоришь...

— Но, дорогая, что же намъ дѣлать?

— Изъ романовъ я знаю, что счастливые мужья въ подобныхъ случаяхъ заключаютъ въ объятья своихъ счастливыхъ женъ, а испуганные любовники рѣшаютъ вмѣстѣ умереть...

— Какъ ты можешь шутить?..

— Я вовсе не шучу. Если бы ты бѣгалъ по комнатѣ,

рвалъ на себѣ волосы, наполнялъ воздухъ проклятіями,— я бы это все поняла, но когда ты стоишь съ такимъ лицомъ, какъ жалкій трусъ...

— Это неправда!

Онъ старался вложить въ это восклицаніе самый энергичный протестъ, но голосъ его звучалъ фальшиво.

— Нѣтъ, это правда. Если бы я ошибалась, ты бросился бы ко мнѣ, ты согрѣлъ бы меня нѣжной лаской, ты любилъ бы меня...

Она говорила это и чувствовала, какъ раздвигается между ними пропасть. Какимъ чужимъ онъ казался ей въ эти минуты!..

— А всетаки я немного отдохнула,—сказала она свою мысль, не обращаясь къ нему.

— Но потому что я люблю тебя, я и стараюсь придумать исходъ... Конечно, есть средства... Я ихъ тебѣ не совѣтую...

Онъ сдѣлалъ паузу, какъ бы зондируя почву. Рита презрительно улыбнулась.

— Есть еще выходъ... Мнѣ очень трудно думать объ этомъ... Но это бы насъ всѣхъ спасло...

Рита остановила на немъ холодные глаза. Она уже поняла, что онъ хотѣлъ сказать, но желала, чтобы онъ досказалъ.

— Ты понимаешь... Нынѣшняя молодежь очень широко смотритъ на это... Я думаю, что...—онъ остановился.

— Если такъ легко придумать гнусность, почему же такъ трудно ее сказать? Ну, хорошо, я помогу тебѣ: ты хочешь, чтобы я обманула Дуванова...

— Вотъ видишь, зачѣмъ ты такъ дурно думаешь обо мнѣ? Зачѣмъ обманывать? Можно сказать... Конечно, безъ особенныхъ подробностей... Онъ такъ тебя любитъ... Погоди, Рита, куда же ты?

Она уже стояла у двери.

— На языкѣ мѣщанъ то, что ты сказалъ, называется подлостью, а то, что мы сдѣлали—развратомъ.

Она вышла, осторожно отворивъ дверь, и такъ же осторожно, неслышными шагами, вошла въ свою комнату. Неподвижная, прямая, опустилась въ кресло.

— Да, въ такомъ освѣщеніи,—продолжала она свою мысль,—это все отвратительно.

Изъ гостиной долетали звуки рояля. Эти хроматическія октавы Жоржика навсегда соединились въ представленіи Риты съ ужасными мгновеніями ея жизни.

Вдругъ за дверью послышалось пѣніе кузена.

— Какъ два цвѣтка мы расцвѣтали... Плачь, Маргарита... Можно войти?

— Не знаю, нужно ли. Иди, если хочешь.

Онъ вошелъ, остановился и продолжалъ пѣть:

— Плачь, дорогая... но я съ тобою плакать не хочу...

— А ты подслушалъ?

— Нѣтъ, было слышно и такъ. Этотъ субъектъ, конечно, остороженъ и говорилъ тихо, но ты, нужно сказать правду, мало стѣснялась. Нужна вся дѣтская наивность твоей матери, чтобы не догадаться, въ чемъ дѣло.

— Зато ты очень стараешься догадаться.

— Нѣтъ, я думаю совсѣмъ о другомъ...

Онъ сѣлъ возлѣ Риты и взялъ ея руку.

— Риточка, мнѣ кажется, что пришло время забыть субъекта... Кажется, довольно... Все выпито до дна и т. д. Но все это неважно. Важно то, что твоя душа спасена. Она осталась такой же трагически неудовлетворенной, такой же единственной и потому мнѣ дорогой...

— Я польщена.

— Итакъ, для того, чтобы устранить всякія скучныя обстоятельства на твоемъ пути, я предлагаю тебѣ, о Маргарита, свою руку... только руку, безъ сердца.

Теплой волной прошли эти слова по душѣ Риты.

— А какъ же Цезарь Борджія?—спросила она съ доброй улыбкой.—Развѣ онъ допускаетъ такія отступленія отъ программы злодѣйствъ?

— Мнѣ Цезарь именно и представляется злодѣемъ, вѣчно алчущимъ добродѣтели.

— Итакъ, ты констатируешь свою добродѣтель?

Мимолетное теплое чувство опять исчезло.

— Благодарю,—продолжала она,—но не хочу на всю жизнь быть подавленной твоимъ превосходствомъ... Ты знаешь, я сама ставлю себя выше всѣхъ.

— Для меня было бы большой радостью помочь тебѣ...

— Еще разъ благодарю. Но такъ прятаться гадко. Значитъ, и ты считаешь меня виноватой. Если я сдѣлаю такъ, какъ ты предлагаешь, то и я признаю, что должна что-то скрывать.

— Да ты и виновата... Не въ томъ, въ чемъ будутъ тебя обвинять вульгарные моралисты... Ты виновата въ томъ, что рисковала потерять свою душу.

— Такъ что же исправитъ твоя доброта?

— Защититъ отъ мѣщанской пошлости.

— Я не боюсь ея.

Ритѣ хотѣлось теплѣе поблагодарить кузена. На мгновенье ее потянуло разсказать ему, что она пережила въ по-

слѣдніе дни, какъ обрадовалась сначала возможности материнства, какъ посѣтила ее надежда исцѣленья и какъ опять пришло старое чудовище тоски и холода и пожрало и эту радость, и эту надежду. Но ей не удалось преодолѣть обычной застѣнчивости и, какъ всегда, она ограничилась фразой, которая осталась непонятой.

— Неправда ли,—печально стараться объяснить то, чего объяснить нельзя?

Онъ взялъ ее за обѣ руки.

— Рита,—сказалъ онъ, крѣпко сжимая руки, будто стараясь разбудить ее отъ сна,—будь же сильнѣе... Я понимаю, все кругомъ можетъ опротивѣть. Но вѣдь у тебя есть твоя душа. Встряхнись. Я не зову тебя къ той жизни, которой живутъ всѣ и отъ которой ты отвернулась... Есть другая жизнь. Жизнь, отрѣшенная отъ этого міра призраковъ, нелѣпыхъ, пошлыхъ, которыхъ всѣ принимаютъ за дѣйствительность... Надо искать настоящую жизнь. Надо проникать въ тайны великаго творчества... Сдѣлай усиліе, захоти... И сковывающія тебя цѣпи упадутъ...

Руки ея были холодны, и, когда онъ оставилъ ихъ, онѣ лежали у нея на колѣняхъ неподвижно, какъ неживыя. Поднявъ на него свои длинные, усталые глаза, въ которыхъ не было прежняго удивительнаго блеска, она безпомощно сказала.

— Не могу хотѣть... Право, повѣрь, бываютъ мгновенья, когда я чувствую себя какъ бы умершей.

— Какъ могъ убить твою волю къ жизни этотъ ничтожный человѣкъ, этотъ фигляръ, позирующій на героя!.. Что же будетъ съ тобою, Рита?

— Не знаю?—Голосъ ея звучалъ полной искренностью.—Единственное, что мнѣ доставляетъ удовольствіе, это сонъ. Хорошо спать.

— А если во снѣ видѣнья посѣтятъ?.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо.

X.

— Какъ могъ убить твою волю къ жизни этотъ ничтожный человѣкъ?..—Рита вспоминала это презрительное восклицаніе.

Но развѣ это сдѣлалъ онъ? Развѣ и раньше тоска не давила ея душу? Развѣ не чувствовала она такой же пустоты, не зная, за что уцѣпиться? Но мысль, что этотъ человѣкъ нанесъ ей послѣдній ударъ, все сильнѣе овладѣвала ею. Послѣ того страшнаго разговора подъ звуки хро-

матическихъ этюдовъ Жоржика, она тогда же почувствовала невозможность жить. Можетъ быть, сочувствіе Историва, его оскорбительное замѣчаніе подняли въ ней протестъ. Вдругъ выросла рѣшимость бороться. Нѣтъ, никто не согнетъ ее. Она свободно и гордо приметъ всѣ послѣдствія своихъ поступковъ. Вѣдь она дѣлала то, что хотѣла!

Это самовнушеніе на нѣкоторое время поддерживало ее. Она оживилась, помогала матери, ухаживала за дѣдомъ, который вслѣдствіе простуды не выходилъ изъ дому. Она съ любопытствомъ разсматривала этого восьмидесятилѣтняго старика, съ его крѣпкой привязанностью къ жизни, съ неослабѣвающей жаждой впечатлѣній. Какъ педантически аккуратно выполнялъ онъ всѣ правила гигіены, всѣ предписанія врача, какъ точно распредѣлялъ время сна, отдыха, прогулокъ, пріема пищи, съ какой тщательностью охранялъ свою діету!

— Ты счастливый, — сказала она, искренно завидуя старцу,—если бы мнѣ хоть маленькую долю твоей привязанности къ жизни.

— А ты еще глупа, гордишься молодостью и не цѣнишь жизни. Станешь старше, поумнѣешь,—ворчливо отвѣчалъ дѣдъ.

Когда справлялись о его здоровьѣ, онъ сердился.

— Причемъ тутъ здоровье? Никакихъ болѣзней нѣтъ... Есть невѣдомые враги, съ которыми надо бороться. Если я силенъ, то и одолѣю.

И онъ, дѣйствительно, не разъ побѣждалъ своего врага.

— Вотъ, что дѣлаетъ сила воли,—хвалился онъ, снова появляясь на своемъ обычномъ мѣстѣ.—А вотъ ты,—сказалъ онъ, пораженный блѣдностью Риты, — сосудъ скудельный...

Она улыбнулась и подумала: „ну, что же, зато я этотъ сосудъ могу разбить когда угодно“.

Она не знала, откуда шла эта обезсиливающая зараза тоски... Ея воспріимчивая душа впитывала въ себя эти носившіеся въ воздухѣ микробы. Но въ то-же время инстинктъ самосохраненія еще жилъ въ ней. Она охотно пошла бы туда, гдѣ нашлось бы средство спасенія. Неужели на всемъ свѣтѣ нѣтъ никого, кто бы могъ ей помочь? Можетъ быть, въ первый разъ въ жизни она почувствовала страстную потребность раздѣлить съ кѣмъ нибудь свое горе. Если бы она могла поговорить съ Анниной... Но та была въ тюрьмѣ. Историвъ посѣщалъ ее въ качествѣ жениха и передавалъ, что она тамъ чувствуетъ себя превосходно. Онъ нашелъ даже способъ устроить переписку, и Рита написала ей длинное письмо, но разорвала его, потому что сомнѣвалась, что

оно дойдетъ по адресу. Послала только коротенькую записочку: „Мой нѣжный цвѣтокъ, моя звонкая лютня,—мнѣ недостаетъ тебя. Посмотрѣла бы въ твои глаза, такъ стало бы мнѣ легче. Наша жизнь—сплошь одна мертвецкая“.

У Риты оставался еще Дувановъ. Милый Дуванчикъ! Она была такъ холодна съ нимъ, что онъ совсѣмъ куда-то пропалъ. Можетъ быть, онъ любитъ ее той широкой, всепрощающей любовью, о которой разсказывается въ старыхъ книгахъ... Онъ такой добрый, совсѣмъ не модернистъ. Ей захотѣлось узнать, какъ онъ отнесется къ событіямъ. Она написала Дуванову, сохраняя въ письмѣ свой обычный шутливый тонъ: „Свиданья обыкновенно принято назначать въ мѣстахъ таинственныхъ. И хотя мнѣ рѣшительно не отъ кого скрываться, но и мнѣ хочется видѣть васъ въ необычной обстановкѣ. Время и мѣсто: завтра, въ 12 часовъ, въ Эрмитажѣ“.

— Милый, добрый Дуванчикъ, какъ онъ обрадуется этому листку. Онъ бережно спрячетъ его и будетъ хранить, какъ реликвію... Да, такъ было раньше. А какъ будетъ дальше—не знаю.

Дувановъ явился въ назначенное время, радостный, взволнованный, сразу отыскавъ Риту, которая сидѣла въ перистилѣ за балюстрадой, подъ мраморной лѣстницей.

— Я такъ обрадовался и испугался,—говорилъ онъ,—думалъ, не шутка ли.—Онъ крѣпко пожалъ ея холодную руку и стоялъ, разсматривая измѣнившееся лицо дѣвушки.

— Въ чемъ дѣло, родненькая?

Она улыбалась, но глаза ея, потерявшіе блескъ, обведенные синевой, смотрѣли угрюмо.

— А вы думаете, что есть дѣло? Да вы сядьте, не вертитесь. Тутъ хорошо. Нѣтъ никогда ни одной физіономіи. А эти,—она указала на мраморныя статуи между колоннами,—если что и услышатъ, ничему не будутъ удивляться.

— Значитъ, я могу удивиться?

— Это будетъ зависѣть отъ вашей впечатлительности.

Но не такъ легко было говорить на свою тему. Это совсѣмъ не то, что обсуждать различные вопросы на вечеринкахъ.

По мѣрѣ того, какъ Дувановъ присматривался къ лицу дѣвушки, онъ терялъ свое настроеніе.

— Послушайте, что съ вами?—спросилъ онъ озабоченно.—Васъ кто-нибудь обидѣлъ?

— Кто меня можетъ обидѣть? Ахъ нѣтъ, Дуванчикъ, простите. Да, обидѣлъ.

— Кто?—зачѣмъ-то вскакивая, спросилъ Дувановъ, почувствовавъ сильный приливъ ярости.

Рита улыбнулась.

— Сидите, — сказала она и потянула его за руку на прежнее мѣсто.—Обидчикъ вамъ не подъ силу: меня обидѣлъ Богъ.

— Родненькая, скажите мнѣ все... Скажите открыто, какъ брату, какъ старому другу... Я вижу, что вамъ трудно. А если не хочется говорить, то не разсказывайте. Скажите просто, что надо сдѣлать. И я сдѣлаю то, что вамъ нужно.

Рита, какъ всегда, дѣлая выводъ изъ своихъ невысказанныхъ размышленій, сказала:

— Да, вы достойны любви.

И совсѣмъ неожиданно прибавила:

— Послушайте, если воля человѣка не свободна, то какой смыслъ имѣютъ слова—вина, прощеніе, раскаяніе. Тогда это все пустой звукъ.

Она взглянула на него долгимъ, глубокимъ взглядомъ, въ которомъ онъ прочелъ тяжелую скорбь. Въ немъ зашевилилось предчувствіе какой-то опасности. Она поблѣднѣла и опустила глаза.

— Мнѣ кажется, — тихо отвѣтилъ Дувановъ,—что люди этими словами пытаются объяснить свои ощущенія. Какія бы ни были слова, но сущность всегда одна и та же: счастье и муки человѣческаго сердца.

— Счастье и муки... Значитъ, слова, это какъ бы соусъ, подъ которымъ всегда подается одно и то же блюдо. Тогда не стоитъ и говорить... А какъ вы думаете, можетъ ли чувствовать себя правымъ тотъ, кто причиняетъ страданія, или правъ тотъ, кто ненавидитъ за то, что долженъ страдать?

— Страсти стихійны, а все стихійное перескакиваетъ черезъ этику. Да и вообще этику выдумали слабые въ свою защиту.

Тонкой змѣйкой пробѣжала по губамъ Риты обычная усмѣшка. Она сказала:

— Итакъ, Дуванчикъ, вы, вооруженный такой философіей, должны величественно не замѣчать ничтожное существо женскаго пола, сидящее рядомъ съ вами.

— Вы знаете, что я могу только любить васъ.

Нѣсколько секундъ оба молчали.

— Оставимъ эти отвлеченности, скажите просто, что съ вами?

Она молчала и мучительно стыдилась своего молчанія. Значитъ, она поступила дурно, если не можетъ говорить свободно. Съ громаднымъ усиліемъ воли она попробовала принять спокойный полушутливый тонъ.

— Я разскажу вамъ сказку. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ

нѣкоторомъ государствѣ жила царевна... И пріѣхалъ ко двору индѣйскій принцъ, и царевна его...

Она не могла выдержать этого тона. Заговорила печально и тихо:

— Нѣтъ, она его даже и не любила... Это было что-то странное, больное... Какой-то нелѣпый протестъ... Казалось что это интересно, что это страшно, какъ будто ходишь по краю пропасти... Что для этого нужна особенная смѣлость. Ну, а вышло, что все это безцвѣтно, ничтожно, мѣщански вульгарно...

Она встала, и взглянувъ на Дуванова, прибавила болѣзненно дрогнувшимъ голосомъ:

— Словомъ сказкѣ конецъ, и вообще все кончено... А вы... если вамъ больно... то утѣшайтесь философіей.

— Но и вамъ больно,—просто сказалъ онъ.

— Мнѣ? Да, мнѣ больно, но совсѣмъ иначе... мы съ вами стоимъ на разныхъ плоскостяхъ, какъ говорятъ полемисты Вамъ больно, потому что вы живой, и чувствуете какъ живой, а мнѣ больно потому, что во мнѣ нѣтъ ничего живого.

Она взглянула на него скорбными, молящими глазами и взяла его руку.

— Сядьте, сядьте,—сказалъ онъ.

Она машинально повиновалась.

— Что мнѣ дѣлать? Мнѣ нечѣмъ жить... Меня покинулъ духъ жизни. Тѣло мое живое, сильное—а души нѣтъ. Есть какая-то страшная, зіяющая пустота. Ахъ нѣтъ, совсѣмъ не потому, о чемъ вы думаете. Я сильна. Я вынесла бы все, если бы захотѣла... Но я не могу захотѣть..

Дувановъ слушалъ ее, но не сразу понялъ, въ чемъ дѣло. А когда понялъ, то его охватилъ бѣшеный гнѣвъ. Она мгновенно почувствовала это, угадала по его лицу, и сердце ея, раскрывшееся, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни, тотчасъ же опять замкнулось. Какое-то ледяное спокойствіе вдругъ овладѣло ею.

— „Ты для себя лишь хочешь воли“,—продекламировала она, качая головой.

— Да нѣтъ... не то, совсѣмъ не то,—бормоталъ Дувановъ, подавленный яростью, для которой не находилъ выхода.

— Бѣдный Дуванчикъ, и вы—какъ всѣ!

— А, чортъ!—воскликнулъ онъ стуча кулакомъ по колѣну.—Ну да, какъ всѣ.. Я кричу какъ всѣ, когда меня лупятъ по головѣ дубиной.

— Примите болѣе живописную позу, вонъ дама васъ лорнируетъ.

Но онъ не могъ сидѣть и зашагалъ по мраморнымъ плитамъ.

— Да что же онъ... этотъ... не свободенъ? — бормоталъ онъ въ бѣшенствѣ.—Что, онъ не можетъ жениться...

Глаза Риты сдѣлались холодны, какъ двѣ блестящія льдинки.

— Почему вы не спросите, хочу ли я, чтобы онъ на мнѣ женился?

И съ какимъ-то злорадствомъ въ голосѣ, она прибавила:

— Впрочемъ, и онъ не можетъ жениться. Эго мужъ моей матери.

Дувановъ безсознательно схватился за статую Флоры. Рита улыбнулась и съ обычной ироніей сказала:

— Даже боги древности вамъ здѣсь не помогутъ.

— Моя дорогая, милая,—бормоталъ онъ потрясенный,—такая славная, такая умница... О, я ему раздроблю голову!..

Онъ былъ такъ искрененъ въ своемъ гнѣвѣ, что Рита снова почувствовала себя неодинокой.

— А я вамъ очень благодарна,—сказала она тихо, и въ голосѣ ея дрогнули гдѣ-то далеко скрытыя слезы.

— Причемъ здѣсь благодарность,—бѣсился Дувановъ.— Какая подлость! Обманывать такого человѣка! Эту чистую, дѣтски-наивную душу... Нѣтъ, это невозможно.

— Какой же здѣсь обманъ?.. Вѣдь чувство свободно... Что я не сказала ей? Но развѣ эго нужно?

— Моя родная, бѣдное дитя, вы готовы вызвать на бой самую вѣчность. При чемъ здѣсь вы? Развѣ вы можете быть виноваты?

— Вины здѣсь нѣтъ, но есть отвѣтственность. И всю отвѣтственность я принимаю на себя. Я здѣсь была болѣе активна, чѣмъ онъ. Онъ трусъ и лицемѣръ... Пожалуй даже и не лицемѣръ, а только трусъ...

— Но вы...—Дувановъ задыхался отъ ревности и гнѣва,—что вы нашли въ этой выхоленной куклѣ, въ этомъ модернисткомъ Молчалинѣ? Нѣтъ я прибью его палкой!

— Этимъ докажете свое доброе отношеніе къ мамусѣ...

— Такъ что же мнѣ дѣлать? Куда мнѣ дѣвать свое бѣшенство?.. Чѣмъ онъ заинтересовалъ васъ?

— Чѣмъ?—Она хотѣла добросовѣстно отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Мнѣ кажется иногда, что я о немъ совсѣмъ не думала... Я была занята только собою... Искала сильныхъ ощущеній... Въ этомъ было что-то жгучее... Какая-то манящая опасность... Это было то, о чемъ всѣ сказали бы—нельзя, а я говорила: хочу. Всѣ, даже онъ, находили, что это страшно... А я не боялась... Это поднимало во мнѣ какія-то силы и освобождало отъ жуткой пустоты... Ну, вотъ кажется и все... Впрочемъ, зачѣмъ скрывать? Онъ мнѣ всетаки пра-

вился... Иногда онъ хорошо говорилъ... Я о немъ думала много, много...

— А онъ?

— Кажется, онъ меня любилъ, а теперь... Испугался и придумываетъ, какъ бы ему съ честью выйти изъ этой исторіи.

— Негодяй, гнусвецъ!..

— И онъ придумалъ... чтобы вы женились на мнѣ.

Дуванову стало холодно и жутко.

Вотъ то святое, чистое, предъ чѣмъ онъ благоговѣлъ, что сіяло для него какимъ то дивнымъ свѣтомъ, растоптано въ грязи. Онъ вдругъ вспомнилъ свой разговоръ съ Андреемъ, свое отступничество, свои мечты о личномъ счастьѣ... Въ немъ поднялась странная злоба противъ самого себя.

— Вотъ такъ мнѣ и надо,—сказалъ онъ,—все это я заслужилъ.

— Вы заслужили такое оскорбленіе?—сказала она насмѣшливо,—но это вы напрасно: я не собираюсь васъ оскорблять. Я ему сказала, что никогда не выйду за васъ.

— Ахъ нѣтъ, я совсѣмъ не объ этомъ думалъ. Вы не такъ меня поняли...

Но онъ говорилъ устало, точно новая волна нахлынула и унесла его настроеніе.

— Я поняла, что вы почувствовали свое превосходство. Вы хотѣли покровительствовать мнѣ. Вы такъ посмотрѣли на меня, какъ будто бы я уже ваша собственность и при томъ собственность съ изъяномъ...

— Рита...

— Ахъ, вы всѣ торгуетесь!.. Сначала хотите что-то сорвать, потомъ находите товаръ неподходящимъ... А вѣдь я все та же... И все также одна, и никто не можетъ мнѣ помочь...

— Я отдалъ бы жизнь за васъ...

— Да, я знаю... Вы отдали бы жизнь, но забыть вы не можете.

Онъ молча опустилъ голову.

Она вдругъ вскочила и быстро сбѣжала по мраморной лѣстницѣ, одѣлась и уже была на извозчикѣ, когда онъ появился на панели въ разстегнутомъ пальто, отыскивая ее съ растеряннымъ видомъ. Она уѣхала, а онъ шелъ за ней, какъ будто хотѣлъ догнать извозчика.

— Да, чортъ возьми,—думалъ онъ.—Этого забыть нельзя.

И вдругъ онъ совершенно пересталъ думать о Ритѣ. Всѣ его мысли были охвачены воспоминаніями о томъ, что они говорили съ Андреемъ.

XI.

Дни для Риты проходили какъ во снѣ. Но зато ночью у нея начиналась своя жизнь. Дѣйствительность казалась ей кошмаромъ, а въ своихъ ночныхъ видѣніяхъ и грезахъ она находила отдыхъ. Она во снѣ переживала то, что когда-то, въ дѣтствѣ, мелькало передъ ея широко открытыми, но не понимающими глазами. Въ первые годы, когда только начинало пробуждаться ея сознаніе, она радостно тянулась къ жизни, которая казалась ей переполненной никогда не исчерпаемымъ содержаніемъ, играла красками и звуками, манила къ себѣ... По ночамъ приходили къ ней эти воспоминанія дѣтства... Реальность перемѣшивалась съ грезами. Передъ ея закрытыми глазами проходили картины веселаго дѣтства, или вдругъ открывалось небо, и звучала божественная музыка, и спускались оттуда кроткіе Ангелы въ бѣломъ. Но чаще всего ей снились библейскіе сюжеты въ томъ наивномъ видѣ, въ какомъ они представлены въ учебникѣ. Ложась въ постель, она мечтала о сновидѣньяхъ. И если они не приходили, то, просыпаясь, она чувствовала себя обманутой. Днемъ она чувствовала тупое равнодушіе ко всему окружающему, и только воспоминаніе о ночныхъ видѣніяхъ на минутку согрѣвало ее.

Однажды на разсвѣтѣ ей приснился Христосъ. Онъ стоялъ передъ ней, какимъ она видѣла его гдѣ-то на картинѣ, съ протянутыми руками, съ полуопущенной головой, съ длинными волосами, падающими по обѣимъ сторонамъ высокаго лба. Онъ сказалъ ей.

— Я тотъ, кого ты не знаешь. За что ты распинаешь меня?

Она проснулась и громко сказала:

— За что я распинаю тебя, Господи?

И все время пока она мылась и одѣвалась, въ головѣ ея звучалъ вопросъ.

— За что, за что?..

И онъ опять стоялъ передъ ней съ протянутыми руками.

Въ это утро Рита вышла къ домашнимъ спокойная, съ яснымъ лицомъ, точно это видѣніе прогнало злого духа, подтачивающаго ея жизнь. Она почувствовала себя вознесенной надъ обыденностью и находила въ этомъ удовлетвореніе. Значитъ, она не такая, какъ всѣ, если могла побороть въ себѣ силу суетности, могла возвыситься духомъ... Теперь она знаетъ свой путь. Она идетъ къ безсмертію. Только тотъ, кто вѣритъ въ безсмертіе, имѣетъ право уйти...

Она теперь обыкновенно ложилась рано, ожидая сладкихъ чаръ ночи, которыя давали ей возможность радоваться дню жизни. Но фея сновъ не прилетала больше съ волшебнымъ калейдоскопомъ. Напрасны были ея ожиданья: среди ночи она просыпалась, чего-то ждала, что-то припоминала...

— Да, Христосъ...

Она приподнималась, всматриваясь въ темноту и беззвучно шептала:

— Красота искупленья... Вотъ, что еще осталось прекраснымъ... Искупленье должно быть прекраснымъ.

Ослабѣвшая послѣ безсонной ночи, она всетаки вставала бодрая, съ искреннимъ желаніемъ доставить каждому удовольствіе.

Цѣлые дни она проводила дома, и Людмила Игнатьевна радовалась перемѣнѣ, происшедшей съ дочерью.

— Вотъ видишь, поумнѣла,—радовался вмѣстѣ съ ней дѣдушка, также суетившійся по случаю праздничныхъ приготовленій.

Георгій Константиновичъ усердно работалъ у себя въ кабинетѣ, стараясь какъ можно рѣже встрѣчаться съ Ритой. Видя ее спокойной, онъ рѣшилъ, что самая лучшая тактика—предоставить ей самой найти выходъ, который болѣе всего соотвѣтствуетъ ея характеру.

Съ давно небывалой веселостью и одушевленіемъ Рита принимала участіе въ предпраздничной суматохѣ. Но, какъ всегда, въ квартирѣ Скадовскихъ рядомъ съ праздничнымъ весельемъ, шла трагедія въ кухнѣ: исчезло масло, заготовленное для экономіи въ большомъ количествѣ. Пропалъ окорокъ. А главное—не могли отыскать шампанское, которое было куплено за нѣсколько мѣсяцевъ до Новаго года.

Привыкшіе къ такимъ фактамъ домашніе не особенно волновались этимъ происшествіемъ, но Людмила Игнатьевна принимала все съ обычной пылкостью, упрекая всѣхъ въ равнодушіи.

— Это все Олимпіада,—говорила она.—Это она уговорила меня взять кухарку... Я по лицу ея видѣла, что она воровка.

— А ты разсчитай ее,—совѣтовалъ дѣдъ.

— А кто будетъ готовить? Развѣ на праздники найдешь порядочную?

Кухарка не была разсчитана. Но такъ какъ Олимпъ гремѣлъ, жалуясь на непосильную работу, то скоро въ комнатахъ появилась новая личность, дѣвчонка съ косичкой загнутою вверхъ, ввидѣ хвостика. Конечно, сначала это было сокровище, отличавшееся послушаніемъ и кротостью. Но очень скоро въ кухнѣ начались междуусобія, и оттуда на весь домъ раздался возгласъ:

— Я сама кондукторова дочка... Я за вашей дѣвчонкой убирать не стану!

— Я думаю,—меланхолически замѣтила Людмила Игнатьевна, вздыхая,—что она во всякомъ случаѣ не уйдетъ до елки.

— Такихъ дѣвчонокъ нѣтъ,—рѣшительно заявилъ Жоржикъ,—которыя бы уходили передъ елкой.

Красавицу елку уже принесли, но брюки и штиблеты Жоржика лежали запертые въ шкапу. Съ утра дверь въ залу была закрыта, чтобы утвердить въ дѣтяхъ вѣру въ сказочнаго дѣда.

— Это мы „дѣти"!—кричалъ Жоржикъ.

— Не забывай, что есть Фимочка,—строго сказала Людмила Игнатьевна.

Пришелъ кузенъ Фоня и принесъ Ритѣ письмо отъ Анины. Письмо было написано на маленькомъ лоскуткѣ полотна и все было проникнуто какою то восторженной радостью жизни. Анина писала: „Развѣ можно ненавидѣть жизнь? Я благодарна ей за каждый цвѣтокъ, за каждую травку, за плескъ волны, за алмазную росинку на листьяхъ, за каждую звѣзду, которая смотритъ съ неба. Всѣ мгновенья жизни кажутся мнѣ тогда прекрасными..."

Они читали письмо вмѣстѣ.

— И ты знаешь, когда она написала это письмо? Послѣ того, какъ рядомъ съ ней посадили шпіона, который перестукивался съ ней и старался вывѣдать, что ему было нужно.

— Можно ли сдѣлаться такой, какъ она? — задумчиво спросила Рита.

Но пришла Людмила Игнатьевна и погнала ихъ убирать елку.

— Я такой неловкій, у меня все изъ рукъ валится,— сказалъ Исторовъ.

Но Рита увела его съ собою. Она забралась на складную лѣстницу и подвязывала блестящія бомбы.

— Мужайся, это не такъ страшно,—поощряла она кузена.—Подавай все, что тамъ есть.

Исторовъ съ комической осторожностью перебиралъ бездѣлушки.

— Ты боишься смерти?—спросила она, принимая отъ него ангела съ блестящей звѣздой.

— Раньше боялся, а теперь нѣтъ. Вѣдь это совсѣмъ просто: отворить дверь и перейти въ другое помѣщеніе— вотъ и все.

— Значитъ, ты вѣришь въ безсмертіе?

— Странный вопросъ... Все равно, еслибы я спросилъ:

вѣришь ли ты, что я сейчасъ подаю тебѣ эту райскую птичку и ты ее повѣсишь на елку...

— И ты знаешь, куда мы пойдемъ послѣ смерти?

— Послѣ смерти? Но смерти нѣтъ. Есть только перемѣна оболочки. Конечно, такая перемѣна кажется странной тому, кто понимаетъ только одну физическую жизнь. Неужели ты думаешь, что есть только одна жизнь матеріи и больше ничего? Но вѣдь то, чего мы не видимъ, безконечно важнѣе матеріальнаго міра. Есть еще міръ астральный.

— Ты его понимаешь?

— Да. Это можетъ понять каждый. Представь, то, что было человѣкомъ, уже не существуетъ... Душа покинула свою матеріальную оболочку—тѣло и перешла въ астральный планъ... Представь ея положеніе, если она не подготовлена.

Исторовъ уронилъ какого-то велосипедиста на шоколадныхъ колесахъ, но ни онъ, ни Рита не замѣтили этого. Рита стояла на лѣстницѣ и слушала, держась за пахучую смолистую вѣтку.

— Душа растеряется... Вѣдь вся она еще проникнута человѣческими интересами... Ей жаль родныхъ, которые ее оплакиваютъ. Она хотѣла бы подойти, утѣшить ихъ... Но уста ея замкнуты, руки неподвижны... Она освободилась, можетъ созерцать свою оболочку, но она не привыкла къ чувству свободы... Ей жутко въ новой обстановкѣ...

За дверью послышались шаги, потомъ сердитый голосъ дѣдушки.

— Жоржъ, не смѣй входить.

Рита очнулась.

— Ты говоришь такъ,—сказала она,—точно самъ побывалъ за таинственной дверью.

— Да, я знаю. Тѣ, которые ушли раньше, разсказывали.

— Тебѣ?

— Нѣтъ, тѣмъ, которые умѣютъ слушать.

— А что же дальше дѣлается съ душой, ты знаешь?

— Астральный міръ, который является дальнѣйшимъ нашимъ существованіемъ—это также только переходное состояніе. Оно не удовлетворяетъ нашего духа. Онъ стремится къ божественному, къ Абсолюту... Сдѣлайся Богомъ и тогда ты достигнешь всего, всего, чего захочешь... Тогда передъ тобой откроется вѣчность...

— Когда ты говоришь „вѣчность“, мнѣ дѣлается жутко... Я представляю себѣ землю... Какая она маленькая среди міровъ, когда несется въ пространствѣ. И мы на ней какія маленькія пылинки.

— Меня это не поражаетъ... Я это постигаю и потому я

не пылинка... Я самъ частица вѣчности... И вѣчность то же, что и мгновенье... Вѣчность—это уже отрицаніе времени.

— Для меня это слишкомъ замысловато.

— Почему? Мгновенье вѣчно, и, умирая, оно родитъ другое. И атомъ вѣченъ по той же причинѣ. Распространи это понятіе на вселенную, раздѣли вѣчность на мгновенья...

Шумъ за дверью увеличивался. Дѣдушка энергично защищалъ позицію, которую Жоржикъ старался взять приступомъ. Но дѣдушка отбросилъ противника. Онъ вошелъ въ залъ и умилился картиной.

— Вотъ это хорошо... Такъ мило на васъ смотрѣть. Я люблю молодежь... Она чистая... Да, молодежь должна быть чистая, свирѣпо чистая—иначе это будетъ плодъ съ испорченной сердцевиной.

Вошла Людмила Игнатьевна. Она притащила новые свертки съ сюрпризами и занялась распредѣленіемъ ихъ по пакетикамъ съ надписями.

— Посмотри,—сказалъ ей дѣдушка,—какъ это мило, какъ они этимъ увлекаются... А Жоржика я заперъ на ключъ.

Фимочкѣ было запрещено заглядывать въ дверь зала, но, конечно, она все время пыталась проникнуть туда. Освободившійся Жоржикъ явился неожиданнымъ помощникомъ старшихъ. Хваталъ дѣвочку и оттаскивалъ ее отъ двери, конечно, только для того, чтобы наслаждаться ея неистовыми криками. Когда крики переходили за предѣлы терпимаго, вбѣгала Олимпіада, гнѣвная, съ засученными рукавами и, схвативъ дѣвочку подъ мышку, такъ же стремительно удалялась.

Маркъ презиралъ всѣ эти ребяческія развлеченія. По мнѣнію Жоржика, его переходный возрастъ достигъ своей предѣльной точки. Самъ же онъ полагалъ, что его посѣтило вдохновеніе. Онъ топтался около клавишей рояля, бралъ аккорды, писалъ ноты, уединялся. Остановившись передъ зеркаломъ, онъ дѣлалъ демоническое лицо, охваченный горделивыми мечтами о будущей славѣ.

— Мнѣ предназначено быть великимъ,—думалъ онъ, поднимаясь на цыпочки и простирая въ пространство обѣ руки. Но когда въ корридорѣ раздавались шаги, мечты убѣгали, онъ садился на стулъ къ роялю съ обыкновеннымъ, равнодушнымъ лицомъ.

Съ елкой дѣло шло не особенно успѣшно. Фоня оказался совершенно бездарнымъ, поломалъ много блестящихъ бездѣлушекъ, позапутывалъ золотыя нити. Да и само дерево не стояло прямо. Пришлось обратиться за помощью къ младшему поколѣнію.

— Дѣти, идите сюда,—позвала Людмила Игнатьевна.

Маркъ, по обыкновенію, даже не отвѣтилъ. Вмѣсто него пошелъ дѣдъ, а затѣмъ появился и Жоржикъ, который медленно шелъ по залу съ закрытыми глазами.

— Перестань, что это за глупости!

— Я боюсь потерять вѣру въ елочнаго дѣда,—отвѣтилъ, смѣясь, мальчуганъ.

Дѣдушка далъ ему пинка и помогъ поставить елку какъ слѣдуетъ.

— Ухъ вы, женщины,—сказалъ онъ самодовольно.—Безъ насъ, мужчинъ, не обойдетесь.

— Много отъ васъ помощи,—обиженно сказала Людмила Игнатьевна.—Всѣ такіе эгоисты...

Какъ всегда во время предпраздничныхъ хлопотъ, мамуся устаетъ и становится раздражительной, придирается ко всѣмъ, не исключая Фони и Риты.

Но Рита теперь принимаетъ все съ величайшимъ терпѣніемъ и предупредительностью. Въ ней проснулась нѣжность далекаго дѣтства, явилась потребность ласки. Ей вспомнилось, какъ любила она сидѣть, притаившись подъ локоткомъ у мамуси. Кроткая жалость вливалась волнами въ ея сердце. О, если бы мамуся знала, она бы не ворчала, она обняла бы ее, прижала ея голову къ своей груди. Нетерпѣливыя замѣчанія матери трогали ее до слезъ. И Людмила Игнатьевна наконецъ замѣтила эту подозрительную кротость.

— Что съ тобой?— тревожно спросила она. — Отчего ты такая тихая, добрая? Здорова ли ты?

— Хорошо вы обо мнѣ думаете! Значитъ, я могу быть хорошей только въ ненормальномъ состояніи?

Она смѣялась и шутила, и въ то-же время представляла себѣ гдѣ-то недалеко отсюда небольшую, хорошенькую, чистую комнатку, бѣлую кровать и дѣвушку въ бѣломъ на этой бѣлой кровати. Прекрасно было неподвижное лицо дѣвушки. Кругомъ стояли люди, жалѣли ее, эту безвременно погибшую молодость, и въ душѣ ихъ расцвѣтали добрыя чувства...

Пришли первые гости—тетя Катя съ двумя маленькими дѣвочками, украшенными пышными бантами въ свѣтленькихъ платьяхъ. Онѣ важно расхаживали по столовой, дѣлая видъ, что ихъ совершенно не интересуетъ то, что дѣлается за запертой дверью. Жоржикъ и Маркъ появились и стояли неподвижно въ дальнемъ углу комнаты, подталкивая другъ друга локтями.

— Дѣти, да идите же одѣваться,—бросаетъ мимоходомъ Людмила Игнатьевна.—Что вы стоите, какъ дикари.

Маркъ молча ушелъ къ себѣ, а Жоржикъ засмѣялся. Онъ вовсе не дикарь, онъ только желалъ бы поскорѣе на-

дѣть длинные брюки и настоящіе, мужскіе штиблеты. Но, конечно, не для этихъ дѣвчонокъ станетъ онъ одѣваться. Онъ признаетъ достойными вниманія дѣвочекъ лѣтъ восьми, а не такихъ крошечныхъ младенцевъ. Онъ такъ это и объяснилъ тетушкѣ.

— Я смотрю на женщину,—прибавилъ онъ съ необыкновенно серьезнымъ видомъ,—только съ точки зрѣнія женитьбы.

Тетушка, стараясь также сохранить серьезный видъ, продолжала разспрашивать.

— Мнѣ не годятся ни слишкомъ маленькія, ни взрослыя. Дѣвочки же лѣтъ семи-восьми мнѣ подходятъ.

— Но почему?—допытывается тетушка, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.

— Большая—уже старая, съ очень маленькой мнѣ скучно, а дѣвочка восьми лѣтъ можетъ быть моей невѣстой.

— Ты очень основательный господинъ, если такъ рано задумываешься объ этомъ.

— Каждый разумный человѣкъ долженъ быть основательнымъ.

Дѣвочки, хохотавшія обнявшись, презрительно надували губки и насмѣшливо перешептывались.

Гости прибывали. Пришелъ виртуозъ Илья со своей застѣнчивой матерью. Явилась пара великовозрастныхъ гимназистовъ, товарищей Марка, и, наконецъ, „бѣдныя дѣти" изъ подвальнаго этажа.

Они стояли, смущенныя, въ передней, не рѣшаясь двинуться дальше. Только когда открылась дверь залы, и въ глубинѣ ея засіяла блестящая елка, они бросились впередъ гурьбой, освободившись отъ смущенія.

Вымытыя, гладко причесанныя, въ чистыхъ платьяхъ, они всетаки принесли съ собою специфическій запахъ бѣдности. Георгій Константиновичъ морщился не скрывая. Но въ этомъ пунктѣ Людмила Игнатьевна отстаивала свои права. Несмотря на явную оппозицію мужа, „бѣдныя дѣти" ежегодно приглашались на Рождество и на Пасху.

Гости „бѣдные" стояли по одну сторону елки, а „богатые"—по другую, равнодушно переглядываясь между собою.

— Вотъ если бы была Анина,—тихо сказала Рита кузену,—она бы сейчасъ смѣшала ихъ въ одну кучу.—Попробуемъ мы,—прибавила она и потащила его къ дѣтямъ.

Маркъ увелъ гимназистовъ въ свою комнату, гдѣ у нихъ завязался серьезный разговоръ.

— Васильева исключили,—сообщилъ высокій, угреватый гимназистъ, говорившій басомъ. Онъ хотѣлъ стрѣлять въ инспектора. Его, пожалуй, будутъ судить.

— А ему все равно,—заявилъ другой,—онъ членъ клуба самоубійцъ.

— Это какой же клубъ?—спросилъ Маркъ.

— Ихъ можетъ быть только шесть членовъ. Всѣ они рѣшили умереть. Всѣ они каждую минуту готовы къ смерти. Они, собственно, уже покончили счеты съ жизнью.

Маркъ старался показать, что онъ къ этому совершенно равнодушенъ, но всетаки не могъ удержаться отъ вопроса.

— Какъ же они умираютъ?

— Вотъ для этого у нихъ и существуетъ клубъ. Они собираются и обсуждаютъ вопросы о томъ, какая смерть лучше. Когда кто-нибудь окончательно выберетъ для себя родъ смерти, то убивается. Тогда ихъ остается пять, но по уставу клуба всегда должно быть шесть членовъ, и тогда вступаетъ одинъ изъ кандидатовъ. А кандидатовъ у нихъ всегда много.

— А женщины есть между ними?

— Женщины?—презрительно повторилъ гимназистъ.—Онѣ трусихи. Развѣ онѣ способны на такое дѣло.

— Нѣтъ, это мнѣ не нравится,—сказалъ Маркъ.—Вотъ если передъ смертью сдѣлать что-нибудь великое, грандіозное, прогремѣть на весь міръ, и затѣмъ умереть. Тогда пожалуй...

— Самоубійство—грѣхъ передъ Богомъ,—сказалъ другой гимназистъ, который былъ фанатически религіозенъ.

— Ну, ужъ ты поѣхалъ съ своимъ Богомъ,—сказалъ другой гимназистъ.

Къ нимъ шумно ворвался Жоржикъ.

— Господа, идите танцовать... Мама зоветъ танцовать... Дѣвчонки скучаютъ...

— Вотъ еще,—сказалъ одинъ.

— Ну, это вздоръ,—замѣтилъ другой. Однако, всѣ пошли въ залъ.

XII.

Свѣчи догорѣли, подарки были розданы, празднество окончилось. Всѣ разошлись, и въ полутемномъ залѣ Рита осталась одна. Она назначила себѣ срокъ „до елки".

Это всетаки была какая-то маленькая цѣль—доставить удовольствіе матери, не лишать ее обычнаго ежегоднаго развлеченія. Теперь все сдѣлано, и она свободна, свободна отъ всего,—отъ желаній, отъ цѣлей, а главное отъ той величайшей драгоцѣнности въ человѣческой душѣ, которая опредѣляется однимъ маленькимъ словомъ „хочу". И жить больше нечѣмъ. Такъ бываетъ нечѣмъ жить рыбѣ, которую

вытащатъ изъ воды. Но вѣдь и она всетаки дѣлаетъ судорожныя движенія въ борьбѣ со смертью. А у Риты нѣтъ ни малѣйшаго желанія даже пошевелить пальцемъ. И безъ того приходится дѣлать страшно много ненужныхъ движеній. Каждый день просыпаться,—а это вовсе не такъ легко—открывать глаза. Нужно вставать, одѣваться, выходить къ людямъ, отвѣчать на вопросы, а иногда даже выступать въ активной роли, которая въ дальнѣйшемъ все будетъ усложняться. Ея молодое тѣло бесвильно удержать состарившуюся душу... Скучная книга жизни прочитана. Пришла послѣдняя страница—неужели опять повторять все сначала?

Она не видѣла, что кузенъ Фоня давно наблюдаетъ за ней и невольно вздрогнула, когда онъ позвалъ ее по имени.

— Рита, куда ты смотришь незрячими глазами? Что ты задумала?

— Я задумала лечь спать,—сказала она, вставая.

— Ты не хочешь говорить со мной?

— Я ни съ кѣмъ не хочу говорить.

— Рита, но вѣдь я понимаю...

— Что ты понимаешь?

— То, что происходитъ въ тебѣ.

Онъ взялъ ея руку и говорилъ взволнованнымъ шепотомъ:

— Ты стоишь на грани... Тебя зовутъ.. Сквозь шумъ жизни ты услыхала голоса и хочешь идти... Но не нужно сейчасъ... Еще не пришли пора... Ты многое еще увидишь, многое узнаешь... Сдѣлай усиліе, захоти, и жизнь для тебя станетъ интересной...

— Но я не могу хотѣть—понимаешь?—Она улыбнулась и пошла къ двери; онъ слѣдовалъ за ней.

— Но я хочу говорить съ тобой не такъ, какъ другіе.

— А я хочу спать. Спокойной ночи.

Она вошла въ свою комнату и уже оттуда, держась за ручку двери, сказала улыбаясь:

— Уродство грѣха моего будетъ снято, и откроется красота моихъ страданій.

Дверь закрылась.

Исторовъ стоялъ, охваченный какой-то нѣжной грустью. Онъ вѣрилъ, что смерти нѣтъ, но былъ не настолько силенъ, чтобы оставаться спокойнымъ передъ приближающимся фактомъ.

Георгій Константиновичъ, выглянувшій изъ кабинета, спросилъ, удивленный видомъ Исторова:

— О чемъ задумались?

Исторовъ бросилъ на него непріязненный взглядъ. Проникнутый стремленьемъ постигнуть высшія тайны жизни,

онъ старался освободиться отъ всякихъ чувствъ къ одушевленнымъ и неодушевленнымъ предметамъ. Но враждебность къ Скадовскому пустила слишкомъ длинные корни въ его душѣ.

— Я задумался о несчастной душѣ, которая стремится превратить уродство въ красоту,—сказалъ онъ, уходя.

— Нѣсколько нескладно, но, какъ всегда, загадочно,—бросилъ ему вслѣдъ Георгій Константиновичъ.

XIII.

Слова Исторова заставили его задуматься. Рита, избѣгавшая его, повидимому откровеннѣе съ кузеномъ. Это можетъ значительно осложнить и безъ того тяжелое положеніе. Нужно было непремѣнно поговорить съ Ритой при первой возможности.

Удобный случай скоро представился. Людмила Игнатьевна уѣхала съ вундеркиндами на репетицію концерта, который долженъ былъ состояться вскорѣ послѣ крещенія. Рита была дома. Но онъ долго стоялъ передъ ея дверью, раньше чѣмъ постучаться. Въ комнатѣ дѣвушки былъ какой-то необыкновенный безпорядокъ. Платья, вынутыя изъ гардероба, валялись на столѣ и на стульяхъ. На столѣ были раскинуты книги, какія-то разорванныя бумажки валялись на полу, давно начатая копія съ фотографіи Бельведерскаго Аполлона лежала на стулѣ, покрытая пылью. Рита стояла у двери съ картонкой въ рукахъ.

— Видишь, я ухожу,—сказала она.

— Я хотѣлъ бы поговорить съ тобой.

— Поговорить?..—отвѣтила она равнодушно и вышла въ переднюю.

— Ты хочешь, чтобъ я говорилъ здѣсь?

— А у тебя секреты?

Она надѣла огромную шляпу съ вуалью и, стоя передъ зеркаломъ, заботливо поправила волосы.

— Ты не хочешь?.. Ты слишкомъ торопишься?

— Не особенно.

— Ты куда идешь?

— Въ мастерскую.

Слегка покраснѣвъ, она прибавила:

— Мнѣ нужно тамъ кое-что взять.

Онъ удивился, что она такъ спокойно назвала мѣсто ихъ свиданій. Они вышли вмѣстѣ.

Давно уже Георгій Константиновичъ не былъ въ мастерской. Рита даже избѣгала ходить мимо этого дома. Георгій

Константиновичъ, проходя знакомымъ путемъ, волновался отъ нахлынувшихъ воспоминаній. Въ странномъ лицѣ Риты было что-то загадочное, манящее, жуткое, и сердце его неожиданно забилось.

— Что же ты молчишь, вѣдь мы скоро дойдемъ,—спросила она.

— Я пойду съ тобой,—отвѣтилъ онъ нѣжнымъ шепотомъ.

— Какъ хочешь,—равнодушно сказала дѣвушка.

Она поднялась по знакомой лѣстницѣ съ потертымъ ковромъ, съ искусственными запыленными пальмами, криво стоявшими на поворотахъ.

У двери Рита остановилась и сказала:

— Ты всетаки хочешь со мной говорить? Можетъ быть, лучше не надо.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо...

Онъ сжалъ ея руку и позвонилъ.

Въ непровѣтренной комнатѣ было душно. Слышался запахъ нежилого мѣста. Столярный станокъ былъ покрытъ пылью. Только засохшія розы въ высокой вазѣ еще сохранили какой-то нѣжный ароматъ.

Рита сѣла въ кресло, прямая, неподвижная, со сжатыми губами, съ немигающимъ взглядомъ длинныхъ, сѣрыхъ глазъ, въ которыхъ потухъ яркій огонь жизни.

— Ну что же, говори, что ты хотѣлъ.

— Рита, дорогая моя, я вижу, что ты страдаешь... Вѣдь ты совсѣмъ одна... Почему ты не хочешь подѣлиться...

— Нѣтъ, это ты оставь. Что ты хотѣлъ мнѣ сказать?

— Но ты не хочешь говорить со мной. Неужели ты не вѣришь, что я хочу помочь тебѣ?.. Вѣдь я одинъ виноватъ въ томъ, что ты страдаешь...

Она слабо махнула рукой.

— Знаешь, брось это. Вѣдь это—„мѣщанство", а ты говорилъ, что презираешь мѣщанъ. Ихъ этика не для меня. Развѣ суть въ томъ, что̀ сдѣлано? Можно все сдѣлать, понимаешь, все... Но суть въ томъ, какъ сдѣлано... Когда я разсказала Дуванчику...

— Ты разсказала?.. — воскликнулъ онъ, не скрывая испуга.

— Но ты совѣтовалъ мнѣ выйти за него замужъ.

Легкая улыбка освѣтила ея блѣдное лицо.

— Или ты хотѣлъ, чтобы я обманула его?

— Нѣтъ, это ужасно.—Способенъ ли онъ сохранить тайну?

— Какими пустяками ты озабоченъ, бѣдняга!.. Скандалъ, позоръ, тайна... Какъ счастливы тѣ, для которыхъ эти вещи представляютъ какую-то цѣнность. Это крѣпкіе канаты, ко-

торыми люди привязываются къ жизни... Но есть одно, что интересно: это—презирать...

— Рита!..

— Что?..

— Я не позволилъ бы никому другому...

— О да, конечно!.. Но отъ женщины, такъ сказать, побѣжденной, можно выслушивать самыя горькія истины.

— Это ужасно! Ты страшно несправедлива.

Онъ заходилъ по комнатѣ, придумывая слова, какія могли бы на нее подѣйствовать, могли бы преодолѣть ея ледяное равнодушіе. Но такихъ словъ у него не было. Онъ остановился возлѣ окна и смотрѣлъ въ грязную глубину узкаго двора, окруженнаго высокими стѣнами. Она какъ будто забыла о немъ, открыла картонку, вынула легкое бѣлое платье и бережно разложила его на диванѣ. Онъ оглянулся и съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Зачѣмъ это тебѣ?

— У меня будетъ свой праздникъ.

Она вынимала цвѣты, ненюфары съ длинными стеблями и, убравъ ими платье, смотрѣла на нихъ. Вдругъ она сказала, не оглядываясь.

— А ты самъ себя уважаешь?

Онъ опять смотрѣлъ въ окно.

— Мнѣ кажется, что нѣтъ... Это былъ нѣкоторый опытъ, нѣкоторое испытаніе... Проба души, знаешь, какъ бываетъ проба золота... Бываетъ золото низкопробное...

Она вынула легкую газовую вуаль, которая колыхалась въ ея рукѣ, какъ туманъ надъ рѣкой.

— Хочешь я скажу, какъ ты можешь вернуть себѣ самоуваженіе?..

Онъ упрямо молчалъ.

— Я тебѣ открою этотъ секретъ.

Она положила вуаль, выпрямилась и взглянула на него вдругъ засверкавшими по прежнему глазами.

— Смерть все разрѣшаетъ...

Георгій Константиновичъ совсѣмъ не ожидалъ такого секрета. Безпокойные огоньки загорѣлись въ его глазахъ. Онъ вдругъ почувствовалъ къ ней полное отчужденіе. Отъ этого онъ сразу овладѣлъ собою.

— Во-первыхъ, съ чего ты взяла, что я утратилъ самоуваженіе, а затѣмъ... то, что ты предлагаешь, и есть трусость. Жить труднѣе, чѣмъ умереть.

— Ахъ, это изъ прописи.

Но черезъ мгновенье она прибавила спокойно, почти дружелюбно:

— Впрочемъ, ты правъ. Бываетъ трудно жить. Бываетъ,

что нечѣмъ жить... Тогда изжитая душа имѣетъ свои права, такъ же, какъ и изжитое тѣло.

Онъ не вникалъ въ смыслъ ея словъ, но обрадовался, что она говоритъ такъ спокойно.

— Ты, конечно, оставишь этотъ вздоръ,—сказалъ онъ.— Ты достаточно сильна для этого. Человѣческая воля все побѣждаетъ.

Она молчала, повидимому, не слушая его словъ.

— Намъ пора... Насъ будутъ ждать.

— Хорошо, я потомъ,—сказала она, не поднимая глазъ.

Онъ вышелъ. Тогда она встала, вынула изъ муфты маленькій пузырекъ съ темной жидкостью. Глаза ея разгорѣлись. На нѣжныхъ щекахъ выступили розовыя пятна. Она подняла глаза къ окну, гдѣ виднѣлся клочокъ синяго неба. Точно отвѣчая кому-то на вопросъ, она прошептала беззвучно: „сегодня".

Она крѣпко сжимала въ рукахъ пузырекъ, но вдругъ пальцы разжались, она положила его на столъ, опустилась въ кресло и закрыла глаза. Ей захотѣлось домой. Еще разъ увидѣть всѣхъ, проститься съ ними... Вѣдь они всѣ дороги ей... Эти смѣшные, но оригинальные вундеркинды, этотъ старый дѣдъ, съ его поразительной привязанностью къ жизни... Еще разъ увидѣть всѣхъ, услышать смѣхъ Жоржика, прижаться къ мамусѣ... Конечно, это слабость, этого уже не нужно, но она пойдетъ.

Рита спрятала пузырекъ и позвонила.

— Ахъ, какое платье,—воскликнула горничная.—Это вы на балъ поѣдете, или, можетъ, у васъ свадьба?

Рита улыбнулась, но ничего не сказала и быстро вышла.

XIV.

Въ домѣ опять готовились къ торжеству. Репетиція прошла великолѣпно. Дѣдушка накупилъ сладостей, Людмила Игнатьевна сварила шоколадъ и подарила Фимочкѣ платьице, въ которомъ дѣвочка расхаживала по всѣмъ комнатамъ, требуя общаго вниманія. Вундеркинды, взволнованные успѣхомъ и похвалами профессоровъ, приписывали каждый себѣ небывалые недостатки игры, не изъ скромности, а чтобы дразнить мамусю.

— Я два раза сбился съ такта,—кричалъ Жоржикъ.— Въ залѣ даже смѣялись.

— Неправда,—горячо возражала Людмила Игнатьевна,— всѣ восхищались тобой.

— Всѣ восхищались Маркомъ.

— Ничего подобнаго,—возражалъ Маркъ.—Развѣ я могъ играть хорошо, когда у меня мизинецъ сожженъ.

— Какъ, ты игралъ съ больнымъ пальцемъ?..

Людмила Игнатьевна готова была упасть въ обморокъ.

— Вы слышите, онъ такъ чудно игралъ съ больнымъ пальцемъ, а я и не знала...

— Слава Богу, что не знала,—замѣтилъ дѣдушка.—Подняла бы шумъ.

Фимочка подходитъ къ каждому, смотритъ довѣрчивыми глазами и повторяетъ одну и ту же фразу:

— У меня новое платье.

Все это кажется Ритѣ очаровательнымъ. Даже стукъ тарелокъ, швыряемыхъ непримиримой Олимпіадой, не раздражаетъ ее. Ее безпокоилъ только взглядъ кузена, который смотрѣлъ на нее страшно понимающими глазами.

Она вошла въ свою комнату, посмотрѣла на царившій въ ней безпорядокъ и улыбнулась, вспомнивъ, какъ мамуся упрекала ее за это. Вотъ книга, которую она когда-то читала, вотъ большой портретъ отца. Она долго смотрѣла на него... Можетъ быть, все было бы иначе, если бы онъ былъ живъ.

Она остановилась передъ письменнымъ столомъ. Нужно ли писать?.. Можно ли написать что-нибудь такое, что-бы ослабило силу перваго впечатлѣнія? Есть ли такія слова, которыя могли бы смягчить жестокость удара?..

Изъ гостинной доносился шумъ, ссорились вундеркинды, начинавшіе разучивать новую пьесу. Маркъ давалъ наставленія Жоржику, а тотъ, въ качествѣ признаннаго виртуоза проявлялъ самостоятельность. Послышался умоляющій голосъ мамуси, за которымъ послѣдовали, наконецъ, стройные такты концерта.

Въ передней зашаркали мягкіе сапоги дѣдушки. Онъ уходилъ на свою половину, такъ какъ музыка вечеромъ возбуждала его, и онъ боялся безсонницы.

— Спокойной ночи, дѣдусь,—крикнула ему Рита.

Онъ заглянулъ къ ней.

— А ты бы вышла проститься,—сказалъ онъ съ ласковой ворчливостью.

— Сейчасъ.

Она подбѣжала и крѣпко обняла его за шею.

— Ну, ну, тише... Это затрудняетъ кровообращеніе. Куда собралась?

— Далеко, далеко, а куда, не знаю.

— Вотъ, такъ... Вотъ нынѣшняя молодежь. Сама не знаешь, что будешь дѣлать.

— Твой папа поступалъ иначе,—поспѣшила она произнести излюбленную фразу дѣда.

— Ну, конечно, иначе,—убѣжденно замѣтилъ старикъ.— Тебѣ денегъ не нужно ли?

— Нѣтъ, милый, спасибо.

— Ну, иди, Христосъ съ тобой.

Онъ перекрестилъ ее и ушелъ, шаркая мягкими подошвами.

Съ особеннымъ чувствомъ приняла она слова дѣда.

— Да, да, онъ со мною... Какъ хорошо, что дѣдусь сказалъ это...

Она заглядывала въ ящики своего письменнаго стола. Тамъ лежали записныя книжки, тетрадки стиховъ, альбомы, дневники. Все это воскрешало воспоминанія дѣтства. Но почувствовавъ на глазахъ слезы, она рѣзко задвинула ящикъ и громко сказала, вставая:

— Зачѣмъ? Не надо.

— Ты съ кѣмъ говоришь?—спросила Людмила Игнатьевна, входя.

— Ко мнѣ заходилъ дѣдъ.

У мамуси былъ чрезвычайно озабоченный видъ.

— Право не знаю, что дѣлать,—сказала она присаживаясь.—Я пришла посовѣтоваться съ тобой.

— Что случилось, моя мусичка?

Рита гладила ея волосы и прощалась глазами, повторяя мысленно одно слово: „прощай, прощай, прощай“.

— Пропали запонки Георгія Константиновича. Знаешь, его любимыя, съ свиными головами. . Ему будетъ непріятно...

— Но, можетъ быть, онѣ гдѣ-нибудь лежатъ, мусичка.

— Нѣтъ, я осмотрѣла все. Ихъ навѣрное взяла эта новая дѣвчонка. Какъ ты думаешь, если я съ ней поговорю ласково, попрошу ее,—она возвратитъ?

— Конечно, возвратитъ.

— Я ей за это что-нибудь подарю.

Лицо ея просвѣтлѣло, но тотчасъ же на немъ легла тѣнь новой заботы. Вундеркинды, которымъ надо было готовиться къ концерту, вдругъ закатили матчишъ въ четыре руки. Мамуся бросилась къ нимъ, а Рита, воспользовавшись моментомъ, вышла въ переднюю и стала одѣваться.

Людмила Игнатьевна скоро возстановила порядокъ, оставивъ за роялемъ одного Марка. Выгнанный изъ залы Жоржикъ вбѣжалъ въ переднюю.

— Ты опять уходишь? Она опять уходитъ,—кричалъ онъ

— Куда ты?—спросила мамуся.

— Я?.. Къ Зоѣ... Можетъ быть, останусь ночевать.

Маркъ, которому не хотѣлось заниматься, наигрывалъ свои фантазіи. Это выходило красиво. Людмила Игнатьевна съ Ритой слушали его игру.

— Правда, хорошо? Это свое,—сказала Людмила Игнатьевна.

Ея глаза свѣтились радостью. Она обняла Риту и поцѣловала.

— Ну вотъ, нѣжности,—неодобрительно замѣтилъ Жоржикъ, оттопыривъ губы и стыдливо отворачиваясь.

— Сейчасъ и ты получишь,—сказала Рита, направляясь къ мальчику.

Тотъ бросился бѣжать, крича:

— Никогда, никогда...

Рита погналась за нимъ. Хотя онъ загораживался стульями, она всетаки поймала и поцѣловала его.

— Фу,—крикнулъ онъ, и вытеръ щеку рукой.—Тогда цѣлуй и Марка.

Старшій вундеркиндъ принимаетъ поцѣлуй равнодушно. Глаза его смотрятъ куда-то далеко, а пальцы съ безсознательной лаской прикасаются къ клавишамъ.

Рита ушла.

XV.

Въ мастерской она долго и тщательно занималась своимъ туалетомъ. Хозяйка комнатъ и горничная входили къ ней подъ разными предлогами для того, чтобы поглядѣть на бѣлое платье. Въ концѣ концовъ, хозяйка комнатъ даже обидѣлась, что ничего не могла узнать, и ушла, сердито хлопнувъ дверью. Но всетаки нѣсколько разъ посылала горничную справляться, ушла ли барышня, и, получая каждый разъ отрицательный отвѣтъ, не могла долѣе переносить нетерпѣливаго любопытства, и постучала въ дверь. Отвѣта не было, и дверь была закрыта. Это смутило ее. Она бросилась въ сосѣднюю комнату, дверь которой выходила въ мастерскую и, отодвинувъ комодъ, вошла. Возлѣ кровати, на маленькомъ столикѣ, горѣла свѣча. На кровати, покрытой бѣлымъ одѣяломъ, на бѣлыхъ подушкахъ, вся въ бѣломъ, лежала Рита. Глаза ея были закрыты, и хозяйка подумала, что дѣвушка спитъ. Но смертельная блѣдность лица испугала ее. Она схватила холодную руку, лежавшую вдоль тѣла, и стала трясти ее. Рита улыбнулась, какъ во снѣ, и прошептала чуть слышно:—мамуся!..

Это былъ послѣдній проблескъ грезъ, посѣтившихъ ее въ предсмертныя минуты. Она раскрыла глаза, узнала квартирную хозяйку и прошептала хриплымъ слабымъ шепотомъ:

— Не трогайте меня, не трогайте...

Потомъ мучительныя боли исказили лицо. Она стонала и

въ безпамятствѣ металась по кровати. Начались приступы рвоты. Хозяйка испугалась за новый матрацъ, за коверъ на полу, за свои подушки. Со свойственной ея профессіи проницательностью она давно уже превратила мастерскую въ комфортабельный будуаръ. Вмѣстѣ съ горничной она перетащила Риту въ сосѣднюю комнату, со старой, ободранной, грязною мебелью. Она насильно заставила дѣвушку выпить какую-то домашнюю настойку, послѣ которой рвота усилилась. Лицо Риты стало блѣдно-синимъ. Она лежала въ обморокѣ, когда пришелъ Исторовъ.

Принявъ его за врача, хозяйка сказала:

— Не понимаю, что съ ней. Она собиралась на балъ и вдругъ заболѣла. Ее надо отправить въ больницу... Докторъ, рада Бога, вызовите скорую помощь. Я не могу оставить ее здѣсь.

Исторовъ, казалось, не слышалъ ни одного слова изъ того, что говорила ему хозяйка. Онъ держалъ ледяную руку дѣвушки и смотрѣлъ на ея лицо съ выраженіемъ какого-то жаднаго, безумнаго любопытства.

— Гдѣ ты?..—прошепталъ онъ.

Въ своемъ восторженномъ состояніи, онъ вѣрилъ въ эту минуту, что она все слышитъ, все понимаетъ. И, будто отвѣчая на его вопросъ, Рита пошевелилась, конвульсивнымъ движеніемъ, подняла голову и обвела глазами комнату.

— Тамъ... Цвѣты...—чуть слышно прошептала она.

Губы ея еще долго шевелились, но словъ больше не было.

Исторовъ опустился на колѣни, не выпуская руки, вытянулъ голову, напряженно прислушиваясь. Рука уже была мертвая.

Рита умерла тихо, безъ стоновъ, будто заснула.

Когда пріѣхалъ врачъ, онъ могъ только констатировать смерть.

— Зачѣмъ вы пріѣхали?—спросилъ Исторовъ.—Не нужно... Здѣсь никого нѣтъ. Она въ другомъ мѣстѣ,—прибавилъ онъ и быстро вышелъ.

Блестѣвшіе въ экзальтаціи глаза юноши, его странныя слова поразили врача. Онъ сказалъ:

— Что? Это—сумасшедшій?

— Не знаю...

— Вамъ надо послать за полиціей,—посовѣтовалъ врачъ.

— Какая непріятность,—проворчала хозяйка.

Юлія Безродная.

Изъ цикла «Русь».

По бездорожьямъ.

По бездорожьямъ нетопырь проклятый
Кружится оборотнемъ въ жуткой тишинѣ.
Ужасная сова ворожитъ передъ хатой,
И волчьихъ глазъ огни маячатъ на гумнѣ.

———

По бездорожьямъ черною печалью
Проходятъ Немочь, Голодъ и Страда.
Какъ привидѣнія—встаютъ за мертвой далью,
Вонзаясь въ грудь небесъ, стальные города.

———

По бездорожьямъ вихри и туманы,
Бугры снѣговъ, обвалы и кресты.
Сплелися въ загородь колючіе бурьяны...
Куда свой путь направишь, странникъ, ты?

———

Школьные силуэты.

Дремотно сползъ въ лощину перелѣсокъ.
Потушены огни... Одна горитъ свѣча,
Качаетъ желтый дискъ на вязи занавѣсокъ.
Мерцаетъ высь небесъ,—какъ шитая парча.
А надъ землей, надъ гумнами пустыми
Плыветъ и липнетъ ночь кошмарами больными.

———

Застылъ въ окнѣ недвижный силуэтъ...
Тоскуетъ ли о чемъ?.. Иль грезитъ одиноко?
Въ молчаніи снѣговъ отвѣта сердцу нѣтъ.
Въ безлюдіи и тьмѣ свѣча видна далеко.
Стожары въ высь уйдутъ... Но не погаснетъ свѣтъ..

———

Во тьмѣ родныхъ полей свѣча горитъ, какъ око...

Чернички.

Въ поляхъ,—за гумнами пустыми,
Гдѣ жухнутъ тощіе хлѣба,
И привидѣньями больными
Чернѣютъ риги, какъ гроба,
Гдѣ небо пышетъ мглой и зноемъ,
И даль томитъ нѣмымъ покоемъ,

——

Межъ ветлъ столѣтнихъ, близъ дороги
Бьетъ живоносный ключъ. Надъ нимъ
День всходитъ маревомъ слѣпымъ,
А ночь плыветъ,—полна тревоги.
Весной здѣсь ветхій срубъ оправленъ,
И крестъ березовый поставленъ...

——

Извѣчной скорбью деревень
Вздыхаетъ степь... Порхаютъ птички...
Порой безвѣстныя чернички
Сойдутся полдничать подъ тѣнь.
Съ котомками, въ лаптяхъ, въ оборахъ...
Недугъ въ лицѣ, печаль во взорахъ...

——

Изъ-подъ платковъ тугія косы
На плечи свисли тяжело...
Поютъ кондакъ восьмиголосый.
Простая пѣснь летитъ въ село..
Никто не слышитъ... Тихимъ сномъ
Поникло. Пусто; степь кругомъ...

——

И га́снетъ безотвѣтно крикъ
Дѣвичьей сиротливой доли,—
Печальной, какъ глухое поле,
И чистой, какъ живой родникъ...
Дѣвичья доля каждый годъ
Черничкой къ родникамъ идетъ...

——

Едва разсыплетъ хмѣль весна,
Душа пьянѣетъ въ грезахъ жгучихъ,
И по дорогамъ шлетъ страна
Недужныхъ, порченыхъ, падучихъ...
Голубитъ землю первоцвѣтъ,
Томитъ весенній смутный бредъ...

——

Быть можетъ, у святой гробницы
Душа найдетъ исходъ тоскѣ...
Суровый инокъ въ клобукѣ
Подниметъ смольныя рѣсницы,
И усладится въ кельяхъ строгихъ
Любовью грѣшной жизнь убогихъ...

——

Межъ ветлъ поникшихъ и сѣдыхъ
Бѣжитъ родникъ. Порхаютъ птички.
Пропѣвъ кондакъ, ушли чернички...
Никто въ степи не слышалъ ихъ.
Безмолвна даль... А надъ межой
Тяжелой хмарой виснетъ зной.

——

Двѣ зари.

Сѣверъ пустынный, загадочный, хмурый и бѣлый,
Родина мертвенныхъ сновъ.
Давитъ унылымъ безлюдьемъ просторъ онѣмѣлый,
Ширь необъятныхъ снѣговъ.

——

Вымершій чумъ остяковъ золотится закатомъ.
Пади синѣютъ вдали.
Рдѣютъ лучи на песчаникѣ буромъ, горбатомъ—
Талой земли...

——

Сѣверъ загадочный! Зори, родящія смѣну!
Бѣглыхъ огней череда!..
Въ нѣдрахъ холодныхъ пустынь ты таишь перемѣну,—
Или застылъ навсегда?

——

Словно въ отвѣтъ гаснетъ отблескъ заката багровый...
Въ падяхъ ломается тѣнь...
Съ трескомъ вдругъ ухнули льды. Пробивается новый
Благостный день.

Ал. Богдановъ.

Въ волостныхъ старшинахъ.

I.

Общественная повинность.

Въ одинъ изъ осеннихъ праздниковъ, тихимъ вечеромъ, унося миръ въ душѣ, я возвращался, не торопясь, домой, съ поля, теперь сжатаго и отдыхавшаго послѣ хорошаго урожая.

Отъ деревни потягивало запахомъ овиннаго дыма, очень пріятнаго въ это время носу всякаго хорошаго хозяина, и въ долинѣ надъ овинами протянулась сѣдая пелена его. Была пора молотьбы, и люди сушили снопы. Въ селѣ дѣвицы тихо пѣли модный у насъ романсъ: «Ахъ зачѣмъ эта ночь»; пѣли хорошо и уныло, какъ онѣ умѣютъ пѣть любую пѣсню.

У дома меня дожидались трое нашихъ мужиковъ, въ числѣ ихъ нашъ староста Иванъ Костюковъ.

— Шапки долой!—командуетъ староста.

— Съ чиномъ тебя, Степанъ Иванычъ, имѣемъ честь поздравить,—говорятъ они всѣ вдругъ.

Я чувствую что-то вродѣ испуга, такъ какъ сразу догадываюсь. Староста дѣлаетъ руки по швамъ и говоритъ словами волостного приговора:

— Мы нижеподписавшіеся, выборные домохозяева и волостныя должностныя лица исчисленныя въ статьѣ, и тому подобное... въ составѣ 83, изъ числа стольких-то, и... прочее, воопче... единогласно избрали васъ на должность волостного старшины на...

— И, несмотря на позднее время, поспѣшили явиться, чтобы начальству поклониться... молъ, наше начальство проститъ наше нахальство!—перебиваетъ его Дятловъ Егоръ.

— Поздравляю, товарищъ!.. Мы сейчасъ со схода идемъ,—протягиваетъ руку Семенъ Смысловъ.

— Да, но... какъ же, такъ, братцы?—горестно развожу я руками, чувствуя, что мое прекрасное настроеніе улетѣло.—Я не желаю!.. Опять же, я одинокій, не семейный...

— Объ этомъ на сходѣ была рѣчь. Старики говорили, что мо-

ходъ ты и видимость у тебя не тово... не подходяща. Было говорено... Намекали, что и храмъ божій ты рѣдко посѣщаешь... Ну, да наши, и Смысловъ вонъ, имъ растолковали, что тебя не въ дьячки выбираемъ...—говоритъ Дятловъ.

— Такъ неужели-же некого было, кромѣ меня?.. Чай, есть желающіе, да и незанятые? Опять-же меня земскій не утвердитъ, ужъ я знаю,—продолжаю я роптать.

— Ахъ ты... скажи пожалуйста! а еще сознательный человѣкъ. Чай, для народнаго блага!—ужъ горячится и, по привычкѣ, кричитъ, или, какъ говорятъ у насъ, «звонитъ» молодой Смысловъ.

— Я, въ свою очередь, долженъ поставить вамъ на видъ, что общественная выборная должность, по статьѣ закона, есть повинность, и никто не имѣетъ полнаго права отъ нея отказаться.. Вотъ ежели представите свидѣтельство по медицинской болѣзни, тогда освободятъ,—разъясняетъ староста.

— Міръ почтилъ тебя, Степанъ Иванычъ,—ты у насъ теперь во всей волости первый человѣкъ, а ужъ это по закону, вонъ староста говоритъ, ты самый-то виноватый,—остритъ Дятловъ.

— Нѣтъ, позвольте!—кричитъ Смысловъ.—Всякій развитой, сознательный человѣкъ для общей пользы долженъ пожертвовать собой! Вотъ какъ я полагаю. А Степанъ Иванычъ можетъ вліяніе оказать и большую пользу принести народу!.. Нужно стремиться къ этому!

— А что касается барина, такъ этотъ утвердитъ; вонъ, прежній баринъ—не знаю, а этотъ безпремѣнно утвердитъ... Баринъ серьезный!—«Я нне ха-ачу знать, кто ты такой, ты до-олженъ точно исспа-алнять мои при-ка-ззанія!.. Я буду строго слѣдить за та-абой, а-а рразсуждать ты не иммѣешь права»!—изобразилъ староста земскаго.

Продолжая разсуждать по поводу моего избранія и объ общественныхъ дѣлахъ, мы садимся пить чай, и гости уходятъ только утромъ, послѣ того, какъ за Смысловымъ пришли и позвали его молотить.

— Ахъ чортъ!.. и жизнь только,—передохнуть некогда, то то, то се; то-есть, на себя оглянуться некогда,—газетки, ей богу прочитать некогда,—заторопился Смысловъ.

— Жениться третій годъ собирается и все некогда,—успѣваетъ вставить Дятловъ.

— П-право такъ!—добродушно смѣется Семенъ.—Желаю тебѣ, Степанъ Иванычъ, отъ всей души крѣпко держаться на общественномъ посту для общаго блага!

— И я также,—остритъ Дятловъ,—желаю держаться... только подальше отъ этого поста.

— Нѣтъ, зачѣмъ подальше?—Держитесь по самой серединѣ такъ, чтобы волки были сыты и овцы цѣлы,—желаетъ староста.

— А еще лучше, чтобы самому быть сыту,—поправляетъ опять Дятловъ.

Дятловъ уходитъ послѣднимъ. Прощаясь, онъ говоритъ серьезно:

— Послужить надо, Степанъ Иванычъ; мнѣ думается, что кое-что и путное можно сдѣлать. Конечно, гдѣ же нашему теленку волка съѣсть, но, между прочимъ, я думаю, для васъ бы тутъ въ самый разъ... Но вотъ еще что (острые глазки Дятлова опять заблестѣли насмѣшкой):—сходъ постановилъ ходатайствовать объ утвержденіи тебя и предсѣдателемъ суда... Мужики, вишь, узнали, что по закону старшина можетъ быть и предсѣдателемъ, а главное... гмъ... по закону старшина за предсѣдательство не получаетъ жалованья; такъ однимъ выстрѣломъ двухъ воронъ убили... У-умные! за все, братъ, двѣсти рублей въ годъ!..

Дятлову до дому верстъ семь, онъ изъ сосѣдней деревни. И всѣ трое они—крестьяне, какъ у насъ говорятъ, «изъ нынѣшнихъ». Водки не пьютъ; хорошіе, честолюбивые хозяева, но скупые, жесткіе люди, и всѣ явленія въ божьемъ мірѣ они опредѣляютъ по степени ихъ хозяйственной пригодности. Смотрятъ на міръ жадно-любопытными и недовѣрчивыми глазами. Много занимаются общественными дѣлами, что называется—«воротилы». Чрезвычайно любятъ разсуждать (въ деревняхъ люди, какъ извѣстно, разсуждаютъ гораздо больше горожанъ), любятъ помечтать на тему: «кабы, да ежели-бы»...

Въ настоящее время у насъ въ деревняхъ люди особенно интересуются своими общественными дѣлами. Со времени выборовъ въ первую Думу на сходахъ образовались партіи «лѣвыхъ» и «правыхъ», и всякій, даже ничтожный, общественный вопросъ теперь на сходѣ попадаетъ прежде всего на принципіальную почву.

Изъ этихъ троихъ моихъ гостей, Смысловъ на сходахъ является рьянымъ ораторомъ слѣва. Онъ всѣхъ раньше приходитъ на сходъ, и по вопросу у него всегда есть самое рѣшительное и опредѣленное мнѣніе, и его не собьешь, такъ какъ онъ всегда убѣжденъ, безусловно убѣжденъ, до мозга костей убѣжденъ. Голосъ у него звонкій. Но головой партіи лѣвыхъ, ихъ такъ сказать, лидеромъ является Дятловъ. Партія руководится его соображеніями, распространяемыми имъ предварительно домашнимъ образомъ. На сходахъ же онъ молчитъ, или отпускаетъ свои остроты, иногда очень злыя, не щадя ни правыхъ, ни лѣвыхъ, и этимъ иногда мѣшаетъ дѣлу; мнѣ кажется, онъ самъ не можетъ совладѣть со своимъ злымъ языкомъ, такъ какъ тоже очень убѣжденный человѣкъ.

Староста Иванъ Костюковъ служитъ давно и еще занимаетъ нѣсколько общественныхъ должностей. Общественныя дѣла—его профессія, и живетъ онъ только на маленькое жалованье, которое получаетъ по должности и котораго, благодаря его необыкновенной аккуратности и умѣренности, ему хватаетъ. Староста онъ хорошій, грамотный, исполнительный, начальству нравится и, вообще, умѣетъ

ладить со всѣми. Онъ староста и по темпераменту—невозможно серьезный человѣкъ. По образу же мыслей онъ принадлежитъ больше къ правымъ; но читаетъ газеты, любитъ разговоры о научныхъ вещахъ и законахъ и держится лѣвыхъ потому, что ихъ образованная компанія ему подходящѣе.

Должность старшины ему бы чрезвычайно кстати, но, какъ я, такъ и онъ, знаемъ, что его въ старшины никогда не выберутъ,—онъ не родовитъ. Для этого теперь, какъ и прежде, не столько нужно имѣть, богатство, сколько хозяйственную порядочность, а главное,—родовитость. Родовитость имѣетъ, кромѣ того, очень большое значеніе въ старыхъ деревняхъ при бракахъ: извѣстно, что молодой человѣкъ изъ потомственно хорошей, хотя и средняго достатка, семьи имѣетъ право посылать сватовъ къ любому богатѣю.

Староста оказался правъ: черезъ мѣсяцъ я получилъ бумагу, гдѣ значилось, что въ должности Ивановскаго волостного старшины я утвержденъ впредь на трехлѣтіе.

Эта почетная выборная должность не даромъ предусмотрѣна «Общимъ положеніемъ о крестьянахъ», какъ повинность, и не даромъ всѣ порядочные крестьяне теперь смотрятъ на нее, какъ на злую опасность для своего добраго имени и состоянія. Начальство, утверждая старшину въ должности, упорно требуетъ отъ него, прежде всего, качествъ хорошаго полицейскаго чина и безпрекословнаго исполненія своихъ приказаній, но, не безъ основанія, смотритъ на него косо, подозрѣвая въ вилянія, отлынивании и всякомъ лукавствѣ и часто сажаетъ его на 5 и на 7 сутокъ. И такъ дѣлаетъ даже въ томъ случаѣ, когда струсившій мужикъ и «старается».

Мужикъ мирный, естественно, не можетъ сразу пріобрѣсти полицейскихъ качествъ, тѣмъ болѣе, что всегда чувствуетъ себя между двухъ огней. Крестьяне выбираютъ въ старшины лучшаго своего члена и упорно хотятъ смотрѣть на него, какъ на представителя своихъ интересовъ, какъ на человѣка, котораго они поставили впереди себя, но не противъ себя; и, когда по слабости человѣческой, подъ натискомъ власти сверху, ихъ выборный начинаетъ проявлять только полицейскія качества, они, не будучи вправѣ смѣнить измѣнника, сначала сбавляютъ ему жалованье, а потомъ жгутъ его хозяйственные «зады». Приравнивать же его къ полицейскому урядинку они никакъ не научатся:—«тотъ чужой, нанятой», а этотъ—«давно-ли свой братъ былъ, а теперь свинья свиньей»; да и старшина, въ силу того, что онъ свой человѣкъ, для нихъ гораздо вредоноснѣе.

Искренне желая быть полезнымъ своему народу, я боялся этой должности. Я помнилъ, какъ неопытные люди совершали должностные проступки уголовнаго характера только по неопытности своей и попадали подъ судъ; какъ не умѣя пріобрѣсти скоро,

такъ сказать, навыковъ власти, человѣкъ дѣлался посмѣшищемъ въ волости; помнилъ, какъ люди въ этой должности раззорялись и разстраивали свое хозяйство. Вѣдь, должность эта, въ особенности теперь, беретъ все время хозяина и жить приходится пошире, а міръ отпускаетъ на содержаніе старшины ничтожныя суммы. У насъ, напримѣръ, 200 рублей.

И почему-то, часто, хорошіе трезвые мужики, побывъ въ старшинахъ, пріучаются пить...

II.

Земскіе начальники.

Еще черезъ мѣсяцъ я ѣхалъ принимать присягу.

Помню,—стояла оттепель. Въ безбрежномъ мертвомъ полѣ было удивительно тихо, земля лежала подъ облачнымъ, теплымъ небомъ, какъ подъ одѣяломъ. Спускался снѣжокъ.

По повѣсткѣ я призывался въ 8 ч. утра, и эта ранняя явка внушала мнѣ уваженіе къ барину, про котораго у насъ говорили, что онъ «сурьезный» человѣкъ: «ужъ ежели что порѣшитъ, то не только что на колѣнкахъ, хоть на четвереньках ползай—проси, не перерѣшитъ». А старосты говорили, что онъ «дѣло знаетъ»; и это послѣднее качество изъ трехъ смѣнившихся у насъ земскихъ приписывалось ему первому. По участку, въ волостяхъ, онъ рѣдко появлялся, но всякій разъ внушительно, на тройкѣ, окруженный отрядомъ верховыхъ стражниковъ, и эти наѣзды его были замѣтны, такъ какъ онъ всякій разъ при этомъ кого-нибудь изъ сельскихъ властей сажалъ или увольнялъ.

Опустивъ вожжи, я думалъ о земскихъ начальникахъ. Собственно, у насъ мужики не знаютъ, что они въ 1889 году призваны осуществлять отеческое попеченіе и, вообще, мало кто толкомъ знаетъ, зачѣмъ они; но мужики сразу стали звать земскаго «бариномъ»». Разницы-же между имъ и исправникомъ въ отношеніи власти, напримѣръ, они не знаютъ. Тотъ и другой легко и скоро сажаютъ сельскихъ властей: баринъ взыскиваетъ на счетъ недоимокъ, но и исправникъ взыскиваетъ, и податной инспекторъ взыскиваетъ, не зѣваетъ. Правда, баринъ судитъ; но такія же дѣла и волостной судъ разбираетъ, а другія—и съѣздъ разбираетъ. И, большей частью, съ представленіемъ о земскомъ возникаютъ воспоминанія такого рода: въ третьемъ году баринъ не разрѣшилъ во время дѣлить общественный лѣсъ, и дрова рубили «зря — въ сокъ»; разрѣшеніе его раздѣлить запасы общественнаго магазина запоздало, и сѣяли не во время; отмѣнилъ волостной или сельскій приговоръ и т. д. Въ этомъ отношеніи новая власть оказалась такъ ловко поставленной на перекресткѣ всѣхъ дорогъ мужика, что, какъ не сторонись, не объѣдешь, непремѣнно задѣнешь; и она

глубоко, гораздо глубже другихъ властей проникаетъ въ область житейскихъ крестьянскихъ отношеній. Прежде въ большинствѣ общественныхъ случаевъ и въ семейныхъ отношеніяхъ управлялись домашнимъ образомъ, при помощи обычая. Теперь на счетъ всего нужно спрашивать у барина; а нынѣшніе «барины» въ этихъ случаяхъ стали показывать законъ, а онъ, большей частію, приходится поперекъ обычаю и простому народу не въ пользу,— «ну, а ловкачамъ, конечно,—какъ будто для нихъ и писанъ». И, ежели нынче постыдить такого:—«побойся, молъ, бога, братъ,— не по совѣсти дѣлаешь!» то онъ скажетъ: «я ничего не знаю, я по закону».

Собственно говоря, понятіе барина наиболѣе полно воплощалъ у насъ только первый земскій, отставной поручикъ Вельчаниновъ.

Я только что проѣхалъ мимо его усадьбы, уже полуразрушенной. Тутъ, въ полѣ, влѣво отъ дороги, на горѣ стоитъ большой домъ съ выбитыми окнами. Отъ всѣхъ хозяйственныхъ затѣй теперь въ усадьбѣ остались лишь столбы отъ вѣтряной водокачки, остатки большой теплицы, развалины глинобитной постройки и двѣ падающихъ вереи съ висящей еще половинкой воротъ. Сторожъ усадьбы и мужики мимоѣздомъ растаскали палисадникъ на дрова.

Вельчаниновъ явился въ деревню изъ полка въ то время, когда въ газетахъ писали,—и начальство, пріѣзжая въ деревню, мужикамъ говорило,—что они распустились, излѣнились, испьянствовались, и что имъ еще нужна опека, ихъ нужно подтянуть; съ этимъ мужики наши тогда, какъ, правда, и теперь, охотно соглашались. Вельчаниновъ купилъ песчаный пустырь для ценза, выстроилъ эту усадьбу въ центрѣ своего участка и завелъ въ ней все, что полагается настоящему барину. Въ усадьбѣ выли, скулили и заливались-лаяли борзыя, гончія и пойнтера. Самъ онъ надѣлъ поддевку, кумачную рубаху (къ нему это шло), и великолѣпная фигура его съ пышной, холеной бородой по поясъ была истинно внушительна и очень красива. Мужики говорили, что онъ, какъ слѣдуетъ, настоящій баринъ.

Разъѣзжалъ онъ по участку на дрожкахъ, самолично правя собственной маленькой, крестьянской лошадкой. Старался быть всѣмъ доступнымъ и стариковъ, считая изъ уважаемыми, звалъ по имени и отчеству, и приказывалъ себя звать Аркадіемъ Павлычемъ, а не вашимъ высокородіемъ. Во время общественныхъ молебствій и крестныхъ ходовъ, баринъ шелъ въ толпѣ наравнѣ со всѣми, въ праздники неуклонно посѣщалъ храмъ божій и, стоя впереди своихъ крестьянъ, подпѣвалъ пѣвчимъ.

— Основа всякаго благосостоянія, братцы, есть честный трудъ,—говорилъ баринъ.—Есть мѣткая русская пословица: терпѣніе да трудъ все перетрутъ.

Передъ открытіемъ волостного или сельскаго схода онъ гово-

рилъ: «помолимся богу, братцы». А открывая сходъ:—«итакъ, братцы, съ божьей помощью мы должны обсудить предстоящіе намъ вопросы». Кончалъ же рѣчь: «итакъ, я говорю,—богъ вамъ въ помощь, братцы».

Въ то время начальство очень старалось противодѣйствовать семейнымъ раздѣламъ, которые были признаны источникомъ экономическаго зла въ народной жизни, и, я помню, на сходѣ баринъ приводилъ классическій примѣръ съ вѣникомъ, который, дескать, состоя изъ множества связанныхъ вмѣстѣ прутиковъ, представляетъ большую силу—«его не сломишь»; если же раздѣлить, каждый прутикъ въ отдѣльности легко переломить. Я помню, тогда это всѣмъ у насъ очень понравилось.

Баринъ старался принимать людей съ жалобами, съ прошеніями и заявленіями всегда, во всякое время и во всякомъ мѣстѣ и сейчасъ-же разбиралъ ихъ домашнимъ образомъ, или, какъ теперь говорятъ, административно. Не признавалъ необходимости суда съ его процедурой и канцелярщиной, и у него мужики боялись судиться, такъ какъ онъ бранилъ тяжущихся кляузниками, раздражался и грозно кричалъ, пугая ихъ.—Кланяйся въ ноги и проси прощенья,—приказывалъ онъ обидчику, преподавъ ему предварительно отеческое внушеніе, и, когда тотъ стоялъ пень пнемъ или переминался съ ноги на ногу, баринъ очень раздражался и гремѣлъ:—Кто тебѣ приказываетъ?!. Я давно тебя, братъ, замѣтилъ,—ты кляузникъ!—И сулилъ ему бараній рогъ и другія кары.

Волостное и сельское начальство у него было въ большомъ загонѣ. Начиная свою административную карьеру, онъ былъ убѣжденъ, что въ лицѣ этого начальства будетъ имѣть дѣло съ толпой мошенниковъ, ловкихъ пройдохъ и пьяницъ. Такъ онъ къ нимъ и относился. По ничтожной жалобѣ всякое распоряженіе выборныхъ должностныхъ лицъ, къ большому конфузу ихъ, имъ немедленно отмѣнялось, и, въ концѣ-концовъ, въ волостяхъ просителямъ говорили: «ступай къ барину».

Баринъ, нужно сказать, имѣлъ доброе сердце и, неослабно искореняя лѣнь и пьянство въ народѣ и устраивая порядокъ, желалъ также немедленно, принимая самыя строгія мѣры, отечески защитить всѣхъ угнетенныхъ въ участкѣ. И вотъ къ нему потянулись вереницы просителей. Всѣ они по-долгу крестились на иконы въ канцеляріи и со слезами, кланяясь барину въ ноги, просили быть отцемъ роднымъ, сдѣлать божескую милость и разсказывали свои обиды, злоупотребляя его добротой и быстротой.

— Баринъ, ваше благородіе, я къ вашей милости...—И драный, жалкаго вида мужиченко теръ глаза и подъ носомъ.—Староста, значитъ, нашъ и мужики, которые съ нимъ... будучи на сходѣ, тягло у меня отняли и отдали Павлу Петрову... Ваше благородіе,

я говорю: я къ барину пойду. А они говорятъ:—Иди хоть къ черту!—Что-жъ я теперича безъ земли?—у меня дѣти малыя; значитъ, я долженъ по міру пойти или съ голоду помереть!.. Ваше благородіе, сдѣлай божескую милость! Неужто, ежели онъ богатъ да староста къ нему въ гости ходитъ, такъ на нихъ и управы нѣтъ? Я говорю, я къ барину пойду...

И баринъ, какъ горячій конь, сейчасъ взвивался на дыбы. Онъ чувствовалъ въ дѣлѣ наличность мірского пьянства, и обнаруживалось нарушеніе закона,—закона о передѣлахъ. Немедленно въ волость посылалась бумага, приказывавшая земельный надѣлъ Ивана Кузовкова, отобранный у него незаконно, немедленно возвратить ему Ивану, а старостѣ Ивану Галкину отправиться подъ арестъ на трое сутокъ.

Дня черезъ два, потомъ, строгій и степенный старикъ Павелъ Петровъ, долго и истово крестясь на иконы и отвѣшивая степенные поясные поклоны, жаловался барину, и въ голосѣ его слышался упрекъ и укоризна.—Онъ объяснялъ, что снялъ, было, въ аренду у общества на 6 лѣтъ надѣлъ Ивана Кузовкова, который общество постановило сдать въ аренду въ уплату за Ивана недоимокъ, потому что Иванъ не платилъ, да и платить ему нечѣмъ, да и земля эта у него вотъ ужъ второй годъ не пахана лежитъ. Онъ, Павелъ Петровъ, за нее обществу деньги заплатилъ,—все сполна; спахалъ, заборонилъ ее и собирался посѣять: «потому, теперь послѣдніе дни», и вотъ теперь староста сѣять ему запретилъ, — «какъ, значитъ, отъ вашей милости бумага пришла»...

Баринъ смущался, понимая, что поспѣшилъ, ошибся; видѣлъ, что мужики, въ сущности, правы, они поступили по закону, и дѣйствія старосты Галкина заслуживали только поощреніе, какъ строгія мѣры по взысканію недоимокъ.

— Хорошо, ступай, братецъ... Я все сдѣлаю... Вотъ, отдай бумагу старостѣ, что бы онъ завтра ко мнѣ явился.

— Покорно благодаримъ... доброе дѣло... Только вотъ, староста-то подъ арестъ ушелъ...

— Ахъ, да... Ну, такъ вотъ... когда онъ возвратится, я сдѣлаю дознаніе и тогда... засѣешь.

— Такъ-то, такъ, Аркадій Павлычъ, да, вишь, ужъ поздно будетъ сѣять-то,—послѣдніе сѣва кончаются.

— Сѣва кончаются, сѣва кончаются!--внезапно раздражался баринъ.—Дурачье! Вы должны знать, что по закону на отдачу обществомъ въ аренду надѣла крестьянина, нужно испросить разрѣшенія земскаго начальника и тогда ужъ, только тогда и составлять приговоръ!

— Не знали, вишь, вашескородіе, опять-же не первый случай—всегда такъ дѣлалось...

— Не знали! Никто не имѣетъ права оправдываться незнаніемъ закона... Нужно знать! Старые порядки прошли.

— Оно, конешно... Извините за безпокойство, вашескородіе...— И, пятясь къ двери и надѣвая шапку, мужикъ роპталъ: Конешно, наши понятія малыя, а только всякому своего жалко... работа пропадетъ... пахалъ, боронилъ... Да и земя зря пролежитъ...

Черезъ недѣлю послѣ этого и послѣ того, какъ приговоръ объ отдачѣ въ аренду обществомъ села Ивановскаго земельнаго надѣла Ивана Кузовкова Павлу Петрову бариномъ утверждался, къ барину приходилъ мужикъ Михайла Мозокинъ и заявлялъ,—что послѣ того, какъ онъ, баринъ, приказалъ старостѣ отданную ими въ аренду Павлу Петрову землю Кузовкова возвратить обратно Кузовкову, послѣдній сдалъ эту землю ему, Мозокину, на 12 лѣтъ по полтора рубля въ годъ. И Мозокинъ показывалъ барину расписку съ печатью волостного правленія...

Въ концѣ концовъ, нашъ первый баринъ, человѣкъ добраго сердца, «жалостливый» и съ самыми лучшими намѣреніями, ретиво распутывая узлы крестьянской жизни, дѣлалъ лишь новые; и сильно перепутавъ всю сѣть этой жизни, въ концѣ концовъ, и самъ жестоко запутался. Положеніе его становилось невозможнымъ: толпа просителей ходила по пятамъ, тѣснила его и все увеличивалась, обиженная и назойливая; увеличивалось и количество дѣлъ, запутанныхъ, непріятныхъ. Въ концѣ концовъ, у насъ на него всѣ жаловались и втихомолку бранили: «путаникъ,—пустая борода»; а онъ жаловался и говорилъ, что мужики ему «дышать не даютъ». Въ особенности, недовольны имъ были сельскія власти, которыхъ онъ постоянно унижалъ и конфузилъ въ глазахъ крестьянъ, отмѣняя ихъ распоряженія никакихъ.

Теперь отъ его энергичныхъ набѣговъ на всѣ области общественной жизни и крестьянскаго хозяйства, кромѣ рамочныхъ ульевъ и пожарной дружины, слѣдовъ не осталось. Напримѣръ, разведеніе кроликовъ на мясо, какъ подспорье въ крестьянскомъ хозяйствѣ, выводка цыплятъ въ инкубаторахъ и глинобитныя постройки, какъ несгораемыя, не привилися, и потому не привилися, какъ глинобитныя постройки, напримѣръ, что на мѣстѣ глины не было, а лѣсъ въ нашей лѣсной сторонѣ очень дешевъ. Но организація пожарныхъ дружинъ и распространеніе рамочныхъ ульевъ связано всетаки съ его именемъ.

Послѣ Вельчанинова бариномъ у насъ былъ штабсъ-капитанъ Брагинъ.

— Ничего, хорошій былъ, настоящій баринъ,—говорятъ о немъ теперь, и такъ говорили всѣ уже и въ началѣ его службы.

Однако, въ первый своей объѣзъ по участку онъ и у сельскихъ властей и у мужиковъ возбудилъ великія сомнѣнія и опасенія.

Брагинъ былъ мужчина бравый, съ грозными бровями и длинными, тоже грозно закрученными усами.

— Ну и ястребъ! на турку похожъ!—говорили люди.

Объѣзжая въ первый разъ участокъ, онъ не дѣлалъ ревизій и осмотровъ въ волостныхъ правленіяхъ, только грозно косился на шкафы съ бумагами; но, повторяю, возбудилъ вездѣ серьезныя опасенія,

— Ты кто такой?—знакомился онъ, напримѣръ, въ Ивановскомъ волостномъ правленіи со старшиной.

— Старшина, вашескородіе.

— Дуракъ!.. Ты долженъ говорить: Ивановскій волостной старшина такой-то.

Баринъ тяжело и грозно упирался глазами въ лицо старшины и старшина робѣлъ.

— Ты передъ кѣмъ стоишь?

— Передъ вами, вашескородіе.

— Болванъ! Долженъ говорить: передъ его высокородіемъ, господиномъ земскимъ начальникомъ. Понялъ?

— Конешно... Мы люди темные, вашескородіе.

— И дубы! Во первыхъ, ты долженъ говорить такъ точно, а не разсуждать! Во вторыхъ, держать руки, какъ слѣдуетъ, а не лазить ими въ разныя мѣста, когда стоишь передъ начальникомъ... А-а, въ третьихъ, не выпячивать брюхо, какъ беременная баба, и свой должностной знакъ носить правильно... И-и вычистить его, у тебя его мухи засидѣли... Вообще, здѣсь присутственное мѣсто, а у васъ рои мухъ, этого не должно быть! Понялъ?

Такого рода замѣчаніямъ подверглись многія изъ сельскихъ властей въ участкѣ. А въ одномъ мѣстѣ новый баринъ такъ великолѣпно выругался, что привелъ въ восторгъ всѣхъ десятскихъ. Извѣстно, что если начальникъ ругается, то это значитъ, что онъ простой человѣкъ, и къ нему принаровиться, потрафить можно.

Баринъ бурей промчался по участку и скрылся на горизонтѣ. И, какъ оказалось, надолго.

Сомнѣніе на первыхъ порахъ еще поддержано было разосланной въ волостныя правленія «для немедленнаго исполненія» бумагой новаго барина, въ которой, «въ цѣляхъ внѣшняго благоустройства», приказывалось старшинамъ немедленно принять строгія мѣры къ тому, чтобы при въѣздахъ въ селенія, а также при развѣтвленіяхъ и на перекресткахъ дорогъ были поставлены столбы, и на нихъ прибиты дощечки съ названіями мѣстъ, куда ведутъ дороги; также и на избахъ старостъ, десятскихъ и др. должностныхъ лицъ обветшалыя доски съ надписями должны быть возобновлены; а въ селеніяхъ такихъ-то... гдѣ у должностныхъ лицъ совсѣмъ не оказалось таковыхъ досокъ, немедленно ихъ пріобрѣсти...

Но этими мѣропріятіями въ области внѣшняго благоустройства дѣятельность новаго барина и закончилась. Все скоро наладилось

«по старому, по хорошему», и между нимъ и населеніемъ участка установились простыя, ясныя отношенія.

Брагинъ сразу и прочно засѣлъ въ городѣ и только разъ въ мѣсяцъ вызывалъ въ ближайшее отъ города волостное правленіе къ себѣ на судъ. Судилъ онъ быстро и въ одинъ день рѣшалъ столько дѣлъ, сколько теперешнему барину не рѣшить и въ три дня, хотя онъ тоже рѣшительно рѣшаетъ.

Фактически главой административной власти въ участкѣ оказался письмоводитель Брагина, Матвѣй Иванычъ Алфеевъ.

Это у насъ всѣ скоро уразумѣли, и ходили къ нему и сельскія власти, и просто просители—и въ канцелярію, и на квартиру. Зналъ онъ всю подноготную, человѣкъ былъ мягкій и добродушный; бралъ немного и до чрезвычайности умѣлъ упрощать дѣло—дѣлать изъ него выѣденное яйцо.

— Что, что?.. Скажи, пожалуйста, пустяки какіе...

— Въ приговоръ, вишь, Матвѣй Иванычъ, записали, что ежели я начтенныхъ ста съ четвертью къ Покрову не внесу, такъ предать меня суду за растрату суммъ...

— Такъ, такъ... за растрату общественныхъ суммъ больше года въ острогѣ просидѣть можешь. Шутка!

— Поправь дѣло, сдѣлай милость, — просилъ отставной староста. — Истинно говорю, Матвѣй Иванычъ, свѣта вольнаго не вижу!.. Покровъ на дворѣ, а гдѣ чего возьмешь...

— Пустяки толкуешь, парень, сущіе пустяки.—Матвѣй Иванычъ машетъ пренебрежительно своей пухлой рукой и качаетъ головой.—Развѣ можно живого человѣка, если онъ умъ въ головѣ имѣетъ, въ темницу посадить... Иди себѣ съ Богомъ домой, ничего тебѣ не будетъ. Ну, поворожу тутъ малость... Приговоръ-то полежитъ. А потомъ, пошлемъ его назадъ,—скажемъ, неправильный онъ,—они у васъ всѣ неправильны; то-есть, милый человѣкъ, какъ поглядѣть на дѣло... да, съ одной стороны выйдетъ такъ, а съ другой эдакъ... А ты поклонись міру, попроси... пусть они тебя переучтутъ. Такъ-то. А приговоръ здѣсь опять полежитъ... А ты опять поклонись, четвертную заплати, да и скажи міру: братцы, вы мнѣ платили жалованья сорокъ рублей въ годъ, а вѣдь я съ семьей проживалъ триста; такъ если бы я вашихъ суммъ не растратилъ, такъ вы бы мои растратили... простите, молъ, сдѣлайте милость, сотню! Они тогда простятъ—простынутъ; а теперь они горячи... Все пустяки, другъ,—поди съ богомъ!

А приходившимъ съ прошеніями въ судъ онъ говорилъ:—Судиться да лечиться, милый человѣкъ, нѣтъ хуже,—отъ хорошаго суда на лапти не придетъ, не выручишь!

Это время отличалось необыкновенной гармоніей между органами сельскаго самоуправленія и бюрократической канцеляріей земскаго начальника. Именно, это время извѣстно усиленіемъ власти міра и паденіемъ бумажнаго производства въ волостныхъ канцеля-

ріяхъ. Количество исходящихъ бумагъ, превышающее въ Ивановскомъ правленіи теперь полторы тысячи номеровъ, не достигало тогда и половины этой цифры.

Міряне, нужно сказать, пользовались случаемъ и много самовольничали. Они беспрепятственно производили складки-накладки, т. е., частные уравнительные передѣлы земли въ нарушеніе закона 1893 года. Вовремя, къ сѣву, дѣлили «магазейное зерно» и успѣвали раздѣлить и рубили лѣсъ въ пору—«до сока». А общественные приговоры объ этомъ, — для разрѣшенія произвести раздѣлъ лѣса и зерна,—представлялись барину послѣ того, какъ засѣянное зерно ужъ всходило, и лѣсъ превращался въ дрова. Приговоры эти возились старшинами «за одно» вмѣстѣ съ прошеніями о разрѣшеніи волостного схода, къ тому времени уже состоявшагося. Такъ какъ отъ этого зерно всходило не хуже, а вовремя срубленныя дрова были лучше срубленныхъ не вовремя, въ чемъ мужики были убѣждены, и Матвѣй Иванычъ съ ними былъ вполнѣ согласенъ, то это и дѣлалось.

Рѣдко, но на первыхъ порахъ Брагинъ еще пытался нарушить эту тишь и гладь въ участкѣ, и тогда, случалось, къ одному изъ волостныхъ правленій внезапно бѣшено подлетала тройка съ подвязанными колокольчиками, появлялся баринъ съ грозными бровями и, что называется, накрывалъ старшину и писаря...

Но изъ этого никогда ничего не выходило: онъ всегда находилъ полный порядокъ, все въ наличности и полное устремленіе къ исполненію. Онъ не зналъ, что Матвѣй Иванычъ во-время извѣщалъ волостныхъ властей о ревизіяхъ барина.

Вспоминается мнѣ послѣднее время службы Брагина, недавнее время,—время великой смуты умовъ, шатанія и растерянности властей. Вдали бушевали бури, но надъ нашими полями стоялъ плотный и густой туманъ Долетавшія вѣсти не разсѣивали его, но тревожили, волновали умы. Баринъ первый растолковалъ мужикамъ значеніе момента. Поведеніе его въ это время весьма смущало мірянъ.

Брагинъ неожиданно сталъ проявлять странную для него торопливую дѣятельность. Собиралъ и ѣздилъ на сходы. На сходахъ говорилъ цѣлыя рѣчи. Къ общему изумленію, онъ говорилъ объ ослѣпленныхъ гордыней людяхъ, стремящихся пошатнуть вѣковые устои; о волкахъ въ овечьей шкурѣ, сѣющихъ смуту; о долгѣ и необходимости платить подати и налоги... и т. п. И если при этомъ мужики, равнодушно и молча выслушавъ, стояли, что называется, чурбанами, то онъ раздражался и начиналъ кричать:

— Я знаю, что вы думаете, но этого вамъ не придется! Знайте, что плетью обуха не перешибешь!..

Или пытался убѣдительно доказывать, что, въ сущности, правительство имъ гораздо больше даетъ, чѣмъ беретъ. Указывалъ на помощь во время голодовокъ, на врачебную помощь, обученье въ школахъ, дороги и т. п...

Въ результатѣ, міряне въ это время составляли приговоры о согласіи выселять смутьяновъ; собирались избить кое-кого изъ читающихъ книжки и... стали плохо платить подати...

Вообще, люди у насъ запоздали, и революціонные эксцессы—ничтожнаго, правда, значенія, отмѣчены уже въ періодъ всеобщаго успокоенія. Но общественное самосознаніе по пути развитія сдѣлало за это время дистанцію огромнаго размѣра. Произошелъ, какъ теперь говорятъ, большой сдвигъ общественной мысли съ тѣхъ трехъ китовъ, на которыхъ она стояла.

Теперь у насъ опять новый баринъ, его фамилія Шмидтъ.

Онъ у насъ еще недавно, но понятіе баринъ, за послѣднее время такъ обидно умалившееся въ участкѣ, до мирнаго равнодушія къ нему, при немъ много выросло и продолжаетъ расти. Можно сказать, что оно никогда не занимало такого большого мѣста, какъ теперь, и не привлекало такого безпокойнаго вниманія.

Уже его первое появленіе въ волостяхъ участка, окруженнаго толпой верховыхъ стражниковъ, заставило о себѣ говорить. Затѣмъ скоро всѣ почувствовали, что вожжи, слабо болтавшіяся въ рукахъ стараго начальства, стали подбираться и натягиваться все сильнѣе и крѣпче. Міръ почувствовалъ тѣсноту, и староста его оказывался въ административной цѣпи впереди, но не съ міромъ, а противъ міра; изъ передового барана-вожака въ стадѣ онъ превращался въ злую хозяйскую собаку.

Фигура, ловко поставленная на перекресткѣ всѣхъ дорогъ мужика, пріобрѣтала грозныя очертанія,—стало ни пройти, ни проѣхать.

Производилось укрѣпленіе расшатанной власти.

III.

Выборы волостныхъ судей.

Предо мной уже тянулись заборы лучшей улицы нашего уѣзднаго административнаго центра. Эта улица по внѣшнему виду мало отличалась отъ нашихъ сельскихъ улицъ, примѣчательныхъ, благодаря частымъ пожарамъ, хорошими постройками; но пріятный запахъ папиросы въ зимнемъ воздухѣ и подстриженные, ловко одѣтые люди съ суетливыми движеніями, сильно отличавшіеся отъ нашихъ бурыхъ, мохнатыхъ мужиковъ, говорили объ иномъ мірѣ, гдѣ, по пословицѣ, живутъ на болотѣ, ржи не молотятъ, а сыто живутъ.

Поставивъ лошадь на постояломъ дворѣ, я почистился, причесался, привелъ себя въ надлежащій видъ и, торопясь, уже черезъ полчаса съ почтительнымъ, но исполненнымъ собственнаго достоинства видомъ, поднимался по лѣстницѣ въ канцелярію барина.

На площадкѣ стоялъ огромный, сѣрый песъ. Я подумалъ: можетъ, не укуситъ,—и, вѣжливо обойдя его, отворилъ дверь и вошелъ въ канцелярію.

Въ канцеляріи, у самой двери, въ почтительно напряженной позѣ, стоялъ большой и очень представительный старикъ съ цѣпью и знакомъ на шеѣ.—Тоже старшина,—подумалъ я.

А за большимъ столомъ, напротивъ, размашисто писалъ знакомый помощникъ писаря изъ сосѣдней волости, и, къ великому моему удивленію, прищуривъ свои умные глазки и сложивъ пухлыя руки на животѣ, благодушно попыхивалъ папиросой все тотъ же Матвѣй Ивановичъ.

Я зналъ, что старикъ ушелъ вмѣстѣ съ Брагинымъ. Онъ, мнѣ казалось, совсѣмъ не подходилъ къ новому режиму, и я удивился, увидѣвъ его на старомъ мѣстѣ. Впослѣдствіи я узналъ, какъ это случилось, что онъ остался на прежнемъ мѣстѣ. Письмоводитель, котораго привезъ съ собой баринъ, запуталъ дѣла, и тотъ смѣнилъ одного за другимъ нѣсколькихъ писарей, которые, не обладая для этого необходимыми энциклопедическими знаніями, дѣла еще больше запутали и осложнили ихъ до того, что баринъ замучился; тогда Матвѣй Иванычъ, дожидавшійся такого момента, предложилъ свои услуги и... старый волшебникъ мигомъ наладилъ все. Хотя старикъ немного и сократился, но, безъ сомнѣнія, твердо надѣялся, что, Богъ дастъ, будетъ такъ, какъ надо,—по старому, по хорошему. А такъ какъ при новомъ режимѣ размѣры бумажнаго производства неизбѣжно должны были возрасти, то онъ потребовалъ себѣ помощника и, по приказанію барина, въ канцелярію присылали изъ волостей помощниковъ писарей, и это барину ничего не стоило.

— А-а! ваше степенство... новое степенство!—привѣтствовалъ меня Матвѣй Иванычъ.—Да-а... такъ, такъ. Ну что-жъ...

— Простите, опоздалъ я немного, Матвѣй Иванычъ. Явиться приказано было въ 8 ч.—Говорилъ я, безпокойно поглядывая на дверь, изъ которой долженъ былъ появиться баринъ.

— Что, что!.. Пустяки, ваше степенство,—баринъ встаетъ въ 11 часовъ. Господа встаютъ рано только лѣтомъ на дачѣ... Да, да... Дальше, Мишуковъ... въ семидневный срокъ по полученіи сего, во исполненіе приказанія моего, примѣнительно ко второй части пункта 3, циркуляра отъ... и т. д.—диктовалъ онъ молодому писарю.

— Нѣтъ, не опоздали,—обратился онъ опять ко мнѣ.—Вотъ, возьмите присяжный листъ и сходите къ Ивану-Предтечѣ, примите тамъ присягу и приходите сюда... Да, да... Дальше пиши: съ препровожденіемъ бланка вѣдомости, форма номеръ четвертый, и циркуляра господина главноуправляющаго... главно-у-правля-юща-го...

Черезъ часъ, когда я принялъ присягу и такимъ образомъ былъ утвержденъ въ санѣ старшины и церковью, вернулся въ канцелярію и всталъ, въ ожиданіи выхода барина, на свое мѣсто у дверей въ рядъ со старикомъ-старшиной, костенѣвшимъ отъ дол-

гаго, непривычнаго и волнующаго ожиданія,—Матвѣй Иванычъ вдругъ обратился ко мнѣ съ удивительнымъ, какъ показалось мнѣ, предложеніемъ.

— Вотъ какое дѣло, старшина,—давайте-ка, пока выберемъ съ вами судей?

— То есть, какъ выберемъ судей?—не понялъ я.

— Да очень, почтеннѣйшій, просто. Вѣдь у васъ волостные судьи съ новаго года переизбраны... Вотъ сельскіе приговора... Да, да... И я вотъ тутъ выписалъ фамиліи кандидатовъ,—ихъ 11: Степанъ Голубевъ, Иванъ Петровъ, Иванъ Низовцевъ и т. д.... Изъ нихъ нужно выбрать четырехъ достойныхъ... ну, тамъ честныхъ людей и мудрыхъ Соломоновъ... Хе, хе. Пустое, конечно, гдѣ ужъ тутъ... Главное, грамотныхъ и потолковѣе, чтобы умѣли законъ читать; да стариковъ ненадо,—они по старому обычаю судятъ и... получается путанница, только читай жалобы да представляй рѣшенія къ отмѣнѣ. Вы понимаете, они законъ нарушаютъ... Да, такъ вотъ, тутъ нужно выбрать четырехъ и съ бумагой послать въ съѣздъ къ утвержденію—онъ утвердитъ. А я, добрый мой, понятно, никого изъ нихъ не знаю; для меня они всѣ Иваны и больше ничего, а вы, чай, знаете. Вы мнѣ скажите, а я отмѣчу ихъ крестикомъ...

— Я, конечно, ихъ знаю, Матвѣй Ивановичъ,—разсуждалъ я,—но, видите-ли... затрудняюсь... Неловко какъ-то. Выходитъ, знаете-ли, что я выберу для Ивановской волости судей! Какъ-то это, не тово... Первый разъ въ жизни приходится... Вѣдь это, чай, начальникъ долженъ дѣлать?..—смущенно возражалъ я.

— Вотъ, вотъ!—я же и говорю: изъ числа кандидатовъ, избранныхъ сельскими обществами, земскій начальникъ долженъ указать наиболѣе достойныхъ и представить въ съѣздъ къ утвержденію. Да... Но вы поймите, милый человѣкъ,—баринъ, онъ еще менѣе нашего знаетъ объ ихъ достоинствахъ, да и я вотъ... знаю только, что они по возрасту достойны—не моложе 35 лѣтъ... Ну, и...

И я принялся выбирать судей.

По списку сразу было видно, что сельскія общества выбирали старательно, наиболѣе подходящихъ для этой роли людей. Я всѣхъ кандидатовъ хорошо зналъ, все это были порядочные и наиболѣе развитые мужики, съ присутствіемъ одного или нѣсколькихъ качествъ, дѣйствительно важныхъ для судьи; и тѣмъ болѣе было трудно выбирать, что я тогда не зналъ, да и до сихъ поръ, признаться, не знаю, что важнѣе для волостного судьи по условіямъ крестьянской жизни,—трезвость, грамотность или близость мѣстожительства его отъ волостного правленія, принимая во вниманіе при этомъ, что жалованья судьямъ въ нашей волости было назначено по 25 рублей въ... годъ!

Черезъ полчаса судьи, однако, были мной выбраны.

— Ну вотъ, вотъ и... очень просто.—Матвѣй Иванычъ взглянулъ на часы и объявилъ, что скоро баринъ пожалуетъ.

Я всталъ къ стѣнѣ.

IV.

Твердая власть.

Въ канцеляріи стало тихо. Писаря теперь дружно скрипѣли перьями. Закостенѣвшій отъ ожиданія, мой сосѣдъ по испытанію, старшина, нервно приглаживалъ свою красивую бороду.

Я торопливо поправлялъ на груди цѣпь со знакомъ своего старшинскаго достоинства и старался сохранить почтительную позу, исполненную, однако, чувства собственнаго достоинства, и, признаться, весьма боялся, чтобы мое достоинство не пострадало.

Положеніе было непривычное.

Я былъ на рѣдкость вольный человѣкъ до сихъ поръ: семейная, школьная, военная и служебная подчиненность меня какъ-то миновали. Не бывалъ я ни рабомъ, ни рабовладѣльцемъ. Тянулись у меня рабочіе будни въ полѣ, въ лѣсу и дома, и былъ я у себя и слуга, и хозяинъ.

Колыхнулись портьеры въ дверяхъ, и въ канцелярію твердой, пригвождающей походкой прошелъ баринъ, покосившійся на наши почтительные поклоны.

Баринъ былъ еще очень молодъ, хорошо выкормленъ и прекрасно, душисто вымытъ. Онъ былъ такой широкозадый, съ розовымъ лицомъ и круглыми женскими плечами. И все въ фигурѣ его было складно, самодовольно, ясно и закончено. Ясныя пуговицы и ясные глаза какъ бы говорили, что они такіе и должны быть, ясные. И сразу было видно, что всѣ предметы, составлявшіе особу барина, таковы, каковы они и должны быть; что они на своемъ мѣстѣ, очень довольны другъ другомъ, составляютъ его священную собственность и ничьими другими быть не могутъ.

Кончики его усовъ торчали торжествующе къ верху, и мнѣ подумалось, что баринъ не доволенъ только мной и моимъ сосѣдомъ старшиной, потому что, подписывая бумаги, онъ строго, какъ-то сбоку взглядывалъ на насъ. Мнѣ, по неопытности, это тогда было непонятно: чѣмъ онъ не доволенъ, когда я еще не успѣлъ ни въ чемъ провиниться?

Широко и властно сѣвъ за столъ, онъ сразу занялъ все пространство. Такъ же увѣренно и властно расчистилъ онъ себѣ широкое мѣсто на столѣ, раздвинувъ небрежно въ стороны бумаги, аккуратно уложенныя писарями въ стопки, и принялся диктовать имъ содержаніе новыхъ бумагъ.

Диктовалъ онъ медленно, отчеканивая слова, и голосъ его раздавался твердо, властно и, какъ мнѣ казалось, излишне громко. Голосъ его тоже вытѣснялъ всѣ звуки.

Излишними казалось мнѣ также отрывисто бросаемыя при этомъ:—«запятая», «точка», потому что Матвѣй Иванычъ въ дѣлахъ этого рода самъ толкъ зналъ.

— Преду-преж-ждаю, что волостныя правленія со становыми приставами сносятся н-не от-но-ше-ніями, а рапортами...—диктовалъ онъ.

— Кончили? Н-ну-съ, далѣе... Объявить съ подпиской на семъ, что сельскіе ста-рос-ты впредь, при отлучкѣ по своимъ дѣламъ. долѣе, чѣмъ на трое сутокъ, обязаны ис-пра-ши-вать у господина земскаго начальника отпускъ и, только получивъ его и сдавъ о-бя-зан-нос-ти и свой должностной знакъ кандидату, пользоваться онымъ. Точка! Причемъ... всякій разъ, какъ о вступленіи кандидата въ должность, такъ равно и о возвращеніи къ служебнымъ о-бя-зан-нос-тямъ пользовавшагося отпускомъ старосты, да-лж-ны... быть... посылаемы... ему свѣдѣнія... Точка!.. Далѣе...—И опять продолжалась диктовка, которую было слышно на дворѣ.

Мой товарищъ по испытанію, старикъ-старшина, не выдержалъ и самымъ неподходящимъ образомъ, тыча въ стороны и разводя руками, невнятно забормоталъ:

— Вашескородіе, явите божескую милость... Освободите! Человѣкъ я смирный, характера совсѣмъ легкаго... Никогда такими дѣлами не занимался... совсѣмъ къ этому не срушный,—не знаю, что къ чему... Право, видитъ Богъ, не знаю, въ чемъ теперя и время идетъ. Опять же и лѣта мои преклонныя... да и...

Но встрѣтивъ удивленные, ясные глаза барина, онъ умолкъ.

— Ты Покровскій старшина?

— Да какой-же я, старшина, вашескородіе! Человѣкъ я легкаго характера—всѣ скажутъ... смирный я... не могу на грѣхѣ житы!.. Опять же не знаю, что къ чему...

— Ты долженъ говорить только тогда, когда тебя спрашиваютъ!

И опять продолжалась размѣренная, громкая и отчетливая диктовка, и мнѣ казалось, что баринъ диктовалъ не Матвѣю Иванычу, а всему крестьянскому міру, цѣлому участку.

— Н-ну, что ты хотѣлъ сказать?.. М-можешь говорить.—Баринъ непріязненно покосился на старика и уперъ очи въ пространство.

— Вашескородіе! Освободите, сдѣлайте милость, отъ должности... высадите!.. какъ понятіевъ у меня настоящихъ къ этому дѣлу нѣтъ. Не могу я совсѣмъ дѣло править... сурьезное вниманіе тамъ оказать, или мѣры принимать... Характеръ, вашескородіе, у меня легкій...

— Гмъ... Скажи!—Ты избранъ на три года? И знаешь, что должность старшины есть общественная повинность?

— Вашескородіе! Общество освободить меня—дастъ приговоръ... Я упрошу міръ! Опять же у насъ много охочихъ!.

— Ва-а-первыхъ, выбираютъ не охочихъ, а достойныхъ; во-вторыхъ, міръ не имѣетъ права составить приговоръ объ освобожденіи, какъ ты выражаешься, тебя отъ должности... такъ какъ не міръ надъ тобой, а ты есть власть надъ міромъ, подчиненная мнѣ, твоему ближайшему начальнику... Н-но... и я не могу освободить тебя, а могу отстранить, понимаешь, отстранить!.. Н-но отстранить за преступленіе по должности и... въ этомъ случаѣ ты понесешь наказаніе и будешь уволенъ, пойми... уволенъ!

— Да еще и наказаніе!.. Вашескородіе, вотъ я и говорю... Народъ нынче вольный, озорной... недоимокъ теперя по 30, по 40 рублей за каждымъ!.. Приказываете взыскивать, принимать мѣры... Что я теперича долженъ дѣлать? На народъ съ оружіемъ пойти! А онъ на меня съ огнемъ пойдетъ! Грѣхъ! Злоба!.. Не могу я этого—характеръ мнѣ не дозволяетъ, и...

— Характеръ, характеръ! Какое мнѣ дѣло до твоего характера!.. Ты долженъ испа-алнять свои обя-зан-нос-ти и... больше ничего! Въ волости ты власть, а власть должна быть твер-рда! Понялъ? Тверда! А о всякомъ неповиновеніи ты долженъ немедленно донести... Нем-медленно! И оно будетъ подавлено, безпощадно подавлено!

— Вашескородіе!.. Увольте...

— М-можешь идти!—И приподнятые кончики усовъ барина нервно дрогнули.

Признаться, на меня тогда эта сцена не произвела надлежащаго, т. е. сквернаго впечатлѣнія, ибо я самонадѣянно думалъ, что старикъ-старшина дѣйствительно не знаетъ, что къ чему, и кромѣ полицейскихъ по должности обязанностей ничего другого въ ней не видитъ: но мы то, молъ, знаемъ...

— Новый Ивановскій волостной старшина?—обратился ко мнѣ баринъ, по прежнему вперяя очи въ пространство.

Я съ большимъ достоинствомъ поклонился и назвалъ свою фамилію.

— Матвѣевъ... Да я васъ знаю!.. Н-ну-съ, объ убѣжденіяхъ я говорить не стану. Въ частной жизни можно имѣть и крайнія убѣжденія... разумѣется, не осуществляя ихъ. Мнѣ до этого нѣтъ никакого дѣла! Старшина-же долженъ исполнять свои обязанности и умѣть понимать приказанія начальства, и въ этомъ отношеніи вы, какъ человѣкъ развитой, должны стоять на высотѣ положенія... И вотъ, объ обязанностяхъ старшины я долженъ вамъ сдѣлать надлежащія разъясненія.

— Н-ну-съ! Прежде всего вы должны знать, что волостное правленіе есть мѣстная, раіонная канцелярія, подвѣдомственная и управляемая стоящей во главѣ нѣсколькихъ таковыхъ канцеляріей земскаго начальника. А старшина есть представитель населенія въ

раіонѣ или околоткѣ, поставляемый для наблюденія за исполненіемъ тѣхъ требованій, которыя предъявляются властями къ населенію. Д-да! И подчиненными ему агентами для этого являются сельскія старосты. Н-но... и не только наблюдать, а и способствовать всѣми мѣрами исполненію этихъ требованій, а также способствовать и успѣшному проведенію въ жизни волости мѣропріятій властей... Вы меня понимаете? И въ этомъ случаѣ обязанности его, вообще во многомъ тождественныя съ обязанностями полицейскаго урядника, существенно разнятся... То-есть, кромѣ того, старшина, предсѣдательствуя на сходахъ въ волости, обязанъ принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы сходъ выносилъ желательныя постановленія...

Баринъ при этомъ испытующе посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза.

— Кромѣ того, главной обязанностью старшины является наблюденіе за сборами податей и недоимокъ. Въ вашей волости платятъ плохо—отвыкли... Нужно пріучить и проучить! Для этого въ ваше распоряженіе будетъ послана воинская команда... Затѣмъ первой обязанностью старшины, кромѣ того, теперь является проведеніе въ жизнь закона 9 ноября... Вы понимаете, что я говорю?

Я, почтительно поклонившись, далъ знать, что понимаю.

— Старшина долженъ всѣми зависящими отъ него средствами способствовать выдѣламъ земли въ частную собственность: объяснять законъ, пользу выдѣловъ и какъ это дѣлается, и на сходахъ и вездѣ... Старшины, успѣшно дѣйствующіе въ этомъ направленіи, награждаются!

— За-атѣмъ, ставлю вамъ на видъ, что старшина въ волости есть власть, а власть должна быть твер-рда... безъ колебаній, повторяю—безъ колебаній! Я никогда не колеблюсь! Разъ сдѣлано распоряженіе,—оно у меня не отмѣняется! Въ свою очередь вы должны строго слѣдить за старостами, о проступкахъ ихъ доносить мнѣ, и я ихъ буду наказывать. Н-но... вы должны мнѣ доносить обо всемъ, что дѣлается въ волости. Я долженъ знать все, рѣшительно все.. Вы можете мнѣ иногда сообщать не оффиціально, а частнымъ образомъ...—закончилъ онъ, понизивъ голосъ и глядя мнѣ прямо въ глаза.—Н-надѣюсь, оправдаете мое довѣріе?.. Можете идти!

Я почтительно, но потерявъ ужъ все свое достоинство, раскланялся и вышелъ.

Какъ ни былъ я хорошо забронированъ, но испытывалъ нѣкое сложное чувство: будто я написалъ фальшивый вексель... Или: меня посадили въ тюрьму и тамъ назначили надзирателемъ...

V.

Облеченный властью.

До вечера проходилъ я по городу. Былъ въ типографіи—заказывалъ книги, бланки вѣдомостей, и пр. Ждалъ въ казначействѣ, получая бланки паспортовъ, промысловыхъ свидѣтельствъ и патентовъ. Ждалъ у податного инспектора. Ждалъ у страхового агента. Вообще, много ждалъ...

Потомъ пилъ чай въ трактирѣ, въ компаніи троихъ старостъ нашей волости, отбывавшихъ по пяти сутокъ ареста, по постановленію барина за бездѣйствіе по сбору недоимокъ, и ночевавшихъ гдѣ-то въ подпольѣ при квартирѣ становóго. Будучи теперь самъ кандидатомъ на это подполье, я, естественно, интересовался и сочувствовалъ имъ; а они разсказывали, что въ подпольѣ такъ мерзко, что самъ становой не рѣшался запирать ихъ и выпускалъ на день. И слонялись они весь день по базару,—три нелѣпыя фигуры серьезныхъ, хозяйственныхъ мужиковъ, гуляющихъ въ будни... Не зная, куда дѣвать себя отъ бездѣлья, они гуськомъ, другъ за другомъ бродили по городу, останавливались, зѣвая по сторонамъ, и на нихъ постоянно натыкались проворные горожане, толкались и бранились.

Только подъ вечеръ я выѣхалъ домой, въ свою волость. Понятіе «домой» у меня теперь должно было быть иное. Оно расширилось, можно сказать, обобществилось. Я долженъ былъ понимать: домой, въ свою волость, а не домой, въ свою семью. Тамъ, куда я ѣхалъ, въ нѣсколькихъ большихъ деревняхъ, люди теперь имѣли право на мое время, мое вниманіе и мои дѣйствія, а я—на ихъ время и свободу.

Встрѣчавшіеся мнѣ засвѣтло и узнававшіе меня мужики наши снимали шапки и преувеличенно-почтительно говорили: «Степану Ивановичу», а я соображалъ, что это они, главнымъ образомъ, потому, что я теперь, въ сущности, сталъ очень опасенъ.

Вѣдь они знали, что я теперь могъ легко и безнаказанно для себя лишить свободы каждаго изъ нихъ на двое сутокъ и совершенно не считаясь, напримѣръ, съ тѣмъ, что мужику до зарѣза недосугъ, что «ведро—на греблю-бы надо ѣхать», или что онъ разсчитывалъ «урвать день да засѣяться»,—что этотъ день—годъ кормитъ. Я могъ разстроить ихъ хозяйственные планы, испортить жизнь. Вѣдь всѣ они недоимщики неоплатные, безнадежные... Напримѣръ: нужно, очень нужно мужику женить парня,—проходу ютъ не даетъ; и держитъ мужикъ на сей случай бычка—полутерничка — и соображаетъ: покормлю его и около Крещенья продамъ, выручу деньги и справлю свадьбу. А я, старшина, пріѣзжаю и описываю бычка за недоимку... Но могу и не описать.

Или: мечтаетъ мужикъ промыслишкомъ обзавестись, напримѣръ, валенки стирать, и эта мечта составляетъ цѣль его жизни: раскрываются передъ нимъ обольстительныя перспективы всякихъ хозяйственныхъ радостей. Разными хитрыми операціями, все больше насчетъ своего воздержанія, онъ подвигается, онъ близокъ къ осуществленію завѣтнаго. Срубцы для «завода» у него ужъ срублены и, кромѣ того, есть два колеса льна и овца; всего на 33 рубля. Но, вотъ, въ недоброе время пріѣзжаю я, старшина, и все это у него продаю... За нимъ недоимокъ значилось «земскихъ» 37 рублей и «страховыхъ» 77 съ полтиной. Опять таки, конечно, я могу продать, но могу совсѣмъ не обнаружить этого имущества. Наконецъ, я теперь опасенъ и въ томъ смыслѣ, что могу растратить—«замотать»—много общественныхъ денегъ.

Да мало-ли я могу надѣлать всякаго зла теперь!..

Вокругъ меня было опять огромное, мертвое поле. Вѣрнѣе сказать, теперь, вечеромъ, въ полѣ всякое впечатлѣніе пространства и поверхности исчезало. Висѣла густая сѣрая мгла, и мой, тоже сѣрый, конекъ, казалось, иногда вырывался изъ оглобель, пропадалъ гдѣ-то и вновь появлялся.

Опять медленно спускался снѣжокъ и паутинкой садился на лицо.

«Да, не мало я могу теперь надѣлать зла»—думалъ я.

Послѣ избранія, мирясь съ неизбѣжностью служить, я опредѣлялъ свою служебную програму словами: какъ можно меньше сдѣлать зла. Въ числѣ своихъ обязанностей (какъ они опредѣлялись начальствомъ), кромѣ принятія мѣръ къ тушенію пожаровъ и пресѣченію распространенія эпидеміей, я не видѣлъ другихъ общеполезныхъ. Въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи, мнѣ казалось, былъ староста; онъ, наблюдая по должности своей, за исправнымъ содержаніемъ полевыхъ изгородей, за правильными вырубками общественнаго лѣса, за земельной разверсткой и за наличностью хлѣбозапаснаго магазина,—ужъ тѣмъ самымъ приносилъ существенную пользу. Вообще сельскія общества еще сохранили черты самоуправляющейся единицы, а волость, объединяющій ихъ органъ самоуправленія, почти совершенно утерялъ эти черты. Однако баринъ,—хотѣлось мнѣ думать,—опредѣляя старшину, главнымъ образомъ, какъ низшаго полицейскаго агента, былъ правъ только отчасти. Онъ видѣлъ въ безпрерывной бюрократической цѣпи старшину, какъ послѣднее звено ея, соединенное однимъ концомъ своимъ съ народомъ, но онъ видѣлъ только тотъ конецъ звена, которымъ оно соприкасалось съ его особой. Цѣлая же область отношеній старшины съ народомъ была все таки недоступна его воздѣйствію и уходила изъ его поля зрѣнія. Тамъ у старшины были права. Ими по традиціи облекался старшина народомъ. Они были регламентированы въ неписанномъ кодексѣ обычнаго права. Правда, теперь эти свои самодѣльные законы, претерпѣвая конфузъ отъ столкновенія

съ законами писанными, значительно утеряли свою власть и значеніе въ людскихъ и мірскихъ отношеніяхъ,—потерпѣвъ всего болѣе, именно, отъ сельскихъ же властей, тоже любящихъ дѣйствовать «по закону»; но они все еще дѣйствуютъ, такъ какъ даже и сплошь грамотное населеніе нашей волости писанныхъ законовъ не знаетъ.

Въ представленіи крестьянъ подлинная, во весь ростъ, фигура старшины сохранила старыя, но еще и теперь живыя черты патріарха,—судьи и власти нравственной.

Сельскіе обыватели, этотъ все таки безписьменный міръ, еще не можетъ обходиться безъ такой фигуры въ центрѣ своей жизни, и я убѣдился потомъ, что еще и теперь человѣкъ съ подходящими личными качествами можетъ пользоваться всей полнотой такой власти и положенія.

Желая, чтобы все было по хорошему, «по людски», и всего болѣе опасаясь быть смѣшнымъ, я жестоко на первыхъ порахъ смущался этими особенностями своего новаго положенія. Мужики ходили ко мнѣ нерѣдко на домъ,—и часто съ жалобами весьма деликатнаго характера.

Помню, что на другой день послѣ описанной поѣздки, я, облеченный властью человѣкъ, собирался въ первый разъ поѣхать въ правленіе, и въ это время ко мнѣ пришла старуха Дарья Хламова. Земно кланяясь и проливъ подходящую къ случаю слезу, она, старая, сама похожая на вязанку стараго тряпья, горько жаловалась и разсказывала такую исторію:

Женила она около Ефимьяго дня прошлой зимой сына. Она — вдова, а достатки, извѣстно, какіе,—крыты свѣтомъ и обнесены вѣтромъ... Израсходовались—всѣ жилы вытянули: корову продали. А молодая-то и не хочетъ съ парнемъ жить—взяла озорство въ зубы. Вернула хвостомъ, да и ушла къ матери. Парень теперь «въ задумчивость палъ, — извѣстно, дѣло молодое»; притомъ же истратились... И бранились и дрались они ужъ не разъ, а все поладить не могутъ.—«Не хочу жить съ дуракомъ вислопятымъ»,— отрѣзала молодая, да и все тутъ. «А мать ей потатчица»!..

«Дѣло наше бѣдное... истратились».—Пострадай, батюшка— судья праведная»!—просила старуха.

VI.

Бывшіе волостные старшины Карпычевъ и Харламовъ.

Идетъ только вторая недѣля моей службы, а такъ называемые навыки власти я уже пріобрѣлъ: я, умѣвшій только убѣждать и совѣтовать, могу уже очень хорошо, коротко приказывать, строго внушать и дѣлать замѣчанія.

Сегодня праздникъ. Въ правленіи будетъ волостной сходъ. И такъ какъ я собираю свой первый волостной сходъ, гдѣ предсѣдательствую и выступаю публично, какъ старшина, и такъ какъ это—очередной, важнѣйшій въ году сходъ, потому что на немъ будетъ обсуждаться смѣта и раскладка расходовъ, отчетъ за прошлый годъ и много другихъ важныхъ вопросовъ, то я волнуюсь и чувствую себя, какъ молодой попъ передъ первой обѣдней.

Пріѣхалъ я въ правленіе рано, часовъ въ 5, однако тамъ ужъ дожидались просители. Ужъ всегда такъ,—какъ рано ни появись, всегда кто нибудь дожидается. Просители дружно встаютъ при моемъ входѣ и кланяются.

Сегодня и вся волостная прислуга на лицо, ибо сегодня для нихъ рѣшается вопросъ «быть или не быть».

Впереди за большимъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ столомъ сидитъ помощникъ писаря Альфонцевъ и заготовляетъ заголовки приговоровъ. Писаря у насъ пока нѣтъ,—старый уволенъ за политическую неблагонадежность, а новый еще не назначенъ.

Просители сегодня неважные: пятеро пришли за паспортами, а другіе просятъ печать приложить; это значитъ выдать удостовѣреніе или засвидѣтельствовать бумагу. Альфонцевъ протягиваетъ мнѣ пачку написанныхъ паспортовъ и удостовѣреній для подписи. Я быстро «подмахиваю», такъ какъ тороплюсь и иду въ дворянскую.

Извѣстно, что дворянская комната при правленіяхъ существуетъ на случай, если пріѣзжему начальству угодно будетъ закусить, чайку попить. Она же называется «завѣщательной», т. е. совѣщательной: въ эту комнату удаляется волостной судъ для совѣщанія, Такія помѣщенія при волостныхъ правленіяхъ замѣчательны, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ нихъ выпивается водки не менѣе, чѣмъ въ любомъ кабакѣ. Вѣрнѣе сказать, выпивалось.

Тамъ, за столомъ, отъ котораго всегда пахнетъ пивомъ, сидитъ, поигрывая перстами сложенныхъ на животѣ рукъ, бывшій до меня и уволенный бариномъ за бездѣйствіе по должности старшина, Петръ Ивановичъ Карпычевъ, и его учетчики: хлестко щелкающій въ данную минуту на счетахъ, черный, какъ цыганъ, красноглазый, энергичный мужикъ Михайла Харламовъ и другой, писавшій учетный актъ, Смысловъ.

— Ну, какъ дѣла?—спрашиваю я.

— Ничего не знаю, Степанъ Иванычъ,—только, видно, не мимо люди говорятъ, что бѣда-то ходитъ не по лѣсу, а, словомъ говорится, по людямъ...—сокрушенно вздыхаетъ Петръ Иванычъ.

— Дѣла, стало быть, какъ сажа бѣла...—сердито вставляетъ Харламовъ, продолжая щелкать на счетахъ.

— Сейчасъ кончимъ...—поясняетъ, съ своей стороны Смысловъ.— Только, вотъ какая вещь — какъ вы посовѣтуете?.. Я думаю къ акту приложить наше мнѣніе, вродѣ докладной записки сходу. Видите-ли, у Карпычева есть по нѣкоторымъ статьямъ перера-

сходъ — все болѣе изъ страховыхъ; такъ вотъ предложить сходу часть ихъ покрыть изъ волостной недоимки, а остатокъ пустить въ раскладку... Такъ, я думаю...

— А по моему предложить Петру сейчасъ же покрыть перерасходъ изъ своего кармана, и нечего, стало быть, бобы разводить съ нимъ! А не покроетъ, такъ подъ судъ, стало быть, за растрату! Пора вывести старинку-то... Положено на канцелярію двѣсти, ты, стало быть, и расходуй двѣсти, а не триста,— возражаетъ рѣшительно Харламовъ.

— Сурьезный ты мужикъ, Михайла, а, кажись, худова я тебѣ не дѣлалъ,—смиренно замѣчаетъ Петръ Иванычъ.

— Скажи, пожалуйста, да нешто я потому! Небось, я по правилу порядка... Чай, не прежняя, стало быть, пора.

— А ежели я, словомъ говорится, по другимъ статьямъ недорасходовалъ... остатки у меня есть, тогда какъ?.. Съ міру мнѣ взыскивать?

— А ежели ты мірской пользѣ этимъ вредъ нанесъ?

— Оставьте пожалуйста, Харламовъ! — вступается Смысловъ. (Въ качествѣ образованнаго человѣка, онъ всѣмъ говоритъ: вы и почему то зоветъ по фамиліямъ).—Актъ я написалъ. Въ окончательномъ итогѣ по учету у бывшаго старшины Карпычева на рукахъ несданныхъ денегъ 400 рублей, не предъявлено имъ оправдательныхъ документовъ по разнымъ расходнымъ статьямъ на 25 рублей, допущенъ перерасходъ по смѣтнымъ статьямъ на 140 и на такую же сумму остатковъ по другимъ статьямъ.

— Значить, стало быть, 565! Слышь, темный человѣкъ, 565!— Что значить темнота-тô... Только мы, братъ, нынче и въ темнотѣ видимъ... Не пре-ежняя пора!

— Ничего не знаю,—кротко отвѣчаетъ Петръ Иванычъ, усиленно играя перстами.

— Знать тутъ, стало быть, нечего—выдай вонъ деньги Степану Иванычу подъ расписку и все тутъ!—пристаетъ Харламовъ.

— И выдамъ...

— И выдай!

— Выдамъ... Безпокоишь ты меня, Михайла!—И острые глазки Петра Иваныча блеснули и спрятались въ лучистыхъ морщинахъ.

Я былъ увѣренъ всетаки, что бывшій старшина, Петръ Иванычъ Карпычевъ, несмотря на результаты учета, затрудненій серьезныхъ себѣ не создалъ: онъ человѣкъ чрезвычайно осторожный—семь разъ примѣряетъ и однажды отрѣжетъ. Этой своей осторожностью онъ меня совсѣмъ измоталъ при сдачѣ волостного имущества и документовъ. Пересчитаемъ, напримѣръ, съ нимъ по нѣскольку разъ книжки сберегательной кассы, промысловые документы и пр.,—все вѣрно, и только бы сдать ихъ съ рукъ на руки и расписаться. Но нѣтъ,—Петръ Иванычъ аккуратно сложитъ ихъ

опять въ стопку и придумаетъ какой-нибудь разговоръ, а потомъ опять считаемъ сызнова.

Онъ—бездѣтный, очень чистоплотный человѣкъ и богатый. Когда его выбрали старшиной, и онъ сообразилъ, что ему не отвертѣться, что, по всѣмъ обстоятельствамъ, вполнѣ повиненъ этой почетной должности, то сказалъ: ладно, отсижу годъ... И буквально отсидѣлъ 350 дней въ волостномъ правленіи и 15 дней при полицейскомъ, арестованный три раза по пяти дней земскимъ начальникомъ за неисполненіе приказаній, послѣ чего и былъ уволенъ за бездѣйствіе по должности.

— «Одинъ рабъ, словомъ говорится, двумъ господамъ не служитъ, это и въ священномъ писаніи сказано»,—говорилъ онъ:—«а тутъ начальство ублаготворить—мужиковъ раззорить, а мужикамъ услужить—начальству согрубить».—И онъ избралъ тактику, такъ сказать, пассивнаго сопротивленія, — рѣшительно ничего не дѣлалъ: отсиживалъ въ правленіи свое время, попивая чаекъ, а то просто такъ, поигрывая перстами, а когда приходили просители и обращались къ нему, онъ прятадъ свои хитрые глазки и говорилъ:

— Ничего я, словомъ говорится, не знаю, вонъ господина писаря спроси.

А когда требовалось подписать какую-нибудь бумагу, онъ изводилъ и писарей и просителей. Вертѣлъ бумагу такъ и сякъ, пробовалъ читать ее, заводилъ разные окольные разговоры, вродѣ того: что вотъ, дескать, бумага, что она такое?—простой листокъ, а силу можетъ большую имѣть; и пословица вотъ недаромъ говоритъ: написано перомъ, такъ не вырубить и топоромъ... не великъ клочекъ, а въ тюрьму волочетъ. Если же его въ этомъ случаѣ торопили, онъ говорилъ: э-э, братъ, тише ѣдешь — дальше будешь, и тому подобное.

Съ теченіемъ времени отъ начальства съ каждой почтой на имя старшины Карпычева приходили бумаги все грознѣй.—«Несмотря на мои неоднократныя приказанія», начиналась бумага и потомъ слѣдовало: «предупреждаю» и т. д.

— Ахъ ты грѣхъ какой...—вздыхалъ Петръ Иванычъ.—Пожалуй, опять посадитъ?—И они вдвоемъ съ Альфонцевымъ начинали придумывать какое-нибудь виляніе.

Частые и грозные разносы начальства онъ выслушивалъ совершенно спокойно, такъ какъ полагалъ, что на то и начальство, чтобы грозно кричать. И къ концу года Петръ Иванычъ утомилъ и одолѣлъ начальство, и его уволили...

Когда я возвратился въ присутствіе, тамъ ужъ начали появляться сходовальщики.

Люди постарше, несмѣло входя, долго крестились на иконы и, сдѣлавъ низкій поклонъ въ сторону властей, дѣлали еще одинъ общій поклонъ, садились и прежде всего подолгу и съ уваженіемъ

глядѣли на открытые шкафы, въ которыхъ такъ много книгъ, бумагъ и нарядовъ.

Люди помоложе совсѣмъ не крестились и, входя, здоровались за руку со знакомыми, читали объявленія о продажѣ съ торговъ имущества чиновъ мѣстнаго кредитнаго товарищества, просрочившихъ свои ссуды, а также и описаннаго за разныя недоимки, или брали со стола газету, т. е., «Сельскій Вѣстникъ» и читали.

Мы съ писаремъ принялись дѣлать примѣрную смѣту волостныхъ расходовъ на годъ. Волостное правленіе должно было предложить ее сходу для обсужденія и утвержденія.

Въ сущности смѣта волостныхъ расходовъ должна обсуждаться и дѣлаться на собраніи волостного правленія. Это собраніе, какъ извѣстно, составляется изъ должностныхъ лицъ волости, т. е. изъ старостъ, судей и писаря подъ предсѣдательствомъ старшины. По ст. 107. Общ. пол. о крест. рѣшенію волостного правленія подлежатъ только слѣдующія дѣла: 1) производство изъ волостныхъ суммъ всякаго рода денежныхъ расходовъ, утвержденныхъ уже волостнымъ сходомъ; 2) продажа частнаго крестьянскаго имущества по взысканіямъ казны или частнаго лица; и 3) опредѣленіе и увольненіе волостныхъ должностныхъ лицъ, служащихъ по найму. Всѣ рѣшенія волостного правленія записываются въ книгу приказовъ волостного правленія.

Кромѣ того, такія собранія сами собой объединяли дѣятельность старостъ и старшины и по управленію, и въ области общественнаго хозяйства.

Такъ когда-то и у насъ было, но давно миновало.

Теперь староста съ міромъ, это—одна сторона, подчиненная, враждебная и защищающаяся; а волостное правленіе есть «контора», какъ у насъ зовутъ,—мѣсто казенное: тамъ старшина и писарь. Это—другая сторона, начальствующая и нападающая. Теперь всѣ денежные волостные расходы производятся старшиной; онъ же единолично продаетъ съ торговъ крестьянское имущество и по частнымъ, казеннымъ взысканіямъ; а увольняются, какъ писарь, такъ и другія должностныя лица и самъ старшина земскимъ начальникомъ, да и назначаются, въ сущности, имъ же. Всѣ служебныя дѣйствія волостного правленія, т. е. старшины и писаря, опредѣляются земскимъ начальникомъ: приказаніями или разрѣшеніями его; и правленіе, въ представленіи крестьянъ, становится все болѣе учрежденіемъ казеннымъ, ну а староста еще какъ-никакъ—своя, мірская власть.

Михайла Харламовъ, строгій учетчикъ Карпычева, еще недавно (до Карпычева) былъ самъ старшиной и представлялъ, мнѣ кажется, въ свое время идеальную, съ точки зрѣнія начальства, фигуру въ строѣ этого своеобразнаго мѣстнаго самоуправленія и поэтому именно много претерпѣлъ на своемъ посту.

По характеру мужикъ онъ энергичный, стремительный; былъ долго въ солдатахъ, гдѣ служилъ сверхсрочнымъ фельдфебелемъ. Свое новое положеніе онъ понялъ такъ: непосредственный его начальникъ есть земскій, надъ которымъ есть свои начальники; онъ—начальникъ надъ старостами, а старосты—надъ мужиками. Это ему было такъ понятно, и выходило, что всякая вещь на своемъ мѣстѣ.

Обнаруживъ въ волости большую распущенность, онъ, съ присущей ему энергіей, принялся «подтягивать» старостъ и мужиковъ, дѣйствуя не за страхъ, а за совѣсть.

Рапортуя самъ при явкахъ своихъ къ барину и исполняя только его приказанія, онъ требовалъ, въ свою очередь, отъ старостъ тоже явокъ разъ въ недѣлю въ правленіе съ рапортами и начальнически приказывалъ имъ: докладывать, испрашивать разрѣшенія и ждать распоряженія. У него само собой выходило, что волостной и сельскій міръ совсѣмъ устранялись отъ участія въ разрѣшеніи общественныхъ вопросовъ, ибо всякій вопросъ, по докладу старосты и рапорту старшины, разрѣшался земскимъ начальникомъ.

А такъ какъ этотъ путь длинный, въ два конца—туда и обратно—то и развились досадная волокита, путаница и сплошное недоразумѣніе. Харламовъ, мужикъ умный, самъ это скоро понялъ, но иначе поступать не могъ. По долгу службы, онъ неукоснительно доносилъ барину о неисправныхъ старостахъ, и старосты постоянно ходили сидѣть при становой квартирѣ въ кутузку.

Старосты съ міромъ очень скоро составили дружную ему оппозицію, и Харламову пришлось плохо. Старосты особенно донимали его при сборѣ податей и недоимокъ. Получивъ приказъ старшины произвести опись имущества у недоимщиковъ, они описывали сараи и амбары, т. е., предметы, къ продажѣ съ торговъ неудобные, а другого имущества, обыкновенно, «не обнаруживали». И при внезапныхъ «оборкахъ» со старшиной такого имущества не находилось. Да и вообще ему устраивались всевозможныя препятствія. Пріѣзжая въ деревню для исполненія какой-нибудь служебной обязанности, онъ не находилъ дома то старосты, то десятскихъ, то подолгу приходилось искать понятыхъ: мужиковъ тоже все дома не находилось.

Харламовъ терялъ равновѣсіе, рвалъ и метался, какъ злой одинокій волкъ, часто чувствовалъ обидную насмѣшку на почтительно-лицемѣрныхъ рожахъ мірянъ. Онъ бѣсился, арестовывалъ и сажалъ мужиковъ цѣлыми десятками. Но тогда приходили въ правленіе ихъ жены... Бабы стыдили его, говорили, что онъ бога не боится, совѣсть потерялъ, «зазнался и не знай, что о себѣ думаетъ»; бранились и ревѣли и подымали такой содомъ въ правленіи, что хоть святыхъ выноси. Сцены происходили безобразныя и для присутственнаго мѣста неприличныя. Бабъ выгоняли, но они кри-

чали и на улицѣ. Взбѣшенный Харламовъ и ихъ сажалъ въ арестантскую и чувствовалъ себя до крайности скверно. А въ волости смѣялись, говорили: «старшина съ бабами воюетъ».

Война же все разгоралась. Мужики дѣлались все болѣе непочтительными и дерзкими, старосты неисполнительными, а старшина все подозрительнѣе.

Доставалось старшинѣ, въ особенности, на сходахъ. Міряне подъ предводительствомъ своихъ старостъ чувствовали свою силу. Сходовальщика нельзя арестовать на сходѣ, несмотря ни на какое его противодѣйствіе,—это запрещаетъ обычай, сохранившій вообще на сходахъ всю свою силу (запрещеніе, напримѣръ, на сходѣ браниться никогда не нарушается). Старшину травили тутъ, какъ одинокаго волка, и любое его предложеніе вызывало цѣлую бурю криковъ; его вышучивали, высмѣивали и огромнымъ большинствомъ отвергали.

Харламовъ, издерганный своей службой, безпрерывной войной, ходилъ пѣтухомъ, надутый, красный, разсерженный, напряженно подтянувшись, выпятивъ грудь: «совсѣмъ изломался человѣкъ»— смѣялись мужики. Они смѣялись, а онъ ходилъ бокомъ, подозрительно озираясь.

Въ безпрерывной склокѣ, въ борьбѣ за порядокъ Харламову не хватало дня, и свое собственное хозяйство онъ совершенно запустилъ, а мужики на второй же годъ убавили ему жалованье, положивъ полтораста рублей въ годъ!.. Онъ былъ уволенъ послѣ того, какъ отъ поджога у него сгорѣла мякинница, потомъ амбаръ, и загорался дворъ; но уволенъ послѣ нѣсколькихъ высидокъ подъ арестомъ за неисполненіе приказаній начальства и тоже за бездѣятельность...

Теперь онъ вполнѣ въ ладахъ съ міромъ; мужики ему давно все простили и постоянно выбираютъ теперь на разныя общественныя должности, такъ какъ онъ—мужикъ честный. При учетѣ его за нимъ мірскихъ денегъ не оказалось ни копѣйки, и на службѣ онъ совершенно раззорился.

Онъ теперь въ числѣ нашихъ «сознательныхъ» и, вспоминая свою службу, говоритъ: «какъ-то совсѣмъ одурѣлъ тогда»...

С. Матвѣевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Отчужденіе національныхъ имуществъ во Франціи въ концѣ XVIII в.

Конфискація церковныхъ земель, какъ отчасти и земель, находившихся въ пользованіи другихъ классовъ (главнымъ образомъ леновъ), не была рѣдкимъ явленіемъ въ З. Европѣ. Въ XVI в. были конфискованы въ Англіи земли монастырей, въ Даніи и Швеціи подверглись конфискаціи почти всѣ церковныя земли, а общинныя были объявлены королевской собственностью (въ Швеціи). То же имѣло мѣсто въ разныхъ частяхъ Германіи, а въ XVII в. была сдѣлана Карломъ X въ Швеціи попытка редукціи, возврата ленныхъ земель въ руки государства. Но нигдѣ и ни разу конфискація не получила такихъ широкихъ размѣровъ, какъ во Франціи въ эпоху революціи. Были конфискованы и объявлены національной собственностью не только всѣ безъ исключенія церковныя земли, но и часть земель дворянъ, эмигрировавшихъ и присоединившихся къ вооруженной коалиціи противъ Франціи, и имѣнія всѣхъ казненныхъ, сосланныхъ и т. п., безразлично, къ какому бы классу населенія они ни принадлежали: были ли то священники, оказавшіеся противниками конституціи духовенства, или провинившіеся буржуа, крестьяне и т. д.

И самый фактъ конфискаціи, и то обстоятельство, что сосредоточеніе въ рукахъ государства значительнаго земельнаго фонда должно было сказаться самымъ сильнымъ образомъ на экономической и соціальной жизни страны, не могли быть оставлены безъ вниманія историками и Франціи вообще, и французской революціи въ частности. И такъ это и было. Почти всѣ тѣ, кто излагалъ исторію самой революціи, какъ и тѣ, кто изслѣдовалъ экономическую жизнь страны въ ея развитіи во время и послѣ революціи, въ той или иной мѣрѣ касались въ общихъ чертахъ факта отчужденія и продажи конфискованныхъ земель и пытались опредѣлить и значеніе, и вліяніе революціонной мѣры на судьбы страны, на ея экономическій и соціальный строй. Но въ то время, какъ для однихъ историковъ отчужденіе національныхъ имуществъ, ихъ продажа, представлялись однимъ изъ величайшихъ актовъ революціи,

создавшимъ и мелкую собственность, и новую, не существовавшую прежде собственность крестьянской массы, — «безконечное количество мелкихъ собственниковъ» (Луи Бланъ), число которыхъ Тэнъ опредѣлилъ, на основаніи статьи Кошю [1]), въ 1.200.000 человѣкъ,—для другихъ все дѣло продажи рисовалось какъ «самая возмутительная земельная оргія». По ихъ мнѣнію, вся операція, произведенная революціей, пошла на пользу исключительно одной крупной буржуазіи, на пользу «кучки милліонеровъ, банкировъ, спекулянтовъ, поставщиковъ армій, которые одни скупили и церковныя, и эмигрантскія земли», продаваемыя цѣликомъ такъ, какъ они существовали тогда, т. е. отрубами. Такъ высказывался одинъ изъ такихъ историковъ, Авенель [2]), тогда какъ другой, Капефигъ [3]) доказывалъ, что всѣ земли эмигрантовъ попали въ руки, главнымъ образомъ, тѣхъ дѣльцовъ, которые «въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ держали въ арендѣ пахатныя поля, луга, огороды, замки и давно точили на нихъ зубы», т. е. въ руки фермеровъ, преобладающая роль которыхъ была позже признана вслѣдъ за Капефигомъ и однимъ изъ русскихъ историковъ. По увѣренію и Капефига, и другихъ, цѣлые департаменты попадали въ руки спекулянтовъ, вродѣ Сэнъ-Симона, якобы скупившаго почти всѣ національныя имущества и въ департаментѣ Орны, и въ департаментѣ Па-де-Калэ. «Всѣ крупные фьефы (sic) цѣликомъ переходили въ руки небольшого числа безродныхъ спекулянтовъ,—такъ писалъ Ловернь [4]),—которые явились, чтобы создать вмѣсто аристократіи имени и происхожденія возмутительную аристократію богатства и денегъ». Наконецъ, выступилъ и рядъ историковъ, изъ которыхъ одни пытались дать болѣе детальную картину послѣдствій продажи національныхъ имуществъ и доказать, что крестьянская собственность не только вовсе не увеличилась, но даже количество собственниковъ не измѣнилось, ибо земли покупали лишь тѣ, кто уже былъ и ранѣе собственникомъ, и что въ выигрышѣ была одна буржуазія (Токвиль и Лавернь), тогда какъ другіе выдвигали иные выводы. По однимъ, количество какъ мелкихъ, такъ и крупныхъ собственниковъ осталось неизмѣннымъ, а лишь увеличилась средняя собственность [5]); по другимъ, крупная собственность перемѣнила лишь руки, но число собственниковъ вовсе не возросло [6]), тогда какъ третьи увѣряли, что возрасло число и мелкихъ, и крупныхъ владѣльцевъ [7]). Были и такіе, которые восхваляли буржуазію за то, что

---

[1]) Cochut, „De l'industrie agricole en France“ (въ Revue des deux Mondes. 1848).

[2]) Avenel, „Lundis révolutionnaires“; Paris, 1875.

[3]) Capefigue, „Histoire des grandes opérations financières“; Paris, 1855—1860.

[4]) Lauvergne, „Histoire de la révolution dans le dép. du Var“; Toulon, 1838.

[5]) Molinari, „L'évolution et la révolution“; Paris, 1884.

[6]) Sybel. „Geschichte der Revolutionszeit“; Düsseldorf, 1887.

[7]) L. Stein, „Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich“; Leipzig, 1850.

она мечтала увеличить число мелкихъ собственниковъ и не остановилась предъ отдачей имъ національныхъ имуществъ, въ качествѣ приданнаго конституціи *).

И всѣ они въ своихъ противорѣчивыхъ и взаимно уничтожающихъ другъ друга выводахъ исходили изъ одного и того же источника, изъ рѣчей, брошюръ временъ революціи, мотивовъ декретовъ, самыхъ статей этихъ декретовъ, нерѣдко изъ рѣчей и брошюръ, произнесенныхъ и опубликованныхъ задолго до того, какъ начата была самая операція продажи національныхъ имуществъ. Если на мнѣніи однихъ отразилась мысль, высказанная въ рѣчи одного изъ членовъ конвента, въ которой онъ утверждалъ, что «лишь одни собственники были покупщиками, ибо иначе и быть не могло, разъ была принята дѣйствовавшая система отчужденія», то въ мнѣніяхъ и выводахъ другихъ нетрудно усмотрѣть слѣды вліянія иного рода. То было вліяніе не однѣхъ только рѣчей, раздававшихся еще въ 1789 г. со скамей, занятыхъ духовенствомъ, «пытавшимся, по выраженію Авенеля, остановить принятіе нечестивыхъ декретовъ (décret sacrilèges»), рѣчей, угрожавшихъ странѣ всѣми ужасами ажіотажа, разнузданной спекуляціи богачей, и туземныхъ, и иноземныхъ, и инородческихъ. Историки повторяли и всѣ эти рѣчи, и то, что писали въ брошюрахъ въ 1789 и 1790. Въ нихъ, вѣдь, рѣчь шла о бѣдныхъ, которые сдѣлаются, въ силу проектовъ законовъ о національныхъ имуществахъ, жертвой спекулянтовъ и богачей. И то, что предсказывали, подтверждалось знаменитымъ закономъ конвента, направленнымъ противъ ассоціацій крестьянъ. Авторитетъ конвента оказался болѣе, чѣмъ достаточнымъ, чтобы, въ связи съ пророчествами брошюръ и рѣчей, дать канву для созданія цѣлой картины и послѣдствій продажи, и дѣйствій тѣхъ «компаній, черныхъ бандъ,—компаній и французскихъ, и англійскихъ, и голландскихъ, и буржуазныхъ, и крестьянскихъ», которыя еще съ августа 1790 г. (когда продажа еще и не начиналась) накинулись, какъ на падаль, на національныя имущества, Но и авторитетъ многочисленныхъ декретовъ, и конституанты, и легислативы, и того же конвента, декретовъ, касавшихся продажи національныхъ имуществъ, представлялся не менѣе безспорнымъ въ глазахъ ряда другихъ историковъ. И всѣ тѣ заявленія, рѣчи, брошюры, и всѣ тѣ мотивы къ декретамъ, въ которыхъ неустанно твердили о необходимости «созданія возможно большаго числа мелкихъ собственниковъ», даже болѣе того: «созданія средствъ для бѣднѣйшихъ и для ихъ земельнаго обезпеченія», принимались ими съ такимъ же основаніемъ, какъ принимались другими рѣчи, брошюры и проч., въ которыхъ тоже съ 1789 г. не переставали кричать о спекуляціи и спекулянтахъ.

И при такого рода источникахъ, такого рода данныхъ иныхъ отвѣтовъ и дать было нельзя. Историкамъ приходилось вращаться

*) Bardoux, «La bourgeoisie française»: Paris, 1886.

въ заколдованномъ кругу противорѣчивыхъ выводовъ или прибѣгать къ фантазіи или импрессіонизму, особенно когда кое-какія новыя данныя, уже болѣе солидныя, сдѣлались извѣстными. Почти никто изъ прежнихъ историковъ не обращался къ тому главному источнику, который могъ разрѣшить всѣ противорѣчія, всѣ невѣрныя обобщенія и построенныя на зыбкой почвѣ выводы, т. е. къ самымъ актамъ продажи. И было бы нелѣпо обвинять ихъ за это. До очень недавняго времени не существовало почти и возможности пользоваться этими актами продажи. И это не потому только, что акты эти разбросаны по всѣмъ департаментскимъ архивамъ. Самое пользованіе ими было затруднено, вслѣдствіе того, что они не были приведены въ порядокъ, во многихъ случаяхъ даже еще не были розысканы, и что даже и теперь еще не вездѣ возможно поэтому использовать ихъ во всей ихъ полнотѣ. Еще менѣе возможно было и ихъ изданіе, такъ какъ на ряду съ указанными условіями существовало еще одно, только лишь въ самое послѣднее время потерявшее свою силу и значеніе. Нѣкотораго рода запретъ лежалъ на актахъ продажи, и пользованіе ими (какъ-то я имѣлъ случай убѣдиться при началѣ моихъ работъ въ архивахъ въ 1894 г.) было обусловлено обязательствомъ не опубликовывать именъ покупщиковъ національныхъ имуществъ.

То было отчасти результатомъ мнѣнія извѣстныхъ круговъ общества, смотрѣвшихъ крайне враждебно на всякаго рода намекъ на происхожденіе того или иного владѣнія, созданнаго покупкой бывшихъ церковныхъ и въ особенности эмигрантскихъ земель. Давленіе въ этомъ отношеніи было настолько значительно, что первая же попытка издать акты продажи, попытка, сдѣланная въ 1885 г. Legeay'емъ для департамента Сарты, окончилась тѣмъ, что большая часть изданія была скуплена, и изданіе стало библіографической рѣдкостью *). Смѣна настроенія общественнаго мнѣнія, происшедшая въ концѣ XVIII в. и въ началѣ XIX, докатилась до девяностыхъ годовъ. То, что не считалось зазорнымъ въ первые годы продажи: покупка церковныхъ земель, въ которой приняли безразлично участіе не только буржуа и крестьяне, но и дворяне, даже титулованные (въ родѣ герцога де-Праленъ и мн. др.), священники и т. д., съ возвращеніемъ эмигрантовъ и съ усиленнымъ распространеніемъ мнѣнія, что изъ-за спекулятивныхъ цѣлей земли были проданы по низкой цѣнѣ, съ умноженіемъ прямыхъ доно-

*) Legeay. «Documents historiques sur la vente des biens nationaux, dans le dép. de la Sarthe»; Le Mans, 1885, 3 т.—Это—не единственный случай въ исторіи книги во Франціи. Нѣчто подобное произошло и съ книгой, напечатанной въ семидесятыхъ годахъ въ Ліонѣ и посвященной изслѣдованію происхожденія дворянскихъ семей въ Lyonnais. Подобно малоизвѣстному историку Vehse, обнаружившему происхожденіе многихъ дворянъ Австріи, Даніи и др. изъ ремесленниковъ XVI в., то же пытался сдѣлать и авторъ ліонской книги. Книга была скуплена цѣликомъ и не сохранилось почти ни одного экземпляра ея.

совъ, сдѣланныхъ въ этомъ смыслѣ возвратившимися эмигрантами, породило опасенія за цѣлость пріобрѣтеннаго и создало въ общественномъ мнѣніи совершенно новую точку зрѣнія на покупщиковъ національныхъ имуществъ. «Въ общественномъ мнѣніи,—писалъ въ IX г. республики бывшій членъ конвента, Vuiller изъ Доля, министру внутреннихъ дѣлъ,—въ общественномъ мнѣніи титулъ пріобрѣтателя (acquereur) національныхъ имуществъ сдѣлался синонимомъ узурпатора и расхитителя общественнаго имущества» *). И эта точка зрѣнія царила въ теченіе всего почти XIX в. и пала всецѣло лишь къ концу столѣтія.

Понятно, отсюда, что только въ послѣднее десятилѣтіе XIX в. могли быть сдѣланы первыя попытки изслѣдованія актовъ продажи, но по очень небольшому числу дистриктовъ (подраздѣленіе департаментовъ въ эпоху революціи) и департаментовъ, а именно: для департамента Сены-и-Уазы Борисомъ Минцесомъ 1892 г. **), затѣмъ для двухъ дистриктовъ: Лана (деп. Энъ) и Тараскона (деп. Устьевъ-Роны), пишущимъ эти строки (въ 1896 г.) ***), и Спиліоти для трехъ дистриктовъ департ. Сарты, въ 1897 г. ****).

Само собою разумѣется, что ни одна изъ этихъ работъ не рѣшала и не могла рѣшить вопроса о значеніи и вліяніи продажъ на соціальный и экономическій строй страны. Въ нихъ намѣчены были лишь различные типы продажи по отдѣльнымъ мѣстностямъ, приходамъ, находящимся подлѣ крупныхъ центровъ городской жизни, какъ Парижъ, или удаленнымъ отъ нихъ (какъ Тарасконъ, Мамеръ, Френэ-сюръ-Сартъ, Сэнъ-Калэ), или находящихся подлѣ захудалаго и слабаго экономически города (какъ Ланъ). Дѣлать обобщенія и выводы только изъ такихъ отрывочныхъ данныхъ было совершенно невозможно до изученія или изданія хотя бы значительной части актовъ продажи по различнымъ мѣстностямъ Франціи.

Необходимость въ изученіи и изданіи ихъ была очевидна, а мое предложеніе, обращенное къ одному изъ депутатовъ въ 1899 г., организовать коммиссію для этой цѣли, нашло откликъ. 27 октября 1903 года палата депутатовъ приняла кредитъ для изданія документовъ, касающихся экономической жизни во время революціи, въ частности продажи національныхъ имуществъ *****). Въ началѣ

*) „Bulletin de la commission de recherche et de publication des documents rélatifs à la vie économique de la révolution“; Paris, 1907, № 1—2, стр. 232—237.

**) B. Minzes, „Die Nationalgüterveräusserung während der französischen Revolution (dep. Seine und Oise)“; Iena, 1892.

***) «Крестьянская поземельная собственность и продажа нац. имуществъ»: Кіевъ, 1896.

****) Спиліоти, „Къ вопросу о продажѣ національныхъ имуществъ“; Кіевъ 1897 (оттискъ изъ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій).

*****) Исторія возникновенія и организаціи комитета. См. въ цитиров. выше Bulletin комитета: Paris, 1906 г., № 1.

1904 г. былъ организованъ центральный комитетъ по изданію этихъ всѣхъ документовъ, и организованы были постепенно и мѣстные комитеты для изготовленія матеріаловъ на мѣстахъ.

Къ сожалѣнію, комитетъ не выработалъ сразу плана изданій актовъ продажи. Онъ не опредѣлилъ порядка изданія этихъ актовъ въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ акты эти и сохранились цѣликомъ, и даютъ почти полностью и количество проданной земли, и профессіи покупщиковъ. Затѣмъ, не установилъ онъ и порядка изданія актовъ по департаментамъ различныхъ типовъ, какъ чисто сельскихъ, такъ и такихъ, на которыхъ отражалось болѣе сильно вліяніе городскихъ центровъ. Болѣе того, только уже въ 1908 г. комитетъ принялъ систему изданія актовъ по отдѣльнымъ приходамъ, чего не было сдѣлано раньше, да вдобавокъ, установилъ совершенно неудобное правило: издавать акты каждаго департамента не цѣликомъ, а для 2—3 «типичныхъ» дистриктовъ. Наконецъ, главное вниманіе комитетъ обратилъ на изданіе наказовъ, и лишь по немногимъ департаментамъ опубликовалъ, да и то не полностью, акты продажи, притомъ лишь по департаментамъ, гдѣ существовали такіе крупные и торговые города, какъ Ліонъ, Бордо и Марсель, и гдѣ продажи должны были быть иного характера, чѣмъ тамъ, гдѣ города были слабы и болѣе походили на большія деревни, чѣмъ на города. Всего, до настоящаго времени, изданы акты по 2 дистриктамъ департ. Роны (Ліонъ и Вилльфраншъ), по деп. Устьевъ Роны (въ алфавитномъ порядкѣ всѣхъ приходовъ департамента), по деп. Жиронды по 2 дистриктамъ (Бордо и Буръ, и по отдѣльнымъ приходамъ) и сверхъ того по одному дистрикту деп. Вогезовъ (дистр. Эпиналь, главнаго города департамента). Почти закончено и изданіе актовъ продажи и по двумъ дистриктамъ деп. Илль-и-Вилэнъ (дистр. Реннъ и Бэнъ), изданіе наименѣе удачное въ качествѣ выбора департамента, такъ какъ въ актахъ нѣтъ почти отмѣтокъ о профессіяхъ покупщиковъ, и въ большинствѣ случаевъ покупокъ нѣтъ данныхъ о количествѣ проданной земли *).

Тѣмъ не менѣе крупный шагъ былъ сдѣланъ въ смыслѣ пополненія извѣстныхъ уже и раньше данныхъ относительно нѣкоторыхъ департаментовъ, и работа изслѣдователя была облегчена. Но нѣкоторая односторонность изданнаго матеріала, въ большинствѣ

*) Charlety, «Documents relatifs à la vente des biens nationaux (dép. du Rhône»), Lyon, 1906; Moulin, тоже отн. Bouches du Rhône, 3 тома, Marseille, 1908—1910 (не закончено); Marion, Benzecar et Caudrillier, тоже относ. департ. Жиронды т. 1-ый, Bordeaux, 1911; Schwab, тоже относ. деп. des Vosges, district d'Epinal, Epinal, 1911; Rebillon, тоже отн. деп. Ille-et-Vilaine (дистр. Rennes и Bain) еще не вышло. Я пользовался имъ, благодаря любезности Ребильона, въ корректурныхъ листахъ. Отмѣтимъ и самостоятельное изданіе актовъ продажи по деп. Гаръ (du Gard), Rouvier'a, составленное какъ и изданіе Charlety, по методу хронологическаго перечня актовъ.

относящагося къ мѣстностямъ съ преобладаніемъ вліянія болѣе сильнаго и зажиточнаго населенія, не давала и не даетъ еще возможности для сколько-нибудь точныхъ общихъ выводовъ..

Въ моихъ рукахъ оказались нѣкоторыя данныя по другимъ департаментамъ, которыя хотя и въ очень малой еще степени, пополняютъ изданные акты продажи. Данныя эти касаются 5 дистриктовъ деп. Котъ д'Оръ, 2 дистриктовъ Энъ, двухъ въ деп. Па-де-Калэ, двухъ въ деп. Ло, 5 въ департ. Верхней-Гаронны, двухъ въ деп. Орны, двухъ въ деп. Алльe, двухъ въ деп. Коррезы, обрывковъ актовъ продажъ по деп. Верхней-Вьенны (часть сгорѣла), одного по деп. Эндры-и-Луары *).

Такимъ образомъ въ настоящее время мы располагаемъ данными о продажахъ, произведенныхъ въ 16 департаментахъ, разбросанныхъ по всей Франціи, и сѣверной, и южной, и западной, и восточной, и наконецъ, центральной.

Если всетаки и эти данныя, несомнѣнно, не даютъ еще возможности съ полною точностью опредѣлить характеръ и направленіе, какое приняло дѣло отчужденія національныхъ имуществъ, если по нѣкоторымъ крупнымъ вопросамъ, касающимся процесса продажи, они не позволяютъ дать исчерпывающихъ отвѣтовъ, то тѣмъ не менѣе, повторяемость однихъ и тѣхъ же явленій во всѣхъ этихъ 16 департаментахъ открываетъ болѣе вѣрный путь къ установленію нѣкоторыхъ выводовъ и къ устраненію многихъ изъ тѣхъ предположеній, тѣхъ гипотезъ, которыя возникли у историковъ и, несмотря на полное почти отсутствіе данныхъ для ихъ обоснованія, все еще продолжаютъ вліять и на работы новыхъ изслѣдователей вопроса о продажѣ національныхъ имуществъ.

Въ настоящей статьѣ я попытаюсь дать посильные выводы для характеристики нѣкоторыхъ сторонъ дѣла отчужденія національныхъ имуществъ, нѣкоторыхъ непосредственныхъ послѣдствій этого отчужденія.

*) По деп. Côte d'Or дистрикты Dijon, St-Jean-de-Losne, Is-sur-Tille, Châtillon, Semur-en-Auxois (Arch. de la Côte d'Or, série Q.), по деп. de l'Aisne—Laon и Soissons (arch. de l'Aisne-série Q), по деп. du Pas de Calais—Arras и St-Omer (série Q), по деп. de la Haute Garonne—Toulouse, Villefranche, Muret, Rieux, Revel и St-Gaudens (série Q), по деп. Orne—Alençon и Mortagne (série Q), по деп. de l'Allier—Moulins и Gannat (série Q), по деп. de la Corrèze—Tulle и Uzerche (только для церк. земель, série Q), по деп. de la Haute Vienne—Limoges, Dorat, Bellac и St-Junien (главнымъ образомъ для церковныхъ и отчасти эмигрантскихъ, série Q). По департаменту Indre-et-Loire—только дистриктъ Chinon, такъ какъ акты продажи въ моментъ моихъ занятій въ архивѣ еще не были приведены въ порядокъ.

I.

Опредѣлить точные размѣры того земельнаго фонда, который создали національныя собранія, смѣнявшія другъ друга, въ настоящее время совершенно невозможно. Тѣ исчисленія, какія были сдѣланы и во время революціи, и при имперіи, опирались на суммахъ, вырученныхъ отъ продажи земель. Но, во-первыхъ, далеко не всѣ земли этого фонда были проданы, и мы не знаемъ точно, сколько осталось не проданныхъ; во-вторыхъ, продажныя цѣны — не достаточный источникъ для опредѣленія того количества земель, которое было продано и осталось на рукахъ у государства, такъ какъ при аукціонной продажѣ цѣны за одно и то же количество земли при равныхъ ея качествахъ варіировались, цѣны за различныя угодья и различныя по качеству земли были совершенно различны, и поэтому данная сумма ливровъ соотвѣтствовала самому разнообразному количеству земли. Лишь по отношенію къ одной группѣ земель, земель, конфискованныхъ у церкви, въ виду того, что конфискована была вся церковная собственность, можно приблизительно исчислить ея размѣры по отдѣльнымъ мѣстностямъ Франціи. И это исчисленіе подрываетъ въ корнѣ то представленіе о размѣрахъ церковной собственности, какое еще недавно господствовало въ исторической литературѣ. Размѣры эти далеко не достигали не только половины, но даже и одной четверти всей территоріи страны. Наиболѣе значительной была церковная собственность лишь на сѣверѣ Франціи, въ Артуа и сосѣднихъ съ нимъ мѣстностяхъ. Здѣсь были расположены наиболѣе богатыя аббатства, владѣвшіе тысячами гектаровъ земли (какъ, напр., St-Vaast, St-Eloy, Vauclerc и многіе другіе), но въ отношеніи къ землямъ, принадлежавшимъ разнымъ другимъ лицамъ и сословіямъ, они въ округѣ Сэнтъ-Омеръ составляли немногимъ болѣе, чѣмъ $^1/_5$ часть территоріи (22,1%), а въ округѣ Аррасъ—26,7%, достигая въ округѣ Laonnois (Vermandois) до максимальн. цифры—28,7%, т. е. нѣсколько болѣе $^1/_4$. Уже въ Пикардіи процентное отношеніе церковной земли ко всѣмъ остальнымъ падаетъ до 18,6%, и чѣмъ далѣе мы уклоняемся къ западу и югу, тѣмъ все болѣе и болѣе уменьшаются размѣры церковныхъ владѣній. Въ департ. Вогезовъ, по исчисленіямъ Шваба, процентныя отношенія тѣ же, что и въ Пикардіи (около 18%), но уже въ Бургундіи (деп. Yonne и Côte d'Or) они понижаются до 11—12%. Пониженіе идетъ дальше въ центральной Франціи. Въ Берри духовенству принадлежало всего около 15%, въ Турени—около 10%, въ Оверни около $3^1/_2$%, въ Лимузенѣ и Дофинэ—около 2% съ небольшимъ, а въ Керси уже около 1,9%. На юго-западѣ Франціи владѣнія церкви падаютъ ниже 2%: въ Беарнѣ до $1^1/_2$%, въ Ландахъ—до 1% съ небольшимъ. Нѣкоторый подъемъ

замѣтенъ въ Тулузской области (до 3,9%) *) и отчасти въ Руссильонѣ (до $2^1/_2$%) **) Такимъ образомъ, едва ли можно допустить, чтобы церковныя земли во всей ихъ совокупности превосходили своими размѣрами 10—12% всей территоріи страны, т. е. приблизительно $^1/_{10}$ части.

Иное съ землями, конфискованными у эмигрантовъ и другихъ лицъ. Ихъ размѣры могутъ быть вычислены лишь по каждому отдѣльному случаю, и сказать теперь, какъ великъ былъ земельный фондъ, образованный изъ такого рода конфискацій, совершенно невозможно. Извѣстна лишь приблизительная цифра ихъ оцѣнки, данная Роланомъ и Камбономъ, всего около $4^1/_2$ милліардовъ, т. е. цифра, повидимому, нѣсколько превышающая цифру оцѣнки церковныхъ земель.

Но каковъ бы ни былъ размѣръ земельнаго фонда, какую бы часть, большую или меньшую, территоріи страны онъ ни представлялъ собою,—несомнѣнно, что онъ являлся крупнымъ орудіемъ въ рукахъ государства. И въ данныхъ условіяхъ онъ пріобрѣталъ тѣмъ большее значеніе, что не много было такихъ приходовъ, гдѣ не оказывалась бы земли, составлявшей часть этого фонда, хотя размѣры этихъ земель были крайне неравномѣрно распредѣлены по приходамъ, отъ нѣсколькихъ арпановъ до сотенъ ихъ.

Государство получало широкую возможность либо использовать фондъ непосредственно, въ финансовыхъ цѣляхъ, либо направить его, частично, въ видахъ подъема благосостоянія малоземельной и безземельной массы сельскаго населенія. И эта послѣдняя задача являлась какъ разъ въ это именно время особенно настоятельной въ тогдашней Франціи.

Если положеніе крестьянскаго класса въ XVIII в. сдѣлалось въ высокой степени тяжелымъ и все болѣе и болѣе невыносимымъ, то причины эти крылись не въ одномъ только фактѣ существованія сеньоріальнаго режима и связанныхъ съ нимъ всякаго рода платежей и повинностей, не въ одномъ фактѣ тяготы, наложенной на земледѣльческій классъ государственными налогами и церковными десятинами,—оно коренилось и въ самой организаціи крестьянскаго землевладѣнія.

Что крестьяне владѣли землей до революціи, являлись собственниками ея,—фактъ, не нуждающійся въ подтвержденіи здѣсь. Но

---

*) Подъемъ % объясняется сосредоточеніемъ въ окрестностяхъ Тулузы болѣе значительныхъ церковныхъ владѣній. Въ дистриктѣ Тулузы эти владѣнія доходили до $5^1/_2$%. Въ другихъ дистриктахъ они были въ 4 раза меньшими, чѣмъ въ Тулузѣ, а въ St-Gaudens—въ 5 разъ.

**) Это не половина всѣхъ земель Руссильона, какъ-то утверждали историки вслѣдъ за Lavergne'емъ (Economie rurale съ 1789), который во второмъ изданіи той же книги отказался отъ того, что онъ утверждалъ въ первомъ, какъ ни на чемъ неоснованномъ. Boiteau повторилъ фантастическую цифру Лаверня. Тэнъ заимствовалъ ее уже у Boiteau, а по Тэну повторилъ ее одинъ изъ изслѣдователей происхожденія демократіи во Франціи.

въ XVIII в. стали обнаруживаться съ особенной яркостью и силою два явленія въ жизни крестьянства: съ одной стороны, крайняя неравномѣрность въ распредѣленіи земли и между областями, и внутри каждой области между деревнями, и, наконецъ, между различными группами населенія каждаго села, неравномѣрность, которая для областей давала колебанія отъ 10—15°/₀ до 60 и болѣе °/₀, а въ деревняхъ отъ 1°/₀ до 100°/₀ *); съ другой все болѣе и болѣе растущее разслоеніе въ крестьянской средѣ, внутри даже каждой группы, на которыя распадалось населеніе деревень, разслоеніе, создававшее почву для развитія сельскаго пролетаріата и нищенства. Если были области, гдѣ °/₀ безземельныхъ былъ сравнительно малъ (какъ въ Лимузенѣ около 16°/₀), то были и области, гдѣ онъ достигалъ почти 80°/₀.

Борьба съ этими явленіями, естественно, должна была быть раньше или позже начата, и начата наиболѣе заинтересованными. Въ cahiers еще едва замѣтны слѣды ея. Только въ одномъ изъ приходскихъ cahiers робко выражена мысль «о необходимости обязать сеньоровъ продать общинамъ ихъ земли хотя-бы отдѣльными клочками» **). Однако это едва ли не единственный наказъ, говорящій объ этомъ. Но уже въ 1791 г. замѣтно движеніе среди крестьянства. Фактъ продажи національныхъ имуществъ въ той формѣ, какая была принята конституантой, опасность перехода въ чужія руки тѣхъ земель, которыя являлись подспорьемъ для наименѣе обезпеченныхъ землею крестьянъ, вызывали попытки требовать сохраненія извѣстныхъ земель для нуждъ тѣхъ крестьянъ. Въ маѣ 1791 г. жители прихода St-Eloi (дистриктъ Аррасъ) обращаются къ національному собранію, къ его «мудрости» (Sagesse), въ надеждѣ, что оно не откажется внять «справедливой просьбѣ» бѣднѣйшихъ крестьянъ. Ихъ единогласное постановленіе на сходѣ гласило, что они «рѣшили настойчиво протестовать противъ продажи имущества, состоящаго изъ фермы и болота (marche)». Ихъ желаніе— во что-бы то ни стало сохранить пользованіе ими, какъ то было раньше, съ незапамятныхъ временъ. Директорія дистрикта Аррасъ отвергла ихъ ходатайство, какъ необоснованное (mal fondée). Но это не успокоило крестьянъ, и 17 іюня на новомъ сходѣ они возобновили свое требованіе, мотивируя его тѣмъ, что аббатство St-Eloi отводило имъ всегда эти земли, и настаивали на оставленіи этихъ земель за ними всѣми ***). И это не единичный случай. Еще раньше, въ концѣ апрѣля 1791 г., жители прихода Crouy (ditrict Soissons), почти

*) См. подробныя данныя объ этомъ въ моей книгѣ: «Etat des classes agricoles á la veille de la révolution»; Paris, 1911;—и «La-propriété paysanne en France à la veille de la révolution (principalement dans le Limousin)» въ «Bulletin de la société historique du Limousin», 1911 г.

**) Arch. des Hautes-Pyrénées, с. 272—5.

***) Arch. du Pas-de-Calais, série Q: ventes de la paroisse de Mont St-Eloi. Дѣло шло о кускѣ земли въ 197 mencaudées (около 82 гект).

всѣ vignerons (винодѣлы), обращаются съ просьбой къ директору дистрикта съ просьбой оставить за ними землю аббатства St-Médard (около 718 арпановъ), хотя бы за деньги, и получили отказъ *). Тамъ, гдѣ, какъ въ департ. Сены-и-Уазы, результаты и неравномѣрнаго распредѣленія земли, и дошедшаго до крайнихъ предѣловъ разслоенія, чувствовались особенно сильно, движеніе получило широкіе размѣры. Отъ требованія раздать въ пользованіе за ренту доменныя земли, крестьянство перешло къ требованіямъ раздѣловъ, а затѣмъ и само стало фактически завладѣвать землями. «Жители деревень,—доносилъ управляющій доменами,—потеряли терпѣніе, все ожидая, что давно обѣщанный раздѣлъ земель, наконецъ, состоится. Они жаждутъ одного: начать обработку земли и производить уплату за землю, и, потерявши терпѣніе, приступили къ дѣлежу земель». И повсюду,—писалъ другой правительственный агентъ 23 февраля 1793 г.,—раздаются громкіе крики о томъ, чтобы они надѣлены были землями, такъ какъ это ихъ наиболѣе драгоцѣнное право. И онъ, въ дополненіе, указываетъ на ту опасность, которая угрожаетъ населенію въ случаѣ, если земли, которыхъ требуютъ крестьяне, будутъ продавать съ аукціона **). Результатомъ была посылка коммиссаровъ съ чрезвычайными полномочіями, произведена нарѣзка, но безъ всякой системы, безъ оказанія какой либо помощи при оборудованіи хозяйства. То «всеобщее недовольство, которое, царило,—по донесеніямъ правительственныхъ агентовъ,—во всѣхъ деревняхъ департамента», создавалось не въ одномъ только этомъ департаментѣ. Оно сказывалось и во многихъ деревняхъ Бретани, по донесенію посланнаго туда чрезвычайнаго коммиссара, Билло-Варенна, такъ же какъ и въ департаментахъ Аллье, Шеръ, Ньевры,—по донесеніямъ другого коммиссара, Пуантъ д'Арменвиля. Повсюду раздавалось одно требованіе, требованіе земли.

Какъ же отвѣтили на эти требованія, что сдѣлали для устраненія одной изъ коренныхъ причинъ бѣдственнаго положенія крестьянской массы въ ея цѣломъ національныя собранія? Другими словами, какъ поступили они съ земельнымъ фондомъ сосредоточившимся въ ихъ рукахъ?

И пренія, происходившія въ конституантѣ и послѣдующихъ собраніяхъ по вопросамъ, касающимся этого фонда, и самый текстъ издаваемыхъ ими декретовъ, и рядъ административныхъ распоряженій и циркуляровъ, посылаемыхъ въ департаменты и дистрикты, съ полною очевидностью показываетъ, что главнымъ, преобладающимъ стимуломъ, побудившимъ конституанту рѣшиться конфисковать церковныя имущества, объявить ихъ собственностью націи и, наконецъ, пустить ихъ въ простую продажу, была финансовая

*) Arch. de l'Aisne, série Q, nos 3-й по 49, отказъ мотивированъ такъ: «à cause de l'insolvabilité» (по причинѣ несостоятельности).

**) Minzes, стр. 76 прим.

нужда, становившаяся все болѣе и болѣе настойчивой. Мотивъ ясно сквозилъ и въ рѣчи Бюзо, впервые 6 августа 1789 г. поднявшаго вопросъ о церковныхъ имуществахъ, и въ предложеніяхъ Лакоста (8 августа) и Талейрана (10 октября). Безвыходное положеніе финансовъ,—наслѣдіе стараго режима,—неудача займовъ, предложенныхъ Неккеромъ, принудили конституанту прибѣгнуть къ средству, которое въ тѣ времена считали единственно возможнымъ, единственно «счастливой» мыслью, единственно «крупной и сильной мѣрой», по выраженію Талейрана, т. е. къ конфискаціи, а затѣмъ и къ неизбѣжной, по тогдашнимъ условіямъ и воззрѣніямъ, продажѣ церковныхъ и всякихъ иныхъ объявленныхъ національными имуществъ. Вся финансовая политика не одной конституанты, а и легислативы, и конвента базировалась на этомъ средствѣ, и, естественно, весь процессъ продажи, порядокъ и способы этой продажи должны были отпечатлѣть на себѣ эту политику.

Внѣ продажи національныхъ имуществъ не видѣли иного способа использованія земельнаго фонда, и, понятно, на первый планъ былъ выдвинутъ вопросъ о возможно большемъ доходѣ, который могла и должна была дать эта продажа. Отсюда, публикаціи en masse о продаваемыхъ земляхъ, публикаціи, которыя разсылались не по одной Франціи, но и заграницу, въ Амстердамъ и др. мѣста, съ цѣлью привлечь возможно большее число конкуррентовъ. Отсюда,—какъ неизбѣжное условіе,—установленіе полной свободы, неограниченной конкурренціи при покупкахъ. Продажа должна была происходить путемъ публичнаго аукціона, по принципу, кто дастъ больше; установленъ былъ и довольно значительный промежутокъ, времени между заключеніемъ аукціона и признаніемъ за послѣднимъ покупателемъ его правъ на пріобрѣтенную землю.

Всѣ иные способы использованія земельнаго фонда были либо просто отрицаемы, либо проходились молчаніемъ. Предложенія, исходившія то отъ частныхъ лицъ, то отъ членовъ собраній, предложенія, настаивавшія либо на примѣненіи къ земельному фонду, сосредоточившемуся въ рукахъ государства, началъ кредитной операціи, которая облегчила бы пріобрѣтеніе земли бѣднѣйшими крестьянами, либо на выдѣленіе особаго фонда для обезпеченія беззземельныхъ крестьянъ землею, либо,—въ виду всего этого,—на отмѣнѣ аукціона, не находили поддержки. Болѣе того: они не вызывали у большинства ни малѣйшаго вниманія. Все дѣло продажи было предоставлено свободной игрѣ соціальныхъ силъ.

Не безъ сильной и упорной борьбы удалось конституантѣ провести свою финансовую мѣру. Духовенство воспротивилась конфискаціи и завязало борьбу на почвѣ принципіальнаго вопроса, имѣетъ ли или нѣтъ церковь право владѣть недвижимой собственностью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно не остановилось и предъ прозрачными угрозами, стало указывать на неизбѣжность аграрной анархіи, разъ будетъ приступлено къ конфискаціи. Устами епископа Нима,

Балора, оно провозгласило полную связь вопроса о церковныхъ земляхъ съ вопросомъ о бѣдныхъ и заявило, что готово на уступки тамъ, гдѣ дѣло касается средствъ на содержаніе служителей церкви или на богослуженіе, но не тамъ, гдѣ идетъ рѣчь «о священной и неотчуждаемой патримоніи бѣдныхъ». Конфискацію приравнивали къ воровству. Съ неменьшимъ искусствомъ и съ еще большей энергіей выдвинута была и другая сторона дѣла: послѣдствія, къ какимъ приведетъ, неизбѣжно, продажа земель. Не скупились и на предсказанія. Говорили и писали, что неизбѣжными результатами конфискаціи и продажи явятся и гибель и разрушеніе землевладѣльческой культуры, этого излюбленнаго дѣтища отшельниковъ-монаховъ, и скупка земель аферистами и спекулянтами,—и что опаснѣе всего,—иноземцами, держателями государственныхъ бумагъ.

Выдвинуто было и обычное оружіе, къ которому нерѣдко прибѣгала реакція. Указывали на фактъ якобы составленнаго еврейскаго заговора, яснымъ признакомъ котораго является усиленное стремленіе евреевъ добиться уравненія гражданскихъ правъ, заговора, направленнаго къ захвату въ руки евреевъ всѣхъ конфискованныхъ земель. А рядомъ наводняли книжный рынокъ брошюрами, въ которыхъ самыми мрачными красками рисовали судьбу конфискованныхъ земель, которыя попадутъ въ руки ассоціацій спекулянтовъ.

Брошюры исходили изъ среды духовенства и его защитниковъ, написаны были горячо и пылко и не оставались безъ вліянія на умы. Защита бѣдныхъ стояла на первомъ планѣ, и самыя заголовки брошюръ подкупали читателя. Avis aux pauvres, Peuple français, vous êtes trompés, Arrêtez les fripons, таковы были заголовки этого рода брошюръ.

Агитація была настолько сильна, что національное собраніе стало опасаться создавшагося и этими рѣчами, и этими брошюрами настроенія умовъ. Подъ вліяніемъ страха, овладѣвшаго имъ, оно отвергло предложеніе Дюпона о прекращеніи арендныхъ контрактовъ на церковныя земли въ цѣляхъ предоставленія возможности большему числу лицъ участвовать въ покупкѣ земель. Лишь 2 ноября 1789 г., но вопреки требованію Мирабо, настаивавшему на открытомъ признаніи правъ націи на церковныя имущества, собраніе большинствомъ 658 противъ 346 (при 40 воздержавшихся) приняло рѣшеніе, по которому всѣ церковныя земли и имущества были объявлены находящимися въ распоряженіи націи впредь до пріисканія средствъ на содержаніе церкви и ея служителей, на поддержку бѣдныхъ и т. д. Но уже 13 ноября собраніе, подъ давленіемъ финансовыхъ затрудненій, предписало опечатать всѣ церковные документы на право владѣнія имуществами и потребовать отъ духовенства представленія въ двухмѣсячный срокъ детальной деклараціи о количествѣ всѣхъ принадлежащихъ ему имуществъ, о

суммѣ доходовъ и размѣрѣ долговъ, лежащихъ на его земляхъ, подъ угрозой строгаго наказанія за утайку или лживыя показанія. А нѣсколько позже, 18 и 19 ноября, сдѣланъ былъ новый шагъ: принято рѣшеніе о выпускѣ ассигнацій, для обезпеченія которыхъ собраніе постановило продать часть церковныхъ земель на сумму въ 400 милліоновъ въ теченіе четырехъ лѣтъ *). Оставалось оформить дѣло, объявить церковныя имущества національными, какъ признать такими же и долги, лежавшіе на этихъ церковныхъ имуществахъ, и это было сдѣлано 20—22 апрѣля и затѣмъ окончательно 14—17 мая 1792 г. двумя спеціальными декретами **).

На первомъ планѣ стояли и здѣсь почти исключительно финансовые интересы.

«Разъ вы желаете, говорилъ одинъ изъ членовъ собранія, Пріеръ де ла Марнъ, чтобы ассигнаціонныя деньги приравнивались къ звонкой монетѣ, обезпечьте ихъ спеціальной ипотекой, такой, цѣнность которой не возбуждала бы сомнѣнім, и для достиженія этой цѣли—объявите церковныя земли собственностью націи» ***). И то, что высказывалъ онъ, повторялось и докладчиками коммиссіи по упраздненію десятины, Шассе, и цѣлымъ рядамъ ораторовъ. «Декретъ 2 ноября 1789 г. останется мертвой буквой, если не будутъ отняты отъ духовенства его имущества»,—такъ высказывались одни. Благо націи, ея интересы, требуютъ окончательной конфискаціи церковныхъ земель, ибо въ этомъ—единственное средство освободить страну отъ долговъ, урегулировать финансы и спасти населеніе отъ излишняго бремени налоговъ,—утверждали другіе.

И этого всего, по мнѣнію подавляющаго большинства національнаго собранія, возможно достигнуть лишь при условіи распродажи всѣхъ церковныхъ имуществъ. Напрасны были попытки нѣкоторыхъ членовъ собранія воспротивиться рѣшенію вопроса въ такомъ смыслѣ; напрасно предлагали они попытаться сдѣлать заемъ подъ обезпеченіе церковными землями, либо выдѣлить часть ихъ въ особый фондъ, который давалъ бы государству доходы. Собраніе вполнѣ раздѣляло ту точку зрѣнія, которую нѣсколько позже, въ засѣданіи 13 іюня 1790 г. высказалъ Ларошфуко.

«Гораздо выгоднѣе для государства распродать, а не сохранить національныя имущества, потому что этимъ путемъ и будетъ погашенъ долгъ,—такъ доказывалъ свою мысль ораторъ,—и увеличится масса богатства въ странѣ, такъ какъ на мѣсто убыточнаго государственнаго управленія имуществами станетъ болѣе энергичный и дѣятельный личный интересъ» ****).

Это было преобладающимъ въ то время убѣжденіемъ. И собраніе идетъ еще дальше. Оно не ограничивается продажей лишь

*) Duvergier, „Collection des lois", I, 86 и сл.
**) Ib., I, 178 и сл., 201 и сл.
***) „Archives parlementaires" и „procès verbaux".
****) Ib.

до 400 милліоновъ. Оно декретируетъ продажу всѣхъ бывшихъ церковныхъ земель, дѣлая исключеніе лишь для лѣсовъ, имѣющихъ опредѣленный minimum размѣра, а также—временно *)—для земель церковно-приходскихъ (fabriques), земель коллежей, госпиталей, мальтійскаго ордена и т. п.

Но рядомъ съ финансовыми мотивами, вызвавшими, главнымъ образомъ, актъ конфискаціи, выставлялись и другіе, являвшіеся какъ бы противовѣсомъ угрозамъ и мрачнымъ пророчествамъ духовенства и его адептовъ. Въ рѣчахъ, произнесенныхъ еще въ концѣ 1789 г., стали указывать и на политическое значеніе предлагаемой конфискаціи, и чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе пытались подчеркнуть этотъ мотивъ. И Талейранъ, и другіе выдвинули мысль о необходимости связать интересы населенія съ порядкомъ вещей, создаваемымъ національнымъ собраніемъ, и тѣмъ самымъ сдѣлать невозможнымъ возстановленіе стараго порядка вещей. Созданіе мелкихъ собственниковъ путемъ продажи имъ земли мелкими участками, вотъ то средство, которое, по мысли конституанты, должно было привести къ этому. И Талейранъ внесъ предложеніе о продажѣ земель не отрубами, а мелкими участками, о допущеніи къ покупкамъ всѣхъ и каждаго, а не однихъ лишь кредиторовъ государства. То былъ одновременно отвѣтъ и на рѣчи, раздававшіяся со скамей духовенства, и на требованія, предъявленныя наказами относительно церковныхъ земель. Результатомъ явился декретъ 14 мая 1790 г., выработанный комиссіей по отчужденію и устанавливавшій порядки и способы продажи національныхъ имуществъ. Двоякаго рода цѣль преслѣдуетъ собраніе, издавая свой декретъ: 1) установленіе правильнаго порядка въ дѣлѣ финансовъ и кредита, и 2) увеличеніе числа собственниковъ среди по преимуществу сельскихъ обывателей, увеличеніе, которое декретъ провозглашаетъ дѣломъ особенной важности, «счастливымъ» дѣломъ. Съ этой цѣлью для цѣлаго ряда, въ особенности, такого рода земель, какъ пахоть, сѣнокосы, луга, виноградники, вводится начало раздѣленія продаваемой земли на участки (lots). Но собраніе дѣйствуетъ здѣсь съ особенной осторожностью, чтобы не повредить хоть и въ малой степени преслѣдуемой имъ при продажѣ главной цѣли. Поэтому оно предписываетъ дѣлить землю тамъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это возможно, гдѣ то допускаетъ природа земель, и рекомендуетъ отдавать предпочтеніе покупщикамъ въ раздробь только въ томъ случаѣ, если цѣна, предлагаемая ими, выше или равна цѣнѣ, предлагаемой единоличнымъ покупателемъ. Затѣмъ уже идетъ рядъ облегченій при покупкѣ, въ разсчетѣ на покупки бѣднѣйшими. Устанавливается, что 15 дней спустя послѣ присужденія участка данному лицу, это

*) Послѣдовательно и всѣ эти земли декретами легислативы и конвента были включены въ составъ земель, подлежавшихъ продажѣ, и были продаваемы съ аукціона.

послѣднее обязано внести, въ видѣ задатка, двѣнадцатую долю всей суммы за пріобрѣтенную землю, а уплату остальной предоставляется производить тѣми же долями ежегодно съ приплатой въ 5%. «Каждый крестьянинъ,—такъ гласитъ докладъ комиссіи отчужденія (comité d'aliénation),—желающій пріобрѣсти небольшой участокъ земли, будетъ имѣть полную возможность достигнуть этого, внеся небольшой задатокъ, а затѣмъ найти средства погашенія долга въ своемъ трудѣ и въ той жатвѣ, какую онъ получитъ съ пріобрѣтенной земли; въ то же время, благодаря удобствамъ и легкости покупокъ, къ публичнымъ торгамъ будетъ привлечена масса покупщиковъ, что подыметъ цѣны на земли, а государство и казна окажутся въ барышахъ» *).

Докладчикъ вполнѣ ясно выразилъ ту двойную точку зрѣнія, которая красною нитью проходитъ чрезъ всѣ законодательныя мѣропріятія, касающіяся продажи національныхъ имуществъ, не одной лишь конституанты, но и легислативы и конвента, мѣропріятія, регулировавшія и направлявшія дѣла продажи и нерѣдко запутывавшія и задерживавшія своими колебаніями, сообразно преобладанію то одной, то другой точки зрѣнія, развитіе самого дѣла продажи. А сюда присоединилось еще одно обстоятельство, не оставшееся безъ крупнаго вліянія на ослабленіе первой изъ двухъ точекъ зрѣнія и конвента, и самой конституанты.

Еще до революціи создались во Франціи два теченія по вопросу о культурѣ земли, о лучшей системѣ, которая обезпечивала бы и процвѣтаніе земледѣлія, и богатства страны. Вопросъ, всецѣло почти поглощавшій умы въ XVIII в., былъ не въ томъ, какъ и какими средствами создать или поднять благосостояніе каждаго земледѣльца, даже цѣлаго класса ихъ. То былъ вопросъ аграрный, и, какъ таковой, онъ возбуждалъ страхъ и ужасъ у большинства, не былъ даже понятенъ громадной его части.

Споръ вращался почти исключительно вокругъ вопроса: мелкое или крупное хозяйство можетъ создать прогрессъ въ культурѣ земледѣльческой, обезпечить ростъ ея въ странѣ, безъ отношенія къ тому, насколько та или иная форма хозяйства способна служить и средствомъ обезпеченія крестьянства. Въ рядахъ какъ членовъ конституанты, такъ и послѣдующихъ собраній, оба теченія находили своихъ представителей, и вліяніемъ ихъ опредѣлялась въ значительной мѣрѣ и политика продажъ. Въ конституантѣ на первыхъ порахъ получило, видимо, преобладаніе теченіе въ пользу предпочтенія мелкой собственности и мелкой культуры. Но лишь самое ничтожное меньшинство пыталось выдвинуть на первый планъ вопросъ о надѣленіи бѣднѣйшихъ крестьянъ землею, усматривая въ этомъ одну изъ главныхъ цѣлей продажи національныхъ имуществъ. Въ комиссію о нищенствѣ (comité de mendicité) уже въ

*) Arch. N, AD XVIII: rapport au nom du comité d'aliénation.

моментъ ея образованія передана была брошюра извѣстнаго Бонсерфа, составленная еще въ 1789 г. о необходимости и средствахъ занять производительнымъ образомъ рабочихъ *), въ которой онъ настаивалъ на необходимости сохранить часть земельнаго фонда въ пользу бѣднѣйшихъ. То была не болѣе, какъ филантропическая мѣра: на большее пойти тогда не могли. Но мысль Бонсерфа была подхвачена, ее поддержало королевское общество земледѣлія, и она сдѣлалась предметомъ обсужденія въ комиссіи о нищенствѣ. Въ своемъ докладѣ національному собранію въ іюлѣ 1790 г., одинъ изъ ревностныхъ адептовъ этой мысли писалъ: «національное собраніе можетъ оказать сильнѣйшее вліяніе на искорененіе нищенства путемъ увеличенія числа собственниковъ... Отъ 15 до 20 милліоновъ арпановъ, входящихъ въ составъ національныхъ имуществъ, лежатъ безъ употребленія и пользы, и отданные въ руки бѣдняковъ и подъ культуру, они навсегда избавятъ ихъ отъ страданій и отъ нищенства. Необходимо, поэтому, чтобы бѣдняки сдѣлались собственниками, чтобы дана была полная увѣренность каждому трудолюбивому и полезному человѣку въ томъ, что у него всегда будетъ наготовѣ возможность существованія». То было и мнѣніе членовъ комиссіи, которая предложила національному собранію возложить на мѣстныя учрежденія даровую раздачу части пустопорожнихъ земель семьямъ бѣдняковъ, извѣстныхъ своей честностью, а также и оказаніе имъ помощи на первое время въ видѣ выдачи провизіи на годъ, помощи при постройкѣ жилья и т. п. То не было лишь единичнымъ заявленіемъ.

Уже и тогда, и позже, въ августѣ 1790 г., отъ сельскихъ муниципальныхъ властей общинъ, находившихся подлѣ Парижа, стали поступать въ національное собраніе требованія такого же рода. «Никогда не истребить вамъ нищенства,—писалъ одинъ изъ такихъ представителей сельскихъ общинъ,—пока вы не вернете обывателя къ земледѣлію. Вы сдѣлаете изъ него гражданина, если свяжете его съ землей и почвой, ибо истинная причина бѣдности та, что земля сосредоточивается въ немногихъ рукахъ» **). Но ни рѣчи Ларошфуко, ни посланія сельскихъ властей не оказывали дѣйствія. Какъ и рѣчь Ларошфуко еще въ іюлѣ о томъ же предметѣ, такъ и его докладъ были обойдены полнымъ молчаніемъ, и лишь смуты, начавшіяся среди крестьянства сосѣднихъ съ Парижемъ общинъ, заставили собраніе декретировать мѣру, являвшуюся въ дѣйствительности простой отпиской. Оно не хотѣло и думать объ отдачѣ для предложенной и предлагаемой настойчиво мѣры хотя бы клочка земли изъ земельнаго фонда, назначеннаго

*) Boncerf, „De la necessité et des moyens d'occuper avantageusement tous les gros ouvriers"; Paris, 1789 и 1790 (2-ое изданіе).

**) Minzes, „Die Nationalgüterveräusserung (Seine und Oise)"; Iena, 1892, стр. 69 и сл.

для продажи. Какъ и многіе изъ лицъ, стоявшихъ внѣ собранія, оно опасалось, какъ бы и всѣ 44 тысячи французскихъ общинъ не вздумали требовать того же, чего потребовали общины деп. Сены-и-Уазы, какъ бы это не повредило собственности, особенно въ виду рѣшеній нѣкоторыхъ общинъ департамента раздѣлить пріобрѣтенныя національныя имущества, лежащія въ территоріи общества, между всѣми его жителями *). 12 августа 1790 г. собраніе, въ видахъ успокоенія умовъ, предложило мѣстной администраціи выработать проектъ закона о наилучшемъ способѣ раздѣла земель, но не національныхъ,—этого оно ни въ какомъ случаѣ не допускало,—а общинныхъ, каковыя можно будетъ либо продать, либо отдавать въ аренду, либо раздѣлить. Но изъ этого предложенія на дѣлѣ ничего не вышло. Конституанта такъ и не разсматривала болѣе этого вопроса, который попыталась, гораздо позже, рѣшить легислатива закономъ о раздѣлѣ общинныхъ земель 1792 года, но безъ успѣха, ибо конвентъ отмѣнилъ обязательность раздѣла этихъ земель.

Не малую роль сыграли въ данномъ случаѣ и продолжавшіяся финансовыя затрудненія, не устраненныя продажей муниципалитетами части отданныхъ имъ національныхъ имуществъ. Необходимость въ видахъ пополненія казны обратиться вновь къ распродажѣ возможно большого количества земли казалась очевидной, и она то и вызвала предложеніе не только продать земли, оставшіяся въ распоряженіи государства послѣ уступки муниципалитетамъ земель на 400 милліоновъ, но и сократить сроки платежей по пріобрѣтаемымъ разными лицами землямъ. Попытка пойти по этому пути была сдѣлана еще въ іюнѣ 1790 г., и только съ большими усиліями удалось Ларошфуко и его сочленамъ по комиссіи о нищенствѣ отсрочить рѣшеніе вопроса о сокращеніи сроковъ платежей. Рядомъ декретовъ отъ 25, 26 и 29 іюня конституанта подкрѣпляетъ свои постановленія отъ 14 мая о порядкѣ и способахъ продажи. Но въ августѣ и сентябрѣ настроеніе быстро мѣняется, и въ самомъ національномъ собраніи, какъ и въ клубахъ, все чаще и энергичнѣе поднимается вопросъ объ измѣненіи декрета 14 мая. Тотъ самый Талейранъ, который потратилъ не мало краснорѣчія, чтобы убѣдить въ необходимости создать мелкую собственность, теперь говоритъ о необходимости удовлетворить государственныхъ кредиторовъ, а Пэнтевилль Сернонъ доказываетъ, что оздоровленіе финансовъ должно быть главною и самою существенною цѣлью продажи, предъ которой должны отступить на задній планъ всякія иныя соображенія **). «Нація,—проповѣдывали въ якобинскомъ клубѣ,—нація, на которой лежитъ два милліарда долга и у которой не имѣется иныхъ средствъ погасить его кромѣ продажи національныхъ иму-

*) Постановленіе общины Quincy, см. Minzes, стр. 71.
**) Arch. N., AD XVIII c.

ществъ, не должна, да и не обязана предоставлять покупщикамъ право вносить плату за пріобрѣтенную землю въ теченіе 15 (?) лѣтъ» *). Напрасны были всѣ возраженія Ларошфуко, напрасно доказывалъ онъ, что именно созданіе возможно большого числа мелкихъ собственниковъ—главная цѣль продажи и одно изъ могущественныхъ средствъ и улучшенія финансовъ, напрасно распинался за сохраненіе постановленій 14 мая. Предложенія комиссій финансовой и по отчужденію національныхъ имущества нашли полный откликъ въ національномъ собраніи, въ его большинствѣ, и декретомъ 3 ноября 1790 г. были приняты рекомендованныя двумя комиссіями новыя мѣры. Принципъ раздѣленія фермъ и метерій на мелкіе участки былъ отвергнутъ. Предписано продавать такія фермы, метеріи и домены цѣликомъ, приказано продавать такимъ же образомъ и земли, находящіяся въ моментъ ихъ продажи въ арендѣ у одного какого либо лица. Рядомъ отмѣнены были и прежнія льготы по погашенію долга за купленную землю. Для пахотныхъ и др. такого же рода земель срокъ погашенія вмѣсто 12 лѣтъ былъ установленъ всего въ $4^1/_2$ года по уплатѣ $^3/_{10}$ суммы покупки. Для всѣхъ же иныхъ земель, главнымъ образомъ городскихъ имуществъ, разсрочка допущена была на время не болѣе 2 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ. Единственная уступка была сдѣлана защитникамъ декрета 14 мая: примѣненіе новаго закона къ продажамъ было отсрочено до 14 мая 1791 г. Правда, въ рядѣ послѣдующихъ декретовъ не перестаютъ говорить (какъ, напр., въ декретѣ и 3, и 9 іюля 1791 г. **) о томъ, что собраніе имѣетъ постоянно въ виду созданіе возможно большаго числа мелкихъ собственниковъ. Но это—не болѣе, какъ красивыя слова: всѣмъ административнымъ властямъ дистриктовъ, производившихъ продажу національныхъ имуществъ, рекомендовалось отдавать предпочтеніе покупщикамъ участка въ цѣломъ предъ покупщиками въ раздробь, даже если и тѣ, и другіе предложатъ одну и ту же цѣну за весь участокъ ***).

Съ созывомъ легислативы наступаетъ нѣкоторое видимое измѣненіе въ политикѣ, регулирующей дѣло продажи и отчужденія, и по тому же пути идетъ и смѣнившій легислативу конвентъ. Оба собранія вновь и въ болѣе рѣшительной формѣ возвращаются къ принципу раздѣленія земель на мелкіе участки (lots), «тамъ и въ такихъ случаяхъ, гдѣ это возможно и тому не мѣшаетъ природа продаваемой земли». 14 августа 1792 г. ****), одновременно съ изданіемъ декрета, предписывавшаго обязательный раздѣлъ общинныхъ земель, принимается легислативой законъ, предписывающій раздѣ-

*) Société des Jacobins, изд. Aulard'a. I, 171.

**) Duvergier, т. I, § II декрета 3 іюля и art. 6 декрета 9 іюля.

***) Такія распоряженія я нашелъ и въ архивѣ Côte d'Or, série Q, и въ арх. de la Corrèze, série Q, и др.

****) Duvergier, IV, 306 и сл.

лять на мелкіе участки (lots) въ 1, 2, 3 и 4 арпана maximum какъ всѣ конфискованныя земли эмигрантовъ, такъ и оставшіяся непроданными и не поступившими въ продажу земли мальтійскаго ордена, церковно-приходскія (fabriques) и т. п., все это, «въ видахъ увеличенія числа мелкихъ собственниковъ», а затѣмъ либо продавать ихъ, либо отдавать въ аренду за денежную ренту. Но система разсрочекъ платежей осталась неизмѣненной, и, сверхъ того, въ видахъ финансовыхъ соображеній, было постановлено оказывать при продажахъ предпочтеніе тѣмъ, кто при покупкѣ внесетъ всю сумму разомъ. Этимъ послѣднимъ разрѣшалось торговаться на аукціонѣ и за нѣсколько участковъ. Конвентъ пошелъ еще дальше. 3-го іюня 1793 г. *) онъ декретировалъ мѣру, напоминавшую предложенія Ларошфуко. Этимъ декретомъ предписано было тѣмъ общинамъ, у которыхъ не оказалось бы въ наличности общинныхъ земель, выдѣлять изъ эмигрантскихъ земель (буде таковыя окажутся) часть ихъ, достаточную для выдачи каждому главѣ семьи, не имѣющему собственности, по 1 арпану земли въ вѣчно-наслѣдственную аренду. Но декретъ на дѣлѣ примѣненъ не былъ, и уже 13 сентября конвентъ пошелъ назадъ и замѣнилъ свой же декретъ отъ 3 іюня новымъ, — по финансовымъ соображеніямъ **). Новый законъ гласилъ, что главамъ семей, не обладающихъ собственностью, можетъ быть предоставлено право покупать участки изъ эмигрантскихъ земель до суммы въ 500 ливровъ ***), не болѣе, и производить уплату по нимъ въ теченіе 15 лѣтъ безъ начисленія процентовъ. Объ отдачѣ земель за ренту уже нѣтъ болѣе и рѣчи.

Годъ спустя, дѣлается попытка вернуться къ прежней системѣ продажъ 14 мая 1790 г., даже расширить ее. Въ засѣданіи конвента 8 сентября 1794 г. (II г. 22 фруктидора) депутатъ отъ Вандеи, Файо, потребовалъ отмѣны всего законодательства, касающагося продажъ и отчужденія національныхъ имуществъ, какъ идущаго противъ интересовъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія. «Лишь конституанта одна способна была провозгласить свободу, которая не нашла своего осуществленія, и создать законы, выгодные только для нѣсколькихъ лицъ, друзей конституціи 1789 г.»,—говорилъ онъ въ конвентѣ.

«Задача національнаго конвента иная,—онъ долженъ дѣлать все для созданія счастья всѣхъ, я хочу сказать, наибольшаго числа людей. А что же,—спрашивалъ онъ,—происходитъ на дѣлѣ?»

«Бѣдняки и несчастные не получили ни малѣйшаго облегченія отъ распродажи національныхъ имуществъ, и виною всему этому—

*) Duvergier, VI, 53 и др.

**) Ib., VI, 206.

***) Законъ этотъ нашелъ примѣненіе, какъ это видно изъ случаевъ продажи „par faveur“ беззсмельнымъ manouvriers и др. въ дистриктахъ Figeac Cahors, Limoges и др. (série Q).

публичные торги, такъ такъ они устранили и устраняютъ санкюлотовъ отъ пріобрѣтенія земли и были выгодны лишь собственникамъ и капиталистамъ». И онъ предложилъ, въ отмѣну аукціонной продажи, произвести раздѣлъ земель между всѣми малоземельными и безземельными, съ тѣмъ, чтобы послѣ оцѣнки отдѣльныхъ участковъ надѣленные ими обязались уплатить стоимость участковъ равными долями въ теченіе 20 лѣтъ *). Но конвентъ оказался глухимъ къ предложеніямъ подобнаго рода, чисто филантропическимъ и черезчуръ упрощеннымъ. Возраженія, посыпавшіяся со стороны большинства, оказались болѣе убѣдительными и болѣе соотвѣтствующими настроенію и мнѣніямъ собранія. «Продажа земель съ публичныхъ торговъ»,—такъ говорилъ одинъ изъ членовъ конвента, представитель нижней Луары *),—«безусловно необходима: республика нуждается въ деньгахъ, чтобы укрѣпиться внутри и бороться противъ всей Европы. Да и превратить всѣхъ въ собственниковъ значило бы создать величайшую соціальную опасность, причинить громадное зло. Въ республикѣ, насчитывающей 24 милліона жителей, немыслимо, чтобы всѣ превратились въ земледѣльцевъ. Промышленность требуетъ рукъ, необходимо раздѣленіе труда. Но еще большой вопросъ, что выгоднѣе для блага и богатства страны. Вѣдь, по мнѣнію экономистовъ, необходимо отдавать предпочтеніе крупному хозяйству, какъ требующему меньшихъ расходовъ на содержаніе зданій и улучшенія, а слѣдовательно, приносящему и большій доходъ. «Наконецъ,—увѣрялъ ораторъ,—недостаточно одного труда, чтобы сдѣлать землю плодородной. Для этого необходимы орудія и средства, безъ которыхъ трудъ земледѣльца окажется безплоднымъ. Но, вѣдь, ни орудіями, ни средствами классъ бѣдныхъ не обладаетъ». Мнѣніе это, эти столь общіе тогда большинству аргументы оказались рѣшающими, и предложеніе Файо было отвергнуто. За одно съ этимъ данъ былъ отвѣтъ и на всѣ тѣ пожеланія и петиціи, которыя посылали въ конвентъ общины изъ окрестностей Парижа и деревень нѣкоторыхъ другихъ департаментовъ, какъ Шеръ, Аллье, Иль-и-Виленъ и др., петиціи, заключавшія въ себѣ почти тѣ же самыя требованія, какія поддерживали и въ конституантѣ, и въ конвентѣ Ларошфуко, Файо и др., требованія надѣленія землей путемъ раздѣла національныхъ земель (въ частности церковно-приходскихъ) и др.

Правда, нѣсколько болѣе года спустя конвентъ своимъ декретомъ отъ 31 мая 1795 г. (2 преріаля III г.) предоставилъ каждому гражданину право пріобрѣтать безъ торговъ такую подлежащую продажѣ землю, какую онъ пожелаетъ. Но тутъ же была сдѣлана оговорка, подрывавшая всю силу и смыслъ постановленія: уплата должна была быть произведена почти сразу—въ трехмѣсячный срокъ. Однако даже и этотъ проектъ закона былъ, повидимому, при-

*) Arch. N., A. Д. XVIII.

нять совершенно случайно. Чрезъ 8 дней декретомъ отъ 7 іюня того же года конвентъ взялъ его обратно.

При директоріи реакція, начавшаяся въ конвентѣ, приняла еще болѣе рѣшительныя формы. Все вниманіе новаго правительства сосредоточилось уже исключительно на одной финансовой сторонѣ дѣла, и забота о созданіи мелкаго собственника была забыта и исчезла. Послѣдовательно были измѣнены условія платежей за пріобрѣтенныя земли. Декретомъ 25 апрѣля 1796 г. *) установлена уплата при покупкѣ въ половинномъ размѣрѣ покупной цѣны, а почти 3 мѣсяца спустя уже требуютъ уплаты $^3/_4$ всей покупной суммы, и $^1/_4$ въ теченіе слѣдующихъ 15 мѣсяцевъ. Наконецъ, 6 ноября 1796 г. (16 брюмера V г.) вводится новая система. Съ покупщика взимаютъ при покупкѣ $^1/_{10}$ часть цѣны, затѣмъ $^5/_{10}$ ея отсрочиваютъ: платежъ половины не позднѣе слѣдующихъ 10 дней, и второй половины по истеченіи 6 мѣсяцевъ; остающіяся $^4/_{10}$ части цѣны разсрочиваются на 4 года. На этихъ основаніяхъ совершались продажи вплоть до реставраціи и ими же руководились позже, во дни имперіи, при продажѣ лѣсовъ, остававшихся прежде неприкосновенной собственностью государства, а теперь постепенно попадавшихъ въ руки оперившихся земледѣльцевъ, либо мелкихъ владѣльцевъ желѣзныхъ заводовъ (maîtres des forges), уже во времена имперіи превращавшихся въ настоящихъ крупныхъ предпринимателей, капиталистовъ, либо крупныхъ буржуа.

Такова была земельная политика, которой слѣдовали во все время революціи, политика, дѣлавшая совершенно невозможнымъ устраненіе того земельнаго зла, которое развивалось во Франціи XVIII в. Такъ же мало, какъ и въ вопросѣ о раздѣлахъ общинныхъ земель и въ вопросѣ о цѣляхъ и способахъ использованія земельнаго фонда, склонны были революціонныя собранія пойти даже по тому пути, какой въ весьма умѣренной формѣ рекомендовалъ Филанджіери, вырабатывая свой проектъ аграрной реформы. Мысль объ аграрной реформѣ была чужда большинству членовъ не только конституанты, но даже и конвента; всѣ они относились къ ней съ крайней враждебностью. Когда одинъ изъ членовъ конвента предложилъ организовать раздѣлъ общинныхъ земель на принципѣ обратно пропорціональномъ количеству владѣемой общинниками земли, конвентъ подавляющимъ большинствомъ отвергъ это предложеніе, потому что оно напоминало объ аграрномъ законѣ.

Конвентъ, вотируя законъ о раздѣлахъ общинныхъ земель, какъ извѣстно, принялъ и другой законъ, грозившій смертной казнью всякому, кто осмѣлился бы поднять аграрный вопросъ. И законъ этотъ не остался мертвой буквой.

Законодательство революціонныхъ собраній предоставляло за

*) Duvergier, IX, 98.

то полную свободу покупать то, что теперь выносилось на рынокъ, выносилось съ прямой цѣлью—умножить сумму поступленій для покрытія государственныхъ долговъ. Соціальныя задачи отступали на задній планъ, и все предоставлялось свободной игрѣ соціальныхъ силъ.

Въ этой и только въ этой сферѣ и совершалось отчужденіе земельнаго фонда, и въ этой сферѣ только и нужно изслѣдовать вопросы о послѣдствіяхъ отчужденія, произведеннаго революціей 1789 года.

И. Лучицкій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

БЕЗЪ ПРАЗДНИКА.

Докторъ Петръ Васильевичъ вышелъ изъ заразнаго барака со сквернымъ чувствомъ: больные ребята прибываютъ, а случаи скарлатины и дифтерита дѣлаются труднѣе и безнадежнѣе. Каждое утро въ усадьбѣ мелькаетъ гробовщикъ Макарычъ. Петръ Васильевичъ отворачивается, но это дѣла не мѣняетъ, не спасаетъ отъ скверныхъ думъ.

— Три... семь... пятнадцать, девятнадцать... — морщась считаетъ докторъ.—И хватило вѣдь!..

— Кому лошадь-то подавать, доктору или докторицѣ?

Это спрашиваетъ кучеръ Степанъ у проходящаго аптечнаго сторожа. Степанъ выѣхалъ изъ конюшни и не знаетъ, куда править—къ докторскому дому или къ родильнѣ, гдѣ живетъ женщина-врачъ.

— Я не поѣду, пускай ѣдетъ Вѣра Ивановна. Скажите: я прошу ее ѣхать въ Ягодное.

Петръ Васильевичъ человѣкъ мягкій, а сейчасъ онъ усталъ.

...Неудивительно, что непріятную просьбу онъ съ удовольствіемъ передаетъ черезъ другого: онъ увѣренъ, что Вѣра Ивановна поѣдетъ,—недаромъ ее называютъ „святою". Но онъ также заранѣе знаетъ, что она демонстративно надѣнетъ кожанъ, подыметъ воротникъ, хотя сейчасъ не холодно, возьметъ пледъ съ оскорбленнымъ видомъ, и если онъ, виновникъ поѣздки, пройдетъ мимо нея, она не оглянется, не посовѣтуется съ нимъ...

— На пріемѣ сто сорокъ, утромъ операція... Полный баракъ... Усталъ...

Докторъ съ досадой машетъ рукой, и ему въ эти минуты кажется, что къ нему кто-то несправедливъ. Если онъ станетъ думать, то, конечно, додумается до губернской управы, до статистики, до общихъ вопросовъ и т. д. Но сейчасъ ему хочется думать о чемъ-то своемъ, думать просто, какъ Петръ Васильевичъ,—который усталъ, который когда-то былъ мо-

лодъ и бодръ,—а не какъ членъ корпораціи... Онъ повертывается спиной къ больницѣ и уходитъ въ лѣсъ.

Отдѣльныя зданія земской больницы разбросаны на небольшой лужайкѣ, посерединѣ разбиты клумбы съ цвѣтами. Этими цвѣтами больница обязана трудамъ молодого населенія.

За больничными зданіями сейчасъ же начинается сосновый лѣсъ, а черезъ него тянется прямая дорога. Немного въ сторонѣ отъ дороги лежитъ прудъ. По берегамъ его не растетъ зеленая трава, а лежатъ только иглы; къ водѣ его не наклоняются вѣтви, а стоятъ сосны и верхушками смотрятся въ небо. Видъ пруда грустный, одинокій, и сосны не хотятъ знать тѣхъ, кто гуляетъ подъ ними... Одно время объ этомъ прудѣ, вѣрнѣе, о настроеніяхъ, на которыя онъ наводитъ, говорилось очень много. Виновата въ этомъ была фельдшерица Елизавета Николаевна. Она могла все свободное время просиживать подъ соснами, могла смотрѣть широкими глазами на тихую воду, на голые стволы деревьевъ, молчать и о чемъ-то упорно думать. Въ ея бытность жилось въ больницѣ хуже, безпокойнѣе: ея нервный голосъ, неуравновѣшенныя рѣчи всегда звали куда-то, а между тѣмъ, всѣ, и въ томъ числѣ она, должны были отдавать четырнадцать часовъ другимъ, а не себѣ.

Теперь, когда въ сумеркахъ подходитъ Петръ Васильевичъ, усталый, нервный, къ берегу пруда, то ему мерещится, что къ стволу сосны прислонилась дѣвушка съ лихорадочными глазами и говоритъ о томъ, чего никогда не бываетъ. Подъ этими соснами доктору, однажды, пришла мысль, что раздражительная жена его, Наталья Андреевна, мать его двухъ дѣтей, и Наташа—невѣста, на которой онъ женился и о которой когда-то мечталъ — два разныхъ существа. Это открытіе причинило ему много боли: онъ сталъ внимательнѣе вглядываться въ жену и окончательно повѣрилъ, что Наташа, другъ его студенческихъ лѣтъ, ушла туда, гдѣ теперь его молодость. Иногда, сидя подъ соснами, онъ хорошо и ясно думалъ о Наташѣ, а приходя домой зло и непривѣтливо говорилъ съ Натальей Андреевной.

— Петръ Васильевичъ, а Петръ Васильевичъ!—На дорогѣ показалась фельдшерица въ больничномъ халатѣ. Петръ Васильевичъ продолжалъ сидѣть у пруда:—если его зовутъ, то, конечно, по дѣлу,—а онъ только что много часовъ подъ рядъ лѣчилъ, толковалъ, поучалъ...

— Очень я вамъ нуженъ, Марья Евгеньевна?

— Конечно, очень... Для чего же я за вами бѣгу; — фельдшерица запыхалась, голосъ ея былъ недовольный: —

тамъ дѣда привезли столѣтняго, ему умирать пора, а не лѣчиться... у насъ и такъ мѣста нѣтъ. Еще двое дѣтей... Мѣста нѣтъ... Ольга Игнатьевна бурю подняла: у ней дѣти уже въ корридорѣ лежатъ.

— Ну, что же, положимъ ихъ посреди пыльной дороги или въ избу свеземъ, — усмѣхнулся докторъ: — такъ по-вашему сегодня?

Фельдшерица засмѣялась. — Да нѣтъ, но... но стѣнъ не раздвинешь.

Докторъ всталъ и пошелъ за фельдшерицей. Тѣнь его медленно и лѣниво закачалась по дорогѣ... У тихой воды все смолкло.

Когда бывали неурядицы въ больницѣ, „перепроизводство больныхъ", то персоналъ разговаривалъ съ докторомъ такимъ тономъ, будто виной всему былъ онъ одинъ. Докторъ не сердился: на мелочи онъ не обращалъ вниманія, а въ крупныхъ вопросахъ онъ себя чувствовалъ среди друзей.

Сейчасъ недалеко отъ госпиталя, почти подъ окнами квартиры фельдшерицы и акушерки, стоитъ телѣга съ больнымъ старикомъ. На окнѣ, закутавшись въ теплый платокъ, сидитъ акушерка и читаетъ газету. Заслышавъ изъ-подъ тряпья стоны старика, она опускаетъ газету и заговариваетъ съ древнѣйшимъ существомъ, отъ старости чернымъ и сгорбленнымъ.

— Знать, душенька его по смерти стосковалась... Всю жизнь скрипѣлъ, да скрипѣлъ, а все на солнышко Божье глядѣлъ... а теперь бѣда.

— А сколько лѣтъ твоему старику?

— А знаю я, барышня ты моя золотая? Ежели-бъ я кто была, — а то вѣдь баба только... баба. Кто ихъ считалъ... жили себѣ безъ годовъ.

Старуха жевала губами, хлюпала, держалась рукой за телѣгу, чтобы не свалиться отъ слабости и старости.

Подошелъ докторъ, сдвинулъ тряпье. Хотя и привычный, а поморщился.

— Какъ началась съ нимъ болѣзнь? Ну, и грязный твой дѣдъ, старуха.

— Да, ужъ, милосердный, не гнѣвайся, какъ со двора, такъ и на телѣгу старика...

— Да, ты, скажи, какъ хворь его началась?

— Какъ стоялъ, такъ и согнулся... Тебѣ, родимый, виднѣе. Животъ подкатило или ногу сломалъ... А теперь бѣда.

Докторъ мелькомъ осмотрѣлъ старика...

— Марья Евгеньевна, въ ванну его... А я сейчасъ приду. Завтра выписываются изъ третьей палаты... Пока потѣснитесь.

Докторъ повернулъ къ заразному бараку. Тамъ ждало его двое дѣтей.

Этотъ снаружи привѣтливый домъ былъ настоящимъ домомъ слезъ и стоновъ. Докторъ любилъ дѣтей, инстинктивно считалъ жизнь ребенка цѣннѣе. Онъ вѣрилъ, что дѣтямъ деревни будетъ житься легче, чѣмъ ихъ отцамъ сейчасъ.

Телѣга съ больнымъ подъѣхала къ крыльцу госпиталя, около больного захлопотали сторожъ и сидѣлка. Акушерка высунулась изъ окна и громко крикнула, чтобы ее услышала уходящая Марья Евгеньевна.

— Вѣдь васъ не дождешься, я уже безъ васъ пойду гулять... Мнѣ и дома хорошо, да Татьяна Алексѣевна все ноетъ.

Марья Евгеньевна только рукой махнула. Жестъ выразительный; онъ, казалось, говорилъ: „отстаньте, дѣлайте, что хотите, мнѣ безразлично".

У Марьи Евгеньевны гоститъ пріятельница, Таня Горская.

Обѣ онѣ были на фельдшерскихъ курсахъ вмѣстѣ, но Горская, выдержавъ стоически только годъ службы фельдшерицей въ городской больницѣ, а потомъ въ частномъ родильномъ пріютѣ блестящаго приватъ-доцента, сбѣжала на высшіе курсы.

Таня Горская говоритъ, что этотъ опытъ жизни былъ горекъ. Вообще же она много балаганила, разсказывая о медицинской полосѣ своей жизни, и увѣряла, что въ ней не хватаетъ медицинскихъ и альтруистическихъ клѣточекъ.

У Марьи Евгеньевны въ больницѣ живетъ она третью недѣлю, и тутъ, стоя у окна и глядя на дворъ больницы, гдѣ двигаются все жаждущіе и страждущіе, она уже не смѣется, не балаганитъ, а только морщится и съ большимъ вопросомъ и недоумѣніемъ смотритъ на работающихъ.

Акушерка Настасья Михайловна и Марья Евгеньевна живутъ рядомъ съ амбулаторіей. У каждой изъ нихъ двѣ свѣтлыхъ комнаты, а изъ общей передней выходитъ дверь на балконъ. Когда къ нимъ заѣзжаютъ земскія учительницы, онѣ съ завистью смотрятъ на высокія окна, бѣлыя стѣны, сравнительный комфортъ ихъ обстановки. У каждой фельдшерицы есть диванъ, шкапъ для платьевъ, занавѣски на окнахъ, прислуга общая для обѣихъ фельдшерицъ и акушерки. „Вы живете, какъ помѣщицы",—говорятъ учительницы и вспоминаютъ свою комнату въ углу земской школы и грязнаго сторожа, создателя ихъ земного благополучія.

„Помѣщицы" смѣются: онѣ привыкли къ этому названію. Когда утромъ выходятъ онѣ на балконъ пить чай (Настасья

Михайловна въ половинѣ случаевъ послѣ полу-безсонной ночи), то въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ сидятъ уже на травѣ, на ступенькахъ лѣстницы собравшіеся больные. Мужикъ забылъ, когда онъ всталъ, запрегъ лошадь и поѣхалъ въ больницу. Сидятъ больные и пеняютъ на барина, который задерживаетъ ихъ долго, на докторицъ, которыя, какъ помѣщицы, пьютъ чай, а ихъ не лѣчатъ. У „помѣщицъ" лежитъ скатерть на столѣ, блеститъ самоваръ, лежитъ хлѣбъ бѣлый, — ну, чѣмъ не помѣщицы! На балконѣ со стороны амбулаторіи висятъ занавѣски, нарочно повѣшенныя для огражденія душевнаго спокойствія. Марья Евгеньевна шутитъ: „Клянусь Богомъ, я хотя и земская фельдшерица, но могу же я иногда пить чай, а иногда обѣдать". Ѳхраняющія занавѣски плохо исполняютъ свое назначеніе: время отъ времени онѣ раздвигаются, просовывается чья-нибудь голова, и слышится молящій голосъ:

— Барышни, родимыя, скоро вы насъ отпустите?

Фельдшерицы привыкли къ этому вопросу: до четырехъ часовъ,—время приблизительнаго окончанія пріема,—гдѣ бы онѣ ни показывались, къ нимъ будутъ приставать на разные лады и съ разными припѣвами все съ тѣмъ же вопросомъ.

Солнце сѣло, пропали тѣни... Больничныя зданія сразу посѣрѣли, выцвѣли. Люди рѣже и медленнѣе стали двигаться по двору. Голоса и звуки стали свободнѣе и полнѣе господствовать въ замирающей суетѣ дня.

Настасья Михайловна и Таня Горская медленно возвращались изъ лѣсу.

— Какъ вы думаете, Маня вернулась?

Горская близорукими глазами вглядывалась въ окна квартиры.

— Не знаю... Если ея нѣтъ, мы безъ нея напьемся чаю.

Горская пожала плечами.

Вопросъ о самоварѣ ее не безпокоитъ: ей хочется говорить съ Маней... Уйти отъ всѣхъ, не слышать больничныхъ шумовъ, вопросовъ, говорить о самихъ себѣ, о другой жизни...

Она ничего не отвѣчаетъ Настасьѣ Михайловнѣ и проходитъ первая мимо нея черезъ балконъ въ полутемную квартиру.

Небольшая комната... Кожаный темный диванъ кажется неуклюжимъ рядомъ съ маленькимъ письменнымъ столомъ. Стѣны, по бѣлизнѣ, послѣ яркости лѣсовъ и луговъ, кажутся умершими, когда-то жившими... Надъ диваномъ виситъ портретъ Вѣры Фигнеръ, а на столѣ стоитъ Гаршинъ и

Чеховъ. Все чисто, бѣло... какъ-то по-монашески. Танѣ Горской не нравится эта обстановка, какъ и вся жизнь въ больницѣ. Она оглядывается и ищетъ кругомъ себя хоть что-нибудь, что-бы согрѣло и пріютило... И только со стѣны въ темныхъ сумеркахъ смотрятъ на нее прекрасные и серьезные глаза.

Таня сѣла на диванъ и унеслась мыслями въ обстановку своей жизни... Правда, рамка красивѣе...

Окно раскрыто. Она глядитъ на качающіяся деревья. Это ее немного успокаиваетъ... Она вспоминаетъ сказку, гдѣ приходитъ Дрема Дремовичъ и машетъ длинными вѣтками, чтобы усыпить людей... Она сама это разсказывала дѣтишкамъ. Сейчасъ ей хочется спать. Она медленно и лѣниво почему-то начинаетъ рѣшать вопросъ,—къ кому же ближе подошло счастье, къ Манѣ или къ ней.

Вдругъ кто-то по сосѣдству громко заговорилъ, задвигалъ стульями. Деревья сразу перестали махать вѣтками. Таня вскочила, пришла въ себя и вышла на балконъ, откуда раздавались голоса.

Посреди балкона стояла врачъ Вѣра Ивановна. Она не успѣла раздѣться, была въ непромокаемомъ пальто и съ пледомъ въ рукахъ. Передъ ней сидѣлъ на скамейкѣ, согнувшись и опираясь на палку, докторъ.

— Какъ хотите, Петръ Васильевичъ, а я за васъ больше не поѣду,—кипятилась Вѣра Ивановна:—оставляйте на меня хоть всю больницу... но по вашей частной практикѣ ѣздить не стану.

— Частная практика, — возмутился докторъ. — Частная практика! Что я ищу ее, деньги кую? Это наша общая барщина...

— Вотъ вы и ѣздите, когда васъ приглашаютъ. Во-первыхъ, мы здѣсь не для помѣщиковъ, не для ихъ управляющихъ, а для крестьянъ. Милости просимъ, къ намъ въ больницу. А во-вторыхъ...

— Да, что съ вами случилось, наконецъ, Вѣра Ивановна?

— А то, что я туда проѣхала восемь верстъ и назадъ... а когда я вошла въ домъ, то хозяйка меня встрѣтила недовольнымъ голосомъ: „Ахъ, это вы? А мы вѣдь доктора просили пріѣхать“. Можно подумать,—вмѣсто доктора къ нимъ прачка пожаловала.

Вѣра Ивановна разсердилась окончательно. Петръ Васильевичъ поморщился; онъ прекрасно понялъ ея непріятное положеніе.

— Да, что, Вѣра Ивановна, — вмѣшалась акушерка, — охота вамъ обижаться на дамъ. Двадцать бабъ вылѣчу вмѣсто одной дамы. Двадцать бабъ!

Вѣра Ивановна ничего не отвѣтила и все съ тѣмъ же нервно-раздраженнымъ видомъ забрала свои вещи и зашагала къ своей квартирѣ.

— Настасья Михайловна, я къ вамъ пришелъ чай пить съ вареньемъ. Видѣлъ, какъ вы ночью сегодня, когда добрые люди спятъ, на жаровнѣ колдовали.

— Некогда... Поневолѣ ночью заколдуешь... Да, вѣдь, варенье мое не очень удалось, Петръ Васильевичъ. У меня съ нимъ несчастье вышло.

— Пустяки. Если у васъ скверно, у кого-же и ѣсть варенье?

Настасья Михайловна среди холостяковъ самый семейный человѣкъ: ея квартира сборный пунктъ для больничныхъ жителей. У ней въ комнатѣ стоитъ диванъ, о которомъ молва говоритъ, что онъ залитъ слезами: на немъ, въ комнатѣ маленькой женщины, переживаются и горести, и воспоминанія. Всѣ знаютъ, что у Настасьи Михайловны вкусное варенье, и что она мягкимъ голосомъ умѣетъ красиво пѣть грустныя малороссійскія пѣсни. Вѣроятно, всѣмъ извѣстно, что у нея больная душа; но, какъ люди занятые, говорятъ всѣ объ этомъ рѣдко и мало.

— Вотъ и поработали. Будемъ чай пить и отдыхать... А уважаемѣйшая Татьяна Алексѣевна будетъ намъ красивыми словами доказывать, что мы провели этотъ день совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ... Правда, нарушили какой-то законъ міровой гармоніи и красоты?

Докторъ сдвинулъ свою соломенную шляпу на затылокъ и смотрѣлъ смѣющимися глазами на Таню. За эти двѣ недѣли между ними установились шуточно-враждебныя отношенія.

— А мнѣ кажется, я буду сидѣть и молчать. Я ничего вамъ не скажу. Я устала даже глядѣть на васъ.

Горская сказала это совершенно искренно и посмотрѣла внимательно на доктора серьезными глазами.

— Благодарю... но если-бы моя усталость отъ этого уменьшилась... а то, право, не стоитъ.

Докторъ замолчалъ. Онъ лѣниво мѣшалъ ложкой въ стаканѣ и хмурился. На лицо его вернулось выраженіе усталости и озабоченности. Сейчасъ онъ былъ совсѣмъ такимъ, какъ въ моментъ, когда просилъ Вѣру Ивановну ѣхать за него въ Ягодное.

Таня сидѣла у другого конца стола, положивъ локти на столъ и вглядываясь то въ лицо доктора, то въ темноту, гдѣ зажигался одинъ огонекъ за другимъ. Было около десяти часовъ и почти темно. Къ балкону неслышно подошла

Марья Евгеньевна и сѣла на ступеньку. Она все еще была въ халатѣ, и на головѣ у ней былъ бѣлый шарфъ.

— Марья Евгеньевна, что старикъ?—первый замѣтилъ ее докторъ.

— Вспрыснула морфій... Умретъ скоро.—Марья Евгеньевна даже не обернулась.

— Чаю хотите? — спросила заботливая Настасья Михайловна.

— Ничего я не хочу... Устала... Надоѣло все... Боже, какъ надоѣло,—почти простонала Марья Евгеньевна.

— Петръ Васильевичъ, вамъ не жаль было сегодня Вѣры Ивановны?—вдругъ неожиданно для всѣхъ заговорила Таня громкимъ голосомъ.

— Жаль?—Петръ Васильевичъ даже сразу не понялъ.— Ахъ да, сообразилъ онъ:—это непріятно, но привычно.

— Нѣтъ,—вдругъ заволновалась Таня, и голосъ ея зазвенѣлъ.—Нѣтъ, это хуже, чѣмъ непріятно, гораздо... Нѣтъ, вы говорите это такъ совсѣмъ просто... А сколько женщинѣ, вы подумайте, надо силъ, чтобы ей хватило на заработокъ, на общественную жизнь, на семейную... Вѣдь много, очень много. И рядомъ съ такой работой, какъ у васъ въ земствѣ, чувствуется у женщины всегда что-то загубленное... Нѣчто крупное, важное для жизни, на что у многихъ не хватило ни силъ, ни времени. Умѣнье совмѣстить—великій талантъ! — Таня передернула сердито плечами, и показала на квартиру Вѣры Ивановны.—А тутъ ежеминутно преподносится недовѣріе, профессіональная несостоятельность...

Она ждала, чтобы ей отвѣтили,—но всѣ молчали. Возможно, что этотъ вопросъ былъ для всѣхъ давно рѣшенъ, и даже, почти навѣрное, это было именно такъ. Не хотѣлось извлекать его изъ далекой глубины.

Таня нервно заходила по балкону. За ней волочился шарфъ—она этого не замѣчала... Она волновалась, говоря объ этихъ людяхъ, а они сидѣли и спокойно пили чай.

— Какъ-то давно была я въ психіатрической больницѣ въ гостяхъ у врача,—продолжала Таня.—Помню до сихъ поръ... Въ тѣ дни я сама была на перепутьи, не знала, за что схватиться... Все всматривалась въ женщинъ идейнаго труда, науки... Хотѣла разгадать, какъ устраиваютъ онѣ свою личную жизнь, захватываетъ ли она ихъ такъ, какъ иныхъ прочихъ... Помню эту больницу, а главное, помню массу человѣческихъ глазъ. Столько жизненнаго безумія, именно жизненнаго... И на меня въ такомъ настроеніи сдѣлала страшное впечатлѣніе одна больная женщина-врачъ. Она тихо подходила ко всѣмъ и говорила спокойно безъ всякой позы. Именно такъ, какъ она провела жизнь: безъ фразъ и безъ позы.—„Зачѣмъ

держутъ меня эти злые люди—я ничего не сдѣлала. Я только все работала и очень устала... А потомъ, мнѣ некогда было подумать о себѣ"...—Хорошо это? Когда я услыхала, мнѣ холодно и жутко стало... Петръ Васильевичъ, Маня, вы меня слушаете? Настасья Михайловна?

Докторъ молчалъ: шляпа его совсѣмъ съѣхала на затылокъ, былъ виденъ хорошій вдумчивый лобъ, такой бѣлый въ сравненіи со всѣмъ лицомъ и руками. Глаза были опущены, ихъ не было видно. Докторъ не то скучалъ слегка, не то усмѣхался.

Марья Евгеньевна теперь уже не сидѣла на ступенькахъ, а стояла, прислонившись къ столу. Она скрестила руки и исподлобья, снисходительно усмѣхаясь, глядѣла на пріятельницу.

— Некогда, некогда,—повторила она.—Успокойся—намъ всѣмъ некогда, Татьяна!

Она вздохнула. Голосъ у Марьи Евгеньевны низкій, усталый, а разговаривая, она сильно щурила красивые глаза.

— Нѣтъ, ты представляешь себѣ, Маня? Правда,—моментъ, ведущій въ психіатрическую?—Таня нервно засмѣялась:—Вспомнила о жизни, а жизни уже нѣтъ! Все ушло... Вотъ и и вы всѣ тутъ... Если ужъ отдавать себя, то чему-то большому. Вотъ, напримѣръ, тамъ...—Она показала рукой въ сторону комнаты Марьи Евгеньевны, гдѣ въ окно виднѣлась бѣлая стѣна съ темнымъ портретомъ.

— А наша будничная работа всей жизни не искупитъ...—не то тихо спросила, не то утвердила Марья Евгеньевна.

— Неужели ужъ мы такъ никому и не нужны?—вдругъ заговорила обиженнымъ голосомъ Настасья Михайловна.—Вѣдь помогаемъ же мы кому-нибудь? Не на вѣтеръ отдаемъ силы.

Докторъ стоялъ у барьера балкона. Онъ отчасти слушалъ, а больше смотрѣлъ на изрытое небо, и думалъ длинную неопредѣленную думу. Кто же больше нуженъ въ этой безпокойной сложной жизни: зарницы, молніи или слабые постоянные огни? Онъ усталъ, онъ хотѣлъ спать... Въ спустившейся темнотѣ ночи уже зарождались треволненія дня. Громкія слова дѣлались ненужными, а отвѣты на думу получались многогранные, противорѣчивые и широкіе, какъ сама жизнь... Вотъ въ жизни вспыхнетъ яркій пожаръ, блеснетъ молнія — люди вздрогнутъ, подбодрятся, увидятъ въ яркомъ свѣтѣ все, даже темные углы, прежде невидные... Потомъ все померкнетъ, уйдетъ въ мракъ. Безчисленныя руки, глаза, что-то творящіе, будутъ всматриваться въ темноту и искать вѣрный постоянный огонекъ, безъ котораго руки должны остановиться, глаза не смотрѣть...

— Да, постоянный вѣрный огонекъ,— пробормоталъ докторъ.

Повторяя это выраженіе, онъ всегда вспоминалъ Елизавету Николаевну. Это были ея слова... Она не захотѣла быть вѣрнымъ огонькомъ, а блестяще взвилась надъ жизнью... и ушла изъ нея совсѣмъ.

— Мы никому не нужны, какъ люди.. Всѣ кругомъ смотрятъ на насъ, только какъ на врачей, на акушерокъ, фельдшерицъ... Это скучно.—Докторъ заговорилъ не потому, что хотѣлъ сообщить что-либо важное и интересное. Нѣтъ. Его эта мысль, если она и приходила, то угнетала страшно, и чтобы какъ-нибудь освободиться, надо было разсказать, привить ее другимъ:—я сказалъ скучно, а теперь я скажу, что это больно... Смѣшно: чтобы найти близкихъ людей, намъ надо усиленно передвигаться, ѣхать въ городъ, ѣхать въ сосѣднюю больницу... имѣть дѣло съ лошадьми, верстами, кондукторами!.. Вспомнишь нѣсколько лѣтъ назадъ — все сплошь, отъ больницы до Москвы, казалось, люди близкіе... Одного тона мыслей и чувствъ... Не то теперь, все не то... И насъ прежнихъ нѣтъ...

Докторъ волновался, чиркалъ спичку, но она упрямо не зажигалась.

Въ это время на огонекъ къ балкону подошла Вѣра Ивановна съ другой фельдшерицей, Ольгой Игнатьевной. Онѣ стояли уже нѣкоторое время позади доктора и слышали его слова.

— Ничего, покушайте чернаго хлѣба, покушайте,—засмѣялась Ольга Игнатьевна:—жить да ѣсть бѣлый хлѣбъ и пирожныя вещь простая.

Ольга Игнатьевна человѣкъ очень немолодой. Гдѣ-то въ ссылкѣ у нея есть сынъ—и вотъ, на него и его семью уходятъ всѣ ея гроши. Остаться безъ башмаковъ для Ольги Игнатьевны очень просто. Но это она дѣлаетъ такъ гордо и независимо, что тѣ, кому этого знать не полагается, будутъ убѣждены, что передъ ними послѣдовательница Кнейппа. Съ Петромъ Васильевичемъ служитъ она 10 лѣтъ, уважаетъ его, но съ нѣкоторой примѣсью снисходительности за мягкость и сравнительную съ ней молодость. По настроенію ближе всего подходитъ она къ Вѣрѣ Ивановнѣ, хотя ссорится съ ней такъ же исправно, какъ и со всѣми остальными. Разсердившись, называетъ ихъ аристократами... Сама, дѣйствительно, провела всю жизнь на черномъ хлѣбѣ. Съ народомъ ладитъ прекрасно.

— Вотъ ваша книга, Татьяна Алексѣевна.—Вѣра Ивановна положила передъ Таней одинъ изъ современныхъ альманаховъ.

— Дать вамъ еще? У меня тамъ есть.

— Нѣтъ, знаете... не цѣню я новѣйшія вещи... Не люблю этихъ ошарашенныхъ, этихъ новыхъ. Они для насъ чужды, да и мы имъ не нужны и неинтересны.

— И я прочла, — вдругъ засмѣялась Ольга Игнатьевна. Она заявила это такимъ тономъ, будто тѣмъ, что она прочла эту книгу, сдѣлала кому-то великое одолженіе:—доложу вамъ, что ни книга, то новая теорія кобелизма.—Она развела руками:—Ужъ вы меня извините, стариковъ на нихъ не промѣняю!

Никто не удивлялся ея выраженіямъ: всѣ привыкли, кромѣ Горской, конечно.

Вся компанія, по настоянію Настасьи Михайловны, сѣла къ чайному столу. Надо было выпить чаю съ вареньемъ и потолковать о дѣлахъ больницы.

— У меня идеальный персоналъ,—говоритъ докторъ о своихъ сослуживцахъ.—„Это рѣдкая больница", хвастается управа, показывая на объемистую статистику. Слѣдовательно, говорить есть о чемъ.

Всѣ собрались около стола, кромѣ одной Марьи Евгеньевны: она осталась сидѣть на ступенькахъ. Ей сегодня не по себѣ. Вчера проѣзжала она мимо одной усадьбы, и изъ оконъ услыхала музыку... Не какую-нибудь, а мастерски играли Бетховена... Марья Евгеньевна закрыла даже лицо руками: среди стоновъ, припарокъ, температуры, мелкихъ радостей и недоразумѣній вдругъ неожиданно врѣзалось что-то прекрасное и сильное.

И вотъ, со вчерашняго дня она не можетъ удержать слезъ... такъ глупо , такъ ребячливо... Но не помогаютъ никакія теоріи.

Марья Евгеньевна силится удержать слезы, слушаетъ, что говорятъ у стола. Смотритъ на клумбы, хочетъ возстановить въ памяти день, когда она съ дѣтьми доктора и съ племянницей Ольги Игнатьевны копала грядки. Въ этотъ день ей казалось необходимымъ имѣть передъ окнами табакъ и ирисъ. Будутъ квакать лягушки, будетъ цвѣсти табакъ, а Марья Евгеньевна будетъ радоваться; смѣется и прыгаетъ около нее гимназистикъ—сынъ доктора. „Радоваться, радоваться"— шепчутъ ея губы,—„почему же нѣтъ радости". Табакъ дѣлается маленькимъ и незамѣтнымъ, стебель его склоняется къ петуньѣ, и оба пропадаютъ въ травѣ. Куда же ушелъ тотъ шумъ и ликованіе, подъ которые она 6 лѣтъ тому назадъ рѣшила ѣхать въ деревню?.. Шумъ дѣлался все тише, а ликованіе вдругъ замерло... Стало совсѣмъ тихо... Теперь глубокая пропасть отдѣляетъ Марью Евгеньевну отъ людей, которые смѣются, и отъ тѣхъ, которые ликуя борются... Въ

эту пропасть падаютъ бинты, лѣкарства, хирургическіе инструменты. Но падаютъ безъ конца: пропасть глубока, и дно ея не покрыто... Въ эту же пропасть летятъ ея годы и радости, которыхъ нѣтъ, но которыя могли бы быть...

— Господа,—заговорила вдругъ Марья Евгеньевна, —мы устали, сейчасъ двѣнадцатый часъ, а мы еще не совсѣмъ свободны. Сейчасъ пойдетъ дождь; будетъ совсѣмъ сѣро и тоскливо... А есть люди, которые слушаютъ музыку, смѣхъ... Если бы и намъ немного радости и музыки...—вѣдь мы живые.

Сдавило горло Марьи Евгеньевны, а по пальцамъ ея потекли горячія слезы. У стола смолкли. Раздался неопредѣленный звукъ: всѣ поняли, что она плачетъ...

Тотчасъ въ темнотѣ замелькала бѣлая фигура Марьи Евгеньевны, а черезъ минуту она ужъ быстро поднималась по ступенькамъ госпиталя.

На балконѣ никто не спросилъ ни о чемъ... У Ольги Игнатьевны мелькнула насмѣшливая улыбка, и у всѣхъ пропала охота говорить... Всѣ рѣшили, что пора по домамъ.

Ольга Игнатьевна повела доктора въ баракъ взглянуть на ребенка. Ему вспрыснули дифтеритную сыворотку, но сердце уже было плохо. А черезъ четверть часа пришелъ сторожъ сказать доктору, что умираетъ старикъ, и Марья Евгеньевна проситъ его придти въ госпиталь.

Такъ кончился день въ больницѣ.

Всю ночь шелъ дождь. Крупныя капли его забарабанили сначала сильно и часто, а потомъ, испугавшись такой энергичной работы, повисли густой сѣткой на нѣсколько часовъ надъ землей. Первымъ лучамъ солнца удалось выбраться изъ-за тучъ только часамъ къ шести.

Когда лучи солнца заглянули на дворъ больницы, жизнь больничная, не смущаясь ни грязью, ни мокротой, уже дѣятельно перебрасывалась дѣлами изъ одного зданія въ другое. Трубы прачешной уже дымились, и въ раскрытыя двери виднѣлись многочисленные узлы бѣлья на полу и на скамейкахъ. Изъ дверей кухни слышалась перебранка почтенной кухарки Дарьи съ ея легкомысленной помощницей, не въ мѣру заспавшейся. Кучеръ Степанъ, онъ-же и дворникъ, проспавъ всю ночь, какъ убитый, вылѣзъ изъ своей каморки, вооруженный метлами и добрымъ намѣреніемъ вымести дворъ на совѣсть. Онъ даже ухмыльнулся отъ удовольствія, видя что Господь Богъ позаботился о томъ, чтобы дворъ его не только былъ выметенъ, но и вымытъ. Степанъ сѣлъ на скамейку у воротъ, прислонилъ метлы къ столбу

и сталъ сворачивать цыгарку. Свернувъ ее, онъ хотѣлъ было закурить, но случайно поднялъ голову и, заглянувъ за ворота, даже сплюнулъ съ досады.—Эна, спокой не беретъ ихъ...—пробурчалъ онъ лѣниво. Недружелюбное восклицаніе относилось къ скромной телѣгѣ съ сѣрой лошадкой. Она трусила уже нѣкоторое время по большой дорогѣ, а теперь на глазахъ Степана свернула въ березовую аллею. Этой аллеей ѣздили только въ больницу. На пригоркѣ она сворачивала въ сторону, подъ прямымъ угломъ отъ большака, ныряла внизъ, вродѣ какъ въ лощину,—здѣсь въ сырую погоду стояла всегда лужа,—а потомъ, поднявшись и пройдя нѣсколько саженей, упиралась въ больничныя ворота.

На передкѣ телѣги сидѣла баба и правила. Она то и дѣло хлестала лошадь возжами, а сама оборачивалась и смотрѣла, что дѣлается у ней за спиной. Въ глубинѣ телѣги виднѣлось что-то широкое и закутанное въ платки.

Степанъ не ошибся: телѣга ѣхала именно къ нимъ. Когда она уже стояла въ воротахъ, то ему пришла на умъ самая простая мысль, что пріѣхали въ родильню. Слѣдовательно, до него не касается.—„Вамъ въ родильню. Такъ вотъ крыльцо... Тамъ колокольчикъ... Посильнѣе потяните". Степанъ указалъ на родильню, двухэтажное зданіе влѣво отъ воротъ, а самъ повернулъ къ прачешной.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ къ доктору скорѣй,—сказала маленькая женщина.

Это была не крестьянка. Передъ тѣмъ, какъ спрыгнуть съ телѣги, она бережно спустила съ рукъ что-то довольно большое, наклонилась надъ нимъ, поправила солому...

— Къ доктору!—недовѣрчиво протянулъ Степанъ.—Къ доктору рано захотѣли. Они къ пріему часовъ въ одиннадцать будутъ... Обходъ сдѣлаютъ, а потомъ ужъ васъ лѣчить зачнутъ... Во-о-тамъ, подъ деревьями лошадь-то поставьте, да череду и ждите.

На лужайкѣ, окруженной ветлами и вязами, черезъ дорогу отъ амбулаторіи, было вытоптано большое мѣсто. Сюда крестьяне ставили свои телѣги и ждали подъ деревьями, пока не раскроютъ дверей амбулаторіи и не позовутъ записываться.

— Мнѣ къ доктору сейчасъ нужно... Я ѣхала четырнадцать верстъ... у меня ребенокъ боленъ... Очень боленъ... Мнѣ доктора сейчасъ нужно... сейчасъ...

Женщина говорила не то безсильно-испуганнымъ, не то измученнымъ голосомъ... Она оглядывалась по сторонамъ, глаза перебѣгали съ одного зданія на другое. Она искала домъ, гдѣ, по ея соображеніямъ, могъ жить докторъ: что ей

до словъ Степана, до начала пріема?.. Задыхается, стонетъ ея мальчикъ... Всѣ четырнадцать верстъ держала она его почти на вытянутыхъ рукахъ, чтобы не трясло.. Руки затекли, онѣмѣли совсѣмъ, едва стоитъ.

— Гдѣ докторъ живетъ? — спросила она, рѣшительно удаляясь отъ телѣги.

— Не приметъ докторъ и не допуститъ... Говорю, череду ждите.

— Господи, да нельзя же, Господи,—заметалась женщина:—да гдѣ же у васъ барышни-фельдшерицы?.. Вѣдь знаю я ихъ... знакомыя. Покажи, голубчикъ, какъ къ нимъ пройти.

Очевидно, она была здѣсь въ первый разъ.

— Фельдшерицы! Фельдшерицы спятъ... Небось спятъ...

— Да вѣдь знакомыя мои, ты покажи... Чего тебѣ? Вотъ тутъ Марья Евгеньевна есть, фельдшерица...

Степанъ ткнулъ пальцемъ въ амбулаторію.

— Ну, ужъ дѣло ваше... Къ нимъ съ боку-то ходить... Вотъ съ того самаго.

Степанъ повернулся и пошелъ себѣ спокойно въ прачешную—надо было натаскать дровъ. Женщина, взглянувъ еще разъ на ребенка и сказавъ бабѣ, которая ихъ везла, чтобы не отходила, метнулась въ сторону амбулаторіи.

Эти нѣсколько саженей, что отдѣляли телѣгу отъ амбулаторіи, шла женщина, не замѣчая, куда ступаютъ ноги: разводила руками, шептала что-то. Вѣроятно, заранѣе заступалась за право своего больного мальчика.

У самой двери встрѣтилась ей прислуга фельдшерицъ. Она шла съ пустыми кринками за молокомъ. Когда женщина сказала, зачѣмъ она здѣсь, и попросила разбудить Марью Евгеньевну, то та даже загородила собой дверь.

— Зря въ шесть часовъ будить... Ничего вамъ пользы отъ этого не выйдетъ. Все равно доктора иль докторицу ждать... А мнѣ изъ-за этого ждать непріятностевъ... Вѣдь барышни не какія нибудь,—день-деньской хлопочутъ.

Послѣднюю фразу сказала она съ гордостью. Прислуга Малаша живетъ на этомъ мѣстѣ третій годъ и увѣряетъ, что она съ тѣхъ поръ и жизнь увидѣла и въ разумъ вошла, какъ сюда жить поступила. Она всѣмъ хвастается, что барышни ее уважаютъ, никогда на нее не кричатъ и грамотѣ обучили. Что подразумѣваетъ она подъ словомъ „уважаютъ“, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ этимъ уваженіемъ фельдшерицы купили себѣ большую преданность.

Пріѣхавшая женщина начала что-то много говорить Малашѣ, сказала, что она сама земская учительница, что она понимаетъ людей работающихъ, уставшихъ — но и он

должны понять, что у ней одинъ сынъ, и что черезъ 4 часа, когда начнется пріемъ, ужъ, можетъ быть, будетъ поздно.

Говорила она это сбивчиво и торопясь, а въ концѣ-концовъ положила руку на плечо Малаши и расплакалась.

Поразило ли это Малашу, или вспомнила она кой-что изъ слышаннаго за эти три года отъ барышенъ, но она сейчасъ же отворила дверь и впустила учительницу въ комнаты фельдшерицъ.

Когда Марья Евгеньевна увидѣла около постели растерянную и заплаканную учительницу, она сразу, конечно, ничего не поняла. Но послѣ первыхъ же словъ о ребенкѣ, который въ сильномъ жару проѣхалъ четырнадцать верстъ, а теперь лежитъ въ телѣгѣ—для Марьи Евгеньевны уже не существовало вопроса ни о раннемъ утрѣ, ни о времени начала пріема, ни даже о томъ, чья это обязанность,—ея или Ольги Игнатьевны.

Накинувъ халатъ и надѣвъ туфли на босу ногу, пошла она сейчасъ же къ телѣгѣ, велѣла открыть дверь амбулаторіи—ключи аптеки и амбулаторіи хранились у нея—и съ помощью матери внесла мальчика въ комнату.

Она осмотрѣла ребенка. Хорошаго было мало, но то, что она увидѣла, для послѣдняго мѣсяца больничной практики было картиной очень обыкновенной. Она невольно перевела глаза на мать,—сердце ея сжалось. Эта учительница была такое маленькое, такое замерзшее созданіе; вся жизнь ея держалась въ измученныхъ, тревожныхъ глазахъ. Чувство страха, близость большого горя тотчасъ передалась нервной Марьѣ Евгеньевнѣ—она подбодрилась, забыла плохо проведенную ночь, свои слезы... Надо было предпринять что-нибудь и поскорѣе...

Какъ-то года два назадъ, прививая оспу въ селѣ, Марья Евгеньевна зашла въ школу познакомиться съ учительницей. Въ больницѣ знали, что въ Лучинскомъ есть учительница, Софья Васильевна, вдова студента, бывшая педагогичка, что ее долго не утверждалъ губернаторъ, но, наконецъ, земство ее устроило. Это все, что знали о ней. Просидѣвъ около часу въ школѣ, учительница разсказала Марьѣ Евгеньевнѣ, что мужъ ея умеръ въ тюрьмѣ въ чахоткѣ, что товарищи его до сихъ поръ не возвращались изъ ссылки, что здоровье у нея скверно, что въ деревнѣ она не скучаетъ, „потому что у меня, кромѣ дѣла, есть маленькій товарищъ". Этотъ товарищъ былъ мальчуганъ лѣтъ восьми. Онъ сидѣлъ, опираясь на кулачокъ и серьезно слушалъ разговоры матери съ гостьей...

И вотъ, своего маленькаго и, вѣроятно, единственнаго

товарища привезла почти умирающимъ эта женщина съ такими тревожно-скорбными глазами...

Марья Евгеньевна пошла и разбудила Вѣру Ивановну.

Черезъ два часа маленькій Вася лежалъ уже въ баракѣ послѣ дифтеритной прививки. Уже было пять случаевъ скарлатины, которая осложнялась дифтеритомъ... Вася былъ шестой. На обходѣ докторъ подошелъ къ Васѣ, выслушалъ фельдшерицу, осмотрѣлъ его и—безъ того хмурый, нахмурился еще больше.

— Зачѣмъ не привезли ребенка раньше? Развѣ вы не видѣли?

Софья Васильевна, сидѣвшая въ ногахъ кровати, даже вытянулась вся; глаза ея метнулись въ сторону, но губы не послушались и не проронили ни слова.

Докторъ вышелъ изъ барака и пошелъ своей обыкновенно-медленной походкой. Вдругъ онъ услышалъ, что за нимъ кто-то бѣжитъ. Онъ остановился,—съ нимъ рядомъ стояла Софья Васильевна.

— Докторъ, вы скажите, докторъ... поздно?.. ему нельзя помочь?

Она схватила доктора за руку, и онъ почувствовалъ, какъ ея рука сразу отяжелѣла... По счастью, тутъ была скамейка, онъ ее посадилъ. Тутъ только онъ замѣтилъ, какіе передъ нимъ страшные глаза.

Это была только минутная слабость. Софья Васильевна сейчасъ же пришла въ себя.

— Нѣтъ... со мной ничего... я умру потомъ... вмѣстѣ... вмѣстѣ съ нимъ. Докторъ, докторъ, сдѣлайте все, что можно...

Она держала доктора за руку, а лицо ея дергалось отъ рыданій. Доктору сдѣлалось досадно, что онъ въ баракѣ не нашелъ минутки войти больше въ ея положеніе и не поговорилъ съ ней.

— Что можно—все сдѣлаемъ. Не надо, не надо отчаиваться... Вы оставайтесь при немъ.

Докторъ довелъ ее до барака, а самъ вызвалъ Ольгу Игнатьевну и сталъ ей что-то внушать.

Черезъ нѣсколько часовъ горло ребенка стало спадать, дыханіе сдѣлалось ровнѣе и свободнѣе. Для посторонняго взгляда ребенку было много лучше. Такъ думала и мать. Докторъ въ теченіе дня заходилъ три раза. Онъ подбодрялъ мать, но самъ, повидимому, не особенно радовался этому улучшенію. Вечеромъ онъ сказалъ Марьѣ Евгеньевнѣ, чтобы за нимъ при новыхъ явленіяхъ послали ночью.

— А что?—спросила она.

— Ну, что вы, голубушка: а сердце, а пульсъ? А потомъ мать—субъектъ нервный, издерганный—я за нее боюсь.

За эти нѣсколько часовъ Марья Евгеньевна такъ поняла весь холодъ жизни Софьи Васильевны, всю боль ея привязанности, что заранѣе ужасалась возможности потери, какъ страданью, отъ котораго ей самой захочется кричать и рыдать. Съ понурой головой вошла она въ палату. Ребенокъ спалъ или былъ въ забытьи. Софья Васильевна стояла на колѣняхъ передъ кроватью, маленькая, съежившаяся и смотрѣла на лицо сына...

Марья Евгеньевна инстинктивно отвернулась отъ этого выраженія. У нея мелькнула мысль, какой это ужасъ и мука, и какое это великое рабство, эти исключительныя привязанности.

Первый вопросъ, который задавала Софья Васильевна фельдшерицамъ: „что говоритъ докторъ". Такъ было и сейчасъ. Марья Евгеньевна хотѣла сказать ей, что докторъ велитъ при малѣйшемъ измѣненіи непремѣнно послать за нимъ ночью; но, взглянувъ на мать и сына, не сказала этого. Она просто объявила, что рѣшила ночь провести въ баракѣ.

Закинувъ руки за голову, лежа на больничной кровати, провела нѣсколько часовъ Марья Евгеньевна въ баракѣ. До нея долетали то плачъ, то стоны, то вздохи и причитанія. Вздыхая, вставали няньки, подходили къ кроватямъ...

У нихъ въ палатѣ было тихо: обѣ женщины молчали. Марья Евгеньевна постоянно вставала и молча смотрѣла на мальчика, а когда она вытягивалась на спинѣ, то ей ползли въ голову мысли, свои и чужія, всѣ невеселыя. Не мѣняя положенія, слѣдила за тѣнью Софьи Васильевны... Та буквально не сводила глазъ съ лица ребенка. Иногда она гладила мальчика по волосамъ, рукѣ, и тогда губы ея что-то шептали... А иногда она становилась на колѣни, и тогда Марья Евгеньевна спрашивала себя, молится она или нѣтъ.

Въ третьемъ часу зашелъ докторъ и сказалъ, что онъ боится осложненій со стороны почекъ, а въ шесть часовъ пришла Ольга Игнатьевна и отправила Марью Евгеньевну спать.

Когда къ девяти часамъ встала Марья Евгеньевна, первой ея мыслью было, что дѣлается въ баракѣ... Когда же она вошла туда—то поняла, что было совсѣмъ плохо: появились осложненія со стороны почекъ... Докторъ и Ольга Игнатьевна стояли у кровати и что-то дѣлали надъ ребенкомъ. Выраженье лица было знакомо Марьѣ Евгеньевнѣ,—оно бывало только въ самыхъ страшныхъ случаяхъ. Ребенокъ стоналъ, а Софья Васильевна сдѣлалась неузнаваема: она плакала, жаловалась, металась отъ одного къ другому...

Вся больница относилась съ интересомъ къ Софьѣ Васильевнѣ и къ ея мальчику. Докторъ уходя попросилъ не оставлять ихъ вдвоемъ—и Ольга Игнатьевна, бросивъ работу въ аптекѣ, осталась въ баракѣ.

Къ вечеру показались угрожающіе признаки—это было начало конца. Пришелъ Петръ Васильевичъ: онъ не терялъ надежды. Въ такихъ случаяхъ у него являлась бездна энергіи и иниціативы. Но, несмотря на это, черезъ три часа начались судороги. Незадолго до того ребенокъ пришелъ въ себя, назвалъ мать и повторилъ нѣсколько разъ, „мама, почему ты на меня не смотришь? Мама, я тебя забуду". Услышавъ его голосъ Софья Васильевна съ тихимъ стономъ опустилась на колѣни передъ кроватью и смолкла. Когда начались судороги, докторъ шепнулъ фельдшерицѣ: „онъ умираетъ, скажите ей"—и самъ отошелъ въ сторону... Она услышала это, посмотрѣла на доктора широкими глазами и даже какъ будто кивнула ему... Но опять не сказала ни слова, не заплакала...

Когда хотѣли подойти къ начинавшему остывать ребенку, то тихонько назвали Софью Васильевну по имени: она не откликнулась, не подняла головы.

Ребенка унесли изъ палаты, а она оставалась по прежнему неподвижной. Тогда сидѣлка взяла ее подъ руки и посадила на стулъ. Лицо ея было блѣдно, но слезъ не было. Полное безучастіе и что то полу безсознательное глядѣло изъ этихъ глазъ.. Оставаться въ палатѣ было неудобно, и Вѣра Ивановна предложила перевести ее къ себѣ. Она была одинокій человѣкъ, и ей докторская квартира въ четыре комнаты была велика. Это ее не могло стѣснить. Софья Васильевна не сопротивлялась, не спрашивала ничего о ребенкѣ, а просто шла себѣ, куда ее вели. Войдя въ маленькую комнату въ одно окно, затемненное кустами бузины, она подошла прямо къ кровати и легла.

Черезъ нѣкоторое время въ комнату заглянула Вѣра Ивановна и застала ее въ томъ же положеніи. У Вѣры Ивановны всегда было больше чувства, чѣмъ словъ. Такъ и сейчасъ... Ей хотѣлось что-нибудь сказать ей, но безмолвное горе Софьи Васильевны не поощряло ни къ какимъ словамъ. Она постояла въ дверяхъ съ неопредѣленнымъ выраженіемъ на лицѣ, пожала плечами и рѣшила, что попроситъ зайти Петра Васильевича, такъ какъ поведенье Софьи Васильевны начинаетъ ее безпокоить, какъ врача.

Доктору самому пришла мысль навѣстить Софью Васильевну. Когда онъ, часъ спустя, подходилъ къ ея двери, ему навстрѣчу выскочила, буквально выскочила Марья Евгеньевна. Она могла только крикнуть: „Петръ Василье-

вичъ, да что это такое?"—и остановилась, кусая губы, и волнуясь до потери словъ. Докторъ вошелъ къ комнату; онъ уже издали слышалъ, что тамъ и теперь два лица, такъ какъ неслись громкія и энергичныя слова. Онъ вошелъ первый, а Марья Евгеньевна остановилась на порогѣ, страшась войти дальше. Софья Васильевна сидѣла на кровати, говорила очень быстро и время отъ времени смѣялась. Лицо ея не было блѣдно, а напротивъ, горѣли и щеки, и глаза. Она сразу замѣтила вошедшихъ, соскочила съ кровати, подошла вплотную къ доктору и взяла его за руку...

— Докторъ, знаете, докторъ... Это очень хорошо, очень... Ахъ, какъ это хорошо, если бы вы знали... Онъ умеръ, такъ и нужно... благодарю и жизнь, и всѣхъ. Меня жизнь любитъ— тутъ Софья Васильевна рѣзко засмѣялась, а въ то же время по ея лицу пробѣгали посторонніе судороги, и текли обильныя слезы:—вѣдь если бы онъ выросъ, его бы повѣсили, навѣрное... Я знаю, какъ это было бы, я даже вижу, какъ болтаются его ноги въ воздухѣ... я даже вижу,—тутъ она взвизгнула и закрыла лицо руками, будто прячась отъ страшной висѣлицы.

Много ужасныхъ словъ говорила Софья Васильевна, а лицо ея такъ и не переставало то плакать, то смѣяться. Докторъ не нашелся сразу. Онъ остановился предъ потокомъ безсвязныхъ рѣчей и слушалъ ихъ, какъ разумныя... Его привела въ себя Марья Евгеньевна—она не выдержала, бросилась къ Софьѣ Васильевнѣ, взяла ее за руки и стала умоляюще повторять: „не надо, не надо, голубчикъ... не надо"... И у самой текли слезы и дрожалъ голосъ.

Докторъ послалъ Марью Евгеньевну въ аптеку сдѣлать лекарство и попросилъ ее сейчасъ прислать ему Ольгу Игнатьевну... Въ такихъ случаяхъ она была незамѣнима: у ней отсутствовали нервы, и не было этой повышенной чувствительности.

Когда Марья Евгеньевна съ силой распахнула дверь и влетѣла въ свою комнату—Таня Горская сидѣла у письменнаго стола и писала письма.

— Что случилось?—испуганно вырвалось у Горской.— Живя въ больницѣ, она невольно пріобщилась къ интересамъ персонала и знала о всѣхъ бѣдахъ и неудачахъ. Она только разъ мелькомъ видѣла Софью Васильевну—и ее, такую безпокойную и пока несломившуюся, поразила во всемъ сквозившая покорность этой женщины. А вообще Горская увѣряла, что, пока можно наблюдать двуногихъ, то какъ бы скверно ни было, а жить стоитъ.

— Ты представь: у ней острое помѣшательство... Это, конечно, пройдетъ и скоро... но ты послушай, что она гово-

ритъ,—Марья Евгеньевна ударила пальцами по столу, чтобы почувствовать острую боль и отвлечь въ руку мучительное ощущеніе:—ты послушай только... Я плакала потому, что услышала Бетховена, и что моя жизнь будни... А она смѣется, потому что умеръ ея сынъ... Ей мужъ говорилъ, сидя въ тюрьмѣ: „не бойся, не повѣсятъ—не успѣютъ, подохну самъ". И онъ умеръ... А теперь она смѣется, что сынъ избѣжалъ висѣлицы... Пока мы сами, наши сестры, матери могутъ говорить такія слова, откуда... откуда мы возьмемъ праздникъ жизни?..

Истерики съ Марьей Евгеньевной не случилось, какъ этого боялась Таня, но успокоиться и замолчать она никакъ не могла и не хотѣла.

У пруда тихо... Не слышно ни шелеста листьевъ, ни движенья травы. Иглы лежатъ, какъ мертвыя, а верхушки сосенъ неподвижно и гордо смотрятъ въ небеса.

Уже прошло нѣсколько дней послѣ смерти Васи. Горская сидитъ на пнѣ и разсѣянно перелистываетъ книгу. Недалеко отъ нея на землѣ лежитъ Марья Евгеньевна.

— Ну, что же ты такъ и не переѣдешь въ Петербургъ? Работу найдемъ—у меня друзей много.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я рѣшила... Не мѣшай мнѣ, я уже сказала.

Горская замолчала. Въ это время въ началѣ дороги показался докторъ.

— Значитъ, я завтра ѣду,—вздохнула Горская.—А все-таки у васъ было тутъ хорошо.—И она оглянулась на молчаливый лѣсъ.

— По особенному хорошо, — усмѣхнулась Марья Евгеньевна.—Въ августѣ я пріѣду въ отпускъ къ тебѣ... А вотъ и докторъ идетъ,—она понизила голосъ:—тамъ онъ работаетъ, а сюда приходитъ мечтать.

— Значитъ, вы всѣ тутъ мечтаете!—засмѣялась Горская:—у всѣхъ есть своя принцесса-греза и свои будни и праздники.

Докторъ былъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ—онѣ замолчали.

Бушенъ.

О толкованіи художественнаго произведенія.

I.

Не такъ давно критикъ А. А. Измайловъ разсказалъ въ своей книгѣ «Литературный Олимпъ» о томъ, какъ онъ обратился къ Ѳедору Сологубу за личными комментаріями къ тому, что критику было неясно въ книгѣ Сологуба. Къ его удивленію, Сологубъ «вмѣсто прямого отвѣта сталъ развивать» передъ нимъ «свою теорію о томъ, что никакого личнаго комментарія автора къ своему произведенію быть не можетъ. Единственный комментаторъ писателя—его читатель. Пониманіе есть дѣло личнаго читательскаго ума... Это ничего, что одинъ пойметъ такъ, другой пойметъ иначе. Въ этомъ сила и смыслъ творчества». Поспоривъ и выслушавъ аргументы Ѳедора Сологуба, не очень оригинальные, но, какъ мы видимъ, для нѣкоторыхъ еще необходимые, критикъ остался неудовлетвореннымъ. «Творческая истина,—говоритъ онъ,—мнѣ казалась и кажется такой же единой, какъ истина математическая или философская. Есть одно шекспировское пониманіе Гамлета, и всѣ семьдесятъ другихъ пониманій будутъ ложны».

Кажется, здѣсь произошло недоразумѣніе. Кажется, одностороннее возраженіе Сологуба вызвало неправильный отвѣтъ его критика. Онъ могъ сказать: «вы меня не поняли; я совсѣмъ не хочу, чтобы вы своимъ объясненіемъ избавили меня отъ необходимости самостоятельно понять ваше произведеніе. Я васъ спрашиваю не о его темныхъ глубинахъ, а о его очевидной темнотѣ, не о его содержаніи, а о его формѣ. Покажите только, что она доступна смыслу, и я ее осмыслю».

Но осмыслить по своему читатель можетъ только то, что имѣло смыслъ для автора. Имѣло смыслъ, то есть представляло собой законченное цѣлое, систему; разъ «въ этомъ безуміи есть система», то оно можетъ быть понято. Если же оно ворохъ случайностей, то оно никакому личному читательскому толкованію

не подлежитъ. И разумѣется, такіе вопросы, относительно хотя бы «Навьихъ чаръ», были бы болѣе, чѣмъ законны. Но Сологубъ уклонился отъ отвѣта на нихъ, сбилъ вопрошателя и привелъ его къ ложной теоріи. По теоріи А. А. Измайлова о единомъ шекспировскомъ толкованіи Гамлета, выходитъ, все горе въ томъ, что Шекспира нѣтъ въ живыхъ. Вся гигантская литература о Гамлетѣ вызвана тѣмъ, что Шекспиръ умеръ, и мы не можемъ его спросить о смыслѣ Гамлета: онъ бы покончилъ всѣ наши споры. Что это утвержденіе единаго шекспировскаго пониманія есть отрицаніе критики, критику не пришло въ голову. Но не надо думать, что онъ исключеніе, и что въ его мысли все ложь. Нѣтъ, въ ней есть и частица правды, и важной правды.

Соображеніе критика въ общемъ—отголосокъ того времени, когда было ясно, что смыслъ каждаго художественнаго произведенія сосредоточенъ въ его идеѣ. Въ ней его содержаніе, въ ней его оправданіе. Она составляетъ его сущность, единую сущность, разумѣется, ибо вѣдь ничто не можетъ имѣть двухъ сущностей. Эту единую идею искали и находили; въ этомъ исканіи полагалась задача критиковъ и читателей. Истолковать произведеніе, понять его, значило отыскать его идею. Тэнъ далъ только новую формулу, новую форму старой мысли, которая даже безъ формулы была разлита въ общемъ сознаніи, да и до сихъ поръ коренится въ немъ. Когда говорятъ: «что выражаетъ это произведеніе, что хотѣлъ имъ сказать авторъ?», то явно предполагаютъ, что, во-первыхъ, можетъ быть дана формула, логически, раціонально выражающая собою основную мысль художественнаго произведенія и, во-вторыхъ, что эта формула лучше, чѣмъ комунибудь, извѣстна самому автору. Какъ и въ случаѣ спора о законѣ, единое толкованіе кажется единственно естественнымъ, автентическое толкованіе представляется безспорнымъ. А пока такого авторитетнаго разъясненія нѣтъ, каждый изъ спорящихъ считаетъ себя обладателемъ единой истины. Извѣстно стихотвореніе гр. Голенищева-Кутузова, обращенное къ «Мефистофелю» Антокольскаго; менѣе извѣстна статья К. Д. Кавелина, вызванная стихотвореніемъ гр. Голенищева-Кутузова:

«Исходя изъ несомнѣнной и всячески дознанной истины, что есть управа на все—говоритъ К. Д. Кавелинъ—я намѣренъ призвать къ суду науки и художественной критики гр. Голенищева-Кутузова за его стихотвореніе «Къ Мефистофелю». Обвиненія, которыя я на него взвожу, касаются двухъ пунктовъ. Поэтъ, во-первыхъ, неправильно понялъ созданіе Антокольскаго—его бюстъ «Мефистофель»; во-вторыхъ, онъ не понялъ вообще Мефистофеля, какимъ онъ можетъ представиться уму и сознанію современнаго человѣка, при теперешнемъ состояніи знанія.

«Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ увидалъ у Мефистофеля Антокольскаго искривленную усмѣшку на устахъ, туманъ лжи, отраву пре-

зрѣнья въ задумчиво-блуждающихъ глазахъ. Ему показалось, будто взоръ Мефистофеля надъ нимъ, поэтомъ, смѣется; будто Мефистофель язвитъ и хохочетъ, подмигиваетъ на красоту, на чувство, сжигаетъ людей огнемъ презрѣнія. Признаюсь, я въ исполненномъ глубокаго значенія произведеніи Антокольскаго не замѣтилъ ничего подобнаго. Въ искривленномъ ртѣ выражается, на мой взглядъ, совсѣмъ не хохотъ и язвительность, а глубокое душевное страданіе преждевременно состарѣвшагося человѣка. Мефистофель Антокольскаго, съ его рѣдкими волосами и болѣзненной худобой, обличаетъ не стараго, но дряхлаго человѣка, который много пережилъ, много испыталъ и завялъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ. Глаза его, въ которыхъ сосредоточена вся сила и вся энергія этого молодого старика, далеко не выражаютъ презрѣнія и еще менѣе того задумчиво блуждаютъ; напротивъ, взглядъ его до того силенъ, проницателенъ и сосредоточенъ, что отъ него становится жутко, холодъ пробѣгаетъ по жиламъ, когда долго на него смотришь. Поэту хотѣлось непремѣнно увидать въ Мефистофелѣ злобныя душевныя движенія, это было ему нужно для основной его мысли, которая выражена въ первой строфѣ и въ самомъ концѣ стихотворенія, и вотъ онъ приписываетъ бюсту выраженіе, котораго онъ, я думаю, не имѣетъ».

Можно ли спорить о единомъ смыслѣ художественнаго произведенія, о его единой идеѣ? Мы выросли въ убѣжденіи, что можно и должно. Въ десяткахъ русскихъ учебниковъ такъ называемой теоріи словесности, обязательныхъ для школы, повторяются когда-то полныя смысла, но теперь омертвѣвшія слова Бѣлинскаго о томъ, что «поэтъ выражаетъ идею не отвлеченно, какъ философъ, а въ живыхъ образахъ, создаваемыхъ его фантазіей»; что по прочтеніи поэтическаго произведенія въ насъ остаются «мысли, чувства и образы, группирующіеся около одной общей идеи» и т. п. Въ «Руководствѣ къ чтенію поэтическихъ произведеній» В. Острогорскаго (изданіе 5-е) розыски идеи производятся въ каждомъ изъ трехъ поэтическихъ родовъ. Идея элегіи Пушкина «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье», оказывается, состоитъ въ томъ, что «въ зрѣлыхъ лѣтахъ человѣкъ съ душой, хотя раскаивается въ ошибкахъ молодости и предвидитъ много горя и заботъ въ будущемъ, но не тяготится жизнью, услаждая ее любовью, размышленіемъ и художественными произведеніями». «Идея «Мертвыхъ душъ»— опошленіе общества въ общемъ единичномъ стремленіи—къ наживѣ». «Идея «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ»—смерть вслѣдствіе суевѣрія».

Въ «Воспитательномъ чтеніи» г.г. Ц. и В. Балталонъ (Москва, 1908 г.) мы находимъ указаніе, что въ *Бѣжиномъ Лугѣ* «основная общественно-бытовая мысль — представить въ яркой картинѣ неблагопріятныя условія воспитанія въ крѣпостную эпоху крестьянскихъ дѣтей, лишенныхъ вліянія школы» и т. п. Въ новѣйшемъ

изъ рекомендованныхъ учебниковъ въ стилѣ схоластической догматики утверждаются такія непоколебимыя истины: «Кромѣ самаго содержанія, сочиненіе можетъ заключать въ себѣ *идею* или *идеи*, т. е. мысль или мысли, которыя должны являться въ сознаніи читателя *на основаніи* или *подъ вліяніемъ* сочиненія. Въ первомъ случаѣ идея сочиненія, что называется, вытекаетъ изъ его содержанія, т. е. можетъ быть изъ него *логически выведена*, во второмъ она *внушается* читателю посредствомъ дѣйствія на душу вообще; послѣднее мы встрѣчаемъ обыкновенно въ сочиненіяхъ художественныхъ, поэтическихъ». Правда, дальше что-то говорится о «естественномъ и неизбѣжномъ» «какъ бы соучастіи читателя въ творчествѣ поэта»; но это не исключаетъ того, что основная мысля поэта едина и обязательна для его читателя. «Иногда авторъ самъ формулируетъ прямо мысль своего сочиненія въ началѣ или въ концѣ его. Въ сочиненіяхъ художественныхъ, дѣйствующихъ на читателя посредствомъ образовъ, картинъ, этого обыкновенно не дѣлается за рѣдкими исключеніями,—напр., въ басняхъ снабженныхъ нравоученіемъ».

Примѣръ басни особенно здѣсь поучителенъ. Именно на баснѣ, какъ на элементарнѣйшемъ примѣрѣ, Потебня показалъ, какъ могутъ быть разнообразны и равноправны толкованія и примѣненія художественнаго произведенія. Если басня принадлежитъ къ художественнымъ созданіямъ, то во всякомъ случаѣ нравоученіе ея автора для насъ не обязательно. Это одинъ изъ возможныхъ выводовъ, не больше. Мы примѣняемъ ее, какъ пословицу, тамъ, гдѣ она подходитъ, совершенно не справляясь съ тѣмъ, какой конкретный случай, какой выводъ, какую идею имѣли въ виду ея создатель—индивидуальный художникъ или творецъ-народъ.

II,

Для теоріи искусства всякое художественное произведеніе символично, — и безпредѣльно многообразіе его примѣненій, безконечно множество тѣхъ обобщеній, для которыхъ поэтическій образъ можетъ служить иносказаніемъ. На вопросъ, какой внутренній смыслъ, какая идея этого поэтическаго произведенія, мы отвѣтимъ, что если бы эту идею можно было исчерпать въ формѣ единой абстракціи, то поэтической мысли здѣсь не было бы примѣненія; здѣсь были бы невозможны художественные пути познанія, ненужны образы, символы, иносказаніе. То, что сказано въ образѣ и посредствомъ образа, не существуетъ для самаго поэта въ видѣ отвлеченной идеи. Идею вкладываетъ тотъ, кто воспринимаетъ художественное произведеніе, кто его толкуетъ, кто имъ пользуется для уясненія жизненныхъ явленій. Гете сознавался, что у него нѣтъ отвѣта на вопросъ о томъ, какую мысль онъ хотѣлъ выразить

не только въ «Фаустѣ», полномъ раціональныхъ элементовъ и какъ бы написанномъ à thèse, но и въ «Торквато Тассо».

Это было въ маѣ 1827 года, во время обычной послѣобѣденной бесѣды у Гете, какъ всегда добросовѣстно переданной намъ благоговѣйнымъ Эккерманномъ. Кто-то изъ присутствующихъ возбудилъ вопросъ о томъ, какую собственно идею стремился воплотить Гете въ «Торквато Тассо». «*Идею*?—сказалъ Гете--и не думалъ! Предо мной была *жизнь* Тассо, предо мной была моя собственная жизнь; я старался обрисовать эти двѣ фигуры съ ихъ особенностями—и вотъ предо мной возникъ образъ Тассо; въ видѣ прозаическаго контраста я противопоставилъ ему Антоніо, причемъ у меня также было съ кого списывать. Въ общемъ придворныя, жизненныя, любовныя отношенія были вѣдь въ Веймарѣ такія же, какъ въ Феррарѣ, и я съ правомъ могу сказать о моемъ произведеніи: оно—плоть отъ плоти и кость отъ кости моей».

«Въ общемъ—продолжалъ Гете—мнѣ, какъ поэту, нигда не было свойственно это стремленія къ воплощенію абстракціи. Я воспринималъ въ моемъ существѣ впечатлѣнія —впечатлѣнія жизненныя, физическія, радостныя, пестрыя, многообразныя, какія только могло доставить мнѣ живое воображеніе. И мнѣ, какъ поэту, оставалось одно: художественно оформить и преобразовать эти ощущенія и впечатлѣнія и такъ проявить ихъ въ жизненномъ образѣ, чтобы и другіе, когда они читаютъ или слушаютъ мое изображеніе, получали тѣ же впечатлѣнія.

«Если же мнѣ когда-либо хотѣлось дать поэтическое выраженіе идеѣ, я это дѣлалъ въ небольшомъ стихотвореніи, главная мысль котораго можетъ быть едина и очевидна... Единственное произведеніе большаго объема, гдѣ я чувствую, что проводилъ единую идею, это, пожалуй, мое «Сродство душъ». Это сдѣлало романъ болѣе доступнымъ разсудку; но я не скажу, чтобы онъ сталъ отъ этого лучше. Вообще вотъ мое мнѣніе: чѣмъ недоступнѣе разсудку произведеніе, тѣмъ оно выше».

Ближайшее и необходимое послѣдствіе этой ирраціональности художественнаго произведенія—равноправіе его различныхъ толкованій.

Есть области, въ которыхъ, казалось бы, объ этомъ не можетъ быть спора. То, что каждый можетъ исполнить сонату Бетховена или воплощать на сценѣ Отелло по своему, казалось-бы, совершенно очевидно. Однако, напримѣръ, Р. Вагнеръ вынужденъ былъ настаивать на томъ, что «единое, стереотипное пониманіе произведенія искусства недопустимо. Какъ ни опредѣленно само по себѣ завершенное чисто музыкальное строеніе въ художественныхъ пропорціяхъ бетховенской симфоніи, какъ ни совершенна и недѣлима форма, въ которой она является высшимъ чувствомъ, все же невозможно свести дѣйствіе этой композиціи на человѣческое сердце къ какому-либо единому толкованію». И, вторя учителю, Ницше возму-

щался редакторами музыкальныхъ произведеній, издающими ихъ съ фразировкой. Онъ называлъ ихъ phraseurs. «Основное предположеніе, на которомъ они строютъ — замѣчаетъ онъ въ письмѣ къ Фуксу—то есть, будто вообще есть вѣрное, *одно* вѣрное истолкованіе, кажется мнѣ психологически и по опыту *ложнымъ*. Композиторъ въ моментъ творчества и воспроизведенія видитъ эти тонкія тѣни въ неустойчивомъ равновѣсіи: всякая случайность, всякое повышеніе или ослабленіе субъективнаго чувства силы, объединяетъ то большіе, то меньшіе круги. Словомъ, старый филологъ, на основаніи всего своего филологическаго опыта, говоритъ: ни для поэта, ни для музыканта *нѣтъ единоспасающей интерпретаціи* (самъ поэтъ абсолютно не авторитетенъ въ истолкованіи смысла своихъ стиховъ: есть удивительнѣйшія доказательства того, какъ неясенъ и неопредѣлененъ для нихъ этотъ «смыслъ»)».

И за много лѣтъ до Ницше ту же мысль, до сихъ поръ нуждающуюся, какъ мы видимъ, въ защитѣ, высказывалъ Потебня: «Слушающій можетъ гораздо лучше говорящаго понимать, что скрыто за словомъ, и читатель можетъ лучше самого поэта постигать «идею» его произведенія. Сущность, сила такого произведенія не въ томъ, что разумѣлъ подъ нимъ авторъ, а въ томъ, какъ оно дѣйствуетъ на читателя или зрителя, слѣдовательно въ неисчерпаемомъ возможномъ его содержаніи». Нѣтъ ни этого объективнаго содержанія, ни разъ навсегда даннаго смысла, ни идеи художественнаго произведенія: есть лишь форма для всего этого, неподвижный образъ, рождающій содержаніе въ читателѣ.

III.

Вотъ это свойство художественнаго произведенія достойно того, чтобы мы не ограничивались его признаніемъ, но присмотрѣлись къ тому, какія умственныя явленія оно вызываетъ, какъ оно отражается на жизни художественнаго произведенія.

Ибо невозможно отрицать эту жизнь. Созданное художественное произведеніе не пребываетъ во вѣки-вѣковъ въ томъ образѣ, въ которомъ создано; оно мѣняется, развивается, обновляется, наконецъ, умираетъ: словомъ, живетъ.

Совершенно ясно, что художественное произведеніе есть нѣкоторое органическое цѣлое, система, элементы которой находятся въ теснѣйшей зависимости другъ отъ друга. Въ этой системѣ нѣтъ ничего болѣе или менѣе важнаго, болѣе или менѣе выразительнаго; каждая—и самая ничтожная—ея часть говоритъ о цѣломъ, говоритъ за цѣлое. Ритмъ разсказа зависитъ отъ его содержанія, образы соотвѣтствуютъ сюжету, изложеніе связано съ тенденціями; краски въ картинѣ опредѣляются гаммой тоновъ, въ которой она написана; не соотвѣтствіе дѣйствительности является

здѣсь закономъ, а внутренняя логика элементовъ Кажется, что есть что-то внутреннее и что-то внѣшнее, что есть форма и есть содержаніе, но все это соотносительно:

Nichts ist aussen, nichts ist innen.
Denn was draussen, ist auch drinnen.

И форма, и содержаніе—неотторжимыя части одного цѣлаго, опредѣляемыя желѣзнымъ закономъ цѣлесообразности, и подобно тому, какъ съѣдобная и беззащитная бабочка должна быть похожа на листокъ дерева, чтобы не погибнуть, такъ настроеніе, выраженное въ сонетѣ, должно быть передано въ его условной формѣ, въ хитросплетеніяхъ простыхъ и вмѣстѣ трудныхъ риемъ: внѣ сонета его содержаніе не можетъ быть выражено никакъ. Будетъ то да не то, то есть ничто. И свободный сонетъ есть абсурдъ, потому что именно скованность есть необходимое условіе его смысла. И «подмостки означаютъ міръ» совсѣмъ не потому, что въ пьесахъ отражается человѣческая жизнь, что драматическіе образы типичны, что мимика, жестикуляція, интонація воспроизводятъ дѣйствительность,—но потому, что все это вмѣстѣ взятое есть само по себѣ цѣлокупная система, особый міръ, въ которомъ все находится въ идеальномъ равновѣсіи, и каждая частность есть воплощеніе нѣкотораго цѣлаго, построеннаго по единому закону: закону своего стиля. Оттого, напримѣръ, одноцвѣтный рисунокъ не кажется неправдой, несмотря на то, что природа многоцвѣтна; оттого никакому самому заядлому раціоналисту не придетъ въ голову при видѣ духа Банко сказать, что никакіе духи по землѣ не ходятъ; нѣтъ, онъ знаетъ, что въ мірѣ трагедіи о Макбетѣ есть духи умершихъ; въ этомъ мірѣ свои законы, и зритель принимаетъ этотъ міръ цѣликомъ со всѣмъ его своеобразіемъ, со всѣми чудовищными нелѣпостями — вплоть до открытаго извращенія естества, какъ въ карикатурѣ, вплоть до внутренняго противорѣчія, какъ въ гротескѣ.

Это — статика художественнаго созданія; есть и его динамика. Это органическое цѣлое *живетъ*, живетъ своею самостоятельной жизнью, и самостоятельность эта способна поразить всякаго, кто пытался схватить общимъ взглядомъ произведеніе художника не въ его эстетической неподвижности, но въ его историческомъ движеніи. Завершенное, отрѣшенное отъ творца, оно свободно отъ его воздѣйствія, оно стало игралищемъ исторической судьбы, ибо стало орудіемъ чужого творчества: творчества воспринимающихъ. Произведеніе художника необходимо намъ именно потому, что оно есть отвѣтъ на наши вопросы: *наши*, ибо художникъ не ставилъ ихъ себѣ и не могъ ихъ предвидѣть. И — какъ органъ опредѣляется функціей, которую онъ выполняетъ, такъ смыслъ художественнаго произведенія зависитъ отъ тѣхъ вѣчно новыхъ вопросовъ, которые ему предъявляютъ вѣчно но-

вые, безконечно разнообразные его читатели или зрители. Каждое приближеніе къ нему есть его вовсозданіе, каждый новый читатель Гамлета есть какъ-бы его новый авторъ, каждое новое поколѣніе есть новая страница въ исторіи художественнаго произведенія.

Къ сожалѣнію, эта исторія еще не написана. Наукой до сихъ поръ сдѣлано очень мало въ области изученія судьбы художественныхъ произведеній *послѣ* ихъ созданія. Мы имѣемъ многочисленныя генеалогіи произведеній, но не имѣемъ ихъ біографій, знаемъ ихъ предковъ, но не знаемъ ихъ собственной жизни. Мы иногда знаемъ, какъ зародилось произведеніе, откуда явился его сюжетъ, какъ общественный спросъ подсказалъ его настроеніе, какъ обиходныя формы воплотились въ его стиль, какіе личные поводы его вызвали, какъ все чужое и заимствованное перегорѣло въ индивидуальномъ творческомъ процессѣ и своеобразно отразилось въ готовомъ созданіи. Но разъ оно готово, изслѣдованіе отвернулось отъ него; оно входитъ въ исторію литературы подъ датой появленія—и какъ будто умираетъ. А вѣдь на самомъ дѣлѣ въ этотъ моментъ оно только начинаетъ жить, мы и терминъ тотъ же употребляемъ: появляется на свѣтъ. Возьмите любую исторію русской литературы и культуры и посмотрите, что говорится въ ней, напримѣръ, о «Горѣ отъ ума» послѣ 1834 года. Ничего или почти ничего. А вѣдь мы почти вѣкъ послѣ этого прожили съ Чацкимъ, вѣкъ думали о немъ, вѣкъ питались имъ. Наша душевная исторія есть его исторія; онъ ею жилъ, онъ ею обогащался, не только мы имъ. Онъ выросъ за эти годы напряженной духовной жизни цѣлаго народа — и свой первоначальный обликъ онъ напоминаетъ, конечно, не больше, чѣмъ взрослый человѣкъ напоминаетъ ребенка, только что отдѣлившагося отъ матери.

Конечно, написать исторію какого бы то ни было художественнаго произведенія послѣ его завершенія есть задача безконечной трудности. Нѣтъ матеріала, нѣтъ точки опоры; воспріятіе, оцѣнка, пониманіе художественнаго произведенія въ исторіи есть интимнѣйшій процессъ, и объ этомъ процессѣ мы можемъ судить почти исключительно по такому грубому и случайному свидѣтельству какъ критика. Мы вѣдь знаемъ, какъ бѣдно литературное и вообще словесное изображеніе нашей душевной жизни въ сравненіи съ ея дѣйствительнымъ богатствомъ. Есть другіе способы, но отъ нихъ не остается почти никакихъ слѣдовъ. Какой свѣтъ на исторію образовъ «Горя отъ ума» въ русскомъ обществѣ бросаетъ, напримѣръ, характеристика ихъ театральнаго воплощенія въ эпоху романтической приподнятости: «Реальное казалось вульгарнымъ и низменнымъ. «Благородство» тона имѣло свое особенное толкованіе. Чацкаго игралъ, конечно, героическій актеръ, трагикъ съ крупной фигурой и мощнымъ басомъ, Софью — актриса съ обая-

тельнымъ голосомъ и славившаяся только умѣньемъ декламировать на распѣвъ» *). Какъ захватывающе-интересна была бы исторія сценическаго истолкованія большихъ драматурговъ. Вѣдь эта исторія есть; вѣдь разнообразныя толкованія не просто механически и случайно смѣняютъ другъ друга; они вытекаютъ одно изъ другого, восполняютъ одно другое, чередуются въ зависимости отъ смѣны общественныхъ настроеній. Если есть разумная послѣдовательность въ человѣческой исторіи, то есть и исторія сценическаго образа, есть развивающаяся сценическая традиція — и мы ничего или почти ничего не можетъ схватить, закрѣпить, констатировать изъ этой исторіи; она несомнѣнна, но и неуловима. Еще болѣе неуловима, напримѣръ, исторія музыкальной интерпретаціи. Углубляется нашъ душевный міръ, развивается жизнь чувства, вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, мѣняется пониманіе и передача музыкальныхъ произведеній. Мы играемъ Баха не такъ, какъ его играли при Бахѣ. И здѣсь есть, конечно, своя традиція, не только техническая, своя исторія,—а что мы знаемъ объ этой исторіи творчества исполнителей? Оно, конечно, не все умираетъ вмѣстѣ съ творцомъ, оно сохраняется отчасти въ душевной жизни и въ творчествѣ дальнѣйшихъ поколѣній, но воспроизвести для сравненія мы его не можемъ и должны удовлетворяться туманными, словесными опредѣленіями, восторгами современниковъ и теоретическими предположеніями.

Изученіе судьбы художественныхъ произведеній послѣ ихъ завершенія, конечно, влило бы новое содержаніе въ истрепанное изреченіе Теренція Мавра: habent sua fata libelli. Великое художественное произведеніе въ моментъ его завершенія—только сѣмя. Оно можетъ попасть на каменистую почву и не дать ростковъ, можетъ подъ вліяніемъ дурныхъ условій дать ростки чахлые, можетъ вырости въ громадное, величавое дерево. А мы, смотря на это дерево, почему-то думаемъ, что это то самое сѣмя. Конечно, изъ горошины не выростетъ дубъ, конечно, геніальное твореніе таитъ въ себѣ возможности, какихъ не имѣетъ художественная однодневка. Но все таки возможности эти раскрываются лишь въ общеніи съ міромъ, лишь въ коллективномъ творчествѣ, лишь въ исторіи. То, что мы открыли, напримѣръ, Тютчева есть не только радостное обогощеніе нашей душевной жизни, но и указаніе на печальнѣйшую и невозвратную потерю нашего существа; если бы мы всѣ семидесятые годы не отрывались отъ Тютчева, то и мы были бы другіе, и, главное, онъ былъ бы другой. Есть не только матеріальная патина старой бронзы; такой же благородный духовный налетъ даетъ старина и поэтическому произведенію. Вотъ пройдетъ полвѣка со смерти князя В. Ѳ. Одоевскаго, и его сочиненія освободятся отъ тяжелой власти какихъ-то наслѣдниковъ, ставшихъ

*) Вл. И. Немировичъ-Данченко въ «Вѣстн. Евр.» 1910 г., май.

между русскимъ читателемъ и авторомъ «Русскихъ ночей,—но, быть можетъ, будетъ уже поздно, возможность духовнаго контакта исчезнетъ, и не воскреснетъ къ новой и достойной жизни высокое духовное наслѣдіе, которое было бы долговѣчно, если бы его жизнь въ душахъ сочувственныхъ читателей шла непрерывно. Это не безплодная тоска о естественной невозможности историческихъ утратъ, а совершенно конкретное указаніе. И тотъ разрывъ въ культурной жизни средневѣковой Европы, послѣ котораго понадобилось *возрождвніе* духовныхъ богатствъ классическаго міра, отразился кореннымъ образомъ и навѣки на пониманіи этихъ богатствъ. Одна была бы Венера Милосская, если бы восторженное преклоненіе предъ ней имѣло за собой непрерывную традицію, и другая она теперь—послѣ многовѣкового погребенія. Не только руки потеряла богиня. Это погребеніе изуродовало ея священный образъ не только физически, но и морально.

IV.

Въ чемъ заключается исторія художественнаго произведенія послѣ его созданія?

Въ томъ, что образы, созданные художникомъ, остаются неподвижными, непоколебимыми, безсмертными, пустыми формами, которыя смѣняющіяся поколѣнія читателей заполняютъ новымъ содержаніемъ, новымъ смысломъ. Созданіе художника—это только ферментъ новой жизни, всякій художественный образъ есть, въ сущности, только прообразъ. Можно спорить о подлинномъ грибоѣдовскомъ Чацкомъ, но надо помнить, что этого подлиннаго грибоѣдовскаго Чацкаго нѣтъ, какъ нѣтъ сѣмени, изъ котораго уже выросъ дубъ. Грибоѣдовскаго Чацкаго, какъ устойчиваго образа, какъ нѣкотораго законченнаго содержанія, нѣтъ и никогда не было. *Грибоѣдовскій* Чацкій это прекрасная, необходимая абстракція, но это абстракція, схематическое представленіе, нуждающееся въ томъ, чтобы чье-нибудь индивидуальное пониманіе заполнило его содержаніемъ. Какъ живое слово есть абстракція въ словарѣ и живетъ только въ употребленіи, въ живой рѣчи, такъ художественное произведеніе существуетъ лишь въ своеобразномъ пониманіи отдѣльнаго человѣка. Чацкій Грибоѣдова существовалъ лишь въ умѣ Грибоѣдова. Мы можемъ посредствомъ научныхъ изысканій доискиваться представленія о томъ, чѣмъ былъ Чацкій для Грибоѣдова, что видѣлъ Грибоѣдовъ въ Чацкомъ, но нѣтъ нужды напоминать, въ какой степени это представленіе неточно, приблизительно, смутно и—главное—въ какой степени оно не опредѣляетъ того Чацкаго, который существуетъ въ нашей мысли, въ общемъ представленіи. Левъ Толстой сравнивалъ дѣйствіе художественнаго произведенія съ зараженіемъ; это сравненіе здѣсь особенно уясняетъ

дѣло: я заразился тифомъ отъ Ивана, но у меня мой тифъ, а не тифъ Ивана. И у меня мой Гамлетъ, а не Гамлетъ Шекспира. А тифъ *вообще* есть абстракція, необходимая для теоретической мысли и ею созданная. Свой Гамлетъ у каждаго поколѣнія, свой Гамлетъ у каждаго читателя. Они пользуются образомъ великаго поэта для того, чтобы выразить при его посредствѣ свое душевное состояніе, но, пользуясь имъ, они его преобразуютъ: расширяютъ или съуживаютъ, углубляютъ или опошляютъ, но во всякомъ случаѣ пересоздаютъ по образу и подобію своему. Какъ языкъ, по безсмертному опредѣленію В. Гумбольдта, есть не ergon, a energeia, не завершенный капиталъ готовыхъ знаковъ, а вѣчная дѣятельность мысли, такъ и художественное произведеніе, законченное для творца, есть для его современниковъ и потомковъ начало и выраженіе новаго творчества, оно есть *не произведеніе*, а *производительность*, долгая линія развитія, въ которой самое созданіе есть лишь точка, лишь моментъ; разумѣется, моментъ безконечной важности: моментъ перелома. Мы знаемъ уже, что нѣтъ въ искусствѣ, какъ и нигдѣ нѣтъ, творчества изъ ничего; мы знаемъ, что если традиція безъ творчества, ее обновляющаго, безсмысленна, то творчество внѣ традиціи просто немыслимо. Поэтъ, самый индивидуальный, связанъ готовыми формами, созданными до него. Онъ творитъ на языкѣ, который направляетъ его мысль; для него такъ или иначе неизбѣжны господствующіе поэтическіе роды, стихотворныя формы, жанры, сюжеты, пріемы; онъ получаетъ въ наслѣдіе—сознательное или безсознательное—запасъ поэтическихъ образовъ и оборотовъ, которыми пользуется свободно, увеличивая и видоизмѣняя ихъ массу.

Тщетно художникъ ты мнишь, что твореній твоихъ
ты создатель,
Вѣчно носились они надъ землей, незримые оку.

И заслуга величайшаго художника въ томъ, что онъ выкристаллизовалъ драгоцѣнные, твердые, опредѣленные кристаллы изъ темной, неопредѣленной массы насыщеннаго этого раствора.

Все это слишкомъ хорошо извѣстно и интересно лишь постольку, поскольку можетъ быть обосновано и ограничено новыми фактами. Здѣсь приходится напомнить объ этой многоопредѣляющей зависимости творца отъ среды и эпохи лишь затѣмъ, чтобы отмѣтить эту, такъ сказать, мгновенность того, что мы такъ тѣсно связываемъ съ художникомъ. Парадоксомъ будетъ, конечно, если мы скажемъ, что «Евгеній Онѣгинъ» существовалъ и до Пушкина, или что нынѣшній «Евгеній Онѣгинъ» уже оторвался отъ Пушкина, и принадлежитъ только намъ. Но парадоксъ этотъ высказанъ Алексѣемъ Толстымъ въ цитированномъ нами стихотвореніи, и маленькая доля истины растворена въ великой неправдѣ того и другого утвержденія. Наши усилія должны быть направлены на то, чтобы фактами

сдѣлать какъ можно конкретнѣе, какъ можно нагляднѣе и эту истину, и эту неправду.

Художественное произведеніе есть, такъ сказать, сгустокъ душевной жизни, настроеній, запросовъ, мысли. Чьей мысли? Развѣ только автора? Развѣ только предшествовавшихъ ему и его подготовившихъ поколѣній? Конечно, нѣтъ; конечно, когда художественное произведеніе дошло до насъ, оно уже вобрало въ себя и душевную жизнь всѣхъ поколѣній, отдѣляющихъ насъ отъ его появленія.

Въ полной мѣрѣ примѣнима къ художественному произведенію извѣстная теорія, которою Кирѣевскій пояснялъ Герцену свое преклоненіе передъ иконой: «Я разъ стоялъ въ часовнѣ, смотрѣлъ на чудотворную икону Богоматери и думалъ о дѣтской вѣрѣ народа, молящагося ей; нѣсколько женщинъ, больные, старики стояли на колѣняхъ и, крестясь, клали земные поклоны. Съ горячимъ упованіемъ глядѣлъ я потомъ на святыя черты и мало-по-малу тайна чудесной силы стала мнѣ уясняться. Да, это не просто доска съ изображеніемъ... Вѣка цѣлые поглощала она эти потоки страстныхъ возношеній, молитвъ людей скорбящихъ, несчастныхъ; она должна была наполниться силой, струящейся изъ нея, отражающейся отъ нея на вѣрующихъ. Она сдѣлалась живымъ органомъ, мѣстомъ встрѣчи между творцомъ и людьми».

Такимъ образомъ чудотворная сила иконы коренится для Кирѣевскаго не въ первоначальномъ ея освященіи, не въ непосредственномъ воздѣйствіи высшаго всемогущаго Существа, сразу вложившаго въ нее эту силу, но въ эмоціональномъ творчествѣ массы, въ томъ пламенномъ потокѣ чувствъ, который, вѣчно стремясь къ иконѣ, концентрировался въ ней, чтобы отнынѣ—не по чьей-то волѣ, а по самой своей сущности—превращать моленіе вѣрующихъ въ исполненіе. Всего важнѣе для насъ въ этомъ сравненіи даже не то, что образъ получаетъ свою силу отъ обращающагося къ нему коллектива, а то, что всякое новое обращеніе къ нему не отнимаетъ у него частицу силы, а, наоборотъ, усиливаетъ его. И въ этомъ образъ художественный совершенно сходенъ съ образомъ священнымъ.

Теоретики охотно сравниваютъ художественное произведеніе съ аккумуляторомъ, вмѣстилищемъ громадной силы, накопленной предшествующими поколѣніями и постепенно отдаваемой. Говорятъ о нѣкоторой какъ бы эманаціи, вѣчно отдѣляющейся отъ художественнаго произведенія, создающей вокругъ него особую атмосферу, охватывающую читателя, зрителя, слушателя. «Поэзія—говорилъ еще В. Гумбольдтъ—ставитъ насъ какъ бы въ нѣкоторое средоточіе, отъ котораго исходятъ во всѣ стороны лучи въ безконечное». При всей пригодности этихъ сравненій для опредѣленныхъ цѣлей, въ нихъ есть одинъ коренной порокъ. Эти сравненія, взятыя изъ міра матеріальной природы, имѣютъ въ основѣ идею

неизмѣннаго количества энергіи. Аккумуляторъ, отдавая сосредоточенную въ немъ силу, въ такой же мѣрѣ теряетъ ее. Эманація выдѣляется изъ активнаго вещества до тѣхъ поръ, пока энергія заключенная въ немъ, не истратится. Вѣдь и солнце грѣетъ потому, что когда-нибудь погаснетъ. А сила, заключенная въ художественномъ произведеніи, не тратится, а обновляется, умножается по мѣрѣ того, какъ дѣйствуетъ. Какъ Антей, созданіе художника набирается силъ отъ прикосновенія къ почвѣ, изъ которой выросло: къ массѣ, къ коллективу. Эманація вѣдь не только терминъ физико-химическій; давно уже имъ пользуется философія. Сторонники эманаціонныхъ теорій—гностики, неоплатоники—проводятъ аналогію между развитіемъ міра изъ Божества и исхожденіемъ лучей изъ солнца. Такимъ образомъ, эманація разсматриваетъ весь міровой процессъ, какъ постепенное ухудшеніе путемъ истеченія, и философія противополагаетъ ей идею эволюціи, идею не нисхожденія, но развитія, постепеннаго усложненія, углубленія, обогащенія. Вотъ, воспользовавшись этими философскими терминами, мы скажемъ, что объ эволюціи художественнаго произведенія, о его развитіи послѣ момента его созданія говорить полезнѣе, чѣмъ о его эманаціи. Понимать значитъ вкладывать свой смыслъ—и исторія каждаго художественнаго изданія есть постоянная смѣна этихъ новыхъ смысловъ, новыхъ пониманій. Художественное произведеніе умираетъ не тогда, когда оно въ постоянномъ примѣненіи истратило свою силу: примѣняясь, оно обновляется. Оно умираетъ тогда, когда перестаетъ быть ферментомъ броженія, когда перестаетъ заражать, когда попадаетъ въ среду *иммунную,* сказалъ бы теперешній естествоиспытатель — въ среду, не чувствительную къ его возбудительной дѣятельности.

Залогъ его жизнеспособности—его емкость. Чѣмъ больше оно можетъ вобрать содержанія, чѣмъ шире кругъ тѣхъ жизненныхъ явленій, на которыя оно можетъ дать отвѣтъ, чѣмъ сильнѣе возбудитель мысли, заключенный въ немъ, тѣмъ оно живучѣе. Его будутъ толковать, примѣнять. понимать и тѣмъ переводить изъ міра временнаго въ область безсмертнаго,

Мы знаемъ, что это необходимое разнообразіе пониманій художественнаго произведенія безконечно. Они смѣняютъ другъ друга въ исторіи, борются, сплетаются и видоизмѣняютъ первоначальный замыселъ поэта до неузнаваемости. «Венеціанскій купецъ», задуманный, какъ комедія съ Антоніо—какъ показываетъ заглавіе—въ видѣ героя, сдѣлался трагедіей Шейлока, и нѣтъ уже силы, которая заставила бы насъ смѣяться тамъ, гдѣ заливались здоровымъ смѣхомъ Возрожденія зрители «Глобуса». Для художественнаго наслажденія не обязательны ни указанія исторической критики, ни автентическое толкованіе. Что мнѣ въ замыслѣ автора, если твореніе переросло всѣ его намѣренія? Тамъ, гдѣ мы имѣемъ откровенно тенденціозное произведеніе, это очевидно; пусть поэтъ «отправляется отъ идеи»; мы

къ этому равнодушны: намъ важна не та абстракція, изъ которой онъ исходилъ, но тотъ конкретный міръ, къ которому принесли его волны его творчества. Что мнѣ въ тенденціяхъ Льва Толстого? Въ безконечномъ богатствѣ образовъ, мыслей, наблюденій, отношеній, которое называется «Анной Карениной», въ чарующемъ образѣ Анны, въ ея страшной судьбѣ и неотразимой прелести кто же могъ вычитать одно голое поученіе: «Мнѣ отомщеніе и Азъ воздамъ»? Извѣстенъ ходовой критическій шаблонъ: критикъ, несогласный съ тенденціей автора, говоритъ, что жизненная правда его талантливаго произведенія отвергаетъ его тенденцію, и факты, сообщенные имъ, убиваютъ его публицистическую преднамѣренность. Посредствомъ нехитрыхъ пріемовъ сіе обыкновенно и доказывается. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда художникъ не отправлялся отъ идеи, не иллюстрировалъ тезисъ, а творилъ свободно, его замыселъ не можетъ лишить насъ права на свободное отношеніе къ его произведенію, его толкованіе не можетъ считаться непререкаемымъ. не можетъ и не должно замѣнять намъ самостоятельную работу нашей мысли.

Вопросъ только о предѣлахъ этой работы, о ея направленіи, о ея значеніи. Чѣмъ вдумчивѣе художники, отказываясь комментировать свои произведенія, чѣмъ шире свобода, предоставляемая творческому толкованію теоріей, тѣмъ выше притязанія толкователей—и иногда чувствуется необходимость не только обуздать того или иного зазнавшагося представителя такъ называемой субъективной критики, но и попытаться найти общія теоретическія основы для того, чтобы положить предѣлъ этой самомнительной разнузданности произвольныхъ толкованій.

V.

Изъ того, что наше пониманіе переростаетъ образы художника, создается иллюзія, будто мы своимъ индивидуальнымъ толкованіемъ даемъ нѣчто болѣе высокое. «Ты считаешь себя выше Аристотеля»,—сказали какому-то второстепенному философу».—«Конечно, я выше,—отвѣтилъ онъ:—вѣдь я стою на его плечахъ». Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ исторической послѣдовательности, о разницѣ степеней, это, пожалуй, вѣрно; но полагать, что толкователь выше художника потому, что опирается на него, нелѣпо уже потому, что самый геніальный толкователь опирается, естественно, лишь на часть художественнаго замысла. А между тѣмъ, такія притязанія—дѣло обиходное. Вотъ что пишетъ старый критикъ Языковъ въ статьѣ «Безсиліе творческой мысли» («Дѣло» 1875 г. іюнь), посвященной Островскому:

«Русскіе романы и повѣсти никогда не стояли на высотѣ русской критики. Критика уясняла беллетристическія произведенія

не только читающимъ, но и самимъ авторамъ; нерѣдко она говорила то, что авторъ и не думалъ говорить... Такъ, Добролюбовъ въ «Темномъ царствѣ» повторилъ басню объ орлѣ и паукѣ и унесъ съ собою на облака Островскаго, который никогда не предполагалъ улетѣть такъ высоко («Дѣло», 1875 г., іюнь). Еще дальше пошла извѣстная въ свое время поэтесса А. П. Барыкова. Получивъ отъ редакціи «Посредника» предложеніе передѣлать «Донъ-Кихота» для народнаго чтенія, она, между прочимъ, пишетъ въ отвѣтъ: «Я очень, очень люблю и уважаю «Донъ-Кихота» и не понимаю, какъ могъ Сервантесъ надъ этимъ типомъ смѣяться и рисовать его въ каррикатурѣ... Это Сервантесъ его въ шуты гороховые нарядилъ, а *онъ* былъ самоотверженный, безстрашный, прекрасный и добрый. Я знаю «Донъ-Кихота» лучше, чѣмъ его авторъ».

Да, вѣка прошли съ созданія «Донъ-Кихота» и пересоздали его, и этого новаго нашего Донъ-Кихота, создателемъ котораго надо считать не только Сервантеса, но, напримѣръ, и Тургенева, мы пожалуй, знаемъ если не «лучше», то лучшимъ, чѣмъ Сервантесъ. Все-таки въ этой обнаженной формѣ категорическія притязанія Барыковой звучатъ забавно. Мы имѣемъ однако и болѣе высокія формы этой притязательности критиковъ. Достоевскій разсказалъ намъ, какъ Бѣлинскій, придя въ изступленный восторгъ отъ «Бѣдныхъ людей», «пламенно, съ горящими глазами» доказывалъ молодому писателю, что онъ самъ не понимаетъ своего произведенія. «Да вы понимаете-ль сами-то,—повторялъ онъ,—что вы такое написали!.. Вы только непосредственнымъ чутьемъ, какъ художникъ, это могли написать, но осмыслили ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы намъ указали?.. Не можетъ быть, чтобы вы въ ваши двадцать лѣтъ ужъ это понимали... Мы, публицисты и критики, только разсуждаемъ, мы словами стараемся разъяснить это, а вы, художникъ, одною чертой, разомъ, въ образѣ выставляете самую суть, чтобы ощупать можно было рукой, чтобъ самому неразсуждающему читателю стало вдругъ все понятно!»

Въ словахъ Бѣлинскаго какъ будто скрыта мысль, что Достоевскій только талантливо популяризовалъ вещи, извѣстныя до него. И странное выходитъ противорѣчіе: «самому неразсуждающему читателю» дѣлаетъ «вдругъ все понятно» тотъ, кто самъ «не можетъ быть, чтобы въ свои двадцать лѣтъ уже это понималъ». Вопросъ о томъ, чтó самъ художникъ понимаетъ въ своемъ произведеніи, сводится, конечно, къ вопросу объ условномъ значеніи слова «понимать». Къ міру, созданному художникомъ, критикъ и толкователь можетъ относиться лишь такъ, какъ познаніе самого художника относится къ міру, созданному Творцомъ вселенной: понимать его значитъ выбирать; понимать значитъ смотрѣть съ одной, хотя бы и самой возвышенной точки зрѣнія; понимать нельзя, не будучи одностороннимъ. Этой односторонности, конечно,

лишенъ истинный художникъ по отношенію къ своему произведенію. Достоевскій охватывалъ своимъ взоромъ весь міръ своего романа, Бѣлинскій видѣлъ его частицу, обострялъ ее, подчеркивалъ и уяснялъ въ степени, быть можетъ, недоступной для Достоевскаго. И вотъ отвѣтъ на сомнѣнія Бѣлинскаго: его толкованіе для насъ черезъ полвѣка—есть ничтожная доля смысла «Бѣдныхъ людей», который растетъ и ширится и охватываетъ собою всякое новое пониманіе. И какъ бы высоко ни ставилъ Тургеневъ Донъ-Кихота, его толкованіе есть лишь одна сторона «Донъ-Кихота» Сервантеса; и какъ бы ни былъ углубленъ «Вишневый садъ» въ изображеніи Художественнаго Театра, его «Вишневый садъ» есть лишь частица драмы Чехова.

И хорошо еще, если это подлинный Чеховъ, а не нѣчто въ высшей степени самостоятельное, сочиненное по поводу Чехова. Это называется субъективностью толкованія, но сплошь и рядомъ это прямое извращеніе замысла автора. Интерпретирующее творчество плодотворно только тогда, когда опирается на созданіе художника, когда ограничивается дѣйствительнымъ истолкованіемъ настоящаго художественнаго произведенія. Истинный художникъ не нуждается въ такихъ читателяхъ; онъ ихъ боится: выходя изъ-подъ его контроля, они неминуемо должны извратить его замыселъ. Насколько дорогъ ему читатель мыслящій, настолько вреденъ читатель сочиняющій. И эти вотъ самостоятельные домыслы сочиняющаго читателя-критика или музыканта-исполнителя, или актера-истолкоеателя тѣмъ серьезнѣе, чѣмъ выше и законнѣе полная свобода толкованія. Исторія литературы, исторія сцены, исторія критики и просто житейскій обиходъ насчитываютъ множество фантастическихъ, нелѣпыхъ, произвольныхъ толкованій художественныхъ произведеній, и основная, быть можетъ, единственная причина этихъ извращеній—неумѣніе проникнуться общимъ духомъ произведенія, нежеланіе понять его прежде всего, какъ замыселъ его творца.

Произведеніе художника есть, какъ мы знаемъ, самостоятельное, законченное, уравновѣшенное цѣлое—система—и оно должно быть истолковано *какъ цѣлое.* Въ противномъ случаѣ,—если оно не однородно, если оно въ своемъ существѣ или въ частностяхъ противорѣчиво,—его противорѣчія должны быть указаны точно, опредѣленно и обоснованно, безъ умолчаній, безъ попытокъ передѣлать чужое созданіе на нашъ ладъ и тѣмъ приспособить его къ нашему толкованію. Оно должно свободно и легко совпадать съ нашимъ пониманіемъ—безъ натяжекъ, безъ затушевыванія того, что намъ неудобно.

Между тѣмъ—мы знаемъ—такія натяжки и извращенія, особенно въ нѣкоторыхъ областяхъ художественнаго воспроизведенія, дѣло заурядное. Литературное истолкованіе, литературная критика въ этомъ повинны относительно слабо. Но извѣстно, что, напримѣръ,

сценическое истолкованіе кишитъ такими извращеніями, подчасъ невѣроятными. Конечно, положеніе артиста не то, что положеніе критика; критикъ можетъ удовлетвориться анализомъ поэтическаго образа; артистъ не можетъ уклониться отъ обязанности дать художественный синтезъ. Даже въ томъ случаѣ, когда онъ чуждъ творческаго вдохновенія, когда онъ играетъ отъ реплики къ репликѣ, въ основѣ его передачи все-таки лежитъ хоть безсознательно нѣкоторое общее представленіе объ изображаемомъ имъ характерѣ, о его роли, о типѣ. Задача изъ трудныхъ: надо творить, считаясь въ каждомъ движеніи своего творчества съ чужимъ созданіемъ, ни въ чемъ ему не противорѣча, стараясь быть свободнымъ и чувствуя себя законно связаннымъ. Естественно, что слабые выходятъ изъ этого неудобнаго положенія, разрѣшая себѣ полную, необузданную свободу—не считаясь съ опредѣленными требованіями драматурга: съ его текстомъ, его ремарками, его стилемъ, его общимъ духомъ. Этими нарушеніями воли, какъ извѣстно, богата сценическая практика, и едва ли многіе изъ театральныхъ дѣятелей могутъ похвалиться дѣйствительно благоговѣйнымъ отношеніемъ къ поэтамъ, образы которыхъ они призваны были творчески истолковать. Не даромъ величайшій драматургъ, который былъ также и актеромъ, вложилъ въ уста своему популярнѣйшему герою эту извѣстную жалобу на актерское своеволіе: «Не позволяй также шутамъ болтать болѣе, чѣмъ написано въ пьесѣ,—говоритъ Гамлетъ актеру.—Я встрѣчалъ между ними такихъ, которые для того, чтобы вызвать смѣхъ нѣсколькихъ глупцовъ, дурачились въ такихъ интермедіяхъ, когда, напротивъ, слѣдовало дать зрителямъ отдохнуть, чтобъ обдумать и усвоить видѣнное. Это нехорошо и обличаетъ только жалкое самолюбіе въ актерѣ, не брезгающемъ подобными продѣлками». Гамлетъ говоритъ объ интермедіяхъ, гдѣ импровизаціи комика предоставлено относительно свободное поле дѣйствія. Насколько же строже долженъ быть артистъ, когда рѣчь идетъ о самой ткани драмы—и какъ рѣдко бываютъ строги артисты! Если нуженъ болѣе тонкій примѣръ въ болѣе близкой намъ обстановкѣ, то достаточно напомнить, что, напримѣръ, Стокманъ у Ибсена все время протестуетъ противъ сплоченнаго *либеральнаго* большинства, а въ передачѣ Художественнаго Театра о «либеральномъ» не было ни слова; изъ Стокмана, рѣшительнаго индивидуалиста, рѣшительнаго противника всякой борьбы сомкнутыми рядами, всякой партіи уже потому, что она партія, дѣлался—въ соотвѣтственно настроенной аудиторіи—проповѣдникъ либерализма и дружной борьбы съ реакціей. По обстоятельствамъ времени, можетъ быть, эта неправда была полезна; не только политика, но и строгая мораль знаетъ условіе, которыми бываетъ оправдана pia fraus. Но искусство, какъ и наука, знаетъ только одну ложь—и одну знаетъ ей цѣну.

VI.

Едва ли не опаснѣе прямыхъ извращеній, которыя ясны, потому что грубы,—произвольныя истолкованія умолчаній драматурга. Авторъ предоставляетъ необходимый просторъ творчеству толкователя; онъ не можетъ и не хочетъ опредѣлять заранѣе каждый шагъ артиста, и нѣтъ возможности указать напередъ, чего артистъ не долженъ дѣлать. Изъ этого получается своеобразное положеніе: все, что кажется недоговореннымъ—а недоговоренность есть естественное свойство искусства—заполняется посредствомъ пріемовъ, основная тенденція которыхъ одна: не считаться съ замысломъ автора. Уже языкъ, чуткій къ колебаніямъ дѣйствительности, создалъ соотвѣтственную терминологію. Мы знаемъ сочиненное Брюлловымъ великолѣпное словечко «отсебятина» — и нигдѣ оно не стало въ такой степени узаконеннымъ терминомъ, какъ въ театральномъ быту; и, конечно, новѣйшая критика также имѣетъ на него право. Въ нѣмецкомъ театральномъ словарѣ есть также ядовитый эпитетъ «ein denkender Schauspieler»; такъ называется актеръ, щеголяющій своеобразіемъ пониманія, сочиняющій тонкіе «нюансы» безъ всякаго къ тому основанія. Заполнять своимъ творчествомъ замыселъ автора, конечно, можно и должно, но это творчество неизмѣнно должно восходить къ замыслу, считаться съ нимъ, восполнять его, а не пользоваться его недосказанностью для оправданія «отсебятины». И не часто даже въ оцѣнкѣ большихъ артистовъ мы найдемъ такое трогательное признаніе, какое слышится въ рѣчи Островскаго на обѣдѣ писателей въ честь Мартынова:

«... Можно угодить публикѣ, угождать ей постоянно, не удовлетворяя нисколько автора; примѣръ этому мы видимъ часто. Но ни одинъ изъ русскихъ драматическихъ писателей не можетъ упрекнуть васъ въ этомъ отношеніи... Вы не старались выиграть въ глубинѣ на счетъ пьесы, а, напротивъ, успѣхъ вашъ и успѣхъ пьесъ были неразрывны. Вы не оскорбляли автора, вырывая изъ роли серьезное содержаніе и вставляя, какъ въ рамку, свое, большею частью характера шутливаго, чтобы не сказать рѣзче. Ваша художественная душа всегда искала въ роли правды и находила ее часто въ однихъ намекахъ. Вы помогали автору, вы угадывали его намѣренія, иногда неясно и неполно выраженныя; изъ нѣсколькихъ чертъ, набросанныхъ неопытной рукой, вы создавали оконченные типы, полные художественной правды».

Въ наши дни не принято угадывать намѣренія авторовъ. Скорѣе наоборотъ: и театръ, и читатели склонны цѣнить тѣхъ авторовъ, которые нуждаются не въ угадкѣ, а въ выдумкѣ, которые даютъ полную свободу сочинить что-нибудь «по поводу» и ничего противъ этого сочиненія не имѣютъ—оно не можетъ ихъ извратить. И какіе же авторы могутъ быть святыней для нынѣшняго

дѣятеля сцены, когда въ отвѣтъ на соображенія, высказанныя въ этой статьѣ, одинъ извѣстный и талантливый режиссеръ отвѣтилъ, что для него, какъ для художника сцены, всякій авторъ есть лишь сырье, лишь матеріалъ—такой же матеріалъ, какимъ была жизнь для художника. Сцена не комментируетъ драматурга, не иллюстрируетъ его, а перевоплощаетъ,—какимъ бы извращеніемъ ни представлялось это перевоплощеніе, и что бы для него ни понадобилось, хотя бы искромсать Шекспира.

Къ чему *практически* ведутъ эти воззрѣнія, показываетъ недавняя жалоба одного драматурга; и, право, какъ ни цѣнить его, его весьма второстепенное литературное значеніе не лишаетъ эту жалобу основательности. «Въ одномъ лишь второмъ актѣ моей пьесы режиссеръ вводитъ *четырнадцать* новыхъ, своихъ дѣйствующихъ лицъ. Правда, онъ не далъ имъ своихъ словъ. До этого еще не дошло. Но, я думаю, скоро дойдетъ и до этого... Благодаря этому получилось слѣдующее.

«Эти 14 дѣйствующихъ лицъ появлялись въ разное время въ видѣ разнообразныхъ «просителей» и, не имѣя никакого отношенія къ развитію дѣйствія и къ пьесѣ вообще, зря отвлекали вниманіе зрителя отъ игры основныхъ дѣйствующихъ лицъ или зря заинтересовывали его, потому что зритель могъ предположить, что новое лицо появляется не даромъ. Одну особу въ ротондѣ на бѣломъ мѣху, какую-то суетливую барыню, бѣгавшую отъ одной двери къ другой, режиссеръ выпускалъ въ этомъ актѣ четыре раза. И, конечно, когда она бѣжала по сценѣ въ четвертый разъ, публика смѣялась. Но, за этимъ совсѣмъ не нужнымъ по пьесѣ и для пьесы смѣхомъ, публика не слыхала словъ моихъ, основныхъ дѣйствующихъ лицъ» *)...

Формально режиссеръ, конечно, неуязвимъ: невозможно отнять у него право создавать соотвѣтственную бытовую обстановку, творить изъ намековъ автора, развивать его замыселъ. Это его дѣло. Въ концѣ-концовъ между сценаріемъ и законченной драмой—разница только въ степени. И то и другое есть въ данномъ случаѣ только схема, которая получаетъ жизненное содержаніе отъ сценическаго воплощенія. Однѣ ремарки, на которыя такъ скупъ Шекспиръ и такъ щедры современные драматурги, представляютъ собой необозримый матеріалъ для развитія, для творчества. Какъ легко замѣнить это творчество хитрой выдумкой, имѣющей результатомъ все, что угодно, кромѣ выясненія смысла, духа, стиля произведенія. Сплошь и рядомъ артисты и критики, сосредоточивая свое вниманіе на какой-нибудь частности, забываютъ о цѣломъ, увлекаясь эстетикой оригинальнаго и своего построенія, отвлекаются отъ общаго духа произведенія, изъ-за деревьевъ не видятъ лѣса,—тогда какъ художественное произведеніе можетъ быть понято и

*) Рыжковъ въ «Театрѣ и Искусствѣ», 1910 г. № 3.

надлежащимъ образомъ истолковано лишь какъ нѣкоторое органическое цѣлое, охватываемое единымъ и всеобъемлющимъ объясненіемъ. И въ литературѣ, какъ и на сценѣ, громадное большинство непріемлемыхъ, нелѣпыхъ, хотя бы и чрезвычайно остроумныхъ проведенныхъ объясненій, коренится въ томъ, что критикъ комбинировалъ частности, забывая о цѣломъ. О частныхъ извращеніяхъ и говорить не стоитъ. Такихъ случаевъ, когда толкователь въ стремленіи пересоздать образъ, объяснить его на свой образецъ, видоизмѣняетъ его частности, прямо противорѣчитъ не только замыслу, но и яснымъ указаніямъ художника,—сколько угодно. Иногда въ этомъ никого винить не приходится. Вотъ, мы видѣли, изъ комедіи о венеціанскомъ купцѣ Антоніо исторія сдѣлала трагедію Шейлока. Въ немъ сосредоточился весь смыслъ пьесы, онъ сталъ ея героемъ; естественно, что вся драма перестроилась для насъ. Во-первыхъ, мы не вѣримъ въ ея благополучно-позорный исходъ для Шейлока; мы лучше Шекспира знаемъ, что Шейлокъ — тотъ Шейлокъ, котораго изобразилъ для насъ Шекспиръ — немыслимъ въ позѣ ренегата: какъ истинный трагическій герой, онъ долженъ погибнуть. И, во-вторыхъ: разъ Шейлокъ—герой драмы, то намъ не нуженъ ея пятый актъ, гдѣ его нѣтъ, гдѣ его забыли, гдѣ шутятъ и веселятся; и въ самомъ дѣлѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ театры и не ставятъ пятаго акта драмы: она кончается хоть и не трагедіей, но и не фарсомъ. Фарса о Шейлокѣ не могъ бы осмыслить и принять современный зритель.

Но это, можно думать, исключительный случай. А какъ часто самые добросовѣстные изслѣдователи, толкуя по своему художественное произведеніе, извращаютъ его въ той или иной частности! Достаточно напомнить, что Тургеневъ, въ стремленіи во что бы то ни стало противопоставить Донъ-Кихота Гамлету, замѣчаетъ: «Донъ-Кихотъ едва знаетъ грамотѣ». На самомъ дѣлѣ не только болѣзнь Донъ-Кихота связана съ его начитанностью, но онъ—и это было указано не разъ — для своего времени очень образованный человѣкъ. Но это—частность; въ общемъ пламенный панегирикъ, созданный Тургеневымъ въ честь Донъ-Кихота, есть одна изъ глубочайшихъ характеристикъ бѣднаго рыцаря—и, конечно, Сервантесъ не отказался бы ее принять. А сколько критиковъ, доходящихъ до геркулесовыхъ столповъ непониманія въ своемъ бурномъ стремленіи понять художественное произведеніе непремѣнно по своему! Полагаемъ, не нужны комментаріи къ такому, напримѣръ, эпизоду въ исторіи истолкованія Шекспира:

«Въ числѣ комментаріевъ къ «Отелло» приведемъ одинъ изъ новѣйшихъ, отличающійся несомнѣнной оригинальностью. Онъ былъ помѣщенъ въ «Запискахъ» нью-іоркскаго шекспировскаго общества и въ 1899 г. изданъ отдѣльною книгой: «A further study of the Otello». Авторъ Уэлькеръ Гивенъ имѣетъ притязаніе доказать, что всѣ предшествующіе комментаторы и критики этой трагедіи не примѣтили главной въ ней черты которая ставитъ ее еще выше,

чѣмъ признаютъ ея почитатели. По мнѣнію Гивена, Шекспиръ явился въ ней первымъ борцомъ противъ расовыхъ предразсудковъ, вывелъ въ лицѣ Отелло такого представителя черной расы, который нравственно выше и чище всѣхъ европейскихъ героевъ великаго трагика.

«Отелло-негръ и былъ рабомъ, но возвысился до степени вождя европейскаго войска, снискалъ любовь «бѣлой» патриціанки, къ тому же выросшей среди богатства и изящества, одаренной тонкой природой и чистотою, существа почти святого. Но какъ такое существо могло отдаться негру, какъ могъ допустить нѣчто подобное Шекспиръ въ Елизаветинское время въ Англіи, когда негровъ за связь съ бѣлыми женщинами закапывали живыми въ землю по грудь и умерщвляли голодомъ, причемъ за одну подачу жертвѣ пищи полагалась смертная казнь?

«Гивенъ доказываетъ невозможность такого пониманія, говоритъ что тогдашніе зрители были бы возмущены этими фактами и не позволили бы представлять такую пьесу. Если же они этого не сдѣлали, а наоборотъ, увлеклись ею, то это значило, что имъ было понятно одно такое намѣреніе Шекспира, которое осталось непонятымъ всѣми его толкователями. Намѣреніе это, по словамъ Гивена, заключалось въ томъ, чтобы представить Отелло не простымъ звѣрскимъ ревнивцемъ, но человѣкомъ нравственно-высшимъ, способнымъ на чисто-идеальную любовь. Онъ обожалъ въ Дездемонѣ совершенство физической и нравственной красоты, и ихъ любовь, ихъ бракъ—были платоническими. Вотъ, что, по увѣренію Гивена, примиряло современныхъ зрителей съ бракомъ, противъ котораго отецъ Дездемоны, Брабанціо, такъ возмущался, что умеръ съ горя по его заключеніи.

«И вотъ, новый комментаторъ положительно утверждаетъ (и этому посвящена вся его книга), что бракъ этотъ былъ заключенъ— только въ смыслѣ идеальной любви и въ глазахъ закона, но не въ смыслѣ супружескаго сожитія. Въ подтвержденіе своего взгляда Гивенъ приводитъ нѣсколько малодоказательныхъ словъ дѣйствующихъ лицъ, словъ, которымъ онъ даетъ произвольно расширенное значеніе. Но при этомъ онъ ссылается и на одинъ такой фактъ, въ которомъ позволительно видѣть, если и не доводъ, то слабое основаніе для довода. Этотъ фактъ состоитъ въ томъ, что, осыпанная тяжкими и грубыми оскорбленіями мужа, Дездемона велитъ прислуживающей ей Эмиліи постлать ей на слѣдующую ночь (въ которую совершилось убійство) «ея брачныя простыни». Припоминая значеніе, какое придавалось въ тѣ времена (какъ то было и въ московскомъ государствѣ) доказательствамъ непорочности невѣсты, Гивенъ утверждаетъ, что Дездемона рѣшилась опровергнуть обвиненіе, сдѣлавшись фактическою женою Отелло, а потому и хотѣла явиться вновь съ обстановкой невѣсты. Иначе, по мнѣнію Гивена, немыслимо, чтобы Дездемона велѣла постлать свадебное бѣлье именно послѣ того, какъ Отелло назвалъ ее падшею женщиной и еще хуже.

«Въ идеальности любви и самого брака критикъ видитъ черту деликатности Отелло, и ею-то Шекспиръ примирилъ свою публику съ бракомъ, который долженъ былъ казаться возмутительнымъ, и, такъ сказать, одухотворилъ этого негра, поставивъ его выше всѣхъ своихъ героевъ бѣлой расы. Въ увлеченіи своей догадкой, Гивенъ доходитъ до того, что предполагаетъ фактъ этотъ извѣстнымъ самому венеціанскому сенату, который въ противномъ случаѣ, вѣроятно, отрѣшилъ бы Отелло отъ командованія, но, зная о «фактѣ», признаетъ, что Отелло, способный къ такому воздержанію и нравственной дисциплинѣ, тѣмъ самымъ доказываетъ и свою способность повелѣвать другими» *).

Русскій изслѣдователь, познакомившій насъ съ критической экстравагантностью глубокомысленнаго американца, споритъ съ нимъ, разбиваетъ его въ подробностяхъ, ловитъ на противорѣчіяхъ, доказываетъ даже, что Отелло менѣе черенъ, чѣмъ абиссинецъ, и болѣе черенъ, чѣмъ арабъ . . . Но стоитъ ли? Не достаточно ли отвернуться отъ него и сказать читателю: прочитайте «Отелло», сосредоточьтесь, войдите въ міръ трагедіи. Едва ли остроумные доводы американскаго аболиціониста будутъ имѣть послѣ этого какой бы то ни было вѣсъ. Они,—какъ дьявольское навожденіе для вѣрующаго: приходятъ, смущаютъ, и исчезаютъ отъ одного вѣянія святого духа художественной цѣлокупности. И спорить съ такимъ критикомъ надлежитъ, не опровергая его частности, не подкапываясь подъ его постройку, но однимъ ударомъ опрокидывая ее. Такимъ ударомъ служитъ обыкновенно доводъ элементарнаго здраваго смысла, раскрывающій не то что невѣрность, а невѣроятность, и съ нею тщету и нищету хитроумнаго построенія. Оно невѣроятно, а стало быть, неинтересно: это—безпредметная игра ума, какъ всякая игра, ни въ чемъ не убѣждающая.

VII.

Каковы опасности этой игры, можно судить по тѣмъ случаямъ, когда толкованіе дѣйствительно создаетъ автора, котораго до тѣхъ поръ въ самомъ дѣлѣ не существовало. Сплошь и рядомъ благожелательнымъ толкованіемъ пытаются спасти безсмыслицу, и на время успѣваютъ и въ этомъ. Еще хуже, что эта благожелательность иногда подстрекаетъ къ безсмыслицѣ. Темныхъ изреченій оракула не было бы, если бы толпа вѣрующихъ не ломала бы себѣ голову надъ ними; и французскій сонетъ, состоящій изъ однихъ собственныхъ именъ, вѣрно, не былъ бы написанъ, если бы у поэта не было друзей, готовыхъ понять и истолковать безсмысленное. Захотѣвъ, не такъ ужъ трудно осмыслить, что угодно. Нагромоздите безъ всякаго порядка рядъ совершенно произвольныхъ

*) Л. А. Полонскій. предисл. къ „Отелло" въ „Библіотекѣ великихъ писателей" С. А. Венгерова: Шекспиръ, т. III.

знаковъ и назначьте высокую награду за разрѣшеніе этой яко бы загадки, и непремѣнно найдется хитроумная голова, которая внесетъ какую-нибудь—и вполнѣ защитимую—систему въ этотъ сумбуръ. Порядокъ буквъ во французской азбукѣ, какъ извѣстно, произволенъ: это—сохранившійся порядокъ финикійскаго алфавита; смыслъ этого порядка намъ неизвѣстенъ. А французскій острякъ внесъ въ него свой смыслъ, доказавъ, что это—драма; она извѣстна всѣмъ—Пушкинъ внесъ ее, какъ курьезъ, въ свою записную книжку: «Abbé, cédez.»—«J'ai hâche.»—«Ikaël aime Eno.»—«Pécu est resté» и т. д. Примѣровъ *такого* осмысленія безсмыслицы сколько угодно: вѣдь и оно коренится въ существѣ нашей мысли. И между людьми, которые въ разбросанныхъ по небу свѣтилахъ увидали медвѣдицу, центавра, лиру, близнецовъ, и читателями, которые съ простодушнымъ глубокомысліемъ принимаютъ въ серьезъ произведенія, пригодныя лишь въ пародіи, разница не велика. С. Т. Аксаковъ разсказываетъ, какъ въ юности, раздраженный самомнительными умствованіями стараго мартиниста Рубановскаго, онъ выдалъ ему свою пародію за подлинное масонское произведеніе нѣкоего Вольфа, и какъ удалась эта игра:

«Ломая голову, какъ бы мнѣ отбиться отъ докукъ старика, я напалъ на мысль сочинить какой-нибудь вздоръ, разумѣется, въ темныхъ, мистическихъ выраженіяхъ, и выдать этотъ вздоръ за сочиненіе Вольфа. Къ этому присоединилось желаніе испытать, какъ Рубановскій будетъ находить смыслъ и объяснять то, въ чемъ нѣтъ никакого смысла. Мнѣ захотѣлось самому вполнѣ, такъ сказать, наглядно убѣдиться въ совершенномъ произволѣ и ложности его толкованій, къ которымъ прибѣгалъ онъ во время нашихъ споровъ, при нашемъ общемъ чтеніи мистическихъ книгъ,—и я рѣшился на поступокъ, совершенно мнѣ несвойственный. Я написалъ девять отрывковъ. Всѣ они состояли изъ пустого набора словъ и великолѣпныхъ фразъ, безъ всякаго смысла; но въ то же время я постарался придать написанному мною нѣкоторую внѣшнюю связь и мистическое значеніе. Пріемы же я заимствовалъ изъ сочиненій Эккартсгаузена, Штиллинга и самого Лабзина. Сначала я сказалъ Рубановскому, что есть надежда списать кое-что, и, наконецъ, принесъ такъ давно желанные имъ отрывки изъ мнимыхъ сочиненій Вольфа. Я пріѣхалъ часа за два до обѣда; мы заперлись со старикомъ въ его комнатѣ, и я, не безъ внутренняго волненія и упрековъ совѣсти, прочелъ ему листовъ шесть написаннаго мною вздора. Во время чтенія я нѣсколько разъ останавливался, говоря: «Какая дичь, какая безсмыслица, какая галиматья!» Но старикъ съ сожалѣніемъ улыбался, повторяя свои выраженія, что «это не про васъ и не для васъ писано». Я попросилъ растолковать мнѣ—*и онъ толковалъ цѣлый часъ*».

И правда или неправда обѣжавшая въ прошломъ году парижскія газеты исторія о написанной ослинымъ хвостомъ и принятой за подлинное художественное произведеніе картинѣ,—она правдо-

подобна, и едва ли можно чѣмъ либо предотвратить эти неизбѣжные случаи пониманія сумбура, признанія безсмыслицы. Здѣсь неизбѣжная антиномія. Къ произведенію человѣческаго творчества надо подходить съ открытой душой, съ безконечнымъ довѣріемъ, съ рѣшимостью принять его. Зритель, читатель открываетъ неограниченный кредитъ художнику—и въ этомъ залогъ его пониманія. Но здѣсь же и опасность: легко довѣриться тому, что не имѣетъ права на это довѣріе. Рѣшившись понимать, слишкомъ легко понять то, что въ сущности не подлежитъ никакому пониманію. Здѣсь рискуетъ не только публика, здѣсь подвергается страшнѣйшему искушенію художественная честность творца. Бываютъ эпохи, когда затихаетъ спросъ на законченность, отчетливость, ясность, когда является жажда полутоновъ, и когда искусство слова объявляетъ себя поэзіей намековъ. Въ такія эпохи— и, кажется, мы только что разстались съ такою—мы чаще всего встрѣчаемся съ упадкомъ художественной добросовѣстности. Творчество замѣняется спекуляціей на догадливость, разсчетомъ на то, что повадливая мысль читателя, воспользовавшись недодуманными и безсодержательными намеками автора, сообщитъ имъ смыслъ и содержаніе, растолкуетъ по своему то, что безтолково по существу. Преднамѣренная неясность становится тягостнымъ соблазномъ даже тѣхъ, кто додумалъ до конца свою мысль; эта соблазнительная темнота прикрываетъ безпомощность тѣхъ, кому просто нечего сказать. Кончается подлинное творчество поэтовъ, начинается второсортное творчество воспринимающихъ, надъ которымъ такъ забавно издѣвался Гете:

Im Auslegen seid frisch und munter,
Legt ihr's nicht aus, so legt was unter.

Это такъ легко и просто: сочинить что нибудь свое по поводу поэта и приписать ему. Оно и заманчиво: оно поражаетъ неожиданностью и даетъ видимость глубокомыслія. Да оно и бываетъ и остроумно и глубокомысленно. Только разъясненный авторъ здѣсь не причемъ. Для толкователей этого рода—какъ правильно замѣтилъ недавно Лансонъ—«Монтень или Руссо—только гири, которыми они жонглируютъ: все дѣло въ томъ, чтобы публика удивлялась силѣ или ловкости критика». Да и въ этомъ, пожалуй, не было бы ничего страшнаго, если бы здѣсь Руссо, откровенно сочиненный, не выдавался за Руссо подлиннаго. Лансонъ упрекаетъ въ этомъ импрессіонистскую критику. «Вся бѣда въ томъ, что она никогда не остается въ границахъ. Пусть человѣкъ опишетъ, что происходитъ въ немъ, когда онъ читаетъ ту или другую книгу, и пусть онъ ограничится только изображеніемъ своей внутренней реакціи, не утверждая ничего другого—его свидѣтельство будетъ драгоцѣнно для исторіи литературы и никогда не будетъ лишнимъ. Но рѣдко критикъ можетъ устоять противъ искушенія примѣшать къ своимъ впечатлѣніямъ историческія сужденія или выдать свое

индивидуальное пониманіе за подлинную сущность предмета». Это слишкомъ естественно. Въ своей субъективности мы готовы сознаться, лишь пока мы въ области чистой теоріи. А, толкуя произведеніе искусства, мы непремѣнно приписываемъ наше толкованіе художнику. Мы считаемъ себя выразителями его намѣреній, а свое толкованіе единственно основательнымъ и правомочнымъ. Мы знаемъ только, что намъ говоритъ его произведеніе, а утверждаемъ: вотъ что онъ хотѣлъ этимъ сказать.

Въ свободѣ пониманія истины, воплощенной въ художествѣ, какъ въ религіозной свободѣ: какъ бы я ни былъ терпимъ, какъ бы я ни уважалъ религіозное разномысліе, разъ я религіозенъ, я не могу не думать, что истина воплощена наиболѣе полнымъ образомъ въ моей религіи. И какъ бы я ни понималъ, что возможны разныя точки зрѣнія на художественное произведеніе, я всегда буду считать, что моя точка зрѣнія единственно правильная. Если представленіе о томъ, что художественный образъ имѣетъ одинъ смыслъ, есть иллюзія, то это не всегда вредная иллюзія. Для творчества истолкованія она прямо необходима. Безъ извѣстнаго фанатизма невозможно найти, защищать, воплощать истину. Невозможно отстаивать истину въ убѣжденіи, что о томъ же предметѣ рядомъ съ нею могутъ существовать другія равноправныя истины. Отойдя на извѣстное разстояніе, мы можемъ чисто теоретически, я бы сказалъ: разсудочно, признавать, что нѣтъ Гамлета Шекспира, что есть Гамлетъ мой, твой, Гамлетъ Берне, Гервинуса, Барнная, Росси, Мунэ-Сюлли—и что всѣ они равноправны; одинъ намъ ближе, другой дальше, болѣе или менѣе они всѣ вѣрны. Но это точка зрѣнія чисто раціональная: въ подъемѣ творчества она губительна. Критикъ или артистъ, создающій своего Гамлета, долженъ быть его фанатикомъ. *Мой* Гамлетъ есть абсолютная истина—другого нѣтъ и не можетъ быть: только въ такомъ настроеніи можно создать что нибудь дѣйствительно свое.

И, конечно, мой Гамлетъ есть Гамлетъ Шекспира. Мое толкованіе наиболѣе близко къ замыслу творца. Теоретически, абстрактно, логически я могу утверждать: вотъ мой Гамлетъ, мнѣ нѣтъ дѣла до Гамлета Шекспира. Но практически, психологически, это вѣдь невозможно; мысль воспринимающаго всегда будетъ восходить къ автору; автентическое пониманіе всегда будетъ его идеаломъ, котораго нельзя воплотить, но къ которому нельзя не стремиться Какъ бы ни было свободно толкованіе, какъ бы ни разрывало оно. съ традиціей, съ эпохой созданія, съ индивидуальностью автора, въ основѣ его—безсознательная и необходимая тенденція приписать его автору. Мы можемъ связывать Гамлета съ философскими и моральными проблемами двадцатаго вѣка, но невозможно оторвать Гамлета отъ Шекспира. Совершенно вѣрно, что у каждаго изъ насъ есть свой Гамлетъ, но совершенно также вѣрно, что есть только одинъ Гамлетъ. Читатель вѣдь есть своего рода переводчикъ: онъ переводитъ произведеніе поэта на языкъ своей

страны, своей эпохи, свой личный языкъ: переводя, онъ видоизмѣняетъ и, только видоизмѣняя, онъ добивается пониманія; но всѣ разнообразные переводы восходятъ вѣдь неизмѣнно къ единому оригиналу. Есть у насъ Фаустъ Фета, Фаустъ Холодковскаго, Фаустъ Губера, но вѣдь всѣ они суть отображеніе Фауста Гете, и каждый изъ нихъ стремится быть наиболѣе близкимъ къ единому гетевскому Фаусту, и утверждаетъ, что въ немъ говорится тоже самое, что въ подлинномъ—«nur mit ein bischen andern Worten». Совершенно тоже въ критическомъ толкованіи: неизбѣжно, что расходящіеся въ пониманіи не успокоются въ этомъ расхожденіи, не признаютъ его, но будутъ отстаивать свою правду, будутъ спорить о подлинномъ гетевскомъ Фаустѣ, сливая своего Фауста съ гетевскимъ.

А вопроса о томъ, какое изъ двухъ толкованій *вѣрнѣе*, и ставить не стоитъ. Если оставить въ сторонѣ толкованія, явно извращающія произведеніе, то прочія равноправны и равно вѣрны Вопросъ только въ томъ, какое изъ нихъ цѣннѣе, то есть содержательнѣе, и глубже, и послѣдовательнѣе. Проведемъ аналогію съ художественными произведеніями. Что *вѣрнѣе* рисуетъ жизнь человѣческую—«Фаустъ» Гете или «Жили-были» Андреева? Вѣрнѣе?—объ этомъ нѣтъ возможности спорить; и то и другое одинаково вѣрно. Но что цѣннѣе, глубже, содержательнѣе—это ясно. Такъ и въ толкованіи художественнаго произведенія. Маленькій актеръ, маленькій критикъ толкуетъ его въ большинствѣ случаевъ не невѣрно, а ничтожно, бѣдно, скудно содержаніемъ. Надо оцѣнивать значительность этого содержанія, то есть продѣлывать новую критическую оцѣнку.

VIII.

Итакъ, теорія отказалась дать намъ догматы для сужденія о предѣлахъ толкованія художественнаго произведенія, но, полагаемъ, обогатила, усложнила наши мысли о свободѣ толкованія. Неизбѣжна эта свобода, неизбѣжны ея эксцессы. «Еще не обезпечитъ ли эта теорія права самой необузданной и нелогичной графоманіи»?—такъ возражаетъ А. А. Измайловъ Ѳедору Сологубу. Да, обезпечитъ—но что же изъ этого? И здѣсь вѣдь свобода носитъ самоисцѣляющую силу. И вездѣ спасти насъ можетъ не теорія, а тактъ, не непреклонность закона, а гибкость искусства. Какое же начало можетъ насъ охранить отъ ненужной игры, отъ разнузданности произвольнаго толкованія? Совершенно ясно: мысль объ авторѣ Мы и такъ неизбѣжно «выдаемъ свое индивидуальное пониманіе за подлинную сущность предмета». И надо сдѣлать все, что въ нашихъ силахъ, чтобы оно приблизилось къ этой «подлинной сущности». Единственный путь къ этому, это восхожденіе къ автору, къ его духовному міру, къ его замыслу, то есть не къ намѣреніямъ автора, не къ его публицистикѣ, не къ тен-

денціямъ, но къ содержанію, безсознательно вложенному имъ въ его образы. Какъ надо относиться къ этому первоначальному содержанію, лучше всего показываетъ судьба отдѣльнаго слова въ исторіи. Здѣсь даже не аналогія, ибо вѣдь слово, какъ показала теорія, тоже есть художественное произведеніе. Въ качествѣ такового оно также имѣетъ свою исторію, также мѣняетъ на протяженіи годовъ свой смыслъ, и цѣлая область знанія — семасіологія—изучаетъ переходы значеній слова. Мы не имѣемъ еще литературной семасіологіи, но она, конечно, должна быть и будетъ создана. И, разумѣется, ту же роль, какую играетъ «происхожденіе» слова въ опредѣленіи его нынѣшняго значенія, долженъ играть первоначальный смыслъ художественнаго произведенія при всякомъ истолкованіи. Всеопредѣляющимъ этотъ первичный смыслъ не можетъ быть: это очевидно. Юморъ первоначально значитъ жидкость; но это не мѣшаетъ намъ говорить даже о сухомъ юморѣ. Тотъ, кто впервые отъ слова «черный» произвелъ слово «чернила», не имѣлъ въ виду чернила красныя и синія, но теперь эти соединенія насъ не коробятъ и потому законны. Обозвавъ мѣщанина «подлымъ», мы не можемъ ссылаться на то, что первоначально это слово обозначало не безчестность, а принадлежность къ низшему сословію.

Между нами и первоначальнымъ значеніемъ слова стоитъ исторія; совершенно также стоитъ она и между нами и замысломъ автора. Но значитъ ли это, что намъ до этого первоначальнаго значенія, до этого замысла совершенно нѣтъ дѣла? Конечно, нѣтъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ знаніе этого первичнаго смысла обогащаетъ, углубляетъ наше толкованіе. Оттого такъ цѣнна біографія поэта, оттого такъ важны въ ней мелочи, подчасъ болѣе значительныя, чѣмъ большія событія. Мы можемъ наслаждаться стихотвореніемъ Пушкина, не зная, кто его написалъ и по какому поводу; но когда съ каждымъ стихотвореніемъ мы связываемъ живой обликъ поэта, когда мы знаемъ ближайшій поводъ, его вызвавшій, несомнѣнно, выигрываетъ наше пониманіе и наше наслажденіе. Одно дѣло «Дьяволъ» и «Крейцерова соната» внѣ времени и пространства, другое дѣло тѣ же произведенія, какъ странички изъ дневника борющагося съ собой Толстого. Вправѣ мы отвлечься отъ этой исторической обстановки? Да, конечно, вправѣ, но для поступательнаго хода человѣческой мысли полезнѣе идти инымъ путемъ: использовать до конца данное, творить въ сознательной связи съ традиціей. Намъ не дано возсоздать вполнѣ первичный замыселъ художника, и не къ этому мы стремимся; этотъ замыселъ—не наша цѣль, а регуляторъ нашего движенія къ нашей цѣли. Наше пониманіе Фауста не можетъ и не хочетъ быть гетевскимъ, но гетевскимъ пониманіемъ оно должно управляться. — «Гдѣ же, скажите предѣлъ читательскому произволу?—спросилъ критикъ Измайловъ въ разговорѣ, о которомъ мы

упомянули въ началѣ.—«Критерій для читателя—правильно отвѣтилъ Ѳедоръ Сологубъ—общій духовный обликъ поэта».

Намѣренія его не будутъ для насъ закономъ, его тенденціи не будутъ для насъ идеей, сосредоточившей въ себѣ весь смыслъ его произведенія. Не толкованіе его будетъ для насъ обязательно, но обязательно будетъ согласіе нашего толкованія съ его внутреннимъ міромъ, широко и исторически понятымъ. Вопросы объ этомъ внутреннемъ мірѣ, объ общемъ обликѣ поэта, о способахъ опредѣлить его, о затрудненіяхъ въ случаяхъ его внутреннихъ противорѣчій, о конкретныхъ его выраженіяхъ давно ждутъ научной постановки и изслѣдованія. Но и до этого изслѣдованія, полагаемъ, очевидна вся важность того изученія исторической обстановки, которое—вопреки довольно распространенному мнѣнію—не подавляетъ, а возвышаетъ всякое, самое индивидуальное толкованіе. Превосходно самъ Гете — каждое стихотвореніе котораго было, какъ извѣстно Gelegenheitsgedicht, то есть связано съ опредѣленнымъ событіемъ его жизни—указалъ въ этомъ смыслѣ истинные пути къ уразумѣнію и оцѣнкѣ Св. Писанія. «Я убѣжденъ—говоритъ онъ—что Библія становится все прекраснѣе по мѣрѣ того, какъ ее больше понимаютъ, то есть по мѣрѣ того, какъ становится все очевиднѣе и несомнѣннѣе, что каждое слово, которое мы принимаемъ въ общемъ смыслѣ и примѣняемъ къ своему частному случаю, на самомъ дѣлѣ имѣло свое особое, частное, непосредственно индивидуальное значеніе въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ извѣстной обстановкѣ времени и мѣста».

Примѣръ Библіи особенно хорошъ. Вѣроятно, ни одно созданіе человѣческаго духа не подвергалось такому количеству разнообразнѣйшихъ толкованій и примѣненій. Каждый эпизодъ Св. Писанія сталъ притчей, каждое слово поученіемъ; всякій примѣнялъ ее къ своей жизни, всякій приспособлялъ къ своему пониманію, діаметрально противоположныя толкованія Библіи покоились съ равнымъ правомъ на ея словѣ. Ибо надъ всѣмъ этимъ громаднымъ духовнымъ напряженіемъ не вѣялъ святой духъ исторіи, безпредѣльная субъективность воцарилась здѣсь столь властно, что не сомнѣвалась въ полнотѣ своихъ правъ. Умное слово Гете возвращаетъ насъ къ исторіи, къ творческому первоисточнику, къ реальному автору.

И когда мы научимся уважать автора, когда мы выше своихъ субъективныхъ настроеній поставимъ углубленіе въ его подлинный замыселъ, въ его личность, въ міръ, ему подсказавшій его твореніе, — тогда и для нашей законной субъективности откроются новыя перспективы, тогда каждое новое ея завоеваніе будетъ не только формально правомѣрно, но также исторически устойчиво и творчески драгоцѣнно.

А. Горнфельдъ.

Гибель „Анны Гольманъ“.

Романъ *Густава Френсена.*

Переводъ съ нѣмецкаго **А. С. Полоцкой.**

(Продолженіе).

VIII.

Жизнь проходила, какъ на тысячахъ другихъ судовъ. Только на „Аннѣ Гольманъ“ не было никакого мира, никакой радости и никакого здороваго веселья, какъ бываетъ на другихъ судахъ.

Капитанъ, высокій, мрачный человѣкъ, не произносилъ ни одного не только привѣтливаго, но просто лишняго слова; холоднымъ, отрывистымъ голосомъ отдавалъ онъ свои приказанія. Онъ жилъ одинъ въ своей маленькой каютѣ, которую содержалъ въ большой чистотѣ, ѣлъ хорошо и пилъ хорошо, и пилъ много. Его лобъ, съ теченіемъ времени, казалось, отступалъ все больше назадъ, толстые усы становились все гуще и торчали все больше. Некрасивые, немного выпуклые глаза плавали надъ ними, точно въ ворвани.

Долговязый, нескладный поваръ стоялъ въ своей грязной кухнѣ и варилъ для капитана самыя лучшія кушанья, которыя ѣлъ и самъ. Остальному экипажу онъ съ мертвымъ, ничего не говорящимъ лицомъ приносилъ какую-то клейкую похлебку, которую готовилъ спустя рукава.

Съ нимъ не разговаривала ни одна душа; онъ жилъ одинъ, скрываясь за своимъ мертвымъ лицомъ, точно за окопами. Втайнѣ онъ всегда мучился страхомъ, такъ какъ зналъ о состояніи судна, и часто, какъ будто безъ умысла, разспрашивалъ то о томъ, то о семъ: — объ обшивкѣ, о днищѣ, или о машинѣ.

При каждомъ облакѣ на горизонтѣ, при каждомъ туманѣ въ Ламаншѣ, при каждомъ новомъ случаѣ смерти отъ лихорадки въ Казамансѣ онъ рѣшалъ больше не ѣздить; но

жадность всегда одерживала верхъ и онъ отправлялся въ новое путешествіе.

Первый офицеръ, трусливый, слабый человѣкъ, въ которомъ владѣльцы судна уже нѣсколько лѣтъ поддерживали надежду, что скоро сдѣлають его капитаномъ, — они и не думали объ этомъ серьезно, — ходилъ за капитаномъ, какъ смиренная тѣнь.

Второй офицеръ, жившій въ одной каютѣ съ первымъ, былъ флегматичный, равнодушный ко всему человѣкъ, говорившій очень мало. Лишь иногда онъ заявлялъ, что его невѣста, портретъ которой онъ бралъ въ руки, какъ только входилъ въ свою каюту, прекраснѣйшее созданіе въ мірѣ.

Онъ держалъ фотографію въ своей широкой, честной рукѣ и то подносилъ ее близко къ глазамъ, то отставлялъ отъ себя, то опускалъ книзу, точно хотѣлъ разсмотрѣть свою милую со всѣхъ сторонъ; и проходившіе мимо могли слышать нѣжныя слова, которыя онъ бормоталъ про себя: „Моя дорогая дѣвочка! Моя милая куколка!“ и другія въ этомъ родѣ.

Первый машинистъ былъ пьяница, уже совершенно отупѣвшій отъ водки. Правда, онъ и въ состояніи опьяненія прекрасно разбирался своими полуслѣпыми глазами въ машинѣ, которою завѣдывалъ уже двадцать лѣтъ, и съ поразительной ловкостью цѣплялся своими трясущимися руками за клапаны, краны и масленки, но машина за эти двадцать лѣтъ пришла въ полный упадокъ. Онъ всѣми силами старался скрыть ея плохое состояніе, пуская для этого въ ходъ всю хитрость, на которую еще была способна его отупѣвшая голова, а владѣльцы судна въ своей скупости охотно смотрѣли на это сквозь пальцы. По воскресеньямъ онъ мѣнялъ свой грязный, залитый масломъ костюмъ на чистый и подолгу, еще трезвый, въ свѣжей сѣрой рубахѣ стоялъ у борта, вступая въ бесѣду со всѣми проходившими, хотя бы это былъ только юнга. Пытаясь твердо смотрѣть на собесѣдника своими бѣгающими глазами, онъ говорилъ о томъ, что началъ пить только съ тѣхъ поръ, какъ ѣздитъ на этомъ суднѣ; по его мнѣнію, оно заколдовано и проклято; одна только машина находится въ порядкѣ; онъ все-таки совѣтуетъ всѣмъ уйти съ парохода и никогда больше не ступать на него ногой. Все это онъ произносилъ съ важностью и развивалъ эти мысли очень подробно; затѣмъ онъ опять спускался въ машинное отдѣленіе и основательно прикладывался къ бутылкѣ, которая всегда стояла у него подъ рукой, подъ стойкомъ.

Второй машинистъ все свободное время стоялъ у борта съ красными щеками и горящими глазами и жадно

дышалъ, стараясь вобрать въ себя столько воздуха, сколько только могла вмѣстить его узкая грудь. Между вдыханіями онъ разсказывалъ Яну Гульдту, что все въ машинѣ испорчено, и вся она пришла въ упадокъ: достаточно одной хорошей бури, чтобы она стала, или котелъ лопнулъ. Но если этого даже не случится, могъ ли бы Янъ Гульдтъ выдержать работу при такой машинѣ?

И онъ смотрѣлъ на Яна Гульдта своими лихорадочными, воспаленными глазами. Онъ съ каждымъ днемъ становился печальнѣе и худѣе и ѣлъ все меньше, потому что ѣда внушала ему отвращеніе. Его жалкій видъ и вѣчныя сѣтованія были противны Яну Гульдту, но въ то же время вызывали въ немъ состраданіе.

Боцманъ былъ почти всегда занятъ какой-нибудь работой. Въ рукахъ у него вѣчно былъ тотъ или иной инструментъ, старый, заржавѣвшій хламъ—клещи или напилокъ, и за работой онъ, ворча и бормоча, бесѣдовалъ съ этимъ инструментомъ: то набрасывался на него, то хвалилъ его, то бранилъ. Если ему случалось проходить вдоль борта, онъ останавливался и смотрѣлъ широко раскрытыми глазами въ воду. Матросы говорили о немъ, чте онъ смотритъ такъ, какъ будто видитъ въ водѣ трупы. Точно также останавливался онъ иногда передъ люками, какъ будто они были открыты, и тоже стоялъ такъ, какъ будто заглядывалъ въ нихъ. Матросы, замѣчавшіе все это, считали его не совсѣмъ нормальнымъ; но его тихій характеръ и сѣдые волосы заставляли ихъ воздерживаться отъ насмѣшекъ. Съ Яномъ Гульдтомъ, своимъ товарищемъ по каютѣ, онъ послѣ того, перваго разговора не обмѣнялся ни словомъ. Только иногда, когда Янъ Гульдтъ находился по близости, онъ бормоталъ слова, которыя произнесъ тогда, и которыя, повидимому, занимали его всегда:

— Гансъ Гольманъ! И я! И старый капитанъ Гульдтъ! Почтенная компанія!

И онъ дико, злобно смѣялся.

Такъ жили они, всѣ чуждые и враждебные другъ другу. Только впереди, на бакѣ, раздавался иногда смѣхъ. Матросы смѣялись надъ капитаномъ, которому давали самыя безобразныя прозвища, и устраивали повару пакости, какія только могли. Они худѣли, и сквозь загаръ на ихъ лицахъ пробивалась сѣрая блѣдность, говорившая о малокровіи: ихъ глаза утратили блескъ, а движенія стали вялыми и безвольными. Но они не замѣчали этого и утѣшали себя разсказами о судахъ, на которыхъ ходили раньше, и на которыхъ имъ жилось хорошо, да мечтами о возвращеніи на родину.

Наконецъ, послѣ долгаго, убійственно медленнаго плаванія они вошли подъ жаркимъ, безоблачнымъ небомъ въ пылающую дельту Казаманса. И началась напряженная, непрерывная работа.

Янъ Гульдтъ стоялъ безъ куртки, въ старомъ пробковомъ шлемѣ, и командовалъ неграми, которые возились внизу на баржахъ, среди мѣшковъ съ земляными орѣхами, и кричали и взывали въ трюмѣ. Часъ за часомъ стоялъ онъ, не сходя съ мѣста, въ удушливомъ зноѣ, у визжащей лебедки. Когда въ одномъ мѣстѣ работа кончалась, переходили къ другой факторіи. Солнце палило немилосердно, по вечерамъ поднимались гибельныя влажныя испаренія, подползали къ пароходу и садились на палубу бѣловатымъ туманомъ. Пароходъ вяло тащился по рѣчной тинѣ. Затѣмъ опять подходили къ факторіи; лебедка опять визжала, и негры кричали. И старая, грѣшная „Анна Гольманъ“ сидѣла глубоко и бокомъ, какъ будто хотѣла остаться здѣсь на мѣстѣ и, покрывшись плѣсенью и ржавчиной, мало-по-малу погрузиться въ тинистую воду.

На двѣнадцатый день утромъ, когда надъ водой стоялъ особенно удушливый зной, капитанъ грубо набросился на одного изъ матросовъ, тихаго, блѣднаго, обезсиленнаго плохимъ питаніемъ человѣка. Матросъ ничего не отвѣтилъ; тогда капитанъ подъ какимъ-то предлогомъ позвалъ его въ рубку и тамъ ударилъ. Послѣ этого матросъ долго молча стоялъ у борта, точно пригвожденный къ нему, затѣмъ съ дикимъ крикомъ бросился въ рѣку и сейчасъ же исчезъ подъ водой. Второй машинистъ вскорѣ послѣ того, какъ они въѣхали въ дельту, слегъ и, лежа на своей койкѣ, водилъ вокругъ большими, лихорадочно блестящими глазами и тяжело дышалъ. Онъ не могъ больше ни говорить, ни думать. Изъ остальныхъ двое едва держались на ногахъ. Въ такомъ состояніи подплыли они къ послѣдней факторіи.

Въ этотъ вечеръ Янъ Гульдтъ, проходя мимо каютъ-компаніи, остановился и противъ воли прислушался къ затрудненному дыханію машиниста. Возлѣ него боцманъ со своимъ тихимъ лицомъ работалъ надъ перилами лѣстницы, которыя при спускѣ шлюпки погнулись. Янъ Гульдтъ сказалъ:

— Ты могъ бы перестать стучать, боцманъ. Стукъ безпокоитъ машиниста.

Боцманъ пересталъ работать и насмѣшливо сказалъ:

— Какое значеніе имѣетъ такой пустякъ на „Аннѣ Гольманъ“?

— Неужели ты пережилъ на ней что-нибудь еще худшее, чѣмъ это?—спросилъ Янъ Гульдтъ.—Двухъ мы уже можно считать, что потеряли, двое больны.

— О!—сказалъ боцманъ: онъ, повидимому, былъ чѣмъ-то возбужденъ, и ему хотѣлось говорить:—что все это значитъ? Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда мы перевозили въ Америку мекленбуржцевъ и цѣлыхъ три недѣли кормили ихъ свинымъ кормомъ изъ нашихъ большихъ чановъ...

— Что же за звѣрь капитанъ былъ у васъ тогда?

— О, дѣльный человѣкъ!—сказалъ боцманъ, насмѣшливо глядя на Яна Гульдта.—Онъ морилъ ихъ голодомъ и жаждой и при этомъ еще ухитрялся заработать на нихъ лишній талеръ. Я помню такой случай: разъ умерло четверо дѣтей, въ двухъ или трехъ семействахъ, маленькіе такіе, бѣлобрысые ребята. Ихъ завернули въ старые мѣшки и положили каждаго на отдѣльную доску на бортъ, вотъ въ этомъ мѣстѣ, на этомъ самомъ желѣзѣ. Сверху изъ мѣшка выглядывала маленькая прядь свѣтлыхъ волосъ, совсѣмъ маленькая, а внизу тамъ и сямъ высовывался бѣлый пальчикъ. Отцы стояли въ сторонѣ, матери лежали на палубѣ и плакали. Между ними передъ досками стоялъ ученый, бѣжавшій изъ Берлина, держалъ надгробную рѣчь и говорилъ разныя вещи, тѣ самыя, изъ-за которыхъ его въ Берлинѣ посадили въ тюрьму. Нашъ капитанъ стоялъ со своимъ крючковатымъ носомъ—такимъ самымъ, какъ у тебя—и холодными глазами неподалеку и слушалъ очень внимательно и съ удовольствіемъ: онъ былъ умный человѣкъ и много читалъ. Онъ любилъ слушать умныя рѣчи, но онѣ не трогали его сердца.

— Какъ звали этого звѣря?!—спросилъ Янъ Гульдтъ.—Ты говоришь, что онъ ухитрялся заработать на этихъ людяхъ еще лишній талеръ?

— Да,—сказалъ боцманъ и коротко и дико засмѣялся, но этотъ смѣхъ звучалъ, какъ рыданіе.—Когда четверо дѣтей скатились за бортъ, онъ потребовалъ еще отъ каждаго отца по талеру за доску и мѣшокъ.

— Какъ звали этого звѣря?—съ пылающими глазами спросилъ Янъ Гульдтъ.—Какъ звали его? Надѣюсь, онъ не былъ нѣмцемъ?

— Объ имени рѣчь впереди,—сказалъ боцманъ,—сначала слушай дальше. Когда дѣло съ мекленбуржцами и пруссаками перестало давать доходъ, Гольманы стали искать по свѣту какого-нибудь другого груза, похожаго на это. Они никогда не занимались честными дѣлами, какъ другіе судовладѣльцы, а вѣчно, точно коршунъ за падалью, рыскали по всему земному шару въ поискахъ за какимъ-нибудь дурнымъ дѣломъ. И вотъ въ семидесятыхъ годахъ „Анна Гольманъ“ стала заниматься торговлей неграми. Это было время, когда на сѣверѣ она была уже запрещена, и ею никто не

занимался; была она запрещена и въ Бразиліи. Но тамъ она еще процвѣтала втайнѣ. Ну... мы укладывали чернокожихъ почти другъ на друга, а когда они заболѣвали, мы не церемонились долго и бросали ихъ въ море. Мы зарабатывали на нихъ огромныя деньги. Но съ каждымъ годомъ это становилось опаснѣе... У старика Гольмана, того, съ которымъ моя мать еще иногда разговариваетъ передъ своимъ домомъ, было два сына. Младшій,—Гансъ, теперешній глава фирмы, тотъ, который въ Мадейрѣ сядетъ на пароходъ, мой ровесникъ.

— Я знаю его,—коротко сказалъ Янъ Гульдтъ.—У меня было съ нимъ въ Бланкенезе столкновеніе.

— И еще другой. Этотъ другой, Генрихъ Гольманъ, былъ ласковый и добрый человѣкъ. Поэтому-то старикъ и задумалъ избавиться отъ него. Онъ послалъ его въ Бразилію съ порученіемъ завязать тамъ тайныя сношенія съ нѣкоторыми членами правительства; вернется ли онъ живымъ или нѣтъ, это онъ предоставилъ на волю судьбы. Ну, мы прибыли на „Аннѣ Гольманъ" изъ Африки съ полнымъ трюмомъ негровъ и остановились у береговъ Бразиліи. Нашъ капитанъ поѣхалъ на берегъ, встрѣтился тамъ съ Генрихомъ Гольманомъ и сталъ совѣщаться съ нимъ. На столѣ между ними было, надо полагать, достаточно всякихъ скверныхъ бумагъ. Словомъ, нагрянула полиція и арестовала ихъ обоихъ. Когда стемнѣло, выслали катера съ пушками, чтобы схватить и насъ; но первый штурманъ понялъ, въ чемъ дѣло, ушелъ въ море, высадилъ негровъ на первомъ попавшемся островѣ и взялъ курсъ на Гамбургъ. Обоихъ же арестованныхъ, нашего капитана и Генриха Гольмана, приговорили къ вѣчной каторгѣ и отправили на островъ Фернандо-Норонья. Имъ было, когда ихъ схватили, лѣтъ по сорока; значитъ, теперь имъ должно было бы быть лѣтъ по семидесяти; возможно, что они еще живы.

Глаза Яна Гульдта просіяли, и онъ сказалъ, скрежеща зубами:

— Это хорошо, что они сидятъ тамъ! Главное, что этотъ капитанъ сидитъ тамъ. Какъ звали этого звѣря?

— Его звали точь-въ-точь, какъ тебя,—сказалъ боцманъ, точно ударивъ своимъ старымъ, ржавымъ молотомъ въ грудь Яна Гульдта.

Янъ Гульдтъ громко вскрикнулъ.

— Послушай!—задыхаясь, сказалъ онъ.

Боцманъ посмотрѣлъ на него своими сверкающими глазами и ничего не сказалъ.

Янъ Гульдтъ схватился обѣими руками за перила, съ которыхъ сорокъ лѣтъ тому назадъ скатились доски съ

мертвыми дѣтьми. Грудь у него такъ сдавило, что онъ не могъ произнести ни слова.

— Если Гансъ Гольманъ въ Мадейрѣ сядетъ на пароходъ,—глухо и тупо сказалъ боцманъ,—тогда на „Аннѣ Гольманъ" будемъ опять мы всѣ трое: Гансъ Гольманъ, я и Янъ Гульдтъ. Этого я ждалъ тридцать лѣтъ.

Янъ Гульдтъ овладѣлъ собой настолько, что могъ говорить; онъ со стономъ сказалъ:

— Какое отношеніе имѣютъ ваши подлости ко мнѣ?

— О,—сказалъ боцманъ,—Генрихъ Гольманъ, который сидитъ теперь на Фернандо-Норонья, тоже не сдѣлалъ ничего дурного; но онъ былъ Гольманъ. Ты внукъ Яна Гульдта! А Янъ Гульдтъ былъ самый худшій изъ всѣхъ, кого я видѣлъ: онъ былъ дурной человѣкъ, хотя любилъ и понималъ хорошее.

Янъ Гульдтъ ударилъ себя въ грудь и дико крикнулъ:

— Если онъ былъ дуренъ, то я чистъ отъ пятъ до головы.

Боцманъ мгновеніе почти боязливо смотрѣлъ на его гордое, сіяющее лицо, и въ его глазахъ промелькнуло выраженіе отчаянія. Но сейчасъ же къ нему вернулась его тупая, упрямая вѣра, и онъ спокойно и твердо сказалъ:

— Тебя зовутъ Янъ Гульдтъ; а въ Мадейрѣ къ намъ сядетъ Гансъ Гольманъ.

Тогда Янъ Гульдтъ весело и звонко засмѣялся. Къ нему опять вернулась его прекрасная, непоколебимая самоувѣренность.

— Что же тогда произойдетъ?—сказалъ онъ.—Ужъ не думаешь ли ты, что тогда „Анна Гольманъ" погибнетъ съ нами тремя? Изъ-за вашихъ грѣховъ?

Боцманъ не понялъ его. Онъ испуганно посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Ужъ не думаешь ли ты бросить въ Мадейрѣ пароходъ? Этого ты не сдѣлаешь! Нѣтъ! Ты храбръ, какъ старый Янъ Гульдтъ, и не сдѣлаешь этого!

— Ахъ!—сказалъ Янъ Гульдтъ, опять звонко и насмѣшливо засмѣявшись.—Я... изъ страха бросить пароходъ? Я? Я?.. Я хочу увидѣть васъ обоихъ вмѣстѣ! Я хочу на васъ обоихъ увидѣть и испытать, справедливъ ли Богъ? *Вотъ, чего я хочу.*

IX.

„Анна Гольманъ“ послѣ смерти второго машиниста оставалась на рѣкѣ, у берега, еще недѣлю; затѣмъ она, дѣлая едва по пяти узловъ въ часъ, поползла къ Мадейрѣ.

Капитанъ велъ домой тяжело нагруженное судно; свои собственныя дѣлишки онъ тоже обдѣлалъ удачно. Онъ поглаживалъ свои усы, торчавшіе, какъ вѣники, и держалъ свою деревянную голову еще выше. Поваръ неустанно пересчитывалъ деньги, которыя заработалъ на табакѣ и рисѣ для негровъ, и, какъ всегда на обратномъ пути, находилъ, что ихъ далеко недостаточно; поэтому онъ началъ еще больше экономить на провизіи. Машинистъ по воскресеньямъ утромъ стоялъ въ свѣжей рубахѣ у борта, держалъ каждому проходившему настойчивѣе свою увѣщательную рѣчь и поспѣшнѣе спускался въ свою грязную машину, точно погружаясь въ свою собственную мрачную душу. У перваго офицера, какъ всегда, къ концу плаванія исчезла его вѣчная надежда стать капитаномъ; чѣмъ ближе они были къ цѣли, тѣмъ больше терялъ онъ мужество и вѣру и тѣмъ смиреннѣе и тише ходилъ за капитаномъ. Второй офицеръ держалъ свою вахту и разговаривалъ въ своей каютѣ съ портретомъ своей милой громче и нѣжнѣе, такъ какъ приближался часъ свиданія. Матросы бранились и заявляли, что никогда въ жизни больше не ступятъ ногой на гольмановское судно; и утѣшали себя тѣмъ, что черезъ три недѣли будутъ въ Гамбургѣ.

А Янъ Гульдтъ и боцманъ не слышали и не видѣли ничего, что дѣлалось вокругъ. Сталкиваясь гдѣ-нибудь въ проходѣ, они бросали другъ на друга быстрый испытующій взглядъ, и каждый ждалъ, не заговоритъ ли другой опять о томъ, что потрясало ихъ души. И оба они ждали Мадейры.

Наконецъ, однажды утромъ, подъ голубымъ небомъ и мягкимъ вѣтромъ, на синемъ морѣ точно выросъ цвѣтущій садъ. Въ десять часовъ они, окруженные шлюпками, были на рейдѣ; вечеромъ, къ восьми часамъ, пароходъ былъ уже разгруженъ. Тогда первый офицеръ поѣхалъ на берегъ за Гансомъ Гольманомъ.

Яну Гульдту пришлось принимать фрукты и вообще много хлопотать, и у него не было времени посмотрѣть, что дѣлается вокругъ. Машина опять тяжело, неровно заработала, и „Анна Гольманъ“ опять вышла въ море, а у него все еще было работы по горло. Было десять часовъ, когда онъ, наконецъ, освободился и пошелъ къ себѣ, чтобы не-

много отдохнуть передъ своей вахтой, которая должна была начаться въ двѣнадцать часовъ.

Подойдя къ двери своей каюты, онъ услышалъ стоны и какое-то хрипѣнье. Онъ рванулъ дверь; въ каютѣ было темно. Онъ крикнулъ, спрашивая, въ чемъ дѣло. Отвѣта не было. Тогда онъ зажегъ огонь и увидѣлъ, что боцманъ сидитъ на полу со стеклянными глазами, какъ тяжело больной, почти какъ умирающій; дыханіе со скрипомъ вырывалось изъ его груди, точно въ горлѣ у него закрылся клапанъ, а лицо было искажено безумнымъ страданіемъ. Янъ Гульдтъ поднялъ его и, ласково уговаривая, посадилъ на край койки. Затѣмъ онъ спросилъ его, что случилось. Къ больному мало-по-малу вернулась способность говорить, и Янъ Гульдтъ разобралъ: пассажиръ, оказывается, былъ не глава фирмы, а мальчикъ съ такимъ же именемъ, „славный мальчикъ“, какъ выразился боцманъ, очевидно, племянникъ или дальній родственникъ Гольмановъ.

Яну Гульдту вся кровь бросилась въ голову. Къ чему же вся эта грязь и лишенія, опасность лихорадки и гибели, къ чему это плаваніе на негодномъ старомъ ящикѣ! Онъ былъ такъ твердо увѣренъ, что встрѣтится съ Гансомъ Гольманомъ, какъ будто самъ Богъ призвалъ его на „Анну Гольманъ“. Онъ встряхнулъ боцмана, этого ложнаго божьяго посланца, и, дико глядя на него, сказалъ:

— Скажи мнѣ теперь, почему ты хотѣлъ, чтобы я поступилъ на „Анну Гольманъ“? Или тебя мучатъ воспоминанія о тѣхъ гнусныхъ поѣздкахъ со старымъ Яномъ Гульдтомъ, и молодой Янъ Гульдтъ долженъ былъ навести тебя на добрыя мысли? И какое преступленіе ты совершилъ вмѣстѣ съ Гансомъ Гольманомъ? Ты долженъ теперь сказать мнѣ это! Говори!

И онъ встряхнулъ его такъ, какъ будто хотѣлъ вытрясти изъ него признаніе, и, тряся его, кричалъ:

— Говори!

Боцманъ тупо сидѣлъ передъ нимъ, весь съежившись, уткнувъ подбородокъ въ грудь, опустивъ глаза, и не мѣшая Яну Гульдту бѣсноваться. Но такъ какъ Янъ Гульдтъ не выпускалъ его, онъ, тяжело дыша, съ трудомъ заговорилъ:

— Дѣло не только въ этихъ скверныхъ рейсахъ... съ Яномъ Гульдтомъ... Когда Яна Гульдта и Генриха Гольмана арестовали въ Бразиліи, и мы возвращались домой, здѣсь, въ Мадейрѣ, на пароходъ сѣлъ Гансъ Гольманъ и поѣхалъ съ нами въ Гамбургъ. Съ нимъ была пожилая родственница, при которой находилась компаньонка, молодая дѣвушка, совсѣмъ молоденькая. Ему она приглянулась. Но

она не хотѣла его. Она кричала при видѣ его. Въ одинъ вѣтреный и дождливый день... въ Бискайскомъ заливѣ... онъ сказалъ мнѣ... чтобы я заманилъ ее въ уголъ у прохода, туда, гдѣ мы недавно починяли бортъ...

Онъ громко вскрикнулъ и закорчился въ ужасныхъ мученіяхъ.

— Дальше!—сказалъ Янъ Гульдтъ, толкая его такъ изъ стороны въ сторону, какъ будто хотѣлъ сломать его и изъ обломковъ вытащить всю правду.

— Тамъ она была бы въ нашихъ рукахъ,—со стономъ продолжалъ боцманъ.—Я долженъ былъ получить деньги, а потомъ и дѣвушку. Но когда она вдругъ сообразила, что мы хотимъ сдѣлать съ ней, и увидѣла наши лица и поняла, что не можетъ спастись, она потеряла разсудокъ... и бросилась въ море... Они сказали потомъ, что это было самоубійство, и Гансъ Гольманъ остался на свободѣ. Но я послѣ всѣхъ тѣхъ ужасовъ, которые я пережилъ на „Аннѣ Гольманъ", не могъ уже уйти съ нея. Я долженъ былъ остаться здѣсь и въ умѣ все снова видѣть и дѣлать то, что я видѣлъ и дѣлалъ. И вотъ уже сорокъ лѣтъ я ѣзжу со всѣми этими криками и стонами и со всѣми мертвецами, которые плаваютъ кругомъ въ водѣ.

— А теперь?—сказалъ Янъ Гульдтъ.—Чего ты ждалъ теперь?

И онъ грубо встряхнулъ его.

— Я все думалъ...—сказалъ боцманъ, стискивая свои костлявыя руки.—Я все думалъ, что Гансъ Гольманъ попадетъ еще когда-нибудь къ намъ на судно и поѣдетъ со мной, и тогда Богъ сжалится, и потопитъ насъ вмѣстѣ съ проклятой старой „Анной Гольманъ", и положитъ конецъ моимъ мученіямъ. И вотъ вдругъ слышу: въ слѣдующій разъ онъ сядетъ на пароходъ. Въ Мадейрѣ, гдѣ онъ сѣлъ и тогда! И въ тотъ же вечеръ, когда я получилъ это извѣстіе, я встрѣтилъ тебя! И ты пошелъ со мной! Внукъ злого Яна Гульдта, который окружилъ меня всѣми этими стонами и мертвецами и училъ меня равнодушно смотрѣть на все это! Тогда я подумалъ: теперь мы всѣ трое будемъ на „Аннѣ Гольманъ"! Теперь мы, грязные, утонемъ вмѣстѣ съ грязной „Анной Гольманъ" и провалимся въ самую преисподнюю!

И онъ дико, отчаянно засмѣялся и ударилъ себя куламъ по сѣдой головѣ.

— Дальше!—сказалъ Янъ Гульдтъ.—Дальше!

И онъ схватилъ боцмана за горло.

Боцманъ высвободился и, когда къ нему вернулось дыханіе, сказалъ:

— „Аннѣ Гольманъ“ въ послѣдніе три года не пришлось побывать подъ штормомъ. А теперь будетъ штормъ! Я знаю! Будетъ штормъ! Въ Бискайскомъ заливѣ... И тамъ она погибнетъ. Потому что она вся, вся насквозь гнилая. А Ганса Гольмана на ней нѣтъ!

И вдругъ онъ поднялъ къ Яну Гульдту обѣ руки и умоляюще и жалобно сказалъ:

— Скажи мнѣ, что же это такое? Что же это за міръ? Онъ долженъ погибнуть съ нами! Янъ Гульдтъ и Гансъ Гольманъ погубили меня, изъ-за нихъ на мнѣ тотъ грѣхъ! изъ-за нихъ я проклятъ... Изъ-за нихъ вся моя жизнь въ грязи и крови... Эти призраки!.. Всѣ эти годы! И крики дѣвушки, тогда, у борта! Ты здѣсь... Гансъ Гольманъ долженъ тоже быть здѣсь! Онъ долженъ быть здѣсь! Долженъ погибнуть съ нами!

Онъ впалъ въ бѣшенство, скрежеталъ зубами и извивался на полу.

Янъ Гульдтъ мрачно стоялъ и растерянно и безпомощно смотрѣлъ на него. Затѣмъ онъ взялъ себя въ руки и вышелъ.

Онъ сталъ у лѣстницы въ концѣ прохода и старался придти въ себя.

— Что сказалъ старый грѣшникъ? „Анна Гольманъ“ вся сгнила и должна погибнуть? И я съ ней? Я, справедливый, невинный, красивый Янъ Гульдтъ? При первой же бурѣ намъ конецъ? Кажется, на западѣ уже виднѣются маленькія, сѣрыя тучки? Глупости! Безуміе! Если дѣло дойдетъ до этого... ну, тогда мы еще поговоримъ! Этого я не допущу! О, нѣтъ! Съ этимъ я буду бороться... если дѣло дойдетъ до этого... до самой смерти! И даже... послѣ смерти! Я буду спокойно смотрѣть на это? О, нѣтъ! Нѣтъ! Если я хотѣлъ сказать Гансу Гольману правду въ глаза, то съ Богомъ я поговорю еще не такъ... если дѣло приметъ *такой* оборотъ,

Отъ высокомѣрнаго гнѣва и злобы на Бога онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Вдругъ онъ услышалъ за собой ласковый дѣтскій голосъ, въ изумленіи обернулся и увидѣлъ худенькаго мальчика, лѣтъ тринадцати, съ узкимъ лицомъ, голубыми, необыкновенно ясными глазами и темнорусыми, мягкими, вьющимися волосами. По всему его виду было замѣтно, что это одно изъ тѣхъ существъ, которыя любятъ все прекрасное. Онъ вѣжливо спросилъ, не знаетъ ли Янъ Гульдтъ, гдѣ боцманъ; онъ не можетъ открыть одного изъ своихъ чемодановъ.

Янъ Гульдтъ по своему обыкновенію сейчасъ же предложилъ свои услуги.

— Я попробую его открыть,—сказалъ онъ.

Онъ принесъ инструменты, сталъ въ маленькой, уютной каютѣ на колѣни передъ чемоданомъ и, несмотря на свое возбужденіе, весело заговорилъ съ мальчикомъ. Въ сосѣдней каютѣ возилась съ сундуками и бѣльемъ пожилая женщина, сопровождавшая мальчика.

Веселость и непринужденность молодого моряка расположили мальчика въ его пользу. Онъ охотно отвѣчалъ Яну. Потомъ собрался съ духомъ и медленно, стараясь сохранить спокойный видъ, сказалъ:

— Я уже четыре раза былъ въ Мадейрѣ: у меня легкія немножко не въ порядкѣ... Но теперь мнѣ лучше. Два раза я ѣздилъ на Вермановскомъ суднѣ, и два раза на пароходѣ Гамбургъ-Африканской линіи. На нашемъ пароходѣ я ѣду въ первый разъ. Но мнѣ кажется, что матросы на „Аннѣ Гольманъ“ не менѣе веселы и привѣтливы, чѣмъ на другихъ судахъ.

Янъ Гульдтъ понялъ, къ чему клонитъ мальчикъ, сейчасъ-же насторожился и сказалъ, также нащупывая почву, какъ и тотъ.

— Почему бы имъ не быть такими же веселыми и привѣтливыми?

И онъ посмотрѣлъ на мальчика съ холоднымъ ожиданіемъ.

Мальчикъ почувствовалъ, что его затаенныя мысли разгаданы; онъ понялъ также, что наткнулся на неумолимое сопротивленіе и суровую правдивость, и лицо его покрылось яркимъ румянцемъ.

Тогда душу Яна Гульдта вдругъ озарилъ яркій свѣтъ.

— Вотъ! Вотъ оно! Вотъ для чего я пришелъ на „Анну Гольманъ“! Я долженъ сказать, и показать этому мальчику, какъ обстоитъ дѣло съ гольмановскими судами, чтобы когда-нибудь, когда онъ выраститъ и станетъ во главѣ фирмы, онъ положилъ конецъ этому позору и построилъ новыя, крѣпкія суда.

И онъ коротко, точно Іона передъ Ниневіей, сказалъ:

— Суда, на которыхъ ты ѣздилъ, хороши и хорошо содержатся, и людямъ на этихъ судахъ живется хорошо; гольмановскіе-же суда плохи и плохо содержатся, и людямъ на нихъ живется плохо.

Губы мальчика задрожали, и къ горлу у него подступило рыданіе. Онъ подавилъ его, и съ трудомъ проговорилъ:

— Въ гимназіи... на перемѣнахъ... они говорили мнѣ это уже три раза.

Нѣсколько мгновеній они молчали. Янъ Гульдтъ возился надъ замкомъ съ мрачнымъ и безстрастнымъ видомъ; мальчикъ тихо плакалъ.

— Когда ты выростешь, — увѣренно и побѣдоносно сказалъ Янъ Гульдтъ,—и начнешь принимать участіе въ дѣлѣ, такъ, лѣтъ черезъ десять, ты долженъ будешь позаботиться о томъ, чтобы все это исправить. Ты не долженъ терпѣть, чтобы фирма, какъ теперь, наживалась на голодѣ, горѣ и смерти другихъ людей; она должна жить честнымъ заработкомъ. Рабочіе должны получать свою долю, должны жить, какъ люди. Такъ поступаютъ другія пароходныя компаніи.

Мальчикъ поднялъ голову, которую держалъ опущенной чуть-ли не до земли, и недѣтскимъ, короткимъ движеніемъ обѣихъ рукъ, которое подходило бы взрослому мужчинѣ, далъ понять, что объ этомъ говорить излишне. Затѣмъ онъ сказалъ:

— Я не успокоюсь прежде, чѣмъ наша фирма не станетъ работать такъ же честно, какъ другія.

Янъ Гульдтъ внутренно заликовалъ, и вся душа его переполнилась радостью:

„Богъ великъ; а Янъ Гульдтъ его мужественный поборникъ".

— Если хочешь,—сказалъ онъ,—зайди ко мнѣ завтра въ мою каюту, тогда я разскажу тебѣ все, что знаю объ „Аннѣ Гольманъ". Я покажу тебѣ, въ какомъ состояніи находится все здѣсь, и разскажу, какъ это дѣлается на судахъ другихъ владѣльцевъ.

— Я приду,—сказалъ мальчикъ,—я хочу знать все точно, чтобы потомъ меня никто не могъ обмануть.

— Тогда ты будешь знать,—съ стариковской мудростью сказалъ Янъ Гульдтъ, — какъ смотритъ на всѣ эти вещи простой человѣкъ, и какъ ему живется, и сможешь хорошо дѣлать твое дѣло и все-таки стать богатымъ... Ну, вотъ твой чемоданъ и открытъ... Я пойду...

И онъ бѣлымъ батистовымъ платкомъ, который купилъ себѣ по полученіи званія штурмана, послѣ окончанія экзаменовъ, вытеръ потъ, выступившій у него на лбу, подъ бѣлокурыми волосами.

Онъ вышелъ, вернулся опять въ свою каюту, толкнулъ въ плечо боцмана, который, сгорбившись и сжимая руками виски, сидѣлъ на койкѣ, и сказалъ радостнымъ, торжествующимъ голосомъ:

— Послушай, боцманъ, я знаю теперь, зачѣмъ я пришелъ на „Анну Гольманъ"! Я, внукъ стараго Яна Гульдта, разскажу и покажу внуку стараго злого Гольмана все то дурное, что сдѣлали его предки? Онъ хорошій человѣкъ! Съ нимъ Гольманы станутъ другими людьми! *Вотъ* что будетъ теперь!

Боцманъ отнялъ руки отъ висковъ и посмотрѣлъ на Яна Гульдта невидящими глазами.

— Онъ хорошій человѣкъ?—сказалъ онъ.—Хорошій человѣкъ, говоришь ты?

И онъ насмѣшливо кивнулъ головой и дико засмѣялся.

— Такъ? Да? Тогда ты можешь быть увѣренъ, что „Анна Гольманъ“ утонетъ! Хорошіе Гольманы должны всегда убираться съ дороги. Они или умираютъ отъ чахотки, или съ ними случается что-нибудь, какъ съ Генрихомъ Гольманомъ въ Бразиліи, или какъ съ этимъ. Такъ было у нихъ всегда. Хорошіе погибаютъ. Теперь я знаю навѣрно, что насъ ждетъ смерть! А Ганса Гольмана нѣтъ здѣсь! Гдѣ Гансъ Гольманъ? Онъ долженъ погибнуть съ нами!

И онъ кричалъ и проклиналъ Бога, міръ котораго—проклятый домъ умалишенныхъ, и билъ себя кулакомъ по сѣдой головѣ.

— Онъ долженъ быть здѣсь! Онъ долженъ утонуть вмѣстѣ съ нами! Онъ долженъ погибнуть съ нами!

Янъ Гульдтъ сидѣлъ напротивъ него, на стулѣ, у тусклаго иллюминатора, положивъ на колѣни сжатыя въ кулакъ руки. Имъ вдругъ опять овладѣли жуткія сомнѣнія.

— Я... погибнуть? Я... на „Аннѣ Гольманъ“?

Отъ бѣшенаго гнѣва волосы у него становились дыбомъ.

— Я? Я буду бороться до самой смерти. Даже... послѣ смерти! Пусть *онъ* увидитъ!

X.

Не имѣло никакого смысла говорить о состояніи парохода съ капитаномъ или первымъ офицеромъ. Янъ подумалъ, не поговорить ли ему объ этомъ со вторымъ офицеромъ; но этотъ честный парень, кромѣ своихъ ежедневныхъ обязанностей и портрета своей невѣсты, видимо, не былъ способенъ интересоваться ничѣмъ на свѣтѣ. Такимъ образомъ онъ не могъ сдѣлать ничего, развѣ только незамѣтно осмотрѣть обѣ шлюпки. И такъ жилъ онъ, неся на себѣ одномъ всю тяжесть дикой и горькой мысли, что они плывутъ на суднѣ, которое при первомъ же хорошомъ толчкѣ должно погибнуть.

Но онъ сносилъ эту мысль, онъ даже игралъ ею въ своей задорной, почти насмѣшливой вѣрѣ, что Богъ долженъ быть „справедливъ“, и что эта справедливость не можетъ не проявиться.

— Чтобы я утонулъ съ „Анной Гольманъ“? Я? Пришедшій сюда, чтобы отомстить и возстановить справедли-

вость? Я? Самый чистый и прямой изъ всѣхъ штурмановъ? И этотъ мальчикъ, который хочетъ загладить грѣхи своихъ отцовъ? Это невозможно. О нѣтъ! Это не можетъ случиться. Дивны пути Господни, это правда; но не могутъ же они быть такими окольными, нѣтъ, этого мы не можемъ допустить.

Днемъ, какъ только онъ освобождался и входилъ въ свою каюту, къ нему тихо и вѣжливо стучался мальчикъ. Онъ ловко переступалъ черезъ высокій порогъ и садился на деревянный стулъ у иллюминатора; Янъ Гульдтъ сидѣлъ на койкѣ, согнувшись подъ верхней койкой и положивъ руки на бока.

Въ каютѣ было такъ тѣсно, что ихъ колѣни почти сталкивались, а ихъ дыханіе сливалось, точно въ знакъ ихъ тайнаго единенія.

Они бесѣдовали обо всемъ, что зналъ Янъ Гульдтъ: о чемъ говорилъ, сидя въ своей коляскѣ, со своей служанкой у дороги въ Эвельгенне старый Гольманъ; и какъ капитанъ Гульдтъ мучилъ на „Аннѣ Гольманъ" бѣлыхъ и чернокожихъ, и былъ виной смерти не одного изъ нихъ; какъ бросилась въ море въ своемъ страхѣ дѣвушка; и о тѣхъ, кто умиралъ въ Казамансѣ, о каждомъ суднѣ, которое погибло, объ ужасномъ состояніи „Анны Гольманъ", о грязи и отвратительной ѣдѣ и обо всѣхъ звѣрствахъ кровопійцъ-эксплоататоровъ. Мальчикъ впивалъ все это, какъ горькое питье; лобъ его покрывался морщинами, но онъ держался бодро и храбро, слушалъ, точно не желая оставить ни капли въ чашѣ, которую ему предстояло испить. Вѣдь онъ собирался современемъ сызнова наполнить весь кубокъ, сверху до низу, хорошимъ питьемъ.

Онъ задавалъ множество вопросовъ, которые ясно показывали, что у него не было никакихъ способностей къ практической жизни. Разспросивъ въ сотый разъ обо всемъ подробно, онъ глубоко вздыхалъ, точно послѣ работы надъ непосильной ариѳметической задачей, и съ мягкою боязливостью, съ болѣзненной любовью къ фантастическому, начиналъ какъ бы играть съ этой зловѣщей „Анной Гольманъ", съ ея переборками, стеньгами, лѣстницами и трюмами. Онъ спрашивалъ о частяхъ судна, которыя остались еще съ того времени, просилъ Яна Гульдта выйти съ нимъ на палубу и робко смотрѣлъ на неуклюжія, старыя подпорки, на лѣстницу, верхнюю палубу и старую желѣзную обшивку на кормѣ. И съ глазами, горѣвшими отъ жизненнаго и душевнаго возбужденія, онъ разсказывалъ, что въ прошлую ночь,— во снѣ или на яву, онъ не знаетъ,—онъ видѣлъ всѣ трюмы какъ будто въ сумеречномъ свѣтѣ: четыре этажа, одинъ

надъ другимъ, и всѣ были полны людьми, лежавшими, точно толстые слои какой-то темной массы; они стонали отъ голода и духоты, и стоны ихъ становились все громче, и отъ напора раздвинулись стѣны судна; заклепки затрещали, и швы разошлись, и онъ увидѣлъ блестящую воду, и въ ней свѣтлыхъ рыбъ съ ихъ большими выпученными глазами. Но онъ не боится! Богъ не потерпитъ, чтобы они оба, невинные и желающіе только одного: исправить наконецъ вину другихъ людей, погибли.

Янъ Гульдтъ съ глубокой серьезностью кивалъ головой, глаза его горѣли, и онъ думалъ:

— *Этотъ* всю свою жизнь не забудетъ того, что слышалъ на «Аннѣ Гольманъ», и сотворитъ чудеса, когда выростетъ.

И его высокомѣрная душа торжествовала въ сознаніи своей важности и праведности.

Разъ мальчикъ схватилъ его за руку и тихо и торжественно предложилъ показать ему что-то. Онъ повелъ его по проходу въ свою хорошенькую каюту, мягко освѣщенную висячей лампой, и показалъ ему висѣвшій на стѣнѣ надъ комодомъ недурно сдѣланный рисунокъ, изображавшій внутренность церкви. Это была старинная, деревенская церковь съ очень толстыми стѣнами, высоко продѣланными въ нихъ небольшими окнами и низкими дверями. Вокругъ алтаря, въ которомъ находился простой образъ Спасителя и его апостоловъ, стояли, точно крѣпкая стража святилища, красивыя каменныя колонны со сводами.

— Видите ли, — тихо сказалъ онъ, — я въ іюлѣ всегда ѣзжу съ матерью и сестрой на Сильтъ, гдѣ у насъ есть домъ. Тамъ я иногда хожу съ однимъ старымъ ткачемъ, нашимъ сосѣдомъ, по окрестностямъ, когда онъ разноситъ свою работу. Разъ мы пришли въ Кейтумъ и увидѣли церковь; она была открыта, и мы вошли. Ткачъ сѣлъ на скамью въ одномъ изъ послѣднихъ рядовъ, такъ что вся церковь была передъ нимъ; я же сталъ ходить по церкви. Когда я вернулся къ нему, я увидѣлъ, что онъ молится. Глаза у него были широко раскрыты, и онъ какъ будто однимъ взглядомъ обнималъ все, что можно было видѣть съ его мѣста: ряды скамей, стѣны съ ихъ окнами, своды вокругъ алтаря и самый алтарь. У него былъ такой видъ, какъ будто Богъ во всей своей святости наполнялъ всю церковь, и край его одежды лежалъ на старыхъ плитахъ. Я сѣлъ рядомъ съ нимъ и тоже сталъ смотрѣть и ждать, не будетъ ли такъ и со мной, потому что по его глазамъ можно было видѣть, что мѣсто заставляетъ его молиться. И, понимаете, мои мысли сначала хотѣли улетѣть далеко, но когда онѣ, какъ пойманныя лаполетѣли къ окну, то своды оконъ задержали ихъ,

и онѣ все снова возвращались внутрь, а когда онѣ хотѣли вылетѣть изъ двери или пролетѣть мимо алтаря, имъ тоже всюду приходилось поворачивать назадъ, такъ какъ толстыя стѣны крѣпко держали ихъ, а красивые, мощные своды все снова возвращали ихъ внутрь. И скоро онѣ совсѣмъ отказались отъ намѣренія улетѣть. Онѣ играли и порхали вокругъ сводовъ, алтаря и по всему зданію; то были прекрасныя, большія мысли, полныя чудесной вѣры въ доброту и помощь Господа, которыя никогда не могутъ измѣнить. И я долго сидѣлъ такъ и чувствовалъ себя умиротвореннымъ и счастливымъ.

Янъ Гульдтъ былъ гораздо больше внукомъ стараго, суроваго Яна Гульдта, чѣмъ мальчикъ—внукомъ суровыхъ Гольмановъ. Онъ не понялъ мечтателя. Чудеса природы едва волновали его, рано объѣхавшаго всѣ моря; чудеса искусства не трогали его никогда. Съ любопытствомъ человѣка, который хочетъ вернуть уклонившагося въ сторону разсказчика къ его темѣ, онъ спросилъ:

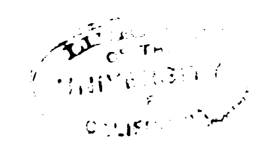
— Ну, что же было дальше? Что сдѣлалъ тотъ человѣкъ?

Мальчикъ былъ погруженъ въ созерцаніе картины; онъ, повидимому, снова сидѣлъ въ этой церкви въ Кейтумѣ. Онъ не сразу понялъ вопросъ.

— О,—сказалъ онъ,—больше не было ничего!.. Ахъ, да, еще что-то! Мы долго сидѣли молча; потомъ ткачъ сказалъ мнѣ: «Вѣришь ли ты въ то, во что вѣримъ тайно я и многіе здѣсь»?—«Во что же вы вѣрите»? сказалъ я. «Когда наступаютъ сумерки», сказалъ онъ, «въ эту церковь приходятъ мертвецы, которые лежатъ здѣсь по кладбищамъ и которые погибли здѣсь на отмеляхъ и въ далекомъ морѣ, и сидятъ въ своей старой церкви. Иногда ихъ немного, иногда же они еле помѣщаются, такъ какъ многихъ изъ нихъ гонитъ сюда тоска изъ ихъ могилъ, или изъ моря, или изъ воздуха, или изъ звѣздъ, Богъ знаетъ еще оттуда. Они сидятъ на скамьяхъ, на галлереѣ и на подоконникахъ, и смотрятъ на алтарь и тихо думаютъ». Такъ сказалъ человѣкъ, о которомъ моя мать говорила, что она не думаетъ, чтобы онъ могъ лгать. Я потомъ часто бывалъ въ этой церкви и всегда чувствовалъ себя тамъ счастливымъ, и на душѣ у меня было какъ-то тихо. Поэтому я нарисовалъ ее на память, и я твердо вѣрю, что все кончится хорошо.

Янъ Гульдтъ посмотрѣлъ на картину и нагнулся даже надъ ней, какъ будто она его интересовала. Онъ понялъ все это по-своему и подумалъ:

— Онъ молится передъ этой картиной, чтобы „Анна Гольманъ" благополучно добралась до Гамбурга, и чтобы у

него хватило храбрости высказать своему дядѣ, что онъ думаетъ о фирмѣ.

Такъ вотъ каковъ былъ юный пассажиръ. Такой умный, милый и почти святой человѣчекъ. И «Анна Гольманъ», плавающая почти сорокъ лѣтъ, погибнетъ какъ разъ теперь, когда на ней находятся два такихъ человѣка?

Поэтому Янъ Гульдтъ на своей вахтѣ расхаживалъ по мостику медленными, степенными шагами и спокойными глазами смотрѣлъ на далеко раскинувшееся, тихо волнующееся море. И въ умѣ своемъ обсуждалъ со всѣхъ сторонъ самые высокіе вопросы и, какъ это дѣлаютъ многіе нѣмцы въ рудникахъ, и на поляхъ, и на широкихъ моряхъ, воображалъ, что отлично понимаетъ дѣла и поступки вѣчной власти. Какъ чудесно все это сложилось! Какимъ счастьемъ было его быстрое рѣшеніе поступить на «Анну Гольманъ». Да, честный и твердый человѣкъ можетъ многое! Онъ можетъ взять приступомъ небо и разбудить ангеловъ, если они заснули! Ночью въ свои свободные часы онъ спалъ тѣмъ блаженнымъ сномъ, который обѣщанъ праведнымъ.

Такъ продолжалось недѣлю.

Судно, глубоко сидя въ водѣ, медленно и вяло, съ тяжело пыхтящей машиной двигалось на сѣверъ, къ родинѣ. Наконецъ, они вошли въ Бискайскій заливъ. И второй и третій день прошли, и Бискайскій заливъ былъ уже почти пройденъ. Они уже ждали, что вотъ-вотъ покажется Уэссанскій маякъ. И вдругъ налетѣлъ штормъ.

Утромъ дулъ еще легкій юго-западный вѣтеръ, и небо было ясное. Въ полдень вѣтеръ улегся, и часа два было совсѣмъ тихо. Затѣмъ на сѣверо-западѣ показалась темносѣрая туча, за ней поползли другія, взобрались выше и, точно туго набитые мѣшки, стали надвигаться другъ на друга. Затѣмъ онѣ быстро поднялись еще выше, начали смѣшиваться и понеслись по разнымъ направленіямъ. Вскорѣ надъ моремъ пронесся первый порывъ съ косымъ дождемъ, и сейчасъ-же показались высокія, грозныя волны. Къ вечеру онѣ уже сталкивались и налетали другъ на друга, какъ это всегда бываетъ въ Бискайскомъ заливѣ. Но всетаки буря всю ночь была не сильнѣе обыкновенной бискайской бури.

„Анна Гольманъ“ сначала держалась недурно, такъ какъ когда-то была хорошимъ судномъ. Но когда вѣтеръ еще усилился, и разыгралась настоящая буря, испорченная машина не могла больше бороться, какъ слѣдуетъ, съ набѣгающими валами. Нѣсколько времени это ей удавалась; но скоро волны положили „Анну Гольманъ“ на бокъ, и ей пришлось терпѣть свирѣпые удары валовъ, которые набро-

сились на перегруженное судно, какъ волны на тяжелаго ратника, стоящаго на колѣняхъ. Меньше, чѣмъ черезъ часъ появилась опасность, что люки и подпорки, которыя были изношены, больше не выдержатъ этихъ ударовъ.

Капитанъ, начавшій трезвѣть, велѣлъ снести внизъ нѣсколько толстыхъ досокъ, валявшихся на верхней палубѣ, и Янъ Гульдтъ съ самымъ сильнымъ изъ матросовъ, обвязавшись канатомъ, спустились на переднюю палубу и кое-что исправили. Но на суднѣ было всего четыре такихъ доски: о томъ, чтобы ихъ было больше, никто не позаботился. Да если бы даже эта работа и оказалась успѣшной «Анна Гольманъ» вся сгнила и пришла къ своему концу. Цѣпи, скрѣпы, люки, машины и, прежде всего, обшивка и ея заклепки,—все это не могло выдержать напора тяжелыхъ валовъ.

Прежде чѣмъ на бурныя, сѣрыя волны спустился сумракъ, на мостикъ поднялся боцманъ и доложилъ, что въ трюмѣ воды на три фута. Онъ выкрикнулъ это съ искаженнымъ лицомъ, устремивъ глаза на Яна Гульдта, какъ человѣкъ, возвѣщающій о дикомъ, злобномъ торжествѣ. Они еще не успѣли ничего отвѣтить, какъ набѣжалъ тяжелый валъ, разбилъ ветхую спасательную шлюпку, бросился съ обломками въ пѣнящейся пасти черезъ машинный кожухъ на другую шлюпку, захватилъ и ее и умчался съ обѣими. Двое матросовъ, которые какъ разъ въ это время старались покрѣпче привязать шлюпки, были вмѣстѣ съ ними унесены. Въ то же мгновеніе оборвалась якорная цѣпь. Судно легло совершенно на бокъ и безпомощно позволяло валамъ перекатываться черезъ себя.

Боцманъ, схватившись обѣими руками за перила лѣстницы, повернулъ къ Яну Гульдту полное отчаянія лицо и горько съ дикой, страстной жалобой, покрывая шумъ вѣтра и моря, крикнулъ:

— Это—смерть, Янъ Гульдтъ... А Ганса Гольмана нѣтъ здѣсь.

Янъ Гульдтъ съ обезумѣвшимъ лицомъ бросился къ нему, грубо схватилъ его за плечи и, толкая его съ лѣстницы, крикнулъ:

— Еще далеко до этого! Еще далеко. Я еще здѣсь!

Они взяли четверыхъ матросовъ, захватили инструменты и, выждавъ удобный моментъ, побѣжали на ютъ. Тамъ они принялись вставлять запасный руль. Янъ Гульдтъ работалъ, какъ тигръ въ западнѣ, боцманъ, съ тупой, привычной добросовѣстностью. Оба матроса работали изо всѣхъ силъ, съ лицами, облитыми потомъ и водой. Они не переставали громко браниться, возмущаясь тѣмъ, что цѣпи и болты

перержавѣли, и на суднѣ нѣтъ ни одной вещи, которая была бы въ порядкѣ; еще немного, говорили они, и мы погибли бы. Боцманъ перебилъ ихъ, крикнувъ съ дикимъ безсмысленнымъ смѣхомъ:

— Что, вы не видите, что мы уже погибли?

Но они разсердились и, пытаясь шутить, отвѣчали, что дѣло все-таки не такъ плохо.

Такъ работали они часъ или два; наконецъ, руль былъ налаженъ. Янъ Гульдтъ съ матросомъ и юнгой сталъ у него. Мѣсяцъ то выглядывалъ изъ-за тучъ, то опять прятался за ними.

Такъ прошло время до полуночи. И имъ удавалось коекакъ держать курсъ въ открытое море.

Но вскорѣ послѣ полуночи, когда Янъ, обдаваемый пѣной, съ маленькимъ юнгой по правую руку и съ матросомъ по лѣвую, стоялъ у руля, набѣжали особенно высокіе валы,— сначала два менѣе сильныхъ, потомъ третій, налетѣвшій съ такой силой, что «Анна Гольманъ» задрожала и заколебалась отъ носа до кормы. Сейчасъ-же послѣ этого у него явилось неясное ощущеніе, что судно стало какъ будто безжизненнымъ; оно подалось назадъ и опять, какъ прежде, безсильно стало поперекъ волнъ.

Онъ не могъ понять, что случилось, и окликнулъ матроса и юнгу.

Маленькій юнга первый сообразилъ, въ чемъ дѣло, и крикнулъ ему:

— Машина стала!

Онъ не хотѣлъ этому повѣрить, вытеръ воду и потъ съ лица и знакомъ приказалъ юнгѣ спуститься и посмотрѣть.

Въ это время приблизился слѣдующій валъ, и Янъ указалъ юнгѣ на него. Но маленькій, серьезный, храбрый юнга уже двинулся въ путь. Волна подхватила его и унесла.

Янъ Гульдтъ еще нѣсколько времени стоялъ съ матросомъ у руля. Но видя, что машина попрежнему не дѣйствуетъ, они крѣпко привязали его и спустились внизъ.

Въ началѣ прохода, у двери въ машинное отдѣленіе, стоялъ первый машинистъ и боролся съ двумя кочегарами, которые старались столкнуть его внизъ, въ машину, откуда поднимался рѣдкій паръ. Они не переставали кричать:

— Это ты довелъ ее до этого, изъ-за тебя мы должны теперь погибнуть.

Они оторвали его руки отъ перилъ и дверной ручки, за которыя онъ цѣплялся, и съ дикими проклятіями столкнули его внизъ, въ мертвую машину.

Янъ Гульдтъ бросился вверхъ по лѣстницѣ мимо двухъ

другихъ кочегаровъ, которые обвязывали себѣ грудь гнилыми спасательными поясами и при этомъ то и дѣло прикладывались къ своимъ бутылкамъ. Онъ пробѣжалъ мимо нихъ и поднялся на мостикъ. Капитанъ, шатаясь отъ качки а также, вѣроятно, отъ вина, тщетно пытался зажечь сигнальный огонь. Въ промежуткахъ между усиліями онъ кричалъ:

— Гдѣ боцманъ? Гдѣ боцманъ? Онъ говоритъ всѣмъ, что мы погибнемъ, и погубитъ насъ своимъ безумнымъ суевѣріемъ.

Первый штурманъ стоялъ за нимъ и со своимъ обычнымъ жалкимъ видомъ старался помочь ему. Второй, красивый, мужественный человѣкъ, немного выше Яна Гульдта, молча и неподвижно стоялъ у борта, смотрѣлъ на воду и украдкой бросалъ взгляды на портретъ своей милой, который держалъ въ мокрой рукѣ.

Янъ Гульдтъ понялъ, что пароходомъ уже никто не управляетъ, и опять спустился внизъ.

Онъ спустился за мальчикомъ и вошелъ въ проходъ съ той стороны, гдѣ находилась кухня. Здѣсь стояли послѣдніе матросы со смертельно блѣдными, серьезными лицами, по колѣни въ потокахъ воды. Они схватили его за непромокаемую куртку и попытались говорить съ нимъ въ грохотѣ бури и плескѣ и шумѣ воды. Они спрашивали его, согласенъ-ли онъ, что капитанъ и поваръ такъ же виноваты, какъ и Гольманы, въ томъ, что они должны умереть такими молодыми и такой ужасной смертью. Если это такъ—Гольману они, къ сожалѣнію, не могутъ сдѣлать ничего—то они не хотятъ, чтобы тѣ двое умерли съ поднятыми руками, честной смертью моряковъ; они рѣшили столкнуть ихъ въ машину, гдѣ лежитъ уже машинистъ. Они честные и порядочные люди, изъ хорошихъ семействъ, и не чувствуютъ себя виноватыми ни въ чемъ. Должна же быть какая-нибудь справедливость и правосудіе; вѣдь этимъ человѣкъ отличается отъ животнаго.

Онъ вполнѣ понялъ ихъ и почувствовалъ къ нимъ любовь за то, что они сказали: вѣдь это было такъ близко его сердцу. Но у него была совсѣмъ другая вѣра. Онъ громко и увѣренно, съ горящими глазами, закричалъ:

— Не думайте же, что мы умираемъ! Пусть я буду проклятъ, если я вѣрю, что мы умремъ здѣсь! Помощь придетъ,— это такъ же вѣрно, какъ то, что я стою здѣсь! Я знаю это! Я знаю больше другихъ людей!

Они повернули его и указали ему внизъ; здѣсь, когда волна на секунду сбѣгала, при лунномъ свѣтѣ было видно, какъ расшатаны переборки.

— Судно не выдержитъ и десяти минутъ.

Но онъ топнулъ ногой и закричалъ, какъ безумный, увѣряя ихъ:

— Я знаю, мы не погибнемъ. Не дѣлайте этого! Подождите еще! Подите наверхъ и посмотрите: сейчасъ придетъ помощь. Я знаю это! Я знаю это отъ самого Бога.

Онъ оставилъ ихъ, пробѣжалъ въ проходъ и съ трудомъ открылъ дверь въ каюту мальчика. Первое, что онъ увидѣлъ, при свѣтѣ висячей лампы, была няня, которая въ сосѣдней маленькой каюткѣ мертвая стояла на колѣняхъ передъ своей койкой, съ петлей на вытянутой шеѣ. Мальчикъ съ сухими, застывшими глазами сидѣлъ на комодѣ, передъ изображеніемъ церкви. На полу стояла вода.

Увидя Яна Гульдта, мальчикъ зарыдалъ:

— Боцманъ былъ здѣсь и сказалъ намъ, что сейчасъ мы утонемъ. Тогда она сказала, что не хочетъ живой попасть въ эту страшную воду, и лучше повѣсится, и сдѣлала это.

Онъ прижалъ мальчика къ себѣ и, не обращая вниманія на весь этотъ ужасъ, напрягъ все свое упорство:

— Будь спокоенъ! Мы не утонемъ. Иди со мной! Такъ! Упирайся крѣпче ногами! Будь увѣренъ, что мы не погибнемъ! Это невозможно! Откуда-нибудь да придетъ помощь! Видишь-ли, это несчастье должно было случиться; должно было дойти до этого, чтобы ты ясно увидѣлъ и испыталъ на себѣ всѣ эти ужасы. Не падай духомъ! Пойдемъ, поищемъ боцмана.

Онъ пошелъ обратно по проходу, держа за плечо мальчика, который храбро боролся съ водой, и толкнулъ дверь своей каюты. Боцманъ сидѣлъ на койкѣ, его маленькое сѣрое лицо выражало неописуемую муку. Онъ поднялъ голову и простоналъ:

— Почему Ганса Гольмана нѣтъ здѣсь? Почему? Что же это за смерть, почему я долженъ умереть одинъ?!

Янъ Гульдтъ поднялъ его и сказалъ:

— Вставай! Иди за мной! Мы не погибнемъ! У насъ трехъ есть еще дѣло въ Гамбургѣ! Мы должны пойти къ Гансу Гольману и поговорить съ нимъ! Мы трое! Мы, пережившіе все: мальчикъ—все, что произошло за сто лѣтъ, ты и я—за пятьдесятъ. Другіе, можетъ быть, и погибнутъ—этого я не знаю; я не знаю ихъ жизни—но мы увидимъ этими нашими глазами обоихъ заключенныхъ на Фернандо-Норонья, если они еще живы, и Ганса Гольмана. Вставай! Я знаю, что говорю!

Они вышли въ проходъ; мальчикъ, которому вода иногда доходила до пояса, держался за руку Яна Гульдта, за нимъ шелъ боцманъ, котораго мальчикъ тоже держалъ за руку. Въ каютѣ повара, мимо которой имъ пришлось проходить,

лампа коптила, столъ былъ опрокинутъ, счета и денежные билеты плавали по водѣ; самого повара въ ней не было. Съ большимъ трудомъ, обдаваемые пѣной, заливаемые набѣгающими валами, поднялись они по лѣстницѣ, уже шатавшейся въ пазахъ, и достигли верхней палубы.

Кочегары стояли, какъ и прежде, вышедшими изъ орбитъ глазами смотрѣли на море, пѣли какой-то тягучій англійскій псаломъ и пили. Недалеко отъ нихъ, неподвижно и прямо, какъ всегда, стоялъ въ совершенномъ одиночествѣ второй офицеръ со своей красивой фигурой нѣмецкаго крестьянина. Отъ времени до времени онъ смотрѣлъ на портретъ своей невѣсты, который держалъ въ мокрой рукѣ, подносилъ его къ губамъ и цѣловалъ; отъ портрета уже ничего не оставалось: онъ цѣловалъ мокрый сѣрый картонъ; иногда онъ поднималъ глаза и смотрѣлъ на темное сѣрое море, не приближается ли откуда-нибудь помощь. Три матроса, раньше стоявшіе возлѣ каюты повара, стояли плечо къ плечу, держа другъ друга за талію, у подъема на мостикъ и смотрѣли впередъ; въ рукѣ у средняго, котораго крѣпко держали оба крайніе, блестѣлъ ножъ. Отъ времени до времени красный огонь ракеты съ мостика освѣщалъ эту мрачную сцену; потомъ опять налеталъ вѣтеръ, приносившій съ собой дождь и туманъ, и гасилъ свѣтъ. Они, держа за плечо другъ друга, стали рядомъ съ матросами.

Не простояли они и нѣсколькихъ минутъ, какъ впереди вышибло второй люкъ, а вскорѣ послѣ этого и первый. Тяжелой массой хлынула вода въ трюмъ, видѣвшій столько людей и всякаго добра. А онъ, казалось, съ жадностью глоталъ воду, точно насытившись всѣми муками и тяжелой работой. „Анна Гольманъ“ стала медленно погружаться въ воду.

Когда верхняя палуба совершенно исчезла подъ водой, матросъ, котораго держали его товарищи, вырвался и съ безумнымъ крикомъ бросился на мостикъ. Онъ съ поднятымъ ножемъ подступилъ къ капитану и указалъ ему на лѣстницу. Его оба товарища подскочили къ нему. Тогда капитанъ, выпрямившись и держась за перила, прошелъ мимо нихъ къ лѣстницѣ и съ видомъ человѣка, входящаго въ ванну, вошелъ въ воду, которая сейчасъ же унесла его. Матросъ вернулся на прежнее мѣсто и, успокоившись, сталъ опять смотрѣть на море. Его товарищи стали рядомъ съ нимъ.

Янъ Гульдтъ стоялъ, поддерживая одной рукой шатавшагося мальчика, другую сжимая въ бѣшеномъ гнѣвѣ. Онъ видѣлъ, что еще моментъ—и „Анна Гольманъ“ совсѣмъ погрузится въ воду. И онъ неистовствовалъ и бѣсился въ своей необузданной, высокомѣрной душѣ на Бога, и скрежеталъ зубами, и оскаливалъ на него зубы, какъ тигръ:

— Если меня сейчасъ унесетъ водой, я пойду, куда захочу. Я не покорюсь. О нѣтъ! Это еще не конецъ. Я... я хочу видѣть капитана Гульдта и Ганса Гольмана. Я хочу.

Онъ встряхнулъ мальчика, подхватилъ боцмана и, дико размахивая руками, крикнулъ:

— Мы еще поговоримъ съ капитаномъ Гульдтомъ и съ Гансомъ Гольманомъ и съ тѣмь, что тамъ наверху! Мы трое! Мы явимся передъ ними, и пусть у нихъ глаза вылѣзутъ отъ удивленія! Мы трое! Вотъ идетъ послѣдняя волна. Вотъ...

„Анна Гольманъ“ вдругъ зашаталась, какъ будто у нея закружилась голова; потомъ она откинулась наискось назадъ и погрузилась въ воду. Цѣпляющіяся человѣческія руки были оторваны съ бѣшеной силой. Руки поднялись кверху, показались надъ водой и опять опустились.

Яну Гульдту казалось, что онъ еще держитъ мальчика, а рядомъ съ мальчикомъ стоитъ боцманъ. Непромокаемый плащъ и часть рубки несли его, онъ могъ обхватить ее протянутыми руками... Волна заливаетъ его. Опять наверхъ. Но вѣдь это все напрасно. Тысячи миль воды! Напрасно!.. Волна! Она не заливаетъ, она поднимаетъ его. Но... онъ почти безъ чувствъ. Но не сдаваться! Не сдаваться! Впередъ! Мы трое! Къ капитану Гульдту! Тяжелая работа! Ножъ въ рукѣ! Крѣпко держать! Впередъ черезъ смерть... Черезъ узкую, тяжелую дверь...

. . . .

Четверть часа спустя, въ первомъ проблескѣ разсвѣта, показался маленькій, темный пароходъ; крѣпкимъ носомъ и сильной машиной онъ храбро разрѣзывалъ тяжелыя волны и увѣренно велъ свою борозду. Сейчасъ же вслѣдъ за нимъ показался высокій, сѣрый, чистый и красивый пароходъ, съ линіями огней у бортовъ, точно золотыми шнурами; увѣренно и быстро двигался онъ впередъ. За нимъ, двойной кильватерной колонной показались направлявшіеся къ Азорскимъ островамъ десять нѣмецкихъ броненосцевъ. Тяжело сидѣли они въ водѣ, покачиваясь, въ своей бронѣ, точно въ сѣрой орденской мантіи. Впереди прямо и смѣло шла „Германія“, точно говоря: смотрите на новое, сильное отечество! На Германію! Мать и прибѣжище всѣхъ своихъ дѣтей! Въ десяти метрахъ отъ нея уже подъ водой плыла, носомъ внизъ, мертвая „Анна Гольманъ“. Вахтенный смотрѣлъ впередъ и время отъ времени поднималъ руку, чтобы отбросить въ сторону ленту фуражки, которою сѣверо-западный вѣтеръ билъ его по лицу. Онъ не видѣлъ молодыхъ людей, которые, скорчившись, неслись по волнамъ, точно отдыхая послѣ послѣдней тяжелой и непосильной работы.

Онъ не видѣлъ и Яна Гульдта, который, откинувъ назадъ необузданную голову, несся на своемъ непромокаемомъ

плащѣ и на расщепленной деревянной стѣнѣ рубки по успокаивающемуся морю, отъ времени до времени обливаемый волной, оглушенный, потрясенный чудовищнымъ событіемъ. Въ углахъ его скрежещущаго рта и въ раздувающихся, покрытыхъ пѣной ноздряхъ, лежала яростная рѣшимость требовать своего права, отстоять свое дѣло, довести до конца задуманное.

Янъ Гульдтъ, внукъ стараго гольмановскаго капитана, былъ въ пути.

XI.

И грезилось обезумѣвшему Яну Гульдту:

Съ неизмѣнной рѣшимостью, легко преодолѣвавшей всѣ препятствія, онъ, не сгибаясь, не шевельнувъ ногой, поднялся на волну, точно на стеклянный откосъ, и безъ труда, несомый все той же гнѣвной рѣшимостью, очутился надъ волнующимся моремъ, гребни котораго пѣнились у его ногъ. Мальчикъ стоитъ рядомъ по правую руку отъ него, а рядомъ съ мальчикомъ стоитъ боцманъ.

Они осмотрѣлись и увидѣли своихъ товарищей, несущихся по волнамъ, и „Анну Гольманъ", уже погрузившуюся въ воду. Но затѣмъ они окинули взглядомъ волнующееся море, надъ которымъ на востокѣ уже занимался свѣтъ, и имъ сейчасъ же стало ясно, куда имъ надо плыть, и они пустились въ путь.

Такъ какъ въ ихъ мокромъ платьѣ ихъ пробирала дрожь, они плотнѣе запахнули свои куртки и понеслись впередъ, легко преодолѣвая сопротивленіе вѣтра и воздуха, надъ самыми волнами. Ихъ несла внутренняя, свободная, могучая сила рѣшимости, жгучій, мрачный гнѣвъ, какой испытываетъ поселянинъ, когда выходитъ на охоту, чтобы убить звѣрей, опустошающихъ его поля. И эту рѣшимость Янъ какъ будто несъ въ необузданной груди и за своихъ обоихъ товарищей. Поэтому они все время неподвижно держались рядомъ съ нимъ, точно были соединены другъ съ другомъ желѣзнымъ прутомъ. Такъ неслись они миля за милей, легко, точно летя по воздуху, къ западу, пока передъ ними не очутилась земля: островъ Фернандо-Норонья у береговъ Бразиліи...

Тогда они умѣрили свою скорость и, колеблясь, какъ флагъ подъ порывистымъ вѣтромъ, медленно подплыли поближе и скоро увидѣли хижину, покрытую толстымъ бѣловатымъ тростникомъ. Они понеслись туда и прошмыгнули подъ среднее изъ трехъ высокихъ густолиственныхъ деревьевъ, вѣтви которыхъ доходили почти до самой хижины. Меньше, чѣмъ въ тридцати шагахъ отъ нихъ, передъ темнымъ входомъ въ хижину, у маленькаго костра, сидѣли, по обычаю дикарей, на корточкахъ два человѣка и

ѣли. Сбоку, въ ста шагахъ отъ нихъ тихо шумѣло море, разбиваясь о песчаный берегъ. Во всей картинѣ было что-то особенное, именно то, что бываетъ въ картинахъ, какъ будто она могла вдругъ исчезнуть, или какъ будто она существовала только въ воображеніи, или какъ будто это былъ только миражъ или отраженіе того, что было когда-то на этомъ мѣстѣ... Но кто можетъ говорить или слушать объ этихъ вещахъ безъ того, чтобы душа не была охвачена смутнымъ ужасомъ, а мысли не разбѣжались, какъ стадо овецъ, надъ которыми во мракѣ ночи кричатъ вороны.

Они стояли другъ возлѣ друга, выстроившись въ рядъ, подъ лиственной сѣнью средняго дерева. А капитанъ Гульдтъ и Генрихъ Гольманъ, сѣдые, съ желтыми, морщинистыми лицами, изнуренными голодомъ и лихорадкой, сидѣли на корточкахъ у своего маленькаго костра. На лбахъ, съ которыхъ они сдвинули назадъ большія заношенныя соломенныя шляпы, у нихъ были выжжены желтыя клейма въ формѣ колеса съ четырьмя спицами.

— Сколько уже времени мы здѣсь, Гульдтъ?—мягкимъ, усталымъ голосомъ спросилъ Генрихъ Гольманъ.

Капитанъ Гульдтъ жестко и иронически засмѣялся:

— Ты опять спрашиваешь? Ты думаешь, что я когда-нибудь отвѣчу иначе? Пятнадцать лѣтъ на Фернандо-Норонья и десять лѣтъ въ этой хижинѣ.

Генрихъ Гольманъ долго молча смотрѣлъ на огонь. Затѣмъ онъ съ мучительной, глубокой тоской мягко и печально сказалъ:

— Я хотѣлъ бы передъ смертью еще разъ увидѣть Альстеръ и верхушки гамбургскихъ церквей.

— Это ты говоришь всегда,—жестко и гнѣвно сказалъ Янъ Гульдтъ.—Къ чему это? Ты вѣдь знаешь, что не можешь поѣхать домой съ клеймомь на лбу! Или ты собираешься въ такомъ видѣ сидѣть въ конторѣ у Гольмановъ или дома у нихъ на верандѣ? Ну, теперь ты будешь молчать?

Генрихъ Гольманъ весь съежился отъ этихъ суровыхъ словъ и нѣсколько времени молчалъ, боязливо поглядывая своими большими глазами на товарища. Затѣмъ онъ тихо и робко сказалъ:

— Каждый годъ, уже, значитъ, десять разъ я посылалъ домой письмо. Лавочникъ въ деревнѣ всегда говорилъ мнѣ, когда я долженъ отправить его, чтобы оно получилось во время.

Капитанъ Гульдтъ вынулъ изъ огня полѣно, очевидно, для того, чтобы бросить его въ сосѣда, или ударить его и сказалъ, дрожа отъ ярости:

— Когда же оно должно было получиться?

— На Рождество,—жалобно сказалъ Генрихъ Гольманъ, поспѣшно отодвигаясь.

Но капитанъ Гульдтъ уже такъ сильно ударилъ его по плечу суковатымъ полѣномъ, что тотъ заплакалъ и сказалъ:

— Не запрещалъ ли я тебѣ писать о насъ домой? Ты хочешь, чтобы они тамъ въ Гамбургѣ и Бланкенезе смѣялись надъ нами: надъ нашими пятнадцатью годами въ Фернандо-Норонья, надъ нашими желтыми, изсохшими лицами и надъ колесомъ на нашихъ лбахъ? Чтобы они говорили: смотрите, вотъ эти люди двадцать пять лѣтъ тому назадъ еще торговали людьми! Смотрите, это послѣдніе, еще продававшіе людей! Смотрите, они все еще бродятъ среди живыхъ! Смотрите, они хотятъ еще увидѣть новый вѣкъ! Неужели у тебя нѣтъ гордости настолько, чтобы молчать и ждать, пока кончится проклятая жизнь и придетъ проклятая смерть?

Побитый съ тихимъ стономъ сказалъ:

— Я всегда писалъ по-испански и такъ, что почти ничего нельзя было разобрать. И имени я тоже не подписывалъ. Я только хотѣлъ, чтобы что-нибудь мое, хоть кусочекъ бумаги и нѣсколько буквъ, попало на родину и домой. Вѣдь я не увижу дома больше никогда.

И онъ поднялъ кверху руки, и сказалъ съ безграничной скорбью въ изможденномъ лицѣ:

— Скажи-же мнѣ, капитанъ, почему я долженъ такъ несказанно страдать? Эти страшные годы на ужасномъ песчаномъ островѣ, гдѣ я научился этому отвратительному испанскому языку и заучилъ наизусть ужасные молитвенники, а нѣмецкія книги, которыя были моей радостью, такъ забылъ, что теперь не могу даже читать ихъ; гдѣ я такъ безумно тосковалъ по родинѣ и по нѣмецкимъ книгамъ, что впалъ въ меланхолію! А потомъ десять лѣтъ въ этой проклятой хижинѣ! Когда ты сидишь въ челнокѣ и удишь рыбу, я сижу и смотрю на море, туда, гдѣ находится наша родина. Я не могу больше представить ее себѣ; я совсѣмъ не помню ея, знаю только, что она прекрасна, и что тамъ такая чудесная прохлада.

Онъ схватился за виски, рвалъ себя за рѣдкіе, сѣдые волосы и плакалъ:

— Видишь ли, ты добровольно взялъ на себя команду надъ „Анной Гольманъ“, ты хотѣлъ разбогатѣть вмѣстѣ съ моимъ отцомъ и братомъ; ты былъ холоднымъ, умнымъ зрителемъ въ человѣческомъ театрѣ и, грабя и обирая, смѣялся. Я же, ты знаешь это, и Богъ знаетъ это тоже... я въ тридцать лѣтъ еще совсѣмъ не зналъ жизни. Я не зналъ, что я дѣлалъ, и что дѣлали вы.

Капитанъ опять схватилъ полѣно, которое бросилъ обратно въ огонь, и съ дико вспыхнувшими глазами сказалъ:

— Что за дѣло мнѣ и Богу до того, что у тебя было

мягкое сердце, и ты не былъ виноватъ? Ты думаешь, что онъ спрашиваетъ объ этомъ? Ты здѣсь, потому что тебя поймали вмѣстѣ со мной. И я радъ, что ты здѣсь, что у меня есть одинъ изъ проклятыхъ Гольмановъ, на котораго я могу излить свое бѣшенство, когда думаю о нихъ. На тебя! На тебя!

И онъ ударилъ его полѣномъ.

Янъ Гульдтъ, стоя со своими обоими спутниками подъ деревомъ, слышалъ и видѣлъ все это, и думалъ въ дикомъ гнѣвѣ:

— Что-же такое Богъ? И гдѣ онъ?

И онъ призывалъ его. Но его гнѣвъ кричалъ только внутри его, въ его сердцѣ; онъ не могъ ни открыть рта для брани, ни поднять руки для удара. Ихъ сердца грызъ и томилъ яростный гнѣвъ; но они стояли молча и прямо.

— Я долженъ посмотрѣть, — съ сердцемъ, пылающимъ злобой, подумалъ онъ,—такъ-же ли обстоитъ дѣло и съ Гансомъ Гольманомъ.

И они опять отправились въ путь.

Навстрѣчу имъ дулъ рѣзкій вѣтеръ; они легко справлялись съ нимъ и помчались по направленію къ родинѣ, несомые его сильной, безудержной, гнѣвной волей. Онъ точно держалъ ее въ лѣвой рукѣ, которую все время съ дикой, упрямой силой сжималъ въ кулакъ. Мимо нихъ проносились парусныя суда и пароходы: разъ большая барка очутилась какъ разъ на ихъ пути, они проскользнули мимо снастей, отдѣлившись на моментъ другъ отъ друга, точно воздухъ, который то разступается, то снова сжимается. Увидя передъ собой англійскій берегъ, они затрепетали, какъ флагъ подъ порывистымъ вѣтромъ, взвиться ли имъ наверхъ и понестись прямо надъ Англіей, или-же избрать круговой водный путь. Они склонились на сторону воднаго пути, потому что онъ былъ пріятнѣе и имъ, какъ морякамъ, болѣе знакомъ. Берегъ въ утренней дымкѣ отошелъ въ сторону. Мимо. Вдали у фрисландскихъ острововъ и у Гельголанда показалась бѣлоснѣжная пѣна прибоя. Мимо. Надъ Шаргеркомъ стояло облако серебристо-сѣраго песка; но они не пріостановились ни на минуту. Словно чайки, несущіяся утромъ, когда разсѣивается туманъ надъ водой, но въ образѣ утопленниковъ съ наглухо застегнутыми изъ-за утренней свѣжести куртками, съ которыхъ еще текла вода, скользнули они въ Эльбу, поднялись по ней, пронеслись по всему Гамбургу и остановились на другомъ берегу Альстера. Они проскользнули черезъ великолѣпный садъ и вошли прямо въ домъ, который открылся передъ ними. И они очутились въ уютной комнатѣ, выходившей въ задній садъ.

Здѣсь, въ глубинѣ широкаго кресла, у стола, съ газетой

въ рукѣ, сидѣлъ маленькій, изящный Гансъ Гольманъ, и красивая, старая женщина лѣтъ семидесяти, сидѣвшая въ шляпѣ и пальто напротивъ него, разговаривала съ нимъ.

Со слезами на глазахъ и дрожащими губами она сказала:

— Я не родная по крови вамъ, Гольманамъ, я родственница ваша только по мужу; но я ношу ваше имя. И я пришла отъ его матери, которая лежитъ на полу и бьетъ землю руками. Ему было тринадцать лѣтъ. Въ тринадцать лѣтъ умереть такой ужасной, такой внезапной смертью.

Гансъ Гольманъ вынулъ изо рта сигару и серьезно и укоризненно сказалъ:

— Столько шуму изъ-за одного мальчика.

Она съ вспыхнувшимъ гнѣвомъ сказала:

— Ты навѣрно радъ, что онъ погибъ?

Онъ опять заглянулъ въ газету, затѣмъ хладнокровно отвѣтилъ:

— Онъ не достаточно интересуетъ меня, чтобы я могъ сказать: я радъ или не радъ. Ты не можешь отрицать, что людей очень много, и что многіе умираютъ молодыми. А особенно на морѣ.

Старая женщина, ломая руки, покачала сѣдой головой, затѣмъ овладѣла собой и сказала:

— Если бы наши суда были хороши и крѣпки, и одно изъ нихъ или два, или даже шесть погибло, весь Гамбургъ сказалъ-бы: „Жаль! Намъ жаль людей, и корабля, и владѣльцевъ". Но такъ какъ это наши суда, то весь портъ, всѣ рабочіе, всѣ матросы, всѣ капитаны, всѣ судовладѣльцы говорятъ: „Конечно, Гольманы! Этимъ должно было кончиться!" На насъ, Гольманахъ, лежитъ проклятіе множества людей, погибающихъ моряковъ, родителей, матерей, дѣтей,— и будетъ лежать еще шестьдесятъ лѣтъ: ибо наши грѣхи взыщутся на нашихъ дѣтяхъ, и жизнь ихъ будетъ разрушена.

Гансъ Гольманъ стряхнулъ пепелъ со своей сигары и, улыбаясь, сказалъ:

— Все это звучитъ недурно! Получается впечатлѣніе, что мы, Гольманы, все-таки молодцы.

Женщина горько кивнула головой.

— Мы носимъ клеймо, на лбу, какъ твой братъ Генрихъ. Твоя сестра и сводный братъ все еще получаютъ въ сочельникъ тѣ ужасныя письма съ нѣсколькими неразборчивыми испанскими строчками. Знаетъ-ли твой отецъ объ этомъ, видѣлъ ли онъ ихъ и содрогнулся-ли передъ ними?

Она закрыла лицо руками и горько заплакала. И съ горькимъ рыданіемъ и дикимъ, гнѣвнымъ стономъ сказала:

— Я хотѣла бы, чтобы насъ, наконецъ, поразилъ какой-нибудь страшный ударъ, который уничтожилъ-бы насъ, ко-

торый отнялъ бы у насъ честь; чтобы портовый контроль или какой-нибудь почтенный купецъ...

Гансъ Гольманъ громко разсмѣялся и, покачавъ головой, сказалъ:

— Вотъ и видно, что ты въ самомъ дѣлѣ ничего не понимаешь.

Затѣмъ онъ поднялся съ кресла и, выпрямивъ, свою маленькую фигурку, серьезно сказалъ:

— Мнѣ надо въ контору. Я думаю, ты не поѣдешь сегодня же обратно въ деревню, а погостишь у меня? До моего возвращенія у тебя остается цѣлыхъ шесть часовъ, и ты сможешь на досугѣ отдаться своимъ интереснымъ мыслямъ.

Старая женщина встала и рѣзко и сухо сказала:

— Я еще никогда, насколько я помню, не гостила у тебя съ тѣхъ поръ, какъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, во время того путешествія, бросилась въ море моя молодая компаньонка, которая наканунѣ жаловалась мнѣ, что ты преслѣдуешь ее своими предложеніями...

Она посмотрѣла на него и вышла изъ комнаты.

Янъ Гульдтъ постоялъ со своими спутниками еще немного, чтобы посмотрѣть, какимъ будетъ Гансъ Гольманъ, когда останется одинъ. Но онъ услышалъ только, какъ тотъ тихо и совершенно спокойно сказалъ самому себѣ: „Это пріятно, что боцманъ лежитъ на днѣ Бискайскаго залива... старый пьяница"... и при этомъ прищелкнулъ пальцами.

Тогда Янъ Гульдтъ въ безумномъ гнѣвѣ подумалъ:

— Что такое Богъ? И гдѣ онъ? И почему онъ не слышитъ?

И онъ громко призвалъ его. Но его гнѣвъ кричалъ только внутри его, въ его сердцѣ; онъ не могъ ни открыть уста для брани, ни поднять руки для удара. Ихъ сердца терзалъ и томилъ самый яростный гнѣвъ; но они молча и неподвижно стояли на своемъ мѣстѣ.

„Теперь уже нельзя откладывать, — подумалъ онъ въ своемъ гнѣвномъ неистовствѣ,—пора мнѣ сказать правду въ лицо ему самому".

Они повернулись и выскользнули изъ дома, двери и стѣны котораго разступились передъ ними... И, несомые еще болѣе дикой рѣшимостью и гнѣвомъ, холодно и высокомѣрно поднявъ кверху лица, они, точно стрѣлы, взлетѣли кверху, все выше, выше, пока не попали въ безконечно ширившуюся голубую ночь, и полетѣли сквозь нее все дальше, дальше. И, наконецъ, они остановились передъ высокими стѣнами, которыя въ сѣрой мглѣ блестѣли, точно отлитыя изъ болѣе свѣтлой сѣрой стали.

Янъ Гульдтъ постучался тамъ, гдѣ какъ будто виднѣлась дверь. Онъ стучалъ такъ дико, рѣзко и сильно, что у него заболѣла рука. Но звукъ все таки получался такой,

какъ если бы въ тихой комнатѣ ударилась о доску муха. И отвѣта не было.

Тогда боцманъ открылъ ротъ и сказалъ:

— Вотъ видишь: что тебѣ отъ твоей невинной жизни и отъ твоей вѣры, что все должно придти въ порядокъ и кончиться хорошо? Ты видишь, что въ мірѣ хозяйничаетъ не Богъ, а дьяволъ. Зачѣмъ я, бѣдняга, не остался въ своей каютѣ, гдѣ я былъ, когда ты нашелъ меня? Я хочу вернуться опять на „Анну Гольманъ“ и лечь на свою койку, хоть она и мокрая, и лежать до тѣхъ поръ, пока небо и земля не разлетятся на куски.

Маленькій Гансъ Гольманъ мягкимъ движеніемъ положилъ свою руку на руку боцмана и сказалъ:

— Не иди туда! Тамъ вокругъ тебя будетъ всегда все то злое, что такъ долго мучило тебя. Иди со мной: я знаю наверху, на Сильтѣ, старую, крѣпкую церковь. Тамъ каждую ночь собирается множество мертвецовъ—среди нихъ есть и моряки—и всѣ они радуются, что сидятъ подъ защитой крѣпкихъ стѣнъ, и смотрятъ на алтарь и вѣрятъ, что Господь стоитъ на стражѣ.

Такъ сказалъ онъ своимъ милымъ голоскомъ и, дотрагиваясь своей нѣжной рукой и до Яна Гульдта, тихо сказалъ:

— Пойдемъ съ нами.

Но Янъ Гульдтъ вырвалъ свою руку, дико засмѣялся и, повернувшись къ желѣзной стѣнѣ, сталъ громко кричать обо всемъ томъ, что разрывало его душу.

Тогда его спутники оставили его одного и отправились на Сильтъ.

Онъ же громко кричалъ:

— Генрихъ Гольманъ! Капитанъ Гульдтъ! Эмигранты! Ихъ дѣти! Негры! Дѣвушка! Мертвые товарищи! Мой отецъ! Моя мать! Я, штурманъ Гульдтъ... И ты не говоришь ничего?! Ты допускаешь все это, даешь этому повторяться уже тысячу лѣтъ?

И онъ стучалъ кулаками о дверь. Но это звучало жалко и убого.

Тогда въ немъ вспыхнуло неистовое бѣшенство; онъ потерялъ разумъ и соображеніе. Съ глухими проклятіями онъ бросился всѣмъ тѣломъ на стальную дверь.

Этотъ толчекъ сразу, вдругъ оглушилъ его.

Онъ еще зналъ, гдѣ онъ; и у него было еще смутное ощущеніе, что онъ презираетъ Бога, передъ вратами котораго стоитъ, и въ знакъ этого онъ еще плюнулъ въ дверь; но дикій, бѣшеный гнѣвъ исчезъ. Его душа была полна тупого, презрительнаго равнодушія.

Равнодушный ко всему, стоялъ онъ и размышлялъ о томъ, что же ему теперь дѣлать. И послѣ нѣкотораго раз-

думья ему показалось самымъ лучшимъ—разъ ужъ все на свѣтѣ такъ сѣро и безсмысленно—продолжать свою службу моряка, но на какомъ-нибудь маленькомъ одинокомъ суднѣ, и такъ прясть до конца нить своей жизни. И онъ повернулся и опять отправился въ путь и такъ, въ такомъ состояніи отупѣнія, дошелъ до моря.

Увидя море, онъ опять сталъ размышлять, въ какую сторону ему направиться, и рѣшилъ, что самое лучшее для него отправиться въ Лондонъ и поискать тамъ службы на одномъ изъ многочисленныхъ, большихъ, бродячихъ кораблей, которые бороздятъ всѣ моря, которые, забывъ о родинѣ и о радости, ползутъ вокругъ земного шара, точно унылые жуки вокругъ жесткаго и кислаго яблока. Жизнь на такомъ суднѣ представлялась ему самой одинокой, спокойной и безстрастной жизнью. Да, онъ такъ и сдѣлаетъ...

XII.

Его замѣтили рыбаки, возвращавшіеся домой послѣ перенесеннаго шторма вслѣдъ за нѣмецкой эскадрой. Онъ несся по волнамъ на своемъ непромокаемомъ плащѣ и обломкѣ рубки. Губы его были сомкнуты, покрытыя пѣной ноздри неестественно расширены; все откинутое назадъ лицо выражало дикую, жестокую рѣшимость; лѣвая рука была такъ крѣпко сжата, что, когда ее раскрыли, на ладони оказались четыре глубокія раны. Такъ какъ въ его мертвомъ лицѣ было столько рѣшимости, и онъ былъ такъ молодъ и несся рядомъ съ ними, они втащили его въ лодку. Они положили его возлѣ люка для рыбы, въ защищенное отъ вѣтра мѣсто, куда доходили лучи отъ восходившаго солнца, и накрыли своими старыми куртками, которыя сняли съ себя, такъ какъ вѣтеръ тоже утихалъ.

Въ своей одиноко лежащей деревушкѣ, къ югу отъ Уэссана, они снесли его на берегъ и внесли въ ближайшій домикъ, въ которомъ жила еще не старая вдова рыбака съ двумя сыновьями-подростками. Тамъ они положили его на желтый глиняный полъ маленькой прихожей, которая въ глубинѣ расширялась и переходила въ кухню. Прежде чѣмъ уйти къ своимъ женамъ, они добродушно пошутили, обращаясь къ вдовѣ:

— Когда онъ очнется, Жанетта, ты можешь оставить его себѣ. Но ты должна будешь пригласить насъ на свадьбу: вѣдь мы принесли его тебѣ.

Вдова пощупала ему, какъ умѣла, пульсъ, послушала сердце и рѣшила, что онъ закоченѣлъ и очень истощенъ. Она укутала его всѣми одѣялами, которыя нашлись у нея

въ домѣ и, снявъ съ очага семь большихъ камней, еще теплыхъ отъ утренняго кофе, положила ихъ рядомъ съ нимъ, такъ что онъ какъ будто уже лежалъ въ могилѣ, обложенной камнями. Затѣмъ она пошла съ мальчиками на свое маленькое поле, чтобы выкопать послѣдній картофель. Она думала: „къ вечеру онъ умретъ" и молилась за его блуждавшую во мракѣ душу.

Около полудня, когда солнце поднялось высоко и согрѣло маленькую желтую переднюю, его вырвало—вышло немного воды—и онъ нѣсколько пришелъ въ себя. Нѣкоторое время онъ лежалъ въ оцѣпенѣніи, въ какомъ бываетъ человѣкъ послѣ ужаснаго паденія, и тупо думалъ все о томъ же: да, самое лучшее будетъ, если онъ поступитъ на пароходъ. Такъ лежалъ онъ, молча, съ полузакрытыми глазами, ничего не видя и не сознавая.

Солнце поднялось, заглянуло въ полуоткрытую дверь и лучъ его, точно прямой золотой посохъ, легъ въ длину рядомъ съ нимъ, и сталъ медленно придвигаться къ нему. Когда онъ придвинулся такъ близко, что раздѣлилъ уже темно-сѣрые камни съ очага на свѣтлыя и темныя половины, вошла дѣвочка лѣтъ четырехъ, и увидѣла Яна и солнечную полосу рядомъ съ нимъ. Такъ какъ онъ моргалъ глазами, ей стало любопытно, что изъ этого выйдетъ, и она сѣла на порогъ и долго сидѣла, не спуская съ него глазъ. Въ ея маленькой головкѣ появилась догадка, что дверь мѣшаетъ солнцу войти въ комнату, и она попробовала открыть ее настежь. Но такъ какъ это ей не удалось, вся эта исторія показалась ей слишкомъ продолжительной, и она ушла. Затѣмъ на порогѣ сѣла сѣро-голубая въ солнечномъ свѣтѣ ласточка, поклевала носикомъ, встряхнулась и послѣдовала примѣру дѣвочки.

Онъ не видѣлъ именно этого, хотя уже наполовину открылъ глаза. Онъ лежалъ въ полузабытьи и мучился жестокостью старика, который билъ горящимъ полѣномъ другого старика, безсовѣстностью худощаваго человѣка съ быстрыми движеніями, разговаривающаго со старой женщиной, и тѣмъ, что Богъ ничего не дѣлаетъ, чтобы помѣшать всему этому, ничего не говоритъ, живетъ за желѣзными стѣнами, и уши у него желѣзныя, такія большія, какъ дверь. Что ему дѣлать, если таковъ міръ и таковъ Господь Богъ? Что дѣлать? Сидѣть въ церкви на Сильтѣ, какъ тѣ двое? Кто они эти двое? Откуда вошли въ его жизнь старый сѣдой морякъ съ маленькимъ лицомъ и нѣжный хрупкій мальчикъ? Онъ зналъ, что они были его несчастными спутниками, больше онъ не зналъ ничего. Все было сѣро, спутано и холодно. Единственно, что было ему ясно, это, что онъ поступитъ на бродячее судно, гдѣ всегда остаются бездомные, и мѣ-

няются остальные. Вѣдь онъ только и умѣетъ, что быть морякомъ. Значитъ, дальше, въ Лондонъ. Почему онъ прервалъ свое путешествіе? Почему онъ лежитъ здѣсь такъ, какъ будто его бросили сюда, среди камней?

Онъ сбросилъ одѣяла, такъ что камни покатились къ стѣнѣ, шатаясь всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, совершенно не сознавая, гдѣ онъ и что съ нимъ. Онъ удивился, что сталъ двигаться вдругъ медленнѣе, чѣмъ прежде, сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ и остановился въ дверяхъ, все еще съ полузакрытыми глазами, съ крѣпко стиснутыми зубами, съ глухимъ проклятіемъ на синихъ губахъ. На его сухихъ, бѣлокурыхъ спутанныхъ волосахъ играло и ликовало солнце.

Въ этотъ моментъ изъ-за угла показалась женщина со своими двумя мальчиками. Они уронили лопаты и мѣшки, которые держали въ рукахъ, и стали кричать что-то, чего онъ не понялъ. Онъ равнодушно смотрѣлъ на нихъ, нѣсколько смущенный этой неожиданной встрѣчей, но нисколько не удивленный ихъ чужеземными лицами и одеждой; вѣдь онъ былъ въ пути, проѣзжалъ черезъ чужія страны. Удивляло его только то, что онъ не зналъ, по какому направленію ему надо теперь идти.

— Въ Лондонъ,—сказалъ онъ, поясняя жестомъ, что не знаетъ направленія.

Женщина наконецъ оправилась отъ своего изумленія. Она знаками дала ему понять, что онъ долженъ сначала чего-нибудь поѣсть и выпить, заставила его сѣсть на каменную скамью у очага и живо принялась за дѣло. Она послала дѣтей за всѣмъ необходимымъ и раздула деревяннымъ поддуваломъ огонь, причемъ не переставала выражать свое удивленіе, по женскому обыкновенію, то и дѣло всплескивая руками. Затѣмъ она поставила передъ нимъ горячій кофе, дала ему кусокъ прекраснаго темнаго хлѣба, и онъ съ жадностью поѣлъ. Кровь въ немъ стала обращаться живѣе, и онъ немного ожилъ. Но душа его продолжала тупо копаться въ томъ тяжеломъ, что она пережила съ обоими стариками передъ хижиной и съ маленькимъ человѣкомъ на верандѣ и передъ желѣзными стѣнами, высившимися въ темно-сѣрой мглѣ. Она спросила его, какъ его зовутъ; чтобы онъ понялъ ее, она указала на себя и своихъ дѣтей и назвала ихъ имена и свое; но онъ не зналъ своего имени. Она спросила его о названіи судна, причемъ назвала по имени подвѣшенный къ потолку деревянный корабликъ своихъ мальчиковъ; но онъ не зналъ и этого. Въ его душѣ было живо только то, что онъ пережилъ со своими двумя бѣдными спутниками въ далекомъ воздушномъ странствіи, и все

это пережитое вызывало въ немъ только тупое, равнодушное, безнадежное желаніе.

Дальше, дальше! Въ Лондонъ! И онъ, прибѣгнувъ по обычаю моряковъ въ чужой странѣ къ англійскому языку, опять спросилъ дорогу въ ближайшую гавань и въ Лондонъ.

Женщина, вообще бойкая и неглупая, не знала, что ей сдѣлать, чтобы удержать его. Она еще успѣла вспомнить о старой шерстяной шапкѣ своего мужа и нахлобучить ее ему на голову; затѣмъ ей пришлось отпустить его.

По ея приказанію, мальчики бѣжали за нимъ цѣлый часъ. Каждый разъ какъ они подходили къ нему слишкомъ близко, они останавливались; затѣмъ, когда разстояніе между ними увеличивалось, опять тихонько бѣжали за нимъ и кричали ему, какъ ему идти. На послѣднемъ перекресткѣ они указали ему большую дорогу и дальнѣйшее направленіе. На свѣжемъ вечернемъ воздухѣ онъ настолько пришелъ въ себя, и сознаніе его настолько прояснилось, что онъ замѣтилъ, что они не собираются идти дальше, и понялъ, что долженъ поблагодарить ихъ. Онъ протянулъ имъ руку и попытался сказать, что желаетъ, чтобы имъ не пришлось пережить то, что пережилъ онъ (при этомъ онъ опять-таки думалъ только о безумномъ странствованіи втроемъ и о горестномъ знаніи, которое оно принесло); но они, испуганно отшатнувшись, бросились бѣжать и исчезли, какъ молодые жеребята, въ облакѣ пыли.

Онъ добрался до ближайшей гавани, а оттуда до Бреста. По дорогѣ онъ произносилъ всегда только названіе города, въ который стремился, но все еще совершенно не сознавалъ, гдѣ находится. Изъ Бреста онъ въ качествѣ матроса на маленькомъ грязномъ грузовомъ пароходѣ переѣхалъ въ Плимутъ. Когда товарищи по судну спрашивали его, откуда онъ, онъ отвѣчалъ имъ тономъ, въ которомъ отражался его безотрадный и необыкновенный опытъ: „Издалека“. Если же они настаивали, онъ рѣзко уклонялся отъ бесѣды, какъ человѣкъ, которому этотъ тяжелый опытъ далъ право быть рѣзкимъ. На восьмой день своего путешествія, онъ, совершенно не почувствовавъ нужды въ деньгахъ, прибылъ въ Лондонъ въ какомъ-то тупомъ, полусонномъ состояніи, совершенно забывъ все, что было до гибели „Анны Гольманъ“, съ душой, цѣликомъ заполненной и истерзанной тяжелымъ событіемъ странствія втроемъ. То, что онъ узналъ во время этого странствія о Богѣ, справедливости и человѣческой душѣ, мрачной тѣнью стояло въ его душѣ. Его голосъ звучалъ равнодушно и тускло, онъ совершенно утратилъ тотъ полный, прекрасный звукъ, который всегда, точно колокольный звонъ, пѣлъ въ немъ.

Не отвлекаясь ничѣмъ, онъ обошелъ всю гавань въ по-

искахъ парохода, который взялъ бы его. На нѣкоторыя суда его не хотѣли взять, потому что онъ не могъ назвать ни своего имени, ни мѣста, откуда пріѣхалъ, и съ тупымъ упрямствомъ и упорной настойчивостью стоялъ на своемъ желаніи ѣхать въ качествѣ офицера, а не матроса. Наконецъ, онъ попалъ на огромный, очень мрачный на видъ пароходъ, который шелъ съ грузомъ въ портъ Аделаиду въ Австраліи, гдѣ долженъ былъ получить новый фрахтъ.

Они хотѣли принять его въ матросы; но такъ какъ онъ не могъ вспомнить своего имени и, кромѣ того, что пріѣхалъ изъ Плимута, не могъ дать о себѣ никакихъ свѣдѣній, то они колебались. Но первый офицеръ, который былъ спортсменомъ и украсилъ стѣны своей каюты пятьюдесятью призами, полученными за побѣды на всѣхъ спортивныхъ площадкахъ отъ Лондона до Сингапура и отъ Капштадта до Санъ-Франциско, сказалъ со свойственной англичанамъ рѣшительностью:

— Что намъ за дѣло до этого, капитанъ? Парень съ виду молодецъ и волосы у него русые. Русые—это хорошая старая раса, и въ нихъ еще горитъ старый языческій огонь. Посмотрите только на его лицо!

Такимъ образомъ, онъ снова отправился въ плаваніе, матросомъ на „Альбертѣ“.

Матросы любили его и были съ нимъ ласковы. Они прозвали его „Томъ Джинджеръ“, какъ англійскіе моряки называли рыжихъ, потому что ихъ волосы напоминаютъ цвѣтомъ инбирное варенье, подшучивали надъ этимъ прозвищемъ, въ общемъ-же не особенно занимались этимъ страннымъ случаемъ. Но первый офицеръ продолжалъ относиться къ нему съ большимъ интересомъ, который еще усилился, когда онъ убѣдился, что незнакомецъ получилъ хорошее образованіе и хорошо понимаетъ морское дѣло.

Три недѣли спустя случилось, что третій офицеръ, поступившій на пароходъ съ зачатками тяжелой болѣзни, слегъ и умеръ. Тогда первый офицеръ предложилъ капитану взять на его мѣсто незнакомца. Онъ сказалъ:

— Онъ годится, капитанъ; я ручаюсь. И я думаю, что мы сдѣлаемъ этимъ еще и доброе дѣло. Сколько тяжелаго долженъ былъ пережить бѣдняга, чтобы все прошлое исчезло изъ его памяти!

Такъ „Томъ Джинджеръ“ сдѣлался третьимъ офицеромъ. Въ слѣдующемъ году, послѣ усердныхъ занятій англійскимъ языкомъ со своимъ покровителемъ, онъ сдалъ въ Англіи экзаменъ на штурмана и сталъ плавать на „Альбертѣ“.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

БЕЗЪ ЕВРЕЕВЪ.

I.

Въ началѣ итальянскаго похода Суворова, на пути къ Аддѣ, гдѣ ждали его французы, онъ двинулъ чуть не $^{3}/_{4}$ арміи подъ Брешію,—никому и ни къ чему ненужный городишко съ ничтожнымъ гарнизономъ, сдавшимся безъ выстрѣла,—дабы заранѣе обезпеченной побѣдой, въ реляціи пріобрѣтшей эпическіе размѣры, (ибо въ ней говорится и о «жестокомъ пушечномъ огнѣ» и объ «упорномъ сопротивленіи»), поднять общій «духъ» передъ серьезнымъ дѣломъ.

Ибо—каждый военный знаетъ, каково моральное значеніе «перваго успѣха».

Русскій націонализмъ,—новоявленный, «нововременный» въ прямомъ и переносномъ смыслѣ слова—идетъ по стопамъ «Чудо-Богатыря». Онъ также начинаетъ кампанію пальбой по крѣпости, которая не можетъ защищаться. Для пробы силъ онъ выбралъ евреевъ,—наиболѣе слабыхъ изъ своихъ многочисленныхъ враговъ, и противниковъ.

Правда, какъ и въ стародавнихъ реляціяхъ, онъ старается изобразить своего противника необычайно мощнымъ, «міръ попирающимъ»,—вродѣ того миѳическаго «Жидовина», противъ котораго вся былинная застава богатырская могла выслать, какъ достойнаго противника, только самого Илью Муромца. Да и того Жидовинъ чуть-чуть не зарѣзалъ.

Проба силъ на евреяхъ идетъ въ настоящее время, какъ извѣстно, по всему административному фронту. При «объединенности» кабинета не могло, естественно, остаться въ сторонѣ и военное вѣдомство. На очередь сталъ вопросъ объ исключеніи евреевъ изъ арміи.

Военное министерство вопросомъ этимъ было захвачено, въ значительной степени, врасплохъ, ибо до послѣдняго времени еврейскаго вопроса, какъ такового, въ арміи не существовало. Конечно, то тамъ, то здѣсь, въ полковомъ собраніи, поругивали «жидковъ», кое-кто жаловался, что они портятъ фронтъ, но «во-

проса» не было. Въ военной печати онъ не затрагивался. Не характерно-ли, что въ «Военномъ Сборникѣ» за 50 слишкомъ лѣтъ его существованія я до послѣднихъ годовъ не нашелъ ни одной статьи, посвященной евреямъ. Болѣе того. Въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ авторамъ приходилось попутно касаться евреевъ,—о нихъ даются благопріятные отзывы. Такъ, предводитель дворянства Пинскаго уѣзда «по поводу окончанія работъ по первому, послѣ введенія всеобщей воинской повинности призыву въ уѣздѣ» пишетъ («Военный Сборникъ» 1875. № 3): «Ревизія 1875 г.... производилась весьма тщательно и достигла блестящихъ результатовъ, благодаря твердой рѣшимости еврейскаго населенія безукоризненно исполнить свою обязанность... По самый конецъ призыва, еврейское населеніе выказало относительно новой повинности полную добросовѣстность: самое назначительное число не явилось, и не было ни одного случая укрывательства послѣ взятія жеребья... «еврейское сословіе отбыло повинность въ совершенно правильной пропорціи относительно христіанскаго населенія». А въ 1883 г. *В. В—въ*, въ статьѣ «Изъ практики присутствій по воинской повинности, (Воен.-Сборн. № 9), говоритъ: «относительно призыва еврейскаго населенія нельзя не замѣтить, что поставленные въ надлежащую обстановку на службѣ евреи вырабатываются и усердно, исправно несутъ свои обязанности».

На столбцахъ военной печати «еврей» появляется, строго говоря, только въ послѣ-революціонную эпоху. Сначала—изрѣдка, потомъ—чаще; когда-же ударилъ во всѣ барабаны воинствующій національизмъ и стало извѣстно о готовящемся законопроектѣ—«изгнанія»—антиеврейскія статьи посыпались, какъ горохъ.

Въ чемъ тутъ суть, видно изъ мелкаго, но очень характернаго факта.

Въ числѣ компетентныхъ лицъ, писавшихъ о «евреяхъ въ арміи», значится небезъизвѣстный генералъ Куропаткинъ. Генералъ высказывался о евреяхъ дважды. Въ первый разъ, въ статьѣ «Ловча, Плевна, Шейново» (Воен. Сборникъ 1883 г. № 7) онъ писалъ: «И татары и евреи умѣли и будутъ впредь умѣть такъ-же геройски сражаться и умирать, какъ и прочіе русскіе солдаты». Въ 1910 г. онъ снова вернулся къ этому вопросу, въ 3-мъ томѣ своей «Россія для русскихъ». На этотъ разъ онъ пишетъ: «Существуетъ и все усиливается на Руси племя, которое совершенно непригодно къ военной службѣ—это евреи... Начальники... съ основаніемъ относятся съ недовѣріемъ къ ихъ мужеству... Нижніе чины... также относятся недружелюбно, не ожидая отъ нихъ поддержки въ бою». Словомъ, «для части, назначенной идти въ бой, они составляютъ источникъ не силы, а слабости». Поэтому «представляется вполнѣ необходимымъ избавить армію отъ евреевъ» (т. III. стр. 388).

Если бывшій главнокомандующій арміями не полѣнился такимъ образомъ сдѣлать «направо-кругомъ», чтобы занять должную позицію

по еврейскому вопросу, то тѣмъ съ большей легкостью бросились въ атаку «субалтерны», впервые опредѣлявшіе свое отношеніе къ «евреямъ-солдатамъ». Я не буду утомлять читателя цитатами изъ ихъ произведеній: они всѣ похожи одно на другое. Во всѣхъ ихъ—чрезвычайно много готовности и очень мало содержанія. Статьи различаются только по длинѣ, въ зависимости отъ запаса словъ, которымъ обладаетъ тотъ или иной военный публицистъ: отъ поэмообразныхъ писаній Далинскаго, до краткихъ, но крѣпкихъ «словъ» и замѣтокъ А. Смирнова, Тифона и иныхъ,—замѣтокъ, больше похожихъ на рапорты начальству, чѣмъ на публицистику. Напримѣръ: «Евреи въ большинствѣ къ строевой службѣ не пригодны, для защиты отечества не приспособлены, а на нестроевыхъ должностяхъ въ строевыхъ частяхъ нежелательны» *). Точка.

Какъ правило, авторы, о которыхъ идетъ рѣчь, не только не приводятъ въ подкрѣпленіе своихъ мыслей какихъ либо реальныхъ, дѣйствительныхъ фактовъ, но не пытаются даже разбить тѣ «цифры и документы», которые выдвигаются ихъ противниками,—въ частности, книгой Усова («Евреи въ арміи». СПБ. 1911), критикѣ которой посвящена значительная часть военныхъ «антиеврейскихъ» статей. Одинъ ссылается на недостатокъ времени для провѣрки фактическаго матеріала, другой—на отсутствіе подъ рукой соотвѣтствующихъ данныхъ; третій, наконецъ, откровенно заявляетъ, что какого-то тамъ «Правительственнаго Вѣстника», на который, въ частности, ссылается г. Усовъ, онъ не только не видѣлъ, но и видѣть не желаетъ, такъ какъ «безъ него знаетъ съ самаго дѣтства, что евреи всѣми способами уклоняются отъ военной службы».

Попадаются, правда, въ писаніяхъ ихъ сообщенія, что «въ одномъ полку.. одинъ полковникъ... одному еврею», или «одинъ еврей... въ одномъ полку... одному капитану». Но анонимный фактъ есть анекдотъ,—не больше. А на анекдотахъ базироваться нельзя. Обличительныя-же рѣчи, фактами не подкрѣпленныя,—лирика. Но на лирикѣ не построишь законопроекта,—даже у насъ, гдѣ имѣется только мертвый инвентарь конституціоннаго государства, въ видѣ «законодательныхъ палатъ» и «основныхъ законовъ».

«Факты» были такимъ образомъ нужны, во что бы то ни стало. Ихъ не было въ распоряженіи военнаго министерства. Стало-быть, ихъ надо было собрать. Министерство прибѣгло къ анкетѣ, разославъ въ войсковыя части подробные опросные листы о службѣ евреевъ.

Шагъ—рискованный. Ибо, когда въ 40-хъ годахъ въ Пруссіи, гдѣ антисемитизмъ былъ въ извѣстныхъ кругахъ не слабѣе нашего, въ обстановкѣ, совершенно аналогичной, была произведена

*) Русскій Инвалидъ, 1911. № 122.

подобная анкета, она привела не къ сокращенію, а къ расширенію правъ евреевъ въ арміи *). Шагъ—рискованный, но вмѣстѣ съ тѣмъ—единственно возможный: иначе не откуда было взять нужные факты.

Результаты анкеты, разработка которой только что закончена въ Главномъ Управленіи генеральнаго штаба, «не подлежатъ пока оглашенію». Но и по тѣмъ отрывочнымъ даннымъ, которыя дошли «съ мѣстъ», можно съ достаточнымъ основаніемъ полагать, что результаты эти, въ общемъ и конечномъ итогѣ, мало удовлетворительны.

Во 1-хъ, потому, что многіе командиры частей истолковали, повидимому, обращеніе къ нимъ совсѣмъ превратно. Имъ представилось, что начальство хочетъ, при изгнаніи евреевъ, просто сослаться на ихъ голосъ, что вся суть именно въ этомъ голосѣ, въ «да» или «нѣтъ». Въ старой китайской арміи была такая боевая команда: «состройте врагу самую страшную рожу». Вотъ именно въ смыслѣ такой команды и была истолкована анкета. И многіе, не по разуму усердные, командиры состроили такое страшное лицо, что фактовъ къ нему никакимъ тщаніемъ не подберешь. И потому ихъ анкетные листы пошли въ Главное Управленіе генер. штаба съ утвержденіями весьма категорическими, но безъ фактовъ.

Во 2-хъ, даже правильно понявшіе смыслъ анкеты начальники—съ увѣренностью можно сказать—не дали нужныхъ министерству фактовъ, — по той-же причинѣ, по которой не дала ихъ Прусская анкета: потому что въ дѣйствительной жизни ихъ нѣтъ.

II.

Уже изъ самой обстановки, въ которой сложился грядущій законопроектъ объ исключеніи евреевъ, ясно, что главный основной (если не единственный) интересъ его — его симптоматичность. По существу, онъ очень мало касается арміи, на боеспособность которой, при $1^1/_2$ милліонномъ составѣ, не могутъ, конечно, повліять

*) Докладъ Министра Внутреннихъ дѣлъ Соединенному Ландтагу въ 1847 г., резюмировавшій результаты этой анкеты, выполненной, къ слову сказать, съ истинно-нѣмецкой добросовѣстностью, характеризуя службу евреевъ-солдатъ въ мирное и военное время, заключается слѣдующими словами.

„Сводя воедино содержаніе доставленныхъ отвѣтовъ на анкету, надлежитъ считать доказаннымъ на опытѣ, что евреи, несущіе службу въ Прусской арміи ни въ чемъ сколько-нибудь замѣтно не отличаются отъ солдатъ, поставляемыхъ христіанскимъ населеніемъ; что въ военное время они служатъ не хуже остальныхъ пруссаковъ, а въ мирное время—также не отстаютъ отъ сослуживцевъ-христіанъ; что, далѣе, еврейское исповѣданіе само по себѣ нигдѣ не сказывалось, какъ препятствіе къ исправному несенію службы». (Die Juden als Soldaten. 2-e Auflage. Berlin. 1897. стр. VII.).

вкрапленные въ ряды то здѣсь, то тамъ, нѣсколько десятковъ тысячъ—пусть даже малопригодныхъ—солдатъ; но онъ близко касается нашей внутренней политики, являясь яркой иллюстраціей новѣйшей «національной» программы.

Къ оцѣнкѣ его съ этой стороны мы можемъ, однако, подойти, установивъ твердо, что арміи онъ не нуженъ, что «военныхъ» основаній для него нѣтъ. Конечно, проще всего было-бы сдѣлать это анализомъ того матеріала, который дала анкета. Но, какъ мы указали, на этотъ матеріалъ наложена печать «секретно»: защитники законопроекта не хотятъ раньше времени показывать «страшнаго лица». И въ этомъ они совершенно правы.

Но матеріала для насъ, и помимо данныхъ анкеты, найдется достаточно.

Начнемъ съ боевой непригодности евреевъ.

Генералъ Ухачъ-Огоровичъ въ своей «Военной Психологіи» справедливо, хотя и не вполнѣ грамотно, указываетъ, что «человѣкъ состоитъ изъ двухъ половинъ: физической и духовной».

Съ этихъ двухъ сторонъ—ибо обѣ «половины», хотя и не въ равной степени, принимаютъ участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ — и надлежитъ изслѣдовать еврея-солдата.

Физическую малопригодность евреевъ къ военной службѣ не считаетъ возможнымъ отрицать даже такой горячій апологетъ ихъ, какъ г. Усовъ. «Что еврейское населеніе, въ общемъ, слабѣе физически нееврейскаго — въ этомъ никакого сомнѣнія быть не можетъ. Лучшимъ мѣриломъ для опредѣленія физическаго развитія изслѣдуемаго субъекта признается отношеніе окружности его груди къ росту, евреи-же являются самымъ узкогрудымъ племенемъ въ Россіи» (ст. 43).

Съ предразсудкомъ, такъ категорически формулированнымъ г. Усовымъ, приходится встрѣчаться довольно часто. Но въ этой формулировкѣ вѣрно — да и то относительно—только одно: евреи обладаютъ болѣе узкой грудью, чѣмъ многія другія племена.

Это—фактъ дѣйствительный, научно установленный, какъ для русскихъ, такъ и для зарубежныхъ евреевъ. Такъ, для галиційскихъ евреевъ онъ доказанъ работами Майера и Коперницкаго, для баварскихъ—Ранке и Рюдингеромъ, для итальянскихъ—Ливи, для англійскихъ—Джекобсомъ и Спильманомъ; для русскихъ, кромѣ старинной (70-хъ годовъ) работы Снегирева, которой пользовался Усовъ, можно указать Блехмана, Вайсенберга, Зака, Элькинда, для различныхъ возрастовъ и различныхъ мѣстностей констатировавшихъ узкогрудость евреевъ.

Но что изъ этого слѣдуетъ?

Если признавать «лучшимъ мѣриломъ годности» отношеніе груди къ росту, то, основываясь на немъ, пришлось-бы признать менѣе годными къ военной службѣ, чѣмъ евреи, цѣлый рядъ народностей, напр., авганцевъ, туркменъ, эстовъ, персовъ, ибо

у нихъ отношеніе это менѣе благопріятно, чѣмъ у евреевъ *). Но туркменъ мы, послѣ среднеазіатскихъ походовъ, считаемъ далеко не безопаснымъ противникомъ; такого-же мнѣнія, по своему боевому опыту, англичане объ авганцахъ; объ эстахъ также не приходилось слышать дурныхъ отзывовъ; да и персовъ—со стороны физической годности ихъ—тоже по сіе время никто не браковалъ.

И обратно: если строить комплектованіе арміи на такомъ принципѣ, чтобы народности, дающія, въ среднемъ, наибольшій % «большой окружности» (свыше 55% роста), пользовались преимущественнымъ правомъ призыва подъ знамена, то въ первую очередь, въ первые ряды русской арміи пришлось-бы выдвинуть: айновъ Сахалина, вотяковъ, карагасовъ, лопарей, цыганъ люли, мещеряковъ, пермяковъ, самоѣдовъ, теленгетовъ и черемисовъ, ибо у всѣхъ ихъ указанный % раза въ 4 больше великорусскаго.

Вообще, «господствующее племя», при распредѣленіи правъ на военную службу по даннымъ пропорціямъ, окажется въ положеніи незавидномъ, какъ видно изъ слѣдующей таблички.

	Изъ 100 чел. имѣютъ окружность груди:		
	Малую.	Среднюю.	Большую.
Великороссы	19	65	16
Малороссы	5	44	53
Латыши	—	33	67
Литовцы	3	39	58
Поляки	5	60	35

И если мы сравнимъ данныя о великороссахъ съ данными о евреяхъ (по изслѣдованіямъ Элькинда, Яковенко, Блехмана, Ивановскаго и Свидерскаго), то разница получится вовсе ужъ не такая значительная.

Великороссы	19	65	16
Евреи	26	61	13

Мы не будемъ, однако, особенно останавливаться на указанномъ «мѣрилѣ годности», потому что высокую оцѣнку его мы находимъ только въ стѣнахъ воинскихъ присутствій. Научная-же антропологія относительно давно уже отказалась признавать его за достаточный, рѣшающій показатель и опредѣленіе «годности» народа

*)

	Изъ 100 челов. имѣютъ грудь:			
	Малую.	Среднюю.	Большую.	По изслѣдованіямъ:
Авганцы	56	39	5	Мацѣевскаго и Пояркова, Данилова, Яворскаго, Харузина, Грубе Элькинда, Яковенко, Блехмана, Ивановскаго, Свидерскаго.
Персы	44	42	14	
Туркмены	36	59	5	
Эсты	25	64	11	
Евреи	26	61	13	

она ищетъ не въ одномъ изолированномъ анатомическомъ фактѣ, а въ цѣломъ комплексѣ фактовъ. Были сдѣланы даже попытки выработать новую формулу опредѣленія годности,—формулу, которая охватывала-бы нѣсколько признаковъ. Примѣромъ такой попытки можетъ служить показатель Пинье. Но малочисленность научныхъ работниковъ въ этой области прикладной антропологіи не дала до настоящаго времени возможности поставить нужныя исканія сколько-нибудь широко и полно.

Гораздо важнѣе, съ научной точки зрѣнія, для опредѣленія «годности» тѣ данныя, которыми характеризуется жизненная устойчивость, жизненная способность народа: данныя эти—долголѣтіе, естественный приростъ, сопротивляемость болѣзнямъ.

По всѣмъ этимъ тремъ пунктамъ евреи выгодно отличаются отъ не-евреевъ.

Въ отношеніи смертности статистика свидѣтельствуетъ, что въ Пруссіи въ 1878—82 гг. на 1000 умирало: 25 не-евреевъ и 18 евреевъ; въ 1893—97 гг.—22 и 15; въ Амстердамѣ данное соотношеніе для не-евреевъ и евреевъ въ возрастѣ 20—50 лѣтъ—60 и 31. Въ Нью-Іоркѣ, гдѣ положеніе евреевъ не можетъ считаться особенно хорошимъ, смертность на тысячу выражается такими цифрами: евреевъ—15, нѣмцевъ—22, англичанъ—26, янки—32, ирландцевъ—33, итальянцевъ—35, чеховъ—44. (Pol. Anthrop. Revue, 1907, № 2, 139). Еще болѣе интересныя данныя приводитъ Фишбергъ (The comparative pathology of the Jews. N. I. Med. journal, 1901, March-April). Въ Будапештѣ половина евреевъ доживаетъ до 50 лѣтъ, въ то время какъ у христіанъ половина доживаетъ только до 30 лѣтъ; возраста 85—90 лѣтъ достигаетъ 8% евреевъ и только 2,4% христіанъ. Даже смертность дѣтей (до 5 лѣтъ), которая въ жизненной обстановкѣ еврея должна была бы непремѣнно быть высокой, даетъ 10% противъ 14% у христіанъ. Совершенно аналогичныя данныя имѣются для Лондона, Пруссіи, Голландіи. Въ Австріи отмѣчается большее преобладаніе рожденій надъ смертностью, чѣмъ у христіанъ (30,8% и 28,3%). Для Алжира преобладаніе это сказывается еще съ большей рѣзкостью, притомъ не только въ отношеніи европейцевъ, но и магометанъ. Въ Румыніи (по даннымъ 1884—1886 гг.) у евреевъ на 1 смертн. случай приходилось 2,10 рожденій, у христіанъ—1,62 и т. д.

Столь же показательны данныя о заболѣваемости. Вѣнское статистическое бюро констатируетъ, что, по сравненію съ мадьярами, нѣмцами, словенцами и сербами, евреи отличаются наименьшей заболѣваемостью. Наиболѣе опасныя болѣзни—туберкулезъ, пневмонія, тифоиды, малярія и пр.—уносятъ среди евреевъ меньше жертвъ, чѣмъ среди другихъ народностей. Такъ, напр., по даннымъ 1890 года, въ Нью-Іоркѣ отъ чахотки умерло евреевъ въ 7 разъ меньше, чѣмъ негровъ, въ 6 разъ меньше, чѣмъ ирландцевъ и т. д. По даннымъ Фишберга, смертность евреевъ отъ ча-

хотки составляетъ всего 5,76% смертныхъ случаевъ противъ 19,44% у ирландцевъ, 14,12% у нѣмцевъ и 13,04% у англичанъ. Еще крупнѣе различіе въ заболѣваемости lues'омъ и заболѣваніяхъ на почвѣ алкоголизма. И только діабетъ можетъ почитаться типичной еврейской болѣзнью.

Наша военная статистика полностью подтверждаетъ это заключеніе: смертность среди евреевъ солдатъ представляется наименьшей. Если же заболѣваемость можетъ показаться, по военно-статистическимъ отчетамъ, нѣсколько повышенной, то легко опредѣлить, что повышеніе это относится, главнѣйше, къ новобранцамъ и объясняется большимъ, по сравненію съ остальными контингентами, процентомъ евреевъ, принимаемыхъ, по оффиціальной терминологіи, «вопреки мнѣнію врачей». Даже въ области болѣзней органовъ дыханія, къ которымъ узкогрудые евреи должны были бы, казалось, быть болѣе предрасположены,—по изслѣдованію д-ра С. Н. Хозяшева («Болѣзни органовъ дыханія въ русской арміи». Спб. 1911), наибольшій % заболѣваній падаетъ на гвардейскія, гренадерскія и крѣпостныя части, т. е. какъ разъ тѣ, въ которыхъ евреевъ или вовсе нѣтъ, или имѣется ничтожный процентъ.

Суммируя вышесказанное и учитывая условія жизни еврейской массы, нельзя не присоединиться къ мнѣнію виднаго и авторитетнаго антрополога Ripley'а, признающаго за евреями «беспримѣрную жизненную стойкость» (an unprecedented tenacity of life).

Между тѣмъ каждому, кто представляетъ себѣ достаточно вѣрно условія современной войны, совершенно ясно, что именно «жизнестойкостью» опредѣляется годность людского состава арміи въ боевой обстановкѣ. Крупная физическая сила, стальныя мышцы, неимовѣрные бицепсы—все это было рѣшающимъ факторомъ въ ту эпоху, когда исходъ боя рѣшался тѣмъ же путемъ, что и исконно-русскіе кулачные бои, «стѣнка на стѣнку».

Усовершенствованіе оружія уравняло природное различіе мышечной силы противниковъ, даже въ условіяхъ столь рѣдкой нынѣ штыковой схватки. Конечно, изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы «требованія физической годности» отошли на задній планъ: они попрежнему являются главными, пожалуй, даже исключительными. Но самое расходованіе силы производится совершенно иначе, чѣмъ раньше. Современная война требуетъ отъ солдата способности выносить въ теченіе долгаго промежутка времени невысокія, относительно, напряженія, въ то время, какъ прежняя война требовала короткихъ моментовъ огромнаго напряженія физической силы. Другими словами, «сила» въ дѣйствительномъ, тѣсномъ, значеніи слова смѣнилась «выносливостью». Или, что то же, рѣшающее значеніе отъ атлетики перешло къ жизнестойкости.

Переходъ этотъ, какъ мы видѣли, скорѣе въ пользу евреевъ, чѣмъ обратно. Ибо та быстрая утомляемость, которой намъ придется коснуться ниже, даже въ условіяхъ современнаго *боя*, менѣе

вредоносна, чѣмъ могла быть въ прежнемъ, короткомъ, не затяжномъ бою. Въ условіяхъ же *похода*,—передвиженій, маршей-маневровъ, въ которыхъ нынѣ лежитъ главная тяжесть войны (по сравненію съ былымъ, съ какой-нибудь «пяти-переходной системой»)—характерная жизнестойкость еврея дѣлаетъ его вполнѣ пригоднымъ «боевымъ матеріаломъ».

Что касается стрѣлковыхъ способностей, которыми наряду съ выносливостью исчерпываются въ сущности боевыя требованія, предъявляемыя военной дѣйствительностью рядовому, то и здѣсь обычное шельмованіе евреевъ представляется мнѣ преувеличеннымъ. Правда, анкета, произведенная Офицерской стрѣлковой школой, устанавливаетъ, что по стрѣльбѣ евреи занимаютъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Но, во 1-хъ, есть народности, которыя стрѣляютъ еще хуже и въ числѣ ихъ татары, о боевой непригодности которыхъ вообще не говорятъ. Во 2-хъ, среди тѣхъ же евреевъ, по даннымъ этой анкеты, есть группа, которая стрѣляетъ лучше «среднихъ» русскихъ. Это—евреи, попавшіе въ стрѣлковые полки. Они даютъ: стрѣлковъ 1-го разряда 25,28%, 2-го разр. 37,62%, 3-го 25,08% и не проходившихъ курса стрѣльбы 12,02%; среднее-же для русскихъ—23,24%, 35,36%. 27,67% и 13,73%. Если принять во вниманіе, что указанная группа составляетъ 1/6 попавшихъ въ анкету евреевъ, положеніе приходится признать вовсе не такимъ уже безнадежнымъ.

III.

Но обвиненіе въ физической негодности есть слабѣйшее изъ обвиненій, предъявляемыхъ къ евреямъ - солдатамъ. Даже самые ярые «антиевреи» какъ будто сознаютъ шаткость своихъ утвержденій въ данной области. И потому на первое мѣсто выдвигается *психологическая* немощь еврея, дѣлающая его негоднымъ солдатомъ, неспособнымъ къ боевому порыву, склоннымъ къ паникѣ,—не только неустойчивымъ въ испытаніяхъ, но легко деморализующимъ и другихъ.

Еврей не способенъ къ риску жизнью, онъ всегда цѣпляется за нее, онъ не пойдетъ ни на что, гдѣ есть «физическая опасность». Отчего нѣтъ евреевъ - авіаторовъ?—побѣдоносно спрашиваетъ одинъ изъ новѣйшихъ обличителей еврейства, Далинскій. «Авіація—самое прогресивное занятіе современнаго человѣчества». (В. Сб. 1911 № 10, стр. 91).

Утвержденіе этой «немощи» строится, по преимуществу, на теоретическихъ выкладкахъ. Дѣлались, правда, отдѣльныя попытки обосновать это на фактахъ, но тѣ разрозненные эпизоды, которые приводятся нѣкоторыми, очевидно, недостаточны, тѣмъ болѣе, что достовѣрность многихъ анекдотовъ болѣе чѣмъ сомнительна.

Ни въ одной изъ зарегистрованныхъ военной исторіей паникъ нѣтъ какихъ-либо указаній на то, что виновниками ихъ были солдаты-евреи. На каждый отдѣльный случай бѣгства или уклоненія отъ боя еврея можно привести случаи героизма и самопожертвованія другого еврея-солдата. Что-же касается «массы», то здѣсь боевой опытъ приводитъ къ благопріятнымъ выводамъ. Я не буду указывать столь рельефный, по существу своему, примѣръ, какъ боевая работа евревъ при оборонѣ Праги въ 1794 г. Объ одушевленіи и стойкости, проявленныхъ «жидовскимъ полкомъ» въ эти дни, много писалось. Примѣръ этотъ, дѣйствительно, характеренъ, какъ единственный въ новѣйшей исторіи случай, когда евреи дрались въ составѣ своего единоплеменнаго полка и дрались за свои очаги, за свою семью. Они знали, чѣмъ грозитъ взятіе Праги ея жителямъ: не даромъ впослѣдствіи, учитывая то, что произошло послѣ паденія Праги, Императоръ Павелъ признавалъ взятіе ея... не дѣйствіемъ воинскимъ, а единственно закланіемъ жидовъ. Въ виду того, что обстановка и цѣль всякой борьбы являются рѣшающимъ моментомъ въ созданіи «духа»,—я не считаю возможнымъ строить какія-либо заключенія на примѣрѣ Пражской обороны: ибо условія, въ которыхъ приходится нести военную службу еврею въ современномъ государствѣ, слишкомъ отличны. Въ настоящее время и обстановка, и цѣль войны, обыкновенно, далеки и чужды ему. Но и въ этихъ условіяхъ военная исторія не даетъ данныхъ для осужденія евреевъ: разницы между еврейскими и иноплеменными контингентами не замѣчается. Послѣ войны «за освобожденіе Европы» 1813—1815 гг., когда евреи впервые появились въ рядахъ прусской арміи, канцлеръ гр. Гарденбергъ писалъ графу ф. Гроте (4 янв. 1815 г.): «Послѣдняя война показала, что на довѣріе, оказанное евреямъ государствомъ, которое приняло ихъ въ свое лоно, они отвѣтили искреннею преданностью. Молодые люди іудейскаго исповѣданія оказались прекрасными боевыми товарищами солдатъ-христіанъ, и мы видѣли въ ихъ средѣ примѣры истиннаго героизма и самаго похвальнаго презрѣнія къ опасностямъ войны». Послѣднія войны вплоть до русско-японской, какъ показываетъ цифровой матеріалъ, приводимый въ изданіи Комитета для борьбы съ антисемитизмомъ, и аналогичный трудъ Усова въ полной мѣрѣ подтверждаютъ слова Гарденберга.

Вполнѣ поэтому понятно, что «анти-евреи» строятъ свою аргументацію почти исключительно на соображеніяхъ, такъ сказать, теоретическихъ. При этомъ одни теоретики ищутъ себѣ опоры въ «общемъ характерѣ еврейской исторіи». Такъ, генералъ Ухачъ-Огоровичъ отмѣчаетъ, что «одинъ ученый изслѣдователь» (кто? С. М.) свидѣтельствуетъ, что «въ эпоху царей евреи были такіе ненадежные солдаты, что ихъ царь (кто? С. М.) былъ вынужденъ поручать оборону страны и свою личную охрану чужеземнымъ наемнымъ войскамъ; въ евреяхъ было такъ мало воинской пред-

иріимчивости къ дальнимъ завоеваніямъ, что одинъ видъ моря пугалъ ихъ». Изъ этой цитаты нельзя однако составить себѣ представленія о негодности евреевъ. Въ частности, фактъ найма войскъ оставляетъ, по моему, открытымъ вопросъ: кто въ данномъ случаѣ былъ «не надеженъ»—царь или народъ.

Подробнѣе и основательнѣе, смотря по Прутковски, «въ корень», подходитъ къ тому-же вопросу Далинскій (В. Сб. 1911 г., №№ 11 и 12 и отд. изданіе).

По его мнѣнію, евреи *не могутъ* быть воинами органически, потому что таковъ желѣзный законъ ихъ расовой особенности: Европеецъ можетъ быть трусомъ или героемъ, негодяемъ или честнѣйшимъ человѣкомъ. Его кровь — «чистѣйшая кровь арійца»— даетъ самую широкую амплитуду нравственныхъ колебаній, открываетъ ему возможность стать тѣмъ, чѣмъ онъ самъ захочетъ. Но еврей... Онъ былъ трусомъ, когда ночью, измѣннически перебивъ первенцевъ египетскихъ, уходилъ изъ страны, пріютившей нѣкогда выселенцевъ, давшей возможность имъ изъ 70 человѣкъ размножиться въ народъ, насчитывавшій свыше 600 тысячъ однихъ способныхъ носить оружіе. Они украли, уходя, драгоцѣнности египтянъ, тѣхъ самыхъ, за счетъ которыхъ они жили 430 долгихъ лѣтъ, «поставляя любовницъ фараонамъ и знатнымъ сановникамъ и давая деньги въ ростъ». Они были трусами въ дни паденія Іерусалима, когда Титъ въ рѣчи къ войскамъ со справедливымъ презрѣніемъ говорилъ: «вы побѣдили самый безстыдный, мятежный и коварный народъ». Они были вѣроломными трусами, когда звали мавровъ на города отогрѣвшей ихъ, бездомныхъ скитальцевъ, Испаніи. И позже, когда разсыпались по безчисленнымъ гетто Европы—рабы по виду, рабы по духу—они были тѣми-же презрѣнными трусами, что въ дни царей Израильскихъ.

Такъ говоритъ новѣйшій «строевой» историкъ евреевъ.

Другіе теоретики ссылаются на соціальныя особенности еврейскаго племени, на его расовую склонность къ торговлѣ. Еврей— торгашъ, и этимъ все сказано. Къ значенію профессіональнаго фактора въ данномъ случаѣ мы еще вернемся. Пока же отмѣтимъ лишь, на сколько поверхностны и рискованны могутъ быть подобныя характеристики, даваемыя, обыкновенно, съ лету. На дняхъ мнѣ попалась на глаза такая характеристика народа:

«Ему не важны средства, лишь бы цѣль была достигнута... Онъ коваренъ и хитеръ, онъ рѣдко идетъ прямо къ цѣли—у него недостаетъ для этого искренности... Тенденція ко лжи, свойственная торговцамъ и спекулянтамъ, всегда сгибающимъ свою спину передъ вліятельными лицами. Вѣрность своему слову и даже подписаннымъ контрактамъ... не привилась въ его нравахъ. Другая индивидуальная черта—это его нерѣшительность... Безконечные пересуды и никогда—положительное рѣшеніе... Онъ не трудолюбивъ... Скрытая ненависть ко всему иноплеменному, ревнивое желаніе срав-

няться съ ними и даже превзойти ихъ и такимъ образомъ избавиться отъ необходимости унижаться передъ ними—все это создало духовную силу, связывающую всѣ разрозненные элементы... Индивидуальныя качества его, какъ солдата,... далеко не блестящи... Онъ любитъ жизнь... и боится смерти... Но трезвъ, скроменъ, вслѣдствіе воспитанія и необходимости... Можетъ довольствоваться неприхотливой пищей, одеждой и помѣщеніемъ... смѣтливъ, наблюдателенъ»...

Вы думаете, что это октябристъ пишетъ о евреяхъ?

Нѣтъ. Это г. Роцицкій писалъ о японцахъ...

Евреи, дѣйствительно, не воинственны до болѣзненности, до неспособности во многихъ случаяхъ къ самообороне. Качество, навѣявшее такія горькія, кровью писанныя строки Бялику. Но кто воинственен, по нынѣшнимъ временамъ, когда даже команчи, подвигами которыхъ упивались мы въ школьные годы, смѣнили свои томагавки на заступы и кирки? И развѣ тотъ-же генералъ Куропаткинъ, въ томъ же III томѣ своей «Россіи», въ которомъ онъ клеймитъ евреевъ, не жалуется на «отсутствіе воинственности у русскаго племени... на отсутствіе одушевленія» и т. п.? Число воинственныхъ въ томъ или другомъ народѣ опредѣляется числомъ не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій, не стоящихъ на своемъ «дѣлѣ». Поэтому не воинственен крестьянинъ, рабочій, купецъ, писатель. Добавьте сюда всѣ профессіи—вплоть до военной.

Гораздо болѣе серьезнымъ соображеніемъ было-бы указаніе на *физіологическія* особенности еврейскаго племени. Ихъ почему-то забыли критики еврейства. Какъ правило, еврей впечатлителенъ и нервенъ. Онъ легко возбудимъ. Фактъ общеизвѣстный, научно доказанный И. А. Сикорскимъ, А. С. Миноромъ и уже цитированнымъ мною Фишбергомъ, что функціональные неврозы и психозы, особенно неврастенія и истерія, встрѣчаются чаще среди евреевъ, чѣмъ среди неевреевъ.

Данныя для военной психологіи мало благопріятныя. Впечатлительный человѣкъ утомляется скорѣе. Между тѣмъ вопросъ нервной утомляемости—вопросъ особливо острый для современнаго боя, съ его опустошительнымъ огнемъ, его длительностью, пустотой поля сраженія, давящей мозгъ несоизмѣримо тяжелѣе, чѣмъ блескъ оружія людской стѣны, движущейся навстрѣчу, чѣмъ лѣсъ вражескихъ копій въ бояхъ прошлаго. Бѣдность звуковъ, частое жуткое затишье. Неизвѣстность событій, развертывающихся на необозримомъ пространствѣ, на десяткахъ верстъ... Все это требуетъ или грубаго элементарнаго нервнаго вещества, мало способнаго къ иному возбужденію, кромѣ возбужденія непосредственнаго, «видомъ», или внутренняго огня, творящаго несокрушимую стойкость, единаго дающаго побѣду.

Очевидно, что ни того, ни другого качества у евреевъ нѣтъ: ибо по интеллигентности они переросли уже предѣлъ непосред-

ственной возбудимости; что-же касается внутренняго огня, то было-бы противоестественно, если-бы онъ у нихъ былъ.

Если бы вопросъ стоялъ объ *одиночномъ* боѣ, одинъ на одинъ, евреевъ можно было-бы цѣнить не особенно высоко. Но при развѣдкѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, гдѣ выдвигаются на первый планъ способности интеллектуальныя, еврей долженъ скорѣе выдѣляться, чѣмъ отставать отъ другихъ. По крайней мѣрѣ, въ сѣтованіяхъ, которыя раздавались по поводу недочетовъ нашей развѣдочной части въ послѣднюю войну, упреки полностью падаютъ на «господствующую народность», на великороссовъ. «Передача устныхъ приказаній въ бою черезъ нашихъ нижнихъ чиновъ была невозможна, такъ какъ они перевирали непонятную имъ рѣчь... Нашему солдату невозможно было разсказать дорогу къ какому-нибудь пункту въ незнакомой мѣстности... У насъ настолько развилось «немогузнайство» въ прошлую компанію, что если-бы Суворовъ воскресъ и поговорилъ съ нашими Кирилками, онъ бы опять умеръ отъ огорченія» (Развѣдчикъ, 1911 г. № 943). Пишетъ это, между прочимъ, тотъ самый г. Далинскій, который почему-то считаетъ, что «отъ еврея всѣ качества» (конечно, отрицательныя) нашей арміи. Указанные недочеты, по самому существу своему, могутъ относиться къ евреямъ меньше, чѣмъ къ остальнымъ, такъ какъ даже такіе убѣжденные враги евреевъ, какъ требующій ихъ изгнанія изъ арміи г. Тарасовъ, не только констатируютъ высшую, чѣмъ у остальныхъ національностей Россіи, грамотность, но признаютъ даже ихъ «такъ сказать, превосходство въ умственномъ развитіи передъ другими». (Цит. кн. стр. 19).

Въ одиночномъ бою, повторяю, слѣдуетъ предпочесть сибирскаго звѣролова, казака или кавказскаго горца еврею изъ черты осѣдлости. Но въ бою «массовомъ», каковымъ, за рѣдкими исключеніями, и является современный бой,—указанныя свойства евреевъ,—ихъ нервность и впечатлительность,—не могутъ, по моему мнѣнію, играть особо вредной роли. Въ самыхъ «еврейскихъ полкахъ» ихъ 4—5 на роту, въ строю-же, пожалуй, и того меньше. Уже одна эта вкрапленность предрѣшаетъ фактическую невозможность для нихъ опредѣлить собою психологію войсковой части, съ которой они идутъ въ бой. Какъ свидѣтельствуетъ даже ген. Ухачъ-Огоровичъ *), «колебаніе и малодушіе нѣкоторыхъ субъектовъ исчезаютъ подъ воздѣйствіемъ массы». Повышенная еврейская нервность можетъ, въ крайнемъ случаѣ, только скорѣе выявить сложившуюся психологію — въ формѣ ли безумнаго удара въ штыки или паническаго бѣгства; но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, это будетъ проявленіемъ не ихъ личной воли, но воли той массы, съ которой они въ данный моментъ слиты. Вотъ почему въ тѣ моменты, когда психологія толпы складывается лихорадочно-быстро, рѣзкимъ толчкомъ,—еврей легко

*) Военная психологія, стр. 197.

можетъ метнуться въ глаза наблюдателю; при нормальномъ-же развитіи событій, при медленномъ наростаніи боя, напр., — его быстрая нервная утомляемость отнимаетъ у него ту силу сопротивленія психологіи толпы, которая могла быть у него въ началѣ дѣйствія. Это, конечно, далеко не положительное качество: это— качество безличное. Но какой-либо угрозы цѣлому отъ него нѣтъ.

Качество это, «безличность»,—очень характерно для еврея-солдата. Въ немъ нѣтъ красокъ для яркой батальной картины, но нѣтъ и для анаѳемы. Нѣтъ тѣхъ красокъ, которыя мы нашли-бы, говоря о евреѣ внѣ арміи. Тамъ — онъ опредѣлененъ, онъ ярокъ, ибо черезъ него—его видомъ, жизнью, мыслью, чувствомъ—говоритъ тысячелѣтняя его исторія. Но здѣсь, въ рамкахъ арміи, въ жизни, гдѣ всякій шагъ регулированъ уставомъ, гдѣ на всякое движеніе есть разрѣшеніе или запретъ, переодѣтый въ мундиръ, онъ теряетъ всѣ тѣ черты и особенности, на которыхъ привычно останавливается глазъ «на волѣ». Онъ затеривается въ массѣ такихъ же худогрудыхъ, невидныхъ, всегда полу-испуганныхъ новой, несвычной обстановкой солдатиковъ, «Кирилокъ», которыхъ поставляетъ пригородная, ремесленная и мелкоторговая Русь. Онъ не выдѣляется изъ этой массы. Вотъ все, что можно сказать о немъ.

Иначе и не можетъ быть. Тѣ черты, которыя выше намѣчены,—эта узкая грудь, и ростъ малый, и нервная утомляемость,—это не «еврейскія», это не «расовыя качества»: это качества того класса, къ которому принадлежитъ въ значительной части еврейство.

Мы не будемъ напоминать обличителямъ «еврейской расы», что семитизмъ *русскихъ* евреевъ отрицается представителями современной научной антропологіи почти единогласно, что каждое новое изслѣдованіе все крѣпче утверждаетъ за ними права на то же арійское происхожденіе, которымъ такъ гордится Шеманскій. Для насъ важнѣе другой фактъ, также достаточно уже освѣщенный современной наукой,—тотъ фактъ, что соматическія особенности еврейскаго народа являются результатомъ своеобразнаго вліянія среды» *), а отнюдь не расы. Ихъ опредѣляетъ не «кровь», но «профессія».

IV.

Изслѣдовать какой-либо народъ въ отношеніи его боевой годности можно, въ условіяхъ современности, только разсматривая его, какъ «пирамиду профессій» и изслѣдуя отдѣльно каждый слой, каждую плиту этой пирамиды. Равноцѣнности — въ смыслѣ военной годности—между ними нѣтъ и быть не можетъ.

Весь циклъ еврейскихъ профессій связанъ съ городомъ. Город-

*) *Элькиндъ*. Евреи. Москва. 1.

ское же населеніе во всѣ времена давало менѣе годный боевой матеріалъ. Еще генералъ Горнъ въ 1828 г. жаловался на пониженіе годности прирейнскаго населенія, вслѣдствіе роста фабричной промышленности. Тотъ-же фактъ, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, былъ научно обоснованъ Донатомъ на гигіеническомъ конгрессѣ въ Будапештѣ (1894 г.). Въ Швейцаріи изслѣдованіями Шулера и Бурхардта установлено, что въ фабричныхъ кантонахъ бракуется ежегодно 20–23% призыва, въ то время какъ въ непромышленныхъ раіонахъ—не свыше 14–18%. Прусское правительственное разслѣдованіе, предпринятое въ 1902 г., установило, что въ раіонѣ III арм. корпуса, напр., городское населеніе дало 41% годныхъ, въ то время какъ сельчане дали 61%. Далѣе, той-же антропологіей твердо установлено различіе въ физическомъ развитіи различныхъ слоевъ даже городского населенія (Ничефоро, Ливи, Лонге, Брентано и др.; особенно можно рекомендовать трудъ Велльмана, съ особой тщательностью анализирующій вліяніе профессій и преемственности ихъ). Съ другой стороны, доказано, что вредное вліяніе той или иной профессіи сказывается въ городской обстановкѣ съ особою силою. Такъ въ Jahrbuch für Nationalökonomie und statistik (15 т., стр. 655) мы находимъ слѣдующія данныя: кузнецы, слесаря, формовщики даютъ непригодныхъ къ военной службѣ въ городахъ 32%, въ селеніяхъ 27, 9%; сапожники и портные въ городахъ—68%, въ селеніяхъ—45, 1%, и т. д.

Вредное вліяніе профессій на физическое развитіе должно было сказаться у евреевъ особенно сильно, въ виду, во 1-хъ, скученности, въ какой они живутъ и вліяніе которой на пониженіе физической годности такъ рельефно показалъ на примѣрѣ 3, 4 и 10-го (т. е. самыхъ населенныхъ округовъ Парижа) Манувріе, и, во 2-хъ, въ виду характерной для огромнаго большинства евреевъ бѣдности,—являющейся также, какъ извѣстно, понижающимъ факторомъ.

Спеціальные антропологическіе труды, посвященные евреямъ, полностью подтверждаютъ, что физическіе недочеты, выше перечисленные, обусловлены исключительно жизненной обстановкой. Такъ Джекобсъ и Спильманъ отмѣчаютъ, что вэстэндскіе евреи Лондона даютъ лучшій ростъ и лучшее отношеніе груди къ росту, чѣмъ евреи истэндскіе, находящіеся въ худшихъ жизненныхъ условіяхъ. Аналогичный примѣръ представляетъ Венгрія, гдѣ евреи поставлены въ лучшія условія, чѣмъ ихъ сородичи изъ черты осѣдлости, и они даютъ значительно лучшія пропорціи. Вайсенбергъ (Arch. f. Anthrop. т. XXIII) объясняетъ задержку въ физическомъ развитіи евреевъ «усиленнымъ умственнымъ трудомъ, наступающимъ очень рано въ силу обязательнаго посѣщенія школы еще на 5-мъ году; весьма антигигіеничными условіями и весьма строгимъ режимомъ хэдера; отсутствіемъ физическихъ упражненій; преобладаніемъ занятій, не требующихъ большого физическаго напряженія и обычно

связанныхъ съ сидячимъ образомъ жизни; ранними браками». Ripley устанавливаетъ низкорослость евреевъ, какъ результатъ невыгодныхъ житейскихъ условій (Globus т. L XXVI, № 2).

Сказанное о физическомъ развитіи полностью приложимо и къ «психологіи».

До извѣстной степени физическое слабосиліе, какъ можно думать, непосредственно связано съ характернымъ для евреевъ недостаткомъ воинственности. Менѣе здоровый, болѣе слабый человѣкъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, неизбѣжно оказывается и болѣе робкимъ, менѣе воинственнымъ. Еще большее значеніе имѣетъ въ данномъ отношеніи тотъ циклъ профессій, который доступенъ евреямъ. Въ массѣ своей они принадлежатъ къ классу, живущему, главнымъ образомъ, обмѣномъ, а этотъ классъ особенно сильно заинтересованъ въ томъ, чтобы охранить жизнь отъ рѣзкихъ толчковъ и вооруженныхъ конфликтовъ, которые могутъ нарушить обмѣнъ и порвать торговыя сношенія. Издавна купецъ противопоставляется въ этомъ случаѣ воину, какъ рѣзко противоположный по психологіи типъ...

Традиціонная отверженность отъ остальныхъ племенъ и угнетеніе создали въ еврействѣ внѣшнее единство. Благодаря этому, указанная профессіональная черта легко принимается за племенную еврейскую особенность. Въ дѣйствительности однако еврейское единство—чисто внѣшнее, обусловленное правовымъ положеніемъ. Это—единство русской тюрьмы, гдѣ сбиты въ одну яму самое свѣтлое и самое чадное, что есть въ мірѣ,—фальшивомонетчики и геніи духа, скотоложцы и люди, душу свою положившіе за други своя.

На дѣлѣ всѣ внутреннія отношенія въ еврейской средѣ построены на конкуренціи, и конкуренціи безоглядной, вообще свойственной данному классу и тѣмъ болѣе классу, насильно вмѣстившему чуть не цѣлый народъ. Зомбартъ *) такъ формулируетъ нормы, принципіальными сторонниками которыхъ евреи являются въ теченіе всѣхъ послѣднихъ столѣтій: сфера дѣятельности каждаго хозяйственнаго субъекта ни въ какомъ направленіи не ограничена никакими объективными положеніями, касается ли дѣло величины сбыта, или разграниченія профессій; каждый хозяйственный субъектъ во всякое время долженъ заново завоевать свою позицію и во всякую данную минуту защищать ее отъ посягательствъ со стороны; онъ также вправѣ отвоевать для себя за счетъ другихъ столько экономическаго простора, сколько можетъ; всѣ экономическіе процессы надлежитъ регулировать лишь по личному усмотрѣнію въ интересахъ возможно большей цѣлесообразности. Какое «единство» можетъ быть построено на такихъ принципахъ? Не является-ли при наличіи ихъ всякая связь только временнымъ

*) Евреи и хозяйственная жизнь. Рус. пер. Спб. 1912, стр. 179.

союзомъ, непрочнымъ, способнымъ рухнуть ежеминутно, если этого потребуетъ экономическій просторъ? Сильнѣйшимъ связующимъ цементомъ является, какъ мы говорили, угнетеніе. При немъ достаточно надежна и традиціонная религіозная связь. Но тамъ, гдѣ угнетенія нѣтъ, еврейство легко теряетъ единство. Число крещеній, напримѣръ, какъ замѣчено, растетъ обратно пропорціонально гнету: особенно много ихъ было въ XIX столѣтіи и, въ частности, въ послѣдней его трети. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ въ Берлинѣ, напр., можно говорить уже объ «исчезновеніи еврейства».

То, что мы считаемъ цѣлымъ, есть искусственный агломератъ, и тѣ специфически-еврейскія черты, которыя многимъ кажутся племенными особенностями, легко можно стереть простымъ разрушеніемъ той искусственной ограды, которой они созданы.

Мнѣ невольно вспоминаются судьбы столь нашумѣвшей въ свое время теоріи Ломброзо о прирожденномъ преступникѣ.

Развѣ не такимъ-же прирожденнымъ преступникомъ, физическимъ и нравственнымъ уродомъ рисуется большинству современниковъ еврей? Въ свое время Ломброзо пришлось отъ первоначально чисто физико-антропологическаго замысла ошельмованія человѣка перейти къ осложненной антрополого-психіатрической теоріи, а затѣмъ, не удержавшись на ея наклонной плоскости, сознаться, что «несравненно важнѣе индивидуальныхъ, органическихъ причинъ могутъ быть причины, стоящія въ зависимости отъ общихъ и экономическихъ условій» и такимъ образомъ собственными руками разбить идола предопредѣленной преступности. Такъ и намъ по отношенію къ евреямъ отъ теоріи расоваго рахитизма и прирожденной «рабской психологіи»—силой фактовъ, силой жизни самой неизбѣжно придется пріити къ соціальнымъ условіямъ, какъ къ основному въ данномъ случаѣ фактору. Намъ придется признать вторичными всѣ явленія, которыми, какъ признакомъ неизлѣчимой болѣзни, пугаютъ насъ антисемиты. Они желаютъ отсѣчь часть тѣла, болѣзнь котораго есть только результатъ общаго зараженія организма. Не правильнѣе ли было бы заняться леченіемъ самого организма? Ибо, воистину, не мы «болѣемъ евреями», но «евреи болѣютъ нами».

V.

Повсюду, гдѣ воинская служба есть *повинность*, уклоненіе отъ нея неизбѣжно. Кромѣ лицъ, непосредственно, органически заинтересованныхъ въ наружной и внутренней охранѣ существующаго уклада государства, всѣ остальные, подчиненные элементы стремятся къ максимальному уклоненію. Это—законъ. И границы ему

ставятся чисто «физическія»—въ видѣ стѣны полицейскихъ мѣръ, ограниченій, наказаній, вплоть до окончательной невозможности существованія «уклонившагося» въ другомъ мѣстѣ, кромѣ тюрьмы. Гдѣ и покуда можно—уклоняются легально, пріобрѣтеніемъ льготъ. Если это невозможно, уклоняются нелегально: пріобрѣтеніемъ фиктивныхъ свидѣтельствъ о болѣзни, подкупомъ—кто можетъ, кто не можетъ — побѣгомъ. Явленіе повсемѣстное, что уклоненіе незаконное растетъ строго пропорціонально сокращенію освобожденій по льготамъ, или сокращенію самыхъ льготъ. Это подтверждается хотя бы новѣйшей исторіей призывовъ во Франціи и у насъ, въ Россіи. Обычно, въ этомъ винятъ «развитіе антимилитаризма»; но, право-же, онъ тутъ непричемъ, и вся суть только въ первомъ, въ основномъ порокѣ современной военной службы: въ томъ, что она *повинность*. Любопытно отмѣтить, что законность уклоненій отъ военной службы признаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже «правые». Такъ, Далинскій оправдываетъ «нѣтчиковъ» Московской Руси, ибо, по его словамъ, они «не могли согласиться съ новымъ режимомъ службы».

Въ исторіи коренной Руси легче всего, пожалуй, прослѣдить этотъ законъ уклоненія, какъ мы его назвали. Уже въ московскую эпоху приходилось метать громы, ибо, чѣмъ дальше отъ Москвы, чѣмъ слабѣе была, стало-быть, возможность непосредственнаго воздѣйствія, тѣмъ упорнѣе уклонялась окраина отъ несенія военной повинности.

Еще рѣзче сказался «законъ уклоненія» при Петрѣ. Несочувствіе царскимъ начинаніямъ, въ связи съ слабостью тогдашней полицейской силы, повело къ тому, что, кажется, ни въ одну эпоху не было такихъ побѣговъ изъ арміи, какъ тогда. Тщетно усугубляли наказанія. Въ 1700 г. (27, IX) указано было бѣглыхъ вѣшать; 19 января 1705 г.—изъ каждыхъ троихъ—одного вѣшать, другихъ бить кнутомъ и ссылать въ каторгу на-вѣчно; указъ 4 іюня 1705 г. редактированъ въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ: «учиня наказаніе—ссылать на каторгу въ Петербургъ». Въ 1708 г. пошли еще дальше. Боярскій приговоръ 22 января кое-чѣмъ прямо напоминаетъ нынѣ дѣйствующее военно-еврейское законодательство: «записывать рекруты съ отцы, и прозвищи, и съ лѣты, и въ рожи, и въ примѣты, кто холостъ или женатъ, и женъ ихъ имена съ отчествомъ... и кто у нихъ въ томъ селѣ или деревнѣ дядья или братья, или свойственники». «За ихъ побѣги тѣ ихъ отцы и дяди, братья и свойственники съ женами и дѣтьми посланы будутъ въ ссылку... а бѣглецы, какъ будутъ сысканы, казнены будутъ смертью».

И тѣмъ не менѣе жестокіе шли побѣги. Въ 1710 году изъ числа 5745 рекрутъ, посланныхъ подъ Ригу, бѣжало 1669 человѣкъ. Въ томъ же году изъ партіи въ 660 человѣкъ бѣжало 304; изъ партіи полк. Франка по дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ

бѣжало 517 чел.; изъ партіи пор. Колычева въ 425 чел. удалось сдать на службу только 80, остальные бѣжали*).

Опуская позднѣйшее рекрутское время (когда будущихъ воиновъ зачастую везли въ колодкахъ и содержали на пути въ острогахъ), ибо, при особенностяхъ комплектованія того времени, побѣги не могутъ служить доказательствомъ нашего «закона», перейдемъ прямо къ эпохѣ, когда воинская повинность стала «священнѣйшей обязанностью» каждаго русскаго гражданина. Безчисленныя льготы, которыя оказалось возможнымъ ввести въ уставъ, благодаря чрезвычайному превышенію «солдатскаго предложенія» надъ «спросомъ», открыли широкій путь для уклоненій легальныхъ. Благодаря этому, нелегальныя уклоненія были относительно рѣдки, а недоборы, конечно, исключеніемъ. Но съ теченіемъ времени, съ ростомъ ежегодныхъ контингентовъ, чудодѣйственное значеніе «льготы» стало ослабѣвать, и дѣйствіе «закона уклоненія» не замедлило проявиться въ самой откровенной формѣ. Какъ характерный примѣръ, я позволю себѣ привести корреспонденцію изъ Псковской губ., напечатанную не такъ давно въ газетѣ «Рѣчь» (№ 316, 1911 г.).

«На дняхъ закончился пріемъ новобранцевъ по здѣшней губерніи. Со времени русско-японской войны общее число призываемыхъ увеличилось почти вдвое, но съ того же времени и желаніе избавиться отъ воинской повинности стало проявляться вдвое сильнѣе. За послѣдніе годы призываемые стараются всяческими способами освободиться отъ солдатчины: кто побогаче, пытается дѣйствовать деньгами, а у кого нѣтъ достаточнаго капитала, тотъ портитъ себя. Портитъ, калѣчитъ себя призываемая деревенская молодежь тоже всяческими способами: иной растравляетъ себѣ глаза, натирая ихъ нюхательнымъ табакомъ, другой вливаетъ себѣ въ ухо азотную или сѣрную кислоту, третій отрубаетъ себѣ указательный палецъ правой руки и т. д. Чаще всего практикуется порча глазъ и ушей. Въ островскомъ и опочецкомъ уѣздахъ изъ-за глазъ и ушей бракуются до 10 проц. всѣхъ «лобовыхъ» призываемыхъ. Къ порчѣ своего здоровья и къ подкупу прибѣгаетъ пока лишь эта категорія призываемыхъ къ отбытію воинской повинности; но большой процентъ браковки среди лобовыхъ ведетъ къ тому, что сдаютъ въ солдаты льготныхъ третьяго и даже второго разряда, и эту категорію призываемыхъ, чтобы пополнить комплектъ новобранцевъ, принимаютъ на военную службу уже безъ строгой браковки. Въ прошломъ году по опочецкому уѣзду были сданы въ солдаты всѣ льготные 3-го и 2-го разряда; но военное вѣдомство вернуло обратно изъ воинскихъ частей, за непригодностью къ военной службѣ, 60 человѣкъ и сдѣлало по этому случаю

*) Столѣтіе Военнаго Министерства, т. IV, кн. I. Отд. I, ч. I, стр. 66—67 и приложенія.

замѣчаніе пріемной коммиссіи. Въ текущемъ году въ опочецкомъ уѣздѣ повторилась прошлогодняя исторія: опять приняли на военную службу льготныхъ 3-го и 2-го разряда; передаютъ, что на этотъ разъ будетъ командирована въ Опочку особая коммиссія для переосвидѣтельствованія всѣхъ принятыхъ на военную службу молодыхъ людей въ этомъ году.

«Богатые считаютъ, что могутъ «спасти» своихъ дѣтей при помощи нѣсколькихъ сотъ рублей (до 500).

«До сихъ поръ, чтобы освободиться отъ солдатчины, портили себя лишь лобовые призываемые, теперь же и льготные, особенно 3-го разряда, убѣдившись изъ практики, что льгота не спасаетъ ихъ отъ военной службы, начинаютъ тоже портить себя и прибѣгать къ другимъ средствамъ».

Если таково было на протяженіи столѣтій отношеніе къ военной службѣ «господствующаго племени», то какого отношенія должны мы ожидать отъ «покоренныхъ», отъ инородцевъ? Однимъ изъ патріотовъ въ обличеніе окраинъ составлена и напечатана въ Военномъ Сборникѣ такая табличка недобора, составленная по даннымъ объ исполненіи призыва въ 1906 году.

Тверская губернія	0	Великороссы.
Плоцкая »	58 %	Поляки!
Сувалкская »	69 %	Литовцы!
Елисаветпольская губ. . . .	44 %	Армяне!
Тифлисская » . . .	31 %	Грузины!

И въ этомъ, пожалуй, нѣтъ ничего неправдоподобнаго... У евреевъ, если ихъ положенье сравнивать съ остальными «инородцами», больше причинъ къ уклоненію, чѣмъ у остальныхъ. Они наиболѣе безправны, и отношеніе къ нимъ въ казармѣ во время исполненія ими священнѣйшей обязанности, несомнѣнно, хуже, чѣмъ къ кому-либо иному. Я не имѣю въ виду обвинять въ чемъ-либо военное министерство: по закону и по уставу евреи ничѣмъ не отличены отъ христіанъ. Дѣло въ укладѣ внѣуставномъ, опредѣляемомъ личнымъ отношеніемъ начальствующихъ лицъ къ еврейскому вопросу. А отношеніе это только въ рѣдкихъ случаяхъ благопріятно. Антисемитизмъ, въ самыхъ зоологическихъ формахъ своихъ, держится очень цѣпко какъ въ средѣ офицерства, такъ, особенно, въ средѣ начальниковъ изъ нижнихъ чиновъ. Эти господа нерѣдко обращаютъ для еврея казарму поистинѣ въ лобное мѣсто. Теперь, кажется, стало легче, но еще въ недавнее, сравнительно, время, въ періодъ 6-ти лѣтней службы, многократно случалось, что евреи, послѣ нѣкотораго «стажа» въ казармѣ, симулировали кражу со взломомъ, что влекло за собой, по закону, лишеніе воинскаго званія и 2—3 года арестантскихъ ротъ. Истинный характеръ этихъ кражъ виденъ изъ того, что издано было постановленіе: евреевъ за подобныя преступленія не лишать воин-

скаго званія и сдавать не въ арестантскія роты, а въ дисциплинарные баталіоны, безъ сокращенія срока службы. Какимъ-же кошмаромъ должна вставать передъ человѣкомъ военная жизнь, если онъ предпочитаетъ ей арестантскія роты или, хуже того, тѣ искалѣченія, которыя приходится наблюдать теперь!

Такимъ образомъ фактъ крупнаго уклоненія евреевъ долженъ былъ бы считаться фактомъ нормальнымъ, какъ по соображеніямъ, приведеннымъ выше, такъ и потому, что торговое сословіе, къ которому въ большинствѣ принадлежатъ евреи, какъ показываетъ статистика городскихъ призывовъ, всегда отличалось особенной склонностью къ уклоненію. Вполнѣ естественно поэтому было бы, если бы еврейское населеніе давало недоборъ. Оказывается однако, что евреи исполняютъ свою повинность сполна.

Въ книгѣ Усова собранъ огромный статистическій матеріалъ, заимствованный изъ строго оффиціальныхъ источниковъ и доказывающій, что пресловутаго недобора евреевъ не только не существуетъ, но, обратно, существуетъ постоянный, иногда довольно значительный, переборъ. Если считаться съ процентнымъ отношеніемъ евреевъ къ остальнымъ народностямъ Россіи, то надо признать, что они выставляютъ относительно больше солдатъ, чѣмъ остальное населеніе. По даннымъ переписи 1897 г. на сто мужчинъ 20—29 лѣтъ было нижнихъ чиновъ: у евреевъ—12,8, у остальныхъ—11,7. Еще болѣе крупный переборъ г. Усовъ констатируетъ для отдѣльныхъ губерній и отдѣльныхъ лѣтъ. Такъ, въ 1897 г. въ Ковенской губ., отъ евреевъ, составляющихъ всего 13,25% населенія, потребовано было по разверсткѣ 25,89%, а въ 1898 г.— даже 28,23% всего числа новобранцевъ губерніи. Рядомъ вычисленій Усовъ устанавливаетъ, что во многихъ губерніяхъ черты осѣдлости евреевъ призывается, относительно, въ $1\frac{1}{2}$—2 раза больше, чѣмъ не-евреевъ и т. д.

Но на установленіе факта перебора тратить силы, строго говоря, и незачѣмъ уже потому, что онъ не отрицается и самимъ правительствомъ. Такъ, въ оффиціальной статистикѣ выполненія воинской повинности по Виленскому военному округу (за 1894—1903 г.) мы встрѣчаемъ прямое указаніе, что евреевъ принимается на службу значительно больше, чѣмъ слѣдовало бы по %-ной нормѣ, въ виду особыхъ принудительныхъ мѣръ, принимаемыхъ противъ уклоненія ихъ. Разверстка дѣлается съ учетомъ, такъ сказать, ожидаемаго крупнаго уклоненія: не мудрено, что она во многихъ случаяхъ приводитъ къ перебору.

Къ слову сказать, такой порядокъ призыва—не спеціально еврейскій: изъ тѣхъ же отчетовъ мы видимъ, что литовцы, латыши и жмудины названнаго раіона находятся не въ лучшихъ условіяхъ. Для нихъ, за послѣднее отчетное десятилѣтіе % принятыхъ опредѣляется въ 78,01, тогда какъ общій % ихъ въ раіонѣ—всего 69,15.

Фактъ «перебора», конечно, недостаточенъ для опроверженія обвиненій въ уклоненіи. Вѣдь предразсудокъ этотъ основывается на томъ, что евреи, давая, пусть даже нѣсколько больше, чѣмъ полагается съ нихъ по закону, солдатъ, не даютъ столько, сколько требуетъ съ нихъ, пусть незаконно, правительство. Больше того: они *не могутъ* дать требуемаго количества, такъ какъ, забирая даже льготныхъ 1-го разряда, присутствія не могутъ собрать назначеннаго по разверсткѣ количества, ибо число неявляющихся къ призыву, по оффиціальнымъ даннымъ, дѣйствительно огромно. Объ этомъ говоритъ и собранный Усовымъ матеріалъ, какъ видно изъ слѣдующей выписки, сводящей результаты призыва за 30 лѣтъ.

Потребовано было по разверсткѣ — 525.591; призывалось 1.481.041; принято 425.512; не явилось къ призыву 333.043, не добрано—100.079.

Въ цифрѣ неявившихся, а не въ недоборѣ или неправильности разверстки, и лежитъ центръ тяжести вопроса. На ней и слѣдуетъ сосредоточить все вниманіе. Большой близорукостью было бы стараться замаскировать этотъ дѣйствительно огромный % не являющихся къ призыву.

Но онъ не опасенъ для евреевъ, потому что онъ—не только объяснимъ, но и долженъ показаться, послѣ объясненія, скорѣе слишкомъ малымъ, чѣмъ обратно.

Объясненіе неявки, какъ правильно указываетъ Усовъ, надо искать прежде всего въ эмиграціи и недочетахъ метрикацій, вводящихъ въ призывные списки не малое число мертвыхъ душъ.

На этотъ счетъ книга Усова даетъ богатый матеріалъ, но я позволю себѣ привести свои цифры, нѣсколько отличныя отъ цифръ Усова, такъ какъ со времени выхода его книги изъ печати появился новый статистическій матеріалъ по данному вопросу.

Зависимость неявки отъ эмиграціи оспаривать, конечно, не приходится, ибо, если человѣкъ выселился, то, очевидно, онъ не можетъ явиться въ присутствіе. Эмиграція евреевъ настолько значительна, что въ теченіе ряда лѣтъ она превосходитъ естественный приростъ еврейства, и этотъ фактъ установленъ твердо статистикой. Весь вопросъ, все разногласіе только въ томъ,—гдѣ причина, и гдѣ слѣдствіе: есть-ли неявка—результатъ эмиграціи, или эмиграція—результатъ ожидаемаго призыва? Антиевреи утверждаютъ послѣднее; мы же склонны утвердать первое. Провѣрить, кто правъ, не трудно.

Во 1-хъ, истинныя причины эмиграціи—ясны уже изъ самаго характера ея. Если-бы уклоненіе было руководящимъ мотивомъ, мы наблюдали-бы: а) что эмигрируетъ преимущественно молодежь до-призывного возраста, б) что цифра эмиграціи должна быть болѣе или менѣе постоянной въ теченіе ряда лѣтъ, и скорѣе съ наклонностью къ пониженію, такъ какъ запасъ мужской молодежи долженъ истощаться постепенно такой односторонней эмиграціей;

в) что составъ еврейскаго населенія, какъ въ Россіи, такъ и въ странахъ эмиграціи долженъ быть ненормальнымъ: въ первой должно быть рѣшительное преобладаніе стариковъ, женщинъ и дѣтей, въ послѣднихъ—взрослыхъ мужчинъ; г) что должна наблюдаться прямая зависимость между оффиціальнымъ недоборомъ и эмиграціей даннаго года. На дѣлѣ же—нѣтъ ни перваго, ни второго, ни третьяго, ни четвертаго.

Начнемъ съ состава. Характерная особенность еврейской эмиграціи, по сравненію съ эмиграціей другихъ народовъ,—это «семейный» составъ ея: крупный % женщинъ, дѣтей и стариковъ, Прежде всего, бросается въ глаза огромное количество женщинъ: среднее за 10 лѣтъ для русскихъ евреевъ—76,3 на 100 мужчинъ, въ то время какъ русскіе даютъ всего 17,6, литовцы—41,3, поляки—44,1, финны—51,8. И это численное соотношеніе у евреевъ съ годами все растетъ, давъ за послѣднее отчетное 5-лѣтіе (1906—1910)—79,9%.

Столь-же многочисленны и дѣти, составившія за послѣднее 5-тилѣтіе 25,4% выселившихся евреевъ.

Взятая отдѣльно, мужская эмиграція евреевъ рѣзко опять-таки отличается отъ остальныхъ народностей, какъ видно изъ слѣдующей таблички:

Съ 1900 по 1909 г.	до 14 л.	14—44.	свыше 45 л.
Евреи	24,8%	69,8%	5,4%
Финны	9,2%	88,2%	2,6%
Литовцы	8.0%	90,3%	1,7%
Поляки	9,4%	88,2%	2,4%
Русскіе	7,3%	90,2%	2,5%

Думается, одного взгляда на эту табличку достаточно, чтобы уяснить себѣ, что меньше всего въ эмиграціонномъ уклоненіи можно обвинять евреевъ Это—не бѣгство мужской молодежи извѣстнаго возраста; это—«исходъ» племени въ нормальномъ составѣ семей. Для вящшаго подтвержденія, можно привести еще двѣ-три очень характерныхъ цифры: во 1) ничтожный % возвращающихся: въ то время какъ русскихъ, напримѣръ, возвращается свыше $^2/_5$, евреевъ—меньше $^1/_{10}$: это—эмиграція безвозвратная; 2) относительно значительныя средства, которыми располагаютъ эмигрирующіе. Хотя число неимущихъ у евреевъ больше, чѣмъ у остальныхъ эмигрантовъ (88,2% имѣющихъ менѣе 50 долларовъ), но средняя на человѣка выше: 31,6 у евреевъ противъ—23,9 у финновъ, 20,4—у русскихъ, 14,6—у поляковъ, 13,8—у литовцевъ. Объясняется это тѣмъ-же «семейнымъ» переселеніемъ, съ ликвидаціей всего имущества на бывшей родинѣ. Наконецъ, въ 3) въ то время, какъ русскіе, эмигрирующіе въ Соединенные Штаты, имѣютъ въ мѣстѣ эмиграціи родню только въ половинѣ случаевъ и 2,6% эмигрируетъ, не имѣя тамъ ни родныхъ, ни знакомыхъ,

еврейскіе эмигранты въ 93,5% имѣютъ родню въ мѣстахъ эмиграціи, и лишь въ 1,7% не имѣютъ никого. Это родственное начало эмиграціи, на мой взглядъ, чрезвычайно показательно.

Далѣе. Мы указывали, на неизбѣжность постоянства цифры эмиграціи, если она обусловлена призывомъ, и нѣкоторой наклонности ея къ уменьшенію. На дѣлѣ мы видимъ иное. Сопоставленіе цифръ эмиграціи съ цифрами оффиціальнаго недобора даетъ:

	1901.	1902.	1903.	1904.	1905.	1906.	1907.	1908
Недоборъ	1327	1691	1970	11.155	11.608	11.270	10.789	10.666
Эмиграція (только вь С. Щ.). . .	37·660	37.876	47.689	77.544	92,388	125.234	114.932	71.978

Изъ этихъ же цифръ видно, что какой либо непосредственной зависимости между недоборомъ и эмиграціей никакъ не установишь. Если взять три первыхъ года, мы видимъ, что недоборъ увеличивается на 300 чел. въ годъ, въ то время какъ эмиграція въ первые два года одинакова, а въ третій—рѣзко возрастаетъ. Въ 1904 г. недоборъ почти въ 6 разъ больше предшествовавшаго года, эмиграція же возрасла лишь въ $1^1/_2$ раза. Въ 1906 году эмиграція увеличивается съ 92 т. на 125, недоборъ—падаетъ. Недоборы 1907—1908 гг. почти одинаковы, между тѣмъ какъ разница въ эмиграціи—равна 50.000. Недоборъ падаетъ послѣ лѣтъ наиболѣе усиленной эмиграціи и т. д. Словомъ, чѣмъ пристальнѣе всматриваешься въ эти цифры, тѣмъ меньше видишь между ними прямой связи. За то тѣ объясненія, которыя даются колебаніямъ эмиграціи Усовымъ,—«погромная зависимость», устанавливаемая имъ для подъемовъ въ нѣкоторые годы, паденіе имиграціи въ 1907 г. въ связи съ экономическимъ кризисомъ въ Соединенныхъ Штатахъ и т. п.—естественны и понятны.

Не менѣе крупнымъ доводомъ за то, что недоборъ есть *только* результатъ эмиграціи, являются размѣры ея, которые настолько велики, что цифра неявившихся къ призыву, казалось бы, должна считаться ничтожной при такой ежегодной потерѣ. Во всякомъ случаѣ было бы достаточно одной эмиграціи, чтобы объяснить хроническій недоборъ безо всякой злонамѣренности.

Тѣмъ не менѣе, въ объясненіе недобора мы располагаемъ еще однимъ, и не малоцѣннымъ аргументомъ—недочетами метрикацій.

Метрикаціи я коснусь только вскользъ. Отчасти потому, что вопросъ этотъ съ исчерпывающей полнотой изложенъ у Усова, и мнѣ не хотѣлось бы повторять его, отчасти же и потому, что фактъ колоссальной неурядицы въ этомъ дѣлѣ настолько несомнѣненъ, что Варшавскій статистическій комитетъ выбрасываетъ по сіе время при своихъ вычисленіяхъ данныя о еврейскомъ населеніи, какъ завѣдомо и совершенно неточныя. Это не предразсудокъ, но твердо неоднократными провѣрками установленный фактъ. Фактъ, въ сущности, опять-таки не спеціально еврейскій, такъ

какъ и во всей Россіи, вплоть до культурнѣйшихъ прибалтійскихъ губерній, дѣло регистраціи населенія поставлено достаточно плохо. Кто изъ тѣхъ, кому приходилось участвовать въ пріемныхъ комиссіяхъ, не становился въ тупикъ, когда на вызванную фамилію отзывалось чуть не десять одинаково голыхъ, одинаково бѣлоголовыхъ Ивановыхъ, Семеновыхъ, разобрать которыхъ другъ отъ друга «по документамъ» не представлялось никакой возможности. Или, напротивъ, на вызванную фамилію ея владѣлецъ, несомнѣнно, находившійся на лицо, упорно не отзывался, не узнавая въ ней своего привычнаго «имени». О мусульманахъ и говорить нечего: установить тожество Хайбулатова съ Семеджановымъ не сможетъ ни одинъ юристъ, а вѣдь съ этимъ тожествомъ приходится считаться въ ежедневной практикѣ любого эскадрона. И если только съ евреями происходятъ недоразумѣнія на этой почвѣ, то объясняется это, по вѣрному и откровенному указанію г. Апухтина (Рус. Инв. № 103), просто «предубѣжденіемъ». Тамъ, гдѣ вѣрятъ татарину и эсту, *еврею* не вѣрятъ.

Для полноты картины намъ остается коснуться еще одного, правда, второстепеннаго вида «уклоненій»: это «уклоненіе» уже послѣ пріема въ войска и уклоненіе отъ строевой службы.

Число евреевъ, освобождаемыхъ по болѣзненности отъ службы уже послѣ пріема, несомнѣнно, довольно высоко. Но надо принимать во вниманіе, что цифра такихъ освобождаемыхъ вообще очень высока въ нашей арміи, благодаря несовершенству пріема. По даннымъ «Развѣдчика» (№ 943), за послѣдніе годы около 15% набора оказывалось слабыми и негодными къ службѣ, а въ иныхъ частяхъ % такихъ неправильно принятыхъ доходилъ до 30%. Спеціальныя работы, имѣющіяся по этому вопросу и выясняющія причины непомѣрной убыли молодыхъ солдатъ въ первые мѣсяцы службы (Шапировъ, ген. Циккельнъ и др.), не дѣлаютъ въ данномъ случаѣ какихъ-либо различій между племенными контингентами и не находятъ данныхъ для выдѣленія евреевъ изъ общей массы. Но если бы даже % ихъ и былъ значительнѣе, это легко можно было бы объяснить еще меньшей, чѣмъ для остальныхъ, разборчивостью коммиссій при зачисленіи евреевъ на службу.

Равнымъ образомъ, неправильно и утвержденіе, что еврей, попавъ въ войско, всѣми правдами и неправдами стремится отдѣлаться отъ строя и, въ силу этого, евреями переполнены нестроевыя команды всякаго рода и т. п. Переполненіе это, дѣйствительно, существующее въ иныхъ частяхъ, обусловлено не желаніемъ евреевъ, но волею начальства. Если въ однихъ полкахъ замѣчается тенденція усиленно ставить евреевъ въ строй, въ цѣляхъ воспитанія и муштрованія ихъ, то въ другихъ—наблюдается обратное стремленіе,—очистить отъ нихъ строй («дабы не портить фронта») назначеніемъ на нестроевыя должности и даже въ денщики. Послѣднее обстоятельство вынудило даже въ недавнемъ прошломъ нѣкоего ге-

нерала Прѣлова издать особый циркуляръ о неназначеніи евреевъ въ денщики за ихъ непригодностью къ службѣ: пусть-де лучше портятъ строй и казенныя винтовки, чѣмъ офицерскіе самовары.

О числѣ нестроевыхъ евреевъ можно до нѣкоторой степени судить по числу непроходившихъ стрѣльбы: объ этомъ есть данныя въ той стрѣлковой анкетѣ, на которую мы уже ссылались. Изъ нея видно, что число нестрѣлявшихъ евреевъ колеблется отъ 27-30% въ гренадерскихъ—до 12,02% въ стрѣлковыхъ частяхъ, въ то время какъ поляки даютъ, 24,09 и 15,10%, нѣмцы 31,48 и 12,06, литовцы 45,16 и 8,16. Такимъ образомъ, и здѣсь какого-либо рѣзкаго отклоненія не въ пользу евреевъ не замѣчается.

VI.

Пересматривая, одно за другимъ, обвиненія, нынѣ выдвинутыя противъ еврея, какъ солдата, мы не нашли ни одного реальнаго, «военнаго» основанія для проектируемаго его исключенія, Еврейство несетъ свою повинность со всей тщательностью, которую допускаетъ его ослабленный эмиграціей и бытовыми условіями составъ.

И до того труднымъ кажется мнѣ подыскать какое-либо дѣйствительное, понятное всякому непредубѣжденному человѣку объясненіе для столь внезапно поднятаго вопроса о замѣнѣ личной повинности для евреевъ денежной, что, если бы не громы, которые мечетъ націоналистическая печать, я бы затруднился отвѣтить на вопросъ: что же, въ сущности, предполагаемый законопроектъ— кара или милость?

Отвѣтить на такой вопросъ и въ самомъ дѣлѣ вовсе не такъ просто, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Мнѣ приходилось слышать, съ одной стороны, отъ интеллигентныхъ евреевъ, что освобожденіе отъ воинской повинности будетъ сочтено ими за «генеральный погромъ». Г. Усовъ цѣлой книгой, книгой большого труда, старается обосновать право еврея на военную службу, доказать незаслуженность оскорбленія, наносимаго еврейству исключеніемъ изъ арміи. Цѣлый рядъ евреевъ, участниковъ минувшей войны, печатно заявили протестъ противъ предполагаемаго исключенія.

Съ другой стороны, Danzers-Armee-Zeitung, сообщая о предстоящемъ изгнаніи евреевъ изъ нашей арміи, заявляетъ, что русскіе евреи весьма довольны этимъ законопроектомъ. Мнѣ пришлось слышать, что, съ другой стороны, правые крестьяне въ Думѣ собираются горячо протестовать противъ такой несправедливой льготы евреямъ. Чего либо оскорбительнаго они, видимо, въ этомъ законопроектѣ не усматриваютъ.

Не лишне прибавить, что въ царствованіе Александра I въ первые годы Николая I, когда евреи были еще освобождены отъ

рекрутской повинности, русскіе неоднократно протестовали противъ этой льготы. «Когда всѣ націи въ Россіи даютъ рекрутъ, то почему съ однихъ жидовъ взимаютъ вдвое деньгами за рекрута? За что они таковыми выгодами пользуются противъ Россіянъ?»— говорится въ «Запискѣ», поданной въ 1802 г. Еврейскому Комитету. И тамъ-же: «Россіянинъ вчетверо заплатитъ противъ еврея— освободи его только отъ рекрутства».

Такая противорѣчивость мнѣній вполнѣ понятна, ибо противорѣчивъ и самый вопросъ.

Нигдѣ, пожалуй, такъ ярко не сказывается характерная для современнаго государства искусственность уклада, съ неизбѣжно проистекающей изъ этого путаницей элементарно-ясныхъ понятій, какъ именно въ области военной службы.

Война въ идеалѣ, — если слово это можно примѣнить къ кровопролитію,—въ томъ образѣ, въ которомъ мыслится она народу,—не просто историческій эпизодъ, какъ было когда-то въ «наемную» эпоху; не просто политическая комбинація, какъ представляется она верхамъ современнаго государства; не биржевой спортъ высокаго азарта и высокой выручки, каковой является она для капиталистовъ; для демократіи война есть актъ народной воли, необходимостью скованный, актъ страшной силы, кровнаго напряженія, сознательнаго и въ то же время не размышляющаго самоотреченія. Въ основѣ такой боевой службы лежитъ чувство, высоту котораго бевсильно стараются передать словомъ «священное»,— чувство готовности и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимости стать грудью, по первому бранному кличу, на защиту того Цѣлаго, незамѣтной, но полноцѣнной и неотторжимой частицей котораго являются данные люди. Нужно-ли говорить, что это чувство не декретируется, не укладывается въ рамки постановленій... И быть оно можетъ только тамъ, гдѣ есть «Цѣлое».

Но въ современномъ государствѣ этому чувству не нашли другого обозначенія, какъ слово «повинность».

И мало того, что этотъ подвигъ для Цѣлаго, настолько свѣтлый что и жертвой его назвать нельзя, ибо кто изъ умиравшихъ за своихъ, за свое, съ кѣмъ душой и кровью связанъ, думалъ о жертвѣ—мало того, говорю я, что этотъ подвигъ въ современномъ строѣ называется повинностью, она еще считается самой тяжелой изъ всѣхъ, какія налагаетъ для своей пользы государство! Правда, наряду съ этимъ, не замѣчая логическаго противорѣчія, люди говорятъ о почетности этой повинности, которая есть священнѣйшій и высшій долгъ и т. д.

Изъ этой двойственности толкованія проистекаетъ и двойственность мотивовъ изъятія изъ этой повинности.

Съ одной стороны, освобождаютъ за «службу Сусанина» «бѣлопашцевъ»—потомковъ Сабинина, котораго мы знаемъ по «Жизни за Царя»; освобождаютъ цѣлыя категоріи профессій, «относящихся

къ существеннымъ народнымъ нуждамъ»; освобождаютъ священниковъ; освобождаютъ единственныхъ сыновей, признавая этимъ, въ разрѣзъ съ сущностью военнаго и гражданскаго долга, что семью должно ставить выше «Цѣлаго».

Съ другой стороны, освобождаютъ ошельмованныхъ, ограниченныхъ въ гражданскихъ правахъ лицъ, утверждая тѣмъ, что къ знамени, какъ къ «священной хоругви», могутъ прикасаться только граждански-чистыя руки.

И въ то же время сдаютъ въ солдаты «за бунтъ» студентовъ, какъ раньше сдавали крѣпостныхъ неисправимо дурного поведенія.

Мы видимъ такимъ образомъ, что въ современномъ государствѣ одинаково считается наказаніемъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ—исключеніе изъ военной службы, въ другихъ—зачисленіе въ войска. Одинъ и тотъ-же фактъ освобожденія отъ воинской повинности можетъ быть и великой милостью, и позорнымъ наказаніемъ.

Это противорѣчіе во взглядахъ сказывается и въ интересующемъ насъ случаѣ. Еврейская интеллигенція видитъ несомнѣнный позоръ; русскіе крестьяне—столь-же несомнѣнную милость.

На самомъ же дѣлѣ, это—ни то, ни другое.

Ошибиться въ оцѣнкѣ было, впрочемъ, легко, такъ какъ того, свидѣтелями чего мы сейчасъ являемся, на Руси еще не было.

Чтобы понять истинный смыслъ исключенія евреевъ, придется напомнить исторію евреевъ въ нашей арміи. До 1827 г. евреи, наряду съ купцами и другими аналогичными по занятіямъ группами русскаго населенія, были освобождены отъ несенія воинской повинности натурой. Отъ Петра и до Николая I евреи разсматривались, такимъ образомъ, совершенно правильно, какъ профессіональная, а не племенная группа. Съ эпохи Николая Павловича, эпохи усиленной руссификаціи и нивеллировки, евреи вводятся въ армію, въ тѣхъ-же руссификаторскихъ и нивеллирныхъ видахъ. Видно это изъ того, что евреевъ положено было брать втрое больше, чѣмъ христіанъ, а съ 1841 г. съ «неполезныхъ» евреевъ и впятеро больше. По силѣ § 10 Рекрутскаго Устава брали всѣхъ, кто не имѣлъ «болѣзней или недостатковъ, несовмѣстимыхъ съ военной службой. Прочія же, требуемыя общими правилами качества, оставлялись безъ разсмотрѣнія». Весьма показательные съ этой точки зрѣнія факты можно найти также въ исторіи кантонистовъ.

Тотъ-же характеръ, хотя и въ ослабленной съ воцареніемъ Александра II формѣ, носила еврейская служба и въ послѣдующіе годы. Эта эпоха, въ рѣзкихъ чертахъ, можетъ быть охарактеризована, какъ эпоха загонянія евреевъ въ армію—всѣми средствами, вплоть до круговой поруки и штрафовъ, за послѣдніе годы дошедшихъ до милліонныхъ суммъ въ годъ,—и, параллельно съ этимъ, ограниченія ихъ въ служебныхъ правахъ путемъ соотвѣтственныхъ циркуля-

ровъ. Сопоставленіе этихъ двухъ фактовъ особо ясно отмѣчаетъ политико-педагогическое значеніе, придававшееся въ то время отбыванію воинской повинности инородцами. Армія признавалась не только наилучшей, но и единственной надежной школой народа. И потому замѣтно было стремленіе влить въ нее возможно больше элементовъ, въ государственномъ отношеніи ненадежныхъ, дабы очистить *ихъ*. Это было временемъ, когда верхи Россіи вѣрили въ ассимиляціонную нашу силу; вѣрили, что Россія, Великороссія, переваритъ Польшу, Литву, татаръ и евреевъ,—какъ переварила когда-то Чудь бѣлоглазую, Мерю, Весь и иныхъ.

На нашихъ глазахъ, въ дни, нами пережитые, произошло великое крушеніе, котораго я уже дважды имѣлъ случай касаться *). Пришлось на горькомъ, но неоспоримомъ опытѣ убѣдиться, что не только переварить инородцевъ, но и своихъ единокровныхъ перевоспитать армія не можетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вскрылся и непоправимой неуспѣхъ всей долгой руссификаціонной политики на окраинахъ. 1904—1906 гг. явились, по словамъ патріотовъ, экзаменомъ инородцевъ на «великороссійцевъ». И они, по свидѣтельству тѣхъ-же патріотовъ, не только не выдержали испытанія, но проявили безнадежную тупость къ преподаннымъ имъ политическимъ наукамъ.

«Какъ къ мачехѣ пасынокъ не можетъ чувствовать глубокой любви, которую чувствуетъ родной сынъ къ матери, — такъ и инородецъ не можетъ стать истиннымъ сыномъ Россіи и ея арміи» (Збомирскій).

Руководители русской политики оказались передъ дилеммой: или установить ту форму совмѣстной жизни съ окраинами, которой требуютъ онѣ, или отречься, навсегда и безповоротно, отъ сліянія съ ними, ставъ въ положеніе завоевателей къ завоеваннымъ. Они выбрали послѣднее.

Но на этомъ коренномъ переломѣ, прежде чѣмъ переступить грань, надо было пересмотрѣть свои силы, подсчитать средства. И вотъ тогда-то брошенъ былъ тревожный, истерическій крикъ: «Берегите армію»!

Для поддержанія новыхъ отношеній нужна была иная армія: она не могла уже быть открытой всѣмъ, какъ раньше. И если новыя условія настоятельно требовали очищенія всего административнаго аппарата отъ «инородцевъ», то тѣмъ паче справедливо было это для арміи. «Армія должна состоять изъ русскихъ людей, вполнѣ здоровыхъ отъ вредно-политическихъ и физическихъ недуговъ, не пополняя свои ряды элементами другихъ національностей» (Б. Збомирскій. Развѣдчикъ, 1911, № 1075 **).

---

*) „Марсова потѣха", Р. Бог. 1911, № 9 и „Помпонная идеалогія", Р. Бог. 1911 г. № 10.

**) Збомирскій оговаривается, впрочемъ, что рѣчь идетъ только о ниж-

Збомирскій крутъ: онъ требуетъ удаленія всего не-русскаго. Другіе снисходительнѣе: они согласны на отборъ. Они признаютъ возможнымъ оставить въ арміи инородцевъ, надежность, «русскость» которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Они ставятъ цѣлью реформы «создание національной русской арміи, т. е. ея моральное оздоровленіе, допущеніемъ въ ея ряды только неопороченныхъ лицъ русской національности и тѣхъ иноплеменниковъ и инородцевъ, которые органически слились съ русскимъ государствомъ, и отношеніе которыхъ къ Россіи, ея единству и ея интересамъ отожествлены съ отношеніемъ къ этимъ вопросамъ русской народности» *).

Итакъ, вмѣстѣ съ внутренней политикой, вступаетъ въ новую фазу и дѣло оздоровленія арміи, составлявшее со времени русско-японской войны постоянную и неослабную заботу военнаго министерства. Мы пережили періодъ исключительнаго увлеченія «подготовкой», въ недочетахъ которой видѣли первоначально главную причину неудачъ; было мгновеніе господства «матеріальной части», приведшее къ интендантскимъ и инымъ процессамъ; прошла затяжная полоса работы надъ «духомъ», полоса усиленнаго «воспитанія», приведшая къ безнадежному сознанію его невозможности «при современномъ шаткомъ политическомъ воспитаніи народа, агитаціи, нравственной распущенности, при пополненіи арміи на короткій срокъ мало сознательными людьми, часто страдающими тѣми или другими физическими недостатками, людьми, прошедшими зачастую заводы, фабрики, побывавшими на различныхъ другихъ отхожихъ промыслахъ, въ неблагопріятной атмосферѣ, при 10% составѣ инородцевъ» **). Теперь сталъ на очередь вопросъ объ отборѣ, какъ средствѣ радикальнаго оздоровленія арміи.

Мысль не нова. Мы встрѣчались уже съ нею въ исторіи. Правда, прусская военная реформа, оздоровившая армію послѣ Іенскаго погрома, — та самая реформа, которую столь охотно и столь настойчиво всегда и всѣ ставятъ въ образецъ,—шла путемъ обратнымъ. И въ арміи прусской былъ тогда произведенъ отборъ: были выброшены изъ арміи всѣ, кто въ минувшую постыдную кампанію выказалъ малодушіе или военную безграмотность. Но смыслъ и сила реформы были не въ отборѣ, а въ томъ, что, очистивъ составъ, она раскрыла тѣсныя до того рамки арміи для всѣхъ прусскихъ подданныхъ, безъ различія вѣры или національности. Слабѣйшей стороной старой арміи при-

---

нихъ чинахъ. „Я не касаюсь командного состава инородцевъ, которые слившись съ русскими, не являются какъ бы нарушающимъ элементомъ духа русской арміи“.

*) Чумаковъ. Къ пересмотру устава о воинской повинности. Военный Сборникъ 1910 г. № 5.

**) Збомирскій. Развѣдчикъ. № 1075.

знано было то, что она была арміей не прусскаго государства, а прусскаго племени. И суть реформы, какъ я сказалъ, была въ переходѣ отъ арміи узко-національной къ арміи государственной.

Характерно, что этимъ-же путемъ пошли и ученики нѣмцевъ— младотурки въ преобразованіи своихъ вооруженныхъ силъ: закономъ 1909 г. обязанность военной службы, до сего времени составлявшая право только мусульманъ, была распространена на христіанъ и на евреевъ, подданныхъ Турціи.

Наша реформа вдохновляется, повидимому, инымъ идеаломъ. Она намѣрена взять за образецъ султана Абдулъ-Гамида. Опасаясь проникновенія въ армію противогосударственныхъ элементовъ, этотъ достойный монархъ производилъ тщательный отборъ даже между мусульманскими своими подданными, стремясь, по возможности, комплектовать свои войска коренными турками — османами, хотя, какъ указывали неоднократно его совѣтники, преимущество это тяжелымъ бременемъ ложилось на его вѣрнѣйшихъ, на его единственно вѣрныхъ подданныхъ.

Именно на этомъ принципѣ готовятся строить и нашу реформу, не смущаясь тѣмъ, что намъ придется идти путемъ, обратнымъ нормальному: отъ арміи государственной къ арміи «племенной», отъ арміи государства россійскаго къ арміи русскаго племени.

Давно извѣстно, что теорія—одно, а практика—другое. Столь стройно и звучно формулированная программа отбора, установленная въ основныхъ чертахъ своихъ съ такой завидной опредѣленностью, на практикѣ грозитъ представить невѣроятныя трудности. Для проведенія ея въ жизнь необходимо разсортировать имѣющіяся у насъ народности по степени «зараженія вредно-политическими и физическими недугами» (Збомирскій).

Попытка произвести такую разсортировку уже сдѣлана въ литературѣ и привела къ результатамъ неожиданнымъ.

VIII.

Въ 1905 году, осенью Россія такъ рисовалась анархо-соціалисту Малато сквозь рѣшетку камеры въ парижской тюрьмѣ La Santé.

«Сибирь, населенная потомками ссыльныхъ, захвачена идеями соціальной демократіи. Польша, Литва, Волынь, Крымъ, т. е. Западъ и Югъ, области развивающейся промышленности, вливаютъ свои силы въ движеніе мірового пролетаріата. Остается, въ центрѣ, необъятная Россія—еще темная, еще покорная раба... Россія набожныхъ мужиковъ и свирѣпыхъ казаковъ. Это—русская Вандея, и она огромна. Но, какъ ни обширна ея площадь, она суживается день ото дня. Сѣть желѣзныхъ путей опутываетъ ее, пролегаетъ внутрь и вмѣстѣ съ движеніемъ людей несетъ ей движеніе мысли».

«Съ ея неисчислимыми массами пролетаріата, взросшаго на идеяхъ общинности, русская революція будетъ приливомъ, передъ которымъ не устоитъ ничто.

«Ея волны, падая и вздымаясь вновь, смоютъ старыя учрежденія, кастовые и классовые барьеры. Западный потокъ и потокъ славянскій сольются, чтобы дать новые всходы и жизнь одряхлѣвшей Европѣ» *).

Я знаю людей, которые теперь, черезъ шесть лѣтъ, только плечами пожмутъ, читая пророчества Малато. Фейерверкъ! И какое незнакомство съ дѣйствительной обстановкой, съ истинной политической коньюнктурой. Люди эти—«лѣвые».

И, обратно, я знаю людей, которые теперь, черезъ 6 лѣтъ, не только повторяютъ слова Малато на всѣ лады, на всѣ голоса, но еще усугубляютъ ихъ. Люди эти—«правые».

Въ самомъ дѣлѣ, перемѣнились роли. Когда я читаю, теперь, въ наши дни, или слушаю тѣхъ, кого, привычно, называемъ мы «лѣвыми»,—какъ часто Россія представляется мнѣ какимъ-то заброшеннымъ, замершимъ полемъ, заросшимъ волчцомъ и колючей травой, мертвымъ полемъ, которое не отзовется на голосъ... Страной стона, не ропота... Страной надломленныхъ людей, какъ люди пустыни Бялика.

«И расточилъ ихъ Господь, и обрекъ ихъ на сонъ безъ исхода...

«Тяжкій, великій урокъ, и память для рода и рода».

Но когда я слышу правыхъ... инымъ полнится слухъ. Въ ихъ рѣчахъ и писаніяхъ жизнь Россіи, точно актъ великой трагедіи, гдѣ на пиру побѣдителей, сквозь гулъ заздравныхъ рѣчей, громъ трубъ и литавръ слышатся жуткіе, непонятно тревожные звуки... Въ подземельяхъ замка, въ которомъ идетъ пиръ, въ чадной мглѣ, видится мутный блескъ оружія и дымъ зажигаемыхъ въ тишинѣ факеловъ... Сдержанное дыханіе сотенъ, готовыхъ броситься на приступъ... А кругомъ, за стѣнами, глухой шопотъ сближающихся тысячъ, тысячъ, тысячъ... Идутъ!

Такъ говорятъ патріоты. Такое впечатлѣніе вынесъ я изъ чтенія «Вѣстника Русской Конницы», и «Новаго Времени», и «Земщины»...

Въ мрачной оцѣнкѣ современности коренится и осложненіе поднятаго военной реформой вопроса объ отборѣ. Ибо хотя—по выраженію Далинскаго,—«народностей у насъ, ухъ, какъ много» **), для правыхъ, придерживающихся оцѣнки Малато, оказывается воистину много званныхъ, но мало избранныхъ.

Малато плохо видѣлъ изъ-за своей рѣшетки. Онъ, правда, «вѣрно» оцѣнилъ Сибирь, съ ея чуть-ли не автономистическими вожделѣніями. Онъ провидѣлъ опасность Польши, но не во всемъ объемѣ, ибо, какъ

*) *Malato.* Les classes sociales. Paris. 1907.

**) Воен. Сборн. № 10, 1911 г.

соціалистъ, онъ учелъ только силы пролетаріата и оставилъ безъ вниманія главную опасность для Россіи сегодняшняго дня—«Ягеллоновскую идею, идею польской государственности и ненависти ко всему русскому, которая за послѣднее время не только не ослабѣла» *), но приводитъ даже къ тому, что «польскія панянки не стыдятся для блага ойчизны принимать на себя роль невѣстъ на прокать, чтобы сманивать русскихъ юношей и обращать ихъ въ католичество» **). Онъ не понялъ также Литвы, гдѣ «гнѣздится революція и идетъ незамѣтная, но упорная партизанская война противъ господствующей національности»; онъ забылъ про Украйну, гдѣ «пустило сильные корни въ народъ» и «растетъ мазепинство, страшный врагъ нашъ, неизмѣримо болѣе опасный, чѣмъ всѣ польскіе, финляндскіе, грузинскіе и всякіе другіе сепаратизмы, вмѣстѣ взятые, ибо всѣ эти сепартизмы покушаются на инородческія окраины Россіи, а мазепинство имѣетъ цѣлью разрушеніе единства русскаго народа и бьетъ по самой основѣ величія Россіи» ***); Malato упустилъ изъ виду Финляндію, этотъ минный горнъ, готовый къ взрыву въ любую минуту, подведенный подъ самую столицу Имперіи; незамиренный Кавказъ; онъ не досмотрѣлъ Туркестана, въ которомъ туземцы рѣжутъ русскихъ чиновниковъ, а русскіе чиновники посылаютъ въ Думу соціалъ-демократовъ; онъ пренебрегъ латышами и эстами; онъ обошелъ Крымъ, гдѣ, какъ недавно еще писало «Русское Знамя», открыто проповѣдуется въ мечетяхъ идея отторженія отъ Россіи и возрожденія Крымскаго ханства; онъ забылъ остальныхъ русскихъ мусульманъ, поголовно охваченныхъ, по указанію правой прессы, панисламизмомъ. Они никогда не были надежны, и «еще въ войну 1877—78 г.г., не отрицая гуманности къ нимъ правительства, выражали свое сочувствіе не Скобелеву, не Гурко.... среди нихъ расходились въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ портреты Абдулъ-Гамида, Мухтара-паши». Съ тѣхъ поръ, какъ извѣстно, стало еще хуже. «Гласъ нашихъ миссіонеровъ, убѣжденно, доказательно предупреждающихъ общество о надвигающемся засильѣ,—гласъ въ пустынѣ. Въ самомъ сердцѣ Россіи двѣ улицы—Малая и Большая Татарскія». ****).

Наконецъ, и картину «русской Вандеи» данную французскимъ анархистомъ, русскіе «правые» находятъ пріукрашенной: по ихъ убѣжденію, мужики вовсе не такъ уже набожны. Да и насчетъ «свирѣпости казаковъ» они несогласны тоже. Курмояровъ, въ № 226 «Русскаго Инвалида», клянется по «личному опыту и наблюденію», что «только благополучники утверждаютъ, что у нихъ все въ порядкѣ», а на самомъ дѣлѣ — «Донъ катится по наклону». «Стыдъ, великое горе, покрыло тихій Донъ. Вотъ

*) Окраины Россіи. 1911. № 39—40, стр. 536.

**) Id. № 46, стр. 121.

***) Московскія Вѣдомости, 252.

****) *Евдокимовъ*. Движеніе панисламизма. „Рус. Инв." 1911 г. № 225.

ужъ помутился Донъ сверху до низу»: безпорядки въ майскихъ лагеряхъ, насилья надъ представителями власти по станицамъ, «буйная распущенность казачьяго простонародья», «стремленіе смѣнить дѣдовскій чекмень на фабричную жакетку»... Чего ужъ хуже?!

Воистину, труденъ при этихъ условіяхъ отборъ. И удивительно ли, что въ писаніяхъ военныхъ публицистовъ начинаютъ мелькать.. мещеряки, вотяки и самоѣды, о которыхъ раньше знали только этнографы. А г. Тарасовъ въ цитированной нами книгѣ (стр.36—37) восхищается боевыми качествами камчадаловъ.

Но камчадалы — не выходъ. Если на основаніи вышеприведенныхъ, правой печатью данныхъ характеристикъ производить комплектованіе арміи, кадры ея окажутся совсѣмъ не соотвѣтствующими ни пространственному, ни международному положенію Россіи. Правда, Россія можетъ еще позволить себѣ роскошь довольно широкаго отбора: она довольствуется въ настоящее время всего 30% призыва, въ то время какъ Германія беретъ уже 52,8%, Австрія 60%, Франція—даже 84%. Но даже и при такихъ условіяхъ обойтись одними «набожными мужиками», очевидно, отнюдь невозможно: отъ излишней строгости отбора приходится отказаться.

Военное министерство не вняло поэтому голосу крайнихъ правыхъ и рѣшило на первыхъ шагахъ ограничиться только самымъ необходимымъ: оставить въ арміи «сомнительныхъ» и выбросить только «несомнѣнныхъ». И вмѣстѣ съ тѣмъ, новымъ уставомъ о воинской повинности подготовить почву къ перенесенію тяжести ея на «господствующую народность».

Въ первую очередь прошли финляндцы. Законопроектъ объ исключеніи ихъ принятъ. Онъ прошелъ сравнительно спокойно ибо съ «отдѣльностью Финляндіи» всѣ давно и основательно свыклись. За ними стали на очередь евреи.

Это—пробный шаръ, за которымъ *должны* послѣдовать другіе. Ибо на евреяхъ остановиться не можетъ позволить націоналистамъ ихъ государственная мудрость. Въ самомъ дѣлѣ, сильнѣе ли станетъ полуторамилліонная армія, если изъ нея исключатъ нѣсколько десятковъ тысячъ евреевъ, распыленныхъ по гарнизонамъ всей Россіи? Надежнѣе-ли станетъ армія отъ того, что изъ нея выбросятъ нѣсколько десятковъ тысячъ сомнительныхъ людей? Но вѣдь сколько останется ихъ еще! Вѣдь останутся всѣ тѣ племена, оцѣнку которыхъ мы только-что читали. Можно-ли говорить о національной арміи—пока въ національзованной казармѣ толпятся поляки, литва, латыши, татары... Очевидно, придетъ и ихъ чередъ.

Я помню, что проекты исключенія, хотя-бы поляковъ, подымались уже и раньше неоднократно. Мнѣ самому пришлось видѣть не такъ давно такой проектъ, весьма подробно, обоснованный и статистическими и историческими справками, не менѣе, словомъ, убѣдительный, чѣмъ законопроектъ еврейскій. И я увѣренъ, что

послѣ разрѣшенія еврейскаго вопроса мы еще встрѣтимся съ этимъ и другими аналогичными проектами.

Но не будемъ загадывать впередъ. Не станемъ касаться и вопроса, насколько надежнѣе станетъ оплотъ Великой Россіи, когда литовцевъ въ рядахъ арміи смѣнятъ черемисы, а евреевъ—чукчи. Мы живемъ настоящимъ, мы на «сегодняшнее» смотримъ.

И пока, мы не видимъ еще факта — мы видимъ только попытку.

И не актъ государственной мудрости, даже не актъ угнетенія или попранія правъ, какъ говорятъ нѣкоторые, видимъ мы въ этой попыткѣ выбросить за бортъ арміи одно изъ племенъ, несшее до сегодня, наряду съ русскимъ, военную тяготу,—но актъ государственной паники.

С. Мстиславскій.

Красные выборы.

I.

Ровно пять лѣтъ тому назадъ Германія переживала одинъ изъ любопытнѣйшихъ моментовъ своей политической исторіи. 13 декабря 1906 г. тогдашній канцлеръ имперіи, кн. Бюловъ, придравшись къ отказу рейхстага вотировать 29 милл. марокъ на веденіе колоніальной войны въ юго-западной Африкѣ, распустилъ непокорное народное представительство и, вмѣшавшись съ давно невиданной энергіей въ самую гущу избирательной борьбы, принялъ непосредственное участіе въ «дѣланіи» новыхъ парламентскихъ выборовъ.

Требованіе кредитовъ на колоніальныя надобности было отклонено соединенными силами центра и соціалъ-демократіи. Поэтому избирательный пароль, данный теперь правительствомъ всѣмъ охранительнымъ элементамъ, гласилъ: «противъ черныхъ и красныхъ!» Но, давая этотъ пароль, кн. Бюловъ преслѣдовалъ не только цѣль созданія новаго парламентскаго большинства, гарантирующаго ему финансовую возможность безпощадной расправы съ готтентотами,— эта цѣль, въ сущности, была легко достижима и въ старомъ рейхстагѣ—намѣренія имперскаго канцлера шли значительно дальше: своей тактикой онъ разсчитывалъ, съ одной стороны, сокрушить могущество соціалъ-демократіи, со своими 80 парламентскими мандатами становившейся все болѣе неудобной для правительства,— съ другой стороны, нанести чувствительный ударъ католическому центру и такимъ путемъ освободить себя отъ необходимости за-

искивать предъ этой властолюбивой партіей ватиканскихъ прислужниковъ.

Но, объявляя открытую войну двумъ крупнѣйшимъ политическимъ силамъ страны, кн. Бюловъ, какъ искусный стратегъ, долженъ былъ, конечно, своевременно озаботиться созданіемъ достаточно прочной опоры для себя въ рядахъ другихъ партій современной Германіи. Эту опору онъ и нашелъ въ лицѣ консерваторовъ и... либераловъ всѣхъ толковъ и направленій (отъ Бассермана до Наумана), которые при благосклонномъ содѣйствіи имперскаго канцлера заключили между собой избирательную коалицію и, опираясь на могущественную поддержку правительственнаго аппарата, развили въ странѣ лихорадочную реакціонно-націоналистическую агитацію. Усилія бюловскаго блока не остались совершенно безплодными, и тяжелый угаръ шовинистическаго возбужденія оказалъ сильное вліяніе на настроеніе широкой массы избирателей. Выборы 25 января 1907 г.—эти, по установившейся нѣмецкой терминологіи, «готтентотскіе» выборы—принесли имперскому канцлеру значительное удовлетвореніе. Правда, центръ разбить ему не удалось, и послѣдній, увеличивъ на 300 тыс. количество своихъ голосовъ, вернулся въ парламентъ въ прежней силѣ,—зато соціалъ-демократія потерпѣла частичное пораженіе: несмотря на приростъ голосовъ въ 250 тыс., она потеряла почти половину своихъ мандатовъ и провела въ новый рейхстагъ всего лишь 43 депутата. Однако главнымъ успѣхомъ «готтентотскихъ» выборовъ съ точки зрѣнія кн. Бюлова было то, что онъ располагалъ теперь въ парламентѣ достаточно крупнымъ консервативно-либеральнымъ большинствомъ и, благодаря этому, могъ себя чувствовать независимымъ отъ надоѣдливой опеки католиковъ.

Описанный исходъ выборовъ былъ встрѣченъ бурными проявленіями восторга въ рядахъ всего буржуазнаго общества. Въ ночь съ 25 на 26 января улицы нѣмецкихъ городовъ сдѣлались свидѣтелями шумныхъ патріотическихъ манифестацій. Въ Берлинѣ огромная толпа устроила подъ окнами канцлерскаго дворца настоящую овацію кн. Бюлову, и даже самъ императоръ Вильгельмъ въ порывѣ радостнаго возбужденія съ балкона своего палаццо обратился съ широковѣщательной рѣчью къ народу. Въ этой рѣчи онъ обѣщалъ націи наступленіе новой эры въ Германіи и говорилъ о «разбитой» и «поверженной» соціаль-демократіи. Въ ту же памятную ночь саксонскій король Августъ, не будучи въ состояніи сдержать своего восторга отъ патріотическаго исхода выборовъ въ его «красныхъ владѣніяхъ» (въ Саксоніи с.-д. потеряли цѣлыхъ 14 мандатовъ), срочно телеграфировалъ своему царственному собрату въ Берлинѣ: «Хорошо жить! Еще не умерла старая саксонская вѣрность!»

Такъ родился «готтентотскій» рейхстагъ 1907 г., открывшій собой одну изъ самыхъ мрачныхъ страницъ политической исторіи

Германіи. Послѣдующія пять лѣтъ дѣятельности этого замѣчательнаго парламента распадаются на двѣ почти совершенно равныя по продолжительности эпохи, знаменовавшія собой господство двухъ различныхъ партійныхъ комбинацій: консервативно-либеральнаго блока кн. Бюлова и «черно-голубого блока» консерваторовъ и центра.

Какъ ни странно звучитъ само по себѣ это словосочетаніе, консервативно-либеральный блокъ остался не только кратковременной предвыборной коалиціей,—съ открытіемъ новаго рейхстага онъ превратился даже въ офиціальное правительственное большинство въ парламентѣ. Наивные политики либеральнаго бюргерства, восхищенные нѣсколькими туманными намеками имперскаго канцлера, пророчили теперь избирателямъ наступленіе новой эры въ общественной жизни Германіи и съ негодованіемъ отвергали предупрежденія немногихъ скептиковъ, говорившихъ, что, въ сущности, ничего особеннаго не случилось, и все въ этомъ лучшемъ изъ міровъ останется по-старому. Конечно, на повѣрку оказалось, что именно скептики то и были правы.

За все, болѣе чѣмъ двухлѣтнее существованіе бюловскаго блока, либераламъ удалось провести лишь одну единственную прогрессивную реформу—новый законъ о союзахъ и собраніяхъ. Къ сожалѣнію, однако, и эта единственная прогрессивная реформа была, по требованію консерваторовъ, настолько обезображена цѣлымъ рядомъ реакціонныхъ ограниченій, что потеряла, по крайней мѣрѣ, половину своего положительнаго значенія. Всѣ же остальные крупные законодательные акты 1907—8 гг. носятъ на себѣ столь опредѣленно выраженную печать аграрно-консервативныхъ вожделѣній, что въ характерѣ ихъ партійнаго происхожденія не приходится ни минуты сомнѣваться. Въ этотъ же первый періодъ существованія прошлаго рейхстага былъ принятъ, между прочимъ, и новый законъ о реформѣ военнаго флота, сыгравшій, какъ мы сейчасъ увидимъ, роковую роль въ исторіи консервативно-либеральнаго сожительства.

Законъ о реформѣ флота понижалъ срокъ дѣйствительной службы военныхъ судовъ съ 25 до 20 лѣтъ. Естественнымъ послѣдствіемъ данной реформы явилась потребность въ постройкѣ 5 новыхъ броненосныхъ гигантовъ, а естественнымъ послѣдствіемъ этой потребности—необходимость обезпечить финансовую возможность осуществленія рѣшенныхъ преобразованій. Поставленный предъ этой последней задачей кн. Бюловъ нашелъ выходъ изъ непріятнаго положенія въ проектѣ такъ называемой «финансовой реформы», долженствовавшей давать государственной казнѣ ежегодно около 500 милл. марокъ лишнихъ доходовъ. По существу дѣла, эта «реформа» сводилась къ повышенію нѣкоторыхъ старыхъ и введенію цѣлаго ряда новыхъ налоговъ, причемъ 400 милл. предполагалось добыть при помощи косвеннаго обложенія, а 100 милл. путемъ пря-

мого налога на болѣе крупныя наслѣдства: кн. Бюловъ хотѣлъ быть пріятнымъ обѣимъ частямъ своей парламентской коалиціи!

Но тутъ произошло нѣчто совершенно неожиданное. Консерваторы рѣшительно отказались вотировать «финансовую реформу» до тѣхъ поръ, пока изъ нея не будетъ выкинутъ налогъ на наслѣдства; либералы же, опасаясь окончательно потерять всякій престижъ въ странѣ, не соглашались разстаться съ этимъ единственнымъ демократическимъ привкусомъ въ общемъ довольно-таки горькой для народныхъ массъ финансовой пилюли. Результатомъ обнаружившихся глубокихъ разногласій явилось распаденіе въ іюлѣ 1909 г. консервативно-либеральнаго блока и отставка его хитроумнаго творца, кн. Бюлова.

Теперь началась новая эпоха въ существованіи «готтентотскаго» рейхстага. Кн. Бюлова на канцлерскомъ посту замѣстилъ «молчаливый философъ» Бетманъ-Гольвегъ, и этой перемѣнѣ въ рядахъ высшаго правительства соотвѣтствовала такая же перемѣна и въ группировкѣ парламентскихъ партій. Либералы силой вещей были отброшены въ оппозицію, и на мѣсто противоестественной коалиціи «карпа и кролика» теперь сталъ болѣе прочный и жизнеспособный союзъ католическаго попа съ дикимъ помѣщикомъ. Минувшіе съ тѣхъ поръ $2^1/_2$ года были періодомъ неограниченнаго торжества «черно-голубого блока», и надо отдать справедливость входящимъ въ его составъ партіямъ—онѣ сумѣли за этотъ сравнительно короткій срокъ вызвать къ себѣ глубокую ненависть въ самыхъ широкихъ слояхъ населенія. Что дала, въ самомъ дѣлѣ, странѣ эпоха господства «черно-голубого блока»? Подвести ей итоги въ настоящее время не такъ-то трудно. Блокъ додѣлалъ бюловскую «финансовую реформу», замѣнивъ налогъ на наслѣдства рядомъ другихъ косвенныхъ налоговъ, ввелъ новый налогъ на судоходство, т. е. иными словами способствовалъ удорожанію водного транспорта, внесъ многочисленныя ухудшенія въ существующее законодательство о государственномъ страхованіи, усилилъ преслѣдованіе рабочаго движенія, подготовилъ реформу германскаго уголовнаго уложенія, грозящую пролетаріату новыми скорпіонами, и приступилъ даже къ энергичной кампаніи въ пользу ограниченія коалиціоннаго права рабочихъ. Единственнымъ свѣтлымъ исключеніемъ на этомъ мрачномъ фонѣ политической дѣятельности консервативно-клерикальной реакціи являются лишь законъ о страхованіи частныхъ служащихъ, принятый рейхстагомъ наканунѣ самаго роспуска, да введеніе довольно демократической конституціи въ Эльзасъ-Лотарингіи, обязанной, впрочемъ, своимъ осуществленіемъ лишь энергичной поддержкѣ соціалъ-демократической фракціи.

Естественнымъ результатомъ работъ «черно-голубыхъ» явился огромный ростъ раздраженія и недовольства противъ господствующей политики не только въ пролетарскихъ кругахъ, но

также и въ широкихъ слояхъ буржуазнаго общества. Тяжелая рука культурно-политической реакціи такъ жестоко и безпощадно опустилась на страну, что даже дряблый и безкровный германкій либерализмъ вынужденъ былъ невольно ощетиниться. Эта рѣзкая перемѣна въ настроеніи широкихъ массъ населенія нашла свое наиболѣе яркое выраженіе въ рядѣ ландтагскихъ и дополнительныхъ рейхстагскихъ выборовъ, ознаменовавшихся блестящими побѣдами лѣвыхъ партій, особенно же соціалъ-демократіи *).

Массовое народное недовольство, вызванное общеполитическими причинами, съ середины прошлаго года нашло себѣ новую пищу въ фактѣ необыкновеннаго вздорожанія жизни, сильно ударившаго по карману городское, а отчасти и сельское населеніе. Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на выясненіи причинъ общаго повышенія цѣнъ на предметы массоваго потребленія,—достаточно будетъ сказать, что въ Германіи это повышеніе зависитъ главнымъ образомъ отъ характера экономической политики имперіи, направленной на одностороннюю защиту интересовъ крупнаго помѣстнаго землевладѣнія. Согласно недавнимъ вычисленіямъ мюнхенскаго профессора Л. Брентано, система господствующихъ нынѣ сельско-хозяйственныхъ пошлинъ приноситъ прусскимъ юнкерамъ ежегодно никакъ не менѣе 900 милл. марокъ дохода, переплачиваемаго нѣмецкимъ потребителемъ только на четырехъ хлѣбныхъ злакахъ (пшеница, рожь, овесъ и ячмень). При такихъ условіяхъ, вполнѣ естественно и понятно, что осенняя дороговизна 1911 г. должна была въ огромной степени усилить раздраженіе демократическихъ слоевъ населенія противъ виновниковъ этой новой напасти, противъ «хлѣбныхъ ростовщиковъ» и «эксплуататоровъ народа», т. е. все противъ тѣхъ же партій «черно-голубого блока». И чѣмъ ближе подходила къ концу послѣдняя сессія «готтентотскаго» рейхстага, тѣмъ глубже злоба и негодованіе охватывали широкія народныя массы, и тѣмъ чаще по адресу господствующей коалиціи раздавалась угроза: «Погодите-жъ, въ день выборовъ мы съ вами поквитаемся»!

При господствѣ такого настроенія старый рейхстагъ былъ, наконецъ, 6 декабря 1911 г. распущенъ императорскимъ указомъ. Никто, кромѣ «черно-голубыхъ» братьевъ и ихъ канцлера, не пролилъ слезъ по бѣдномъ покойникѣ, такъ много погрѣшившемъ при жизни противъ народныхъ интересовъ и заставившемъ страну пережить длинный рядъ тяжелыхъ, черныхъ лѣтъ. И едва двери парламента захлопнулись за пестрой толпой недавнихъ народныхъ представителей, какъ на обширномъ полѣ избирательной битвы закипѣла ожесточенная борьба между различными политическими

*) С.-д. за два года 1910—1911 провели на дополнительныхъ выборахъ 10 депутатовъ и такимъ образомъ повысили численность своей рейхстагской фракціи съ 43 до 53 чел.

партіями. Но на этотъ разъ предвыборная ситуація имѣла совершенно иной видъ, чѣмъ пять лѣтъ тому назадъ. Отъ шовинистскаго угара «готтентотскихъ» выборовъ не осталось больше и слѣда, и группировка политическихъ силъ страны приняла теперь гораздо болѣе нормальный и естественный характеръ. По одну сторону избирательнаго поля въ тѣсномъ союзѣ оказались партіи «черно-голубого» блока: центръ, антисемиты и консерваторы различныхъ оттѣнковъ,—все, что есть въ странѣ наиболѣе дикаго, некультурнаго и злобно-реакціоннаго; по другую сторону соціалъ-демократы, свободомыслящіе и націоналъ-либералы, т. е. вся прогрессивная Германія «отъ Бассермана до Бебеля». Кажется, еще никогда за всю 40-лѣтнюю исторію германскаго парламентаризма рѣзкое размежеваніе между правой и лѣвой политическими концентраціями не выступало такъ ярко и отчетливо, какъ на нынѣшнихъ выборахъ. Именно это обстоятельство наложило особый отпечатокъ на всю только что протекшую избирательную кампанію и въ сильнѣйшей степени отразилось на окончательномъ исходѣ великой политической битвы.

II.

Люди, переживавшіе парламентскіе выборы въ Англіи, Франціи или Соединенныхъ Штатахъ, нашли бы избирательную кампанію въ Германіи необыкновенно сѣрой, будничной и однотонной. Въ самомъ дѣлѣ, выборы въ народное представительство въ одной изъ названныхъ странъ ставятъ на ноги буквально все населеніе и сопровождаются цѣлымъ рядомъ яркихъ, поражающихъ вниманіе явленій. Созываются огромные митинги подъ открытымъ небомъ, устраиваются шумныя манифестаціи на площадяхъ и на улицахъ, произносятся пламенныя рѣчи, въ политическую борьбу вовлекаются не только взрослые граждане, но и дѣти, на помощь агитаціи привлекаются всѣ новѣйшія завоеванія науки и техники. населеніе засыпается непрерывнымъ дождемъ избирательныхъ воззваній, брошюръ и летучихъ листковъ и мало-по-малу подъ комбинированнымъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ вліяній доходитъ до состоянія непрерывнаго политическаго кипѣнія, нерѣдко находящаго себѣ выходъ въ различнаго рода эксцессахъ и кровавыхъ столкновеніяхъ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль страна бываетъ выбита изъ колеи нормальной жизни и во все это время думаетъ, говоритъ, интересуется, пишетъ и читаетъ только о выборахъ и по поводу выборовъ. Когда англійское либеральное министерство въ послѣдній разъ распускало парламентъ, оно было очень озабочено вопросомъ о томъ, какъ бы періодъ избирательной кампаніи не совпалъ по времени съ наступающими святками, т. к. въ этомъ послѣднемъ случаѣ вся рождественская торговля должна

была бы пойти на смарку. И, дѣйствительно, срокъ новыхъ выборовъ былъ установленъ съ такимъ расчетомъ, чтобы къ 10 декабря политическая битва по всей линіи была бы уже закончена.

Совсѣмъ иную картину видимъ мы въ Германіи. Взять, напр., только что закончившуюся избирательную кампанію. Не подлежитъ сомнѣнію, что она была одной изъ наиболѣе страстныхъ и оживленныхъ, пережитыхъ когда-либо страной,—и, однако, какъ въ общемъ спокойно, методично и разсудочно все время велась политическая борьба! Конечно, на протяженіи 7 недѣль усиленной избирательной агитаціи при желаніи можно насчитать немало яркихъ моментовъ и отдѣльныхъ оригинальныхъ выступленій. Такъ, въ Гамбургѣ въ день выборовъ была устроена массовая импозантная манифестація съ требованіемъ избирательнаго права для женщинъ. Въ Мюнхенѣ въ тотъ же день по городу разъѣзжали извозчики и автомобили, сверху до низу увѣшанные разноцвѣтными избирательными афишами и немолчнымъ ревомъ своихъ мѣдныхъ рожковъ привлекавшіе къ себѣ вниманіе прохожихъ. Въ Берлинѣ по улицамъ бѣгали большія и маленькія собаки, къ спинамъ которыхъ были привязаны воззванія различныхъ политическихъ партій. Во многихъ мѣстахъ послѣднія, не ограничиваясь сухой прозой предвыборныхъ плакатовъ старались тронуть сердце избирателя хромоногими виршами или символическими картинами. Дрезденскіе національ-либералы пошли еще дальше и въ цѣляхъ политической агитаціи рѣшили использовать столь модное въ настоящее время воздухоплаваніе: они пустили надъ городомъ небольшой баллонъ съ привязаннымъ къ нему воззваніемъ въ пользу своего кандидата д-ра Гинце (эта экстраординарная мѣра не помѣшала, впрочемъ, д-ру Гинце провалиться). Вечеромъ въ день главныхъ выборовъ и затѣмъ въ дни слѣдующихъ за ними перебаллотировокъ на улицахъ, передъ зданіями редакцій большихъ газетъ, скоплялись огромныя толпы народа, не расходившіяся до глубокой ночи и бурно реагировавшія на различныя извѣстія объ исходѣ голосованія. Въ нѣкоторыхъ городахъ при этомъ—назову Берлинъ, Кельнъ, Дортмундъ, Саарбрюккенъ и др.—дѣло доходило до шумныхъ манифестацій на улицахъ и кое гдѣ даже до столкновеній съ полиціей.

Какъ однако ни красочны и ни драматичны порой названные моменты, они остаются все-таки только отдѣльными яркими штрихами, лишь еще рѣзче подчеркивающими спокойствіе и однотонность основного фона картины. Пріѣзжая въ періодъ избирательной кампаніи въ нѣмецкій городъ, вы развѣ только по разноцвѣтнымъ объявленіямъ о предвыборныхъ собраніяхъ могли бы догадаться, что страна переживаетъ сейчасъ моментъ великаго политическаго рѣшенія. Ни по внѣшнему виду улицъ, ни по характеру заполняющаго ихъ движенія, ни по лицамъ и разговорамъ прохожихъ вы этого не замѣтили бы. И если бы вы даже,

заинтересовавшись ходомъ избирательной борьбы, отправились на одно изъ многочисленныхъ предвыборныхъ собраній, — вы, вѣроятно, были бы сильно разочарованы въ своихъ ожиданіяхъ: ни пламенныхъ рѣчей, ни рѣзкаго столкновенія мнѣній, ни бурныхъ страстныхъ сценъ, такъ захватывающе дѣйствующихъ на толпу напряженныхъ слушателей! Все очень умно, толково, дѣловито, но спокойно, удивительно спокойно. И подобный характеръ собраній вполнѣ понятенъ. При господствующей въ Германіи глубокой политической дифференціаціи, на собранія, созываемыя какой-либо одной партіей, по правилу ходятъ только ея сторонники, противники же или вовсе не являются или, если и являются, то лишь очень рѣдко выступаютъ съ возраженіями. Откуда же взяться въ такомъ случаѣ особому оживленію на собраніяхъ? Еще у либераловъ, плохо организованныхъ и мало дисциплинированныхъ, гдѣ чуть не каждый членъ партіи имѣетъ по всѣмъ вопросамъ свое особое мнѣніе, иногда разгораются довольно интересные дебаты. На собраніяхъ же центра или соціалъ-демократіи пренія можно услышать лишь крайне рѣдко. При такихъ условіяхъ роль городскихъ избирательныхъ собраній въ Германіи сравнительно не очень велика (иное дѣло въ деревнѣ), и, созывая ихъ, партіи преслѣдуютъ главнымъ образомъ цѣли воодушевленія собственныхъ сторонниковъ и произведенія нѣкотораго внѣшняго эффекта.

Впрочемъ, эта бѣдность драматическаго элемента въ германской избирательной кампаніи отнюдь не означаетъ собой равнодушія населенія къ политическимъ судьбамъ страны. Совсѣмъ наоборотъ. На двухъ послѣднихъ выборахъ 1907 и 1912 гг. въ голосованіи участвовало по 85% общаго количества избирателей,— фактъ, ярко свидѣтельствующій о глубокомъ интересѣ самыхъ широкихъ круговъ націи къ исходу избирательной борьбы. Но только внѣшнее проявленіе этого интереса, благодаря на рѣдкость холодному темпераменту нѣмцевъ и особымъ политическимъ условіямъ ихъ страны, принимаетъ здѣсь совершенно иныя формы, чѣмъ, напр., въ Англіи или Франціи. Политическая борьба въ Германіи изъ сферы открытой общественной жизни переносится въ частную жизнь каждаго гражданина и потому протекаетъ мало замѣтно для поверхностнаго наблюдателя. Отъ этого однако борьба сама по себѣ отнюдь не становится менѣе горячей и ожесточенной.

Въ нѣмецкой избирательной агитаціи первенствующая роль принадлежитъ, несомнѣнно, печатному слову. Каждый нѣмецъ читаетъ ежедневно по вечерамъ «свою» газету и почерпаетъ изъ нея обычно всю свою политическую, экономическую и иную мудрость. Уже этого одного факта совершенно достаточно для того, чтобы дать въ руки борющихся политическихъ партій могущественное орудіе для воздѣйствія на души избирателей. Оттого-то каждая изъ этихъ партій прилагаетъ въ предвыборный періодъ самыя энергичныя усилія для увеличенія числа своихъ

абонентовъ. Вліяніе ежедневной прессы дополняется распространеніемъ летучихъ листковъ, находящихся въ непосредственной связи съ различными моментами избирательной кампаніи. Распространеніе это происходитъ нѣсколько разъ въ теченіе всего предвыборнаго періода, причемъ къ послѣднему передъ днемъ голосованія листку прилагается избирательный бюллетень съ именемъ партійнаго кандидата и небольшая карточка съ указаніемъ номера и бюро того избирательнаго участка, въ которомъ данный избиратель долженъ подать свой голосъ. Летучіе листки распространяются обычно въ колоссальномъ количествѣ — сотняхъ тысячъ и даже милліонахъ экземпляровъ—и попадаютъ буквально въ каждую квартирку.

На-ряду съ письменной агитаціей огромную роль въ подготовкѣ выборовъ играетъ еще такъ наз. Kleinagitation, буквально «мелкая агитація», т.-е. повседневная агитація въ сферѣ частной, служебной, профессіональной и всякой иной жизни массы избирателей. Различныя партіи прибѣгаютъ при этомъ къ помощи различныхъ методовъ и средствъ для оказанія наибольшаго вліянія на слѣдующія за ними группы населенія. Соціалъ-демократы пользуется для достиженія названной цѣли главнымъ образомъ могучимъ аппаратомъ профессіональнаго движенія на всѣхъ большихъ и малыхъ профессіональныхъ собраніяхъ (а они устраиваются въ каждомъ крупномъ городѣ ежедневно десятками), на фабрикахъ и заводахъ, въ ресторанахъ и пивныхъ, за рабочимъ станкомъ и въ частной квартирѣ за дружеской бесѣдой. Вездѣ членами партіи (являющимися обычно одновременно и членами союзовъ) неустанно ведется энергичная и упорная предвыборная агитація. Католическій центръ опирается въ своей избирательной борьбѣ преимущественно на огромное вліяніе церковной огранизаціи: пасторская каѳедра, алтарь и исповѣдальня являются еще понынѣ его испытаннымъ орудіемъ въ дѣлѣ желательной политической «обработки» болѣе отсталыхъ слоевъ населенія. Консерваторы, держащіе въ своихъ рукахъ всю мощь административнаго правительственнаго аппарата, наряду съ щедрой раздачей «дешевой» водки и не менѣе «дешевыхъ» сигаръ пускаютъ въ ходъ всѣ мѣры самаго грубаго и беззастѣнчиваго давленія на совѣсть непокорнаго избирателя. Наконецъ либералы находятъ обширное поприще для своей агитаціонной дѣятельности въ мірѣ банковъ, биржи, торговыхъ конторъ, промышленныхъ заведеній и т. д. съ ихъ многочисленнымъ штатомъ служащихъ, приказчиковъ, кліентовъ и всякихъ иныхъ зависимыхъ или полузависимыхъ людей. Вся эта мало замѣтная, но неустанная и потому крайне дѣйствительная ежедневная, ежечасная агитація въ теченіе нѣсколькихъ недѣль пропитываетъ собой атмосферу всей страны и ко дню выборовъ доводитъ массы избирателей до высочайшей степени политическаго напряженія. Таковъ германскій методъ избирательной кампаніи. Лучше онъ или хуже, чѣмъ француз-

скій или англійскій,—вопросъ другой, но что онъ очень дѣйствителенъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Внѣшнее спокойствіе нынѣшней предвыборной борьбы объясняется также отчасти и той позиціей, которую на этотъ разъ заняло имперское правительство. Выше я уже упоминалъ о томъ, что въ 1907 г. кн. Бюловъ принялъ дѣятельное участіе въ «дѣланіи» новыхъ парламентскихъ выборовъ. Бетманъ-Гольвегъ, къ счастью, не обнаружилъ подобной активности. Правда, въ своемъ «новогоднемъ письмѣ», появившемся въ офиціозной «Norddeutsche Allg. Zeitung»», канцлеръ сдѣлалъ попытку выйти изъ своего «философскаго» спокойствія и обратился ко всѣмъ буржуазнымъ партіямъ съ призывомъ составить общую коалицію для совмѣстной борьбы съ соціалъ-демократіей. Однако традиціонный избирательный пароль, пускавшійся въ ходъ чуть-ли не каждымъ имперскимъ канцлеромъ, прозвучалъ на этотъ разъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и не произвелъ никакого впечатлѣнія на либеральныя партіи, по адресу которыхъ онъ собственно и былъ направленъ. Потерпѣвъ неудачу съ своей попыткой «Sammlungspolitik», Бетманъ-Гольвегъ однако не сразу успокоился. Въ особомъ обращеніи къ государственнымъ служащимъ, напечатанномъ все въ той же «Nordd. Allg. Zeitung», онъ объявилъ, что подача соціалъ-демократическаго избирательнаго бюллетеня не совмѣстима съ присягой, даваемой каждымъ гражданиномъ при поступленіи на правительственную службу, и что, поэтому, долгъ и обязанность всякаго чиновника вотировать на выборахъ за представителей охранительныхъ партій. Однако и это второе выступленіе имперскаго канцлера увѣнчалось не большимъ успѣхомъ, чѣмъ первое. Громкій ропотъ, раздавшійся въ отвѣтъ на обращеніе Бетмана-Гольвега изъ рядовъ низшихъ слоевъ бюрократіи, не оставлялъ никакого сомнѣнія въ характерѣ настроенія большинства послѣдней, и ни для кого въ Германіи не составляетъ секрета, что многіе десятки тысячъ чиновниковъ подъ защитой тайны голосованія опустили въ урнѣ избирательные бюллетени съ именами соціалъ-демократическихъ кандидатовъ.

Потерпѣвъ такимъ образомъ полное фіаско въ своихъ попыткахъ оказать вліяніе на ходъ избирательной кампаніи, Бетманъ-Гольвегъ снова впалъ въ состояніе столь привычнаго ему «философскаго» покоя и предоставилъ дальнѣйшій ходъ вещей ихъ естественному теченію. Благодаря этому, избиратели были избавлены отъ излишняго давленія правительственнаго аппарата, и предвыборная борьба политическихъ партій могла развиваться въ болѣе или менѣе свободныхъ условіяхъ. Конечно въ городѣ, а не въ деревнѣ (о томъ, что дѣлалось въ предвыборный періодъ въ сельскихъ мѣстностяхъ читатель увидитъ ниже).

Отъ этой общей характеристики методовъ и формъ избирательной борьбы перейдемъ теперь къ болѣе близкому ознакомленію съ дѣятельностью и работой отдѣльныхъ политическихъ партій.

Это ознакомленіе тѣмъ болѣе поучительно и интересно, что какъ разъ въ эпоху выборовъ всѣ, если можно такъ выразиться, партійныя индивидуальности принимаютъ наиболѣе яркія и законченныя очертанія.

III.

Огромный, длинный залъ, нѣсколько низкій для своихъ гигантскихъ размѣровъ, залитъ до краевъ черной, волнующейся человѣческой массой. Люди сидятъ за столами, стоятъ въ проходахъ между стульями, лѣпятся по стѣнамъ, густо заполняютъ хоры и даже лѣстницы на хоры. Съ высоты эстрады, занятой представителями прессы и наиболѣе почетными лицами мѣстной партійной организаціи, видно только безконечное море головъ, все утонувшее въ синеватыхъ клубахъ дыма. Въ собраніи жарко и душно. Чувствуются напряженіе и приподнятость, вызываемыя всегда большимъ скопленіемъ людей.

На трибунѣ старый вождь соціалъ-демократической партіи, вотъ уже въ девятый разъ выставляемый кандидатомъ въ рейхстагъ отъ одного и того же избирательнаго округа. Онъ—одинъ изъ немногихъ еще оставшихся въ живыхъ ветerановъ движенія, одинъ изъ той все рѣдѣющей «стаи славной», которая заложила основы нынѣшняго могущества партіи пролетаріата и теперь мало-по-малу сходитъ со сцены. Тяжелая болѣзнь наложила свою жестокую руку на организмъ этого гиганта въ человѣческомъ образѣ, согнула его фигуру, покрыла его голову сплошною сѣдиной. Въ обычное время, подчиняясь предписанію врачей, старый вождь рѣдко появляется на публичныхъ собраніяхъ. Но въ моментъ избирательной борьбы, когда на долгій срокъ впередъ рѣшаются политическія судьбы страны, онъ долженъ, онъ не можетъ не быть на посту!

— Товарищи и уважаемые слушатели! — начинаетъ ораторъ. Смѣшанный гулъ тысячеголосой толпы, наполнявшій передъ тѣмъ обширное помѣщеніе, постепенно затихаетъ, и въ огромномъ залѣ воцаряется мертвая тишина.

— Ровно пять лѣтъ тому назадъ въ этомъ же самомъ залѣ мнѣ пришлось бесѣдовать съ вами послѣ жестокой битвы 25 января. Вы помните, невеселое настроеніе господствовало въ то время въ нашихъ рядахъ. На «готтентотскихъ» выборахъ 1907 г. мы потерпѣли частичное пораженіе, и многіе вѣрные товарищи подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ этой неудачи впали въ нѣкоторое уныніе и малодушіе. Буржуазный міръ торжествовалъ свою временную побѣду надъ пролетаріатомъ, и, чѣмъ громче раздавались ликованія въ станѣ враговъ, тѣмъ сумрачнѣе становилось въ нашемъ лагерѣ. Но жизнь течетъ, и отношенія измѣняются. Пять лѣтъ, отдѣляющія насъ отъ рожденія «готтентотскаго» рейхстага, прошли не даромъ. И, если мы окинемъ въ настоящее время взо-

ромъ наши политическія позиціи, то будемъ поражены поистинѣ исполинской разницей между положеніемъ соціалъ-демократіи «тогда» и «теперь». За этотъ короткій промежутокъ времени число членовъ нашей партіи болѣе, чѣмъ удвоилось; наша пресса проникла въ самые отдаленные уголки страны; наше парламентское и коммунальное представительство обнаружило небывалое развитіе; наша роль, наше значеніе въ политической жизни страны увеличилось, какъ никогда въ прошлые годы. Кто осмѣлится теперь говорить о «поверженной» и «разбитой» соціалъ-демократіи? Кто осмѣлится предрекать намъ близость неизбѣжнаго конца?

Ораторъ на минуту останавливается и дѣлаетъ небольшую передышку. Обширный залъ оглашается шумными рукоплесканіями.

— Но гдѣ же, въ чемъ заключается причина этихъ поразительныхъ успѣховъ соціалъ-демократіи?—продолжаетъ ораторъ.— Она заключается, несомнѣнно, въ той энергіи и настойчивости, въ той готовности къ жертвамъ, въ той вѣрѣ въ торжество нашего дѣла, которыя обнаружили въ послѣдніе годы тысячи и десятки тысячъ нашихъ товарищей. Но не только въ этомъ одномъ. Тайна нашихъ побѣдъ кроется также и въ характерѣ той правительственной политики, которая явилась неизбѣжнымъ послѣдствіемъ «готтентотскихъ» выборовъ и господства «черно-голубого блока».

— Вѣрно!—громко раздается въ толпѣ, и залъ снова оглашается аплодисментами.

Теперь ораторъ переходитъ къ политической жизни страны въ теченіе минувшаго пятилѣтія и къ оцѣнкѣ переживаемаго Германіей предвыборнаго момента. Крупными, яркими штрихами, при бурномъ одобреніи слушателей, онъ рисуетъ картину внутренней эволюціи имперіи со времени рожденія «готтентотскаго» рейхстага: положеніе партіи послѣ выборовъ 1907 г.; жалкую исторію консервативно-клерикальной коалиціи; паденіе кн. Бюлова; созданіе реакціоннаго «черно-голубого блока» и результаты его болѣе, чѣмъ двухлѣтняго парламентскаго господства. По мѣрѣ развертыванія политической панорамы настроеніе въ залѣ постепенно повышается, голосъ оратора крѣпнетъ, и возбужденіе среди слушателей замѣтно растетъ. Рѣчь стараго вождя все чаще прерывается бурными рукоплесканіями, криками «браво», «правильно», «очень хорошо» и т. д., а когда, характеризуя соціальную политику «черно-голубого блока», онъ упоминаетъ о томъ, что, согласно новому закону о страхованіи рабочихъ, пособіе будутъ получать не всѣ вдовы, лишившіяся своего кормильца, а только вдовы-«инвалиды», залъ оглашается громовымъ:

— Пфуй!

— Гдѣ выходъ изъ создавшагося невозможнаго положенія? Гдѣ путь, по которому страна могла бы выбраться изъ того историческаго тупика, въ который ее загнала политика господствующихъ партій? Этотъ выходъ, этотъ путь—въ разгромѣ «черно-

голубого блока» на предстоящихъ выборахъ въ рейхстагъ. По мнѣнію оратора, данная цѣль въ настоящее время вполнѣ достижима, такъ какъ и германскій либерализмъ послѣ печальнаго опыта послѣднихъ пяти лѣтъ пришелъ къ выводу о необходимости освобожденія Германіи отъ ига консервативно-клерикальной реакціи. Конечно, соціалъ-демократіи не приходится предаваться какимъ-либо иллюзіямъ на счетъ стойкости, послѣдовательности и демократичности нѣмецкихъ либераловъ,—исторія бюловскаго блока у всѣхъ еще въ памяти,—но, поскольку либералы захотятъ вести серьезную войну съ «черно-голубыми» братьями, они могутъ всегда разсчитывать на дѣятельную поддержку пролетаріата.

— Товарищи!—заканчиваетъ ораторъ свою съ силой и энергіей сказанную рѣчь.—Въ теченіе 30 лѣтъ вы оказывали мнѣ честь избраніемъ меня на почетный и отвѣтственный постъ вашего парламентскаго представителя. Насколько хватало моихъ силъ и способностей, я всегда стремился оправдать ваши надежды и ожиданія. И, если теперь, въ началѣ четвертаго десятилѣтія вы снова сочтете меня достойнымъ представлять ваши интересы въ рейхстагѣ я могу вамъ только обѣщать, что и въ дальнѣйшей своей дѣятельности я останусь тѣмъ же, чѣмъ я былъ до сихъ поръ.

Ораторъ кончилъ и медленно сходитъ съ трибуны. Залъ оглашается криками «браво» и бурными, долго не смолкающими рукоплесканіями. Многіе встаютъ съ своихъ мѣстъ и въ порывѣ воодушевленія машутъ шляпами и платками.

Раздается рѣзкій звонокъ, и предсѣдатель, гарантируя каждому оппоненту полную свободу слова, приглашаетъ присутствующихъ высказываться по поводу рѣчи соціалъ-демократическаго кандидата. Однако, желающихъ не находится: представителей другихъ партій въ залѣ, видимо, нѣтъ, а единомышленники во всемъ согласны съ ораторомъ. Тогда слово беретъ самъ предсѣдатель и въ краткой, но съ воодушевленіемъ и огонькомъ сказанной рѣчи напутствуетъ собравшихся на трудную работу.

— Всѣ предзнаменованія,—говоритъ онъ—обѣщаютъ соціалъ-демократіи на нынѣшнихъ выборахъ блестящую побѣду, но пусть присутствующіе не обольщаются ложными надеждами. Побѣду надо завоевать, а для этого прежде всего необходимы энергія, упорная работа, готовность къ жертвамъ и дисциплина, желѣзная дисциплина!

— Правильно! Вѣрно!—громко подтверждаетъ толпа.

Свой горячій призывъ предсѣдатель заканчиваетъ пожеланіемъ успѣха партіи въ начинающейся избирательной кампаніи и громкимъ «Hoch»! въ честь интернаціональной соціалъ-демократіи. При послѣднихъ словахъ вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, подымается со своихъ мѣстъ, въ воздухѣ мелькаютъ шапки и шляпы, и обширный залъ троекратно оглашается громовымъ:

— Hoch! Hoch! Hoch!

Собраніе закрыто. Недалеко отъ эстрады раздаются хорошо

знакомые звуки рабочей «Марсельезы». Тысячи голосовъ сразу подхватываютъ эту популярнѣйшую пѣсню пролетарской Германіи, и подъ мощные аккорды соціалистическаго гимна рабочая масса начинаетъ медленно выливаться изъ зала на улицу...

Я нарочно подробно остановился на описаніи соціалъ-демократическаго предвыборнаго собранія, такъ какъ все въ немъ чрезвычайно характерно для политической партіи пролетаріата: и самый методъ агитаціи, и поведеніе кандидата, и воодушевленіе массы, и ея готовность къ жертвамъ во имя общаго соціалистическаго дѣла, и ея поразительная дисциплина, чувствующаяся въ каждомъ движеніи, въ каждомъ порывѣ, чуть-ли не въ каждомъ вздохѣ собравшейся многотысячной толпы. И справедливость требуетъ сказать, что всѣ эти прекрасныя качества нѣмецкой рабочей массы нашли себѣ въ періодъ избирательной кампаніи необыкновенно широкое примѣненіе.

Слѣдуя своей обычной тактикѣ, соціалъ-демократія выставила и на нынѣшнихъ выборахъ своихъ кандидатовъ во всѣхъ 397 округахъ страны *). И, вполнѣ сознавая огромное значеніе настоящей избирательной кампаніи, она сумѣла развить на всемъ протяженіи имперіи поистинѣ исполинскую агитацію. Ея обширная пресса въ теченіе 7 недѣль была охвачена настоящей избирательной горячкой и думала и писала только о томъ, что такъ или иначе касалось предстоящихъ выборовъ. Ея типографіи печатали, а ея организаціи распространяли въ городѣ и въ деревнѣ милліоны экземпляровъ иллюстрированныхъ и не иллюстрированныхъ листковъ, плакатовъ и воззваній къ населенію. Ея агитаторы неутомимо разъѣзжали по странѣ и созывали тысячи разнообразныхъ собраній, проникая подчасъ въ самые глухіе уголки чисто сельскихъ областей и районовъ. Рабочіе, служащіе, чиновники, крестьяне, нѣмцы, датчане, поляки—всѣ въ большей или меньшей степени подвергались политической «обработкѣ» со стороны партіи пролетаріата, никто не ускользалъ отъ дѣйствія смѣлаго соціалъ-демократическаго слова. Насколько широка и всеобъемлюща была эта лихорадочная агитація, можно прекрасно судить хотя бы по тому факту, что въ Берлинѣ было устроено даже одно спеціальное собраніе слѣпцовъ—соціалъ-демократовъ, на которомъ оживленно обсуждались вопросы, касающіеся избирательной борьбы **). Въ день самыхъ выборовъ 12 января представителей партіи можно было найти въ каждомъ

*) Ни какая другая партія не рѣшилась на подобный шагъ. Нац.-либералы выставили 200 кандидатовъ, центръ—183, прогрессисты—175, консерваторы—132 и т. д. Общее количество выставленныхъ всѣми партіями кандидатовъ достигало 1428 чел.

**) Немногимъ изъ русскихъ читателей, вѣроятно, извѣстно, что германская с.-д.-ія принимаетъ очень близко къ сердцу интересы слѣпцовъ, входящихъ въ составъ ея организаціи, и издаетъ для нихъ даже спеціальный органъ «Neue Zeit», печатаемый особымъ шрифтомъ для слѣпыхъ.

избирательномъ локалѣ, занятыхъ распространеніемъ с.-д. избирательныхъ бюллетеней, контролемъ за правильностью выборнаго производства, работой въ участковыхъ избирательныхъ комитетахъ, тасканіемъ лѣнивыхъ избирателей, и т. д. Въ эти трудныя недѣли энергичную поддержку людьми, совѣтомъ, указаніями, устной и печатной агитаціей, нерѣдко даже деньгами оказывали партіи профессіональные союзы. Какое огромное значеніе имѣло это обстоятельство для успѣха избирательной борьбы соціалъ-демократіи, конечно, нечего доказывать,—это ясно само собой.

И, если принять во вниманіе, что для выполненія всей колоссальной избирательной работы, громадность которой начинаешь, какъ слѣдуетъ, понимать, только наблюдая ее собственными глазами, потребовались десятки, если не сотни тысячъ преданныхъ и энергичныхъ людей; если принять далѣе во вниманіе, что эти десятки тысячъ людей, дѣйствительно, нашлись, и что всѣ они въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ выполняли свой нелегкій трудъ совершенно безвозмездно, получая отъ партіи только возмѣщеніе собственныхъ расходовъ,—то придется признать, что широкая масса соціалистическаго пролетаріата обнаружила во время избирательной кампаніи такую силу идеализма, сознательности и преданности общему дѣлу, какой мы тщетно стали бы искать въ лагерѣ ея буржуазныхъ противниковъ.

IV.

Однимъ изъ характернѣйшихъ моментовъ нынѣшнихъ выборовъ является сильное внѣдреніе соціалъ-демократіи въ чисто деревенскіе районы. Политика «черно-голубого блока» до такой степени ожесточила широкія массы демократическаго населенія, что даже скромный, набожный нѣмецкій крестьянинъ началъ обнаруживать признаки самаго подлиннаго политическаго недовольства. И потому, какъ ни сильно и ни могущественно давленіе административно-церковнаго аппарата въ деревнѣ,—въ той стѣнѣ, которая отгораживаетъ сельскихъ избирателей отъ остального міра, все чаще начинаютъ обнаруживаться предательскія бреши. Благодаря этому, оппозиціоннымъ партіямъ, и прежде всего соціалъ-демократіи, во время нынѣшней избирательной кампаніи впервые удалось проникнуть въ такіе неприступные медвѣжьи углы, о завоеваніи которыхъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ не могло быть и рѣчи. Въ теченіе предвыборнаго періода мнѣ не разъ приходилось бывать на сельскихъ избирательныхъ собраніяхъ, и, я думаю, читатель на меня не посѣтуетъ, если я подѣлюсь съ нимъ своими впечатлѣніями, вынесенными изъ одной такой агитаціонной поѣздки въ деревню...

Было около 9 ч. утра, когда наша небольшая компанія высади-

лась на маленькой жел.-дорожной станціи, затерянной среди безконечныхъ холмовъ и долинъ южной части Германіи. Кромѣ меня, поѣхавшаго на агитацію изъ любопытства, здѣсь находилось еще 7 человѣкъ: самъ «агитаторъ», служащій союза металлистовъ въ ближайшемъ крупномъ центрѣ; предсѣдатель соціалъ-демократической организаціи въ сосѣднемъ крошечномъ городкѣ, молодой интеллигентный столяръ, устроитель предстоявшаго намъ сегодня собранія, товарищъ предсѣдателя, высокій, черный сапожникъ, съ увѣсистымъ тюкомъ агитаціонной литературы подъ мышками; и, наконецъ, еще четверо рабочихъ изъ того же городка, съ различными духовыми инструментами въ рукахъ. Присутствіе музыкальныхъ инструментовъ меня особенно интриговало, и я не преминулъ спросить «агитатора» объ ихъ назначеніи. Однако тотъ въ отвѣтъ только лукаво улыбнулся и загадочно бросилъ:

— А вотъ увидите.

Мѣстность, въ которой мы находились, носила чисто сельскій характеръ и считалась неприступной твердыней центра. На прошлыхъ выборахъ кандидатъ послѣдняго прошелъ здѣсь въ первомъ же избирательномъ «турѣ», собравъ до 75% всѣхъ поданныхъ голосовъ,—остальныя партіи получили всего лишь по 1000-1500 записокъ. Соціалъ-демократическихъ собраній никогда въ округѣ до сихъ поръ не бывало, и крестьяне, со словъ агитаторовъ центра, рисовали себѣ представителей пролетаріата въ видѣ какихъ-то невѣдомыхъ существъ съ песьими головами и пышущими изо рта языками пламени. Сегодня имъ предстояло впервые увидать этихъ страшныхъ чудовищъ во-плоти и, конечно, разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ. Все это успѣлъ намъ разсказать словоохотливый столяръ-предсѣдатель во время пути отъ вокзала до небольшой деревенской пивной, въ которой назначено было собраніе. Тѣмъ интереснѣе должна была быть предстоявшая намъ встрѣча.

Несмотря на то, что всѣ объявленія о собраніи, вывѣшенныя за два дня передъ тѣмъ въ селѣ, были кѣмъ-то сорваны, а мѣстами даже соскоблены, низкій темноватый залъ пивной при нашемъ появленіи оказался переполненнымъ разношерстной деревенской публикой. Пріятно изумленные этимъ обстоятельствомъ, мы быстро размѣстились за единственнымъ свободнымъ столомъ въ переднемъ концѣ комнаты и хотѣли было уже, не теряя драгоцѣннаго времени, приступить непосредственно къ дѣлу. Но тутъ совершенно неожиданно обнаружилось крупное препятствіе. Къ намъ подошелъ хозяинъ пивной и, путаясь и сбиваясь, какъ провинившійся школьникъ, объявилъ, въ концѣ концовъ, что, къ его величайшему сожалѣнію, соціалъ-демократическое собраніе сегодня никакъ не можетъ состояться. Онъ, хозяинъ, правда, обѣщалъ «господину предсѣдателю» свое помѣщеніе, но крестьяне, узнавъ объ этомъ, пригрозили его заведенію бойкотомъ, а онъ, какъ человѣкъ бѣдный и многосемейный, не можетъ рисковать своимъ

положеніемъ. Къ тому же онъ, въ сущности, даже и не хозяинъ, а только арендаторъ пивной и, потому, все зависитъ не отъ него, а отъ самого владѣльца предпріятія.

«Господинъ предсѣдатель» былъ возмущенъ этимъ вѣроломствомъ до глубины души.

— Но, позвольте,—накинулся онъ на арендатора,—вѣдь не только вы, а и самъ владѣлецъ пивной мнѣ также обѣщалъ залъ подъ собраніе! Гдѣ онъ? Мы его сейчасъ возьмемъ за жабры!..

Однако владѣльца пивной не оказалось дома, а его жена—рыхлая, сырая женщина,—перепуганная внезапнымъ появленіемъ раздраженнаго «соци», упорно твердила, что ничего не знаетъ и слезно просила оставить ее въ покоѣ. Положеніе становилось совершенно критическимъ. Однако предсѣдатель не хотѣлъ такъ скоро сдаться. Не добившись толку отъ жены хозяина, онъ заявилъ арендатору, что, такъ какъ владѣлецъ пивной три дня назадъ категорически обѣщалъ ему залу подъ собраніе и такъ какъ слова своего тотъ назадъ не взялъ, то собраніе, несмотря ни на что, должно здѣсь состояться. Предсѣдатель рѣшительно взялъ въ руки колокольчикъ и, обратившись къ присутствующимъ, началъ:

— Уважаемые слушатели!..

Кончить однако ему не удалось. При первыхъ же звукахъ рѣчи предсѣдателя группа крестьянъ человѣкъ въ 15 подъ предводительствомъ какого-то толстаго, грузнаго господина, оказавшагося членомъ мѣстнаго патріотическаго ферейна воиновъ-инвалидовъ, приступила къ спасенію отечества при помощи обструкціи. Дробный стукъ пивныхъ кружекъ по столу, крики «долой!», свистъ, улюлюканье, собачій лай и кошачье мяуканье,—все слилось въ какую-то дикую какофонію, наполнявшую невысокую залу харчевни. Предсѣдатель переждалъ, пока первое волненіе, вызванное выступленіемъ обструкціонистовъ, нѣсколько улеглось, и сдѣлалъ новую попытку обратиться къ собранію. Однако и вторая попытка его увѣнчалась не большимъ успѣхомъ, чѣмъ первая. Обструкціонный концертъ возобновился съ удвоенной силой, вдобавокъ скандалисты завели еще стоявшій въ углу граммофонъ, и тотъ сталъ пронзительно наигрывать какой-то разухабистый военный маршъ.

Становилось ясно, что при такихъ условіяхъ вести собраніе невозможно. Но что было дѣлать? Сдаться и уйти изъ села, оставивъ поле битвы за противникомъ? Покориться судьбѣ и пропустить столь удобный случай для агитаціи? Это было бы слишкомъ обидно. Мы медлили съ окончательнымъ рѣшеніемъ, точно надѣясь, что какой-нибудь счастливый случай поможетъ намъ съ честью выйти изъ затруднительнаго положенія. И мы, дѣйствительно, не ошиблись. Должно быть, разыгрывающаяся сцена для всякаго элементарно-порядочнаго человѣка представляла слишкомъ возмутительное зрѣлище, потому что одинъ изъ присутствовавшихъ въ

залѣ крестьянъ, въ концѣ-концовъ, не выдержалъ и, обратившись къ публикѣ, воскликнулъ:

— Пойдемте прочь отсюда! У меня есть достаточно большое помѣщеніе для собранія,—тамъ мы сможемъ спокойно побесѣдовать о выборахъ!

Предложеніе это было сочувственно принято большинствомъ присутствующихъ, и почти вся толпа, вываливъ изъ негостепріимной пивной наружу, двинулась по широкой деревенской улицѣ къ указанному мѣсту. Во главѣ толпы очутилась наша компанія, и тутъ-то по знаку, данному предсѣдателемъ, музыканты взялись за свои инструменты. Эффектъ этого дѣйствія оказался поистинѣ необычайный: въ нѣсколько минутъ на громкіе звуки музыки сбѣжалась почти вся деревня, и когда наше шествіе приблизилось къ цѣли своего движенія, толпа, слѣдовавшая за нами, состояла, по меньшей мѣрѣ, изъ 250—300 чел. Теперь я понялъ назначеніе музыкальныхъ инструментовъ!

«Помѣщеніе», о которомъ говорилъ намъ свободолюбивый крестьянинъ, на повѣрку оказалось большой, довольно чистой и свѣтлой конюшней, могущей вмѣстить отъ 100—150 чел. Къ конюшнѣ примыкалъ четырехугольный, огороженный заборомъ дворъ, на которомъ могли расположиться остальные слушатели: черезъ открытую широкую дверь до нихъ должны были доноситься слова оратора. Мы съ облегченіемъ вздохнули: казалось, всѣ мытарства были кончены, и мы могли хотя бы въ столь оригинальной обстановкѣ открыть злополучное собраніе. Однако, не тутъ-то было. Едва публика успѣла занять отведенныя ей мѣста, какъ на горизонтѣ появился мѣстный жандармъ и, рѣшительными шагами подойдя къ нашей группѣ, объявилъ еще не начавшееся собраніе противозаконнымъ на томъ основаніи, что оно не было ему, какъ полагается, заявлено за 24 часа. Это было уже прямо комично. Предсѣдатель вытащилъ изъ кармана текстъ закона о собраніяхъ и союзахъ и попросилъ браваго блюстителя порядка прочитать тѣ его статьи, которыя гласятъ о томъ, что избирательныя собранія не подлежатъ заявкѣ полиціи. Сконфуженный жандармъ покраснѣлъ, какъ піонъ, и поспѣшилъ благоразумно удалиться. Въ воротахъ онъ столкнулся съ высокимъ грузнымъ католическимъ патеромъ, привѣтствовавшимъ его, какъ добраго знакомаго. Патеръ медленно прошелъ черезъ разступившуюся передъ нимъ толпу и, остановившись у входа въ конюшню, присѣлъ здѣсь на услужливо кѣмъ-то ему подставленный деревянный обрубокъ.

Но вотъ, всѣ затрудненія, наконецъ, улажены, всѣ препятствія преодолѣны, и собраніе сельскихъ избирателей объявляется открытымъ. Предсѣдатель, примостившійся на какомъ-то большомъ перевернутомъ вверхъ дномъ ящикѣ, указываетъ въ краткихъ чертахъ на значеніе наступающихъ выборовъ и затѣмъ предоставляетъ слово самому «референту».

— Уважаемые слушатели!—начинаетъ референтъ.—Я выступаю здѣсь передъ вами въ качествѣ представителя партіи, пользующейся въ деревнѣ самой отвратительной репутаціей. Изъ центровской прессы и отъ центровскихъ агитаторовъ вы знаете, конечно, что мы, соціалъ-демократы, ужасные люди, что мы хотимъ уничтожить религію, разрушить семью и государство, изгнать королей изъ страны и передать отечество непріятелю. Не такъ-ли?

— Правильно! — громко подаетъ реплику какой-то пожилой сѣдобородый крестьянинъ, примостившійся на длинной колодѣ, изъ которой поятъ лошадей.

— Но, если вѣрно все то, что насказали вамъ о насъ агитаторы центра,—продолжаетъ ораторъ,—то не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что въ Германіи всетаки находится $3^1/_4$ милл. избирателей, которые голосуютъ за эту изумительную партію? Неужели вы думаете, что всѣ эти 3 милліона круглые дураки, что они такъ-таки ровно ничего не понимаютъ въ политикѣ?

Вопросъ поставленъ рѣзко и умѣло и, видимо, производитъ нѣкоторое впечатлѣніе на собраніе. Ораторъ улавливаетъ смутное колебаніе, начинающееся въ душахъ присутствующихъ, и спѣшитъ использовать его въ своихъ интересахъ.

— Мы хотимъ уничтожить религію?—говоритъ ораторъ.—Ничего подобнаго! Наоборотъ, мы считаемъ религію частнымъ дѣломъ каждаго человѣка, въ которое партія не можетъ и не должна вмѣшиваться. Мы хотимъ разрушить бракъ и семью? Какой вздоръ! Развѣ сами мы не имѣемъ семей? Развѣ сами мы живемъ внѣ брака?—Мы хотимъ предать отечество непріятелю? Гнусная ложь! Вмѣстѣ съ нашими товарищами въ другихъ странахъ мы стремимся къ полному уничтоженію войны и установленію всесвѣтнаго мира.—Мы хотимъ замѣны монархіи республикой? Вѣрно. Но развѣ у насъ въ составѣ Германской имперіи уже нѣтъ въ настоящее время трехъ республикъ,—трехъ ганзейскихъ городовъ Гамбурга, Бремена и Любека? И развѣ народу живется тамъ хуже, чѣмъ въ различныхъ герцогствахъ и королевствахъ?...

Ораторъ говоритъ о ближайшихъ требованіяхъ соціалъ-демократіи, о политическомъ положеніи въ странѣ, о господствѣ «черно-голубого блока» и его преступленіяхъ, — говоритъ ясно, рѣзко, упрощая до послѣдней степени свое изложеніе и стараясь все время иллюстрировать свои слова различными примѣрами. Цифръ и логическихъ разсужденій онъ избѣгаетъ, какъ огня. Зато сильно налегаетъ на шутки, пословицы и прибаутки. Съ точки зрѣнія общепринятыхъ городскихъ масштабовъ его рѣчь, пожалуй, и не выдерживаетъ строгой критики, она слишкомъ ужъ проста, слишкомъ груба и схематична. Но я смотрю на окружающую публику и начинаю понимать, что иначе здѣсь нельзя говорить. Что за люди, что за лица кругомъ! Гигантскія фигуры—косая сажень въ плечахъ,—съ квадратными физіономіями, пудо-

выми кулаками, въ смазныхъ высокихъ сапогахъ, съ неизмѣнными крючковатыми трубками въ зубахъ. Мы, горожане, кажемся предъ ними какими-то тщедушными карликами. При взглядѣ на эти фигуры невольно какъ-то жутко становится, жутко за то живое, человѣческое слово, которому выпало на долю расшевелить сознательную мысль въ глубинѣ этихъ тяжелыхъ, темныхъ череповъ.

И однако человѣческое слово всетаки дѣйствуетъ! Чѣмъ долѣе говоритъ ораторъ, тѣмъ несомнѣннѣе, тѣмъ явственнѣе обнаруживается перемѣна въ настроеніи собранія. Первоначальное недовѣріе постепенно смѣняется интересомъ, а интересъ мало-по-мал переходитъ въ прямое сочувствіе и симпатію къ этому невысокому, живому человѣку, такъ смѣло выступающему на защиту всѣхъ угнетенныхъ и обиженныхъ, и къ его колючимъ саркастическимъ словамъ. Чувствуется—и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе,—что подъ вліяніемъ выслушанной рѣчи въ этихъ четырехугольныхъ темныхъ головахъ начинается какая-то мучительная работа мысли, что въ ихъ сознаніи, порабощенномъ суевѣріями и предразсудками, медленно приподымается какая-то тяжелая завѣса, и старый, такъ хорошо знакомый и привычный міръ вдругъ открывается предъ ними весь въ новыхъ краскахъ, весь въ новомъ небываломъ освѣщеніи. Они еще не убѣждены, еще не перешли на сторону новаго ученія,—о, нѣтъ!—но ихъ прежнее цѣльное міросозерцаніе сегодня дало непоправимую трещину...

Ораторъ кончилъ. Раздаются громовыя рукоплесканія. Здѣсь, въ деревнѣ, хлопаютъ не такъ, какъ въ городѣ. Апплодируютъ, точно изъ пушекъ стрѣляютъ. Сомнѣнія нѣтъ, — рѣчь произвела на присутствующихъ очень сильное впечатлѣніе: вѣдь ничего подобнаго они еще никогда въ жизни не слыхали! Одинъ молодой крестьянинъ, сидящій неподалеку отъ меня, находится въ совершенномъ восторгѣ: влюбленными глазами онъ смотритъ на оратора, неистово хлопаетъ въ ладоши и почти вопитъ:

— Браво! Браво!

Предсѣдатель звонитъ и приглашаетъ несогласныхъ съ только что выслушанной рѣчью выступить съ возраженіями. Всѣ взоры невольно обращаются на высокую фигуру патера, продолжающаго спокойно сидѣть у входа въ конюшню. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ подымается и проситъ слова.

— Дѣти мои!—начинаетъ патеръ вкрадчивымъ слегка хриплоВатымъ голосомъ,—вы слышали только что волка, явившагося къ вамъ въ овечьей шкурѣ, и апплодировали его словамъ. Но волкъ всегда остается волкомъ, и горе вамъ, если, соблазнившись его сладкими рѣчами, вы отдадите свои голоса партіи переворота. Вы погубите тѣмъ самымъ свое тѣло здѣсь, на землѣ, и свою душу, тамъ, на небесахъ!

Патеръ театрально подымаетъ руку вверхъ и окидываетъ пристальнымъ взоромъ все собраніе. Однако, теперь, непосредственно

послѣ рѣчи с.-д. агитатора этотъ привычный жестъ не производитъ на «стадо Христово» никакого впечатлѣнія. Патеръ, видимо, и самъ чувствуетъ, что съ одними заклинаніями и декларациями здѣсь сейчасъ ничего не подѣлаешь, а потому, оставивши въ сторонѣ жестикуляцію и паѳосъ, спѣшитъ перейти къ «опроверженію» соціалистическихъ лжеученій. Я слушаю это замѣчательное опроверженіе, и на память мнѣ невольно приходятъ слова гоголевскаго Ивана Никифоровича: «Господи Боже мой, чего тутъ только нѣтъ! Хотѣлъ бы я знать, чего тутъ только нѣтъ!» Цитата изъ Бебеля и цитата изъ Каутскаго, слова Либкнехта и слова Лассаля, старыя басни о соціализмѣ, въ которыя теперь больше ужъ никто не вѣритъ, и глупыя базарныя сплетни о жизни и дѣятельности вождей пролетарскаго движенія. И все это, густо сдобренное многочисленными текстами изъ священнаго писанія и крѣпко посоленное грубыми шутками и остротами!

Референту не стоитъ, конечно, особаго труда по достоинству раздѣлаться съ той пестрой окрошкой, которую представляетъ изъ себя рѣчь католическаго патера. И надо отдать ему справедливость — онъ не жалѣетъ при этомъ ни рѣзкихъ словъ, ни ядовитаго сарказма, ни гнѣвнаго негодованія по адресу духовенства, активно вмѣшивающагося въ политику. Для патера наступаетъ тяжелый моментъ: онъ то краснѣетъ, то блѣднѣетъ и подъ конецъ, не выдержавъ непривычнаго испытанія, вскакиваетъ съ своего мѣста и удаляется прочь.

Поле битвы такимъ образомъ остается за нами, и, когда ораторъ заканчиваетъ свои возраженія, конюшня оглашается еще болѣе шумными рукоплесканіями, чѣмъ въ первый разъ. Собраніе завоевано—это не подлежитъ больше ни малѣйшему сомнѣнію. Крестьяне довѣрчиво подходятъ къ намъ, берутъ летучіе листки, номера газетъ и избирательные бюллетени и обѣщаютъ въ день выборовъ голосовать за соціалъ-демократическаго кандидата *). Прощаясь съ нами и крѣпко, по медвѣжьи, пожимая намъ руки, они приглашаютъ:

— Пріѣзжайте къ намъ еще разъ! До свиданья!

Уже сидя въ поѣздѣ желѣзной дороги на обратномъ пути домой, референтъ говорилъ мнѣ:

— Сила честнаго демократическаго слова поистинѣ огромна. Передъ ней ничто не можетъ устоять. Я глубоко убѣжденъ, что, если бы въ каждой нѣмецкой деревнѣ можно было устроить хотя бы по одному такому собранію, какое мы съ вами видѣли се-

*) Послѣ 12 января я поинтересовался узнать, какъ голосовали крестьяне того села, гдѣ происходило описанное собраніе. Оказалось, что изъ 163 поданныхъ въ селѣ бюллетеней 57 было соціалъ-демократическихъ. На выборахъ же 1907 г. за с.-д. въ этомъ селѣ не было подано ни одного голоса!

годня,—отъ «черно-голубого блока» остались бы только рожки да ножки! Но какъ ихъ устроить? Въ этомъ-то весь вопросъ!

V.

Совсѣмъ иную картину представляетъ собой предвыборная дѣятельность либерализма. Первое, что рѣзко бросается въ глаза, когда начинаешь ее сравнивать съ вышеописанной соціалъ-демократической дѣятельностью, — это огромная количественная разница между ними. Возьмите любой крупный городъ,—Лейпцигъ, Мюнхенъ, Бреславль, не говоря уже о Берлинѣ или Гамбургѣ, — въ періодъ избирательной кампаніи с.-д. то и дѣло созываютъ по 5, 7, 10 массовыхъ собраній одновременно, причемъ залы всѣхъ этихъ собраній обычно ломятся отъ наплыва публики, и тысячи желающихъ еще не находятъ себѣ въ нихъ мѣста. Не то у либераловъ. Либералы никогда не созываютъ больше одного собранія въ одинъ и тотъ же вечеръ, и лишь рѣдко залъ этого единственнаго собранія бываетъ, дѣйствительно, переполненъ. Не иначе и съ летучими листками. Если соціалъ-демократы рѣшаютъ обратиться къ населенію съ какимъ-либо лозунгомъ или призывомъ, они всегда дѣлаютъ это въ чрезвычайно широкомъ масштабѣ: распространяются сотни тысячъ экземпляровъ воззваній, и весь городъ бываетъ буквально наводненъ соціалъ-демократическими партійными «летучками». Иное дѣло опять-таки либералы: во-первыхъ, съ призывами къ населенію они обращаются вообще очень рѣдко; а во-вторыхъ, если иногда и обращаются, то дѣлаютъ это далеко не въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, какъ соціалъ-демократы.

Скромность масштабовъ политической дѣятельности либерализма объясняется прежде всего его никуда негодной организаціей. Какъ извѣстно, германскій либерализмъ лишенъ необходимаго внутренняго единства: онъ распадается на двѣ партіи,—болѣе лѣвую «прогрессивную народную партію» и болѣе правую «націоналъ-либераловъ». Несмотря на большую идейную и тактическую близость, существующую между обоими названными теченіями, отношенія между ними довольно натянутыя, и нерѣдки случаи, когда обѣ партіи на выборахъ выставляютъ кандидатовъ другъ противъ друга. Такъ было на этотъ разъ, напр., въ Гессенѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Хуже однако, чѣмъ это отсутствіе внутренняго единства, тотъ полный организаціонный хаосъ, который представляетъ собой каждая изъ двухъ названныхъ партій въ отдѣльности. Если бы вы задали вождямъ прогрессистовъ или націоналъ-либераловъ вопросъ, сколько же членовъ насчитываютъ руководимыя ими партіи, вы поставили бы ихъ въ очень затруднительное положеніе, ибо этого въ точности никто не знаетъ. Либеральныя партіи не образуютъ собой стройной

централизованной организацiи съ сотнями мѣстныхъ отвѣтвленiй и регулярно собирающимися законодательными съѣздами, какой является, напр., соцiалъ-демократiя. Совсѣмъ наоборотъ. Либеральныя партiи состоятъ изъ довольно расплывчатыхъ мѣстныхъ и областныхъ группъ и объединенiй, слабо связанныхъ другъ съ другомъ и съ центромъ и дѣйствующихъ по большей части, какъ нѣмцы говорятъ, auf eigene Faust, т. е. мало заботясь о рѣшенiяхъ высшихъ партiйныхъ инстанцiй и постановленiяхъ собственныхъ партiйныхъ конгрессовъ. При этомъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ политическихъ и соцiальныхъ условiй, эти областныя либеральныя туманности, смотря по городу или государству, обнаруживаютъ весьма существенныя отличiя другъ отъ друга. Такъ, напр., южно-германскiй, въ особенности же баварскiй и баденскiй либерализмъ, можетъ въ общемъ похвалиться довольно живымъ и демократическимъ характеромъ. Наоборотъ, либерализмъ саксонскiй или рейнско-вестфальскiй, по существу дѣла, мало чѣмъ отличается отъ партiй самой черной реакцiи.

Эта слабая организованность германскаго либерализма, конечно, не является какой-либо случайностью, а вполнѣ естественно вытекаетъ изъ его своеобразнаго соцiальнаго состава. Соцiалъ-демократiя опирается на единый, цѣльный общественный классъ съ общими интересами и общими стремленiями,—ей, поэтому, относительно легко охватить этотъ классъ звеньями строгой централизованной организацiи и вывести на поле избирательной битвы не пестрыя толпы многочисленныхъ сторонниковъ, а стройные дисциплинированные рабочiе легiоны. Не то у либераловъ. Помню, на одномъ предвыборномъ собранiи видный либеральный кандидатъ заявилъ, что подъ понятiе прогрессивнаго бюргерства подходятъ: промышленники, купцы, банковскiе дѣятели, люди свободныхъ профессiй, государственные и коммунальные чиновники, частные служащiе и мелкiе сельскiе хозяева. Попробуйте-ка, въ самомъ дѣлѣ, сочетать въ единое партiйное цѣлое всю эту пеструю и разноязычную компанiю! Неудивительно, что германскiй либерализмъ оказывается не въ силахъ удовлетворительно справиться съ поставленной предъ нимъ трудной задачей. Въ послѣднiе годы большiя надежды въ смыслѣ собиранiя либеральныхъ силъ возглагаются на основанный въ 1909 г. такъ наз. Hansabund, поставившiй своей задачей защиту политическихъ интересовъ промышленности и торговли. Въ нынѣшней избирательной кампанiи «денежные мѣшки» Hansabund'а сыграли очень крупную роль и несомнѣнно сильно облегчили либеральнымъ партiямъ ихъ борьбу съ реакцiей. Удастся-ли однако новой организацiи вдохнуть душу живу въ хилое тѣло нѣмецкаго либерализма и стянуть его разрозненныя силы въ единую боевую фалангу,—подлежитъ очень большому сомнѣнiю. Во всякомъ случаѣ дать категорическiй отвѣтъ на этотъ вопросъ въ настоящее время еще не представляется возможнымъ.

Необыкновенная пестрота соціальнаго состава неизбѣжно осуждаетъ либеральныя партіи на вялую, нерѣшительную, половинчатую политику. Онѣ хотятъ всѣмъ угодить, обо всѣхъ позаботиться и потому слишкомъ часто вызываютъ противъ себя лишь всеобщее неудовольствіе. По извѣстному выраженію Апокалипсиса, онѣ не холодны и не горячи, а только теплы и, потому, лишены твердости характера, дѣйственнаго мужества, энергіи и двигающей горами вѣры въ свое дѣло. Зайдите на либеральное предвыборное собраніе, и вы почти всегда будете поражены отсутствіемъ огня и настроенія въ присутствующей человѣческой толпѣ. Кругомъ—просѣянная «чистая» публика: откормленныя сытыя физіономіи, блестящіе бѣлые воротнички, душистыя сигары, перстни и толстыя золотыя цѣпочки на толстыхъ округлившихся животахъ. Все это въ большинствѣ случаевъ рыцари банка, биржи и прилавка, у которыхъ есть только одинъ манящій идеалъ—золотой телецъ; только одно, дѣйствительно, мощное стремленіе—собственное обогащеніе. Они снисходительно слушаютъ оратора, въ особенно удачныхъ мѣстахъ снисходительно же ему апплодируютъ и по окончаніи положеннаго времени расходятся по ресторанамъ и кафэ въ полной увѣренности, что своимъ присутствіемъ на собраніи они принесли уже вполнѣ достаточную жертву на алтарѣ партійнаго дѣла. При такихъ условіяхъ нисколько не удивительно, что самопожертованіе и воодушевленіе меньше всего являются добродѣтелями либеральной арміи, и что почти вся огромная техническая работа, связанная съ избирательной компаніей, выполняется у либераловъ при помощи наемнаго персонала. Курьезнѣе всего однако то, что какъ разъ именно эти люди не перестаютъ твердить о своей преданности «идеальнымъ» цѣлямъ и задачамъ и сердито нападаютъ на соціалъ-демократію за то, что та защищаетъ будто бы одни лишь «матеріальные» интересы.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что выдержать послѣдовательно роль политической Mädchen für alles,—прислуги, годной на всякую работу,—германскому либерализму удается далеко не всегда. Всетаки доминирующимъ элементомъ въ его рядахъ является крупный индустріальный и торговый капиталъ, и это накладываетъ особый отпечатокъ на всю дѣятельность обѣихъ либеральныхъ партій. Онѣ въ общемъ болѣе или менѣе прогрессивны въ области политической, религіозной и культурной, но зато достаточно реакціонны въ области соціальной политики. Не говоря уже о національ-либералахъ, относящихся явно враждебно къ вопросамъ рабочаго законодательства, даже болѣе лѣвые прогрессисты далеко не всегда являются надежными сторонниками различнаго рода соціальныхъ реформъ. Для характеристики германскаго либерализма весьма показателенъ также тотъ фактъ, что введеніе новыхъ исключительныхъ мѣропріятій противъ рабочаго движенія и соціалъ-демократіи не встрѣчаетъ съ его стороны особенно большихъ принципіальныхъ возраженій. По крайней

мѣрѣ, вождь Hansabund'а, проф. Риссеръ, на одномъ избирательномъ собраніи въ Мюнхенѣ заявилъ, что либеральное бюргерство готово было бы принять активное участіе въ борьбѣ съ красной опасностью, если бы ему было обезпечено подобающее мѣсто въ правящемъ механизмѣ Германской имперіи.

Ко всѣмъ своимъ вышеперечисленнымъ свойствамъ нѣмецкіе либералы (безъ различія направленій) вдобавокъ еще отчаянные націоналисты и имперіалисты. Предвыборныя рѣчи либеральныхъ ораторовъ прямо до тошноты пестрили выраженіями въ родѣ: «наше нѣмецкое отечество», «наше милое нѣмецкое отечество», «наши національные интересы», «наша національная гордость» и т. д. А о вопросахъ вооруженія, объ усиленіи арміи и флота ораторы говорили не иначе, какъ съ дрожью благоговѣйнаго трепета въ голосѣ. Одинъ видный представитель Hansabund'а дошелъ въ своемъ патріотическомъ усердіи даже до того, что назвалъ стремленіе соціалъ-демократіи къ всеобщему братству народовъ не утопіей,—нѣтъ, а преступленіемъ. Вечеромъ въ день второй серіи перебаллотировокъ (22 января) мнѣ пришлось быть на большомъ либеральномъ собраніи, созванномъ для сообщенія публикѣ результатовъ голосованія. День этотъ въ политическомъ отношеніи выдался очень удачный, «черно-голубой блокъ» терпѣлъ повсюду пораженія, и число оппозиціонныхъ побѣдъ съ каждымъ часомъ увеличивалось. Подъ вліяніемъ столь радостныхъ извѣстій настроеніе въ собраніи быстро повышалось (это было единственное либеральное собраніе съ подъемомъ, которое мнѣ пришлось видѣть за все время избирательной кампаніи) и, достигнувъ своего апогея, вылилось, наконецъ, въ массовое пѣніе «Deutschland, Deutschland über alles»! Какъ это было характерно для германскихъ либераловъ! И какъ мало это гармонировало съ настроеніемъ соціалъ-демократическихъ собраній, оглашавшихся въ тотъ же самый вечеръ бурными кликами: «Да здравствуетъ нѣмецкій, да здравствуетъ международный пролетаріатъ!»

VI.

Какъ ни велика разница, существующая между соціалъ-демократіей и либерализмомъ, между ними есть однако и цѣлый рядъ несомнѣнныхъ точекъ соприкосновенія: какъ ни какъ, оба они говорятъ на языкѣ современной культуры, оба цѣнятъ и признаютъ современную цивилизацію, и оба стремятся—конечно, далеко не въ равной мѣрѣ и не одинаковыми способами—къ ея дальнѣйшему развитію и усовершенствованію. Соціалъ-демократію и либерализмъ раздѣляютъ въ настоящее время глубокія принципіальныя и тактическія разногласія. Но, если даже и считать оба эти теченія полярно-противоположными, то невозможно все-таки отрицать, что

оба они являются полюсами одного и того же міра, міра капиталистическаго.

Совсѣмъ иной характеръ носятъ двѣ другія крупныя политическія силы Германіи: католическій центръ и консерваторы *). Переходя къ знакомству съ ихъ избирательной тактикой и дѣятельностью, испытываешь невольно такое чувство, точно изъ свѣтлыхъ, просторныхъ комнатъ современнаго жилища по скользкимъ ступенямъ спускаешься глубоко внизъ, въ какіе-то темные погреба и подвалы давно минувшей эпохи. Это сравненіе отнюдь не простое реторическое украшеніе, а, къ сожалѣнію, самая подлинная, самая непреложная дѣйствительность. Мрачнымъ духомъ средневѣковой реакціи, духомъ вѣдьмъ и костровъ, рыцарскихъ потѣхъ и крестовыхъ походовъ вѣетъ отъ партій «черно-голубого блока», самымъ фактомъ своего существованія отрицающихъ глубочайшія основы современной культуры, современнаго правового государства, современной научной свободы и религіозной терпимости.

Взять, напр., хотя бы католическій центръ. Сколько бы его вожди ни пытались это отрицать, центръ былъ и остается чисто-конфессіональной политической партіей. Онъ родился подъ ударами бисмарковскаго Kulturkampf'а, какъ протестъ противъ угнетенія католической религіи, онъ выросъ и сдѣлался большимъ на защитѣ интересовъ этой религіи, онъ поддерживаетъ и въ настоящее время свое могущество лишь путемъ систематическаго гальванизированія религіознаго фанатизма, вызваннаго въ населеніи 40 лѣтъ назадъ правительственными репрессіями. Только на этой почвѣ центру и удалось то, къ чему тщетно стремятся германскіе либералы,— удалось сковать въ единый, стройный политическій организмъ самые разнообразные соціальные элементы: предпринимателей и рабочихъ, помѣщиковъ и крестьянъ, лицъ свободныхъ профессій и бюрократовъ высшаго ранга. Но какъ ни велико нынѣшнее могущество центра,—у него нѣтъ и не можетъ быть будущаго. Гордая центровская «башня» въ состояніи еще нѣкоторое время держаться при помощи умѣлой эксплуатаціи религіозныхъ традицій католическаго населенія, но, въ концѣ концовъ, она должна будетъ рухнуть, такъ какъ все направленіе современнаго прогресса работаетъ въ сторону ослабленія, а не усиленія религіознаго чувства. Тѣмъ самымъ подрывается фундаментъ, на которомъ построена политическая мощь центра, и этому послѣднему уже просто въ интересахъ собственнаго самосохраненія не остается ничего больше, какъ всѣми способами тормазить поступательный ходъ современной культуры и фанатизировать народныя массы непрерывными воплями о томъ, что католическая религія находится въ

*) Формально консерваторы подраздѣляются на двѣ партіи: «Нѣмецкіе консерваторы» и «Имперская партія». Разница между этими партіями однако настолько незначительна, что о нихъ можно смѣло говорить, какъ объ единомъ политическомъ цѣломъ.

опасности. Центръ это и дѣлаетъ и—надо отдать ему справедливость—дѣлаетъ съ поразительнымъ искусствомъ и умѣніемъ.

Я, вѣроятно, никогда не забуду одного замѣчательнаго центровскаго собранія, пережитаго мной во время послѣдней избирательной кампаніи, гдѣ для меня съ поразительной яркостью обнаружилась тайна политическаго могущества нѣмецкаго клерикализма. Дѣло происходило въ одномъ изъ довольно крупныхъ городовъ южной Германіи, наканунѣ дня первой серіи перебаллотировокъ. Городъ этотъ съ давнихъ поръ считался неприступной твердыней центра и неизмѣнно въ первомъ же избирательномъ турѣ посылалъ въ рейхстагъ кандидата ультрамонтановъ. На этотъ разъ, однако, счастье измѣнило католикамъ: ихъ кандидатъ попалъ въ перебаллотировку съ соціалъ-демократомъ и, такъ какъ послѣдняго энергично поддерживали либералы, то была опасность, что центръ потеряетъ свой насиженный мандатъ. Съ цѣлью предупрежденія столь тяжелаго удара католики пустились на самыя отчаянныя средства и, между прочимъ, наканунѣ рѣшительнаго дня созвали большое собраніе центровскихъ избирателей, на которомъ руководители партіи должны были дать своимъ сторонникамъ послѣднее напутствіе на завтра. Въ началѣ собраніе это ничѣмъ особеннымъ не отличалось отъ обычнаго плана политическихъ предвыборныхъ собраній. Сперва говорилъ самъ уважаемый г. кандидатъ, изливавшій потоки неприличной ругани по адресу соціалъ-демократіи; затѣмъ говорилъ редакторъ мѣстной католической газеты. И только уже въ самомъ концѣ собранія, когда публика готовилась совсѣмъ было расходиться, на трибуну неожиданно взошелъ высокій, молодой, весь закутанный въ черную сутану католическій священникъ съ блѣднымъ вдохновеннымъ лицомъ и лихорадочно горящими глазами. При его появленіи толпа какъ-то сразу насторожилась. Священникъ молитвенно вытянулъ впередъ свои худыя, узловатыя руки и, обратившись къ собранію, глухимъ, нервнымъ, полнымъ сдержанной страсти голосомъ началъ:

— Во имя Христа, нашего Спасителя, я заклинаю васъ, братья! Стойте чутко на стражѣ, ибо врагъ человѣческій не дремлетъ! Трудныя времена переживаетъ святая вѣра Христова. Несмѣтныя полчища враговъ обложили станъ Господень. Либералы и соціалъ-демократы, Дьяволъ и Вельзевулъ, въ тѣсномъ союзѣ работаютъ на погибель нашей матери Церкви. Подкупомъ и насиліемъ, коварными рѣчами и лицемѣрнымъ сочувствіемъ они обольщаютъ тысячи колеблющихся и увлекаютъ ихъ души на путь вѣчной погибели. Ихъ цѣль—уничтоженіе религіи, ихъ задача—разрушеніе церкви Христовой, ихъ радость—паденіе партіи центра, единственнаго оплота христіанскихъ началъ въ политической и общественной жизни. Но да не будетъ этого! Завтра—день великаго рѣшенія. Во имя Христа, нашего Спасителя, во имя матери святой Церкви, во имя будущаго блаженства вашихъ безсмертныхъ душъ, я за-

клинаю васъ, братья, завтра голосовать только за кандидата партіи центра!..

Священникъ оказался великолѣпнымъ ораторомъ. Его рѣчь длилась недолго—всего 15-20 минутъ,—но онъ сумѣлъ затронуть ею какія-то глубокія струны въ душахъ присутствующихъ, сумѣлъ цѣликомъ овладѣть собраніемъ, увлечь его, захватить, зажечь, заразить своимъ горячимъ вдохновеніемъ. И, когда послѣдній звукъ пламенной рѣчи, наконецъ, замолкъ, и священникъ, отирая капли пота съ блѣднаго лба, сошелъ съ трибуны,—въ залѣ разразилась настоящая буря восторга: люди что-то кричали, зачѣмъ-то вскакивали съ мѣстъ, хлопали въ ладоши, стучали ногами, барабанили пивными кружками по столамъ. Огромная двухтысячная толпа буквально бѣсновалась и неистовствовала, и горе было бы всякому оппоненту, рѣшившемуся выступить на этомъ собраніи,—его разорвала бы на клочки озвѣрѣвшая нафанатизированная масса!

На другой день кандидатъ центра побѣдилъ своего соперника большинствомъ въ нѣсколько сотенъ голосовъ, и мнѣ думается, что въ этомъ провалѣ соціалъ-демократа не послѣднюю роль сыграло и описанное мной собраніе.

Не слѣдуетъ думать при этомъ, что разсказанный мной фактъ представляетъ собой какое-либо рѣдкое исключеніе. Наоборотъ, онъ чрезвычайно типиченъ для всего характера предвыборной агитаціи центра, съ тѣмъ однако ограниченіемъ, что въ деревнѣ, гдѣ центру не приходится опасаться контроля гласности и общественнаго мнѣнія, онъ дѣйствуетъ еще болѣе беззастѣнчиво, еще болѣе откровенно. Въ сельскихъ мѣстностяхъ священники сплошь да рядомъ ведутъ агитацію за католическихъ кандидатовъ съ церковной каѳедры, допрашиваютъ на исповѣди избирателя, за кого онъ будетъ подавать голосъ, грозятъ лишеніемъ царствія небеснаго въ случаѣ подачи оппозиціоннаго избирательнаго бюллетеня, заставляютъ дѣтей въ школахъ молиться за «благополучный» исходъ выборовъ, подстрекаютъ наиболѣе темную часть крестьянства къ избіенію с.-д. ораторовъ и распространителей летучихъ листковъ и т. д. и т. д. до безконечности. И все это дѣлается, конечно, во имя распятаго Спасителя, во имя святой вѣры Христовой!..

Центръ обязанъ своей политической мощью тому огромному вліянію, которое онъ умѣетъ оказывать на сердца и умы католическаго населенія. Иначе обстоитъ дѣло у консерваторовъ. Потомки средневѣковыхъ феодальныхъ бароновъ, грабившихъ на большихъ дорогахъ безоружныхъ путниковъ,—они вплоть до настоящаго дня сохранили въ полной неприкосновенности культъ кулака и сабли, какъ наилучшихъ методовъ разрѣшенія всѣхъ сложныхъ вопросовъ современности. Слишкомъ некультурные и ничтожные для того, чтобы оказывать какое-либо духовное вліяніе на массы, консерваторы ищутъ и находятъ единственную опору для своего господства лишь въ грубой силѣ, въ безпощадномъ по-

давленіи всѣхъ инакомыслящихъ элементовъ, въ самомъ беззастѣнчивомъ и вопіющемъ административно-правительственномъ терроризмѣ (вѣдь весь бюрократическій аппаратъ въ Вост. Пруссіи, гдѣ главнымъ образомъ и произрастаютъ консерваторы, находится въ ихъ рукахъ). Основнымъ принципомъ практической политики этихъ нѣмецкихъ Марковыхъ и Пуришкевичей являются знаменитыя слова римскаго цезаря: «Пусть ненавидятъ, лишь бы боялись!» И, конечно, даннымъ принципомъ проникнута отъ начала до конца вся ихъ избирательная тактика и дѣятельность.

Можно было бы заполнить цѣлые томы описаніемъ всѣхъ тѣхъ насилій, беззаконій, превышеній власти, злоупотребленій и самыхъ подлинныхъ преступленій, которыя были совершены консерваторами въ теченіе только нынѣшней избирательной кампаніи. Я не имѣю здѣсь, однако, ни времени, ни возможности подробно останавливаться на этой темѣ, и, потому, ограничусь лишь нѣсколькими наиболѣе характерными и типичными примѣрами.

Въ декабрѣ 1910 г. либеральная организація остэльбскаго округа Кольбергъ-Кёслинъ разослала владѣльцамъ 242-хъ находящихся въ округѣ ресторановъ и пивныхъ открытыя письма съ запросомъ, согласны-ли послѣдніе предоставить свои залы подъ либеральныя собранія во время избирательной кампаніи въ рейхстагъ. Результатъ этой анкеты получился слѣдующій: 70 владѣльцевъ ресторановъ вовсе не отвѣтили на запросъ, 155 отвѣтили отказомъ и только 17 отвѣтили положительно. Изъ 155, отвѣтившихъ отрицательно, 153 мотивировали свой отказъ единственно тѣмъ, что они боятся преслѣдованій со стороны администраціи.

Такъ, въ четырехъ десяткахъ консервативныхъ округовъ свобода слова и собраній для оппозиціонныхъ партій фактически почти совершенно уничтожается. Но это не удовлетворяетъ еще благородныхъ аграріевъ. Время и ростъ политическаго сознанія массъ постепенно пробиваютъ бреши даже въ самыхъ неприступныхъ твердыняхъ реакціи. Въ эпоху нынѣшнихъ выборовъ и соціалъ-демократамъ, и либераламъ удавалось иногда устраивать свои собранія въ самыхъ глухихъ уголкахъ Вост. Пруссіи. И вотъ для того, чтобы противодѣйствовать этому проникновенію политической заразы въ ихъ исконныя вотчины, консерваторы организовали въ цѣломъ рядѣ мѣстъ особыя банды громилъ, разгонявшихъ оппозиціонныя собранія, забрасывавшихъ грязью и каменьями ихъ участниковъ, стрѣлявшихъ даже подчасъ въ кандидатовъ и ораторовъ. Въ округѣ Грюнбергъ, не довольствуясь обычными мѣрами воздѣйствія, консерваторы прибѣгли къ поистинѣ героическому средству и заставили одного изъ своихъ молодцовъ въѣхать верхомъ на лошади въ залъ, гдѣ происходило либеральное собраніе.

Но не только свобода устной агитаціи подвергалась жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны реакціоннаго юнкерства. Тѣ же вопіющія насилія и беззаконія характеризовали и всѣ остальные мо-

менты выборнаго производства. Такъ, вопреки предписаніямъ центральнаго правительства, избирательные участки сплошь да рядомъ устанавливались столь ничтожныхъ размѣровъ (были участки, насчитывавшіе по 15—20 избирателей), что о тайнѣ голосованія, конечно, не могло быть и рѣчи. Самыя избирательныя бюро очень часто помѣщались въ замкахъ бароновъ или въ квартирахъ полицейскихъ чиновниковъ, причемъ роль избирательныхъ урнъ играли такіе мало подходящіе для этой цѣли предметы, какъ сигарные ящики, суповыя миски и т. п. Напоенные допьяна батраки и крестьяне подвозились гуртомъ на большихъ деревенскихъ телѣгахъ къ избирательнымъ помѣщеніямъ и подъ надзоромъ надсмотрщиковъ съ плетками въ рукахъ опускали въ урну консервативные бюллетени. Патріотическіе ферейны ветерановъ въ парадной формѣ и съ распущенными знаменами подходили церемоніальнымъ маршемъ съ отставными баронами во главѣ къ избирательнымъ бюро и по командѣ голосовали за спасителей трона и отечества. Зато горе было всѣмъ «неугоднымъ» избирателямъ, всѣмъ сторонникамъ оппозиціонныхъ партій! Съ ними въ Вост. Пруссіи не церемонялись: ихъ воззванія и плакаты конфисковывались, ихъ представители выгонялись изъ помѣщеній избирательныхъ бюро, а они сами подчасъ даже совсѣмъ не допускались къ урнѣ для подачи голоса (такъ было, напр., въ округѣ Нейштеттинъ). Не довольствуясь описаннымъ, консерваторы шли подчасъ еще дальше и вступали уже въ самый недвусмысленный конфликтъ съ германскимъ уголовнымъ уложеніемъ. Такъ, въ округѣ Остербургъ-Штендаль они за фальшивой подписью с.-д. кандидата распространяли летучіе листки съ призывомъ къ с.-д. избирателямъ на перебаллотировкѣ воздерживаться отъ голосованія (въ дѣйствительности с.-д. организація дала пароль поддерживать либерала). Въ округѣ Лигницъ они пытались (но, конечно, безуспѣшно) подкупить соціалъ-демократическаго секретаря въ цѣляхъ облегченія побѣды ихъ кандидата. Въ округѣ Штральзундъ... Въ округѣ Глогау...

Но довольно, довольно. И приведенныхъ фактовъ уже вполнѣ достаточно для того, чтобы бросить яркую полосу свѣта на характеръ и методы избирательной борьбы историческихъ «опоръ престола и монархіи».

VII.

Заголовокъ новогодняго номера «Simplizissimus'а» украшала слѣдующая символическая картина: на фонѣ безпредѣльной снѣжной равнины, съ виднѣющимися въ отдаленіи силуэтами деревенской колокольни и развалинами стариннаго феодальнаго замка, чернѣетъ одинокая деревянная скамейка. На скамейкѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, сидятъ католическій попъ и дикій помѣщикъ. Имъ холодно и жутко, и они старательно прикрываютъ свои тѣла не-

большимъ дырявымъ зонтикомъ, распростертымъ надъ ихъ головами. Но зонтикъ малъ и не въ состояніи защитить ихъ грузныя фигуры отъ падающаго сверху частаго снѣга... густого снѣга изъ красныхъ избирательныхъ бюллетеней. Подпись подъ картиной лаконически гласила: «12 января».

Каррикатура «Simplizissimus'а» оказалась поистинѣ пророческой. Конечно, всѣ въ Германіи ожидали—да и какъ было этого не ожидать?—сильнаго сдвига на нынѣшнихъ выборахъ влѣво и значительнаго усиленія соціалъ-демократіи. Но то, что въ дѣйствительности случилось 12 января, оставило позади себя всѣ самые оптимистическіе разсчеты. Политическая буря свирѣпствовала въ этотъ день съ еще никогда небывалой силой, и къ вечеру вся страна была, дѣйствительно, покрыта густымъ слоемъ «краснаго снѣга» избирательныхъ бюллетеней.

Уже первыя свѣдѣнія о результатахъ выборовъ давали нѣкоторое представленіе о размѣрахъ тѣхъ перемѣнъ, которыя народное голосованіе произвело въ соотношеніи политическихъ силъ страны. 13 января утромъ стало извѣстно, что центръ сумѣлъ въ первомъ же избирательномъ турѣ провести въ своихъ «todsicheren» («вѣрныхъ, какъ смерть», по образному нѣмецкому выраженію) сельскихъ округахъ 81 депутата изъ 103, бывшихъ у него въ рейхстагѣ передъ концомъ существованія послѣдняго, консерваторы—27 (изъ 66), имперская партія—5 (изъ 25) и соціалъ-демократы—64 (вмѣсто 53). Печально гласили первоначальныя извѣстія для либераловъ: націоналъ-либераламъ удалось въ первый день завоевать только 4 (изъ 51), а прогрессистамъ даже ни одного (изъ 49) мандата. Невольно получалось впечатлѣніе, что «черно-голубой блокъ» вышелъ изъ битвы 12 января значительно ослабленнымъ, но что все раздраженіе, все негодованіе широкой массы избирателей пошло на пользу исключительно соціалъ-демократіи. Еще бы: въ 1907 г. она смогла провести въ первомъ избирательномъ турѣ лишь 29 и даже въ знаменитомъ 1903 г. только 53 депутата! Наоборотъ, либерализмъ казался совершенно размолотымъ между двумя огромными политическими жерновами: консервативно-клерикальной реакціей, съ одной стороны, рабочей демократіей, съ другой.

Опубликованныя нѣсколько дней спустя цифровыя данныя о количествѣ голосовъ, поданныхъ за отдѣльныя партіи, внесли нѣкоторыя поправки въ первоначальное впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло касалось положенія либераловъ. Именно, эти данныя обнаружили, что партіи «черно-голубого блока», считая въ ихъ числѣ и поляковъ, собрали 12 января круглымъ счетомъ $4^1/_2$ милл. голосовъ, т. е. на 300 тыс. меньше, чѣмъ въ 1907 г. (одинъ центръ потерялъ почти 150 тыс.); наоборотъ, вся лѣвая, «отъ Бассермана до Бебеля», получила въ суммѣ почти $7^1/_2$ милл. голосовъ, или на 1,350 тыс. больше, чѣмъ въ эпоху «готтентотскихъ» выборовъ. Изъ этого колоссальнаго прироста оппозиціонныхъ голосовъ на

долю прогрессистовъ приходится 325 тыс., на долю національ-либераловъ—35 тыс. и на долю соціалъ-демократіи—почти цѣлый милліонъ (точно 991 тыс. голосовъ). Такимъ образомъ, по сравненію съ выборами 1907 г. партія пролетаріата сдѣлала исполинскій скачекъ вверхъ и объединяетъ въ настоящее время свыше трети (34,8%) всѣхъ германскихъ избирателей! Впрочемъ, какъ показываютъ приведенныя цифры, и либерализмъ, особенно лѣвый, обнаружилъ на нынѣшнихъ выборахъ значительные успѣхи.

Исходъ народнаго голосованія 12 января произвелъ огромное впечатлѣніе на страну. Отвѣтъ націи на безумную политику «черно-голубого блока» былъ ясенъ и категориченъ до послѣдней степени. И, конечно, вполнѣ естественно и понятно, что результаты главныхъ выборовъ вызвали различныя чувства въ различныхъ политическихъ лагеряхъ страны: бурный восторгъ и воодушевленіе въ рядахъ демократіи, особенно же соціалъ-демократіи, и, наоборотъ, уныніе, страхъ и озлобленіе въ станѣ консервативно-клерикальной реакціи. Въ ночь, слѣдовавшую за днемъ этихъ выборовъ, саксонскій король уже не чувствовалъ больше потребности оповѣщать міръ о прелестяхъ человѣческаго существованія, а словоохотливый германскій императоръ избавленъ былъ отъ необходимости прибѣгать къ услугамъ своего краснорѣчія. Въ эту ночь, какъ и пять лѣтъ тому назадъ, улицы большихъ городовъ были переполнены ликующими толпами народа, но то были другія толпы, и распѣвали онѣ не патріотическія пѣсни юнкерско-буржуазной Германіи, а революціонные гимны соціалистическаго пролетаріата.

Страна сказала свое рѣшающее слово, сказала вѣско и внушительно. Но составъ будущаго рейхстага все еще далеко не опредѣлился. Изъ 397 депутатовъ парламента 12 января было выбрано только 208. Въ 189 округахъ предстояли перебаллотировки, въ которыхъ участвовали: 121 с.-д., 64 національ-либерала, 53 прогрессиста, 42 консерватора, 29 членовъ партіи центра, 17 членовъ имперской партіи и 50 представителей различныхъ мелкихъ политическихъ группъ и теченій. И теперь-то наступилъ критическій часъ для либеральныхъ партій: какова будетъ ихъ тактика на перебаллотировкахъ? Сохранятъ-ли онѣ мужество и трезвую голову и останутся вѣрны своему первоначальному лозунгу «противъ черно-голубого блока», подъ знакомъ котораго онѣ вступили въ избирательную борьбу, или же, перепуганныя колоссальнымъ ростомъ соціалъ-демократіи, онѣ снова, какъ это уже бывало неоднократно, спасуютъ передъ призракомъ красной опасности и, во имя защиты основъ собственности и порядка, бросятся въ объятія политической реакціи? Отъ того или иного поведенія либераловъ зависѣлъ окончательный исходъ избирательной кампаніи, т. к. въ цѣломъ рядѣ округовъ либеральные голоса давали перевѣсъ либо соціалъ-демократіи, либо «черно-голубому блоку». Не подлежитъ сомнѣнію, что въ дни, слѣдующіе непосредственно за главными выборами, во

многихъ либеральныхъ головахъ упорно вертѣлась мысль о спасительномъ бѣгствѣ въ лагерь реакціи. Однако, ожесточеніе, вызванное въ широкихъ массахъ населенія трехлѣтнимъ хозяйничаніемъ консерваторовъ и центра, было такъ велико, что это бѣгство не смогло принять повальнаго характера, и такимъ образомъ практическіе результаты народнаго вотума 12 января не были окончательно погублены.

Относительная твердость, проявленная на нынѣшнихъ выборахъ обычно столь безхарактернымъ германскимъ либерализмомъ (собственно, его лѣвымъ крыломъ—прогрессистами), тѣмъ болѣе замѣчательна, что со стороны правительства тотчасъ же послѣ перваго голосованія была сдѣлана попытка къ «собиранію» всѣхъ буржуазныхъ партій воедино, для совмѣстной борьбы съ соціалъ-демократіей, по крайней мѣрѣ, на перебаллотировкахъ. Попытка эта, однако, потерпѣла снова полное фіаско, такъ какъ прогрессисты совсѣмъ не явились на совѣщаніе представителей партій, созванное для данной цѣли Бетманъ-Гольвегомъ, а націоналъ-либералы, хотя и явились, оказались недостаточно сговорчивыми. Реакціонный блокъ противъ пролетаріата на этотъ разъ такимъ образомъ не состоялся, и дальнѣйшее развитіе избирательной борьбы было предоставлено естественному ходу событій.

Положеніе партій послѣ крушенія объединительныхъ стремленій правительства представлялось въ общемъ видѣ такъ: соціалъ-демократы, рѣшительно отклонивъ всякія сепаратныя соглашенія съ другими организаціями по отдѣльнымъ округамъ, поддерживали, согласно постановленію прошлогодняго іенскаго партейтага, каждаго кандидата, дававшаго обѣщаніе выступать въ парламентѣ противъ всякаго ухудшенія избирательнаго права въ рейхстагъ, противъ ограниченія коалиціоннаго права и права собраній и союзовъ, противъ усиленія наказаній за политическія преступленія и всякихъ попытокъ исключительныхъ законовъ и, наконецъ, противъ повышенія пошлинъ и налоговъ на продукты массоваго потребленія. Въ свою очередь, на крайнемъ правомъ флангѣ консерваторы соглашались оказывать помощь на перебаллотировкахъ только тѣмъ кандидатамъ, которые обязывались выступать въ рейхстагѣ противъ всякаго ограниченія власти императора и правительства и за поддержку всѣхъ мѣропріятій, касающихся борьбы съ соціалъ-демократіей и дальнѣйшаго развитія нынѣшней таможенной пошлины. Центръ безусловно поддерживалъ всѣхъ кандидатовъ правыхъ партій, либералы же, какъ и слѣдовало ожидать, раскололись на два лагеря: націоналъ-либералы отдали почти всѣ свои голоса «черно-голубому блоку», проваливая на перебаллотировкахъ не только с.-д., но кое-гдѣ даже прогрессистовъ (такъ было, напр., въ Шлезвигъ-Голштиніи и нѣкоторыхъ др. мѣстахъ); прогрессисты же въ лицѣ своего центральнаго правленія высказа-

лись за рѣшительное продолженіе борьбы съ консервативно-клерикальной реакціей.

Къ сожалѣнію, однако, далеко не всѣ мѣстныя организаціи прогрессистовъ, а въ особенности далеко не всѣ прогрессистскіе избиратели послѣдовали данному изъ центра паролю,—дѣйствительно энергично онъ проводился только въ Баваріи и Эльзасъ-Лотарингіи, и это обстоятельство едва не привело къ настоящей политической катастрофѣ. Именно, благодаря малодушію и близорукости прогрессистовъ, во время первой серіи перебаллотировокъ, 20 января, лѣвая потеряла цѣлыхъ 16 мандатовъ, перешедшихъ въ руки «черно-голубого блока». Но вслѣдъ за тѣмъ въ поведеніи широкой массы либеральныхъ избирателей сразу наступила рѣзкая перемѣна: напуганная неблагопріятнымъ исходомъ первыхъ перебаллотировокъ, эта масса какъ-то сразу и стихійно хлынула влѣво, и дальнѣйшія перебаллотировки—22 и 25 января—превратились уже въ полное торжество оппозиціи, въ особенности крайней лѣвой оппозиціи. Окончательный суммарный исходъ парламентскихъ выборовъ 1912 г. представляется въ слѣдующемъ видѣ (въ скобкахъ приведены цифры 1907 г.):

Названіе партій.	Голоса. (въ тыс.).	Мандаты
Соціалъ-демократы	4.250 (3.259)	110 (43)
Центръ	2.035 (2.179)	93 (104)
Націоналъ-либер.	1.672 (1.637)	44 (56)
Прогрессисты	1.558 (1.233)	43 (50)
Консерваторы	1.129 (1.060)	42 (67)
Поляки	442 (454)	18 (20)
Имперск. партія	370 (472)	14 (25)
Антисемиты	356 (473)	13 (20)
Эльзасъ-Лотаринцы	99 (103)	7 (8)
Вельфы	91 (78)	5 (2)
Баварск. крестьянск. союзъ	48 (76)	3 (1)
Нѣмецк. „ „	29 —	2 —
Датчане	17 (15)	1 (1)
Литовцы	6 (4)	— —
Дикіе	86 (208)	2
	12.206 (11.263 *)	397

Приведенная таблица чрезвычайно интересна и поучительна. При взглядѣ на нее прежде всего становится ясно, что основная задача нынѣшней избирательной кампаніи можетъ считаться достигнутой: «черно-голубой» блокъ, дѣйствительно, разбитъ. Онъ располагаетъ въ настоящее время только 162 голосами (центръ, консерваторы, имперская партія и антисемиты) вмѣстѣ 216, которые онъ имѣлъ въ старомъ рейхстагѣ. Если къ голосамъ названныхъ партій даже

*) Въ цифру 12.206 входятъ также 10 тыс. голосовъ, разбившихся между отдѣльными кандидатами, и около 8 тыс. признанныхъ недѣйствительными

прибавить еще голоса поляковъ, вельфовъ, эльзасцевъ, датчанъ и дикихъ,—хотя далеко не по всѣмъ вопросамъ названныя группы солидарны съ «черно-голубыми»,—то и тогда въ окончательномъ итогѣ получится все-таки лишь 195 голосовъ, т. е. нѣсколько меньше половины. Такимъ образомъ, консервативно-клерикальнаго большинства въ новомъ рейхстагѣ не существуетъ, и это обстоятельство должно оказать очень значительное вліяніе на общее направленіе дальнѣйшей политики правительства.

Потери «черно-голубого блока» на нынѣшнихъ выборахъ очень велики: антисемиты вышли изъ избирательной битвы совершенно разгромленными, обѣ группы консерваторовъ лишились въ суммѣ 36 мандатовъ и оставили на полѣ брани цѣлый рядъ крупныхъ партійныхъ именъ. Въ новомъ рейхстагѣ нѣтъ больше вождя «Союза сельскихъ хозяевъ»; д-ра Резике; нѣтъ пламеннаго барда аграрнаго юнкерства, д-ра Гана; нѣтъ и знаменитаго друга Пуришкевича, Ольденбургъ-Янушау. Даже самъ «некоронованный король» Пруссіи, вождь консерваторовъ, фонъ-Гейдебрандъ, лишь съ крайнимъ напряженіемъ силъ могъ удержать свой мандатъ.

Еще большее значеніе имѣетъ ослабленіе католическаго центра. Онъ потерялъ на этотъ разъ почти 150 тыс. голосовъ и 11 мандатовъ и по количеству своихъ парламентскихъ полномочій опустился до уровня 1877 г. Въ числѣ ранъ, полученныхъ центромъ на полѣ избирательной битвы, есть двѣ особенно мучительныхъ и тяжелыхъ: это—Дюссельдорфъ и Кёльнъ, особенно Кёльнъ, безъ котораго, по словамъ крупнѣйшаго вождя ультрамонтановъ, Тримборна, посылавшагося въ рейхстагъ какъ разъ этимъ городомъ, невозможно себѣ вообще представить центръ. Несмотря на самыя отчаянныя усилія католиковъ, имъ не удалось таки отстоять этой старинной твердыни германскаго клерикализма, и теперь надъ церковными главами «Нѣмецкаго Рима» развѣвается красное знамя соціалъ-демократіи. Исторія такимъ образомъ завершила свой кругъ и вернула рейнскую столицу Германіи той партіи, которая 64 года тому назадъ начала отсюда свое побѣдоносное движеніе на страну *). Пожалуй, не менѣе симптоматично, чѣмъ потеря Кёльна, также и относительное паденіе центровскихъ голосовъ въ Рейнско-Вестфальскомъ промышленномъ районѣ: по сравненію съ прошлыми выборами центръ увеличилъ здѣсь количество послѣднихъ всего лишь на 5000, въ то время, какъ с.-д. за то же время—на 112 тыс. Видимо, партія «Истины, свободы и права» (девизъ Центра) начинаетъ терять свои рабочіе батальоны, и это означаетъ начало конца для ея неприступной «башни»...

Лѣвая,—соціалъ-демократы, прогрессисты и націоналъ-либералы вмѣстѣ съ обоими крестьянскими союзами,—располагаетъ въ новомъ рейхстагѣ 202 голосами, т. е. очень маленькимъ, но все-таки

*) Въ 1848 г. К. Марксъ издавалъ въ Кельнѣ «Новую Рейнскую Газету».

абсолютнымъ большинствомъ. Существуй въ Германіи нормальное распредѣленіе страны на избирательные округа, лѣвая имѣла бы 247, а «черно-голубой блокъ» со всѣми своими союзниками — только 150 мандатовъ. На лѣвой наибольшее вниманіе привлекаетъ къ себѣ, конечно, соціалъ-демократія. Ея успѣхи на нынѣшнихъ выборахъ носятъ почти сказочный характеръ. Она—единственная партія, которая выиграла 12 января, выиграла за счетъ всѣхъ остальныхъ—центра, консерваторовъ, либераловъ и антисемитовъ. Однимъ ударомъ она увеличила число своихъ депутатовъ въ рейхстагѣ болѣе, чѣмъ въ $2^1/_2$ раза, и такимъ образомъ за неудачу 1907 г. взяла въ 1912 г. поистинѣ блестящій реваншъ. Саксонія снова превратилась въ «красное королевство», пославъ въ рейхстагъ 19 с.-д. изъ общаго количества 23 своихъ депутатовъ; Баварія утроила число выбираемыхъ ею представителей пролетаріата—9 вмѣсто 3,—Эльзасъ-Лотарингія болѣе, чѣмъ удвоила—5 вмѣсто 2. Партіей впервые завоеваны: Гагенъ—бывшій округъ Евгенія Рихтера—и императорская резиденція Потсдамъ, отъ котораго прошелъ извѣстный Карлъ Либкнехтъ. О Кёльнѣ и Дюссельдорфѣ упоминалось уже выше. Не удалось однако соціалъ-демократіи и на этотъ разъ захватить знаменитый первый берлинскій избирательный округъ, гдѣ прогрессистъ Кэмпфъ побѣдилъ соціалъ-демократа Дювелля большинствомъ всего лишь .... 9 голосовъ, голосовъ канцлера и 8 министровъ, живущихъ какъ разъ въ этомъ районѣ. Впрочемъ, такое пораженіе, пожалуй, стоитъ побѣды. Съ своими 110 мандатами и своими $4^1/_4$ милл. голосовъ—цифры еще небывалыя въ исторіи международнаго соціализма—соціалъ-демократія вступаетъ въ рейхстагъ въ качествѣ сильнѣйшей политической партіи страны, могущей въ ходѣ парламентской работы нерѣдко занимать доминирующее положеніе. Это очень выгодно и почетно, но это ко многому обязываетъ..

VIII.

Выборы закончились, волненіе, вызванное ими, постепенно улеглось, и общественная жизнь Германіи начинаетъ мало-по-малу входить въ свое нормальное русло. Что же дальше? Каково значеніе, каковъ смыслъ только что закончившейся политической битвы? Каковы перспективы, открываемыя предъ страной народнымъ голосованіемъ 12 января?

Остановимся прежде всего на непосредственныхъ, т. е. парламентскихъ результатахъ выборовъ. Первое, что бросается въ глаза при взглядѣ на нынѣшній составъ имперскаго рейхстага, — это отсутствіе въ немъ какого-либо однороднаго устойчиваго большинства. Въ самомъ дѣлѣ, «черно-голубой» блокъ разгромленъ и вмѣстѣ со всѣми своими союзниками располагаетъ максимумъ

195 мандатами, т. е. на 4 меньше, чѣмъ это требуется для абсолютнаго большинства. Однако и объединенная лѣвая имѣетъ въ суммѣ только 202 мѣста, — ея численность превышаетъ такимъ образомъ абсолютное большинство всего лишь на 3 голоса. Съ столь ничтожнымъ перевѣсомъ силъ вообще невозможно править страной, а въ данномъ случаѣ еще и сугубо невозможно, такъ какъ сама лѣвая крайне неоднородна, — особенно велики противорѣчія между соціалъ-демократами и націоналъ-либералами, — и только по нѣкоторымъ вполнѣ опредѣленнымъ вопросамъ она можетъ выступать болѣе или менѣе единодушно. Столь своеобразная группировка партій въ новомъ рейхстагѣ дѣлаетъ его естественно мало работоспособнымъ и ставитъ даже подъ вопросъ самую долговѣчность его существованія.

Впрочемъ, въ Германіи съ ея полуабсолютистской конституціей отсутствіе прочнаго устойчиваго большинства въ палатѣ не имѣетъ такого первостепеннаго значенія, какъ, напр., въ Англіи или Франціи: здѣсь «надпартійное» правительство можетъ, не располагая въ парламентѣ прочной опорой, работать съ такъ наз. перемѣннымъ большинствомъ. Такъ, повидимому, намѣревается поступить и Бетманъ-Гольвегъ. Для «національныхъ требованій», т. е. для требованій, касающихся вооруженій и вопросовъ таможенной политики, онъ всегда будетъ имѣть готовое большинство въ лицѣ праваго блока плюсъ націоналъ-либералы. Въ области политическаго и культурнаго прогресса, отчасти и въ области налоговаго законодательства, правительство, вѣроятно, очень часто сможетъ опираться на поддержку всей лѣвой отъ націоналъ-либераловъ до соціалъ-демократовъ включительно. Въ сферѣ соціальной политики къ услугамъ канцлера имѣется большинство изъ с.-д., прогрессистовъ и центра. Наконецъ, не исключена возможность образованія въ нѣкоторыхъ случаяхъ «черно-краснаго» большинства, т. е. большинства, состоящаго изъ с.-д. и католиковъ. Практически это означаетъ перемѣщеніе равнодѣйствующей правительственной политики нѣсколько влѣво, такъ какъ отнынѣ рѣшающей партіей въ парламентѣ становятся націоналъ-либералы. Во всякомъ случаѣ покушеніе на рейхстагское избирательное право или коалиціонное право, введеніе исключительныхъ законовъ противъ соціалъ-демократіи и т. п. реакціонные замыслы, въ послѣднее время серьезно угрожавшіе пролетаріату, въ новомъ рейхстагѣ почти что невозможны. Вѣроятенъ, наоборотъ, медленный и постепенный, но все-таки довольно явственный соціально-политическій прогрессъ.

Пожалуй, важнѣе, чѣмъ это—непосредственно-практическое, агитаціонно-воспитательное значеніе только что закончившихся выборовъ. Два крупныхъ, поистинѣ историческихъ преобразованія стоятъ сейчасъ въ порядкѣ дня германской жизни: это демократизація прусскаго избирательнаго права и перераспредѣленіе

страны на избирательные округа при выборахъ въ рейхстагъ. Осуществленіе двухъ названныхъ реформъ будетъ означать собой паденіе политическаго господства аграрнаго юнкерства и превращеніе Германіи изъ полуабсолютистскаго феодально-военнаго государства въ передовую политически-свободную демократію. Не подлежитъ сомнѣнію, что именно въ *этомъ* отношеніи голосованію 12 января суждено сыграть большую историческую роль. Тяжелый ударъ, нанесенный на нынѣшнихъ выборахъ консервативно-клерикальной реакціи, воспламенитъ народныя массы къ дальнѣйшей борьбѣ и ускоритъ такимъ образомъ завоеваніе ими столь назрѣвшихъ преобразованій.

Не останутся нѣмецкіе выборы безъ вліянія и на международныя отношенія. Въ наше время, полное кошмарныхъ призраковъ всеевропейской войны, вотумъ 12 января явился исполинской демонстраціей въ пользу сохраненія мира. 4¼ милл. голосовъ, поданныхъ за кандидатовъ соціалъ-демократіи, громко манифестировали твердую волю трудящагося населенія Германіи жить въ дружбѣ и согласіи съ другими народами. Значеніе даннаго факта поистинѣ громадно. Подобно тяжелому ядру каторжника, эти 4¼ милл. голосовъ будутъ сковывать свободу движеній имперіалистски-настроенныхъ руководителей нѣмецкой политики и заставлять ихъ умѣрять свои вожделѣнія и аппетиты. Тѣмъ самымъ только что закончившіеся выборы выходятъ за рамки исключительно внутригерманскихъ отношеній и пріобрѣтаютъ уже серьезное интернаціональное значеніе.

В. Майскій.

Кругооборотъ.

I.

— Что вы слышали про «Чудо»?—Таковъ былъ слѣдующій вопросъ, послѣ справокъ о погодѣ, который задавали хозяева своимъ гостямъ на «five o'clock» осенью прошлаго года, когда появились первыя сообщенія про то, что Рейнгардтъ готовитъ къ постановкѣ мистерію «Чудо», при чемъ дѣйствіе будетъ происходить не на сценѣ, а въ католическомъ соборѣ. И на предложенный вопросъ гость отвѣчалъ то, что всѣ уже знали изъ газетъ, т. е. что новая пьеса безъ словъ представитъ собою послѣднее слово театральныхъ исканій, что сценарій пишетъ Фольмеллеръ, музыку — Энгельбертъ Гумпердинкъ, а соборъ будетъ строиться

по чертежамъ Дернбурга («знаете, братъ знаменитаго германскаго министра колоній»).

И когда хозяева отвѣчали классическими восклицаніями: «Is it so!», «How lovely!»—гость прибавлялъ еще «слухи въ цифрахъ», тоже обошедшіе всѣ газеты.

— Въ пьесѣ будутъ участвовать двѣ тысячи человѣкъ. Костюмы обошлись въ 13 тысячъ ф. ст. Вся постановка обойдется въ 80 тысячъ ф. ст... Въ «Чудѣ» реализмъ доведенъ до послѣдняго: не только шелкъ, бархатъ, мѣха и доспѣхи на участвующихъ настоящіе, но даже лысины и сѣдыя бороды изготовлены великимъ парикмахеромъ Времсномъ. Максъ Рейнгардтъ спеціально черезъ газеты вызывалъ 200 плѣшивцевъ и 200 стариковъ съ сѣдыми бородами.

— Видѣли ли вы уже «Чудо?»—справляются теперь хозяева у гостей на «five o'clock» послѣ обмѣна мнѣній по поводу погоды.

— Что вы думаете о «Чудѣ?» — слѣдуетъ затѣмъ вопросъ.

Отвѣтъ бываетъ двоякаго рода:

— Поразительное проявленіе новаго исканія въ области театра!—восклицаютъ одни.

— How religious!—восклицаютъ пожилыя дѣвицы. И послѣднее мнѣніе такъ распространено, что священникъ нашего округа въ прошлое воскресенье произнесъ даже проповѣдь въ церкви по поводу «Чуда». Одно утреннее представленіе спеціально было дано для священниковъ разныхъ вѣръ. Я слышу здѣсь безконечные споры о «Чудѣ» и читаю въ журналахъ и газетахъ не менѣе длинныя статьи о немъ.

Спорящіе расходятся въ нѣкоторыхъ пунктахъ, но всѣ согласны, что мистерія «Чудо», поставленная въ *Олимпіи*, превращенной въ католическій соборъ, представляетъ собою поразительно смѣлое «исканіе». Послѣдній терминъ употребляютъ всѣ, какъ нѣчто вполнѣ понятное и опредѣленное. Желая уяснить себѣ, что именно подразумѣвается подъ словомъ «исканіе», я обратился къ авторамъ, написавшимъ спеціальныя изслѣдованія объ этомъ *), и былъ нѣсколько разочарованъ. Я узналъ, что «новое движеніе» въ театрѣ зародилось въ 1881 году въ Мейнингенѣ. Тамъ впервые, въ придворномъ театрѣ, во время представленія «Юлія Цезаря» появилась «настоящая толпа». Но «исканія» совсѣмъ не заключаются въ реализмѣ. Напротивъ, они совпадаютъ съ «стремленіемъ современной литературы освободиться отъ тираніи безусловнаго реализма».

---

*) Я просмотрѣлъ слѣдующія книги и брошюры:

«Max Reinhardt». Von Siegfried Jacobsohn. Berlin.

„Die neue Shakespearebühne des Münchner Hoftheaters". Von Gerhard Amundsen. Münich.

„Moderne Regie; ein Buch für Theaterfreunde». Von Max Alberty. Frankfort.

„Die ethische Aufgabe der Schaubühne". Von Max Martersteig. Leipzig.

Литература раньше театра сбила съ себя эти колодки. Важный шагъ по пути исканія былъ сдѣланъ мюнхенскимъ придворнымъ театромъ въ 1889 году, когда былъ поставленъ «Король Лиръ» «на упрощенной сценѣ». Герардъ Амундсенъ въ своей книжкѣ «Die neue Shakespearebühne» подробно разсказываетъ про «исканія» этого театра послѣ 1889 года.

«Старая сцена,—говоритъ Амундсенъ,—остроумно комбинировавшая принципы старой шекспировской сцены-платформы, употребленіе занавѣсей и подмостокъ въ глубинѣ сцены, не выдержала требованій реализма и не имѣла смѣлости отречься отъ условнаго сценическаго реализма, когда дѣйствіе происходило не въ комнатѣ. Новая постановка Шекспира въ мюнхенскомъ придворномъ театрѣ совершенно не гонится за сценическими иллюзіями. Она вполнѣ *стилизованная*. Передъ нами попытка осуществить въ обыкновенномъ театрѣ многознаменательныя идеи Künstlertheater, построеннаго въ Мюнхенѣ въ 1908 году, т. е. идеи «театра рельефа». «Künstlertheater» сдѣлалъ, — продолжаетъ Амундсенъ, — смѣлую попытку отдѣлаться разъ навсегда отъ старой сцены-«ящика», типъ которой создалъ съ теченіемъ времени оргію реализма. «Почему,—спрашиваютъ мюнхенскіе реформаторы,—должны мы представлять въ «ящикѣ» только потому, что это нравилось испорченному вкусу Renaissance? Почему мы должны израсходовать всю нашу энергію, руководимые дѣтскимъ желаніемъ создать иллюзію реальности, которая тѣмъ менѣе художественна, чѣмъ больше приближается къ дѣйствительности? Греческая драма разыгрывалась не въ «ящикѣ». Шекспировскія пьесы ставились на открытой платформѣ. Почему намъ теперь не имѣть своего рода открытую сцену, которая соотвѣтствовала бы спеціальнымъ нуждамъ пьесы? Выводомъ изъ всѣхъ этихъ предпосылокъ явился театръ, въ которомъ сцена-«ящикъ», сцена-«ниша» съ ея реализмомъ была упразднена. Дѣйствующія лица являлись «въ рельефѣ».—Конечно,—продолжаетъ авторъ,—идея имѣетъ свои неудобства, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ легко устранимы. Театръ «рельефъ» только первая попытка; это—лишь смѣлое исканіе; но, несомнѣнно, думаетъ Амундсенъ, Künstlertheater указываетъ, гдѣ будетъ найдено разрѣшеніе проблемы. Принципы Künstlertheater блестяще примѣнены въ 1909 году въ дрезденскомъ Residenztheater проф. Шумахеромъ. Однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ и геніальныхъ искателей въ области театра является теперь Максъ Рейнгардтъ, — говоритъ Зигфридъ Якобсонъ въ книгѣ «Max Reinhardt».

Величайшая ошибка будетъ сдѣлана, если мы въ Рейнгардтѣ увидимъ реалиста и продолжателя мейнингенскихъ традицій. Проблема театра, по мнѣнію Рейнгардта, - говоритъ Якобсонъ,—заключается въ томъ, чтобы *найти точный стиль*, соотвѣтствующій каждой отдѣльной драмѣ, и поставить ее сообразно съ этимъ на сценѣ.

Такимъ образомъ, классическая драма должна быть поставлена классически, символическая-символически, а современная реалистическая драма—со всѣми мельчайшими реалистическими подробностями.

Вотъ что сообщили мнѣ объ «исканіяхъ» въ области театра четыре спеціалиста. Вы видите, что громкія слова «современныя проблемы» и «исканія» сводятся къ реформѣ театральной техники.

Я былъ на первомъ представленіи «Чуда» и внимательно прочиталъ все то, что писалось о мистеріи. И мнѣ кажется, что дѣло обстоитъ гораздо серьезнѣе, чѣмъ изображаетъ Амундсенъ или Якобсонъ.

Передъ нами не «исканіе» какой-то новой техники въ области спены, а завершеніе цѣлаго историческаго цикла, пройденнаго театромъ *и храмомъ* въ Англіи, цѣлый кругооборотъ. Я постараюсь намѣтить этотъ кругооборотъ, имѣющій, какъ мнѣ кажется, самое серьезное соціологическое значеніе. Но предварительно надо сказать, что такое «Чудо». Это — мистерія безъ словъ, т. е. возвращеніе къ первобытнымъ *дѣйствамъ*, происходившимъ въ церквахъ Англіи. Пьеса поставлена въ *Олимпіи*. Это—не театръ, а колоссальное зданіе, выстроенное изъ стекла, желѣза и камня и приспособленное для выставокъ. Формой оно напоминаетъ манежъ, но надо соединить десять громадныхъ манежей, чтобы получить нѣкоторое представленіе о размѣрахъ *Олимпіи*. Теперь зданіе внутри превращено въ громадный соборъ по типу Кельнскаго. Зрители сидятъ вдоль сѣверной и южной стѣнъ. Западная стѣна—входная дверь; восточная—колоссальныя створчатыя двери, черезъ которыя виденъ горный пейзажъ,—громадныя сосны и деревня. Сценой является внутренность собора.

Сценарій мистеріи удивительно напоминаетъ въ одномъ мѣстѣ «Сестру Беатрису» Метерлинка. Въ соборѣ полумракъ. Смутно виднѣется пьедесталъ съ Мадонной на немъ. Слышенъ перезвонъ церковныхъ колоколовъ («настоящихъ»). Доносятся голоса священниковъ, читающихъ латинскія молитвы. И *Олимпія* такъ велика, что впечатлѣніе такое, будто вы дѣйствительно зашли въ соборъ и слышите вдали голоса. Затѣмъ свѣтлѣетъ. Цѣлая система разноцвѣтныхъ электрическихъ фонарей производитъ удивительные свѣтовые эффекты на разноцвѣтномъ бархатѣ и на парчѣ статуи Мадонны. Церковь наполняется монахинями. Затѣмъ раскрываются громадныя двери, и видна гора, залитая толпой молящихся. Въ церковь входятъ священники, дьяконы и служки съ крестами, хоругвями и парчевыми балдахинами, и начинается служба. Мощные звуки громаднаго органа наполняютъ соборъ. Молящіеся одѣты въ платья XIV вѣка. Вотъ идутъ зажиточные горожане въ длинныхъ кафтанахъ, обшитыхъ мѣхомъ, цеховые, крестьяне, а за ними «калики перехожіе», хромые, слѣпцы, страдающіе пляской св. Витта, разслабленные, дряхлые старцы. На носилкахъ вносятъ

больныхъ, такъ какъ Мадонна славится чудесами. И сегодня происходитъ чудо. Къ концу службы вдругъ одинъ разслабленный поднимается съ носилокъ; его поддерживаютъ сперва, но потомъ онъ самъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ. Его распухшія ноги, обмотанныя тряпками, отвыкли ходить; но вотъ онѣ крѣпнутъ. Разслабленный подходитъ къ Мадоннѣ и падаетъ на колѣни, и изъ груди 2000 человѣкъ вырывается одинъ крикъ: совершилось чудо! Затѣмъ служба кончается, и соборъ пустѣетъ. Это все «запѣвъ», а пѣсня будетъ впереди.

Въ соборѣ остается одна молодая монахиня, которой настоятельница поручила запереть громадныя двери; но молодая монахиня заглядѣлась на пляшущихъ на горѣ и заслушалась музыки. У дверей собора пляшутъ дѣти; монахиня сама начинаетъ плясать, и это подсматриваетъ «шпильманъ», таинственное лицо, напоминающее не то судьбу, не то дьявола, не то смерть на знаменитыхъ рисункахъ Ганса Гольбейна Encomium Moriae. На роль шпильмана выписанъ изъ Вѣны извѣстный актеръ Палленбергъ, вѣроятно потому, что умѣетъ хохотать какимъ то особымъ «сатанинскимъ» образомъ. Замѣтивъ пляшущую монахиню, шпильманъ приводитъ къ дверямъ собора рыцаря. Надо замѣтить, что, такъ какъ доспѣхи на немъ настоящіе, то пришлось для этой роли спеціально искать очень большого и очень сильнаго человѣка. Рыцарь въ полномъ вооруженіи, стоящій у дверей собора, — удивительно красивая картина. Монахиня заглядѣлась на рыцаря; но тутъ входитъ настоятельница. Она замѣчаетъ открытыя двери, запираетъ ихъ и за ослушаніе велитъ молодой монахинѣ простоять всю ночь на колѣняхъ передъ Мадонной. Двери заперты. Молодая монахиня одна; но вотъ доносятся дьявольскій хохотъ шпильмана и звуки его свирѣли; раздается стукъ въ двери. Монахиня пробуетъ ихъ открыть, но ключи унесены. Она въ отчаяніи, а стукъ все раздается. Монахиня подбѣгаетъ къ Мадоннѣ и молитъ о чудѣ: пусть она откроетъ двери. И, когда чуда не происходитъ, монахиня въ бѣшенствѣ вырываетъ младенца у Мадонны и швыряетъ на полъ, но младенецъ, какъ огненный снопъ, исчезаетъ въ воздухѣ. Мадонна простираетъ руки. Двери раскрываются, и входитъ рыцарь. Монахиня снимаетъ клобукъ, кладетъ его у ногъ Мадонны и убѣгаетъ съ рыцаремъ. Свершается новое чудо: Мадонна спускается съ пьедестала, снимаетъ корону и парчевую ризу, надѣваетъ клобукъ и становится неподвижно, вся залитая свѣтомъ. Вошедшая настоятельница съ ужасомъ зоветъ монахинь. Мадонна исчезла. Вѣсть передается за стѣны собора, который наполняется испуганными прихожанами. Затѣмъ всѣ набрасываются на стоящую неподвижно Мадонну, принимая ее за монахиню; ее хотятъ бить; но Мадонна поднимается въ воздухъ и снова опускается. Всѣ тогда понимаютъ, кто она, и падаютъ на колѣни. Кончается «вступленіе» мистеріи и начинается «интермецц»:

приключенія бѣглой монахини за стѣнами монастыря. Ее захватываетъ рыцарь-разбойникъ, у котораго ее потомъ отнимаетъ принцъ. Принца убиваетъ его отецъ-король,—котораго любовницей она становится. Потомъ бѣглая монахиня попадаетъ въ руки инквизиціи и освобождается народнымъ возстаніемъ. Затѣмъ монахиня становится одной изъ проститутокъ, слѣдующихъ за арміей. И всюду монахиню сопровождаетъ таинственный шпильманъ, подъ видомъ то шута, то предсѣдателя суда, то сводни-старухи. Постановка мистеріи—изумительная: ничего подобнаго по грандіозности, по исторической вѣрности и по красотѣ ни одинъ театръ никогда, конечно, не видалъ.

И вотъ заключительная сцена. Мы опять въ соборѣ, гдѣ чудесная монахиня одна. Она снимаетъ клобукъ, надѣваетъ корону, парчевую ризу и садится на пьедесталъ. Она снова Мадонна. И тутъ раскрывается дверь. Вѣтеръ и снѣгъ загоняютъ въ соборъ бѣглую монахиню, въ лохмотьяхъ и босую, съ мертвымъ младенцемъ на рукахъ, котораго она кладетъ у ногъ Мадонны. За стѣнами собора раздается сатанинскій хохотъ шпильмана, слыша который бѣглая монахиня падаетъ безъ чувствъ у статуи. Мадонна наклоняется и беретъ младенца на руки. Соборъ наполняется. Монахини спѣшатъ сообщить о новомъ чудѣ, о возвращеніи Мадонны.

«Интермеццо» кончено. Соборъ опять пустъ. Бѣглая монахиня поднимается съ пола. Теперь на ней уже не лохмотья, а снова клобукъ. Она убираетъ церковь и открываетъ громадныя двери. Все, что здѣсь разсказано, молодая монахиня видѣла во снѣ. О томъ, что дѣйствіе—сонъ, долженъ напоминать зрителю перезвонъ колоколовъ, который все время слышенъ, покуда продолжается «интермеццо». Если говорить о *техникѣ*, то двухъ мнѣній о «Чудѣ» быть не можетъ. Такой постановки никогда еще не бывало. Въ «Чудѣ» виденъ поразительно смѣлый размахъ удивительно талантливаго режиссера, располагающаго громадными средствами и имѣющаго въ распоряженіи первоклассныхъ артистовъ. Но когда рѣчь заходитъ о пьесѣ, какъ о *художественномъ исканіи*, мнѣ невольно припоминаются слова Л. Н. Толстого: «художественное впечатлѣніе, т. е. зараженіе, получается только тогда, когда авторъ самъ по своему испыталъ какое-либо чувство и передаетъ его, а не тогда, когда онъ передаетъ чужое, переданное ему чувство. Этого рода *поэзія отъ поэзіи* не можетъ заражать людей, а только даетъ подобіе произведенія искусства, и то только для людей съ извращеннымъ эстетическимъ вкусомъ» *). Соборъ, поставленный великимъ зодчимъ, заражаетъ религіознымъ настроеніемъ даже раціоналиста, потому что зодчій глубоко вѣрилъ. Средневѣковая наивная легенда о чудѣ вызываетъ слезы у невѣрую-

*) „Что такое искусство“.

щаго, потому что опять-таки его заражаетъ глубокое религіозное чувство автора. Талантливый и образованный человѣкъ теперь можетъ легко поддѣлать *форму* средневѣковой легенды, но не въ состояніи поддѣлать наивную *вѣру*, которой у культурнаго человѣка XX вѣка быть не можетъ. Вотъ почему «стилизованная» легенда, несмотря на все искусство поддѣлки, не будетъ заражать, а безъ зараженія не можетъ быть искусства. Дѣйствительно вѣрующій человѣкъ не превратилъ бы теперь религію въ театральное зрѣлище. Сценарій «Чуда» написанъ, а мистерія поставлена людьми чрезвычайно талантливыми и образованными, но, конечно, у нихъ нѣтъ наивной вѣры. Вотъ почему «Чудо» поражаетъ наши глаза, но «настроенія» оно не даетъ никакого.

II.

А между тѣмъ мистерія, поставленная въ *Олимпіи*, пріобрѣтаетъ сразу громадный и глубокій смыслъ, если мы взглянемъ на нее, какъ на заключительный моментъ великаго круговорота. Передъ нами символъ смерти двухъ союзниковъ, ставшихъ впослѣдствіи непримиримыми врагами, символъ, о которомъ, конечно, меньше всего думалъ Рейнгардтъ или Карлъ Фолльмеллеръ.

Извѣстно, что въ моментъ своего зарожденія драма была тѣсно связана съ вѣрой. Интенсивное религіозное чувство создало драматическое дѣйствіе. Колыбелью Мельпомены во всѣхъ странахъ былъ храмъ. Я не буду совершенно касаться здѣсь античнаго театра, такъ какъ мнѣ необходимы только два-три момента изъ исторіи англійской драмы. Наиболѣе сильно вѣрующіе христіанскіе народы въ Европѣ имѣли раньше всего національную драму, въ которой религіозный и бытовой элементъ были такъ тѣсно спаяны, что приводили въ изумленіе много вѣковъ спустя энциклопедистовъ. «До сравнительно недавняго времени Autos sacramentales (родъ мистерій) ставились еще въ Мадридѣ,—пишетъ Вольтеръ.—Кальдеронъ написалъ болѣе двухсотъ подобныхъ представленій.—У меня передъ глазами, продолжаетъ Вольтеръ,—одна изъ подобныхъ пьесъ, напечатанная въ Вальядолидѣ и называющаяся «Devocion de la missa». Въ ней участвуютъ мусульманскій король Кордовы, ангелъ, непотребная женщина, два солдата шута и дьяволъ. Одинъ изъ шутовъ, Паскаль Вивасъ, влюбленъ въ Аминту, причемъ соперникомъ имѣетъ магометанскаго солдата Леліо. Дьяволъ и Леліо хотятъ убить Виваса и увѣрены, что отправятъ его прямо въ адъ, такъ какъ солдатъ только что совершилъ смертный грѣхъ. Но Паскаль Вивасъ поручаетъ священнику тутъ же служить мессу, и дьяволъ теряетъ всякую силу надъ солдатомъ. Въ то время, какъ служатъ мессу, начинается сраженіе. И дьяволъ пораженъ, когда видитъ солдата одновременно и въ битвѣ, и у алтаря. Чортъ

хорошо знаетъ, что «тѣло не можетъ быть одновременно въ двухъ мѣстахъ», но ему не вѣдомо, что подъ видомъ Паскаля, покуда этотъ молится, сражается ангелъ. Король Кордовскій, конечно, разбитъ на голову; Паскаль женится на своей непотребницѣ, и пьеса кончается восхваленіемъ мессъ» *). Философъ раціоналистическаго вѣка совершенно не въ состояніи былъ понять наивную вѣру Autos sacramentales, но, тѣмъ не менѣе, дѣлаетъ нѣсколько глубокихъ замѣчаній. «Кто повѣрилъ бы, что въ этой пропасти безвкусныхъ грубостей время отъ времени мы находимъ геніальныя черты, и, кромѣ того, театральную трескотню (fracas de théâtre), которая можетъ позабавить и даже заинтересовать,—говоритъ Вольтеръ.—Быть можетъ, нѣкоторыя изъ этихъ варварскихъ пьесъ (т. е. Autos sacramentales, ставившихся въ церкви) не слишкомъ отдалены отъ произведеній Эсхила, въ которыхъ греческая религія *игралась* на сценѣ, какъ впослѣдствіи въ Испаніи—христіанская. Въ самомъ дѣлѣ, что такое, какъ не Auto sacramentale, приковываніе Прометея Вулканомъ къ скалѣ, причемъ Сила и Доблесть служатъ помощниками? И если авторы испанскихъ мистерій вывели на сцену (въ церкви) дьявола, то Эсхилъ сдѣлалъ тоже самое для фурій. Если Паскаль Вивасъ слушаетъ мессу, то развѣ въ *Эвменидахъ* старая жрица не правитъ священную службу»? **)

Въ Англіи, какъ и въ Испаніи, сильное религіозное чувство породило сперва мимическую драму, затѣмъ явились діалоги. Въ Англіи, какъ и въ Испаніи, церковь и театръ представляли собою вначалѣ сіамскихъ близнецовъ, повидимому, нераздѣльно соединенныхъ. Какъ и въ Испаніи, въ Англіи первоначальная форма драматическихъ представленій пережила три фазиса. «Въ исторіи средневѣковой мистеріи,—говоритъ проф. Стороженко,—можно различить три періода, три послѣдовательныхъ фазиса развитія: въ начальномъ періодѣ, обнимающемъ приблизительно X и XI вѣка, мистерія еще не имѣла характера самостоятельнаго представленія; составляя только часть праздничной литургіи, она даже не игралась, а пѣлась на латинскомъ языкѣ. Мѣстомъ ея представленія была церковь, а авторами и исполнителями лица духовнаго сана и ихъ причты. Сюжеты ея вращались около трехъ великихъ моментовъ евангельской исторіи—Рожденія, Смерти и Воскресенія Спасителя... Съ теченіемъ времени область мистеріальныхъ сюжетовъ значительно расширилась: вошло въ обычай драматизировать не только событія Новаго Завѣта, но Ветхаго и житій святыхъ; сообразно этому допускалось больше свободы въ обращеніи съ сюжетами. Авторы литургическихъ мистерій строго держались текста св. писанія и позволяли себѣ только перефразировать его, оттого литургическая мистерія имѣетъ по большей части чисто-

*) «Oeuvres complètes de Voltaire», vol. VII, p. 176 (Изд. 1874).
**) Ib.

эпическій характеръ. Но мало по малу искусство проникаетъ и въ эту заповѣдную область: то тамъ, то здѣсь авторы позволяютъ себѣ вставлять въ рѣчи дѣйствующихъ лицъ слова, которыя хотя и не находятся въ св. писаніи, но находятся въ соотвѣтствіи съ ихъ традиціоннымъ характеромъ; появляется стремленіе заглянуть въ душу дѣйствующихъ лицъ, оттѣнить индивидуальности; еще нѣсколько шаговъ въ этомъ направленіи—и грубые задатки религіозной драмы вырабатываются въ форму болѣе художественную, хотя еще кой-гдѣ носящую на себѣ ясные слѣды своего первоначальнаго литургическаго происхожденія» *).

Тогда вѣра была сильна, и драматическія произведенія, навѣянныя ею, несмотря на наивность, производятъ сильное впечатлѣніе. Отъ того времени до насъ дошли поразительныя по глубинѣ чувства мистеріи, переизданныя въ Англіи много разъ **). Вотъ, напр., схематическая жизнь человѣка «Everyman», идущая до сихъ поръ въ провинціальныхъ театрахъ во время страстной недѣли. Въ началѣ мистеріи является «Вѣстникъ», объясняющій значеніе ея.

«Прошу васъ всѣхъ прослушать съ благоговѣніемъ эту вещь, по формѣ моральную пьесу,—названіе которой *Призывъ смертнаго*,—показывающую нашу жизнь и смерть, и какъ мимолетны наши дни».

Дальше Вѣстникъ объясняетъ, что блага міра, наполняющія жизнь человѣка,—дымъ, если вспомнить о смерти.

«Здѣсь вы увидите, какъ *Дружба*, *Веселье*, *Сила*, *Наслажденіе* и *Красота* поблекнутъ, какъ майскій цвѣтъ. Ибо вы услышите, какъ небесный царь призываетъ смертнаго на судъ передъ своимъ лицомъ. Внимайте всему, что Онъ скажетъ». И зрители, явившіеся въ церковь, чтобы молиться и чтобы видѣть мистерію, конечно слушали, обливаясь холоднымъ потомъ, съ сокрушеніемъ твердя про себя слова страшнаго гимна:

„Quid sum miser tunc dicturus,
Quem patronum rogaturus,
Cum vix justus sit securus"?

(«Что скажу я Верховному судьѣ? Кто мнѣ подастъ помощь, когда даже праведникъ будетъ трепетать за себя»?)

А на подмосткахъ, поставленныхъ среди церкви, наполненной грознымъ рокотомъ органа, *Смерть* декламировала: «Я вижу тамъ *Смертнаго*. Какъ мало думаетъ онъ теперь обо мнѣ! Его мысль занята чувственными наслажденіями и земными богатствами. *Смертный*, остановись! Куда ты идешь такъ весело? Иль ты забылъ про своего Творца?»

---

*) *Проф. Н. Стороженко*, „Предшественники Шекспира". Т. I. стр. 12—13.

**) У меня подъ руками сборникъ „Old Religious Plays", изданный Дентомъ.

— Я не готовъ еще!—бормочетъ въ страхѣ *Смертный*.—Я не знаю тебя. Кто ты?

— Я—*Смерть*. По Божьему велѣнію мнѣ повинуются всѣ».

Плачъ и стонъ наполняли тогда зрительный залъ, т. е. церковь.

Глубокой вѣрой проникнуты также пьесы второго періода, о которомъ говоритъ проф. Стороженко, т. е. того времени, когда въ литургическую мистерію вторгается психологическій и бытовой элементъ. Вотъ, напр., мистерія «Потопъ», также помѣщенная въ сборникѣ «Old Religious Plays». Въ началѣ ея Богъ говоритъ, что долготерпѣнію его пришелъ конецъ.

— Я, Богъ, создавшій небеса и землю изъ ничего, вижу, что народъ мой дѣлами и помышленіями погрязъ въ грѣхахъ. Духъ мой не будетъ пребывать больше въ человѣкѣ, который отнынѣ мой врагъ, хотя и подобенъ мнѣ лицомъ... Я разрушу все, что создалъ: звѣрей, червей, птицъ, ибо мнѣ досаждаетъ все живое, что копошится на землѣ.—Въ тотъ вѣкъ наивной вѣры зрители, слушая въ церкви-театрѣ эти слова, только трепетали и не задавались вопросами, поставленными скептиками XVIII вѣка: «Могъ ли Богъ предупредить зло, но не желалъ?.. Желалъ ли онъ это сдѣлать, но не могъ?.. Если онъ желалъ и могъ предупредить зло, то почему же Онъ истребилъ тогда все живое»? «Я не понимаю, зачѣмъ Господь создалъ человѣческій родъ, чтобы утопить его и замѣнить его потомъ родомъ, еще болѣе злымъ и испорченнымъ!» *),—такъ восклицаетъ деистъ XVIII-го вѣка. Скептическая мысль людей XII-го и XIII-го вѣковъ коснулась не библейскаго разсказа, а только деталей его. Только народъ, никогда не видавшій моря и, быть можетъ, никакой другой воды, кромѣ ручьевъ, могъ придумать ковчегъ, какъ онъ описанъ въ Библіи. Наивные авторы мистеріи были англичане, хорошо понимавшіе, что во время потопа волны, конечно, были не меньшихъ размѣровъ, чѣмъ въ Атлантическомъ океанѣ въ осеннія бури. А если такъ, то въ плоскодонной баркѣ, ничѣмъ не оснащенной, нельзя было бы плавать. Ковчегъ опрокинуло бы первой волной. И вотъ въ мистеріи мы имѣемъ сцену построенія ковчега. Ной прилаживаетъ бушпритъ, ставитъ мачты, прикрѣпляетъ реи и выбленки, а жены патріарха, Сима и Яфета кроятъ и шьютъ паруса. И когда ковчегъ оснащенъ, Ной разсуждаетъ, какъ здравомыслящій англійскій рыбакъ:

„With topmast high and bowsprit.
With cords and ropes, I hold all fit
To sail forth at the next weete“.

(Имѣя гротъ-мачту, бушпритъ и снасти, я готовъ поднять паруса съ отливомъ).

---

*) *Voltaire*, «Dictionnaire Philosophique».

Или вотъ мистерія, проникнутая такой глубокой и наивной вѣрой, что она волнуетъ и раціоналиста XX вѣка. Называется она «Марія Магдалина и апостолы» *). Бытовой элементъ, тѣмъ не менѣе, вторгается съ самаго начала.

Марія Магдалина. Слушайте, апостолы! Іисусъ всталъ изъ гроба. Я видѣла его сама. Я говорила съ нимъ и осмотрѣла его язвы. Какая жалость видѣть ихъ, но онѣ принесли міру исцѣленіе!

Ѳома. Молчи, жена! Не ври сказокъ, а говори правду. Молю тебя о томъ. Ни за что не повѣрю, чтобы Христосъ, котораго распяли у меня на глазахъ, воскресъ бы. Не трать словъ, потому я вракъ не люблю. Господь нашъ умеръ. Увы! я знаю правду!

И когда Марія Магдалина всетаки стоитъ на своемъ, Ѳома грозитъ ей:

„If thou mock, I will break thy head".

(«Если ты будешь смѣяться надъ нами, я тебѣ голову разобью»). Кромѣ глубокой вѣры, надо отмѣтить еще своеобразный реализмъ. И тогда были Рейнгардты, не останавливавшіеся ни передъ чѣмъ. «Въ своей благочестивой наивности они скорѣе готовы были вывести на сцену Адама и Еву въ ихъ первобытной наготѣ, или заставить св. Анну разрѣшиться отъ бремени въ присутствіи всей публики, чѣмъ отступить отъ буквы библейскаго или новозавѣтнаго апокрифическаго сказанія» (Н. Стороженко).

Наступаетъ наконецъ третій періодъ развитія средневѣковой мистеріи (XIV—XVI вѣкъ). Она окончательно порываетъ всякую связь съ богослуженіемъ. Дѣйствіе ея переносится на площадь, улицу, ярмарку, а завѣдываніе ея постановкой мало-по-малу переходитъ изъ рукъ духовенства въ руки свѣтскимъ любителей (Trading companies въ Англіи, gremios въ Испаніи). Оставаясь религіозной по своему сюжету,—говоритъ проф. Стороженко,—мистерія тѣмъ не менѣе ежеминутно приноситъ въ жертву возвышенный интересъ религіознаго назиданія интересамъ чисто мірского свойства, примѣняется къ измѣнчивому вкусу разнокалиберной публики, допускаетъ комическіе эпизоды и скандальныя сцены и торжественно проклинается церковью».

III.

Итакъ союзъ храма съ театромъ, продолжавшійся почти пять вѣковъ, распался. Какъ монахиня въ мистеріи «Чудо», театръ ушелъ изъ церкви своимъ путемъ и испыталъ безчисленныя приключенія. Недавніе союзники стали непримиримыми врагами. Храмъ проклялъ театръ и служителей его, какъ слугъ и приспѣшниковъ сатанинскихъ. Театръ отвѣтилъ тѣмъ, что прославлялъ и выставлялъ въ

*) Сборникъ „Old Religious Plays", p. p. 139—146.

соблазнительномъ свѣтѣ все то, что приводило церковь въ ужасъ: плотскую любовь, наслажденіе жизнью, радость. Церковь считала страсти великимъ грѣхомъ, а театръ выставлялъ ихъ какъ то, для чего только и стоитъ жить. Церковь отлучала Мольера и Адріанну Левуврёръ. Театръ подрывалъ авторитетъ своего бывшаго союзника и, при каждой возможности, становился открытымъ врагомъ. Каждый изъ союзниковъ-враговъ на новомъ пути достигъ необыкновеннаго блеска, развитія и вліянія. Я не собираюсь, конечно, описывать судьбы союзниковъ-враговъ въ теченіе трехъ вѣковъ. Мы перенесемся поэтому сразу въ XX вѣкъ, причемъ ограничимся только Англіей.

Мы видимъ обоихъ союзниковъ-враговъ одряхлѣвшими, потерявшими вліяніе и растерявшими силы по дорогѣ; но въ то же время окруженными блескомъ. На первый взглядъ положеніе ихъ кажется необыкновенно прочнымъ. На континентѣ теперь общее мѣсто, что церковь и вѣра въ Англіи стоятъ крѣпко, какъ скала. Это принимается за доказанное, а незыблемостью вѣры въ Англіи объясняется даже прочность ея политическихъ учрежденій. Но чуть только мы попробуемъ провѣрить ходячій тезисъ, какъ натолкнемся на нѣчто неожиданное. Всѣ изслѣдователи современной Англіи констатируютъ, что вѣра идетъ стремительно на убыль, и что церковь здѣсь совершенно одряхлѣла. Недавно большое впечатлѣніе въ Англіи произвели очерки изъ народной жизни Стифена Рейнольдса «A Poor Man's House». Въ одномъ изъ этихъ очерковъ фигурируетъ патріархъ рыбакъ Тони. «Религія,— говоритъ онъ,—дѣло не наше, а поповское. Попамъ за это деньги платятъ». Религія, по мнѣнію Тони, можетъ интересовать также людей, избравшихъ ее себѣ, какъ «hobby». Послѣдніе именно засыпаютъ рыбачьи деревни душеспасительными брошюрами, «начиненными адскимъ огнемъ». «Какое намъ дѣло до всего этого?— говоритъ скептикъ Тони?—Я знаю только, что черезъ столько-то лѣтъ буду лежать, оскаливъ зубы, подъ дерномъ». Но очерки Рейнольдса, несмотря на всю ихъ талантливость, вѣдь только беллетристика. Намъ надобны болѣе серьезные авторитеты, чѣмъ Тони, для доказательства, что вѣра стремительно идетъ на убыль. Еще въ 1830 году Уильфредъ Уордъ находилъ самой характерной чертой нашего времени то, что церковь въ Англіи находится на смертномъ одрѣ. «Никакая человѣческая сила,—писалъ 35 лѣтъ спустя Мэтью Арнольдъ,—не можетъ спасти теперь государственную церковь въ Англіи».

«Религія, какъ откровеніе или какъ концепція о жизни, зависящей отъ сверхъестественной санкціи, несомнѣнно постепенно исчезаетъ теперь,—констатируетъ извѣстный коммонеръ (членъ министерства) и публицистъ Мастерманъ въ своей книгѣ, выдержавшей съ 1909 года четыре изданія.—Терпимость къ чужому мнѣнію, любовь къ ближнимъ, симпатія и цивилизація возрастаютъ

и крѣпнутъ. Постепенно ослабѣваетъ у англичанъ убѣжденіе, что они отвѣтственны еще передъ кѣмъ-нибудь, кромѣ какъ передъ собою и человѣчествомъ. Такимъ образомъ, жизнь современнаго англичанина все менѣе и менѣе становится проникнутой соображеніями о жизни «по ту сторону». Массы не хотятъ терпѣть страданій на землѣ въ разсчетѣ, что за это онѣ получатъ награду на томъ свѣтѣ». Ослабленіе вѣры не только не повело къ «одичанію» большихъ англійскихъ городовъ, а, напротивъ, теперь нравы тамъ несомнѣнно лучше и чище, чѣмъ въ XVIII вѣкѣ. Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ,—говоритъ Мастермэнъ,—массы въ англійскихъ городахъ жили и умирали, какъ звѣри; но только немногіе рѣшились бы тогда отрицать существованіе Создателя или отнестись критически къ загробной жизни. «Атеистъ» тогда былъ такъ же непопуляренъ, какъ «республиканецъ». Толпу тогда такъ же легко было подбить на разгромъ дома «унитаріанца» *), какъ на бунтъ противъ «папистовъ». Теперь церковь ничего подобнаго сдѣлать уже не въ силахъ. А между тѣмъ теперь церковь напрягаетъ всѣ усилія, чтобы имѣть какое-нибудь вліяніе на жизнь народа. Гуманитарная и соціальная работа церкви оцѣнена, но религіозная проповѣдь почти равна нулю. Церкви въ этомъ отношеніи приходится бороться не съ враждебнымъ отношеніемъ, а съ полнымъ индифферентизмомъ. Прежде церковь могла утверждать, что ослабленіе вѣры равносильно гибели общества; но массы видятъ, что общество крѣпнетъ только съ теченіемъ времени. Теперь всюду все ослабѣваетъ возможность появленія «ривайвалиста»—проповѣдника, т. е. новаго Уэсли или Уайтфильда, которые пробудили бы въ городскомъ населеніи страхъ передъ адскимъ огнемъ и вызвали бы стремленіе взыскать «небесный градъ» **).

Недавно Чарльзъ Бузсъ, авторъ капитальнаго изслѣдованія о трудящемся населеніи Лондона, произвелъ анкету для выясненія вопроса, насколько усердно лондонцы посѣщаютъ церкви. Результаты съ точки зрѣнія религіи получились самые плачевные. «Религія въ этомъ округѣ (Попларъ), такъ сказать, распалась на куски,—констатируетъ одинъ изъ изслѣдователей (Доллингъ).— Богъ не занимаетъ нашихъ мыслей. Мы даже не страшимся его. Смерть мы встрѣчаемъ спокойно, потому что намъ нечего оставлять

*) Раціоналистическая секта. Я беру изъ Церковнаго Ежегодника (Year Book of the Churches) нѣсколько строкъ. „Унитаріанцы не вѣрятъ ни въ Троицу, ни въ божественность Христа, ни въ Библію, какъ боговдохновенную книгу, ни въ загробную жизнь, ни въ другіе ортодоксальные догматы. Они вѣрятъ, что Богъ единъ, и что человѣчество—братская семья. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ богословіе и религія унитаріанцевъ". (p. 205). Изъ того же ежегодника мы узнаемъ, что въ Англіи теперь 290, въ Ирландіи 35, а въ Шотландіи 6 унитаріанскихъ церквей. Къ „унитаріанцамъ" принадлежитъ, между прочимъ, Джозефъ Чемберлэнъ.

**) *C. F. G. Masterman*, «The Condition of England», изд. 1911 года, стр. 218—220.

и нечего чаять въ будущемъ. Небеса не привлекаютъ насъ, потому что мы были бы тамъ не у мѣста, а «адъ потерялъ всѣ свои ужасы». Наиболѣе усердными посѣтителями церквей въ Англіи являются, какъ извѣстно, средніе классы. Но каждый наблюдатель знаетъ, что тутъ глубокая вѣра не причемъ: въ церковь ходятъ, потому что это «фешіонебельно», потому что «всѣ» такъ дѣлаютъ, потому что надо, наконецъ, чѣмъ нибудь наполнить время въ воскресенье между сытнымъ завтракомъ и еще болѣе сытнымъ обѣдомъ! «Смыслъ исчезъ изъ фразъ, которыя еще твердятся,—говоритъ изслѣдователь.—Церковь знаетъ только отливъ. Сознаніе, что люди братья, несомнѣнно крѣпнетъ въ Англіи; крѣпнетъ также сознаніе обществомъ своей отвѣтственности передъ индивидуумомъ; но всѣ эти теченія идутъ мимо церкви. И вотъ мы видимъ, какъ церкви въ Англіи, сознавая это, занимаются или стремятся заняться выработкой соціальныхъ и гуманитарныхъ реформъ. По прежнему шумно воюютъ между собою разныя секты, но это не отъ избытка жизненныхъ силъ, а для того, чтобы увѣрить *себя*, что онѣ еще не умерли. Всѣми силами церкви заманиваютъ подростковъ (игрою въ солдатики, напр.); но съ теченіемъ времени и подростки ослабѣваютъ» *). «Подавляющее большинство населенія Англіи, повидимому, не желаетъ больше принимать понятія о грѣхѣ, на избавленіи отъ котораго (грѣха) построена религія»,—говоритъ Чарльзъ Бузсъ въ своемъ изслѣдованіи о религіозности Лондонцевъ. «Большинство сознательно вычеркнуло религію изъ своего обихода и не любитъ даже, когда напоминаютъ о ней»,—показываетъ одинъ изъ священниковъ, опрошенныхъ Чарльзомъ Бузсомъ. «Церкви всѣхъ сектъ пустуютъ въ Англіи»,—читаемъ мы въ видѣ вѣчнаго припѣва почти на каждой страницѣ изслѣдованія. «Массы совершенно индифферентны къ религіи». «Если бѣдняки ходятъ въ церковь, то только потому, что ихъ заманиваютъ туда взяткой» **).

*) „The Condition of England“, p. 222.

**) Англійскіе священники прибѣгаютъ иногда къ крайне своеобразнымъ пріемамъ, чтобы имѣть кого нибудь въ церкви. Клэрджимэнъ уподобляется рыболову, знающему, какую наживу наладить для ерша, для окуня и для щуки. Подростковъ заманиваютъ тѣмъ, что послѣ службы имъ раздаютъ солдатскіе мундиры и ружья. Подъ звуки барабановъ и подъ свистъ дудокъ клэрджимэнъ маршируетъ потомъ со своей «boys brigade» по улицамъ. Юношей и дѣвушекъ стараются соблазнить, чтобы они пошли въ церковь, концертами и даже... танцовальными вечерами. «Пойте, пляшите, но только предварительно выслушайте проповѣдь»,—какъ бы говоритъ священникъ. На дверяхъ церкви неподалеку отъ моего дома я вижу афишу: «The most pleasant evening» (т. е. «здѣсь можно самымъ интереснымъ образомъ провести вечеръ»). Для заманиванія взрослыхъ рабочихъ опять другая сноровка. Въ полдень, напр., копачи отдыхаютъ и закусываютъ у раскопанныхъ трубъ. Клэрджимэнъ говоритъ копачамъ: «На улицѣ дождь и холодно. Зачѣмъ вамъ полдничать подъ открытымъ небомъ? Я вамъ открою церковь. Можете явиться туда со всѣмъ имуществомъ. Жуйте ваши тартинки, запи-

Средніе классы въ Англіи всегда являлись главной опорой государственной церкви, но они по выраженію изслѣдователя, «gradually are going back to Paganism (т. е. «постепенно возвращаются къ язычеству»). «Характерная особенность Англіи въ религіозныхъ вопросахъ заключается въ томъ, — говоритъ Мастермэнъ,—что ослабленіе вѣры не обусловливается развитіемъ атеизма. Англія сама не сознаетъ процесса постепеннаго исчезанія культа. И когда какой нибудь классъ отдаетъ себѣ отчетъ, процессъ полнаго охлажденія къ религіи бываетъ уже завершенъ». Англійскіе священники, констатируя этотъ процессъ, пытались объяснить его примитивно. Извѣстный священникъ, докторъ Хортонъ, напр., объясняетъ явленіе увеличеніемъ пьянства среди рабочихъ классовъ и отсутствіемъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ. Для доказательства онъ ссылается на то, что у хорошихъ проповѣдниковъ церкви полны, а пустуютъ только у бесталанныхъ священниковъ, не умѣющихъ связать двухъ словъ. Свѣдущіе люди указали Хортону, что дѣло не въ краснорѣчивыхъ клэрджимэнахъ. Есть опредѣленный контингентъ «church goers», т. е. посѣщающихъ церковь. Хорошій проповѣдникъ можетъ *отвлечь* у безталаннаго клэрджимэна этихъ church goers, но онъ не въ состояніи *увеличить* ихъ числа притокомъ извнѣ. Публика вообще абсолютно индифферентна къ тому, кто будетъ проповѣдывать: новый ли Бурдалу, или косноязычный. Талантливый современный англійскій священникъ и романистъ, Силасъ Хоклигъ, объясняетъ упадокъ вліянія церкви тѣмъ, что она вмѣшалась въ имперіализмъ и потворствуетъ войнѣ. Но когда же церковь была противъ войны? Другіе священники пытаются объяснить отмѣченное явленіе тѣмъ, что церковь всегда служила интересамъ класса богатыхъ и сильныхъ людей. Второго февраля опубликовано горячее воззваніе епископа Оксфордскаго (доктора Гора), призывающаго церковь стать въ передовыхъ рядахъ борцовъ за соціальныя реформы. Такая дѣятельность церкви, конечно, очень похвальна, но она не можетъ привести назадъ вѣрующихъ по той простой причинѣ, что ту работу, на которую указываетъ епископъ, дѣлаетъ теперь (и неизмѣримо лучше) парламентъ. Религія въ Англіи ослабѣваетъ; но «народилась мораль безъ вѣры, -- говоритъ Мастермэнъ; — мы несомнѣнно констатируемъ наростаніе братской любви, не порожденной страхомъ наказанія или ожиданія награды за гробомъ». «Ядро вопроса заключается въ слѣдующемъ: прогрессъ этики въ Англіи сопровождается упадкомъ религіи. Этотъ процессъ приводилъ въ изумленіе Гладстона еще сорокъ лѣтъ тому назадъ... Призракъ міра, лежащаго

вайте ихъ какао, бесѣдуйте между собою. Я прошу васъ только сидѣть спокойно 20 минутъ, покуда я вамъ скажу проповѣдь». Другой священникъ велитъ открыть церковь въ два часа утра. Бездомные могутъ зайти туда, чтобы прикурнуть на скамьяхъ. За это голытьба должна утромъ терпѣливо выслушать проповѣдь.

«по ту сторону», постепенно блѣднѣетъ». *). Я привожу свидѣтельство не только умнаго, знающаго и талантливаго государственнаго дѣятеля, но и *вѣрующаго.*

Церковь въ Англіи съ середины XIX вѣка дѣлала отчаянныя усилія, чтобы удержать позиціи, штурмуемыя точными знаніями. Сперва церковь пробовала отстаивать всѣ линіи укрѣпленій, какъ онѣ были выведены еще въ XVI и въ XVII вѣкахъ. Всего лишь въ пятидесятыхъ годахъ конклавъ десяти тысячъ священниковъ предалъ проклятію книгу «Essays and Reviews», написанную священникомъ Темпелемъ и содержащую очень сдержанную критику Библіи. Этотъ священникъ впослѣдствіи былъ архіепископомъ Кентерберійскимъ и первосвятителемъ англиканской церкви. Всего только въ семидесятыхъ годахъ XIX вѣка англійскій епископъ Вильберфорсъ имѣлъ смѣлость вызвать на публичный диспутъ Гексли. «Духовный лордъ» (титулъ епископовъ въ Англіи) былъ глубоко убѣжденъ, что онъ отстоитъ не только всѣ догматы, но и традиціи англиканской церкви; Вильберфорсъ заранѣе говорилъ, что «матеріалистъ» будетъ разбитъ на голову. Публичный диспутъ дѣйствительно кончился страшнымъ пораженіемъ, своего рода Цусимой; но не епископу досталась побѣда. Одинъ изъ диспутантовъ, когда противникъ разгромилъ его, не зная, что отвѣтить, отъ волненія упалъ въ обморокъ. И то былъ не Гексли. Тогда англиканская церковь, подобно аэронавту, видящему, что шаръ спускается въ море, выбросила за бортъ страшно много. Какъ дико было бы епископу Вильберфорсу читать теперь разсужденія священниковъ и епископовъ, доказывающихъ, что законъ эволюціи не противорѣчитъ Библіи! Съ какимъ ужасомъ видѣли бы священники, осудившіе въ 1854 году «Essays and Reviews», клэрджимэновъ, внимательно изучающихъ такіе трактаты, какъ «The First Easter Dawn» (Чарльза Тёрнера Горхэма), являющіеся критическимъ изслѣдованіемъ евангельскихъ показаній о воскресеніи Христа!

Стоитъ раскрыть любую страницу «Церковнаго Ежегодника», чтобъ получить представленіе о тѣхъ отчаянныхъ усиліяхъ, которыя дѣлаетъ въ Англіи церковь для собственнаго спасенія, т. е. примиренія религіи и разума, традиціи и науки.

— Мы поднимаемся?—спрашиваетъ инженеръ въ *L'Ile Mystérieuse,* который такъ владѣлъ нашимъ воображеніемъ въ дѣтствѣ.

— Нѣтъ, падаемъ.

— Бога ради, бросайте все!

— Мы поднимаемся ли?

— Нѣтъ, еще падаемъ.

— Dehors tout ce qui pèse!

(Вонъ все, что имѣетъ малѣйшій вѣсъ).

И несчастные аэронавты, потерпѣвшіе крушеніе въ воздухѣ,

*) «The Condition of England», p.p. 223–226.

обрубаютъ канаты, поддерживающіе корзину. Совершенно аналогичное мы наблюдаемъ въ Англіи. Въ лицѣ передовыхъ теологовъ церковь выбросила за бортъ очень многое и, наконецъ, обрубаетъ канаты «корзины», т. е. разстается съ основными догматами. Я говорю о «New Theology» священника Кэмпбелля. «Относительно божественности Христа, — говоритъ свящ. Кэмпбелль, — New Theology учитъ, что божественность то же самое, что и человѣчность въ высшемъ своемъ проявленіи. Характеръ Іисуса Назарянина есть высшее проявленіе божественнаго человѣческаго въ исторіи. Нѣкоторые изъ послѣдователей New Theology, утверждаютъ, что наши свѣдѣнія о Іисусѣ, какъ историческомъ лицѣ, слишкомъ скудны и недостовѣрны, чтобы мы могли строить на нихъ какіенибудь выводы, поэтому смотрятъ на Іисуса изъ Новаго Завѣта скорѣе какъ на символъ божественно-человѣческаго, къ которому родъ людской долженъ стремиться. По мнѣнію «новыхъ теологовъ», надо установить границы между историческимъ Христомъ и между Христомъ нашей вѣры. Это ничуть не умаляетъ моральнаго величія его ученія. Библія—обыкновенная книга, не накладывающая спеціальныхъ обязательствъ на совѣсть... Нѣкоторыя изъ чудесъ, упоминаемыхъ въ Библіи,—только символы, а другія—народныя сказки. Царство Божіе для котораго каждый христіанинъ долженъ работать, на землѣ... Нѣтъ грѣха противъ Бога, который не былъ бы грѣхомъ противъ человѣка» *).

New Theology, выбросившая за бортъ всѣ догматы, приближается къ проповѣдникамъ этическаго ученія, прямо заявившимъ себя «агностиками». Наряду съ New Theology мы видимъ въ Англіи священниковъ, проповѣдующихъ такъ, какъ будто ничто не измѣнилось за сто лѣтъ. Они говорятъ слова, о смыслѣ которыхъ не думаютъ, или, если думаютъ, то не вѣрятъ сами. Передъ нами типичные «повапленные гробы».

Итакъ, церковь и театръ были въ Англіи когда-то тѣсными союзниками, которые потомъ раздѣлились, пошли разными дорогами и стали врагами. Первый союзникъ видѣлъ блестящіе дни; въ его рукахъ была сила; онъ властвовалъ надъ умами; но въ первое десятилѣтіе двадцатаго вѣка мы находимъ его одряхлѣвшимъ, потерявшимъ силу, умирающимъ. На немъ великолѣпныя одежды. Быть можетъ, старикъ никогда не носилъ въ дни юности такихъ дорогихъ нарядовъ. Сильные міра считаютъ полезнымъ давать старику блестящіе наряды, такъ какъ все еще вѣрятъ, что старикъ имѣетъ громадное вліяніе. И платье такъ великолѣпно, что со стороны, съ континента, кажется, будто старикъ мощенъ, а между тѣмъ ноги у него согнулись и дрожатъ...

---

*) „The Year Book of the Churches“, for 1908. p. p. 49–50.

IV.

Съ теченіемъ вѣковъ сильно одряхлѣлъ другой союзникъ-врагъ, видавшій тоже блестящіе дни. Почему одряхлѣлъ одинъ союзникъ, мы знаемъ. Онъ никакъ не могъ сговориться, несмотря на всѣ попытки, съ разумомъ и съ знаніемъ. Почему одряхлѣлъ другой союзникъ-врагъ? Въ исторіи литературы есть какой то странный законъ, въ силу котораго форма художественнаго произведенія (эпосъ, драма, романъ) зависитъ не отъ каприза автора, а отъ той или другой степени развитія общества. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ національная драма и національный романъ (а также національная церковь) достигли высокаго развитія, т. е. въ Испаніи и въ Англіи, процвѣтаніе драмы и романа находится въ обратной пропорціи. Другими словами, въ тотъ періодъ, когда процвѣтала драма, романъ былъ въ зачаткѣ; когда развился романъ, упала драма. Послѣдняя возрождается въ Англіи и въ Италіи каждый разъ, когда почему либо падаетъ романъ. Прибавлю еще, что расцвѣтъ романа совпадаетъ въ Англіи и въ Испаніи съ періодами интенсивной общественной жизни, а расцвѣтъ драмы—съ упадкомъ ея. Я не стану входить здѣсь въ объясненіе причинъ упадка театра въ Англіи, а констатирую только фактъ, что къ концу перваго десятилѣтія двадцатаго вѣка театръ такъ же совершенно одряхлѣлъ, какъ и его прежній союзникъ, ставшій потомъ врагомъ. И точно такъ же, какъ и церковь, театръ въ Англіи дѣлалъ и дѣлаетъ отчаянныя усилія, чтобы помолодѣть. Трудно больной, котораго неминуемо ждетъ смерть, бросается отъ лѣкарства къ лѣкарству. «Быть можетъ, старина, тебя возродитъ реальная драма», — спрашиваетъ современный очень талантливый писатель Джонъ Голсуорзси (Galsworthy) и предлагаетъ цѣлый рядъ пьесъ *The Silver Box*, *Justice*, *Strife* и въ самые послѣдніе дни «фантазію въ трехъ актахъ» *The Pigeon*. Произведенія эти очень талантливы. Они доказываютъ, что талантливый писатель, если непремѣнно захочетъ, можетъ уложить свои мысли въ такую стѣснительную и ограниченную форму, какъ драма. Лукрецій вѣдь нашелъ же возможнымъ изложить философскій трактатъ въ стихахъ! Но единственная попытка не создаетъ *національнаго театра*. Наиболѣе типичной для творчества Голсуорзси является драма *Борьба* (Strife), построенная на столкновеніи капитала и труда во время большой стачки на оловянномъ рудникѣ. Мы имѣемъ тутъ, съ одной стороны, упрямыхъ директоровъ, а съ другой—не менѣе упрямыхъ рабочихъ. Вначалѣ они идутъ за болѣе крайними вождями, а потомъ, когда стачка затягивается, и голодъ забирается въ каждый коттеджъ, выдвигаются умѣренные рабочіе, доказывающіе необходимость какого-нибудь компромисса, хотя бы для этого пришлось оставить товарищей. Я приведу выдержку изъ одной

сцены. Митингъ забастовавшихъ рабочихъ. Старикъ Томасъ, Полоній рудника, доказываетъ, что необходимо принять хозяйскія условія, поторговавшись немного. На платформу взбирается при крикахъ «не пускайте его», представитель крайней партіи, по прозвищу «Джэго».

— Вы кричите: «не пускайте его!» И это—свобода слова! Я не долго буду говорить. Подумайте хорошенько. Зашли вы далеко впередъ, а теперь сразу хотите свернуть въ сторону. Мы всѣ шли вмѣстѣ, а теперь вы хотите раздѣлиться. Мы, машинисты, поддержали васъ, а теперь вы насъ собираетесь бросить на произволъ судьбы. Знай мы заранѣе, что вы за народъ, мы бы палецъ о палецъ не ударили. Вотъ все, что я хочу вамъ сказать, ребята. Вы затѣваете скверное дѣло, чтобы спасти свои шкуры.

Рабочіе склоняются къ мнѣнію Томаса и представителя трэдъ-юніона Харнесса, тоже рекомендующаго умѣренность. Но на платформу поднимается вождь наиболѣе непримиримыхъ, Дэвидъ Робертсъ. Умѣренные кричатъ ему: «Долой!» «Не хотимъ слушать!» Но Робертсу удается наконецъ говорить. «Вы почувствовали теперь голодъ и забыли, изъ-за чего идетъ стачка,—начинаетъ онъ.—Я вамъ это объяснялъ много разъ. Борьба идетъ между тѣломъ и присосавшейся къ нему пьявкой; между тѣми, которые изнашиваютъ себя съ каждымъ ударомъ кирки, и существомъ, жирѣющимъ отъ этого труда. Существо это—капиталъ. Онъ покупаетъ по своей цѣнѣ силу мышцъ и чужую мысль. Развѣ моя мысль не была куплена за семьсотъ фунтовъ *) и развѣ это не принесло компаніи сто тысячъ ф. ст.? Капиталъ беретъ отъ васъ все, что можетъ, и отдаетъ вамъ возможно меньше. Капиталъ говоритъ вамъ: «Мнѣ очень жаль васъ, бѣдняжки. Я знаю, ваше житье плохое». Но онъ не дастъ вамъ шести пенсовъ изъ своихъ дивидендовъ, чтобы вы могли улучшить свое положеніе. Таковъ капиталъ. Вы слышали много теплыхъ словъ. Многіе ли изъ тѣхъ, которые такъ жалѣли рабочихъ, согласятся на увеличеніе подоходнаго налога на одинъ пенсъ? Таковъ капиталъ! Это—блѣднолицое чудовище съ каменнымъ сердцемъ. Слушайте! Стачка тянется долго. Мы страдаемъ; но положеніе компаніи тоже отчаянное. И вотъ теперь, когда она прижата къ стѣнѣ, вы хотите сдаться... Сегодня утромъ я видѣлъ одного изъ директоровъ, мистера Скэнтльбери, присланнаго сюда компаніей. Это—груда мяса; это—боровъ, отъѣвшійся на нашъ счетъ, лѣнивый волъ, который можетъ подняться только тогда, когда его корму грозитъ опасность. Я заглянулъ въ глаза этому борову и усмотрѣлъ тамъ *страхъ*, страхъ за свои дивиденды, за свое жалованье. Страхъ этотъ присущъ теперь всѣмъ директорамъ. Они—какъ дѣти, заблудившіяся ночью въ лѣсу и вздрагивающія при каждомъ шорохѣ.

*) Робертсъ сдѣлалъ изобрѣтеніе.

Слушайте! Уполномочьте мнѣ сказать директору, присланному сюда: «Поѣзжайте назадъ въ Лондонъ. Рабочіе твердо стоятъ на своихъ требованіяхъ» (*Ропотъ*). Дайте мнѣ это право и, клянусь вамъ, черезъ недѣлю вы получите все то, что вы требуете».

Повторяется нѣчто подобное, какъ въ сценѣ на форумѣ въ шекспировской драмѣ. Рабочіе, требовавшіе не задолго до того, чтобы условія, предложенныя хозяевами, были приняты, кричатъ теперь: «браво, браво!» Рѣшено продолжить стачку. Борьба продолжается; но компанія напрягаетъ всѣ усилія. Голодъ начинаетъ свирѣпствовать на рудникѣ, и жертвами его становятся двѣ женщины. И вотъ наконецъ предприниматели соглашаются принять представителей трэдъ-юніона для заключенія мира. «Знаете ли вы—говоритъ секретарь компаніи секретарю трэдъ-юніона,—что условія мира, только что подписанныя, тѣ самыя, которыя мы съ вами выработали до начала стачки? И изъ-за чего тогда всѣ эти ужасы? (голодъ и смерть двухъ женщинъ).

— Въ этомъ весь вопросъ!—сардонически отвѣчаетъ секретарь трэдъ-юніона.—Занавѣсъ падаетъ. Другими словами: трагическая нелѣпость является результатомъ существованія «блѣднолицаго чудовища съ каменнымъ сердцемъ», которому имя Капиталъ. Въ фантазіи въ трехъ актахъ *Голубь*, поставленной надняхъ, Голсуорзси опять развиваетъ мысль, которую можно формулировать словами Шекспира:

„Something is rotten in the state of Denmark"

(есть нѣчто гнилое въ Датскомъ королевствѣ). Современное общество таково, что люди, которые, при другихъ условіяхъ, могли бы быть уважаемыми гражданами, становятся бродягами, непотребными женщинами или пьяницами. Всѣ мѣры, рекомендуемыя теперь для борьбы съ нищенствомъ, бродяжествомъ и преступностью, включительно до частной благотворительности (хотя бы она принимала даже евангельскій характеръ), только слабые палліативы. Такова основная мысль пьесы *Голубь*.

«Нѣтъ, для возрожденія англійскаго театра нужны не реалистическія драмы, поднимающія самые серьезные соціальные вопросы, а совсѣмъ иное»,—говорятъ другіе директоры. И вотъ, мѣсяцъ тому назадъ самый серьезный и образованный изъ англійскихъ актеровъ, сэръ Гербертъ Три, стоящій во главѣ лучшаго лондонскаго театра «His Majesty's», сдѣлалъ неожиданное выступленіе. До сихъ поръ сэръ Гербертъ Три ставитъ при содѣйствіи Крэга Шекспира; теперь тотъ же режиссеръ поставилъ, съ такою же заботливостью, какъ «Бурю»,—«Orpheus in the Underground». И это на весь сезонъ. Знаете, что такое эта пьеса? Слегка измѣненная оперетка Оффенбаха «Орфей въ Аду». Н. К. Михайловскій, въ хорошо извѣстной статьѣ, много лѣтъ тому назадъ блестяще выяснилъ «историческое» значеніе композитора забубен-

ныхъ оперетокъ. «Смѣхъ Оффенбаха есть отголосокъ хохота Вольтера, отголосокъ, достойный большого вниманія по своей общедоступности. Оффенбахъ,—это легіонъ, и легіонъ, котораго всѣ слушаютъ и смотрятъ, несмотря на свой кажущійся ригоризмъ и презрительное отношеніе къ опереткамъ. Кругъ явленій, осмѣиваемыхъ Оффенбахомъ, почти тотъ же, что кругъ явленій, осмѣиваемыхъ Вольтеромъ. Пріемы смѣха, опять-таки, весьма часто совершенно совпадаютъ». «Я отнюдь не говорю,—продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ Н. К. Михайловскій,—чтобы масса выносила изъ Оффенбаха какія-либо опредѣленныя идеи и чувства. Но она далеко не всегда выносила ихъ изъ смѣха Вольтера. Выносится и залегаетъ въ душѣ, у большинства безсознательно, извѣстный тонъ, разрабатываемый уже самою жизнью... Оффенбахъ есть дѣтище Франціи, и всѣ нѣмецкіе вице-Оффенбахи по необходимости плохи» *). Оффенбахъ не столько дѣтище Франціи, сколько дѣтище второй имперіи. Теперь *общественное* значеніе его утеряно и во Франціи. Это бросается въ глаза каждому, кто видѣлъ въ Парижѣ «обозрѣніе» или оперетку. Я достаю съ полокъ запыленную папку, которой много лѣтъ не касался. Среди другихъ пьесъ, имѣвшихъ громадный успѣхъ во времена Наполеона III, въ папкѣ лежитъ «Orphée aux Enfers» Гектора Кремье. Я перелистываю книжечку и наталкиваюсь постоянно на фразы, имѣвшія во время второй имперіи значительный смыслъ и подхватывавшіяся на лету публикой, которая сама уже комментировала ихъ значеніе. Таковы, напр., восклицанія Юпитера: «Pour l'honneur de la mythologie»! Или: «Les faibles mortels ont l'oeil sur nous! Sauvons les apparences au moins!» (слабые смертные смотрятъ на насъ. Сохранимъ по крайней мѣрѣ благопристойность!) Или еще: «Tout pour le décorum et par le décorum!» (все—для приличія и черезъ посредство приличія!). Наполеону III было что прикрывать мантіей приличія.

Сэръ Гербертъ Три, ставя при содѣйствіи Крэга *Орфей въ Аду*, «приспособилъ» оперетку къ англійскимъ нравамъ и, такимъ образомъ, отнялъ у ней даже тотъ остатокъ смысла, который еще не вывѣтрился за полвѣка (оперетка поставлена впервые въ 1858 г.). Во первыхъ, измѣнено нѣсколько заглавіе. Такъ какъ слово «Адъ» въ Англіи считается непристойнымъ, то оно замѣнено «Underground» (т. е. «Подъ землей»). Соотвѣтственно съ этимъ смягчены не только шокирующія сцены, какъ напр. обольщеніе Эвридики Юпитеромъ, переодѣвшимся музой, но и куплеты въ родѣ слѣдующихъ:

„Si l'on comprend la vie,
Amis, c'est en enfer!
Vive le vin! vive Pluton!
Et nargue du qu'en dira-t-on!"

*) *Н. К. Михайловскій*. «Сочиненія», т. I, стр. 406—407.

(Если, друзья, гдѣ нибудь понимаютъ жизнь, такъ это въ аду. Да здравствуетъ вино! Да здравствуетъ Плутонъ! И плевать на все, что другіе скажутъ!). «Культъ сатаны» провозглашался во время второй имперіи болѣе остроумно, чѣмъ впослѣдствіи! Въ оперетке Оффенбаха Орфей отправляется на Олимпъ, а потомъ въ Адъ подъ вліяніемъ «Общественнаго мнѣнія». Желая проявить «исканія», сэръ Гербертъ Три ввелъ, вмѣсто «Opinion Publique», M-rs Grundy. «Передъ нами торжество г-жи Грёнди надъ духомъ зла»,—объясняетъ намъ англійскій текстъ пьесы. Эвридика сдѣлана ученой дамой, получившей университетское образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ. Орфей приводитъ ее въ бѣшенство тѣмъ, что играетъ одну и ту же арію «Che farò» на струнныхъ и духовыхъ инструментахъ, до губной гармоники включительно. И, несмотря на всѣ эти «исканія», несмотря на зажигательную музыку, не выдохшуюся за пятьдесятъ лѣтъ; несмотря на «стильную» крэговскую постановку (въ третьемъ актѣ, напр., вмѣсто декораціи ада, интенсивно черный фонъ, на которомъ «рельефами» выступаютъ всѣ обитатели ада въ ярко красныхъ платьяхъ); несмотря на все это, въ театрѣ стоитъ по истинѣ адская скука. Приходилось ли вамъ читать когда нибудь «перелицованную Энеиду»? Помните ли вы безконечное описаніе того, какъ Турнъ готовился къ бою противъ троянцевъ:

«Для куль—то галушкй сушили,
А бомб—то з глини наліпили,
А слив солоних—для картеч;
Для щитів ночви припасали,
І дна із діжок вибивали
І приправляли всім до плеч».

Описаніе тянется на нѣсколькихъ страницахъ и дѣйствуетъ, какъ хорошій пріемъ сульфонала. Совѣтую всѣмъ, страдающимъ безсонницей, попробовать. Но ученая пародія сэра Герберта Три, съ ея покушеніями на «новыя исканія», нагоняетъ уже не скуку, а оцѣпенѣніе.

V.

Съ попыткой возродить англійскій театръ выступилъ талантливый и, кажется, совершенно неизвѣстный въ Россіи писатель Барри. «Театръ порожденъ, когда человѣчество было еще мало, поэтому,—разсуждаетъ Барри,—для возрожденія сцены требуются пьесы, въ которыхъ фантазія сплетается съ дѣйствительностью, требуются произведенія, которыя перенесли бы насъ назадъ на много лѣтъ, когда каждый видитъ еще Пана». И Барри пишетъ замѣчательную пьесу, въ которой появляется Панъ. Пьеса называется «Peter Pan» и идетъ вотъ уже девятый годъ изъ вечера въ вечеръ. Въ 1911 году Барри передѣлалъ свою пьесу въ романъ *)

*) „Peter and Wendy", by J. M. Barrie. London. 1911.

и, такимъ образомъ, у насъ есть большая возможность судить о томъ, что хотѣлъ сказать авторъ. «Всѣ дѣти, кромѣ одного *), становятся взрослыми. Они скоро узнаютъ, что станутъ взрослыми, и вотъ какъ Уэнди узнала про это. Однажды, когда ей было только два года, она сорвала цвѣтокъ и побѣжала съ нимъ къ матери. Я думаю, Уэнди тогда была очень мила, потому что мать ея M-rs Дарлингъ прижала руку къ сердцу и воскликнула: «Почему ты на всю жизнь не можешь остаться такой, какъ теперь»! Только это тогда и произошло; но съ тѣхъ поръ Уэнди узнала, что должна стать взрослой. Вы всегда узнаете про это, когда вамъ минуетъ два. Тогда уже начало конца». Такъ начинается произведеніе Барри. Фантазія тѣсно переплетается съ дѣйствительностью. Отецъ Уэнди—прозаическій city-man, высчитывающій на бумажкѣ, имѣетъ ли онъ достаточно денегъ, чтобы разрѣшить себѣ еще одного ребенка. Изъ экономіи, вмѣсто гувернантки, мистеръ и миссисъ Дарлингъ держатъ при дѣтяхъ собаку Нана, которая служитъ и за няньку, т. е. купаетъ ребятишекъ, укладываетъ ихъ спать, стираетъ на нихъ бѣлье и водитъ гулять въ садъ. «Никогда не было болѣе счастливой семьи, покуда не появился Питеръ Панъ. Впервые M-rs Дарлингъ услышала про Пана, когда она убирала умы своихъ дѣтей. Каждая добрая мать имѣетъ обыкновеніе ночью, когда дѣти засыпаютъ, рыться въ ихъ умахъ и приводить тамъ въ порядокъ все то, что попало туда за день... Совсѣмъ, какъ будто кто укладываетъ ящики комода. Матери съ улыбкой перебираютъ одну вещь, недоумѣвая, гдѣ ребенокъ могъ подобрать ее; онѣ дѣлаютъ пріятныя и не совсѣмъ пріятныя открытія. Онѣ нѣжно прижимаютъ, какъ котенка, къ щекѣ одно и съ ужасомъ подальше прячутъ другое. И когда ребенокъ утромъ просыпается, всѣ дурныя страсти и капризы, съ которыми онъ пошелъ спать, оказываются спрятанными на днѣ его ума. На самомъ же верху лежатъ, провѣтренныя и готовыя для носки, лучшія намѣренія и мысли». Въ умѣ дѣтей находится карта, на которой отмѣчена Несуществующая страна (Neverland), гдѣ живетъ Питеръ Панъ. «Neverland всегда, въ большей или меньшей степени, островъ, съ яркими красными пятнами, съ коралловыми рифами, съ подозрительнымъ кораблемъ, стоящимъ на рейдѣ, съ дикарями и пещерами. Въ Neverland живутъ гномы, занимающіеся портняжнымъ дѣломъ, и принцессы съ шестью старшими братьями. Тамъ стоитъ развалившаяся избушка, въ которой живетъ баба-яга съ крючковатымъ носомъ. То была бы не трудная карта, будь на ней обозначено только это. Но на ней отмѣчены еще первый день въ школѣ, катехизисъ, отцы, круглый прудъ, рукодѣлье, убійства, вычитанныя въ книжкахъ, повѣшенье, глаголы, требующіе дательнаго падежа, дни, когда подается шоколадный пуддингъ, три пенса за то,

*) Питера Пана.

что сами выдернули молочный, зубъ и т. д. И неизвѣстно, находится ли все это на одномъ и томъ же островѣ, или есть нѣсколько островов, сливающихся вмѣстѣ. Конечно Несуществующія страны не похожи одна на другую. Въ Несуществующей странѣ Джона, напримѣръ, есть лагуна, съ летающимъ надъ нею фламинго, въ котораго мальчикъ стрѣляетъ. Въ Несуществующей же странѣ Майкеля, который еще очень малъ, надъ фламинго летаетъ лагуна. Джонъ въ своей Несуществующей странѣ живетъ въ перевернутой на пескѣ лодкѣ, тогда какъ Майкель живетъ въ вигвамѣ, а Уэнди—въ шалашѣ, покрытомъ искусно сшитыми листьями. У Джона нѣтъ друзей въ Neverland'ѣ, къ Майкелю друзья тамъ приходятъ ночью. У Уэнди имѣется ручной волкъ, покинутый родителями. Но въ общемъ, всѣ Несуществующія страны имѣютъ между собою родовое сходство. На ихъ волшебныхъ берегахъ играютъ дѣти. Мы тоже когда то были тамъ; до насъ доносится еще отдаленный ревъ прибоя; но никогда уже болѣе намъ не суждено высадиться на берегъ...

Время отъ времени, роясь въ умахъ своихъ дѣтей, M-rs Дарлингъ находила вещи, которыхъ не могла понять. И сильнѣе всего ее смущало имя Питера Пана, на которое она наталкивалась. Она не знала никакого Питера, а между тѣмъ находила его въ умахъ Джона и Майкеля. Что же касается ума Уэнди, то онъ весь былъ исчерченъ именемъ Пана, которое было написано гораздо болѣе крупными буквами, чѣмъ какое-либо другое слово. И когда M-rs Дарлингъ глядѣла на слово «Питеръ Панъ», ей казалось, что въ буквахъ его есть что-то вызывающее.

— Да, онъ дѣйствительно смотритъ крайне задорно,—соглашалась съ сожалѣніемъ Уэнди.

— Но кто, моя дорогая?

— Питеръ Панъ, конечно.

Сперва M-rs Дарлингъ ничего не понимала, но, роясь въ собственныхъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ, она вспомнила и нѣкоего Питера Пана, жившаго въ странѣ фей. Про него разсказывали, что, когда дѣти умирали, онъ провожалъ ихъ нѣкоторое время, чтобы они не пугались. M-rs Дарлингъ тогда вѣрила въ Пана, но теперь, замужемъ, она сомнѣвалась, чтобы такое лицо существовало.

— Наконецъ,—сказала она Уэнди,—Питеръ Панъ теперь былъ бы уже большой.

— О, нѣтъ! Онъ не выросъ, — конфиденціально сообщила Уэнди матери.—Питеръ—съ меня ростомъ.

Она думала сказать, что Питеръ равенъ ей по возрасту и по уму. M-rs Дарлингъ посовѣтовалась съ мистеромъ Дарлингомъ, но тотъ только презрительно улыбнулся.

— Все это глупости, идущія отъ Нана. Ничего болѣе умнаго

отъ собаки нельзя было ждать. Не обращайте вниманія. Все пройдетъ само собою.

Но это не прошло «само собою». Скоро безпокойный Питеръ Панъ нанесъ M-rs Дарлингъ сильный ударъ. Дѣти испытали очень странныя приключенія» *).

Ночью въ открытое окно дѣтской влетѣлъ Питеръ Панъ въ сопровожденіи крошечной феи Звенящій колокольчикъ, изящно одѣтой въ тщательно прикроенный листъ.

Шумъ разбудилъ Уэнди. Теперь, вмѣсто романа, я возьму пьесу. Дѣвочка вѣжливо кланяется Питеру Пану.

— Какъ васъ зовутъ?—спрашиваетъ «мальчикъ, который никогда не становится взрослымъ».

— Уэнди Мойра Анджела Дарлингъ. Какъ ваше имя?

— Питеръ Панъ.

— Это все?

— Да,—отвѣчаетъ нѣсколько рѣзко мальчикъ. Впервые убѣждается онъ, что имя нѣсколько коротко.

— Мнѣ очень жаль,—говоритъ дѣвочка.

— Ничего. Неважно.

Уэнди спрашиваетъ, гдѣ живетъ Питеръ.

— Второй поворотъ направо, а затѣмъ прямо до разсвѣта.

— Что за странный адресъ! Затѣмъ Питеръ Панъ сообщаетъ дѣвочкѣ подробности о происхожденіи фей.

— Видите ли, Уэнди, когда ребенокъ смѣется впервые, смѣхъ распадается на тысячи брызгъ, которые раскатываются во всѣ стороны. И изъ каждой капельки зарождается фея. Собственно говоря, у каждаго мальчика и у каждой дѣвочки должны были бы быть собственныя феи; но дѣти знаютъ теперь такъ много, что скоро перестаютъ вѣрить въ фей. И каждый разъ, когда ребенокъ говоритъ: «я не вѣрю въ фей», какая-нибудь фея падаетъ на землю мертвой.

Питеръ Панъ уговариваетъ Уэнди улетѣть съ нимъ въ Несуществующую страну, гдѣ онъ живетъ съ другими мальчиками.

— Я не умѣю летать!—говоритъ Уэнди.

— Я научу васъ. Я покажу, какъ прыгнуть на спину вѣтру, чтобы мчаться впередъ.

Просыпаются Майкель и Джонъ, братья Уэнди, которымъ Панъ тоже показываетъ, какъ летать. Мальчики пробуютъ полетѣть, но падаютъ съ постели.

— Слушайте! Какъ вы это дѣлаете?—спрашиваетъ Джонъ, потирая ушибленное колѣно.

— Думайте про чудесное и удивительное!—учитъ Питеръ Панъ.—Эти мысли поднимутъ васъ въ воздухъ.—И Питеръ снова показываетъ, какъ летать.

---

*) «Peter and Wendy», p. p. 1—12.

— Я понялъ, Уэнди!—кричитъ Джонъ, хотя сейчасъ же убѣждается, что ничего не понялъ.

«Ни одинъ изъ нихъ не могъ подняться даже на дюймъ,—читаемъ мы въ романѣ,—хотя даже Майкель зналъ уже двусложныя слова, тогда какъ Питеръ Панъ не зналъ и азбуки. Конечно, Питеръ смѣялся надъ ними, потому что никто не будетъ летать раньше, чѣмъ на него упадутъ пылинки съ крылышекъ фей». Къ счастью, къ рукамъ Питера пристала пыль съ крылышекъ крошечной феи, явившейся съ нимъ. Панъ подулъ эту пыль на дѣтей, и результаты получились изумительные.

— Сожмите плечи такимъ образомъ, — командуетъ Питеръ Панъ,—и за мною.

И дѣти убѣждаются, что могутъ летать. Они тогда улетаютъ въ Несуществующую страну, въ Neverland, гдѣ есть все то, что такъ занимаетъ воображеніе дѣтей. На островѣ, конечно, есть пираты. Мальчики могли бы ихъ назвать такъ же легко, какъ Донъ-Кихотъ всѣхъ тѣхъ рыцарей, которыхъ перечисляетъ своему оруженосцу, когда видитъ стадо барановъ. «Тотъ, кто стоитъ впереди, наклонивъ голову, какъ бы прислушиваясь, съ золотыми дублонами въ ушахъ вмѣсто серегъ, скрестивъ обнаженныя руки, это—красавецъ итальянецъ Чеко, вырѣзавшій свое имя ножемъ на спинѣ смотрителя тюрьмы въ Гао. Этотъ черный великанъ, стоящій позади его, перемѣнилъ уже много именъ съ тѣхъ поръ, какъ отбросилъ свое собственное имя, которымъ смуглолицыя матери до сихъ поръ пугаютъ своихъ дѣтей на берегахъ Гуаджо-мо. Вотъ Билль Джуксъ, котораго каждый дюймъ кожи татуированъ, тотъ самый Билль Джуксъ, который на шкунѣ «Моржъ» получилъ отъ Флинта 72 удара плетью, покуда отдалъ мѣшокъ съ луидорами. Рядомъ съ нимъ Куксонъ, котораго считаютъ, хотя это не доказано, братомъ Чернаго Мёрфи. Дальше стоитъ Старки-джентльменъ, бывшій когда-то школьнымъ надзирателемъ и сохранившій еще изящную манеру убивать. Далѣе видны Скайлайтъ и добродушный ирландецъ Сми, убивающій, такъ сказать, безъ желанія причинить вредъ. Онъ—единственный нонконформистъ въ шайкѣ Хука. За нимъ идутъ криворукій Нудлеръ, Муллинсъ, Мэйсонъ и другіе злодѣи, которыхъ всѣ давно уже знаютъ у береговъ испанской Америки. А между достойнымъ экипажемъ виденъ знаменитый пиратъ Джэмсъ Хукъ, подписывающійся Джасъ Хукъ, единственный человѣкъ, котораго страшится знаменитый Морской Поваръ». «Хукъ—безстрашный разбойникъ. Про него говорятъ, что пугаетъ его только видъ собственной крови, которая очень густа и необыкновеннаго цвѣта». А пѣсня, которую поютъ пираты! Каждый англійскій мальчикъ ее знаетъ такъ же твердо, какъ зналъ Донъ-Кихотъ рецептъ своего удивительнаго бальзама. Каждый разъ, когда пираты начинаютъ пѣть, въ театрѣ раздаются смѣхъ и аплодисменты.

«Yo ho, yo ho, the pirate life,
The flag o'skull and bones,
A merry hour, a hempen rope,
And hey for Davy Jones!»

(Гей! гей! Пиратская жизнь: флагъ съ черепомъ и скрещенными костями, веселый часъ, пеньковая петля и да здравствуетъ дьяволъ!).

Въ Neverland, конечно, нѣтъ недостатка въ краснокожихъ, подползающихъ къ пиратамъ въ громадномъ крокодилѣ, особенно не взлюбившемъ капитана пиратовъ, въ феяхъ и русалкахъ...

Дѣти долго пробыли вмѣстѣ съ Паномъ въ Несуществующей странѣ, а затѣмъ возвратились домой. «Сперва Нана (собака-нянька) привязывала на ночь ихъ ноги къ постелямъ, чтобы дѣти не могли улетѣть снова съ Питеромъ Паномъ; но они подросли, стали практичны и разучились совершенно летать. Общеніе съ Паномъ блѣднѣетъ въ памяти. Черезъ годъ Майкель заявляетъ сестрѣ: «Быть можетъ, Уэнди, совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ Питера Пана?» Уэнди, дольше всѣхъ помнившая Питера Пана, выросла и вышла замужъ. «Питеръ для нея теперь только горсточка пыли, оставшаяся въ ящикѣ съ игрушками». Она почти забыла, что «когда-то умѣла летать».

Красивая пьеса, удивительная обстановка, прекрасная игра,— все это содѣйствуетъ тому, что *Питеръ Панъ* идетъ изъ вечера въ вечеръ вотъ уже много лѣтъ.

VI.

«Для возрожденія англійскаго театра требуются не фантастическія пьесы, будящія въ человѣкѣ смутныя воспоминанія о томъ, когда онъ еще составлялъ съ природой одно цѣлое, а нѣчто другое,—говорятъ другіе реформаторы.—Требуется, во-первыхъ, возвращеніе къ религіознымъ сюжетамъ, а, во-вторыхъ, возможно большая правда въ игрѣ. Судью долженъ играть судья, мельника—мельникъ, монаха—монахъ и т. д. Проектъ этотъ принадлежитъ ректору Болнхерстскаго собора священнику Соуорду. И для доказательства своего тезиса священникъ написалъ пьесу «Гластонбери», поставленную въ провинціи. Лондонцы увидятъ ее только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Содержаніемъ пьесы служитъ эпизодъ изъ исторіи гоненія на монастыри и монаховъ при Генрихѣ VIII. Крайне любопытно, что протестантскій священникъ возвращается къ временамъ католицизма, чтобы въ немъ найти яркія краски и религіозное настроеніе. Пьеса была поставлена на-дняхъ въ Бедфордѣ. Въ ней участвуютъ восемь монаховъ, и всѣ эти роли исполнялись священниками, причемъ аббата игралъ самъ авторъ. «Вполнѣ понятно,—читаемъ мы въ мѣстной газетѣ,—что игра была необыкновенно реальна. Когда братъ Христофоръ бросаетъ

смѣлый вызовъ королевскимъ посланникамъ, вы видите передъ собою не актера, а смѣлаго защитника церкви, отстаивающаго ее отъ посягательства со стороны государства. Крайне сомнительно, чтобы міранинъ могъ бы прочувствовать такъ роль, какъ священникъ». Мы узнаемъ дальше изъ газетнаго отчета, что, хотя на роль Генриха VIII не нашелся король, но «мэра игралъ бывшій мэръ, архиваріуса—архиваріусъ, а мельника—мельникъ». Такимъ образомъ, если развить мысль священника Соуорда, идеальная постановка «Ревизора» была бы такая: на роль Сквозникъ-Дмухановскаго — градоначальникъ, Аммоса Ѳедоровича играетъ судья, про котораго въ старинной русской комедіи XVIII вѣка говорится: «сущій истины Іуда и предатель». Свистунова, Пуговицына и Держиморду можно выписать изъ любого провинціальнаго города и т. д.

«Для возрожденія англійскаго театра требуется пьеса-диспутъ,— сказалъ недавно Бернардъ Шоу въ лекціи, прочитанной въ *Times-Club.*—Классическіе образцы подобной пьесы далъ Ибсенъ. Въ глубинахъ человѣческаго сердца таятся страсти, не имѣющія ничего общаго съ тѣми примитивными страстями, которыя наблюдаются всѣми и которыя до сихъ поръ эксплоатировались драматургами. Эти затаенныя страсти подобны «вещамъ въ себѣ», до постиженія которыхъ добираются философы. Ибсенъ первый прозондировалъ невѣдомыя глубины; но не эти пьесы подразумѣваетъ Бернардъ Шоу, имѣющій въ виду, главнымъ образомъ, *Кукольный домикъ.* Въ этой пьесѣ «диспутъ» помѣщенъ въ концѣ, т. е. въ той сценѣ, въ которой Нора объясняется съ Торвальдомъ Гельмеромъ. По мнѣнію Бернарда Шоу, это—ошибка. Къ концу пьесы публика устаетъ и не въ состояніи уже воспринять новыя мысли. Надо новыя пьесы писать такъ, чтобы «диспутъ» заключался въ первомъ актѣ, покуда публика еще свѣжа. Свою заслугу Бернардъ Шоу видитъ главнымъ образомъ въ томъ, что писалъ именно такія пьесы. Одною изъ послѣднихъ по времени «пьесъ-диспутовъ» является драма Зангвилля «Богъ войны» (The War God), поставленная съ громаднымъ успѣхомъ осенью 1911 года. Передъ нами диспутъ на темы о войнѣ и мирѣ, о міровой политикѣ, анархизмѣ и религіи. Для насъ, русскихъ, пьеса представляетъ еще тотъ интересъ, что въ ней подъ именемъ графа Фритіофа выводится Л. Н. Толстой. Во всякомъ случаѣ графъ Фритіофъ загримированъ, какъ Толстой, и проповѣдуетъ непротивленіе злу насиліемъ. Антитезой является проповѣдникъ вооруженныхъ столкновеній, канцлеръ Готіи, графъ Торгримъ (Бисмаркъ), глубоко убѣжденный, что безъ войны человѣческое общество превратится въ устричные садки. Война вообще необходима человѣчеству, а въ частности Готіи. Въ то же время канцлеръ—ревностный христіанинъ или во всякомъ случаѣ считаетъ себя имъ. Въ одномъ изъ дѣйствій графъ Торгримъ обращается съ молитвой къ Богу воинствъ. Государственный канцлеръ подго-

товляетъ Готію къ войнѣ съ «коварнымъ Альбомъ». Если послѣдній будетъ побѣжденъ, Готія явится владычицей всего міра. И для достиженія побѣды Торгримъ посылаетъ шпіоновъ и настаиваетъ на сооруженіи новыхъ броненосцевъ, летучихъ кораблей и аэроплановъ. Контрастомъ съ тѣмъ, что дѣлаетъ и думаетъ государственный канцлеръ, является его бюргерская внѣшность: халатъ, табакерка и сантиментальныя обращенія къ портрету покойной жены. Канцлеръ подготовляетъ кровавую войну, а дома у него тридцатилѣтняя баталія съ экономкой, которая всегда выходитъ побѣдительницей. Графъ Торгримъ готовъ спокойно послать на смерть сотни тысячъ людей, между тѣмъ, онъ—нѣжный отецъ. Онъ желаетъ устроить для своего единственнаго сына Осрика самую лучшую военную карьеру. Путемъ интригъ графъ Торгримъ направляетъ большинство толпы, недовольной тяжелыми налогами, введенными въ Готіи съ цѣлью вооруженія,—противъ проповѣдника мира, графа Фритіофа, котораго убиваетъ революціонерка Лэди Норнэй.

И вотъ послѣдній актъ пьесы. Прошло лишь нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Фритіофа, но жизнь и кончина его успѣли уже обрости миѳами. Создался новый культъ воскресшаго и вознесшагося на небо старика. Появилась сильно распространенная секта «фритіанцевъ», взявшихъ символомъ своей вѣры голубя съ масличной вѣтвью въ клювѣ. Личный секретарь канцлера, Карлъ Блюмъ заявляетъ себя фритіанцемъ и оставляетъ службу. Къ ужасу своему канцлеръ убѣждается, что сынъ его Осрикъ, отказавшійся отъ блестящей карьеры, тоже тайный послѣдователь Фритіофа. Чтобы возстановить сына противъ массъ, канцлеръ открываетъ ему, что Фритіофа убили соціалисты. Осрикъ объясняется со своею невѣстою лэди Норнэй и узнаетъ, что именно она застрѣлила старика. Молодой человѣкъ въ бѣшенствѣ душитъ невѣсту и убиваетъ себя на могилѣ Фритіофа. Самоубійство сына сломило канцлера. Къ тому же присоединяется немилость: молодому королю Готіи передали ядовитую остроту канцлера, и послѣднему велѣно немедленно выйти въ отставку. Кончается пьеса нѣмой сценой. На улицѣ фритіанцы поютъ гимнъ, въ которомъ говорится о мирѣ и всеобщей любви. Старый канцлеръ внимательно прислушивается; лицо его изображаетъ глубокое волненіе. Наконецъ, графъ Торгримъ молча прикалываетъ къ сюртуку значекъ съ изображеніемъ голубя и масличной вѣтви, т. е. символъ фритіанцевъ. Миръ побѣдилъ бога войны. Въ исторіи, конечно, бываетъ не такъ: когда «графы Торгримы» находятъ почему-либо надобнымъ принять новый культъ или новую теорію, они берутъ только *форму*, одинъ мертвый символъ, оставляя при себѣ всѣ старыя воззрѣнія... На придачу пьеса написана бѣлыми стихами. Англичанъ поражаетъ, когда «языкомъ боговъ» говорятъ на сценѣ о такихъ обыкновенныхъ вещахъ, какъ автомобили, спортъ, обѣды съ экономкой...

Мой знакомый рецензентъ такъ выразилъ свое негодованіе по поводу того, что пьеса написана стихами: «it is not poetry, but prose run mad» (это не поэзія, а взбѣсившаяся проза). Я не могъ не вспомнить при этомъ, что у насъ когда-то по поводу «Евгенія Онѣгина» критики ужасались, какимъ образомъ Пушкинъ могъ говорить въ стихахъ про такія же «вульгарныя» вещи, и сказалъ сердитому рецензенту, что мы имѣемъ великую комедію, въ которой чеканными стихами упоминается про разодранный локоть лакея; поэтому меня нисколько не удивляетъ, что въ произведеніи Зангвилля бѣлыми стихами говорится про спортъ и про баталіи съ экономкой.

Кстати надо прибавить, что пьесу «Богъ войны» поставилъ въ своемъ театрѣ сэръ Гербертъ Три (онъ же игралъ графа Торгрима). Сэръ Гербертъ, какъ я упомянулъ уже, теперь ставитъ *Орфея въ аду*.

Мы видѣли, что, хотя отдѣльнымъ лицамъ удавалось написать талантливыя вещи, но это не спасло англійскій театръ отъ полнаго одряхлѣнія. Хорошимъ доказательствомъ является эволюція *мюзикъ-холла* за послѣднія пятнадцать лѣтъ. Прежде въ Англіи были театры (мелодрама, комедія, фарсъ и «музыкальная комедія») и *мюзикъ-холлъ*. Затѣмъ постепенно мюзикъ-холлъ началъ вторгаться въ область театра. Мюзикъ-холлы имѣли колоссальный успѣхъ, и владѣльцы ихъ тоже проявили «исканія». Рядомъ съ клоунами, акробатами, дрессировщиками собакъ и куръ, фокусниками, куплетистами и танцорами, директоры мюзикъ-холловъ стали приглашать знаменитыхъ оперныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, драматическихъ артистовъ съ міровымъ именемъ и великихъ композиторовъ. *Мюзикъ-холлы* платятъ бѣшеныя деньги, и знаменитости, послѣ нѣкоторой нерѣшительности, пошли. Гдѣ выступаетъ Режанъ? Въ *мюзикъ-холлѣ*. Гдѣ декламируетъ Сара Бернаръ, держа въ вѣчномъ страхѣ публику, что вотъ-вотъ разсыплется? Въ *мюзикъ-холлѣ*. Гдѣ дирижируетъ Леонкавалло при постановкѣ «Паяцовъ»? Опять же въ *мюзикъ-холлѣ*. По закону мюзикъ-холлы могутъ ставить только такіе эскизы, которые занимаютъ не больше сорока минутъ. И вотъ «исканія» первоклассныхъ драматурговъ сводятся не только къ тому, чтобы уложить свою мысль въ архаическую, неуклюжую, фальшивую и неудобную рамку, но и къ тому, чтобы пьеса продолжалась ни на секунду больше, чѣмъ 40 минутъ. «Паяцы» продолжаются больше 40 минутъ, но директоръ предложилъ композитору урѣзать дѣтище, и Леонкавалло согласился. Зато гонораръ онъ получилъ прямо-таки безумный. *Паяцы*, дирижируемые Леонковалло, сцена изъ «Ѳеодоры» съ Сарой Бернаръ, «Какъ она лгала своему мужу» Бернарда Шоу (и онъ пошелъ въ *мюзикъ-холлъ*!) являются «нумерами» программы. До «Паяцовъ» какой-то «профессоръ» выводитъ дрессируемыхъ моржей, а послѣ оперы (безъ всякаго антракта) выходятъ два клоуна, переодѣтые

бабами, и начинаютъ закатывать другъ другу затрещины и пинки въ сѣдалище. «Эскизъ», въ которомъ выступаетъ Сара Бернаръ, зажатъ между «нумерами» комическаго куплетиста и артиста, играющаго на роялѣ... носомъ.

Противъ «исканій» мюзикъ-холловъ начали походъ директоры театровъ: Лина Ашвель, сэръ Гербертъ Три, Джорджъ Александръ и др. Всѣ они исходятъ изъ положенія, что мюзикъ-холлы, ставя «эскизы», подрываютъ дѣла театровъ. Ежегодно, когда мюзикъ-холлы должны обновить свои патенты и когда каждый можетъ опротестовать выдачу ихъ, директоры театровъ дѣлаютъ это. Передъ началомъ 1912 года директоры проявили особую настойчивость; но окончательно проиграли дѣло. И когда директора театровъ убѣдились, что дѣло проиграно окончательно, они сами пошли по слѣдамъ мюзикъ-холловъ: на дняхъ директоръ лондонскаго *Shakespeare Theatre* просилъ выдать ему патентъ на введеніе, кромѣ драмы, еще «нумеровъ», т. е. танцевъ и куплетовъ. Сэръ Гербертъ Три рѣзко осуждалъ серьезныхъ драматическихъ актеровъ, которыхъ колоссальные гонорары соблазняютъ выступать въ *мюзикъ-холлахъ*. Теперь сэръ Гербертъ самъ соблазнился и съ этой недѣли выступаетъ въ драматическомъ эскизѣ въ мюзикъ-холлѣ *Паласъ*.

Мы видѣли, какъ другой союзникъ, ставшій потомъ врагомъ той, съ которой былъ соединенъ нѣсколько вѣковъ, одряхлѣлъ. Старикъ театръ можетъ еще прикинуться то глубокомысленнымъ, то воинственнымъ, то сантиментальнымъ. Онъ можетъ еще притвориться, будто молодѣетъ, вспоминая то время, когда Панъ училъ человѣчество «летать». Старикъ можетъ даже кряхтя проплясать забубенный танецъ, вспомнивъ старинную бравурную пѣсенку:

Evohé! Bacchus m'inspire,
Je sens en moi
Son saint délire!
Evohé! Bacchus est roi!

Но пусть эта прыть никого не обманетъ. Время старика *прошло*. Онъ—зажившійся обломокъ другой эпохи, другого общественнаго строя. Старикъ *умираетъ*. И когда у него началась агонія, ее называли совершенно неподходящимъ терминомъ «исканія». По поводу страннаго термина ученые нѣмцы пишутъ длинныя диссертаціи, причемъ выходитъ, что «исканія» это—замѣна полотна съ намазанными деревьями ширмами. Какъ будто не все равно, во что завернуть трупъ: въ бѣлый ли саванъ или въ лиловую хламиду, обшитую бахромой? Во что ни заворачивайте тѣло, застывшія мышцы не станутъ упругими, не забьется похолодѣвшее сердце, не потечетъ по венамъ и артеріямъ горячая кровь, не заблестятъ стеклянные глаза! Я видѣлъ въ Лондонѣ «Сумурумъ», другое «исканіе» Макса Рейнгардта. Это—тоже пьеса безъ словъ, но только построена

она не на религіозной, а на арабской сказкѣ. «Исканія» проявились, между прочимъ, въ томъ, что дѣйствующія лица выходили на сцену не изъ за кулисъ. Я опоздалъ нѣсколько, и занавѣсъ уже взвился. Въ корридорѣ у ложъ бенуара я нашелъ шейковъ, евнуховъ, воиновъ и носильщиковъ, выстроенныхъ въ рядъ. Чтобъ попасть на сцену, они проходили по украшеннымъ бумажными цвѣтами длиннымъ мосткамъ, перекинутымъ черезъ весь театръ. Сидя въ креслахъ, я могъ видѣть толстыя и поджарыя ноги, намазанныя охрой и сурикомъ. И были зрители, находившіе все это «оригинальнымъ» и «смѣлымъ»!

Старикъ одряхлѣлъ. И вотъ наступаетъ заключительный моментъ. Символомъ, о которомъ, конечно, не думали ни Максъ Рейнгардтъ, ни Карлъ Фолльмеллеръ, является послѣдняя сцена мистеріи «Чудо», когда оборванная, постарѣвшая монахиня, послѣ ряда приключеній, возвращается въ старый соборъ. Умирающій старикъ—театръ, послѣ четырехъ вѣковъ, встѣчается съ дряхлой, тоже дышащей на ладонъ, старухой, съ которой шесть вѣковъ жилъ въ согласіи, покуда союзники не поссорились и не стали врагами не на жизнь, а на смерть. Умирающій протягиваетъ руки къ умирающей. Театръ возвращается къ мистеріи, притомъ къ примитивной. Онъ снова ищетъ вдохновенія въ церкви. Кругооборотъ завершенъ и не начнется снова. Театръ не можетъ возродится въ мистеріи, такъ какъ нѣтъ главнаго, что давало шесть вѣковъ назадъ такой глубокій смыслъ наивнымъ по формѣ пьесамъ: нѣтъ вѣры.

Вотъ мысли, на которыя навело меня представленіе «Чуда», поражающее своимъ блескомъ и грандіозностью.

Діонео.

Хроника внутренней жизни.

1. «Остается Россія». —2. Изъ рѣчи П. Н. Дурново. Ликвидація по вѣдомству народнаго просвѣщенія. Желательныя и нежелательныя дѣти.—3. О нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ школьной политики. Режимъ для учителей.—4. Народное просвѣщеніе и логика борьбы съ крамолой. Лозунгъ г. Говорухи-Отрока и его практическое примѣненіе.—5. Школьные исполнители предначертаній по борьбѣ съ крамолой.

«Міровая жизнь перестраивается на новыхъ началахъ, которыя и должны привести человѣчество на край гибели... Турція и Персія преобразуются по масонскому шаблону. И даже... Китай увлеченъ общимъ революціоннымъ теченіемъ... Остается Россія,—хранительница православія, хранительница той животворной силы, которая одна только можетъ спасти міръ отъ близкой гибели. Что-

то будетъ съ ней? Устоитъ ли она передъ всесокрушающимъ напоромъ революціоннаго и антихристіанскаго теченія?»

Такъ плачетъ синодальный миссіонеръ Скворцовъ въ «Колоколѣ». Въ порывѣ скорби, разумѣется, извинительно не замѣтить, что Россія остается не одна. Есть еще Абиссинія. Можно отыскать и нѣкоторыхъ другихъ естественныхъ союзниковъ. Турція противъ «антихристіанскаго теченія» не устояла, Персія не устояла, Китай не устоялъ, а Сіамъ стоитъ, Афганистанъ стоитъ, Бухара и Марокко держатся. Впрочемъ, это и не такъ важно. Пусть даже Россія остается одна. Что-жъ дѣлать,—немного насъ, но мы славяне. Вотъ только—стоитъ ли Россія твердо, непоколебимо, какъ столбъ, какъ земля на трехъ китахъ? Что въ народной жизни происходятъ сложные процессы развитія и движенія,—объ этомъ, конечно, спора быть не можетъ. И намъ съ г. Скворцовымъ нечего другъ отъ друга отечественные грѣхи утаивать: въ народѣ и у насъ есть большое стремленіе къ переустройству на новыхъ началахъ; маленькое ослабленіе надзора,—и у насъ неминуемо заведутся «масонскіе шаблоны». Если кто стоитъ непоколебимо и сопротивляется «духу времени», если кто «можетъ спасти міръ отъ гибели», то лишь охранительная Россія,—нѣкоторая часть россійскаго населенія, и притомъ, говорятъ, не слишкомъ многолюдная. Въ ней, и только въ ней, вся надежда спасти и отечество, и весь міръ. Но, повторяю, стоитъ-ли она, или движется? И если не стоитъ и движется, то куда? Попытаемся припомнить нѣкоторые факты.

Вотъ дано окончательное направленіе дѣлу еврея Бейлиса по обвиненію его въ убійствѣ съ ритуальною цѣлью. И признаться, я затрудняюсь понять, въ какомъ вѣкѣ отъ Рождества Христова живетъ та «Россія», которая, во что бы то ни стало, желаетъ создать ритуальный процессъ и, сверхъ того, спасти отечество и міръ отъ революціонной гибели. Убитъ мальчикъ,—ищите убійцу и судите, этого требуетъ государственный порядокъ. Убитъ, если вѣрить газетнымъ описаніямъ, звѣрски. Возможно,—бываютъ напр., убійцы-садисты; съ уголовной точки зрѣнія, это—важное отягчающее вину преступника обстоятельство. Вполнѣ вѣроятно, что въ средніе вѣка этому дѣлу былъ бы приданъ ритуальный характеръ: первобытныя средства сообщенія, неподвижность населенія, повальная неграмотность, и, вслѣдствіе этого, незнакомство одного народа съ жизнью другого, открывавшее дорогу для всевозможныхъ фантастическихъ предположеній, подозрѣній и легендъ... Но предъявлять подобныя обвиненія при существованіи желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, телефоновъ, ротаціонныхъ машинъ, повсемѣстнаго распространенія прессы, тѣснѣйшаго и повседневнаго соприкосновенія и взаимнаго знакомства народовъ... Конечно, полудикіе люди, въ культурномъ смыслѣ не ушедшіе отъ среднихъ вѣковъ, есть понынѣ. Въ глухихъ закоулкахъ и понынѣ возможны и обвиненія въ ритуальныхъ убійствахъ, и суды надъ вѣдьмами. Но

процессъ Бейлиса не есть нѣчто захолустное. Ему явно желаютъ придать всероссійскій характеръ. Это—боевое выступленіе охранительной Россіи; ея виднѣйшіе и приватные, и высокоофиціальные дѣятели настаиваютъ на обвиненіе, нелѣпость котораго давнымъ давно доказана и очевидна для каждаго современнаго намъ культурнаго человѣка. Одно изъ двухъ: 1) если группы и лица, настаивающія на этомъ обвиненіи, вѣрятъ въ него, то ихъ умственное развитіе очень отстало отъ вѣка, и по отношенію къ нимъ необходимо выполнить чисто культурную миссію,—школы, напр., для нихъ построить или общеобразовательные курсы завести; 2) если они знаютъ, какъ вопросъ о ритуальныхъ убійствахъ рѣшенъ наукой, если они возбуждаютъ дѣло ради какихъ-либо заднихъ цѣлей, то французскіе охранители, провалившіеся на дѣлѣ Дрейфуса, были все таки умнѣе: сами себя обвиненіями въ средневѣковомъ невѣжествѣ не позорили. По словамъ газетъ, г. Замысловскій со своими друзьями и единомышленниками особенно старается произвести дѣломъ Бейлиса скандалъ на весь міръ. Кто же эти Замысловскіе и К°? Тайные-ли враги охранительной Россіи, желающіе ее опозорить? Услужливые ли друзья, которые опаснѣе враговъ? Или люди, въ культурномъ отношеніи, не вышедшіе изъ состоянія средневѣковаго младенчества?

Къ какому вѣку они принадлежатъ? Какую вѣру исповѣдуютъ? Г. Скворцовъ называетъ православной и христіанской группу, которая, по его мнѣнію, твердо стоитъ на мѣстѣ и тѣмъ можетъ спасти міръ. И этотъ пунктъ, казалось бы, не долженъ возбуждать сомнѣній. И еще не такъ давно это было безспорнымъ. Но вотъ цѣлый рядъ православныхъ священниковъ изъ неурожайныхъ губерній непрестанно жалуется: даже имъ, пастырямъ церкви, запрещаютъ помогать ихъ голодающимъ прихожанамъ и духовнымъ чадамъ; у нихъ, у пастырей, отбираютъ деньги, собранныя на пропитаніе голодныхъ пасомыхъ; ихъ, пастырей, обязываютъ подпиской закрывать только что открытыя столовыя для бѣднѣйшихъ прихожанъ; мало того, ихъ, пастырей, преслѣдуютъ за самое намѣреніе помочь духовнымъ чадамъ. Въ газетахъ то и дѣло приходится читать:

Слобода Николаевская, Астраханской губерніи. Мѣстный священникъ и фельдшеръ стали выдавать пособія голодающимъ. Явился приставъ; грозя увольненіемъ и арестомъ, отобралъ подписку, что помощь голоднымъ будетъ прекращена; затѣмъ къ фельдшеру на квартиру нагрянулъ урядникъ съ двумя стражниками и т. д. *).

Сердобскъ. У священника села Студеновки о. Юнаковскаго произведенъ обыскъ. Причина—составленіе списка голодающихъ Студеновки **).

Эти мѣры, возникнувъ съ осени прошлаго года въ неурожайныхъ губерніяхъ, нынѣ начинаютъ принимать характеръ повсемѣстный

*) «Утро Россіи», 31 декабря 1911.
**) «Русское Слово», 13 января 1912 г.

и общій. Недавно въ Диканькѣ, Полтавской губерніи, нѣкій добрый человѣкъ былъ тронутъ бѣдственнымъ положеніемъ мѣстныхъ вдовъ и сиротъ. Желая помочь имъ, онъ обратился къ приходскому батюшкѣ съ просьбой о содѣйствіи. И батюшка отвѣтилъ: *«не имѣю на это разрѣшенія»* *). Православный священникъ не смѣетъ безъ разрѣшенія полицейской власти помочь вдовамъ и сиротамъ своего прихода. Православнаго священника преслѣдуютъ за составленіе списка голодающихъ,—точнѣе, за простую попытку выяснить, кто изъ его прихожанъ бѣдствуетъ. Скажите любому иноземцу, что это происходитъ въ православномъ государствѣ, — онъ не повѣритъ. Да и невозможно вѣрить, ибо это прямое отступничество отъ основныхъ началъ православія, не только разрѣшающаго, но и обязывающаго совершать дѣла милосердія. Больше скажу: я былъ бы благодаренъ г-ну Скворцову, если бы онъ, въ качествѣ миссіонера, назвалъ хоть одну изъ существующихъ государственныхъ религій, которою можно было бы оправдать преслѣдованіе духовнаго лица за помощь единовѣрцу? Смѣю думать, что такой религіи, даже языческой, нѣтъ и быть не можетъ. Существуетъ, правда, вульгарный ницшеанизмъ съ его максимой: «падающаго толкни». Но это не религія. Да Ницше такъ прямо и называлъ себя антихристомъ.

Въ средневѣковье ушли. Главнѣйшія этическія основы въ вѣрѣ отцовъ, мало сказать, забыли, — прямо отвергли. И все таки г. Скворцовъ собирается что-то спасать отъ напора. Но что именно? Вопросъ на первый взглядъ странный. Какъ что спасать? Есть извѣстные законы, есть извѣстный порядокъ, поддерживаемый и укрѣпляемый извѣстными органами государственной власти: правительство, Совѣтъ, Дума и т. д. Да, это есть. Но что именно спасать,—все таки неясно. Вотъ 15 января началась послѣдняя сессія третьей Думы. На эту сессію, какъ на послѣднюю, выпала ликвидація старыхъ запросовъ. И Дума то подавляющимъ большинствомъ, то единогласно или почти единогласно принимаетъ формулы: дѣйствія администраціи незакономѣрны, объясненія правительства неудовлетворительны, «товарищъ министра вноситъ совершенно неправильное освѣщеніе», «министръ не принялъ никакихъ мѣръ къ возстановленію правъ невинно осужденнаго», администрація незаконно вмѣшивается «въ гражданскія правоотношенія между княземъ Амилахвари и крестьянами», и т. д. Даже сами представители правительства въ отдѣльныхъ случаяхъ не отрицаютъ, что беззаконіе произошло, но министерство ничего не могло подѣлать. А помимо всѣхъ этихъ частностей, лидеръ правительственнаго большинства, г. Гучковъ даетъ въ публичномъ засѣданіи Думы съ трибуны такую общую характеристику создавшагося порядка:

„Господа, тяжелые и жуткіе дни переживаетъ Россія, глубоко взволно-

*) „Современное Слово“ 15 января 1912 г.

вана народная совѣсть, какіе-то мрачныя призраки средневѣковья встали предъ нами. Неблагополучно въ нашемъ государствѣ. Опасность грозитъ нашимъ народнымъ святынямъ. А гдѣ же они, охранители этихъ святынь: святыни алтаря и святыни трона? Почему безмолвствуетъ голосъ іерарховъ? Почему бездѣйствуетъ государственная власть"? *)

Что случилось? Нашествіе иноплеменниковъ? возстаніе? масоны? революціонеры? Ничего подобнаго,—просто въ Петербургѣ проживаетъ малограмотный сибирскій крестьянинъ, по имени Григорій Распутинъ, которому приписываютъ черезчуръ оригинальное отношеніе къ седьмой заповѣди. И, по мнѣнію, повторяю, не кадета, не лѣваго, а лидера правительственнаго большинства, этого достаточно, чтобы святыни оказались въ опасности, и въ Россіи настали тяжелые и жуткіе дни. Если такъ, если отъ столь ничтожныхъ причинъ возникаютъ такіе ужасы, то что же это за государственность, что это за порядокъ? При извѣстныхъ условіяхъ можно понимать подобныя самообличенія и самобичеванія. Люди говорятъ: да, у насъ много грѣховъ, признаемъ ихъ, раскаемся всенародно и потщимся очиститься отъ нихъ. Въ публичномъ покаяніи, соединенномъ съ намѣреніемъ исправиться, иногда бываетъ много трогательнаго. Но въ данномъ случаѣ ни малѣйшаго намѣренія исправиться не видно. Да и на раскаяніе не похоже: преимущественно по средамъ, съ открытіемъ засѣданія въ Таврическомъ дворцѣ, одинъ органъ власти, Дума, выноситъ противъ другого органа правительства, болѣе или менѣе тяжкія обвиненія въ беззаконіи; потомъ предсѣдатель закрываетъ засѣданіе, разговоры прекращаются, и все, какъ было, такъ и остается. Не видно, чтобы весьма тяжкія формулы кого-либо безпокоили или имѣли какія-либо послѣдствія. Если такъ, то что же противопоставить «масонскимъ шаблонамъ»? Что защищать отъ напора? Порядокъ, при которомъ представители администраціи могутъ безнаказанно ниспровергать даже законы о собственности? Устройство, при которомъ органы государственной власти предаются завѣдомо безплодному, по публичному самообличенію и самобичеванію? Твердыни, существованію которыхъ, по отзыву лидера правительственной партіи, грозитъ ничтожнѣйшее дуновеніе вѣтра, взмахъ воробьиныхъ крыльевъ? Гроза надвигается. Ганнибалъ у воротъ. Надо спасать, а что—неизвѣстно. До такой степени неизвѣстно, что въ печати, и притомъ не всегда лѣвой, существуетъ цѣлый рядъ догадокъ и предположеній. Относительно нѣкоторыхъ чиновъ синодальнаго вѣдомства предполагаютъ, что имъ интересно не столько православіе, вѣра или иныя высокія цѣнности, сколько установившееся распредѣленіе церковныхъ суммъ, вслѣдствіе коего миссіонеры обзаводятся прекрасными дачами въ Крыму. О цѣлыхъ бытовыхъ группахъ предполагаютъ, что для нихъ опять таки важны не какія-либо высокія истины, а возможность суще-

*) Рѣчь г. Гучкова въ засѣданіи Думы 25 января 1912 г. Цит. по „Рѣчи", 26 января.

ствовать въ значительной мѣрѣ за счетъ государства. Въ преимущественномъ интересѣ къ «темнымъ деньгамъ» обвиняютъ другъ друга сами охранители. Если бы подлежащія спасанію общегосударственныя цѣнности и блага были извѣстны, ясны, то, разумѣется, подобныя обвиненія и предположенія не имѣли бы того кредита, какимъ они теперь пользуются. Спасать-то единомышленники г. Скворцова спасаютъ, но нѣчто такое, что легче подразумѣвать, чѣмъ называть.

Конечно, мы не дѣти. Можемъ понимать и подразумѣваемое. О спасеніи міра отъ гибели говорится больше для краснорѣчія. Гдѣ ужъ чужихъ ребятъ качать,—свои кричатъ. Россію же г.г. Скворцовы хотятъ спасти вовсе не отъ гибели, а, приблизительно, отъ слѣдующихъ напастей: отъ всеобщаго избирательнаго права, отъ организаціи общественнаго контроля, который охранялъ бы законность, отъ отмѣны исключительныхъ положеній и возврата къ нормальному порядку управленія, отъ неприкосновенности личности, отъ свободы совѣсти, слова, собраній, союзовъ и т. д. И ни причемъ тутъ ни масоны, ни революціонеры. Эти не напасти, а блага признаны необходимыми для страны въ извѣстныхъ оглашенныхъ во всеобщее свѣдѣніе актахъ верховной власти. Но такъ какъ съ несомнѣнностью выяснилось, что эти политическія блага должны привести къ большимъ соціальнымъ реформамъ и перемѣнамъ, то страхъ соціальныхъ реформъ и перемѣнъ и есть главная движущая пружина въ системѣ охранительнаго мышленія.

Значитъ, извѣстно, что́ именно они спасаютъ. Только спасаніе-то чѣмъ дальше, тѣмъ больше походитъ на потрясеніе: спасали Столыпина отъ революціонеровъ, а въ тылу очутилась охрана. Святыни алтаря спасали отъ враговъ слѣва, — кстати сказать, воображаемыхъ, ибо никто слѣва и не собирался ихъ осквернять. А пришла гроза, какъ увѣряетъ г. Гучковъ, совсѣмъ съ другой стороны. Говорили: церковь православная должна быть государственной и господствующей; это—conditio sine qua non; только въ этихъ предѣлахъ допустимо осуществленіе свободы совѣсти, если оно вообще допустимо. Во имя этого лозунга воевали съ иновѣрцами, съ инославцами, со старообрядцами, съ сектантами, со свободомыслящими, со многими иными дѣйствительными и воображаемыми противниками. Но пришелъ урядникъ, и «разъяснено» обязательное велѣніе божественнаго закона: кормите алчущихъ, поите жаждущихъ. На огромномъ пространствѣ Россіи въ необыкновенно убѣдительной для голодающаго, въ большинствѣ православнаго, населенія формѣ разъясняется и внушается чинами полиціи: завѣты Евангелія, законъ, признаваемый церковью божественнымъ, подчинены усмотрѣнію станового пристава или земскаго начальника. Почему такія дѣйствія не считаются опаснѣйшей противоправительственной пропагандой,—судить не берусь. Но принципъ-то государственной церкви какъ укрѣпили! Навѣрное, самарскіе

или оренбургскіе крестьяне плохо понимали, что такое государственная церковь. Ну, а теперь, чай, будутъ знать—хорошо объяснилъ г. урядникъ. А что значитъ: *господствующая* церковь? Созвали съѣздъ старообрядцевъ-единовѣрцевъ,—въ нѣкоторомъ родѣ соборъ, и притомъ организованный по лучшимъ завѣтамъ церковной старины: съ представительствомъ и отъ мірянъ, и отъ пастырей. На предсѣдательскомъ мѣстѣ православный архіепископъ; присутствуютъ миссіонеры синода. И все бы хорошо, да явилась обидная мысль: у старообрядцевъ соборы, съѣзды, дѣятельная приходская жизнь; у нѣкоторыхъ сектантовъ тоже; а у православныхъ нѣтъ ничего: священникъ да «отдѣльные прихожане»—вродѣ «отдѣльныхъ посѣтителей», каковыми считаютъ студентовъ университета. Частенько даже церковнаго старосту избрать по своему вкусу не разрѣшается. Потому—*господствующая* церковь. Негосподствующіе живутъ общественно, думаютъ, совѣщаются, перестраиваютъ, наравнѣ съ цѣлымъ міромъ, свою жизнь на новыхъ началахъ. Для господствующихъ—неугодно ли исторію Гермогена съ Иліодоромъ, разыгрываемую въ теченіе почти мѣсяца, при участіи какихъ то дамскихъ религіозныхъ салоновъ, докторовъ тибетской медицины, астрологовъ, странниковъ, юродивыхъ, цирковыхъ атлетовъ... Г. Гучковъ правильно замѣтилъ, что встаютъ «мрачные призраки средневѣковья». Только средневѣковье-то это типично-византійское, съ его цирковыми партіями, «зелеными», «голубыми», евнухами, случайными дамами, съ затѣйливымъ переплетомъ интригъ, на почвѣ которыхъ, нерѣдко по пустопорожнимъ поводамъ, выростали цѣлыя событія, потрясавшія и церковь, и государство.

Исторія Гермогена съ Иліодоромъ не настоящее потрясеніе. Еще одинъ ударъ по престижу и буря въ стаканѣ. Но это лишь начало. Продолженіе слѣдуетъ. «Камарилью», игру закулисныхъ бюрократическихъ интригъ мы давно знаемъ. Организація и собираніе союзниковъ, якшанье съ Гамзѣями, съ полезными или производящими впечатлѣніе людьми изъ низовъ внесли новый элементъ въ замкнутые прежде кружки сановной знати,—явились странники Мити, Иліодоры и т. д. Этотъ пришлый элементъ вплелся въ сѣть интригъ, организовалъ «мнѣніе народа», посылку депутацій, телеграммъ, петицій. И появилась закулисная интрига нѣсколько новаго типа. Объ ея характерѣ вначалѣ можно было лишь догадываться. Но, съ выступленіемъ на арену знаменитаго «салона гр. Игнатьевой» и особенно послѣ неудачъ бывшаго саратовскаго губернатора гр. Татищева, стало довольно ясно, что стиль получается византійскій. Теперь онъ опредѣлился еще яснѣе. Если именно эту отчасти новую закулисную величину, именно этотъ «призракъ средневѣковья» г. Гучковъ разумѣлъ, говоря о «тяжелыхъ и жуткихъ дняхъ», то съ нимъ трудно спорить. Штука, дѣйствительно, опасная, чреватая всякими прелестями, которыя извѣстны каждому, кто знакомъ съ исторіей Византіи.

Думалъ ли, могъ ли думать когда-нибудь Столыпинъ, что «приметъ онъ смерть отъ коня своего»? Едва ли и кудесники предсказывали ему это. Еп. Гермогенъ, почти 10 лѣтъ посвятившій истерической борьбѣ съ «революціонерами», могъ ли думать, что онъ найдетъ своего Кулябку? Г. Гучковъ, когда онъ привѣтствовалъ введеніе военно-полевыхъ судовъ, предполагалъ ли хоть на минуту, что ему придется дрожать отъ страха передъ какими-то призраками какого-то средневѣковья? Предполагали ли всѣ вообще охранители, что машина, организованная ими, повезетъ ихъ назадъ, въ глубь прошедшихъ вѣковъ, къ утратѣ культурнаго облика, и, сверхъ того, какъ сооруженіе противоестественное, будетъ ихъ самихъ взрывать на воздухъ? Догадываются ли хоть теперь, что частичные взрывы лишь начало? Повидимому, немножко и временами догадываются. Но вѣдь у нихъ есть чѣмъ и утѣшить себя:

— Вотъ не допустили таки «масонскихъ шаблоновъ», добились того, что важнѣйшія обѣщанія манифеста 17 октября понынѣ невыполнены, устроили такъ, что Россія остается одна, хотя вся «міровая жизнь перестраивается на новыхъ началахъ».

Для нихъ это сознаніе, кажется, должно быть сладкимъ.

II.

«Благоволите оглянуться кругомъ:

со всѣхъ сторонъ горизонтъ покрытъ мрачными тучами: на сѣверѣ мятежная провинція, которая никого и ничего не хочетъ слушать; на западѣ вооруженныя съ ногъ до головы могущественныя государства; на югѣ и востокѣ горятъ пожары, грозящіе намъ близкою опасностью»...

Въ столь страшное время нужны деньги, деньги и деньги. Достаточно ли у насъ денегъ? Что мы видимъ?

„Существующія крѣпости упраздняются, а новыя не воздвигаются. Нѣтъ новыхъ ассигновокъ на предметъ обученія войскъ. 60 процентовъ арміи ютятся кое-какъ, не имѣя хорошихъ помѣщеній, такъ какъ нѣтъ средствъ на постройку казармъ. Трехлѣтняя служба войска лишаетъ возможности призыва войскъ къ полицейскимъ обязанностямъ. Слѣдовательно, надо имѣть хорошую полицію, а для этого средствъ также не хватаетъ».

Даже на полицію не хватаетъ, а между тѣмъ,

«увлекаемыя какимъ-то бурнымъ потокомъ разныхъ теоретическихъ утопій, наши общественныя учрежденія... стремятся неудержимо къ увеличенію расходовъ на народное начальное и всякое другое образованіе».

Такъ говорилъ П. Н. Дурново въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 26 января*). Оглянувшись вообще кругомъ, благоволите обратить, въ частности, болѣе пристальное вниманіе на то, какъ «мятежная провинція», «увлекаемая какимъ-то бурнымъ потокомъ

*) Цит. по „Голосу Москвы", 27 января.

разныхъ теоретическихъ утопій», стремится къ «народному начальному и всякому другому образованію». Происходитъ нѣчто ужасное. Беру для иллюстраціи офиціальную бумагу нолинскому земству отъ бывшаго казанскаго, а нынѣ кіевскаго попечителя учебнаго округа г. Деревицкаго. Нолинское земство просило разрѣшенія открыть параллельные классы при мѣстной женской гимназіи. Въ отвѣтъ на это г. Деревицкій прислалъ нѣчто вродѣ обвинительнаго акта. Оказывается, напр., что вятское губернское и уѣздныя земства всемѣрно стремятся къ тому, чтобы среднюю школу сдѣлать «возможно болѣе доступной для населенія». Мало имъ начальныхъ училищъ,—они хотятъ и среднюю школу сдѣлать доступной. Правда, начальствомъ установлено серьезное препятствіе,—«такъ какъ плата за ученіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ для многихъ родителей непосильна или обременительна». Но земства, въ нарушеніе установленнаго порядка, стараются «обученіе въ средней школѣ сдѣлать или совершенно безплатнымъ, или низвести плату за ученіе до возможнаго минимума».

„Такъ, изъ... вѣдомости усматривается, что, напр., въ кукарской женской гимназіи дѣти жителей слободы Кукарки обучаются въ I—IV классахъ безплатно".

Совсѣмъ безплатно!..

„Равнымъ образомъ, въ орловской женской гимназіи плата за ученіе для различныхъ категорій плательщиковъ установлена въ размѣрѣ 2, 3, 5, 10, 15 рублей... Столь же низка плата за ученіе въ глазовской женской гимназіи (6 р.), царевосанчурской прогимназіи (4—12 р.), въ котельнической гимназіи (10—15 р.) и др".

Вслѣдствіе такого нежелательнаго и вреднаго, по мнѣнію Деревицкаго, нарушенія порядка, вятскія среднія учебныя заведенія наполнены учащимися изъ крестьянской, наименѣе культурной среды:

„такихъ учениць въ воткинской гимназіи 90%, въ омутнинской прогимназіи 87%, въ кукарской гимназіи 80%, въ орловской—67%" и т. д.

Зло легко бы пресѣчь. «Дѣти изъ столь некультурной среды, какъ мѣщанская и особенно крестьянская, являются на пріемныя испытанія чаще всего съ очень слабою подготовкой». Ихъ на экзаменѣ легко рѣзать. Но земства и тутъ нарушаютъ порядокъ— пускаютъ въ ходъ всѣ зависящія отъ нихъ средства, чтобы «склонить (экзаменаціонныя требованія) въ сторону снисходительности».

„Мѣра этой снисходительности, по донесенію одного изъ предсѣдателей педагогическаго совѣта, иллюстрируется такими числовыми данными: на весеннихъ испытаніяхъ въ 1908 г. было зачислено кандидатками на поступленіе 74% всѣхъ экзаменовавшихся, въ 1909 г.—86%".

Въ 1908 г. порѣзали всего 26%. А въ 1909 г. и того меньше,— только 14%. Что же это такое? Куда мы идемъ? Въ заключе-

ніе г. Деревицкій приходитъ къ тому же по существу выводу, какой высказалъ и П. Н. Дурново въ Государственномъ Совѣтѣ:

„не объ открытіи новыхъ параллелей въ учебныхъ заведеніяхъ Вятской губерніи должна идти рѣчь, а о постепенномъ закрытіи существующихъ“ *).

Общее мятежное состояніе умовъ Вятской губерніи помощникъ попечителя казанскаго учебнаго округа г. Остроумовъ въ личной бесѣдѣ съ однимъ изъ мѣстныхъ дѣятелей опредѣлилъ кратко, но выразительно:

— Чортъ васъ возьми! Вы, кажется, у себя во всѣхъ деревняхъ гимназіи наоткрываете.

— Этому, ваше превосходительство, нужно только радоваться,—возразилъ г-ну Остроумову собесѣдникъ.

— Какому чорту тутъ радоваться-то? **)

Конечно, Вятская губернія занимаетъ нѣсколько исключительное положеніе: здѣсь нѣтъ или почти нѣтъ своего первенствующаго сословія, которое въ другихъ губерніяхъ, пользуясь предоставленными ему правами и возможностями, пресѣкаетъ пагубу излишняго движенія. Въ другихъ районахъ мятежной провинціи, гдѣ имѣется наслѣдственный оплотъ противъ «теоретическихъ утопій», дѣло такъ далеко не зашло. Однако, и въ этихъ районахъ населеніе воспользовалось годами смуты, чтобы сдвинуть вопросъ о народномъ образованіи съ мертвой точки. Подъ шумъ и грохотъ «успокоительной» политики, въ минуту, когда начальству было не до школьныхъ увлеченій, быстро росли начальныя училища, увеличивалось жалованье учителямъ, во многихъ селахъ стали появляться не только городскія училища, но и прогимназіи, даже гимназіи; многіе города, десятки лѣтъ безуспѣшно хлопотавшіе о разрѣшеніи имѣть среднюю школу, получили, наконецъ, желаемое. Возникло не мало частныхъ школъ, и притомъ иногда настолько доступныхъ, что обученіе въ нихъ стоитъ не дороже, чѣмъ въ школахъ казенныхъ. Въ казенныхъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ выросъ процентъ «кухаркиныхъ дѣтей». Возникло нѣсколько новыхъ высшихъ школъ. Возникли новыя организаціи для внѣшкольнаго образованія... Словомъ, несомнѣнно, сдѣланы нѣкоторыя количественныя завоеванія въ области народнаго образованія. Не такъ ужъ они крупны, но и не совсѣмъ ничтожны. Г. Дурново, безспорно, имѣетъ основаніе сокрушаться. Однако, не все же мрачно въ мятежной провинціи. Есть и отрадныя явленія. Ихъ легко замѣтить на примѣрѣ той же Вят-

*) Офиціальное отношеніе г. Деревицкаго на имя нолинской земской управы. Цит. по „Вятской Рѣчи“, 23 декабря 1911 г.

**) „Вятская Рѣчь“ (№ 16 ноября 1911 г.), откуда я заимствую этотъ разговоръ, увѣряетъ, что онъ воспроизведенъ „съ стенографической точностью“.

ской губерніи. Прискорбно стремленіе мѣстныхъ дѣятелей чуть не во всѣхъ Кукаркахъ заводить гимназіи (а на полицію расходовать не желаютъ). Но развѣ не отрадно видѣть, что вотъ и г. Деревицкій принялъ мѣры, и г. Остроумовъ пресѣкаетъ, и педагоги, посылаемые ими, потачки не даютъ. И это не въ одной Вятской губерніи. Вообще начальство спохватилось, и со временъ г. Шварца систематически, настойчиво стремится возстановить нарушенный порядокъ. Напору низшихъ, «некультурныхъ» сословій въ среднюю школу поставленъ дополнительный заслонъ: проводится тенденція повышать плату за ученіе. При существованіи частныхъ и, въ особенности, дешевыхъ школъ, это средство могло бы стать опаснымъ или, по крайней мѣрѣ, не достигающимъ своей цѣли. Но гг. Шварцъ и Кассо легко нашли способъ обезопасить свое дѣло съ этой стороны. Открытіе новыхъ частныхъ школъ тормозится. Относительно старыхъ и уже открытыхъ приняты мѣры. Общимъ распоряженіемъ на частныя учебныя заведенія распространено дѣйствіе циркуляровъ о процентной нормѣ для евреевъ. Евреи, не находящіе мѣста въ казенныхъ училищахъ, были выброшены и изъ частныхъ среднихъ школъ. Число учениковъ въ послѣднихъ понизилось. Учредители и содержатели, такимъ образомъ, оказались вынужденными повысить плату за ученіе. Богатыри мысли и дѣла на томъ не успокоились. Не такъ давно газеты описывали одинъ изъ пріемовъ, практикуемыхъ, между прочимъ, въ одесскомъ округѣ. Начальству не нравится та или иная частная средняя школа. Учебный округъ располагаетъ педагогами, которые знаютъ, какъ надо дѣйствовать въ этихъ случаяхъ. Въ школу, признанную лишней или неподходящей, попечитель округа назначаетъ одного изъ такихъ спеціалистовъ директоромъ, инспекторомъ или предсѣдателемъ педагогическаго совѣта; два или три другихъ спеціалиста назначаются въ качествѣ учителей.

Любимцы округа. получивъ назначеніе въ намѣченную къ закрытію гимназію, начинаютъ заводить въ ней свои порядки... На учениковъ начинаютъ сыпаться за каждый пустякъ строжайшія взысканія. Въ ихъ средѣ и въ средѣ родителей возникаетъ паника. Болѣе пугливые берутъ дѣтей и переводятъ въ другія учебныя заведенія... Количество учениковъ начинаетъ таять, средства истощаются, учредители попадаютъ въ безвыходное положеніе...

Нѣкоторые изъ такихъ спеціалистовъ по уничтоженію частныхъ училищъ пользуются славой, ихъ имена пріобрѣли популярность *). И, сколько я знаю, знаменитости этого рода есть не только въ одесскомъ учебномъ округѣ. Вотъ что пишетъ, напр., «Кіевская Мысль» о дѣятельности только что вышедшаго въ отставку попечителя кіевскаго учебнаго округа, г. Зилова:

*) „Рѣчь“, 28 декабря 1911 г.

Онъ явился къ намъ съ опредѣленной программой ликвидаціи частныхъ учебныхъ заведеній... И огромное поле его дѣятельности усѣяно мертвыми костями погибшихъ... Система разгрома проста и однообразна. Прежде всего—ревизія. Затѣмъ предложеніе объ устраненіи директора-учредителя и назначеніе, взамѣнъ его, новаго директора изъ своихъ людей. Отказъ отъ такого предложенія влечетъ за собою обязательное закрытіе *).

Откажешься принять на службу спеціалиста по изгнанію учениковъ—школа закрывается немедленно. Примешь спеціалиста—все равно закрытіе.

Кромѣ системы карательныхъ ревизій, широко примѣнялась еще система карательныхъ экзаменовъ подъ наблюденіемъ чиновника изъ округа **).

Чтобы получить извѣстныя права по образованію, ученикамъ частныхъ школъ надо выдержать экзаменъ въ присутствіи и подъ контролемъ оффиціальныхъ представителей министерства народнаго просвѣщенія, а эти послѣдніе такъ высоко держатъ знамя, что экзамены превращаются то въ «уманьскую рѣзню», то въ «бѣлоцерковскую осаду», то въ «полтавскую битву». Наконецъ, г. Зиловъ пользовался всякимъ вообще «законнымъ поводомъ», чтобы уничтожить нежелательную конкуренцію правительственнымъ учебнымъ заведеніямъ. Въ Черниговѣ женская гимназія закрыта, вслѣдствіе заявленія нѣкоторыхъ ея преподавателей, что представитель округа слишкомъ строго экзаменуетъ ученицъ ***).

Въ Тульчинѣ, когда скончался учредитель частной гимназіи, то учебному заведенію грозило закрытіе на томъ основаніи, что, если умеръ учредитель, то должна умереть и созданная имъ школа ****).

«Только благодаря заступничеству г. Балашева», законы о правахъ наслѣдниковъ и правопреемниковъ не были ниспровергнуты, и дѣти, обучающіяся въ тульчинской гимназіи, не лишились возможности продолжать образованіе. Но это, какъ выражается «Кіевская Мысль», «счастье», а счастье по самой природѣ своей—удѣлъ немногихъ.

Уже этихъ примѣровъ, полагаю, достаточно, чтобы судить, насколько односторонне освѣщена картина г-номъ Дурново. Есть «увлеченіе какимъ-то бурнымъ потокомъ разныхъ теоретическихъ утопій»; есть «неудержимое стремленіе». Но есть и надлежащій отпоръ и этимъ «утопіямъ», и этому «стремленію». О начальномъ образованіи у насъ рѣчь впереди. Но средняя школа сдѣлалась еще менѣе доступной, чѣмъ это было въ 1905 г. Повышается не только плата за ученье. Повышаются и требованія относительно форменной одежды. Помѣстивъ ребенка въ казенную среднюю школу, ро-

*) „Кіевская Мысль“, 4 января 1912 г.
**) Тамъ же.
***) „Русское Слово“, №№ 22 сентября и 5 октября 1911 г.
****) „Кіевская Мысль“, 4 января.

дители обязываются завести цѣлый гардеробъ: «зимняя форма», «лѣтняя форма», — послѣдняя въ нѣсколькихъ (не менѣе двухъ) экземплярахъ; мѣстами, когда объявлена обязательной «лѣтняя форма», ученикъ не смѣетъ надѣть зимнюю одежду; нельзя явиться въ бѣлой («лѣтней») курткѣ и темныхъ («зимнихъ») брюкахъ или въ «зимней» курткѣ при «лѣтнихъ» брюкахъ; мѣстами нельзя къ старой поношенной курткѣ сшить новыя брюки, ибо начальство строго слѣдитъ, чтобы не было ни малѣйшей разницы въ цвѣтѣ; если испортилась какая-либо часть костюма, то либо шей все новое, либо прекращай ученье. Еще строже въ женскихъ школахъ. «Саратовскія, напр., казенныя женскія гимназіи получили изъ казанскаго учебнаго округа модели — куклы гимназистокъ младшаго и старшаго классовъ въ форменныхъ костюмахъ, которыхъ гимназіи должны придерживаться неукоснительно» *).

«Покрой юбокъ разбивается по классамъ. Въ извѣстныхъ классахъ долженъ быть извѣстный фасонъ. Въ однихъ классахъ юбки должны быть пошире, въ другихъ поуже, — конечно извѣстнаго цвѣта». Шляпки должны быть «строго опредѣленнаго типа вплоть до ширины полей и мѣста для значка» **).

Съ каждымъ переходомъ изъ одного класса въ другой приходится такимъ образомъ обзаводиться наново. Само собою понятно, какъ это отражается на «малокультурныхъ сословіяхъ».

— Такъ вамъ не на что содержать вашу дочь? — спросила начальница балашевской гимназіи у матери одной ученицы.

— Нѣтъ.

— А *ты* чѣмъ занимаешься?

— Прачка.

— Удивительно! И прачки-то полѣзли въ гимназію. Сама прачка, — и дочь учи этому ремеслу. Пошла домой!..

— ...А вы чѣмъ занимаетесь? — спрашиваетъ та-же начальница другую мать.

— Я — учительница профессіональной школы.

— Портниха! Совѣтую вамъ взять дочь изъ гимназіи и обучать своему ремеслу. Она неспособна ***).

Нѣтъ, повторяю, напрасно г. Дурново видитъ только мрачныя явленія: много въ Россіи и свѣтлаго. Много «свѣтлаго» достигается мѣропріятіями, имѣющими такъ сказать, экономическое значеніе. Много дѣлается и средствами чисто педагогическими.

Въ оханской женской гимназіи ученицы изъ крестьянскаго сословія подвергнуты презрительному отношенію со стороны преподавателей, позволяющихъ себѣ насмѣшки надъ ихъ костюмомъ и выговоромъ. Это отмѣчено на уѣздномъ земскомъ собраніи въ докладѣ одного изъ инспекторовъ народныхъ училищъ ****).

---

*) «Школа и Жизнь», 14 ноября 1911 г.

**) Изъ практики Балашевской женской гимназіи, — «Саратовскій Вѣстникъ» 11 сентября 1911 г.

***) «Школа и Жизнь», 19 декабря 1911 г.

****) «Школа и Жизнь», 17 ноября 1911 г.

Насмѣшки надъ костюмомъ, сшитымъ не первоклассной, конечно, портнихой, надъ манерами и т. д. практикуются широко въ очень многихъ среднихъ школахъ. Но это, разумѣется, имѣетъ лишь нравственное значеніе. Существеннѣе то свойство кухаркиныхъ дѣтей, на которое указываетъ попечитель казанскаго учебнаго округа въ извѣстной уже намъ бумагѣ на имя нолинской земской управы: «мало подготовлены къ усвоенію учебнаго матеріала средней школы и мало развиты въ общекультурномъ и нравственномъ смыслѣ», мѣшаютъ «водворить» въ школахъ «должныя требованія въ учебновоспитательномъ отношеніи». Г. Деревицкій рекомендуетъ прекратить «снисходительное отношеніе» къ дѣтямъ на экзаменахъ. Но, само собою разумѣется, недопустимо снисходительное отношеніе и на урокахъ. На эту часть обращено большое вниманіе. Недавнимъ осеннимъ циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія предлагается «предъявлять къ ученикамъ серьезныя требованія, какъ касательно положеннаго въ программѣ учебнаго матеріала, такъ и исполненія ими назначенныхъ имъ письменныхъ работъ». Въ изустныхъ инструкціяхъ преподавателямъ мысль письменныхъ предложеній пріобрѣтаетъ болѣе полную выразительность. Такъ, напр., попечитель харьковскаго округа г. Соколовскій, ревизуя таганрогскую мужскую, гимназію,

усиленно рекомендовалъ возможно строже относиться къ неуспѣвающимъ ученикамъ, особенно старшихъ классовъ, предлагалъ помнить, что *«тройку нужно предпочитать четверкѣ, и двойку—тройкѣ»* *).

И преподаватели это помнятъ. Требовательность водворилась чрезвычайная. Ученическія самоубійства изъ-за строгостей, изъ-за двоекъ и единицъ стали эпидемическимъ явленіемъ русской жизни, Оппозиціонная и временами правая печать говоритъ о безчеловѣчіи, о водвореніи «педагогическихъ пріемовъ Ирода». Но, разумѣется, это огульное сужденіе легко опровергнуть. Да вотъ, напримѣръ, фактъ:

Въ Нижнемъ Новгородѣ въ мѣстномъ маріинскомъ женскомъ институтѣ дочь губернатора Хвостова не успѣвала въ нѣмецкомъ языкѣ. Г. Хвостовъ обратился въ Петербургъ, и *его дочь была освобождена отъ обученія нѣмецкому языку, несмотря на Высочайше утвержденныя правила объ обязательности* обученія послѣднему *для всѣхъ* воспитанницъ института**).

Ребенку изъ «хорошей, культурной» семьи всегда будетъ оказано снисхожденіе. «Культурнымъ» дѣтямъ, навѣрное, и харьковскій попечитель не поставитъ двойки, вмѣсто тройки. Это различіе надо имѣть въ виду. Г. Соколовскій ревизовалъ таганрогскую гимназію и предлагалъ дѣйствовать какъ можно строже, послѣ одной нашумѣвшей «исторіи»: директоръ въ присутствіи преподавателей,

---

*) «Утро Россіи», 12 декабря 1911 г.
**) «Школа и Жизнь», 12 декабря 1911 г.

членовъ родительскаго комитета и многихъ родителей собственноручно избилъ нѣсколькихъ учениковъ. А на обращенные къ нему по этому поводу вопросы и протесты отвѣтилъ:

— «Да, билъ и буду бить и выгонять».

Родители по телеграфу просили попечителя округа оградить дѣтей отъ кулачной расправы *). И слова г. Соколовскаго можно понимать, какъ косвенный отвѣтъ. Будь родители «культурнѣе», конечно, и директоръ не рискнулъ бы драться, да и попечитель округа послѣ такой исторіи не сталъ бы призывать учителей къ чрезвычайной строгости.

Въ январѣ нынѣшняго года газеты писали о другой школьной исторіи. Ученикъ мелитопольскаго реальнаго училища Миша Колубаевъ явился на уроки одѣтымъ не согласно правиламъ (брюки лѣтнія, а куртка зимняя). Начальство приказало немедленно переодѣться. Мальчикъ побѣжалъ домой. Но, когда вернулся, уроки уже начались, и вступило въ силу другое правило: опоздавшихъ не пускаютъ въ училище до окончанія урока. Разгоряченный бѣгомъ, одѣтый въ одну «лѣтнюю» куртку мальчикъ цѣлый часъ провелъ на холодѣ, передъ дверьми училища, ожидая, когда швейцаръ впуститъ. Въ результатѣ скарлатина и черезъ два дня смерть. На похоронахъ родители погибшаго назвали директора убійцей и за это привлечены къ судебной отвѣтственности. Судъ отнесся къ нимъ мягко,—приговорилъ всего къ штрафу въ 5 руб. Это дѣло, въ которомъ кругомъ виноватыми оказались родители погибшаго мальчика и вполнѣ правыми педагоги мелитопольскаго реальнаго училища, обратило на себя нѣкоторое вниманіе. Прогрессивная печать, какъ водится, поговорила о «безсмысленныхъ и глубокожестокихъ школьныхъ драмахъ» **). Надо, однако, замѣтить, что правила, подобныя мелитопольскому (не впускать опоздавшихъ или рано пришедшихъ учениковъ) отнюдь не новость. Во многихъ городскихъ, уѣздныхъ и тому подобныхъ училищахъ для низшихъ сословій эта мѣра примѣнялась давно. Теперь она проникла въ среднія школы, и ея умѣстность доказывается соображеніями, порою чрезвычайно оригинальными.

«*Двинскъ.* Директоръ реальнаго училища Оношко придумалъ способъ поддерживать въ помѣщеніи училища нормальную температуру. Онъ приказалъ сторожамъ не впускать и не выпускать учениковъ по одиночкѣ, а непремѣнно группами, не менѣе шести человѣкъ, мотивируя это распоряженіе тѣмъ, что *при болѣе рѣдкомъ открываніи дверей внутри лучше сохраняется тепло*" ***).

Конечно, дѣтей культурныхъ и благородныхъ родителей г. Кассо не позволитъ морозить и подвергать риску простуды изъ-за годичной экономіи въ нѣсколько десятковъ рублей на топливѣ. И если

*) „Русское Слово", 13 мая 1911 г.
**) „Кіевская Мысль", 4 января.
***) „Русское Слово", 17 января 1912 г.

въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ эта экономія стала больше значить, чѣмъ здоровье дѣтей, то именно потому, что въ среднюю школу «полѣзли» элементы некультурные и неблагородные. Кто же эти элементы? Попечитель казанскаго округа попытался дать уже извѣстную намъ цифровую справку: въ воткинской гимназіи 90% учениць изъ *крестьянской* среды и т. д. Но, разумѣется, справка эта страдаетъ нѣкоторой огульностью. Замѣнивъ сословный признакъ («крестьяне») профессіональнымъ (родъ занятій), мы получимъ болѣе точную картину. Даже въ вятскихъ дешевыхъ среднихъ школахъ значительная часть учащихся—дѣти торговцевъ, приказчиковъ, заводскихъ, земскихъ и городскихъ служащихъ, сельскихъ учителей, волостныхъ старшинъ и писарей и т. д. Для массоваго земледѣльца средняя школа—даже вятская—остается мало доступной роскошью, которою могутъ пользоваться лишь «крѣпкіе мужички»,—«сильные» столыпинской ставки. Въ школахъ обыкновенныхъ, а стало быть и дорогихъ, некультурнымъ элементомъ является тотъ же по существу разночинецъ, только болѣе крупный. Прачки и кухарки—исключеніе, а въ большинствѣ—торговцы, приказчики, мелкіе акцизные, почтовые и всякіе другіе чиновники, канцелярскіе служащіе, учителя низшихъ школъ, ремесленники, квалифицированные рабочіе. Вся эта «мелкота» въ экономическомъ смыслѣ часто стоитъ ниже, чѣмъ даже «крѣпкіе крестьяне». Тянется она буквально «изъ послѣднихъ жилъ» и тянется, — какъ давно замѣчено,—куда не слѣдуетъ. Еще министръ Уваровъ «соображалъ, нѣтъ ли способовъ затруднить доступъ въ гимназію для разночинцевъ». Еще тогда, при Уваровѣ, офиціальныя учрежденія и лица говорили объ этой средѣ то же, что теперь говоритъ и г. Деревицкій: она некультурна, неподготовлена, понижаетъ уровень средняго образованія и уже по одной этой причинѣ является элементомъ нежелательнымъ. Такъ было. Такъ и есть. Двѣ существенно различныя породы дѣтей, и два существенно различныхъ къ нимъ отношенія. Къ желательнымъ элементамъ начальство относится гуманно. Но нельзя же требовать, чтобы таково же было отношеніе—скажемъ для примѣра—къ евреямъ. Разъ еврейскія дѣти признаны элементомъ нежелательнымъ, то и правила для нихъ соотвѣтствующія: кому не нравится,—пусть уходитъ; чѣмъ больше уйдетъ, тѣмъ лучше. Точно также, разъ министерствомъ народнаго просвѣщенія признано, что дѣти «некультурной среды»—элементъ нежелательный, то . . . какой же разумный хозяинъ бережетъ и холитъ худую траву въ полѣ? Холить смѣшно. Беречь—съ какой стати? Вонъ въ томскомъ реальномъ училищѣ сразу уволено 42 ученика. За что? А за то, что въ передней одна преподавательская калоша оказалась облитой сѣрной кислотой. Съ умысломъ или нечаянно калошѣ причиненъ ущербъ, и кѣмъ именно,—неизвѣстно. «Виновныхъ» начальству открыть не удалось. И за вину неиз-

вѣстнаго «преступника» выброшено на улицу 42 ученика *). Саратовскимъ среднимъ школамъ помогла не калоша, а старый, давно позабытый и, казалось бы, потерявшій всякое спасательное значеніе «циркуляръ»: ученикъ, не явившійся въ срокъ безъ уважительныхъ причинъ изъ отпуска (послѣ вакацій), считается выбывшимъ изъ учебнаго заведенія. Послѣ рождественскихъ вакацій «срокъ явки»—7-го января. Въ этотъ день вообще въ школахъ правильной работы нѣтъ, да ее, конечно, тотчасъ послѣ большого перерыва и невозможно наладить. Сверхъ того, 7 января пришлось между двумя неучебными днями (пятница 6 января и воскресенье 8 января). Конечно, «въ срокъ» многіе ученики не явились. О результатахъ можно судить по слѣдующему письму, напечатанному 14 января «Саратовскимъ Листкомъ»:

„Сынъ моего родственника, живущаго за нѣсколько сотъ верстъ отъ Саратова, въ числѣ многихъ другихъ, не могъ явиться въ (реальное) училище 7 января и не представилъ удостовѣренія о причинахъ опозданія. Вслѣдствіе этого ему, какъ и другимъ такимъ же ученикамъ, предложено не посѣщать училища".

Всѣ «неявившіеся въ срокъ изъ отпуска» признаны и объявлены «выбывшими». Однако начальство не желаетъ дѣйствовать безъ разбору: родителямъ уволенныхъ учениковъ «предложено. . . подать прошенія о пріемѣ вновь въ училище, съ указаніемъ уважительныхъ причинъ опозданія, и если администрація училища признаетъ объясненіе достаточнымъ, а причины заслуживающими вниманія, то можетъ разрѣшить посѣщеніе училища» **). Сколько-нибудь желательнымъ элементамъ, навѣрное, будетъ оказано возможное снисхожденіе. А элементъ нежелательный, «понижающій уровень средней школы», и жалѣть нечего: худая трава изъ поля вонъ... Къ этой послѣдней школоочистительной цѣли направлено, вѣдь, и то средство, которое рекомендуетъ преподавателямъ, между прочимъ, попечитель харьковскаго учебнаго округа г. Соколовскій: вмѣсто четверки—тройка, вмѣсто тройки—двойка. Это по преимуществу дезинфекціонное средство: одна или двѣ двойки въ годовомъ выводѣ, и нежелательный элементъ на законномъ основаніи можетъ быть исключенъ за малоуспѣшность.

Весною 1911 г. въ симбирской гимназіи, по словамъ мѣстныхъ «Волжскихъ Вѣстей», сразу 34 ученика «за малоуспѣшность не были допущены къ экзаменамъ и не оставлены на второй годъ въ томъ же классѣ, но просто безъ согласія родителей исключены». Расправа, на первый взглядъ, огульная. Однако, отецъ одного изъ учениковъ письмомъ въ редакцію той же газеты обратилъ вниманіе, что не всѣ «двоечники» подверглись равной участи.

*) «Русское Слово», 26 января 1912 г.
**) «Саратовскій Листокъ», 14 января.

„Мой сынъ,—пишетъ онъ,—учился въ пятомъ классѣ *первый* годъ, имѣетъ 3 неудовлетворительныхъ годовыхъ отмѣтки, возрастъ 17 лѣтъ. Поведеніе 5. пропущенныхъ уроковъ почти не было, въ четвертомъ классѣ учился одинъ годъ... При наличности всего этого, безъ моего вѣдома, совѣтъ его исключилъ.

Другой ученикъ, рядомъ съ нимъ сидящій, въ прошломъ году за 4 неудовлетворительныхъ отмѣтки былъ, однако, не исключенъ, а оставленъ на второй годъ въ пятомъ же классѣ. Возрастъ тотъ же. Нынѣ имѣетъ 2 неудовлетворительныхъ отмѣтки, но онъ все-таки не исключенъ, а допущенъ къ экзамену“ *).

Первогодникъ съ тремя двойками исключенъ. Второгодникъ съ двумя двойками допущенъ къ экзаменамъ, и, быть можемъ, ему помогутъ выдержать ихъ. А если это сынъ несомнѣнно культурныхъ, несомнѣнно благородныхъ родителей, то ему, навѣрное, помогутъ. Объ огульной, слѣпой расправѣ тутъ во всякомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи. Не бегемотъ въ посудной лавкѣ качучу пляшетъ, а надлежаще подобранные «воспитатели юношества» энергически и всевозможными способами искореняютъ «сорныя травы». При полотьбѣ всегда и вездѣ дѣло не обходится безъ того, чтобы не повредить кое-гдѣ желательныя, «хорошія» растенія. Ошибки неизбѣжны. И, замѣчая ихъ, хозяева обыкновенно сердятся и «взыскиваютъ». Въ данномъ случаѣ мы видимъ, что хозяева,— по крайней мѣрѣ, попечители учебныхъ округовъ,—если и выражаютъ недовольство, то лишь по поводу излишней, по ихъ мнѣнію, снисходительности и чрезмѣрнаго обилія нежелательныхъ элементовъ. Это—вѣрный знакъ, что полольщики цѣлесообразно истребляютъ подлежащее истребленію.

III.

Г. Дурново говорилъ въ Государственномъ Совѣтѣ, словно обломокъ далекаго прошлаго—не то «послѣдышъ», не то выходецъ изъ царства тѣней. Въ его рѣчи такъ много страннаго, временами прямо забавнаго игнорированія общеустановленныхъ понятій, что углубиться въ нее почувствуетъ желаніе скорѣе юмористъ, чѣмъ положительный мыслитель. А жаль. Тому лагерю, къ которому принадлежитъ г. Дурново, есть что сказать по поводу нынѣшней школьной политики. И если бы выступилъ отъ имени этого лагеря ораторъ болѣе современный и болѣе откровенный, чѣмъ г. Дурново, онъ могъ сказать много такого, что заставило бы серьезно задуматься. Возьмите хотя бы искорененіе нежелательныхъ элементовъ. Что собственно происходитъ? Какъ бы тамъ ни было, но государственная власть ассигнуетъ средства, содержитъ существующія школы, строитъ новыя, открываетъ двери желающимъ учиться, — пусть плохо, негостепріимно открываетъ, а все таки ежегодно къ концу августа школы биткомъ набиты. Выполнивъ это, чины учебнаго вѣ-

*) «Волжскія Вѣсти», 12 мая 1911 г.

домства начинают работу въ обратномъ направленіи—выживать дѣтей изъ школы, вышвыривать ихъ на улицу поодиночкѣ, группами, сразу цѣлыми десятками... Оставимъ въ сторонѣ вопросы человѣколюбія. Оставимъ въ сторонѣ вопросы культуры. Полезно ли, вредно ли народное просвѣщеніе,—нечего рѣшать. Но даже съ узкодѣловой, чисто-финансовой точки зрѣнія,—неужели нельзя найти болѣе остроумный способъ тратить ежегодно милліоны рублей? А затѣмъ,—какое политическое значеніе могутъ имѣть столь странные труды? Вѣдь, результатъ ихъ очевиденъ: комплектуются кадры людей, имѣющихъ достаточный поводъ при первой же возможности свести счеты съ властью, которую они считаютъ отвѣтственной за расправы, производимыя «педагогами». Платить-то за разбитые горшки будутъ не гг. Зиловы, Деревицкіе или Соколовскіе. Подобная система недопустима, непозволительна съ лѣвой и общепрогрессивной точки зрѣнія. Но, вѣдь, и съ точки зрѣнія правыхъ, охранительныхъ группъ, нѣтъ ничего хорошаго въ расходованіи государственныхъ средствъ на то, чтобы накапливать въ странѣ горючій матеріалъ,—лучше ужъ, въ самомъ дѣлѣ, тратить на полицію. Многое другое, столь же понятное и для правыхъ, и для лѣвыхъ, могла бы высказать группа г-на Дурново. Но говорить за нее мы не призваны. Дѣло это не наше. Для насъ важнѣе изучить и понять установившуюся систему. Ея нѣкоторыя особенности мы только что видѣли. Присмотримся внимательнѣе къ другимъ наиболѣе характернымъ явленіямъ нынѣшняго школьнаго быта.

Въ прогрессивной прессѣ неоднократно высказывались по адресу руководителей школьной политики прямыя обвиненія въ лицемѣріи.

Прежде, — читаемъ въ одномъ изъ такихъ отзывовъ, принадлежащемъ „Кіевской Мысли", — тормазы развитію школъ были откровеннѣе. Говорили просто, что „въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ черезъ мѣру умножился приливъ молодыхъ людей"... писали опредѣленные циркуляры о томъ, что гимназіи должны освободиться отъ поступленія въ нихъ дѣтей кучеровъ, лакеевъ, прачекъ и т. п. людей, дѣтей коихъ вовсе не слѣдуетъ выводить изъ среды, къ коей они принадлежатъ", и т. д. Теперь нельзя, конечно, съ думской каѳедры заговорить о вредѣ образованія для „кухаркиныхъ дѣтей", и мы слышимъ, наоборотъ, рѣчи, полныя заботы о развитіи просвѣщенія. На дѣлѣ же и эти рѣчи, и старые циркуляры даютъ одинъ эффектъ.

Можно, однако, и теперь заговорить и о вредѣ образованія вообще, и о закрытіи дороги кухаркинымъ дѣтямъ въ частности. Да и говорятъ объ этомъ. Спора нѣтъ, лицемѣрія въ наше время хоть отбавляй. Но и откровенность изумительная. Дѣло лишь въ томъ, что по данному вопросу—о народномъ образованіи—соотношеніе общественныхъ силъ крайне неблагопріятно для реакціи. Въ этомъ пунктѣ духовные наслѣдники и правопреемники гр. Д. А. Толстого и К. П. Побѣдоносцева имѣютъ противъ себя не только своего исконнаго врага—«безпочвенную интеллигенцію», но и значительную часть дворянскихъ круговъ, мелкое и среднее чиновни-

чество, торговопромышленный классъ. При этихъ условіяхъ отбросить стихійный напоръ народныхъ массъ въ школу нѣтъ физической возможности. Наслѣдники Побѣдоносцева вынуждены уступать и отступать. Но они перестали бы быть сами собою, если бы не старались пользоваться предоставленной имъ возможностью свести сдѣланныя уступки на нѣтъ. Въ порядкѣ законодательномъ учебное вѣдомство предполагало открыть къ началу 1911—12 учебнаго года 31 среднюю школу и 152 городскихъ училища; въ порядкѣ исполнительномъ оно открыло 15 среднихъ школъ (сокращеніе на 52%) и 35 городскихъ училищъ (сокращеніе на 77%). Сталкиваясь во время пріемныхъ экзаменовъ непосредственно съ родительскою массою и тѣми сложными общественными вліяніями (въ частности, «протекціями»), которыя стоятъ за нею, даже «люди въ футлярахъ» пасуютъ, и классы заполняются. Оставаясь наединѣ съ дѣтьми въ классахъ, футлярные люди принимаютъ свой естественный видъ. Попадая въ сферу общественныхъ вліяній, какія есть и въ Думѣ, и въ Совѣтѣ, самъ г. Кассо за дополнительныя ассигновки на народное образованіе. Въ тиши канцелярій дѣло идетъ обычнымъ порядкомъ:

> До сихъ поръ,—писало, напр., „Современное Слово",—остается мертвымъ капиталъ свыше милліона рублей изъ суммъ, оставленныхъ покойнымъ Чижовымъ. Послѣ покойнаго Солодовникова остались цѣлыхъ 32 милліона на постройку школъ въ 4 губерніяхъ. Прошло десять лѣтъ... дѣло постройки школъ не двигается совершенно... Министерство народнаго просвѣщенія проявило полное безучастіе...

Есть милліоны, пожертвованные на устройство сельско-хозяйственныхъ институтовъ въ Екатеринославской губерніи и Одессѣ. Они гдѣ-то лежатъ. А пока

> Екатеринославъ и Одесса включены въ самую отдаленную очередь для открытія тамъ высшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ *)

Люди проводятъ десяти-милліонную фиксированную ассигновку на начальныя школы и проводятъ, какъ будто, не безъ настойчивости. И въ то же время десятки милліоновъ пожертвованныхъ суммъ остаются безъ движенія. И къ нимъ установилось такое отношеніе, словно кто-то задается цѣлью отбить у возможныхъ жертвователей всякую охоту жертвовать на образованіе.

Это—ходы все-таки второстепеннаго значенія. Главное и основное обезвреживаніе всѣхъ уступокъ достигается реакціей при посредствѣ режима, установленнаго для учителей и создавшаго во всѣхъ школахъ, и въ низшихъ и въ среднихъ, «преподавательскій кризисъ», который по существу едва-ли чѣмъ отличается отъ «профессорскаго кризиса», въ университетахъ. Въ университетахъ важнѣйшія каѳедры порою остаются незамѣщенными. Въ среднихъ

*) Цит. по «Кіевской Мысли», 13 іюля 1911 г.

школахъ не такъ ужъ рѣдко цѣлыми мѣсяцами, по полугодіямъ, нѣтъ преподавателей главнѣйшихъ предметовъ (русскій языкъ, математика, исторія и т. д.) *). И то же самое въ школахъ низшихъ, — начиная съ городскихъ училищъ (по Положенію 1872 г.).

Пустующія каѳедры приходится замѣщать кое-какъ и кѣмъ-нибудь. На мѣстахъ преподавателей, инспекторовъ и директоровъ среднихъ школъ то тамъ, то здѣсь оказываются люди, безграмотность которыхъ документально устанавливается газетами, городскими и земскими управами, просвѣтительными обществами: маленькой офиціальной бумаги не умѣютъ написать безъ синтаксическихъ погрѣшностей и грубѣйшихъ этимологическихъ ошибокъ **). Для подготовки учителей начальныхъ школъ пришлось установить упрощенные способы,—завести «педагогическіе курсы» при городскихъ училищахъ, а жизнь заставила ввести и дальнѣйшія упрощенія: за некомплектомъ штатныхъ учителей преподаваніе на «педагогическихъ курсахъ» иногда поручается «учительскимъ помощикамъ», т. е. лицамъ, которыя обыкновенно и сами-то имѣютъ всего лишь званіе начальнаго учителя. И все-таки даже упрощенныхъ учителей не хватаетъ. При такихъ условіяхъ не очень ужъ опасны проекты новыхъ университетовъ, политехникумовъ и т. д., ибо профессоровъ нѣтъ. Не опасны проекты новыхъ среднихъ школъ, — учителей все равно не найдете. Всеобщее обученіе? Г. Коковцовъ согласенъ дать субсидію,—только найдите учителей. Общеизвѣстно, какъ достигнуто столь остроумное положеніе въ высшихъ школахъ: однихъ профессоровъ увольняютъ, другихъ ставятъ въ такое положеніе, что они сами не считаютъ возможнымъ продолжать службу. Въ среднихъ школахъ преподавателей «привлекаютъ» на службу еще безцеремоннѣе. «Кіевская Мысль» подвела цифровой итогъ стремленій попечителя округа Зилова привлечь учителей въ среднія школы. Оказалось,что за 5 лѣтъ выброшены со службы около 80 директоровъ и инспекторовъ, около 1000 учителей, и «перемѣщено, сорвано въ мѣстъ, переброшено свыше 800» и, разумѣется, эти цифры характерны не только для кіевскаго округа. Условія службы таковы, что бѣгство учителей стало повальнымъ явленіемъ. Для иллюстраціи нѣсколько газетныхъ замѣтокъ:

---

*) «Управленіе виленскаго учебнаго округа не располагаетъ кандидатами для занятія должностей преподавателей русскаго языка и словесности въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ остаются не занятыми вакансіи преподавателей по этому предмету» («Школа и Жизнь 21 ноября 1911 г.). Аналогичныя свѣдѣнія имѣются относительно казанскаго, харьковскаго и московскаго учебныхъ округовъ.

**) Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ,особо примѣчательные случаи педагогической безграмотности наблюдаются въ Казанскомъ округѣ, т. е, какъ разъ тамъ, гдѣ г. Деревицкій требовалъ изгнанія кухаркныхъ дѣтей для поднятія уровня средняго образованія.

«Изъ порѣчской женской гимназіи бѣгутъ всѣ преподаватели. Въ настоящее время осталось только два педагога... Въ гимназіи занятія происходятъ только по нѣкоторымъ предметамъ, часа два въ день, и часто бываютъ пустые дни, когда совсѣмъ не бываетъ уроковъ». *).

Въ омской мужской гимназіи за два только мѣсяца бѣжали со службы 5 преподавателей; сверхъ того, нѣкоторыми другими, не оставившими службу, поданы прошенія о переводѣ. Характерно, что одинъ изъ преподавателей прослужилъ въ гимназіи всего два дня и сбѣжалъ; другой сбѣжалъ, прослуживъ всего три дня **).

Въ слободской гимназіи съ 16 августа по 16 октября не были учителей физики и географіи, до декабря не было учителя исторіи. На рождествѣ и послѣ рождества сбѣжали: учитель математики, учитель русскаго языка, учитель чистописанія и рисованія. Жалуются гимназистки:

— То одного учителя нѣтъ, то другого. До рождества почти не было уроковъ исторіи, а потомъ, когда пріѣхалъ учитель, стали задавать по исторіи листовъ по десять въ день ***).

Въ этой передачѣ газетныхъ замѣтокъ удерживаю слово: «бѣжали», получившее нѣсколько техническій смыслъ: оставили службу, такъ какъ не могли примириться съ ея условіями. Средняя школа, очевидно, такъ же (если не больше), поражена, какъ и высшая. О правильной работѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Стоитъ зданіе съ вывѣской: «гимназія», «реальное училище» и т. д.; въ немъ пріѣзжащіе и отъѣзжающіе люди въ вицмундирахъ «даютъ уроки». Школа все замѣтнѣе пріобрѣтаетъ характеръ педагогическаго постоялаго двора, куда собираются дѣти въ надеждѣ, что, если не тотъ, то другой кочующій учитель что-либо разскажетъ, задастъ какой-либо урокъ.

Изъ среднихъ школъ учителя «бѣгутъ». Въ низшихъ, разумѣется, еще хуже. Бытовыя условія, на которыя обречена жизнь народнаго учителя, всегда были тяжки .Теперь въ сознаніе реакціонныхъ круговъ вошла мысль: нѣмецкій учитель разбилъ французовъ въ 1870 г., русскій учитель въ 1905 г. устроилъ революцію. И учитель превратился въ существо поднадзорное, изгоняемое по первому доносу, при малѣйшемъ сомнѣніи въ политической благонадежности. Это парія, илотъ, съ которымъ можетъ расправиться всякій, кому не лѣнь. Въ отдѣльныхъ случаяхъ народнаго учителя при желаніи начальство просто бьетъ,— въ буквальномъ смыслѣ слова бьетъ, кулаками ****). Въ отдѣльныхъ случаяхъ отъ учительницъ начальствующія лица считаютъ себя въ правѣ требовать медицинскаго свидѣтельства о невинности *****). Въ видѣ общей мѣры, къ семейнымъ учителямъ и учительницамъ чины инспекціи лѣзутъ прямо

---

*) «Школа и Жизнь», 21 ноября 1911 г.

**) «Утро Россіи», 30 сентября 1911 г.

***) «Вятская Рѣчь», 5 марта 1911 г.

****) Напр., случай съ учителемъ двухкласснаго училища Николаевымъ въ Каменецъ-Литовскѣ Подольской губ. („Современное Слово“ 20 сентября 1911 г.).

*****) Случай въ Майкопскомъ уѣздѣ. («Одесскія Новости», 14 сентября 1911 г.).

въ супружескую спальню—циркулярно предписываютъ, напримѣръ, не имѣть болѣе двухъ дѣтей; виновные въ рожденіи третьяго ребенка немедленно увольняются со службы *). Чины инспекціи могутъ вообще устанавливать какіе угодно законы для учителей, Напримѣръ:

„Учительницамъ воспрещается снимать квартиры ближе двухъ кварталовъ отъ квартиръ учителей **).

„Воспрещается дѣлать платья и прически по вкусу" ***).

„Модныхъ прическъ волосамъ на головѣ не дѣлать ****).

О приказахъ ни въ какомъ случаѣ не выходить замужъ, выписывать на свои средства только извѣстныя газеты, записаться въ союзъ русскаго народа достаточно лишь упомянуть; это—слишкомъ обычное въ наше время. Когда читаешь многочисленныя распоряженія и предписанія мѣстныхъ чиновъ учителямъ, то невольно возникаетъ мысль,—не стараются ли провинціальные представители учебнаго вѣдомства обнаруживать то качество, которымъ отличается г. Кассо и которое «Новымъ Временемъ» опредѣлено, какъ похвальное умѣнье «грохать», — т. е. изобрѣтать мѣры, до такой степени похожія на злую шутку, что онѣ обращаютъ на себя общее вниманіе? Не стремятся ли маленькіе юпитеры, подражая большимъ, дѣлать въ доступной имъ области «яркую политику»? Многому просто отказываешься вѣрить. Передо мною, напр., такое газетное сообщеніе: директоръ народныхъ училищъ Кубанской области отдалъ приказъ станичнымъ учителямъ не имѣть при себѣ своихъ законныхъ женъ безъ особаго на то разрѣшенія дирекціи *****). Если хотите, тутъ можно подозрѣвать своеобразную логику: учитель обязанъ жить въ предоставленной ему квартирѣ при училищѣ; женѣ его казенной квартиры не предоставлено, въ училищѣ она — лицо постороннее: а постороннія лица не могутъ находиться, а тѣмъ паче жить въ учебномъ заведеніи, безъ особаго разрѣшенія начальства. Значитъ, учитель пусть живетъ въ казенной квартирѣ, какъ полагается по штату; но ни его жена, ни его дѣти находиться здѣсь не имѣютъ права. Точь въ точь по такому методу у насъ нерѣдко и законы «разъясняются». И все-таки, — что это? неужели правда, а не злая шутка? А главное, — каково живется людямъ, обязаннымъ выполнять распоряженія, которыя порою крайне трудно отличить отъ злостной выдумки? Вѣдь, это же не жизнь. Это—голгоѳа. И чтобъ выдержать ее, надо быть человѣкомъ либо ужъ очень преданнымъ

---

*) Предписаніе, напр., чердынскаго инспектора народныхъ училищъ, „Кіевская Мысль", 3 мая 1911 г.

**) Изъ декрета павлодарскаго инспект. Степанова· „Одесскія Новости", 5 марта 1911 г.

***) Изъ этого же документа.

****) Изъ распоряженіи тарскаго инспектора народныхъ училищъ. „Сибирь", 7 сентября 1911 г.

*****) „Утро Россіи", 26 января 1902 г.

дѣлу (до готовности претерпѣть за него моральныя и матеріальныя муки), либо несчастнымъ, которому некуда больше дѣться. Въ такой системѣ вольготно могутъ чувствовать себя лишь люди особеннаго устройства, — въ родѣ того полтавскаго «педагога», который въ своей школѣ не только возстановилъ тѣлесныя наказанія, но еще и отъ себя придумалъ — передъ поркой посыпать тѣло ученика растертымъ стручковымъ перцемъ *). Но съ людьми особеннаго устройства мы еще познакомимся. А пока рѣчь идетъ просто объ учителяхъ. Они поставлены въ условія невыносимыя. Теперь имъ преподносятъ новую милость—лишеніе льготы по воинской повинности, при чемъ эта дополнительная мѣра принимается одновременно съ обсужденіемъ законопроекта объ ассигновкахъ на всеобщее обученіе.

Формально—уступки стихійному стремленію къ знанію, ассигновки, проекты всеобщаго обученія. Въ дѣйствительности—система дѣйствій и мѣръ, фатально ведущихъ къ «обезвреженію» уступокъ и къ регрессу Школьнаго дѣла. Но, разумѣется, этотъ разладъ между формальнымъ и дѣйствительнымъ явился не совсѣмъ потому, что министры, октябристы, націоналисты суть лицемѣры; вѣрнѣе,—совсѣмъ не потому. И чтобы покончить съ этимъ вопросомъ о лицемѣріи или нелицемѣріи, сдѣлаю тутъ же одно общее замѣчаніе. Лично я полагаю, что среди, напр., октябристовъ есть люди, искренно желающіе двинуть впередъ народное просвѣщеніе въ Россіи. Но это ничего не мѣняетъ. Силою обстоятельствъ эти искренніе друзья просвѣщенія, пока они остаются на избранной ими соціально-политической позиціи, во многихъ случаяхъ вынуждены дѣйствовать, какъ его злѣйшіе враги.

IV.

Пусть октябристы или націоналисты X, У, Z,—друзья просвѣщенія. Но они враги того критическаго отношенія къ желательному имъ общественному порядку, которое они называютъ революціонностью. Школы надо строить. Но каково населеніе, культурныя потребности котораго онѣ предназначены обслуживать? Беру хотя бы такую замѣтку «Голоса Москвы».

Тревожны „деревенскія сказки“ по поводу столѣтней годовщины наполеонова нашествія. „Росказни группируются вокругъ *вѣчнаго въ нашей деревнѣ вопроса* о землѣ. Изъ устъ въ уста на базарахъ, ярмаркахъ, у сельскихъ кабаковъ идетъ слухъ о предстоящемъ будто въ 1912 г. дополнительномъ надѣлѣ крестьянъ за счетъ помѣщиковъ“. Ждутъ, что будетъ передана „крестьянамъ въ полную собственность вся помѣщичья земля“, а помѣщикамъ будутъ оставлены только усадьбы, культурные участки (сады, пасѣки, рыбные пруды и т. п.)“. „На этой почвѣ появилась въ селахъ агитація въ томъ направленіи, чтобы заблаговременно сжигать помѣщичьи

*) „Утро“, 24 декабря 1911 г.

усадьбы и вырубать и свозить принадлежащіе помѣщикамъ лѣса и этимъ путемъ достигнуть полнаго перехода всѣхъ помѣщичьихъ земель во владѣніе крестьянъ" *).

Я подчеркнулъ слова: вѣчный въ нашей деревнѣ вопросъ. «Вѣчный», быть можетъ, и гипербола, но гипербола извинительная: всѣ знаютъ, каково въ общихъ чертахъ умонастроеніе земледѣльческой Россіи, ни для кого не секретъ, что это умонастроеніе сложилось давно, и ни у кого нѣтъ надежды, что оно въ теченіе, по крайней мѣрѣ, ближайшихъ десятилѣтій измѣнится. Оно всегда, неизмѣнно для всѣхъ охранительныхъ группъ служитъ причиной тревоги, которая то стихаетъ, какъ бы полузабывается, то вновь обостряется — иногда, какъ вотъ теперь, безъ всякаго резоннаго повода. Столь же тревожно, если не тревожнѣе, умонастроеніе рабочей, фабрично-заводской Россіи. Такимъ же постояннымъ источникомъ тревоги служитъ и настроеніе умовъ обширныхъ разночинныхъ, по преимуществу городскихъ слоевъ. Таковы родители. Яблоко отъ яблони не далеко падаетъ: таковы, конечно, и дѣти, питаемыя въ семьѣ «революціонными» настроеніями и «революціонными» взглядами. Офиціальными инструкціями на учителей возлагается обязанность воспитать дѣтей въ духѣ, желательномъ охранительнымъ группамъ, внушить вѣрность и преданность извѣстнымъ началамъ. Но, помимо того, что по существу неисполнимо порученіе переломить и преодолѣть вліяніе среды, общихъ условій, создающихъ «революціонныя» настроенія въ народной массѣ,—нѣтъ достаточнаго контингента лицъ, которыя захотѣли бы хоть кое-что сдѣлать въ этомъ направленіи. Учителя есть всякіе. Среди нихъ найдутся люди и очень реакціоннаго образа мыслей. Но въ цѣломъ эту корпорацію подозрѣваютъ — и небезосновательно—въ критическомъ отношеніи къ тому порядку вещей, который желателенъ охранительнымъ группамъ вообще и октябристамъ—въ частности. Охранительная и въ частности октябристская печать не разъ ужъ ставила этотъ вопросъ: школы де конечно необходимы, но прежде всего надо создать кадры «благонадежныхъ» учителей. Какъ разъ теперь въ руководящихъ политическихъ кругахъ пользуется нѣкоторымъ кредитомъ предположеніе, что отъ „революціонности» можетъ излечивать служба въ рядахъ арміи: фронтъ, молъ, выбиваетъ изъ человѣка стремленіе критиковать и воспитываетъ привычку къ субординаціи, къ безпрекословному исполненію приказаній. Сообразно этой модной идейкѣ и возникъ проектъ «провести учителей черезъ армію, такъ какъ это имѣетъ (или можетъ имѣть) большое воспитательное значеніе». Это средство, за неимѣніемъ другого, болѣе надежнаго, хотятъ испробовать. Лично я думаю, что нынѣшняя модная идейка, если ее удастся осуществить, скоро смѣнится

*) „Голосъ Москвы", 31 января 1912 г.

противоположной тенденціей: введя въ ряды арміи значительное число рядовыхъ, которые, по своему общеобразовательному уровню, стоятъ выше офицерской среды, наши охранители почувствуютъ, къ какимъ это ведетъ неудобствамъ, и энергически станутъ очищать войско отъ заразы. Но, каковы бы ни были результаты, они—дѣло будущаго. А пока надо считаться съ тѣмъ, что есть: учителя часто неблагонадежны,—значитъ надъ ними нуженъ бдительнѣйшій надзоръ, ихъ необходимо держать въ спасительномъ страхѣ. И на сцену является та система сыска и безцеремонныхъ расправъ, которую поддерживаютъ всѣ охранительныя группы, до октябристовъ включительно, и которая ставитъ учителей въ невыносимое положеніе.

Надзоръ нуженъ, разумѣется, не только за учителями. Не такъ давно пресса была вынуждена обратить вниманіе на случай съ «неблагонадежнымъ приготовишкой». Восьмилѣтній ученикъ приготовительнаго класса гомельской гимназіи въ разговорѣ съ товарищами на перемѣнѣ «неодобрительно отозвался о покойномъ министрѣ Столыпинѣ». Разговоръ былъ услышанъ «доносчикомъ» изъ учениковъ старшихъ классовъ. «Доносчикъ» сообщилъ по начальству. И восьмилѣтняго ребенка за обнаруженный у него крамольный образъ мыслей педагогическій совѣтъ исключилъ изъ гимназіи *). Въ этомъ маленькомъ эпизодѣ отразилась цѣлая картина быта и нравовъ. Дѣти съ нѣжнѣйшаго возраста живутъ отчасти интересами старшаго поколѣнія. И за ними уже съ приготовительнаго класса начальство имѣетъ наблюденіе и лично, и черезъ посредство «доносчиковъ», такъ сказать, «боевыхъ академистовъ» средняго и младшаго возраста. Возникъ ученикъ—шпіонъ, когда доброволецъ, а иногда и настоящій секретный или полусекретный агентъ. Всякаго обнаруженнаго «крамольника» немедленно подвергаютъ карѣ. Въ случаяхъ обыкновенныхъ расправу чинитъ мѣстное начальство, эпизоды болѣе серьезные доходятъ до свѣдѣнія и окончательнаго рѣшенія высшихъ инстанцій. Объ одномъ изъ такихъ «серьезныхъ» эпизодовъ недавно разсказалъ печатно А. С. Пругавинъ: интимный дневникъ ученика 8 класса Николая Маликова случайно попалъ въ руки полиціи; среди обыкновенныхъ юношескихъ записей о переживаемомъ начальство усмотрѣло и крамольныя мысли; дѣло дошло до министра народнаго просвѣщенія, и ученикъ Николай Маликовъ за то, что онъ въ своемъ бережно хранимомъ интимномъ дневникѣ записывалъ «преступныя» мысли, сосланъ въ Вологодскую губернію на 5 лѣтъ. «Избіеніе младенцевъ», «жестокія безсмысленныя расправы», —пишетъ А. С. Пругавинъ **)... Но станьте на точку зрѣнія тѣхъ же хотя бы друзей народнаго просвѣщенія октябристовъ, которые одобряли

*) „Саратовскій Вѣстникъ", 14 декабря 1911 г.

**) „Школа и Жизнь", 23 января 1912 г.

массовую ссылку студентовъ, сожалѣя лишь, что въ числѣ сосланныхъ оказались не только «виноватые», но и «невинные». Съ несомнѣнностью установлено, что у дѣтей являются тѣ же крамольныя мысли, какими заражена страна. Предполагается, однако, что есть дѣти, у которыхъ этихъ мыслей нѣтъ, есть даже такіе школьники, которыхъ хоть въ союзъ русскаго народа записывай или въ охранное отдѣленіе на службу опредѣляй. Опытомъ дознано, что крамольная мысль имѣетъ необыкновенно убѣдительную силу, — въ особенности для юношества. Гомельскому приготовишкѣ, высказавшему неблагопріятное мнѣніе о Столыпинѣ, всего 8 лѣтъ. Однако, и отъ него зараза можетъ перейти на другихъ дѣтей. Сыскъ въ школахъ—занятіе гнусное. Разыскивать и карать восьмилѣтнихъ «крамольниковъ» не только предосудительно, но и нелѣпо. И тѣмъ не менѣе логика борьбы за желательный порядокъ противъ враговъ его требуетъ тщательно искать источники возможной заразы и безпощадно удалять ихъ. Ссылку на 5 лѣтъ за юношескія мысли въ интимномъ дневникѣ, полагаю, и октябристы—по крайней мѣрѣ, нѣкоторые—согласятся признать эксцессомъ. Но даже въ подобныхъ эксцессахъ есть, съ охранительной точки зрѣнія, полезная для дѣла сторона: можетъ быть, страхъ побудитъ кое-кого изъ родителей отвращать юношество отъ мыслей, за которыя легко подвергнуться человѣколюбію г-на Кассо.

Разумѣется, сыскъ, хотя бы и самый изощренный, способенъ открывать лишь нѣкоторые источники заразы. Многое отъ него ускользаетъ. Всетаки дѣти-крамольники остаются въ школахъ и заражаютъ своимъ вліяніемъ некрамольниковъ. И вотъ, на подмогу сыску являются разныя дополнительныя мѣропріятія. По свѣдѣніямъ «Школы и Жизни»,

„одинъ изъ видныхъ представителей вѣдомства народнаго просвѣщенія сообщаетъ, что во ввѣренныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ онъ сумѣлъ достичь полной разобщенности учащихся... Нескрываемая радость сквозитъ въ каждой строчкѣ доклада, который встрѣченъ съ большимъ сочувствіемъ въ министерствѣ" *).

Мѣры строжайшей изоляціи одного ученика отъ другого—вотъ что должно помочь прямому сыску. Неисправимый крамольникъ пусть остается, доколѣ не уличенъ. Некрамольники должны быть спасены отъ заразы. Въ этихъ видахъ всѣ учащіеся отданы подъ особо строгій и гласный учебно-полицейскій надзоръ и подчинены разнымъ детально разработаннымъ правиламъ. По выходѣ изъ учебнаго заведенія учащіеся должны идти прямо домой. По правиламъ, напр., александровской (Владимірской губ.) гимназіи, они не смѣютъ даже зайти въ лавку и купить себѣ карандашъ или тетрадь **). По правиламъ красноуфимской гимназіи, ученикъ не

*) „Школа и Жизнь", 17 октября 1911 г.

**) „Школа и Жизнь", 17 ноября 1911 г.

смѣетъ зайти и къ товарищу,—разрѣшается лишь въ томъ случаѣ, если «представлено согласіе на то родителей» *). Послѣ обѣда разрѣшается употребить часъ или два на прогулку. Къ этому времени по городу на заранѣе намѣченныхъ «наблюдательныхъ пунктахъ» находятся дежурные преподаватели, надзиратели и мѣстами вновь учрежденные «чины внѣкласснаго надзора». Начальствующія лица непосредственно или черезъ своихъ агентовъ наблюдаютъ, на сколько ревностно всѣми этими чинами выполняется возложенная на нихъ обязанность. Все это имѣетъ, примѣрно, такой видъ:

Вы можете встрѣтить на любой улицѣ любого (провинціальнаго) города странныхъ и подозрительныхъ людей обоего пола, растерянно разсматривающихъ каждаго подростка, рыскающихъ по закоулкамъ и разыскивающихъ добычу... Они дрогнутъ на морозѣ, вязнутъ въ сугробахъ, подвергаются часто серьезной опасности со стороны обывательскихъ и бродячихъ собакъ **)..

Это—чины внѣкласснаго надзора. Они наблюдаютъ за каждымъ ученикомъ, появившимся на улицѣ, слѣдятъ, какъ онъ идетъ, съ кѣмъ, куда... Все должно быть извѣстно начальству... Такъ продолжается до 6—7 часовъ вечера. Въ это заранѣе назначенное время учащіеся должны «разойтись по домамъ». И ужъ больше отнюдь изъ квартиръ своихъ не выходить. Съ этого времени они не имѣютъ права выйти изъ дому даже въ сопровожденіи родителей. Слѣдить за исполненіемъ правилъ вмѣнено въ обязанность не только чинамъ учебнаго вѣдомства, но и чинамъ полиціи. Фактически послѣдніе ведутъ обыкновенно наблюденіе лишь тамъ, гдѣ есть «наряды»: не допускаютъ запрещаемаго правилами посѣщенія театровъ, кинематографовъ, земскихъ собраній, засѣданій городской думы и т. п. Наблюденіе за улицами лежитъ по преимуществу на «педагогахъ». Они должны «провѣрять квартиры» (всѣ ли ученики дома?). Они должны слѣдить, не появится ли ученикъ на улицѣ въ запретное время. За подростками, вдругъ появившимися на улицѣ, ведется «слёжка», съ примѣненіемъ обычныхъ пріемовъ, практикуемыхъ охранными филерами. Надо, однако, сказать, что филеры на улицахъ наблюденіе имѣютъ, но въ квартиры вламываются по «ордеру» или словесному приказанію начальства. Для чиновъ внѣкласснаго надзора «ордеръ» не обязателенъ; преслѣдуя вдругъ прошмыгнувшаго подростка, они порою не стѣсняются «звонить» въ ученическія квартиры въ 11—12 часовъ ночи, подымаютъ на ноги всю семью, ведутъ допросъ: а почему у васъ дѣти не спятъ? или—почему у нихъ глаза не заспаны, хотя они уже находятся въ кроватяхъ? Общія основанія надзора выработаны по иниціативѣ и подъ

*) Тамъ же.
**) „Саратовскій Вѣстникъ“, 18 декабря 1911 г.

руководствомъ покойнаго П. А. Столыпина, Мысль послѣдняго оказалась столь счастливой, что, примѣняя ее на практикѣ, учебное вѣдомство вступило въ непрерывный рядъ конфликтовъ не только съ учениками и родителями, но и съ цѣлыми городскими общественными управленіями (напр., Москвы, Смоленска). И въ другомъ отношеніи мысль оказалась счастливой,—къ ней понадобились разныя бытовыя дополненія. Вотъ одно изъ такихъ дополненій, практикуемое въ нѣкоторыхъ женскихъ гимназіяхъ Саратовской губерніи.

Классныя наставницы, передъ отправкою на указанный имъ наблюдательный постъ, обращаются въ классахъ или на перемѣнахъ къ ученицамъ съ просьбою:

— Милыя вы мои! Пожалѣйте вы меня... Ну, что вамъ стоитъ, миленькія, посидѣть дома въ мое дежурство.

Дѣти... входятъ въ положеніе. И, смѣясь и подтрунивая, «снисходятъ» къ начальству *).

Сидятъ дома, потому что объ этомъ келейно «просятъ» наставницы или наставники, которымъ физически, а многимъ и морально, тяжело бѣгать по улицамъ за дѣтьми. Сидятъ дома и потому, что родителямъ страшно пустить ребенка на улицу, гдѣ «дежурятъ» аргусы, фантазія которыхъ въ любую минуту можетъ принять крайне неожиданное направленіе. Лучше и спокойнѣе сидѣть дома. Двѣ «прогулки»—въ классъ и изъ класса—все таки сдѣланы. А это, вѣдь, максимальная уступка гигіенѣ, какую допускаетъ режимъ такихъ «образцовыхъ» одиночныхъ тюремъ, какъ петербургскіе «Кресты». Гигіена ниспровергнута. Но изоляція достигается. Она занимаетъ важное мѣсто среди другихъ мѣръ удаленія школьниковъ отъ источниковъ крамольной заразы. Эти внѣшнія мѣры нужны, важны, но, разумѣется, онѣ недостаточны. Мало удалить заразу. Гораздо важнѣе сдѣлать организмъ ребенка къ ней невоспріимчивымъ. И надъ этой послѣдней задачей прилежно работаютъ охранительные умы. Производится цѣлый рядъ интересныхъ опытовъ, направленныхъ къ подавленію интеллектуальныхъ интересовъ привычками къ субординаціи. Нѣкоторые изъ этихъ опытовъ,—«потѣшные», напримѣръ,—хотя и пріобрѣли популярность, но среди самихъ охранителей возбуждаютъ большія сомнѣнія. Организуются «патріотическія» чтенія и лекціи для учащихъ и учащихся. Особенно серьезное вниманіе на эту часть обращено въ Московскомъ учебномъ округѣ, гдѣ такія лекціи читаетъ самъ попечитель округа г. Тихомировъ, самоотверженно старающійся ниспровергнуть ученія Дарвина и Геккеля, какъ несогласныя съ истинами откровенія. Едва ли не повсемѣстно усиливается обязательное посѣщеніе церковныхъ службъ. Все это, разумѣется старо, давно извѣстно. Но среди стараго есть кое-что и оригинальное.

*) „Саратовскій Вѣстникъ“, 18 декабря 1911 г.

Давно уже замѣчено, что нѣкоторыя склонности, неодобряемыя моралистами, какъ бы предохраняютъ человѣка отъ увлеченія разными превратными и опасными идеями. Суть дѣла достаточно характеризуется хотя бы слѣдующимъ историческимъ анекдотомъ, о которомъ сочла нужнымъ недавно вспомнить «Школа и Жизнь». Нѣкогда передъ бывшимъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа Голубцовымъ

предстала группа провинившихся гимназистовъ: одни были пойманы въ трактирахъ, другимъ инкриминировалось посѣщеніе представленія произведенія Шекспира съ участіемъ Сальвини. Первымъ его превосходительство въ мягкой формѣ объяснилъ, что попойки воспрещены гимназическимъ уставомъ, и совѣтовалъ имъ потерпѣть до окончанія гимназіи.

— „А съ вами—обратился онъ грозно къ любителямъ театра—у меня будетъ разговоръ иной" *)...

Бахусъ и Венера не только пріятные, но и безопасные въ политическомъ отношеніи боги. Отъ нихъ очень далеко до превратныхъ бредней. Аполлонъ же, и особенно съ тѣхъ поръ, какъ у него завелись жрецы, подобные Шекспиру, Шиллеру, возбуждаетъ большія сомнѣнія и подозрѣнія. Отъ Шекспира до «нигилизма», и «отрицанія основъ» рукой подать. За служеніе первымъ, политически благонадежнымъ богамъ можно и не взыскивать строго. Ну, а Шекспиръ—дѣло серьезное. Эту давно извѣстную истину очень краснорѣчиво высказалъ членъ Государственнаго Совѣта г. Говоруха-Отрокъ на недавнемъ курскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Въ качествѣ гласнаго, г. Говоруха-Отрокъ обревизовалъ земскую библіотеку и доложилъ собранію, что въ ней «онъ не нашелъ никакихъ революціонныхъ книгъ, имѣющіяся же тамъ *порнографическія изданія слѣдуетъ оставить, какъ лучшее средство противъ революціи*» **)... Разумѣется, о терминахъ: «революція» и «порнографія», съ г. Говорухой-Отрокомъ намъ, вѣроятно, понадобилось бы очень спорить. Да они и сами по себѣ условны и неопредѣленны. Но существо мысли, высказанной политическимъ единомышленникомъ и сотрудникомъ г-на П. Н. Дурново по Государственному Совѣту, не нуждается въ особыхъ комментаріяхъ. Революціонныя идеи суть именно идеи,—продуктъ интеллектуальныхъ интересовъ; пресѣкая идеи, мы далеко не вполнѣ достигаемъ желательнаго, ибо стремленіе къ нимъ остается; но если допустить и поощрять раздраженіе спинно-мозговыхъ центровъ, то дѣятельность головного мозга неминуемо ослабѣетъ, интеллектуальные интересы понизятся, и мы будемъ гарантированы отъ стремленія ко всякимъ вообще идеямъ. Истина, повторяю, старая, давно извѣстная. Знаменательно лишь, что нынѣ она возглашается открыто, гласно, и при томъ, какъ тактическій лозунгъ: не пренебрегайте

*) „Школа и Жизнь", 21 ноября 1911 г.

**) „Южная Заря", 22 декабря 1911 г.

«лучшимъ средствомъ противъ революціи». И провозглашенъ этотъ лозунгъ не первымъ встрѣчнымъ: г. Говоруха-Отрокъ—замѣтный представитель тѣхъ руководящихъ политическихъ круговъ, отъ которыхъ многое зависитъ и въ общей, и въ школьной политикѣ.

Я не знаю, какого, мнѣнія г. Кассо о тактическомъ лозунгѣ, провозглашенномъ г. Говорухою-Отрокомъ. Но многое заставляетъ думать, что у послѣдняго кое-гдѣ среди чиновъ учебнаго вѣдомства въ «мятежной провинціи» есть единомышленники. Сошлюсь лишь на нѣкоторые факты. Школьникамъ посѣщать кинематографы вообще запрещается. За кинематографами установлена строгая цензура. Многія такъ называемыя «идейныя картины» (напр., снимки съ неурожайныхъ селъ и деревень, событія, связанныя съименемъ Л. Н. Толстого, и т. д.) администрація часто не позволяетъ демонстрировать и передъ взрослыми. Разумѣется, учебному начальству извѣстно, что нельзя же дѣтей оставить совсѣмъ безъ развлеченій и зрѣлищъ. И оно поступаетъ такъ: избираетъ какой-либо одинъ кинематографъ, подвергаетъ имѣющіяся въ немъ картины своей спеціальной цензурѣ; владѣлецъ обязывается демонстрировать только то, что процензуровано учебнымъ начальствомъ, а послѣднее на этомъ условіи разрѣшаетъ учащимся посѣщать избранный кинематографъ. Плоха или хороша эта система,—рѣшать не будемъ. Установленъ принципъ, что юношеству разрѣшается видѣть лишь тѣ картины, которыя предварительно разсмотрѣны и одобрены школьной администраціей. Намъ остается лишь принять этотъ принципъ къ свѣдѣнію и... процитировать воспроизведенную «Кіевской Мыслью» афишу одного изъ такихъ избранныхъ учебнымъ начальствомъ полтавскихъ кинематографовъ:

«Театръ Иллюзіонъ... Къ свѣдѣнію всѣхъ учащихся: ...разрѣшено начальствомъ всѣмъ учащимся исключительное посѣщеніе только театра Иллюзіонъ. Роковые соблазны. Знаменитая потрясающая драма, рисующая аристократическую современную жизнь. Спѣшите видѣть. Картина въ 3 частяхъ и имѣетъ 2000 метровъ. Какъ часто мужья, сами того не сознавая, толкаютъ своихъ женъ на измѣну... Молодая жена давно скучаетъ... Другъ мужа давно ее любитъ и рѣшилъ добиться взаимности. Женщины любятъ искренно, и, отдавшись ему однажды, она полюбила его всею силою женской души. Она стала жить двойственной жизнью, дома ей стало скучно. Вся жизнь ея сосредоточилась на любимомъ Павѣ, свѣтскомъ, миломъ, интересномъ баронѣ Шильренъ.. Въ краткихъ словахъ нельзя вполнѣ передать этой картины,—ее надо видѣть» *).

Пусть запрещаются картины голодной деревни,—онѣ, дѣйствительно, наведутъ юношество на разныя гуманныя и народолюбивыя мысли, которыя министерство народнаго просвѣщенія, въ силу хроническаго недоразумѣнія, изстари признаетъ нежелательными и «революціонными». Но адюльтеръ, но клубничка почему одобряются? Порнографія-то, если позволено употребить этотъ терминъ

*) Цит. по „Утру Росссіи“, 8 декабря 1911 г.

г-на Говорухи-Отрока, зачѣмъ признается воспитательнымъ зрѣлищемъ для дѣтей?

Вообще не допускается посѣщать и театральныя зрѣлища. Подъ безусловнымъ запретомъ находятся тѣ пьесы, которыя школьная власть признаетъ «революціонными» или просто вредными въ воспитательномъ отношеніи. Что теперь признается революціоннымъ или вреднымъ,—объ этомъ можетъ дать понятіе слѣдующая краткая справка. Въ Херсонѣ учащимся запретили посѣщать театръ, имѣющій такой репертуаръ: «Антигона» Софокла, «Свыше нашей силы» Бьернсона, «Три сестры» Чехова и т. п.; въ Никольскѣ-Уссурійскомъ для учащихся запрещенъ «Ревизоръ» Гоголя; въ Рыбинскѣ—«Власть тьмы» Толстого; въ Смоленскѣ—«Отъ нея всѣ качества» Толстого *). Почему даже «Антигона» попала подъ запретъ,—догадаться нелегко. Но это показатель, до какой степени придирчива и подозрительна педагогическая цензура. Отсюда, однако, вовсе не слѣдуетъ, что начальству ничего неизвѣстно о воспитательномъ значеніи театра. Нѣтъ, отчего же,—если хорошая и въ особенности «патріотическая» пьеса, то побывать на ней не только не возбраняется, но иногда и рекомендуется. Очень хорошія и очень «патріотическія» пьесы начальство нерѣдко даже ставитъ въ самомъ зданіи училища, разыгрывая ихъ силами самихъ учащихся. Да вотъ, напр., совсѣмъ недавно нѣкоторыми эриванскими педагогами, при содѣйствіи супруги вицегубернатора кн. Чегодаевой, былъ организованъ ученическій спектакль, на которомъ гимназистки сыграли

фарсъ „Комната № 56" и буффонаду „Нимфа и Сатиръ" съ демонстрированіемъ передъ юной публикой интимныхъ принадлежностей женскаго бѣлья **).

Если въ Эривани нѣтъ единомышленниковъ г-на Говорухи-Отрока, то кому же могло понадобиться столь игривое зрѣлище? Если «Нимфа и Сатиръ» съ «интимными принадлежностями женскаго бѣлья» не «лучшее средство противъ революціи», то въ какомъ качествѣ они появились на ученическомъ спектаклѣ?

«Если прослѣдить современную намъ жизнь среднихъ учебныхъ заведеній,—пишетъ «Смоленскій Вѣстникъ»—то нетрудно замѣтить... обаяніе новаго для провинціи вида искусства». Это новое для провинціи искусство—*балетъ*. Энергію любители и насадители балета проявляютъ порою изумительную. Въ Витебскѣ, напр., какая-то дама-патронесса лично разъѣзжала по домамъ къ родителямъ учениць и убѣждала содѣйствовать или, по крайней мѣрѣ, не препятствовать устройству «художественныхъ» вечеровъ съ гимназистками въ трико и костюмахъ балеринъ. Затѣѣ придана такая окраска, что, по словамъ мѣстнаго корреспондента,

---

*) „Школа и Жизнь", 12 декабря 1911 г.
**) „Современное Слово", 11 января 1912 г.

многіе родители не рѣшались высказать вслухъ свое отрицательное отношеніе:

— Неудобно, знаете ли, такъ сказать, *патріотическое дѣло,* а, во-вторыхъ, начальница гимназіи хочетъ *).

Конечно, балетъ не порнографія; какъ и всякое искусство, онъ имѣетъ свои права и свою сферу. Но одно дѣло—искусство, требующее таланта, огромной подготовительной работы въ теченіе ряда лѣтъ, непрестаннаго труда все время, пока продолжается служеніе этому искусству. И совсѣмъ другое дѣло—«хорошенькая» полураздѣтая женщина, одинъ видъ которой, какъ еще покойный Щедринъ замѣтилъ, чрезвычайно содѣйствуетъ укрѣпленію благонамѣреннаго легкомыслія. Для этого второго «искусства»,—какъ, видимо, и полагаютъ тѣ же хотя бы витебскіе просвѣтители,—не нужно ни таланта, ни долгой подготовки, ни труда; нѣсколько «уроковъ балетныхъ танцевъ», «интересная наружность», соотвѣтственный костюмъ,—и получится зрѣлище, которое и пріятно для любителей, и можетъ «воспитательно» дѣйствовать на реалистовъ и гимназистовъ старшихъ классовъ и, навѣрное, создастъ атмосферу, чрезвычайно непроницаемую для «революціонной заразы». Разумѣется, не такъ ужъ легко этимъ новшествамъ пробивать дорогу. Помимо сопротивленія со стороны родителей, преподавателей, да и самихъ учащихся, много значитъ и косность преподавательской среды: казенный педагогъ изстари слишкомъ prude; его фантазія частенько даже въ невиннѣйшихъ и необходимѣйшихъ явленіяхъ жизни болѣзненно ищетъ грязи. Это переходитъ по наслѣдству. Переломить вѣковую традицію старому педагогу такъ же трудно, какъ трудно было старому жандарму Новицкому примириться съ новѣйшими пріемами охраны а là Зубатовъ и Рачковскій. «Много пота утереть» придется единомышленникамъ г-на Говорухи-Отрока, прежде чѣмъ они овладѣютъ большинствомъ школъ. Но уже теперь всетаки сдѣланы серьезныя завоеванія. А главное,—удалось найти магическую формулу: «патріотическое дѣло», «лучшее средство противъ революціи»... «Сезамъ, отворись»... Кто вооружился этимъ волшебнымъ заклинаніемъ, для того въ Россіи нѣтъ неприступныхъ позицій.

Даже сюда, къ предѣламъ, съ которыхъ открываются виды на Содомъ, ведетъ логика «активной борьбы» противъ тѣхъ исторически неизбѣжныхъ реформъ, которыя желательны и необходимы большинству населенія страны. Далеко залетѣли дѣятели въ родѣ г-на Говорухи Отрока. Но жизнь, во многихъ отношеніяхъ ускользающая изъ-подъ ихъ руководства, ведетъ еще дальше.

*) „Смоленскій Вѣстникъ“, 23 сентября 1911 г.

V.

Логика борьбы ведетъ порой ко всякимъ средствамъ, для средняго, обыкновеннаго человѣка этически непріемлемымъ. Значитъ, требуются также—исполнители, соотвѣтствующіе средствамъ. Эту послѣднюю задачу вполнѣ рѣшить не удалось и, думаю, не удастся. Учителей «некомплектъ». Въ томъ неполномъ комплектѣ, какой есть, видимо, преобладаютъ люди, не подходящіе, на охранительный взглядъ,—иначе не было бы обвиненій въ лѣвизнѣ, кадетизмѣ и т. д. Но имѣются, несомнѣнно, и приспособленные дѣятели. И они не только начальству служатъ; они и себя не забываютъ.

Уфа. 26 ученицъ педагогическихъ курсовъ и 18 ученицъ IV класса прогимназіи подали жалобу, что они не могутъ спокойно заниматься вслѣдствіе того, что предсѣдатель позволяетъ себѣ безцеремонно брать многихъ за талію, грудь, руки, иногда задаетъ такіе вопросы, о которыхъ приличнѣе умолчать *).

Станица *Каменская,* Донской области. Ученицы 8 класса казенной гимназіи in corpore сдѣлали заявленіе начальницѣ о недопустимомъ поведеніи одного изъ учителей и просили защитить ихъ отъ него: онъ ихъ преслѣдуетъ на улицѣ, отпускаетъ шуточки, хватаетъ за руки и т. д. **).

По нынѣшнимъ временамъ, это еще ничего. Приходится порою нашимъ дѣтямъ быть подъ воспитательнымъ вліяніемъ настоящихъ богатырей мысли и дѣла.

На *житомирскомъ* вокзалѣ надзирателемъ сыскной полиціи Бѣлинскимъ задержанъ учитель казенной и частной гимназій, его жена и двѣ мѣстныя дѣвушки 18 и 20 лѣтъ. Задержанные были доставлены въ сыскное отдѣленіе, гдѣ изъ допроса увозимыхъ дѣвушекъ выяснилось, что учитель обманнымъ образомъ *увозилъ ихъ для продажи заграницу* ***).

Правда, этотъ богатырь, обвиняемый въ поставкѣ живого товара на заграничные рынки, состоитъ учителемъ не «предметовъ», а танцевъ, но это лишь разница образовательныхъ цензовъ,—не больше.

Я далекъ отъ намѣренія исчислять гг. преподавателей, развивающихъ педагогическіе принципы Дюлу. Да это и невозможно. Не только покушенія и непристойности, но и прямыя преступленія этого рода лишь въ рѣдкихъ случаяхъ получаютъ огласку. Въ Ташкентѣ одинъ изъ современныхъ «педагоговъ» въ теченіе цѣлаго года совращалъ своихъ ученицъ, и только, когда одной изъ его жертвъ послѣ совершеннаго надъ нею преступленія понадобилась врачебная помощь, эта воспитательная дѣятельность вышла наружу.

---

*) «Саратовскій Вѣстникъ» № 78, 1911 г.
**) «Утро Россіи», 1 декабря 1911 г.
***) «Одесскія Новости», 14 мая 1911 г.

Оказалось, нѣкоторые родители знали, чему подверглись ихъ дочери, но «молчали» *). Многое въ такихъ случаяхъ побуждаетъ молчать: боязнь «опозорить» дочь, если ея несчастье станетъ предметомъ дознанія и слѣдствія; боязнь привлечь репрессіи, отъ которыхъ можетъ пострадать вся семья и т. д. Послѣдній мотивъ, между прочимъ, видимо, сыгралъ не малую роль въ дѣлѣ знаменитаго астраханскаго о. Строкова: о немъ тоже знали, но говорить боялись. Того священника, который сдѣлалъ оффиціальное заявленіе о преступленіи надъ его дочерью, предупреждали, что это ему «даромъ не пройдетъ», и таки не прошло: у жалобщика оказалась какая-то старая вина передъ начальствомъ, нынѣ онъ разжалованъ изъ священниковъ въ псаломщики, его сынъ исключенъ изъ семинаріи за невзносъ платы. Молчаніе о «педагогахъ» покушающихся еще понятнѣе. Мнѣ лично пришлось выслушать жалобу родительницъ относительно одной женской школы: нѣкоторые учителя любезничаютъ, или даже «пристаютъ»... «Нельзя ли, молъ, объ этомъ написать?» Но, когда я посовѣтовалъ родительницамъ обратиться съ жалобой къ учебному начальству, и когда мы детальнѣе разобрались въ предъявляемыхъ ими фактахъ, то вышло, что «приставать»-то, несомнѣнно, «пристаютъ», но доказать этого нельзя. Грань между «приставаньемъ» и нѣсколько чрезмѣрной «отечески-нѣжной ласковостью» обращенія часто не можетъ быть опредѣлена объективными признаками. И любую ученицу, которую подобная «ласковость» оскорбляетъ, при желаніи легко обвинить въ «испорченномъ воображеніи».

Лишь немногое изъ непотребствъ, чинимыхъ современными намъ воспитателями юношества, доходитъ до всеобщаго свѣдѣнія. И все-таки много такихъ непотребствъ стало достояніемъ гласности. Часто приходится печати отмѣчать ихъ. И много уже героевъ этого рода обнаружено. Конечно, власть не равнодушно взираетъ на ихъ дѣятельность. Вотъ, напримѣръ, въ Глазовѣ преподаватель мѣстной мужской гимназіи Красновъ за развращеніе учениковъ (гомосексуализмъ) приговоренъ вятскимъ окружнымъ судомъ къ шестилѣтнимъ каторжнымъ работамъ **), въ Угличѣ учитель мѣстной женской гимназіи Малининъ за гнусное преступленіе надъ 14-лѣтней ученицею той же гимназіи приговоренъ ярославскимъ окружнымъ судомъ на $1^1/_2$ года къ арестантскимъ отдѣленіямъ ***). Однако, обвиняемый въ такомъ же преступленіи о. Строковъ, по свѣдѣніямъ газетъ, донынѣ благоденствуетъ: «получилъ доходнѣйшій приходъ, продолжаетъ священствовать» ****) И одинъ ли о. Строковъ? Беру

*) «Сибирь», № 48, 1911 г.

**) Судъ постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ этого наказанія, опредѣленнаго согласно вердикту присяжныхъ засѣдателей, двухлѣтнимъ заключеніемъ въ арестантскихъ отдѣленіяхъ. «Вятская Рѣчь», 3 января 1912 г.

***) «Русское Слово», 24 декабря 1911 г.

****) «Утро Россіи», 18 декабря 1911 г.

хотя бы такое сообщеніе изъ Омска, уже хорошо прославленнаго благочестивыми подвигами протоіерея Голосова:

«Въ № 268 «Омскаго Вѣстника» помѣщено было письмо учениковъ омской центрально фельдшерской школы, разсказывавшихъ, какъ недавно назначенный смотритель и воспитатель школы на глазахъ у учениковъ пристаетъ къ кухаркамъ, горничнымъ, которымъ приходится защищаться отъ его ласкъ». Какъ только появилось письмо, такъ всѣ усилія мѣстной администраціи, а равно и директора названной школы «были направлены на то, чтобы добиться, кто авторъ письма». Газета же «Омскій Вѣстникъ» на основаніи усиленной охраны оштрафована на 300 рублей *).

Такъ было въ исторіи и о. Голосова, и о. Строкова, такъ было и во многихъ другихъ аналогичныхъ исторіяхъ. Начинаютъ протестъ и борьбу прежде всего сами учащіеся. Временами протестъ сразу же принимаетъ бурныя формы. Дѣло, напр., о тифлисскомъ «педагогѣ» Акоповѣ, преданномъ суду за гомосексуализмъ, возникло лишь послѣ того, какъ одинъ изъ учениковъ, «сознавъ всю мерзость и гадость, въ которую его втянулъ Акоповъ,... набросился на своего мучителя и нанесъ ему нѣсколько ножевыхъ ранъ, изступленно крича при этомъ: вотъ тебѣ, мерзавецъ, — получи за всѣхъ и за все» **). Къ дѣтямъ, если имъ своевременно не приходитъ на помощь учебное начальство, присоединяются отцы, мѣстное общество, печать, мѣстная и столичная; при этомъ дѣло рѣдко обходится безъ штрафовъ на газеты, безъ офиціальныхъ заявленій, что появившіяся свѣдѣнія ложны. Но разоблачители не успокаиваются, предъявляютъ новыя обстоятельства... Въ однихъ случаяхъ имъ удается одерживать относительную побѣду,—такъ напр., Голосовъ исчезъ изъ омскихъ предѣловъ. Въ другихъ—энергія разоблачителей остается безъ замѣтныхъ результатовъ. Можно припомнить, наконецъ, случаи, когда «клонится подъ грозою то ихъ, то наша сторона», и неизвѣстно, «кто устоитъ въ неравномъ спорѣ». То же, напр., дѣло о. Строкова все еще не вышло изъ періода борьбы между обществомъ и властными покровителями обвиняемаго. И почти всегда на сторонѣ изобличаемыхъ оказывается важное преимущество: омскій воспитатель, обвиняемый въ наглядномъ обученіи юношества, какъ надо обращаться съ женскою прислугой, «развилъ въ школѣ шпіонство и доносы» ***), о. Голосовъ—видный дѣятель союза русскаго народа, дружба между о. Строковымъ и Иліодоромъ установлена и засвидѣтельствована документально. Будь на мѣстѣ о. Строкова или омскаго воспитателя человѣкъ неблагонадежнаго образа мыслей, можно ли сомнѣваться, что обвиненія противъ нихъ нашли бы горячій откликъ со стороны начальства. Какъ бы рада была охранительная печать случаю крикнуть: вотъ они каковы лѣвые, вотъ какая свобода имъ нужна! Но въ томъ и суть, что это не

*) «Современное Слово», 10 января 1912 г.
**) «Одесскія Новости», 4 сентября 1911 г.
***) „Современное Слово", 10 января 1912 г.

лѣвые. Разумѣется, и не въ томъ суть, что они правые. Среди послѣднихъ могутъ быть и есть нравственно опрятные люди. Въ герояхъ современности, о которыхъ мы говоримъ, всего важнѣе ихъ талантъ не останавливаться ни передъ чѣмъ, что можетъ понадобиться въ сложной системѣ искорененія превратныхъ идей. Крайне цѣнны и, безъ сомнѣнія, необходимы люди, обладающіе этими талантами. Но у нихъ не только таланты. У нихъ есть и соотвѣтственныя этимъ талантамъ «качества», и, пользуясь первыми, по неволѣ надъ терпѣть и вторыя. Заразиться скверною болѣзнью легко. Но, когда зараза вошла въ кровь,—приходится быть жертвой собственнаго темперамента и на многое махнуть рукой, Зараза даетъ себя чувствовать не только въ формѣ, такъ сказать, сексуальныхъ явленій. Приспособленные къ системѣ дѣятели могутъ сказать свое слово (да и говорятъ) и въ сферѣ казнокрадства, взяточничества, вымогательства и т. д. Имъ не чужда нѣкоторая общая разнузданность, проявляемая то въ видѣ рукоприкладства, то въ видѣ непристойной ругани на урокахъ и т. п.

Я знаю: какъ ни ужасны факты, какъ ни много ихъ, но герои современности лишь вкраплены въ преподавательскую среду. Въ цѣломъ она стоитъ гораздо выше, чѣмъ можетъ казаться поверхностному наблюдателю, на основаніи чисто фактическаго матеріала. Есть въ ней беззавѣтные труженники. Есть въ ней люди большой духовной красоты. И все-таки герои современности не механически только вкраплены, они и химически дѣйствуютъ. Они «дѣлаютъ тонъ» въ школьной музыкѣ. И во многихъ отношеніяхъ этотъ тонъ опаснѣе, чѣмъ даже эпидемическія выходки по сексуальной части. Выходки все-таки — выходки. Тонъ есть нѣчто нормальное, законное, — регуляторъ пьесы. Каковъ этотъ регуляторъ, можно судить по многому изъ того, что сказано выше. Чего стоитъ хотя бы «внѣшкольный надзоръ», ежедневная, обязательная уличная слежка за подростками, на потѣху уличнымъ мальчишкамъ, которые порой ухитряются завлекать почтенныхъ надворныхъ и коллежскихъ совѣтниковъ въ глухіе переулки и, достигнувъ этой цѣли, спускаютъ цѣпныхъ собакъ. Уже эти систематическія выступленія передъ публикой много говорятъ. Въ дополненіе къ приведенному фактическому матеріалу напомню еще два случая.

Передо мной документъ—опроверженіе, исходящее отъ группы членовъ педагогическаго совѣта бѣлгородской женской гимназіи. Весною 1911 г. въ харьковской газетѣ «Утро» была напечатана замѣтка о тяжкомъ школьномъ эпизодѣ: ученица 5 класса получила на экзаменѣ по алгебрѣ двойку, и это такъ потрясло ее, что она пыталась отравиться. Группа членовъ совѣта гимназіи, называя ученицу полнымъ именемъ, пишетъ, «опровергая» эту замѣтку:

„Въ дѣлѣ оцѣнки испытаннаго ею (ученицею такой-то) нервнаго потрясенія со всею рѣшительностью можно сказать, что на добрую половину было оно дѣланнымъ, и самое отравленіе—простою симуляціей, фарсомъ.

совсѣмъ не мастерски разыграннымъ"... „Вечеромъ того же дня она (ученица такая-то) съ отличнымъ аппетитомъ поужинала и на другой день такъ же пообѣдала. Отравленіе, такимъ образомъ, къ общему благополучію, разрѣшилось улучшеннымъ аппетитомъ".

Двойка на экзаменахъ поставлена, и не одна, а двѣ. Но ученица-симулянтка и въ году имѣла двойки.

„Надѣясь на кривую, что вывезетъ, Л. (въ подлинникѣ полная фамилія) приступила къ экзаменамъ и на первыхъ же двухъ провалилась. Никакой, на повѣрку выходитъ, жертвы, какъ громко кричитъ авторъ замѣтки, экзаменовъ здѣсь нѣтъ. На лицо—сознательная лѣность, при небогатыхъ природныхъ дарованіяхъ, а въ результатѣ одно безсильное, съ такими негодными средствами покушеніе или настойчивое желаніе, не говѣя, какъ говорятъ, съѣсть пасху" *).

Подписали: предсѣдатель совѣта, начальница, инспекторъ, три преподавателя. Считать ихъ героями современности—какія основанія? Но какъ назвать эту попытку публично, печатно ошельмовать ребенка, эти издѣвательскія шуточки, это острословіе? «Симулянтка», видите ли... Но что же это за педагоги, которые явно не знаютъ, какъ сложенъ вопросъ о дѣтскихъ симуляціяхъ, какъ легко у дѣтей напускное, «симулированное» переходитъ въ настоящее, а иногда и трагически непоправимое? Люди выступили коллективно на публику, совершили, по меньшей мѣрѣ, актъ неприличія, невѣжества, и, видимо, сами этого не сознаютъ и не понимаютъ.

Еще примѣръ публичнаго выступленія:

Въ Ромнахъ въ женской гимназіи былъ устроенъ танцовальный вечеръ. Много танцовали. Гимназистка Чорке вышла въ корридоръ отдохнуть. Въ это время откуда-то появился „инспекторъ по внѣшкольному надзору". Замѣтивъ, что ученица Чорке не держитъ руки по швамъ (на танцевальномъ-то вечерѣ!) „быстро устремился на нее, однимъ правильно разсчитаннымъ ударомъ сбилъ ее съ мѣста и привелъ въ истерику. Этой побѣды г-ну инспектору было мало. Замѣтивъ тутъ же другую ученицу, онъ схватилъ ее за непонравившійся ему почему-то рукавъ. У третьей ученицы инспекторъ послѣ короткой борьбы отнялъ вѣеръ".

Словомъ, такъ распорядился, что «вечеръ закончился общимъ плачемъ: плакали ученицы, плакала и начальница, только г. инспекторъ былъ на высотѣ положенія» **). Если такой тонъ выдерживается въ публичныхъ выступленіяхъ, то что же происходитъ вдали отъ публики, въ классахъ? Не даромъ хроника школьной жизни превратилась, съ одной стороны, въ безконечный рядъ фантастическихъ поступковъ, распоряженій, похожденій, а съ другой—въ столь же безконечный рядъ протестовъ: тамъ учащіеся протестуютъ противъ жестокости, безпощадности; здѣсь требуютъ, чтобы такой-то или такой-то преподаватель не велъ себя развратно; тамъ возму-

*) „Утро", 3 іюня 1911 г.
**) „Утро Россіи", 4 января 1912.

щаются просто неприличнымъ поведеніемъ того или иного учителя; здѣсь ученики пытаются объяснить учителю, что нельзя драться, нельзя употреблять въ классѣ на урокахъ площадныя слова... Эта странная борьба двухъ поколѣній то и дѣло отливается въ форму эксцессовъ; на сцену появляются пощечины, ножи, кинжалы, револьверы съ одной стороны, военные суды и смертные приговоры—съ другой. И сами же охранители—по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ—говорятъ, что получается отнюдь не искорененіе революціонной заразы, а нѣчто прямо противоположное. Иначе и быть не можетъ: задача поставлена такая, что она неминуемо приводитъ къ собственной противоположности.

А. Петрищевъ.

Обозрѣніе иностранной жизни.

I. Китайская республика.--II. Намѣчающіяся измѣненія въ системѣ европейскихъ союзовъ.

I.

Совершился фактъ, которому самые заядлые политическіе скептики придаютъ огромное значеніе. Срединная имперія превратилась въ Срединную республику. И этотъ эпитетъ фигурируетъ въ томъ самомъ императорскомъ эдиктѣ 12 февраля н. ст., которымъ маньчжурская династія отрекается отъ престола. «Будущій Китай получитъ названіе «Великой Срединной цивилизованной республики»--говорятъ заключительныя строки эдикта, подписаннаго вдовствующей императрицей.—Я и императоръ уходимъ на покой и мирно будемъ проводить отнынѣ жизнь нашу. Я вѣрю, что народъ сохранитъ о насъ добрую память. А мы издали будемъ наслаждаться зрѣлищемъ счастья нашего народа». Императрица мотивируетъ свой отказъ отъ престола тѣмъ, что громадное большинство населенія и армія на сторонѣ республики. Такимъ образомъ «само небо желаетъ, чтобы Китай сталъ республикой. А я изъ-за интересовъ одной моей семьи отнюдь не намѣрена идти противъ воли всего народа. Наблюдая издали событія всего міра и со вниманіемъ вслушиваясь въ голосъ собственной страны, я приняла рѣшеніе уйти вмѣстѣ съ императоромъ и возвратить народу ту самую верховную власть, которая ему принадлежитъ. Глубоко уважая стремленіе народа, который страдаетъ и страстно желаетъ мира, я въ

духѣ священныхъ книгъ нашихъ заявляю, что страна есть собственность народа, а не императора, и что отъ народа, а не отъ императора зависятъ судьбы ея» *).

Кто писалъ этотъ единственный въ своемъ родѣ историческій документъ,—намъ не важно. Очень можетъ быть, тотъ самый хитроумный Юань-Ши-Кай, который еще недавно увѣрялъ всѣхъ,—какъ мы въ свое время сообщили читателю,—что $^7/_{10}$ китайцевъ и слышать не хотятъ о республикѣ, а всей душею и мыслью стоятъ за славную монархію. Авторство Юань-Ши-Кая, пожалуй, довольно явственно прокидывается въ тѣхъ лестныхъ словахъ, которыми декретъ награждаетъ ловкаго государственнаго человѣка: «Великъ опытъ Юань-Ши-Кая. Велико его знаніе стараго строя и новаго, и онъ способенъ на мудрую политику, которая примиритъ сѣверъ съ югомъ. Поэтому лучше всего передать ему всю власть и поручить ему вступить въ соглашеніе съ вождями движенія для установленія республиканскаго строя». Но кто бы ни былъ виновникомъ этого манифеста, его устами говорила, очевидно, сама историческая необходимость. Мы, конечно, еще не знаемъ, въ какія формы выльется новый режимъ и насколько онъ будетъ прочeнъ на всемъ широкомъ пространствѣ Китая. Но начало свободнаго развитія учрежденій положено. Важно, кстати сказать, что въ эдиктѣ недвусмысленно выражаются стремленія формирующагося государства создать на почвѣ республиканскихъ учрежденій истинное равноправіе пяти главныхъ народностей Китая и вмѣстѣ съ тѣмъ войти полноправнымъ членомъ въ семью культурныхъ государствъ, убѣдить которыя въ политической зрѣлости китайцевъ указъ считаетъ ближайшей задачей новаго правительства.

Конечно, политическія учрежденія не принадлежатъ къ разряду мертвыхъ архитектурныхъ сооруженій, для прочности и удобства которыхъ достаточно располагать хорошимъ строительнымъ матеріаломъ и возводить зданіе по плану. Общество—не механическая совокупность различныхъ элементовъ, а ихъ живая связь и взаимодѣйствіе, словомъ, организмъ, который нуждается въ безпрепятственномъ ростѣ и благопріятной средѣ. Удастся-ли китайскому народу сразу найти такую политическую форму, которая будетъ наименѣе стѣснять естественныя стремленія входящихъ въ этотъ организмъ живыхъ клѣточекъ, сказать пока трудно. Но необходимо, во всякомъ случаѣ, констатировать тотъ фактъ, что страна, быв-

---

*) Подлинный текстъ эдикта очень различно переводится во французской, англійской и нѣмецкой печати, что и не удивительно въ силу совершенно своебразнаго духа китайскаго языка, на которомъ почти каждое мало-мальски отвлеченное слово вызываетъ очень отличную отъ европейскихъ языковъ ассоціацію идей. Переводить съ китайскаго приходится лишь приблизительно. Я даю переводъ, который, какъ мнѣ кажется, точнѣе и непосредственнѣе передаетъ характеръ подлинника и основанъ на сопоставленіи различныхъ варіантовъ, данныхъ европейской прессой.

шая до сихъ поръ символомъ неподвижности, сдѣлала за послѣднія пять шесть лѣтъ по пути прогресса шаги, скорости которыхъ можетъ позавидовать любое изъ государствъ, давно живущихъ культурною жизнью.

Дѣйствительно, когда начинаешь припоминать новѣйшіе этапы политической эволюціи Китая, то приходится удивляться поистинѣ головокружительной быстротѣ, съ какой громадное человѣческое скопленіе, именуемое Китаемъ, совершало завоеванія въ области свободы и цивилизаціи. Въ свое время, лѣтъ шесть тому назадъ, когда офиціально была признана старымъ правительствомъ необходимость коренныхъ политическихъ реформъ, мы отмѣтили всю многозначительность этого факта и съ тѣхъ поръ не переставали знакомить читателей «Русскаго Богатства» съ новыми фазисами того процесса развитія, которымъ была охвачена Срединная имперія. Не ослѣпляясь исключительной быстротой этой эволюціи, но и не желая отдѣлываться по отношенію къ современной китайской исторіи дешевымъ скептицизмомъ, мы все время старались уяснять смыслъ совершавшихся событій и, по мѣрѣ пониманія, искать ихъ причины, какъ во внутреннемъ развитіи самой страны, такъ и въ ея сближеніи съ культурными государствами.

Было бы, можетъ быть, черезчуръ претенціозно играть роль пророка въ такомъ сложномъ дѣлѣ, какъ перспективы переворота въ странѣ, до сихъ поръ сохранившей значительныя особенности. Но все же, вдумываясь въ элементы жизни современнаго Китая, мы должны сказать, что настоящее и въ немъ опредѣлялось прошедшимъ, и что лишь малое знаніе европейцами внутренней исторіи огромной имперіи позволяло имъ преувеличивать косность «сыновъ Гана». Еще десять лѣтъ тому назадъ, извѣстный французскій географъ, въ новомъ изданіи своего описанія Китая говорилъ: «Вотъ и Китай приходитъ въ движеніе: великій, невообразимый сюрпризъ для большой публики, которая считаетъ эту страну закристаллизовавшейся, на вѣки застывшею, между тѣмъ какъ ея исторія показываетъ какъ разъ противоположное. Въ высшей степени несправедливо продолжать говорить о неподвижности Срединной имперіи, ибо нигдѣ не пронеслось столькихъ революцій, вызывавшихъ перевороты въ обществѣ, и нигдѣ не было испробовано большаго количества различныхъ правительственныхъ системъ. Измѣняясь такимъ образомъ, сыны «Средины» дѣйствовали въ соотвѣтствіи съ принципомъ, который былъ выраженъ однимъ изъ самыхъ старыхъ ихъ мудрецовъ, цитированныхъ еще Конфуціемъ: «чтобы улучшить себя, старайся перерождаться каждый день»! *)

Достаточно припомнить главнѣйшія политическія событія послѣднихъ лѣтъ, чтобы видѣть, какъ энергично старый Китай «пе-

*) Elisée (et Onésime) Reclus, «L'Empire du Milieu»; Парижъ, 1902. стр. 578.

перерождался» въ новый. О парламентарныхъ учрежденіяхъ въ Китаѣ впервые заговорилъ императорскій эдиктъ 1 сентября 1906 г., въ которомъ обѣщалась конституція, какъ только народъ созрѣетъ для нея, а вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось на необходимость развивать народное образованіе, улучшать финансы, реорганизовать армію и полицію. Въ 1907 г. другой эдиктъ учредилъ совѣщательный органъ, какъ бы переходную ступень къ представительному правленію. Указъ 27 августа 1908 г. возвѣщалъ о намѣреніи императора созвать правильный парламентъ и провозгласить конституцію на девятомъ году со времени изданія манифеста. А 3 декабря того же 1908 г. пришлось подтвердить содержаніе прежняго указа новымъ. Все это происходило подъ давленіемъ усиливавшейся оппозиціи и революціонныхъ выступленій передовыхъ элементовъ населенія, которые не удовлетворялись оттягиваніемъ конституціи на долгій срокъ. Въ 1909 г. напоръ освободительныхъ силъ вылился въ три обширныя петиціи, изъ которыхъ первыя двѣ были отвергнуты, тогда какъ третья, опиравшаяся на могучія симпатіи почти всѣхъ классовъ, повела къ изданію декрета 31 октября, опредѣлявшаго общественныя группы, среди которыхъ должно было избираться имперское собраніе (или сенатъ). Годъ спустя, 3 октября 1910 г., этотъ сенатъ дѣйствительно былъ собранъ. Онъ заключалъ 262 члена, изъ которыхъ 98 были назначены императоромъ и насчитывали въ своихъ рядахъ императорскихъ принцевъ, маньчжурскихъ и китайскихъ перовъ, представителей различныхъ министерствъ, извѣстныхъ ученыхъ и очень крупныхъ землевладѣльцевъ тогда какъ другіе 98 членовъ являлись делегатами отъ провинціальныхъ собраній, игравшихъ роль подготовительныхъ мѣстныхъ парламентовъ, а остальные назначались Большимъ Совѣтомъ и различными правительственными учрежденіями.

Мы знаемъ, какъ непослѣдовательно велъ себя въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ этотъ парламентъ, то удивляя правительство и иностранцевъ смѣлостью и энтузіазмомъ своихъ революціонныхъ требованій, то вступая на путь малодушныхъ уступокъ и дешеваго маккіавелизма. Не даромъ европейскіе наблюдатели только руками разводили, слѣдя за внезапными поворотами въ настроеніи этихъ, правда не вполнѣ настоящихъ представителей народа, и неоднократно восклицали, что для того, чтобы понять странные эпизоды этой оппозиціи, нужно обладать душей китайца, въ которую трудно проникнуть чужестранцу.

Лѣтомъ прошлаго года, «Русское Богатство», въ одной изъ своихъ корреспонденцій съ востока, дало читателямъ исторію этого учрежденія, сначала возбудившаго такія пламенныя надежды, а затѣмъ потерявшаго всякій кредитъ и популярность... Движеніе какъ-будто шло на убыль...

Но китайская революція возгорѣлась съ удвоенною силою какъ разъ тогда, когда всѣ ее считали почти угасшей. Ранней осенью

1911 г., въ южномъ Китаѣ вспыхнуло возстаніе, имѣвшее цѣлью сопротивленіе правительственному плану націонализаціи желѣзнодорожныхъ линій и быстро охватившее весь бассейнъ Янъ-Цзы, а затѣмъ болѣе или менѣе затронувшее и весь остальной Китай, несмотря на удачное мѣстами сопротивленіе правительственныхъ войскъ. Прибытіе извѣстнаго революціонера, Суэнъ-Йи-Сьена (Сунъ-Ятъ-Сэнъ), который уже не одинъ десятокъ лѣтъ борется со старымъ режимомъ во имя свободы, демократіи и соціальныхъ реформъ, подкрѣпило революціонныя стремленія и, несмотря на двуличную политику Юань-Ши-Кая, помогло поставить ребромъ вопросъ о необходимости выбора между монархіей и республикой.

Конечно, мы не знаемъ, каковъ будетъ ближайшій результатъ принципіальнаго признанія республики. Теперь дѣло въ практическомъ осуществленіи принципа. Сунъ-Ятъ-Сэнъ, который былъ избранъ временнымъ президентомъ республики на собраніи провинціальныхъ делегатовъ въ Шанхаѣ, очень охотно, повидимому, уступилъ теперь свое мѣсто Юань-Ши-Каю, избранному «единогласно» президентомъ новой республики на засѣданіи національнаго собранія 16 февраля въ Нанкинѣ. Но еще вопросъ, доволенъ ли онъ этимъ въ душѣ: мы говоримъ, конечно, не о его личныхъ чувствахъ, а о его общественныхъ идеалахъ. Еще недавно, въ письмѣ къ Юань-Ши-Каю, Сунъ-Ятъ-Сенъ, выражая свою радость по поводу присоединенія стараго государственнаго дѣятеля къ республиканской партіи, дѣлалъ однако совершенно резонное возраженіе противъ самаго факта выбора высшаго сановника новаго строя отрекающеюся за всю свою династію отъ престола императрицей *). Тутъ открывается широкая область гипотезъ. Что значитъ это отступленіе Сунъ-Ятъ-Сэна передъ Юань-Ши-Каемъ? Вѣдь искренній и безкорыстный китайскій революціонеръ не можетъ же не знать двуличной и глубоко эгоистической натуры «сильнаго человѣка». Вѣритъ ли онъ въ цѣлесообразность принципа «лиха бѣда начать» и полагаетъ, что не надо на первыхъ порахъ разбивать армію республиканцевъ междуфракціонной борьбой? Или же онъ предвидитъ неизбѣжность пораженія представляемыхъ имъ крайнихъ элементовъ въ борьбѣ за наиболѣе демократическія формы новаго строя? Знаменательно, въ самомъ дѣлѣ, что Сунъ-Ятъ-Сэнъ, называющій себя соціалистомъ и издавна пропагандирующій необходимость коренной аграрной реформы, все это послѣднее время слабо отмежевывается отъ общей оппозиціонной арміи и, повидимому, желаетъ лишь коллективнаго напора на правительство со стороны всѣхъ враговъ стараго строя,

---

*) Повидимому въ китайскомъ подлинникѣ нѣтъ, собственно, слова „отреченіе". Это обстоятельство вызвало уже тревогу на столбцахъ лѣвыхъ республиканскихъ органовъ, которые видятъ здѣсь подвохъ со стороны составителей манифеста, говорящаго о добровольномъ „уходѣ" династіи: кто ушелъ, тотъ можетъ и вернуться,—аргументируютъ крайніе элементы, не довѣряющіе эдикту.

съ какихъ бы концовъ горизонта они ни сошлись подъ знаменемъ освободительнаго движенія. По крайней мѣрѣ, тѣ требованія соціальныхъ реформъ, которыя еще недавно выдвигались его учениками, совершенно отступили на задній планъ передъ общимъ походомъ на правительство. Высшая ли это мудрость, или же разочарованіе въ томъ дѣлѣ, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь? Думаетъ ли онъ, что важно прежде всего установить республиканскую форму, хотя бы въ самомъ несовершенномъ видѣ, для того, чтобы въ рамкахъ ея стала возможной борьба за программу крайнихъ партій? Или выжидаетъ событій и сбирается съ силами, чтобы съ новой энергіей вмѣшаться въ ходъ современной китайской исторіи? Трудный вопросъ, тѣмъ болѣе трудный, чѣмъ скуднѣе наши свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ о событіяхъ на дальнемъ востокѣ.

Не забѣгая въ будущее, мы считаемъ данный моментъ какъ разъ подходящимъ для анализа тѣхъ особенностей стараго строя въ Китаѣ, которыя въ своемъ развитіи могли привести къ перевороту и которыя, однако, черезчуръ легко упускались изъ виду европейцами. Объ этихъ своеобразныхъ сторонахъ китайской національной жизни мы уже имѣли случай не одинъ разъ говорить съ нашимъ читателемъ по поводу то того, то другого вопроса. Теперь намъ хотѣлось бы окинуть общимъ взглядомъ совокупность этихъ особенностей, помогающихъ намъ понять, почему такъ легко рухнули, казалось бы, необычайно прочныя, заросшія почтеннымъ историческимъ мохомъ твердыни стараго Китая. Съ этой точки зрѣнія основную черту Срединной имперіи нужно видѣть въ томъ, что, несмотря на свою столь длинную исторію и столь старинную культуру, она развивалась такъ медленно, что донесла до соприкосновенія съ послѣдними словами современной цивилизаціи первобытныя родовыя и демократическія учрежденія и идеи, позволяющія ей съ большей легкостью перейти къ республиканскому строю, чѣмъ это могли сдѣлать государства, продвинувшіяся далѣе ея и находящіяся на полпути историческаго развитія.

Если вдуматься хорошенько въ соціально-политическій строй Китая, то онъ являетъ намъ зрѣлище своеобразнаго просвѣщеннаго абсолютизма, вродѣ того, который господствовалъ въ Европѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ, но съ сохраненіемъ такихъ чертъ первобытнаго родового строя и корпоративной группировки населенія, какія въ Европѣ замѣчались развѣ при самомъ началѣ среднихъ вѣковъ, когда новый укладъ сталъ слагаться изъ учрежденій варварскихъ племенъ, вступившихъ въ борьбу съ античной цивилизаціей, отчасти разрушившихъ ее, но и постепенно усвоившихъ нѣкоторыя ея стороны. Эта чрезвычайная отсталость китайской цивилизаціи и дала возможность старымъ демократическимъ стремленіямъ народа найти удовлетвореніе въ тѣхъ формахъ политической свободы и гражданственности, которыми наше современное

общество напоминаетъ первобытныя народоправства. Возьмемъ два-три элемента китайскаго строя и вскроемъ ихъ смыслъ, ускользающій отъ поверхностнаго наблюдателя.

Каковъ, напр., характеръ власти въ китайской имперіи? Политическая власть въ старомъ Китаѣ, какъ извѣстно, организована по типу семьи. Верховная власть является преображеніемъ въ сферѣ общей политики той власти, которою пользуется патріархальный глава семьи въ сферѣ частныхъ отношеній. Императоръ считается «отцомъ и матерью» своихъ подданныхъ. Его власть въ теоріи безгранична и носитъ священный характеръ власти отца, который при жизни управляетъ всѣми своими домочадцами, да и по смерти сохраняетъ мистическое господство надъ своимъ родомъ, присоединяясь къ сонму божественныхъ предковъ. Отсюда безграничность и святость императорской власти. Императоръ уступаетъ по достоинству лишь верховному божеству китайцевъ, «великому богу небесъ». Всѣ остальныя божества, геніи и духи должны повиноваться его велѣніямъ. Китайская поговорка наивно выражаетъ мощь владыки: «И орелъ — рыба, когда прикажетъ сынъ неба». Всѣ императорскіе указы, согласно старинной формулѣ, должны оканчиваться грозной фразой: «Да вострепещутъ всѣ и да повинуются». Въ принципѣ священный характеръ китайскаго императора даже не зависитъ отъ его личныхъ достоинствъ: «Какъ ни старъ колпакъ, но его надѣваютъ на голову, и какъ ни новы и чисты сапоги, ихъ обуваютъ на ноги. Кіе и Чеу были презрѣнными злодѣями, но зато царями; Чингъ-Тангъ и Ву-Вангъ были великими святыми, но зато простыми подданными».

Но у этой блестящей, сверхчеловѣческой стороны императорской власти есть оборотная, вогнутая сторона. Императоръ, перестающій быть отцомъ для своихъ подданныхъ, теряетъ и свой священный характеръ. И уже давно европейцы отмѣтили съ изумленіемъ, что въ этомъ случаѣ китаецъ становится на точку зрѣнія француза временъ Великой революціи, для котораго, согласно знаменитой якобинской конституціи 24 іюня 1793 г., въ случаѣ угнетенія, возстаніе противъ власти есть «священнѣйшее право и самый непреложный долгъ народа». Китайскіе мудрецы говорятъ: «Императоръ и подданный, если они нарушаютъ законъ, одинаково виновны» А народная поговорка гласитъ: «Если ты пріобрѣтешь любовь народа, то пріобрѣтешь и императорскую власть надъ нимъ. А потеряешь любовь, долженъ потерять и власть». Императоръ, считая себя верховнымъ существомъ, считаетъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственнымъ передъ народомъ не только за все хорошее, но и за все дурное, что происходитъ въ его царствованіе. Съ наивной откровенностью китайскій императоръ заграждаетъ уста лукавому царедворцу, столь обычному въ культурныхъ государствахъ, который сталъ бы прославлять монарха за благополучіе народа подъ его скипетромъ и умалчивалъ бы о народныхъ бѣдствіяхъ въ его цар-

ствованіе. Мораль, изучаемая китайскими императорами, энергично говоритъ устами владыки: «Холодно ли народу,—я тому причиною. Голодно ли ему,—то моя вина. Впадаетъ ли онъ въ какое несчастіе—обвиняйте меня». По словамъ мудреца Мэнъ-Цзы, «отвѣтственность возрастаетъ вмѣстѣ съ властью: справедливо поднять руку на царя, когда онъ самъ нарушаетъ справедливость. Сопоставьте всѣ эти афоризмы и изреченія сѣдой древности,—и вы поймете ту атмосферу демократическаго настроенія, которая проникаетъ душу самаго подлиннаго китайца, могущаго одновременно падать ницъ передъ богдыханомъ и считать себя вправѣ поднимать руку на неправеднаго властелина...

Возьмемъ другой вопросъ,—о характерѣ управленія. Страна очень древней цивилизаціи, Китай тѣмъ не менѣе не успѣлъ выработать того мертвящаго централизма, который, какъ обручами, сжимаетъ на континентѣ Европы свободу гражданина и ростъ мѣстной жизни и мѣшаетъ самодѣятельности личностей, группъ и учрежденій. Послушаемъ опять мыслящаго изобразителя страны и жизни китайцевъ: «Въ дѣйствительности, китайцы пользуются традиціонными свободами, которыхъ недостаетъ большинству націй западной Европы. Они могутъ свободно путешествовать по всѣмъ частямъ Имперіи, не встрѣчая жандарма, который спросилъ бы у нихъ паспортъ. Они занимаются любой профессіей безъ всякихъ патентовъ, дозволеній и разрѣшеній со стороны кого бы то ни было. Свобода печати и расклейки объявленій повсюду соблюдается. И народное собраніе происходитъ въ публичныхъ мѣстахъ безъ всякаго извѣщенія полиціи. Даже въ безпокойномъ городѣ Кантонѣ правительство никогда не пыталось закрыть двери Минглунъ-Танга, или «дворца свободнаго обсужденія *).

Съ другой стороны, мандарины и старомодная бюрократическая интеллигенція жестоко стригутъ народъ и безгранично увеличиваютъ приходящіеся съ него, въ сущности, очень скромные налоги. Но все это до поры до времени. Если чиновникъ переходитъ границы хищничества или жестокости, то привыкшее къ широкимъ муниципальнымъ свободамъ населеніе дружно возмущается, и когда на стѣнахъ зданій расклеиваются объявленія, предписывающія какому-нибудь губернатору или судьѣ «отъ имени всего города» немедленно удалиться, то сопротивленіе становится безполезнымъ. Повсюду составляются публичныя собранія, рѣшаютъ изгнаніе тирана и посылаютъ ему депутаціи съ извѣщеніемъ о волѣ города, предлагая съ вѣжливой ироніей блестящій паланкинъ для ухода и прося сановника, въ случаѣ повиновенія, «оставить городу на память сапоги», которые будутъ повѣшены съ тріумфомъ на городскихъ стѣнахъ.

Старинный принципъ самоуправленія и автономіи областей и

*) Ibid. стр. 610.

во время революціи далъ себя знать съ особенною силою. Комично было читать разсужденія европейцевъ по поводу содержанія императорскихъ указовъ, объявлявшихъ учрежденіе въ городахъ и провинціяхъ особыхъ подготовительныхъ собраній, которыя должны были играть роль мѣстныхъ предварительныхъ парламентовъ. Послушать почтенныхъ корреспондентовъ,—то была неслыханная, великая и благодѣтельная реформа, вводимая императорскимъ правительствомъ въ виду общей политической незрѣлости народа, съ цѣлью подготовленія его къ представительному правленію. На самомъ же дѣлѣ это было простымъ закрѣпленіемъ на бумагѣ незапамятнаго обычая, существующаго во всей Срединной имперіи и состоящаго въ томъ, что всѣ естественныя ячейки и группировки людей, начиная отъ собранія главъ семействъ въ деревняхъ и кончая представителями городовъ и областей, функціонирующихъ рядомъ съ бюрократіей, участвуютъ повсюду въ рѣшеніи важныхъ мѣстныхъ дѣлъ и постановляютъ резолюціи даже по такимъ, казалось бы, вопросамъ общe-государственнаго характера, какъ размѣры податей, которыя та или другая область, городъ, сельская община должны вносить на поддержаніе имперскаго бюджета. Въ одной изъ предшествовавшихъ статей я уже упоминалъ, въ какой степени мѣстные бюджеты превышаютъ своими размѣрами бюджетъ центральнаго правительства, а, съ другой стороны, какимъ необходимымъ условіемъ для обложенія населенія является его сознательное согласіе на участіе въ государственныхъ тягостяхъ. Такимъ образомъ императорскіе декреты только спеціализировали дѣятельность мѣстныхъ органовъ на вопросахъ выработки новыхъ политическихъ учрежденій.

Много также писалось о значеніи суевѣрій и традицій китайской жизни, препятствующихъ, молъ, развитію прогрессивныхъ идей и учрежденій. Но и въ этой сферѣ китаецъ обнаруживаетъ свойства ума, которыя, наоборотъ, дѣлаютъ изъ него человѣка, энергично стремящагося къ новымъ формамъ жизни и мысли, какъ только онъ сознаетъ ихъ полезность. Добросовѣстные изслѣдователи китайской жизни теперь приписываютъ все чаще и чаще распространеніе такихъ невыгодныхъ мнѣній о населеніи Срединной имперіи миссіонерамъ всевозможныхъ національностей, которые, сталкиваясь съ могучимъ скептицизмомъ китайцевъ во всѣхъ вопросахъ «потусторонности» и ихъ нежеланіемъ хвататься за новое религіозное ученіе, распускали пристрастные слухи о «сынахъ Гана», какъ о людяхъ, держащихся всѣми силами за безсмысленные вѣковые предразсудки. Предразсудки были какъ разъ на сторонѣ обвинителей. Наиболѣе серьезны наблюдатели всколыхнутаго революціоннымъ движеніемъ Китая поражаются, наоборотъ, тѣмъ свободомысліемъ, которое обнаруживаютъ его обитатели, и тѣмъ сознательнымъ и глубокимъ, тѣмъ страстнымъ стремленіемъ къ усвоенію новыхъ идей, которыми проникнута и трепещетъ душа современ-

наго китайца. Устроенныя на европейскій ладъ школы и новыя туземныя газеты пользуются огромной популярностью въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Китая. При этомъ у «сыновъ Гана» отнюдь не замѣчаются та торопливая подражательность и желаніе обезьянить европейцевъ, которыя нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ охватили японцевъ. Здѣсь, наоборотъ, мы видимъ стремленіе вдумчиво отнестись къ выбору хорошаго и дурного среди новшествъ и къ энергичному преслѣдованію лишь тѣхъ задачъ, которыя вытекаютъ изъ самой реформирующейся жизни. Этому способствуетъ серьезное отношеніе китайцевъ къ просвѣщенію, которое имъ передалось отъ стародавнихъ временъ. Недаромъ слово «кіао» на ихъ языкѣ обозначаетъ и образованіе, и религію: просвѣщеніе человѣка является такимъ образомъ для нихъ настоящимъ культомъ! Это стремленіе, правда, принимало въ теченіе долгаго времени карикатурную форму надѣленія людей чинами въ соотвѣтствіи со степенью знаній, обнаруживаемыхъ ими на офиціальныхъ экзаменахъ. Но за этой карикатурной формой скрывалось серьезное содержаніе, а именно чисто демократическій взглядъ на значеніе сознательнаго участія гражданъ въ управленіи родиной. Предположите только измѣнившееся положеніе вещей и прогрессъ настоящей науки, и вы легко можете себѣ представить, какой запасъ энергіи будетъ обнаруженъ китайцами, когда политическія учрежденія страны будутъ опираться на правильно функціонирующую конституцію, а свобода личности поддерживаться демократическимъ строемъ...

Здѣсь, конечно, возникаетъ вѣчный вопросъ, вопросъ соціальный, усложняющій рѣшеніе политическихъ задачъ. Въ какой степени столкновеніе классовыхъ и групповыхъ интересовъ допуститъ осуществленіе истинной республики и широкой демократіи? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что медленность развитія экономической жизни Китая, отсутствіе хорошихъ путей сообщенія (за исключеніемъ каналовъ), бѣдность могучихъ техническихъ орудій современности, малое проникновеніе во внутренность страны продуктовъ и идей міроваго обмѣна,—все это должно было задержать соціальную эволюцію страны, придать неподвижность общественной организаціи и закристаллизовать существующіе классы и профессіи въ устойчивыя историческія группы. Но теперь дѣло не можетъ идти такъ дальше. Пламя экономическаго и идейнаго прогресса, раздутое живымъ общеніемъ съ западно-европейцами, пожретъ не мало старинныхъ формъ жизни. И вотъ, возникаетъ вопросъ: не вызоветъ ли это разъ начавшееся великое броженіе той яростной соціальной борьбы, которая повсюду въ цивилизованныхъ странахъ мѣшаетъ дружному осуществленію всѣмъ обществомъ крупныхъ общественныхъ же задачъ?

Китай пока преимущественно сельская страна, гдѣ по меньшей мѣрѣ двѣ трети населенія съ незапамятныхъ временъ заняты

земледѣліемъ, принявшимъ характеръ замѣчательно интенсивнаго и цѣлесообразнаго огородничества, но при отсутствіи усовершенствованныхъ орудій. Съ другой стороны, городское населеніе Китая отличается преобладаніемъ въ немъ класса виртуозовъ-ремесленниковъ, которые могутъ производить съ замѣчательнымъ искусствомъ прочные и красивые продукты домашняго потребленія, но не могутъ снабдить страну, за отсутствіемъ крупныхъ фабрикъ, потребовавшимися теперь въ такомъ количествѣ продуктами большой индустріи. Въ городахъ же сохранился еще очень значительный слой торговцевъ,—китайцы страстные коммерсанты по природѣ,—которые точно также должны будутъ испытать тяжелую конкуренцію могучихъ соперниковъ въ лицѣ крупныхъ капиталистовъ и концессіонеровъ, скопившихся въ открытыхъ европейцамъ пунктахъ страны и быстро растущихъ въ числѣ и вліяніи по мѣрѣ того, какъ Срединная республика будетъ все дальше и дальше вовлекаться въ міровой процессъ. Обратите, наконецъ, вниманіе на существованіе того класса интеллигенціи, который былъ вызванъ къ жизни потребностями правительства въ образованной бюрократіи и который, вслѣдъ за паденіемъ традиціоннаго мандарината, долженъ будетъ зарабатывать средства къ жизни тяжелымъ трудомъ, являясь въ то же время слоемъ людей съ наиболѣе широкими общественными перспективами. Сопоставьте вмѣстѣ всѣ эти элементы, вызовите воображеніемъ картину ихъ столкновенія при ускорившемся темпѣ общественной жизни,—и вы легко поймете, въ какой степени на почвѣ современнаго Китая можетъ воспылать жаркая соціальная борьба между этими различными классами населенія, и въ какихъ размѣрахъ эти соціальныя коллизіи могутъ усложнить вопросы политическаго прогресса, открывая возможность эгоистическимъ честолюбцамъ, вродѣ Юань-Ши-Кая, наигрывать на интересахъ то той, то другой группы и, опираясь на нихъ, ставить свободѣ и демократіи самыя серьезныя препятствія.

Мы оставили подъ конецъ разсмотрѣніе еще одного вопроса, который можетъ оказаться если не роковымъ, то чреватымъ опасностями для молодой республики. Не надо быть особенно проницательнымъ наблюдателемъ, чтобы замѣтить, что если почему-либо китайская революція охватила такое громадное пространство и привела съ такой легкостью къ столь кореннымъ преобразованіямъ, то потому, что до сихъ поръ Китай былъ глубоко мирной страной, и его арміи вовсе не представляли собою такого спеціальнаго органа нападенія и защиты, какимъ онѣ являются въ рукахъ государственной власти и привилегированныхъ сословій на почвѣ старыхъ культурныхъ странъ. Огонь революціи, правда, захватилъ чуть ли не прежде всего солдатъ, и именно тѣхъ изъ нихъ, которые являются піонерами современной военной реформы, совершающейся въ Китаѣ. Но все же постоянное войско въ Срединномъ государствѣ до такой степени еще мало приняло спеціальный ха-

рактеръ послушнаго орудія въ рукахъ носителей власти, такъ еще слабо отличается по характеру, настроенію, дисциплинѣ, общимъ жизненнымъ воззрѣніямъ отъ всего прочаго населенія, что любой китаецъ, вооруженный современнымъ ружьемъ, стóитъ почти столько же въ бою, сколько солдатъ дисциплинируемыхъ на европейскій ладъ отрядовъ. Китаецъ въ блузѣ и китаецъ въ мундирѣ не только мало разнятся одинъ отъ другого по ихъ идеямъ, но они не особенно много разнятся и по ихъ боевой способности. Достаточно поэтому небольшого энтузіазма, чтобы отрядъ гражданъ могъ, напр., явиться серьезнымъ препятствіемъ для военныхъ экзекуцій и карательныхъ экспедицій. Кромѣ того, Китай переживаетъ въ настоящее время ту бунтовскую эпоху, какую переживала разрыхленная революціями Франція до половины XIX вѣка, когда возможны были еще побѣдоносныя уличныя возстанія и братанія войскъ съ народомъ. Тогда не было еще той разницы въ техникѣ вооруженія и,—что бы ни говорили апологеты современныхъ «демократическихъ» армій,—и той разницы въ духѣ военныхъ и штатскихъ элементовъ, которая въ настоящее время проявляется съ такою силою на территоріи наиболѣе культурныхъ государствъ и, несмотря на пропаганду передовыхъ идей, превращаетъ пока армію, предназначенную въ теоріи противъ внѣшнихъ враговъ, въ ту «соціальную жандармерію», которую такъ пропагандировалъ старый рубака и свирѣпый усмиритель коммуны, Галлиффэ, прямо заявлявшій, что, по его мнѣнію, настоящая роль войска должна бы заключаться въ защитѣ имущихъ отъ неимущихъ.

Спрашивается теперь, долго ли Китай будетъ отставать въ организаціи арміи отъ нашихъ «культурныхъ» странъ? А если нѣтъ, то не грозитъ ли Срединной республикѣ возможность, по пути быстраго и радикальнаго преобразованія, натолкнуться на существованіе вышколенной, хорошо вооруженной арміи на европейскій ладъ, которая можетъ явиться грознымъ оружіемъ реакціи и народнаго подавленія въ рукахъ господъ положенія, вродѣ Юань-Ши-Кая?

Предоставимъ, впрочемъ, будущему рѣшать эти вопросы. А пока пожелаемъ Китаю безпрепятственнаго развитія демократическихъ учрежденій и установленія гражданской свободы, въ которыхъ такъ нуждаются и болѣе культурныя страны. Во всякомъ случаѣ, уже одинъ тотъ фактъ, что въ Китаѣ провозглашена республика, — мало того, даже одно слово «Китайская республика» означаетъ серьезный переворотъ въ воззрѣніяхъ современнаго человѣчества. Такія явленія имѣютъ міровое значеніе. Конечно, не важны сами по себѣ голыя слова и бумажныя формулы. Но важенъ тотъ взрывъ энтузіазма, тотъ пафосъ общественнаго творчества, который отдѣляется отъ нихъ и не можетъ не вызывать у другихъ народовъ совершенно естественнаго желанія подражать. Въ свое время было замѣчено, что подражаніе, столь часто играющее въ

исторіи роль реакціоннаго начала, можетъ, при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ, стать могущественнымъ рычагомъ всеобщаго преобразованія. И это тѣмъ болѣе, что весь міръ превращается въ настоящее время изъ низшаго организма, съ независимыми, плохо связанными между собою членами, въ высшій организмъ, который повсюду прорѣзывается гигантскими нервами и узлами современныхъ орудій матеріальнаго и идейнаго общенія людей: желѣзными дорогами, печатью, телеграфами, телефонами, разносящими во мгновеніе ока по всему лицу земли пріемы рѣшенія соціальныхъ и политическихъ задачъ каждой частной страной.

II.

Между тѣмъ, какъ молодой Китай старается сбросить съ себя архаическую скорлупу, государства современной Европы, живущей столь сложною и противорѣчивою жизнью, стремятся создать все болѣе и болѣе обширныя формы международныхъ отношеній и, въ частности, союзовъ съ цѣлью удовлетворить противорѣчивыя задачи: расширить свои колоніальныя владѣнія и увеличить политическую мощь, а въ то же время ослабить возможность столкновенія на этой дорогѣ съ соперниками.

Пружиной новыхъ, намѣчающихся комбинацій служитъ отношеніе двухъ наиболѣе демократическихъ государствъ Запада, Франціи и Англіи, къ великой милитаристской и полу-феодальной монархіи средней Европы. Еще недавно система группировки европейскихъ державъ могла быть выражена формулой двухъ трехъ-атомныхъ молекулъ, выступающихъ болѣе или менѣе враждебно одна противъ другой: Германіи, Австріи и Италіи, составляющихъ тройственный союзъ, на одной сторонѣ; Франціи, Англіи и Россіи, образующихъ «сердечное соглашеніе», на другой. Но теперь дѣло идетъ, повидимому, о комбинаціи еще высшаго типа. Двѣ молекулы стремятся образовать болѣе сложное соединеніе, при чемъ, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, дѣло, вѣроятно, не обойдется безъ вытѣсненія однихъ атомовъ и замѣны ихъ другими.

Какъ бы то ни было, суть какъ будто назрѣвающаго измѣненія въ политической конъюнктюрѣ современной Европы заключается, повидимому, въ томъ, что усиливается сродство между народами, приближающимися болѣе одинъ къ другому по степени ихъ культуры и гражданственности, и ослабляется тяга между несродными между собою государственными тѣлами. Нѣтъ, напр., никакого сомнѣнія, что тяготѣніе между Франціей и Англіей, насчитывающее уже около восьми лѣтъ, стало проявляться все замѣтнѣе по мѣрѣ того, какъ Франція стала разочаровываться, во-первыхъ, въ боевой силѣ Россіи, во-вторыхъ, въ степени нелюбви своей союзницы къ Гер-

маніи, и по мѣрѣ того, какъ у обоихъ сосѣдей, раздѣленныхъ Ламаншемъ, начали обостряться опасенія и національная зависть къ растущей не по днямъ, а по часамъ промышленной и колоніальной мощи Германской имперіи. Но это взаимное притяженіе двухъ демократическихъ странъ и отталкиваніе ихъ отъ третьей, сохранившей болѣе значительные слѣды феодализма и независимой отъ народа монархической власти, усложнялись еще не особенно дальновидной, но до извѣстной степени понятной политикой соглашенія вольнолюбивой Англіи съ оставшейся бюрократическою и полу-абсолютистскою Россіей.

Тутъ со стороны Великобританіи происходила и происходитъ та же самая иллюзія, жертвою которой въ теченіе, по крайней мѣрѣ, 15 лѣтъ была Франція. Переоцѣнка военной силы Россіи и боязнь враждебной русской политики внушили руководителямъ Британской имперіи, вытянувшей свои щупальцы надъ обширнымъ міромъ колоній, мысль укрѣпить свое положеніе въ Азіи и особенно въ становящейся мятежною Индіи договоромъ съ Россіей. Мы знаемъ, къ чему ведетъ эта политика соглашенія между двумя пропитанными столь различнымъ политическимъ духомъ государствами. Какъ раньше, при союзѣ съ Франціей, официальная Россія пользовалась призракомъ Германіи только для того, чтобы выкачивать изъ населенія Третьей республики громадное количество золотой влаги и орошать ею безплодныя пустыни своего бюродержавія, такъ и теперь та же официальная Россія пользуется совмѣстной дѣятельностью съ Англіей, чтобы вмѣшиваться въ персидскую національную политику то съ цѣлью поддержанія деспотизма мятежнаго шаха, то для наказанія военной юстиціей армянскихъ и другихъ фидаевъ, служившихъ молодому Ирану *).

Но уже замѣчаются симптомы такого же охлажденія Англіи къ своей недавней союзницѣ, какое въ свое время проквнулось въ передовыхъ слояхъ Французской республики. Тогда безпримѣрный въ военной исторіи разгромъ Россіи Японіей подѣйствовалъ на пылкое воображеніе французскихъ шовинистовъ, какъ холодный душъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ демократическіе элементы Франціи стали все больше отдаляться отъ официальной Россіи, видя, съ какой рѣшительностью восточный союзникъ расправлялся на французскія деньги съ оппозиціонными элемен-

*) Среди нѣкоторыхъ заядлыхъ консерваторовъ Англіи эта политика англо-русскаго сотрудничества въ Персіи безцеремонно провозглашается необходимостью, причемъ аргументація упрощается до нельзя: «конституціонный режимъ производитъ до сихъ поръ въ Персіи одинъ хаосъ», а потому — необходимо „совмѣстное владѣніе Персіей (a condominium) со стороны Россіи и Великобританіи“. Такъ буквально стоитъ въ статьѣ Robert Machray, „The Fate of Persia“; „The Fortnightly Review“, 1912, февраль, стр. 302.

тами въ самой Россіи и съ національностями окраинъ. Правда, это послѣднее настроеніе не удержалось послѣ того, какъ наша реакція осталась побѣдительницей. Но скептическое отношеніе къ военной мощи Россіи все же значительно расхолаживаетъ руссофильство правительственныхъ круговъ Франціи, у которыхъ упоминаніе объ «алльянсѣ» осталось лишь традиціонной фразой, не заключающей въ себѣ почти никакого реальнаго содержанія.

Подобный же процессъ отрезвленія начинаетъ происходить въ Англіи, которая вотъ уже пять лѣтъ какъ плаваетъ въ фарватерѣ русской политики. На почвѣ старинной вольнолюбивой страны растетъ все больше и больше оппозиція противъ мирволенія офиціальнымъ притязаніямъ Россіи, желающей вести свою собственную линію, не особенно считающуюся съ историческими задачами внѣшней политики Англіи. Уже не въ однихъ радикальныхъ, а и въ либеральныхъ, даже въ консервативныхъ кругахъ Англіи слышатся недвусмысленные крики «долой казацкій союзъ!», представляющіе противовѣсъ сомнительнымъ обоюднымъ визитамъ въ родѣ собранной съ бору по сосенкѣ «самозванной» депутаціи англичанъ на берега Невы. И число настроенныхъ противъ Россіи органовъ растетъ вплоть до недавняго появленія еженедѣльника, носящаго многозначительное заглавіе: «Мрачнѣйшая Россія». Конечно, близорукіе политики Парижа и Лондона могутъ еще мечтать о цѣнности «сердечныхъ» экскурсій англо-франко-руссовъ въ столицы трехъ государствъ. Но здравый смыслъ британцевъ и присущая политикѣ Англіи, несмотря на ея могучій національный эгоизмъ, нота извѣстнаго свободолюбія должны все болѣе укрѣплять скептицизмъ англійскаго народа по отношенію къ результатамъ, которые великая колоніальная имперія можетъ извлечь изъ своего сотрудничества съ полуархаической Россіей *).

Вполнѣ, поэтому, естественно, что у англичанъ зародилась мысль, вмѣсто того, чтобы охранять храмину своихъ политическихъ комбинацій заржавѣлымъ громоотводомъ Россіи, пойти навстрѣчу къ самой грозовой тучѣ, войти въ тѣ слои атмосферы, гдѣ можетъ назрѣть столь пугающая Англію война съ Германіей, короче сказать, условиться съ возможнымъ врагомъ. Съ этой точки зрѣнія и должно разсматривать недавнее посѣщеніе Германіи виконтомъ Холдэномъ, который какъ разъ занимаетъ въ Соединенномъ королевствѣ постъ военнаго министра. Любопытенъ уже самъ по себѣ выборъ этого парламентера. Любопытенъ какъ въ смыслѣ характеристики политическихъ нравовъ Англіи, такъ и по отношенію

*) Въ небезынтересной статьѣ о внѣшней политикѣ Англіи, принадлежащей перу виднаго соціалъ-демократическаго писателя, довольно давно живущаго среди британцевъ, недурно представлены главнѣйшіе моменты назрѣвающаго перелома во взглядахъ населенія на руссофильскую политику Грея. См. Th. Rothstein, „Englands auswärtige Politik“; въ „Die Neue Zeit“. № отъ 26 января 1912, стр. 581—596,

къ самой личности вѣстника мира. Холдэнъ—по профессіи юристъ, по образованію — философъ. И въ то же время онъ—верховный руководитель англійской арміи, — фактъ, который можетъ показаться чудовищнымъ въ полу-феодальной Германіи, но, который, напр., вполнѣ понятенъ для французовъ, гдѣ штатскіе министры становились и становятся во главѣ военнаго министерства, (вспомнимъ хотя бы Фрейсинэ, Берто и настоящаго военнаго министра, Мильрана). Но этого мало. Англія отправила глашатаемъ мира въ Германію человѣка, который славится знаніемъ нѣмецкаго языка и считается знатокомъ нѣмецкой философіи, составляющей, какъ извѣстно, «умственную родину» образованнаго германца. Холдэнъ, шотландецъ по происхожденію, написавшій трудъ о своемъ великомъ соотечественникѣ, Адамѣ Смитѣ, воспитывался отчасти и въ Германіи, слушалъ въ Гёттингенскомъ университетѣ лекціи Лотце, погружался въ хляби гегельянской метафизики и далъ англичанамъ (въ сотрудничествѣ съ Кемпомъ) хорошій переводъ главнаго труда Шопенгауера, «Міръ, какъ воля и представленіе». Этого-то человѣка Великобританія шлетъ посломъ Германіи съ тѣмъ, чтобы разсѣять лишнія недоразумѣнія между двумя странами и подчеркнуть желательность миролюбивой политики.

Визитъ этотъ, повидимому, пришелся по вкусу нѣмцамъ. О немъ не только отозвался благопріятно канцлеръ въ рейхстагѣ, но посѣщеніе Холдэна очень благопріятно комментировалось большинствомъ германской прессы. А по другую сторону Нѣмецкаго моря, въ стѣнахъ «матери парламентовъ», важность этого шага подчеркивалась рѣчами Асквита и Грея, старавшихся уяснить значеніе сближенія между Германіей и Англіей и, кстати, парализовать полу-воинственную словесность импульсивнаго Чёрчилля, который въ роли морского министра продолжаетъ обнаруживать ту же самую необдуманную запальчивость, какую онъ проявилъ во время стачечнаго движенія прошлаго года въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ *).

Что выйдетъ дальше изъ попытки сближенія между Англіей и Гер-

*) Все болѣе и болѣе колеблющаяся въ послѣднее время политика Грея, который желалъ бы обезоружить критику противниковъ его руссофильскихъ тенденцій признаніемъ возможности установленія приличнаго modus vivendi съ Германіей, заставляетъ даже его сторонниковъ требовать отъ либеральнаго кабинета выхода изъ дилеммы: „или мы должны, укрѣпляя наши сухопутныя силы всяческими способами, превратить тройственное соглашеніе въ военную реальность, или же мы должны такъ или иначе измѣнить нашу политику, ведущую насъ на край войны, въ которой насъ оставятъ биться однихъ. Но мы не можемъ продолжать неопредѣленно долго политику всяческихъ даровъ по отношенію къ нашимъ союзникамъ за ихъ проблематическую помощь“, —читаемъ мы въ статьѣ либеральнаго члена палаты общинъ: C. S. Goldman, «Eleven years of foreign policy», въ «The Nineteenth Century», 1912, февраль, стр. 226.

маніей, сказать, конечно, трудно. Но если дипломатамъ, а главное, народамъ двухъ странъ удастся обломать острія боевой политики, направленной взаимно однимъ государствомъ прямо въ грудь другого, то, можетъ быть, дѣло европейскаго мира сдѣлаетъ значительный шагъ впередъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ устранится надобность въ той парадоксальной согласованности политики русской безотвѣтственной бюрократіи и политики англійскаго свободолюбиваго народа, которая вредитъ, какъ внутреннему русскому, такъ и общеевропейскому и даже міровому прогрессу.

Нѣтъ сомнѣнія, что ослабленіе взаимнаго недовѣрія и опасеній между величайшей военной и величайшей морской державами Стараго Свѣта пойдетъ на пользу свободѣ и демократіи во всемъ мірѣ. Теперь наступаетъ какъ разъ такой моментъ, когда въ политической исторіи Германіи обнаруживается нѣкоторый уклонъ къ лучшему. Правда, не слѣдуетъ преувеличивать непосредственное значеніе недавнихъ выборовъ, которые дали перевѣсъ въ нѣсколько голосовъ либеральному блоку надъ клерикально-консервативнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлали нѣмецкую соціалъ-демократію самой многочисленной партіей въ нѣмецкомъ парламентѣ. Ждать крутого поворота въ области германской политики пока еще рано, и не надо быть большимъ пессимистомъ, чтобы усомниться, напр., въ возможности проводить широкія политическія и соціальныя реформы при помощи новаго рейхстага. Развѣ мы не могли убѣдиться изъ исторіи съ выборами президіума, что прочнаго либеральнаго большинства въ нѣдрахъ нѣмецкаго представительства пока еще нѣтъ? Если націоналъ-либералы, перепуганные негодующими письмами своихъ избирателей, отказались выставить своего кандидата на новыхъ президентскихъ выборахъ, мало того, убрали изъ бюро своего вице-президента, такъ что высшій органъ рейхстага оказался состоящимъ изъ двухъ свободомыслящихъ (президента и вице-президента) и изъ одного соціалъ-демократа (перваго вице-президента), то не ясно ли, что и въ болѣе серьезныхъ вопросахъ, касающихся уже не внутреннихъ распорядковъ парламента, а существенныхъ задачъ внѣшней и особенно внутренней политики, націоналъ-либеральная партія послѣдуетъ обычному влеченію своего боязливаго сердца и не разъ будетъ смѣшиваться съ черно-голубымъ блокомъ?

Мало этого. Нельзя вполнѣ довѣрять и либерализму бюргерскихъ радикаловъ Германіи, всѣхъ этихъ блѣдно-розовыхъ прогрессистовъ, которые заполняютъ свою прессу статьями, исповѣдующими самый горячій лойялизмъ, quand même, и ручающимися даже за соціалъ-демократовъ, что они не будутъ особенно упорствовать въ своей соціалистической и республиканской догмѣ. Врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые будутъ касаться прямо или косвенно такъ называемой «національной чести» Германіи,

расширенія ея внѣшней и колоніальной мощи, усиленія арміи и флота, прогрессисты будутъ дружно идти съ консерваторами (къ которымъ, вѣроятно, будетъ отъ времени до времени присоединяться и центръ) и вотируютъ безъ особаго сопротивленія расширенную программу военныхъ и морскихъ издержекъ, съ такою настойчивостью пропагандировавшуюся патріотами во время лѣтняго кризиса и переговоровъ съ Франціей *). Нѣтъ, видно «философическій» канцлеръ, Бетманъ-Гольвегъ, хорошо знаетъ душу своихъ соотечественниковъ, когда заявляетъ съ трибуны парламента, что именно усиленіе соціалъ-демократіи на выборахъ заставляетъ его бороться противъ дальнѣйшей демократизаціи политическаго строя Германіи, и читаетъ либераламъ, словно провинившимся школьникамъ, нотацію по поводу того, что ихъ либерализмъ передвинулся влѣво. Въ его рѣчи даже европейскій миръ и судьбы нормальнаго развитія культурныхъ странъ ставятся въ зависимость отъ того, насколько будетъ прочно стоять твердыня современной полу-феодальной, полу-милитаристской имперіи, которая, молъ, только и охраняетъ политическое равновѣсіе нашихъ дней **).

И вотъ, того роста оппозиціоннаго и вольнолюбиваго духа, котораго мы не ждемъ отъ самостоятельной эволюціи нѣмецкихъ либеральныхъ партій, можно ожидать отъ измѣненія въ отношеніяхъ между Германіей и Англіей, измѣненія, способнаго ослабить страхъ типичнаго нѣмецкаго бюргера передъ коварнымъ Альбіономъ и заставить его болѣе скептически относиться къ правительственнымъ планамъ дальнѣйшаго вооруженія. У нѣмецкихъ патріотовъ будетъ тогда несомнѣнно менѣе поводовъ носиться съ призракомъ британскаго леопарда, старающагося, молъ, наложить свою грозную лапу на всѣ богатыя экзотическія страны, которыя могли бы такъ понадобиться быстро разростающейся Германской имперіи.

Съ другой стороны, ослабленіе антагонизма между нѣмцами и англичанами можетъ сказаться благопріятно и на политикѣ Третьей республики. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тотъ воинственный тонъ, какой приняли органы буржуазной печати на западѣ отъ Вогезовъ во время переговоровъ съ Германіей, въ значительной степени объясняется тѣмъ, что Франція и ея руководители считали возможнымъ въ эту смутную и чреватую сюрпризами эпоху раз-

*) Это признаютъ и стремящіеся къ лѣвому блоку ревизіонисты. Ихъ органъ вполнѣ допускаетъ, что въ «области вооруженій, въ важнѣйшихъ колоніальныхъ вопросахъ... политика блока лѣвыхъ партій» будетъ «безпомощно разсыпаться» (см. Max Schippel, «Die Reichstagswahlen»; «Sozialistische Monatshefte»; № отъ 31 января 1912 г., стр. 80).

**) Мы не считаемъ пока нужнымъ останавливаться подробно на первыхъ, лишь платоническихъ выраженіяхъ различныхъ партійныхъ точекъ зрѣнія въ рейхстагѣ. Любопытно будетъ, однако, видѣть, какъ далеко либералы пойдутъ за соціалъ-демократами въ поддержкѣ хотя бы умѣренной программы, какъ ее развилъ ревизіонистъ Франкъ.

считывать на помощь Англіи. Кто слѣдилъ за французской печатью, тотъ не могъ не замѣтить, что нота «національнаго достоинства» въ буржуазныхъ органахъ, (если не считать, конечно, вѣчно кричащихъ шовинистскихъ газетъ) зазвучала рѣзко только на слѣдующій день послѣ рѣчи Ллойдъ-Джорджа, только послѣ заявленія популярнаго министра, что Англія не можетъ разсматривать посылку нѣмецкой канонерки въ Агадиръ и вообще германскую политику въ Марокко иначе, какъ актъ, задѣвающій существенные англійскіе интересы. Эта рѣчь была точно рычагомъ, поднявшимъ шлюзы французской «любви къ отечеству и народной гордости». Галльскій пѣтухъ сталъ кричать очень громко, какъ только услышалъ за своей спиной дружественное рычаніе уже упомянутаго леопарда. А въ настоящее время нѣтъ ни одного органа французской печати, за исключеніемъ соціалистическихъ и синдикалистскихъ изданій, который не восторгался бы необыкновенной непреклонностью, обнаруженной французской націей (читай: военными, капиталистами и газетчиками) во время переговоровъ съ завогезскимъ сосѣдомъ. Въ особенности эта національная кичливость и восхваленіе своего спартанскаго самообладанія проявились въ послѣднее время, когда франко-германскій договоръ, подписанный еще 4 ноября 1911 г., обсуждался для окончательной ратификаціи во французскомъ парламентѣ. Тутъ печать вторила шуму патріотическаго фонтана, который забилъ широкой волной не только въ импульсивной палатѣ депутатовъ, но и въ болѣе степенномъ сенатѣ.

Не знаменательно ли, что Клемансо, нѣкогда пожинавшій свои лучшіе лавры въ борьбѣ противъ колоніальной политики Ферри, произнесъ въ Верхней палатѣ (11 февраля н. с.) чуть ли не самую шовинистскую рѣчь, еле-еле приправленную философскими разсужденіями о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ, — рѣчь, въ которой онъ выражалъ свое недовольство франко-германскимъ договоромъ и, не предлагая никакого практическаго вывода, тѣмъ не менѣе бросалъ рядъ патріотическихъ фразъ, обладавшихъ даромъ вызывать сочувствующіе возгласы крайнихъ реакціонеровъ. Не имѣя духа сказать прямо ни да, ни нѣтъ по отношенію къ обсуждавшемуся трактату, нападая на своего «друга» Пуанкарэ во имя высокихъ интересовъ отечества, онъ производилъ фуроръ на скамьяхъ правыхъ словами: «Мы не подписываемся подъ приговоромъ отреченія и національнаго паденія, произнесеннымъ нашими сосѣдями. Мы—преемники великой исторіи (nous venons d'une grande histoire), и мы желаемъ сохранить это величіе», на что заядлый реакціонеръ, Годэнъ-де-Виллэнъ, закричалъ во все горло: «Вотъ истинно французскія слова!»... А когда Клемансо снова воскликнулъ: «А, г. Бетманъ-Гольвегъ не будетъ доволенъ? Ну и пусть его не будетъ доволенъ», то ему отвѣтилъ снова громъ апплодисментовъ на различныхъ скамьяхъ сената, и снова въ

насыщенномъ шовинистскимъ электричествомъ воздухѣ прорѣзался крикъ Годэна-де-Виллэнъ: «Браво, г. Клемансо, вотъ еще истинно-французское слово!»

Для насъ, повторяемъ, почти нѣтъ сомнѣнія, что вся эта шовинистская шумиха, все это восхваленіе «твердой», «національной» политики, вся эта игра въ патріотизмъ, разъ уже заразившая Францію ядомъ военной и клерикальной реакціи, въ волнахъ которой чуть не захлебнулась республика во время дѣла Дрейфуса, что это настроеніе умовъ теперь является въ значительной степени результатомъ надеждъ французской буржуазіи, ея правящихъ и милитаристскихъ слоевъ, на дѣятельную помощь могучей Англіи. И вотъ, если Англія и Германія вступятъ между собою въ менѣе враждебныя отношенія, и если первая, отнюдь не оставляя одинокою союзную республику, тѣмъ не менѣе ясно обнаружитъ своей политикой, что она вовсе не намѣрена потворствовать какимъ-нибудь планамъ реванша, то этимъ очень существенно ослабится угроза войны, которая отъ времени до времени приводитъ въ нервное состояніе всю Европу. Разъ Франціи, Германіи и Англіи удастся создать путемъ взаимныхъ уступокъ извѣстную почву для совмѣстной охраны культурныхъ интересовъ, то дѣло мира будетъ почти совершенно обезпечено. Уже тотъ фактъ, что союзная съ Франціей Англія отказывается отъ политики вражды по отношенію къ Германіи, могъ бы способствовать выработкѣ лойяльнаго соглашенія между Французской республикой и, повидимому, обнаруживающей нѣкоторую тягу въ сторону либерализма Германіей. Тогда образовалось бы дѣйствительно плодотворное сотрудничество трехъ наиболѣе культурныхъ въ Европѣ странъ, участіе въ которомъ Англіи взаимно разрѣжало бы противоположныя электричества національной вражды, періодически скопляющейся по обѣ стороны Вогезовъ: на почвѣ Третьей республики и на территоріи Германіи.

Такая политическая комбинація была бы въ особенности полезной теперь, когда весна можетъ принести съ собой серьезныя осложненія на Балканскомъ полуостровѣ. Затрудненія, испытываемыя Турціей въ войнѣ съ Италіей, усиливаютъ воинственное настроеніе всѣхъ тѣхъ національностей Оттоманской имперіи, которыхъ до сихъ поръ младотурки желаютъ заклать на алтарѣ всетурецкаго централизма. Съ наступленіемъ теплаго времени года и съ возстановленіемъ сношеній черезъ горные проходы, и албанцы, и македонцы, несомнѣнно, приступятъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Турціи. Но малѣйшая искра, брошенная въ тотъ пороховой погребъ, какимъ до сихъ поръ остается составленный изъ мозаики народностей Балканскій полуостровъ, грозитъ страшнымъ взрывомъ, который перейдетъ далеко за границы юго-восточной Европы и всколыхнетъ старый міръ въ самыхъ его основаніяхъ. Тѣ безцеремонные пріемы, къ которымъ прибѣгаетъ

въ настоящее время турецкое министерство на выборахъ, подъ давленіемъ комитета «Единенія и прогресса», заранѣе показываютъ, чего могутъ ожидать отъ господствующей національности всѣ остальныя народности, входящія въ составъ Оттоманской имперіи. «Теперь или никогда»,—несомнѣнно, должны сказать себѣ всѣ тѣ подавляемыя въ своихъ естественныхъ стремленіяхъ племена, которыя и спятъ, и видятъ, какъ бы освободиться изъ-подъ ига близорукихъ младотурокъ, обѣщавшихъ, въ противоположность абдулъ-гамидовскому режиму, свободу развитія всѣмъ народамъ Имперіи и угнетающихъ во имя турецкаго государственничества каждую самостоятельную національность.

Не забудьте, съ другой стороны, что разжечь тлѣющее пламя вражды на Балканскомъ полуостровѣ постарается Италія, зашедшая на почвѣ триполитанской кампаніи въ тупикъ, гораздо болѣе безвыходный, чѣмъ сама Турція. Уже умолкаютъ крики безподмѣснаго восторга, и офиціальный оптимизмъ уступаетъ мѣсто болѣе серьезной оцѣнкѣ положенія. Правда, только что собравшійся парламентъ обнаружилъ «безпримѣрный патріотизмъ». На засѣданіи 22 февраля палата депутатовъ вотировала огромнымъ большинствомъ (431 противъ 38) довѣріе министерству, представившему на обсужденіе палаты декретъ объ «аннексіи» Триполи. А въ Сенатѣ два дня спустя (24 февраля) было констатировано даже полное «единогласіе» 202 присутствовавшихъ отцовъ отечества. Но эти засѣданія были засѣданіями для галлереи, для произведенія впечатлѣнія на Европу, и нисколько не предрѣшаютъ невозможности рѣзкой критики самаго выполненія плана экспедиціи *).

Затрудненія растутъ съ каждымъ днемъ. Уже готовится къ отсылкѣ новый корпусъ въ 40.000 чел., который вмѣстѣ съ дѣйствующими на полѣ кампаніи силами доведетъ число итальянскихъ войскъ въ Африкѣ до 150.000. Уже по самымъ скромнымъ вычисленіямъ, издержки экспедиціи должны дойти въ ближайшее время до милліарда лиръ, а процессъ завладѣнія всѣмъ Триполи растянется на 10—20 лѣтъ. Съ другой стороны, ускорить темпъ экспедиціи, перенести войну въ Европу, напр., бросить эскадру въ Эгейское море, заняться бомбардировкой портовъ на Балканскомъ полуостровѣ, значитъ нарушить ту схему военныхъ дѣйствій, которую предписали Италіи ея же партнеры по тройственному союзу, и въ особенности Австро-Венгрія, отнюдь не желающая вмѣшательства

*) Не какой-нибудь рѣзко-соціалистическій или антимилитаристскій, но радикальный органъ «Il Secolo» уже начинаетъ жестоко нападать на лѣвую въ парламентѣ, что она недостаточно критически отнеслась къ серьезному положенію создающемуся для Италіи вслѣдствіе триполитанскаго похода, и заявляетъ, что онъ отнюдь не намѣренъ «предоставить исключительно соціалистамъ честь защищать дѣло истины, справедливости и мира» (см. передовую статью «Silenzio radicale» въ № отъ 28 февраля 1912 упомянутой газеты).

Италіи въ дѣла ближняго Востока *). Не имѣя возможности нанести больной ударъ противнику въ единственно уязвимое мѣсто,—ибо сама по себѣ война въ Триполи не заставитъ турокъ пойти на миръ,—Италія будетъ фатально вынуждена разжигать потайнымъ образомъ междоусобную войну на Балканскомъ полуостровѣ. Но возстаніе противъ Турціи національностей юго-восточной Европы должно непремѣнно вызвать движеніе Австріи въ захваченныя огнемъ войны мѣста, а это въ свою очередь можетъ толкнуть на подобный же шагъ Россію, и въ результатѣ столкновеніе этихъ различныхъ теченій можетъ создать такой политическій водоворотъ, который въ состояніи втянуть въ себя всю Европу, уже давно изнемогающую подъ ѳременемъ вооруженнаго мира.

Присматриваясь къ этому неустойчивому равновѣсію въ системѣ европейскихъ державъ, прислушиваясь къ этимъ диссонансамъ пресловутаго европейскаго концерта, друзья прогресса не могутъ не желать, чтобы на аренѣ современной исторіи создалась такая комбинація родственныхъ по культурности странъ, которая поддержала бы и укрѣпила политику миролюбивыхъ элементовъ въ разныхъ государствахъ и положила бы конецъ взаимному наускиванію шовинистовъ. Съ этой точки зрѣнія можно только привѣтствовать, если Англія, не разрывая своихъ союзническихъ сношеній съ Французской республикой, постарается ослабить свою вражду съ Германіей, между тѣмъ какъ Германія, не опасающаяся болѣе внезапнаго нападенія Англіи, пойдетъ по пути внутренняго прогрессивнаго развитія, а Франція умѣритъ пылъ своего колоніальнаго задора и своего шовинистскаго настроенія и обратится тоже къ рѣшенію внутреннихъ,—увы! столь запущенныхъ ею въ послѣднее время—вопросовъ.

Такая политическая комбинація изолируетъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ Европѣ безотвѣтственную русскую бюрократію, усиливая шансы живыхъ силъ страны. Эта европейская конъюнктура оказала бы существенную поддержку внутреннему прогрессу Россіи. А этотъ прогрессъ въ свою очередь входилъ бы далеко не безразличнымъ элементомъ въ поступательное развитіе всего цивилизованнаго міра.

Н. С. Русановъ.

**) Бомбардировка итальянскими броненосцами открытаго турецкаго порта, Бейрута, имѣвшая мѣсто 23 февраля н. ст., показала, съ одной стороны, до какой степени нервничаетъ Италія, а съ другой, какъ зорко и недружелюбно европейскія державы слѣдятъ за попытками итальянцевъ расширить поле военныхъ дѣйствій.

Новыя книги.

Степанъ Аникинъ. Деревенскіе разсказы. Изд. М. В. Аверьянова. 293 стр. 1912. Цѣна 1 р. 20 к.

Не задаваясь крупными художественными задачами, авторъ, потрясенный нестроеніемъ родины, въ рядѣ небольшихъ разсказовъ, искренно и безхитростно передаетъ свою печаль и свое возмущеніе. Въ его книгѣ непосредственно чувствуется душа разсказчика—это ея главное достоинство. Г. Аникинъ не лишенъ вкуса, но художественный матеріалъ, изъ котораго онъ лѣпитъ свои образы, довольно скуденъ; его языкъ бѣденъ красками, лишенъ выразительности. Въ его діалогѣ наиболѣе самобытныя фразы звучатъ какъ подслушанныя. Каждый разсказъ (кромѣ первыхъ двухъ—«Молотьба» и «Жить надо») бьетъ въ одну опредѣленную цѣль; у автора почти нѣтъ уклоновъ мысли, кажущихся сначала случайными, но на самомъ дѣлѣ обогащающихъ повѣствованіе; у него мало фантазіи и много тенденціи.

Воодушевленный ясно-опредѣленнымъ замысломъ, онъ сознательно подчеркиваетъ тѣ черты въ характеристикѣ своихъ героевъ, которыя ему кажутся типическими. Между тѣмъ, искусство живетъ конкретными, индивидуальными образами; индивидуальное можетъ совпасть съ типическимъ, но, если въ образѣ нѣтъ своей личной, ему одному присущей жизни, онъ неубѣдителенъ. Тѣмъ не менѣе искренность автора заражаетъ. Г. Аникинъ затрагиваетъ мучительные вопросы нашей современности; онъ говоритъ о страшныхъ болѣзняхъ нашей родины. Читая о безчинствахъ осатанѣлаго стражника («Гараська-диктаторъ»), о часовомъ, застрѣлившемъ подошедшаго къ тюремному окну ребенка, мы чувствуемъ кровавыя угрозы нашей текущей жизни и невольно отзываемся на эти печальныя строки.

Несомнѣнно, это не чисто-художественное впечатлѣніе; все же авторъ никогда не оскорбляетъ «эстетики» рѣзкими публицистическими пріемами. Небольшая художественная цѣнность разсказовъ объясняется въ концѣ-концовъ тѣмъ, что г. Аникинъ берется за непосильную задачу. Нуженъ геній Льва Толстого для того, чтобы придать сценамъ зловѣщаго насилія эпическую законченность, для того, чтобы сдѣлать изъ кошмара произведеніе искусства; только очень крупному дарованію дано оправдать тенденцію поэтическимъ вдохновеніемъ. — Дарованіе г. Аникина проявляется въ мягкихъ, спокойно-созерцательныхъ настроеніяхъ. Таковы два первыхъ разсказа, почти лишенныя повѣствовательнаго движенія картинки изъ деревенской жизни; въ нихъ много лиризма (въ первомъ разсказѣ чувствуется вліяніе Зайцева). Особенно привлекателенъ второй раз-

сказъ «Жить надо»—случайная дорожная встрѣча съ обнищалыми татарами, блуждающими по Руси за пропитаніемъ. Эта жалобная и покорная нищета, эти измученныя нерусскія лица остаются въ памяти. Не громкими призывами дѣйствуетъ искусство; оно сильнѣе, когда извнѣ безмятежно.

И въ другихъ разсказахъ г. Аникина попадаются отрывки, свидѣтельствующіе о несомнѣнномъ, хотя и небольшомъ дарованіи автора. Очень хороша страница, посвященная описанію уѣзднаго острога. «Острогъ — крупнѣе и выше всѣхъ другихъ городскихъ домовъ, будто важнѣе ихъ и крупнѣе для жизни». Эти выразительныя строки настраиваютъ—и говорятъ больше, чѣмъ рѣзкія обличенія и плохо прикрытая преднамѣренность.

На зарѣ жизни. Воспоминанія Е. Н. Водовозовой. Спб. 1911. Стр. XII+608. Ц. 2 р.

Раньше, чѣмъ появиться отдѣльнымъ изданіемъ, «Воспоминанія» Е. Н. Водовозовой были уже напечатаны частями въ нѣсколькихъ журналахъ. Между прочимъ, довольно значительные отрывки изъ этихъ «Воспоминаній» были помѣщены въ 1908 и 1911 гг. и на страницахъ «Русскаго Богатства». Но, думается намъ, даже тѣ лица, которыя въ свое время успѣли ознакомиться со всѣми напечатанными въ журналахъ частями этихъ воспоминаній, съ удовольствіемъ и интересомъ перечтутъ ихъ въ отдѣльной книгѣ. Дѣло не въ томъ только, что въ послѣдней они найдутъ немало новыхъ очерковъ и эпизодовъ, раньше отсутствовавшихъ и вставленныхъ авторомъ въ отдѣльное изданіе. Книга Е. Н. Водовозовой вообще принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя много выигрываютъ при сплошномъ чтеніи, безъ насильственныхъ и болѣе или менѣе долгихъ перерывовъ. Въ этомъ случаѣ стушевываются нѣкоторые присущіе ей мелкіе недостатки, вродѣ чрезмѣрной подчасъ растянутости изложенія, и на первый планъ выступаетъ, захватывая вниманіе читателя, глубоко интересное содержаніе. Бытъ бѣдной помѣщичьей семьи въ провинціальномъ захолустьи въ послѣднія десятилѣтія передъ паденіемъ крѣпостного права, дореформенный Смольный институтъ конца 50-хъ годовъ прошлаго вѣка и тотъ же институтъ, оживленный реформами Ушинскаго, наконецъ, кружки петербургской молодежи въ 60-хъ годахъ—таковы главныя темы воспоминаній Е. Н. Водовозовой, и каждая изъ этихъ темъ широко и всесторонне освѣщена въ нихъ. Въ предисловіи къ своей книгѣ Е. Н. Водовозова съ чувствомъ понятнаго удовлетворенія отмѣчаетъ, что ея воспоминаніями послѣ появленія ихъ въ журналахъ «уже воспользовались нѣкоторые изслѣдователи исторіи крѣпостного права въ царствованіе имп. Николая и собиратели матеріаловъ для этой исторіи». Историкамъ русскаго быта въ серединѣ XIX вѣка придется обращаться къ воспоминаніямъ Е. Н. Водовозовой и по дру-

гимъ поводамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ея правдиво и безхитростно написанная книга представляетъ собою глубоко поучительное и интересное чтеніе и для всякаго рядового читателя, желающаго оглянуться на наше недавнее прошлое. И, привѣтствуя появленіе этой книги, можно только пожелать, чтобы Е. Н. Водовозова не ограничилась воспоминаніями лишь о томъ кругѣ явленій, наблюдательницей и участницей котораго ей пришлось быть «на зарѣ жизни», и продолжила свой разсказъ о прошломъ дальше, охвативъ болѣе близкіе къ намъ періоды.

Валерій Брюсовъ. Далекіе и близкіе. Книгоиздательство «Скорпіонъ». Москва. 1912. Стр. VI+214. Ц. 2 р.

«Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней», собранныя въ этой книгѣ—тоже своего рода «пути и перепутья», только не поэтическіе, а критическіе. Внутренняя связь ихъ не въ системѣ, но въ исторической послѣдовательности, не въ догмѣ, но въ біографіи автора. Въ этомъ цѣнность книги—не та, однако, «единственная цѣна», которую признаетъ за своими статьями самъ авторъ,—не «цѣнность непосредственнаго впечатлѣнія». Непосредственность впечатлѣнія вліяла на отдѣльныя оцѣнки автора, которыя можно принять или отвергнуть, не отвергая этимъ значительности всей книги Брюсова—перваго изъ четырехъ предположенныхъ имъ томовъ собранія его статей. Книга значительна, какъ показатель того пути, который прошелъ въ развитіи своихъ литературно-эстетическихъ взглядовъ центральный дѣятель русскаго декадентства. И оговоримся напередъ: важенъ именно путь, а не тѣ конечныя воззрѣнія, къ которымъ пришелъ Брюсовъ. Какъ ни близки намъ эти новыя и для многихъ неожиданныя въ Брюсовѣ воззрѣнія, они неожиданны лишь для того, кто не слѣдилъ за его путями, кто не подозрѣвалъ возможностей, скрытыхъ въ гибкости этого эклектическаго, но недюжиннаго ума. И съ другой стороны: какъ бы ни казались нѣкоторыя оцѣнки Брюсова преувеличенными и мнѣнія ошибочными, не чувствуется потребности вступать съ нимъ въ споръ; книга его есть свидѣтельство о непрерывномъ развитіи, онъ самъ въ ней не разъ отказывается отъ своихъ прежнихъ воззрѣній. Естественно ожидать, что въ дальнѣйшемъ онъ освободится еще кой отъ чего, характернаго для его прежней литературной физіономіи. Отъ многаго онъ, конечно, не откажется: слишкомъ много вложилъ онъ душевныхъ силъ въ свое литературное направленіе, слишкомъ многое съ нимъ связано. Но и тотъ путь, который онъ прошелъ, не можетъ не казаться знаменательнымъ.

«Разнообразны, разнолики стихи этихъ шестнадцати поэтовъ—говоритъ Брюсовъ въ статьѣ о «Стихахъ 1911 года—... но есть одна черта, которая объединяетъ всѣхъ, черта вмѣстѣ съ тѣмъ

глубоко характерная для всего нашего времени. Я говорю о поразительной, какой-то роковой оторванности всей современной молодой поэзіи отъ жизни. Наши молодые поэты живутъ въ фантастическомъ мірѣ, ими для себя созданномъ, и какъ будто ничего не знаютъ о томъ, что совершается вокругъ насъ, что ежедневно встрѣчаютъ наши глаза, о чемъ ежедневно приходится намъ говорить и думать». Вотъ какъ далеко ушелъ Брюсовъ отъ своихъ старыхъ взглядовъ. Уже въ 1908 году онъ находитъ возможнымъ съ безусловнымъ сочувствіемъ отнестись къ поэзіи А. М. Жемчужникова. Эта сочувственная оцѣнка стараго поэта-общественника важнѣе даже, чѣмъ общіе взгляды Брюсова, ибо не трудно сойтись въ теоретическихъ воззрѣніяхъ; трудно примириться въ оцѣнкахъ, въ которыхъ роль играютъ неуловимыя особенности вкусовъ и настроеній. Поэтому, быть можетъ, когда-нибудь Брюсовъ признаетъ, что ошибся, такъ характеризуя недавнее прошлое нашей литературы: «Было время, когда русская поэзія нуждалась въ освобожденіи отъ давившихъ ее оковъ холоднаго реализма. Надо было вернуть исконныя права мечтѣ, фантазіи. Надо было вновь указать поэзіи на ея задачу—синтезировать данныя опыта, обобщать найденное умомъ въ художественныхъ и, слѣдовательно, идеальныхъ образахъ. Къ сожалѣнію, по этому необходимому пути пошли слишкомъ далеко. Молодая поэзія захотѣла летать въ странѣ мечты, отказавшись отъ крыльевъ наблюденія; захотѣла синтезировать, не имѣя за собой опыта, фактовъ. Отсюда ея безжизненность и ея подражательность». Едва ли авторъ сумѣлъ бы показать, когда и какъ русскую поэзію «давили оковы холоднаго реализма». Противоположность между поэзіей послѣдняго двадцатилѣтія и ей предшествовавшей поэзіей, разумѣется, не покрывается противоположностью реализма и идеализма. И совершенно непонятна та терминологія, по которой Жемчужниковъ и Бунинъ оказываются почему то реалистами; несомнѣнно, что въ лирикѣ эти термины схватываютъ лишь мелкую, несущественную черту.

Наиболѣе любопытны въ книгѣ Брюсова характеристики старыхъ поэтовъ: Тютчева, Фета, Случевскаго. Нѣсколько страннымъ въ статьѣ о первомъ является категорическое утвержденіе, что Тютчевъ «склоненъ видѣть въ человѣкѣ случайное порожденіе природы, ничѣмъ не отличающееся отъ существъ, сознаніемъ не одаренныхъ». Едва ли возможно это утверждать о поэтѣ-мыслителѣ, для котораго Колумбъ не открылъ, а создалъ Америку, объ авторѣ великолѣпныхъ строфъ:

Такъ связанъ, съединенъ отъ вѣка
Союзомъ кровнаго родства
Разумный геній человѣка
Съ живою силой естества.

Скажи завѣтное онъ слово

И міромъ новымъ естество
Всегда откликнуться готово
На голосъ родственный его.

Очевидно, не «только съ горькой насмѣшкой называетъ Тютчевъ человѣка «царемъ земли». Безсильнымъ рабомъ высшей силы казался нерѣдко человѣкъ Тютчеву,—но этотъ рабъ способенъ довершить «судебъ неконченное дѣло». Несомнѣнно, воззрѣніе Тютчева сложно—и устранить въ немъ противорѣчіе долженъ тотъ, кто основательно возлагаетъ на обязанность критики не ссылаться на случайность, но объяснять изъ основъ міровоззрѣнія поэта, какъ возникло то, что намъ представляется въ немъ противорѣчіемъ.

Полное собраніе сочиненій И. В Кирѣевскаго, въ двухъ томахъ. Подъ редакціей М. Гершензона. М. 1911. Т. I. Стр. V+287. Т II. Стр. 300. Цѣна за два тома 4 р.

Редакторъ новаго изданія сочиненій И. В. Кирѣевскаго «считалъ полезнымъ ихъ переизданіе», такъ какъ «надо привести общество къ первоисточнику тѣхъ идей, которыя въ немъ борятся» (V). Врядъ-ли кто-нибудь другой согласится съ этимъ аргументомъ г. Гершензона и признаетъ въ сочиненіяхъ Кирѣевскаго «первоисточникъ» борющихся въ нынѣшнемъ русскомъ обществѣ идей. Дѣйствительная роль этихъ сочиненій совсѣмъ иная, и самъ И. В. Кирѣевскій для современнаго общества является не болѣе, какъ виднымъ представителемъ любопытнаго, но давно и безвозвратно прошедшаго момента въ развитіи русской общественной мысли. Сообразно этому произведенія Кирѣевскаго имѣютъ въ настоящее время исключительно историческое значеніе. Большая публика, надо думать, отнесется къ новому ихъ изданію съ полнымъ равнодушіемъ и будетъ въ этомъ случаѣ совершенно права: и какъ философъ, и какъ литературный критикъ, Кирѣевскій давно отжилъ свое время. Другое дѣло—лица, спеціально занимающіяся исторіей умственнаго движенія въ Россіи. Съ точки зрѣнія ихъ интересовъ новое изданіе сочиненій Кирѣевскаго, являющееся на смѣну вышедшаго уже изъ обращенія изданія 1861 г., слѣдуетъ, конечно, привѣтствовать. Нельзя не пожалѣть только при этомъ, что г. Гершензонъ въ качествѣ редактора недостаточно позаботился объ удовлетвореніи интересовъ именно этихъ лицъ, являющихся наиболѣе вѣроятными читателями его изданія. Въ текстъ послѣдняго онъ, слѣдуя примѣру перваго изданія, включилъ даже отрывки беллетристическихъ произведеній Кирѣевскаго, лишенныхъ всякаго художественнаго достоинства и очень мало характерныхъ для ихъ автора. Въ «полномъ собраніи сочиненій» это, конечно, необходимо. Но наряду съ этимъ, печатая въ приложеніяхъ письма И. В. Кирѣевскаго, г. Гершензонъ счелъ возможнымъ опустить нѣкоторыя изъ бывшихъ уже ранѣе въ печати писемъ, какъ «мало-со-

держательныя», и при этомъ даже не оговорилъ, гдѣ именно находятся такія опущенныя имъ письма. Это уже совершенно неправильный пріемъ, и нѣтъ надобности пояснять, насколько онъ понижаетъ достоинство изданія.

Отечественная война и русское общество. Юбилейное изданіе. 1812—1912. Историческая Коммиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З. Редакція А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. Т. I. М. 1911. Стр. VIII+232. Т. II. М. 1911. Стр. 270.

Въ прошломъ году намъ приходилось давать читателямъ «Русскаго Богатства» отчетъ о «Великой Реформѣ», роскошномъ иллюстрированномъ изданіи, выпущенномъ въ свѣтъ по поводу полувѣкового юбилея крестьянской реформы московской Исторической Коммиссіей при участіи книгоиздательства Сытина. Въ настоящее время та же Коммиссія предприняла новое изданіе такого же типа, пріуроченное къ столѣтнему юбилею Отечественной войны. Редакторами этого изданія являются тѣ же лица, подъ редакціей которыхъ выходила и «Великая Реформа»,—гг. Дживелеговъ, Мельгуновъ и Пичета. Они успѣли привлечь къ своему новому изданію большое количество сотрудниковъ, и въ двухъ вышедшихъ до сихъ поръ томахъ «Отечественной войны» помѣщены 27 статей 19 авторовъ, среди которыхъ встрѣчаются имена такихъ видныхъ спеціалистовъ, какъ И. В. Лучицкій, давшій во второй томъ изданія статью о Наполеонѣ и Испаніи, и В. И. Семевскій, напечатавшій въ томъ же второмъ томѣ двѣ статьи: «Либеральные планы въ правительственныхъ сферахъ въ первой половинѣ царствованія Александра I» и «Паденіе Сперанскаго». Роскошныя иллюстрированныя изданія, сравнительно недавно еще бывшія у насъ большою рѣдкостью, за послѣднее время все больше входятъ въ обычай на нашемъ книжномъ рынкѣ, и можно думать, что и новое изданіе московской Исторической Коммиссіи ожидаетъ такой же успѣхъ, какой выпалъ на долю его предшественника. Такой успѣхъ явился бы въ значительной мѣрѣ заслуженнымъ, хотя нельзя не замѣтить, что въ чисто литературномъ отношеніи новое изданіе московской Исторической Коммиссіи порою оставляетъ желать лучшаго. И общій планъ его, и нѣкоторыя детали въ выполненіи этого плана способны вызвать серьезныя возраженія. Что касается общаго плана изданія, то редакторы послѣдняго, поясняя этотъ планъ, заявляютъ, что они хотѣли сдѣлать попытку «сквозь дымъ пожаровъ, сквозь кровавый туманъ, поднимающійся съ безчисленныхъ полей битвъ, разглядѣть обликъ русскаго общества, опредѣлить долю участія въ войнѣ русскихъ общественныхъ группъ, выяснить ту мѣру признательности, какой потомки обязаны каждой изъ нихъ». «Такая постановка задачи—продолжаютъ они—заставляла насъ отказаться отъ взгляда на Отечественную войну, какъ на

явленіе обособленное, тянувшееся какихъ-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ. Мы считали невозможнымъ начинать исторію ея съ перехода черезъ Нѣманъ и даже съ Тильзита. Мы думали, что только поставленная въ рамки европейской исторіи, изучаемая въ тѣсной связи со всей эпохой, она можетъ быть понята и оцѣнена надлежащимъ образомъ. И мы начали съ Екатерины II, съ франко-русскихъ и вообще международныхъ отношеній ея времени, съ первыхъ столкновеній революціи съ реакціонной Европою. А конечной гранью мы поставили не вступленіе русскихъ войскъ въ Парижъ и не Вѣнскій конгрессъ, а конецъ царствованія Александра I» (IV). Конечно, ни одно историческое событіе, а тѣмъ болѣе такое крупное, какъ Отечественная война, не годится разсматривать и излагать, какъ обособленное явленіе, но все же не слѣдуетъ забывать и мудраго правила, согласно которому необъятнаго не обнимешь. Редакторы же «Отечественной войны», на нашъ взглядъ, погрѣшили нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ этому правилу. Въ двухъ выпущенныхъ до сихъ поръ томахъ—все изданіе разсчитано на четыре тома—изложеніе еще не доведено до Отечественной войны, а наряду съ этимъ въ нихъ есть много такого, что безъ всякаго ущерба для цѣльности и полноты книги могло бы отсутствовать въ ней. Едва-ли, напримѣръ, въ книгѣ, посвященной Отечественной войнѣ и русскому обществу этой эпохи, была необходима особая статья о дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ Франціей въ теченіе XVIII вѣка. Точно также врядъ-ли была какая-нибудь необходимость включать въ подобную книгу спеціальныя статьи объ итальянскомъ походѣ Суворова, о походахъ 1805—7 г.г. и объ австро-французской войнѣ 1809 г., статьи, по способу своего изложенія напоминающія соотвѣтствующія главы шаблонныхъ учебниковъ. Можно было бы указать и еще нѣкоторыя статьи, помѣщеніе которыхъ въ настоящей книгѣ является своего рода роскошью, притомъ роскошью, купленной за счетъ сокращенія того, что должно было служить главнымъ содержаніемъ книги. И вообще, думается намъ, редакторы изданія сдѣлали ошибку, включивъ въ него, вмѣсто нѣсколькихъ болѣе значительныхъ по объему работъ, массу мелкихъ статей различныхъ авторовъ. Это сообщило книгѣ характеръ чего-то вродѣ хрестоматіи, создало въ ней крайнюю пестроту изложенія, а въ нѣкоторые ея отдѣлы внесло и пестроту противорѣчивыхъ мнѣній. И, хотя редакція въ своемъ предисловіи справедливо замѣчаетъ, что послѣдняя черта является «до нѣкоторой степени неизбѣжнымъ зломъ въ каждомъ коллективномъ трудѣ» (VI), но въ настоящемъ случаѣ это зло, пожалуй, перешло свои, такъ сказать, естественныя границы, перешло настолько, что на страницахъ изданія, претендующаго на строгую научность, встрѣчаются порою утвержденія, совершенно не стоящія въ соотвѣтствіи съ данными современной исторической науки. Хотѣлось бы надѣяться, что въ слѣдующихъ томахъ разбираемаго

изданія эти недостатки, если и не исчезнутъ совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, будутъ менѣе замѣтны.

А. А. Кизеветтеръ. Историческіе очерки.—Изъ исторіи политическихъ идей.—Школа и просвѣщеніе.—Русскій городъ въ XVIII ст.—Изъ исторіи Россіи въ XIX ст.—М. 1912. Стр. 502. Ц. 3 р.

Новая книга г. Кизеветтера по содержанію своему не является въ полномъ смыслѣ слова литературной новинкой. Изъ четырнадцати статей, вошедшихъ въ составъ «Историческихъ очерковъ», лишь двѣ впервые увидѣли свѣтъ въ этомъ сборникѣ: изъ нихъ одна («Екатерина II, какъ законодательница») представляетъ собою рѣчь г. Кизеветтера на его докторскомъ диспутѣ, а другая («Изъ исторіи русскаго либерализма»)—читанную имъ публичную лекцію. Всѣ остальныя статьи сборника были уже ранѣе напечатаны авторомъ въ различныхъ изданіяхъ и теперь только собраны вмѣстѣ, въ одной книгѣ. Но фактъ появленія ихъ въ отдѣльномъ сборникѣ самъ по себѣ заслуживаетъ искренняго привѣтствія. Статьи, разсѣянныя по старымъ журналамъ и газетамъ, слишкомъ легко ускользаютъ изъ кругозора рядового читателя, а по отношенію къ статьямъ г. Кизеветтера это было бы тѣмъ болѣе жалко, что онъ по праву пользуется репутаціей историка, умѣющаго въ популярной и красивой формѣ знакомить широкую публику съ результатами спеціальныхъ научныхъ изысканій.

Темы статей, включенныхъ въ книгу г. Кизеветтера, очень разнообразны, и въ виду этого авторъ разбилъ ее на четыре отдѣла. Въ первый отдѣлъ, посвященный исторіи политическихъ идей въ Россіи, входятъ три небольшія по объему статьи. Одна изъ нихъ, являющаяся и единственной въ сборникѣ статьей, касающейся болѣе древнихъ временъ русской исторіи, трактуетъ о политической тенденціи Домостроя, другая—о соціальной утопіи кн. М. М. Щербатова, третья—объ И. П. Пнинѣ, какъ представителѣ русскаго либерализма на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ. Болѣе широки по своимъ темамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и менѣе самостоятельны по своему содержанію статьи, входящія во второй отдѣлъ книги, посвященный исторіи русской школы и вообще просвѣщенія. Вполнѣ самостоятельный характеръ здѣсь носитъ лишь первая небольшая статья, передающая содержаніе составленнаго во второй половинѣ XVIII вѣка въ Архангельскѣ проекта учрежденія коммерческой гимназіи. Три слѣдующія статьи, посвященныя характеристикѣ И. И. Бецкаго, первымъ годамъ жизни Казанскаго университета и духовной цензурѣ въ Россіи въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, представляютъ собою не болѣе, какъ изложеніе общихъ выводовъ, данныхъ или подготовленныхъ спеціальными изслѣдованіями гг. Майкова, Загоскина и Котовича,—правда, изложеніе, далекое отъ простого пересказа. Несравненно уже большій интересъ

представляютъ четыре статьи слѣдующаго, третьяго отдѣла книги, относящіяся къ исторіи русскаго города въ XVIII столѣтіи. Въ первой изъ нихъ авторъ подвергаетъ разсмотрѣнію вопросъ о происхожденіи городскихъ наказовъ въ Екатерининскую коммиссію 1767 г., вскрывая порядокъ составленія этихъ наказовъ и связь ихъ съ предшествовавшими имъ посадскими челобитьями. Въ остальныхъ трехъ статьяхъ этого отдѣла, изъ которыхъ двѣ являются рѣчами г. Кизеветтера на его магистерскомъ и докторскомъ диспутахъ, онъ въ сжатой формѣ передаетъ наиболѣе общіе изъ тѣхъ выводовъ и соображеній, къ какимъ его привели спеціальныя архивныя занятія исторіей русскаго города въ XVIII вѣкѣ. Наконецъ, послѣдній отдѣлъ книги заключаетъ въ себѣ три статьи, трактующія различные моменты исторіи Россіи въ XIX столѣтіи, Изъ этихъ статей первая, посвященная имп. Александру I и Аракчееву, являясь самой крупной статьей по объему во всемъ сборникѣ, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ выдающійся интересъ по своему содержанію. Авторъ даетъ здѣсь яркую характеристику Аракчеева, этого «истинно-русскаго неученаго дворянина», какъ онъ любилъ себя называть, и вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшительно отвергая столь популярное прежде идеалистическое истолкованіе фигуры Александра I, якобы увлеченнаго на путь реакціи исключительно слабостью своей воли, предлагаетъ остроумное объясненіе отношеній Александра I къ Аракчееву, какъ покоившихся на сознательномъ разсчетѣ императора, вовсе не закрывавшаго глазъ на истинныя свойства своего «друга», но не хуже послѣдняго умѣвшаго прикрывать свои разсчеты искусной игрой въ чувство. Гораздо менѣе удачны двѣ другія статьи этого отдѣла, относящіяся къ царствованію Николая Павловича. Въ одной изъ нихъ авторъ, пользуясь недавно обнародованной перепиской имп. Николая съ цесаревичемъ Константиномъ, подчеркиваетъ—на нашъ взглядъ едва ли правильно—готовность Николая Павловича считаться съ польской конституціей, пока она оставалась неотмѣненной. Въ другой статьѣ авторъ даетъ общую характеристику внутренняго управленія Россіи при Николаѣ Павловичѣ, но въ этой характеристикѣ бюрократическій строй Николаевской имперіи оторванъ отъ той соціальной подпочвы, на которой онъ держался, и благодаря этому самая характеристика является черезчуръ блѣдной и формальной. Кое-какія частныя возраженія въ этомъ смыслѣ могли бы вызвать и нѣкоторыя другія статьи г. Кизеветтера. Но во всякомъ случаѣ сборникъ этихъ легко и красиво написанныхъ статей, въ большинствѣ своемъ вплотную подводящихъ читателя къ крупнымъ вопросамъ русской исторіи, является цѣннымъ пріобрѣтеніемъ нашей литературы.

Н. П. Павловъ-Сильванскій. Феодализмъ въ удѣльной Руси. I. Община и боярщина. II. Феодальныя учрежденія. Изслѣдованіе. Съ приложеніемъ біографіи и портрета автора. Спб. Стр. XVI+502. Ц. 2 р. 50 коп.

Въ свое время на страницахъ «Русскаго Богатства» былъ помѣщенъ отзывъ о трудѣ Н. П Павлова-Сильванскаго: «Феодализмъ въ древней Руси», трудѣ, въ которомъ авторъ выступилъ съ тщательно аргументированной теоріей о существованіи въ древней Руси феодальнаго строя, тожественнаго въ своихъ основахъ съ феодальными порядками странъ европейскаго Запада. «Феодализмъ въ удѣльной Руси»—книга, выпущенная уже послѣ безвременной смерти талантливаго историка по оставшейся въ его бумагахъ и проредактированной г. Прѣсняковымъ рукописи,—представляетъ собою новую и во многомъ болѣе глубокую разработку той же самой основной темы въ нѣсколько иной ея постановкѣ. Въ первой своей книгѣ Павловъ-Сильванскій главное вниманіе обращалъ, говоря его терминами, на «феодальныя основы удѣльнаго порядка» и особенно старательно доказывалъ существованіе въ древней Руси отношеній личной коммендаціи и вассальной службы. Въ «Феодализмѣ въ удѣльной Руси» авторъ, слѣдуя за болѣе глубокимъ пониманіемъ феодализма въ западной литературѣ, выдвинулъ на первый планъ тему, лишь вскользь затронутую имъ въ болѣе ранней книгѣ, и всю первую и болѣе значительную по объему часть своего труда посвятилъ изученію древне-русской волостной общины, которую онъ сближаетъ съ германской маркой, и процессу разрушенія ея крупнымъ имѣніемъ, боярщиной, приравниваемой имъ къ сеньеріи. Во второй части своего труда авторъ разсматриваетъ «феодальныя учрежденія» удѣльной Руси, повторяя то, что имъ было сказано въ этой области раньше, но повторяя въ иной системѣ и внося въ прежнее свое изложеніе много частныхъ поправокъ и дополненій. Онъ доказываетъ здѣсь существованіе въ удѣльной Руси иммунитета въ видѣ боярскаго и монастырскаго самосуда и коммендаціи въ формѣ закладничества, доказываетъ, что боярская служба была службой вассальной, что удѣльная Русь знала и своихъ подвассаловъ въ лицѣ вольныхъ боярскихъ слугъ, что помѣстья, кормленія и вотчины были и во внѣшнемъ своемъ обликѣ, и во внутреннемъ существѣ вполнѣ тожественны съ бенефиціями и феодами и что самое раздробленіе верховной власти въ удѣльной Руси было тожественно съ такимъ же раздробленіемъ ея въ странахъ феодальнаго Запада, съ тѣмъ лишь внѣшнимъ и чисто случайнымъ различіемъ, что тамъ это раздробленіе совершилось между бывшими должностными лицами, а у насъ между членами одного разросшагося княжескаго рода. Большая и серьезная эрудиція автора, одинаково распространяющаяся и на западно-европейскую историческую литературу, и на источники русской исторіи, его недюжинная проницательность и остроуміе дѣлаютъ всѣ

эти сопоставленія чрезвычайно поучительными, и книга Павлова-Сильванскаго читается съ большимъ интересомъ, несмотря даже на то, что она, очевидно, не была окончательно отдѣлана авторомъ и мѣстами ея изложеніе носитъ на себѣ явные слѣды недоработанности. Въ общемъ эта книга представляетъ собою новый и крупный шагъ въ развитіи теоріи, сближающей русскіе удѣльны порядки съ феодальными порядками европейскаго Запада. Это не значитъ, впрочемъ, что всѣ положенія автора одинаково безспорны и одинаково пріемлемы. Къ Н. П. Павлову-Сильванскому могутъ быть до извѣстной степени примѣнены его собственныя слова, сказанныя по адресу другихъ изслѣдователей: «новыя идеи всегда ослѣпляютъ изслѣдователей, всегда увлекаютъ ихъ на нѣсколько шаговъ дальше за предѣлы линіи точно доказаннаго». «Это—говоритъ Павловъ-Сильванскій въ другомъ мѣстѣ—неизбѣжная для каждаго изслѣдователя односторонность, это особая логика научныхъ разысканій». Такого рода «неизбѣжная односторонность» замѣтно даетъ себя чувствовать и въ книгѣ самого Павлова-Сильванскаго. Увлеченный своею основною идеей о тожествѣ русскихъ удѣльныхъ порядковъ съ феодальными, авторъ подчасъ заходитъ въ доказательствѣ этой идеи черезчуръ далеко, слишкомъ настойчиво отыскивая и подчеркивая черты даже чисто внѣшняго сходства и вмѣстѣ съ тѣмъ забывая оттѣнить порой весьма существенныя отличія русскаго строя. Быть можетъ, эта послѣдняя задача яснѣе и отчетливѣе встала бы передъ авторомъ, если-бы онъ довелъ свой планъ до конца и написалъ уже задуманную имъ третью часть труда, которая должна была получить заглавіе: «Паденіе феодализма». Но преждевременная смерть прервала работы талантливаго историка, много давшаго и еще болѣе обѣщавшаго отечественной наукѣ, и выясненіе индивидуальныхъ отличій русскаго удѣльнаго строя по сравненію съ порядками феодальныхъ странъ европейскаго Запада является въ настоящее время той задачей, какую поставили на очередь передъ русской исторической наукой труды Павлова-Сильванскаго и особенно его посмертная книга, занимающая въ ряду этихъ трудовъ по своей важности первое мѣсто.

Н. Карѣевъ. Въ какомъ смыслѣ можно говорить о существованіи феодализма въ Россіи? По поводу теоріи Павлова-Сильванскаго. Спб. Стр. VI+145. Ц. 60 к.

Въ своей небольшой книгѣ проф. Карѣевъ даетъ подробный и обстоятельный пересказъ двухъ главныхъ трудовъ Павлова-Сильванскаго о феодализмѣ въ Россіи и вызванной первымъ изъ этихъ трудовъ критической литературѣ, сопровождая такой пересказъ съ своей стороны рядомъ критическихъ замѣчаній и разсмотрѣніемъ положенія вопроса о феодализмѣ въ западно-евро-

пейской исторической литературѣ. Попутно авторъ касается и предшественниковъ Павлова-Сильванскаго въ русской исторіографіи, въ той или иной мѣрѣ признавшихъ существованіе феодализма въ Россіи, и даетъ обзоръ ихъ мнѣній, довольно краткій, но все же болѣе полный, нежели тотъ, какой имѣется въ трудахъ самого Павлова-Сильванскаго. Къ основнымъ выводамъ послѣдняго проф. Карѣевъ относится съ большимъ сочувствіемъ и, хотя признаетъ возможность обнаруженія въ теоріи Павлова-Сильванскаго при дальнѣйшемъ изученіи возбужденныхъ ею вопросовъ частныхъ дефектовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что въ общемъ «эта теорія стоитъ на прочной почвѣ сравнительно-историческаго изученія». Покойный историкъ, по мнѣнію его критика, сдѣлалъ нѣкоторое упущеніе, не привлекши къ своей темѣ исторіи Литовско-Русскаго государства, въ общемъ же былъ вполнѣ правъ, настаивая на существованіи русской параллели «западныхъ феодализмовъ», но именно феодализмовъ, а не феодализма, такъ какъ объ единомъ западномъ феодализмѣ при современномъ состояніи исторической науки говорить уже не приходится.

Проф. Д. И. Багалѣй. Очерки изъ русской исторіи. Т. I. Статьи по исторіи просвѣщенія. Харьковъ. 1911. Стр. III+624. Ц. 3 р.
Настоящей книгой проф. Багалѣй, недавно отпраздновавшій тридцатилѣтній юбилей своей учено-преподавательской дѣятельности, открываетъ изданіе собранія своихъ статей по русской исторіи. Въ первомъ томѣ «Очерковъ изъ русской исторіи» собраны статьи по исторіи русскаго просвѣщенія, которыя въ разное время были напечатаны авторомъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, по преимуществу въ провинціальныхъ журналахъ и газетахъ. За ничтожными исключеніями, почти всѣ эти статьи относятся къ территоріи бывшей Слободской Украйны, нынѣшней Харьковщины, и въ своей совокупности охватываютъ время съ конца XVIII столѣтія до первыхъ годовъ XX вѣка. Большая часть вошедшихъ въ книгу статей посвящена различнымъ моментамъ минувшей жизни Харьковскаго университета, общественнымъ дѣятелямъ, принимавшимъ участіе въ его основаніи, и отдѣльнымъ харьковскимъ профессорамъ изъ числа тѣхъ, которые болѣе или менѣе давно сошли уже съ жизненнаго поприща. Нѣкоторыя изъ этихъ статей въ нѣсколько переработанномъ видѣ вошли и въ написанный не такъ давно проф. Багалѣемъ «Опытъ исторіи Харьковскаго университета», благодаря чему для лицъ, знакомыхъ съ этимъ послѣднимъ трудомъ, центральная часть настоящей книги не представитъ собою чего-либо новаго. Но, помимо этой центральной части, въ первомъ томѣ «Очерковъ изъ русской исторіи» имѣются статьи и другого содержанія. Таковы, съ одной стороны, рядъ очерковъ, посвященныхъ отдѣльнымъ дѣятелямъ просвѣщенія въ Харьковщинѣ, не стоявшимъ

въ прямой связи съ мѣстнымъ университетомъ, съ другой—статьи, относящіяся въ дѣятельности, развитой въ г. Харьковѣ въ концѣ XIX-го и въ началѣ XX-го столѣтій такими просвѣтительными учрежденіями, какъ мѣстное Общество Грамотности, Общественная Библіотека и Народной Домъ. Эти послѣднія статьи трудно, правда, назвать историческими, хотя бы уже по тому одному, что онѣ касаются чуть не текущей современности. Важнѣе, впрочемъ, отмѣтить другое,—что среди нихъ, какъ и среди собственно историческихъ статей, авторомъ помѣщено немалое количество мелкихъ и незначительныхъ замѣтокъ, которыя едва-ли заслуживали перепечатки и въ сущности являются въ книгѣ ненужнымъ балластомъ. Частью это обстоятельство, а частью чрезмѣрное изобиліе внесеннаго въ книгу проф. Багалѣя сырого матеріала дѣлають ее черезчуръ громоздкой для широкихъ круговъ читающей публики; но лица, спеціально интересующіяся исторіей просвѣщенія въ Россіи и въ частности, въ Харьковщинѣ, найдутъ для себя не мало любопытнаго въ собранныхъ въ книгѣ г. Багалѣя очеркахъ, хотя, вѣроятно, не всегда согласятся съ выводами автора, слишкомъ наклоннаго къ панегирикамъ.

Иванъ Посошковъ. Книга о скудости и о богатствѣ и нѣкоторыя болѣе мелкія сочиненія. Съ предисловіемъ **А. А. Кизеветтера. (Памятники русской исторіи,** издаваемые подъ редакціей преподавателей русской исторіи въ Московскомъ Университетѣ: М. К. Любавскаго, А. А. Кизеветтера, М. М. Богословскаго, С. В. Бахрушина, А. Э. Вормса, Ю. В. Готье и А. И. Яковлева. Выпускъ VIII). Изданіе Н. Н. Клочкова. М. 1911. Стр. VII + 133. Ц. 1 р.

Намъ случалось уже говорить о первыхъ выпускахъ этого полезнаго и интереснаго изданія, предпринятаго московскими университетскими преподавателями въ цѣляхъ облегченія учащимся высшей школы непосредственнаго изученія памятниковъ русской исторіи. Новый, восьмой выпускъ «Памятниковъ» посвященъ Петровской эпохѣ и содержитъ въ себѣ три произведенія Посошкова: «Книгу о скудости и о богатствѣ», донесеніе боярину Головину о ратномъ поведеніи и доношеніе митрополиту Стефану Яворскому. Въ краткой библіографической замѣткѣ нѣтъ возможности, да и нѣтъ нужды говорить о значеніи личности Посошкова и его литературныхъ трудовъ. Достаточно напомнить, что какъ самъ Посошковъ былъ однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ людей Петровской эпохи, такъ его главный трудъ, «Книга о скудости и о богатствѣ», является однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ источниковъ для изученія этой эпохи. Можно поэтому только привѣтствовать переизданіе этой «Книги», въ первомъ, Погодинскомъ, своемъ изданіи, относящемся еще къ 1843 г., давно уже ставшей библіографической рѣдкостью. Но нельзя не пожалѣть, что издатель «Памятниковъ русской исторіи» черезчуръ повышаетъ цѣны на нихъ.

Рубль за неполные девять печатныхъ листовъ Посошковскаго текста (предисловіе г. Кизеветтера занимаетъ въ книгѣ всего пять страницъ)—это слишкомъ много, тѣмъ болѣе, что изданіе смѣло могло бы разсчитывать на широкое распространеніе. А для учащихся русской высшей школы вопросъ о цѣнѣ учебнаго пособія играетъ очень важную роль.

Генри-Чарльсъ-Ли. Исторія инквизиціи въ средніе вѣка. Переводъ съ французскаго А. В. Башкирова, подъ редакціей С. Г. Лозинскаго. Томъ первый. Изданіе «Брокгаузъ-Ефронъ». С.-Петербургъ. 1911.

На русскомъ языкѣ до сихъ поръ мало хорошихъ трудовъ по исторіи инквизиціи. У насъ, если не ошибаемся, не переведены сочиненія ни Молинье, ни Жюльена Гавэ (Havet), ни Геннера. А изъ оригинальныхъ трудовъ есть лишь устарѣлая нынѣ работа Н. Осокина, «Исторія альбигойцевъ и ихъ времени» (Казань, 1869—72 г.), касающаяся притомъ лишь одного, хотя и крупнаго, эпизода борьбы церкви съ растущей человѣческой мыслью. Поэтому появленіе на русскомъ языкѣ «Исторіи инквизиціи въ средніе вѣка», принадлежащей перу Генри-Чарльса-Ли, мы должны отмѣтить, какъ цѣнное пріобрѣтеніе для нашего читателя. Издательство поставило цѣлью, кромѣ только что упомянутаго сочиненія Ли, перевести его же сочиненіе объ испанской, т. е. болѣе поздней инквизиціи, установленной въ концѣ XV вѣка Фердинандомъ Католикомъ и Изабеллой Кастильской. При этомъ «Исторію инквизиціи въ средніе вѣка» предполагается дать цѣликомъ, безъ всякихъ сокращеній, въ двухъ томахъ. Первый, только что появившійся, соотвѣтствуетъ первой половинѣ трехтомнаго французскаго изданія Ли, т. е. обнимаетъ собою книгу 1-ю оригинала, о «Происхожденіи и устройствѣ» инквизиціи, и половину книги 2-й, разрабатывающей исторію «Инквизиціи въ различныхъ христіанскихъ земляхъ», въ частности Лангэдокѣ, Франціи, Пиринейскомъ полуостровѣ, Италіи и среди славянскихъ катаровъ (кстати сказать, напрасно въ русскомъ переводѣ эта послѣдняя глава носитъ общее названіе «Славянскія земли»: вѣдь, въ слѣдующихъ главахъ будетъ опять идти рѣчь и о славянахъ). Во второмъ русскомъ томѣ предстоитъ, слѣдовательно, дать послѣднюю часть второй книги оригинала, изслѣдующую исторію инквизиціи въ Германіи, Чехіи и по отношенію къ гусситамъ, равно какъ третью книгу, которая касается «особыхъ сферъ инквизиторской дѣятельности» и говоритъ, напр., о францисканцахъ, объ использованіи политическихъ ересей церковью и государствомъ, о магіи, колдуньяхъ и т. п.

Русскій переводъ сдѣланъ не съ англійскаго оригинала, вышедшаго въ Нью-Іоркѣ въ 1888 г., въ трехъ томахъ (Henri Charles Lea, A History of the Inquisition of the Middle Ages), а съ французскаго, тоже трехтомнаго перевода (Соломона Рейнака) съ «экземпляра пересмотрѣннаго и исправленнаго» самимъ авторомъ

(Histoire de l'inquisition au moyen-âge; Парижъ, 1900—1902). Французскій переводчикъ, воспользовавшись поправками Ли, предпослалъ вмѣстѣ съ тѣмъ своему изданію историческое введеніе о научной разработкѣ исторіи инквизиціи, принадлежащее гентскому профессору, Полю Фредерику. Это введеніе дано и въ русскомъ изданіи, представляющемъ переводъ окончательной редакціи труда Ли, какъ онъ былъ приготовленъ ученымъ авторомъ для французскаго изданія, которое такимъ образомъ получаетъ значеніе новаго оригинальнаго изданія. Было бы излишне хвалить сочиненіе Ли. Даже страстные католики, ухитряющіеся до сихъ поръ отстаивать инквизицію, затушевывая ея ужасныя стороны и защищая ея историческую необходимость, какъ обороны церкви отъ нападенія невѣрныхъ,—даже и эти авторы сочли нужнымъ въ своихъ критикахъ на работу Ли отмѣтить его стараніе быть объективнымъ и добросовѣстнымъ изслѣдователемъ и приписываютъ уничтожающіе выводы, къ которымъ тѣмъ не менѣе приходитъ авторъ, лишь тому обстоятельству, что его, какъ протестанта, не могла осѣнить благодать божественнаго пониманія, столь, молъ необходимаго для надлежащаго изученія инквизиціи. Списываясь съ французскимъ переводчикомъ относительно изданія своей книги въ Парижѣ, самъ Ли просилъ Соломона Рейнача сохранить по возможности и на французскомъ языкѣ этотъ безпристрастный, лишенный какихъ бы то ни было выпадовъ, тонъ англійскаго оригинала. И Рейнакъ старался слѣдовать этому совѣту.

Русскій переводъ представляется намъ въ общемъ достаточно добросовѣстнымъ, однако уступающимъ французскому оригиналу не только въ смыслѣ изящной выдержанности стиля, но и вслѣдствіе встрѣчающихся порою неточностей. Всего перевода мы, конечно, не свѣряли. Но, обращаясь къ французскому подлиннику въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда самый предметъ изслѣдованія или особенности изложенія невольно возбуждали наше вниманіе, мы отъ времени до времени находили неловкости и ошибки, заставляющія насъ еще и еще повторять, что для передачи спеціальныхъ сочиненій на чужой языкъ обязательно не только почти одинаковое знаніе двухъ языковъ, но и спеціальныя же по предмету свѣдѣнія. Недостатокъ этихъ условій въ переводчикѣ можетъ быть лишь отчасти восполненъ даже самымъ тщательнымъ просмотромъ со стороны редактора перевода, который, по самой массѣ исправляемаго имъ матеріала, не можетъ устранить всѣ первоначальныя оплошности текста. Мы возьмемъ для примѣра тѣ поистинѣ превосходно переданныя во французскомъ переводѣ страницы, гдѣ Ли задается вопросомъ, почему инквизиція, во главѣ которой стояли выдающіеся по уму и гуманности люди своего времени, такъ быстро превратилась въ систему ужасающихъ истязаній, и находитъ отвѣтъ въ томъ, что здѣсь сказался общій жестокій духъ среднихъ вѣковъ. Мы говоримъ о страницахъ 149—151 русскаго перевода,

соотвѣтствующихъ страницамъ 264—267 французскаго перевода и страницамъ 234—236 англійскаго оригинала.

Беремъ наудачу нѣсколько фразъ: «По ученію другой школы, все объясняется пережиткомъ очень древняго понятія о круговой отвѣтственности членовъ рода; это понятіе, перейдя въ христіанское ученіе, *«раскладывало»* на всѣхъ часть прегрѣшенія передъ Богомъ за то, что они не старались истребить виновныхъ». Почему «раскладывало»? Французскій терминъ faisait tomber гораздо лучше было бы перевести просто словомъ «переносило», «обрушивало», такъ какъ ни о какой собственно «раскладкѣ» здѣсь рѣчи нѣтъ. Или: «суровые уголовные законы среднихъ вѣковъ показываютъ, какъ мало у человѣка того времени было развито чувство жалости». Эта фраза лишь въ очень ослабленной степени передаетъ мысль подлинника, говорящаго: «Намъ стоитъ только обратить вниманіе на ужасы (atrocités) уголовнаго законодательства въ средніе вѣка, чтобы видѣть, въ какой степени тогдашнимъ людямъ не доставало чувства состраданія». Объ императорѣ Фридрихѣ II русскій переводчикъ говоритъ: онъ «приказалъ заключить ихъ (мятежниковъ) въ *желѣзные сундуки*, чтобы продлить ихъ мученія». А въ оригиналѣ читаемъ: «приказывалъ запирать ихъ въ *свинцовые ящики* (coffres de plomb), чтобы медленнѣе жарить». Русскій переводъ сообщаетъ, что въ 1706 г. въ Ганноверѣ сожгли «живымъ *пастуха*». А дѣло идетъ не о пастухѣ, а о *пастырѣ*,—скажемъ проще, о пасторѣ, или священникѣ (pasteur). Порою переводчикъ совершенно переиначиваетъ смыслъ подлинника. Такъ онъ пишетъ: «Законодатели прежняго времени такъ мало въ общемъ занимались вопросомъ о страданіяхъ человѣка, что вырѣзываніемъ языка или выкалываніемъ глазъ было квалифицировано félonie въ Англіи только въ XV в., а съ другой стороны, уголовный законъ былъ настолько суровъ, что еще въ царствованіе Елизаветы кража гнѣзда соколовъ считалась какъ félonie». Оставляя въ сторонѣ неточное употребленіе въ данномъ случаѣ по русски французскаго qualifier (переводчикъ придаетъ ему здѣсь видимо смыслъ «наказывать»), мы должны замѣтить, что оригиналъ говоритъ какъ разъ обратное, а именно «Преступленія, состоящія въ вырѣзываніи языка человѣку или въ умышленномъ выкалываніи ему глазъ, стали разсматриваться за félonie въ Англіи лишь въ XV вѣкѣ, тогда какъ въ другихъ отношеніяхъ уголовный законъ настолько суровъ, что считалъ félonie еще въ царствованіе Елизаветы кражу соколинаго гнѣзда». Разница громадная: не языкъ вырѣзывался или глазъ выкалывался въ наказаніе за félonie, а человѣка, умышленно продѣлывавшаго эту операцію надъ своимъ ближнимъ, стали лишь поздно считать совершившимъ актъ félonie (въ англійскомъ законодательствѣ *félonie* обозначаетъ тяжелыя преступленія противъ личности и собственности). Порою переводчикъ распространяетъ фразы и вводитъ въ нихъ то, чего нѣтъ въ подлинникѣ. На стр. 44 русскаго перевода

повѣствуется о Петрѣ Брюйсенскомъ, что онъ «приказалъ *спилить* множество освященныхъ крестовъ, сложилъ ихъ въ кучу, поджегъ и изжарилъ на ихъ угляхъ мясо». Откуда взялось это «спилить»? Подлинникъ говоритъ просто: «приказалъ нагромоздить (fit empiler) массу крестовъ, поджегъ ихъ и сталъ жарить мясо на этомъ кострѣ». Неужели французское слово empiler вызвало по забавной игрѣ ассоціаціи звуковъ у переводчика слово «спилить»? Сомнительнымъ показалось намъ также въ русскомъ переводѣ упоминаніе о «*вѣнскомъ* монастырѣ св. Андрея» (стр. 25). Откуда бы завестись въ Вѣнѣ такому монастырю? Обращаемся къ подлиннику и находимъ: «Монахи св. Андрея во Вьеннѣ» (moines de Saint-André de Vienne),— городѣ юго-восточной Франціи, который ничего, кромѣ французскаго имени, не имѣетъ общаго съ австрійской Вѣной, но въ которомъ знаменитая романская колокольня монастыря Сэнтъ-Андрэ XI—XIII в. хорошо извѣстна археологамъ. Впрочемъ, подобными, порою досадными неточностями добросовѣстный переводъ испорченъ, какъ намъ кажется, только въ умѣренной степени. И намъ по этому поводу хотѣлось бы лишь выразить пожеланіе, чтобы переводчикъ и редакторъ перевода избѣгали въ будущемъ такихъ недосмотровъ, отнимающихъ въ серьезномъ читателѣ увѣренность, что спеціальное сочиненіе и по русски передано достойнымъ образомъ.

Внѣшность изданія хороша, и впечатлѣніе отъ содержанія книги усиливается отсутствующими въ оригиналѣ, но приложенными русскимъ издательствомъ къ переводу и по большей части интересными снимками съ современныхъ картинъ и съ гравюръ эпохи, показывающихъ, съ какой дьявольской утонченностью работала мысль мучителей надъ изобрѣтеніемъ всевозможныхъ родовъ и орудій пытокъ.

Памяти Петра Францевича Лесгафта. Подъ редакціей Совѣта С.-Петербургской Біологической лабораторіи П. Ф. Лесгафта. Изд. «Школа и Жизнь». Спб. 1912. Стр. XII+317. Ц. 3 р.

Сборникъ статей, посвященный памяти покойнаго воспитателя русской молодежи, долженъ, по мысли редакціи, «воскресить образъ покойнаго и напомнить обществу о великой утратѣ, которую понесла въ его лицѣ Россія». Въ сборникъ вошли не только разнообразныя статьи и воспоминанія учениковъ и почитателей П. Ф. Лесгафта, но также его письма и послѣднія работы, предназначенныя для широкаго круга читателей. Въ этихъ произведеніяхъ не отлился съ должной отчетливостью оригинальный образъ покойнаго; его особенностью было то, что онъ съ наибольшей силой проявлялся въ дѣйствіи, и оттого воспоминанія лицъ, встрѣчавшихъ П. Ф. Лесгафта, оказались въ характеристикѣ его гораздо выразительнѣе, чѣмъ его собственныя произведенія. Въ этой яркости фигуры покойнаго есть что то уди-

вительное,—и, кажется, редакція сборника не совсѣмъ права, не совсѣмъ справедлива къ своей благодарной задачѣ, когда жалуется на особыя трудности его составленія»: «сравнительно легко охарактеризовать человѣка, преданнаго наукѣ: серьезная критика будетъ лучшимъ признаніемъ его заслугъ; труднѣе нарисовать яркій портретъ общественнаго дѣятеля, не впадая въ субъективную оцѣнку сдѣланнаго имъ. Но редакціи пришлось въ данномъ случаѣ знакомить общество съ человѣкомъ, въ которомъ удивительно гармонически сочетались научный работникъ, педагогъ и общественный дѣятель».

Наши впечатлѣнія, надо сказать, прямо противоположны. Статьи сборника, быть можетъ и «впадая въ субъективную оцѣнку», въ которой нѣтъ ничего страшнаго, рисуютъ портретъ настолько сильный, что въ результатѣ неуловимое общее впечатлѣніе неизмѣримо сильнѣе того, что сказано словами въ статьяхъ. Такъ велико было своеобразіе этого человѣка, такъ запечатлѣно было въ немъ все—отъ большихъ идей до мелкихъ замѣчаній, отъ рѣшающихъ поступковъ до обиходныхъ мелочей—его особенной подвижнической психологіей, что, когда пришлось говорить о немъ, онъ всѣхъ сдѣлалъ художниками, и каждая статья, хотя-бы она принадлежала и неумѣлому писателю, ставитъ предъ нами живой образъ. И любопытно, что съ какой то особенной настойчивостью всѣ стремятся именно къ этому: перечисляютъ подробности обихода и манеры, отмѣчаютъ отдѣльныя замѣчанія, даже оттѣняютъ особенность рѣчи—словомъ останавливаются на всѣхъ тѣхъ мелочахъ, результатомъ которыхъ и является обыкновенно впечатлѣніе живой индивидуальности. Не для живописности, не для выразительности гонятся они за этими мелочами: совершенно очевидно, что имъ эти мелоги дороги сами по себѣ, какъ живое впечатлѣніе, какъ отголосокъ того непосредственнаго очарованія личности Лесгафта, которое складывалось изъ этихъ мелочей. И хочется сказать, что въ этой книгѣ о Лесгафтѣ, въ которой приняло участіе столько хорошихъ и талантливыхъ людей, самый хорошій и самый талантливый самъ Лесгафтъ—и оттого книга о немъ читается какъ какой то романъ: не нудная въ своей пессимистической абстрактности «жизнь человѣка», а жизнедѣятельное и жизнерадостное житіе подлиннаго подвижника XIX вѣка.

Проф. А. И. Введенскій. Логика, какъ часть теоріи познанія. Второе, вполнѣ переработанное изданіе. Спб. 1912. XI+510 стр. Ц. 3 р.

Авторъ въ своемъ предисловіи заявляетъ: «Это изданіе образуетъ вполнѣ новую книгу сравнительно съ первымъ, вышедшимъ въ 1904 г.» И дѣйствительно, первое изданіе (рецензированное нами въ № 6 «Р. Б». за 1909 г.), будучи простымъ воспроизведеніемъ лекцій проф. Введенскаго, было главнымъ образомъ приноровлено

къ учебнымъ цѣлямъ. Второе-же изданіе, продолжая имѣть въ виду и учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, стремится дать отвѣтъ на главнѣйшіе вопросы современной логики съ точки зрѣнія нео-кантіанства, представителемъ котораго у насъ въ Россіи и является проф. Введенскій.

Однимъ изъ очередныхъ вопросовъ, которымъ занятъ теперь философъ вообще, нео-кантіанецъ въ особенности, это—отдѣленіе психологіи отъ логики. Борьба съ «психологизмомъ» въ логикѣ—вотъ очередной вопросъ, которому посвящено не мало страницъ въ современныхъ работахъ по логикѣ. При этомъ дѣло не обходится безъ нѣкоторыхъ знаменательныхъ курьезовъ. Такъ, напримѣръ, вся книга проф. Введенскаго переполнена нападками на проф. Лосскаго за его «психологизмъ». А проф. Лосскій, въ свою очередь, въ прочитанномъ имъ недавно (въ засѣданіи «Философскаго общества») докладѣ о «Логикѣ» проф. Введенскаго, уличалъ и упрекалъ проф. Введенскаго въ «психологизмѣ». И если невольный, безсознательный «психологизмъ» такъ легко проникаетъ въ трудъ злѣйшихъ своихъ враговъ, то намъ, сознательнымъ психологистамъ, остается только подчеркнуть этотъ фактъ, какъ симптомъ того, что порвать *всякую* связь между психологіей и логикой не такъ-то легко.

Мы подчеркнули слово «*всякую*», ибо, конечно, мы не менѣе проф. Введенскаго и его единомышленниковъ убѣждены въ томъ, что всѣ *чисто логическія* построенія должны быть совершенно свободны отъ всякаго психологизма; но при этомъ мы все-таки утверждаемъ, что, такъ какъ въ исходномъ пунктѣ логики лежатъ данныя чисто психологическія, то тщательный психологическій анализъ этихъ данныхъ необходимъ.

Полную «независимость логики отъ психологіи» нашъ авторъ доказываетъ слѣдующимъ образомъ «*Хотя логика* (говоритъ онъ на стр. 4—5) *изучаетъ мышленіе, но не слѣдуетъ думать ни того, что будто-бы она составляетъ психологію мышленія, ни того, что будто бы она основывается на мышленіи*... Правда, логикѣ приходится повременамъ ссылаться на нѣкоторые психологическіе факты, но на такіе, подмѣтить которые заставляетъ насъ уже обыденная жизнь, безъ всякаго изученія психологіи, такъ что такими ссылками отнюдь не умаляется самостоятельность логики относительно психологіи, подобно тому какъ при изученіи физики,—напр. свѣтовыхъ и звуковыхъ явленій,—тоже приходится ссылаться на нѣкоторые психологическіе факты (напр.—касающіеся зрѣнія и слуха); но это нисколько не умаляетъ самостоятельности физики и не препятствуетъ изучать ее даже и тѣмъ, кто не подозрѣваетъ о существованіи психологіи». Слабость этого довода бросается въ глаза. Аналогія между логикой и физикой, проведенная здѣсь нашимъ авторомъ (и вновь защищаемая имъ на стр. 261), поверхностна и глубоко ошибочна. Вѣдь, вся логика

состоитъ изъ разсужденій о «понятіяхъ», «сужденіяхъ» и «умозаключеніяхъ»; логика *исходитъ* изъ факта существованія этихъ своихъ «данныхъ», тогда какъ физику, по существу, нѣтъ никакого дѣла до психическихъ явленій; психологи нуждаются въ физикѣ: люди, изучающіе психологію зрительныхъ и слуховыхъ воспріятій, должны сообразовать свои разсужденія съ указаніями физіологіи и физики. а физикамъ, какъ таковымъ, нѣтъ дѣла до психологіи.

Проф. Введенскій хочетъ до такой степени освободить логику отъ всякихъ слѣдовъ психологіи, что заявляетъ: «*Логикѣ нѣтъ никакой надобности объяснять, что такое мышленіе*» (стр. 5). Послѣдствія этого нежеланія объяснять, что такое мышленіе, даютъ о себѣ знать весьма чувствительно. Такъ, напримѣръ, говоря объ отношеніяхъ представленія къ мышленію и о возможности мыслить противорѣчіе, проф. Введенскій приводитъ два примѣра «мышленія» о непредставляемомъ и о противорѣчивомъ: «мы можемъ мыслить четырехмѣрное пространство» (стр. 250—1) и (какъ примѣръ «мышленія» о противорѣчивомъ): «мы въ состояніи мыслить, хотя и не въ состояніи представить, круглый квадратъ» (стр. 252). Вотъ здѣсь то ясно и обнаруживается, что и для логики нужно знать, что такое мышленіе. Проф. Введенскій, очевидно, не замѣчаетъ, что между этими его двумя примѣрами яко-бы мышленія о непредставляемомъ и о непредставляемомъ и противорѣчивомъ нѣтъ ничего общаго, что только первый его примѣръ есть дѣйствительно примѣръ мышленія, а второй—есть просто примѣръ набора словъ.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя мы и не можемъ представить себѣ четырехмѣрнаго пространства, но мы можемъ мыслить о немъ, и лучшимъ доказательствомъ того, что мы можемъ мыслить о четырехмѣрномъ пространствѣ (и мыслить весьма ясно) служитъ то обстоятельство, что математики создали цѣлую геометрію четырехмѣрнаго пространства, геометрію столь же стройную и логичную, какъ и геометрія Эвклида. Но пусть проф. Введенскій попытается написать хотя бы просто аналитическую формулу круглаго квадрата! Вотъ когда проф. Введенскій попытается, напримѣръ, такъ преобразовать уравненіе, аналитически выражающее кругъ, чтобы это уравненіе одновременно служило и аналитическимъ выраженіемъ квадрата, тогда ему, надѣемся, и сдѣлается яснымъ, что *мыслить* круглаго квадрата онъ не можетъ, хотя можемъ *сопоставить* два слова «круглый» и «квадратъ». А тогда самъ собою возникнетъ вопросъ; что-же такое мышленіе и чѣмъ оно отличается отъ простого сопоставленія двухъ словъ или двухъ понятій?

Такъ мы неизбѣжно приходимъ къ психологіи. Повторяемъ, мы не менѣе проф. Введенскаго, Гуссерля (автора замѣчательныхъ «Логическихъ изслѣдованій»), или кого бы то ни было иного,

желаемъ отдѣленія логики отъ психологіи, но мы только думаемъ, что эти ученые пользуются слишкомъ элементарнымъ пріемомъ, когда просто заявляютъ: хотя всѣ наши книги и переполнены такими терминами, какъ «представленіе», «понятіе» «сужденіе», «мышленіе» и т. п., но мы все-таки совершенно не желаемъ знать, что означаютъ эти термины, мы не желаемъ знать даже о существованіи психологіи. Съ своей стороны мы утверждаемъ слѣдующее: когда началась логическая обработка «данныхъ», тогда нѣтъ болѣе мѣста психологіи; но для того, чтобы правильно выяснить себѣ эти данныя, нужны предварительныя глубокія психологическія изслѣдованія.

Логика проф. Введенскаго выдержана въ строгомъ нео кантіанскомъ стилѣ. Въ этомъ и ея сила, и ея слабость. Задача нашей замѣтки показать, какъ защищаетъ проф. Введенскій наиболѣе существенные пункты нео-кантіанскаго формализма. Въ своей рецензіи на первое изданіе «Логики» проф. Введенскаго мы коснулись перваго основного вопроса кантіанской логики: различія между аналитическими и синтетическими сужденіями. Мы выразили сожалѣніе, что проф. Введенскій, оставшись въ узкомъ кругѣ идей правовѣрнаго кантизма, не попытался приспособить это безспорно-замѣчательное ученье Канта къ современнымъ условіямъ. Только что мы пытались охарактеризовать положенія проф. Введенскато во второмъ основномъ вопросѣ нео-кантіанской логики: въ вопросѣ о борьбѣ «формализма» съ «психологизмомъ».

Но есть еще одинъ основной пунктъ кантизма: вопросъ объ отношеніи между знаніемъ и вѣрой. Извѣстно, что, изгнавши въ «Критикѣ чистаго разума» всю «метафизику» изъ философіи, Кантъ, вслѣдъ затѣмъ, въ «Критикѣ практическаго разума» вновь водворилъ эту «метафизику» подъ защитой вѣры и нравственныхъ требованій; поэтому вопросъ о роли вѣры въ философіи является однимъ изъ основныхъ вопросовъ кантизма. Позиція проф. Введенскаго и въ данномъ случаѣ есть позиція правовѣрнаго кантіанца: такъ какъ нельзя ни доказать, ни опровергнуть существованіе объектовъ вѣры (т. е. Бога, безсмертія души и свободы воли), то мы обязаны вѣрить въ то, что соотвѣтствуетъ нашимъ нравственнымъ требованіямъ, т. е. обязаны допускать существованіе этихъ объектовъ нашей вѣры. Мы не будемъ касаться этого вопроса по существу. Мы коснемся лишь одного характернаго эпизода. Проф. Введенскій говоритъ: «психологически вѣра и знаніе ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга, такъ какъ одинаково сводятся къ переживанію увѣренности въ истинности нѣкоторыхъ мыслей. Разница между ними возникаетъ лишь въ томъ случаѣ, когда мысли, сопровождаемыя увѣренностью въ ихъ истинности, разсматриваются съ *логической* точки зрѣнія... тогда одна часть этихъ мыслей пріобрѣтаетъ одно названіе, а другая другое, именно—«знаніе» и «вѣра» (стр. 420). И далѣе: «вѣрой назы-

вается остатокъ, получаемый черезъ вычитаніе всего того, что принадлежитъ къ составу знанія, изъ совокупности тѣхъ мыслей, которыя сопровождаются увѣренностью въ ихъ истинности» (стр. 421). Думаемъ, что этотъ остатокъ лучше назвать не «вѣрой», а «предположеніемъ»; ибо вѣра *психологически* есть нѣчто до такой степени *отличное* отъ знанія, что заявить о томъ, будто вѣра и знаніе психологически ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются, проф. Введенскій могъ, конечно, только въ логикѣ, гдѣ ему «нѣтъ никакого дѣла до психологіи», но едва ли онъ рѣшится повторить это свое заявленіе, если издастъ курсъ психологіи. Вѣра отъ знанія отличается весьма рѣзко—присутствіемъ (и даже господствомъ) въ вѣрѣ *волевого элемента*. Безъ воли (желанія, стремленія) нѣтъ вѣры, а есть только знаніе и предположеніе. Своимъ волевымъ элементомъ вѣра превращаетъ спокойное и холодное предположеніе въ страстную увѣренность. Заявленіемъ о томъ, что мы обязаны вѣрить въ то, что соотвѣтствуетъ нашимъ нравственнымъ требованіямъ, Кантъ, а затѣмъ и проф. Введенскій, ввели въ свое ученіе не только психологію, но и онтологію: психологію—поскольку это ученіе просто опирается на тотъ фактъ, что мы склонны вообще смѣшивать наши волевыя стремленія съ познаніемъ; онтологію-же—поскольку она утверждаетъ, что это вполнѣ законно, что мы обязаны это дѣлать. Ибо говорить объ основаніи метафизики на нравственномъ требованіи можно лишь тогда, когда есть основаніе утверждать, что это нравственное требованіе возникло вслѣдствіе внѣчувственнаго воспріятія трансцендентныхъ вещей.

Вообще, вопросъ объ отношеніи вѣры къ знанію есть одинъ изъ самыхъ слабыхъ пунктовъ кантизма.

Гебгардъ. Исторія кооперативнаго движенія въ Финляндіи. Пер. подъ ред. и съ предисл. А. В. Меркулова. Спб. 1911.

«Весьма быстрый численный ростъ нашей коопераціи,—говоритъ въ предисловіи А. В. Меркуловъ,—далеко не соотвѣтствуетъ ея качественному уровню, и въ отношеніи устойчивости положенія кооперативовъ, и въ отношеніи пониманія ими кооперативной идеи, и въ отношеніи технической постановки дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на наличность въ Россіи уже теперь свыше 14.000 кооперативовъ, на очереди стоитъ созданіе многихъ тысячъ и даже десятковъ тысячъ новыхъ кооперативныхъ организацій». Въ виду этого «опытъ образцовой въ отношеніи постановки и организаціи кооперативнаго дѣла страны можетъ оказать существенную услугу дѣятелямъ русской коопераціи въ смыслѣ указанія путей къ улучшенію существующихъ кооперативовъ и правильной организаціи вновь возникающихъ».

Такой образцовой страной и является Финляндія, гдѣ коопе-

ративное движеніе, начавшись весьма недавно, достигло въ теченіе немногихъ лѣтъ чрезвычайно быстраго расцвѣта. «Планомѣрное, направляемое единой организаціей» развитіе кооперативовъ начинается съ 1899 года, а между тѣмъ уже въ 1910 г. насчитывалось около 2.000 кооперативовъ; въ 1903 г. въ составъ кооперативныхъ товариществъ входило около 20 тысячъ членовъ, а въ 1908 году уже 181 тыс., т. е. за 5 лѣтъ число членовъ увеличилось почти въ десять разъ. Обороты кооперативовъ достигали почти 40 милліоновъ рублей. Въ разсматриваемой книжкѣ д-ръ Гебгардъ, профессоръ аграрной политики въ гельсингфорскомъ университетѣ и предсѣдатель общества «Пеллерво», отъ котораго исходитъ современное кооперативное движеніе въ Финляндіи и которымъ оно направляется, даетъ очеркъ развитія и современнаго состоянія финскихъ коопераций.

Эти коопераціи состоятъ изъ трехъ группъ: кооперативныхъ маслодѣленъ, потребительныхъ обществъ и кредитныхъ кооперативовъ. Кооперативныя маслодѣлки, учрежденныя съ цѣлью устраненія скупщиковъ, стоятъ весьма высоко въ техническомъ отношеніи: 64 проц. пользуются паромъ въ качествѣ двигательной силы, 80 проц. снабжены сепараторами, а 20 проц. имѣютъ радіаторы и приготовляютъ сладкое масло. Они заботятся о раціональномъ кормѣ для коровъ и еще болѣе о чистотѣ стойлъ, коровъ, посуды; имѣются особые надзиратели за коровами, которые посѣщаютъ всѣхъ членовъ маслодѣльнаго кооператива и даютъ указанія. За наилучше содержимыя стойла установлены преміи. Благодаря прекрасному оборудованію маслодѣленъ и рѣдкой чистотѣ, «спеціалисты въ Англіи ставятъ финляндское масло уже наряду съ датскимъ и шведскимъ» (стр. 33). Конечно, такая организація дѣла требовала крупныхъ расходовъ: стоимость 222 маслодѣленъ (изъ 354 существовавшихъ въ 1909 г.) выражается суммой въ 6 милліоновъ финскихъ марокъ, т. е. въ среднемъ каждая маслодѣльня обошлась въ 27.000 мар. Такъ какъ большинство членовъ маслодѣленъ состоитъ изъ мелкихъ крестьянъ—всего 10 проц. членовъ имѣли по 15 и болѣе коровъ—то естественно, что маслодѣльни построены на занятый капиталъ. Однако, значительный капиталъ скопили и сами маслодѣльни — въ 1907 г. они имѣли уже 2 милліона марокъ собственнаго капитала.

Столь же успѣшно шло и развитіе потребительныхъ обществъ; послѣднія во многихъ случаяхъ имѣютъ и собственныя пекарни, заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ, колбасныя фабрики. Въ 1904 г. потребительные кооперативы объединились въ центральное общество, которое начало съ консультаціонной и ревизіонной дѣятельности на пользу развитія потребительныхъ товариществъ, но вскорѣ занялось и товарными операціями. Въ 1909 г. центральное общество оптовыхъ закупокъ имѣло шесть отдѣленій,

свыше 130 членовъ (кооперативовъ) и продало товаровъ на 14 милліоновъ марокъ.

Кредитные кооперативы учреждаются въ Финляндіи преимущественно по типу Райффейзена, хотя паи у нихъ обыкновенно значительны (50—60 мар.). Они выдаютъ ссуды на хозяйственныя надобности, обыкновенно небольшихъ размѣровъ, съ уплатой $5^1/_2$—6 проц. Оборотный капиталъ эти кооперативы получаютъ изъ центральной кредитной кассы; въ 1909 г. послѣдняя открыла имъ кредитъ въ общемъ на сумму около 4 милліоновъ мар. Центральная же кредитная касса, кредитующая своихъ членовъ—кредитные кооперативы, получила отъ государства капиталъ въ 4 милл. мар. въ качествѣ ссуды, которая и составляетъ ея оборотный капиталъ; кромѣ того она получаетъ отъ государства ежегодную субсидію въ 20.000 марокъ.

Централизація финляндскихъ кооперативовъ вообще сдѣлала быстрые успѣхи, въ особенности благодаря дѣятельности общества «Пеллерво» (это—названіе миѳологическаго существа, покровителя земледѣлія), которое явилось иниціаторомъ центральныхъ союзовъ и «черезъ своихъ инструкторовъ вело агитацію за присоединеніе мѣстныхъ кооперативовъ къ соотвѣтствующимъ центральнымъ учрежденіямъ». (Стр. 56). Оно явилось распространителемъ кооперативной идеи, оно составляло образцовые уставы для кооперативовъ различнаго рода, вырабатывало руководства для кооператоровъ по учрежденію и веденію всякаго рода товариществъ, создало спеціальную систему счетоводства для кооперативовъ, издало «всѣ конторскія счетоводныя книги, необходимыя для маслодѣленъ, кредитныхъ, молотильныхъ товариществъ, товариществъ для добыванія торфа и товариществъ для закупки товаровъ». Общество «Пеллерво» устраиваетъ конгрессы для обсужденія вопросовъ кооперацій, и «эти конгрессы съ ихъ докладами, рѣчами и торжествами приняли характеръ настоящихъ народныхъ праздниковъ, какихъ раньше никогда не было въ области хозяйственной жизни страны». Въ настоящее время имъ учреждена въ Гельсингфорсѣ Высшая кооперативная школа для подготовки дѣятелей по кооперацій.

Для русской читающей публики книга Гебгарда представляетъ несомнѣнный интересъ. Она сообщаетъ въ сжатой формѣ богатый матеріалъ, показываетъ, какъ небольшой группѣ интеллигентныхъ людей при сочувствіи массъ населенія и содѣйствіи государства (сейма) удалось достигнуть крупныхъ результатовъ—сдѣлать Финляндію страной кооперативовъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи, по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Кн-ское Т-во „Просвѣщеніе". Спб. 1911.—***Н. А. Добролюбовъ.*** Собраніе сочиненій. Томы V, VI, VII, VIII. Подъ ред. Вл. П. Кранихфельда. Ц. 4 р.—***Д. Л. Айвманъ.*** Собр. соч. Т. II. Ц. 1 р 25 к.—***Г. А. Мачтетъ.*** Полное собр. соч. Подъ ред. и съ критико-біограф. очеркомъ Д. П. Сильчевскаго. Т. VI. Ц. 1 р.—***Ольга Шапиръ.*** Собр. соч. Т. VIII. Ц. 1 р. 60 к.—***А. И. Левитовъ.*** Собр. соч. Т. VII. Ц. 1 р.—***Вл. С. Соловьевъ.*** Собр. соч. Т. Ш. Изд. 3. Ц. 2 р.

Кн-во „Современныя Проблемы". М. 1912 г.—***Піо Бароха.*** Собр. соч. Т. I. Путь къ совершенству. Ц. 1 р. 25 к. — ***Менделе-Мойхеръ-Сфоримъ*** (Ш. Я. Абрамовичъ). Собр. соч. Т. I. Въ долинѣ плача. Ц. 1 р.—Д-ръ ***Симонъ.*** Гигіена женщины. Пер. д-ра М. Кобылиной. Ц. 2 р.—***Герм. Бангъ.*** Собр. сочин. Т. VIII. Четыре дьявола. Ц. 1 р.

Изд. Л. Л. Мищенко. Спб. 1912. — ***Л. Л. Мищенко.*** Романъ поручика. Ц. 35 к.—***Его же.*** Хуторъ на грунтовой дорогѣ. Ц. 35 к.—***Его же.*** Изъ міра дѣтей. Ц. 35 к.—***Его же.*** Забытое письмо. Ц. 35 к.—***Его же.*** Южный альбомъ. Ц. 35 к.—***Его же.*** На служебномъ посту. Ц. 50 к.—***Его же.*** Чья вина? Ц. 50 к.—***Его же.*** Психологія воображенія. Ц. 75 к.—***Его же.*** Благодатные острова. Ц. 25 к.—***Его же.*** Летающіе люди. Преданія и легенды. Ц. 50 к.

Изд. Т-ва „Общественная Польза". Спб. 1912.—***Владисл. Яблонскій.*** Вокругъ сфинкса. Авториз. пер. съ польскаго Л. Симсонъ. Ц. 1 р.—***Н. А. Гредескулъ.*** Терроръ и охрана. Ц. 30 к.—***Ал. Рославлевъ.*** Сказки.

Изд. Н. Н. Клочкова. М. 1912 г.—***А. М. Ѳедоровъ.*** Собр. соч. Т. II. Утро. Т. III. Судьба. Т. IV. Мой путь. Т. VI. Бумажное царство. Ц. по 1 р. 25 к. за томъ.—***Павелъ Гейзе.*** Дѣти вѣка 4 части. Ц. 4 р. 75 к.

Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1912.—***Д. В. Философовъ.*** Старое и новое. Сборникъ статей по вопр. искусства и литературы. Ц. 1 р. 25 к.—***А. Яблоновскій.*** Родныя картинки. 2 т. Ц. 2 р.—***Его же.*** Разсказы. Ц. 1 р.—***В. Перцевъ.*** Учебникъ древней исторіи. Ч. 1-я. Греція. Ц. 80 к.—***Г. А. Уэнтуортъ*** и ***Е. М. Ридъ.*** Первоначальная ариѳметика. Ц. 75 к.—***Л. Н. Толстой.*** Разсказы для дѣтей. 6 книжекъ.—Для крестьянъ: ***Д. И. Кирсановъ.*** Овесъ. Ц. 8 к.—***Юр. Макаренко*** Чѣмъ и какъ удобрять землю. Ц. 12 к. — ***К. Швецовъ*** и ***И. Кормышевъ.*** Воздѣлываніе томата. Ц. 12 к.

Изд. Н. П. Карбасникова. Спб. 1912 г.—***Абель Рей.*** Современная философія. Пер. подъ ред. В. Базарова. Ц. 1 р. 60 к.—Вѣчность бытія. Ц. 30 к.

Изд. В. М. Саблина, М. 1912.—***Кл. Фибихъ.*** Собр. соч. Т. VIII. Святая простота. Ц. 1 р.—***Г. Бангъ.*** Собр. соч. Т. X. Безъ родины. Ц. 1 р. – ***Вл. Реймонтъ.*** Мужики. Кн. II, III и IV. Ц. 3 р. 75 к. ***Л. Н. Толстой.*** Первая, вторая, третья и четвертая книги для чтенія. Ц. 20 к.—***И. И. Поповъ.*** Великая могила прошлаго. Ц. 1 р. 60 к. — Проф. ***Т. Бругшъ.*** Діэтетика внутреннихъ болѣзней. Ц. 2 р.—***Н. Казанцевъ.*** Учебникъ географіи россійской имперіи. Ц. 1 р. 25 к.—***Людвигъ Іостъ.*** Лекціи по физіологіи растеній. Ч. 1-я. Ц. 2 р. 50 к.—***К. Гагенбекъ.*** О животныхъ и людяхъ.

Изд. Акц. О-ва Типографск. Дѣла въ Спб. 1912 г.—Всеобщая библіотека. — ***Маркъ Твэнъ.*** Приключенія Финна. Ц. 30 к.—***Дж. Свифтъ.*** Путешествіе Гуливера. Ц. 20 к.—***Эмиль Жебаръ.*** Сандро Ботичелли. Ц. 20 к — Проф. ***Г. Сэайль.*** Антуанъ Ватто. Ц. 10 к.—***Г. Сенъ-Симонъ.*** Собран. соч. Т. I. Ц. 20 к.—***Ол. Гольдсмитъ.*** Векфильдскій священникъ. Ц. 30 к.—***М. Конопницкая*** Избр. стихотворенія. Ц. 10 к. — ***Поль Верлэнъ.*** Избр. стихотворенія Ц. 10 к —***Шарль Бодэлэръ.*** Цвѣты зла. Ц. 10 к. — ***Дж. Флетчеръ.*** О государствѣ русскомъ. Ц. 20 к.—Положеніе о выборахъ въ Госуд. Думу. Ц. 20 к

Кн-во „Мусагетъ". М. 1912 г. — ***Алек. Блокъ.*** Собр. стихотвореній.

Кн. II. Ц. 1 р. 50 к.—***Пауль Дейсенъ***. Веданта и Платонъ въ свѣтѣ кантовой философіи. Ц. 40 к.—***Андрей Бѣлый***. Трагедія творчества—Достоевскій и Толстой. Ц. 40 к.

Изд. Я. Башмакова и К°. 1911 г.—***В. Д. Сиповскій***. Избр. педагогическія сочиненія. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. т-ва „Знаніе". Спб. 1912 г.—***Мих. Пришвинъ***. Разсказы. Т. I. Ц. 1 р.

А. Ф. Мейснеръ. Листья. Пятая книга стиховъ. Спб. 1912. Ц. 50 к.

Бенедиктъ Лившицъ. Флейта Марсія. Первая книга стиховъ. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Кн-во „Освобожденіе". Спб. 1912 г.—***С. Подъячевъ***. Разсказы. Кн. 2-я. Ц. 1 р. 25 к.

Р. В. Ивановъ. Стихотворенія и шутки. Спб. 1912. Ц. 1 р.

Леонидъ Видеманнъ. Мой сборникъ. Ч. I. Харьковъ. 1912.

Іосифъ Аберсонъ. Наболѣвшія души. Разсказы. Баку. 1912. Ц. 50 к.

Эдгаръ По. Собр. соч. въ пер. съ англ. К. Д. Бальмонта. Т. V. Ц. 2 р. Книгоиздательство „Скорпіонъ".

К. С. Орленко. Свобода - сказка въ 4-хъ картинахъ. Спб. 1911.

Мих. Тихоплесецъ. Звенья. Разсказы. М. 1912. Ц. 50 к.

Влад. Шуфъ. Гекзаметры. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Анна Ванъ-Ли. Маргарита Ге. Драма. М. 1912. Ц. 40 к.

Левъ Ждановъ. Послѣдній фаворитъ (Екатерина II и Зубовъ), М. 1911. Ц. 1 р. 75 к.

Левъ Зиловъ. Дѣдъ. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Анат. Бурнакинъ. Разлука. Пѣсенникъ. 2 изд. М. 1912. Ц. 10 к.

Діалоги. М. 1912. Ц. 40 к.

Жипъ. Романъ котика. Русск. книго-во въ Парижѣ. Ц. 85 к.

Алекс. Дьяконовъ. Ничто. Повѣствованіе. М. 1912. Ц. 1 р.

Г. М. Барацъ. О библейскомъ элементѣ въ Словѣ о полку Игоревѣ. Кіевъ. 1912. Ц. 40 к.

Д-ръ ***Поль Дюбуа***. Самовоспитаніе. Пер. Н. Пальчинской. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Вал. Булгаковъ. Университетъ и университетская наука. 1912. Ц. 30 к.

Е. М. Витошинскій. Русскіе писатели XIX в. В. I. А. С. Пушкинъ. 1911. Ц. 35 к.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Съ благотворительной цѣлью: отъ свящ. Голубятникова—3 р.; черезъ М. П.—38 р.; отъ П. И. Ч. изъ Глѣбова—2 р.

Итого. . . 43 р. — к.

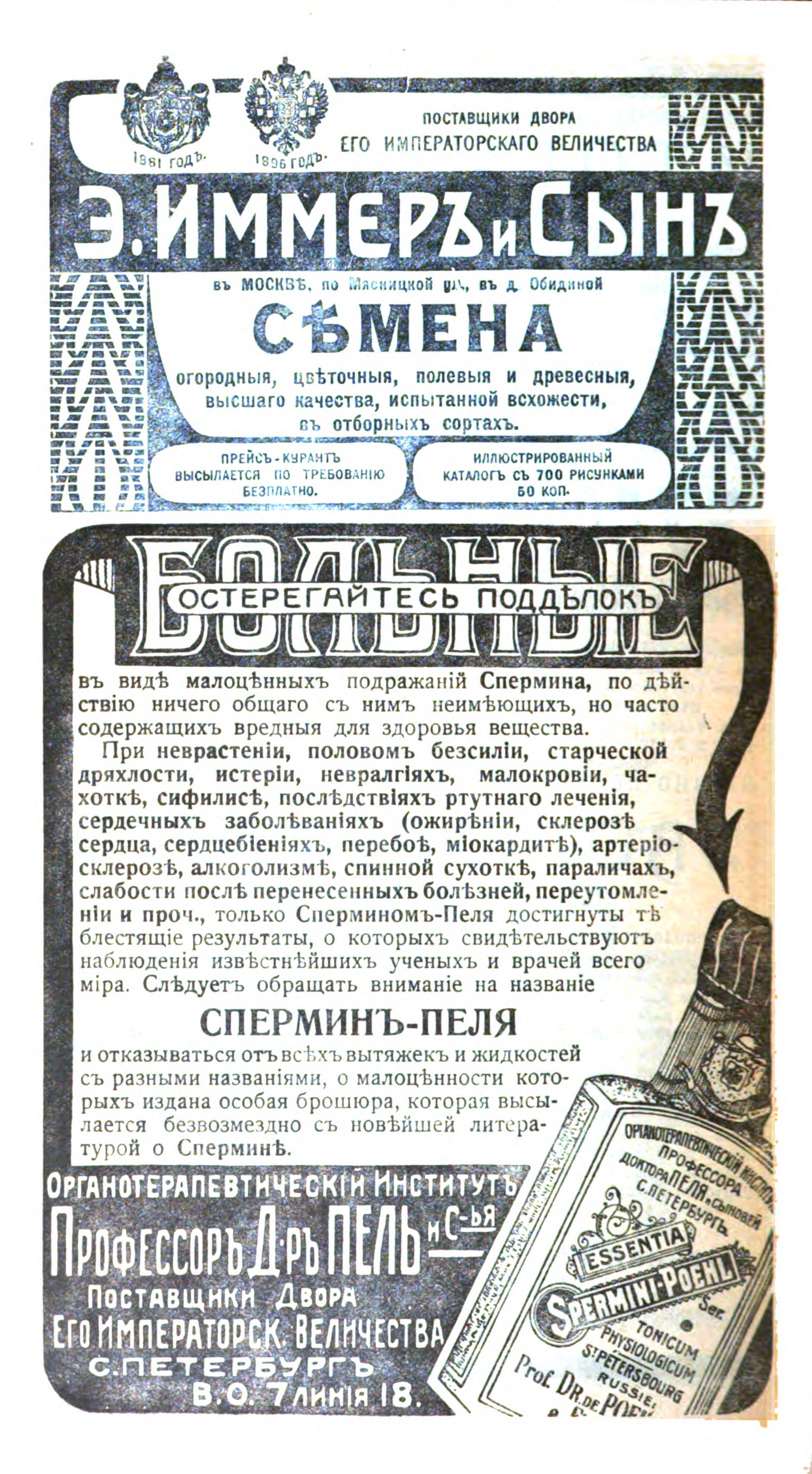
На школу имени Г. И. Успенскаго: отъ Ан—скаго. . . 3 р.

Въ распоряженіе В. Г. Короленко: черезъ А. Ф. Рябовича—50 р.; отъ г-на З.—1000 р.; отъ В. и К. Зотиныхъ—20 р.

Итого. . . 1070 р. — к.

Редакторъ-издатель ***Вл. Г. Короленко***.

ПРОТИВЪ
ГОНОРРЕИ
НОВѢЙШЕЕ ВНУТРЕННЕЕ СРЕДСТВО
„АРОВИНЪ"
ВЪ КАПСЮЛЯХЪ
ГЕДЕКЕ и К°
Дѣйствуетъ быстро и энергично, успокаиваетъ боль, не распространяетъ дурного запаха изо рта и совершенно безвреденъ.
Рекомендуется одинаково въ хроническихъ и острыхъ случаяхъ, также при бѣляхъ у женщинъ.
Средство это испытано многими врачами, продается въ металлическихъ коробкахъ. Большая коробка 1 р. 50 к., малая коробка 1 рубль.
Продажа въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

1881 годъ.
1896 годъ.
ПОСТАВЩИКИ ДВОРА
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
Э. ИММЕРЪ и СЫНЪ
въ МОСКВѢ, по Мясницкой ул., въ д. Обидиной
СѢМЕНА
огородныя, цвѣточныя, полевыя и древесныя, высшаго качества, испытанной всхожести, въ отборныхъ сортахъ.
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ТРЕБОВАНІЮ БЕЗПЛАТНО.
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ СЪ 700 РИСУНКАМИ 50 КОП.
БОЛЬНЫЕ
ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ
въ видѣ малоцѣнныхъ подражаній Спермина, по дѣйствію ничего общаго съ нимъ неимѣющихъ, но часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.
При неврастеніи, половомъ безсиліи, старческой дряхлости, истеріи, невралгіяхъ, малокровіи, чахоткѣ, сифилисѣ, послѣдствіяхъ ртутнаго леченія, сердечныхъ заболѣваніяхъ (ожирѣніи, склерозѣ сердца, сердцебіеніяхъ, перебоѣ, міокардитѣ), артеріосклерозѣ, алкоголизмѣ, спинной сухоткѣ, параличахъ, слабости послѣ перенесенныхъ болѣзней, переутомленіи и проч., только Сперминомъ-Пеля достигнуты тѣ блестящіе результаты, о которыхъ свидѣтельствуютъ наблюденія извѣстнѣйшихъ ученыхъ и врачей всего міра. Слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе
СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ
и отказываться отъ всѣхъ вытяжекъ и жидкостей съ разными названіями, о малоцѣнности которыхъ издана особая брошюра, которая высылается безвозмездно съ новѣйшей литературой о Сперминѣ.
ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ
ПРОФЕССОРЪ Д-РЪ ПЕЛЬ и С-ЬЯ
Поставщики Двора
Его Императорск. Величества
С.ПЕТЕРБУРГЪ
В.О. 7 линія 18.
ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ ПРОФЕССОРА ДОКТОРА ПЕЛЯ и СЫНОВЕЙ С.ПЕТЕРБУРГЪ
ESSENTIA
SPERMINI-POEHL
TONICUM PHYSIOLOGICUM
St PETERSBOURG
RUSSIE

СРЕДСТВО отъ ГЕМОРРОЯ
ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ
ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ ПЕЛЬ и СЫНОВЬЯ
С.ПЕТЕРБУРГЪ, Вас. остр. 7 лин. д. № 18.
ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ
(PROCTOL-POEHL)
Суппозиторіи (свѣчки) противъ ГЕМОРРОЯ. Останавливаютъ КРОВОТЕЧЕНІЕ. Укрѣпляютъ слизистую оболочку и способствуютъ сморщиванію и исчезновенію шишекъ. Устраняютъ: БОЛЬ, ЗУДЪ и ЖЖЕНІЕ. Оказываютъ ПРОТИВОВОСПАЛИТЕЛЬНОЕ дѣйствіе.
Цѣна коробки 1р. 50к.

КРУПНѢЙШІЙ ВЪ РОССІИ

Книжный складъ А. К. ГОМУЛИНА.

насчитывающій у себя до 1.000.000 томовъ разныхъ книгъ, скупленныхъ у многихъ издательствъ и закрывшихся магазиновъ,

продаетъ и высылаетъ лучш. книги со скидкою до 70%.

Исторія нашего столѣтія (1815—1899 г.). Капитальн. трудъ изв. датск. ученаго А. Торсое. Перев. подъ ред. проф. Лучицкаго. 2-ое дополн. изд. Одобр. Уч. Комит. М. Н. П. для фундаментальн. библ. средн. уч. зав. 2 тома 1010+XXXVIII стр. вмѣсто 3 р. за **1 р. 50 к.**

Очерки по исторіи Германіи въ XIX в. Т. I-й. Происхожденіе современной Германіи. Пер. съ нѣмецк. подъ редакц. В. Базарова и И. Степанова. Изд. 2-е Стр. IV+568. Спб. 1906 г. Ц. 1 р. 50 к. за **75 к.**

М. Бахъ. Австрія въ первую половину XIX вѣка. Пер. съ нѣмецк. подъ ред. Базарова и Степанова. Спб. 1906 г. Ц. 2 р. за **75 к.**

А. Оларъ. Политическая исторія французской революціи. Пер. съ франц. Н. Конневской. Стр. 952. Москва. 1902 г. Ц. 3 р. за **1 р. 50 к.**

Содержаніе: Происхожденіе демократіи и республики (1789—1792 г.)—Демократическая республика (1792—1795 г.). — Буржуазная республика (1795—1799 г.). — Плебисцитарн. республика (1799—1804 г.).

К. Марксъ. Собраніе историческихъ работъ. I. Классовая борьба во Франціи 1848—1850 г.—II. 18-е брюмера. — III. 1848 годъ въ Германіи. Полный перев. съ нѣм. подъ ред. Базарова и Степанова Ц. 1 р. за **50 к.**

Ж. Вейль. Исторія республиканской партіи во Франціи. (1814—1870). Пер. съ франц. П. Батина. Ц. 2 р. за **75 к.**

Г. Кохъ. Очерки по исторіи политическихъ идей и государственнаго управленія. Ч. I. Абсолютизмъ и парламентаризмъ. Ч. II. Демократія и конституціонализмъ. Перев. съ нѣм. О. Вольценштейнъ подъ редакц. З. Авалова. Ц. 1 р. 50 к. за **75 к.**

А. Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ. Ц. 50 к. за **25 к.**

Э. Вандервельде. Бѣгство въ города и обратная тяга въ деревню. Перев. съ франц. Л. Никифорова. Ц. 1 р. за **50 к.**

О демократіи въ Америкѣ. Соч. Ал. де-Токвиля. Перев. съ 14-го фр. изд. 620 стр. Вм. 2 р. 50 к. за **1 р. 25 к.**

Вселенная и человѣчество. Исторія земли, небесныхъ свѣтилъ, растит. міра, царства животныхъ и культурное развитіе человѣчества съ доисторич. эпохъ до настоящ. времени, около 2.000 стр, 868 иллюстр. въ роскошномъ переплетѣ. Ц. вм. 8 р. за 3 р., безъ переп. 2 руб.

Отто Вейнингеръ. Полъ и характеръ. Книга извѣстна. Послѣдн. лучш. изд.: 1912 г., 312 стр. съ портр. автора. Ц. 2 руб. за 1 руб.

Форель, проф. Половой вопросъ. Естественно-гигіеническое и психологическое изслѣдованіе. Съ портр. автора и рисунками въ краскахъ. Въ 2 томахъ. Ц. вм. 2 р. 50 к. за 1 р. 50 к.

Необходимая книга для женщинъ. Анатомія и физіологія женскихъ половыхъ органовъ. Половая жизнь. Зачатіе. Беременность. Діэтика. Патологія беремен. Преждевремен. (искусств.) прекращеніе беремен. Происхожд. пола. Законный искусств, выкидышъ. Ц. вм. 2 р. за 1 р.

Головоломка. Гимнастика и развитіе ума. Математическія развлеченія. Игры. Задачи. Загадки. Шарады. Домино. Шашки. Шахматы. Ребусы. Фокусы и др. развлеченія. Ц. вм. 50 к. за 30 к.

Прошу слова. Застольныя рѣчи и спичи. Ц. вм. 1 р. 50 к. за 75 к.

Интересный собесѣдникъ, или искусство быть всегда занимательнымъ въ обществѣ (Хорошій тонъ). Руковод. для дамъ и мужчинъ съ прилож. игръ, фантовъ, забавныхъ шутокъ, карточн. фокусовъ, пасьянсовъ, и акростиховъ, женск. именъ, рѣчей и тостовъ на общественныя и иныя темы, съ образцами любовныхъ и другихъ писемъ. Ц. 1 руб., въ перепл. 1 р. 50 к.

Какъ сдѣлаться сильнымъ и здоровымъ, домашн. гимнастика съ 38 рис. и 2 отд. табл. съ прилож. сист. Мюллера и Джіу Джицу. Ц. вм. 50 к. за 25 к.

Пересылка по существ. тарифу за счетъ покупателей. При болѣе крупн. заказ. треб. задатокъ $1/_3$ слѣд. суммы; мелк. суммы можно марками.

